





# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ  
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIV-й.

АПРѢЛЬ.

1903 годъ.

## СОДЕРЖАНІЕ:

- |   |         |   |         |
|---|---------|---|---------|
| I. Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ. Н. Дубровина.....  | 5— 27   | XIII. Россія и папскій престолъ. 1580—1601 гг. Извлечение изъ сочиненія П. Пирлинга, В. В. Тимощукъ.....  | 209—240 |
| II. Сперанскій въ 1808—1811 г. (Изъ бумагъ академика А. Ф. Бычкова). Сообщилъ И. А. Бычковъ. ....                     | 29— 40  | XIV. Записная книжка „Русской Старины“. Неизданное стихотвореніе В. А. Жуковского цесарев. Александру Николаевичу. Сообщ. И. А. Бычковъ (стр. 28). — Посланіе бывшимъ кадетамъ, въ 171-ю годовщину основанія 1-го кадетскаго корпуса, 17 февр. 1903 г. А. С—ва. (76). — Письмо Н. М. Карамзина къ Н. Я. Плюсковой. 25 мая 1820 г. Сообщ. И. А. Бычковъ. (98). — Запрещеніе устраивать императору встрѣчи. 1-го сентября 1801 года. (142). — Увѣковѣченіе памяти кн. Репнина, 12-го іюля 1801 г. (154). — Объ оставленіи цензора С. Н. Глинки въ маіорскомъ чинѣ. 6 іюля 1828 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (162). Дурная постройка Одесскаго чумнаго карантиннаго квартала ия послѣдствія. 4-го іюля 1828 г. (208). |         |
| III. Записки Н. Г. Залѣсова. Сообщила Н. Длуеская. ....   | 41— 64  |   |         |
| IV. Изъ прошлаго. Затихъ. П. Д. Паренцова....   | 65— 75  |   |         |
| V. Письма императрицы Маріи Теодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ. .... | 77— 97  |   |         |
| VI. Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 г. И. И. Орловскаго.....                               | 99—116  |   |         |
| VII. Записки Э. И. Стогова. ....  | 117—141 |   |         |
| VIII. Къ біографіи Н. М. Языкова, В. Шенрока... ..  | 143—153 |   |         |
| IX. Марина Мнишекъ и шахъ Аббасъ II. Георгія Синюхаева.....   | 155—161 |   |         |
| X. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. ....  | 163—182 |   |         |
| XI. Четыре письма Владиміра Федосеевича Раевского къ сестрѣ его В. Ф. Половой. Сообщилъ Владиміръ Раевскій.....       | 183—188 |   |         |
| XII. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. ....  | 189—207 | XV. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).   |         |

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Николая Гавриловича Залѣсова.

2) При этой книгѣ «Русской Старины» вѣтъ гг. подписчикамъ разсылается объявленіе о третьемъ изданіи «Словаря Даля», выпускаемомъ Т-вомъ М. О. Вольфъ подъ редакціей проф. Спб. университета А. И. Бодуэна-Де-Куртенз.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стр. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,  
Большая Подъяческая, № 39.  
1903.



IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1903 года.



## Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михайловичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи Императора Александра I. Томъ первый. С.-Петербургъ, 1903 г.

Изъ всѣхъ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи родъ Строгановыхъ,—говоритъ въ своемъ введеніи высокій авторъ разсматриваемаго нами историческаго изслѣдованія, представляющаго собою солидный вкладъ въ нашу историческую литературу,—значительно выдѣляется своими государственными заслугами. Эти славныя ихъ дѣянія отмѣчены въ пожалованныхъ грамотахъ, милостивыхъ рескриптахъ и не должны быть забыты исторіей.

7-го іюля 1446 года великій князь Василій Васильевичъ Темный былъ взятъ въ плѣнъ татарами подъ г. Суздалемъ; татары требовали 200.000 руб. выкупа и, въ случаѣ отказа, грозили убить великаго князя; государственная казна была пуста,—Строгановы внесли выкупъ, и 1-го октября того же года великій князь В. В. Темный былъ освобожденъ изъ плѣна.

Въ 1572 году царь Іоаннъ Васильевичъ предоставилъ Строгановымъ выбрать изъ собственного ихъ войска «голову добру (предводителя) и съ нимъ казаковъ со всякимъ оружіемъ и ходитъ войною и воевать измѣнниковъ: черемисъ, остяковъ, вотяковъ и пагайцевъ». Строгановы исполнили государеву волю и «привели означенные народы подъ высокую государскую руку».

Въ 1579 году враждебныя племена нападали на русскія земли и грабили селенія и слободы Строгановыхъ; царь Іоаннъ Васильевичъ не могъ оказывать имъ защиты,—Строгановы призвали съ Волги Ермака Тимофеевича съ 80 казаками, присоединили къ этой небольшой дружинѣ 2.047 челов. изъ собственного войска, и Ермакъ, нападаая, какъ сказано въ грамотѣ, «незначъ» (печально) и «по одинаку» (порознь на каждое племя),—привелъ русскую границу въ совершенную безопасность.

Всѣгда за тѣмъ Строгановы «умислили взять Сибирь и привести ее подъ высокую государскую руку»: они усилили отрядъ Ермака еще 5.000 «срѣтнихъ людей», снабдили ихъ «деньгами, платьемъ, обувью, оружіемъ, порохомъ, свинцомъ и всякими припасами», отравили водою «на великомъ множествѣ плоскодонныхъ судовъ» и, какъ сказано въ грамотѣ, «тою службою и радѣньемъ и высылкою людей Сибирское государство они взяли, татаръ, остяковъ и вогуличъ подъ высокую Царскую руку привели».

Въ 1616 году Строгановы, «употребивъ къ тому много людей, денегъ и оружія», усмирили казанскихъ татаръ и черемисъ и освободили отъ ихъ осады города Осу и Сарангуль.

Въ смутное время Строгановы «поморскіе и казанскіе города отъ шаткости укрѣпляли, въ Казань и во многія другія мѣста посылали вѣрныхъ своихъ людей, съ увѣщаніемъ стоять за Царя и не вѣрять измѣнникамъ».

Въ Московское разореніе Строгановы пожертвовали въ царскую казну 423.706 руб., да въ смоленскую службу дали на жалованье рат-

нымъ людямъ 418.056 руб. 9 алтынъ серебромъ, «и сихъ денегъ обратно изъ казны не взяли, въ томъ прибыли не искали; а служили Государю и государству вѣрою и правдою».

Въ 1663 году, когда уфимскіе башкиры измѣнили царю, Строгановы съ пермскихъ своихъ вотчинъ поставили и вооружили съ каждаго пяти дворовъ по одному человѣку, и рать эта стояла въ Кунгурѣ и на Степановѣ-Городищѣ, защищая край отъ башкиръ многіе годы «безъ всякой отъ Царской казны помощи».

Въ 1790 году, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, «подражая ревностной любви къ отечеству своихъ предковъ», какъ сказано въ прошеніи, поданномъ имъ императрицѣ Екатерины II, отказывается отъ 10.000.000 десятинъ пожалованной предкамъ его земли — «по собственной и доброй волѣ» оставлять тѣ мѣста за казенными заводами и государственными селеніями.

Наконецъ, въ наши дни, при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, графъ Серг. Григорьевичъ Строгановъ по устаннымъ грамотамъ пожертвовалъ въ пользу своихъ бывшихъ крѣпостныхъ болѣе 2.300.000 руб. выкупныхъ платежей.

При разработкѣ словой эпохи Императора Александра I, личность графа Павла Александровича Строганова, среди разнохарактерныхъ сотрудниковъ государя, обращаетъ на себя особенное вниманіе.

Описанію жизни и дѣятельности Павла Александровича, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, и посвящаетъ трудъ высокаго автора, составленный на основаніи цѣлой серіи еще не изданныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ графа С. А. Строганова, князя П. П. Голицына, и официальныхъ документовъ, находящихся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба.

Книга состоитъ изъ предисловія, введенія, пяти главъ текста, снабженнаго прекрасно исполненными иллюстраціями и родословной таблицы; обильныя приложенія, напечатанныя за текстомъ, даютъ возможность ознакомиться съ множествомъ неизданныхъ документовъ; въ концѣ помѣщенъ списокъ изданій, упоминаемыхъ въ изслѣдованіи, и указатель личныхъ именъ.

Первая глава посвящена родителямъ графа Строганова и особенно его отцу, графу Александру Сергѣевичу. Главною страстью графа А. С. Строганова была его любовь къ искусствамъ и наукамъ; на этомъ поприщѣ онъ явился дѣйствительно покровителемъ всѣхъ русскихъ талантовъ въ области живописи, вааян и литературы, и никогда не жалѣлъ ни средствъ, ни труда, чтобы придти къ нимъ на помощь. Съ самаго основанія Академіи художествъ, съ 1768 г., графъ А. С. Строгановъ былъ избранъ почетнымъ ея членомъ, а въ 1800 г. назначенъ президентомъ. Онъ состоялъ во главѣ лицъ, занимавшихся составленіемъ обширнаго и любопытнаго проекта устройства Публичной библіотеки и общества для печатанія книгъ и переводовъ. При учрежденіи Государственнаго Совѣта графъ А. С. былъ въ числѣ первыхъ 27-ми членовъ (считая и министровъ) этого





НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ  
ЗАЛѢСОВЪ.



*Russkaja starina*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ  
НАШЕЙ РОДИНЫ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1902

ВЪЗНЕСЕНА НА ПЕЧАТЬ

ПРОДАЖА И ПОДПИСКА

UNIVERSITY  
OF  
TORONTO

ВЪЗНЕСЕНА НА ПЕЧАТЬ

832







*Russkaja starina*

# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1903.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

DK

1

R59

v 114



INDIANA UNIVERSITY  
LIBRARIES  
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1903.

SSP





*Russkaja starina*

# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

---

1903.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ЮНЬ.

---

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

---

ТОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

DK

1

R59

v 114



INDIANA UNIVERSITY  
LIBRARIES  
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1903.

S 12

2 - 12 - 18



ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

# „РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1903 годъ.

---

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

**Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.**

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

---

\*

**ПРОДАЕТСЯ КНИГА:**

**И С Т О Р І Я**  
**КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ**  
**И**  
**ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.**

**Н. О. ДУБРОВИНА.**

---

**ТРИ ТОМА,**

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться

въ Товарищество «Общественная Польза», СПБ. Большая

Подъяческая, № 39.

---





## Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ <sup>1)</sup>.

**Р**азбитый нравственно и физически В. Н. Каразинъ жилъ безвыѣздно въ своей деревнѣ, до вступленія на престолъ императора Николая I. 18-го сентября 1826 года онъ обратился къ молодому императору съ просьбою о снятіи съ него запрещенія, и ему было разрѣшено жить, гдѣ пожелаетъ, даже въ Москвѣ, но кромѣ Петербурга, «съ тѣмъ, чтобы воздерживался отъ всякаго сужденія, до него непринадлежащаго». Но и послѣ этого разрѣшенія Каразинъ оставался въ деревнѣ, занимался улучшеніемъ

---

<sup>1)</sup> Василий Назарьевичъ Каразинъ родился 30-го января 1773 года въ селѣ Кручикѣ, Слободско-Украинской губерніи, Богодуховскаго уѣзда. Начальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ родителей, а затѣмъ въ кременчугскомъ и харьковскомъ частныхъ пансіонахъ. По окончаніи въ нихъ курса, онъ продолжалъ образованіе въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ предался любимымъ своимъ занятіямъ—изученію человека и природы; занимаясь ими и впослѣдствіи, онъ не рѣдко удивлялъ разнообразіемъ своихъ знаній.— „Страсть моя къ наукѣ, писалъ онъ въ 1798 году, и родъ философской жизни, какую я вести началъ почти съ дѣтства моего, наконецъ, самое здоровье отягекли меня отъ мысли о продолженіи службы навсегда“.

Счастливый въ своемъ кабинетѣ или „въ сельской рошѣ своей“, В. Н. Каразинъ предавался изученію Россіи и ея нуждъ. Онъ предпринялъ рядъ путешествій по губерніямъ и пришелъ къ мысли, что, при тогдашнемъ тяжеломъ положеніи Россіи, лучше всего оставить ее и переселиться за границу, гдѣ „среди просвѣщеннаго общества, среди природы, искусствомъ доведенной до завиднаго совершенства, среди лучшихъ способовъ питать свою нравственность“. Когда на просьбу его о дозволеніи ѣхать за границу послѣдовалъ отказъ императора Павла, то Каразинъ рѣшился уѣхать тайно, но былъ задержанъ, у Ковно, при переправѣ черезъ Нѣманъ, и посаженъ на гауптвахту. Чистосердечное изложеніе причинъ, по которымъ онъ же-

сельскаго хозяйства, упорядоченіемъ своихъ отношеній къ крестьянамъ и составленіемъ разнаго рода проектовъ.

хотѣлъ покинуть Россію, тронуло императора Павла. Онъ простилъ В. Н. Каразина и зачислилъ его на службу въ канцелярію государственнаго казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора, коллежскимъ переводчикомъ.

Черезъ нѣсколько дней, по вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Александръ I нашелъ у себя на столѣ записку, поразившую его своимъ содержаніемъ. Въ ней наложена была программа царствованія, котораго Россія ожидала отъ Александра. Молодой императоръ поручилъ графу Палену и Д. П. Троицкому узнать, кто авторъ записки, и по донесеніи ему, что это молодой чиновникъ, В. Н. Каразинъ, приблизилъ его къ себѣ настолько, что бесѣдовалъ съ нимъ въ своемъ кабинетѣ и предоставлялъ ему право непосредственной съ нимъ переписки. Каразинъ принималъ участіе въ обсужденіи и составленіи проектовъ самаго разнообразнаго содержанія и пользовался безграничнымъ довѣріемъ государя. Въ первое свиданіе съ императоромъ, на вопросъ его, съ чего начать реформы, Каразинъ отвѣчалъ: „конечно съ образованія народнаго“, и подаль мысль о необходимости устройства отдѣльнаго вѣдомства, которое завѣдывало бы и распоряжалось самостоятельно столь важною частью государственной жизни. Императоръ Александръ раздѣлялъ эту мысль и согласно просьбы Каразина поручилъ ему прежде всего заняться „начертаніемъ плана“ Харьковскаго университета. Лѣтомъ 1802 года, Василій Назарьевичъ отправился въ Харьковъ и въ многочисленномъ собраніи дворянъ Слободско-Украинской губерніи произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ взглядъ императора на устройство въ Харьковѣ университета. Дворянство рѣшило внести съ доходовъ своихъ имѣній 400 тысячъ руб. на обезпеченіе существованія университета. Когда Каразинъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ возвратился въ Петербургъ, то нашелъ свое положеніе при государѣ значительно пошатнувшимся. Враги успѣли представить его императору Александру въ непривлекательномъ свѣтѣ, какъ человѣка заносчиваго, возгордившагося своимъ положеніемъ и находящагося не у мѣста. Каразинъ не былъ принятъ государемъ и получилъ приказаніе всѣ дѣла по Харьковскому университету передать въ только-что устроенное тогда министерство народнаго просвѣщенія. Самъ онъ назначенъ былъ правителемъ дѣлъ комиссіи, при предсѣдателѣ графѣ Заводовскомъ (министрѣ народнаго просвѣщенія) и членахъ кн. А. Чарторыйскомъ, графѣ Потоцкомъ, Клингерѣ, Хитрово и академикахъ Озерецковскомъ и Фусѣ. Всѣ эти лица были нерасположены къ Каразину, и онъ, при всемъ своемъ рвеніи, встрѣчалъ постоянно препятствія и затрудненія. Тогда, пылкій по характеру, онъ рѣшился написать письмо государю, въ которомъ указывалъ на безпечность министерства, медленный ходъ дѣлъ и явное къ себѣ нерасположеніе. Содержаніе письма не могло, конечно, остаться тайною ни для графа Заводовскаго, ни для остальныхъ членовъ комиссіи и привело къ печальнымъ результатамъ. Уѣхавъ въ Харьковъ, по университетскимъ дѣламъ, Каразинъ сдѣлалъ распоряженіе о выпискѣ для университетскихъ нуждъ разныхъ мастеровъ. Это распоряженіе было представлено государю, какъ самовольство, какъ превышеніе власти, и 13-го августа 1804г. Каразинъ былъ отставленъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника.



Между тѣмъ, въ 1829 году, слободско-украинское дворянство, руководясь обширными знаніями Каразина, его честностью и неутомимою дѣятельностью, рѣшилось избрать Василя Назарьевича въ предсѣдателя уголовной палаты. Извѣстіе объ этомъ оживило Каразина; онъ уже видѣлъ передъ собою картину будущей дѣятельности на пользу горячо любимаго имъ отечества, видѣлъ въ избраніи довѣріе къ нему дворянства, но его смущалъ вопросъ: будетъ ли онъ утвержденъ въ этой должности. Эта мысль вызвала въ немъ лихорадочное настроеніе, не давала ему покоя, и, наконецъ, онъ рѣшился самъ сдѣлать начинъ къ разрѣшенію этого вопроса. Прося управлявшаго въ то время министерствомъ юстиціи князя А. А. Долгорукаго объ исправленіи своего послужнаго списка, Василій Назарьевичъ, какъ бы пользуясь этимъ случаемъ, писалъ ему <sup>1)</sup>: «Не излишнимъ, вѣроятно, будетъ и приватное, собственно для васъ <sup>2)</sup> назначенное письмо, при моемъ официальномъ прошеніи. Дѣло мое не изъ числа обыкновенныхъ, и оно ва-

---

Удалившись въ имѣніе Крутикъ, Василій Назарьевичъ, при своемъ кичувѣ характерѣ, не могъ оставаться празднымъ. Онъ писалъ проекты, разсужденія по разнымъ государственнымъ вопросамъ, посылалъ ихъ въ Петербургъ, но всѣ они отвергались, и самъ онъ считался человѣкомъ навязчивымъ, раздражительнымъ и опаснымъ. Постигшія его несчастія, дѣйствительно, измѣнили его характеръ: сохранивъ прежнюю пылкость и желаніе быть полезнымъ родинѣ, онъ сдѣлался человѣкомъ нервнымъ и раздражительнымъ, не могъ уже спокойно и вѣрно оцѣнивать положеніе вещей и представлялъ проекты болѣею частью явно несостоятельныя или неумѣстныя. Онъ обращался къ императору Александру съ разными наставленіями то по дѣламъ сербовъ, то относительно войнъ съ Наполеономъ и проч. Эти записки и письма вызвали указъ, данный слободско-украинскому губернатору, которымъ было повелѣно: „статскаго совѣтника Каразина, за негѣныя его разсужденія о дѣлахъ, которыя до него не принадлежать и ему извѣстны быть не могутъ, взявъ изъ деревни его, подъ карауломъ посадить на харьковскую гауптвахту на восемь дней. Послѣ чего истребовать отъ него подписку, чтобы онъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не отваживался болѣе беспокоить его величество“.

Указъ этотъ не остановилъ Каразина, и онъ продолжалъ писать и посылать свои мысли или прямо государю, или кому-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ нихъ онъ указывалъ на недостатки и злоупотребленія администраціи, и на него смотрѣли, какъ на человѣка безпокойнаго и явнаго противника правительства, за нимъ слѣдили и въ 1820 году, во время бунта Семеновскаго полка, заподозрили, что онъ былъ авторомъ „грубаго пасквиля“, подброшеннаго въ казармы Преображенскаго полка. По высочайшему повелѣнію, Каразинъ былъ арестованъ и отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Освобожденный черезъ шесть мѣсяцевъ изъ заключенія, онъ былъ отправленъ на житье въ деревню, съ запрещеніемъ выѣзжать отсюда и съ позволеніемъ переписываться не иначе, какъ черезъ посредство губернатора.

<sup>1)</sup> Въ собственноруч. письмѣ отъ 6-го іюля 1829 г. изъ Богодухова.

<sup>2)</sup> Все набранное разрядкой подчеркнуто самимъ В. Н. Каразинымъ.

шему сіятельству совѣмъ неизвѣстно. Почему я счелъ необходимою приложить при семъ письмѣ (не при прошеніи) то, что можетъ служить къ объясненію онаго, ибо понятіемъ, которое о просителѣ будетъ имѣть вашъ просвѣщенный разумъ и ваше чистое сердце (такъ разумѣютъ о нихъ вообще въ Россіи), я дорожу, весьма мало дорожа предстоящимъ мѣстомъ. Оно, признаюсь, не можетъ быть для меня лестнымъ, послѣ всего со мною случившагося и утраченнаго въ продолженіе пятидесяти шести лѣтъ.

«Но выполнять свято его обязанности я тѣмъ не менѣе почту своею славою, равно какъ и зависимость отъ такого начальника, какъ вы—большою честью. Это не слова одни, будьте въ томъ увѣрены. Я не льстилъ и царямъ,—и вотъ единственная причина, что я, при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, каковыя, вѣроятно, не возобновятся ни для кого въ мірѣ, не пошелъ далеко!

«Позвольте надѣяться, сіятельнѣйшій князь, что вы сами удостоите прочесть мои бумаги, не довольствуясь выпискою изъ оныхъ по обыкновенію вельможъ,—и вотъ единственная моя просьба. Прочее все предоставляю Богу и собственному чувству вашему, которое Онъ же вамъ внушитъ, пребывая съ глубочайшими почтеніемъ, преданностію и довѣренностію вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга.

В. Каразинъ.

Р. S. Подлинное письмо почтеннаго графа Коновницына, которое одно позволилъ я себѣ приложить, изъ числа упомянутыхъ въ прошеніи, и при томъ собственно для свѣдѣнія вашего сіятельства, благоволите мнѣ возвратить, такъ какъ драгоцѣнна для меня память благороднѣйшаго сего человѣка» <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Получивъ увѣдомленіе отъ В. Н. Каразина, о томъ, что онъ женится, П. П. Коновницынъ, 8-го сентября 1805 г. изъ селенія Горки, писалъ ему: „Крайне порадовали вы меня напоминаніемъ своимъ, а болѣе того обязательнымъ въ немъ увѣдомленіемъ о перемѣнѣ состоянія вашего. Какъ искренно вамъ приверженный, радуюсь и беру истинное участіе, усердѣйше при томъ прошу рекомендовать меня любезной супругѣ вашей. Будьте, почтеннѣйшій Василій Назарьевичъ, счастливы, вы его въ полной мѣрѣ заслуживаете. Люди съ сантиментами, каковы ваши, должны награждаться щедро отъ промысла Вышняго, ибо всякій порывъ сердца вашего устремленъ на помощь ближнему. Край нашъ благотворный имѣетъ въ васъ истиннаго патріота и просвѣтителя; печитесь о немъ и, если не мы еще, то дѣти наши познаютъ вамъ цѣну всеконечно.

«Благодарю васъ чувствительнѣйше за посѣщеніе Никитовки, и что почтили надѣлія нашего взять на прекрасный дормезъ вашъ; жаль только, что сукно не такъ хорошо и не дѣлаетъ большой чести заводителямъ онаго, но,

Черезъ день Каразинъ отправилъ второе письмо князю А. А. Долгорукову<sup>1)</sup>:

«Послѣ отправленія, 6-го числа сего мѣсяца, къ вашему сіятельству конверта моего, относительно до представленія меня въ кандидаты предсѣдателя уголовной палаты Слободско-Украинской губерніи и моего послужнаго списка по сему поводу, я нашелъ еще одну бумагу, которую долгомъ ставлю препроводить также приватно для свѣдѣнія вашего,—это прошеніе мое послѣ отставки блаженной памяти государю императору. И я предпочитаю представить его въ оригиналѣ<sup>2)</sup> того самаго времени, дабы отвратить всякое сомнѣніе. Оно содержитъ въ сокращеніи всю исторію предпріятія моего о Харьковскомъ универси-

по крайней мѣрѣ, оно домашнее. Премного благодарю также за позволеніе отдать мальчика на кожевенный вашъ заводъ. Испрашиваю препорученій вашихъ, чтобъ мнѣ имѣть пріятный случай доказать, сколь исполненъ сердечною къ вамъ приверженностію и почитаніемъ, имѣющій быть“ и проч.

<sup>1)</sup> Отъ 8-го іюля 1829 года изъ села Кручика.

<sup>2)</sup> Который, по прочтеніи былъ мнѣ возвращенъ, такъ какъ шелъ не общимъ путемъ.

На приложенномъ прошеніи рукою Каразина написано: „Подлинный экземпляръ прошенія В. Н. Каразина, которое было представлено блаженной памяти императору княземъ Чарторыйскимъ въ ноябрѣ 1804 года“.

Прошеніе же было слѣдующаго содержанія:

„Всемилюемый Государь! Исполняя объявленную мнѣ волю В. И. В., изъясняю я мое положеніе не многими словами.

„Въ Слободско-Украинской губерніи изъ имѣнія, пожалованнаго въ 1772 году отцу моему, досталось мнѣ село, числомъ 300 душъ крестьянъ. Всѣ оныя въ залогъ теперь отчасти въ Приказѣ общественнаго призрѣнія, отчасти въ Государственномъ заемномъ банкѣ. Тринадцать тысячъ руб. долженъ я въ оба сіи мѣста; да сверхъ того болѣе 26 т. въ частныя руки, и именно помѣщикамъ: Кандалинцеву и Хрущеву, именитымъ гражданамъ: Злобину, Борисову, Аникіеву и Карпову. Легко доказать, что я приобрѣлъ долгъ сей, совершенно уничтожающій мою собственность въ послѣдніе годы моей службы, не расточительною однако жизнью, къ которой я не имѣю ни привычки, ни способности. Несчастная увѣренность, что могу и долженъ служить вамъ, не по общимъ путямъ, увѣренность, которую поддерживали во мнѣ самыя милости ваши, устремляла меня на предпріятія, далеко превышающія мое состояніе. Большая часть покушеній опрокинута препятствіями; но изъ тѣхъ, кои имѣли предметомъ край моего рожденія, — конечно одинъ изъ лучшихъ въ Россіи—не всѣ остались и безуспѣшны. Въ двухъ губерніяхъ, правительствомъ неожиданный энтузіазмъ къ просвѣщенію представилъ ему до 600 т. руб.; многіе молодые люди поощрены къ усовершенію себя въ наукѣхъ, художествахъ, въ г. Харьковѣ водворены 27 новыхъ ремеслъ, мысли тамошняго купечества обращены съ выгодой на полуденную торговлю, переведено съ чужихъ языковъ до 15 книгъ разнаго рода, приспособленныхъ къ общенароднымъ пользамъ края того, которыя и ждутъ



тетѣ. Ваше сіятельство, изволите согласиться, что ложь не могла имѣть мѣсто въ таковомъ послѣднемъ объясненіи подданнаго съ государемъ! Не приказный<sup>1)</sup> это документъ, конечно... Онъ передается отъ совѣсти къ совѣсти, и просвѣщенный умъ вашъ дастъ ему полную вѣру.

«Официальнымъ доказательствомъ, еслибъ оно было нужно, въ томъ, что я былъ первоначальною причиною не только упоминаемаго университета, но и всего департамента народного просвѣщенія, можетъ служить высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 8-го сентября 1802 г., въ которомъ я одинъ (въ лицѣ правителя

только харьковской типографіи для своего изданія въ свѣтъ и прочее. Нѣкоторые недостатки въ сихъ мѣрахъ извиняются тѣмъ, что учреждали ихъ не соревнованіе капиталистовъ, ниже мощная рука правительства, но одинъ маловажный, оною поддерживаемый, дворянинъ скудными своими способами. Я не называю заслугами сихъ движеній, худо можетъ быть понятаго патриотизма, стыжусь такъ же приводить на память подобные сему порывы въ другомъ родѣ, кои вы нѣкогда удостоивали самаго лестнаго имени. Не отягощаю вниманія вашего доказательствами, что между тѣмъ и обыкновенная моя служба не потерпѣла, ибо я былъ единственнымъ письмоводцемъ по части департамента просвѣщенія отъ самаго его, такъ сказать, зарожденія въ умѣ вашемъ, до окончанія послѣднихъ знатнѣйшихъ изъ его учреждений непосредственно по отставкѣ моей, на высочайшее ваше утвержденіе поднесенныхъ. Но я долженъ признаться, всемилостивѣйшій государь, что во всѣхъ оныхъ случаяхъ дѣйствія мои сопровождала надежда, что вы меня не оставите, если я буду въ крайности... Теперь превратное понятіе о виновныхъ моихъ (по крайней мѣрѣ) пожертвованіяхъ общему добру, удаленіе изъ службы, вынужденное страхомъ еще худшихъ послѣдствій, ѣдкія поспѣшки эгоистовъ и послѣдняя нищета составляютъ все, что мнѣ въ удѣлъ достается. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ я лично не умѣлъ извлечь ничего болѣе изъ счастливѣйшаго моего, повидимому, положенія.

„Сжальтесь надо мною, государь! Предубѣжденіе, что я вамъ и отечеству могу быть полезенъ свыше званія своего, и младенческое, можно сказать, невѣжество въ обращеніи съ разными сильными лицами—вотъ единныя мои вины.

„Я прошу отъ васъ не награды или отличій, которыя иной на моемъ мѣстѣ, съ лучшимъ соображеніемъ обстоятельствъ, давно бы имѣлъ, но только вспомошествованія, приличнаго вашей великой и сострадательной душѣ.

„Двадцать пять тысячъ рублей въ займы изъ почтовыхъ, банковыхъ или Кабинетскихъ суммъ безъ залога (котораго не имѣю) и безъ платежа процентовъ на 10 лѣтъ будетъ достаточно для поправленія моего, хотя долги мои простираются до 40 т. рублей. Сіе пособіе возвратитъ еще меня въ возможность быть рано или поздно употребленнымъ; а между тѣмъ доставить способы оправдать передъ обществомъ то мнѣніе, каковое вы прежде обо мнѣ имѣть изволили“.

<sup>1)</sup> Здѣсь и далѣе напечатанное разрядкой подчеркнуто самимъ Каранинымъ.

дѣлъ комиссіи объ училищахъ) именованъ на-ряду съ членами ея и министрами, назначенными въ тотъ же день. Воля государя въ семъ случаѣ не могла быть безъ особой причины,—всего меньше по представленію тѣхъ лицъ, кои сами въ тотъ же день назначены, слѣдовательно, не успѣли еще ни о чемъ докладывать, — и я думаю, что это единственный примѣръ въ своемъ родѣ. Назначенію директоровъ и правителей канцелярій свойственно быть не иначе, какъ по докладу, подносимому завѣдующими министрами. Въ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія есть еще отношеніе Михаила Никитича Муравьева, отъ 12-го ноября 1802 года за № 1924, къ министру, доказывающее то же. Прочее не выходило изъ комнаты его величества, слѣдовательно, не можетъ быть предметомъ ссылки. Одиннадцати бумагъ, представленныхъ графу Виктору Павловичу въ концѣ 1804 года, помнится, и въ томъ числѣ одной рѣшительной по сему дѣлу, я не получалъ обратно, равно какъ и другихъ для меня и семейства моего довольно важныхъ, которыя взяты были тайною экспедиціею въ несчастную для насъ ночь, съ 26-го ноября 1820 г. въ С.-Петербургѣ. Словомъ, правительство мое, лишивъ меня (безвиннаго) по единому подозрѣнію всего, въ томъ числѣ доказательствъ моихъ заслугъ, равно какъ и моей невинности, поступивъ со мною, къ стыду вѣка, безъ суда, не сохраняя даже никакой формы, обязано меня вознаградить при нынѣшнемъ случаѣ, котораго я отнюдь не искалъ и о немъ никогда не помышлялъ. Я былъ неоднократно кандидатомъ въ совѣстные судьи; теперь кандидатъ предсѣдателя уголовной палаты. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ имѣя на своей сторонѣ общественное мнѣніе, стану ожидать моего приговора—отъ васъ, какъ отъ генераль-прокурора, въ разумѣ Петра Великаго. Это дѣло не частное и не бездѣлица! Меня можно вкось запереть, можно конечно назвать сумасшедшимъ, или и убить ненаказанно, но я имѣю шестерыхъ сыновъ съ талантами—куда дѣвать ихъ? Давы намъ никогда не было стыдно передъ Европою, покажемъ ей, что и мы европейцы!... Съ сею надеждою, милостивый государь, съ надеждою, что меня взыщутъ, а не отвернутъ по простествію многихъ лѣтъ (въ которыя безъ славы и корысти я продолжалъ быть полезнымъ отечеству по силамъ моимъ) <sup>1)</sup>, я съ глубочайшимъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть» и проч.

Характеръ и тонъ этихъ писемъ обратили на себя вниманіе, и сенатору, генераль-лейтенанту Горголи поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи Каразина какъ въ частной его жизни, такъ и въ соотноше-

<sup>1)</sup> Благодарному графу Виктору Павловичу извѣстны частію мои труды по сельскому быту, наукамъ и прочіе. Отъ васъ, снѣтальнѣйшій вѣязь, зависить приказать мнѣ сообщить вамъ все то, что по сей части васъ интересуетъ.

ніяхъ съ другими, узнать объ его занятіяхъ и съ какими людьми наиболѣе состоитъ онъ въ связяхъ, т. е. съ честными и скромными или же съ безпокойными и строптивыми.

«Статскій совѣтникъ Каразинъ, сказано въ рапортѣ подполковника Бахметова <sup>1)</sup>, вообще извѣстенъ какъ человекъ, одаренный пылкимъ умомъ и способностью изъясняться какъ словесно, такъ и письменно, имѣя, сверхъ природныхъ дарованій, хорошія свѣдѣнія въ наукахъ и образованность. Поведеніе его ни съ какой стороны порицанія не заслуживаетъ; въ частной жизни его ничего худого не замѣчено.

«Занятія его въ быту частномъ состояли въ составленіи проектовъ по частямъ мануфактурной, агрономической, особаго образа управленія крестьянами и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ государственныхъ постановленіяхъ, въ коихъ онъ излагалъ политическія мнѣнія свои. Успѣхъ ни въ чемъ не благоприятствовалъ г. Каразину: по части сельскаго хозяйства ни одно изъ его мнѣній не оказалось возможнымъ къ приведенію въ дѣйствіе, одинъ онъ дѣлалъ въ томъ опыты и состояніе его весьма разстроено. Образъ мыслей его, въ отношеніи къ правительству, понудилъ принять противъ него мѣры строгости, дабы удержать въ пристойныхъ границахъ.

«Нынѣ г. Каразинъ занимается также составленіемъ разныхъ проектовъ, но съ меншею дѣятельностью и болѣею осторожностью. Они болѣею частію относятся къ сему краю и представляютъ, также какъ и прежде имъ написанные, произведенія пылкаго воображенія и остраго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожности по неосновательности.

«Кругъ знакомыхъ г. Каразина состоитъ въ лучшемъ обществѣ здѣшней губерніи и не замѣтно, чтобы какіе-либо предосудительные люди были съ нимъ въ связи».

Къ этому Горголи прибавлялъ съ своей стороны, что Каразинъ, «не касаясь способностей его ума, въ поведеніи своемъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ ничего предосудительнаго, проживаетъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ и рѣдко пріѣзжаетъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время. Теперь находится здѣсь (въ Харьковѣ) для помѣщенія сына своего въ учебное заведеніе университета, а также по случаю ожиданія имъ высочайшаго утвержденія, по избранію дворянства въ предсѣдатели уголовной палаты. Впрочемъ, на здѣшнее дворянство имѣетъ онъ вліяніе очень малое» <sup>2)</sup>.

Вопросъ о предсѣдательствѣ въ уголовной палатѣ не получилъ осуществленія и окончательно нравственно разстроилъ Кара-

<sup>1)</sup> Сенатору Горголи 28-го августа 1829 г. № 72. Харьковъ.

<sup>2)</sup> Письмо Ивана Горголи А. Х. Бенкендорфу 31-го августа 1829 г. № 928. Харьковъ.



зина, сдѣлать его озлобленнымъ и недовѣрчивымъ ко всѣмъ лицамъ, власть имѣющимъ. Въ каждомъ изъ нихъ онъ видѣлъ своего врага, способнаго повредить ему при каждомъ удобномъ случаѣ и при томъ безъ всякаго основанія. Въ 1831 году, пользуясь пребываніемъ Высочайшаго Двора въ Москвѣ, Каразинъ пріѣхалъ въ первопрестольную столицу для опредѣленія старшаго сына на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Получивъ на то согласіе графа Нессельроде, Каразинъ, безъ всякой причины, писалъ А. Х. Бенкендорфу <sup>1)</sup>:

«Возвратясь домой, немедленно пишу къ вамъ трепещущею рукою. Ради Бога Всемогущаго не повредите моему сыну у графа Карла Васильевича (Нессельроде) и, если уже повредили, исправьте это какъ-нибудь. Сжальтесь надо мною: оставьте мнѣ послѣднее это утѣшеніе. Ради Бога, ради самого Бога сжальтесь! Я, который не привыкъ никому рабѣнствовать, мысленно простираюсь у ногъ вашихъ: умоляю васъ! довольно, уже довольно! Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ».

«Изъ письма вашего отъ 13-го ноября, отвѣчалъ Бенкендорфъ, имѣлъ я удовольствіе узнать, что вы имѣете сына, — обстоятельство, которое до сего времени мнѣ не было извѣстно. Но если бы я и зналъ, что у васъ есть сынъ, то, не имѣя никакой причины вредить ему въ мнѣніи Карла Васильевича, я прошу васъ покорнѣйше вѣрить, что наносить вредъ ближнему есть дѣло всегда чуждое моему образу мыслей».

На конвертѣ этого письма было написано: «Господину Каразину» Москва на Воздвиженкѣ, д. Кокошкина. Такой адресъ возмущилъ Василія Назарьевича, и онъ, не распечатывая конверта, возвратилъ его при запискѣ слѣдующаго содержанія: «Вчера, часу въ двѣнадцатомъ, по возвращеніи изъ концерта, засталъ я у себя прилагаемый при семъ кувертъ, доставленный яко бы изъ канцеляріи его высокопревосходительства Александра Христофоровича Бенкендорфа. Необыкновенная надпись! Она заставляетъ меня думать, что не болѣе приличія соблюдено и въ самой бумагѣ. Почему долгомъ благороднаго человѣка почитаю ее возвратить, не распечатавъ».

«Одна только вѣроятность могла бы меня заставить принять такой кувертъ. Въ ономъ могъ бы заключаться рескриптъ государя императора; но, во-первыхъ, не представляется къ тому никакого повода; во-вторыхъ, его величество также милостивъ, какъ и августѣйшій блаженной памяти его братъ, который всѣ шесть рескриптовъ, коими меня въ разное время удостоилъ, изволилъ собственноручно (кромя двухъ) надписывать, называя по имени и отчеству. Такимъ же образомъ съ прибавленіемъ его высочородію былъ написанъ весьма милостивый рескриптъ его высочества великаго князя Михаила Павло-

<sup>1)</sup> Отъ 13-го ноября 1831 года.

вича, который я имѣлъ счастье получить изъ Тульчина въ 1829 году. Въ 1830 и въ нынѣшнемъ, даже на сихъ дняхъ (даже сего утра) имѣлъ я честь получить отзывы первѣйшихъ особъ Имперіи, изъ коихъ ни въ одномъ не была забыта употребительная вѣжливость, а напротивъ!

«Отъ его высокопревосходительства зависить приказать мнѣ, что нужно чрезъ своего адъютанта, а подобныхъ отношеній я не приму. Имѣя честь быть русскимъ дворяниномъ,—не говорю о моихъ заслугахъ отечеству и о личномъ уваженіи, коимъ я въ немъ пользуюсь отъ всѣхъ знающихъ мое имя благонамѣренныхъ особъ. Довольно же и того, что я снесъ до сихъ поръ! Василій Каразинъ.

Р. С. Если это отвѣтъ на мою просьбу, то, принеся ее въ самыхъ почтительныхъ, даже униженныхъ для себя выраженіяхъ, я ничего такого не заслужилъ.—Въ смертельномъ страхѣ просилъ я о сынѣ, четвертомъ изъ семерыхъ моихъ дѣтей, кои несчастны по милости Александра Христофоровича (ибо самъ государь высокою его особою, не можетъ имѣть противъ меня, давно пораженнаго, ничего, вовсе ничего!).—Но буде (предположимъ) я ошибаюсь въ моемъ мнѣніи, да оправдится Александръ Христофоровичъ предъ честнымъ семействомъ такъ, какъ оправдываются обыкновенно честные истинно благородные люди, т. е. благодареніемъ. Это самое я и напечаталъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, но былъ встрѣченъ и провоженъ бранью предъ лицомъ лакеевъ въ передней!.. Но еще и теперь уважая въ Александрѣ Христофоровичѣ особу, уважаемую моимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, я на томъ же основаніи простираю руку и отъ всего сердца готовъ забыть прошедшее».

Получивъ такую записку, генералъ Бенкендорфъ поручилъ исправлявшему должность московскаго оберъ-полицеймейстера флигель-адъютанту, полковнику Муханову пригласить къ себѣ Каразина и вручить ему пакетъ лично. Василій Назарьевичъ, 20-го ноября, явился къ Муханову вмѣстѣ съ женою, и послѣдній съ трудомъ могъ увѣрить, что присутствіе супруга вовсе здѣсь не нужно, и просилъ ее удалиться. Потомъ, передавая Каразину конвертъ Бенкендорфа, объявилъ, что онъ долженъ его вскрыть и прочитать, что въ немъ заключается. Каразинъ съ дерзкими выраженіями отказался принять конвертъ. Мухановъ замѣтилъ, что такъ или иначе онъ заставитъ это сдѣлать, и тогда Василій Назарьевичъ, взявъ конвертъ, разорвалъ его въ мелкіе куски и бросилъ на полъ. Мухановъ потребовалъ, чтобы Василій Назарьевичъ письменно удостовѣрилъ, что конвертъ имъ разорванъ, и объяснилъ, какимъ образомъ и отчего дѣти его сдѣлались несчастными. Каразинъ взял бумагу и написалъ:

«Когда его высокородію, г. правящему должность московскаго оберъ-полицеймейстера угодно было, предъявивъ мнѣ извѣстный уже мнѣ кон

вертъ, присланный черезъ жандарма, изъ канцеляріи его высокопревосходительства Александра Христофоровича Бенкендорфа, 15-го сего ноября, за его фамиліею печатью и написанный безъ всякаго приличія Г. Каразину (№ 371 <sup>1)</sup>) на Воздвиженкѣ въ домѣ Кокошкина, сказавъ при томъ, что онъ принудить меня вскрыть оный (извѣстнымъ ему образомъ) и прочесть (слѣдовательно, насильно), и когда я возразилъ, что отъ него зависить вскрыть самому, то я долгомъ чести російскаго дворянина почелъ оный конвертъ уничтожить въ ту же минуту, не распечатывая, ибо, въ противномъ случаѣ, я долженъ бы читать непріятныя и оскорбительныя для меня вещи, подобныя тѣмъ, кои я уже слышалъ въ передней его высокопревосходительства, какъ я о томъ въ моей запискѣ и объяснилъ въ канцелярію. Я же, какъ лично, такъ и черезъ письмо мое отъ 14-го, помнится, не нарушилъ пристойности, а напротивъ, можетъ быть, и униженно просилъ: 1) о возвращеніи мнѣ черезъ докладъ его обо мнѣ правъ моихъ <sup>2)</sup>, 2) о пощаженіи третьяго моего сына, который опредѣляется по иностранной части, ибо прочія дѣти всѣ довольно уже со мною вмѣстѣ несчастны <sup>3)</sup>.

«Не могу я не обвинить въ этомъ Александра Христофоровича, ибо онъ докладывалъ по дѣламъ моимъ государю императору нѣсколько разъ и все со вредомъ мнѣ. Недоброжелательство свое онъ мнѣ доказалъ даже пріемомъ своимъ; едва увидѣвши меня, кричалъ при слугахъ, продолжая это въ передней еще, такъ что я, опасаясь большой непристойности, ушелъ. Я же передъ лицомъ его величества ничѣмъ не виновать, и за счастіе величайшее въ жизни почелъ бы услышать отъ него изустно, въ чемъ меня обвиняютъ (ибо я скорѣе могу ожидать высочайшей награды, какъ ревностный сынъ отечества). О семъ-то, а именно о свиданіи съ августѣйшимъ моимъ Монархомъ, только въ продолженіе 10 минутъ, я не перестаю умолять съ восшествія его величества на престолъ, и никто, кромѣ Александра Христофоровича, не

---

<sup>1)</sup> Впрочемъ сомнѣваюсь, тотъ ли №, ибо сей конвертъ могъ быть переписанъ послѣ.

<sup>2)</sup> Мнѣ до сихъ поръ запрещены: 1) въѣздъ въ Петербургъ, впредъ до повелѣнія, какъ сказано въ 1825 (1826) году; и сего повелѣнія я жду и испрашивалъ черезъ его высокопревосходительство, ибо черезъ него были препровождены мои бумаги къ Е. И. В.; 2) издаваніе чего-либо изъ сочиненій моихъ, даже до земледѣлія и проч. относящихся.

<sup>3)</sup> Дочь, одаренная всѣмъ отъ природы и не бѣдная, сохнетъ въ дѣвствѣ; ей теперь 26 лѣтъ. Она не имѣла ни одного жениха понинѣ. Сынъ съ рѣдкими способностями, что доказалъ онъ книгою Иліомеръ, изданною имъ на 18-мъ году возраста. — Жена въ горести; все имѣніе разорено слѣдствіемъ моего заключенія истинно безвиннаго. — Но о семъ много писать довольно и я напишу, если прикажутъ.

могъ полагать сему препоны. Въ прошломъ еще году просилъ я объ этомъ. По прошествіи десяти мѣсяцевъ получилъ письмо его высокопревосходительства, въ коемъ объявляетъ, что по прошенію моему, принесенному черезъ генераль-адъютанта Адлерберга, повелѣно ему же (Алекс. Христоф.) отобрать отъ меня все, что я имѣю сказать государю. Я на сіе письмо (видя бесполезность) понынѣ не отвѣчалъ».

Въ дополненіе къ этой запискѣ, Каразинъ 21-го ноября писалъ Сергѣю Николаевичу Муханову:

«Говоря о многомъ въ кабинетѣ вашемъ сего утра, забылъ я сказать объ одномъ, что было у меня на мысли прошедшей ночью. Но вы меня такъ торопили!... Пускай же это напишу, въ прибавленіе ли къ моимъ бумагамъ, или собственно для васъ, какъ сами разсудить изволите. Припомните, я думаю, изъ обстоятельствъ проѣзда вашего чрезъ Харьковъ съ турецкими сановниками, что я Галидъ-Решидъ-пашѣ подносилъ экземпляръ «Иліометра» моего Василя. Это было не безъ мыслей, которыя теперь весьма кстати изъясню. Бывъ живо погребенъ въ Россіи, вмѣсто предположенныхъ въ упованіи моемъ наградъ, кои непремѣнно излились бы <sup>1)</sup> на безвиннаго страдальца-патріота, лучшаго друга своихъ добрейшихъ государей (ибо я имъ, жертвуя всѣмъ бытіемъ моимъ, не переставалъ говорить правду)—я собирался въ Стамбулъ, чтобы тамъ кончить остальные уже немногіе дни моя. Я мечталъ предложить идею объ основаніи университета въ Софіи, отечествѣ моихъ предковъ болгаръ, и для того воспользовался случаемъ, чтобы пріобрѣсть покровителя. Онъ, т. е. университетъ, вѣрте (хотя и улыбнетесь), былъ бы лучше моего испорченнаго и до сихъ поръ портимаго Харьковскаго, ибо не иному, какъ мнѣ же, было бы ввѣрено приготовленіе къ нему людей и надъ ними начальство. Но вскорѣ полученное мною извѣстіе о путешествіи государя императора по западнымъ губерніямъ перемѣнило сію мысль. Я рѣшился еще разъ попытаться лично повергнуться къ ногамъ и раскрыть ту недовѣдомую тайну, за которую я безвинно страдаю со всѣмъ моимъ семействомъ. Почему я и писалъ, просилъ аудіенціи гдѣ-нибудь въ продолженіе пути. Но, о горе! получилъ тотъ отвѣтъ, о которомъ я упомянулъ въ моей сегодняшней запискѣ. Симв все и кончилось.

(До сихъ поръ было написано 20-го предъ обѣдомъ; такъ и осталось за недосугами).

«21-го ноября. Не пославъ вчера сего письма, дополняю его теперь: Къ потеряннымъ правамъ прибавлю еще 3-ю потерю аппеляцій въ Сенатъ. И объ этомъ долженъ вспомнить Александръ Христофоровичъ! да и много важнаго я не написалъ, ибо вы стояли у меня надъ

<sup>1)</sup> Разумѣется, если бы не безпрестанно подновляемыя очерненія.



шеею, читая вслѣдъ каждое слово, каждую литеру. Этакъ не дѣлають и съ государственными преступниками! Пускай, вы дѣйствовали по именному повелѣнію, я иначе и разумѣть не могу <sup>1)</sup>, ибо какъ вамъ иначе присылать квартальнаго за почетнымъ (почтеннымъ?) отцомъ семейства, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ, запираеть его въ своемъ кабинетѣ, выталкивать его жену и проч.?.

«Александръ Христофоровичъ отпирается теперь отъ всякаго знакомства со мною, не зная-де и имени, имѣю ли я дѣтей и проч. Лучше всего спросите супругу вашу, она можетъ вамъ сказать, что имя мое было довольно извѣстно въ домѣ Маріи Дмитріевны. Тестъ вашъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и графиня. У насъ найдутся и письма отъ нихъ пріятельскія въ украинской деревнѣ.

«Я и не мыслю тянутъся съ Александромъ Христофоровичемъ,—Богъ съ нимъ. Пускай себѣ страшаетъ народъ... (хотя правду сказать лучше, если бы такъ дѣйствовать, чтобы царя вездѣ благословляли честные люди)! Но да помилуетъ онъ меня, наконецъ; ему охотно предоставляю честь должнаго за меня ходатайства и готовъ доставить ему записку о себѣ. Вотъ и примиреніе. Но онъ кричалъ, размахивая руками: «Этому не бывать, не бывать». Почему жъ не бывать, милостивый государь? Чѣмъ я грѣшнѣе прощаемыхъ теперь измѣнниковъ польскихъ? Я, котораго цѣлая жизнь (позволено въ такомъ случаѣ сказать о себѣ гордо самую истину) есть цѣпь полезныхъ дѣлъ, который себя никогда ничѣмъ недостойнымъ не запятналъ. «Смѣлъ-де, уменъ-де слишкомъ, дерзко-де пишетъ», слѣдовательно, за это и погубить его. А? милостивые государи. Бога убойтесь! Вашъ покорнѣйшій слуга Василій Каразинъ.

«Еще Р. S. и въ немъ печальное замѣчаніе для XIX вѣка. Худо, право, что мы въ Россіи не хотимъ узнать другъ друга. Безъ нарочнаго высочайшаго повелѣнія у насъ нѣтъ и достоинствъ. И чуть-чуть кто сидитъ повыше у должности, тотъ готовъ толкать въ затылокъ всякаго, кто ему ни представляется. Это болѣе нежели азіатизмъ! Бросьте это!»

Содержаніе этихъ писемъ было изложено А. Бенкендорфомъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, на которомъ императоръ Николай I, 23-го ноября, написалъ: «Выслать съ жандармскимъ офицеромъ обратно на обыкновенное мѣсто жительства». При этомъ, московскій генералъ-губернаторъ, князь Голицынъ, сообщилъ харьковскому губернатору <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Въ торопяхъ и замѣшательствѣ, въ какое приводило меня наипаче присутствіе бѣдной жены, я не вспомнилъ спросить васъ о семъ, также чрезъ какое посредство, или непосредственно, изъ усгъ оное получилъ.

<sup>2)</sup> Въ отношеніи отъ 23-го ноября 1831 г. № 482.

чтобы онъ имѣлъ Каразина подѣ строгимъ присмотромъ. Последній выѣхалъ изъ Москвы 11-го декабря и опять появился въ своемъ Кручиѣ <sup>1)</sup>. Спустя десять дней, сынъ его, Филадельфъ Висильевичъ, писалъ А. Бенкендорфу <sup>2)</sup>:

«Къ доброду, подвергавшему нѣкогда очевидной опасности жизнь свою для спасенія погибавшихъ <sup>3)</sup>, Александру Христофоровичу, осмѣливается прибѣгнуть убитый горестію сынъ злополучнаго отца, слишкомъ жестоко наказаннаго предубѣжденнымъ и раздраженнымъ противъ него Александромъ Христофоровичемъ... <sup>4)</sup> Сынъ статскаго совѣтника Каразина осмѣливается просить ваше высокопревосходительство о милосердіи къ нему...

«Чувствую, сколь необыкновенна такая дерзость; но, да будетъ сдѣлана по внушенію неопытнаго сердца, предчувствующаго, что многочисленному, безвинно пострадавшему семейству суждено быть столько же обязаннымъ благодарностью вашему высокопревосходительству, сколько теперь считаетъ себя же счастливленнымъ вами... Въ пылу негодованія вы едва не уничтожили его, но еще можно, можно его воскресить!...

«Ахъ! Если бы ваше высокопревосходительство лучше изволили знать моего родителя, конечно, вы пощадили бы его. Онъ невольно сдѣлался предъ вами виновнымъ. Бывши столько лѣтъ въ несчастнѣйшемъ положеніи и чувствуя, что онъ не заслужилъ этого, жертвовавши всегда всѣмъ для пользы общей, онъ дѣлалъ безпрестанныя усилія, дабы оправдать себя въ мнѣніи государя императора, но тщетно! Видимо какіе-то недоброжелатели препятствовали ему въ томъ. По стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, онъ осмѣлился предполагать, что ваше высокопревосходительство не благоволите къ нему. Онъ не умѣлъ этого скрыть—и подвергся справедливому негодованію вашему... Но, наказаніе превзошло мѣру вины: онъ страдаетъ не одинъ. Несчастная добрая наша мать, бѣдная сестра наша, всѣ мы—погибли, если онъ не будетъ помилованъ! На пребываніи его въ Москвѣ основывалась вся надежда наша на поправленіе разстроеннаго, скуднаго нашего достоянія. Теперь же все будетъ потеряно для насъ!.. Боже! еслибъ ваше высокопревосходительство могли знать положеніе наше!.. Сжальтесь, сжальтесь надъ безвиннымъ семействомъ! Изъ снисхожденія къ нему, да будетъ помилованъ отецъ, да возвратится ему свобода! да прекратится позорное его наказаніе!.. Если нужно утруждать государя императора для испрошенія

<sup>1)</sup> Письмо кн. Голицына А. Х. Бенкендорфу 13-го декабря, № 8607.

<sup>2)</sup> Отъ 21-го декабря 1831 года.

<sup>3)</sup> Во время наводненія въ С.-Петербурѣ, въ 1824 году.

<sup>4)</sup> Здѣсь и далѣе точки въ подлинникѣ.

милости сей, то получивъ на сіе соизволеніе вашего высокопревосходительства, я дерзну повергнуться къ стопамъ его, съ просьбою отъ всего нашего семейства...

«О! да узнаетъ отецъ мой, сколько онъ былъ неправъ, да возможетъ быть пристыженъ добротою вашею! Какое мщеніе сравнится съ симъ?

«Если надежда моя должна оправдаться, если ваше высокопревосходительство согласится на прощеніе отца моего, на счастье цѣлаго семейства, то удостойте объявить мнѣ объ этомъ заблаговременно, дабы я могъ предупредить родителя моего, который ничего не знаетъ о шагѣ моемъ. Если жъ сверхъ чаянія и къ довершенію бѣдствій нашихъ суждено сердцу моему обмануться, то да извиняетъ меня нѣсколько лѣтъ мои и неопытность...

«Съ чувствомъ глубочайшаго высокопочитанія и совершенною преданностію честь имѣю быть вашего высокопревосходительства, всепочинѣйшимъ слугою.

Филадельфъ Каразинъ.

(служащій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ).

«Р. S. Я осмѣлюсь явиться вскорѣ къ вашему высокопревосходительству, для узнанія своей участи».

На письмѣ этомъ рукою императора Николая написано: «Нужно мнѣ знать, по какому поводу велѣно было при императорѣ Александрѣ выслать Каразина изъ Петербурга».

На сдѣланный по этой резолюціи вопросъ графу Чернышеву, послѣдній отвѣчалъ Бенкендорфу:

«По справкѣ съ секретнымъ дѣломъ дежурства Главнаго штаба его величества имѣю честь увѣдомить васъ, что статскій совѣтникъ Каразинъ въ началѣ царствованія въ Бозѣ почивающаго императора Александра Павловича взысканъ былъ особымъ монаршимъ благоволеніемъ. Впослѣдствіи времени обременяя его величество разными проектами и письмами, навлекъ онъ себѣ много непріятностей, но и тутъ, по среднему его величеству благосердію, оказываемы были ему высочайшія снисхожденія и милости.

«Въ 1820 году при возмущеніи л. гв. Семеновскаго полка, подкинуть былъ на дворѣ Преображенскихъ казармъ самый злостный пасквиль, коимъ полкъ Преображенскій вызываемъ былъ возстать на защиту и освобожденіе сослуживцевъ и проч. По сличенію поддѣльнаго почерка сего пасквиля съ почеркомъ г. Каразина, по нѣкоторымъ выраженіямъ и безпокойному его нраву, пало подозрѣніе, что бумага сія могла быть имъ написана, и государь императоръ, получивъ оную въ Лайбахѣ, исполненный негодованія, повелѣтъ изволилъ князю В. П. Кочубею и покойному графу Милорадовичу взять бумаги Каразина, а самого его отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость, что и было тогда же слѣ-

\*

лано. Освобожденіе же его изъ крѣпости и отправленіе на жительство въ Харьковскую деревню послѣдовали по высочайшему повелѣнію, объявленному бывшимъ начальникомъ Главнаго штаба княземъ Волконскимъ» <sup>1)</sup>.

Изложивъ содержаніе письма гр. Чернышева, Бенкендорфъ писалъ Ф. В. Каразину <sup>2)</sup>:

«Государь императоръ, сообразивъ свѣдѣнія сіи съ послѣднимъ крайне предосудительнымъ поступкомъ отца вашего, учиненнымъ имъ во время нынѣшняго высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, изволилъ заключить, что отецъ вашъ, конечно, не умѣлъ восчувствовать оказанную ему его величествомъ милость дозволеніемъ жить въ Москвѣ и потому его величество, не находя справедливаго повода къ отмѣнѣ нынѣ высочайшаго рѣшенія о немъ императора Александра Павловича, не изъявилъ своего соизволенія на возвращеніе отца вашего въ Москву.

«Сообщивъ вамъ о сей высочайшей волѣ, нужнымъ считаю присовокупить съ моей стороны, что хотя отецъ вашъ и жалуется на меня, считая, что я причиною нынѣшняго отправленія его изъ Москвы; но въ этомъ онъ весьма ошибается. Доказательствомъ тому служить, во-первыхъ, то, что по моему ходатайству, ему, нынѣ царствующимъ императоромъ, всемилостивѣйше разрѣшено было жить въ Москвѣ, а во-вторыхъ, что и нынѣ я, получивъ ваше письмо, не остановился представить оное на всемилостивѣйшее воззрѣніе его императорскаго величества, не взирая на то, что послѣдній поступокъ отца вашего нисколько не давалъ ему права на снисхожденіе правительства. Письмомъ своимъ ко мнѣ, онъ просилъ меня, не знаю, съ какого повода, чтобъ я не повредилъ его сыну. На сіе я ему письмомъ же отвѣтствовалъ, что вредить кому-либо не сообразно правиламъ моимъ. Сей отвѣтъ мой къ нему, по неизвѣстности въ канцеляріи моей имени и чина отца вашего, былъ адресованъ ему просто съ надписью «г. К а р а з и н у». Отецъ вашъ, забывъ всякое приличіе, не принявъ въ уваженіе, что письмо писано къ нему не отъ частнаго, знакомаго ему человѣка, но отъ лица правительственнаго, облеченнаго довѣренностію государя императора, позволилъ себѣ возвратитъ мнѣ оное не распечатаннымъ и потомъ осмѣлился, въ присутствіи московскаго оберъ-полицеймейстера, оное изорвать и бросить. Такое нарушеніе должнаго къ правительству уваженія и всякаго приличія имѣлъ я долгъ довести до свѣдѣнія его величества, вовсе, впрочемъ, не въ видѣ личной мнѣ обиды, но какъ о дерзкомъ поступкѣ въ отношеніи къ началству.

«Я счелъ не лишнимъ въ подробности изъяснить вамъ весь ходъ

<sup>1)</sup> Письмо гр. Чернышева Бенкендорфу, 2-го января 1832 г. № 1.

<sup>2)</sup> Въ письмѣ отъ 15-го января 1832 г. № <sup>268</sup>/<sub>58</sub>.



дѣла, дабы вы сами могли судить о поступкахъ отца вашего и о моихъ въ отношеніи его дѣйствіяхъ, и въ заключеніе скажу вамъ, что я никогда не привыкъ страшиться никакихъ угрозъ, и что отецъ вашъ, стараясь, какъ мнѣ извѣстно, возбудить дѣтей своихъ противъ меня и правительства, доказываетъ лишь тѣмъ, сколь мало онъ радѣетъ о пользѣ ихъ и о внушеніи имъ чувства истинныхъ вѣрнопопданныхъ».

Между тѣмъ самъ В. Н. Каразинъ, возвратившись въ свое имѣніе, писалъ императору Николаю<sup>1)</sup>:

«Государь всемилостивѣйшій! Прощеніе мое, принесенное черезъ посредство московскаго генераль-губернатора, вѣроятно, уже рѣшено<sup>2)</sup>. Но тѣмъ не менѣе я отваживаюсь бесѣдовать съ моимъ самодержцемъ. Я употребляю для сего языкъ простосердечія (слѣдовательно, и правды); такой языкъ любилъ безсмертный твой прадѣдъ Петръ Великій.

«Приключеніе, за которое я передъ публикою древней русской столицы такъ уничижительно пострадалъ, состояло вотъ въ чемъ: (удостой читать со вниманіемъ: я донесу такія истины, которыя, наконецъ, инымъ образомъ не могли бы быть обнаружены).

«Нечаянно случилась (11-го января 1830 г.), по поводу избранія меня (въ 1828 г.) Слободскою-Украинскою губерніею въ кандидаты предсѣдателя Уголовной палаты, что дѣйствія тайной экспедиціи, кои никогда еще не смѣшивались съ судомъ по законамъ, обнародованы самымъ громкимъ образомъ: именно провозглашены въ харьковской кафедральной церкви, во время съѣзда дворянства для выборовъ и къ ярмаркѣ, предъ многочисленнымъ всякаго званія, пола и возраста<sup>3)</sup>.

«Мнѣ, предмету таковой нелѣпости, пропустить ее безмолвно не позволяли ни лѣта мои, ни, смѣю сказать, значеніе въ обществѣ, ни званіе отца дочери невѣсты и шестерыхъ сыновъ, одинъ за другимъ вступающихъ въ службу. Всякій бы могъ, указывая на меня пальцемъ, сравнивать меня съ Мазепою и Пугачевымъ, ибо о нихъ лишь раздавалось въ храмахъ позорное провозглашеніе. Кто захочетъ быть затѣмъ такому человѣку? И не подвергалъ ли я сыновей насмѣшкамъ, отъ коихъ бы имъ житья не было, и безчисленнымъ поединкамъ въ военной службѣ. Само правительство было заинтересовано въ семъ случаѣ. Ибо не даромъ его дѣйствія вѣдъ законовъ не имѣютъ никакого плебисцита. Опустивъ сію завѣсу, мнѣніе цѣлаго свѣта и собственное наше ставятъ Россію въ число образованныхъ земель, управляемыхъ законами. Отнявъ ее—мы въ Азіи!... Всѣ министры издревле, всѣ государи отъ Алексѣя Михайловича, учредителя тайной (канцеляріи) до вашего им-

<sup>1)</sup> Отъ 31-го декабря 1831 года.

<sup>2)</sup> О прошеніи этомъ намъ ничего неизвѣстно.

<sup>3)</sup> О какомъ провозглашеніи говоритъ здѣсь Каразинъ, намъ неизвѣстно.

ператорскаго величества сіе чувствовали. Наказанія сего рода, такъ сказать комнатины, не имѣли на службу (ни по высочайшему назначенію, ниже по выборамъ) ни малѣйшаго вліянія. Мой бывшій Орестъ Сперанскій, послѣ ссылки, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Сибири; и бывшій его Пиладъ, послѣ подобной же опалы, былъ избранъ въ члены разныхъ ученыхъ обществъ и губернію въ почетныя званія совѣстнаго судьи и уголовного предсѣдателя. Само собою слѣдуетъ, такъ сказать математически, что если бы когда-нибудь наказаніе по тайной было когда-нибудь обнародовано въ дѣйствительный укоръ чести наказаннаго (что и случилось первый разъ можетъ быть въ теченіе двухъ столѣтій), то оно должно быть вознаграждено какою-либо высочайшею милостію, которая бы водворила его въ первобытное состояніе. Александръ Христофоровичъ понимаетъ иначе сію важную истину. Не отвѣчавъ мнѣ ни на одно мое прошеніе, онъ и офиціальное (на гербовой бумагѣ), то, которое я препроводилъ на имя управляющаго министерствомъ юстиціи, но которое къ нему по связи дѣлъ перешло, оставилъ безъ всякаго отвѣта. Сямъ образомъ затворилъ онъ мнѣ и послѣдній еще остававшійся путь къ особѣ сколько мудраго, столько и милостиваго государя, которому одному предлежало разрѣшить судьбу моего семейства одиннадцать лѣтъ безвинно (совершенно безвинно) страждущаго къ соблазну тысячей другихъ. Надежда предстать лично когда-нибудь была уже отнята у меня письмомъ его (А. Х.) отъ 23-го сентября 1830 года за № 3807 и прежнимъ и с к у с н о объявленнымъ повелѣніемъ не вѣзжать въ С.-Петербургъ (Вогъ вѣдаетъ, по какой причинѣ! ибо чѣмъ человекъ, яѣжно любимый въ продолженіе трехъ лѣтъ Александромъ Благословеннымъ, х у ж е всѣхъ четырехъ сотъ тысячъ, живущихъ въ сей столицѣ?...) Съ г. Лонгиновымъ я давно во враждѣ, назвавъ его въ отвѣтъ на грубое письмо его къ моему женѣ по по в и ч е м ѣ, и онъ успѣлъ уже, въ наилучшее сему доказательство, кинуть мнѣ въ глаза нераспечатанный кувертъ и экземпляръ книги, право, не недостойной мѣста, куда она была назначена, яко первая еще въ своемъ родѣ (въ Россіи). Мнѣ не оставалось другаго оредства, какъ съ сильнѣйшимъ изъ двухъ поссориться г л а с н о, чтобы вмѣстѣ съ ссорю довести и самое дѣло до высочайшаго свѣдѣнія. Подобно тому, государь, донесу я, продолжая въ томъ же простосердечіи, какъ и началъ: у насъ, у дворянъ, въ передней иногда, обиженный умышленно поднимаетъ шумъ, чтобъ господинъ самъ оглянулся. И обыкновенно тотъ, кто симъ образомъ ищетъ управы, первый получаетъ пощечину отъ господина, что и со мною случилось... Но умный господинъ вслѣдъ за симъ начинаетъ уже д о п р о с ѣ... И ваше величество, конечно, такъ же поступите.

«Впрочемъ, въ самомъ шумѣ этотъ Александръ Христофоровичъ гораздо болѣе меня виноватъ, ибо онъ самоуправно (мимо генералъ-губернатора, который есть одинъ начальникъ полиціи) далъ приказаніе, исправляющему должность оберъ-полицеймейстера меня принудить распечатать кувертъ, прежде весьма учтиво ему только возвращенный. Неприличныя выраженія: я имѣю средства васъ принудить (чѣмъ? побоями? или голодомъ?) заставили меня изорвать кувертъ. И при томъ, о государь! что и за святыня кувертъ этотъ!... Онъ содержалъ партикулярный отвѣтъ на партикулярное письмо: и печать и № (371, по приведенному выше №, этотъ долженъ быть по крайней мѣрѣ 4600, если бы онъ принадлежалъ къ бумагамъ по должности), то доказывали на-ряду съ содержаніемъ того и другаго. Генералъ-адъютанта или шефа императорской квартиры и въ поминѣ не было! А во всякомъ другомъ случаѣ Каразинъ стоитъ Бенкендорфа—вы лучше насъ обоихъ это знаете. Приласкайте перваго, добрѣйшій государь, за безвинно данную ему пощечину! Не бойтесь золотой челяди, окружающей васъ, передъ которою смѣлою правдою только (доказанною 14-мъ декабря и 17-мъ ноября) виноватъ.

«Вѣрнопопданный, душевно преданный Василій Каразинъ.

«Р. S. Пожалѣйте о моемъ семействѣ, добрѣйшій государь! Данная мнѣ пощечина пала и на него: она далеко и громко раздается въ Россіи, ибо, что ни говори эти господа, имя мое въ ней извѣстнѣе есть и будетъ ихъ именъ, тускло отсвѣчивающихся только на подписяхъ объявляемыхъ повелѣній. Съ какого повода они выставляютъ меня предъ вами подобно какъ Фамусовъ Чацкаго к арбонаріемъ?... Пусть въ доказательство сошлутся хотя на одного свидѣтеля, хотя на одну строку моей руки! Пятисотъ чело-вѣкъ можетъ быть допрошено<sup>1)</sup>, показалъ ли кто на меня? Подсланы были даже. Не я ли, скрывъ имя, говорилъ о васъ, достоинымъ образомъ и теперь въ Москвѣ? Не я ли обращалъ вниманіе на то, что портреты ваши, какъ бы умысленно представляющіе васъ иностранцемъ и суровымъ, ничуть на васъ не похожи? Значительное лицо ваше привлекаетъ между тѣмъ, какъ портреты грозятъ: оно есть прекрасная середина изъ фізіономій Маріи и Александра, не забвенныхъ для любви и художествъ. Не я ли восхитилъ Донцовъ, описавъ имъ пріѣздъ въ Москву высокаго, прелестнаго ихъ атамана? (въ письмѣ къ директору училищъ въ Черкасскѣ). Не я ли и прежде, въ 1816 году еще, какъ бы предугадывая въ васъ государя (къ чему, кто знаетъ! не первую ли мысль я же бросилъ, обративъ вниманіе въ Бозѣ почившаго на пророческіе стихи Державина въ 1802 году, при одномъ случаѣ, стѣс-

<sup>1)</sup> Здѣсь В. Н. Каразинъ намекаетъ на допросъ семеновцевъ.

нившимъ Его (Алекс.) сердце?) — искалъ показать вамъ мои сельскія учрежденія? Какъ счастливымъ я себя съ женою почелъ въ 1820 году, что милая ваша великая княжна доѣхала домой въ нашемъ экипажѣ.

«Одно опредѣленіе сыновей въ службу, безпокоя о семъ даже августѣйшую особу вашу, доказываетъ привязанность мою къ существующему порядку. Вотъ уже и четвертый теперь поступаетъ въ морской, любимый вами корпусъ!.. Такъ! я желаю, чтобъ вы сдѣлали счастливымъ свой народъ сообразно вѣку, который не есть XVI, ни XVII. Но — почитать смѣлаго человѣка, жертвующаго собою иногда въ сокровенной отъ всѣхъ бесѣдѣ за одно съ врагомъ, точащимъ въ тайнѣ ножъ или какъ бы на площади дѣйствующаго языкомъ <sup>1)</sup>! О государь! Для чего мнѣ не можно теперь всего высказать!»

На это письмо не послѣдовало никакого отвѣта. Каразинъ попрежнему оставался подъ присмотромъ и жилъ въ деревнѣ. Въ 1835 году, онъ, черезъ слободско-украинскаго губернатора, просилъ о разрѣшеніи, по случаю продажи имѣнія его въ Харьковской губерніи, переселиться въ имѣніе жены и дѣтей, находившееся въ Московской губерніи, съ дозволеніемъ жить по временамъ и въ самой Москвѣ, гдѣ имѣеть свой домъ. На всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Бенкендорфа <sup>2)</sup>, императоръ 2-го іюня написалъ: «Согласенъ, но подъ строгимъ надзоромъ, чтобъ никуда не отлучался».

Подобный надзоръ, конечно, тяготилъ В. Н. Каразина, и онъ рѣшился обратиться съ просьбою о прощеніи къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ:

«Милостивѣйшая великая княгиня!» — писалъ онъ <sup>3)</sup>.

«1820 года, также помнится въ іюлѣ мѣсяцѣ, выѣзжая съ женою и тремя дѣтьми (въ С.-Петербургѣ) изъ Сергіевской улицы на набережную Фонтанки, увидѣлъ я остановившійся придворный экипажъ, у котораго ось изломалась. Изъ окна выглядывало, сидя на колѣняхъ прислужницы, прелестное дитя. Подбѣжать, предложить свою карету дамѣ, сопровождавшей на прогулкѣ ваше императорское высочество, было дѣломъ одного мгновенія. О, какъ мило улыбнулись вы намъ тогда, несравненная царевна!.. Еще до сихъ поръ рисуется въ воображеніи 66-ти лѣтняго старика протянутая изъ дверецъ кареты нѣжная ручка!..

«Теперь вы счастливая супруга уже, и супруга того самого принца,

<sup>1)</sup> Удостоите спросить у Дмитрія Васильевича (Дашкова) (благороднѣйшаго изъ министровъ вашихъ), партикулярное мое письмо отъ 2-го или 3-го февраля 1830 года, если оно сохранилось.

<sup>2)</sup> Отъ 29-го мая 1835 года.

<sup>3)</sup> Отъ 15-го іюля 1839 г., изъ Харькова.

къ которому, на прогулкахъ его въ Одессѣ, влекло меня какое-то особенное чувство. Примите мое поздравленіе!

«Царевна! Улыбнитесь мнѣ еще разъ; прострите мнѣ сей разъ руку помощи! Испросите мнѣ помилованіе совершенное и рѣшительное у августѣйшаго вашего родителя! Поставьте меня въ то положеніе не бесполезное для службы ему и отечеству, въ которомъ я, въ первые годы царствованія великаго дяди вашего, готовилъ по его повелѣнію уставы народнаго просвѣщенія. Да посвятится черезъ ваше ходатайство сеѣ части, которой я преданъ полстоletія уже всею душою и благодарности вамъ, остатокъ моего вѣка!

«Вашего императорскаго высочества, всенижайшій слуга Василій Назаровъ Каразинъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ, помѣщикъ Харьковской губерніи».

Прошеніе это Каразинъ отправилъ Бенкендорфу, въ то время графу, и просилъ его доставить по принадлежности. Графъ Бенкендорфъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ 11-го августа 1839 г., въ которомъ говорилъ: «Всеподданнѣйше представляя при семъ вашему императорскому величеству означенную просьбу Каразина, имѣю счастье довести, что въ поведеніи его, со времени послѣдняго удаленія, ничего предосудительнаго доселѣ не замѣчено и что онъ нынѣ уже по лѣтамъ своимъ не можетъ быть вреденъ, почему я съ моей стороны полагалъ бы возможнымъ удостоить его всемилостивѣйшаго прощенія съ дозволеніемъ жить, гдѣ пожелаетъ».

«Повергая таковое заключеніе на высочайшее вашего императорскаго величества воззрѣніе, осмѣливаюсь присовокупить, что всемилостивѣйшее прощеніе Каразина будетъ для меня тѣмъ болѣе радостно, что онъ, по заблужденію, считаетъ себя преслѣдуемымъ мною».

Императоръ Николай, 22-го августа, написалъ на прошеніи: «Согласенъ, кромѣ столицъ».

Эта резолюція, повидимому, примирила Каразина и съ его положеніемъ, и съ графомъ Бенкендорфомъ.

«Какъ уединенно я живу,--писалъ онъ <sup>1)</sup>,—и какъ скромны наши газеты, касательно внутреннихъ вѣстей!.. На сихъ дняхъ только, и случайно черезъ одного возвратившагося изъ С.-Петербурга пріятеля, узналъ я о несчастномъ приключеніи, подвергавшемъ опасности вашу драгоценную жизнь. Удивлялся только, не находя имени вашего сіятельства въ числѣ выѣзжавшихъ изъ С.-Петербурга въ Бородино! Не смѣя роптать, что не получаю отвѣта на мои деревенскія и городскія посланія (во множественномъ ихъ числѣ), наконецъ, является нѣчто въ родѣ отвѣта!..

<sup>1)</sup> Графу Бенкендорфу 26-го сентября 1839 г.



21-го числа, сего мѣсяца, квартальный нашъ принесъ мнѣ объявленіе о полученномъ по части министерства внутреннихъ дѣлъ всемилости-вѣйшемъ меня прощеніи, «съ дозволеніемъ жить, гдѣ пожелаю, кромѣ столицъ», по всеподданнѣйшему-де докладу присланнаго изъ Харькова его (Каразина) прошенія. По этой же почтѣ я прошу графа Александра Сергѣевича (Строгонова) о доведеніи до свѣдѣнія его императорскаго величества моеѣ глубочайшей вѣрноподданнѣйшей благодарности. Но какъ я никакого другаго прошенія съ 1833 года не посылалъ, не дерзалъ даже почитать позволеннымъ посылать, кромѣ только вамъ, добрѣйшій графъ, извѣстныхъ, принесенныхъ именно вамъ, то не великой ли княгинѣ<sup>1)</sup> я обязанъ сими радостнымъ для всего моего семейства событіемъ, т. е. прощеніемъ? Оно для меня важно, хотя, впрочемъ горькая участь моя оставлена тою же (я и до сихъ поръ невозбранно жилъ и въ деревнѣ и въ губернскомъ городѣ и ѣздилъ также невозбранно въ Кіевъ и Одессу). Удостоите, графъ, принести за меня всеи-жайшую благодарность моеѣ благотворительницѣ! Мысленно, на колѣняхъ, лобызаю ручки ея въ ожиданіи, пока придумать могу что-нибудь къ засвидѣтельствуванію глубокаго моего чувства.

«Это что-нибудь, вѣроятно, будетъ достойный внуки Маріи и дщери Александры проектъ учрежденія училища для забытыхъ нынѣ дѣвицъ бѣднаго народа. Вы изволите его получить по слѣдующей почтѣ на основаніи прилагаемаго у сего (отдѣльно напечатаннаго) листа изъ губернскихъ нашихъ газетъ<sup>2)</sup>. Начальница здѣшняго института благородныхъ дѣвицъ, да и многіе очень одобряли эту мысль. Легко ей состояться, если вы подкрѣпите на одной изъ частныхъ бесѣдъ вашихъ!

«Примите, добрѣйшій графъ, глубочайшаго къ вамъ почтенія и чисто-сердечной приверженности увѣреніе».

Черезъ нѣсколько дней Каразинъ дѣйствительно прислалъ графу Бенкендорфу свой проектъ «О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ» съ такою собственноручною припискою: «Не взыщите, добрѣйшій графъ, если этотъ списокъ съ препровожденной ея императорскому величеству бумаги будетъ въ какомъ-нибудь незначительномъ выраженіи не точенъ противъ оригинала. Писавши, я поправлялъ, а теперь иное диктовалъ сыну изъ памяти. 4-го октября».

Между тѣмъ, не получая увѣдомленія о томъ, что его благодарность доложена великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, нетерпѣливый В. Н. Каразинъ писалъ графу Бенкендорфу<sup>3)</sup>:

<sup>1)</sup> Въ кувертѣ моемъ къ вамъ (посланномъ) отъ 15-го іюля сего года. Примѣч. Каразина.

<sup>2)</sup> Прибавленіе къ № 34 „Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей“ 1839 г.

<sup>3)</sup> Въ письмѣ 15-го ноября 1839 г. изъ Харькова.

«Удостоите ободрить, оживить меня одною строкою!... Я такъ давно уже не получалъ отвѣта! Жажду особливо узнать о послѣдствіи моей всенижайшей благодарности ея императорскому высочеству. Дайте мнѣ старику, старому другу воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, еще разъ отъ умиленія поплакать, какъ плакалъ я въ 1802 г., когда увидѣлъ въ манифестѣ 8-го сентября внесеннымъ министерство народнаго просвѣщенія между прочими.

«Ахъ, добрыйшій графъ! Неужели вы не захотите или не можете сколько-нибудь подѣйствовать на предубѣжденіе (противъ меня) наилучшаго изъ царей?

«Безвременное усердіе, безумное дерзновеніе говорить то, что я святымъ долгомъ почиталъ сказать, есть все, что составляетъ вину мою въ продолженіе 40 лѣтъ...

«Высочайшій гнѣвъ имѣлъ послѣдствіемъ ополченіе ябеды. Предсѣдатели палаты и сенаторы говорили не безъ основанія: на что щадить врага общественнаго? Сказавъ это, они лишили меня имѣнія, пожалованнаго за пролитую кровь и другія заслуги моему отцу. Вѣдь я живу теперь скудными доходами жены моей.

«Сіятельнѣйшій графъ! И прошенія ея о пересмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ лежатъ бесплодно и у васъ и въ комиссіи прошеній. А бѣдныя, уже чисто безвинныя дѣти не потерпѣли ли отъ этого же предубѣжденія? Старшій сынъ, напримѣръ, гордость моя, котораго я воспиталъ сообразно природнымъ его способностямъ, чтобы блеснуть имъ передъ августѣйшимъ моимъ благотворителемъ блаженной памяти, готовя его для генеральнаго штаба, этотъ молодецъ, владѣющій тремя-четырьмя языками, какъ своимъ отечественнымъ, этотъ математикъ, физикъ и проч.,—что онъ теперь на 33 году его жизни? онъ, которому принадлежало бы въ флигель-адъютантахъ дѣлать честь своему званію?—бѣдный прострѣленный въ егеряхъ подпоручикъ въ отставкѣ.

«Чудное дѣло, графъ! Человѣкъ съ ума спешдшій на усердіи къ своимъ государямъ и отечеству, написавшій сильнѣйшіе доводы въ защиту самодержавнаго правленія <sup>1)</sup>, считается какимъ-то карбонари, потому только, что онъ смѣлъ! Забыто одно, что онъ писалъ и пишетъ подъ печатію тайны, какъ нѣжный сынъ отцу, котораго обожаетъ.

«Всепокорнѣйшій слуга и вѣчно вѣрный почитатель».

Это одно изъ послѣднихъ писемъ Каразина, бывшихъ въ нашихъ рукахъ; 4-го ноября 1842 года онъ скончался.

Н. Дубровинъ.

---

<sup>1)</sup> Отъ васъ зависитъ выправиться въ секретномъ архивѣ департамента народнаго просвѣщенія о моей рукописи, поднесенной харьковскому дворянству въ 1816 году. Примѣч. Каразина.

Неизданное стихотвореніе В. А. Жуковского цесаревичу Александру Николаевичу <sup>1)</sup>).

---

Прими, Россіи вѣрный сынъ,  
Отъ русскихъ въ Римѣ русскій блинъ  
И скушай на здоровье!  
Счастливый путь тебѣ;—отъ насъ одно условье:  
Гуляй, любуйся всѣмъ и всюду веселись,  
Но лишь опять не простудись <sup>2)</sup>,  
И много лѣтъ тебѣ съ царемъ и съ царскимъ домою!  
И будь во всемъ удача вамъ!  
А царства Русскаго врагамъ  
Будь все наперекоръ, будь каждый блинъ имъ комою!

Римъ. 30-го января 1839.

Сообщилъ М. А. Бычковъ.



---

<sup>1)</sup> Печатается по копіи, находящейся въ бумагахъ академика А. Ѳ. Быкова и снятой имъ собственноручно въ 1850-хъ годахъ. Масленицу 1839 г. цесаревичъ Александръ Николаевичъ проводилъ, какъ извѣстно, въ Римѣ.

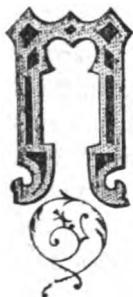
<sup>2)</sup> Еще въ началѣ своего заграничнаго путешествія 1838—39 г.г. наследникъ, во время пребыванія въ Копенгагенѣ, сильно простудился и захворалъ лихорадкою.



## Сперанскій въ 1808—1811 гг.

(Дополнительныя замѣтки къ «Жизни графа Сперанскаго»).

(Изъ бумагъ академика А. О. Быкова).



омѣщаемыя ниже замѣтки, извлеченныя нами изъ дополнительныхъ матеріаловъ къ «Жизни графа Сперанскаго», относятся къ его дѣятельности за періодъ съ 1808 до 1812 года и содержатъ въ себѣ нѣкоторые новыя данныя для характеристики какъ самого Сперанскаго, такъ и тѣхъ лицъ, съ которыми судьба ставила его за то время въ ближайшія отношенія.

8-го августа 1808 года состоялся указъ о назначеніи Сперанскаго присутствующимъ въ совѣтъ комиссіи составленія законовъ. До тѣхъ поръ главнымъ въ ней дѣятелемъ и полнымъ хозяиномъ былъ извѣстный баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ (р. 1764 г. † 1832 г.).

Вотъ какъ самъ Розенкампфъ, въ своихъ Запискахъ, говоритъ о своемъ вступленіи въ комиссію законовъ:

«При проѣздѣ императора Александра, въ іюлѣ 1801 года, черезъ Лифляндію, я, въ званіи дерптскаго уѣзднаго судьи и ландрихтера, встрѣтилъ его и сопровождалъ до границы, и тутъ впервые увидѣлъ находившихся въ его свитѣ камергера Новосильцова и графа Кочубея. Потомъ, лѣтомъ 1802 года, я ѣздилъ, по частному дѣлу, въ Петербургъ и возобновилъ тамъ знакомство съ соученикомъ моимъ по Лейпцигскому университету Козодавлевымъ, человѣкомъ образованнымъ и прекрасныхъ качествъ. Какъ онъ, такъ и Державинъ, вскорѣ затѣмъ назначенный

министромъ юстиціи, приняли меня очень дружественно и, при рѣчи о возобновленіи дѣятельности коммисіи законовъ, находившейся въ то время подъ управленіемъ графа Завадовскаго, вызвали меня написать статью о законодательствѣ. Эта статья, оконченная уже по возвращеніи моемъ въ Дерптъ, была потомъ напечатана въ издававшемся Карамзинымъ, въ Москвѣ, журналѣ <sup>1)</sup> и дошла этимъ путемъ до свѣдѣнія государя. Въ ноябрѣ того же 1802 года я получилъ отъ Державина формальный зовъ явиться въ Петербургъ, для опредѣленія тамъ на службу. Прибывъ туда, я познакомился съ Новосильцовымъ, пользовавшимся въ то время величайшею довѣренностью государя. Разговоръ коснулся законодательства. Онъ зналъ о моей статьѣ и на отзывъ мой, что, еслибъ было въ виду меня употребить, я желалъ бы служить именно по этой части, отвѣчалъ, что только наканунѣ была съ государемъ рѣчь о томъ, гдѣ бы найти человѣка для этихъ занятій, что онъ, слѣдственно, очень радъ моему вызову и охотно доложить государю объ опредѣленіи меня въ коммисію. Такимъ образомъ дѣло это немедленно и уладилось.

Этотъ рассказъ объ опредѣленіи Розенкампа въ коммисію законовъ, какъ выше сказано, взятъ изъ собственныхъ его Записокъ.

«Но старый шифрёръ Бекъ, извѣстный нѣкогда всему Петербургу подъ названіемъ: «*der alte Geheimrath Beck*» (т. е. старый тайный совѣтникъ Бекъ), человѣкъ, все на свѣтѣ знавшій и поминувшій и, въслѣдствіи, самъ пострадавшій по исторіи Сперанскаго, рассказывалъ дѣло нашего «перваго референдарія» съ такими подробностями, которыхъ мы не находимъ въ Запискахъ послѣдняго. По словамъ этого Бека, — говоритъ баронъ М. А. Корфъ — Розенкампъ былъ уже отчасти извѣстенъ Александру участіемъ своимъ въ работахъ объ освобожденіи лифляндскихъ крестьянъ и, въслѣдствіе этого, по приѣздѣ въ Петербургъ, вмѣсто того, чтобы идти обыкновенными путями, имѣлъ ребяческое тщеславіе представиться, прежде всѣхъ, государю, который, разумѣется, тутъ же о немъ и забылъ; но выписавшаго его въ Петербургъ Новосильцова эта продѣлка такъ взбѣсила, что онъ не хотѣлъ болѣе и видѣть его. Скитаясь затѣмъ по столицѣ, безъ мѣста и безъ дѣла, Розенкампъ наткнулся на Бека, знавшаго его еще по Лифляндіи, и этотъ присовѣтовалъ ему начать совѣтъ съ другого конца, именно съ придворнаго лакея Франца, очень близкаго къ Новосильцову, которому онъ, въ компаніи съ состоявшимъ

---

<sup>1)</sup> Эта статья была напечатана въ издававшемся Карамзиннымъ „Вѣстникъ Европы“ 1803 года, январь, № 2, стр. 141—156, подъ заглавіемъ: „Нѣкоторые замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи Россіи. Письмо изъ Д\*\*\* [т. е. Дерпта] отъ Г. фонъ Р\*\*\* [т. е. Розенкампа] къ О. П. К. [т. е. Козодавлеву], по случаю присылки къ нему книги сочиненія прусскаго юрисконсульта Клейна“.



на службѣ при послѣднемъ Вронченко (впослѣдствіи министръ финансовъ), доставлялъ средства удовлетворять его страсти къ прекрасному полу. И точно, Францъ, за имперіалъ и жирный обѣдъ въ трактирѣ, не отказалъ въ своемъ посредничествѣ. Новосильцовъ отложилъ свой гнѣвъ, и Розенкампфъ былъ опредѣленъ въ комиссію.

«Розенкампфъ—пишетъ Корфъ—котораго мы очень близко знали и подѣ начальствомъ котораго нѣсколько лѣтъ служили, при неоспоримыхъ умственныхъ достоинствахъ и знаніяхъ, принадлежалъ, въ нравственномъ отношеніи, къ числу тѣхъ людей, для которыхъ нѣтъ ничего святого. Лицемерный льстецъ, лгунъ, мстительный, исполненный коварства и желчной злобности, онъ готовъ былъ на все, когда дѣло шло о личныхъ его интересахъ. Ему нельзя было отказать ни въ остромъ умѣ, ни въ обширныхъ теоретическихъ свѣдѣніяхъ; но знанія его въ русскомъ языкѣ были крайне скудны, а о Россіи—еще скуднѣе; знакомства съ нашимъ дѣйствующимъ правомъ, а тѣмъ болѣе съ его источниками, онъ не имѣлъ никакого». Немудрено поэтому, что работы по сочиненію уложеній, чѣмъ должна была заниматься комиссія законовъ, подвигались крайне медленно и безуспѣшно.

Вдругъ, и въ комиссіи явился Сперанскій.

Примѣчательно, что Сперанскій выдавалъ свое назначеніе въ комиссію—по крайней мѣрѣ передъ нѣкоторыми—какъ бы за случайное и сдѣланное почти противъ его воли. 25-го сентября 1808 года онъ писалъ, изъ Эрфурта, графу В. П. Кочубею, жившему тогда, внѣ службы, въ своихъ деревняхъ: «При отъѣздѣ князя Лопухина въ Кіевъ, мнѣ досталась комиссія законовъ, въ которую, безъ чаянія и желанія моего, опредѣленъ я членомъ».

Назначеніе Сперанскаго въ комиссію было тяжелымъ ударомъ для честолюбиваго Розенкампфа.

«Онъ хорошо зналъ—пишетъ Корфъ—дѣятельность и дарованія новаго члена комиссіи, зналъ и то, что Сперанскій поступаетъ въ нее не съ цѣлью быть празднымъ свидѣтелемъ чужихъ трудовъ. Легко поэтому понять, что Розенкампфомъ, съ самой первой минуты, овладѣла глубокая ненависть къ человѣку, такъ внезапно ставшему на его пути».

«Ненависть Розенкампфа къ Сперанскому—продолжаетъ Корфъ—возбуждена была, сверхъ того, еще двумя особенными обстоятельствами. Первый самъ, въ своихъ Запискахъ, рассказываетъ, что онъ, въ 1807 году, составилъ, по волѣ государя, проектъ новаго образованія для С.-Петербургскаго губернскаго правленія, который былъ переданъ потомъ къ разсмотрѣнію въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и что Сперанскій, состоявшій еще тогда въ этомъ министерствѣ, написалъ на его проектъ такую жестокую критику, что, несмотря на всю ея неосновательность (?), проектъ былъ отвергнутъ. Уже этого одного довольно было,

чтобы внушить тщеславному Розенкампфу горькую злобу противъ виновника его пораженія. Но другое обстоятельство, извѣстное намъ, впрочемъ, только по разсказу старика Бека, было еще важнѣе. Говорили, что за Розенкампфомъ, на самыхъ первыхъ порахъ сослуженія его съ Сперанскимъ, открылось какое-то очень черное дѣло еще изъ временъ лифляндскаго его адвокатства, какая-то прикосновенность къ фальшивому банкротству, выкраденнымъ документамъ и пр., — дѣло, которое поступило уже и въ судъ и доводило обвиняемаго до такого отчаянія, что онъ, вначалѣ, покушался даже было на свою жизнь. Между тѣмъ все это дошло, стороною, и до новаго его начальника, который, вмѣсто того, чтобы тотчасъ выгнать Розенкампфа, или по крайней мѣрѣ уже со всѣмъ промолчать, имѣлъ неосторожность, давъ замѣтить, что онъ все знаетъ, слѣдственно, что судьба преступника въ его рукахъ, несмотря на то, оставить его въ комиссіи. Въ такой крайней опасности Розенкампфъ, будто-бы, умудрился, втайнѣ, выкупить изъ суда всѣ части дѣла, касавшіяся его личности, но съ тѣхъ поръ объявилъ смертельную и непримиримую вражду Сперанскому, его прозрѣвшему, а жена его, очењь умная и талантливая француженка (урожденная Бларамбергъ), принятая, въ то время, въ высшемъ обществѣ, стала разглашать вездѣ, подъ рукою, самыя злобныя противъ Сперанскаго клеветы».

Бывъ опредѣленъ въ комиссію законовъ незадолго до эрфуртской поѣздки, Сперанскій сначала не могъ настоящимъ образомъ приняться за дѣло. Вскорѣ же по возвращеніи изъ Эрфурта, онъ былъ назначенъ (16-го декабря 1808 г.) товарищемъ министра юстиціи, — именно для комиссіи, — и сталъ истиннымъ ея начальникомъ. Сперанскимъ былъ представленъ докладъ о необходимости преобразовать комиссію, и 7-го марта 1809 года издано новсе о ней положеніе <sup>1)</sup>.

Розенкампфъ былъ сравненъ съ другими начальниками отдѣленій, что чрезвычайно его огорчило. Къ этому присоединились еще двѣ лично ему нанесенныя Сперанскимъ непріятности.

«По представленію Розенкампфа съ 1805 года нѣсколько извѣстныхъ

---

<sup>1)</sup> По этому положенію (П. С. З. №№ 23524 и 23525) комиссія составлена изъ трехъ частей: сословія юрисъ-консультовъ, раздѣленного на отдѣленія, для производства самыхъ работъ; правленія, для разсмотрѣнія и утвержденія плана работъ и руководства ими, и совѣта, для пересмотра изложенія законовъ, по мѣрѣ ихъ составленія. — Сперанскій былъ назначенъ членомъ правленія и совѣта, съ порученіемъ ему и управленія письмоводствомъ. Начальниками отдѣленій опредѣлены: по гражданскому уложенію — Розенкампфъ; по уголовному — Дружининъ; по коммерческому — Вирстъ; по публичному праву и государственной экономіи — Балугьянскій; по своду законовъ остзейскихъ губерній — Зальфельдтъ; по своду законовъ малороссійскихъ и польскихъ — Повстанскій. (Архивъ комиссіи).

иностранныхъ ученыхъ и юристовъ было назначено почетными членами и корреспондентами комиссіи <sup>1)</sup>, съ жалованьемъ по 400 руб. сер. въ годъ. Двѣ послѣдовавшія затѣмъ войны и поѣздка государя за границу замедлили выдачу имъ окладовъ; но наконецъ состоялось положительное повелѣніе начать ихъ отпускъ. «Къ сожалѣнію — говоритъ Розенкампфъ въ своихъ Запискахъ—это повелѣніе совпало со вступленіемъ въ управленіе комиссіею Сперанскаго. Не питая никакого уваженія къ нѣмецкимъ ученымъ и писателямъ, потому что не былъ въ состояніи ихъ читать и понимать, и притомъ боя всякій случай меня компрометировать, онъ, подъ предлогомъ бесполезности такихъ корреспондентовъ, тотчасъ исходатайствовалъ отрицаніе упомянутого повелѣнія, и такимъ образомъ обнадеженные мною почтенныя лица были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ».

«Еще чувствительнѣе для меня было—продолжаетъ Розенкампфъ—упраздненіе учрежденнаго въ 1806 году, тоже по моему представленію, высшаго училища правовѣдѣнія. Сперанскій успѣлъ въ томъ, увѣривъ государя, что напрасно имѣть такую школу, пока нѣтъ еще книгъ законовъ, и что, для образованія, въ ожиданіи ихъ, чиновниковъ, довольно и университетовъ, имѣющихъ вездѣ юридическіе факультеты».

«Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ — пишетъ Корфъ,—что упоминаемое Розенкампомъ высшее училище правовѣдѣнія было окончательно упразднено только въ 1816 году, по утвержденному 29-го февраля докладу главноуправлявшаго въ то время комиссіею законовъ князя Лопухина (П. С. З. № 26170); но самый докладъ этотъ съ одной стороны подтверждаетъ справедливость показанія Розенкампа, а съ другой свидѣтельствуетъ, что и Лопухинъ выставилъ къ этой мѣрѣ одинаковыя съ Сперанскимъ побужденія. «Какъ—писалъ князь въ своемъ докладѣ—курсъ ученія въ ономъ (т. е. въ училищѣ) по разнымъ неудобствамъ еще въ 1809 году остановленъ, и какъ въ послѣдствіи времени устроены многія публичныя заведенія, гдѣ юношество съ пользою можетъ образоваться, то» и проч. Но истиннымъ побужденіемъ Лопухина была здѣсь, какъ нельзя въ томъ сомнѣваться, скупость его на казенныя деньги. На училище отпускалось ежегодно по 23.000 руб., которые, съ его закрытіемъ, въ томъ же докладѣ положено было прекратить».

По смерти въ 1807 г. умнаго, опытнаго и дѣловаго графа Васильева управленіе министерствомъ финансовъ было ввѣрено, съ зва-

<sup>1)</sup> Это были: Гёкингъ, Піатоли, Эргардтъ, Кирхейзенъ, Клейнъ, Гуго, Шлѣцеръ, Тибо и Фейербахъ—слѣдственно, всѣ безъ изыятія нѣмцы, какъ и самъ Розенкампфъ. (Архивъ комиссіи).

ніемъ государственнаго казначея, добродушному, но слабому Голубцову, осторожность и робость котораго не нравились Сперанскому. 1-го января 1810 года, въ одинъ день съ открытіемъ Государственнаго Совѣта, министерство финансовъ было поручено Д. А. Гурьеву, бывшему долѣ товарищемъ министра финансовъ и завѣдывавшимъ удѣлами, а званіе государственнаго казначея упразднено.

«По словамъ современниковъ—читаемъ въ дополнительныхъ замѣткахъ къ «Жизни графа Сперанскаго»—Гурьевъ былъ человекъ безъ большого дѣловаго ума и еще менѣе ученаго образованія; но имѣлъ много доброй воли и еще болѣе придворной тонкости. На вопросъ, въ Перми, купца Попова, почему именно онъ былъ выбранъ въ министры финансовъ, Сперанскій отвѣчалъ: «Его считали за честнаго человека и устроили подъ руководствомъ; но и онъ вздумалъ умничать».

Гурьевъ, еще въ бытность товарищемъ министра финансовъ, просилъ извѣстнаго М. А. Балугьянскаго—выписаннаго въ 1804 году для занятія профессорской катедры въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и потомъ занявшаго въ комиссіи законовъ мѣсто реферendarія по части политической экономіи, финансовъ и публичнаго права—изложить его мысли и предположенія о средствахъ къ лучшему устройству нашихъ финансовъ. По назначеніи Сперанскаго присутствующимъ въ совѣтѣ комиссіи законовъ, Балугьянскій счелъ долгомъ свою работу по этому порученію, уже приближавшуюся къ окончанію, показать новому своему начальнику. Извѣстно, что записка Балугьянскаго о финансахъ, изложенная имъ по-французски, была переложена Сперанскимъ на русскій языкъ, но въ другой формѣ и со многими перемѣнами и дополненіями, и такимъ образомъ легла въ основу его финансоваго плана.

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» находится слѣдующая замѣтка Корфа, касающаяся Балугьянскаго:

«Мнѣнія современниковъ на счетъ Балугьянскаго были чрезвычайно различны. Тогда какъ однимъ онъ казался глубокомысленнымъ ученымъ, другіе видѣли въ немъ только негоднаго ни на какое дѣло педанта. Въ описываемое нами теперь время, Кочубей и Сперанскій были самыхъ лучшихъ о немъ мыслей. 18-го ноября 1809 года послѣдній писалъ первому: «Очень радъ, что вамъ понравились идеи Балугьянскаго. Это весьма хорошая голова, которую всегда можно употреблять съ пользою для кабинетной работы первообразной». Розенкампфъ, товарищъ Балугьянскаго по комиссіи законовъ, былъ диаметрально противоположнаго о немъ мнѣнія. Въ одной работѣ своей о русскихъ финансахъ онъ называлъ его: «un professeur, que le monde littéraire ignore, mais que tout le monde à St-Petersbourg connaît avec son jargon demisavant pour un brouillon en fait de connaissances, ne

sachant s'exprimer avec clarté dans aucune langue <sup>1)</sup>». Последнее было сущою правдою: Балугьянскій говорилъ и писалъ на всѣхъ возможныхъ языкахъ, и на всѣхъ, кромѣ, можетъ быть, латинскаго,—преотвратительно, что, однако, не помѣшало ему, въ бытность Гурьева министромъ, пользоваться особеннымъ довѣріемъ послѣдняго и стоять во главѣ всѣхъ тогдашнихъ финансовъ мѣръ. Н. И. Тургеневъ, занимавшій въ то время, какъ Балугьянскій былъ членомъ ученаго комитета министерства финансовъ, должность секретаря этого комитета, говорить: «Le professeur travaillait sans cesse à une foule de projets; son charlatanisme me déplut souverainement dès le début et je ne laissais échapper aucune occasion de le lui faire sentir <sup>2)</sup>. (La Russie et les russes, I, 130). Преемникъ Гурьева, графъ Канкринъ, оставя при Балугьянскомъ званіе члена ученаго комитета, совсѣмъ устранилъ его отъ вліянія и даже занятія по дѣламъ министерства. Дашковъ и Блудовъ, съ своей стороны, называли его, по массѣ громадныхъ свѣдѣній, худо, какъ имъ казалось, уложившихся въ его головѣ, un bibliothèque renversée (библіотекою въ безпорядкѣ). Что касается нашего личнаго мнѣнія объ этомъ человѣкѣ, стоявшемъ весьма высоко въ моральномъ отношеніи, то оно съ полною искренностью высказано во II томѣ «Жизни графа Сперанскаго» (стр. 313), не по слухамъ, а по долговременному служенію подъ его начальствомъ. На жизнь практическую, а тѣмъ болѣе на управленіе какою-либо частію, или на доведеніе какой-либо важной работы до полнаго ея совершенія, онъ никогда не былъ способенъ. Въ этомъ отношеніи Балугьянскій былъ истинный нѣмецкій кабинетный «Gelehrter». Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1847 года, во время управленія имъ II-мъ Отдѣленіемъ за отсутствіемъ графа Блудова, находившагося тогда въ Римѣ для заключенія извѣстнаго конкордата. Въ его жизни замѣчательно еще то, что, бывъ отъ рожденія униатомъ, онъ, вслѣдствіе извѣстной общей мѣры, въ одно прекрасное утро проснулся, невѣдомо для самого себя, воссоединеннымъ, на старости лѣтъ, съ православною церковью!»

Переработанная Сперанскимъ записка Балугьянскаго о финансахъ была потомъ разсматриваема и обсуживаема, въ домашнихъ совѣщаніяхъ, за обѣдами у графа Северина Потоцкаго (тогда еще сенатора,

---

<sup>1)</sup> П е р е в о д ъ: Профессоръ, совсѣмъ не извѣстный въ литературномъ мірѣ, но котораго всѣ въ Петербургѣ знаютъ за человека погуученаго, обладающаго сбродомъ поверхностныхъ знаній и не умѣющаго ни на какомъ языкѣ ясно излагать свои мысли.

<sup>2)</sup> П е р е в о д ъ: Профессоръ постоянно занимался всякими проектами. Съ самаго начала его шарлатанство мнѣ крайне не понравилось, и я при всякомъ удобномъ случаѣ давалъ это ему почувствовать.

а 1-го января 1810 г. назначеннаго членомъ Государственнаго Совѣта), въ которыхъ, сверхъ Сперанскаго, участвовали только адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, Кочубей, Кампенгаузенъ и Балугьянскій.

Пользуясь случаемъ, приведемъ здѣсь замѣтку Корфа о Н. С. Мордвиновѣ: «Николай Семеновичъ Мордвиновъ былъ, конечно, человекъ весьма замѣчательный и, въ отношеніи къ своей популярности, занималъ, въ гражданскомъ вѣдомствѣ, такое же мѣсто, какъ Ермоловъ въ военномъ, хотя оба дѣйствовали, а въ душѣ своей, можетъ остаться, даже и думали не всегда такъ, какъ говорили и высказывались. Н. И. Тургеневъ, который при Мордвиновѣ правилъ (нѣсколько позже) должность статсъ-секретаря въ департаментѣ экономіи, изливается, въ своей книгѣ (*La Russie et les russes*), въ восторженныхъ ему похвалахъ, быть можетъ, частью и отъ того, что пользовался сильнымъ надъ старикомъ влияніемъ, которое, впрочемъ, всегда имѣли на него всѣ канцеляріи. Замѣтимъ также, что Мордвиновъ, до глубокой старости, отличался какою-то легкомысленною довѣрчивостію и любилъ пощеголять подъ часъ либеральными, даже какъ бы революціонными фразами <sup>1)</sup>, чѣмъ и бралъ надъ многими молодыми умами».

Наконецъ, финансовыя предположенія Сперанскаго подверглись еще официальному пересмотру въ особомъ комитетѣ, собиравшемся у Гурьева, и результатъ сказанныхъ совѣщаній и пересмотровъ—окончательно изготовленный планъ финансовъ—былъ врученъ императоромъ Александромъ председателю Государственнаго Совѣта въ самый день его открытія (1-го января 1810 года). Обширный планъ Сперанскаго въ настоящее время напечатанъ въ полномъ видѣ А. Н. Куломзиннымъ въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» (томъ 45-й, Спб. 1885, стр. 1—72), а потому мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь изложеніе сущности этого плана, находящееся въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго».

Финансовыя мѣропріятія Сперанскаго встрѣчали въ Государственномъ Совѣтѣ со стороны нѣкоторыхъ его членовъ рѣзкія возраженія. Особенною рѣзкостью отличалось мнѣніе адмирала П. В. Чичагова, высказанное имъ въ Совѣтѣ (оно приведено въ «Жизни графа Сперанскаго», т. I, стр. 214).

«Императоръ Александръ — читаемъ въ дополнительной замѣткѣ

---

<sup>1)</sup> См. напр. разговоръ Мордвинова съ Н. И. Тургеневымъ, приведенный этимъ послѣднимъ въ его книгѣ „*La Russie et les russes*“, I, стр. 123—124.—Въ моихъ запискахъ за время бытности моей государственнымъ секретаремъ (1834—1843)—добавляетъ Корфъ—есть много замѣтокъ и анекдотовъ о Мордвиновѣ. Здѣсь скажу только еще, что императоръ Николай терпѣть его не могъ, какъ, впрочемъ, не жаловалъ и Ермолова».



Корфа—былъ въ большемъ негодованіи на это мнѣніе Чичагова <sup>1)</sup>. Отвѣчая ему въ Совѣтѣ самъ, и очень сильно, онъ перешелъ потомъ прямо къ другимъ предметамъ, не приказавъ даже,—вопреки законамъ и обычаю Совѣта,—отбирать, по выслушанному мнѣнію, голоса прочихъ. Чичаговъ былъ человекъ съ головою, съ живымъ словомъ, съ перомъ, съ знаніями и идеями,—одинъ, по настоящему, во всей совѣтской оппозиціи, который могъ тогда противоборствовать Сперанскому. За то всѣ и были убѣждены, что собственно послѣдній былъ причиною немилости къ Чичагову государя, который, при всѣхъ случаяхъ, оказывалъ ему, въ то время, явную холодность и даже пренебреженіе».

Въ современной публикѣ финансовыя мѣропріятія Сперанскаго также подвергались разбору и нареканіямъ. Между прочимъ, Корфъ упоминаетъ <sup>2)</sup> о рукописной запискѣ Розенкампа (составленной, впрочемъ, гораздо позже, въ тридцатыхъ годахъ), въ которой онъ даетъ обзоръ всѣхъ финансовыхъ операцій 1810—1812 годовъ,—запискѣ, исполненной явнаго предубѣжденія противъ всего, что дѣлалъ Сперанскій по этой части, дышащей самою жальною противъ него ненавистью и совершенно искажающей факты, съ видимою цѣлью очернить передъ потомствомъ самую память Сперанскаго.

«Розенкампа въ этой запискѣ своей—замѣчаетъ Корфъ въ рукописной замѣткѣ—лжетъ безсовѣстно на письмѣ, какъ всегда дерзко лгалъ и въ изустной рѣчи. Мы не можемъ довольно предостеречь будущихъ читателей отъ этого злонамѣреннаго пасквиля, еслибъ онъ когда-нибудь огласился. Авторъ рассказывалъ одному общему нашему пріятелю (сенатору К. М. Бороздину), что, въ видахъ вѣрнѣйшаго сохраненія своего сочиненія для потомства, онъ копію съ него передалъ другому своему пріятелю, поляку графу Замойскому, тому самому, который, бывъ, впоследствии, прикосновененъ къ мятежу, бѣжалъ за границу. Экземпляръ записки, которымъ мы пользовались, есть черновой, писанный весь собственною рукою Розенкампа».

Сперанскій, съ своей стороны, старался сначала подкрѣпить, а потомъ оправдать передъ государемъ свои предположенія по финансовой части. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ три замѣчательныя его бумаги изъ трехъ разныхъ эпохъ. «Одна—говоритъ Корфъ <sup>3)</sup>—есть отчетъ (въ дѣлахъ 1810 года), поданный имъ 11-го февраля 1811 года, когда всѣмъ главнымъ частямъ операцій положено было основаніе <sup>4)</sup>,

<sup>1)</sup> Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

<sup>2)</sup> „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, стр. 231—232.

<sup>3)</sup> „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, стр. 233—234.

<sup>4)</sup> Напечатанъ въ полномъ видѣ А. О. Бычковымъ въ „Сборникѣ Императ. Русск. Историч. Общества“, т. XXI, Спб. 1877, стр. 447—462.

другая—записка, подъ заглавіемъ «О силѣ правительства», поднесенная государю 3-го декабря того же года <sup>1)</sup>, когда уже почти все было приведено въ исполненіе и для Сперанскаго началась борьба со многими значительными лицами того времени; наконецъ третья—письмо его изъ Перми, писанное въ 1813 году <sup>2)</sup>, когда для него, лично, уже все было кончено и онъ говорилъ о сдѣланномъ какъ бы лицо постороннее, или какъ нелицепріятный свидѣтель дѣлъ давно минувшихъ. Эти три бумаги, въ общей ихъ совокупности, представляютъ и обзоръ предпринятаго, или предположеннаго, и отвѣтъ на возникшія возраженія, жалобы и нареканія, и объясненіе причинъ безуспѣшности, или неудачъ,—разумѣется, съ точки зрѣнія Сперанскаго».

Во всѣхъ этихъ документахъ Сперанскій говорилъ о финансовыхъ своихъ дѣйствіяхъ только передъ императоромъ Александромъ. Но есть еще одинъ отчетъ, одно оправданіе, произнесенное имъ передъ лицомъ цѣлой, такъ сказать, Европы, въ эпоху гораздо позднѣйшую, именно въ 1824 году. Мы разумѣемъ здѣсь его автобіографію, напечатанную на нѣмецкомъ языкѣ. Сказавъ въ ней о финансовомъ своемъ планѣ нѣсколько словъ въ смыслѣ вышеприведенныхъ бумагъ, Сперанскій прибавляетъ: «Планъ этотъ, однакожъ, не могъ идти одинъ. Онъ опирался на контролѣ, который, въ дѣлѣ финансовомъ, составляетъ жизненную основу каждой правильной системы. Но чтобъ контролировать министерство, нужно политическое установленіе, а въ Россіи его нѣтъ.

«Итакъ, для восполненія этого недостатка, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, не оставалось иного, какъ, избравъ одно изъ высшихъ установленій административныхъ, наиболѣе удобное для такой цѣли, облечь его приличною властію,—властію, конечно, шаткою, но все же еще довольно важною, лишь бы она охранялась надлежащимъ образомъ. Это повело къ соответственному преобразованію Государственнаго Совѣта.

«Существенныя преобразованія, и особенно преобразованія финансовыхъ, вездѣ влекутъ за собою важное неудобство: прикосновеніе къ частнымъ интересамъ. Людей и интересы ихъ никогда нельзя затрогивать безнаказанно. Наиболѣе опасны такія столкновенія въ такихъ государствахъ, гдѣ общественное мнѣніе слишкомъ еще слабо, чтобы защищать усердіе и талантъ отъ нападеній зависти и невѣжества. Во-

<sup>1)</sup> Часть этой записки, касающаяся финансовъ, напечатана въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. I, стр. 240—241; въ полномъ же видѣ она издана недавно П. М. Майковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1902 года, декабрь, стр. 495—499.

<sup>2)</sup> Въ полномъ видѣ, по подлиннику, издано впервые Н. К. Шильдеромъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 года (книга первая, стр. 50—65), а затѣмъ въ его трудѣ „Императоръ Александръ Первый“, т. III, стр. 515—527.

пюť противъ нововведеній, не выкая ни въ ихъ свойства, ни въ настоятельность причинъ. Таково было положеніе Сперанскаго. Безъ связей и родства, безъ опоры, безъ состоянія, *ipse suae fortunae auctor* (самъ создатель своего счастья), знакомый при томъ болѣе съ дѣлами, нежели съ людьми, онъ выступилъ на бой одинъ. Можно ли ему было не пасть!..

«Всѣ работы, приготовленные имъ въ теченіе 1809 года, появились въ свѣтъ въ началѣ 1810 г. и составили эпоху въ Россіи. Менѣе чѣмъ въ два года приведена была въ стройный порядокъ система налоговъ; установлено подвергать годичныя смѣты строгому разсмотрѣнію; составленъ капиталъ погашенія; консолидирована часть ассигнацій; учреждена новая монетная система; наконецъ, изданъ тарифъ, въ высшей степени національный.

«Между тѣмъ въ трудномъ переходѣ отъ ассигнацій къ правильной кредитной системѣ есть одинъ подводный камень, тѣмъ болѣе опасный что онъ нерѣдко укрывается отъ самаго искуснаго кормчаго. Это—вопросъ о срокахъ и времени, когда оканчиваются вредныя дѣйствія ассигнацій. Масса бумажныхъ денегъ, выпущенная, напримѣръ, въ 1809 г., не вдругъ и не въ тотъ же годъ производитъ примѣтную перемѣну въ курсѣ. Вліяніе ея оказывается постепенно и по мѣрѣ того, какъ выпущенныя ассигнаціи появляются, въ болѣе или меньшемъ количествѣ, на рынкахъ и въ коммерческихъ оборотахъ, что само собой предполагаетъ періодъ времени довольно продолжительный, въ соотвѣтственность количеству выпуска и движенію торговли. Отсюда ясно что болѣшая циркуляція ассигнацій и упадокъ ихъ курса могутъ случиться одновременно съ прекращеніемъ новаго ихъ выпуска. Тогда кажется, будто бы ассигнаціи упадаютъ по мѣрѣ сокращенія этого выпуска и будто курсъ понижается по мѣрѣ убавленія ихъ числа. Призракъ принимаетъ видъ дѣйствительности, и заблужденное мнѣніе относить этотъ феноменъ къ послѣдствіямъ новой системы. Такъ судили о ней и въ Россіи и, изъ явленія совершенно естественнаго, вывели, будто бы новый планъ не имѣетъ практическаго основанія, а творецъ его—отвлеченный теоретикъ».

Выпишемъ, въ заключеніе, еще нѣсколько строкъ изъ упомянутой выше записки Розенкампа объ исторіи нашихъ финансовъ. Онъ показываетъ, въ какомъ духѣ и тонѣ написано это сочиненіе; показываютъ также, какъ, при всей злобной враждѣ противъ Сперанскаго, авторъ не могъ не сознаться, что, послѣ его удаленія, пошло—еще хуже.

«Après le renvoi de Spéransky — пишетъ онъ—on continua dans les discussions du Conseil les phrases auxquelles on était habitué. Le même professeur brouillon (Балугьянскій), qui avait soufflé au secrétaire de

l'empire la théorie de l'économie politique, devint le souffleur de M-r de Gourief et lui fit croire qu'il deviendrait le fondateur d'un système plus parfait encore que celui de 1810. Chaque matin il lui faisait la lecture de quelques extraits du Moniteur et des feuilles anglaises, qui achevèrent de le convaincre qu'il était au fait de tout et qu'il surpasserait ses prédécesseurs. Nous verrons bientôt qu'effectivement le mal que fit M-r de Gourief aux finances russes surpassa encore celui qu'on leur avait fait en 1810 et 1811. Il embrassa tous ces fantômes comme ses propres idées et elles le bercèrent jusqu'en 1823, où l'empereur le réveilla <sup>1)</sup>. Au reste personne ne se souciait de l'accord entre le système adopté et les mesures que l'on prit. Les principes généraux (les lieux communs) s'accommodaient à tout. Il leur était fort égal si la théorie répondait à l'application, et le Conseil d'état, d'une machine à décrets dirigée par le secrétaire de l'empire, devint une machine conduite par l'influence plus ramifiée du ministre des finances <sup>2)</sup>.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.



<sup>1)</sup> То есть черезъ внезапную смѣну его Канкринимъ.

<sup>2)</sup> Переводъ: По высылкѣ Сперанскаго при преніяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ по-прежнему раздавались привычныя рѣчи. Тотъ профессоръ-путаница, который былъ тайнымъ руководителемъ государственнаго секретаря по отношенію къ теоріи политической экономіи, сталъ руководителемъ въ этомъ отношеніи и Гурьева, заставивъ послѣдняго увѣрывать что онъ явится творцомъ финансовой системы, еще болѣе совершенной, чѣмъ система 1810 г. Каждое утро онъ читалъ Гурьеву выдержки изъ „Монитѣра“ и англійскихъ газетъ, благодаря которымъ Гурьевъ наконецъ пришелъ къ полному убѣжденію, что онъ способенъ на все и превзойдетъ своихъ предшественниковъ. Вскорѣ однако мы увидимъ, что въ дѣйствительности зло, причиненное Гурьевымъ русскимъ финансамъ, гораздо серьезнѣе, чѣмъ зло, причиненное имъ реформами 1810 и 1811 гг. Принявъ всѣ эти фантастическіе планы за свои собственныя идеи, Гурьевъ спокойно на нихъ почивалъ, пока въ 1823 г. не былъ разбуженъ государемъ. Впрочемъ, никому рѣшительно не было дѣла, чтобы принятая система согласовалась съ мѣропріятіями, проводимыми въ жизнь. Общія понятія могли быть примѣнимы ко всему. Было совершенно безразлично, нѣтъ ли противорѣчія между теоріею и приложеніемъ ея на дѣлѣ, и Государственный Совѣтъ, бывшій ранѣе орудіемъ исполненія въ рукахъ государственнаго секретаря, сталъ машиною, направляемою еще сильнѣйшимъ вліяніемъ министра финансовъ.



## Записки Н. Г. Залѣсова.

---

Членъ военнаго совѣта, генераль-отъ-инфантеріи Николай Гавриловичъ Залѣсовъ родился 25-го мая 1828 года. По окончаніи курса въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ произведенъ въ прапорщики 28-го марта 1848 г. съ назначеніемъ въ Оренбургскій линейный № 3 баталіонъ. Черезъ два года Николай Гавриловичъ поступилъ въ императорскую Военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), былъ произведенъ за отличные успѣхи въ наукахъ въ поручики и 20-го ноября 1853 года переведенъ въ генеральный штабъ. Командированный въ штабъ командовавшаго 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ корпусами, Залѣсовъ, оказавъ отличіе во время осады Силистріи и въ сраженіи 13-го февраля 1855 года, былъ назначенъ помощникомъ старшаго адъютанта въ управленіи генераль-квартирмейстера. Въ маѣ 1856 года Николай Гавриловичъ былъ командированъ на службу въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ, исполнялъ тамъ послѣдовательно обязанности старшаго адъютанта, дивизіоннаго квартирмейстера 23-й пѣхотной дивизіи и находился въ составѣ миссіи, отправленной въ 1856 году въ Хиву и Бухару. По возвращеніи въ Россію, Залѣсовъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ Оренбургскаго корпуса. 7-го мая 1859 года онъ произведенъ въ подполковники, а 9-го марта 1864 г. за отличіе въ полковники. Въ августѣ 1865 года онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба Оренбургскаго военнаго округа, а 20-го апрѣля 1869 г. былъ произведенъ въ генераль-маіоры, съ назначеніемъ начальникомъ штаба того же округа. Въ этомъ званіи Николай Гавриловичъ принималъ участіе во введеніи новаго положенія въ Киргизской степи и въ ноябрѣ 1870 г. отчисленъ отъ занимаемой имъ должности съ зачисле-

ніемъ по генеральному штабу. Въ январѣ 1876 г. Залѣсовъ былъ прикомандированъ къ Главному штабу съ назначеніемъ членомъ вновь учрежденнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ статистическаго совѣта и въ ноябрѣ того же года назначенъ командующимъ 27-ю пѣхотною дивизіею. Въ августѣ 1878 г. Николай Гавриловичъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1888 г. назначенъ командиромъ 17-го армейскаго корпуса, и 30-го августа 1892 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; въ ноябрѣ того же года онъ назначенъ членомъ военнаго совѣта. 2-го февраля 1896 года Н. Г. Залѣсовъ скончался на 68-мъ году отъ роду.

Р е д.

## I.

Дѣтство.—Отроческіе годы.—Отецъ и мать.—Первоначальное обученіе.—Жизнь въ Уфѣ и Белебѣ.—Поступленіе въ училище.—Начальствующія лица и содержаніе въ училищѣ.



Я родился 25-го мая 1828 года на поташномъ заводѣ моего отца въ 35 верстахъ отъ г. Бугульмы Оренбургской (нынѣ Самарской) губ. Земля, на которой стоялъ заводъ, была временно уступлена отцу сосѣдней помѣщицей, родственницей по мужу моей матушкѣ, Евгеніей Степановной Угличининѣ, рожденной Аксаковой. Мужъ ея, ветеранъ Суворовскихъ временъ, отставной полковникъ Угличининъ, былъ дядей моей матери и моимъ крестнымъ отцомъ. О четѣ этой любопытныя свѣдѣнія можно найти въ «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова, которому Евгенія Степановна приходилась родною теткою.

Отецъ мой былъ маленькій чиновникъ земской полиціи въ родѣ нынѣшнихъ становыхъ приставовъ, впоследствии служилъ стряпчимъ въ Белебѣ и этою должностію окончилъ свою служебную карьеру. Онъ не получилъ никакого воспитанія, но былъ отъ природы одаренъ здравымъ умомъ, сильнымъ характеромъ и, что для тогдашняго времени удивительно, самымъ честнымъ взглядомъ на свои обязанности. Когда онъ оставилъ уже службу и я, будучи мальчикомъ лѣтъ 10-ти, сопровождалъ его въ различныхъ поѣздкахъ по губерніи, то почти въ каждой деревнѣ, гдѣ мы останавливались кормить лошадей, мнѣ приводилось слышать у разноплеменныхъ нашихъ домохозяевъ: башкирь, чувашъ, мордвы, вотяковъ и пр. почти одинъ и тотъ же разговоръ съ отцомъ.

— Ай, совсѣмъ правды теперь не стало—говорили они. При тебѣ бульно хороша было, Гавриль Иванычъ, къ тебѣ всякій человекъ хо-



дѣлѣ, никого ты не обижалъ, а теперь совсѣмъ народъ кончалъ: писарь тащить, становой тащить, исправникъ тащить—совсѣмъ разоренье, а дѣла не кончаютъ.

Такъ разсуждали эти дѣти природы, толпами собираясь къ отцу посоветоваться о своихъ дѣлахъ и усердно угощая насъ всѣмъ, что у нихъ было. Этотъ неподкупленный отзывъ народа служилъ лучшимъ вознагражденіемъ отцу за его прежнюю честную дѣятельность.

Будучи самъ человѣкомъ мало образованнымъ, отецъ однако вполне цѣнилъ образованіе и, не смотря на скудные средства, ничего не жалѣлъ на наше ученіе. Два старшихъ моихъ брата, получивъ солидное домашнее воспитаніе, были отданы въ Казанскую гимназію, перешли въ университетъ, гдѣ одинъ изъ нихъ умеръ, а другой окончилъ курсъ юристомъ.

Матушка моя была изъ стариннаго дворянскаго рода Лаптевыхъ; отъ природы добрая и кроткая женщина, она не получила никакого образованія и даже не умѣла читать и писать. Домовитая хозяйка, высоко честная и религіозная женщина, она вносила въ нашу семью миръ и покой, иногда страдавшіе отъ излишней пылкости ея мужа. Матушкѣ было 15 лѣтъ, когда она вышла замужъ за отца, а послѣднему 17 лѣтъ. Свадьба ихъ была, кажется, года за два или за три до отечественной войны, ибо въ 1813 году отецъ уже въ качествѣ выбраннаго дворянами чиновника отводилъ конскій ремонтъ съ губерніи въ крѣпость Брестъ-Литовскъ, о чемъ онъ иногда намъ разсказывалъ.

Матушка принесла въ замужество, какъ потомственная дворянка, небольшую деревеньку, тогда какъ отецъ, будучи личнымъ дворяниномъ, самъ не имѣлъ права владѣть крестьянами.

Первыя сколько-нибудь опредѣленныя и связныя воспоминанія о лѣтахъ дѣтства, должно быть, относятся къ 5-му или 6-му году моей жизни, когда разъ на заводѣ я пустился за какимъ-то гусемъ переходить по жердочкамъ рѣку; меня во-время успѣли схватить и порядочно попугали розгой въ видѣ небольшой вѣтки. Смутно помню нашъ перѣздъ въ Белебей, гдѣ отецъ получилъ мѣсто стряпчаго, и затѣмъ въ памяти моей опять все закрывается мглой до 1836 года. Этотъ годъ мнѣ памятенъ, во-первыхъ, потому, что всѣ кругомъ меня говорили о предстоящемъ въ этомъ году свѣтопреставленіи, всѣ охали и молились о грѣхахъ, а во-вторыхъ, меня начали учить грамотѣ. Но свѣтопреставленія почему-то не состоялось, а нанятый мнѣ въ учителя дьяконъ нашей церкви, начавшій со мною изученіе славянской азбуки, побившись мѣсяца два или три, объявилъ отцу, что я такъ тупъ, что онъ не видитъ никакой надежды на успѣхъ и потому, не смотря на получаемое имъ вознагражденіе по 2 рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ, рѣшительно отказывается меня учить. Рѣшеніе это очень опечалило отца, но не на

долго. Черезъ полгода къ намъ пріѣхала погостить тетка моя; она привезла съ собою русскую азбуку съ картинками и шутя выучила меня въ недѣлю читать по складамъ, а мѣсяца черезъ два найдено было возможнымъ приступить уже и къ письму. Къ сожалѣнію, тетка въ это время уѣхала, и я вновь поступилъ къ дьякону. Пошло безконечное писаніе отдѣльныхъ буквъ и такъ шло до тѣхъ поръ, пока наконецъ отецъ, не видя успѣховъ, не прогналъ учителя и не принялся самъ за мое чиstopисаніе. Но отецъ оказался еще хуже дьякона, онъ часто отрывался отъ дѣла и былъ очень горячъ и нетерпѣливъ.

Помню около этого же времени весьма важное происшествіе, случившееся у насъ въ домѣ. Въ одинъ день вся наша крѣпостная прислуга ушла, и мы остались безъ людей, такъ что матушкѣ самой пришлось идти въ кухню готовить, а сестрамъ убирать комнаты. Причиной этого было слѣдующее: къ людямъ, полученнымъ за матушкой, отецъ давно уже прикупилъ еще нѣсколько семей и поселилъ ихъ въ матушкиной деревнѣ, но по какому-то закону людьми этими мы не имѣли права владѣть, они жаловались, а глядя на нихъ, стали искать воли и родовые люди матушки. Уѣздныя и губернскія власти, взявъ съ людей порядочную взятку, распорядились отобрать ихъ отъ матушки впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла Сенатомъ и такимъ образомъ разжаловали ее изъ помѣщицъ. Отецъ сталъ хлопотать; одна изъ его знакомыхъ посовѣтовала ему съѣздить въ Петербургъ и обратиться тамъ къ проживающему въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ Островѣ купцу 2-ой гильдіи Блинову. Отецъ живо слеталъ въ столицу, познакомился съ Блиновымъ, заплатилъ ему 500 руб. ассигнаціями, и мигомъ все дѣло было перерѣшено Сенатомъ, и всѣ безъ исключенія люди возвращены матушкѣ.

Лѣта шли, и изъ меня формировался худощавый рослый мальчикъ съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. У меня была сильная золотуха, и кромѣ того я страдалъ припадками лунатизма, отчего меня хотя и лѣчили разными домашними средствами, но безъ успѣха. Я былъ совершенно отданъ на руки проживавшей у насъ старой тетки, которая не чаяла во мнѣ души и на убой кормила меня всякими сластями. Взаимная наша привязанность была такъ сильна, что когда тетка задумала переселиться въ Бугульму, мы оба такъ плакали, что отецъ рѣшился отпустить меня съ ней, и съ этого времени я долженъ считать начало моего серьезнаго обученія. Въ Бугульмѣ мнѣ наняли довольно порядочнаго учителя изъ уѣзднаго училища, и я принялся за грамматику, ариметику и законъ Божій. Не смотря однако же на это, успѣховъ я оказалъ не много по причинѣ баловства тетки и развившейся оттого во мнѣ лѣности, что не ускользнуло отъ отца, и онъ черезъ два года перевезъ меня изъ Бугульмы въ Уфу.

Въ Уфѣ меня поселили въ домѣ дальней родственницы матери—Угличинной, вмѣстѣ съ сыномъ ея гимназистомъ и стали готовить во 2-й классъ гимназіи. Ко мнѣ приходилъ особый учитель, и я зубрилъ съ нимъ латынь, къ которой чувствовалъ однако же особое отвращеніе. Одиннадцать мѣсяцевъ я пробылъ въ Уфѣ и если изъ меня не сдѣлался окончательно негодяй, то за это я обязанъ Богу и честному своему отцу, успѣвшему уже поселить во мнѣ добрыя правила нравственности, которыя не могла сломить и уфимская жизнь. Дѣло въ томъ, что сожителемъ мой, молодой Угличининъ, былъ старше меня и при томъ отъявленный лѣнтяй и повѣса. Находясь ежедневно съ нимъ, я невольно подчинился его вліянію и такъ же, какъ онъ, сталъ лѣниться. Старшіе въ домѣ на насъ не обращали ни малѣйшаго вниманія, особенно на меня; мы постоянно проводили время среди лакеевъ и обширной дворни, которую содержала Угличинина, гоняли голубей, таскали изъ сосѣдняго сада Ломоносова овощи, и къ концу моего пребыванія Угличининъ познакомилъ меня даже съ водкой, отъ которой впрочемъ каждый разъ мнѣ дѣлалось дурно. Мнѣ давали ѣсть только по мѣркѣ, тогда какъ аппетитъ былъ у меня молодой, хорошій, и я вошелъ въ долги, набирая въ счетъ будущихъ благъ припасы у булочника и въ лавкѣ. Бережливый отецъ, хотя и одѣвалъ меня прилично, но лишникъ вещей у меня не было; при безпутной же моей жизни и путешествіяхъ по заборамъ, чердакамъ и грязи одежда моя быстро изнашивалась, и я ходилъ постоянно оборванцемъ, совѣстясь показаться предъ порядочными людьми.

Къ счастью, отецъ пріѣхалъ самъ въ Уфу и, увидавъ, что дѣло плохо, увезъ меня опять къ себѣ въ Белебей.

Здѣсь я пробылъ полтора года, ничего не дѣлая, но во мнѣ стало сказываться самолюбіе, я начиналъ тяготиться своимъ положеніемъ, совѣстясь встрѣчаться съ сверстниками по играмъ, которые всѣ уже учились чему-нибудь. За недостаткомъ положительныхъ занятій, я бросился въ чтеніе, но бібліотека отца состояла всего изъ какого-то календаря съ описаніемъ борьбы Христиановъ съ Карлистами, что я выучилъ вскорѣ наизусть; тогда я сталъ ходить по городу и отовсюду брать книжки, глотая ихъ съ жадностью; романы, повѣсти, сказки, ученныя сочиненія, стихи—все полѣзло безъ разбора въ мою голову, производя въ ней страшный ералашъ и разжигая безъ толку юное воображеніе. По временамъ къ намъ пріѣзжала изъ Бугульмы воспитательница моя, тетка, страшная охотница до таинственныхъ разсказовъ, и она меня заставляла по вечерамъ читать ей въ слухъ романы г-жи Радклифъ съ описаніемъ страшныхъ подземелій и привидѣній. Бывало, позднимъ вечеромъ съ одной сальной свѣчкой при страшной тишинѣ въ домѣ сидишь передъ дремлющей старушкой и читаешь всѣ эти

ужасы; волосъ у самого становится дыбомъ, голосъ дрожить, скрипеть гдѣ-нибудь ставень, раздастся шорохъ, такъ и ждешь, что вотъ появится страшный мертвецъ, внутри что-то замретъ, дыханье пріостановится, а старушка сейчасъ и понукаетъ: «читай,, батюшка, читай самое интересное мѣсто, а ты остановился», и дѣлать нечего: читаешь какъ въ лихорадкѣ, пока не утомится слушательница. Но всему бываетъ конецъ, наступилъ онъ и для моего бездѣлья. Отца тогда сильно занимала мысль вывести насъ съ братомъ поскорѣе въ дворяне, и съ этою цѣлью братъ по окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ былъ опредѣленъ въ Оренбургскій линейный баталіонъ юнкеромъ, а меня осенью 1841 года отвезли тоже въ Оренбургъ и опредѣлили въ Оренбургское Неплюевское военное училище, вскорѣ преобразованное въ кадетскій корпусъ.

Наступила новая эра жизни. Меня, 13-ти-лѣтняго юношу, привели въ корпусъ вечеромъ часовъ въ шесть въ сентябрѣ мѣсяцѣ; въ тотъ же вечеръ мнѣ, какъ новенькому, успѣли надавать щелчковъ, вымазали платье, насыпали песку въ карманы и за галстухъ, дали какое-то прозвище, и я такимъ образомъ былъ посвященъ въ кадеты.

Я не буду подробно описывать тогдашніе кадетскіе порядки, они достаточно извѣстны. Насъ кормили плохо, держали въ холодныхъ комнатахъ, безсовѣстно воруя дрова, учили всему и ничему, т. е. верхушкамъ, налегали всѣми мѣрами на фронтъ, исправно сѣкли по субботамъ и выпускали въ офицеры на основаніи правъ происхожденія и познаній во фронтъ, не обращая почти никакого вниманія на умственные способности. Директоромъ училища былъ тогда одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи, подполковникъ Марковъ, но онъ былъ такъ лѣнивъ, что весь день не выходилъ изъ халата и къ намъ не заглядывалъ. Инспекторъ былъ статскій Дьяконовъ, человѣкъ умный, но грубый до послѣдней степени, онъ иначе не говорилъ съ кадетами, какъ сопровождая свою рѣчь словами, «ну ты, лошадь, дуракъ, скотина» и проч.

Для поддержки фронта великій князь Михаилъ Павловичъ распорядился прислать въ качествѣ ротнаго командира Павловскаго корпуса поручика Энгельке. Страшно толстый, небольшого роста человѣкъ, съ добрымъ въ сущности сердцемъ, онъ напускалъ на себя страшную строгость. День и ночь онъ кричалъ на насъ безъ умолку, обладая довольно сильнымъ голосомъ. У него не было даже другаго разговора, какъ крикъ; наказывалъ онъ за всякую малость и, когда только появлялся въ училищѣ, наступала гробовая тишина и все безмолвно тряслось со страха. Офицеры были взяты изъ Оренбургскаго линейнаго баталіона, ихъ было три: подпоручикъ Бибиковъ—грубый мужикъ, отличавшійся замѣчательною глупостью, Фигнеръ, внукъ знаменитаго партизана—доб-

рый человекъ, но отъявленный пьяница и кутила, приходившій на дежурство постоянно съ подбитой физиономіей, и Аничковъ, болѣе другихъ образованный, но не говорившій и десяти словъ въ день и болѣе пригодный по характеру смотрѣть за дѣвочками, чѣмъ за кадетами. Училище помѣщалось въ двухъ-этажномъ, мрачномъ вонючемъ домѣ напротивъ церкви св. Троицы и дѣлилось на два отдѣленія, азіатское для киргизовъ, башкиръ, и проч., и европейское. Программы и права отдѣленій были различны. Полный курсъ продолжался 6 лѣтъ и дѣлился на 3 класса по 2 года въ каждомъ. Учителя, по тому времени, были порядочные благодаря близости Казанскаго университета; появлялись, правда, и между ними пьянчуги или недоучившіеся студенты, но это было изрѣдка. Законоучителемъ былъ 70-ти-лѣтній старецъ, протоіерей Петропавловскаго военнаго собора Содальскій; онъ всегда дремалъ въ классѣ. Французскій учитель Дандевилль и нѣмецкій Фенколь были взяты изъ гувернеровъ у мѣстныхъ помѣщиковъ. За шести-лѣтнее мое пребываніе въ корпусѣ фельдфебелями были: Дандевилль <sup>1)</sup>, Ивановъ, впоследствии помощникъ интенданта Варшавскаго округа, и Халецкій умеръ въ молодыхъ годахъ въ чинѣ полковника и дежурнаго штаб-офицера Оренбургскаго корпуса.

День нашъ распредѣлялся такъ: въ 6 часовъ вставали и пили по стакану горячаго сбитня съ кускомъ пшеничнаго хлѣба, отъ 8 до 11 часовъ классы, отъ 11 до 1½ фронтное ученіе, гимнастика и прогулка на дворѣ, не смотря ни на какую погоду, въ половинѣ втораго обѣда изъ трехъ блюдъ: щи, жареное и каша; отъ 3 до 6 классы, полчаса отдыха и отъ половины седьмаго до 9-ти приготовленіе уроковъ; въ 9 ужинъ изъ 2 блюдъ, въ 9½ спать. По субботамъ послѣ утреннихъ классовъ была баня, затѣмъ приносили отпускной списокъ отъ инспектора съ отмѣткой, кто сколько уроковъ не зналъ въ недѣлю; незаписанныхъ отпускали на воскресенье по домамъ, а записанныхъ подвергали наказанію: не знавшихъ свыше 4—5 уроковъ сажали въ карцеръ, а записанныхъ свыше 6 уроковъ по большей части изъ младшихъ классовъ отводили наверхъ въ умывальную, гдѣ Ангельке съ удовольствіемъ знатока этого дѣла наказывалъ ихъ розгами, всегда приносимыми съ ледника.

---

<sup>1)</sup> Нынѣ членъ военнаго совѣта.

## II.

Классныя занятія, фронтъ, награжденіе петлицами.—Переименованіе училища въ корпусъ.—Болѣзнь.—Выпускъ.—Характеристика Энгельке.—Жизнь въ Белебѣ.—Производство въ офицеры.

Не зная хорошенько, какъ распредѣлить время для приготовленія уроковъ, не имѣя программы и курсовъ, при незнакомствѣ съ требованіями учителей, я первое время въ корпусѣ былъ постоянно записанъ за незнаніе уроковъ и даже не былъ уволенъ въ отпускъ въ день именинъ моихъ, т. е. 6-го декабря. Дядя мой однако же выпросилъ меня на первый разъ, но, придя домой, крѣпко стыдилъ за лѣность. Выговоръ дяди, насмѣшки товарищей, взысканія начальства на меня, какъ на мальчика самолюбиваго, сильно подѣйствовали. Я сталъ успѣшно заниматься и скоро такъ вошелъ въ свою роль, что ученіе показалось для меня весьма легкимъ, и я безъ особаго труда всталъ въ разрядъ отличныхъ, что продолжалось во все время моего пребыванія въ корпусѣ.

Лѣтомъ насъ отпускали по домамъ на 1 $\frac{1}{2}$  мѣсяца, и это было самое пріятное время жизни; мы, какъ птицы небесныя, мгновенно разлетались по роднымъ, кто на чемъ могъ, не помня себя отъ радости. Во время первой вакаціи единственная моя сестра вышла за мужъ за плацъ-адъютанта Лузгина, переехала въ Оренбургъ, и я къ ней сталъ ходить въ отпускъ.

Черезъ два года меня послѣ экзаменовъ перевели въ средній классъ и дали въ награду за отличные успѣхи книгу и похвальный листъ. Публичные экзамены производились тогда съ особою торжественностью: играла музыка и собирався весь синклитъ во главѣ съ тогдашнимъ корпуснымъ командиромъ Обручевымъ. Насъ одѣвали въ новые мундиры и отпускали въ этотъ день по домамъ. Въ бытность мою въ среднемъ классѣ пріѣхалъ къ намъ инспекторъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-лейтенантъ Годейнъ; онъ ревизовалъ фронтъ, хозяйство и учебную часть. Для отвѣтовъ ему вызывали лучшихъ учениковъ, и два изъ нихъ такъ ему понравились, что онъ наградилъ ихъ серебряными петлицами на воротникъ. Эта награда, которую я не получилъ потому только, что меня не спросили, такъ взбудоражила весь классъ, что онъ бросился тотчасъ же къ Энгельке и сталъ просить не обижать меня напрасно, что я гораздо лучше учусь, чѣмъ получившіе и проч. Къ вечеру того же дня мнѣ были даны петлицы и, что всего дороже, я ихъ получилъ по рекомендаціи товарищей.

Сколько помню, въ 1845 году училище было переименовано въ кадетскій корпусъ, и намъ дали казачью форму съ сіяющимъ полумѣсяцемъ на киверахъ; въ это время бѣдной страдалицы моей сестры (она

очень дурно жила съ мужемъ) въ Оренбургѣ уже не было, и я ходилъ въ отпускъ къ нашему офицеру Фигнеру. Нерѣдко тогдашній начальникъ Оренбургскаго края Обручевъ посѣщалъ корпусъ и каждый разъ подымалъ крикъ хуже Ангелке, распекая начальство особенно за воровство дровъ, отчего мы зимою положительно мерзли.

Въ то время, когда у меня классы шли такъ успѣшно, фронтъ тогдашній, наоборотъ, мнѣ вовсе не давался, и я стоялъ постоянно въ разрядѣ слабыхъ, что приносило много непріятностей. Особенно я былъ не мастеръ дѣлать ружейные приемы съ темпомъ, какъ это тогда требовалось, и маршировать тихимъ учебнымъ шагомъ. Слабость по фронту отозвалась при переводѣ въ старшій классъ и, не смотря на отличные баллы по ученію и поведенію, я сдѣланъ былъ только младшимъ унтеръ-офицеромъ.

Надо сказать, что лѣто передъ переводомъ мы провели первый разъ въ лагерѣ, и все это время я болѣлъ страшною оренбургскою лихорадкою. Едва оправаясь отъ нея, я сталъ усиленно готовиться къ переводному экзамену, а когда онъ кончился, чувствовалъ себя уже не хорошо, но, желая освѣжиться, искупался въ Уралѣ въ концѣ сентября, когда вода была страшно холодна. На другой день послѣ купанья со мной сдѣлался жаръ и бредъ, къ вечеру меня отвезли въ лазаретъ, и я потерялъ сознаніе, со мной разыгрался страшный пятнистый тифъ или, какъ говорили тогда, нервная горячка. Я безсознательно пролежалъ отъ сентября до Рождества и только, когда ко мнѣ пріѣхала на праздники матушка, которой дозволено было и ночевать въ лазаретѣ, началъ кое-что сознать. Но положеніе мое было все-таки отчаянное, меня нѣсколько разъ причащали, раны мои гноились, я лишился употребленія ногъ: онѣ совершенно высохли и были сведены, на бокахъ образовались глубокіе пролежни, и меня ворочали на простыняхъ. Докторъ потерялъ голову, и я обратился въ предметъ общаго любопытства; заѣзжали въ лазаретъ генералы и доктора, чтобы посмотрѣть на такую упорную борьбу въ моемъ тѣлѣ жизни съ смертью. Привозили нарочно въ лазаретъ пріѣзжавшихъ тогда по разнымъ случаямъ въ Оренбургъ флигель-адъютантовъ, и они обозрѣвали меня, какъ какой-нибудь интересный предметъ музея, не стѣсняясь нисколько деликатностью въ отношеніи чувствъ смотрѣвшей на это позорище моей страдальцы-матери. Наконецъ, послѣ долгихъ опытовъ надо мною, Богъ внушилъ нашему доктору мысль прописать мнѣ декоктъ сасапарели, и почти мгновенно раны мои стали заживать, я сталъ бодрѣе, и въ ногахъ явилось чувство. Не даромъ простой нашъ народъ зоветъ это растеніе «дорогою травою»; она дала мнѣ силы перенести недугъ, и къ веснѣ я сталъ ходить на костыляхъ, а въ іюнѣ меня уже отпустили на поправку въ Белебей, гдѣ горный воздухъ и свобода жизни у родныхъ поставили меня окончательно



на ноги. Не смотря, однако же, на исцѣленіе, болѣзнь эта навѣки подорвала мое здоровье, наградивъ меня страшнымъ потрясеніемъ нервовъ, чувствительностью къ простудѣ и нѣкоторымъ сведеніемъ ногъ въ колѣнахъ.

Въ августѣ я былъ опять въ Оренбургѣ, но цѣлый годъ ученія былъ совершенно пропущенъ и какого ученія!—самаго труднаго, въ послѣднемъ классѣ. Оставалось одно—пройти въ годъ то, что другіе прошли въ два, и я началъ къ каждому классу готовить по два урока: старый и новый. Кончилось тѣмъ, что я сдалъ выпускные экзамены превосходно и вышелъ въ разрядъ отличныхъ, третьимъ по выпуску, такъ что слушавшій мои отвѣты, Обручевъ вѣрить не хотѣлъ, чтобы я былъ именно тотъ воспитанникъ, который почти годъ пролежалъ безъ движенія.

Что же доставили мнѣ подобныя труды въ корпусѣ? Достигъ ли я цѣли, къ которой стремился? Къ несчастью, нѣтъ. По правамъ корпуса отличные воспитанники изъ потомственныхъ дворянъ выпускались офицерами въ казачью артиллерію Оренбургскаго войска, которая намъ замѣняла гвардію. Кромѣ хорошаго производства (тамъ нѣтъ чиновъ подпоручика и штабсъ-капитана) въ артиллеріи сравнительно съ другими войсками корпуса было и общество офицеровъ лучше и мундиръ наряднѣе, а главное обращеніе начальниковъ съ подчиненными офицерами было гораздо благообразнѣе и носило характеръ товарищества. Все это притягивало къ артиллеріи лучшихъ воспитанниковъ; къ ней стремился и я всею душою. Хотя я по правамъ рожденія могъ только выйти въ линейный баталіонъ, но, имѣя въ виду выходившіе изъ ряда вонъ мои успѣхи въ наукахъ, я былъ увѣренъ, что меня произведутъ въ артиллерію, и я избавлюсь отъ той страшной помойной ямы, которую представляли тогда Оренбургскіе линейные баталіоны и куда изъ стальныхъ корпусовъ выпускали только отъявленныхъ лѣнтяевъ. Кадетское мое начальство такъ и представило меня, а пребываніе Обручева въ Петербургѣ давало надежду, что и онъ поддержитъ такое ходатайство, но судьба рѣшила иначе. Послѣ публичныхъ экзаменовъ насъ распустили по домамъ впредь до производства, и я, награжденный опять книгами и похвальнымъ листомъ, съ радостью помчался въ родной свой Белебей.

Не смотря на тяжелое тогда положеніе кадетъ, я съ грустью разставался съ стѣнами нашего мрачнаго корпуса, а также съ большинствомъ учителей. Среди мрака и темноты, царствовавшихъ тогда въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, все-таки много свѣтлыхъ отрадныхъ минутъ было прожито мною въ эти 6-ть лѣтъ съ добрыми товарищами и съ такими наставниками, какъ Ѳедоровъ-математикъ, добрякъ Рейхенбахъ, дежурный офицеръ Рамбахъ и другіе. Только съ однимъ Энгельке мы расстались безъ сожалѣнія, ибо къ концу нашего пребыванія въ

корпусѣ взяточничество его достигло небывалыхъ размѣровъ. Онъ бралъ всѣмъ: помѣщики везли куръ, масла, варенья; купцы дарили товаромъ и деньгами, а уральцы запрудили его икрой, рыбой, и сообразно этимъ приношеніямъ онъ не стѣсняясь сталъ оказывать протекцію дарившимъ его воспитанникамъ, что возмущало всѣхъ остальныхъ. Къ этому прибавлялось и другое обстоятельство, уничтожившее въ насъ всякое уваженіе къ Энгельке. Разъ вечеромъ въ корридорѣ корпуса на нашихъ глазахъ онъ поссорился съ полупьянымъ нашимъ экономомъ, отставнымъ маіоромъ изъ фельдфебелей Артемьевымъ, котораго мы всегда называли Максимкой, и этотъ послѣдній обругалъ Энгельке воровъ и мошенниковъ; не смотря, однако же, на это, на другой день нашъ главный воспитатель дружески расхаживалъ по корпусу и разговаривалъ съ тѣмъ же Максимкой. Такой скандалъ сейчасъ же былъ увѣковѣченъ въ паразитной по своему сходству картинѣ нашимъ отличнымъ рисовальщикомъ, кадетомъ Шулешкинымъ, которая въ снимкахъ ходила у всѣхъ по рукамъ, тогда какъ взяточничество въ свою очередь было воспѣто въ стихахъ другимъ нашимъ кадетомъ Бунинымъ, весьма острымъ и наблюдательнымъ мальчикомъ. Пѣсня Бунина была тотчасъ же разучена, положена на голоса, и мы пѣли постоянно ее хоромъ, когда проходилъ мимо насъ Энгельке, но на него это не дѣйствовало. Привожу для характеристики оставшіеся у меня въ памяти отрывки этой довольно длинной пѣсни:

Плохо намъ житіе настало  
 Съ командиромъ не отцомъ,  
 Съ лиховицемъ, какихъ мало,  
 Съ криводушнымъ наглецомъ.  
 Изъ Германіи проклятой  
 Онъ пожаловалъ сюда,  
 Шутъ былъ, шельма, полосатый  
 И какъ нѣмецъ безъ стыда.  
 Судить деньгами онъ вини,  
 Деньги для него законъ,  
 Сребра, золота, платины  
 Ожидаетъ также онъ.  
 И мѣдъ тоже не въ презрѣнны.  
 Не откажется отъ ней,  
 Любитъ персики, варенье,  
 Уважаетъ и гусей.  
 Если знать, друзья, хотите  
 Пожирѣлъ онъ отчего,  
 То уральцевъ вы спросите:  
 Уралъ кормитъ вѣдь его.

Сообщенія тогда между Оренбургомъ и Петербургомъ были ужасныя, дѣлопроизводство всегда медленное, а потому мы смѣло могли расчи-

тывать пожить дома до производства въ офицеры мѣсяца три-четыре. Приѣхавъ въ Белебей, я засталъ тамъ брата, который послѣ шестилѣтней службы въ Минскомъ полку, по желанію отца, вышелъ въ отставку и теперь пріискивалъ себѣ гражданскую должность. Особого дѣла у насъ не было, и мы вполнѣ зажили зимнею жизнью маленькихъ уѣздныхъ городковъ, т. е. играли безъ усталы въ преферансъ, танцовали подъ разстроенное фортепіано и ухаживали за разными барышнями. На святки появились въ Белебей двѣ сосѣднія помѣщицы—княжны Чегодаевы, двѣушки весьма сбранные, и наша жизнь пошла еще веселѣе. Беззаботно проводилъ я время, когда получилъ письмо изъ Оренбурга о томъ, что мнѣ отказали въ производствѣ въ артиллерію и возвратили представленіе назадъ. Ударъ былъ тяжкій для моихъ ожиданій, но я не переставалъ еще надѣяться, такъ какъ кадетское начальство вновь ходатайствовало объ исполненіи прежняго своего представленія. Между тѣмъ, какъ нарочно, въ это время пришли артиллерійскія офицерскія вещи, которыя отецъ выписалъ мнѣ изъ Москвы, и онѣ еще болѣе расправили во мнѣ желаніе поступить въ артиллерію.

Проведя весело масляную, отецъ рѣшился отправить постомъ меня съ матушкой въ Оренбургъ, чтобы ко времени производства быть мнѣ на мѣстѣ.

Въ Оренбургѣ уже собрались почти всѣ выпускные кадеты, весна была ранняя, сухая, и мы по вечерамъ цѣлою толпою ходили по Сакмарской почтовой дорогѣ, чтобы встрѣчать петербургскую почту. Всѣ радовались, всѣ ждали, а у меня только скребло на сердцѣ, и предчувствіе меня не обмануло: пришла почта, и я былъ произведенъ 28-го марта 1848 года въ прапорщики въ 3-й Оренбургскій (потомъ 7-й Туркестанскій) линейный баталіонъ, расположенный въ Оренбургѣ. Первое тяжкое разочарованіе постигло меня,—я ненавидѣлъ всѣми силами души линейные баталіоны и теперь долженъ былъ служить въ нихъ. Богъ знаетъ, какъ это мнѣ было горько; я плакалъ, какъ ребенокъ, передо мною лежала мрачная, грязная дорога. Я былъ оскорбленъ въ лучшихъ своихъ вѣрованіяхъ и только благодаря ласкамъ матери и сестры кое-какъ пришелъ въ себя, но далъ тутъ же себѣ честное слово во что бы то ни стало наверстать свою потерю и вмѣстѣ съ тѣмъ дополнить свое образованіе въ Академіи генеральнаго штаба, что и исполнилъ.

---

## III.

Оренбургъ въ 1848 году.—Линейные баталіоны.—Генералы Толмачевъ и Обручевъ.—Первый дебютъ на службѣ.—Башкиры и ихъ служба.—Баталіонные командиры.

Расположенный на песчаной, возвышенной равнинѣ праваго берега Урала, совершенно открытой для юго-восточныхъ вѣтровъ, Оренбургъ нестерпимъ лѣтомъ по своимъ жарамъ, а окружавшія его въ то время крѣпостныя стѣны, не допуская надлежащаго движенія воздуха, дѣлали изъ города какое-то пекло, въ которомъ зачастую не было возможности дышать.

О соблюденіи какихъ-либо гигиеническихъ правилъ между жителями и даже въ войскахъ, разумѣется, тогда не было помину. Вода находилась далеко, улицы не поливались, дворы и отхожія мѣста своевременно не чистились, а падалъ сваливали за крѣпостью подъ самыми валами. Казармы были тѣсны, имѣли самую первобытную вентиляцію, рѣдко освѣжались и были полны всевозможными міазмами, такъ что мы, новички, войдя въ первый разъ въ роту, не знали, куда дѣваться отъ зловоннаго запаха, и только спустя недѣли двѣ освоились съ этимъ ароматомъ.

Оренбургскіе линейные баталіоны того времени составляли 22-ю пѣхотную дивизію и, не смотря на армейское положеніе, въ глазахъ вышшаго начальства и мѣстнаго общества стояли на одинаковой ногѣ съ баталіонами гарнизонными, пользуясь наравнѣ съ послѣдними значительнымъ пренебреженіемъ. Хорошо помню и теперь, какъ поразило насъ обращеніе оренбургскихъ дамъ въ первый же разъ, когда мы рѣшились явиться въ клубъ на танцевальный вечеръ: на насъ или вовсе не смотрѣли, или бросали презрительный взглядъ съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же отвернуться. Мы вынесли это и все-таки рѣшились танцевать, попросивъ дежурнаго старшину представить насъ дамамъ. Долго мы бродили по залѣ, получая только одни отказы, пока не нашлось нѣсколько перезрѣлыхъ барышень, которыя, вѣроятно, за неимѣніемъ другихъ кавалеровъ, согласились танцевать съ нами кадрили, но и тутъ не безъ злости, такъ какъ, становясь въ кругъ, онѣ на вопросъ своихъ подругъ, съ кѣмъ ты танцуешь? нисколько не стѣсняясь, отвѣчали въ слухъ: «съ 22-мъ номеромъ» и при этомъ дѣлали самую кислую гримасу.

Нельзя однако же строго винить тогдашнее общество: оно само было весьма мало развито, чтобы проникнуться къ незнакомому человѣку достаточнымъ чувствомъ вѣжливости; къ тому же большинство линейныхъ офицеровъ было таково, что дѣйствительно порядочные люди могли

сторониться его. Такъ баталіоны, въ которые мы поступили, имѣли всѣхъ ротныхъ командировъ и значительное число младшихъ офицеровъ изъ фельдфебелей или изъ неучей-юнкеровъ, отличавшихся самыми смутными понятіями объ общественной жизни; между ними было много людей добрыхъ и по-тогдашнему честныхъ, но они посвящали большую часть времени на фронтовую службу, знаніе которой, ограничиваясь исключительно уставомъ, доводилось до величайшаго педантизма; свободные же часы проводили или въ компаніи съ писарями разныхъ управленій корпуса или въ кутежахъ съ женщинами легкаго поведенія, при чемъ весьма часто попойки кончались дракой. Они имѣли свой нравственный кодексъ, и битые другъ-друга не влекло за собой дуэли, а всегда кончалось мировой. На вопросы наши, отчего не бываютъ въ хорошемъ обществѣ, они всегда съ сарказмомъ отвѣчали: «куда намъ, дуракамъ, чай пить, это вы ужъ пользайтесь къ аристократію».

Съ перваго же появленія нашего на службѣ эти офицеры прямо начали говорить намъ «ты», и холостые—звать вечеромъ на выпивку. Они же сочли долгомъ немедленно познакомить насъ съ баталіонными командирами.

— Третьимъ баталіономъ,—говорили наставники наши,—командуетъ майоръ Лепехинъ: ругается не сильно, но при этомъ всегда плюется, такъ что близко стоять нельзя; впрочемъ, старикъ добрый и по ночамъ любить, по-нашему, пропустить за галстукъ; а вотъ ужъ во второмъ—подполковникъ Чигирь,—это дантистъ, мало что разбранить тебя всячески, шкуру, кажется, готовъ содрать во фронтъ, службу знаетъ отлично и при томъ любимецъ дивизионнаго, такъ тутъ ничего не подѣлаешь.

Такая обстановка и рассказы были тяжелы нашей молодой натурѣ, но, что было дѣлать, надо было служить.

Явившись къ майору Лепехину и, кромѣ кивка головы, не получивъ отъ него ни единого привѣтствія, мы отправились на другой день къ бригадному и дивизионному начальникамъ. Бригаднымъ командиромъ былъ тогда генералъ-майоръ Логинъ Ивановичъ Федяевъ—человѣкъ немовѣрной толщины, который въ 30-ти градусный морозъ ходилъ не иначе, какъ въ одномъ сюртукѣ, и ежедневно, не исключая зимы, обливался въ холодныхъ сѣнныхъ ледяной водой. Федяевъ былъ добрякъ, отличался, даже въ то извѣстное своимъ казнокрадствомъ время, безукоризненной честностью, но, какъ бригадный командиръ, не имѣлъ почти никакого значенія по службѣ. Онъ принялъ насъ ласково и, разумѣется, говорилъ намъ «ты», такъ какъ это мѣстоименіе употреблялъ постоянно даже въ разговорѣ съ дамами. Отъ бригаднаго перешли къ дивизионному. Послѣ часоваго ожиданія въ приемной къ намъ быстро вышелъ видный съ ястребинымъ носомъ генералъ въ сюртукѣ на распахку и, не кланяясь, началъ спрашивать по очереди наши фамиліи. Это былъ

генераль-лейтенантъ Аванасій Емельянович Толмачевъ. Обойдя всѣхъ, онъ бойкимъ голосомъ и весьма отрывисто сказалъ намъ:

— Смотрите, служить хорошо!.. Тутъ пьяницъ много, не балуйтесь, въ караулѣ не спать.

Въ заключеніе обратившись къ баталіоннымъ командирамъ, сказалъ имъ, чтобы они насъ подтянули хорошенько, повернулся и ушелъ.

Толмачева въ дивизіи не любили, главнымъ образомъ, за то, что онъ во всѣхъ случаяхъ держалъ сторону баталіонныхъ командировъ, позволяя имъ дѣлать что угодно и обращаться съ офицерами самымъ грубымъ образомъ. Изъ числа такихъ начальниковъ особою дерзостью даже въ то время славились командиры: 2-го баталіона подполковникъ Чигирь и 10-го баталіона въ Уфѣ подполковникъ Аванасевъ, большіе любимцы Толмачева, такъ что никакая претензія на нихъ не имѣла въ глазахъ его значенія и не получала дальнѣйшаго хода.

Командиромъ, какъ тогда называли, отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ генераль-отъ-инфантеріи Владиміръ Аванасевичъ Обручевъ. Средняго роста, юркій, подвижный человекъ, съ Георгіемъ на шеѣ, Обручевъ составилъ себѣ репутацію боевого генерала въ кампаніи 1828—1831 гг. въ Турціи и Польшѣ, а затѣмъ, посвятивъ себя дѣятельности мирной, къ качествѣ начальника дивизіи, прославился какъ одинъ изъ самыхъ исправныхъ фронтовыхъ командировъ, о которыхъ даже современники не безъ ироніи говаривали, что они всякую ошибку въ фронтѣ подчиненнаго считаютъ за личное для себя оскорбленіе.

Не мое дѣло оцѣнивать здѣсь всѣ заслуги, которыя оказалъ Владиміръ Аванасевичъ Обручевъ Оренбургскому краю особенно по устройству степи; многія изъ его начинаній принесли прекрасные плоды и до сихъ поръ пользуются благодарною памятью у мѣстныхъ жителей, но эта видная сторона дѣятельности не можетъ, однако же, заставить меня отказаться отъ сообщенія свѣдѣній о нѣкоторыхъ несимпатичныхъ чертахъ его характера, насколько, конечно, это будетъ необходимо для ясности и полноты моего разсказа.

Я не знаю подробно, каковъ былъ генераль Обручевъ прежде; въ бытность же въ Оренбургѣ онъ пользовался репутаціей человека честнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ деспотическаго, мелочнаго и крайне раздражительнаго, такъ что вскорѣ по его прибытіи въ городъ слова «Обручевъ» и «распеканка» сдѣлались синонимами. Вездѣ, гдѣ только онъ появлялся генераль, какъ официальное лицо, вездѣ раздавался крикъ и шла головомойка. Кричалъ онъ на ученьяхъ, кричалъ къ кадетскому корпусѣ, кричалъ въ институтѣ, кричалъ даже на базарѣ, куда изрѣдка ходилъ пробовать провизію. Подобное раздраженіе доходило иногда до смѣшнаго: такъ присутствуя разъ на парадѣ, которые лѣтомъ назначались

на городской площади по воскресеньямъ и собирали массу народа, Обручевъ замѣтилъ въ числѣ зрителей окружнаго начальника государственныхъ имуществъ и, вспомнивъ, что въ одномъ мѣстѣ уѣзда проѣзжалъ по дурной дорогѣ, обрушился на этого чиновника.

— Я тебя выгоню вонъ, сослать велю!—закричалъ генералъ въ изступленіи.

Онъ такъ озадачилъ бѣднягу, что послѣдній, не понимая сдѣланнаго на него нападенія, испугался и началъ прятаться въ народъ, а Обручевъ за нимъ, пока не прижалъ, наконецъ, къ какому-то препятствію и, тутъ только разразясь опять крикомъ, высказалъ, что распекаетъ за неисправность дорогъ. Народъ хохоталъ, любясь такою гонкой, а несчастнаго чиновника даже вечеромъ того дня, когда я его видѣлъ, трясла лихорадка, при чемъ оказалось, что нагоняй онъ получилъ даромъ замѣны исправника.

Физиономія Обручева отличалась тѣмъ, что она всегда имѣла самое разобиженное выраженіе: нерѣдко къ нему являлись люди, только-что прибывшіе въ край, и тѣ, выходя отъ него, задавали своимъ знакомымъ вопросъ: «скажите, пожалуйста, чѣмъ мы могли обидѣть генерала, что онъ встрѣтилъ насъ съ такимъ лицомъ?» Замѣчательно, что такое же выраженіе физиономія Владиміра Аѳанасьевича сохраняла даже въ церкви, во время службы, при поклонахъ священниковъ, какъ будто и тутъ онъ готовъ былъ распечь ихъ за какую-нибудь неисправность. Были, однако же, минуты, когда и на этомъ суровомъ лицѣ появлялось что-то въ родѣ ласки—это именно на тѣхъ болѣе, чѣмъ скромныхъ вечеринкахъ, которыя Обручевъ иногда устраивалъ у себя дома. Тогда онъ выглядывалъ какъ-то добрѣе особенно, когда онъ говорилъ съ дамами или ласкалъ своихъ дѣтей, но и тутъ подобныя измѣненія были мгновенны, и лицо его тотчасъ же принимало всѣмъ знакомое выраженіе.

Вступивъ въ управленіе краемъ послѣ генералъ-адъютанта Василя Алексѣевича Перовскаго, этой въ полномъ смыслѣ слова широкой славянской натуры, со всѣми ея качествами и недостатками, Обручевъ, какъ это часто бываетъ на Руси, отнесся съ большимъ предубѣжденіемъ къ тому, чтó было сдѣлано его предшественникомъ, поэтому тотчасъ же началась въ краѣ перетасовка чиновъ, отмѣна разныхъ распоряженій, проектированныхъ Перовскимъ, и строгая критика того, чего нельзя уже было измѣнить.

Самое главное, чѣмъ прежде всего задался Владиміръ Аѳанасьевичъ, это сокращеніемъ во чтó бы то ни стало расходовъ казны по краю, но, приступивъ къ нему безъ полнаго знакомства съ мѣстными потребностями, онъ достигъ успѣшнаго результата лишь въ мелочахъ. Будучи самъ скупымъ до крайности, онъ хотѣлъ, казалось, привить то же качество и къ служащимъ къ краѣ и приучить ихъ къ умѣренной жизни, а



потому совсѣмъ прекратилъ выдачу производившихся изъ экстраординарныхъ суммъ пособій особенно достойнымъ офицерамъ и чиновникамъ и сократилъ отпускъ въ долгъ казеннаго лѣса на постройки недостаточныхъ людей. По ходатайству его былъ раскассированъ прекрасный Уфимскій казачій полкъ, который могъ быть такъ полезенъ для всѣхъ послѣдующихъ нашихъ походовъ въ степи и развитія строевого образованія среди уральскихъ и оренбургскихъ казаковъ, для чего впоследствии выписывались изъ арміи кавалерійскіе офицеры. Значительныя башкирскія суммы, состоявшія въ распоряженіи оренбургскаго губернатора, и на которыя можно было много сдѣлать полезнаго для башкиръ, были представлены въ государственное казначейство, а несчастный башкирскій народъ, такъ страдавшій и при Перовскомъ, былъ совершенно обращенъ въ негровъ-работниковъ, производя по наряду за самую ничтожную плату всѣ казенныя сооруженія въ краѣ, на которыхъ ежегодно умирали чуть не тысячами и башкиры и ихъ лошади. Всѣ протесты на такое обращеніе съ населеніемъ командовавшаго башкирскимъ войскомъ Николая Петровича Беклемишева, личности въ высшей степени гуманной и симпатичной, оставались тщетными. На обязанности башкиръ же состояла тогда вырубка изъ казенныхъ башкирскихъ дачъ лѣса, сплавъ его въ Оренбургъ и выгрузка здѣсь въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, когда начинались заморозки и полунагіе башкиры должны были работать, стоя цѣлый день въ ледяной водѣ <sup>1)</sup>. Доставленные такимъ образомъ дрова шли на отопленіе казенныхъ зданій Оренбурга и Орска, а большею частью на вольную продажу, и вырученные отъ нихъ огромные барыши, такъ какъ дрова заготавливались чуть не даромъ, поступали въ полное распоряженіе военнаго губернатора, и отчета въ нихъ онъ не отдавалъ даже высочайшей власти.

Результатомъ всѣхъ такихъ мѣръ, не говоря уже о безпорядочномъ истребленіи лѣсовъ и обмеленіи рѣкъ, было страшное разореніе Баш-

---

<sup>1)</sup> Для характеристики этихъ тяжелыхъ занятій по сплаву и того грустнаго положенія, въ которомъ вообще находились башкиры на работахъ, всего лучше можетъ служить сочиненная кѣмъ-то башкирская пѣсня, которую знали тогда весь Оренбургъ.

Моклашка, моклашка (отрубокъ дерева),  
 Ты куда плывишь (плывешь),  
 Ты плыви, моклашка, на родимый сторова,  
 Ты скажи, моклашка, мой татиска (отецъ),  
 Ты скажи, моклашка, мой матиска (мать),  
 Что ихъ сына (сынъ), что ихъ сынка,  
 Больна мудрина (очень мудренъ) сталъ,  
 Желѣзна лопатка (желѣзной лопаткой) навозъ чистѣтъ,  
 Худой арба писка (песокъ) возить и проч.

кири, послужившее впоследствии, какъ извѣстно, причиною удаленія изъ края генерала Обручева и замѣною его вновь В. А. Перовскимъ.

Послѣ представленія начальству, я поселился вблизи казармъ 3-го баталіона на квартирѣ сестры моей, а затѣмъ сталъ нести дѣйствительную службу, открывъ ее весьма тяжелымъ дебютомъ.

Въ первомъ же вечернемъ приказѣ по баталіону, который принесли мнѣ, значилось, что моя рота назначается на слѣдующій день для производства за казармами экзекуціи, для чего ей надлежало быть на мѣстѣ въ 5 часовъ утра. Надобно сказать, что до тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого понятія объ экзекуціяхъ и никогда на нихъ не присутствовалъ; всѣ представленія о самомъ сильномъ взысканіи складывались въ моей головѣ въ наказаніи розгами, существовавшемъ въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, но котораго я, благодаря Бога, не испыталъ, а потому я сталъ ожидать исполненія новаго рода службы съ какимъ-то грустнымъ любопытствомъ.

На другой день къ 5-ти часамъ я былъ уже къ казармѣ. Выстроили роту, разсчитали и повели на плацъ, гдѣ развели шеренги на разстояніе шаговъ пяти, обернули лицомъ одну къ другой и дали каждому солдату по длинной палкѣ толщиною въ палецъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ флангу роты приблизились подъ конвоемъ пять человѣкъ, истомленныхъ до-нельзя и оборванныхъ башкиръ; вынырнулъ откуда-то аудиторъ, раздалась команда «на караулъ», и началось чтеніе конфирмаціи. Сколько можно было разслышать, башкиры за конокрадство и другія мелкія воровства, а нѣкоторые за побѣги приговаривались корпуснымъ командиромъ къ наказанію штычками черезъ 500—1.500 человѣкъ.

По окончаніи чтенія, несчастныхъ раздѣли, всунули каждому въ связанныя руки по прикладу ружья, другой конецъ котораго держалъ унтеръ-офицеръ; раздалась вновь команда, въ рукахъ солдатъ появились палки, уныло забилъ барабанъ, и осужденные, ведомые на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, двинулись по живой улицѣ солдатъ. Свистнули палки, пронесся крикъ, сердце невольно у меня сжалось, и я закрылъ было глаза, какъ вдругъ вблизи раздалось хлопъ, хлопъ по чьему-то лицу; я взглянулъ и увидалъ ротнаго командира, производившаго надъ однимъ солдатикомъ своеручную расправу.

— Ахъ, ты такой, сякой,—кричалъ ротный, употребляя самую непечатную брань,—еще жалѣть вздумалъ, бей, во всю руку, а не то я тебя самого разложу!

Обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— А ты, братъ, что спишь? твое дѣло ходить по рядамъ и смотрѣть, чтобы хорошенько били. Ступай же!

Нечего дѣлать, пошелъ я позади шеренги, но, разумѣется, не для того, чтобы исполнять приказаніе ротнаго.

Вотъ каковъ былъ мой служебный дебютъ. Съ страшнымъ озлобленіемъ противу начальства возвратился я домой и пережилъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ дней моей жизни; впоследствии, когда подобную службу пришлось исполнять весьма часто, я уже не закрывалъ глазъ, но постоянно испытывалъ то же чувство омерзѣнія, какъ и при первой экзекуціи.

Такъ притуплялись въ ту пору даже въ мирное время всѣ мягкія юношескія чувства у людей военныхъ, и надобно было имѣть слишкомъ доброе сердце, чтобы, пробывъ въ такой службѣ нѣсколько лѣтъ, не загрубѣть окончательно. Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ вообще о наказаніи бѣдныхъ башкиръ. Этотъ несчастный народъ считался тогда въ военномъ вѣдомствѣ, исполняя кое-какія полицейскія обязанности, а главное замѣняя на казенныхъ работахъ въ краѣ негровъ, и за такую собственно службу пользовался удовольствіемъ подлежать за проступки военному суду. Какъ народъ полукочевой, имѣвшій только смутныя понятія о гражданской жизни, башкиры считали вполнѣ естественнымъ и даже молодецествомъ воровать другъ у друга и сосѣднихъ русскихъ крестьянъ лошадей, таскать изъ казенныхъ дачъ лѣсъ, отбивать забираемые у нихъ весьма часто грабительскимъ способомъ земли и т. д. И когда за подобныя же поступки рядомъ жившій съ ними крестьянинъ отдѣлывался штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, розгами,—башкиры судились военнымъ судомъ.

Въ знаменитыхъ тогда военно-судныхъ комиссіяхъ царилъ полный произволъ аудитора, произведеннаго изъ писарей, ибо ни презусъ, ни члены, назначаемые попеременно изъ фронта, не имѣли да и не могли имѣть надлежащей подготовки къ разбору и рѣшенію военно-судныхъ дѣлъ, состоявшихъ всегда изъ массы перепутанныхъ слѣдствій, допросовъ и очныхъ ставокъ, въ которыхъ, какъ въ мутной водѣ, только и могъ одинъ аудиторъ ловить рыбу. Всѣ члены этого судилища безирекословно подписывались подъ приговорами на мѣстахъ, гдѣ были заранѣе уже намѣчены карандашомъ ихъ фамиліи. Оба оберъ-аудитора Оренбургскаго корпуса, къ которымъ поступали на окончательное разсмотрѣніе дѣла, были тоже изъ писарей, нажили себѣ дома и горой стояли за своихъ подчиненныхъ. Послѣдствіемъ такого суда было то, что почти всякій зажиточный башкиръ выходилъ правъ, а бѣдняка наказывали. Я зналъ одного эсаула, который прославился своими грабежами на весь край, судился по 7-ми важнымъ дѣламъ и, не смотря на полное желаніе генерала Обручева наказать грабителя, онъ былъ оправданъ и даже получилъ вскорѣ чинъ майора. Дѣло это ему стоило около семи тысячъ рублей.

Кромѣ экзекуцій, назначенія черезъ 2—3 сутокъ въ городскіе караулы, парадовъ и разводовъ, которые до страсти любилъ Обручевъ, и другихъ нарядовъ на службу, мы ходили еще ежедневно по два раза на ученья: утромъ отъ 6—9, а вечеромъ отъ 6—8 часовъ.

Офицерскихъ карауловъ въ то время содержалось въ Оренбургѣ четыре: 1) на главной гауптвахтѣ, помѣщавшейся на площади въ подвальномъ этажѣ зданія 2-го эскадрона Неплюевского кадетскаго корпуса, 2) при городскомъ тюремномъ замкѣ, 3) при Сакмарскихъ воротахъ крѣпости, чрезъ которыя проходилъ Петербургскій трактъ и 4) на Мѣновомъ дворѣ (только лѣтомъ) въ 1½ верстахъ отъ города; во всѣхъ другихъ мѣстахъ и выѣздахъ стояли посты унтеръ-офицерскіе. Караульные комнаты были низки, грязны, и въ каждой помѣщалось нѣсколько арестованныхъ офицеровъ, которые, большею частью, судились за проступокъ, дающій всегда немаловажный процентъ для нашихъ военныхъ судовъ—промотаніе казенныхъ денегъ. Горе было возиться съ этими господами: рассчитывая на нашу неопытность, они постоянно пьянствовали и позволяли себѣ такіа безчинства, что другой разъ у насъ лопалось терпѣніе, и мы приказывали связывать ихъ и держать въ кроватяхъ, пока не проспятъ. Тяжело было также при 30—40° лѣтнаго жара въ Оренбургѣ стоять въ караулѣ затынутымъ въ тогдашній мундиръ съ высокими воротникомъ, имѣя на головѣ массивную каску съ застегнутыми чешуями. О кителяхъ, сниманіи галстука, бѣлой фуражкѣ, какъ это теперь допускается въ жаркихъ мѣстахъ, тогда и помину не было; даже внѣ службы ходили не иначе, какъ въ сюртукахъ и каскахъ.

Ко всему этому на главной гауптвахтѣ и Сакмарскомъ выѣздѣ присоединялось непрерывное писаніе рапортичекъ о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ крѣпости и выбѣганіе на платформу для отданія чести не только чинамъ комендантскаго правленія и ближайшимъ начальникамъ, но и всѣмъ генераламъ. За одну опозданную минуту даже въ выскакиваніи людей, особенно же въ командѣ: «слушай на караулъ!»—слѣдовала отъ всѣхъ и каждого головоломка и часто арестъ. Особенно намъ былъ тяжелъ комендантъ, генералъ Лифляндъ, имѣвшій тройку рысаковъ. Поднесется, бывало, къ караулу изъ-за угла во всю прыть, продѣлать перемонію не успѣешь, ну, и подъ арестъ. Только и былъ отдыхъ, когда принесутъ обѣдъ или чай, и велишь снять барабанъ съ платформы, но и тутъ сейчасъ явится дежурный по карауламъ или плацъ-адъютантъ узнать, не спитъ ли офицеръ.

Кромѣ карауловъ насъ истомляли еще непрерывныя парады и разводы, до которыхъ, какъ сказано, корпусный командиръ былъ великій охотникъ. Не говоря о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ, Обручевъ придирался къ каждому обыкновенному празднику, напр. взятіе Па-

рижа русскими, день Полтавской битвы, престольный праздник военно-учебных заведений и т. п., чтобы назначить разводъ или парадъ, а это въ свою очередь вело къ мукѣ нашей репетиціями, чтобы достойнымъ образомъ предстать на такую церемонію. Особенное вниманіе обращалось на равненіе и салютовку, которыя служили истиннымъ наслажденіемъ для корпуснаго командира. Людей при тогдашней стойкѣ заставляли выпячивать всѣми мѣрами грудь впередъ, а груди старались вытянуть въ одну совершенно прямую линію. Выравниваніе шло, бывало, часа полтора до пріѣзда главнаго начальника, и Боже сохрани потерять его; возмездіе за это слѣдовало извѣстное: кулакъ въ зубы и палка въ спину.

Генералъ Обручевъ обыкновенно пріѣзжалъ на парады въ казачьей формѣ, которую очень любилъ. Еще чуть покажется вдали его экипажъ, какъ махальныя на площади, или зимой у дверей манежа, закричатъ во все горло: «корпусный командиръ изволить ѣха-а-ать». Все вздрогнетъ въ строю, лица баталіонныхъ командировъ вытянутся, поблѣднѣютъ, и разомъ водворится такая гробовая тишина, что стоишь, бывало, вдалекѣ, а слышишь, какъ хруститъ въ манежѣ песокъ подъ ногами какого-нибудь повертывающегося генерала. Вотъ раздалась команда «на караулъ», грянула музыка, и корпусный командиръ, выслушавъ рапортъ и поздоровавшись съ людьми, идетъ по рядамъ. Выраженіе лица его по обыкновенію разобиженное; онъ грозно смотритъ по линіи равненія, на солдатъ, ихъ стойку; слѣдующаго сзади его баталіоннаго командира пробираетъ дрожь, и даже самъ начальникъ дивизіи, идущій около Обручева, держа руку подъ козырекъ, начинаетъ сѣмнить ногами и обдергиваться: словомъ, всѣ ждутъ чего-то и при томъ страшнаго. Но обходъ конченъ: все обошлось благополучно, повели являться офицеровъ. Подошелъ первый: молніей блеснула въ рукахъ его сабля, плавно, ровно скользнула въ самый разрѣзъ плеча и мгновенно легла плашмя къ носку лѣвой ноги; офицеръ отрапортовалъ, также ловко взялъ саблю въ плечо, повернулся направо и, сдѣлавъ выдержку, замаршировалъ въ сторону. Лицо Обручева просвѣтлѣло; онъ взглянулъ на начальника дивизіи, и что-то въ родѣ улыбки мелькнуло на его губахъ. Начальникъ дивизіи съ сіяющей фізіономіей низко поклонился, бригадный вздохнулъ всею грудью, а баталіонный позволилъ себѣ даже улыбнуться... Дѣло, значитъ, хорошо. Пошли построенія, маршировка, тихимъ, потомъ скорымъ шагомъ, прошли на «ура!» Сошло все и затѣмъ всѣ довольные, веселые разошлись по домамъ.

Но такіе свѣтлые дни бывали не часто; не понравится салютовка, равненіе или шагъ, проваливайся тогда сквозь землю: крикъ и гвалтъ пойдутъ на весь плацъ и конецъ концовъ: офицеры засажены на гауптвахту, баталіонный выбраненъ слѣдъ возможно, а бригадный и диви-

зіонный стоятъ красные, какъ раки, передъ корпуснымъ, держа руку у шляпы и слушая, какъ онъ съ пѣною у рта кричитъ на нихъ:

— Ваше превосходительство, такъ служить нельзя. Это не солдаты, а бараны, я не могу смотрѣть за всѣмъ, такъ служить нельзя...

Независимо отъ другихъ нарядовъ насъ, молодыхъ офицеровъ, постоянно назначали визитирь-рундами для повѣрки карауловъ. Лѣтомъ еще было туда-сюда: проходишь всю ночь, роспишешься въ поставныхъ книгахъ и только; но зимою въ страшные оренбургскіе бураны такое назначеніе было чистою бѣдою: своихъ лошадей не было, а объ извозчикахъ тогда въ Оренбургѣ никто и не слыхалъ, поэтому приходилось пробираться вездѣ пѣшкомъ. На улицахъ ни души, ни огня, въ двухъ шагахъ ничего не видно, и только молишь Бога, какъ бы не запутаться и не замерзнуть, особенно идя въ госпиталь, стоявшій въ степи въ полуверстѣ отъ крѣпости <sup>1)</sup>,

Ученья, какъ я говорилъ, производились два раза въ день; иногда на нихъ присутствовалъ бригадный командиръ, не вступаясь впрочемъ ни во что. На ученьяхъ постоянно шли крикъ и драка, особыхъ дисциплинарныхъ правилъ тогда не было, а потому не было и той градаціи наказаній, какая установилась впоследствии. Дѣло взысканія велось проще; сначала слѣдовала непечатная брань, затѣмъ тычки въ лицо, въ спину, въ бокъ и пр., потомъ битье по физикѣ и, наконецъ, розги или палки и держаніе на часахъ подъ ружьемъ въ ранцѣ, набитомъ пескомъ. Въ первое время мы практиковались поротно: продѣлывали ружейные приемы, ломку фронта, застрѣльщичье ученіе, но главнымъ образомъ налегало на церемоніальный маршъ.

---

<sup>1)</sup> Въ лѣтнюю пору при Перовскомъ, за недостаткомъ регулярныхъ войскъ, второстепенные караулы занимались башкирами, про которыхъ у старыхъ офицеровъ сохранилось множество разсказовъ, въ томъ числѣ относительно приема рунда, къ которому тогда назначались отъ караула до караула ефрейторъ и два рядовыхъ въ прикрытіе. Для характеристики совершенно несвойственной башкирамъ гарнизонной службы привожу одинъ изъ этихъ разсказовъ. При подходѣ ночью рунда (изъ башкиръ же) къ платформѣ караула между рундомъ и часовымъ обыкновенно завязывался слѣдующій разговоръ:

Часовой. Кимъ кия (кто идетъ?)

Рундъ. Рундъ кия (рундъ идетъ)

Часовой. Кайсы рундъ (Какой рундъ?)

Рундъ. Зоръ рундъ (большой рундъ)

Часовой. Рундъ тохта (рундъ стой). Караульный турсигисъ. Шапыпка или Ахметка (ефрейторъ) впередъ, два хорошія люда впередъ (караульные проснитесь. Ефрейторъ впередъ, два фланговыхъ человека впередъ). Когда же рундъ входилъ на платформу, то часовой отдавалъ ему честь саблей въ два приема, приговаривая: на тебѣ, вотъ тебѣ, гуляй (проходи) дальше—и, спокойно заткнувъ уныло свою пѣсню, начиналъ расхаживать по платформѣ.

Ротный мой командир бранился довольно изрядно, но, конечно, ему далеко было до известнаго тогда въ оренбургскихъ войскахъ одного капитана полевой артиллеріи, командовавшаго казачьей батареею, котораго многіе ставили себѣ за образецъ и всѣми мѣрами старались подражать ему. Казачья батарея въ тотъ годъ стояла лагеремъ подъ Оренбургомъ, и я знаю, что нѣкоторые изъ офицеровъ нарочно ѣздили туда на ученья, чтобы только хоть разъ послушать, какъ распекаютъ казаковъ. Капитанъ дѣйствительно былъ артистъ въ своемъ родѣ; онъ бранился такими непозволительными словами, которыя, конечно, не раздавались ни въ одномъ изъ самыхъ развращенныхъ кабаковъ въ Россіи; каждая брань его длилась весьма долго и отличалась изумительнымъ подборомъ неслыханныхъ названій и изображеніемъ самыхъ циничныхъ и отвратительныхъ дѣйствій человека. Брань эту онъ произносилъ громко, съ разстановкой, какъ бы самоуслаждаясь своимъ краснорѣчіемъ, и затѣмъ немедленно слѣдовали немилосердные побои казаковъ собственноручно, кулакомъ, пашкой или же при помощи другихъ лицъ—нагайкою. Капитанъ и въ побояхъ достигъ замѣчательнаго совершенства: такъ, въ пѣшемъ строю онъ рѣдко дрался кулакомъ, а большею частью давалъ виновному такую жестокую пощечину правою ногою, что у казака всегда оказывалось лицо въ крови, а фуражка далеко отлетала въ сторону. Подобное искусство капитана нравилось многимъ офицерамъ его батареи и нерѣдко служило темою разговоровъ ихъ съ нами.

Въ маѣ мѣсяцѣ начались баталіонныя ученья; нашъ командиръ майоръ Лепехинъ бранился скороговоркой, но при этомъ страшно брызгался слюнями. Главнымъ предметомъ учений были ломки фронта, при чемъ употреблялись такія сложныя построения, какихъ даже не было въ уставѣ, а затѣмъ церемоніальный маршъ. Майоръ большею частью расправлялся собственноручно, не прибѣгая къ палкамъ; то и дѣло раздавались во фронтѣ удары по чьей-нибудь физикѣ, не исключая унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Офицеровъ Лепехинъ бранилъ мало, можетъ быть, по совершенному недостатку дара слова, за то безпрерывно сажалъ на гауптвахту, крича при этомъ: «поручикъ или прапорщикъ такой-то пошелъ-те подъ арестъ». Но если такъ сравнительно мирно шли ученья въ третьемъ баталіонѣ, то не то было во второмъ, гдѣ, независимо битья нижнихъ чиновъ, подполковникъ Чигиръ нисколько не стѣснялся и съ офицерами. Какъ теперь помню, у него въ баталіонѣ младшимъ штабъ-офицеромъ былъ майоръ Иванъ Макаровичъ Фофановъ, человекъ простой и мало образованный; рѣдкое ученье проходило, чтобы въ числѣ прочихъ Чигиръ не разругалъ передъ фронтомъ своего помощника, говоря ему: «эхъ майорина, майорина, какъ тебѣ не стыдно», а когда Фофановъ рѣшался иногда возражать, то онъ прямо кричалъ

ему: «молчи ты, Иванъ-дуракъ, Макарь-дуракъ и Фофановъ-дуракъ, такъ тебѣ и нечего говорить». Самою мягкою бранью у Чигиря считалось, когда онъ говорилъ офицеру: «ну, куда ты завелъ свой взводъ, поди братъ лучше утопись въ Уралѣ, чѣмъ такъ срамиться»...

Такое обращеніе не возбуждало, однако же, протеста, ибо всѣ офицеры служили изъ куска хлѣба, и жаловаться начальству было немислимо, а какъ тогдашніе законы не ограждали вполне правъ офицеровъ, то понятно, при такихъ условіяхъ и нравственный уровень ихъ долженъ былъ понизиться и дѣйствительно дошелъ у многихъ чуть не до нуля.

Къ веснѣ общественныя развлеченія, состоявшія изъ танцевальныхъ вечеровъ въ клубѣ и собраній въ частныхъ домахъ, прекратились, а лѣтнихъ увеселеній не было. Театръ тогда вовсе не существовалъ. Караванъ-Сарайскаго сада не было и въ поминѣ, а на берегу Урала, гдѣ въ послѣднее время, говорятъ, устроенъ бульваръ, валили со всего города навозъ, дохлыхъ кошекъ и собакъ, какъ разъ передъ окнами дома, занимавшагося Обручевымъ, и въ промежуткѣ двухъ соборовъ зимняго и лѣтняго. Изрѣдка въ царскіе дни посылалась военная музыка въ зауральскую рощу, грязную и вонючую, и тогда туда шель весь городъ, направляясь по пѣшеходному мостику, наводимому черезъ рѣку передъ губернаторскимъ домомъ.

Сообщила Н. Н. Длуская.

(Продолженіе слѣдуетъ).







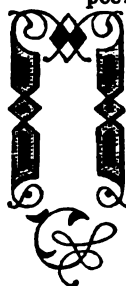
## ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминанія офицера генеральнаго штаба.

### З а т и ш ь е.

#### П <sup>1)</sup>.

Расформированіе отряда князя Имеретинскаго.—Мое возвращеніе въ главную квартиру.—Великій князь главнокомандующій.—Главная квартира.—Бухарестъ.—Гвардія.—Два эпизода, относящіеся къ началу войны.



Ослѣ «ужасныхъ дней» 30-го и 31-го августа на западномъ фронтѣ нашемъ наступило «затишье»—конечно, временное. 2-го сентября отрядъ князя Имеретинскаго былъ расформированъ официально, а въ дѣйствительности онъ распался, какъ мы видѣли, раньше. Остатки Владимірскаго и Суздальскаго полковъ, первый въ составѣ около 950 человѣкъ, второй приблизительно въ 900 человѣкъ, безъ бригаднаго командира, генерала Тебякина, убитаго 30-го августа, отошли къ своей 16-й дивизіи, при чемъ командиры этихъ полковъ и почти всѣ батальонные и ротные были только «исправляющіе должность» или «за командира». Нарядная, блестящая 3-я стрѣлковая бригада, превратившаяся изъ 4-хъ батальонной въ 2-хъ батальонную, тоже лишившаяся своего бригаднаго командира генерала Добровольскаго и всѣхъ командировъ батальоновъ, вновь подчинена была непосредственно начальнику Западнаго отряда арміи. Въ вѣдѣніи князя остались только: 2-я пѣхотная дивизія, изъ девяти тысячаго состава насчитывавшая теперь всего около 3.900 человѣкъ, сведенная въ одинъ 4-хъ батальонный полкъ, съ однимъ бригаднымъ ко-

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“, мартъ 1903 г.

мандиromъ, совѣмъ безъ полковыхъ командировъ и 2-я артиллерійская бригада, тоже безъ бригаднаго командира, въ составѣ 31-го вмѣсто 48 орудій.

Такъ какъ во 2-й пѣхотной дивизіи былъ свой начальникъ штаба полковникъ Шестаковъ, то я остался ни при чемъ, и князь Имеретинскій приказалъ мнѣ ѣхать въ главную квартиру, къ которой я въ дѣйствительности принадлежалъ, состоя для особыхъ порученій при главнокомандующемъ.

Не съ большою радостью покинувъ Скобелева, ѣхалъ я 9-го августа во вновь сформированный отрядъ князя Имеретинскаго <sup>1)</sup> и, странное дѣло, не съ сожалѣніемъ уѣзжалъ изъ него, хотя, казалось бы, прожитое въ немъ время, а въ особенности все съ нимъ пережитое должны были бы привязать меня къ нему. Очевидно и я чувствовалъ на себѣ отраженіе общей неудовлетворенности послѣ третьяго штурма Плевны; неудовлетворенности, перешедшей въ апатію. Не говорю уже о подъемѣ духа, который обыкновенно является въ части послѣ успѣшнаго дѣла, того подъема духа, который былъ у насъ 22-го августа послѣ взятія Ловчи,—теперь въ отрядѣ нашемъ не было даже ощущенія того, что мы, по совѣсти говоря, заработали: не было какъ-то сознанія того, что долгъ нашъ нами исполненъ. Встрѣчались съ знакомыми не радостно, разговоры не клеились, да и о чемъ было говорить? Зеленныя горы, свидѣтельница столь многого великаго, были, по пространству своему, такой маленькой ареной, что всѣ все видѣли и сообщать другъ другу что-либо новое не приходилось. Замѣчательно, что, прислушиваясь и къ разговорамъ солдатъ, не было слышно той восторженности въ разсказахъ, той невинной похвалы, чуждой бахвальства, которая всегда сопровождаетъ разговоры нашихъ солдатъ объ удачномъ дѣлѣ. Я помню подслушанный мною разсказъ у огонька о взятіи тыльнаго редута въ Ловчѣ: «тутъ ужъ всѣ пошли впередъ и налегли со всѣхъ сторонъ; а «онъ» не сдается... ну, его и прикончили»... Это разсказывалось довольно спокойно, но въ то же время увѣренно, неопровержимо; чувствовалось, что иначе и быть не могло, что такъ и слѣдовало; ощущалось полное удовлетвореніе. А теперь... правда, еще 27-го августа калужскіе пѣселяники ѣли при отступленіи со 2-го гребня на 1-й; но 31-го уже не было пѣсенъ. 27-го августа мы еще видѣли впереди отместку и при томъ скорую; 31-го мы увидѣли только конецъ, и пѣсня замерла. Всѣ были удручены, точно мы того, чего отъ насъ ожидали—не исполнили, будто въ чемъ провинились... и хотя цифры потерь лѣваго фланга отъ 35% до 65% у нижнихъ чиновъ и отъ 37% до 56% у офицеровъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ, что старались «не щадя жи-

<sup>1)</sup> Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ. Стр. 394.

вота своего», но все-таки отрядъ былъ въ удрученномъ положеніи. Сейчасъ послѣ 31-го августа не было еще споровъ и не было слышно обвиненій—тогда никого еще не бранили; все это явилось потомъ, позже; тутъ же точно всѣ опалѣли и недоумѣвали.

Не радостно мнѣ было ѣхать въ главную квартиру; уѣхалъ я отсюда еще опальнымъ. Въ послѣднее мое въ ней пребываніе великій князь все еще говорилъ мнѣ «вы», а передъ самымъ отъѣздомъ въ отрядъ князя Имеретинскаго не удалось мнѣ и проститься съ главнымъ командующимъ<sup>1)</sup>. Неизбѣжно опять увижу Левицкаго... пожалуй, еще распечетъ за что-нибудь—мимоходомъ.

3-го сентября выѣхалъ я изъ отряда съ неразлучнымъ моимъ Захаромъ и Мусы Газіевымъ, выздоровѣвшимъ отъ лихорадки и привлѣвшимъ ко мнѣ подъ конецъ боя 31-го августа, съ искреннимъ сокрушеніемъ жалѣвшимъ, что опоздалъ къ бою<sup>2)</sup>. По его словамъ, въ этомъ, конечно, виноватъ былъ какой-то докторъ, который его «лишку продержалъ» въ госпиталѣ. Единственное, что до нѣкоторой степени утѣшало во всей этой грустной обстановкѣ—утѣшала надежда, что въ виду очевидно наступившаго временнаго затишья можетъ быть отпустить домой хоть на двѣ недѣли. Уже 10 мѣсяцевъ не видѣлъ своихъ... Но эта надежда была очень слабая; раздумывая объ этой радужной возможности, я почти всегда сходилъ на мысль, что она невозможна и отъ этой идилліи переходилъ къ другой возможности, болѣе вѣроятной, но за то и болѣе прозаичной: хоть бы въ Бухарестъ пустили на недѣльку, и если пустять, то съ вокзала—прямо въ баню.

Вдучи налегкѣ, я обгонялъ разныя части войскъ и видѣлъ много лицъ. Между прочимъ, видѣлъ и милѣйшаго генерала Горшкова (le général Potier). Почтенный генералъ спѣшилъ со своей I-й бригадой 32-й пѣхотной дивизіи къ Рущуку, въ отрядъ цесаревича. У него что-то случилось съ правой ногой и онъ, сидя верхомъ, былъ безъ сапога, замѣненного резиновой галошей, надѣтой на голую ступню. Было жарко, пыльно, походъ былъ усиленный и трудный; довольно тучный Горшковъ потѣлъ, былъ въ раздраженномъ состояніи духа и бранился. Тутъ же я обогналъ полковника генеральнаго штаба Л. Н. Соболева, который говорилъ мнѣ, что, побывавъ у насъ на Зеленыхъ горахъ во время штурма, проѣхалъ потомъ къ государю и докладывалъ его величеству о всемъ имъ видѣнномъ. Слава Богу, подумалъ я, хоть кто-нибудь о насъ рассказывалъ, а то мы были точно забыты. Подъѣзжая къ главной квартирѣ, меня какъ-то неприятно поразила услышанная издали

<sup>1)</sup> „Русская Старина“ 1900 г. Изъ прошлаго. Гл. XV.

<sup>2)</sup> Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ. Стр. 350.

музыка, гдѣ-то на окраинѣ Горняго Студня разыгрывавшая что-то веселенькое. Веселый мотивъ шелъ въ разрѣзъ съ моимъ настроеніемъ.

Добравшись, наконецъ, 4-го сентября до оставленной мною въ началѣ августа палатки, встрѣтился я съ многими товарищами, но не засталъ Нагловскаго, который опять былъ у генерала Гурко и изъ главной квартиры уѣхалъ. Очень заботила меня мысль о предстоящемъ мнѣ представленіи главнокомандующему. На другой день меня потребовали къ его высочеству. Когда я вошелъ въ его палату, великій князь лежалъ на койкѣ одѣтымъ; онъ, кажется, еще похудѣлъ и очень пожелтѣлъ. Не зная, каковъ будетъ пріемъ, я вошелъ, церемонно и официально поклонился, но все перемѣнилось, когда я услышалъ ласковый голосъ и задушевныя слова:

— Голубчикъ мой, поцѣлуй меня: какъ это ты вышелъ цѣль. Я видѣлъ съ горы, какой у васъ адъ былъ 30-го и 31-го августа...

Ну, слава Богу; очевидно, случившаяся со мной бѣда — забыта: опять великій князь говорилъ мнѣ «ты», значить, опала снята.

Великій князь долго осматривалъ мою физіономію и мой до невозможности порижѣвшій сюртукъ съ фалдами, кончавшимися бахромой. Осмотръ этотъ привелъ къ тому, что самъ великій князь предложилъ мнѣ ѣхать въ Бухарестъ, помыться и почиститься, при чемъ уволил меня на неопредѣленное время. О поѣздкѣ же въ Петербургъ я и не заикнулся: совѣстно было...

Бликихъ мнѣ по душѣ товарищей: Нагловскаго, Бобрикова, Фрезе, въ главной квартирѣ не было; первый былъ у генерала Гурко, второй въ Сербіи, третій не знаю гдѣ. Артамоновъ былъ ужасно не въ духѣ и не разговорчивъ. Общій тонъ главной квартиры былъ унылый и подавленный. Разспросы, если и были, то какіе-то несимпатичные: все больше вертѣлись около личностей. Случалось, что я, бывшій на мѣстѣ, зналъ меньше, чѣмъ тѣ, которые тамъ не были. Непокойчицкій былъ очень любезенъ, Левицкій такъ себя, но въ обществѣ съ нимъ сошло благополучно. Попробовалъ справиться о наградахъ; милѣйшаго полковника Кладищева не было, заболѣлъ и уѣхалъ, а замѣстители его были слишкомъ заняты, чтобы давать намъ, пріѣзжимъ, справки <sup>1)</sup>. Узналъ только, что въ это время вышли награды за первый переходъ Гурко черезъ Балканы и что скоро очередь наградъ за вторую Плевну 18-го іюля, но что въ обществѣ накопилось до 2.000 неразмощрѣнныхъ наградъ.

Остаться дольше въ главной квартирѣ не было причины. Удостоившись получить приглашеніе къ высочайшему столу, я, отобѣдавъ въ числѣ массы другихъ лицъ, уѣхалъ въ Бухарестъ и конечно, напра-

---

<sup>1)</sup> „Русская Старина“ 1900 г. Изъ прошлаго. Гл. XV.

вился на старое пепелище—«Hôtel Boulevard», къ любезному хозяину Paul Zeidel.

Въ то время румыны относились къ намъ уже иначе; не было той отчужденности, а иногда и враждебности, которая сплошь и рядомъ проглядывала до войны. Теперь мы были *les biens venus, frêges d'agnes*. Будучи нашимъ открытымъ союзникомъ, румынское правительство уже не встрѣчало препятствій къ проходу нашихъ войскъ черезъ городъ, и мнѣ весело было смотрѣть, какъ наша гвардія, походнымъ порядкомъ, молодецкимъ шагомъ, проходила съ музыкой по главной улицѣ Подъ-Могошой. Бухарестъ былъ переполненъ русскими всевозможныхъ положеній, званій и родовъ оружія, а «Hôtel Boulevard» совсѣмъ превратился въ русскую шикарную гостиницу. Мнѣ кажется даже, что зимой въ петербургскихъ гостиницахъ перваго разряда, во время сезона, благодаря наплыву настоящихъ иностранныхъ и своихъ домашнихъ иностранцевъ, менѣе слышится русская рѣчь, чѣмъ въ «Hôtel Boulevard» того времени. Прислуга: кельнеры, рейдаши (кухонный мужикъ, корридорный) и горничныя хвастали знаніемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ. Paul Zeidel встрѣтилъ меня радостнымъ «здравствуйте», а всѣ постояльцы—русскіе гораздо болѣе говорили по-русски, чѣмъ въ Петербургѣ въ «Hôtel de France», или въ «Европейской гостиницѣ». Мнѣ кажется, что это былъ очень рѣдкій случай, когда русскіе за границей не только не избѣгали, но, наоборотъ, усиленно говорили по-русски. Правда, что шла гвардія съ весьма приподнятымъ настроеніемъ; какъ будто хотѣли всѣмъ, въ томъ числѣ и виѣшнимъ видомъ, показать: «ничего, молъ, не горюйте; вотъ мы пришли и все поправимъ»... Извозчики-скопцы были на верху счастья: всѣ всегда разобраны и цѣны повышены. Лучшіе номера заняты. Мое прежнее уютное помѣщеніе въ концѣ длиннаго корридора съ передней и спальней въ глубокомъ альковѣ было занято герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ, а въ сосѣднемъ, въ которомъ я жилъ во второй мой пріѣздъ въ Бухарестъ, помѣстился графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ. Понятно, пришлось удовлетвориться маленькой комнатою, оказавшейся свободной. Лѣтняя столовая, устроенная на дворѣ, подъ стеклянной крышей, была набита нашими офицерами. Я пошелъ было туда обѣдать, но поскорѣй ушелъ—до такой степени мой рыжій сюртукъ не гармонировалъ съ шикарными и чистенькими мундирами нашихъ гвардейцевъ.

Въ гостиницѣ видѣлся я съ графомъ Павломъ Андреевичемъ Шуваловымъ, генералами Розенбахомъ, Любовицкимъ, барономъ Зедделеромъ, полковникомъ Водаромъ и массою старыхъ знакомыхъ и сослуживцевъ. Для всѣхъ я былъ интересной новинкой, меня разспрашивали, слушали съ живымъ интересомъ, и, какъ въ послѣдствіи, послѣ войны, говорилъ мнѣ генералъ Розенбахъ, рассказы мои о дѣйствующей арміи,

о порядкахъ нашихъ и о положеніи вещей оказались не только не преувеличенными, что могло случиться подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что окончившихся «ужасныхъ дней»—но даже смягченными.

Въ «Hôtel Broft» встрѣтился я съ графомъ Эдуардомъ Ивановичемъ Тотлебенемъ, который не поспешилъ на длинную со мной бесѣду. Глядя на его массивную фигуру, слушая его спокойную, размыренную и увѣренную рѣчь, я самъ невольно проникался увѣренностью въ будущее.

Въ числѣ предметовъ, обсуждавшихся въ «Hôtel Boulevard» нашими, вновь прибывшими, не малое мѣсто занималъ вопросъ о томъ, что если бы мы въ началѣ войны не пренебрегали противникомъ и сразу послали бы побольше войскъ, то вѣроятно теперь, въ сентябрѣ 1877 г., война была бы окончена побѣдоносно и мы не проходили бы черезъ всѣ постигшія насъ неудачи и «ужасные дни».

Обсуждался также вопросъ о томъ, что если бы мы не сидѣли такъ долго въ Кишиневѣ, а двинулись бы зимой 1876—1877 годовъ, тотчасъ послѣ мобилизаци, то можетъ быть достаточно было бы и первоначально мобилизованныхъ войскъ.

Относительно послѣдняго соображенія надо замѣтить, что еще въ концѣ 1876 года, во время Константинопольскихъ конференцій, весьма компетентныя лица высказывали мнѣніе, что слѣдуетъ открыть кампанію только на Кавказѣ, въ виду того, что военныя дѣйствія въ Европейской Турціи, рано или поздно, неминуемо повлекутъ за собой конфликтъ съ Европой, въ той или другой формѣ; если же явится неизбежная необходимость открыть военныя дѣйствія на обоихъ театрахъ, то надо начать войну немедленно. Въ этомъ случаѣ и при условіи быстрого и энергичнаго наступленія, будетъ достаточно 150—180 тысячъ войска. Послѣднее соображеніе основано было на томъ, что Европейская Турція, въ то время была совершенно безъ войскъ, которыя всѣ были заняты въ Сербіи, Черногоріи, Воевіи и Герцоговинѣ. Не произведя подсчета турецкихъ войскъ, направленныхъ турками въ эти пункты и оставшихся налицо въ Болгаріи, достаточно сказать, что лучшіе турецкіе генералы, съ которыми намъ впоследствии пришлось имѣть дѣло и при томъ въ званіи главнокомандующихъ и высшихъ предводителей: Мехмедъ-Али, Сулейманъ и Османъ отсутствовали изъ Болгаріи, дѣйствуя въ предѣлахъ Сербіи, Черногоріи, Воевіи и Герцоговины; въ Болгаріи оставался престарѣлый Абдулъ-Керимъ и былъ выписанъ въ помощь ему изъ Зайчара, дѣйствовавшій противъ Сербіи, Ахмедъ-Эюбъ-паша <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Изложенное здѣсь объ отсутствіи войскъ въ придунайской Болгаріи и за Балканами вполне совпадаетъ съ свѣдѣніями, добытыми мною въ декабрѣ 1876 и январѣ 1877 годовъ, во время моей командировки за границу для собиранія свѣдѣній о непріятелѣ. Изъ прошлаго. Ч. I-я. На войнѣ, стр. 115, 117 и другія.

Затѣмъ, въ Европейской Турціи (т. е. въ Болгаріи сѣверной и южной), зимой 1876 и 1877 годовъ совершенно не было ни снарядовъ, ни патроновъ. И вотъ весьма интересный разсказъ, касающійся снабженія турецкой арміи боевыми припасами передъ войной.

Въ январѣ 1877 года, слѣдовательно когда наша армія, мобилизованная, уже занимала Бессарабію, въ Константинопольскомъ посольствѣ нашемъ узнали, что въ Константинополь явились иностранные коммерсанты для переговоровъ о поставкѣ снарядовъ, патроновъ и вообще боевыхъ припасовъ въ турецкую армію. Въ это время въ Константинополь проживалъ армянинъ, русскій подданный, совершившій какое-то преступленіе въ Россіи и бѣжавшій въ Турцію. Армянинъ этотъ, зная англійскій и турецкій языки, пристроился переводчикомъ въ американское посольство и постоянно надѣдалъ нашему послу просьбами исходатайствовать ему прощеніе и разрѣшеніе вернуться въ Россію. Когда до нашего посольства дошли слухи о пріѣздѣ американскихъ поставщиковъ, а также и то, что контракты о поставкѣ боевыхъ припасовъ составляются въ американскомъ посольствѣ, то армянину предложено было доставить контракты, на короткое время, въ наше посольство, за что ему обѣщано было исходатайствовать помилованіе. Армянинъ долго колебался, говоря, что если его поступокъ откроютъ, то онъ поплатится головой, но наконецъ согласился, и вотъ, въ январѣ 1877 года, въ посольство наше явилось это лицо съ подлинными контрактами, написанными параллельно по-турецки и по-англійски.

Въ контрактахъ значилось: поставщики берутъ на себя поставку всѣхъ боевыхъ огнестрѣльныхъ припасовъ, при чемъ первая партія будетъ сдана въ Константинополь 15-го мая 1877 года, а затѣмъ остальные партіи будутъ прибывать періодически 1-го и 15-го каждаго мѣсяца.

Теперь остается подумать: что было бы, если бы мы, не останавливаясь на продолжительное сидѣніе въ Кишиневѣ, двинулись бы впередъ, имѣя противникомъ Турцію безъ войскъ, безъ генераловъ и безъ боевыхъ припасовъ? Допуская даже, что мы тронулись бы въ началѣ января, у насъ было впереди еще четыре съ половиною или пять мѣсяцевъ до того времени, пока Турція получила бы первый транспортъ иностранной боевой помощи!

Во время войны мы всегда поражались тѣмъ неимовернымъ количествомъ патроновъ, которые находили во взятыхъ нами турецкихъ ложементахъ, траншеяхъ и редутахъ, при чемъ много жестянокъ было нераспаянныхъ, а иногда находили по нѣсколько жестянокъ, укупоренныхъ въ заколоченные ящики. Изложенное выше о доставкѣ патроновъ и снарядовъ служитъ тому объясненіемъ: выгрузка и отправка въ раз-

личные пункты была такая спѣшная, что ящики поступали въ войска цѣлыми партіями нераскупоренными.

Обыкновенно говорили и говорятъ, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ наступленію нашему зимой 1876—1877 годовъ служили всѣмъ извѣстныя болгарскія зимнія: бездорожье, грязь, горы и проч. Всю эту грязь, все это бездорожье, мало того, весь ужасъ зимы съ вьюгами и буранами на вершинахъ горъ, мы преодолѣли въ слѣдующую зиму—1877—78 годовъ; нѣтъ основанія полагать, что мы не преодолѣли бы все это годомъ раньше. Не замерзавшій въ зиму 1876—1877 г.г. Дунай не могъ считаться преградой неодолимой; мы его переходили въ іюнѣ 1877 года тоже не по льду.

Ступивши на почву воспоминаній нѣкоторыхъ эпизодовъ начала войны, я приведу здѣсь еще одинъ рассказъ, относящійся къ началу войны. Нашъ посолъ графъ Н. П. Игнатьевъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить по дѣламъ въ порту верхомъ и однажды ему очень приглянулась лошадь военного министра Реуфа-пашы. Лошадь была чистокровный арабъ, бѣлая въ розовыхъ крапинкахъ; будучи происхожденіемъ изъ Геджаса, она отличалась большимъ ростомъ, болѣе 4½ вершковъ, что для арабской лошади рѣдкость исключительная. Начали торговаться, Реуфъ заломилъ огромную цѣну, но, какъ это часто бываетъ, разошлись въ пустякахъ, въ какихъ-нибудь 200 франкахъ. Покупка не состоялась, а затѣмъ по объявленіи войны графъ Игнатьевъ выѣхалъ въ Россію, но вся исторія о покупкѣ этой лошади и она сама были извѣстны персоналу посольства.

Во время перваго похода генерала Гурко за Балканы передовыя его войска достигли Германлы, и тутъ, въ одной изъ авангардныхъ стычекъ, войска наши видѣли какого-то пашу, очень храбро разбивавшаго въ передовыхъ турецкихъ стрѣлковыхъ цѣпяхъ на чудесной, большой бѣлой лошади. Находившіеся при нашихъ передовыхъ войскахъ члены нашего Константинопольскаго посольства, князь Цертелевъ, числившійся въ Кубанскомъ казачьемъ полку и носившій эту форму, а также другой (кажется, г. Бэзили) обратили вниманіе на эту лошадь; она показалась имъ знакомою. Нашъ стрѣлокъ прицѣлился, лошадь была убита, паша упалъ, но затѣмъ вскочилъ на ноги и убѣжалъ.

Все это было рассказано графу Игнатьеву, при чемъ очевидцы происшествія выражали предположеніе и догадку, что убитая лошадь та самая, которая принадлежала Реуфу-пашѣ и которую торговалъ графъ. По заключеніи перемирія, графъ Игнатьевъ, встрѣтивши Реуфъ-пашу, рассказалъ ему эпизодъ объ убитой лошади и спрашивалъ: кому онъ продалъ лошадь. Реуфъ отвѣтилъ, что не только лошадь та самая, но и паша, на ней сидѣвшій и упавшій съ нея—онъ самъ,



Реуфъ. Нашъ посолъ выразилъ удивленіе, какимъ образомъ Реуфъ, всемогущій военный министръ султана, очутился съ передовыми войсками въ стычкѣ съ нашимъ авангардомъ, и тогда Реуфъ разсказалъ слѣдующее: быстрое наступленіе наше за Балканы въ іюлѣ привело въ неописуемое смятеніе порту и самого султана. Стоящая молва увеличивала количество нашихъ войскъ и въ Константинополѣ были увѣрены, что наступаютъ и приближаются къ беззащитнымъ Адрианополю и Константинополю главные наши силы. Въ это время турецкія войска хотя и спѣшили съ западныхъ границъ Турціи въ южную Болгарію и перевозились на судахъ изъ Мраморное море, но еще не прибывали; даже Сулейманъ еще не прибылъ. Встревоженный султанъ послалъ своего военного министра удостовѣриться на мѣстѣ о количествѣ наступавшихъ русскихъ войскъ, и вотъ Реуфъ очутился въ дѣлѣ съ авангардомъ передоваго отряда генерала Гурко и воочію убѣдился не только въ отсутствіи нашихъ главныхъ силъ, но получилъ обстоятельное свѣдѣніе о нашей слабости въ это время за Балканами и поспѣшилъ въ Константинополь успокоить султана и порту. По дорогѣ, въ Адрианополь онъ встрѣтилъ Сулеймана-пашу, уже пріѣхавшаго туда, послѣ высадки въ Дадагачъ. Реуфъ умолялъ Сулеймана поторопиться и идти навстрѣчу русскимъ, а когда Сулейманъ, тоже предполагавшій, что ему придется встрѣтиться съ главными нашими силами, выражалъ Реуфу свои опасенія и необходимость выждать высаживавшіяся въ Дадагачъ войска для сосредоточенія всѣхъ своихъ силъ, то Реуфъ удостовѣрилъ и подтвердилъ личными своими наблюденіями и собранными свѣдѣніями, что силы наши ничтожны. Сулейманъ послушался, пошелъ впередъ съ тѣмъ, что было подъ рукой;—дальнѣйшее извѣстно. Графъ Игнатьевъ, заинтересованный этимъ разсказомъ, заинтересовался спросить: а что было бы, если бы Реуфъ удостовѣрился въ дѣйствительномъ наступленіи нашихъ главныхъ силъ, или даже если не главныхъ, то вообще большихъ силъ; такъ какъ слухъ объ этомъ крѣпко держался въ Константинополѣ, то не было ли какихъ-нибудь предположеній на подобный случай?

Реуфъ отвѣтилъ, что онъ былъ уполномоченъ султаномъ добиться личнаго представленія государю и просить мира, при чемъ султанъ добавилъ одно только непремѣнное желаніе и просьбу: вести переговоры безъ всякихъ посредствующихъ конференцій или конгрессовъ, а непосредственно съ государемъ императоромъ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Необходимо добавить, что въ это время вліяніе Англіи было сильно поколеблено въ Константинополѣ.

Мнѣ, участнику многого совершившагося въ теченіе нашей войны 1877—1878 годовъ съ самаго начала мобилизаціи, когда она, осенью 1876 года, еще только зарождалась на картахъ въ петербургскомъ кабинетѣ генерала Левицкаго и вплоть до конца оккупации весной 1879 года, простибельно, живя настоящимъ мирнымъ теченіемъ жизни, возвращаться мысленно и душевно къ великой трагедіи, бывшей четверть вѣка назадъ; оглядываясь назадъ, невольно нахожу удивительныя, страшныя аналогіи съ одинаковымъ кровавымъ исходомъ.

31-го августа подъ Плевной Османъ-паша рѣшается, съ оскорбительной для насъ смѣлостью, почти совсѣмъ оголить отъ войскъ свой восточный фронтъ, оставивъ тамъ всего 12 батальоновъ, противъ нашихъ 81, и двинуть на Скобелева 37 батальоновъ изъ 49-ти всего своего наличія; мы, имѣя 81 батальонъ, изъ коихъ 53 совсѣмъ свѣжихъ, обладающаго подавляющимъ количествомъ артиллеріи и кавалеріи, не рѣшаемся ихъ двинуть.

Къ туркамъ на Зеленныя горы подкрѣпленія пришли, и они сраженіе выиграли; къ Скобелеву подкрѣпленія не пришли—мы сраженіе проиграли.

Всѣ наши усилія и уже достигнутые результаты были сведены на нѣтъ.

Тамъ, за Балканами, въ іюлѣ, Сулейманъ-паша, убѣжденный Реуфомъ, рѣшается, малыми, высадившимися силами подкрѣпить передовыя войска турокъ, нами тѣснимыя,—и дѣло ихъ было выиграно; мы не рѣшились двинуться въ январѣ 1877 года, именно тогда, когда вся обстановка узаконивала пагубныя для насъ въ послѣдствіи слова, сказанныя на совѣтѣ въ Систовѣ: «впередъ и впередъ»<sup>1)</sup>, не рѣшились поддержать генерала Гурко въ первомъ его Забалканскомъ походѣ и все дѣло проиграли съ весьма кровавыми послѣдствіями.

Какой-то злой рокъ все время тяготѣлъ надъ нами, уничтожая и сводя на нѣтъ всѣ частныя успѣхи, всю доблесть войскъ; грозныя для нашей арміи тучи сопровождали наше великое національное и всеславянское предпріятіе. Все время наша армія жила и дѣйствовала подъ гнетомъ этихъ грозныхъ тучъ; даже паденіе Плевны 28-го ноября чуть-чуть не кончилось катастрофой: опоздай еще немножко резервъ гренадеръ, и, чего добраго, Османъ-паша, уже сокрушившій нашу первую линію—совсѣмъ прорвался бы съ остатками своихъ войскъ. Подъ Шейновымъ дѣло висѣло на волоскѣ. Преждевременная, еще не выясненная, остановка для заключенія перемирія, которое надлежало, и которое предполагено было принять и заключить только у стѣнъ Константинополя, грозно занявъ высоты, надъ нимъ господствующія, привела насъ къ

<sup>1)</sup> Изъ Прошлаго. Часть 1-я. На войнѣ. Стр. 284.

не грозному стоянію въ Санъ-Стефано въ то время, когда турки, на нашихъ глазахъ укрѣпляли свою столицу, а англійскій флотъ, вопреки международнаго права, не находясь ни съ нами, ни съ турками въ войнѣ, прошелъ Дарданельскій проливъ, вошелъ въ Мраморное море и сталъ у Принцевыхъ острововъ. Грозныя тучи эти сопровождали нашихъ уполномоченныхъ и въ Берлинъ на конгрессъ, гдѣ въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій, второй англійскій уполномоченный лордъ Сальсбери, тоже съ изумительной смѣлостью опредѣлилъ задачу конгресса: *anéantir entièrement les résultats de la guerre* <sup>1)</sup>.

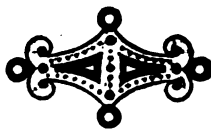
Наконецъ, эти же страшныя тучи, надвинувшись на всю Россію, разразились ужасающимъ событіемъ 1-го марта!

Все это мы вынесли и пережили.

Покоряясь Высшей Божественной силѣ, правящей міромъ и посылающей ему испытанія для уразумѣнія и очищенія, но и милующей— твердо вѣримъ въ великое будущее Россіи и торжество всеславянскаго духовнаго единенія.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).




---

<sup>1)</sup> Вполнѣ уничтожить (свести на нѣтъ) результаты войны.

Посланіе бывшимъ кадетамъ, въ 171-ю годовщину основанія 1-го кадет-  
скаго корпуса.

---

Въ звукахъ чудныхъ, звукахъ пѣній,  
Въ смыслѣ искреннихъ рѣчей,  
Слышенъ голосъ общихъ мнѣній,  
Громче пушекъ и мечей.  
То не гулъ раскатовъ грома,  
То не буря, не муссонъ,  
Эта пѣсня всѣмъ знакома,  
Слышенъ въ ней пріятный тонъ.  
Въ ней я слышу звукъ привѣта—  
То не призракъ, то не сонъ,—  
Славятъ доблести кадета,  
Всюду, гдѣ являлся онъ.  
И съ перомъ пѣвца, поэта  
И съ мечемъ и со щитомъ,  
Всюду виденъ трудъ кадета  
Въ духѣ честномъ и святомъ.  
Вижу, братцы, васъ во всѣхъ:  
И на бахъ средь красавицъ,  
И въ доспѣхъ боевомъ,  
И средь бури шумныхъ здравицъ,  
Вижу, вижу васъ во всѣхъ.  
Слава вамъ на многи лѣта!  
Слава всѣмъ героямъ дна!  
Вы свершали долгъ кадета  
И безъ пушекъ, безъ огня...

---

А теперь—мною пѣсня спѣта;  
Вы намъ славу сберегли! .  
Отъ старѣйшаго кадета  
Шлю поклонъ вамъ до земли!

17-го февраля  
1903 г.

А. И. С—въ.





**Письма императрицы Марии Фёдоровны**  
**къ великимъ князьямъ**  
**Николаю и Михаилу Павловичамъ<sup>1)</sup>.**

Num. 21.

Ce Mardi, 8 Juin 1815.

Voici mon bonjour par la poste, mes chers enfants, ma grande lettre est pour le courrier de demain. Nous voici au 14-me jour sans en recevoir, ce qui est désolant et me fait vous conjurer et vous prier d'écrire par la poste: un «je me porte bien» me suffit, mais cette assurance m'est nécessaire. Nous avons fait ce matin une charmante promenade à cheval; la comtesse Orlof et le comte Miloradovitch en étaient. Nous avons bien trotté, et la belle allée derrière la ferme a été passée au galop depuis son commencement jusqu'à sa fin. Notre bonne comtesse est venue avec nous en ligne. Nous avons déjeuné à la ferme, et sommes revenus ensuite aussi à cheval, en passant tous par le potager. La comtesse Orlof nous quitte aujourd'hui, j'en suis bien fâchée, car on n'est pas plus aimable, ni plus bonne qu'elle. À son passage pour Moscou elle dînera encore chez moi; sa tante est très malade. Notre société diminue journellement, et nous serons en peu réduites à nous-mêmes. Je suis charmée de ce qu'enfin la santé du comte Kotschoubei lui permet de venir s'établir à Czarsko Sello. Notre bon vieux Zagriaski n'est pas encore des nôtres: il soigne son pied, et puis il a voulu terminer l'affaire d'une noce à laquelle il a dû assister, celle de son neveu le comte Apraxin

<sup>1)</sup> См. «Русскую Старину» 1903 г., февраль.

qui a épousé hier la jolie demoiselle Davidof que Creithon a sauvée l'hiver passé de la grande maladie qu'elle a faite; peu de jours après la noce le mari va joindre le régiment d'hussards et la femme l'accompagnera autant que possible. Voilà toutes mes nouvelles, mes chers enfants. Vous voyez qu'elles ne sont guère intéressantes. Je vous dirai encore que nous parlons beaucoup de vous, que nous nous occupons de vous, que tout le monde vous aime et forme les vœux que vous restiez fermes dans vos principes; j'en ai le doux espoir, et demande au Ciel de vous y fortifier journellement davantage. Adieu, mes chers enfants, je vous embrasse tendrement et vous donne mille et mille bénédictions.

Marie.

Mes amitiés à papa Lamsdorf et bien des compliments à tous vos messieurs, au général Konovnitzin. J'ai vu Périnkow qui m'a parlé des deux tableaux de Moscou; je les fais emballer par Metterleiter, et les expédierai incessamment; il ne veut pas les rouler, craignant que cela ne les gâte.

Il y a aujourd'hui une année de l'arrivée de Constantin avec la nouvelle de la signature de la paix de Paris: jugez ce que ce souvenir me fait éprouver.

Вторникъ, 8-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ нѣсколько словъ по почтѣ, дорогія дѣти мои, а завтра напишу большое письмо съ курьеромъ. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы не имѣли курьера; это прискорбно. Поэтому умоляю васъ и прошу написать по почтѣ, я буду довольна простымъ увѣдомленіемъ, что вы здоровы; но это знать мнѣ необходимо. Мы совершили сегодня утромъ прелестную прогулку верхомъ; съ нами были графиня Орлова и гр. Милорадовичъ. Мы прокатились рысью и проскакали прекрасную аллею позади фермы въ галопъ съ начала до конца. Наша добрая графиня ѣхала съ нами въ линейкѣ. Мы позавтракали на фермѣ и вернулись также верхомъ, пройдя всѣ черезъ огородъ. Графиня Орлова покидаетъ насъ сегодня; это меня очень огорчаетъ, такъ какъ трудно представить себѣ кого-либо добрѣе и любезнѣе ея. Прѣздомъ въ Москву она будетъ еще разъ обѣдать у меня; ея тетка очень больна. Наше общество уменьшается съ каждымъ днемъ, и скоро мы останемся одни. Я въ восторгѣ, что здоровье гр. Кочубея дозволяетъ ему наконецъ поселиться въ Царскомъ Селѣ. Нашего добраго старика Загряжскаго еще нѣтъ съ нами; онъ лѣчитъ ногу, а затѣмъ хотѣлъ покончить со свадьбой, на которой онъ долженъ былъ присутствовать. Его племянникъ гр. Апраксинъ женился вчера на хорошенькой Давыдовой, которую Крейтонъ спасъ прошлую зиму, вылѣчивъ отъ серьезной болѣзни. Мужъ, черезъ нѣсколько дней

послѣ свадьбы, отправляется къ своему гусарскому полку, а жена будетъ сопровождать его по мѣрѣ возможности. Вотъ всѣ мои новости, дорогія дѣти мои. Какъ видите, онѣ вовсе неинтересны. Скажу вамъ еще, что мы много говоримъ о васъ, что мы заняты вами, что всѣ васъ любятъ и молятъ Бога, чтобы вы были тверды въ своихъ нравственныхъ правилахъ. Я надѣюсь на это и прошу Господа, чтобы вы укрѣплялись въ этихъ правилахъ ежедневно все болѣе и болѣе. Прощайте, дорогія мои дѣти, нѣжно цѣлую васъ и тысячу, тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Мой привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и большой поклонъ всѣмъ вашимъ кавалерамъ и генералу Коновницину. Я видѣла Перинкова, который говорилъ со мною о двухъ картинахъ—видахъ Москвы. Я приказала упаковать ихъ Меттерлейтеру и немедленно отправить. Онъ не хочетъ свернуть ихъ въ трубку, боясь, что это ихъ испортитъ.

Сегодня годовщина дня, въ который Константинъ привезъ извѣстie о подписаніи парижскаго мира. Можете себѣ представить, что я испытала при этомъ воспоминаніи.

Num. 22.

Ce Lundi, 7 Juin 1815.

Ma journée m'offre quelques détails intéressants que je me fais plaisir de communiquer encore ce soir à mes bons et chers petits amis.

Nous avons été à la messe pour le lendemain de Pentecôte; elle a été précédée par le Te Deum pour demander à Dieu Ses bénédictions pour la nouvelle lutte qui peut-être a déjà commencé. J'ai prié l'Être Suprême de tout mon coeur, et ne vous cache pas que j'ai été bien profondément émue, et le moyen de ne pas l'être! À la messe on a lu la même prière qui se lisait les années précédentes, mais comme c'était pour la première fois, nous avons été à genoux à la lecture et au Te Deum et à la messe. Chers enfants, que j'ai pensé à vous: veuille l'Être Suprême vous protéger, vous bénir, vous conserver. Le comte Miloradovitch, après avoir conduit le régiment de Finlande hors de la ville, est venu chez nous et a assisté à la messe de même que la grand chambellan. Pour le dîner nous est arrivé l'aide-de-camp général Potemkin et votre bon général Krapovitzki, celui-ci pour me dire adieu: il part avec le régiment Vendredi. Voici le paquet dont il m'a chargé pour vous, cher Nikoche; après le dîner je l'ai fait prier de venir dans mon cabinet, nous avons parlé de vous, de son beau régiment qui fait l'admiration de chacun, ensuite je lui ai dit adieu, et vous assure, cher Nikoche, que votre souvenir s'est bien amalgamé à ce congé, que j'en ai eu les larmes aux yeux. Le bon Krapovitzki a été très ému; je vous ai dit hier que j'ai dit adieu à sa femme qui se sent très heureuse de l'accompagner. Kra-

povitzki m'a dit que le colonel Mordvinof sera aux anges de l'arrangement pris pour son enfant dont Madame d'Adlerberg se charge, c'est à dire, plutôt dont sa fille se charge; j'ai même appris à cette occasion que c'est la bonne Adlerberg qui a été marraine de cet enfant. Potemkin m'a dit qu'il viendrait prendre encore congé de moi; son régiment part Dimanche prochain: sa santé se remet. Il m'a dit que le pauvre Chernichef vient de perdre sa mère il y a deux jours d'une hydropisie de poitrine. Si vous voyez Chernichef, dites lui que je prends une part sincère à sa peine. On le dit très bon fils, et la mère l'adorait; Potemkin m'a conté, qu'elle avait tant désiré le revoir encore une fois: pauvre mère!

Le général Krapovitzki désire, cher Nikoche, que les instruments, que vous envoyez ici, soient remis aux musiciens du régiment qui restent ici, il ne prend que la moitié avec lui; et je viens d'apprendre aujourd'hui que, comme j'avais fait prier le prince Gortchakof de nous envoyer de la musique ayant perdu celle des hussards, il nous destine celle qui reste de votre régiment, pour rester ici pendant mon séjour, et même Derfeld viendra l'exercer, car Krapovitzki m'a dit que la plupart de ceux qui restent sont encore des enfants; nous en aurons bien soin, cher Nikoche, et je vous avoue que j'ai plaisir à penser que le choix soit tombé sur elle, parce qu'elle appartient à votre régiment. Pour hier, aujourd'hui et demain le prince Gortchakof nous a envoyé celle de Préobrajenski, qui est d'une perfection inexprimable: ils ont joué l'ouverture de Joconde et la marche favorite de Michel d'une manière ravissante; que n'avez vous été des nôtres, mes bons amis, pour en jouir avec nous. La soirée étant fraîche, nous n'avons fait qu'une petite promenade en ligne, et à notre retour on a fait passer les musiciens de la cour dans la chambre de Verney, où ils ont joué, et nous avons été dans la salle à manger. Quoique tant et tant de souvenirs se rattachent à chacun des morceaux qu'ils ont exécutés et que ces souvenirs dans les circonstances présentes vous remuent l'âme, cependant ils me sont chers, et l'émotion douloureuse qu'ils font naître s'accorde très bien à toute ma disposition. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse tendrement et vous donne toutes mes bénédictions.

Ce Mardi, 8 Juin.

Je vous ai écrit par la poste ce matin, mes bons amis, et vous ai rendu compte de ma matinée; je vous dirai présentement qu'il m'est arrivé pour le dîner le comte Pierre Tolstoi et le prince Jousoupof. Comme la journée est agréable, nous avons dîné au Pavillon des roses, et nous souperons à la ferme; je prétends que nous faisons aujourd'hui un voyage pittoresque dans mon jardin. Le bon Miloradovitch est encore des nôtres et nous quitte ce soir; la comtesse Orlof lui a fait cadeau



ce matin d'un beau cheval à ce qu'il m'a dit à dîner, il en est tout ému. Il restera quelques jours en ville m'a-t-il dit, ayant affaire; j'ai eu la méchanceté de lui dire que je ne m'attendais pas même à le voir avant quelques jours (car la comtesse Orlof restera à Pétersbourg 3 ou 4 jours); il a ri et rougit. Nous avons beaucoup parlé de vous tantôt, mes chers amis, il vous aime tendrement et vous est sincèrement attaché; et j'avoue qu'il me paraît encore plus estimable lui-même; je dois dire aussi que Храповицкiй m'a dit hier qu'il ne pouvait ni lui, ni toutes les gardes se louer assez des soins du bon prince Gortchakof, qui avait fait l'impossible pour les pourvoir de tout, qui avait pensé à tout, qu'il ne concevait pas comment il avait pu rendre tout cela possible. Le comte Miloradovitch m'a répété la même chose. Je l'ai écouté avec grand plaisir, et me donnerai celui de dire à ce bon prince Gortchakof que j'entends son éloge dans la bouche de tous les militaires. Bonsoir, mes bons enfants, je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime bien tendrement. Que Dieu vous conserve et vous bénisse.

Mes chers enfants, j'ai rempli vos bonnes intentions en faveur de la petite-fille de Madame d'Adlerberg: le sort ne l'a pas favorisée au ballottage, ainsi j'ai donné l'ordre au conseil de l'admettre comme votre pensionnaire à vous deux, d'après le désir que vous m'en avez témoigné le jour que nous avons été chez Madame d'Adlerberg. Ensuite, cher Nikoche, ayant appris aujourd'hui que le fils de votre Périnkin marchait demain ou après-demain, j'ai fait dire à Block de lui donner cinq cents roubles de votre somme, étant persuadée que vous l'auriez fait, si vous vous étiez trouvé ici, ainsi je suis persuadée être entrée dans vos intentions. Bonsoir, mon bon ami, bonsoir, cher Michel.

Ce 9 Juin, Mercredi.

Je commence ces lignes par vous embrasser de tout, tout mon coeur. Jusqu'à présent ma matinée ne m'offre rien d'intéressant à vous mander, mais j'ai eu la grande satisfaction de recevoir des lettres de M-r d'Alopeus et de ma cousine, qui me disent tous deux mille bien de vous. On trouve que vous avez gagné sous tous les rapports: je vous répète cet éloge, mes enfants, parce que je me dis qu'il sera un nouveau motif pour vous de le mériter et d'acquérir journellement en vertu, qualité et instruction, c'est d'une nécessité absolue, il faut que l'âme soit bien élevée, le coeur bien placé et que la tête soit bien fournie pour marcher avec honneur par les circonstances difficiles du temps et faire cette route dangereuse en méritant son estime et celle des autres. J'aime à me flatter que toujours et instamment ce sera votre but à tous deux, mes bons enfants. Ma soirée d'hier vous rendait présents à mes yeux: on a exécuté tous les morceaux de musique que vous aimez, mes enfants: ouverture de Joconde, duo de Joconde, la polonaise de la Famille Suisse,

povitzki m'a dit que le colonel Mordvinof sera aux anges de l'arrangement pris pour son enfant dont Madame d'Adlerberg se charge, c'est à dire, plutôt dont sa fille se charge; j'ai même appris à cette occasion que c'est la bonne Adlerberg qui a été marraine de cet enfant. Potemkin m'a dit qu'il viendrait prendre encore congé de moi; son régiment part Dimanche prochain: sa santé se remet. Il m'a dit que le pauvre Chernichef vient de perdre sa mère il y a deux jours d'une hydropisie de poitrine. Si vous voyez Chernichef, dites lui que je prends une part sincère à sa peine. On le dit très bon fils, et la mère l'adorait; Potemkin m'a conté, qu'elle avait tant désiré le revoir encore une fois: pauvre mère!

Le général Krapovitzki désire, cher Nikoche, que les instruments, que vous envoyez ici, soient remis aux musiciens du régiment qui restent ici, il ne prend que la moitié avec lui; et je viens d'apprendre aujourd'hui que, comme j'avais fait prier le prince Gortchakof de nous envoyer de la musique ayant perdu celle des hussards, il nous destine celle qui reste de votre régiment, pour rester ici pendant mon séjour, et même Derfeld viendra l'exercer, car Krapovitzki m'a dit que la plupart de ceux qui restent sont encore des enfants; nous en aurons bien soin, cher Nikoche, et je vous avoue que j'ai plaisir à penser que le choix soit tombé sur elle, parce qu'elle appartient à votre régiment. Pour hier, aujourd'hui et demain le prince Gortchakof nous a envoyé celle de Préobrajenski, qui est d'une perfection inexprimable: ils ont joué l'ouverture de Joconde et la marche favorite de Michel d'une manière ravissante; que n'avez vous été des nôtres, mes bons amis, pour en jouir avec nous. La soirée étant fraîche, nous n'avons fait qu'une petite promenade en ligne, et à notre retour on a fait passer les musiciens de la cour dans la chambre de Verney, où ils ont joué, et nous avons été dans la salle à manger. Quoique tant et tant de souvenirs se rattachent à chacun des morceaux qu'ils ont exécutés et que ces souvenirs dans les circonstances présentes vous remuent l'âme, cependant ils me sont chers, et l'émotion douloureuse qu'ils font naître s'accorde très bien à toute ma disposition. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse tendrement et vous donne toutes mes bénédictions.

Ce Mardi, 8 Juin.

Je vous ai écrit par la poste ce matin, mes bons amis, et vous ai rendu compte de ma matinée; je vous dirai présentement qu'il m'est arrivé pour le dîner le comte Pierre Tolstoi et le prince Joussouf. Comme la journée est agréable, nous avons dîné au Pavillon des roses, et nous souperons à la ferme; je prétends que nous faisons aujourd'hui un voyage pittoresque dans mon jardin. Le bon Miloradovitch est encore des nôtres et nous quitte ce soir; la comtesse Orlof lui a fait cadeau

ce matin d'un beau cheval à ce qu'il m'a dit à dîner, il en est tout ému. Il restera quelques jours en ville m'a-t-il dit, ayant affaire; j'ai eu la méchanceté de lui dire que je ne m'attendais pas même à le voir avant quelques jours (car la comtesse Orlof restera à Pétersbourg 3 ou 4 jours); il a ri et rougit. Nous avons beaucoup parlé de vous tantôt, mes chers amis, il vous aime tendrement et vous est sincèrement attaché; et j'avoue qu'il me paraît encore plus estimable lui-même; je dois dire aussi que Храповицкиѣ m'a dit hier qu'il ne pouvait ni lui, ni toutes les gardes se louer assez des soins du bon prince Gortchakof, qui avait fait l'impossible pour les pourvoir de tout, qui avait pensé à tout, qu'il ne concevait pas comment il avait pu rendre tout cela possible. Le comte Miloradovitch m'a répété la même chose. Je l'ai écouté avec grand plaisir, et me donnerai celui de dire à ce bon prince Gortchakof que j'entends son éloge dans la bouche de tous les militaires. Bonsoir, mes bons enfants, je vous embrasse de tout mon cœur et vous aime bien tendrement. Que Dieu vous conserve et vous bénisse.

Mes chers enfants, j'ai rempli vos bonnes intentions en faveur de la petite-fille de Madame d'Adlerberg: le sort ne l'a pas favorisée au ballottage, ainsi j'ai donné l'ordre au conseil de l'admettre comme votre pensionnaire à vous deux, d'après le désir que vous m'en avez témoigné le jour que nous avons été chez Madame d'Adlerberg. Ensuite, cher Nikoche, ayant appris aujourd'hui que le fils de votre Périnkin marchait demain ou après-demain, j'ai fait dire à Block de lui donner cinq cents roubles de votre somme, étant persuadée que vous l'auriez fait, si vous vous étiez trouvé ici, ainsi je suis persuadée être entrée dans vos intentions. Bonsoir, mon bon ami, bonsoir, cher Michel.

Ce 9 Juin, Mercredi.

Je commence ces lignes par vous embrasser de tout, tout mon cœur. Jusqu'à présent ma matinée ne m'offre rien d'intéressant à vous mander, mais j'ai eu la grande satisfaction de recevoir des lettres de M-r d'Alopeus et de ma cousine, qui me disent tous deux mille bien de vous. On trouve que vous avez gagné sous tous les rapports: je vous répète cet éloge, mes enfants, parce que je me dis qu'il sera un nouveau motif pour vous de le mériter et d'acquérir journellement en vertu, qualité et instruction, c'est d'une nécessité absolue, il faut que l'âme soit bien élevée, le cœur bien placé et que la tête soit bien fournie pour marcher avec honneur par les circonstances difficiles du temps et faire cette route dangereuse en méritant son estime et celle des autres. J'aime à me flatter que toujours et instamment ce sera votre but à tous deux, mes bons enfants. Ma soirée d'hier vous rendait présents à mes yeux: on a exécuté tous les morceaux de musique que vous aimez, mes enfants: ouverture de Joconde, duo de Joconde, la polonaise de la Famille Suisse,

les fameuses marches, les tyroliennes; enfin, Nikoche et Michel, je croyais vous voir et jouir de cette délicieuse harmonie, qui cependant m'a touchée douloureusement par les souvenirs qu'elle me retraçait. Aujourd'hui il doit nous arriver votre musique restante, cher Nikoche. Notre temps est âpre, le vent étant très froid, les lilas fleurissent peu, et toute la végétation a l'air souffrant. Adieu, mes chers et bons amis. Rappelez moi au souvenir de papa Lamsdorf et faites mes compliments à vos messieurs, au général Konovnitzin et aux bons militaires qui pensent à moi. Que fait l'honnête Sakrefski? Adieu mille et mille fois, je vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

Tout notre monde vous dit mille choses.

Понедѣльникъ, 7-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Сегодняшній день ознаменовался нѣсколькими интересными мелочами, которыя мнѣ пріятно сегодня же вечеромъ сообщить моимъ добрымъ, дорогимъ друзьямъ.

По случаю Духова дня мы были у обѣдни. Передъ обѣдней былъ отслуженъ молебенъ, чтобы испросить у Господа Бога благословеніе по случаю предстоящей войны, которая, быть можетъ, уже началась. Я молилась отъ всей души и не скрою отъ васъ, что я была глубоко растрогана, да и могло ли быть иначе? За обѣдней была прочитана та же молитва, которую читали въ предъидущіе годы, но такъ какъ она читалась впервые, то мы преклонили колѣна во время чтенія этой молитвы и за обѣдней, и за молебномъ.

Дорогія дѣти, какъ много я думала о васъ: да хранить васъ Господь, да ниспослеть Онъ вамъ Свое благословеніе, и да сохранить Онъ васъ. Гр. Михоратовичъ, проводивъ Финляндскій полкъ за городъ, пріѣхалъ къ намъ и былъ у обѣдни, точно такъ же, какъ и жена оберъ-камергера. Къ обѣду пріѣхалъ генераль-адъютантъ Потемкинъ и вашъ добрый ген. Храповицкій. Послѣдній пріѣзжалъ проститься со мною: онъ уходитъ съ полкомъ въ пятницу. Вотъ пакетъ, который онъ просилъ меня передать вамъ, дорогой Никошъ. Послѣ обѣда я велѣла попросить его въ мой кабинетъ: мы говорили о васъ, объ его прекрасномъ полкѣ, коимъ всѣ восхищаются, затѣмъ я простилась съ нимъ, и при этомъ вы такъ живо вспомнились мнѣ, дорогой Никошъ, что, вѣрьте мнѣ, у меня на глазахъ появились слезы. Добрый Храповицкій былъ очень взволнованъ. Я писала вамъ вчера, что я простилась съ его женою, которая очень счастлива, что будетъ сопровождать его. Храповицкій сказалъ мнѣ, что полковникъ Мордвиновъ будетъ въ восторгѣ отъ того, какъ устроили его ребенка, о которомъ взялась заботиться г-жа Адлербергъ, т. е., лучше

сказать, ея дочь. Я узнала по этому случаю, что добрая Адлербергъ крестила этого ребенка. Потемкинъ сказалъ мнѣ, что онъ еще зайдетъ проститься со мною; его полкъ уходитъ въ будущее воскресенье. Его здоровье поправляется; онъ сообщилъ мнѣ, что два дня тому назадъ у бѣднаго Чернышева скончалась мать отъ водянки въ груди. Если увидите Чернышева, скажите ему, что я искренно сочувствую его горю: говорятъ, что онъ очень хорошій сынъ, мать боготворила его. Потемкинъ говорилъ мнѣ, что она такъ желала увидѣть его еще разъ—бѣдная мать!

Генералъ Храповицкій желаетъ, дорогой Никошъ, чтобы инструменты, которые вы пришлете сюда, были переданы полковымъ музыкантамъ, которые остаются здѣсь, онъ беретъ съ собою изъ нихъ только половину, и я узнала сегодня, что, такъ какъ я просила кн. Горчакова прислать намъ музыкантовъ, ибо мы лишились оркестра гусарскаго полка, то онъ предназначилъ для насъ тѣхъ, которые остались отъ вашего полка. Они будутъ тутъ во время моего пребыванія, и даже Дерфельденъ придетъ, чтобы упражняться съ ними, ибо Храповицкій сказалъ мнѣ, что большая часть оставшихся музыкантовъ еще совсемъ дѣти. Мы будемъ о нихъ заботиться, дорогой Никошъ. Признаюсь вамъ, мнѣ пріятно думать, что выборъ палъ на нихъ, такъ какъ они принадлежатъ къ вашему полку. Вчера и сегодня, а также завтра у насъ играютъ музыканты Преображенскаго полка, присланные кн. Горчаковымъ. Это само совершенство; они сыграли увертюру изъ Джоконды и любимый маршъ Михаила восхитительнымъ образомъ. Какъ жаль, добрые друзья мои, что васъ не было тутъ, чтобы насладиться вмѣстѣ съ нами. Такъ какъ вечеръ былъ прохладный, то мы сдѣлали только маленькую прогулку въ линейкѣ. Когда мы вернулись, то музыкантовъ перевели со двора въ комнату Верне, гдѣ они играли, а мы сидѣли въ столовой. Хотя съ каждой исполненной ими пьесой соединено такое множество воспоминаній и хотя эти воспоминанія, при теперешнихъ обстоятельствахъ, волнуютъ душу, но все же эти воспоминанія мнѣ дороги, а вызываемыя ими грустные чувства вполне гармонируютъ съ общимъ настроеніемъ духа. Прощайте, добрые друзья мои, нѣжно цѣлую васъ и посылаю вамъ свое благословеніе.

8-го іюня, вторникъ.

Я писала вамъ сегодня по утру по почтѣ, добрые друзья мои, и дала вамъ отчетъ о проведенномъ мною утрѣ; теперь скажу вамъ, что къ обѣду пріѣхали гр. Петръ Толстой и кн. Юсуповъ. Такъ какъ день хорошій, то мы обѣдали въ Розовомъ павильонѣ, а ужинать будемъ на фермѣ. Я говорю, что мы дѣлаемъ сегодня живописное путешествіе въ моемъ саду. Добрый Милорадовичъ у насъ и покидаетъ насъ сегодня

\*

вечеромъ. Онъ передавалъ мнѣ за обѣдомъ, что графиня Орлова подарила ему сегодня утромъ великолѣпную лошадь, чѣмъ онъ чрезвычайно былъ тронутъ; онъ проведетъ, по его словамъ, еще нѣсколько дней въ городѣ, потому что у него тамъ дѣла. Я была настолько зла, что сказала, что я даже не рассчитывала видѣть его ранѣе, какъ черезъ нѣсколько дней (ибо графиня Орлова проведетъ въ Петербургѣ 3 или 4 дня); онъ засмѣялся и покраснѣлъ. Мы много говорили о васъ, дорогіе друзья мои. Онъ горячо любитъ васъ и искренно вамъ преданъ. Признаюсь вамъ, что я нахожу его вслѣдствіе этого еще болѣе достойнымъ уваженія. Надобно сказать вамъ также, что Храповицкій говорилъ мнѣ вчера, что онъ и всѣ гвардейцы не нахвалятся заботливостью добраго кн. Горчакова, который выбился изъ силъ, чтобы доставить имъ все необходимое, и позаботился обо всемъ; Храповицкій не понимаетъ, какъ онъ могъ сдѣлать все это. Гр. Милорадовичъ подтвердилъ мнѣ то же самое. Я слушала его съ удовольствіемъ, и мнѣ будетъ пріятно сказать доброму кн. Горчакову, что я слышу ему похвалы изъ устъ всѣхъ военныхъ. Прощайте, дѣти мои, отъ души цѣлую васъ и нѣжно люблю васъ. Да хранить и благословить васъ Господь.

Дорогія дѣти мои, я исполнила ваше доброе желаніе относительно внучки г-жи Адлербергъ. Судьба не поблагопріятствовала ей при баллотировкѣ, поэтому я предписала совѣту принять ее въ качество пансіонерки васъ обоихъ, согласно желанію, выраженному вами въ тотъ день, когда мы были у г-жи Адлербергъ. Затѣмъ, дорогой Никошъ, узнавъ сегодня, что сынъ вашего Перинкина уходитъ завтра или послѣ-завтра, я велѣла сказать Блоку, чтобы онъ передалъ ему 500 р. изъ вашихъ суммъ, будучи увѣрена, что вы сдѣлали бы это сами, если бы вы были тутъ; я увѣрена, что это вполне согласно съ вашимъ желаніемъ. Прощайте, добрый другъ мой, прощайте, дорогой Михаилъ.

9-го іюня, среда.

Начинаю эти строки, цѣлуя васъ отъ всего, отъ всего сердца. Сегодня утромъ не произошло до сихъ поръ ничего интереснаго, что я могла бы сообщить вамъ, но я имѣла несказанное удовольствіе получить письма отъ г. Алопеуса и отъ моей кузины; они оба пишутъ мнѣ очень много хорошаго о васъ: находятъ, что вы выиграли во всѣхъ отношеніяхъ. Я передаю вамъ эту похвалу, дѣти мои, въ надеждѣ, что это еще болѣе побудитъ васъ быть достойнымъ ея и постоянно преуспѣвать въ добродѣтели, талантахъ и познаніяхъ, а это положительно необходимо. Душа должна быть возвышенна, сердце отзывчиво и голова исполнена знаній, для того, чтобы, при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, съ честью проходить жизненный путь и заслужить ува-

женіе свое собственное и другихъ людей. Я льщу себя надеждою, что вы оба всегда неуклонно будете преслѣдовать эту цѣль, дорогія дѣти мои. Вчерашній вечеръ мнѣ живо напомнилъ васъ; исполняли ваши любимыя пьесы: увертюру изъ «Джоконды», дуэтъ изъ «Джоконды», полонезъ изъ «Швейцарскаго семейства», извѣстныя марши, тирольскіе танцы; словомъ, Никошъ и Михаилъ, мнѣ казалось, что я васъ вижу передъ собою; я наслаждалась прелестной гармоніей, которая тронула меня до глубины души по тѣмъ воспоминаніямъ, какія она возбудила во мнѣ. Сегодня должны прибыть сюда оставшіеся музыканты вашего полка, дорогой Никошъ. Погода у насъ холодная, дуетъ очень холодный вѣтеръ, а потому сирень цвѣтетъ плохо, и вся растительность имѣетъ жалкій видъ. Прощайте, мои добрые и дорогіе друзья, напомните обо мнѣ папашѣ Ламсдорфу и передайте мой поклонъ вашимъ кавалерамъ, ген. Коновницину и тѣмъ военнымъ, которые помнятъ обо мнѣ. Что дѣлаетъ честный Закревскій? Прощайте тысячу и тысячу разъ, посылаю вамъ свое благословеніе. Марія. Всѣ наши привѣтствуютъ васъ.

Num. 23.

Ce 11 Juin 1815.

Voici mon bonjour par la poste, mes bons et chers amis, car je veux vous donner l'exemple d'en profiter; c'est le seul et l'unique moyen d'avoir régulièrement des nouvelles, car les courriers sont très rares et vont, Dieu sait comment, beaucoup moins vite que la poste. Notre temps est très agréable aujourd'hui, et Annette et moi avons monté à cheval: je prends le goût de cet exercice et m'en trouve très bien prenant le petit-lait. Ma bête a gagné de force et va volontiers au galop. J'espère de vos nouvelles aujourd'hui, et les attends de Leipzig: elles seront très bien reçues et nous feront grand plaisir, car il nous faut savoir les faits et gestes, dispositions morales et physiques de mes chers Nikoche et Michel pour supporter leur absence. Je vous cherche présentement entre Heidelberg et Mannheim. Quel beau pays, et quelle bonne occasion pour vous, cher Nikoche, de prendre le crayon en main: qu'il me tarde de recevoir un petit croquis dessiné par vous. Je ne sais si je vous ai dit que le bon comte Miloradovitch a placé au Pavillon des roses pour faire sa cour à Annette, ou plutôt à sa passion pour les chats, un petit dessin d'un chat assis sur une borne, attaqué par deux chiens, en présence de deux petits garçons qui s'en amusent, et le chat fait le gros dos: ce dessin est d'une vérité parfaite, il m'a dit en avoir fait l'emplette à Bâle. J'ai trouvé aussi au Pavillon le dessin d'un bivouac russe aux portes de Paris, c'est de même très joli. La salle est tout à fait restaurée, et tout est mieux fini que cela ne l'a été la première fois; mais je ne

m'y trouve jamais sans un serrement de coeur. Adieu, mes bons enfants, je vous écrirai encore ce soir par le courrier. Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf et mes compliments à vos messieurs et à tous nos braves militaires qui se rappellent de moi. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

La tante et tout le monde vous dit mille choses. Zagriaski est encore en ville aux pieds de sa femme.

11-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ по почтѣ, добрые и дорогіе друзья мои, ибо хочу дать вамъ примѣръ, коимъ вы можете воспользоваться. Это единственное средство правильно получать извѣстія, такъ какъ курьеры посылаются очень рѣдко и ѣдутъ, Богъ знаетъ отчего, гораздо тише, чѣмъ почта. Погода у насъ сегодня очень пріятная. Мы ѣздили съ Аннетой верхомъ. Я пристрастилась къ верховой ѣздѣ и чувствую себя очень хорошо, такъ какъ пью сыворотку. Моя лошадь окрѣпла и охотно скачетъ галопомъ. Я надѣюсь имѣть отъ васъ извѣстія сегодня изъ Лейпцига: я ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ, и они доставятъ мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ мнѣ необходимо знать, что дѣлаютъ мои дорогіе Никошъ и Михаилъ, какъ они себя чувствуютъ физически и нравственно, для того, чтобы переносить разлуку съ ними. Я полагаю, что вы находитесь въ настоящее время между Гейдельбергомъ и Мангеймомъ. Какая это чудная страна и какой прекрасный для васъ случай, дорогой Никошъ, взяться за карандашъ: съ нетерпѣніемъ ожидаю маленькаго наброска, сдѣланнаго вами. Не знаю, передавала ли я вамъ, что добрый графъ Милорадовичъ, желая быть пріятнымъ Аннетѣ, или, лучше сказать, желая удовлетворить ея страсти къ кошкамъ, повѣсилъ въ Розовомъ павильонѣ маленькій рисунокъ, на которомъ изображена кошка, сидящая на тумбѣ, на которую напали двѣ собаки; зрѣлищемъ забавляются два маленькихъ мальчика; а кошка стоитъ, выгнувъ спину; рисунокъ сдѣланъ въ совершенствѣ. Онъ говоритъ, что купилъ его въ Базелѣ. Я нашла въ павильонѣ еще рисунокъ, изображающій русскій бивуакъ у воротъ Парижа; онъ также очень хорошъ. Зала окончательно возобновлена, все сдѣлано лучше, чѣмъ было сначала; но всякій разъ, какъ я вхожу туда, сердце у меня сжимается отъ грусти. Прощайте, мои добрыя дѣти, я буду писать вамъ еще сегодня вечеромъ съ курьеромъ. Мой сердечный привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ вашимъ кавалерамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, которые помнятъ меня. Цѣлую васъ отъ души и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.



Тетушка и всѣ остальные вамъ кланяются. Загряжскій еще въ городѣ, у ногъ своей жены.

Num. 24.

Ce Mardi soir, 9 Juin 1815.

Quoique je vous ai écrit par le courrier d'aujourd'hui, je ne puis me refuser la satisfaction de vous embrasser encore ce soir, mes bons amis, et de vous dire que j'ai pensé à vous et beaucoup. J'ai reçu ce soir des lettres de ma tante Ferdinand qui me dit bien de belles choses de vous, mes chers enfants, et du plaisir qu'elle a eu de vous voir. Elle s'exprime sur vous de manière à bien contenter mon coeur maternel. Nous avons passé notre journée bien tranquillement et bien isolément; M-r Paschkof, Villamof et le prince Kurakin ont fait notre société en hommes; le temps est rude, froid et désagréable, ainsi la promenade du soir a été très petite, et je l'ai rendue surtout telle, parce que toutes nos demoiselles orthodoxes, Mademoiselle de Nélidof à la tête, ont été faire un pèlerinage à pied à Colpino. Elles ont fait le trajet dans 4 heures, sans s'arrêter; après avoir fait chanter le Te Deum elles sont revenues en ligne: cela s'appelle marcher! Mais toutefois ne fallait-il pas les fatiguer ce soir, aussi je suis rentrée de bonne heure, et au lieu de jouer nous avons fait lecture et travaillé: nous avons commencé la vie de la reine Christine, dont on m'a fait l'éloge. J'ai vu aujourd'hui M-r Witte, qui vient d'arriver, il m'a dit cependant avoir déjà vu vos chevaux. Bonsoir, mes chers amis, dormez bien, je tâcherai d'en faire de même.

Ce Jendi soir, 10 Juin.

Ma journée s'est passée comme toutes les autres à penser à vous, mes bons chers enfants, à parler de vous, à faire des vœux pour votre conservation et bonheur, à avoir souvent la larme à l'oeil en m'occupant de vous. Les moments que je passe avec Annette sont ceux qui me sont les plus chers de la journée, car nous pensons et sentons de même pour vous. Nous avons fait notre promenade à cheval ce matin, après laquelle chacune de nous s'est occupée. J'ai saisi un moment de loisir pour faire visite à ma belle-soeur et me trouver chez vous: la duchesse se plait beaucoup dans votre maison. Le comte Tolstoi est venu dîner chez nous et passer la journée. La soirée nous nous sommes promenés et avons fait le tour des lilas, mais qui ne sont pas beaux cette année, en ayant perdu immensément à la suite de l'hiver de l'année passée, et ceux qui restent ont l'air malade. Nous nous sommes mis en ligne au vieux châlet et avons passé devant l'orangerie des cerisiers qui sont en fleurs, nous avons fait le tour du lac et sommes venus au Pavillon des roses où nous

avons soupé, après que Mademoiselle d'Anrep nous a chanté un joli air russe en s'accompagnant du clavecin: c'est une bien aimable personne, dont la naïveté, la candeur plaît généralement. Voilà, mes bons enfants, le récit exact de ma journée. Je vous dirai encore que j'ai eu le plaisir de recevoir hier au soir au moment de mon coucher des lettres de l'empereur de Heilbron; il me dit s'être plu à Stuttgart et Louisbourg qui lui plaisent beaucoup, de même de l'ordre qui règne dans le pays. L'empereur m'écrit se transporter à Heidelberg, aussi je suppose que c'est là où vous avez eu le bonheur de le revoir. Bonsoir, mes chers enfants, dormez bien et que Dieu vous comble de Ses bénédictions.

Ce Vendredi, 11 Juin.

Je vous ai écrit ce matin, mes chers enfants, mais je reprends la plume ce soir pour vous remercier, cher Nikoche, de votre cher et aimable billet de Weissenfels que j'ai reçu par la poste du jour et qui nous a causé la joie la plus vive; Annette était chez moi au moment que je l'ai reçu, aussi elle a partagé à l'instant ma satisfaction. Je vous embrasse de tout mon coeur, cher Nikoche, pour vous en remercier, et vous, cher Michel, pour votre souvenir. Savez vous, mes enfants, que vous allez comme le vent et que vous faites de bons courriers. J'ai reçu ce soir une lettre de Marie de Nuremberg qui se désole de la pensée de vous manquer à Weimar; elle me dit vous avoir proposé un rendez-vous à Achaffenbourg; je désire que vous ayez pu l'accepter, il serait cruel d'être si près sans se voir, et surtout dans les circonstances présentes. Ma journée n'offre rien de bien intéressant, vous connaissez ma matinée par ma lettre par la poste; nous avons eu à dîner le prince Dmitri Galitzin et le comte Stroganof, qui ont passé la soirée chez nous; nous nous sommes promenés en ligne et avons soupé au Pavillon des roses. Mais le temps n'est pas agréable, car après une matinée bien chaude la soirée paraît très fraîche, et le temps est obscur et sombre comme en automne. Votre régiment est parti de la ville ce matin, cher Nikoche, et passe la nuit à Czarsko Sello. Demain je l'hébergerai à Gatschina: j'espère qu'il y seront contents. Les grenadiers du corps passent la nuit à Krasnoé Sello. Les musiciens de votre régiment qui restent ici sont arrivés à Pawlovsk; je me fais fête de les entendre et de vous parler de leurs progrès. Bonsoir, mes bons enfants, dormez bien et portez vous bien; pensez quelques fois par jour à maman.

Ce 12 Juin 1815.

Mes enfants, il y a 3 ans que la guerre a terminé à cette date: peut-être le canon tire-t-il déjà. Сохрани Богъ мнѣ милыхъ! Chers, chers enfants, j'espère que vous êtes sous l'égide de notre Père

commun et que vos jours seront conservés! Comme votre lettre d'hier m'a fait plaisir! Que Dieu vous bénisse de me l'avoir tracée. Je n'ai rien à vous marquer ce matin: j'ai eu des visites de congé, qui m'ont pris mon temps. La température est agréable. Adieu, mes bons amis. Mes amitiés au cher papa Lamsdorf, mes compliments à vos messieurs. Dites à Alédinski que ses enfants sont beaux comme l'amour. Mes compliments à nos braves militaires qui vous demanderont de mes nouvelles. Je vous embrasse mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

---

Вторникъ вечеромъ, 9-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Хотя я уже писала вамъ съ сегодняшней почтою, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи обнять васъ еще разъ сегодня вечеромъ, добрые друзья мои, и сказать вамъ, что я много думала о васъ. Я получила сегодня вечеромъ письмо отъ моей тетушки, супруга принца Фердинанда; она пишетъ мнѣ много хорошаго о васъ, дорогія дѣти мои, и объ удовольствіи, какое доставило ей свиданіе съ вами. Все, что она говорить о васъ, радуеть мое материнское сердце. Мы провели день очень тихо и очень одиноко; изъ мужчинъ у насъ были: Пашковъ, Вилламовъ и кн. Куракинъ. Погода рѣзкая, холодная и непріятная, поэтому наша вечерняя прогулка была очень непродолжительна; я постаралась особенно сократить ее, такъ какъ всѣ наши православныя дѣвицы, съ г-жею Нелидовой во главѣ, отправились пѣшкомъ на богомолье въ Колпино. Онѣ совершили весь путь въ 4 часа, не останавливаясь. Отслуживъ молебень, онѣ вернулись въ линейкахъ. Вотъ это называется ходить! Но какъ бы то ни было, ихъ не слѣдовало утомлять сегодня вечеромъ; поэтому я вернулась домой рано, и мы не играли, а читали и работали. Мы начали читать жизнеописаніе королевы Христины, которое мнѣ очень хвалили. Я видѣла сегодня г. Витта; онъ только-что пріѣхалъ, но говорить, что уже успѣлъ видѣть вашихъ лошадей. Прощайте, друзья мои, спите покойно, постараюсь сдѣлать то же.

Четвергъ вечеромъ, 10-го іюня.

Я провела сегодняшній день, по обыкновенію, думая о васъ, мои добрыя и дорогія дѣти, говоря о васъ, дѣлая пожеланія для вашего благополучія и счастья. Когда я думаю о васъ, у меня нерѣдко навертываются на глаза слезы. Тѣ минуты, которыя я провожу съ Аннетой, самыя для меня пріятныя, такъ какъ мы одинаково думаемъ о васъ и одинаково чувствуемъ. Мы совершили сегодня утромъ нашу обычную прогулку верхомъ, послѣ чего мы занимались; я воспользовалась свободною минутою, чтобы посѣтить мою невѣстку и зайти къ вамъ: герцогинѣ

очень нравится въ вашемъ домѣ. Съ нами обѣдалъ и провелъ день гр. Толстой. Вечеромъ мы гуляли и обошли вокругъ кустовъ сирени; они не хороши въ этомъ году, такъ какъ ихъ много погибло вслѣдствіе прошлогоднихъ морозовъ, а уцѣлѣвшіе видимо болѣютъ. Мы сѣли въ линейку у стараго шале и проѣхали мимо оранжереи вишенъ, которыя въ полномъ цвѣту, объѣхали вокругъ озера и зашли въ Розовый павильонъ, гдѣ ужинали, послѣ того какъ m-lle Анрепъ спѣла намъ хорошенькую русскую пѣсню, аккомпанируя себѣ на фортепiano. Это пріятная особа, которая во всемъ нравится своей наивною и чистотою. Вотъ, добрыя дѣти мои, точное описаніе проведеннаго нами дня. Скажу вамъ еще, что я имѣла удовольствіе получить вчера вечеромъ, передъ тѣмъ какъ лечь спать, письма отъ императора изъ Гейльбронна. Онъ пишетъ, что провелъ время пріятно въ Штутгартѣ и Луисбургѣ, которые ему очень нравятся, такъ же какъ и порадокъ, царствующій въ странѣ. Императоръ пишетъ мнѣ, что онъ переезжаетъ въ Гейдельбергъ, поэтому я предполагаю, что вы имѣли счастье увидѣть его тамъ. Прошайте, дорогія дѣти, спите хорошо и да благословитъ васъ Господь.

Пятница, 11-го іюня.

Я писала вамъ сегодня утромъ, дорогія дѣти, но берусь снова за перо вечеромъ, чтобы поблагодарить васъ, дорогой Никошъ, за ваше милое, любезное письмецо изъ Вейсенфельса, которое пришло сегодня по почтѣ и доставило намъ живѣйшее удовольствіе; Аннета была у меня въ ту минуту, когда я получила его, поэтому она тотчасъ раздѣлила мою радость. Цѣлую васъ отъ всей души, дорогой Никошъ, и благодарю васъ за него, а васъ, дорогой Михайлъ, за память. Право, дѣти мои, вы несетесь, какъ вѣтеръ; вы отличные курьеры. Я получила сегодня вечеромъ письмо отъ Маріи изъ Нюрнберга; она въ отчаяніи при мысли, что вы не заѣдете въ Веймаръ. Она пишетъ, что предлагала вамъ встрѣтиться въ Ашаффенбургѣ. Я желала бы, чтобы вы согласились на ея предложеніе; было бы жестоко находиться такъ близко и не увидѣться, въ особенности при теперешнихъ обстоятельствахъ. Сегодня не было ничего особенно интереснаго; какъ я провела утро, вамъ извѣстно изъ письма, посланнаго по почтѣ; у насъ обѣдалъ кн. Димитрій Голицынъ и гр. Строгановъ; они провели съ нами вечеръ; мы катались въ линейкѣ и ужинали въ Розовомъ павильонѣ. Но погода непріятная; послѣ очень теплаго утра, вечеръ кажется очень прохладнымъ; темно и сумрачно, какъ осенью. Вашъ полкъ выступилъ изъ города сегодня утромъ, дорогой Никошъ, и проведетъ ночь въ Царскомъ Селѣ, завтра я окажу ему гостепріимство въ Гатчинѣ; надѣюсь, что всѣ будутъ тамъ довольны; лейбъ-гренадеры ночуютъ въ Красномъ Селѣ. Музыканты вашего полка, которые остаются здѣсь, прибыли въ

Павловскъ; я радуюсь при мысли, что я услышу ихъ, и сообщу вамъ объ ихъ успѣхахъ. Прощайте, добрыхъ дѣти мои, спите покойно и будьте здоровы; вспоминайте нѣсколько разъ въ день вашу мамашу.

12-го іюня 1815 г.

Дѣти мои, сегодняшній день, три года тому назадъ, война прекратилась; быть можетъ, орудія уже гремятъ. Сохрани Богъ мнѣ милыхъ! Дорогія, дорогія дѣти, я надѣюсь, что вы находитесь подъ покровительствомъ нашего общаго Отца и что Онъ васъ сохранитъ! Какое удовольствіе доставило мнѣ ваше вчерашнее письмо! Да благословитъ васъ Богъ за то, что вы написали его. Сегодня утромъ мнѣ нечего сообщить вамъ: у меня были нѣкоторые лица съ прощальными визитами; это заняло все мое время. Температура пріятная. Прощайте, добрые друзья мои. Мой привѣтъ дорогому папашѣ Ламсдорфу и поклонъ вашимъ кавалерамъ. Скажите Алединскому, что его дѣти хороши, какъ ангелы. Передайте мой поклонъ тѣмъ изъ нашихъ молодцовъ военныхъ, которые опросятъ васъ обо мнѣ. Тысячу разъ обнимаю васъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Num. 25.

Ce Dimanche, 13 Juin au soir 1815.

Je vous sais arrivés, mes chers et bons amis, à Heidelberg; j'ai reçu un courrier de l'empereur du 29 Mai qui me dit vous attendre dans 3 ou 4 jours, et le courrier qui n'est parti que le 30 m'a dit que vous étiez arrivés avant son départ. J'ai appris cette nouvelle avec joie et cependant il s'y est mêlé aussi un sentiment de terreur, plutôt d'effroi en me disant que vous voilà donc exposés déjà à toutes les chances et périls de la guerre, mais la main protectrice de l'Être Suprême vous guidera, vous protégera, et mes bons enfants me seront conservés. L'empereur ne me parle presque dans toute sa lettre que de vous, cher Nikoche et cher Michel, du plaisir qu'il se fait de vous embrasser, des soins qu'il vous donnera, du logement qu'il vous a choisi, et de ce qu'il vous a envoyé le général Konovnitzin à Francfort; enfin il me parle de vous avec un intérêt qui me rend bien heureuse. Je me flatte recevoir bientôt un second courrier où il me dira vous avoir vus, et qui m'apportera aussi des lettres de vous, deux, êtres chéris, qui occupent sans cesse mes pensées et mes vœux. Mon Dimanche a été très brillant, j'ai eu grand monde, en hommes le comte Miloradovitch, le bon prince Gortchakoff, le général Adam, l'aide-de-camp général Potemkin, duquel j'ai pris congé, son beau régiment est parti aujourd'hui, le général Sipiaguin, qui part Mardi, mais qui viendra encore me voir ce jour-là; le prince Jacques

Lobanof, l'aide-de-camp général Kutusof, chevalier de Béthancourt, Narischkin, le prince Ioussoupof, M-rs de Soltikof Alexandre, Olénin, Mitousof; voilà les premiers, ensuite il faut nommer encore le comte Vielhorski, Solohoub, Kologrivof, Ogéofski, Matvéef, le prince Dolgorouki; en femmes toutes les dames d'honneur, la comtesse et le comte Litta sont venus hier, la princesse mère Dolgorouki, Madame Gourief et sa jeune belle-fille, que je trouve charmante, la comtesse Pierre Tolstoi, la comtesse Apraxin avec sa jeune belle-fille, qui n'est pas mal; toute la famille Stscherbatof, la jeune Dolgorouki, la jolie princesse Troubetzkoï (si vous voyez le mari, dites lui, que sa femme se porte bien et que j'ai eu grand plaisir de la voir), Madame Kutusof, M-lle Apraxin, Chérémétef, pour prendre congé, la demoiselle d'honneur Narischkin qui va à la campagne avec sa mère. Voilà, si ma mémoire ne me trompe, toute la société; j'ai oublié de vous nommer encore le marquis de Traversé, le prince Galitzin, duc Lerida et le comte Medem. Le temps s'est mis au beau pour la soirée et nous avons fait une promenade en ligne et avons soupé au Pavillon des roses. Enfin nous avons eu une journée très chaude; il a plu presque toute la matinée, mais c'était une pluie chaude et agréable. Bonsoir, mes bons amis, vous voyez que je vous tiens au courant des nouvelles de Pawlovsk, qui toujours auront de l'intérêt pour vous. Je vous fais mes tendres amitiés et vous embrasse de tout mon coeur.

Ce Lundi, 14 Juin.

Un courrier de l'empereur parti le 2 Juin est arrivé ce soir, m'apporte une lettre charmante de notre cher Alexandre, qui me dit que vous êtes arrivés brillants de santé, que Michel est aussi long que Nikoche, qu'il s'est réjoui de tout son coeur de vous revoir, de vous embrasser, qu'il a témoigné sa reconnaissance au cher papa Lamsdorf en lui donnant le S-t André, qu'il a distingué tous vos messieurs, de même que Janotti. Je m'en réjouis de tout mon coeur et les en félicite bien sincèrement. Papa Lamsdorf m'écrit la même chose, mais les lettres de certains messieurs à moi connus voyagent dans les paquets ou de M-r Kalemin (Kalinin?) ou du comte Nesselrode et ne me sont pas parvenues encore. J'ai prié instamment le courrier, que je connais, car c'est Sergéef, d'aller vite en ville et de prier les messieurs, auxquels vos lettres pour moi sont adressées, de me les envoyer au plus vite. Dorénavant, mes chers enfants, je vous prie d'avoir soin qu'on ne les enserme dans aucun paquet et qu'elles restent à mon adresse, comme le sont les lettres de l'empereur à moi, car en les enserrant dans un paquet différent, cela leur fait faire 50 werstes de plus et cela me donne un retard de 5 à 6 heures. Que je me sens satisfaite, chers enfants, de voir l'empereur content de vous, et content de vous revoir. Il m'a promis d'avoir tous les soins moraux et physiques pour vous; cette assurance m'est d'un grand prix. La lettre du

bon papa Lamsdorf, que le courrier m'a remise, parce qu'elle était simplement à mon adresse, exprime le contentement et la plus grande sensibilité du tendre accueil fraternel que l'empereur vous a fait, et tout aussi bien la peine sensible que le bon vieillard éprouve de vous quitter en peu; je la sens avec lui et vous jure, chers enfants, que la pensée de vous voir en peu vous séparer de lui renouvelle en moi toute la douleur de votre séparation. Je suis bien peinée de le savoir incommodé. L'empereur me parle de son indisposition, mais il m'assure, qu'il se sent déjà mieux. Je regrette de ce que le bon Rühl n'a pas participé aux bontés de notre cher empereur, mais certainement ce qui est reculé n'est pas perdu. Qu'il me tarde de lire vos lettres, mes chers amis, et de jouir de tout votre bonheur. J'espère que demain à mon réveil cette satisfaction me sera réservée. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien. On dit ici que le 17 les troupes russes seront arrivées, et qu'on n'attend qu'elles pour commencer à agir. Veuille Dieu nous protéger. Bonsoir, chers et bons amis, je vous embrasse mille fois.

Ce 15 Juin, Mardi.

Pas de lettres, mes chers enfants, apparemment que vous avez tardé à les remettre ou, ce que je crois plus probable, que la personne à qui vous les avez remises les a oubliées sur sa table. Enfin je vous sais bien portants et heureux, l'empereur content de vous, papa Lamsdorf me l'écrivant, ainsi je me dis que le courrier prochain m'apportera probablement deux paquets. En attendant je me suis couchée à une heure et demie toujours en les attendant; à 6 heures du matin je les ai réclamées, mais on m'a dit qu'il n'y en avait pas; que faire, sinon d'avoir patience. En attendant le courrier m'a remis trois paquets d'estampes à mon adresse; ce sont des vues du Rhin, et entre autres d'Heidelberg; mais ignorant si c'est pour moi ou pour vous, quoique je suppose que ce sont ceux que je vous ai priés d'acheter pour moi, je les garderai séparées jusqu'à ce que je reçoive vos lettres. On dit ce que les troupes arriveront le 17 chez vous, et alors, chers enfants, que Dieu vous protège. Le contentement de l'empereur de vous me rend bien heureuse: restez comme vous êtes par les sentiments du cœur et les principes et vous mériterez toujours ses bontés. L'expérience et la connaissance des hommes vous sera utile, mais ne vous laissez pas induire par leurs erreurs et faiblesses. Occupez vous beaucoup et utilement. Adieu, mes amis, je vais dire adieu à Sipäguin. Le dernier régiment des gardes est parti. Que Dieu le ramène sans avoir dû passer la Vistule. Je vous embrasse de tout mon cœur et fais mille compliments à vos messieurs, au général Konovnitzin et à tous les braves militaires qui vous demanderont de mes nouvelles. Chers enfants, si papa Lamsdorf vous a déjà quittés, envoyez lui ces lignes. De grâce,

écrivez lui souvent et ne négligez aucune occasion de lui témoigner toute votre reconnaissance. Adieu, chers et bons enfans, mes bons amis, toutes mes bénédictions reposent sur vous.

Marie.

Au moment même, à 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> de l'après-dîner, Gourief m'envoie vos lettres, chers enfans, elles étaient dans le paquet de Nesselrode, que Gourief n'a fait que recevoir. Priez donc celui-ci de les laisser aller simplement à leur adresse. Mille grâces pour vos bonnes, chères et intéressantes lettres. Le reste à ce soir, je suis bien contentée.

Воскресенье вечеромъ, 13 іюня 1815 г.

(Переводъ). Я знаю, что вы пріѣхали въ Гейдельбергъ, добрые и дорогіе друзья мои; ко мнѣ прибылъ отъ императора курьеръ съ письмомъ, отъ 29-го мая, въ которомъ онъ пишетъ, что ожидаетъ васъ дня черезъ 3 или 4. Курьеръ, который выѣхалъ только 30-го числа, сказалъ мнѣ, что вы пріѣхали передъ его отъѣздомъ; я обрадовалась этому извѣстію, но къ чувству радости примѣшался страхъ, или, лучше сказать, боязнь, при мысли, что вы подвергаетесь уже всѣмъ случайностямъ и опасностямъ войны. Но Всевышній защититъ и направить васъ, и жизнь моихъ добрыхъ дѣтей будетъ сохранена.

Императоръ почти только о васъ и пишетъ мнѣ, дорогой Никошъ и дорогой Михаилъ, о томъ, какъ ему будетъ пріятно обнять васъ, какъ онъ будетъ заботиться о васъ, о помѣщеніи для васъ и о томъ, что онъ послалъ къ вамъ во Франкфуртъ генерала Коновницына—словомъ, онъ пишетъ мнѣ о васъ съ такимъ участіемъ, которое меня искренно радуется. Я льшу себя надеждою получить вскорѣ второе письмо, въ которомъ онъ мнѣ напишетъ, что видѣлъ васъ. Съ тѣмъ же курьеромъ надѣюсь получить письма отъ васъ, двухъ дорогихъ для меня существъ, которыя составляютъ предметъ всѣхъ моихъ мыслей и желаній.

Воскресенье прошло для меня очень оживленно; у меня было много посѣтителей; изъ мужчинъ: гр. Милорадовичъ, добрый кн. Горчаковъ, генералъ Адамъ, генералъ-адъютантъ Потемкинъ, съ которымъ я простилась; его прекрасный полкъ ушелъ сегодня; генералъ Сипягинъ, который уѣзжаетъ во вторникъ, но онъ заѣдетъ еще повидаться со мною въ день отъѣзда; кн. Яковъ Лобановъ, адъютантъ генерала Кутузова, кавалеръ де Бетанкуръ, Нарышкинъ, кн. Юсуповъ, Александръ Салтыковъ, Оленинъ, Митусовъ—вотъ первые; затѣмъ надо назвать еще гр. Віельгорскаго, Сологуба, Кологривова, Ожаровскаго, Матвѣева, кн. Долгорукаго. Изъ дамъ были всѣ статсъ-дамы, графъ и графиня Литта, пріѣхавшіе вчера, княгиня Долгорукая мать, г-жа Гурьева и ея невѣстка, которую я нахожу очаровательной; графиня Толстая, супруга гр. Петра,



графиня Апраксина со своей молоденькой невѣсткой—она не дурна; вся семья Щербатовыхъ, молодая Долгорукая, хорошенькая княгиня Трубецкая (если вы увидите ея мужа, то скажите ему, что жена его здорова и что мнѣ было очень пріятно видѣть ее), г-жа Кутузова, дѣвица Апраксина, Шереметева, которая пріѣзжала проститься, фрейлина Нарышкина, которая уѣзжаетъ съ матерью въ деревню. Вотъ, если память мнѣ не измѣняетъ, и всѣ; забыла назвать еще маркиза Траверсе, кн. Голицына, герцога Лерида и гр. Медема; къ вечеру погода разгулялась, и мы катались въ линейкахъ и ужинали въ Розовомъ павильонѣ; наконецъ-то мы дождались весьма теплаго дня; почти все утро шелъ теплый и пріятный дождь. Прощайте, дорогіе друзья мои; какъ видите, я сообщаю вамъ всѣ павловскія новости, которыя всегда будутъ вамъ интересны. Посылаю вамъ искренній привѣтъ и отъ всего сердца цѣлую васъ.

Поведѣльникъ, 14-го іюня.

Сегодня вечеромъ прибылъ курьеръ отъ императора, выѣхавшій отъ него 2-го іюня. Онъ привезъ мнѣ прелестное письмо отъ нашего дорогаго Александра, который пишетъ, что вы пріѣхали, блистая здоровьемъ, что Михаилъ уже одного роста съ Никошемъ, что онъ отъ души былъ радъ видѣть и обнять васъ, и выразилъ свое удовольствіе папашѣ Ламсдорфу, пожаловавъ ему орденъ св. Андрея, и наградивъ всѣхъ вашихъ кавалеровъ, такъ же какъ и Джанноти; и искренно этому рада и отъ души поздравляю ихъ. То же пишетъ мнѣ и папаша Ламсдорфъ, но письма нѣкоторые мнѣ извѣстныхъ лицъ еще странствуютъ въ пакетахъ, либо Калемина (Калининъ?), либо Нессельроде, и я ихъ еще не получила. Я убѣдительно просила курьера, который мнѣ знакомъ, ибо это Сергѣевъ, съѣздить въ городъ и попросить тѣхъ господъ, на имя которыхъ присланы ваши письма ко мнѣ, препроводить ихъ мнѣ какъ можно скорѣе. Впредь, дорогія дѣти, прошу васъ позаботиться о томъ, чтобы ихъ не вкладывали ни въ какой пакетъ и чтобы они посылались прямо на мое имя, такъ же, какъ и письма императора, ибо когда они вложены въ другой пакетъ, то изъ-за этого они дѣлаютъ 50 верстъ лишнихъ, и я получаю ихъ на 5—6 часовъ поздне. Какъ я рада, дорогія дѣти, что императоръ доволенъ вами и что онъ радъ васъ видѣть; онъ общалъ мнѣ позаботиться о васъ во всѣхъ отношеніяхъ, физически и нравственно; эта увѣренность имѣетъ для меня большую цѣну. Добрый папаша Ламсдорфъ высказываетъ мнѣ въ ономъ письмѣ, которое курьеръ передалъ мнѣ, такъ какъ оно было адресовано просто на мое имя, до какой степени онъ былъ доволенъ и тронутъ нѣжнымъ братскимъ приемомъ, оказаннымъ вамъ императоромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ добрый старикъ пишетъ, какъ ему

грустно, что онъ скорѣ долженъ будетъ разстаться съ вами. Я раздѣляю его чувства и клянусь вамъ, дорогія дѣти мои, что мысль о вашей скорой разлукѣ съ нимъ снова пробуждаетъ во мнѣ всю горечь разлуки съ вами; я очень огорчена его нездоровьемъ; императоръ пишетъ мнѣ, что онъ боленъ, но увѣряетъ, что ему уже лучше. Я очень сожалею о томъ, что милости нашего дорогаго императора не коснулись добраго Рюля; но разумѣется, что отложено, то не потеряно. Какъ мнѣ хотѣлось бы поскорѣ прочесть ваши письма, дорогіе друзья мои, и насладиться вашимъ счастьемъ; надѣюсь, что завтра, проснувшись, я буду имѣть это удовольствіе. Прощайте, дорогіе друзья мои, спите спокойно. Здѣсь говорятъ, что 17-го числа русскія войска будутъ на мѣстѣ и что ихъ только и ожидаютъ, чтобы начать дѣйствовать. Да хранить насъ Господь. Прощайте, добрые и дорогіе друзья мои, тысячу разъ цѣлую васъ.

15-го іюня, вторникъ.

Писемъ нѣтъ, дорогія дѣти мои; очевидно, вы запоздали отдать ихъ, или, что по-моему болѣе вѣроятно, то лицо, которому вы поручили ихъ, позабыло ихъ у себя на столѣ. Какъ бы то ни было, я знаю изъ письма папаши Ламсдорфа, что вы здоровы и благополучны и что императоръ вами доволенъ. Я надѣюсь, что слѣдующій курьеръ привезетъ мнѣ, по всей вѣроятности, два пакета. Между тѣмъ я легла спать въ половинѣ втораго, поджидая ихъ; въ 6 часовъ утра я потребовала, чтобы мнѣ дали письма, но мнѣ сказали, что ихъ нѣтъ; что дѣлать, остается терпѣть. Между тѣмъ, курьеръ привезъ мнѣ три вѣстима, присланные на мое имя; это видъ Рейна и между прочимъ Гейдельберга. Не зная, кому они присланы, вамъ или мнѣ, хотя полагаю, что это тѣ видны, которые я просила васъ пріобрѣсти для меня; я буду хранить ихъ отдѣльно до полученія отъ васъ писемъ. Говорятъ, что войска будутъ у васъ 17-го числа; тогда да хранить васъ Господь, дорогія дѣти. Я очень счастлива, что императоръ доволенъ вами; оставайтесь впредь такими же по сердечнымъ чувствамъ и правиламъ, какъ теперь, и вы всегда будете заслуживать его милости. Опытъ и знакомство съ людьми приносятъ вамъ пользу, но не увлекайтесь ихъ ошибками и слабостями. Занимайтесь много и съ пользою. Прощайте, дорогіе друзья мои; я сейчасъ буду прощаться съ Сипягинымъ. Последній гвардейскій полкъ ушелъ. Дай Богъ ему вернуться, не перейдя Вислы. Цѣлую васъ отъ всего сердца и посылаю тысячу поклоновъ вашимъ кавалерамъ, генералу Коновницину и всѣмъ молодцамъ военнымъ, которые будутъ спрашивать васъ обо мнѣ.

Если папаша Ламсдорфъ уже уѣхалъ отъ васъ, дорогія дѣти, перешлите ему эти строки. Ради Бога пишите ему чаще и не упускайте случая

выразить ему вашу благодарность. Прощайте, дорогія и добрыя дѣти, добрые друзья мои. Благословеніе мое да будетъ надъ вами. Марія.

Сію минуту, въ 2<sup>1/2</sup> часа по полудни, Гурьевъ прислалъ мнѣ ваши письма, дорогія дѣти; они были въ пакетъ Нессельроде, только-что полученномъ Гурьевымъ. Попросите же его посылать ихъ прямо на мое имя; тысячу разъ благодарю васъ за ваши милыя, дорогія и интересныя письма. Остальное до вечера, я очень, очень довольна.

Num. 26.

Ce 15 Juin 1815.

Voici un tout petit mot par la poste, mes chers enfants, car je viens de terminer ma grande lettre par courrier. J'attends pour le dîner le comte Miloradovitch, le baron Rosen et Sipäguin, peut-être Taube. Le régiment de Préobragenski a quitté la ville de même que l'artillerie, et s'est mis en marche. Les voilà tous partis; c'est bien, bien triste. Que Dieu les conduise, et que tout se termine si vite, qu'ils ne soient pas dans le cas de passer la Vistule. Adieu, mes amis, je ne vous en dis pas davantage, car le temps me manque et je dois écrire encore par Sipäguin à Constantin. Je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

15-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ всего лишь нѣсколько строкъ по почтѣ, дорогія дѣти мои, ибо я только-что окончила длинное письмо, посылаемое съ курьеромъ. Я ожидаю къ обѣду гр. Милорадовича, барона Розена и Сипягина, быть можетъ, Таубе. Преображенскій полкъ выступилъ изъ города, такъ же какъ и артиллерія. Итакъ всѣ войска уже ушли; это очень, очень грустно. Да сопутствуетъ имъ Господь, и дай Богъ, чтобы все скорѣе кончилось и чтобы имъ не пришлось переходить Вислы. Прощайте, друзья мои, не пишу вамъ ничего болѣе по недостатку времени; я еще должна написать съ Сипягинымъ Константину. Цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Сообщ. В. В. Щегловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Н. М. Карамзина къ Н. Я. Плюсковой <sup>1)</sup>.

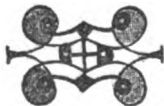
Царское Село, 25-го мая 1820 г.

Любезнѣйшая Наталья Яковлевна!

Намъ очень грустно, что вы беспокоитесь. Казна наняла для васъ домикъ и заплатила уже половину денегъ хозяину, а г. Захаржевской <sup>2)</sup> того не зная, но нынѣшній день велѣлъ меблировать ваши комнаты: завтра всѣ мебели будутъ на своемъ мѣстѣ, и вы спокойно можете переехать. Кажется, что и время становится лучше къ вашему приѣзду: авось увидимъ красное лѣто. Вашъ домикъ чистъ и просторенъ: есть кухня, изба, ледникъ; садъ и наше жилище не далеко. Будемъ ждать васъ, если не завтра, то послѣзавтра. Не теряйте хорошихъ дней. Въ Царскомъ Селѣ найдете и здоровый воздухъ, и любезнѣйшую императрицу, и друзей искреннихъ; авось либо найдете и здоровье и крѣпкіе нервы, слѣдственно и хорошее расположеніе духа: о чемъ молимъ Бога. Въ надеждѣ скораго свиданія цѣлую вашу ручку. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Адресъ: Ея превосходительству милостивой государынѣ Натальѣ Яковлевнѣ Плюсковой, фрейлинѣ ихъ императорскихъ величествъ. Въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

Сообщилъ И. А. Быковъ.



<sup>1)</sup> Фрейлина Наталья Яковлевна Плюскова († 1845), женщина умная и образованная, была, какъ извѣстно, знакома съ виднѣйшими представителями литературы своего времени: Державинимъ, Дмитріевымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ и друг.

<sup>2)</sup> Управляющій Царскимъ Селомъ.



## Священникъ Н. А. Мурзакевичъ,

обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году <sup>1)</sup>.

### I.

**К**нязь Василій Васильевичъ Голицынъ во 2-й свой походъ на Крымъ въ 1689 г. взялъ въ плѣнъ, между прочимъ, одного юнаго Мурзу. Этотъ Мурза и сдѣлался родоначальникомъ фамиліи Мурзакевичей. Приведенный въ Москву, онъ былъ окрещенъ въ христіанскую вѣру, воспринять отъ купели царевною Софіею Алексѣвною и княземъ Василюмъ Голицынымъ, и названъ по имени крестнаго отца Василюмъ, по прозвищу «Мурзинъ».

Василій Мурзинъ пристроился въ числѣ «служилыхъ людей раз-

<sup>1)</sup> Въ архивѣ Смоленской духовной консисторіи хранится „дѣло о священникахъ Никифорѣ Мурзакевичѣ, Яковѣ Соколовѣ и протопопѣ Поликарпѣ Звѣревѣ“ по обвиненію ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, въ измѣнѣ Царю и Отечеству во время пребыванія въ Смоленскѣ французовъ въ 1812 году.

Дѣло это любопытно, какъ въ историческомъ, такъ и особенно, въ бытовомъ отношеніи. Воспоминанія о немъ еще сохраняются въ Смоленскѣ, хотя передаются обыкновенно въ искаженномъ видѣ. Даже отъ людей компетентныхъ въ исторіи Смоленска намъ приходилось слышать обвиненіе Мурзакевича въ томъ, что онъ, будто бы, встрѣчалъ Наполеона одѣтый въ архіерейскія ризы. При этомъ дѣлались ссылки на экстрактъ этого „дѣла“, хранящійся въ городскомъ археологическомъ музеѣ. Подобное же обвиненіе нерѣдко можно услышать и отъ стариковъ-священниковъ, ссылающихся на рассказы современниковъ.

Словомъ, въ нашему времени вокругъ этого дѣла выросла цѣлая сѣть

ныхъ чиновъ» при «государевѣ дворѣ», существовавшемъ со временъ Алексѣя Михайловича въ Смоленскѣ возлѣ Ильинской церкви.

Его сынъ, Адрианъ Васильевичъ, по окончаніи семинаріи, сдѣлался священникомъ при Смоленскомъ кафедральномъ соборѣ и здѣсь прославился, какъ искусный проповѣдникъ-импровизаторъ <sup>1)</sup>. Еще въ семинаріи онъ писалъ разнаго рода «опыты» въ стихахъ и прозѣ (сохранилось три рукописныхъ тетради этихъ «опытовъ»). Въ домѣ его можно было встрѣтить почти единственныхъ представителей тогдашней интеллигенціи,—начальниковъ и наставниковъ семинаріи. Какъ начитанный и литературный человекъ, онъ не разъ, въ дни общественныхъ торжествъ, былъ выдвигаемъ впередъ въ качествѣ оратора. При встрѣчѣ Екатерины II-й въ 1780 г. семинаристы въ мантияхъ и съ вѣнками на головахъ пѣли гимнъ, составленный и положенный на ноты отцомъ Адрианомъ.

Въ 1769 г. 2-го іюля у о. Адриана родился сынъ Никифоръ. Книжная атмосфера, царившая въ домѣ о. Адриана, отразилась и на дѣтскихъ вкусахъ и склонностяхъ ребенка: чтеніе книгъ, любовь къ нимъ еще въ дѣтствѣ отличали его отъ сверстниковъ. Десяти лѣтъ Никифоръ былъ опредѣленъ въ семинарію съ запасомъ начальныхъ свѣдѣній изъ латинскаго и русскаго языковъ, запасомъ, полученнымъ еще въ отцовскомъ домѣ.

Черезъ три года о. Адрианъ умеръ, и Никифоръ для поддержки семьи, долженъ былъ выйти изъ семинаріи. Въ 1783 году, 14 лѣтъ отъ роду, онъ, по прошенію матери своей, былъ опредѣленъ на должность

темныхъ слуховъ и сплетенъ, въ которыхъ, кажется, никто еще не пытался разобратся на основаніи подлинныхъ документовъ.

Правда, въ біографіи Никифора Мурзакевича, составленной его сыномъ, Николаемъ Никифоровичемъ, директоромъ Рипшельевского лицея въ Одессѣ (Никифоръ Адриановичъ Мурзакевичъ, историкъ г. Смоленска. 1769 † 1834 г. Петербургъ, тип. Балашева. 1877 г.) содержится краткій разсказъ объ этомъ дѣлѣ, направленный къ восстановленію добраго имени отца автора, но 1) этотъ разсказъ составленъ, главнымъ образомъ, по семейнымъ преданіямъ и дневнику о. Мурзакевича, а 2) брошюра Ник. Ник., изданная имъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, теперь сдѣлалась библіографическою рѣдкостью.

Ознакомившись съ „дѣломъ“ объ измѣнѣ, мы и излагаемъ его здѣсь въ существенныхъ чертахъ.

Въ виду же интереса, возбуждаемаго самою личностью священника Мурзакевича, какъ перваго историка г. Смоленска, а также и въ виду того, что ему въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ главная роль, мы сообщимъ и краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, и, нѣсколько подробнѣе, изложимъ тотъ эпизодъ, который послужилъ поводомъ къ возникновенію самаго дѣла объ измѣнѣ.

<sup>1)</sup> На проповѣдяхъ своихъ, дошедшихъ до насъ, онъ такъ и подписывался: „кафедральный проповѣдникъ“.

«псаломщика» къ Надворотной Богоматерской церкви, а въ 1792 г. женился на дочери вяземскаго соборнаго священника и, во вниманіе къ заслугамъ своего отца, а также и за ревностное исполненіе своихъ обязанностей, былъ посвященъ сначала въ иподіакона, а потомъ и въ діакона къ кафедральному собору.

Не получивъ за женою обѣщаннаго приданнаго, Никифоръ терпѣлъ не малую нужду и разныя лишенія. На рукахъ у него находилась престарѣлая мать и шесть человѣкъ дѣтей, а весь доходъ его составляли ничтожныя подачки за требы да небольшой денежный окладъ по штату. Но Никифоръ не унывалъ и не опустился подъ гнетомъ нужды. Напротивъ, все свое свободное время онъ посвящалъ чтенію книгъ, желая этимъ пополнить свое образованіе.

Особенно привлекала его исторія. Книгами ссужалъ его племянникъ архіепископа Пареенія, имѣвшаго прекрасную собственную бібліотеку и собраніе рукописей. Кромѣ того, на собственные средства Никифоръ покупалъ на базарѣ у старьевщиковъ иногда довольно цѣнныя книги и рукописи. Между прочимъ, здѣсь онъ купилъ рукописную «Исторію Смоленска, составленную къ первому пріѣзду въ Смоленскъ Екатерины II-й» (1780), наведшую его на мысль заняться составленіемъ полной и обстоятельной исторіи г. Смоленска.

Онъ начинаетъ дѣлать выписки изъ историческихъ сочиненій, съ неимоверными усиліями достаетъ отовсюду источники и пособія для задуманнаго труда. Такъ, въ «губернскомъ архивѣ» онъ откопалъ «Краткіе очерки исторіи Смоленска», составленные нѣкогда для Академіи наукъ, и нѣсколько другихъ старыхъ рукописей; въ архивѣ городского магистрата—граматы польскихъ королей и русскихъ государей, данныя въ разное время г. Смоленску, и т. п.

Съ жаромъ принялся Никифоръ за работу. Въ одномъ письмѣ онъ въ послѣдствіи говорилъ объ этомъ времени: «много разъ я падалъ со скамьи отъ изнеможенія силъ, но не падалъ духомъ».

Среди городскаго духовенства ученныя занятія «неученаго» діакона породили различныя толки и насмѣшки. Иначе отнесся къ Никифору преосвященный Парееній: узнавъ объ его занятіяхъ, онъ предоставилъ ему въ пользованіе свою бібліотеку и консисторскій архивъ, бывшій ранѣе для него совершенно недоступнымъ, и даже самъ лично помогъ Никифору своими указаніями.

Въ 1795 г. епископъ Парееній умеръ, и для Никифора настали тяжелыя времена; въ консисторскій архивъ его теперь уже не пускали, и насмѣшки со стороны духовныхъ собратій усилились. Новый епископъ, Димитрій Устимовичъ (1798—1805), человѣкъ ученый, но рѣзкій по характеру, не обратилъ никакого вниманія на діакона-писателя и даже относился къ нему неблагоклонно.

Поддержка Никифору явилась совершенно неожиданно съ другой стороны. Въ 1801 году чрезъ Смоленскъ проѣзжали въ заграничные университеты четыре московскихъ студента: А. И. Тургеневъ, И. А. Двигубскій, П. С. Кайсаровъ и Воиновъ <sup>1)</sup>. Въ Смоленскѣ, среди другихъ «достопримѣчательностей» города, имъ указали и на «ученаго» діакона. Студенты пошли въ Рѣзницкій оврагъ и здѣсь, въ убогой хижинѣ нашли «чахнувшихъ отъ недостатковъ историка и его семейство». А. И. Тургеневъ немедленно написалъ «о любознательномъ клерикѣ» своему отцу, Ивану Петровичу Тургеневу, и просилъ его прислать Никифору нужныя для него книги.

Прошло около года со дня этой встрѣчи. Никифоръ сталъ уже забывать объ обѣщаніи молодого человѣка, порѣшивъ въ душѣ, что это былъ простой актъ свѣтской вѣжливости или минутный порывъ сочувствія къ нему... 10-го августа 1802 г. неожиданно получаетъ онъ съ почты повѣстку на какую-то посылку. Развязавъ ее, Никифоръ увидѣлъ, что это были книги, присланныя ему вице-канцлеромъ, графомъ О. А. Остерманомъ чрезъ посредство И. П. Тургенева. Можно представить себѣ радость Никифора! Въ посылкѣ находилась цѣлая сотня томовъ книгъ, и между ними—Исторія Россійская Татищева, Щербатова, Штригера; лѣтописи: Кенигсбергская, Никоновская, Древняя Россійская Виллюека и проч. и проч. Съ удвоеннымъ усердіемъ принялся теперь Никифоръ за исторію Смоленска и къ 1803 году закончилъ ее.

Истощенный непосильными трудами видъ Никифора обратилъ на себя вниманіе епископа Дмитрія.

— Ты, Никифоръ, чѣмъ-то нездоровъ и чѣмъ-то занимаешься?— замѣтилъ ему однажды епископъ.

Смиренный діаконъ долженъ былъ сознаться въ своихъ занятіяхъ и представить преосвященному свою рукопись. Просмотрѣвъ ее, Дмитрій чрезъ нѣсколько дней призвалъ къ себѣ автора и «съ выговорами и бранью» возвратилъ ему его трудъ, прибавивъ въ заключеніе:

— Этимъ слѣдуетъ заняться не тебѣ, но ученому человѣку и опытному!

На робкую же просьбу Никифора о пособіи для изданія рукописи епископъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

Впослѣдствіи только открылось, что причиной епископскаго гнѣва было слѣдующее обстоятельство: въ концѣ своей «исторіи» Никифоръ помѣстилъ подробную и въ весьма сочувственномъ тонѣ написанную біографію своего покровителя и предшественника епископа Дмитрія, преосвященнаго Паренія.

---

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи 1-й—директоръ канц. мин. духов. дѣлъ и народ. просв., 2-й—ректоръ Моск. универс., и 4-й—корпусный командиръ.



Не найдя поддержки у своего ближайшаго духовнаго начальства, Никифоръ обратился за нею къ свѣтскому. Гражданскій губернаторъ смоленскій Д. Я. Гедеоновъ (1801—1803), по просьбѣ Никифора, представилъ его рукописи генераль-губернатору Ст. Ст. Апраксину, чело-вѣку доброму и «просвѣщенному боярину». Прочитавъ нѣсколько страницъ, Апраксинъ велѣлъ Никифору, чтобы онъ составилъ на его имя письмо съ посвященіемъ ему своего труда (это письмо и было напеча-тано въ «Исторіи» послѣ заглавнаго листа). Кромѣ того Апраксинъ приказалъ напечатать въ устроенной имъ губернской типографіи, на свой счетъ, 600 экземпляровъ «Смоленской исторіи» и подарилъ ихъ автору.

Обрадованный исполненіемъ своей завѣтной мечты, Никифоръ не забылъ своего долга и съ экземпляромъ только-что напечатанной своей книжки отправился къ епископу Димитрію, прося милостиво принять его трудъ. Но и на этотъ разъ онъ встрѣтилъ такой приемъ, какого со-всѣмъ не ожидалъ. Видя, что изданіе исторіи состоялось все-таки безъ его участія и одобренія, епископъ обидѣлся и сказалъ:

— Я не хочу имѣть сочинителя при себѣ; ищи себѣ другое мѣсто, хотя бы священническаго.

Вскорѣ освободилось мѣсто священника при Одигитріевской церкви въ Смоленскѣ, а 16-го апрѣля 1803 года Никифоръ былъ рукополо-женъ туда во священники, продолжая жить въ своемъ старомъ домикѣ на краю Рѣзницкаго оврага.

Между тѣмъ 600 экземпляровъ «Исторіи Смоленска» скоро разо-шлись, и потребовалось новое изданіе ея. По внушенію Апраксина, го-родское общество дало отъ себя бумагу для этого изданія и подписа-лось на 100 экземпляровъ; самъ губернаторъ подписался на 6 экзе-мпляровъ; со всѣхъ сторонъ, отъ горожанъ и помѣщиковъ постоянно получались требованія на книгу. Даже епископъ Димитрій, узнавъ объ успѣхѣ книги и предположенномъ второмъ изданіи ея, перемѣнилъ гнѣвъ на милость и, призвавъ къ себѣ о. Никифора, вручилъ ему свой послужной списокъ для напечатанія въ «Исторіи Смоленска» <sup>1)</sup>.

Въ 1804 г. вышла въ свѣтъ «Исторія губернскаго го-рода Смоленска отъ древнѣйшихъ временъ до 1804 г., собранная изъ разныхъ лѣтописей и русскіихъ дѣписателей трудами д. Никифора Мурзакевича».

---

<sup>1)</sup> Онъ былъ тамъ напечатанъ, что дало поводъ Трафимовскому въ своемъ „Историко-Статистическомъ описаніи Смоленской епархіи“ (С.-Петербургъ, 1866 г.) сказать: „одна изъ рукописей епископа Димитрія послужила матеріа-ломъ для „Исторіи Смоленска“ Мурзакевича“ (стр. 137).

Послѣ изданія «Исторіи Смоленска» счастье, какъ будто, улыбнулось о. Никифору. Апраксинъ переслалъ книгу синодальному оберъ-прокурору кн. Голицыну, а тотъ преподнесъ ее императору Александру 1-му, который велѣлъ выдать автору изъ кабинета 500 р. ассигнаціями. Кромѣ того, смоленское дворянство и граждане ссудили о. Никифору болѣе 1.500 р., что дало возможность улучшить матеріальное состояніе своей семьи и купить за 2.100 р. у купца Луки Осиповича Квѣцинскаго домъ противъ алтаря Одигитріевской церкви. Домъ этотъ сохранился въ цѣлости и до сихъ поръ, представляя по своему виѣшнему виду и внутренней обстановкѣ одну изъ достопримѣчательностей Смоленска.

Такимъ образомъ, труды о. Никифора увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Но этотъ успѣхъ вызвалъ понятную зависть и холодность со стороны собратій по сану. «Многіе удивлялись, писалъ о. Никифоръ, какъ неученый попалъ въ писатели». Впослѣдствіи (1818 г.) на просьбу гр. Н. П. Румянцева поискать въ Смоленскѣ древнихъ рукописей, о. Никифоръ, между прочимъ, писалъ ему, «что этимъ долженъ буду снова навлечь на себя ненависть и смѣхъ большей части здѣшнихъ духовныхъ, ибо я оныя довольно почувствовалъ при изданіи «Смоленской исторіи», да и теперь нѣкоторыя мои упражненія подають поводъ къ смѣху». Между собою сослуживцы о. Никифора не иначе называли его, какъ «сочинителемъ», распускали про него всевозможныя сплетни и писали по начальству клеветы.

Клеветы дѣла совершенно не касаются чести и добраго имени Мурзакевича, являясь проявленіемъ грубости тогдашнихъ нравовъ и страсти къ сутяжничеству и крючкотворству, отъ козней котораго едва ли могъ считать себя застрахованнымъ въ то время и самый смиренный и кроткій обыватель, а не только такой живой и дѣятельный чловѣкъ, какимъ былъ о. Никифоръ. Сравнивая его жизнь со спокойною однообразно-замкнутою жизнью его собратій, ясно видишь, насколько выше ихъ стоялъ онъ.

Послѣ изданія «Исторіи Смоленска» Мурзакевичъ увеличиваетъ свою бібліотеку, кромѣ покупки книгъ еще и при помощи обмѣна экземпляровъ своей исторіи на новыя книги.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ сынъ о. Никифора Николай говоритъ, что «большая отцовская бібліотека, наполненная всѣми полезными книгами, имѣла отдѣлъ историко-географической возможно хорошій».

Новый трудъ, надъ которымъ работалъ о. Никифоръ съ 1810 по 1814 годъ, былъ сводъ повѣствованія 4-хъ евангелистовъ подъ заглавіемъ: «Исторія Божественнаго Откровенія», гдѣ жизнь Іисуса Христа

историческимъ и хронологическимъ порядкомъ расположена съ замѣчаниями на мѣста неудобопонимаемыя».

Это былъ первый опытъ изложенія Евангелія на русскомъ языкѣ для чтенія простому народу. Посылая эту рукопись въ 1815 г. князю Голицыну (оберъ-прокурору Св. Синода), Мурзакевичъ писалъ ему, что онъ «старался сдѣлать понятнымъ Евангеліе русскому народу, ибо самъ Спаситель въ сирійскихъ селеніяхъ благовѣствовалъ такъ, что и бѣдные крестьяне его слова понимали». Голицынъ передалъ ее на разсмотрѣніе Св. Синода, гдѣ еще не былъ рѣшенъ вопросъ о необходимости русскаго перевода священныхъ книгъ и его полезности для народа. Св. Синодъ, какъ сообщилъ Мурзакевичу Голицынъ, положилъ, «запечатавъ рукопись казенною печатью, сдать въ синодальный архивъ для храненія». Старанія о. Никифора вернуть ее обратно остались безуспѣшны. Извѣстный Пукаловъ писалъ въ 1816 г. генер. А. А. Писареву: «Исторія божественнаго откровенія» точно осуждена на архивное тлѣніе и, какъ можно догадываться, самодуромъ. Выявить ее на свѣтъ иначе не можно, какъ формальною въ Св. Синодъ просьбою, мое о семъ покушеніе было недостаточно. Кажется отецъ Филаретъ <sup>1)</sup> одному себѣ предоставилъ право говорить и кричать сильнѣе другихъ о Богѣ и Божіихъ откровеніяхъ. Вездѣ сила солому ломить. Помолимся совокупно: да избавимся отъ всякаго зла и отъ всякія вещи во тмѣ преходящія <sup>2)</sup>».

Въ слѣдующемъ (1817 г.) Мурзакевичъ послалъ къ какому-то Трескину новую рукопись «Жизнь Іисуса» и получилъ ее обратно съ ремарками отъ неизвѣстнаго совѣтующаго: 1) написать ее высокими слогомъ («но я писалъ ее, сообщаетъ Никифоръ А. А. Писареву, не для богослововъ и мудрецовъ, а имѣлъ въ виду благо простаго народа, который по своей бѣдности, по своимъ тягостнымъ работамъ и по своему малому знанію христіанскаго закона не можетъ почерпать себѣ назиданія ни въ высокомъ слогѣ, а наже въ славянскомъ нарѣчій»); 2) совѣтуетъ объяснить генеалогію Іисусову и 3) прибавить замѣчанія на неудовлетворительныя слова въ той книгѣ, которыя находятся въ синодальномъ архивѣ. «Всѣ неудобопонятныя мѣста и генеалогія, пишетъ Мурзакевичъ, были объяснены и сочтены излишними Св. Синодомъ. И такъ видите, сколько ученыхъ головъ, столько и мѣтній о моей рукописи».

Ни «Жизнь Іисуса», ни «Исторія Откровенія», такъ и не увидѣли свѣта. Последняя въ 1854 году была приобрѣтена съ аукціона Спб. Императорскою публичною бібліотекою, гдѣ и теперь находится.

При всѣхъ своихъ разнообразныхъ, служебныхъ и литературныхъ

<sup>1)</sup> Ректоръ Спб. Дух. Академія, просматривавшій рукопись.

<sup>2)</sup> Брош. 1877 г., Ник. Андр. Мурзакевичъ, стр. 107.

занятіяхъ, о. Никифоръ ухитрился еще найти время для обширной тогдашнему переписки.

Она приложена въ концѣ біографіи его. Мы видимъ изъ нея, что и среди духовенства, даже высшаго, были люди, цѣнившіе по достоинству дѣятельность о. Никифора и его душевные качества и относившіеся къ нему съ уваженіемъ.

Мы опередили событія и вернемся нѣсколько назадъ.

## II.

Наступилъ памятный для Россіи 1812-й годъ. Много горя онъ принесъ Смоленску, а въ Смоленскѣ едва-ли не больше всѣхъ Мурзакевичу. За одинъ какой-нибудь годъ (и даже меньше того), онъ лишился шести членовъ своей семьи (матери, тетки, жены, двухъ дочерей и воспитанницы), лишился здоровья, почти всего имущества и, наконецъ, священнической должности и чести. И замѣчательно, что самыя тяжелыя испытанія были причинены ему не врагами отечества, а своими же соотечественниками, согражданами, сослужителями.

Но этотъ же годъ поставилъ личность о. Никифора на такой высотѣ нравственнаго долга и гражданской добродѣтели, на какой она не могла быть поставлена ни его литературными трудами, ни уваженіемъ общества и вниманіемъ лучшихъ людей города. 1812-й годъ сдѣлалъ личность Мурзакевича для изслѣдователя нашей старины глубоко-драматической, невольно приковывающей къ себѣ вниманіе, вызывающей сочувствіе и преклоненіе предъ нею, по силѣ равное лишь противоположнымъ чувствамъ, которыя вызываются тогдашними представителями общества, самимъ этимъ обществомъ, его нравами и царившими въ немъ порядками и взглядами.

Начался этотъ годъ для Мурзакевича тяжелою утратою. Его жена, страдавшая чахоткою, слегла въ постель и 4-го марта умерла. Всякому извѣстно, какое это великое горе для священника—потерять жену,—какъ ломаетъ это горе всего человѣка, превращая несчастнаго вдовца изъ жизнерадостнаго и дѣятельнаго человѣка—въ унылаго, преждевременно старѣющагося ипохондрика, какъ будто забытаго Богомъ и людьми. А у о. Никифора было 7 человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше, и дряхлая старушка-мать!

Похоронивши жену, онъ «впалъ въ задумчивость и какое-то равнодушіе», рассказываетъ его сынъ Иванъ <sup>1)</sup>. «Было замѣтно, что, бывши

<sup>1)</sup> „Св. Ннк. А. Мурзакевичъ“, рукопись 1855 г.

до того времени трудолюбивымъ писателемъ, онъ только объ одномъ теперь заботился, какъ бы устроить и учить своихъ дѣтей, тогда какъ при жизни жены вся забота о домашнемъ благосостояніи лежала на ея попеченіи». А тутъ еще «собратья по сану» не упускали случая добавить лишнюю каплю горечи въ его и безъ того горькую чашу. Въ самое Вербное Воскресенье 1812 г. пріѣхалъ въ Смоленскъ новый архіерей Ириней <sup>1)</sup>, «мужъ ученый, затворникъ» по отзыву Мурзакевича. Вскорѣ же по пріѣздѣ онъ обратилъ вниманіе на о. Никифора; самъ писатель, онъ оцѣнилъ его «Исторію Смоленска» и хотѣлъ наградить его саномъ протоіерея. Но нашлись среди членовъ консисторіи лица, представившія преосвященному, что-де Мурзакевичъ и безъ того достаточно уже награжденъ и какъ «неученный» не можетъ быть удостоенъ сана протоіерея.

Между тѣмъ наступила Отечественная война. Съ 26-го іюня изъ Гродно, Минска и другихъ западныхъ городовъ стали пріѣзжать въ Смоленскъ подводы съ казенными вещами, увозимыми отъ французовъ. Въ концѣ іюня стали стекаться въ городъ чиновники западныхъ губерній, отъ которыхъ жители впервые услышали подробности вторженія непріятелей. Въ первыхъ числахъ іюля курьеры и фельдъ-егеря все чаще и чаще стали скакать черезъ Смоленскъ. Въ городѣ распространилось смятеніе. «6-го іюля,—говоритъ очевидецъ <sup>2)</sup>,—смоленскіе жители въ первый разъ начали суетиться, выходить и выѣзжать изъ города.

7-го іюля смоленскіе дворяне подписали и отправили къ государю просьбу о дозволеніи вооружить изъ своихъ людей 20.000 человекъ или болѣе въ помощь регулярнымъ войскамъ.

9-го іюля въ 11 ч. утра въ Смоленскъ прибылъ изъ Полоцка императоръ Александръ I-й и остановился въ домѣ военнаго губернатора. Принявъ здѣсь тотчасъ же дворянство, онъ благодарилъ его за его усердіе къ защитѣ отечества. Собравшіеся отвѣчали восторженными криками. Когда дворяне разошлись, курьеръ привезъ государю донесеніе Кутузова о заключеніи имъ мира съ турками. Государь въ волненіи вышелъ въ залу и, найдя здѣсь одного городского голову (Верзина), обнялъ его и велѣлъ ему объявить это извѣстіе народу, толпившемуся вокругъ «Государева двора».

Въ 12 часовъ назначено было молебствіе въ соборѣ у Одигитріевской церкви. Возлѣ каменнаго зданія магистрата встрѣтили государя всѣ чины этого учрежденія съ многочисленными цеховыми значками и земно ему поклонились. Возбужденіе народа было необыкновенное; кромѣ обычныхъ криковъ «ура!», изъ толпы раздавались возгласы: «чтобы не

<sup>1)</sup> Правильнѣе епархіей до 5-го августа 1813 г.

<sup>2)</sup> «Дневникъ П. А. Васильева». Ручкопись епархіальной бібліотеки.

подаваться врагу, не уступать ему ни пяди земли». Въ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ чего государь посѣтилъ архіерея. На государевомъ обѣдѣ рѣчь шла о мѣрахъ обороны отъ врага. Государь далъ предводителю дворянства разрѣшеніе на то, чтобы помѣщики вооружали своихъ дворовыхъ слугъ для истребленія непріятелей.

Послѣ обѣда былъ сдѣланъ смотръ отряду Винцингероде, а потомъ государь ѣздитъ прогуливаться и, любуясь Смоленскомъ, говоритъ: «какой прекрасный городъ! какіе виды и окрестности!»

Въ то же время на имя еп. Ириней данъ былъ государемъ слѣдующій рескриптъ: «Узнавъ, что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы, скрываются и бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разѣздовъ, появляющихся въ далекомъ еще разстояніи отъ Смоленска, возлагаемъ мы на васъ пастырскій долгъ: внушеніями и увѣщаніями своими ободрять ихъ и не только отвращать отъ страха и побѣга, но наоборотъ—убѣждать, какъ того и требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупляясь вмѣстѣ, старались вооружиться, чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ и, вмѣсто робости, наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ».

На другой день, 10-го іюля въ 6 ч. утра, государь выѣхалъ въ Москву. «Того же числа,—записываетъ очевидецъ,—жители Смоленска начали суетиться во второй разъ <sup>1)</sup>. Власти спѣшили успокоить жителей. Епископъ Ириней 10-го числа отслужилъ въ соборѣ молебенъ, прочелъ всенародно данный ему высочайшій рескриптъ и сдѣлалъ народу соотвѣтственное «увѣщаніе». Съ городского духовенства была взята подписка о невыѣздѣ изъ города и объ исполненіи государевой воли относительно ободренія жителей. Сельскому духовенству были разосланы указы о томъ же чрезъ благочинныхъ. «Увѣщанія» читались во всѣхъ городскихъ церквахъ за службою, а въ соборѣ самъ епископъ ежедневно, до самаго 4-го августа, говорилъ народу рѣчи и поученія о борьбѣ со врагомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти «увѣщанія» произвели свое дѣйствіе на народъ, часть котораго (особенно низшій классъ) и безъ того обнаруживала необыкновенно воинственное настроеніе. Болѣе состоятельный и развитой классъ не такъ легко поддавался успокоительнымъ патріотическимъ рѣчамъ; и когда разнеслась вѣсть о взятіи французами Витебска, то многіе горожане стали было поспѣшно уѣзжать изъ города. Тогда губернаторъ, баронъ Ашъ, разставилъ на заставахъ патрули и приказалъ имъ останавливать бѣглецовъ и силою возвращать обратно въ городъ. Отъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ были отобраны под-

<sup>1)</sup> Дневникъ Васильева.

писки о невыѣздѣ изъ города. Въ учебныхъ заведеніяхъ занятія и экзамены шли своимъ чередомъ.

Впрочемъ, когда стало слышно о занятіи Могилева и пріѣхалъ могилевскій ректоръ, архіерей велѣлъ распустить семинаристовъ. «11-го іюля объявили объ этомъ, — рассказываетъ современникъ. — Дѣти почувствовали тягость наступающаго времени, пропѣли, по обычаю, «Достойно есть» и «Нынѣ отпускаеши» и со слезами на глазахъ простились между собою» <sup>1)</sup>).

Въ виду явной опасности отъ приближающагося непріятеля, губернаторъ просилъ у главнокомандующаго русскою арміею разрѣшенія на вывозъ казенныхъ суммъ и дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ и архивовъ. Главнокомандующій прислалъ въ отвѣтъ секретное распоряженіе о вывозѣ изъ Смоленска казны, важныхъ бумагъ и географическихъ картъ, но велѣлъ сдѣлать все это тайно, ночью, скрывая отъ жителей и даже отъ чиновниковъ <sup>2)</sup>). Въ заключеніе Барклай писалъ губернатору: «увѣряю васъ, что городу Смоленску не предстоитъ еще ни малѣйшей опасности, и невѣроятно, чтобы оный ею угрожаемъ былъ». Онъ обѣщалъ защищать Смоленскъ «до послѣдняго воина» и изгнать изъ Россіи враговъ отечества. «Вы видите изъ сего, — писалъ онъ, — что вы имѣете совершенное право успокоить жителей».

Такія же увѣренія въ полной безопасности получали отъ него смоленскіе дворяне, въ отвѣтъ на ихъ неоднократныя просьбы не скрывать истиннаго положенія дѣлъ.

Вывести изъ Смоленска архивы такъ и не удалось. Виновиномъ этого Мурзакевичъ называетъ уѣзднаго предводителя дворянства Воеводскаго, который 24-го іюля донесъ Барклаю, что губернаторъ забралъ съ собой всѣхъ работниковъ и до 700 телѣгъ съ лошадьми «для выпровоженія всѣхъ архивовъ и чиновниковъ въ Москву и тѣмъ всѣхъ жителей привелъ въ робость, а непріятелю, еще вдали въ малыхъ отрядахъ появляющемуся, подаетъ отвагу». Главнокомандующій принялъ этотъ доносъ горячо: губернатору сдѣлалъ строгій выговоръ и приказалъ ничего съ мѣста не вывозить, а подводы взять для военныхъ надобностей. Въ полчаса чрезъ полицію у всѣхъ чиновниковъ билеты были отобраны, и никого изъ жителей съ имуществомъ на заставахъ не пропускали до самаго 4-го августа <sup>3)</sup>).

22-го іюля обѣ русскія арміи соединились, наконецъ, подъ Смоленскомъ.

Въ самомъ Смоленскѣ началось необычайное движеніе. Черезъ го-

<sup>1)</sup> Рукопись Ивана Ник. Мурзакевича.

<sup>2)</sup> Никитинъ. „Исторія Смоленска“, 275 стр.

<sup>3)</sup> Письмо Мурзакевича Е. К. Криштафовичу „Брош. 1877 г.“, стр. 57.

родъ постоянно проходили войска всѣхъ родовъ оружія. «Такого разнообразія мундировъ и такого числа войскъ жители никогда еще не видали», пишетъ очевидецъ <sup>1)</sup>. «Самихъ горожанъ какъ бы не было. Въ каждомъ домѣ находилось по нѣсколько офицеровъ на постой, да по двѣ по три команды хлѣбопеконъ. Весь городъ превратился въ военный лагерь. Постоянные разъѣзды казаковъ, драгунъ, улановъ и друг. тревожили жителей. Съѣстные продукты вздорожали вдвое, и приходилось подумывать объ экономіи въ припасахъ. 28-го іюля, въ день Одигитріи Божіей Матери, священникъ Мурзакевичъ уже не устраивалъ обычнаго по случаю храмоваго праздника обѣда. Въ это время онъ почувствовалъ всю тягость и безнадежность своего личнаго положенія: семеро дѣтей, старушка-мать, тетка, сиротка Софья, взятая на воспитаніе—такое большое семейство, при недостаткѣ средствъ, невольно заставляло его задумываться. Ужасъ грабежа и разоренія живо представлялся его воображенію. Своякъ его, полковой священникъ Левицкій, взялся довести до Вязьмы его старшую дочь и сына, остальные всѣ остались на его попеченіи.

Всенародный молебенъ 28-го іюля по случаю извѣстія о побѣдѣ Платова при Руднѣ и крестный ходъ вокругъ стѣны, совершенный архіереемъ съ Чудотворною иконою Одигитріи, поднялъ на время упавшій духъ смолянъ, но вскорѣ видъ французскихъ плѣнныхъ и русскихъ раненыхъ, провезенныхъ чрезъ городъ 1-го августа, напомнилъ имъ объ опасности.

1-го августа городъ уже замѣтно опустѣлъ, хотя богослуженіе по церквамъ шло своимъ чередомъ.

2-го августа стало слышно, что Красный, находящійся въ 40 верстахъ отъ Смоленска, уже занятъ французами. Бѣгство жителей изъ города усилилось.

3-го августа передъ всенощной въ городѣ уже знали, что французы стоятъ въ десяти верстахъ отъ Смоленска. Вечеромъ, по приказанію князя Багратіона, стали вывозить казну и дѣловые бумаги къ Юхнову и Вязьмѣ. Въ это время самъ Наполеонъ остановился уже на ночлегъ въ семи верстахъ отъ Смоленска на архіерейской дачѣ «Новый дворъ».

До 3-го числа начальство такъ или иначе удерживало бѣгущихъ гражданъ; теперь оно само уже спѣшило вонъ изъ города. Въ ночь на 4-е августа, передъ разсвѣтомъ, уѣхалъ къ Дорогобужу губернаторъ Ашъ со всѣми чиновниками подвѣдомственныхъ ему присутственныхъ мѣстъ, а за нимъ выѣхалъ къ селу Цурикову и архіерей также со всѣми подчиненными. Послѣдніе «только и имѣли, на чемъ выѣхать», изъ имущества они ничего не взяли съ собою, такъ какъ, согласно «увѣ-

<sup>1)</sup> Рукопись Ивана Никиф. Мурзакевича.



паніямъ» и увѣреніямъ своихъ властей, совершенно не готовились къ бѣгству. Архіерей велѣлъ ключарю Василю Соколову <sup>1)</sup> везти вслѣдъ за нимъ и соборную икону Одигитріи. Спрятавъ въ стѣнѣ собора всѣ драгоцѣнности соборныя (золотые и серебряные сосуды), ключарь вынесъ изъ храма св. икону и, въ сопровожденіи множества народа, бѣжавшаго изъ Смоленска, несъ ее при заревѣ отдаленныхъ пожаровъ до села Цурикова (за 30 верстъ отъ города) <sup>2)</sup>.

Даже Смоленскій гарнизонъ, съ комендантомъ Россіи, вышелъ въ эту ночь изъ города. Примѣру властей слѣдили послѣдовать и горожане, преимущественно состоятельные лица, «люди съ именемъ», имѣвшіе собственныхъ лошадей и экипажи. Отъ нихъ не отставала и служилая интеллигенція, т. е. чиновники. Семинарское начальство и учителя также разѣхались въ разные стороны, не принявъ никакихъ мѣръ къ сохраненію казеннаго имущества. Семинарская богатая библіотека осталась выброшеною на дворѣ. Духовенство и монашествующія лица скрылись, куда попало (по большей части, уѣхали въ сосѣднія губерніи).

Отецъ Никифоръ, имѣя на рукахъ большое семейство, не зналъ, что ему дѣлать—бѣжать или оставаться въ городѣ, подвергая себя всѣмъ возможнымъ ужасамъ непріятельскаго нашествія. На всякій случай онъ купилъ себѣ лошадь, но когда началось въ городѣ смятеніе и поголовное бѣгство жителей, ее ночью увели со двора. Пришлось поневолѣ остаться въ Смоленскѣ. Изъ всѣхъ приходскихъ священниковъ, кромѣ него, остался въ городѣ, неизвѣстно почему, одинъ лишь спасскій священникъ о. Яковъ Соколовъ.

Во все время сраженія о. Никифоръ принималъ участіе въ текущихъ событіяхъ.

Еще утромъ 4-го августа, въ виду множества раненыхъ на Королевскомъ бастіонѣ, Паскевичъ потребовалъ туда священника. Посланный напелъ въ Одигитріевской церкви о. Никифора, служившаго молебень.

Поручивъ сыну своему Костѣ носить за ними св. воду, а самъ взявъ Св. Дары и повѣсивъ на грудь икону Богоматери, о. Никифоръ отправился немедленно на бастіонъ и здѣсь исполнялъ свой пастырскій долгъ, окропляя св. водою воиновъ, исповѣдуя и приобщая раненыхъ и умирающихъ. На его глазахъ здѣсь было убито два солдата и раненъ

<sup>1)</sup> По неспособности къ наукамъ онъ отданъ былъ преосвященнымъ Пареніемъ въ часовое мастерство. Сдѣлавшись потомъ соборнымъ ключаремъ, устроилъ соборные часы. Погребеньъ возлѣ собора, за алтаремъ.

<sup>2)</sup> Отсюда икона была отправлена чрезъ Волдино, Вязьму, Гжатскъ, Колоцкій монастырь, Можайскъ, Рузу, Воскресенскъ, Новый Іерусалимъ и Москву—въ Ярославль. Обратно—чрезъ Тверскую губернію и городъ Бѣлый. Въ Смоленскъ прибыла 24-го декабря въ вечеру, а въ соборѣ поставлена 25-го декабря до обѣдни.

ядромъ въ ногу артиллерійскій капитанъ, а онъ остался цѣлъ и невредимъ. Онъ обошелъ всѣхъ засѣвшихъ въ крѣпостномъ рву солдатъ, ободряя ихъ и утѣшая. Генералъ Паскевичъ на бастіонѣ горячо благодарилъ о. Никифора и занесъ его имя въ свою записную книжку.

Насталъ второй день боя подъ Смоленскомъ, и самый тяжелый день — 5-го августа.

Отслуживъ литургію, пишетъ о. Никифоръ, въ дневникѣ, «я пошелъ къ Королевской крѣпости, исповѣдывать и приобщать раненыхъ. Пройдя Молоховскія ворота и Шеиновъ проломъ (по прикрытому пути), я дошелъ до Никольскихъ воротъ, что исполнилъ до третьяго часу <sup>1)</sup>. Придя домой, нашелъ домашнихъ въ смертномъ страхѣ, ибо съ восточной и южной стороны неслись пули, ядра и бомбы. Въ домѣ нашелъ крышу, пробитую въ двухъ мѣстахъ, а одно ядро въ крыльцѣ, которымъ пробито двѣ стѣны, а двѣ оцарапало и рикошетомъ чуть не убило родную тетку Екатерину, которая только-что сидѣла тамъ, гдѣ прошло ядро <sup>2)</sup>).

«Опасаясь быть въ домѣ съ дѣтьми, пошли въ церковь, гдѣ нашелъ прихожанъ; имъ для безопасности совѣтовалъ стоять, близъ стѣнъ, а самъ предъ образомъ Спасителя сталъ править «молебное пѣніе». Едва кончилъ, какъ влетѣла въ церковное окно бомба и лопнула; черепьями побила стекла и стѣны, а духомъ поломало крылосы, меня же сильно толкнуло въ алтарь, между тѣмъ стоявшаго со мной рядомъ лѣкарскаго ученика (подошедшаго исповѣдываться) ушибло доскою отъ крылоса».

Сынъ о. Никифора рассказываетъ, что въ этотъ моментъ всѣ пали на землю, а они, дѣти, громко заплакали, будучи увѣрены, что отецъ ихъ убитъ. Когда же дымъ немного разсѣялся, они увидѣли отца, стоявшаго въ алтарѣ въ облакахъ дыма, но цѣлаго и невредимаго. Со слезами стали они просить отца уходить изъ города, говоря, что больше ни минуты не останутся въ немъ, посреди такихъ ужасовъ.

«Послѣ сего, рассказываетъ о. Никифоръ, распрощавшись съ прихожанами, взявъ дѣтей, хотѣлъ выдти изъ города, но, удерживаемый престарѣлой матерью и совѣтомъ прихожанъ, недоумѣвалъ». Слезы дѣтей наконецъ осилили сыновнее чувство о. Никифора къ матери, и онъ рѣшился идти. Забравъ съ собой кое-что изъ одежды и навьючивъ узлами дворовую женщину свою, семья о. Никифора, стараясь прикрывать головы узлами, вышла изъ дому по направленію къ Днѣпру.

<sup>1)</sup> Впоследствии поляки, наступавшіе 5-го августа на Никольскія ворота, рассказывали, что они видѣли передъ стѣнами священника, проходившаго по рядамъ русскихъ солдатъ.

<sup>2)</sup> Столбъ съ засѣвшимъ въ немъ ядромъ не особенно давно былъ убранъ при ремонтѣ дома настоящею его обитательницею А. И. Жуковой.

Проходя мимо собора, рѣшили зайти туда, чтобы помолиться въ послѣдній, быть можетъ, разъ въ жизни.

Съ общаго совѣта и послѣ слезныхъ просьбъ драхлой матери, въ виду недостатка денегъ и неимѣнія подводы для бѣгства, рѣшено было остаться въ соборѣ, гдѣ, на обширныхъ хорахъ, свободно можно было нѣкоторое время укрываться отъ непріятелей. Изъ высокихъ круглыхъ оконъ соборныхъ смотрѣли дѣти о. Никифора на городъ: онъ виденъ былъ весь какъ на ладони и, словно вѣтромъ, былъ весь объятъ пламенемъ.

«Оставя мать и дѣтей въ соборѣ, о. Никифоръ поспѣшилъ въ свою церковь, гдѣ, собравъ церковныя вещи и снявъ оклады съ мѣстныхъ иконъ, спряталъ подъ церковною крышею. Отсюда вернулся онъ въ соборъ, но съ большою опасностью: не было шага, чтобы мимо не пролѣтѣла пуля, или не стукнуло въ стѣну ядро.

«Въ это время происходилъ второй штурмъ города. Ядрами поражало бѣгущихъ жителей, многіе изъ которыхъ спѣшили укрываться въ своихъ храмахъ<sup>1)</sup>. Въ 9 часовъ канонада сразу смолкла на всѣхъ пунктахъ. Послѣ адскаго грохота пушекъ, въ теченіе цѣлаго дня наступила зловѣщая тишина, ужась которой только усиливался трескомъ горящихъ зданій и заревоиъ пожаровъ. Пламя пожара, при тихой ночи, поднималось къ небу высокимъ столбомъ, надъ которымъ клубились огромныя тучи дыма. Горѣлъ также весь городъ, не исключая и заднѣпровья.

«Зрѣлище пожара было настолько зловѣще, что жители сравнивали его съ свѣтопреставленіемъ и спѣшили уходить изъ города, чтобы не погибнуть въ бушевавшемъ пламени.

Въ полночь подъ 6-е августа Дохтуровъ получилъ приказаніе оставить городъ. За два часа до разсвѣта войска тихо вышли и увезли съ собою чрезъ объятый пламенемъ улицы свою артиллерію. Посты, находившіеся вѣз Смоленска, отступили въ тишинѣ. 1-я артиллерійская батареинная рота капитана Глухова, уходя, взяла съ собою изъ Воротной церкви Чудотворный образъ Одигитріи, присланный въ 1602 г. въ Смоленскъ Борисомъ Годуновымъ къ освященію устроенной имъ городской стѣны. Раненые по возможности были вывезены. Входы въ городъ заграждены.

6-го августа, въ день Спасо-Преображенія, чуть свѣтъ въ соборъ

<sup>1)</sup> Нѣкоторые авторы разсказовъ о 1812 годѣ говорятъ, будто во время канонады вечеромъ 5-го августа, во всѣхъ церквахъ шла всеобщая наканунѣ Спасова дня. Это извѣстіе едва-ли достоверно: все духовенство убѣжало уже изъ города, а въ соборѣ, гдѣ оставалось 3 священника, службы не было, какъ видно изъ дневника Мурзакевича.

прискакалъ казакъ и объявилъ: «кто хочетъ уходить, бѣжалъ бы! Мостъ зажигаютъ»!

Началось страшное смятеніе: жители бросались уходить изъ города, наскоро забирая свои пожитки. Отчаяніе овладѣло всѣми: теперь всѣмъ стало ясно, что раньше власти скрывали отъ народа и о чемъ боялись раньше и подумать, а именно, что городъ будетъ отданъ неприятелю безъ сопротивленія. Въ страхѣ толпились горожане у моста, единственного пути къ выходу, а солдаты при этомъ торопили ихъ, угрожая зажечь мостъ. Многіе бросали взятые съ собой запасы, матери искали своихъ затерявшихся дѣтей, дѣти родителей; крики и плачь наполняли воздухъ. Нѣсколько полковъ нашихъ стояли въ Задѣйпровьи противъ моста и при бродахъ. Въ такомъ положеніи ожидали разсвѣта. А мимо полковъ тянулись повсюду несчастные жители, спасаясь, не зная сами куда, не зная, что будетъ съ ними далѣе.

Едва занялась заря, какъ передовые отряды французовъ, осторожно оглядываясь среди зловѣщаго безлюдья и затишья, стали входить въ Молоховскія и Никольскія ворота.

Въ 8 ч. утра вѣхалъ въ городъ чрезъ Никольскія ворота и самъ Наполеонъ. Онъ оставался временно на Спасской улицѣ, въ домѣ сенатора Каховскаго, послѣ проданномъ Меклашевскимъ для классовъ Смоленской семинаріи <sup>1)</sup>.

Отдохнувъ здѣсь (памятникомъ его пребыванія осталась тарелка съ буквою N, хранящаяся въ Смоленскомъ музеѣ), Наполеонъ, по словамъ о. Якова Соколова, осматривалъ нѣкоторыя части города, начиная отъ Спасской церкви и до Богоматерской. Послѣдняя была только-что отремонтирована и расширена, но еще не освящена. Наполеонъ велѣлъ втащить на ея балконъ двѣ пушки и наводилъ ихъ самъ по нашей задѣйпровской батарее, мѣтко поражавшей французовъ, занятыхъ наводкой моста <sup>2)</sup>. Потомъ, выйдя изъ церкви, велѣлъ поставить 4 орудія на соборномъ земляномъ валу для обстрѣливанія отступавшихъ русскихъ. Въ полдень Наполеонъ переѣхалъ въ домъ гражданскаго губернатора на Блоньи.

Его гвардія расположилась на Блоньи подъ березовыми аллеями; архивныя бумаги служили солдатамъ постелью, а не вывезенныя въ суматохѣ губернскія и уѣздныя карты—занавѣсками отъ знойнаго солнца.

Зять Наполеона, неаполитанскій король, Іоакимъ Мюрать, остано-

<sup>1)</sup> Дневникъ Васильева. Здѣсь потомъ помѣщалось мужское духовное училище, а теперь квартира ректора семинаріи.

<sup>2)</sup> „У банъ Тишевскаго“, нынѣ Чумакова. Остатки этого моста, въ видѣ торчащихъ изъ воды свай, уцѣлѣли и до сихъ поръ.

вился въ недавно отстроенныхъ каменныхъ въ два этажа архіерейскихъ покояхъ. Онъ первый посѣтилъ соборъ со своею свитою. Его слуги, отбивъ двери Предтеченской церкви (на архіерейскомъ дворѣ), стали грабить архіерейскую ризницу. Это было около полудня. Блюститель архіерейскаго дома, заштатный бизюковский архимандритъ Іосифъ, въ страхѣ прибѣжалъ въ соборъ и просилъ обитателей его придти къ нему на помощь. Но никто не рѣшался идти на вѣрную смерть. Тогда о. Никифоръ Мурзакевичъ со своими двумя малолѣтними дѣтьми вызвался идти, чтобы попробовать спасти хоть часть церковнаго имущества. За нимъ послѣдовали двое консисторскихъ писцовъ—Воронковъ и Залѣсскій. Прибѣжавъ въ ризницу, они увидѣли тамъ непріятелей въ малиновыхъ мундирахъ съ бархатными обшлагами и воротниками, которые были обложены золотымъ галуномъ. Они перочинными ножами спарывали съ саккосовъ золотыя галуны и съ нападальниковъ у омофоровъ малиновый бархатъ и жемчугъ. Другіе рылись въ комодахъ <sup>1)</sup>. По полу были разбросаны ободранныя архіерейскія ризы и мѣдныя деньги. Прибѣжавшіе попробовали было отнимать у нихъ вещи, но они указывали имъ на свои ножички и затѣмъ на шею, давая понять, къ чему поведетъ непрошенное вмѣшательство въ ихъ занятіе. Мурзакевичъ бросился къ архіерейскимъ покоймъ, пробился во внутреннія комнаты, но, не заставъ здѣсь Мюрата, обратился по-латыни чрезъ переводчика къ князю Понятовскому, прося его прекратить грабежъ и позволить забрать священныя вещи и скрыть ихъ. Понятовскій послалъ съ Мурзакевичемъ своего чиновника, познанскаго плацъ-коменданта Александра Аксаментовскаго, который, «учтивымъ» образомъ поговоря съ французами, выслалъ ихъ изъ ризницы и Предтеченской церкви. Отецъ Никифоръ съ своими спутниками стали собирать разбросанныя вещи и деньги и переносить ихъ въ соборъ. Такимъ образомъ они перенесли св. миро, златинсы, шипахъ и туфли св. мученика Меркурія, 21 пару архіерейскихъ облаченій, утварь Предтеченской и Апостольской церквей и вещи, приготовленныя къ освященію Надворотной Богоматерской церкви, и много другихъ ризничныхъ сокровищъ и архіерейскую бібліотеку. Денегъ было перенесено 73 мѣшка мѣдными пятаками. Все это спрятано было въ кладовую Успенскаго собора.

Затѣмъ Мурзакевичъ снова вернулся въ архіерейскій домъ и, найдя Мюрата, просилъ его не трогать собора и церквей и дать къ собору «военную залогу» отъ мародеровъ. «Благодареніе Богу—успѣлъ: караулъ приставили» <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> „Исслѣдованіе о чудотѣ иконѣ Одиатрин“, рукопись епархіальной бібліотеки (изъ собранія рукоп. П. А. Васильева).

<sup>2)</sup> Въ своемъ дневникѣ Мурзакевичъ приписываетъ это распоряженіе Мюрату, а въ „Описаніи иконы Б. М. Одиатрин“—виде-королю итальян-  
\*

Многіе жители, узнавъ объ этомъ, переселились въ соборъ со своимъ имуществомъ и тѣснились въ немъ около двухъ недѣль, пока не полученъ былъ приказъ французскаго правительства—расходиться по своимъ домамъ.

Въ тотъ же день, 6-го августа, Мурзакевичъ, узнавъ о томъ, что французы захватили до 50 человекъ русскихъ, убѣжавшихъ изъ города, и заперли ихъ въ Одигитріевской церкви, отправился къ французскимъ властямъ и отпросилъ нѣкоторыхъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ вознесенскаго протопопа о. Поликарпа Звѣрева, стараго солдата Иванова и мѣщанина Ивана Олецкаго.

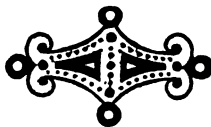
Обитатели собора, какъ въ первый день, такъ и въ слѣдующіе, питались ржанымъ черствымъ хлѣбомъ, яблоками, сливами и грушами, на которыя въ тотъ годъ былъ особенный урожай.

Приставленный 6-го августа къ собору караулъ стоялъ сначала на крыльцѣ у входа; но на другой день солдаты размѣстились въ срединѣ собора, на широкомъ ступенчатомъ архіерейскомъ амвонѣ. Тутъ они спали и играли въ шашки, а пищу варили на чугунномъ полу у западныхъ дверей.

Нѣкоторые французскіе солдаты, взбравшись на соборную колокольню и удивляясь величинѣ колоколовъ, потѣшались звономъ въ нихъ, хотя этотъ звонъ выходилъ очень безобразный, вродѣ набатнаго.

И. И. Орловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).




---

скому Евгению Богарне; историкъ же Наполеона—Сегюръ—самому Наполеону. Вполнѣ возможно, что Мурзакевичъ, не знавшій въ лицо никого изъ нихъ, говорилъ съ самимъ Наполеономъ, но вѣроятно, что Сегюръ намѣренно приписалъ эту бесѣду съ о. Никифоромъ Наполеону, желая показать его великодушіе и доброту.



## Записки Э. И. Стогова.

V<sup>1)</sup>.

По пути изъ Охотска въ Кронштадтъ.—Быть якутовъ, тунгусовъ и чукчей.—  
Г. Якутскъ.—Повѣдка въ Кяхту.—Китайскій обѣдъ.—Троицкосавскъ.—Го-  
акинфъ Бичуринъ.—Г. Иркутскъ.—Положеніе солдатъ и каторжныхъ.



Въ Охотскѣ предстояла надобность послать корабль въ Ситху, а это до 6.000 миль сквернаго плаванія. Я такъ полюбилъ тихій и маленькій Тигиль, что мнѣ грустно было и подумать не прозимовать еще хотя разъ въ Тигиль. Съ трудомъ отказался я отъ непріятной экспедиціи и ушелъ въ Тигиль. Кажется, весь городъ выѣхалъ на устье встрѣчать меня; радость всѣхъ жителей была не притворная. На устьѣ я сдѣлалъ для всѣхъ банъ, т. е. выпили полфунта чаю и полведра водки, съѣли много пряниковъ и орѣховъ. Въ Тигиль повторилась прошлогодняя жизнь: каждый день отмѣчался совершенно безмятежнымъ спокойствіемъ, тихими удовольствіями и ни малѣйшей непріятностью. Зимой явились коряки, уже старые друзья. Осень была бурная, капитанъ-лейтенантъ Захаровъ потерпѣлъ кораблекрушеніе въ устьѣ рѣки Большой. Весною я получилъ предписаніе: идти въ Большерѣцкъ, забрать спасенный грузъ и команду, грузъ отвезти въ Петропавловскую гавань, а команду въ Охотскъ. Предчувствіе не обмануло меня, я весною прощался съ Тигилемъ навсегда. Забравъ все съ разбившагося корабля, отправился въ гавань; туманъ меня преслѣдовалъ. Въ гавани сдалъ грузъ и отправился въ Охотскъ. Тамъ строился новый корабль «Камчатка», на который я и былъ назначенъ командиромъ. Весною я

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“, мартъ 1903 г.

получилъ приказаніе возвратиться въ Кронштадтъ, на мое мѣсто приѣхалъ Бутаковъ. Отправляясь изъ Питера, Бутаковъ былъ у бывшаго начальника Камчатки—Станицкаго и просилъ его дать ему наставленіе, какъ жить и быть въ томъ краю?

— Почтеннѣйшій,—сказалъ ему Станицкій,—въ Европѣ считается первымъ политикомъ Каподистрія. Если онъ первый, то конечно второй политикъ Эразмъ Ив. Стоговъ, совѣтую вамъ дѣлать все то и такъ же, какъ онъ.

На основаніи словъ Станицкаго, Бутаковъ и обратился ко мнѣ съ просьбою поучить его, какъ жить и быть. Прощаясь съ краемъ, я не имѣлъ въ памяти ни одного горькаго о немъ воспоминанія. Помню, переѣзжая въ лодкѣ черезъ рѣку, мое воображеніе нарисовало мнѣ счастливое и тихое прошедшее и картину будущаго, полного обмана, коварства, лицемерія, лжи, зависти и проч. Будущее представлялось мнѣ какой-то бурей, взамѣнъ свѣтлаго прошедшаго, и я расилакался истерически.

Изъ Охотска я поѣхалъ на обратныхъ лошадяхъ, которыя привозили разныя тяжести; я заплатилъ за нанятыхъ мною лошадей по 5 р. ассигнац. за 1.000 слишкомъ верстъ. Пространство до Якутска проѣзжается въ 25 дней. Удивительные люди, эти погонщики-якуты! У нихъ нѣтъ ни одной народной пѣсни, но якутъ ѣдетъ и цѣлый день поетъ; я любопытствовалъ знать, что же онъ поетъ? Якутъ видитъ хорошее дерево и импровизируетъ: «вотъ ты дерево красиво, но ты стоишь здѣсь безъ всякой радости, еслибъ ты росло около моей юрты, я бы въ хорошій день привелъ мою милую, мы сѣли бы подъ твою тѣнь и миловались и цѣловались, и ты поняло бы свою пользу, а то растешь въ пустынѣ, ни себѣ, ни другимъ не приносишь пользы, прощай, дерево, я о тебѣ болѣе не вспоминаю». Якутъ проѣхалъ дерево и пѣснѣ конецъ; хорошая лужайка, ручеекъ, озерко и проч., все, что видитъ якутъ, для всякаго предмета импровизируетъ пѣсню. Для всѣхъ пѣсень—одинъ мотивъ.

Якуты—народъ полудикій, но добрый, кроткій, услужливый; живутъ они своими стадами лошадей и коровъ, кумысъ—ихъ пища и лакомство. Якутъ не прочь украсть лошадку или корову, но рѣдко бываетъ, чтобы хозяинъ не нашелъ вора по слѣду, даже по городскимъ улицамъ; якутъ не потеряетъ слѣда украденной скотины—искусство, едва вѣроятное. Якутъ болѣзней, кажется, никакихъ не знаетъ: худѣетъ отъ недостатка пищи, почернѣетъ, сморщится, согнется, но, дождавшись весны, а съ ней кумыса, тотъ же якутъ дѣлается толстъ, морщины пропадаютъ, выпрямляется—узнать нельзя. Якуты очень долговѣчны. Хотя они считаются христіанами, но настоящая вѣра ихъ—шаманство и идолопоклонство. Якутскій шаманъ—есть колдунъ и лѣкарь. Много ѣсть—составляетъ славу якута, и такіе ѣдоки называются: батырь (богатырь).



Никакой праздник не обходится без батыря, и въ этомъ отношеніи есть индивидуумы удивительные. На одной свадьбѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ призванный батырь съѣлъ: цѣлаго жаренаго дикаго гуся, хорошую часть телятины, курицу и послѣ того, снявъ верхнее платье, съѣлъ передъ каминомъ и ковшемъ пить топленое масло. Онъ выпилъ полтора пуда и только потому, что болѣе не было, во время ѣды и питья онъ рассказывалъ объ удивительныхъ подвигахъ батырей—его отца, дѣда, о своихъ подвигахъ обжорства. Я смотрѣлъ и удивлялся.

Я заговорилъ объ якутахъ, не пріѣхавши еще въ Якутскъ, но такъ пришлось. Дорога между Охотскомъ и Якутскомъ—это гористая пустыня, достояніе кочующаго тунгуса. Но что такое тунгусъ? Перваго тунгуса я увидѣлъ на рѣкѣ Ленѣ, въ Олекмѣ, на постояломъ дворѣ. Это былъ маленькаго роста человѣкъ, съ широкой костью, съ кривыми ногами, лицо широкое, носъ едва замѣтенъ, глаза черные, тонко чуть-чуть прорѣзанные, волосы черные, длинные и жесткіе. Это былъ совершенно дикій человѣкъ, чистой монгольской породы. Говорилъ онъ съ трудомъ, пискливымъ голосомъ, похожимъ на крикъ птицы. Онъ пришелъ въ гости и принесъ шкуры бѣлокъ, соболей, лисицъ. Разумѣется, онъ напьется и все отдастъ русскому задаромъ, получить въ долгъ порохъ и свинецъ и отправится въ лѣсъ, куда глаза глядятъ. Одежда его состоитъ изъ шкуръ, почти не выдѣланныхъ. Тунгуса называли старикомъ, но у него не было ни сѣдыхъ волосъ, ни усовъ, ни бороды. Меня сильно заинтересовалъ этотъ первый экземпляръ, и я старался приласкать его.

— Есть ли у тебя жена?—спросилъ я.

— Нѣтъ и не было.

— Отчего?

— Я бѣденъ; на что мнѣ жена, жена нужна богатому.

— Гдѣ ты живешь?

— Гуляю.

— Гдѣ гуляешь?

— Не знаю; вездѣ: въ лѣсахъ и на тундрахъ.

— Въ какой сторонѣ?

— Не знаю; сегодня здѣсь, а лѣтомъ въ Колымѣ или на Амурѣ.

— Видаешься ты съ другими тунгусами?

— Какъ же, видаюсь; я иду и тунгусъ идетъ; я его вижу, и онъ меня видитъ, я пойду своею дорогой, онъ своей.

— О чемъ же вы говорите?

— О чемъ говорить тунгусу, мнѣ и ему нечего говорить.

— Не бываетъ ли тебѣ скучно?

— Зачѣмъ скучно, тунгусъ сытъ—не скучно, тунгусъ голоденъ—надобно добыть пищу,—не скучно, гуляю.

Тунгусъ сидить всегда на полу, сложивъ ноги на крестъ; наступить ночь, онъ, какъ сидить, такъ и склонится на бокъ и спать, скорчась.

— Тебѣ не страшно въ лѣсу одному?—спросилъ я.

— Чего страшно, лѣсъ большой; медвѣдю не страшно и мнѣ не страшно.

— Случалось тебѣ встрѣчаться съ медвѣдемъ?

— Какъ же, случалось. Да вотъ шелъ я сюда, кушать было нечего, оставалась только бѣлка, да послѣдняя пуля въ винтовкѣ, а еще было далеко. Я развелъ огонь и сталъ жарить бѣлку, слышу, лаетъ моя собачка на звѣря, посмотрѣлъ, а ко мнѣ идетъ на заднихъ лапахъ преобладающій медвѣдь, злой, съ пѣной у рта. Я легъ за колоду, нацѣлилъ ружье и выждалъ; когда онъ подошелъ ко мнѣ близко, я выстрѣлилъ, медвѣдь упалъ, собачка обнюхала и начала теревить его; я посмотрѣлъ, медвѣдь глядитъ во всѣ глаза, значитъ, умеръ. А ты помни,—прибавилъ онъ наставительно,—когда будешь стрѣлять, то если медвѣдь упадетъ и закроетъ глаза, то онъ притворяется,—не подходи.

— Скажи мнѣ, что ты думалъ, когда цѣлилъ въ медвѣдя? вѣдь у тебя былъ послѣдній зарядъ, думалъ ты что или нѣтъ?

— Тунгусъ всегда думаетъ, и я думалъ: я тебя убью, то я тебя съѣмъ, а не убью, то ты меня съѣшь,—какъ не думать,—думалъ.

— Ты откуда пришелъ?

— Гулялъ. Какъ убилъ медвѣдя, то мѣсяць ѣлъ его и пришелъ сюда.

— Гдѣ ты гулялъ?

— Зимой былъ въ Колымѣ, лѣтомъ былъ недалеко отъ Гижиги.

— Какъ ты знаешь дорогу?

— Дорога вездѣ; тунгусъ все знаетъ.

— А гдѣ тебѣ лучше?

— Вездѣ хорошо; лучше, гдѣ больше звѣря.

— Тебѣ хотѣлось жениться?

— Зачѣмъ жениться, я сирота, бѣдный; дѣвка дорого стоитъ, колыма нѣтъ, одному лучше.

— Случалось тебѣ голодать?

— Какъ же, случалось, восемь дней не ѣлъ ничего; весна худо, иду къ морю, тамъ много корму.

— Ты крещеный?

— Какъ же, 10-тъ лѣтъ, какъ крестился.

— Бываешь въ церкви?

— Одинъ разъ былъ, какъ крестился; попъ далъ рубашку и пять фунтовъ табаку, церковь далеко, ходить нѣтъ времени.

Весь этотъ разговоръ шелъ съ помощію хозяина, тунгусъ худо понималъ, но еще труднѣе выражался. Это былъ первый видѣнный

мною типъ; послѣ, въ Охотскѣ, я много имѣлъ знакомыхъ тунгусовъ— всѣ на одинъ ладъ.

Въ концѣ марта въ Охотскѣ тунгусы поставили 4—5 своихъ юртъ на берегу моря. Катерина Карловна (супруга Ушинскаго), я, Ленже и кто-то еще въ хорошій день пошли пѣшкомъ къ нимъ въ гости. Подошли къ первой юртѣ, она была крайне бѣдна, прикрыта спитой березовой корой. Тунгусы живутъ по одиночкѣ и юрты очень малы; въ юртѣ никого не было, имущества почти никакого. Вторая юрта—тоже пуста, но мы увидѣли на тропинкѣ что-то движущееся, черное. Мы пошли навстрѣчу и что же увидѣли? Ребенокъ, какъ мать родила, одинъ ползетъ по снѣгу, при морозѣ градусовъ 18-тъ. Мы къ нему, онъ остановился, скалить зубенки и ворчать сердито, какъ собака. Мы отошли, а онъ торопливо поползъ. Пришли за мальчишкой въ юрту, тамъ была старуха, она голаго ребенка зарыла въ теплую золу, дала ему кусокъ жира; онъ съ удовольствіемъ сосалъ и жиръ мѣшался съ золою. Старуха сказала, что всѣ мужчины на охотѣ за тюленьями на льду, а женщины пошли въ городъ къ знакомымъ. Тунгусъ двухъ дней не проживетъ на одномъ мѣстѣ; каждый день, хотя на сажень, но переставитъ свою юрту. Проклиная своего сына, тунгусъ говоритъ: «чтобы ты жилъ три дня на одномъ мѣстѣ, какъ гниютъ русскіе».

Тунгусъ шаманъ и идолопоклонникъ, но впрочемъ, считаются всѣ христианами. Есть тунгусы оленные и пѣшіе. Нѣтъ сомнѣнія, прежде всѣ тунгусы были съ оленями, но разныя неудачи лишили ихъ оленей, и образовались тунгусы пѣшіе. Тунгусы не живутъ родами, какъ коряки, жизнь по одиночкѣ содѣйствовала обѣднѣнію многихъ тунгусовъ. Мнѣ не случилось видѣть двухъ семействъ вмѣстѣ, всегда: мужъ, жена, одинъ и рѣдко два ребенка. Наступаетъ утро, мужъ говоритъ женѣ, чтобы она кочевала вонъ въ ту сторону.

— Вонъ та сопка, вершина которой видна, должна остаться у тебя налѣво; дойдешь къ вечеру до рѣчки, и поставь юрту, а я тебя найду.

Мужъ становится на лыжи, ружье за спину и пошелъ въ противоположную сторону. Жена собираетъ свою бѣдную юрту на небольшія салазки, сама надѣваетъ лучшее свое платье и уборы, сажаетъ за спину ребенка, становится тоже на лыжи, и при помощи лямки тянетъ за собою салазки. Если есть собачка, то подпрыгиваетъ и ее, а если двѣ собачки, то ей легко. Снѣгъ глубокъ, морозъ жестокъ, иногда метель, тунгуска никогда не была въ этой сторонѣ, но это для нея все равно: она идетъ по указанію. Она обходитъ сопку съ правой стороны, останавливается у рѣчки, ставитъ свою бѣдную юрту, разводитъ огонь и хорошо, если можетъ что поѣсть, а нѣтъ, терпѣливо ждетъ мужа. Приходитъ мужъ, и если охота была счастлива, жена готовитъ кушанье,

а несчастлива охота, не принесъ мужъ ничего, ложатся голодные съ надеждою на завтра. Завтра—то же, что сегодня, и такъ каждый день, цѣлую жизнь. Попробуй отнять эту грустную жизнь у тунгуса, дай ему довольство, онъ и жена умрутъ съ тоски.

Наступаетъ весна—худшее время для тунгусовъ, рѣки разливаются, таявшіе снѣга наполняютъ долины водою, тунгусъ заранѣе приближается къ берегу моря и превращается въ рыболова: промышляетъ тюленей, морскихъ утокъ.

Тунгусъ добръ, услужливъ; имѣетъ что, угостить радушно, но какъ азіатецъ вспыльчивъ и мстителенъ. Каждый тунгусъ умѣетъ все сдѣлать для себя и не нуждается въ чужой помощи. Когда счастлива охота, тунгусъ ѣстъ цѣлый день и спитъ, пока не съѣстъ всего, даже и потомъ онъ съ удовольствіемъ спитъ дней пять не ѣвши. Пять дней не ѣсть для тунгуса не голодъ, на шестой день онъ подумаетъ о пищѣ и поднимется на промыселъ. Добылъ медвѣдя или пару тюленей, онъ опять ѣстъ и спитъ, запасовъ никакихъ и никогда тунгусъ не имѣетъ.

Красота тунгуски состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно меньше былъ лобъ, глаза какъ щелочки, прорѣзанные бритвой, чѣмъ меньше носъ, тѣмъ красивѣе; чѣмъ шире лицо, тѣмъ милѣе. Онъ маленькаго роста, широкой кости, видна сила въ мускулахъ. Одѣваются тунгуски, какъ мужчины: тарбасы, мѣховые штаны, нагрудникъ, шитый бисеромъ, и сверхъ всего кожаный кафтанъ, не сходящійся на груди, поясъ малахай мѣховый.

Теперь скажу нѣсколько словъ о чукчахъ. Они одѣваются сколько можно эффектно, и все платье пьется такъ, чтобы оно представляло толстаго человѣка, широко, пышно. Свободныя минуты, какъ дома, такъ и въ дорогѣ, чукчи посвящаютъ теченію своихъ палымъ, копій, стрѣлъ и всякую минуту готовы на войну. Чукчи не подходятъ къ русскимъ селеніямъ, они живутъ близъ Берингова пролива. Это воинственный, и храбрый народъ; у нихъ болѣе всего уважается сила, какъ у корякъ краснорѣчіе. Чукчи, одинъ разъ въ годъ, выходятъ на рѣку Анадырь, верстахъ въ 300, 400 отъ Гижиги. Казаки и купцы изъ Гижиги выѣзжаютъ туда же, и тамъ происходитъ мѣновая торговля. Въ старые годы, довѣрчивые русскіе не принимали мѣръ осторожности, и чукчи не упустили случая напасть на нихъ. Съ тѣхъ поръ русскіе поставили тамъ избушку съ амбразурами и какія-то допотопныя ржавыя двѣ пушки. Передъ вооруженнымъ станомъ русскіе кладутъ кучками свои товары и уходятъ. Чукчи не воры и чужаго не возьмутъ. Они приносятъ свой товаръ и, соображая цѣну, противъ русскаго товара кладутъ свой: куницъ, песцовъ, лисицъ, соболей и моржовую кость. Положить онъ свой товаръ и уйдетъ. Русскій подходитъ и если находитъ выгоднымъ мѣну, то беретъ товаръ, и тогда послѣ приходитъ чукча и беретъ

русскій товаръ. Если же русскій купецъ не доволенъ товаромъ чукчи, то его не трогаютъ, а чукча либо прибавляетъ своего товара, а если находитъ невыгоднымъ, то уносить свой товаръ, и тѣмъ дѣло кончается. Послѣ окончанія торга, начинается угощеніе съ обѣихъ сторонъ. Чукчи любятъ водку, но стыдятся быть пьяными. Они садятся кружкомъ, пьютъ водку и молчатъ,—присутствія разума не теряютъ. Чукчи устраиваютъ праздникъ со стрѣльбою въ цѣль, съ борьбою, борются—страсть чукчей. Всегда находятся молодые казаки, молодцы-побѣдители. Чукчи не скрываютъ своего удивленія и почтенія къ побѣдителю и особенно его угощаютъ, дѣлаютъ ему подарки. На Анадырь приходитъ половина чукчей торговать, другая половина ходитъ въ Колыму, и тамъ такая же ярмарка.

Но пора намъ въ Якутскъ.

Этотъ областной городъ имѣлъ тогда 5 т. жителей, одинъ каменный домъ, купца Колесова. Якутскъ на великолѣпной рѣкѣ Ленѣ, до 7 верстъ ширивы. Въ немъ двѣ недѣли лѣтомъ не заходитъ солнце. Морозы бываютъ до 40 и 44°. Послѣдній морозъ сопровождается густѣйшимъ туманомъ, совершенною тишиною и если собрать духъ въ груди и разомъ дунуть въ воздухъ, то слышатся легкій трескъ. Земля въ Якутскѣ не протавляется болѣе полуаршина, и покойники тамъ всѣ нетлѣбны. Я ѣлъ пятилѣтнюю говядину, хранившуюся въ погребахъ. Въ 44° мороза я для опыта прошелъ двѣ версты въ холодной шинели, въ холодныхъ сапогахъ, холодной фуражкѣ и не чувствовалъ холода. Тишина. Сѣверныя сіянія—великолѣпнѣе быть не могутъ, какъ въ Якутскѣ, и описать это изумительное зрѣлище невозможно. Первое, что поражаетъ всякаго прїѣзжаго въ Якутскъ, это то, что на улицѣ, въ домахъ, на обѣдахъ, балахъ не услышишь русскаго слова, и всѣ русскіе говорятъ всегда языкомъ якутовъ. Это мода. Когда я приходилъ вечеромъ въ гости, мнѣ ставили московскаго варенья на 18 и даже на 22 тарелочкахъ. Посреди варенья становилась замороженная сырая стерлядь: ее ѣдятъ сырую, наръзанную тонкими ломтиками, съ солью и перцемъ. Это очень странно, но за то и очень вкусно. Сырую, мороженную стерлядь я предпочиталъ всѣмъ вареньямъ, это очень похоже на устрицы, но только несравненно вкуснѣе. Якутскъ отстоитъ отъ Иркутска, кажется, болѣе 3 т. верстъ, и сообщеніе только по рѣкѣ Ленѣ. Въ Якутскѣ, кажется, не растетъ ни одной огородной овощи и конечно—никакого хлѣба,—послѣдній привозится мукою изъ Иркутска. Станный способъ транспорта по Ленѣ: дѣлаются изъ досокъ четырехугольные ящики, грузятся всякой всячиной и такъ пускаются съ вершины рѣки до Якутска. Ящикъ плыветъ около 3 т. верстъ, почти безъ всякаго управленія, развѣ оттолкнуть отъ берега, когда прижметъ вѣтромъ, и все благополучно. Такова благодатная рѣка Лена; нѣтъ ни пороговъ, ни

каменьевъ—это Сибирская Миссисипи. Другая странность: якуты еще не выдумали колесъ, и всѣ тяжести лѣтомъ перевозятъ на волахъ саними. Якутъ управляетъ волами, сидя на одномъ изъ нихъ. При мнѣ уже стали появляться у богатыхъ купцовъ дрожки, но этотъ экипажъ на лошадахъ кажется очень опаснымъ дамамъ, и онѣ не рѣшались проѣхаться на лошади. Въ праздникъ купчиха въ шелкѣ и брилліантахъ, съ украшеніями изъ золота и жемчуга, сидитъ весьма важно на дровняхъ, и якутъ, сидя на волѣ, везетъ богатую госпожу въ церковь. Въ Якутскѣ дома необыкновенно теплы, мороза въ 40° не чувствуешь. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ я замѣтилъ въ зимнихъ рамахъ вставлены двойныя стекла, такъ что зимою защищаютъ отъ наружнаго холода три стекла. Въ Якутскѣ много богатыхъ купцовъ, торгующихъ на большія суммы. Живутъ вообще весело, и гостепріимство въ нравахъ всѣхъ жителей; бываютъ частыя обѣды, а еще чаще вечера съ танцами. Якуты—очень добродушный народъ, любятъ жить по одиночкѣ; юрты ихъ деревянные, вмѣсто стеколъ пластина льду. Посреди юрты вѣчно горитъ чуралъ (камень). Богатство якутъ состоитъ въ табунахъ лошадей и коровъ. Кумысъ дѣлаютъ превосходно, и лучшаго я нигдѣ не пивалъ. Въ Якутскѣ я видѣлъ деревянную древнюю крѣпость съ архивомъ рапортовъ, писанныхъ на берестѣ. Дождавшись зимняго пути, я поѣхалъ вверхъ по Ленѣ въ Иркутскъ.

Иркутскъ—столица Восточной Сибири, тамъ живетъ генералъ-губернаторъ. Иркутскъ какъ городъ—очень хорошъ, много богатыхъ купцовъ и каменныхъ домовъ. Купцы въ Иркутскѣ не носятъ бородъ, одѣты во фракахъ по послѣдней модѣ; кареты, коляски, выписная мебель, библіотеки—не рѣдкость. Жены купцовъ одѣваются по парижскимъ картинкамъ. Въ Иркутскѣ есть адмиралтейство, и начальникомъ его въ то время былъ лейтенантъ Ивановъ.

Мнѣ захотѣлось зимой побывать въ Кяхтѣ. Кяхта—слобода, но слобода единственная въ мірѣ. Въ Кяхтѣ никто не имѣетъ права жить, кромѣ купцовъ первой гильдіи. Купцы въ Кяхтѣ почти всѣ были мнѣ знакомы; я сдѣлалъ многимъ визиты. Обычай такой, что при входѣ въ домъ подаютъ рюмку вина, потомъ чай, происходитъ непродолжительный разговоръ, а за тѣмъ, по уходѣ гостя, купецъ посылаетъ ему на квартиру ящичекъ въ 2—4 фунта отличнаго чая въ подарокъ. Такъ сдѣлавъ визитовъ десятокъ, я нашелъ дома порядочный запасъ чая, чему былъ очень радъ, такъ какъ купить чая въ Кяхтѣ нельзя—не продаютъ. Кяхта отдѣляется деревянною стѣною отъ Маймачина, въ которомъ нѣтъ ни одной женщины, таковъ законъ Китая. Власти китайскія разсудили такъ: мы хотимъ жить въ дружбѣ съ русскими, а исторія учитъ, что всѣ ссоры и войны происходили изъ-за женщинъ, а потому и запретили женщинамъ пребывать въ Маймачинѣ. Мнѣ хотѣ-

лось съѣсть китайскій обѣдъ; мой знакомый Вася Басинъ доставилъ мнѣ это удовольствіе. Его пріятель, богатый китаецъ, пригласилъ насъ на обѣдъ особымъ билетомъ на кускѣ пунцовой шелковой матеріи, такого размѣра, что изъ куска могъ выйти халатъ. Обѣдъ былъ на маленькихъ, низенькихъ лакированныхъ столикахъ, при чемъ за каждый садилось 4 человѣка, а всѣхъ гостей было 16-ть. Кушанья подавались въ небольшихъ полоскательныхъ чашкахъ. Прежде всего подали конфектъ очень разнообразныхъ, вкусно сдѣланныхъ изъ фруктовъ и изъ ягодъ; потомъ слѣдовали разные соусы, изъ каракатицъ и китовыхъ вшей, морская капуста, что все очень вкусно. За соусами слѣдовали холодныя кушанья: пряныя, острыя, жирныя, и затѣмъ свиная кожа; она была бѣлая, какъ снѣгъ, наръзана тоньше турецкаго табаку и таяла во рту. Потомъ пошли жаркія: тутъ было и мясо собачки, до котораго охотники китайцы, и дорогіе кусочки ласточкиныхъ гнѣздъ и проч. Последнее блюдо было очень вкусно; затѣмъ подали на каждый столикъ кипящій самоваръ, въ которомъ варилась какая-то пряная зелень и корни, потомъ необыкновенно тонко наръзанное сырое мясо фазана, каждый бралъ кусочекъ мяса, опускалъ въ кипятокъ и съѣдалъ; это очень вкусно. Я забылъ сказать, что хозяинъ принималъ насъ съ соблюденіемъ этикета: присѣдалъ до полу; проводилъ въ столовую, просилъ сѣсть, при чемъ особая вѣжливость хозяина состоитъ въ томъ, чтобы надуть гостя и заставить его сѣсть прежде себя. Въ половинѣ обѣда хозяинъ пригласилъ гостей встать и потрястись, чтобы уложились пища и чтобы гость могъ побольше съѣсть. Я считалъ кушанья, и оказалось ихъ 96 перемѣнъ; кажется, можно быть сыту, ѣвши и по чайной ложечкѣ. Обѣдъ былъ вкусенъ, но очень жиренъ, и я почувствовалъ изжогу. Китайцы предложили мнѣ съѣсть развареннаго риса со столовую ложку, и я избавился отъ нея. Кухня у китайцевъ — совершенство; ихъ пирожки съ вараньемъ — неподражаемы, тѣсто таетъ во рту, но приготавливаются они безъ масла. Вообще, у китайцевъ все дѣлается совершеннѣе европейцевъ, но разница въ томъ, что Европа совершенствуется, а китайцы нѣсколько тысячъ лѣтъ остаются неподвижны. На мои глаза, все, что дѣлаютъ китайцы — превосходно. Столярная работа ихъ неподражаема, работа изъ цѣнныхъ камней — невѣроятное терпѣніе. Я видѣлъ ящичекъ для храненія женскихъ уборовъ, весь сдѣланный изъ одного куска бѣлаго мрамора.

Не буду описывать наружность китайца, кому они неизвѣстны по картинкамъ, а картинки вѣрны. Китай держится почитаніемъ, почти боготвореніемъ предковъ и безусловнымъ повиновеніемъ родителямъ. Всякій китаецъ трудолюбивъ, терпѣливъ, дальновиденъ, уменъ, и самый умный купецъ нашъ въ ученики ему не годится.

Противившись съ хитрыми и кроткими узкоглазыми китайцами и не

мѣшая миллионерамъ мечтать о барышахъ, я съ порядочнымъ грузомъ чая и покупками китайскихъ рѣдкостей переѣхалъ въ Троицкосавскъ. Это городъ, какъ всѣ большіе уѣздные города; въ немъ много богатыхъ жителей, всѣ трудятся и хитрятъ около контрабанды. Главное лицо въ городѣ — директоръ таможни, черезъ руки котораго переходятъ миллионы, и порядочные проценты прилипаютъ къ его рукамъ. Въ то время въ Троицкосавскѣ жилъ прїѣзжій изъ Петербурга, д. с. сов. баронъ Шилингъ фонъ-Канштадъ. Это необычайно толстый человѣкъ съ большими связями, ученый, весельчакъ, отличный говорунъ, знавшій всю аристократію столицъ Европы. На него смотрѣли какъ на какую-то загадку. Тамъ же и въ то же время жилъ другой знаменитый человѣкъ: монахъ Іоакимъ Бичуринъ, посланный въ Пекинъ архимандритомъ нашей тамъ миссіи. Бичуринъ былъ молодъ, закутилъ, промоталъ все, даже церковные сосуды. Его вызвали изъ Пекина и разжаловали въ монахи, но такія лица не пропадаютъ. Бичуринъ оказался глубокимъ знаткомъ китайскаго языка и литературы, и его сдѣлали преподавателемъ въ школѣ Троицкосавска — китайскаго языка. Бичуринъ много переводилъ съ китайскаго, и извѣстна его война съ первою знаменитостью въ Европѣ, считающимся авторитетомъ въ китайской грамотѣ — французомъ Клапротомъ. Бичуринъ вышелъ изъ этой войны не только побѣдителемъ, но и доказалъ, что Клапротъ едва-ли зналъ азбуку китайскаго языка, что и сдѣлало славу Іоакима. Однажды вечеромъ пришелъ я къ Шилингу, который сидѣлъ за столомъ съ какимъ-то помощникомъ и толковали, рассматривая какую-то китайскую книжку. Этотъ вечеръ сблизилъ меня съ барономъ, что мнѣ очень пригодилось, какъ сказано будетъ послѣ.

Баронъ былъ человѣкъ чрезвычайно любезный, очаровательный, рассказамъ его не было конца.

Въ Иркутскѣ два баталіона на армейскомъ, а не гарнизонномъ положеніи; съ нѣкотораго времени, стали часто повторяться убійства, совершаемые солдатами. Въ праздничный день, послѣ полдня въ часу 3-мъ, лѣтомъ, я шелъ по Широкой улицѣ лѣваго тротуара, а на правомъ тротуарѣ, наравнѣ со мною, шла разряженная дѣвушка — мѣщаночка. Навстрѣчу ей шелъ бравый унтеръ-офицеръ; встрѣтись съ дѣвушкой, унтеръ обнялъ, поцѣловалъ, она вскрикнула, и онъ осторожно положилъ ее на тротуаръ. Дѣвушка была мертва, унтеръ всадилъ ей въ сердце ножъ по рукоятку, повернулся спокойно и пошелъ назадъ. На улицѣ никого кромѣ меня не было; то время было чаепитія. Я пошелъ за унтеромъ, онъ обыкновеннымъ молодецкимъ ходомъ прошелъ на гауптвахту и объявилъ, что онъ убилъ какую-то дѣвушку. Я подробно доложилъ генералъ-губернатору; онъ тревожно сказалъ:

— Такіе случаи повторяются часто, не можетъ быть, чтобы не было



какой-нибудь тайной побудительной причины, дураки батальонные никак да ничего не откроютъ, я попрошу васъ взять это дѣло въ свои руки и доискаться тайны.

Назначенъ я былъ председателемъ слѣдственной комиссіи. Унтеръ-офицеръ красавецъ, большаго роста, грамотенъ, онъ оказался гвардейцемъ изъ взбунтовавшагося Семеновскаго полка. Ему было подъ 40 лѣтъ, но нельзя дать болѣе 30-ти, поведенія отличнаго. Онъ былъ совершенно спокоенъ, не запырлся, о побужденіи своемъ къ убійству говорилъ: такъ, захотѣлось и убилъ; убилъ того или другаго—все равно, встрѣтилась она, убилъ ее. Я вышелъ изъ казармы съ намѣреніемъ убить кого-нибудь такъ, безъ всякой причины, хотѣлось убить и убилъ. Добиться большаго не было никакой возможности. Бился, бился—ничего не добился. Не давала мнѣ спать тайна этого происшествія. Позвалъ я унтера въ адмиралтейство, безъ свидѣтелей говорилъ съ нимъ, какъ съ развитымъ человѣкомъ, пустилъ въ ходъ всю діалектику, но краснорѣчіе и логика моя не имѣли успѣха; тогда я приказалъ хорошо накормить унтера. На другой день опять за краснорѣчіе наединѣ, выказалъ мое участіе къ нему, даже уваженіе къ его уму, напиралъ на его честолюбіе, самолюбіе и, наконецъ, стыдилъ его тѣмъ, что онъ считаетъ меня дуракомъ, и, кажется, подобными доводами, прорвалъ плотину его скрытности; мой красавецъ, разъ начавши говорить, высказался и объяснилъ мнѣ такъ:

Люди, сдѣлавшіе уголовное преступленіе, граждански казенные — благоденствуютъ, а я честный солдатъ—страдаю. Каторжный выходитъ на работу въ полушубкѣ, въ теплой мѣховой шапкѣ, въ теплыхъ рукавицахъ, въ теплыхъ штанахъ и сапогахъ, а я, честный солдатъ, представленный смотрѣть за ними: въ холодной шинели, въ холодномъ киверѣ, въ полной формѣ, съ ружьемъ—бью цѣлый день нога объ ногу холодными сапогами. Варнакъ (каторжный) приходитъ въ свою казарму, ему даютъ щи съ говядиной, кашу, онъ ложится на постель съ одѣяломъ и подушкой. Я, солдатъ, прихожу въ казарму и ѣмъ пустыя щи или пустую кашу, я долженъ чистить ружье и всю аммуницію, ложусь на голыя нары и одѣваюсь той же холодной шинелью. На другой день, если я не въ караулѣ, то встаю до свѣта и готовлюсь на ученіе, опять забну и мучаюсь, опять утѣшаюсь постною кашецею. Я знаю, буду наказанъ кнутомъ 10—15 ударами, да вѣдь это одинъ разъ потерплю, но за то остальная жизнь въ довольствѣ. Наши многіе перешли въ каторжные, и всѣ имъ завидуютъ, а попасть въ каторжные безъ убійства нельзя—вотъ я и убилъ.

Составилъ я подробную записку отъ своего лица, а не отъ комиссіи и подалъ Лавинскому. Онъ былъ крайне удивленъ добытою правдою, сію минуту составилъ донесеніе государю и, приложивъ мою записку, послалъ казачьаго офицера курьеромъ.

Умѣе всѣхъ министровъ при императорѣ Николаѣ I былъ Канкринъ, въ его вѣдѣніи были всѣ горные заводы, а слѣдовательно и каторжные. Канкринъ въ заводскомъ хозяйствѣ умѣлъ найти посторонніе источники, не уменьшающіе дохода казны; вотъ эти-то доходы Канкринъ постепенно употреблялъ на улучшение быта каторжныхъ и, какъ отличный хозяинъ, устроилъ каторжныхъ—комфортабельно. Государь, получивъ донесеніе отъ Лавинскаго, собралъ министровъ и далъ имъ на разсужденіе ненормальное положеніе солдата съ положеніемъ каторжнаго. Положено было немедленно уничтожить всѣ улучшения для каторжныхъ, что и было исполнено. Преступленія каторжныхъ увеличились, но и желанія солдатъ быть каторжными—прекратились.

Жизнь моя въ Иркутскѣ текла весьма пріятно. Генералъ-губернаторъ меня особенно ласкалъ, у значительныхъ чиновниковъ и у богатыхъ купцовъ я пользовался общимъ уваженіемъ, должность была не только не отяготительна, но даже весьма пріятна. Какъ командиръ отдѣльной части, почти никому не подчиненный въ Иркутскѣ—я дѣлалъ, что хотѣлъ, ѣхалъ—куда хотѣлъ, никто не касался меня; но все-таки меня тянуло въ общій центръ морской службы—въ Кронштадтъ. Въ Петербургъ звалъ меня и отецъ. Обжившись въ Охотскѣ, я написалъ родителямъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Помню, я употребилъ выраженіе: полагаю, родителямъ любопытно знать откровенный разсказъ о сынѣ, котораго они знали еще ребенкомъ, и рассказывая о всѣхъ привычкахъ и мелочахъ моей жизни, я употребилъ выраженіе: хотя не часто, но скромно и тихо дѣлю время съ небольшимъ числомъ друзей. За эти два выраженія: «любопытно родителямъ» и «немного друзей», я получилъ отъ отца огромную тетрадь—полную самой жестокой брани, какъ смѣлъ я родителей назвать любопытными. Отецъ писалъ, что онъ имѣлъ въ жизни одного только друга, и когда онъ умеръ, то полгода пролежалъ больнымъ и до сего времени утѣшиться не можетъ. Изъ всего этого онъ видитъ, что я пустая и глупая голова, что человѣкъ безъ характера и что онъ потерялъ всякую надежду въ томъ, что когда-нибудь выйдетъ изъ меня порядочный человѣкъ. Мать писала ласково. Читая письмо, я прослезился и, по понятію моему, не былъ виноватъ противъ отца; но я былъ безсиленъ противъ его гнѣва и, читая письмо у топившагося камина, бросилъ его въ огонь и съ этой минуты пять лѣтъ не писалъ отцу. Въ этотъ промежутокъ я получилъ письмо отъ матери, которая писала ко мнѣ секретно и умоляла просить прощенія у отца. Я не послушалъ матери и не писалъ. Однажды я получилъ свернутую на уголокъ записку на сѣрой бумагѣ, въ которой было написано: «Государь мой, долгомъ считаю увѣдомить, что ваша мать, а моя жена умерла и погребена въ Колодскомъ монастырѣ. Доброжелающій Иванъ Стоговъ». Я перекрестился и положилъ за-

писку, въ которой не названъ сыномъ. Не помню, сколько лѣтъ послѣ того я не писалъ къ отцу. Вдругъ получаю отъ него ласковое письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что вновь женился на Ляпуновой, и отъ нея льстивое письмо. Я расхохотался и рѣшился написать ласковое и почтительное письмо отцу, какъ-будто не было прошедшаго, а къ матери написалъ самое льстивое, пошеческое письмо, и съ этого времени началась моя переписка съ отцомъ безъ брани. Онъ постоянно звалъ меня въ Золотилово.

Лавинскій просилъ государя уволить его изъ Сибири, гдѣ онъ прожилъ 13-ть лѣтъ. Императоръ Николай отвѣчалъ: «Если я могу найти равнаго вамъ по способностямъ, то гдѣ я найду равнаго вамъ по опытности», и ласково просилъ еще послужить, прислалъ ему табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную брилліантами въ 30.000 р. Лавинскій остался еще на годъ. Я собирался ѣхать въ Россію, предполагая, что уйдетъ Лавинскій, но онъ, оставшись, оставилъ и меня.

## VI.

Бунтъ иркутскаго архіепископа Иринея.—Переводъ Стогова въ Петербургъ.—Особенности путешествія.—Встрѣча съ родными.—А. О. Поздѣевъ.—Прибытіе въ Петербургъ въ 1833 году.—Первыя встрѣчи.—Представленіе кн. А. С. Меншикову.—Характеристика князя.

Въ Иркутскѣ былъ цѣлый рядъ добрыхъ и кроткихъ архіепископовъ, распустившихъ духовенство до безобразія. Государь приказалъ назначить въ Иркутскъ архіепископа твердаго и строгаго. Синодъ назначилъ Иринея изъ Пензы, и тамошнее духовенство долго служило благодарныя молебны за избавленіе отъ него.

Онъ былъ средняго роста, брюнетъ съ правильными чертами лица, прекрасными черными вьющимися волосами и удивительно увлекательнымъ голосомъ. Онъ самъ называлъ себя уроженцемъ Черногоріи и по наружности нельзя было дать ему болѣе сорока лѣтъ. Во всѣхъ его поступкахъ выражалась пылкая южная природа. Служилъ онъ удивительно: самая простая молитва «Во имя Отца и Сына» произносилась имъ такъ, что вызывала необыкновенное благоговѣніе. Но за то во время служенія онъ былъ весьма строгъ съ духовенствомъ. Требованія его со служащими съ нимъ были безмѣрны: за ошибки, за малѣйшее несоблюденіе въ одеждѣ, за неостановленіе при чтеніи на запятой,—

протопопы, попы, діаконны, чтецы ставились на колѣна и били поклоны; почти ни одной службы не проходило безъ взысканія. Избалованное прежнимъ архипастыремъ духовенство трепетало, сдавалось въ солдаты или посылалось на монастырскія черныя работы.

Въ Иркутскѣ много церквей, и богатое купечество чванилось угожденіемъ владыкъ. Въ праздники архіерей не имѣлъ заботы о завтракѣ. По введенному порядку, купечество въ его палатахъ хлопотало о роскошномъ угощеніи и ссорилось между собою при рѣшеніи вопроса, кому угощать. Ириней былъ строго разборчивъ въ выраженіи ему почитанія, требовалъ занимательнаго разговора и самъ не стѣснялся въ выраженіяхъ; если что не понравится, то наговорить укоризнъ и хозяину и гостямъ.

Богатѣйшій купецъ Сибиряковъ упросилъ меня быть у него на обѣдѣ въ день престольнаго праздника въ его приходѣ. Не любилъ я этихъ безконечныхъ и жирныхъ купеческихъ обѣдовъ, но къ Сибирякову поѣхалъ. Посадили меня въ головѣ стола противъ Ириней. Я заговорилъ о великомъ значеніи приличія и соблюденія торжественности въ храмѣ и будто къ слову похвалилъ увлекательный голосъ архіерея и прочувствованныя имъ слова молитвъ. Все это видимо понравилось, и Ириней развеселился. Я тогда хорошо помнилъ Библію, начитался вольтеровщины, и мнѣ легко было занимать Ириней. Купцы были въ восторгѣ, что владыка былъ веселъ и не унижалъ ихъ сарказмами и колкостями. Благодарностей мнѣ было цѣлый коробъ. Сибиряковъ въ умиленіи прислалъ мнѣ въ подарокъ великолѣпный, яхонтоваго цвѣта, китайскій халатъ съ драконами. Послѣ этого, гдѣ только престольный праздникъ, тамъ богатый купецъ-прихожанинъ пріѣзжалъ просить меня обѣдать. Ириней любилъ поболтать о запретномъ, но конечно не нарушая важности своего сана, и самъ признавался мнѣ, что, при его пылкости, для отвращенія бушевающихъ его страстей носилъ фантабели на обѣихъ рукахъ. Духовенству было не подъ силу переносить строгость владыки, и вотъ противъ него составила коалиція. У генераль-губернатора была своя церковь и превосходные пѣвчіе изъ казаковъ. Постоянные наговоры протопопа генераль-губернаторской церкви, преувеличенные до крайности рассказы о строгости Ириней, доходящей до странности, охладилъ Лавинскаго къ владыкѣ. Въ Иркутскѣ не было ни одного мѣста для гулянья, а между тѣмъ на берегу Ангары было большое порожнее мѣсто, на которомъ стояла церковь. Все мѣсто около церкви засадили кустарниками, сдѣлали дорожки, и вышло хорошо. Ириней по капризу возсталъ противъ устройства этого публичнаго гулянья, завелъ переписку о неприличіи гулянья около храма Господня. Эта переписка росла и довела его до ссоры съ губернаторомъ. Духовенство воспользо-

валось ему, и явились протесты духовенства: о неприличных выражениях Ириней во время служения. Въ одинъ изъ высокаторжественныхъ дней генералъ-губернаторъ Лавинскій прѣхалъ въ церковь въ особомъ мундирѣ, шитомъ золотомъ и установленномъ генералъ-губернаторамъ для важности, когда они принимали китайскихъ посланниковъ, сидя подъ портретомъ государя. Служилъ обѣдню, конечно, владыко, и, по совершеніи тайнъ, священникъ выходя изъ алтаря съ книжкою для прочтенія: «Благославляю, благословляющаго Господа»—по принятому обычаю, сдѣлалъ поклонъ генералъ-губернатору. Только священникъ поклонился, какъ Ириней вернулъ его и спросилъ: кому онъ кланялся?

— Ты кланялся златому тельцу,—сказалъ онъ,—тогда какъ присутствуетъ въ церкви намѣстникъ Христа—на колѣна и сто поклоновъ!

Ириней произнесъ это очень громко, церковь была полна народомъ. Лавинскій отправилъ курьера съ донесеніемъ о поступкахъ Ириней, а послѣдній послалъ своего, съ заявленіемъ о притѣсненіи народа и о гнилой мукѣ, смѣшиваемой съ пескомъ и въ такомъ видѣ выдаваемой войску.

На донесеніе Лавинскаго послѣдовало высочайшее повелѣніе: Синоду вызвать Ириней въ Петербургъ, а генералъ-губернатору озаботиться о спокойномъ путешествіи архіепископа и для услугъ его дать на время пути одного изъ чиновниковъ особыхъ порученій. Указъ Синода былъ печатный. Основываясь на законѣ, состоявшемся при Екатеринѣ, что если кто усумнится въ подлинности указа государева, тотъ имѣетъ право требовать повторенія, съ приложеніемъ печати, Ириней не призналъ указа настоящимъ и отказался исполнить его до повторенія.

Между тѣмъ, экипажъ для Ириней былъ приготовленъ, и чиновникъ Голубевъ командированъ для услугъ ему. Было ли то простое воскресенье или праздникъ—не помню, но Голубевъ рано утромъ явился къ Ириней. Голубевъ былъ огромнаго роста, головою выше Ириней.

— Удачно выбрали такого молодца,—сказалъ Ириней;—у тебя довольно силы, чтобы дорогою задушить меня, а послѣ сказать, что я самъ себя убилъ,—это хорошій способъ отдѣлаться отъ меня. Если гражданское начальство писало противъ меня, то и я писалъ противъ гражданского начальства. Теперь я стою съ нимъ на одной доскѣ, и насъ разсудитъ высшая власть, а потому я не считаю нужнымъ входить въ какія-либо сношенія съ гражданскимъ начальствомъ, а чтобы ты, молодецъ, не могъ исполнить тайнаго порученія, то пойдемъ со мною.

Онъ взялъ Голубева крѣпко за руку и привелъ на унтеръ-офицерскій караулъ у воротъ города на выѣздѣ, гдѣ приказалъ арестовать его. Умный унтеръ отказалъ. Тогда архіерей повелъ Голубева на

\*

главную гауптвахту, вызвалъ караулъ и объявилъ, что онъ, не подчиняясь гражданскому начальству, отдается подъ охрану начальства военного, и приказалъ арестовать Голубева, какъ злоумышлявшаго на него. Не разобравшій дѣла офицеръ арестовалъ Голубева. Правитель канцеляріи генераль-губернатора Кабратъ, случайно вѣзшій мимо, вздумалъ уговаривать Иринея, а тотъ и его приказалъ взять подъ арестъ. На эту исторію наѣхалъ я и, узнавши въ чемъ дѣло, поспѣшилъ къ Лавинскому и доложилъ ему. Лавинскій, надѣвъ вицъ-мундиръ и звѣзды, пошелъ со мною на гауптвахту, гдѣ Иринея разглагольствоваль съ собравшимся народомъ, рассказывалъ о своихъ отношеніяхъ къ гражданской власти и что онъ не можетъ довѣрять этой власти, а отдается подъ защиту власти военной и всего народа, за которыхъ онъ заступникъ передъ государемъ. Онъ говорилъ народу громко съ увлеченіемъ; волосы его были растрепаны. Лавинскій растерялся и, обратившись ко мнѣ, сказалъ одно слово: «привезите!» Времени терять было нельзя; видимо Иринея пошелъ на проломъ и рѣшился произвести народный бунтъ. Я сѣлъ на свои дрожки и поѣхалъ къ коменданту Покровскому. Онъ выслужился изъ кантонистовъ, дѣлалъ всѣ кампаніи, былъ извѣстный рубака, дослужился до чина генераль-маіора, имѣлъ пропасть орденовъ русскихъ и иностранныхъ, всѣ ордена получилъ съ младшихъ степеней. Какъ видно, былъ храбрецъ, имѣлъ 15-ть ранъ, но и на самого храбраго нападаетъ иногда трусость—Покровскій струсилъ и говорилъ, что онъ боленъ.

— Я знаю, что вы больны,—сказалъ я рѣзко,—но я отвезу васъ мертваго; надѣвайте мундиръ, а не то и такъ повезу!

Покровскій надѣлъ мундиръ, сѣлъ на мои дрожки, и мы отправились. Дорогой, онъ меня спрашивалъ, что ему тамъ дѣлать? Я совѣтовалъ, чтобы онъ рѣшительно взялъ Иринея подъ свое покровительство и, высказавъ увѣренность въ его правотѣ, пригласилъ бы архіерея возвратиться въ свои кельи. Иринея все еще съ жаромъ проповѣдывалъ народу, который покрылъ всю площадь. Пока Лавинскій сказалъ нѣсколько словъ коменданту, я подошелъ къ Иринею и сказалъ ему шопотомъ, что онъ играетъ въ глупую игру. Тутъ подошелъ комендантъ и взялъ его подъ свое покровительство и повелъ домой. Лавинскій и всѣ присутствовавшіе пошли за ними. Лишь только Иринея вошелъ въ свои комнаты, какъ явился коротенькій, пузатый, съ короткими ногами и руками прокуроръ. Иринея обратился къ нему съ протестомъ, говорилъ добрыхъ полчаса съ жаромъ, но прокуроръ (жалѣю, забылъ его фамилію), выставивъ ножку впередъ, не шевельнулъ глазомъ, не сказалъ ни полслова, а стоялъ, какъ статуй. Иринея пересталъ говорить и отошелъ, прокуроръ повернулся на одной ножкѣ и тоже отошелъ. Не встрѣчая ни въ комъ участія,

Ириней приунылъ, сталъ молчаливъ и понялъ, что дѣло его проиграно. Между прочимъ, къ монастырю или его дому, привели роту солдатъ. Мы всѣ отправились къ Лавинскому, составили тамъ актъ всему происшествію и подписали, кажется, 130 человекъ служащихъ свидѣтелей; этотъ актъ съ курьеромъ былъ посланъ прямо къ государю.

Наступила зима. 6-го декабря былъ балъ у Лавинскаго. При началѣ бала, Лавинскій, серьезно проходя мимо, сказалъ:

— Идите въ кабинетъ, прикажите никого не пускать, займите гостей и распорядитесь, чтобы они были довольны.

Спустился я внизъ, въ кабинетъ, и нашелъ тамъ по-дорожному еще въ шубахъ трехъ человекъ. Я пригласилъ ихъ раздѣться, напоилъ чаемъ, узналъ въ пріѣхавшихъ флигель-адъютанта Гогеля, подполковника жандармовъ Брянчанинова и фельдгегера капитана Иностранцева. Они пріѣхали по дѣлу Ириней, которое было принято въ Питерѣ весьма серьезно. Спустя часъ, пришелъ и Лавинскій. Тутъ объяснилось, что Гогель привезъ собственноручный рескриптъ Лавинскому, съ повелѣніемъ: отправить Ириней подъ надзоромъ Брянчанинова, какъ сказано въ указѣ Синода. Въ послѣднемъ говорилось, что по разстройству умственныхъ способностей, архіепископъ Ириней помѣщается въ Прилуцкомъ монастырѣ, что около Вологды, на дьячковскую вакансію.

Балъ шелъ на верху, а въ кабинетѣ уговаривались, какъ завтра объявить Ириней. Прибывшіе оставались секретомъ для всего Иркутска и, кажется, имъ приказано было въѣхать въ городъ ночью.

На другой день, около 11-ти часовъ утра, собрались къ генералъ-губернатору всѣ старшіе чины Иркутска въ мундирахъ и отправились къ Ириней. Онъ принялъ прибывшихъ безъ смущенія. Флигель-адъютантъ Гогель, въ присутствіи архіепископа, подалъ Лавинскому запечатанный конвертъ съ рескриптомъ, который громко и прочиталъ Лавинскій, стоя. Потомъ, тотъ же Гогель подалъ запечатанный указъ Синода. Все шло чинно, и Ириней не показывалъ тревоги. У дверей стоялъ фельдгегеръ Иностранцевъ. Ириней спокойно спросилъ: а это кто стоитъ у дверей? Ему сказали, что это присланъ фельдгегеръ, для заготовленія лошадей въ пути его. Ириней расхохотался и сказалъ:

— Полноте играть комедію наряженныхъ, вы, сочиняя комедію, забыли по формѣ нарядить фельдгегера. Г-нъ фельдгегеръ, почему у васъ черное перо въ шляпѣ, у васъ по формѣ должно быть бѣлое перо! И этого маскарада не умѣли сочинить, ступайте всѣ, довольно для меня забавы, идите и дайте мнѣ покой.

Тогда только мы взглянули и увидѣли, что дѣйствительно перо въ шляпѣ было черное; онъ объяснилъ, что свое бѣлое перо потерялъ дорогою,

а въ Иркутскѣ—нѣтъ бѣлыхъ перьевъ, то онъ и взялъ у пѣхотнаго офицера. Но каковъ же Ириней? Каково присутствіе духа, какая смѣлая черта характера! Но тутъ Брянчаниновъ, почти сажennaго роста, видя наглость Ириней, что-то шепнулъ ему на ухо, тогда архіерей поблѣднѣлъ и покорился, просилъ показать ему подпись государя на рескриптѣ, съ благоговѣніемъ сложилъ руки на груди и поцѣловалъ подпись.

Глухой, теплый и покойный возокъ былъ готовъ скоро. Ночью Брянчаниновъ усадилъ Ириней, заперъ дверцы на ключъ и взялъ его себѣ въ карманъ. По дорогѣ, запрещено было подходить къ возку, и Брянчаниновъ ни шагу не отступалъ отъ Ириней.

Лавинскій въ концѣ лѣта сказалъ мнѣ по секрету, что онъ около Рождества поѣдетъ въ Питеръ и не вернется въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ собственно мнѣ жить было хорошо, но человѣкъ не однимъ хлѣбомъ сытъ бываетъ. Отецъ мой видно постарѣлъ, смягчился, звалъ къ себѣ, да и мнѣ хотѣлось окупиться въ омутъ столичной суеты. У Лавинскаго я былъ акредитованъ, какъ пріятель; могу сказать, любимъ имъ, но пріѣдетъ новый генераль-губернаторъ, какъ сойдуся съ нимъ, оцѣнить ли онъ меня,—еще бабушка на-двое сказала. Всѣ эти соображенія рѣшили меня проситься о переводѣ въ Европу, что я и учинилъ, перекрестясь. Надѣясь на переводъ въ уваженіи долголѣтней моей службы въ Сибири, я занялся устройствомъ зимней повозки на 6.500 верстъ. Корабельные мастеровые состроили мнѣ крытую и щегольскую повозку; она вся скрѣплена была болтами на винтахъ; вмѣсто подрѣзей положены были цѣльныя полосы желѣза—помѣстительна, какъ корабль.

Въ позднюю осень пріѣхалъ на смѣну мнѣ лейтенантъ Николай Вуколовичъ Головинъ, я сдалъ ему адмиралтейство въ два дня. Выпалъ первый снѣгъ, я съ сожалѣніемъ простился съ спокойною и довольною жизнью въ Иркутскѣ, одѣлалъ всѣмъ визиты, благодарилъ за хлѣбъ за соль. Лавинскій далъ мнѣ прощальный обѣдъ, приказалъ мнѣ явиться къ нему въ Питерѣ. Нагрузилъ я свой сухопутный корабль: соболями, лисицами, бобрами, даренымъ чаемъ и, улегшись въ повозкѣ, отправился въ путь. Что сказать о дорогѣ? Въ Сибири рѣки—какъ рукава, горы упираются въ небо, долины не имѣютъ границъ, какъ горизонтъ моря, лѣса—это неизвѣстные океаны. Выгодиѣ всего ѣхать на вольныхъ: подѣзжаешь къ селу, у околицы встрѣчаютъ десятокъ и болѣе мужиковъ, одѣтыхъ по-дорожному, сидятъ на коренныхъ лошадяхъ въ хомутахъ, выбирай любого; плата за тройку—5-ть коп. ассигн. на версту, везутъ великолѣпно. Выбравъ мужика, подѣзжаешь къ его дому, самоваръ готовъ, рыбы, дичины, сметаны, меду — кушай, сколько душѣ твоей угодно, хозяева не возмуть ни копѣйки.



Изъ Иркутска въ Москву я пріѣхалъ въ 17-й день, полагаю, курьеръ скорѣе не пройдетъ. Отецъ мой былъ въ Москвѣ, онъ такъ обрадовался моему пріѣзду, что съ нимъ сдѣлалось дурно до обморока; но отъ радости, говорятъ, не умирають, поѣхали въ Золотилово. Въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Золотилова находится монастырь Колодской Божіей Матери; я зашелъ на могилу матери, и тутъ я до того расплакался, что меня сняли съ могилы безъ памяти. Съ тѣхъ поръ я ни на одну могилу близкихъ мнѣ не хожу, потому что не могу на могилѣ управлять своими чувствами. У меня были два брата во флотѣ, лейтенанты, и четыре сестры дѣвицы, всѣ родились безъ меня. Сестры бросились меня цѣловать, но когда я, шутя, сказалъ, что братецъ ихъ скоро пріѣдетъ, а я—его товарищъ, онѣ ударились въ слезы: можно ли сдѣлать такой проступокъ—цѣловать чужаго человѣка? Насилу утѣшилъ ихъ. Какъ-то я упомянулъ слово чортъ, онѣ всѣ поблѣднѣли, какъ полотно, и поглядѣли со страхомъ на печку, не вылѣзетъ ли онъ, такъ какъ имъ всегда говорили, что чортъ живетъ за печкою, вотъ какая патріархальность въ Золотиловѣ! Разгружая повозку, я просилъ свѣсить кладь, оказалось 40 пуд. Привезъ молодыхъ медвѣдей на шубу отцу, сестрамъ по лисьему и бѣличьему мѣху, осетровъ отцу и подарилъ ему повозку, которая дошла безъ починки. Всѣ были счастливы и довольны, особенно чванился шубою мой отецъ, а того не зналъ, что о медвѣдя въ Камчаткѣ вытирають ноги, и у меня былъ коверъ на полу во всю комнату, во въ Золотиловѣ завидовали отцу. Въ Золотиловѣ я прожилъ мѣсяцъ и отправился изъ Москвы на долгихъ въ Питеръ. Во время пребыванія въ Золотиловѣ всякій день пріѣзжали какіе-то родные, но кто они, я не зналъ и, даря каждому и каждой какую-нибудь вещьцу изъ Екатеринбургскихъ камней, я не досчитался около 300 штукъ.

Въ Москвѣ не видятъ знакомаго два дня—посылають узнать о здоровьѣ и охаютъ, узнавъ о смерти его. Въ Питерѣ не видятъ знакомаго годъ, и никто не вспомнить; окажутъ: умеръ—отвѣтять: то-то его давно не видать, и болѣе ни слова. Вотъ разница между Москвою и Питеромъ.

Въ Москвѣ жилъ въ отставкѣ Алексѣй Осиповичъ Поздѣевъ, онъ былъ моимъ корпуснымъ офицеромъ. Довольно необыкновенному моему имени я обязанъ, что меня почти всѣ называли не по фамиліи, а просто Эразмъ. Однажды, я очень залѣнился и, будто по неспособности къ наукамъ, перешелъ въ Артиллерійскій классъ (морская артиллерія гораздо ниже флота). При проходѣ по классамъ дежурнаго офицера, учитель вызывалъ обыкновенно бойкаго ученика. Я былъ вызванъ къ доскѣ и отвѣчалъ очень бойко. Поздѣевъ обратилъ вниманіе и спросилъ: Какой это классъ? Ему отвѣчали: Артиллерійскій.

- Какъ же ты, Эразмъ, попалъ сюда?
- По неспособности къ наукамъ, Алексѣй Осиповичъ.
- Вотъ какъ! Я не зналъ, явись-ка въ дежурную.

Я явился, и онъ отлично высѣкъ меня. Если бы не Поздѣвъ, то карьера службы моей была бы другая. Я многое припомнилъ и поѣхалъ къ почтенному благодѣтелю. Онъ былъ уже старикъ, извѣстенъ глубокою ученостію и какъ глава масоновъ въ Москвѣ. Поздѣвъ имѣлъ свой домъ у Сухаревой башни, былъ холостъ, принялъ меня съ большою радостію въ комнатѣ, полной масонскихъ знаковъ.

Москва вообще мнѣ не понравилась: это какой-то безпорядочный городъ. Высшее общество состоитъ изъ беззубыхъ противниковъ правительства, бесплодно болтающихъ и много кушающихъ. Лучше бы хотѣлъ жить въ Иркутскѣ, чѣмъ въ Москвѣ.

Изъ Москвы я ѣхалъ самымъ скромнымъ образомъ, останавливался на постоялыхъ дворахъ, пилъ, ѣлъ съ ямщиками, хотѣлъ пожить жизни русскаго народа и видѣлъ гомерическіе обѣды. Трудно вѣрить, что сѣдають русскіе люди. Њхалъ 10 дней на однихъ лошадахъ.

Питеръ—это омутъ политической жизни, Питеръ—пѣвка Руси: онъ поглощаетъ труды народа и возвращаетъ только крайне необходимое. Изъ Питера, какъ изъ солнца, вытекають лучи свѣта и тепла во всѣ концы громаднаго царства. Въ Питерѣ кипитъ жизнь одного дня, завтра забывается сегодня, всякій ловить, что можетъ поймать; пропустилъ моментъ, не поймалъ, мѣсяцы и годы не дождешься. Въ Питерѣ нѣтъ родныхъ и друзей; тамъ каждому до себя и только для себя. Въ Питерѣ громадныя дома, памятники, люди—но все такъ холодно и люди безучастны, какъ дома и памятники. Умѣй сдѣлаться необходимымъ, умѣй выдвинуться изъ толпы—на тебя обратятъ вниманіе, и тогда хватай, лови, пока не остыло вниманіе; отодвинулся на задній планъ, ты забытъ, ты не существуешь, твое мѣсто занято, и его не возвратишь.

Оставилъ я Питеръ чуть не юношею. Ласкавшая меня болѣе всѣхъ Анна Петровна Бунина давно умерла, братъ ея давно въ отставкѣ, сошелъ со сцены общественныхъ забавъ; аристократы поумирали, прожились и разѣхались въ оставшіяся непроданными съ аукціона деревни, и тамъ, забытые свѣтомъ, доканчивали жизнь, услаждаясь воспоминаніемъ своего значенія. Питеръ былъ для меня новымъ городомъ, и я вѣзжалъ въ него новымъ человѣкомъ въ 1833-мъ году на масляницѣ.

Живя въ Камчаткѣ, я такъ одичалъ, что не зналъ даже, что могу послать деньги прямо въ Опекунскій совѣтъ, а полагалъ, что для того

надо быть лично въ совѣтѣ. Поэтому накопившіяся деньги, время отъ времени, я высылалъ къ Бунину, прося его положить въ совѣтъ, и, въ разное время, высылалъ 20-ть тысячъ рублей. Являсь къ Бунину прежде столь блестящему, нашелъ его бѣднымъ старикомъ. Безъ меня онъ успѣлъ жениться, нажить четырехъ дочерей и овдовѣть, промотался, былъ безъ должности, перебивался, дѣлая долги. Увидѣвъ меня, онъ непритворно обрадовался, и не мудрено, онъ зналъ меня ребенкомъ и юношей, а теперь видѣлъ возмужалымъ штабъ-офицеромъ. Послѣ первыхъ изліяній, я просилъ его отдать мнѣ билеты на мои деньги. Бунинъ вышелъ въ другую комнату, вывелъ ко мнѣ четырехъ малолѣтнихъ дочерей и сталъ съ ними предо мной на колѣна, сознавая, что по крайней необходимости—мои деньги всѣ издержалъ. Комедія была эффектна, но мнѣ отъ того было не легче; кончилось тѣмъ, что Бунинъ далъ мнѣ заемныя письма, которыя и теперь валяются у меня, а 20-ть тысячъ, сбереженные моими лишеніями, пропали. Бунина я могъ бы преслѣдовать, но чтò я могъ получить съ нищаго? При томъ же, память моя рисовала, что Бунинъ былъ благотворною причиною того, что я могъ нажить эти деньги, что еслибъ не Бунинъ, то, вѣроятно, я зачахъ бы пискомъ уѣзднаго суда въ Можайскѣ.

Бунинъ хотя и впалъ въ ничтожество, но старыхъ связей не прервалъ. Онъ познакомилъ меня въ нѣсколькихъ порядочныхъ домахъ, у вице-губернатора Желѣзнова, у адмираловъ стариковъ, у нѣсколькихъ частныхъ лицъ, которыхъ я теперь и фамиліи забылъ. Важно было попасть мнѣ въ какое-нибудь общество, а тамъ я самъ проложилъ себѣ дорогу и сумѣлъ не быть лишнимъ. Женщины всегда и вездѣ были моими любимыми твореніями, съ ними у меня всегда шло ладно, съ ними я былъ всегда любезенъ, всегда начиналъ со старухъ и переходилъ къ молодымъ. Всѣ меня ласкали и прославляли.

Осмотрѣвшись и экипировавшись прилично, явился я въ морской инспекторскій департаментъ. Тамъ удивились, что я такъ долго ни къ кому не являлся по службѣ, и хотѣли сдѣлать изъ этого исторію; но я притворился одичавшимъ, забывшимъ служебные порядки. Помню, принялъ участіе во мнѣ директоръ департамента, контръ-адмиралъ Лермонтовъ. Онъ потребовалъ, чтобы и завтра же явился къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, тогда бывшему морскимъ министромъ. Я зналъ, что отъ перваго впечатлѣнія у князя будетъ зависѣть мое будущее во флотѣ; лучше скажу, я еще въ Иркутскѣ и въ дорогѣ много объ этомъ думалъ. Не скажу, чтобы я совершенно спокойно вошелъ къ князю. Бездна анекдотовъ и рассказовъ о немъ составили смутное понятіе въ моей головѣ объ его свѣтлости, но я держался пословицы моего отца «Богъ не выдастъ, — свинья не съѣстъ».

Князь жилъ въ домѣ на Англинской набережной. Кабинетъ его былъ въ большой комнатѣ, по стѣнамъ которой стояло много отдѣльных столовъ, заваленныхъ бумагами. Послѣ я узналъ, что каждый столъ былъ назначенъ особому управленію, такъ какъ князь много имѣлъ должностей: онъ былъ генералъ-губернаторъ Финляндіи, главнокомандующій всѣхъ войскъ, тамъ расположенныхъ, участвовалъ во многихъ комитетахъ и проч. и проч. Эта гениальная голова переходила отъ стола къ столу и равно легко занималась самыми разнообразными предметами.

Князь былъ съ меня ростомъ, обстриженъ подъ гребенку, ни усовъ, ни бакенговъ не было. Одѣтъ онъ былъ въ старый форменный сюртукъ—безъ эполетъ и всегда застегнутъ. Онъ скорѣе былъ худощавъ; глаза живые, голубые, почти никогда не смотрѣлъ на говорящаго, слушалъ очень внимательно. Лишь только я вошелъ, князь поднялся со стула у одного изъ столовъ и лѣниво подошелъ ко мнѣ. Первое, что поразило меня—постоянная непріятная улыбка князя, никогда не сходявшая съ его лица. Я сказалъ, что прибылъ изъ Камчатки. Онъ отвѣтилъ, что помнить, какъ я долго служилъ тамъ, и что я былъ въ Иркутскѣ. Память князя была изумительна, онъ не могъ забыть никакой мелочи—это былъ цѣлый архивъ и дипломатіи и исторіи всего свѣта, человѣкъ очень острый. Я стоялъ передъ княземъ и излагалъ ему мои проекты, которыхъ я подготовилъ нѣсколько, напримѣръ: объ уничтоженіи адмиралтейства въ Иркутскѣ и флотиліи на Байкалѣ и проч. Князь слушалъ меня со вниманіемъ, разматывалъ меня, какъ клубокъ, держа крѣпко въ рукахъ нитку; я опасался не удовлетворить его, — тогда вся моя затѣя пойдетъ прахомъ. Поэтому я придумалъ замолчать на довольно интересномъ мѣстѣ; князь, тоже помолчавъ, сказалъ:

— Продолжайте, я васъ слушаю.

— Не могу, ваша свѣтлость.

— Отчего?

— Вы очень умны, и я чувствую свое ничтожество. Я въ жизни не говорилъ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы.

— Ну, я буду молчать, а вы говорите.

— Не могу, ваша свѣтлость, у меня совершенно пусто въ головѣ, я никогда не испыталъ подобнаго состоянія, извините, я не могу болѣе говорить съ вами, я столько лѣтъ не видалъ глубоко ученыхъ людей.

— Ну, я вижу, что вы одичали; поживите въ Петербургѣ, ходите ко мнѣ по четвергамъ пить чай, прощайте.

Сошло съ рукъ лучше, чѣмъ я ожидалъ; ловкая лестъ никогда не измѣняла мнѣ. Мнѣ нужно было пожить въ Питерѣ, чего я и достигъ, и достигъ того, что обратилъ вниманіе князя. По четвергамъ я ходилъ къ

князю на чай, у него бывали только его адъютанты—все юноши и еще два, три юных мичмана. Кромѣ двухъ чашекъ чая мы ничего не получали. Князь былъ простъ въ обращеніи, шутилъ съ мальчишками, дразнилъ ихъ и безъ церемоніи говорилъ: «прощайте!»

Прошло болѣе мѣсяца, а я живу въ Питерѣ, хотя мой экипажъ былъ въ Кронштадтѣ, куда я боялся окунуться, какъ въ мутный омутъ. Прихожу разъ въ департаментъ. Тогда былъ построенъ великолѣпный пароходъ «Александрія» для государыни. Въ департаментѣ мнѣ показали, что князь своею рукою назначилъ меня командиромъ парохода. Я сообразилъ, что эта служба не по мнѣ, и прямо сказалъ директору, что не хочу такого назначенія. Онъ мнѣ замѣтилъ, что всякій сочтетъ за счастье быть командиромъ такого прекраснаго парохода, и что теперь переѣхать уже нельзя. Я тутъ же, въ департаментѣ, написалъ къ князю, благодарилъ его за назначеніе, но просилъ его уволить меня. Директоръ упрасивалъ не посылать письма, потому что не было примѣра, чтобы кто осмѣлился такъ писать къ князю. Я, напротивъ, просилъ директора подать мое письмо, думая, что иногда дерзость даетъ успѣхъ, особливо у такого человѣка, какъ князь. И дѣйствительно, прочитавъ письмо, князь улыбнулся и сказалъ: «вишь, камчадалъ!»

Не помню, черезъ сколько времени позвалъ меня князь и сталъ продолжать вопросы, именно съ того пункта, на которомъ я замолчалъ первый разъ. Я поговорилъ немного, но опять признался, что мнѣ очень трудно говорить съ нимъ.

— Ну, такъ какъ же намъ объясниться?—спросилъ онъ.

— Дозвольте, ваша свѣтлость, мнѣ написать,—отвѣчалъ я.

— А, такъ вы литераторъ?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, но, писавши, я буду свободенъ отъ вашихъ глубоко логическихъ вопросовъ.

— Хорошо, пишите, только не стихами, въ нихъ я ничего не понимаю.

Проекты у меня были готовы еще прежде. На другой день я принесъ порядочную тетрадь къ князю. Тутъ я видѣлъ, какъ изумительно быстро онъ читаетъ, почти безъостановочно перевортывалъ листъ за листомъ и, кажется, остался доволенъ.

Прочитавъ, онъ со своею всѣмъ извѣстною улыбкою, сказалъ мнѣ:

— Ни я, ни вы, мы не можемъ хорошо понять пользы вашего предположенія, а знаете ли вы Совѣтъ адмиралтейства?

— Нѣтъ.

— Такъ я вамъ скажу; тамъ сидятъ первые мудрецы, это собраніе умнѣйшихъ головъ, они все знаютъ. Завтра, я пошлю къ нимъ вашу записку на обсужденіе; что они скажутъ, того уже никто не переѣмнитъ. Явитесь завтра въ Совѣтъ, да не робѣйте.

На другой день я явился въ Совѣтъ и нашелъ тамъ: Головина и Васильева, знакомыхъ мнѣ по Камчаткѣ. Оба узнали меня, приняли ласково, какъ знакомаго, и спросили: чего я хочу? Я откровенно сказалъ, что хочу пожить въ Питерѣ. Совѣтъ сдѣлалъ постановленіе: рассмотреть въ очередь проекты Стогова, но, для необходимыхъ объясненій, предписать ему не отлучаться изъ Петербурга, а для жительства выдать департаменту билетъ. Вотъ какъ ловко и удачно устроились мои служебныя дѣла. Мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Кронштадтъ, а жить въ Питербургѣ болѣе недѣли—не дозволялось.

Какъ же устроилась моя жизнь въ Питерѣ? Соболей, лисицъ, бобровъ я продалъ, и оказалось у меня болѣе 20.000 руб. ассигнаціями. Я рѣшилъ: за постъ и діету въ удовольствіяхъ, живя въ Сибири, выпить полную чашу доступнаго наслажденія. Я былъ каждый день въ театрѣ, и тутъ памятная мнѣ удача. Разъ прихожу взять билетъ, продающій говоритъ:

— Только остались билеты въ заднихъ рядахъ.

— Дѣлать нечего, пожалуйста.

— Какъ прикажете васъ записать?

Я сказалъ свою фамилію.

— Позвольте васъ спросить: не родственникъ ли вамъ Стоговъ, капитанъ артиллеріи?

— Да, родственникъ.

— Ахъ, батюшка, такъ позвольте намъ счестся своими.

— Душевно радъ. И подай руку.

— Такъ позвольте вашъ билетъ. Вотъ вамъ во второмъ ряду, да когда угодно быть вамъ въ театрѣ, то всегда можете получить даровой билетъ.

Я еще пожалъ плутовскую руку и, любезно благодаря, принялъ предложеніе. Конечно, мнѣ не нужно объяснять, что никакого родственника Стогова я не зналъ и не встрѣчалъ. Эта глупая штука пригодилась мнѣ болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Приѣхала въ Питеръ тогдашняя европейская знаменитость, трагическая актриса, Ванъ-Гагенъ. Заволновался Питеръ. Помню, первая пьеса шла: «Донъ-Карлосъ», трагедія Шиллера. За мѣста въ театрѣ платили вдесятеро. Хотя я и не понималъ ничего по-нѣмецки, но нельзя было не посмотреть на знаменитость и на публику. Я нашелъ себѣ мѣсто въ ложѣ сибирскаго откупщика Пономарева, хорошаго моего пріятеля. Въ день представленія, вечеромъ, я пью чай у директора департамента Лермонтова и вижу, что всѣ страшно суетятся. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ уже два дня хлопоталъ достать ложу въ театръ и не могъ. Время подходило ѣхать въ театръ, надежды потеряны. Я подумалъ, дай попробую воспользоваться покровитель-

ствомъ родственника: написалъ самую ласковую записку и просилъ роднаго не отказать въ какой-нибудь ложѣ и приложилъ деньги. Каково же было удивленіе, когда возвратившійся курьеръ привезъ билетъ на ложу, а на запискѣ было написано: «для роднаго послѣдняя». Это показалось всѣмъ чѣмъ-то магическимъ; жена Лермонтова чуть не цѣловала меня, а мужъ клялся, что все для меня сдѣлаетъ, и сдѣлалъ, какъ видно будетъ послѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



## Запрещеніе устраивать императору встрѣчи.

*Рескриптъ новгородскому гражданскому губернатору Оболянинову.*

1-го сентября 1801 г. Чудово.

Хотя передъ настоящимъ путешествіемъ моимъ объявлено было повсемѣстно приказаніе, чтобъ по дорогѣ ни встрѣчать для меня, ниже другихъ особыхъ приготовленій, излишнюю тягость обывателей составляющихъ, не было; однакожь не избѣжалъ я неудовольствія видѣть зажженные по обѣимъ сторонамъ дороги огни. Каковая иллюминація продолжалась на цѣломъ 16-ти верстномъ разстояніи къ Чудову и сколько сама по себѣ была бесполезна, столь наипаче тягостна жителямъ, къ ней употребленнымъ, а въ селеніяхъ даже подвергала опасности пожара. Давая вамъ предварительно знать, что подобныя распоряженія, вопреки воли моей учиненныя, для меня не угодны, я требую, чтобъ оныя тотчасъ отмѣнены были не только въ губерніи, вамъ порученной, но чтобы вы извѣстили о семъ и сосѣднюю, Тверскую, дабы и тамъ равномерно никакихъ излишностей не было, а иначе начальники губерній будутъ въ томъ отвѣтствовать неминуемо.







## Къ біографіи Н. М. Языкова.

### Годы студенчества.

#### 1.

**Въ** концѣ 1822 года, послѣ нѣсколькихъ неудачъ въ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, прибылъ въ Дерить для приготовленія къ университетскому экзамену девятнадцатилѣтній юноша Н. М. Языковъ. Онъ уже съ успѣхомъ началъ печатать стихотворенія въ журналахъ, но въ своемъ домашнемъ кругу чувствовалъ и держалъ себя не привыкшимъ къ самостоятельности подросткомъ. Въ семьѣ дотога приучили его къ строжайшему и безпрекословному подчиненію старшимъ, что даже въ выборѣ для него учебныхъ заведеній соображались не съ личными его наклонностями, а съ примѣромъ его старшихъ братьевъ. Отсюда, конечно, и происходили его постоянныя школьныя неудачи, къ которымъ онъ наконецъ привыкъ дотога, что ни мало ями не смущался.

При необыкновенномъ добродушіи юнаго поэта и величайшемъ отвращеніи его къ серьезнымъ заботамъ, онъ и не думалъ тяготиться такой строгой зависимостью, считая ее для себя необходимой, что и было справедливо, потому что странная система воспитанія убила въ немъ всякое стремленіе къ самостоятельности. Онъ нисколько не старался скрывать своего легкомысленнаго, почти дѣтскаго отношенія къ жизни и къ тѣмъ учебнымъ занятіямъ, которыя требовали отъ него хотя малѣйшаго напряженія. Охотно читая многія историческія сочиненія и произведенія русской и иностранной литературы, онъ частосердечно признавался въ нелюбви къ геометріи. «Дѣлать нечего: скрѣпляюсь духомъ и черчу геометрическія фигуры... Сколько стиховъ отняла у ме-

ня богиня чиселъ и прочаго математическаго!... Но Богъ съ ней: я думаю, она и сама не рада бесѣдовать съ человѣкомъ, который не радъ ей».

Откровенный юноша держалъ себя на распашку и не маскировалъ своей лѣни и безпечности, которыми зарекомендовалъ себя до такой степени, что всѣ, кто его зналъ, единодушно сходились въ томъ, что ему необходима самая заботливая опека. Всею душой привязавшійся къ нему студентъ Свербеевъ, у котораго онъ временно пріютился послѣ отъѣзда братьевъ на родину, настоятельно высказывалъ убѣжденіе, что предоставлять ему свободу очень опасно. Къ счастью, онъ и не стремился къ ней, и когда послѣ отъѣзда Свербеева за границу, ему представился случай воспользоваться ею, онъ сильно тяготился своимъ непристроеннымъ положеніемъ и былъ въ восторгѣ, когда счастливая звѣзда выручила его изъ затрудненія: дерптскій лекторъ русскаго языка и журналистъ Воейковъ, редакторъ «Новостей Литературы», оценивъ поэтическій талантъ Языкова и желая имѣть его сотрудникомъ, пригласилъ его въ Дерптъ. Этотъ проектъ былъ съ радостью принятъ и одобренъ на родственномъ совѣтѣ въ виду тогдашней высокой репутаціи Дерптскаго университета, и оставалось поскорѣе осуществить его. Но не такова была натура юнаго эпикурейца, чтобы спѣшить исполненіемъ задуманнаго, и прошло еще не мало времени до отъѣзда его въ Дерптъ.

## II.

Съ дерптскимъ періодомъ жизни Языкова справедливо соединяють представленіе о самой безпашанной и разгульной жизни. Поэтому считаемъ не лишнимъ рассказать о томъ, что онъ далеко не сразу вошелъ во вкусъ студенческаго разгула и даже сначала отзывался о немъ съ рѣзкимъ и нескрываемымъ порицаніемъ, такъ что совершившееся въ немъ внезапное превращеніе въ распущеннаго бурша можетъ быть объяснено единственно крайней неустойчивостью и нетвердостью его характера.

Сперва это просто былъ юноша жизнерадостный, веселый, безпечный, большой охотникъ поболтать и повеселиться въ обществѣ, острый на языкъ, но безъ малѣйшей желчи. Его рѣзкія сужденія, облеченныя въ забавную юмористическую форму и искраціяся молодымъ игривымъ остроуміемъ, поражали мѣткостью и неожиданностью, а такъ какъ, при своемъ мягкомъ и добродушномъ характерѣ, онъ никого не хотѣлъ задѣвать, то ничто не мѣшало любоваться блестящимъ фейерверкомъ его дешевой, но не ядовитой шутливости. Особенно было въ его обычаѣ выставлять на видъ всякую фальшь и приподнятый тонъ; такъ,

прочитавъ въ одной изъ біографій И. И. Дмитріева напыщенную фразу: «Симбирскъ отличался всегда передъ прочими губернскими городами успѣхами въ общежитіи и свѣтской образованности», Языковъ, находя забавнымъ такое риторическое заявленіе о своемъ родномъ городѣ, не удержался отъ восклицанія: «ежели это правда, то что же за дрянн эти прочіе губернскіе города!»... Легкомысленность многихъ его сужденій до нѣкоторой степени скрашивалась его находчивостью и рѣдкой начитанностью; при томъ онъ былъ, несомнѣнно, весьма даровитъ и мастеръ вести живую и занимательную бесѣду, въ которой всегда свѣтился большой природный умъ. Благодаря указаннымъ свойствамъ, онъ чрезвычайно легко сходился съ людьми, особенно съ такими же молодыми и безпечными, какъ онъ самъ, и незамѣтно и быстро умѣлъ привлекать ихъ къ себѣ. При такихъ задаткахъ изъ него могъ бы выдти, пожалуй, человѣкъ серьезный и полезный, съ благотворнымъ вліяніемъ на другихъ, если бы онъ во-время получилъ лучшее направленіе; но съ другой стороны несомнѣнно, что уже съ самаго начала у него было много данныхъ и для той самой роли, которая вскорѣ выпала ему среди дерптской молодежи, откуда онъ могъ почерпнуть столько же хорошаго, сколько и дурного, если бы несчастный, неустойчивый характеръ его не далъ перевѣса именно наименѣ желательнымъ вліяніямъ. Но пока онъ привезъ съ собой отголоски иного круга и иныхъ впечатлѣній.

### III.

Въ послѣдніе мѣсяцы своей петербургской жизни Языковъ до самозабвенія предавался театру. Его впечатлительная, увлекающаяся душа была исполнена благоговѣнія къ корифеямъ сцены, Каратыгину и Семенову, и, можетъ быть, потому-то именно ему и не хотѣлось скоро оставить столицу. Въ его первыхъ дерптскихъ письмахъ особенно ярки и свѣжи слѣды петербургскихъ театралныхъ впечатлѣній. Между прочимъ онъ сильно волновался однажды слухомъ о заключеніи (будто бы по доносу извѣстнаго генерала Милорадовича) тогдашняго кумира молодежи, В. А. Каратыгина за то, что онъ, не замѣтивъ по разсѣянности проходившаго мимо своего бывшаго начальника, экидиректора Шаховского, не подошелъ къ нему навстрѣчу. Но особенно занимали Языкова разные анекдоты и забавныя приключенія, которые онъ любилъ передавать въ юмористическомъ видѣ. Такъ онъ писалъ однажды: «Недавно въ театрѣ случилось непріятное приключеніе съ С\*.; онъ пришелъ въ кресла, исполненный Бахуса, и завелъ такую хлопотню (апплодированіе) руками и такой крикъ изустный, что его на другой день отправили въ крѣпость святыхъ Петра и Павла. При семъ

случаѣ онъ публично и даже неблагопристойно разбранилъ въ театрѣ одного чиновника министерства инквизиціи и, какъ говорятъ, за это будетъ впредь до повелѣнія высочайшаго подѣ спудомъ».

Таковъ былъ Языковъ до переселенія своего въ Дерптъ; всѣ мысли его были прикованы къ театру, любимымъ его времяпровожденіемъ было посѣщеніе знакомыхъ домовъ и радушный пріемъ гостей у себя, но онъ пока не успѣлъ отвыкнуть отъ семейнаго режима и его совсѣмъ не тануло тогда къ пирушкамъ и вакханаліямъ.

#### IV.

Первое время по пріѣздѣ въ Дерптъ, Николай Михайловичъ чувствовалъ тоску одиночества и сильно тяготился чуждой обстановкой, пообыкновенію ожидая выхода изъ затрудненій отъ своихъ старшихъ братьевъ. Полтора мѣсяца въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ посылалъ онъ къ нимъ письмо за письмомъ, прося совѣтовъ, какъ поступить съ собой, какую нанять квартиру; умолялъ, чтобы къ нему пріѣхала мать. Тутъ въ первый разъ, оставшись безъ привычнаго руководительства, нашъ юноша вкусилъ горечи житейскихъ заботъ и чувствовалъ себя какъ ракъ на мели. Прежде регламентировали каждый его шагъ—и вдругъ бросили въ самое трудное время. Всѣ письма упорно оставались безъ отвѣта, какъ послѣ объяснилось, потому, что старшій братъ, Петръ Михайловичъ, извѣстный минералогъ, только что избранный въ почетные члены Московскаго общества испытателей природы и задумавшій жениться, съ одной стороны былъ усиленно поглощенъ учеными трудами, а съ другой—предстоявшей свадьбой. Не зная, какъ возратить себѣ попеченія неожиданно прекратившаго переписку брата, Языковъ такъ писалъ Петру Михайловичу: «Не стану упрекать васъ, любезнѣйшій братецъ, въ неответности на письма мои, ибо теперь совершенно увѣрился въ напрасности такого труда. Не стану просить васъ писать хотя понемногу, ибо недействительность многихъ прошеній по сей части убѣждаетъ, что вы не умилились бы и тогда, когда бы я вдвое болѣе потерялъ крови, досадуя на ваше Единому Всевѣдцу постижимое молчаніе. Богъ да разсудитъ насъ въ семъ случаѣ, и надѣюсь, что на вѣсахъ правды я получу преимущество: на моей сторонѣ лежитъ огромный пукъ писемъ, а на вашей только одно письмо, если можно назвать симъ именемъ каталогъ сѣмянъ».

До какой степени томительное ожиданіе удручало юношу, видно изъ его отчаянныхъ сѣтованій на невыносимость неопредѣленнаго положенія; онъ съ горечью ропщетъ между прочимъ на то, что, пріискивая себѣ квартиру, онъ всюду высматриваетъ афиши на столбахъ, но все-таки

не знаетъ, на что рѣшиться, «ибо», прибавляетъ онъ, «не имѣю чести знать, что вы думаете, когда молчите».

Приведенныя строки достаточно рисуютъ растерянность Языкова, совсѣмъ не обрадовавшагося тому, что слѣпой случай, на первыхъ же порахъ его дерптской жизни, предоставилъ ему ту самую свободу, которую для него считали такой опасной и гибельной, и которой онъ самъ боялся больше огня. Но вскорѣ, благодаря рекомендаціи Воейкова, ему удалось помѣститься у почтеннаго профессора Борга, который отъ души полюбилъ веселаго и общительнаго юношу, сразу ставшаго въ его семействѣ пріятнымъ домашнимъ человѣкомъ. Будучи полезенъ Языкову практикой въ нѣмецкомъ языкѣ, Боргъ, въ свою очередь, нашелъ неоцѣнимый кладъ въ своемъ молодомъ другѣ, помогавшемъ ему въ изученіи русокой литературы. Послѣднюю Боргъ зналъ уже хорошо для иностранца, но желалъ усовершенствовать свои познанія въ этой области и получить овладѣть русскимъ языкомъ. Но главное, Языковъ, при своихъ хорошихъ средствахъ, не затруднялся выписывать русскія книги изъ Петербурга, а въ тѣ времена въ Дерптѣ было чрезвычайно трудно доставать ихъ, не исключая даже расхोдившейся тогда въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ «Исторіи государства Россійскаго».

## V.

Едва свалилась съ плечъ Языкова забота объ устройствѣ въ чуждомъ городѣ, какъ его настроеніе снова начинаетъ дышать беззаветнымъ ликованіемъ, не смотря даже на то, что нѣкоторое время все еще чувствовалось порой, что сообщительный юноша тяготится незнаніемъ нѣмецкаго языка, вслѣдствіе чего, даже по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ пріѣзда, онъ признавался, что нравы дерптскіе ему мало извѣстны. Пока онъ ограничивался тѣмъ, что присматривался къ нимъ со стороны и съ свойственнымъ ему лукавымъ добродушіемъ подмѣчалъ слабыя стороны нѣмцевъ и относился къ нимъ юмористически.

По поводу посѣщенія нѣсколькихъ рекомендованныхъ ему Боргомъ семействъ Языковъ замѣтилъ: «Главная черта здѣшнихъ жителей—трубки и пиво». Подшучивалъ онъ и надъ некрасивыми дерптокими дѣвушками:

„По чести, попрекнуть нельзя  
Красавицъ здѣшнихъ недостаткомъ:  
У каждой изъ носу, друзья,  
Два носа выкроншь съ остаткомъ“.

Но ему нравилась скромность замужнихъ женщинъ: «Мнѣ особенно нравятся нѣмецкія жены: онѣ чрезвычайно любятъ мужей своихъ и всѣ хорошія хозяйки; образованы, веселы».

\*

Поселившись у Борга, Языковъ, казалось, попалъ въ надежныя руки, но это обстоятельство только напрасно усыпило бдительность братьевъ. На первыхъ порахъ онъ былъ въ великомъ восторгѣ отъ своихъ хозяевъ и не безъ самодовольствія писалъ: «Я здѣсь живу по-нѣмецки; мнѣ очень нравятся эта жизнь, и не опасаясь скуки, не смотря на малое число знакомыхъ». Очень возможно, что, при гибкости своего характера и чрезвычайной привязанности, Языкову хотя отчасти удалось бы втянуться въ скромную трудовую жизнь почтенной нѣмецкой семьи, которой интересы были ему не чужды. Въ домѣ Борга Языковъ съ упоеніемъ предавался чтенію Шиллера, особенно его «Донъ Карлоса». Однажды онъ писалъ одному изъ братьевъ: «Торжественно и радостно объявляю тебѣ—что бы ты думалъ? Вѣрно, какое-нибудь новое произведеніе неугомонной музы твоего поэта-молокососа? Нѣтъ! Вѣрно, вступленіе въ университетъ? Нѣтъ!... Что же? А вотъ въ чемъ дѣло: это стоитъ дороже, это важнѣе, пріятнѣе и восхитительнѣе для меня всѣхъ моихъ настоящихъ и прошедшихъ произведеній, всѣхъ возможныхъ вступленій въ университетъ, всѣхъ степеней ученыхъ... Это... это... я читаю «Донъ Карлоса»! «Донъ Карлоса»!

Итакъ дѣло пошло было хорошо, но на бѣду Боргъ былъ страшно заваленъ служебными обязанностями, такъ что молодому поэту скоро пришлось съ грустью убѣдиться, что, не смотря на жизнь въ нѣмецкомъ семействѣ, практика въ языкѣ все-таки подвигается туго, такъ что приходилось убивать время въ ежедневныхъ упражненіяхъ съ женой Борга въ пикетъ и другія карточные игры исключительно ради разговора. И вотъ, вмѣсто приготовленій къ экзамену, онъ, по своему пылкому темпераменту, началъ увлекаться «этой женщиной хорошей и тѣлесно и нравственно».

Пришлось подумать о пріисканіи себѣ новой квартиры. А тутъ какъ нарочно одинъ знакомый нѣмецъ, желая самъ поучиться по-русски, предложилъ Языкову поселиться вмѣстѣ въ интересахъ взаимнаго обученія.

Рѣшивъ такимъ образомъ перейти отъ Борга на отдѣльную квартиру и устроиться независимо, Николай Михайловичъ, какъ всѣ слабохарактерные люди, напускаетъ на себя развязность и категорически заявляетъ братьямъ, что въ его годы уже поздно охранять его профессорскимъ надзоромъ отъ увлеченій и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнѣйшимъ образомъ кается, что можетъ «лишь съ неувѣренностью» располагать своими дѣйствіями, постоянно опасаясь какихъ-нибудь препятствій, всегда возможныхъ для того, который, можетъ быть, еще не зависитъ отъ своей воли». Уже тогда на свое пребываніе въ Дерптѣ Языковъ смотрѣлъ, по собственному сознанію, какъ на скучную временную станцію, необходимую для пріобрѣтенія привычки къ труду. «Едва-ли»—пишетъ онъ—«я останусь въ Дерптѣ цѣлые три или четыре

года: я прїѣхалъ сюда почти не затѣмъ, чтобы учиться (что можно было бы и дома, еслибъ не...); мнѣ нужно гораздо болѣе научиться учиться».

## VI.

Сдѣлавшись студентомъ, Николай Михайловичъ сгоряча рѣшилъ погрузиться съ головой въ занятія науками и литературой, а къ неработающимъ студентамъ относился съ почти нескрываемымъ презрѣніемъ. Въ своихъ письмахъ онъ мѣтко и язвительно характеризуетъ слабыя стороны академической жизни. Между прочимъ однажды онъ такъ отзывался о своихъ коллегахъ: «здѣсь студенты живутъ очень весело; занимаются больше танцами и фантами, и часто звонъ ихъ внутренней колокольни заглушаетъ профессорскія лекціи». Въ непривлекательномъ видѣ рисуетъ онъ нравы студентовъ, передавая съ насмѣшкой разные случаи, происходившіе въ студенческой «мушѣ» (такъ называлось отдѣленіе клуба). Объ одномъ отрекомендованномъ Воейковымъ студентѣ въ качествѣ дѣльнаго и полезнаго товарища онъ съ неудовольствіемъ замѣчаетъ, что «балы—его факультетъ», о другихъ говоритъ, что «танцы вытряхиваютъ умъ изъ ихъ головы», а за себя радуется, что ему, какъ поэту, въ числѣ другихъ льготъ, позволяли не танцевать. Съ пренебреженіемъ относясь даже къ такимъ невиннымъ развлеченіямъ, какъ танцы, нашъ поэтъ усердно погружался въ чтеніе нѣмецкихъ поэтовъ, а также Горація, Кальдерона, Тибулла, Сафо и проч. И все это воспринималось всей душой, съ горячимъ упоеніемъ поэта и эстетика по натурѣ. Убѣжденный въ необходимости изученія иностранныхъ языковъ для расширенія своего литературнаго образованія, онъ не оставлялъ занятій даже греческимъ языкомъ, за который принялся по совѣту Жуковского, считавшаго незнаніе этого языка важнымъ пробѣломъ въ собственномъ образованіи.

Но при крайне недисциплинированномъ характерѣ, при неумѣнн устраниать препятствія и привычкѣ всегда плыть по теченію, Николай Михайловичъ не былъ въ состояніи долго выдержать назначенный себѣ режимъ и отрѣшиться отъ соблазновъ окружающей жизни; скоро и незамѣтно онъ впалъ въ противоположную крайность. Сперва только для необходимаго освѣженія онъ изрѣдка и равнодушно заглядывалъ на вечера и маскарады, явно пренебрегая условными требованіями мѣстнаго студенческаго кодекса, чѣмъ, при своей несдержанной откровенности, рисковалъ, можетъ быть, вызвать неудовольствіе цѣлой корпораціи или навлечь на себя дуэль, если бы многое не простиалось ему за его поэтическій талантъ. Но вотъ мало-по-малу въ силу общительнаго характера онъ сблизился кое-съ-кѣмъ изъ товарищей, сталъ къ нимъ привѣтливъ и ласковъ, и вскорѣ, съ непостижимой быстротой, объяс-

няемой только баснословной безхарактерностью, въ немъ совершился крутой переходъ отъ иронически-несдержаннаго отношенія къ товарищамъ къ постоянному и дѣятельному участію въ ихъ же кружкахъ и кутежахъ. Талантъ и литературная слава привлекали къ нему поклонниковъ и создали ему оригинальную роль пѣвца свободныхъ студенческихъ гимновъ. Къ нему стали собираться въ множествахъ и проводить цѣлыя ночи въ разгулѣ. Девизомъ были провозглашены пѣсни, вино и свобода. Гостепріимный хозяинъ, упоенный волшебнымъ обаяніемъ молодого веселья и окруженный роемъ прославляющихъ его въ торжественномъ ликованьи удалыхъ буршей, не стѣсненный при томъ матеріальными средствами, широко распахнулъ двери для веселыхъ гостей, толпящихся около его триумфальной колесницы. Николай Михайловичъ уже не примиряется съ такой жизнью—онъ очарованъ и упоенъ и забылся въ чадѣ пиршественныхъ тостовъ и вакхической поэзіи. Стоило ему только единый шагъ сдѣлать въ этомъ скользкомъ направленіи—и все пропало: возвратъ на колею благоразумія, на которой онъ и раньше едва могъ держаться, сдѣлался для него невозможенъ. И вотъ оказался пропущеннымъ критическій моментъ, котораго не предусмотрѣли его заботливые братья, надѣявшіеся всегда направлять его по своему благоусмотрѣнію и не подозревавшіе самой ошибочности даннаго ему направленія, и трагически оправдалась извѣстная пословица объ излишней попечительности. Казалось, даровитому юношѣ суждено было въ жизни явиться яркимъ, прекраснымъ свѣтиломъ и подобала ему завидная доля избранника. Удачно составилъ онъ себѣ прекрасно обдуманнѣйшій планъ ученія, и нужно было спѣшить его выполнить. Но рано избаловавшая своего фаворита литературная слава, постоянное восхваленіе увлекающейся молодежью пріучило поэта возлагать обширныя надежды на будущее, не думая о томъ, что съ каждымъ днемъ невозвратно уходитъ время для ихъ осуществленія.

Впрочемъ не совсѣмъ безъ пользы оставался Языковъ такъ долго (1822—1829 г.) въ Дерптѣ. Онъ съ увлеченіемъ слушалъ нѣкоторыя лекціи и относился къ нимъ съ живымъ интересомъ. Въ то время исполнявшій обязанности ректора профессоръ исторіи Эверсъ воодушевлялъ своими лекціями слушателей; Языковъ также восторгался ихъ простотой, убѣдительною и ясностью, а главное—замѣчательнымъ даромъ профессора изображать характеры. Больше всего его приводили въ восхищеніе чтенія Эверса о Годуновѣ, изложенныя безъ эффектовъ, но талантливо и ярко. Подъ впечатлѣніемъ этихъ лекцій, сильно дѣйствовавшихъ на воображеніе молодого поэта, Языковъ съ великимъ нетерпѣніемъ ждалъ выхода соотвѣствующихъ томовъ исторіи Карамзина, предвидя, что изображеніе такой замѣчательной личности должно выйдти особенно блестящимъ изъ подъ-пера знаменитаго исторіографа.



VII.

Современі вступленія въ университетъ Николай Михайловичъ былъ признанъ наконецъ взрослымъ въ семейномъ кругу: онъ уже получилъ нѣкоторую возможность располагать собой въ вопросахъ домашняго устройства, но эта свобода касается только мелочей; въ остальномъ продолжается въ полной мѣрѣ зависимость отъ братьевъ, по-прежнему за-вѣдывавшихъ его денежными дѣлами, и очень часто, по небрежности или, напротивъ, въ силу сознательнаго намѣренія удержатъ неблаго-разумнаго молодого человѣка отъ лишнихъ расходовъ, туго удовлетво-рившихъ его постоянныя просьбы. Такое положеніе вещей сохранилось уже навсегда и въ значительной степени объясняется тѣмъ, что имѣ-ніе братьевъ не было раздѣлено до самой смерти Николая Михайлови-ча. Онъ продолжаетъ совѣтоваться съ братьями о каждомъ своемъ ша-гѣ и ничего не предпринимаетъ безъ ихъ согласія, продолжая въ то же время давать обстоятельный отчетъ въ своихъ поступкахъ и образѣ жизни.

Но въ чемъ же въ такомъ случаѣ заключалась нѣкоторая свобода, предоставленная нашему студенту? Съ виѣшней стороны перемѣна бы-ла замѣтная: даже къ старшему брату, Петру, Николай Михайловичъ относился теперь въ письмахъ какъ къ равному и обращался къ нему на ты; самый тонъ писемъ изъ сдержанно-почтительнаго переходитъ въ свободный и дружескій. Мало того: теперь уже въ качествѣ взрос-лаго его привлекаютъ къ заботамъ о воспитаніи младшей сестры, Пра-сковьи Михайловны, которую онъ нѣжно любилъ и называлъ ласковымъ именемъ: «Пируши»<sup>1)</sup>. На короткое время онъ горячо принялъ къ серд-цу эти заботы; совѣтовалъ сестрѣ прочесть исторію Карамзина, стихо-творенія Жуковского, комедію Грибоѣдова «Горе отъ ума» и убѣди-тельно говорилъ о значеніи труда, горячо признаваемаго имъ въ тео-ріи. Онъ даже упрекалъ старшихъ братьевъ за недостаточную заботли-вость о сестрѣ. Но такое рвеніе продолжалось только, пока ему льсти-ла новая роль и пока онъ принималъ за высокую и чуть ли не за незаслуженную честь участіе въ семейныхъ заботахъ. Сначала ему не вѣрилось, ему было странно и дико, что наконецъ и его удосто-или небывалой чести, признавая его за зрѣлаго человѣка, имѣюща-го право голоса въ серьезныхъ вопросахъ. Въ концѣ концовъ искрен-нія, но запоздалыя попытки поставить его голосъ на надлежащую

---

<sup>1)</sup> Въ семьѣ Языковыхъ существовало обыкновеніе давать другъ другу прозвища: Александръ Михайловичъ прозывался Дюкъ, Николай Михайло-вичъ—Вессель, Прасковья Михайловна—Пикоть и Пируша, Катерина Ми-хайловна (впослѣдствіи Хомякова)—Котель.

степень авторитетности въ вопросахъ семейнаго совѣта не привели къ положительнымъ результатамъ...

А между тѣмъ, повторяемъ, этотъ юноша былъ уже всѣми признанный поэтъ, сотрудничества котораго настойчиво добивались журналы, до такой степени дорожа его подписью, что у него просили разрѣшенія выставить ее, если онъ почему-нибудь затруднялся этимъ; а Воейковъ выманивалъ у него стихи даже чарами своей жены и злоупотреблялъ его именемъ, подписывая подъ непринятыми ему стихотвореніями намекающіе на него инициалы...

## VIII.

Въ концѣ 1829 года Языковъ рѣшился наконецъ разстаться съ Дерптомъ, не добившись диплома и потерявъ почти даромъ много лѣтъ. Онъ задумалъ переселиться въ Москву для того, чтобы, въ серьезной и трудолюбивой семьѣ Елагиныхъ, въ милой и уютной обстановкѣ, довершить свое сильно затянувшееся университетское образованіе. Но было уже поздно, что онъ и самъ сознавалъ. Черезъ нѣсколько времени по приѣздѣ въ Москву, онъ писалъ: «не знаю, буду ли дѣлать то, для чего я въ Москвѣ, но навѣрно стану писать стихи, а это все-таки больше, нежели ничего не дѣлать», а въ слѣдующемъ письмѣ безъ стѣсненія замѣчаетъ: «Вотъ что мнѣ хочется сдѣлать съ самимъ собой: отложить попеченіе объ экзаменѣ, потому что, кажется, пора назвать глупыми тольки о немъ и сборы къ нему и опредѣлится куда-нибудь, хоть въ архивъ, примѣрно на годъ, прожить этотъ годъ въ стихописаніи, а потомъ, получивъ чинъ, переселиться въ деревню, въ глушь за-волжскую и вести жизнь тихую, трудолюбивую и, слѣдственно, благородную и прекрасную». Наконецъ, онъ безъ обиняковъ говоритъ, что, отправляясь въ Москву, уже ниталъ надежды собственно на свои успѣхи въ поэзіи, а не въ наукахъ, оправдывая себя тѣмъ, что ему важнѣе всего «уединиться и писать, писать, писать», потому что для него «въ мірѣ нѣтъ и не должно быть спасенія кромѣ своихъ стиховъ».

Само собой разумѣется, что и новая, во всѣхъ отношеніяхъ въ высшей степени благоприятная обстановка не помогла Языкову сосредоточиться на наукахъ, и онъ все продолжалъ возлагать большія надежды на переменну виѣшнихъ условій: то онъ мечтаетъ освободиться отъ развлекающей семейной суеты и, нанявъ другую квартиру, обрѣсти полное уединеніе и на свободѣ предаться труду, то съ наступленіемъ весны его тянетъ за городъ, «чтобы удалиться отъ всякихъ отношеній къ суетамъ міра»... Но все это, конечно, ни къ чему не привело, и дѣло кончилось возвращеніемъ на родину безъ диплома.

Намъ остается прибавить, что было бы крайне ошибочно предполагать въ Языковѣ въ его студенческіе годы будущую его религіозность и славянофильство. Онъ шутиливо сообщалъ напримѣръ о томъ, что говѣлъ про fogma и что профессоръ Перевощиковъ, подумавъ, что онъ это «дѣлалъ отъ сердца и ума», благодарилъ его. Съ другой стороны, несмотря на искреннее и задушевное сочувствіе роднымъ обычаямъ и старинѣ, Языковъ ни въ какомъ случаѣ не могъ назваться тогда славянофиломъ. Онъ безусловно признавалъ превосходство Запада передъ Россіей, а сравнивая русскую литературу съ иностранными, считалъ ихъ несоизмѣрными величинами, при чемъ рѣшительное предпочтеніе отдавалъ литературѣ нѣмецкой. «Какъ мало»—говорилъ онъ—«наше великое въ современной литературѣ! какъ ничтожно значительное и ту-по возвышенное, а если взглянуть на нее, зная Гёте и Шиллера—мы пигмеи передъ ними, а если думаемъ иначе, то или потому, что не знаемъ ихъ, или не знаемъ себя, или состояніе истинной поэзіи». Таково было сужденіе о нѣмецкой литературѣ «будущаго славянофила по родству»<sup>1)</sup>.

О политическомъ вольнодумствѣ Языкова въ молодости, крайне поверхностномъ и не серьезномъ, не считаемъ нужнымъ говорить.

В Шенрокъ.



<sup>1)</sup> Для объясненія такого крайняго взгляда не лишнее замѣтить, что Языковъ, какъ это ни странно въ поэтѣ, не умѣлъ цѣнить Пушкина и относился съ полнымъ неодобреніемъ къ „Борису Годунову“ и еще больше къ историческимъ трудамъ Пушкина. („Пушкинъ только и говоритъ, что о Петрѣ, котораго не возлюбляетъ. Онъ много, дескать, собралъ и еще соберетъ новыхъ свѣдѣній для своей исторіи, открылъ, сообразилъ, освѣтилъ и проч.“). Сказкамъ Пушкина онъ предпочиталъ сказки Жуковского, а о занятіяхъ его народными пѣснями выражается такъ: «онъ, кажется, хвастаетъ». Невыгодно отзывался Языковъ и о пребываніи Пушкина въ Москвѣ: „Пушкинъ сегодня отправляется въ Петербургъ. Между нами будь сказано, онъ пріѣзжалъ по дѣламъ не чисто литературнымъ, а для картежныхъ сдѣлокъ и находилъ въ обществѣ самомъ мерзкомъ“. Наконецъ, о повѣстяхъ Бѣлкина онъ выражается такъ: „Выстрѣлъ“ и „Барышня-крестьянка“ лучше прочихъ, а прочія не стоятъ письма, а тѣмъ паче печати“. Такое постоянно недружелюбное отношеніе Языкова къ Пушкину и его произведеніямъ, при наилучшихъ вѣнскихъ знакахъ расположенія, остается тѣмъ болѣе непонятной загадкой, что Языковъ, повидимому, совсѣмъ не былъ способенъ къ двуличности и лицемерію.

## Увѣковѣченіе памяти князя Репнина.

---

*Указъ императора Александра I Правительствующему Сенату.*

12-го іюля 1801 г.

Въ ознаменованіе отличнаго нашего уваженія къ воинскимъ и гражданскимъ подвигамъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Репнина, въ память добродѣтелей его и любви къ отечеству, коими и въ мирѣ, и войнѣ, и на службѣ, и въ уединеніи до самаго конца жизни своей былъ онъ преисполненъ, и во свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но, живя въ признательности всеобщей, переходятъ изъ рода въ родъ, согласно желанію его, ближнимъ его родственникамъ и намъ самимъ извѣстному, соизволяемъ, чтобъ родной его внукъ, отъ дочери его рожденный, полковникъ князь Николай Волконскій принялъ фамилію его, и отнынѣ потомственно именовался княземъ Репниннымъ; да родъ князей Репниныхъ столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ не угаснетъ, но обновясь пребудетъ навсегда съ именемъ и примѣромъ его въ незабвенной памяти російскаго дворянства.





## Марина Мнишекъ и шахъ Аббасъ II.

**В**ъ своей статьѣ, помѣщенной въ февральской книгѣ «Русской Старины», о. П. Пирлингъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о судьбѣ Марины Мнишекъ послѣ майскаго погрома 1606 года. Нельзя однако не пожалѣть, что почтенный авторъ не воспользовался богатымъ матеріаломъ для біографіи и характеристики злополучной развѣнчанной царицы, помѣщеннымъ въ «Актахъ историческихъ» и въ «Памятникахъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей» <sup>1)</sup>.

### I.

Въ началѣ апрѣля 1613 года бояре, по присланному изъ Ярославля государеву указу, снарядили для поимки Заруцкаго съ Маринкою ополченія: суздальское, тульское, владимірское и рязанское, подъ общимъ начальствомъ боярина князя Ивана Никитича Одоевскаго. Начальниками отдѣльныхъ ополченій были: князь Романъ Петровичъ Пожарскій, князь Григорій Васильевичъ Тюфякинъ, Иванъ Васильевичъ Измайловъ и Миронъ Андреевичъ Вельяминовъ <sup>2)</sup>. Между тѣмъ воровскіе казаки, покидавшіе Заруцкаго и присягавшіе молодому царю, показывали въ разспросѣ, что «Заруцкій-де хочетъ идти въ Казилбаши (Персію), а Маринка-де съ нимъ идти не хочетъ, а зоветъ его съ собою въ Литву».

<sup>1)</sup> Изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго. Спб. 1892—1898, томы I—III.

<sup>2)</sup> Русская лѣтопись по Никонову списку, изд. 1772 г., ч. VIII, стр. 204—205.

Одоевскій съ войскомъ настигъ Заруцкаго подъ Воронежемъ; «и бывшу бою, не возмогоша его одолѣть, и многую шкodu подъяша отъ него въ людехъ; онъ же, переправясь Донъ, съ Маринкою пойде степью къ Астрахани» <sup>1)</sup>).

Овладевъ, съ помощью ногайскаго мурзы Иштерека, Астраханью, Заруцкій провелъ здѣсь всю зиму 1613—1614 г., производя насилія надъ городскимъ населеніемъ. Въ числѣ другихъ онъ казилъ околничаго и воеводу князя Ивана Дмитріевича Хворостинина; взялъ изъ Троицкаго монастыря серебряное паникадило, изъ котораго сдѣлалъ себѣ, между прочимъ, стремена. Грамоты свои онъ издавалъ отъ имени «государя царя и великаго князя Дмитрея Ивановича всея Руссиі, и отъ государыни царицы и великой княгини Марины Юрьевны всея Руссиі, и отъ государя царевича и великаго князя Ивана Дмитріевича всея Руссиі» <sup>2)</sup>).

Марина въ то же время, опасаясь бунта, «къ завтреямъ въ колокола рано благовѣстить и звонить не велѣла..., а говорить отъ звону-де омынъ полошается» <sup>3)</sup>). Тогда же она устроила себѣ домовую католическую церковь, которую 28-го августа 1613 г. освятилъ одинъ изъ трехъ состоявшихъ при ней монаховъ, августинецъ Николай Мело <sup>4)</sup>).

Изъ приведеннаго титула видно, что Заруцкій принялъ на себя роль мужа Марины, кѣмъ онъ и былъ de facto въ описываемый періодъ смуты.

Собираясь выступить, весною 1614 г., въ походъ подъ Самару и подъ Казань, Заруцкій взялъ аманатовъ у Иштерека <sup>5)</sup> и отправилъ осенью 1613 года къ персидскому шаху Аббасу II посольство съ просьбою о помощи, съ Яковомъ Глядковымъ во главѣ. Въ составъ посольства вошли: терскій годовальщикъ Иванъ Даниловичъ Хохловъ, астраханскій подъячій Богданъ Накрачѣевъ Короганъ, астраханскій толмачъ Оедька Ивановъ, прозвищемъ Бондырь, стрѣльцы разныхъ приказовъ: Иванъ Филиппевъ, Микула Даниловъ, Григорій Ивановъ, Сергій Ивановъ и др., всего до 20 человекъ <sup>6)</sup>. Вмѣстѣ съ посольствомъ <sup>7)</sup>, отправленъ былъ къ шаху и находившійся тогда въ Астрахани персидскій купчина Хаджи-Муртаза, котораго Марина привела къ

<sup>1)</sup> Новый глгописецъ, изд. кн. Оболенскаго. 1853 г., стр. 162.

<sup>2)</sup> А. И., т. III.

<sup>3)</sup> А. И., т. III, 412 стр.

<sup>4)</sup> „Русск. Ст.“ 1903, февр., стр. 255—256.

<sup>5)</sup> А. И., т. III, 411 стр.

<sup>6)</sup> Веселовскій. „Памятники“ т. II, 366—367, 366; т. III, 18 и А. И. т. III, 412.

<sup>7)</sup> Веселовскій. „Памятники“ т. III, 1.

шерти, чтобы онъ просилъ отъ ея имени у шаха денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ. «А умыселъ и приказъ весь былъ тайно одному вору—Якушку Глядкову» <sup>1)</sup>).

Съ дороги послы жаловались Маринѣ: «въ Дербени-деи имъ дали 20-ти человекѣмъ къ шаху ѣхать только 5 ишекѣвъ (ословъ), и какъ-деи будемъ у шаха, и мы-деи рады вашимъ дѣломъ промыслиати» <sup>2)</sup>).

Въ Баку Хаджи-Муртаза зажилъ, а Иванъ Хохловъ и Яковъ Глядковъ, не дожидаясь его, двинулись съ посольствомъ дальше и, прибывъ къ шаху, подали ему грамоты отъ Марины. Глава посольства Яковъ Глядковъ, ваяясь въ ногахъ у шаха, слезно молилъ его дать имъ на литовскихъ людей вспоможенъе: «близія своея думы», человекѣмъ съ 500 денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ <sup>3)</sup>). Глядковъ добавилъ, что, если шахъ не поможетъ имъ теперь же, то «съ Москвы-де будетъ рать и Астрахань-де осадятъ и изъ Астрахани-де насъ не выпустятъ».

Въ благодарность за помощь, Глядковъ, отъ имени Заруцкаго, обѣщалъ шаху сдать ему Астрахань <sup>4)</sup>).

Шахъ благосклонно выслушалъ посольство, согласился дать Заруцкому «денежные казны двѣнадцать тысячъ тюменей, а тюмень по шти рублевъ, и хлѣбныя запасы многіе», и приказалъ отвезти все это въ Астрахань своему кречетнику Пулунъ-беку. Впослѣдствіи терскому воеводѣ Петру Петровичу Головину удалось провѣдать стороною, что шахъ Аббасъ замыслилъ послать съ Пулунъ-бекомъ, отрядъ отборнаго войска, численностью въ 500 человекѣмъ, дабы съ помощью ихъ и приверженцевъ Заруцкаго «всѣхъ побити и Астраханью завладѣти, а на Теркѣ городъ каменной поставить и посадити на Теркѣ Ивашку Заруцкаго», «а литовку Маринку было ему (шаху) у себя держати на постелѣхъ» <sup>5)</sup>).

## II.

Прошло мѣсяца два. Уже готовились, по приказанію шаха Аббаса, хлѣбныя запасы и казна для Заруцкаго, когда вдругъ, въ началѣ 1614 года, прибылъ изъ Баку въ Испагань Хаджи-Муртаза.

<sup>1)</sup> Веселовскій. „Памятники“, т. III, 2.

<sup>2)</sup> А. И., т. III, 412.

<sup>3)</sup> Веселовскій. „Памятники“, III, 3 и III, 53.

<sup>4)</sup> Веселовскій. „Памятники“, т. II, 348.

<sup>5)</sup> Тамъ же, 347—348 и 352.

Еще въ Астрахани Муртаза говорилъ «многимъ добрымъ людямъ»: «Посылають-де воръ Ивашко Заруцкой и Маринка пословъ воровскимъ обычаемъ, и шахъ-де Астараханъ не возьметъ и людей воинскихъ въ Астараханъ не пришлетъ, тѣмъ-деи шахъ съ Московскимъ государствомъ не ссорится, и казны-де имъ не дастъ же»<sup>1)</sup>.

Явившись шаху въ тайной аудіенціи, Хаджи-Муртаза, по его словамъ, представилъ Аббасу II грамоту астраханскаго воеводы окольничаго князя Ивана Дмитріевича Хворостинина, который убѣждалъ шаха ни въ чемъ не давать вѣры воровскому посольству и сообщалъ о вступленіи на царство Михаила Ѳеодоровича<sup>2)</sup>. Отъ себя Муртаза будто-бы прибавилъ, что русская земля «стала вся въ одиначествѣ», а бунтуютъ лишь Астраханъ да Терекъ, и что Астраханъ не устоитъ, какъ придетъ сверху московская рать<sup>3)</sup>. Шахъ Аббасъ спрашивалъ о Маринѣ, «какова она лицомъ и сколько хороша, молода или стара, и былъ ли онъ (Муртаза) у неѣ у руки, и горячи ли у нее руки, и что дала ему, Муртазѣ, на отпуске». На это Муртаза отвѣчалъ, что «у руки-деи у неѣ на отпуске былъ и за руку принялъ, и рука-де у неѣ горячи, и какъ ево литовка Маринка изъ Астарахани отпустила, и ему дала на отпускѣ двѣ скляницы вина». Вина Муртаза не пилъ, а взялъ съ собою. Шахъ велѣлъ ему принести это вино, отвѣдалъ самъ, а пьючи говорилъ: «топере-деи пью вино, а впередъ видать ли-деи мнѣ еѣ самое у себя?»<sup>4)</sup>.

Муртазѣ, какъ богатому купцу, ведшему обширную торговлю съ Астраханью, было весьма невыгодно ссорить шаха съ Москвою. Поэтому можно, повидимому, не сомнѣваться въ справедливости вышеизложенныхъ показаній Муртазы, данныхъ въ декабрѣ 1614 г. въ Москвѣ думному дьяку Петру Третьякову.

Какъ бы то ни было, Аббасъ II не послалъ Заруцкому помощи, пословъ его задержалъ, и, отправляясь войной на Грузію, оставилъ Ивана Хохлова въ Ганжѣ (теперь—Елизаветполь), а Якова Глядкова взялъ съ собою. Возвращаясь изъ Грузіи, шахъ весною 1614 г. послалъ Глядкова съ кречетникомъ своимъ Пулунъ-бекомъ въ Астраханъ провѣдать, «что въ Астарахани дѣтца»<sup>5)</sup>. Съ ними же, какъ показывалъ впоследствии Глядковъ, шахъ послалъ «къ Маринкѣ въ даръ 4 бархаты черныхъ, 2 меляка золотныхъ, 3 камки золотныхъ, а къ Ивашку Заруцкому—иноходецъ да саблю булатную, да покровецъ конной нарядной»<sup>6)</sup>.

<sup>1)</sup> А. И. т. III, 412.

<sup>2)</sup> Веселовскій. „Памятники“, т. III, 24.

<sup>3)</sup> Тамъ же, т. II, 357—358.

<sup>4)</sup> Тамъ же, т. II, 351.

<sup>5)</sup> Тамъ же, т. III, 3.

<sup>6)</sup> Тамъ же, т. III, 3.



Пулунъ-беку велѣно было взять въ Астрахани «для поспешенія» у персидскихъ купцовъ 2.000 рублей и дать эти деньги Маринѣ и Заруцкому, «покаместа бѣльшая отъ него, отъ шаха Баса (Аббаса), казна придетъ въ Асторохань»<sup>1)</sup>).

Придя въ Дербентъ, послы узнали отъ присланнаго туда къ караваннымъ головамъ терскаго стрѣльца Семена Шушерина, что Астрахань очищена отъ воровъ и свободна для персидскихъ торговыхъ людей. Поэтому послы дальше не пошли, а остались въ Дербентѣ, ждать дальнѣйшихъ распоряженій шаха <sup>2)</sup>).

Когда вѣсть о пораженіи Заруцкаго отрядомъ Василія Даниловича Хохлова пришла въ Персію, Иванъ Хохловъ съ товарищи 29-го іюля 1614 г. въ Ганжѣ присягнувъ на вѣрность молодому царю, а шахъ Аббасъ немедленно отправилъ Хаджи-Муртазу съ грамотою и дарами къ царю Михаилу Феодоровичу <sup>3)</sup>).

Но уже около Астрахани, въ августѣ 1614 г., Муртаза встрѣтилъ казанскаго сына боярскаго Ивана Брехова, ѣхавшаго посломъ къ шаху съ порученіемъ занять денегъ для веденія войны съ Польшею, и потребовать выдачи Ивана Хохлова съ товарищи. Хохловъ былъ выданъ и привезенъ въ Москву, гдѣ «сидя за приставомъ животъ свой мучилъ», пока 12-го іюля 1615 года не былъ прощенъ за заслуги брата, Василія Даниловича Хохлова, освободившаго Астрахань отъ мятежниковъ <sup>4)</sup>).

Въ декабрѣ 1614 г. прибылъ въ Москву Хаджи-Муртаза; онъ объяснилъ дѣйствія шаха тѣмъ обстоятельствомъ, будто послѣдній, думая, что Литва завладѣла Московскимъ государствомъ, хотѣлъ помочь Заруцкому и Маринѣ, «не вѣдая ихъ воровства». Нельзя допустить, чтобы такое объясненіе показалось удовлетворительнымъ; да и, вообще, Муртазѣ не слишкомъ вѣрили: когда онъ сталъ бить челомъ о возвратѣ шаховыхъ товаровъ, отнятыхъ у него, Муртазы, въ Астрахани мятежниками, думный дьякъ Третьяковъ отвѣчалъ: «И того подлинно какъ вѣдать: тѣ товары у него иманы сильно (насилъно), или онъ астороханцовъ ссужалъ на вспоможеніе противъ государя и Московскаго государства людей?»... Да въ тѣхъ товарахъ ему отказалъ <sup>5)</sup>).

Однако шахъ Аббасъ не потерялъ надежды на возвратъ своихъ товаровъ и даже спустя три года, 6-го ноября 1618 г., говорилъ на аудіенціи русскому послу князю Михаилу Петровичу Барятинскому:

<sup>1)</sup> Тамъ же, т. II, 358.

<sup>2)</sup> Тамъ же, т. II, 346—347 и III, 4.

<sup>3)</sup> Тамъ же, т. III, 55 и III, 4.

<sup>4)</sup> Тамъ же, т. III, 25 и III, 57—58.

<sup>5)</sup> Тамъ же, т. III, 36.

«Въ смутное время (я) Астараханъ перекормилъ и пшено къ нимъ посылалъ, а о томъ некоторыми дѣлы не помыслилъ, что мнѣ Астараханъ взяти и Астараханью владѣти»<sup>1)</sup>).

Впрочемъ, когда до шаха дошелъ слухъ, будто «литовской король Московскимъ государствомъ завладѣлъ», то Аббасъ II едва не засадилъ государевыхъ пословъ въ темницу. На ихъ счастье 21-го мая 1619 г. прїѣхалъ къ посламъ терскій сынъ боярскій Первой Лукинъ съ хорошими вѣстями о положеніи дѣлъ<sup>2)</sup>.

### III.

Г. Пирлингъ затрудняется рѣшить, какова была участь Марины Мнишекъ. Въ настоящее время возможно категорически сказать, что Марина не была утоплена, какъ о томъ гласитъ сохранившееся среди польскихъ бернардиновъ преданіе, и какъ утверждалъ польскій писатель Юліанъ Нѣмцевичъ, по извѣстію котораго Марину свезли на Уралъ и тамъ утопили въ проруби; Марина не была и сожжена живою, какъ говорятъ испанскіе источники, исходящіе отъ бывшаго при ней кармелита Ивана-Өаддея.

Подъ сильнымъ конвоемъ Заруцкій и Марина съ сыномъ, которому шелъ четвертый годъ, были въ концѣ іюля 1614 г. привезены въ Москву и заключены въ тюрьму.

Семену Протопопову, посланному въ Астраханъ для встрѣчи извѣстнаго намъ Хаджи-Муртазы, велѣно было въ наказѣ отъ 12-го октября 1614 г. отвѣчать на вопросъ персидскаго посла, что «Ивашка Заруцкого и Маринку съ сыномъ, для обличенья ихъ воровства, привезли къ Москве, и въ животе ихъ воленъ Богъ да государь: животъ ли имъ велить дати, или ихъ, по ихъ злымъ дѣломъ, велить казнити»<sup>3)</sup>.

Но уже въ наказѣ посламъ Өедору Исаковичу Левонтьеву и дьяку Богдану Тимоѣеву, отъ 29-го мая 1616 года, велѣно отвѣчать на вопросъ шаха о судьбѣ Марины, ея сына и Заруцкаго: «По своимъ злымъ дѣламъ Ивашко Зарутцкой и Маринкинъ сынъ казнены».

Буквально то же находимъ и въ наказѣ князю Михаилу Петровичу Барятинскому, отъ 23-го мая 1618 г.<sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Тамъ же, т. III, 434—435.

<sup>2)</sup> Тамъ же, т. III, 389.

<sup>3)</sup> Тамъ же, т. III, 8.

<sup>4)</sup> Тамъ же, т. III, 218 и 338.

Можно даже опредѣлить, когда, приблизительно, были казнены Заруцкій и сынъ Марины. Такъ какъ предполагалось, что въ маѣ 1616 г. шахъ не зналъ еще объ участи ихъ, то вѣроятно казнь ихъ произошла послѣ отъѣзда въ Персію шахова посла Хаджи-Муртазы, отъ котораго не укрылось бы столь важное событіе. Хаджи-Муртаза выѣхалъ изъ Москвы на Коломну 13-го іюля 1615 года. Слѣдовательно, Заруцкій былъ посаженъ на колъ, а сынъ Марины, пятилѣтній Ивашко, повѣшенъ — между 13-мъ іюля 1615 года и 29-мъ мая 1616 года <sup>1)</sup>).

Въ обоихъ вышеупомянутыхъ посольскихъ наказахъ совершенно обходится молчаніемъ предполагаемый вопросъ шаха о судьбѣ Марины. Значить ли это, что и она была казнена одновременно съ сыномъ и Заруцкимъ? Едва-ли.

Московскому правительству не было надобности скрывать отъ шаха Аббаса казнь Марины. Естественнѣе предположить, что участь ея была иная: еще до послѣ казни Заруцкаго и Ивашка, она была перевезена въ Коломну, и тамъ въ одной изъ башенъ «умерла съ тоски по своей волѣ», какъ сообщали русскіе послы польскому правительству. У Иванчина-Писарева («Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду», 137—138) есть прямое указаніе на башню, гдѣ умерла, по преданію, Марина Мнишекъ.

Если и преждевременно произносить окончательный приговоръ надъ Мариной, то нельзя не придти теперь же къ тому выводу, къ которому пришелъ еще великій Пушкинъ: «у нея была только одна страсть — честолюбіе, но до такой степени сильное, бѣшеное, что трудно себя и представить... Попробовавъ царской власти, упоенная пустымъ призракомъ, (она) распутничаетъ, переходя отъ авантюриста къ авантюристу, постоянно готовая предаться кому бы то ни было, лишь бы онъ могъ подать ей надежду на тронъ... Она борется съ войной, нищетой, позоромъ и въ то же время сносится съ польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе»<sup>2)</sup>).

По мнѣнію великаго нашего поэта, Марина была «самою странною изъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ», и при томъ едва-ли не самою несчастною—прибавимъ отъ себя.

Георгій Синюхаевъ.



<sup>1)</sup> Русская лѣтопись по Никонову списку, изд. 1772 г., ч. VIII, стр. 213 в Новый лѣтописецъ, изд. Оболенскаго, стр. 167.

<sup>2)</sup> Письмо къ Н. Н. Раевскому отъ 30-го января 1829 г.

Объ оставленіи цензора С. Н. Глинки въ маіорскомъ чинѣ.

---

*Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Сенату.*

6-го іюля 1828 г. № 8960.

Г. товарищъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества отъ 28-го минувшаго іюня сообщилъ мнѣ, что бывшій министръ народнаго просвѣщенія г. адмиралъ Шишковъ ходатайствовалъ объ оставленіи цензора московскаго цензурнаго комитета маіора Глинку на службѣ въ настоящемъ его чинѣ, который, какъ полученный имъ при увольненіи изъ военной службы, со вступленіемъ вновь на службу ему не слѣдовалъ, объясняя, что цензоръ Глинка заслуживаетъ сего по состоянію его въ маіорскомъ чинѣ 27 лѣтъ и по литературнымъ трудамъ, коими приобрѣлъ онъ довольноую извѣстность въ ученомъ свѣтѣ.

По докладу о семъ государю императору, его величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: по уваженіямъ представленнымъ г. адмираломъ Шишковымъ, оставить цензора Глинку на службѣ въ настоящемъ чинѣ маіора.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя къ тому, что объ ономъ, какъ увѣдомляетъ меня г. генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ, сообщено отъ него г. министру народнаго просвѣщенія.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.





## Цензура въ царствованіе императора Николая I.

VII<sup>1)</sup>.

Вмѣшательство въ дѣла цензуры министровъ и главноуправляющихъ. — Переписка по гальванопластикѣ. — Статья „Свѣташіеся червячки“. — Письмо Н. С. Мордвинова по поводу статьи объ А. С. Шишковѣ. — Статьи академика Келлена „О письменныхъ сношеніяхъ“ и Хомякова, „О сельскихъ условіяхъ“. — Письма А. С. Пушкина къ М. П. Погодину. — „Комары“ Ѳ. Булгарина. — Надзоръ за описаніемъ прощальныхъ обѣдовъ и театральными критиками; за статьями о Польшѣ и по крестьянскому вопросу. — Предложеніе объ изданіи русскаго журнала за границею.



Отношенія къ журналамъ органовъ власти, т. е. министровъ и вообще вліятельныхъ лицъ тогдашней эпохи, выражались стремленіемъ cadaго изъ этихъ все болѣе и болѣе имѣть въ кругу своей сферы вліянія на нашу журналистику. Съ теченіемъ времени требованіе cadaго вѣдомства, чтобы всякая журнальная статья, хотя бы въ самой отдаленной мѣрѣ касающаяся этого вѣдомства, являлась, до напечатанія, на его просмотрѣ, привело, наконецъ, къ тому, что вмѣсто одной цензуры у насъ было ихъ уже нѣсколько десятковъ.

Такъ, въ 6-й и 7-й книжкахъ «Сына Отечества» 1833 года, Даль напечаталъ «Описаніе моста, наведеннаго на рѣкѣ Вислѣ». Генералъ-маіоръ Слатвинскій, завѣдывавшій переправою у моста, прислалъ свои замѣчанія и возраженія на его статью въ газету «Инвалидъ», но редакція ему въ напечатаніи ихъ отказала, а вслѣдъ

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ 1903 года мартъ.

затѣмъ (7-го декабря) военный министръ, графъ Чернышевъ, объявилъ высочайшее повелѣніе: «чтобы о современныхъ военныхъ событіяхъ помѣщаемы были въ журналахъ и вѣдомостяхъ лишь официальные реляціи, при чемъ строго воспрещено военнымъ начальникамъ собственныя свои письменныя повѣствованія и неминуемыя почти на то возраженія дѣлать гласными въ публичныхъ листахъ, что тѣмъ менѣе можетъ быть дозволено низшимъ офицерамъ». Вслѣдствіе того, Чернышевъ просилъ Уварова приказать, чтобы «всѣ статьи о современныхъ военныхъ событіяхъ, до напечатанія оныхъ въ какомъ бы то ни было сочиненіи, журналѣ или газетѣ, въ Россіи издаваемыхъ, предварительно были представляемы на его, Чернышева, разсмотрѣніе».

Въ одну изъ первыхъ книгъ «Библіотеки для чтенія» 1834 года назначалась статья: «Изъ журнала служившаго на бригѣ «Меркурій», въ день сраженія 14-го мая 1829 года». Это была копія съ записки флигель-адъютанта Казарскаго, геройски отстоявшаго, въ морскомъ сраженіи, свой бригъ противъ двухъ большихъ турецкихъ кораблей, одного въ 110-тъ, а другаго въ 74 пушки. Эта статья, какъ содержащая въ себѣ рассказъ о современныхъ событіяхъ, была пропущена къ начальнику главнаго морскаго штаба, князю Меншикову, который 18-го сентября 1834 года доставилъ, въ отвѣтъ, мнѣніе морскаго ученаго комитета. Здѣсь высказывалось, что статья Казарскаго не можетъ быть напечатана, по слѣдующимъ соображеніямъ: она никѣмъ не подписана и не скрѣплена, а потому нѣтъ удостовѣренія въ ея вѣрности оригиналу, между тѣмъ какъ описываемое тутъ происшествіе не только примѣчательное, но чрезвычайное.

Въ рукописи 42 раза помянуто о капитанѣ Казарскомъ въ третьемъ лицѣ, и расточено множество ему похвалъ: значить, не самъ Казарскій сочинилъ записку; посторонній же человѣкъ долженъ бы былъ представить доказательства того, какимъ образомъ онъ видѣлъ и зналъ многое изъ описаннаго. Сверхъ того, если статья должна напечататься (съ измѣненіями), то необходимо прибавить свѣдѣнія о томъ, что именно предпринялъ начальникъ русскаго флота, получившій донесеніе отъ фрегата «Штандартъ», объ отчаянномъ положеніи Казарскаго, потому что, — говорилъ ученый комитетъ: — «послѣ таковаго донесенія, конечно, адмиралъ принялъ бы какія-либо мѣры для спасенія брига», или же необходимо сказать, что «адмиралъ былъ въ совершенной невозможности подать помощь» (въ запискѣ было сказано, что, получивъ означенное донесеніе, адмиралъ ничего не сдѣлалъ, а только сказалъ: «очень хорошо»). Согласно съ этимъ сообщеніемъ князя Меншикова, Уваровъ запретилъ печатать статью въ «Библіотекѣ».

20-го августа 1835 г., министр двора, князь Волконскій, жаловался на № 61 петербургскаго журнала: «Magazin lelehrender und angenehmer Unterhaltung», говоря, что тутъ издатель дозволилъ себѣ выраженія нескромныя и даже дерзкія, не только о нашихъ актерахъ, но даже о дѣйствіяхъ самой дирекціи; почему онъ и просилъ распорядиться, чтобъ въ томъ журналѣ статьи о театрахъ были сколь возможно скромнѣе, или даже вовсе и не дозволять ихъ. Уваровъ тотчасъ же велѣлъ сдѣлать внушеніе цензору, пропустившему неприличныя порицанія противъ актера Дамьѣ, но впрочемъ отозвался министру двора, что въ той статьѣ онъ не нашелъ ничего оскорбительнаго для театраль-ной дирекціи.

15-го апрѣля того же года, графъ Бенкендорфъ указалъ на то, что въ 1-мъ томѣ «Современника» помѣщена статья: «Долина Ажитугай», сочиненная султаномъ Казы-Гиреемъ, корнетомъ лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полу-эскадрона. Бенкендорфъ указывалъ на то, что высочайшимъ повелѣніемъ 1834 года предписано, чтобы какъ военные, такъ и гражданскіе чиновники не иначе предавали печати литературныя произведенія свои, оригинальныя и переводы, какого бы рода они ни были, какъ по предварительномъ разрѣшеніи директоровъ департаментовъ, начальниковъ штабовъ и генералъ-интендантовъ; означенная же статья не была представлена предварительно ни на разсмотрѣніе его, графа Бенкендорфа, ни на разсмотрѣніе начальника его штаба Уваровъ отвѣчалъ, что впредь это будетъ исполняться, но что означеннаго высочайшаго повелѣнія цензурному вѣдомству объявлено не было.

Въ октябрѣ военное министерство потребовало, чтобъ запрещено было журналамъ («С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», «Сыну Отечества» и «Сѣверной Пчелѣ») печатать выписки изъ высочайшихъ приказовъ, какъ-то: о производствѣ генераловъ, назначенія въ генералъ и флигель-адъютанты и объявленія высочайшихъ благоволеній по арміи, флоту и другимъ воинскимъ управленіямъ, такъ какъ право на помѣщеніе этихъ извѣстій по высочайшему указу 21-го декабря 1815 года предоставлено исключительно газетѣ «Инвалидъ».

Такое требованіе найдено было министромъ народнаго просвѣщенія уже слишкомъ притязательнымъ, и онъ отвѣчалъ графу Чернышеву, что просимое распоряженіе о неперепечаткѣ изъ высочайшихъ приказовъ онъ сдѣлалъ, но вмѣстѣ «надѣется, что военный министръ и самъ признаетъ, что за этимъ распоряженіемъ, охраняющимъ права «Русскаго Инвалида», другія изданія не могутъ, однако же, быть лишены возможности заимствовать потомъ извѣстія сего рода изъ «Инвалида», съ указаніемъ источника, подобно тому, какъ эта газета сама почерпаетъ разныя статьи изъ другихъ изданій, и эти заимствованія допу-

скаются § 16-мъ высочайше утвержденнаго 8-го января 1830 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей.

14-го апрѣля 1837 года, вице-канцлеръ графъ Нессельроде не дозволилъ печатать, въ «Современникѣ», статью подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о графѣ Каподистріи и о нѣкоторыхъ современныхъ происшествіяхъ», на томъ основаніи, что «тутъ находятся многія мѣста, касающіяся до новѣйшихъ политическихъ отношеній Россіи къ иностраннымъ державамъ, и при томъ не совсѣмъ благопріятныя о нѣкоторыхъ изъ нихъ отзывы. Описанныя въ рукописи происшествія были извлечены изъ сочиненія Стурдзы («Исторія XIX столѣтія»), а онъ находился подъ начальствомъ адмирала Чичагова, состоялъ при графѣ Каподистріи и былъ употребляемъ по дипломатической части; слѣдовательно, имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ секретныхъ и политическихъ дѣлахъ тогдашняго времени; по симъ обстоятельствамъ, означенная статья будетъ принята, безъ сомнѣнія, въ чужихъ краяхъ за оффиціальную и можетъ произвести тамъ излишнія толкованія о тогдашнихъ дѣйствіяхъ русскаго правительства, а при томъ будетъ даже оскорбительна для нѣкоторыхъ державъ».

23-го октября графъ Бенкендорфъ писалъ, что въ № 240 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатана статья о покушеніи на жизнь короля французскаго. Находя неприличнымъ помѣщать подобныя извѣстія въ вѣдомостяхъ, особенно правительствомъ издаваемыхъ, которыя расходятся въ столь большомъ количествѣ между среднимъ классомъ людей, графъ просилъ принять мѣры къ предупрежденію печатанія такихъ «статей, которыя, не принося никакой пользы, могутъ быть вредны въ своихъ послѣдствіяхъ».

При этомъ онъ полагалъ не излишнимъ «поставить на видъ редакторамъ журналовъ, что извѣстный имъ духъ нашего правительства могъ бы уже ихъ вразумить, какія статьи могутъ быть допускаемы въ журналы ихъ и какія неприличны для передачи во всеобщее свѣдѣніе». Но графъ Протасовъ (исправлявшій тогда, временно, должность министра народнаго просвѣщенія) отвѣчалъ, что, по правиламъ цензурнаго устава, та статья пропущена въ печать министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Въ этомъ же году происходили любопытныя пререканія между цензурнымъ и другими вѣдомствами по поводу новоизобрѣтенной въ то время гальванопластики, и того, что о ней предназначалось къ печатанію въ журналахъ. Профессоръ Якоби и ремесленникъ Гамбургеръ спорили о первенствѣ своемъ въ этомъ изобрѣтеніи, и въ № 236 «Сѣверной Пчелы» была напечатана статья въ пользу Якоби.



Вице-президентъ академіи художествъ, графъ Толстой, стоявшій за Гамбургера (такъ какъ онъ посредствомъ гальваноластики воспроизвелъ его медальоны изъ войны 1812 года), написалъ опроверженіе; но, не надѣясь почему-то на помѣщеніе своей статьи въ «Библіотеку для чтенія» (также стоявшей за Гамбургера), обратился къ графу Бенкендорфу съ просьбою на высочайшее имя о дозволеніи ему напечатать ту статью, такъ какъ «цензура объявила ему, что она считаетъ себя не въ правѣ пропустить его отвѣта къ напечатанію». Графъ Бенкендорфъ, съ своей стороны, 10-го ноября 1839 г. передалъ просьбу Толстаго министру народнаго просвѣщенія, говоря, что «отвѣтъ сей написанъ въ выраженіяхъ самыхъ умѣренныхъ и содержитъ краткое и ясное изложеніе фактовъ и опытовъ профессора Якоби и Гамбургера». «Вмѣстѣ съ симъ, прибавлялъ далѣе графъ Бенкендорфъ, дошло до моего свѣдѣнія, что цензоръ Корсаковъ, руководствуясь письменнымъ предписаніемъ своего начальства, не допускаетъ выхода въ свѣтъ нынѣшняго нумера «Библіотеки для чтенія», пока въ немъ не будетъ помѣщена статья Гамбургера съ письмомъ его къ профессору Якоби, напечатаннымъ въ означенномъ № 236-мъ «Сѣверной Пчелы». «Находя съ своей стороны, что можно запрещать книги, или останавливать выходъ ихъ только тогда, когда въ нихъ помѣщены статьи, по содержанію своему противныя цензурѣ, но требовать, чтобы въ книгѣ непременно было помѣщено то, чего издатель не желаетъ, и останавливать ея выпускъ по несогласію на то издателя—совершенно противно уставу о цензурѣ, я нужнымъ считаю сообщить о семъ вамъ, покорнѣйше прося доставить мнѣ по сему предмету надлежащія свѣдѣнія, для доклада о томъ его величеству». По поводу этого запроса потребовано было министерствомъ народнаго просвѣщенія объясненіе отъ Петербургскаго цензурнаго комитета, и предсѣдатель его, князь Дондуковъ-Корсаковъ, 12-го ноября отвѣчалъ, что статья графа Толстаго не была представляема ни въ цензурный комитетъ, ни къ цензорамъ журнала «Библіотека для чтенія», ниже къ нему, князю Дондукову, а потому и не могла быть запрещена для напечатанія. «Нынѣ же, продолжалъ князь, прочитавъ ее со вниманіемъ, нахожу вообще, что она не можетъ быть напечатана, какъ заключающая не только личность, но и доносъ на профессора Якоби въ похищеніи чужаго изобрѣтенія и употребленіи для опытовъ чужихъ слѣпковъ и медальоновъ противъ воли и безъ вѣдома хозяина (графа Толстаго); и потому, если бы она и была дѣйствительно ко мнѣ представлена, то была бы мною запрещена. Кромѣ того, она подала бы поводъ къ такой полемикѣ, которая, по силѣ высочайшихъ повелѣній, въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ не допускается, и которая относится до предмета, подлежащаго особому разбирательству. Что касается до выхода въ свѣтъ XI нумера «Библіотеки для

чтенія», то я считаю долгомъ объяснить, что, найдя неприличнымъ появленіе статьи о «Гамбургеротипѣ» въ предшествовавшемъ номерѣ этого журнала, написанной рѣзкимъ тономъ и опровергающей совершенно всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія объ открытіи профессора Якоби, и тѣ опыты, которые онъ удостоился дѣлать въ присутствіи государя императора въ главной обсерваторіи, я, за таковой непростительный пропускъ, въ первомъ засѣданіи цензурнаго комитета сдѣлалъ строжайшій выговоръ цензорамъ.... а отъ редактора потребовалъ помѣщенія, въ слѣдующей книжкѣ журнала, письма Гамбургера, напечатаннаго въ № 236 «Сѣверной Пчелы»... Хотя и нѣтъ ничего опредѣлительнаго въ цензурномъ уставѣ о правѣ цензурнаго начальства къ принужденію журналиста печатать документы, изболѣчающіе ихъ ложные рассказы или искаженные факты, но я полагалъ и полагаю это не только справедливымъ, но даже необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда журналистъ переходитъ черезъ границы круга дѣйствій, для него опредѣленныхъ. Мы живемъ, благодаря Бога, въ Россіи, гдѣ журналисты еще не управляютъ общимъ мнѣніемъ, и гдѣ всякая съ ихъ стороны попытка къ усиленію ихъ вліянія должна быть, я думаю, не только останавливаема, но и наказываема уменьшеніемъ довѣрія публики къ ихъ рассказамъ. Къ сей категоріи принадлежалъ редакторъ «Библіотеки для чтенія», который самовольно лишалъ профессора Якоби чести изобрѣтенія, за которое онъ удостоился высочайшаго вниманія, и провозглашалъ права Гамбургера, правительствомъ еще не признанныя; ибо, по моему мнѣнію, не черезъ посредство журналовъ сей послѣдній и его покровители должны были искать защиты правъ, но у самого высшаго правительства, которое ограждаетъ права всѣхъ и cadaго». По всѣмъ этимъ уваженіямъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ просилъ «ходатайства» исправляющаго должность министра народнаго просвѣщенія, графа Протасова, объ утвержденіи его мѣры относительно «Библіотеки для чтенія», потому что, говорилъ онъ, «уклоненіе этого журнала отъ возложенной мною на него обязанности поставило бы меня въ совершенную невозможность управлять сею ввѣренною мнѣ частью и принимать на себя дальнѣйшую отвѣтственность по дѣламъ цензуры».

Сообразно съ этимъ, графу Толстому было предоставлено обратиться съ своею статьею обыкновеннымъ порядкомъ въ цензуру. Онъ исполнилъ предложеніе и при этомъ писалъ попечителю С.-Петербургскаго округа, что если главное управленіе цензуры не согласно будетъ на напечатаніе его статьи, то дальнѣйшее ходатайство по сему дѣлу онъ предоставляетъ самому себѣ и будетъ просить кого слѣдуетъ о нарядженіи формальной комиссіи для изслѣдованія сущности предмета. Статья была рассмотрѣна Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, который

нашелъ, что она, хотя бы даже написана была въ выраженіяхъ гораздо умѣреннѣйшихъ, не можетъ и не должна быть дозволена: 1) потому что правительству достовѣрно извѣстно, что изобрѣтеніе гальванопластики принадлежитъ одному Якоби, въ распоряженіе котораго, по высочайшему повелѣнію, на опыты по сему предмету отпускается изъ казны до 14.000 рублей въ годъ; 2) что Гамбургеръ, ищущій теперь права на соперничество въ открытіи Якоби, самъ публично отклонилъ отъ себя (въ «Сѣверной Пчелѣ» № 236) честь, принадлежащую Якоби; 3) что если графъ Толстой имѣетъ какія-либо притязанія къ Якоби по нарушенію правъ собственности, то дѣло это подлежитъ не цензурному, а судебному разбирательству; 4) что, допустивъ статью графа Толстаго въ журналъ, цензурѣ трудно будетъ, по крайней мѣрѣ безъ несправедливости, не допустить и опроверженія на эту статью, что можетъ уже вывести и непремѣнно выведетъ спорящія лица за черту, которою ограничивается всякое преніе, дозволяемое предписаніями вышшаго начальства. Главное управленіе утвердило это мнѣніе, и статья графа Толстаго въ печати не появлялась.

Въ ноябрѣ 1840 г. графъ Бенкендорфъ писалъ графу Протасову, что въ № 241 «Сѣверной Пчелы» напечатана статья подъ заглавіемъ: «Зубные врачи», гдѣ осмѣиваются довольно обиднымъ образомъ занимающіеся уже много лѣтъ въ С.-Петербургѣ зубнымъ врачеваніемъ братья Вагенгеймы <sup>1)</sup>. Получивъ отъ сихъ послѣднихъ жалобу на сію статью и признавая ее съ своей стороны неблаговидною, онъ просилъ предписать цензору не пропускать на будущее время подобныхъ статей, заключающихъ личность и вредную насмѣшку, а самъ сдѣлалъ замѣчаніе издателю «Сѣверной Пчелы». Желаніе графа Бенкендорфа было исполнено, но Вагенгеймы еще не остались тѣмъ довольны, и, по ихъ ходатайству, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ просилъ министра народнаго просвѣщенія, чтобы означенное удовлетвореніе за нанесенное зубнымъ врачамъ Вагенгеймамъ оскорбленіе, по невниманію цензоровъ Крылова и Корсакова къ своимъ обязанностямъ, было сдѣлано извѣстнымъ публикѣ посредствомъ той же газеты, гдѣ напечатана была означенная статья. Министръ, однако, отвѣчалъ, что на это онъ не согласенъ, «ибо дѣлать гласнымъ, черезъ газеты, распоряженіе правительства въ отношеніи къ цензорамъ находить несовмѣстнымъ съ тѣмъ довѣріемъ, какимъ чиновники сіи должны пользоваться при исполненіи трудныхъ и многосложныхъ своихъ обязанностей».

<sup>1)</sup> Въ этой статьѣ было, между прочимъ, сказано: „Заглянувъ въ объявленія нашей полицейской газеты, забываешь и Journal des Débats, и Парижъ, и французскіе элекспры; да и на что все это, когда гений изобрѣ-

4-го января 1841 года, графъ Бенкендорфъ пишетъ Уварову, что въ 43-мъ томѣ «Библіотеки для чтенія», въ отдѣленіи «Смѣсь», обращаетъ на себя особенное вниманіе статья «Свѣтящіеся червячки». «Нельзя видѣть безъ негодованія, говорилъ графъ Бенкендорфъ, какой оборотъ даетъ господинъ сочинитель этой статьи выраженію, употребленному въ программѣ одного изъ дворянскихъ собраній, и до какой степени онъ презираетъ приличіемъ и нравственною стороною дворянства для того, чтобъ только сказать красное слово! Выходка эта не должна и не можетъ быть скрыта отъ государя императора, и не постигая, какъ можетъ быть допущена у насъ къ напечатанію подобная статья, я полагаю, что сочинитель оной долженъ быть подвергнутъ строжайшему наказанію, кромѣ воспрещенія печатать статьи свои, а цензоръ—выговору, ежели еще не большому взысканію; но, желая имѣть предварительное мнѣніе ваше, покорнѣйше прошу удостоить меня увѣдомленіемъ по сему предмету, дабы я, основываясь на ономъ, могъ сдѣлать мой всеподданнѣйшій докладъ его величеству».

Статья, на которую указывалъ графъ Бенкендорфъ, состояла въ извѣстіи объ изслѣдованіяхъ натуралистовъ Форстера и Одуэна надъ свѣтящимися червячками. Тутъ сообщались очень серьезные научные факты о сіяніи этихъ червяковъ, независимо отъ ихъ воли и состоящемъ въ связи съ половыми отравленіями. Но, по всегдшнему своему обыкновенію, редакторъ «Библіотеки», Сенковский, въ серьезное дѣло счелъ приличнымъ вставить остроту на счетъ Петербургскаго дворянскаго собранія и одной неловкой фразы изъ его печатной программы.

«Одинъ монпельерскій натуралистъ (говорилось въ концѣ этой статьи) взялъ ночью самку *Lamprugidis postilucae* и черезъ окно выставлялъ ее на ладони въ садъ: спустя нѣсколько минутъ, прилетѣлъ къ ней самецъ, какъ кажется съ тою же цѣлью, для какой, по словамъ печатной

---

татель такъ усердно надѣлилъ дарами своими рядъ нашихъ зубныхъ врачей Вагенгеймовъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько Вагенгеймовъ, зубныхъ врачей въ Петербургѣ! На каждой улицѣ, на каждомъ шагѣ—кондитеръ Беранжеръ и зубной врачъ Вагенгеймъ!.. и посмотрите, какъ эти гг. Вагенгеймы изобрѣтательны. Г. Валленштейнъ и другіе пишутъ обыкновенно, что получили изъ-за границы то-то и то-то; но Вагенгеймы, напротивъ, болѣею частью, все изобрѣтаютъ сами! Но что же дѣлать?—спросятъ читатели: какое спасеніе отъ зубной боли? Лучше всего, чтобъ зубы не болѣли—вырвать всѣ до одного, а потомъ просить единаго отъ гг. Вагенгеймовъ вставить искусственные, которые естественностью цвѣта и прочностью своею лучше натуральныхъ... Если возможно дать какое-либо облегченіе въ страданіяхъ отъ зубной боли, то его дастъ вамъ г. Валленштейнъ, который общается менѣе всѣхъ, чтобы не быть похожимъ на дантистовъ всего міра. Жительство его: у Полицейскаго моста, домъ Котомина».

программы, учреждено и С-ое (С.-Петербургское) дворянское собраніе, т. е. для соединенія лицъ обоихъ половъ. Лишь только эти насѣкомыя исполнили программу почтеннаго собранія, свѣтъ самки тотчасъ погасъ. Другой натуралистъ, еще болѣе любопытный, убѣдился какъ нельзя лучше, при помощи микроскопа, что у свѣтящихся червячковъ сіяютъ не тѣла, и только тѣ части, безъ которыхъ любовь была бы загадкою: онъ примѣтилъ, что *clitellum* бываетъ тогда у нихъ чрезвычайно развитый и что источникъ свѣта заключается именно въ веществѣ, покрывающемъ его».

Вслѣдствіе отношенія графа Бенкендорфа, было потребовано объясненіе отъ Сенковского, который написалъ, что, по его приказанію, эта статья, вовсе имъ не одобренная, была перепечатана съ измѣненіями, но, къ сожалѣнію, по неопытности переплетчика, въ первыхъ ста экземплярахъ не вставили перепечатки, и такимъ образомъ роздано здѣсь въ городѣ около сотни экземпляровъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они должны быть. Хотя цензура ничего не помарала въ статьѣ о червячкахъ, однако жъ, когда онъ, Сенковский, получилъ изъ типографіи чистые листы, то примѣтилъ, что переводчикъ включилъ въ нее неумѣстную шутку на счетъ какого-то собранія, и тотчасъ распорядился о неоявленіи статьи въ такомъ видѣ; если же это случилось, то вопреки его желанію. Конечно, такому объясненію никто не могъ вѣрить потому, что всякій зналъ за автора статьи самого Сенковского; но дѣло, само по себѣ, не представляло никакой важности и не заключало въ себѣ никакого дѣйствительнаго оскорбленія дворянскому собранію, и потому Уваровъ воспротивился излишнимъ требованіямъ графа Бенкендорфа и самъ вошелъ къ государю императору съ докладомъ, гдѣ изложилъ дѣло въ весьма снисходительномъ видѣ, я прибавилъ, что редактору Сенковскому и цензорамъ Крылову и Ольдекопу даны строгіе выговоры. На это послѣдовала, 6-го января 1841 года, высочайшая резолюція: «Впредь быть осторожнѣе». На томъ дѣло и кончилось.

28-го августа, адмиралъ Н. С. Мордвиновъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ письмомъ, въ которомъ говорилъ: «Ал. Сем. Шишковъ покойный другъ мой и предѣльникъ вашего высокопревосходительства принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ воспоминаніе бессмертно заслугами отечеству, и самъ государь императоръ почтилъ его погребеніе своимъ присутствіемъ. Между тѣмъ, въ одномъ повременномъ изданіи (на которое обратилъ я вниманіе только потому, что оно называется «Отечественными Записками»), сверхъ многихъ негѣпостей, служащихъ къ развращенію вкуса, ума и нравственности возрастающаго поколѣнія, какъ-то, что «грѣхъ состоитъ въ сознаніи грѣха» («Отеч. Зап.» № 8, критика, стр. 31), я нашелъ, къ удивленію, дерзкій

отзывъ объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ, что «никто» не слушалъ даже и тѣхъ его замѣчаній, которыя были дѣльны, что онъ не понималъ, что славянскія и вообще старинныя книги могутъ быть предметомъ изученія, «но отнюдь не наслажденія», что, наконецъ, «онъ думалъ, что дамы не люди» (1841, № 7, июль, критика, стр. 7). Безъ сомнѣнія, такого отзыва не допустилъ бы сдѣлать о себѣ цензоръ, пропустившій сіи строки; до какой же степени могутъ быть терпимы подобныя выходки тогда, какъ правительствомъ воспрещаются всякія личности, а съ глубокимъ прискорбіемъ оставляю на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства, но тѣмъ не менѣе почитаю долгомъ обратить ваше вниманіе на журналъ, колеблющій коренное основаніе благоустройства: согласныя съ вѣрою понятія о нравственности и уваженіе къ личности гражданина и человѣка».

Уваровъ по этому увѣдомленію ограничился замѣчаніемъ цензору.

29-го октября, главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, князь А. Н. Голицынъ, жаловался Уварову на статьи академика Кеппена, напечатанныя въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ: «О письменныхъ сношеніяхъ». Онъ былъ столько же недоволенъ указаніемъ многочисленныхъ недостатковъ русской почты (медленность, неисправность, неудобства отправленія и страхованія и т. д.), сколько и указаніемъ мѣръ къ устраненію этихъ недостатковъ (пониженіе обременительной страховой платы, ежедневный приѣмъ писемъ по всему государству, приѣмъ писемъ на всѣхъ станціяхъ, заведеніе всюду почтовыхъ ящиковъ, необходимость хорошихъ окладовъ для уничтоженія произвола и недобросовѣстности станціонныхъ смотрителей); и потому, выпиравъ все, казавшееся ему въ статьяхъ Кеппена непозволительнымъ, онъ писалъ: «Изъ сихъ немногихъ выписокъ ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите непростительную смѣлость, какую позволилъ себѣ г. Кеппенъ входить то въ разборъ коренныхъ почтовыхъ законовъ, то въ осужденіе дѣйствій почтоваго управленія, не зная ни видовъ высшаго правительства, по коимъ оно дѣйствуетъ такъ или иначе, не зная и того, что можетъ быть и что уже предпринято къ вѣщему улучшенію части сообразно способамъ государственныхъ финансовъ. Самый уже предметъ разсужденія, въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ Кеппеномъ, не есть академическій ученый, но чисто административный; публичное же порицаніе частнымъ человѣкомъ какой-либо отрасли государственнаго управленія, гдѣ всѣ законы истекаютъ отъ самодержавной власти, есть явленіе совершенно новое, несообразное съ духомъ нашего правленія. Это попытка того либеральнаго духа Западной Европы, который стремится подвергать дѣйствія правительствъ контролю свободнаго книгопечатанія. Какъ лицо государственное, ваше высокопревосходительство, безъ сомнѣнія, согла-

оитесь, что, допустивъ первый шагъ въ этомъ открывающемся вновь попрѣшѣ публичнаго осужденія дѣйствій почтовой администраціи, можно ожидать за тѣмъ осужденіи системъ налоговъ, финансовъ, просвѣщенія, законовъ и всего. Въ той же самой статьѣ есть уже намеки и на другіе предметы, напримѣръ, о состояніи ямщиковъ говорится, что это «не на вѣчныя времена». Ободрясь симъ примѣромъ, другой скажетъ, что крѣпостное или иное какое состояніе должно также измѣниться. Готовый принять отъ всякаго благомыслящаго и опытнаго челоуѣка мнѣніе на пользу части, высочайше мнѣ вѣрѣнной, я не могу, однако же, допустить журнальнаго преподаванія наставленій и тѣмъ менѣе порицанія. По сему обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: 1) сдѣлать академику Кеппену замѣчаніе за неправильность и дерзость его сужденій, а допустившихъ напечатаніе статьи подвергнуть взысканію; 2) предписать, чтобы цензура не позволяла перепечатывать оной въ другихъ журналахъ, 3) впредь всѣ статьи о почтовой части, которыя могли бы быть предназначены къ напечатанію, сообщать предварительно на мое усмотрѣніе».

Тщетно, послѣ того, Кеппенъ въ длинномъ рапортѣ представлялъ вице-президенту академіи, князю Дондукову-Корсакову, въ свое оправданіе и въ подтвержденіе своей статьи, множество научныхъ и официальныхъ фактовъ, прибавляя, что онъ не былъ бы достоинъ званія статистика, если бы въ этомъ отношеніи не слѣдовалъ за успѣхами почтовыхъ и другихъ подобныхъ заведеній и не сталъ сличать ихъ съ учрежденіями другихъ странъ и съ потребностями отечества». Князь Дондуковъ находилъ, что эти объясненія не только не оправдываютъ Кеппена, но даже не совсѣмъ умѣстны, такъ что онъ «не рѣшился бы представить ихъ въ настоящемъ видѣ министру, если бѣ самъ Кеппенъ лично не просилъ его о томъ». Уваровъ, съ своей стороны, нашелъ также объясненія Кеппена неудовлетворительными потому, что онъ, «какъ ученый, не понялъ предѣловъ своей науки, а какъ писатель не соблюлъ своихъ обязанностей, и что, переступая за предѣлы разсужденій теоретическихъ, онъ вдался въ печатное сужденіе о правительственныхъ постановленіяхъ и административныхъ распоряженіяхъ»; за все это ему и данъ былъ строгій выговоръ. Непремѣнному секретарю Академіи поставлено на видъ, что онъ, зная о содержаніи статьи Кеппена, не предварилъ о томъ начальство; наконецъ Академіи наукъ предписано представлять на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія всѣ назначенныя для печати сочиненія ея сочленовъ, которыя будутъ касаться непосредственно предметовъ какой-либо вѣтви государственнаго управленія.

9-го іюля 1842 г. графъ Бенкендорфъ секретно просилъ Уварова увѣдомить его, для доклада государю, была ли имъ, Уваровымъ, разрѣшена статья Хомякова: «О сельскихъ условіяхъ», напечатанная

въ № 6 «Москвитянина»? «Къ сему вопросу, говорилъ онъ, я побуждаюсь тѣмъ, что въ настоящее время, когда обнародованіе высочайшаго указа 2-го апрѣля, о договорахъ помѣщиковъ съ крестьянами, произвело повсемѣстное впечатлѣніе, котораго характеръ не вездѣ еще положительно опредѣленъ, я нахожу, что подобныя статьи, какъ бы онѣ ни были благонамѣренны, не должны быть допускаемы въ печать цензурою безъ предварительнаго, просвѣщеннаго разсмотрѣнія и особаго разрѣшенія вашего высокопревосходительства собственно, тѣмъ болѣе, что онѣ касаются до распоряженій правительства». Уваровъ отвѣчалъ, что хотя статья эта, до напечатанія, и не была представлена на его разрѣшеніе, но онъ и теперь не находитъ, чтобъ она требовала какой-либо особой мѣры, потому что она благонамѣренна и не представляетъ ничего непозволительнаго. Когда же, вскорѣ послѣ того, смоленскій помѣщикъ Волковъ написалъ возраженіе на статью Хомякова, то министръ не дозволилъ печатать его и циркуляромъ предписалъ всѣмъ цензурнымъ комитетамъ не допускать въ печать какъ вообще статей по этому предмету, такъ и статей, разбирающихъ статью Хомякова.

Въ ноябрѣ, графъ Бенкендорфъ указывалъ Уварову на письма Пушкина къ Погодину, напечатанныя въ № 10 «Москвитянина», и на нѣкоторыя мѣста изъ «Комаровъ» Булгарина. «Какъ въ письмахъ Пушкина, говорилъ онъ, встрѣчаются неприличныя выходки противъ публики, литературы, цензуры и частнаго лица г. Полеваго, то позвольте изложить вамъ мое мнѣніе, что ежели издатели «Москвитянина», печатая въ журналѣ своемъ эти письма, имѣли намѣреніе познакомить публику съ настоящими качествами г. Пушкина, въ такомъ случаѣ цѣль ихъ истинно похвальна, но не менѣе того цензоръ не имѣлъ права и не долженъ былъ пропускать къ печатанію неприличной брани, столь нетерпимой правительствомъ. Далѣе, какъ «Комары» г. Булгарина также исполнены личностей, грубыхъ намековъ и даже ругательствъ, то г. цензоръ, при разсмотрѣніи этой книги, также обязанъ былъ поступить съ большою осторожностью, и тѣмъ еще болѣе, что современныя всякаго рода изданія явно доказываютъ, до какой степени господа сочинители, увлекаясь страстями, или неприязнью, не хотятъ понимать, что ихъ литературная война ни мало не можетъ быть занимательна для читателей, и сколько ихъ неприличныя выраженія оскорбляютъ образованную публику».

Мѣста, которыми остался въ такой мѣрѣ недоволенъ графъ Бенкендорфъ, были слѣдующія:

I. Письма Пушкина къ Погодину. «Публика наша глупа, но не должно ее морочить». — «У насъ критика, конечно, ниже даже и самой публики, не только самой литературы». — «Вообще пишу много про себя, а печатаю по неволѣ и единственно для денегъ: охота



являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ..... дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ только что не.... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивыѣ рынокъ». — «Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ кромѣ двухъ стиховъ. Скажите это господину, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо, и попросите его высокородіе отъ моего имени впредъ быть учтивѣе и снисходительнѣе». — «Недавно прочелъ я въ журналѣ сравненіе между мной и П.....; оба-де морочутъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой по одному тому своей исторіи..... Н. воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ..... вымъ есть съ его стороны..... ство».

II. К о м а р ы. Всякая всячина Булгарина. «Ну, а этотъ водевилястъ (намекъ на автора водевиля «Петербургскія квартиры») <sup>1)</sup>, котораго вы показывали мнѣ въ театрѣ, когда играли его пьесу «Собаčky конуры», гдѣ онъ вывелъ на сцену прежнихъ своихъ кормильцевъ и представилъ ихъ ворами и разбойниками... Въ немъ вѣрно душа какого-нибудь ужаснаго звѣрка... напротивъ душа сказочнаго осла! Вы думаете, что онъ золъ—онъ просто глупъ, и какъ оселъ лягаетъ тѣхъ, которые его кормятъ и чистятъ скребницей».

Уваровъ сдѣлалъ внушеніе Московскому и Петербургскому цензурнымъ комитетамъ, а графа Бенкендорфа благодарилъ за указаніе.

5-го февраля 1843 г., графъ Бенкендорфъ писалъ, секретно, князю Ширинскому-Шихматову (временно исправлявшему должность министра народнаго просвѣщенія) про напечатанное въ № 25 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» письмо изъ Твери, подъ именемъ тамошняго помѣщика Николая Невѣдомскаго, о данныхъ дворянствомъ и купечествомъ Тверской губерніи прощальныхъ обѣдахъ въ честь и признательность бывшему начальнику губерніи, дѣйств. статс. сов. Болговскому. «Письмо это, говорилъ графъ Бенкендорфъ, помѣщено съ нѣкоторою неосторожностью, ибо г. Болговской уволенъ отъ должности губернатора, не по собственному желанію, но по распоряженію правительства, и, слѣдовательно, напечатанная въ официальной газетѣ статья, съ изъясненіемъ похвалы и признательности къ нему жителей, показываетъ, такъ сказать, видъ оппозиціи противъ правительства». Три дня спустя, министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, также писалъ Уварову, секретно же, про эту статью, указывая на то, что бывший губернаторъ выставленъ тамъ образцомъ истиннаго благороднаго начальника, и сказано, что ему принесена отъ дворянства благо-

<sup>1)</sup> Кажется, Кони.

дарность за управленіе губерніею, между тѣмъ какъ этотъ губернаторъ неоднократно подвергался высочайшимъ выговорамъ за безпорядки по управленію губерніею и, вслѣдствіе того, уволенъ отъ губернаторской должности безъ просьбы. «Принимая въ соображеніе, что статьи, печатаемыя въ газетахъ по таковымъ предметамъ, могутъ часто не соотвѣтствовать распоряженіямъ и видамъ правительства», Перовскій просилъ всѣ подобныя статьи допускать въ печать не иначе, какъ послѣ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Согласно этимъ двумъ сообщеніямъ, дано было предписаніе, чтобъ на будущее время всѣ статьи съ описаніемъ празднествъ въ честь губернскихъ чиновниковъ, особенно при ихъ увольненіи, были печатаемы не иначе, какъ послѣ предварительнаго разсмотрѣнія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

15-го ноября, министръ двора, князь Волконскій, требовалъ, для доклада государю императору, свидѣнія, кѣмъ сочинена и по чьему дозволенію напечатана, въ № 25 «Сѣверной Пчелы», безъ разрѣшенія министерства двора, статья объ оперѣ «Норма», заключающая въ себѣ неприличное сравненіе этого представленія съ посѣщеніемъ звѣринца. Князь Ширинскій-Шихматовъ отвѣчалъ, что статья написана Булгариннымъ, а пропущена цензорами Корсаковымъ и Очкинымъ, на основаніи ст. 12-й цензурнаго устава, такъ какъ тутъ не было говорено ни объ игрѣ, ни о пѣніи артистовъ въ «Нормѣ», а былъ только намекъ, что авторъ ничего не можетъ сказать объ этомъ представленіи. Что же касается до слѣдующаго затѣмъ извѣстія о звѣринцѣ, гдѣ авторъ имѣлъ будто бы болѣе наслажденія, чѣмъ въ оперѣ, то цензоры не могли видѣть здѣсь никакого сравненія звѣринца съ оперой; въ простомъ же сближеніи этихъ разнородныхъ предметовъ, особливо въ статьѣ подъ заглавіемъ «Всякая всячина», виденъ только недостатокъ вкуса въ авторѣ. А на основаніи статей 13-й и 15-й ценз. уст., цензора не могутъ запрещать безвредной шутки и не имѣютъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя. Къ этому князь прибавлялъ, что министерству народнаго просвѣщенія никогда не было сообщено распоряженіе, чтобъ статьи о театральныхъ представленіяхъ, печатаемыя въ «Сѣверной Пчелѣ», предварительно разсматривались въ министерствѣ двора, а потому ни цензурный комитетъ, ни министерство народнаго просвѣщенія не имѣли возможности наблюсти за исполненіемъ этого. Наконецъ, Ширинскій-Шихматовъ просилъ князя Волконскаго представить государю императору на разрѣшеніе вопросъ: должна ли цензура, послѣ дозволенія такихъ статей министерствомъ двора, разсматривать ихъ съ своей стороны обыкновеннымъ порядкомъ, или обязана позволять ихъ безъ дальнѣйшаго цензурованія, не подлежа уже никакой отвѣтственности за со-

держаніе ихъ? Князь Волконскій, оставшись при своемъ мнѣніи объ оскорбительности сопоставленія, въ статьѣ «Сѣверной Пчелы», театра со звѣринцемъ, 19-го ноября сообщилъ князю Ширинскому-Шихматову, что государь императоръ повелѣлъ сдѣлать Булгарину строжайшій выговоръ «за неприличную статью объ оперѣ «Норма», въ которой хотя и не разбирается ни игра, ни пѣніе, но говорится весьма рѣзко не въ пользу артистовъ, и сверхъ того допущено крайне неприличное сравненіе императорскаго театра съ звѣринцемъ». «Вмѣстѣ съ симъ, продолжалъ князь Волконскій, его величеству угодно, чтобъ издатели всѣхъ журналовъ и газетъ, гдѣ дозволяется помѣщать статьи объ императорскихъ театрахъ, не иначе печатали оныя, какъ по предварительномъ моемъ разсмотрѣніи, и чтобы таковыя статьи представлялись ко мнѣ принятымъ порядкомъ, чрезъ III-е отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи, за подписью сочинителей ихъ, не начальными только литерами, а всѣми словами. Послѣ того, тѣ статьи должны быть подвергаемы разсмотрѣнію обыкновенной цензуры, на общихъ правилахъ».

Въ декабрѣ 1843 года, кіевскій генералъ-губернаторъ Бибииковъ жаловался министру внутреннихъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и министру народнаго просвѣщенія, на нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ въ пользу Польши. Исторія этого дѣла была слѣдующая. Два польскіе писатели, графъ Ржевускій и Грабовскій (по отзыву Бибиикова люди «совершенно благонадежные»), говорили въ своихъ сочиненіяхъ о безумствѣ желанія возстановить Польшу; объ обязанности всякаго честнаго человѣка быть усерднымъ подданнымъ государя; о томъ, что бывшая Польша, съ своимъ правленіемъ, всегда была жертвою партій и интригъ, всегда страдала подъ игомъ виѣшнихъ безпокойствъ, или междоусобій и разбоевъ, что Украина, Волынь, Подолія, Литва—отчины князей Рюрикова дома, всегда были русскія; что большая часть поляковъ юго-западнаго (Кіевского) края никогда не были поляками, ибо такихъ фамилій въ настоящей Польшѣ не было; что писатели эти, выставляя смѣшныя стороны закоренѣлыхъ заблужденій поляковъ, стараются открыть имъ настоящее направленіе, по которому они должны слѣдовать для собственнаго счастья, и т. д. Въ № 64 варшавской газеты «Dziennik Krajowy» напечатана была критика противъ этихъ сочиненій Ржевускаго и Грабовскаго. Она укоряла ихъ за ихъ образъ мыслей и правила, и тутъ было, между прочимъ, сказано, что «подобнымъ сочинителямъ писать легко и безопасно, потому что они, держась стороны побѣдителей, и сами должны остаться побѣдителями и что надлежащаго разбора книгамъ ихъ быть не можетъ, ибо одинъ разъ, и то съ трудомъ, критика эта удастся, но въ другой разъ, конечно, уже некому будетъ отвѣчать сочинителямъ за критиковъ».

Статья эта произвела въ западныхъ губерніяхъ большое впечатлѣніе и, по распоряженію намѣстника царства Польскаго, газета «*Dziennik Krajowy*» была запрещена. Въ это самое время кіевскій генераль-губернаторъ обратилъ вниманіе на нѣсколько статей въ русскихъ журналахъ, которыя, по его мнѣнію, обнаруживали образъ мыслей запрещенной газеты и вообще неблагонамѣренныхъ поляковъ. Почему онъ и составилъ подробную записку объ этихъ статьяхъ и передалъ ее, при весьма секретномъ сообщеніи, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, высказавъ при этомъ, что «сочинители должны быть подвергнуты отвѣтственности, со строгимъ запрещеніемъ возмущать впредь подобными выходками спокойствіе края, гдѣ всѣ благомыслящіе стремятся къ цѣли, давно уже указанной волею государя императора—къ нравственному сліянію края сего съ Великороссіей». Замѣченные статьи были слѣдующія: 1) Взглядъ на литовское законодательство и литовскіе статуты, статья, напечатанная въ 1841 г. въ «Юридическихъ Запискахъ» (издаваемыхъ въ Москвѣ профессоромъ Рѣдянымъ) и написанная профессоромъ Московскаго университета Даниловичемъ (тѣмъ самымъ, замѣчалъ Бибииковъ, о которомъ упоминается въ одномъ польскомъ заграничномъ сочиненіи, какъ главнѣйшемъ поборникъ польскаго дѣла). «Статья эта, продолжалъ генераль-губернаторъ, хотя и написана осторожно, но польскій духъ, проникающій ее всю, проглядываетъ вездѣ и во всемъ ея изложеніи. Выказать: прочность и пользу соединенія Литвы съ Польшею, единство у обоихъ народовъ латинскаго исповѣданія съ первыхъ временъ ихъ христіанства, слабость русскихъ элементовъ, входившихъ въ составъ Литовскаго княжества и, наконецъ, высокое достоинство законоположеній, заключающихся въ Литовскомъ статутѣ—вотъ цѣль автора и предметъ статьи его». 2) Три статьи въ «Библіотекѣ для чтенія» (январь, февраль и апрѣль 1843 г.), написанныя Сенковскимъ. Двѣ первыя написаны по поводу выхода въ свѣтъ «Исторіи Малороссіи», Н. Маркевича. «Здѣсь критикъ, предавшись воѣмъ порывамъ польской злобы противъ малороссіянъ, нападаетъ на нихъ за ихъ возстаніе противъ тиранствъ Польши, оправдываетъ или отвергаетъ злодѣйства поляковъ въ Юго-Западномъ краѣ и старается оклеветать Малороссію въ отношеніи къ Россіи. Тонъ всей статьи наглъ, грубъ и оскорбителенъ. По этому уже одному, чтеніе ея производитъ на всякаго русскаго впечатлѣніе чрезвычайно непріятное».

«Нѣтъ сомнѣнія, восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ Сенковский, что если бы казачество было уничтожено въ концѣ XVI-го столѣтія, Малороссія, Россія и человѣчество чрезвычайно много выиграли бы отъ этого». «Этимъ возгласомъ, замѣчалъ генераль-адъютантъ Бибииковъ, Сенковский выражаетъ сожалѣніе, что Россія и Малороссія не подчинились

Польшѣ и ея республиканскимъ формамъ. Кромѣ того, замѣчательно время, которое Сенковскій опредѣляетъ для уничтоженія казачества: конецъ XVI-го столѣтія есть именно время начатія уни, для которой казачество было такимъ непреодолимымъ препятствіемъ». Далѣе, генераль-губернаторъ говорилъ, что, послѣ этихъ двухъ статей, редакторъ «Библіотеки для чтенія» напечаталъ третью статью, гдѣ, ободренный безнаказанностью, уже несравненно смѣлѣе и откровеннѣе выражается въ пользу Польши, въ опроверженіе понятій, утверждаемыхъ въ малороссійскихъ губерніяхъ правительствомъ и новымъ русскимъ направленіемъ воспитанія юношества. Эта статья написана по поводу романа г. Кулѣша: «Михайло Чернышенко». Здѣсь Сенковскій высказывалъ небывалыя вещи въ родѣ слѣдующихъ: «Въ XIII стол. вся Малороссія, исключая Кіевъ, была чистая степь. Монголы превратили прежнее великое княжество въ безлюдную пустыню и пасли на немъ свои стада. Когда литовцы отгнѣнили татарскіе улусы и заняли Кіевъ, они получили во владѣніе страну, почти вовсе необитаемую. Прежнее народонаселеніе было совершенно истреблено или разогнано. Литовцы уже начали населять эту пустыню людьми, выводимыми изъ своихъ областей, изъ пинскихъ болотъ, изъ Сѣверной Волыни и изъ Червленной Руси: эти-то переселенцы принесли съ собою въ Малороссію и тотъ языкъ, который нынѣ извѣстенъ подъ названіемъ малороссійскаго. Литва почитала этотъ край своею колонією, и совершенно справедливо. Это была литовская колонія, и при томъ военная колонія для защиты новыхъ границъ отъ татаръ. Литовскіе дворяне получили здѣсь пустыя земли, съ условіемъ приводить сюда часть своихъ холопей, строить замки и села... Когда Литва соединилась съ Польшею и хозяйственнымъ образомъ уступила ей Волынь и Червленную Русь, польскіе дворяне на тѣхъ же условіяхъ переводили сюда своихъ крестьянъ, и сами основывали среди ихъ свое пребываніе. Въ то же время, на островахъ Днѣпра и въ самой глубинѣ степей, составилось скопище изъ бѣглецовъ литовскихъ и польскихъ, которые покидали своихъ законныхъ владѣльцевъ и новыя поселенія, чтобы жить своею головою» и т. д.

Приведа эти и многія другія выписки изъ указанныхъ выше статей, генераль-губернаторъ Бибииковъ дѣлалъ слѣдующее общее заключеніе: «Русскимъ обитателямъ южныхъ предѣловъ своего отечества нужно и возможно привести въ забвеніе злонамѣренное и натянутае ученіе польскихъ историковъ: польскія историческія книги становятся здѣсь частью-часу менѣе доступны и должны, наконецъ, сдѣлаться рѣдкими. Польская партія не можетъ не предвидѣть этого слѣдствія. Поэтому-то поляки и рѣшились прибѣгнуть къ органу нашихъ періодическихъ изданій, дабы, оградивъ себя русскимъ языкомъ отъ строгости цензуры, сохранить, спасти отъ забвенія идеи польской народности и положить

\*

ими препятствіе нравственному сліянію здѣшнихъ губерній по царскому слову его императорскаго величества: «Въ одно тѣло, въ одну душу».

Вслѣдствіе этого сообщенія, Уваровъ 31-го декабря 1843 г. предписалъ, «весьма секретно», Петербургскому и Московскому цензурнымъ комитетамъ дать выговоръ цензорамъ, пропустившимъ тѣ статьи, и впредь представлять на его усмотрѣніе, послѣ цензорскаго одобренія, всѣ статьи, касающіяся до исторіи и политическихъ отношеній Западнаго края имперіи и возвращенныхъ отъ Польши губерній; а генераль-адъютанту Бибикову принесть покорнѣйшую благодарность за сообщеніе замѣчаній на тѣ неосмотрительныя статьи. Болѣдъ за тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ Уварову высочайшее повелѣніе: «за помѣщеніе въ двухъ журналахъ извѣстныхъ двухъ статей, подвергнуть виновныхъ отвѣтственности и напечатать въ тѣхъ же самыхъ журналахъ опроверженіе, извлеченное изъ сочиненій польскихъ писателей Ржевускаго и Грабовскаго»; но Уваровъ въ январѣ 1844 года вошелъ къ государю императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ, гдѣ изложилъ ходъ дѣла и свои распоряженія, а въ заключеніе просилъ дозволенія отнестись къ генераль-адъютанту Бибикову о доставленіи вышеозначенныхъ возраженій, такъ какъ тамъ на мѣстѣ (въ Кіевѣ) всего удобнѣе можно судить, что въ тѣхъ статьяхъ производитъ наиболѣе неблагопріятное впечатлѣніе на жителей края, и особенно требуетъ опроверженія, тѣмъ болѣе, что статьи были напечатаны уже годъ тому назадъ, и сочиненія Ржевускаго и Грабовскаго министерству народнаго просвѣщенія неизвѣстны. Сверхъ того, онъ упомянулъ, что возраженія на статьи «Библіотеки для чтенія» были уже напечатаны, въ 1843 году, въ «Москвитянинѣ». На этотъ докладъ 5-го января послѣдовала высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Но по сообщеніи этого генераль-адъютанту Бибикову, послѣдній отозвался, секретно, что всего удобнѣе было бы пригласить Сенковскаго взять на себя трудъ составленія опроверженія и приготовить для «Библіотеки для чтенія», въ настоящемъ духѣ и характерѣ нашей исторіи, статьи, которыя опровергали бы всѣ навѣты польскіе, напечатанные прежде. Уваровъ съ этимъ не согласился и всеподданнѣйшимъ докладомъ просилъ дозволенія, для составленія здѣсь статей съ опроверженіями, выждать, когда къ тому представится удобный поводъ, тѣмъ болѣе, что чрезъ это нужно будетъ привести снова на память статьи, которыя напечатаны почти годъ тому назадъ, и изъ которыхъ одна уже опровергнута въ «Москвитянинѣ». Государь императоръ изъявилъ на то свое согласіе, и на этомъ дѣло остановилось. Но Бибиковъ, не видя появленія возраженія въ «Библіотекѣ», напоминалъ о томъ Уварову; и когда послѣдній сообщилъ ему высочайшую

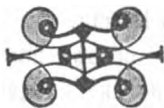
резолуцію, то Бибииковъ прислалъ статью, сочиненную, по его распоряженію, въ Кіевѣ, предоставляя при этомъ министру народнаго просвѣщенія «дать ей, по его усмотрѣнію, болѣе изящный, если возможно, видъ». Статья тотчасъ же была помѣщена въ «Библіотеку для чтенія».

25-го апрѣля 1844 г. графъ Орловъ писалъ Уварову, что изъ различныхъ источниковъ, изъ Москвы, онъ получилъ одни и тѣ же извѣстія, что статья «Освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ», напечатанная въ № 42—45 «Московскихъ Вѣдомостей», произвела въ публикѣ самое неблагоприятное впечатлѣніе. А такъ какъ главная, непріятная мысль, говорилъ начальникъ III-го отдѣленія, замѣтна у многихъ та, будто бы подобныя статьи печатаются не безъ намѣренія и не безъ отдаленныхъ видовъ самого правительства, то московскій военный генералъ-губернаторъ призналъ даже нужнымъ имѣть по этому предмету совѣщаніе съ московскимъ попечителемъ, графомъ Строгановымъ. Хотя въ статьѣ сей всѣ разсужденія относятся собственно до негровъ французскихъ и англійскихъ колоній, но нѣкоторыя выраженія оной, напримѣръ, «невольничество противно законамъ нравственности, оно развращаетъ и господина и раба: первого тѣмъ, что даетъ ему надъ невольникомъ безотвѣтственную, безпрерывно гнетущую власть, какую человекъ не въ правѣ имѣть надъ подобнымъ себѣ созданіемъ—послѣдняго тѣмъ, что уподобляетъ его скоту, замѣняя въ немъ всякую разумную дѣятельность страхомъ плети и слѣпымъ повиновеніемъ»,—могутъ дѣйствительно дать поводъ приписывать этой статьѣ смыслъ болѣе обширный, и не до однихъ негровъ относящійся. Поэтому графъ Орловъ просилъ Уварова дать цензорамъ, на случай печатанія впредь подобныхъ статей, самое правильное направленіе и поставить ихъ въ обязанность избѣгать такихъ статей, которыя могутъ быть примѣняемы вообще къ крѣпостному быту людей, дабы осторожнымъ выборомъ подобныхъ разсужденій могли быть прекращены неосновательные толки и то неправильное мнѣніе, что само правительство съ намѣреніемъ допускаетъ такіа статьи къ напечатанію». Министръ внутреннихъ дѣлъ жаловался Уварову, секретно, на ту же самую статью. Уваровъ отвѣчалъ обоимъ вѣдомствамъ, что сдѣлалъ надлежащее распоряженіе на счетъ осторожности цензуры, а въ отношеніи своемъ къ графу Орлову прибавилъ еще, что уже и прежде цензурному вѣдомству неоднократно было предписываемо не дозволить къ печати статей и разсужденій, относящихся къ крѣпостному состоянію крестьянъ въ Россіи.

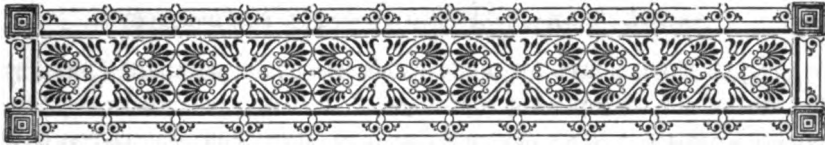
Наконецъ, въ заключеніе обзора постоянного вмѣшательства разныхъ вѣдомствъ въ журналистику слѣдуетъ привести еще одинъ любопытный фактъ: это возникшій, въ концѣ 1844 года, вопросъ объ учрежденіи русской журналистики за границей. 6-го ноября графъ Ор-

ловъ писалъ Уварову, что надворный совѣтникъ Делаacro, состоящій на службѣ правителемъ канцеляріи курляндскаго губернатора, предлагаетъ издавать въ Германіи журналъ подъ названіемъ «Россія», гдѣ предполагаетъ помѣщать выписки изъ нашихъ періодическихъ изданій, равно и опроверженія статей, появляющихся въ иностранныхъ газетахъ на счетъ Россіи. Уваровъ отвѣчалъ, что «нельзя не отдать полной справедливости похвальнымъ намѣреніямъ Делаacro, но дѣйствительно принести пользу можетъ это предпріятіе тогда только, когда будетъ имѣть успѣхъ несомнѣнный; въ противномъ случаѣ, кажется, благовиднѣе не приступать къ тому, особливо при участіи самого правительства, которое не можетъ остаться совершенно незамѣченнымъ. При нынѣшнемъ расположеніи умовъ въ чужихъ краяхъ въ отношеніи къ Россіи, должно, однако, усомниться, чтобы г. Делаacro успѣлъ преодолѣть всѣ трудности, которыя его предпріятіе встрѣтитъ неизбежно въ непріязни и ослѣпленіи противъ Россіи. Въ письмѣ своемъ г. Делаacro не объясняетъ, гдѣ и какимъ образомъ предполагается учредить редакцію журнала. Если, согласно съ прежнимъ его планамъ, въ Митавѣ, то едва-ли главная цѣль изданія будетъ достигнута за отдаленностью мѣста, ибо опроверженія лишь тогда могутъ быть дѣйствительны, когда слѣдуютъ немедленно за появленіемъ перваго извѣстія; запоздалыя возраженія только будутъ возобновлять прежнія впечатлѣнія, уже отчасти загладившіяся и затихшія. При томъ г. Делаacro не указалъ ни на одно имя, которое пользовалось бы авторитетомъ въ литературномъ мірѣ, и котораго участіе ручалось бы за успѣхъ предполагаемаго изданія. «Въ заключеніе, говорилъ Уваровъ, предоставляю собственному благоусмотрѣнію вашему рѣшить: въ какой мѣрѣ благовидно правительству содѣйствовать изданію, въ чужихъ брѣяхъ, журнала, назначеннаго исключительно на защиту Россіи отъ несправедливыхъ извѣстій о ней, а самъ ограничусь повтореніемъ мысли моею, что гораздо лучше вовсе не приступать къ подобному дѣлу, чѣмъ подвергаться всѣмъ невыгодамъ неудачнаго предпріятія». Послѣ этого отзыва, предположеніе Делаacro не имѣло никакого дальнѣйшаго хода.

(Продолженіе слѣдуетъ).







## Четыре письма Владимира Федосеевича Раевского къ сестрѣ его В. Ѳ. Поповой.

(Съ примѣчаніями Владимира Раевского).

1.

15-го декабря 1869 г.

Письмо твое, яблоки и вишни для Саши <sup>1)</sup>, любезный, безцѣнный другъ мой Вѣра Федосеевна, я получилъ. Благодарю тебя отъ души. Яблоки и груши буду беречь, чтобы достало на годъ. Я привыкъ употреблять ихъ какъ питье, вмѣсто лимонаду, и, размочивши, дѣлаю яблочникъ, до котораго я былъ большой охотникъ съ дѣтства.

Надежда Федосеевна <sup>2)</sup> прислала Сашѣ свой портретъ и дѣтей своихъ внучковъ, и рубашечки для дѣтей Вѣрочки.

Любовь Федосеевна <sup>3)</sup> прислала извлеченіе ихъ новой духовной, изъ которой я понялъ только то, что, если она умретъ, имѣніе <sup>4)</sup> должно поступить мнѣ, но я распоряжаться имъ не имѣю права; если я умру, то имѣніе должно поступить Сашѣ, и, наконецъ, тогда только это имѣніе должно поступить мнѣ или Сашѣ, если я или дочь моя будемъ вести себя честно, добропорядочно и почтительно въ отношенія ея и мужа ея. Не понимаю, что это все значить?

Кажется, я поступилъ съ вами и велъ себя какъ добрый братъ, какъ честный человѣкъ, какъ другъ вашъ... Къ чему же эти е с л и, отчужде-

---

<sup>1)</sup> Дочь В. Ѳ., нынѣ умершая.

<sup>2)</sup> Бердяева. Дочь ея, Зинаида Николаевна, славилась своимъ недюжиннымъ образованіемъ, художественными талантами и замѣчательною красотою. Была замужемъ за харьковскимъ губернаторомъ А. С. Траскинымъ. Нынѣ умершая.

<sup>3)</sup> Веригина.

<sup>4)</sup> Хворостянка, Курской губ., Старооскольскаго уѣзда.

ніе другихъ дѣтей моихъ отъ меня, униженіе Юлія, котораго я такъ люблю. Не вызовъ ли это на оскорбленіе?

Я васъ люблю, я вамъ это выразилъ, но дѣтей моихъ я люблю болѣе всего и знаю ихъ очень хорошо. Юлій, можетъ быть, нескроменъ, увлекается иногда, беззаботенъ, разсѣянъ, но всѣ свои недостатки онъ выкупаетъ добрымъ сердцемъ, честными наклонностями, развитіемъ благородства мыслей и дѣлъ. Зачѣмъ было въ духовной письменно клеймить его. Скажу тебѣ рѣшительно, что такая духовная не только не дѣлаетъ мнѣ никакого удовольствія, но въ основаніи оскорбляетъ меня.

Да и что изъ такой юридически невозможной духовной? Ну, если мы всѣ попремъ наоборотъ? т. е. я прежде, потомъ Саша, а потомъ уже Веригина? Повторяю еще разъ, что я не появляю хорошо, о чемъ идетъ дѣло въ этой духовной. Бѣдная Александра Ѳедосеевна, сколько глупостей надѣлала она при жизни!

Юлій хотѣлъ ѣхать къ вамъ и, вѣроятно, уже былъ. Напиши мнѣ, что онъ дѣлалъ? Долго ли пробылъ? Что дѣлаетъ Анна Васильевна? <sup>1)</sup> Я ей писалъ три письма, а, кажется, она получила только одно.

Кланяйся отъ меня Любиму Ивановичу и Софѣѣ Ѳедоровнѣ и Ѳедору Петровичу <sup>2)</sup> и прекраснымъ дѣтямъ его.

Александръ Васильевичъ также кланяйся и поблагодари за всегдашнее ея расположеніе ко мнѣ.

Мы живемъ по прежнему. Зима у насъ теплая, снѣгу много, но р. Ангара, на которой Олонки <sup>3)</sup>, еще не стала, а (уже?) 15-е декабря. Прощай, другъ мой, не забывай любящаго тебя всѣмъ сердцемъ брата.

Іоасафу Александровичу <sup>4)</sup> усердно кланяюсь и по полученіи письма отъ него буду писать.

Съ новымъ годомъ всѣхъ васъ поздравляю.

## 2.

23-го декабря 1861 г.

Вотъ, наконецъ, мой добрый и бездѣльный другъ мой, Вѣра Ѳедосеевна, предъ тобою и Вадимъ, сынъ твоего брата... Я отправилъ его до Москвы на весьма надежныхъ рукахъ. Остальное онъ самъ тебѣ расскажетъ.

Описывать сына я не буду.

Способностей у него много. Учился и понимаетъ все хорошо. Любить говорить много, это фамиліный порокъ и наслѣдственный до из-

<sup>1)</sup> Мухортова, теперь Гаевская, племянница І. А. Попова.

<sup>2)</sup> Ѳ. П. Волковъ, помѣщикъ Новооск. у., теперь умершій.

<sup>3)</sup> Село Иркутской губ., гдѣ жилъ В. Ѳ.

<sup>4)</sup> Поповъ, мужъ Вѣры Ѳедос.

вѣстныхъ лѣтъ и опыта. Тебѣ и Іоасафу Александровичу вѣрю я родительскую власть надъ нимъ.

Здѣсь гимназія такъ дурна, что воспріимчивая натура только испортиться можетъ; хотя и во всѣхъ общественныхъ училищахъ направленіе было одно и то же, но хуже нашей гимназіи, конечно, не было. Необходимость только заставила меня вести дѣтей по этому заразительному и вредному переходу, чтобы имѣть послѣ этой порчи право на лучшую будущность. Теперь вся жизнь его и будущность зависятъ отъ васъ. На ваше благоразуміе и любовь всѣ надежды мои.

Онъ уже вашъ. Увижу ли я его? Богу только извѣстно... 33 года жилъ я устраивалъ я мое гнѣздо, и вотъ: Саша, Вѣра, Юлій, Миша и, наконецъ, Вадимъ оставили меня и мать <sup>1)</sup>, и свой родимый кровъ. При моей болѣзненной любви къ дѣтямъ, тяжело, очень тяжело и больно. Но этой жертвы требуетъ отъ меня та же любовь къ нимъ. Мнѣ жить не долго, а они начинаютъ только жить. Изъ жестокаго и долговременнаго опыта я вынесъ убѣжденіе, что человѣкъ можетъ быть покоенъ только тогда, когда онъ желаетъ добра и дѣлаетъ его не изъ тщеславія, а вслѣдствіе необходимости или желанія дѣлать его своимъ однороднымъ. Слѣдственно, я не думаю о дѣтяхъ моихъ только тогда, когда сплю... Но и во снѣ часто вижу то того, то другаго. Въ ссылкѣ я привыкъ видѣть въ дѣтяхъ моихъ весь міръ; за оградой моего дома я встрѣчалъ чуждыхъ для меня, какъ бы другаго міра людей.

И вотъ, при концѣ жизни, заживо передо мною пустыня...

Не долго пробылъ я у васъ. Но вы видѣли и поняли, что не корысть, не расчеты, не сожалѣніе о моемъ прошедшемъ, а одна чистая, искренняя любовь къ роднымъ сестрамъ звала меня на родину <sup>2)</sup>, чтобы увидѣть ихъ, обнять, поклониться праху отца и матери и потомъ со слезами, горькими слезами проститься съ ними на всегда.

Недавно ты пробудила было во мнѣ свѣтлую мысль, надежду кончить жизнь мою вблизи отъ васъ, на той же землѣ, гдѣ жили отецъ, дѣдъ, прадѣдъ наши! Но ты современемъ поймешь, какъ искусно и безбожно В—нъ умѣлъ уничтожить минутное увлеченіе къ добру жалкой жены своей... Сначала онъ увеличилъ цѣну, потомъ придумалъ какую-то статью (?), которую скорѣе послалъ онъ самъ, нежели я или кто-либо изъ моихъ близкихъ.

Съ почтою ты получишь поясненіе на эту нехитрую выдумку. Бѣдная и жалкая эта Любовь Фед.

Мой сынъ будетъ залогомъ моей самой искренней, самой чистой, неизмѣнной любви къ вамъ и довѣрія какъ къ тебѣ, такъ и любезному

<sup>1)</sup> Евдокія Моисеевна.

<sup>2)</sup> Курская губернія.

брату Іоасафу Александровичу. Прощайте. Обнимаю, цѣлую тысячу разъ и благословляю васъ на жизнь покойную, счастливую и долговѣчную.

Знакомымъ кланяюсь.

## 3.

11-го января 1864 г.

Давно не писалъ я къ тебѣ, безцѣнный и милый другъ мой, Вѣра Федосеевна. Я ожидалъ отвѣта на письма мои. Но, кажется, ты лѣнишься писать. Отъ Вадима также давно не имѣю писемъ, онъ совершенно насъ забылъ: и къ маменькѣ, и къ братьямъ не пишетъ. Я просилъ о переводѣ Миши сюда, не знаю, уважатъ ли просьбу мою по случаю войны; онъ получилъ анненскую саблю за храбрость и поручикъ. Юлій произведенъ въ ротмистры, но перевода до сихъ поръ нѣтъ.

У насъ ничего особеннаго нѣтъ.

Если Мишу переведутъ, я приказалъ ему заѣхать къ вамъ.

Получила ли Анна Васильевна мою карточку? ничего не знаю. Миѣ пишутъ изъ Москвы, что Вадимъ учится хорошо. Я ему послалъ мою карточку. Недавно прочелъ я въ газетахъ о смерти моихъ близкихъ товарищей: Батенькова, миѣ присланъ и портретъ его, завѣщанный передъ смертью; онъ 20 лѣтъ просидѣлъ въ крѣпости; Турчанинова, крестнаго отца Юлія; онъ ботаникъ и умеръ въ Харьковѣ, и Александра Ник. Муравьева; онъ былъ такъ же въ ссылкѣ, но умеръ сенаторомъ. Стало быть, и я на очереди... 28-го марта миѣ пойдетъ семидесятый годъ. А жизнь моя прошла, какъ тебѣ извѣстно, не на балахъ и пирахъ, и не многимъ назначено такъ много испытаній, труда и лишеній. И, если я вынесъ изъ подъ этого гнета не утраченныя силы, то, конечно, исключеніемъ такимъ я обязанъ только Богу!

Время идетъ, и пребываніе мое у васъ миѣ чудится, какъ сонъ, какъ давно прошедшее.

Прощай, любимый и добрый другъ мой. Не забывай брата твоего, который встрѣтилъ въ тебѣ сестру и друга.

Люби моего Вадима. У васъ нѣтъ дѣтей, да будетъ онъ сыномъ вашимъ. Іоасафа Александровича также прошу о немъ. Онъ васъ очень любитъ, это я знаю.

Обнимаю и цѣлую васъ тысячу разъ.

Всѣмъ знакомымъ усердно кланяюсь.

Дочь моя Саша пишетъ, что В-на не высылаетъ ей денегъ; отчего это?

## 4.

21-го іюля 1865 г.

Письмо твое, безцѣнный, несравненный и добрый другъ мой, Вѣра Федосеевна, съ письмомъ отъ Вади́ма отъ 3-го іюня я получилъ. Долго не получая отвѣта на письма мои, я уже испугался...

Послѣ несчастныхъ случаевъ со мною, я сдѣлался недовѣрчивъ и всегда ожидаю и тревожусь, не отдавая себѣ отчета, почему я вижу или предполагаю только одно печальное или дурное. Можетъ быть, такое настроеніе и пройдетъ, если Миша, сынъ мой, возвратится, если дѣла мои пойдутъ лучше, если дѣти мои будутъ счастливы.

Переходъ Вади́ма въ Харьковскую гимназію нисколько меня не опечалилъ. Я очень доволенъ, что вы такъ рѣшили. Здоровье для молодого человѣка необходимо, а сколько у насъ гибнетъ едва блеснувшихъ талантовъ отъ недостатковъ, ранней издержки жизни и вреднаго вліянія атмосферы, особливо петербургской,—московскій воздухъ легче.

Я думаю, вы увидите Мишу. Полкъ переходитъ въ Малоросію, и, если его не переведутъ, онъ хочетъ подать въ отпускъ. Да не мѣшало, если бы Саша перевела эти 2.000 рублей на меня. Дѣла мои совершенно разстроились, и я вошелъ въ долгъ, хотя незначительный, но я не при-выкъ, и это меня сильно беспокоитъ.

Валерій <sup>1)</sup> служить при зятѣ моемъ Ефимовѣ и не требуетъ отъ меня ничего. Вади́мъ вашъ, но за Соничку я долженъ платить. Она превосходно играетъ на фортепьянахъ и очень много утѣшаетъ меня своими необыкновенными успѣхами. Директриса, превосходная женщина и начальница, ее очень любить, и Соничкѣ остается только два года въ институтѣ. Она вся въ нашу фамилію и похожа съ Сашей.

Саша вышла замужъ! Это меня очень удивило и не обрадовало. Здѣсь она по выбору могла бы выйти, но это замужество отдѣлило ее совершенно отъ родины, родныхъ и вообще отъ семейства и надежды возвратиться къ намъ. Мужъ ея лѣкарь, имѣетъ мать и сестеръ на рукахъ, содержитъ ихъ изъ жалованья, моложе далеко Саши, и вотъ причина, по которой я боюсь за будущность ея.

У насъ былъ неурожай, и хлѣбъ доходилъ ржаной до одного рубля и 20 коп. за пудъ, пшеничный до 1 р. 50 к., крупа ячневая 2 р. пудъ; а въ этомъ году засуха, но повредила только яровыя.

Интереснаго у насъ ничего нѣтъ.

Къ Іоасафу Александровичу я писалъ, но не получилъ отвѣта. Я

---

<sup>1)</sup> Сынъ В. О., здравствуетъ по нынѣ.

люблю и уважаю его за его расположеніе чисто родственное къ намъ.

Что милая и добрая Настенька? почему не пишетъ ко мнѣ? очень жалѣю, если она больна.

Прощай, мой милый и безцѣнный другъ.

Кланяйся всѣмъ, кто помнитъ меня. Пиши чаще, для здоровья моего это полезно. Отъ Натальи Гавриловны <sup>1)</sup> давно не имѣю писемъ, жива ли она? Прощай, еще разъ цѣлую тебя.

Вадиму буду писать.

Сообщилъ Владиміръ Раевскій.



---

<sup>1)</sup> Двоюродная сестра В. О.



## Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXVI <sup>1)</sup>.

Литературная дѣятельность В. А. Панаева.—Участіе его въ „Современникѣ“.—Мысль объ изданіи журнала въ Парижѣ на французскомъ языкѣ.—Статья В. А. Панаева въ защиту Тьера.—Знакомство съ Луи-Бланомъ.—Переговоры съ нимъ объ изданіи журнала.—Банкетъ въ память провозглашенія во Франціи первой республики.—Рѣчь на немъ В. А. Панаева въ пользу сербовъ.—Вопросъ объ изданіи журнала „L'homme Libre“.—Неблаговидные поступки Луи-Блана.—Отказъ Панаева отъ участія въ журналѣ.—Процессъ его съ Луи-Бланомъ.

**Х**отя, какъ видно изъ моихъ воспоминаній, моя жизнь проходила въ инженерной дѣятельности, но въ душѣ меня влекло къ дѣятельности литературной, по вопросамъ социальнымъ, экономическимъ и политическимъ. Еще въ 1858 году, когда уже начиналось облегченіе цензурныхъ условій, я сталъ уговаривать редакторовъ «Современника» Ив. Панаева и Некрасова, начать издавать ежедневную газету и готовъ былъ взять на себя руководить означенными выше вопросами. Въ то же время, я предсказывалъ имъ, что если не оснуется серьезный политическій органъ, то Москва задавитъ «Современникъ». Въ началѣ 1858 г., я написалъ въ видѣ образца моихъ взглядовъ, статью: *Община*, которая появилась въ мартовской книжкѣ «Современника».

Въ томъ же, въ 1858 году, я написалъ и издалъ брошюру на французскомъ языкѣ о политическихъ вопросахъ подъ заглавіемъ «*La Sainte alliance des peuples*», характеризующую мои политическіе взгляды. Кроме того, я въ томъ же году издалъ на французскомъ языкѣ неболь-

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ мартъ 1903 г.

шую брошюру, по поводу жгучаго тогда вопроса, поглотившаго всѣхъ и вся, подъ заглавіемъ: «*Emancipation de serfs en Russie*, и наконецъ въ томъ же году я издалъ обширную брошюру на русскомъ языкѣ, которая появилась въ Лондонѣ: это V книжка голосовъ изъ Россіи, съ проектомъ освобожденія крестьянъ, впоследствии напечатанная здѣсь, цѣликомъ, въ типографіи II отдѣленія Собственной его величества канцеляріи.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ очевидно слѣдуетъ, что мое предложеніе редакторамъ «Современника», о томъ, что я былъ бы готовъ взять на себя руководство по вопросамъ политическимъ, экономическимъ и социальнымъ, въ той газетѣ, которую бы они предприняли, не было словомъ, выпущеннымъ мною на вѣтеръ.

Со смертію Панаева «Современникъ» скоро погибъ, и Некрасовъ явился редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ».

Въ 1865 году я сталъ вновь убѣждать Некрасова приняться за изданіе ежедневной газеты. Но онъ тогда отговаривался тѣмъ, что необходимость ежедневнаго труда ему не подь силу.

Когда въ 1868 г., я закончилъ свою инженерную дѣятельность, и когда у меня явился капиталъ нѣсколько болѣе 400.000 руб., оставшихся у меня отъ подряда, я предлагалъ Некрасову войти въ компанію и внести, съ своей стороны, извѣстный капиталъ; но въ это время Некрасовъ чувствовалъ, что здоровье его плохо, и мое предложеніе осталось безъ послѣдствій.

Между тѣмъ, за нѣсколько лѣтъ у меня скопилось груда статей, написанныхъ по разнымъ вопросамъ, экономическимъ, которыя вполне соотвѣтствовали правительственной цензурѣ, но не проходили чрезъ цензуры редакторскія, которыя составляютъ извѣстные кружки, и во мнѣ подготовлялась мысль искать, наконецъ, свободы слова, въ моей родинѣ, и я задумалъ основать журналъ на французскомъ языкѣ.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства подходили къ выполненію этой мысли. Само собою разумѣется, я избралъ для этого дѣла Парижъ.

Въ Парижъ я пріѣхалъ въ то время, когда послѣ, можно сказать, диктаторства Тьера, президентомъ былъ уже Макъ-Магонъ, и въ данное время настала эпоха всеобщихъ выборовъ. Я началъ съ того, что опубликовалъ сочувственную статью Тьеру; статья эта такъ понравилась его сторонникамъ, что они напечатали ее въ 50.000 экземплярахъ, расклеили частью по улицамъ Парижа и часть разослали по разнымъ городамъ провинціи.

Я приведу здѣсь эту статью, въ переводѣ.

Тьеръ, какъ единственный для избранія депутатъ во Франціи, при первой баллотировкѣ.

«Франція никогда не находилась въ такомъ критическомъ и торже-



отвѣнномъ моментѣ, какъ нынѣ. Избиратели держать въ своихъ рукахъ спасеніе или гибель своей страны, и можно даже сказать, что самое существованіе Франціи зависитъ отъ предстоящихъ выборовъ.

«Если припомнить всѣ революціи, внезапные государственные удары, непрерывно смѣнявшіеся въ продолженіе долгаго времени, если припомнить борьбу, происходившую въ послѣднемъ парламентѣ, невольно можно сказать себѣ, что гибельно будетъ продолжать идти тѣмъ же путемъ, и что прежнія политическія доктрины отжили свое время.

«Гибельно совершить хотя бы единую ошибку—воскликнулъ Тьеръ, обращаясь къ правительству Наполеона III. Съ такимъ точно восклицаніемъ можно обратиться теперь непосредственно къ французскому народу.

«Надо, чтобы каждый французъ убѣдился, что несчастія послѣдней войны явились не къ уничтоженію Франціи, а къ ея пробужденію. Разъ пробужденная Франція должна выбрать одну изъ слѣдующихъ дорогъ: или встать во главу воѣхъ націй, взявъ инициативу новой жизни, настойчиво требуемой человечествомъ, или слѣдовать по старой дорогѣ, чтобы обратиться въ ничтожество. Надобно, чтобы отнынѣ Франція не мечтала болѣе о войнѣ, чтобы не мечтала болѣе о возмездіи, влекущемъ потоки крови; но чтобы она выставила новое знамя, имѣющее надпись: «Благоденствіе воѣхъ», благоденствіе, которое не можетъ быть достигнуто безъ доктрины вѣры въ добро. Она принесетъ дѣйствительную свободу, т. е. порядокъ, который разовьетъ производительный трудъ, что и создастъ благоденствіе, а благоденствіе расширитъ и возвыситъ образованіе; совокупленіе воѣхъ переименованныхъ элементовъ обусловитъ непобѣдимую силу, предъ которой преклонятся воѣ націи.

«Вопросъ не заключается въ томъ, чтобы основать то или другое правительство, а въ томъ, чтобы войти въ новую эру. Въ нравственныхъ элементахъ, а не въ политикѣ, надо искать сущность настоящаго вопроса.

«Принципъ, на которомъ зиждется вообще политика и воѣ учрежденія—есть недовѣріе. Надо измѣнить этотъ принципъ и замѣнить его другимъ: Довѣріемъ и вѣрою въ добро.

«Отбросимъ теперь общія мѣста и обратимся къ фактамъ.

«Франція находится теперь на краю пропасти. Эту пропасть вырыли различныя политическія партіи. Вѣдь политическія партіи огубили Польшу, онѣ погубятъ и Францію, если она не заставитъ ихъ умолкнуть.

«Да не будетъ царство партій! Надо отнынѣ, чтобы воѣ избиратели стремились къ одной общей цѣли: къ воцаренію честности, разумности и дѣйствительной свободы, т. е. такой, которая дозволитъ ка-

ждому гражданину пользоваться всѣми своими натуральными правами. Утопія! скажутъ вамъ. Необходимость крайняя и неизбѣжная, отвѣтите вы: что міръ изнемогъ отъ принциповъ противоположныхъ. Оставьте кричать людей, которые ссылаются на утопію, когда приходится осуществлять истины, до того времени не практиковавшіяся или заброшенныя. Эти крики есть продуктъ посредственности, неспособности или дурныхъ инстинктовъ. Эти люди безъ «вѣры въ добро» составляютъ несчастье міра и задерживаютъ всякій прогрессъ.

«Идите рѣшительно, безъ колебаній къ идеалу правды и добра. Будьте увѣрены, что непоколебимая вѣра въ правду и добро естественно приведетъ къ господству свободы, разума, общаго благоденствія и образованія.

«Есть ли возможность избѣжать борьбы партій? Конечно, нѣтъ, но избиратели могутъ привести ихъ къ молчанію, образуя единственную партію патріотовъ, а чтобы свершить это, есть средство самое простое.

«Это средство состоитъ въ томъ, чтобы создать новаго Вашингтона, выбирая при первой баллотировкѣ во всѣхъ конскрипціяхъ Тьера.

«Какія будутъ послѣдствія этой торжественной демонстраціи? Всякій легко ее пойметъ. Эта демонстрація укажетъ, что избиратели желаютъ импозировать прежде всего партіямъ политику патріотизма. Маршалъ, президентъ республики, пойметъ, въ своемъ благоразуміи, что онъ долженъ обратиться къ испытанному патріотизму Тьера, дабы онъ снизошелъ принять вице-президентство совѣта, на которое онъ можетъ согласиться лишь подъ условіемъ полной свободы въ политикѣ.

«Этой законной демонстраціей Франція укажетъ путь, которому должны слѣдовать различныя партіи, и что главное ея желаніе довѣрить направленіе своей политики человѣку, который далъ столько доказательствъ своего благоразумія, своихъ способностей государственнаго мужа, своей любви свободы, своей политической честности, своей опытности и своего безграничнаго патріотизма.

«Но могутъ сказать вамъ, что нація импозировать себѣ, въ такомъ случаѣ, нравственную диктатуру? Грустно будетъ, если подобная идея найдетъ сильный отголосокъ во Франціи въ настоящую минуту.

«Если Франція не наложитъ нравственнаго тормоза на партіи, она погибнетъ. Этотъ нравственный тормозъ олицетворяется нынѣ въ одномъ человѣкѣ, который пріобрѣлъ великое уваженіе и громадное вліяніе не только во Франціи, но во всемъ свѣтѣ.

«Пока, такъ называемые либералы не поймутъ, что разумъ стоитъ выше количества, пока не признаютъ извѣстныхъ права индивидуальнаго разума въ политикѣ, какъ они допускаютъ его въ наукѣ, и пока они не предоставятъ ему свободу, до тѣхъ поръ имъ не достигнуть дѣйствительной свободы.

«Съ другой стороны пока такъ называемые консерваторы не признають, что нація должна имѣть право контролировать серьезно и дѣйствительно правительство, пока не поймутъ, что порядокъ есть послѣдствіе абсолютной свободы слова, они не достигнутъ ни устойчивости правительства и никакого соціального принципа.

«Если большая часть избирателей не вотируютъ при первой баллотировкѣ въ пользу Тьера, Франція докажетъ лишь недостатокъ своего политическаго такта и можетъ потерять уваженіе въ глазахъ всего свѣта, по своей неблагодарности. Неблагодарность это безнравственность. Безнравственность это признакъ декадентства.

«Декадентство это гибель!

«Раздумайте же, избиратели, и поступите по соображности. Франціи нуженъ Вашингтонъ, надо, чтобы она создала его. Безъ этого она упадетъ подъ режимъ Бонапарта и Бурбона.

«Изложенное здѣсь мнѣніе высказано иностранцемъ, который никогда не видалъ Тьера и не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ. Это мнѣніе истекаетъ изъ собственнаго убѣжденія».

Въ это-то время я встрѣтилъ въ Парижѣ лондонскаго знакомаго Таланда. Онъ сталъ часто приходить ко мнѣ, и ему я открылъ свое намѣреніе издавать еженедѣльный органъ на французскомъ языкѣ, гдѣ бы я могъ свободно проводить свои мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомить Францію съ Россіей, такъ какъ она не имѣла другаго органа, кромѣ оффиціальнаго «Journal de St.-Petersbourg» и полуоффиціальнаго безцвѣтнаго «Le Nord»; слѣдовательно, французы не имѣли понятія о Россіи. Довольно сказать, что самые образованные люди Франціи на каждомъ шагѣ вопрошали меня—говорятъ ли въ обществѣ на русскомъ языкѣ, есть ли у насъ своя литература, а изъ исторіи не вѣдали даже о Петрѣ Великомъ и о его роли въ Россіи. Словомъ сказать, появленіе предположеннаго мною органа обѣщало нѣкоторый успѣхъ. Я рассчитывалъ, что при 1.500 подписчиковъ еженедѣльный журналъ покрывалъ бы расходы, а въ случаѣ недоимки, я имѣлъ капиталъ въ запасѣ, и потому могъ протянуть дѣло года три, а затѣмъ, если онъ пріобрѣтетъ какое-нибудь значеніе, то тогда перейти къ изданію ежедневнаго журнала.

Мое намѣреніе приводило въ восторгъ Таланда, но онъ сталъ уговаривать меня не расходовать напрасно деньги на изданіе еженедѣльнаго журнала, а лучше войти въ компанію съ политической величиной, имѣющей громкое имя, и тогда сразу приступить къ изданію ежедневнаго журнала.

— Я побесѣдую съ Луи-Бланомъ,—сказалъ онъ.—Какъ вамъ извѣстно, онъ жаждетъ издавать ежедневную газету.

Черезъ нѣсколько дней, Таландые прїѣхалъ ко мнѣ и повезъ меня въ Версаль, гдѣ въ то время засѣдала палата, и познакомилъ меня съ Буи-Бланомъ. Луи-Бланъ пригласилъ меня прїѣхать къ нему въ Парижъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его для бесѣдъ относительно изданія журнала. Мы перебрали всѣ вопросы, которые могли представить разномысліе. Когда коснулось до вопроса філософскаго, я заявилъ, что я христіанинъ и признаю высшую невѣдомую намъ Силу, т. е. Бога. Тогда Луи-Бланъ сказалъ: такъ думалъ тоже и Вольтеръ. Переговоривъ о всѣхъ вопросахъ нравственнаго свойства, явилаcя полная возможность къ соглашенію. Тогда Луи-Бланъ перешелъ къ вопросу матеріальному.

— Сколько вы думаете ассигновать на изданіе журнала?—спросилъ онъ.

— Я ассигновалъ на это 100.000 фр.

Луи-Бланъ, подумавъ нѣсколько, сказалъ:

— Для основанія журнала нужно не менѣе 150.000 фр., но разъ вы ассигнуете 100.000, можно организовать общество на акціяхъ, и остальные деньги внесутъ мои друзья, и потому я надѣюсь сыскать компаньоновъ среди ихъ.

Послѣ этого я рѣшилъ поѣхать на нѣсколько недѣль по дѣламъ въ Петербургъ.

Вскорѣ, недѣли черезъ двѣ по прїѣздѣ въ Петербургъ, я получилъ отъ Таландые письмо, при которомъ онъ приложилъ уже уставъ предполагаемаго общества, составленный нѣкоторыми предполагавшимися акціонерами, котораго самъ Луи-Бланъ не одобрилъ и сказалъ, что— «лучше подождемъ возвращенія Панаева». Я нашелъ этотъ уставъ положительно неудовлетворительнымъ и потому не только не отвѣтилъ на письмо, но по возвращеніи въ Парижъ не извѣстилъ никого о моемъ прибытіи.

Я на лѣто поселился въ Celle St. Cloud, рядомъ съ Буживалемъ, гдѣ жила m-me Viardot и давала уроки моей дочери.

Внезапно явился ко мнѣ нѣкій М. Salles съ карточкой отъ Луи-Блана, какъ его секретарь, и заявилъ, что Луи-Бланъ желалъ бы возобновить со мной переговоры объ образованіи акціонернаго общества для изданія журнала. На слѣдующій день онъ привезъ мнѣ отъ Луи-Блана билетъ для входа на банкетъ, дающійся каждый годъ 21-го сентября, въ память провозглашенія первой республики въ концѣ прошедшаго столѣтія, прибавивъ при этомъ, что никогда никакой иностранецъ не присутствовалъ на этихъ банкетахъ, но что Луи-Бланъ дѣлаетъ для меня исключеніе.

Вслѣдствіе такой любезности, я поѣхалъ къ Луи-Блану, и съ нимъ начались переговоры о составленіи новаго, подходящаго для насъ устава.

Между тѣмъ, я заявилъ Луи-Блану и Таландьё, что я, какъ русскій, желаю высказать слово, на банкетѣ, по поводу борьбы, которая происходитъ въ Сербіи съ турецкимъ гнетомъ, на которую являлась масса русскихъ добровольцевъ, на счетъ пожертвованій, сыплящихся изъ Россіи, и которая руководится русскимъ извѣстнымъ генераломъ, и тѣмъ звала сочувствіе къ этой борьбѣ французовъ.

— Какая прекрасная мысль! — сказали оба они въ одинъ голосъ. — Дѣйствительно, намъ непростительно, что мы ничѣмъ не выразили симпатіи къ этой борьбѣ, когда даже Англія открыла подписку, во главѣ которой явился Гладстонъ.

Я набросалъ конспектъ моей рѣчи и повезъ его къ Таландьё. Прочитавъ ее, онъ сказалъ:

— Превосходно, но надо показать учредителямъ банкета содержаніе вашей рѣчи.

И Таландьё повезъ меня къ одному изъ учредителей, патрону (шефу) мастеровъ бронзоваго производства (имя его забылъ, назову его Х.). Мы застали его въ рабочей блузѣ; Х. тотчасъ удалился и явился черезъ нѣсколько минутъ во фракѣ. Узнавъ о цѣли нашего посѣщенія, онъ прочиталъ мой проектъ, пришелъ въ восторгъ и воскликнулъ:

— Да! это со стороны французовъ большое упущеніе, что мы до сихъ поръ молчали и не выразили никакой симпатіи къ благородной борьбѣ за свободу, когда даже Англія существенно заявляетъ свое сочувствіе. Это пробѣлъ, и удивляюсь печати, что она не подняла этого вопроса. Непремѣнно произнесите, прошу васъ, на банкетѣ вашу рѣчь, и назначаю вамъ слово первому.

Я отвѣтилъ ему, что ни за что не выступлю первымъ ораторомъ.

Х. возразилъ мнѣ, сказавъ, что онъ даетъ мнѣ совѣтъ въ моихъ интересахъ, что послѣ извѣстныхъ ораторовъ, какъ Луи-Бланъ и Намелъ, обратить вниманіе слушателей на мою рѣчь будетъ трудно, а рѣчь моя, затрогивая серьезный вопросъ, должна быть произнесена непремѣнно.

Я категорически настаивалъ, что я не выступлю первымъ ораторомъ.

Тогда Х. взглянулъ на списокъ, въ которомъ были у него записаны ораторы.

— Мы, учредители, назначили для банкета только шесть рѣчей, а ваша явится 7-ю; впрочемъ, я вычеркну одного оратора.

Тогда вмѣшался въ разговоръ Таландьё и сказалъ:—вѣдь это будетъ обида для него.

Таландьё относился къ Х. съ тономъ особеннаго почтенія, подобно тому, какъ подчиненный относится къ начальству. Надо замѣтить, что патроны, или шефы рабочихъ играютъ первостепенную роль, при избраніи депутатовъ въ палату.

Обратясь ко мнѣ, Х. сказалъ:

— Пріѣзжайте ко мнѣ въ 5 часовъ, я поѣду съ вами, введу васъ въ залу и укажу вамъ мѣсто на банкетѣ.

Къ означенному времени я пріѣхалъ съ однимъ русскимъ, Сви́рскимъ. Надо разсказать теперь, кто былъ этотъ Сви́рскій. Онъ былъ студентомъ Петербургскаго университета, человѣкъ особенно музыкальный, и посѣщалъ насъ, какъ аккомпаниаторъ моей дочери для пѣнія. Курса онъ не кончилъ и сталъ давать разные уроки дѣтямъ. Потомъ онъ поступилъ гувернеромъ въ семейство, которое уѣхало въ Парижъ. Между тѣмъ Сви́рскій заболѣлъ и лишился мѣста. Тогда я предложилъ ему помѣститься на лѣто у насъ на дачѣ. Когда возобновились разговоры съ Луи-Бланомъ объ изданіи журнала, Сви́рскій пожелалъ пристроиться къ этому дѣлу, объявивъ, что онъ возьметъ 10 акцій. Тогда я познакомилъ его съ Луи-Бланомъ и доставилъ Сви́рскому билетъ на предполагаемый банкетъ.

Учредитель Х. поѣхалъ съ нами и, придя въ залу, указалъ мнѣ мѣсто за почетнымъ предсѣдательскимъ столомъ, рядомъ съ Луи-Бланомъ. Какой-то господинъ, пришедшій съ дамой, снялъ мою шляпу, положилъ ее на другое мѣсто и сѣлъ съ дамой, и потому я избралъ мѣсто на краю стола. Луи-Бланъ еще не являлся. Учредитель Х., замѣтивъ меня на краю стола, сказалъ мнѣ:

— Я указалъ вамъ другое мѣсто, зачѣмъ же вы пересѣли?

— Пришелъ какой-то господинъ съ дамой и сѣлъ на указанное вами мѣсто,—отвѣтилъ я.

— Это невѣжество,—сказалъ онъ и обратился къ этому господину; оказалось, что это былъ братъ Луи-Блана съ женой.

— Прошу васъ пересѣсть на другую сторону, это мѣсто указано было мною оратору, который будетъ говорить рѣчь. Братъ Луи-Блана съ женою тотчасъ же повиновались учредителю Х., и онъ посадилъ меня на прежнее мѣсто.

Послѣ трехъ рѣчей учредитель Х неожиданно вызвалъ меня, тогда какъ я ожидалъ говорить шестымъ, т. е. послѣднимъ.

Отчетъ объ этомъ банкетѣ былъ напечатанъ отдѣльной брошюрой, и я приведу здѣсь въ дословномъ переводѣ ту часть, которая касается моей рѣчи.

«Гражданки и граждане!

«По поводу дня, который вы празднуете сегодня, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на нѣсколько минутъ на то, что совершается нынѣ въ Франціи, потому что я рассматриваю день 21-го сентября, какъ праздникъ не только французовъ, но всего человѣчества.

«Вы празднуете сегодня 84 годовщину торжественнаго дня, который въ прошедшемъ столѣтіи двинулъ социальную жизнь на новый путь,

и это съ такою силой, что до сихъ поръ мы идемъ этимъ толчкомъ, даннымъ всему свѣту. Эта сила заключается въ идеяхъ и принципахъ людей этой эпохи.

«Съ того времени Франція прошла черезъ многочисленные и потрясающіе кризисы; но надо надѣяться, что они не будутъ болѣе повторяться, потому что опыты, сдѣланные во всѣхъ направленіяхъ, черезчуръ уже полны. Можно, слѣдовательно, разсчитывать, что на этотъ разъ республика будетъ окончательной.

«Но, граждане, мнѣ кажется, что не слѣдуетъ увлекаться иллюзіями. Французская республика еще молода, очень молода, между тѣмъ какъ враги многочисленны, и сверхъ того, она едина въ Европѣ, ибо Швейцарія не играетъ въ политикѣ значительной роли.

«Эти соображенія приводятъ къ сознанію необходимости избрать политику, которая не пренебрегала бы ничѣмъ, что могло бы дать Франціи поддержку нравственную или матеріальную.

«Между тѣмъ, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на вопросъ, который разрѣшается теперь на Востокѣ.

«Для тѣхъ, кто нѣсколько знакомъ съ исторіей и съ современными фактами, и имѣютъ политическій умъ, для тѣхъ, говорю я, не остается сомнѣнія, что господство турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ близится къ своему концу. И если по непредусмотрительности, или недостатку смѣлости, или малой ловкости дипломатіи, это господство не исчезнетъ немедленно, оно не замедлитъ рухнуть въ самомъ непродолжительномъ будущемъ.

«Немыслимо, чтобы цивилизованный міръ терпѣлъ бы долѣе такую нелѣпость, такую аномалію, чтобы высшій принципъ склонялся передъ низшимъ, безнравственнымъ и падшимъ; чтобы народы, друзья цивилизаціи, были подчинены расѣ растлѣнной и дикой. Это оскорбленіе человѣческой совѣсти, человѣческаго разума и правъ человѣка.

«Я утверждаю, что паденіе, въ скоромъ будущемъ, господства турокъ на Балканскомъ полуостровѣ явится фактомъ неизбѣжнымъ. Такимъ образомъ, порождается вопросъ, что въ политическомъ смыслѣ представлять этотъ полуостровъ послѣ турецкаго владычества? Какъ народы, тамъ проживающіе, устроятся?

«Каждый, какъ вамъ извѣстно, устраиваетъ въ мысляхъ будущность этихъ странъ по своему усмотрѣнію. Существуетъ по этому предмету множество проектовъ, множество предположеній, которыя, по большей части, совершенно произвольны. И на этотъ предметъ я и позволю себѣ обратить ваше особенное вниманіе.

«Съ моей точки зрѣнія, я нахожу и полагаю, что я не ошибаюсь, что народы, обитающіе на Балканскомъ полуостровѣ, послѣ паденія турецкаго владычества, явятся приблизительно въ такомъ положеніи,

какъ Франція послѣ паденія Наполеона III, т. е. не смотря на всевозможныя комбинаціи, большинство различныхъ народностей Балканскаго полуострова по силѣ вещей должны будутъ придти къ организаціи республикъ, съ тою разницею однако, что они должны образовать федерацію, на подобіе соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки.

«И такъ, является вѣроятіе, что Французская республика можетъ имѣть въ будущемъ вторую сестру въ Европѣ, и сестру уважительныхъ размѣровъ. Слѣдовательно, надо всѣми мѣрами способствовать появленію въ свѣтъ новаго государства республиканскаго.

«Высказавъ это, мнѣ кажется, что истинные республиканцы не должны упускать случая выразить свои симпатіи усиліямъ многострадальныхъ славянскихъ народовъ, которые находятся нынѣ въ борьбѣ противъ варварства турокъ, съ тою цѣлью, чтобы завоевать себѣ свободу. И не только соображенія политическаго свойства, сейчасъ мною высказаннаго; но того требуетъ духъ человѣчности, который долженъ вызвать выраженіе симпатій.

«Надѣясь, что я не ошибаюсь въ чувствахъ, которыя васъ воодушевляютъ по этому предмету, я беру смѣлость предложить выразить симпатію сказаннымъ народамъ въ адресѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Французскіе республиканцы, собравшіеся сегодня, чтобы праздновать торжественный день 21-го сентября 1792 г., пользуются случаемъ, чтобы выразить свои симпатіи тѣмъ небольшимъ группамъ славянскихъ народовъ—слабыхъ числомъ, но сильныхъ духомъ,—которые возстали, чтобы попрасть варварскій деспотизмъ и завоевать свободу, борясь противъ врага, въ десять разъ сильнѣйшаго. Мужайтесь и стойте упорно—будущность близка отъ васъ».

Банкетъ давался въ семейной залѣ St.-Mandé, по этому случаю всѣ деревянныя перегородки были сняты, образовавъ какъ бы длинный сарай; присутствующихъ было до 800 человѣкъ. Трибуна помѣщалась на одномъ концѣ залы. Я говорилъ громко, внятно и размѣренно, такъ что на противоположной сторонѣ было слышно каждое слово. При каждой остановкѣ послѣ періода рѣчи раздавался громъ единодушныхъ и восторженныхъ рукоплесканій.

Окончивъ рѣчь, я не успѣлъ еще сойти съ трибуны, какъ многіе подходили ко мнѣ и благодарили за рѣчь, подошелъ и Луи-Бланъ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Поздравляю васъ, вы имѣли колоссальный успѣхъ, я никакъ не ожидалъ этого.

Но я замѣтилъ, что въ глазахъ его блеснула искорка зависти.

Сойдя съ трибуны, я тотчасъ же пошелъ садиться въ мой фіакръ, вмѣстѣ съ Свирскимъ; меня окружили и сопровождали аплодисментами,



и нѣсколько человѣкъ поѣхали за мною. Такъ какъ залo St.-Mandé находилось въ предмѣстьи, то до дому было очень далеко. По дорогѣ, я заѣхалъ въ кафе, чтобъ утолить жажду, и, сѣвъ за столъ на тротуарѣ, я спросилъ бокалъ пива. Многіе ѣхавшіе вслѣдъ за мною тоже остановились и окружали меня, интересуясь свѣдѣніями о Россіи. Я удовлетворялъ ихъ любопытство и поѣхалъ домой.

Между тѣмъ друзья Луи-Блана приготовили уже другой уставъ акціонернаго общества для изданія журнала: «L'homme Libre», съ капиталомъ въ 150.000 фр., который долженъ былъ образоваться изъ разбора 150 акцій по 1.000 фр. каждая. Вслѣдъ за тѣмъ созвано было собраніе для прочтенія устава и подписки на количество акцій, которое беретъ каждый акціонеръ. Чтобы имѣть большинство голосовъ, я объявилъ, что подпишусь на 80 акцій. Двое изъ друзей Луи-Блана, которые заявляли прежде, что они возьмутъ 60 акцій, при моментѣ подписки попятились и подписались только на 20 акцій, а остальные 50 акцій были разобраны друзьями Луи-Блана по одной акціи каждый. Въ этомъ собраніи присутствовалъ Свирскій, который не считался другомъ Луи-Блана и которому конечно ничего не осталось. Тутъ же въ собраніи въ присутствіи Луи-Блана и всѣхъ присутствующихъ Свирскій обратился ко мнѣ и просилъ уступить ему 10 акцій и внести за нихъ деньги, которыя онъ вышлетъ изъ Петербурга, куда онъ уѣзжаетъ мѣсяца на два, и выдалъ мнѣ довѣренность на право пользоваться 10-ю голосами. Тогда же былъ назначенъ редакторъ журнала Hamel и хозяйственными дѣлами одинъ изъ друзей Луи-Блана, кѣііі Gardarin, оказавшійся впоследствии «рванымъ и ноздрямы». Директоромъ, по уставу, являлся самъ Луи-Бланъ. Для отвѣтственнаго редактора былъ нанятъ за 3.000 фр., тоже другъ Луи-Блана съ обязанностью, если явится въ томъ необходимость, сидѣть по тюрьмамъ и пр. Подобныхъ господъ называютъ въ Парижѣ—homme de paille.

Когда все было слажено, Луи-Бланъ позвалъ меня къ обѣду. Я въ свою очередь пригласилъ его къ обѣду. Къ этому обѣду я пригласилъ редактора Hamel, Talandier, Ив. Сергѣевича Тургенева и пригласилъ также сына Viardo, полагая, что Тургеневъ поинтересуется познакомиться съ Луи-Бланомъ, и онъ общалъ пріѣхать. Но утромъ до назначеннаго обѣда, я получилъ отъ Тургенева письмо, которое въ буквальной точности привожу здѣсь.

Понедѣльникъ утромъ.

«Любезнѣйшій Валеріанъ Александровичъ, заранѣе прошу вашего извиненія въ небольшой неурядности, которую я принужденъ вамъ причинить: — я не могу придти сегодня къ вамъ обѣдать и съ полной откровенностью скажу вамъ почему.

«По моему твердому убѣжденію, журналъ, затѣваемый Луи-Бланомъ,

не имѣть никакихъ шансовъ успѣха, и вы потеряете до послѣдняго сантима всѣ деньги, которыя дадите ему въ ссуду. Въ честности и талантѣ Луи-Блана я сомнѣваюсь менѣе, чѣмъ кто бы то ни былъ. Я увѣренъ, что онъ самъ твердо надѣется на успѣхъ своего предпріятія; но онъ не журналистъ, никогда ничего подобнаго ему не удавалось—да и наконецъ всѣ мѣста заняты. *Republique française, Rappel et Droit de L'homme* представляютъ всѣ оттѣнки республиканско-соціалистическаго направленія—сколько другихъ журналовъ было предпринято, чтобы стать на ихъ мѣсто—и всѣ перелопались, какъ мыльные пузырьки. Та же участь ожидаетъ несомнѣнно и журналъ Л.-Блана.

«Имѣя такого рода убѣжденіе, какое было бы мое положеніе въ отношеніи его сегодня? Оспаривать его—невозможно и не ловко въ нашемъ присутствіи, соглашаться съ нимъ запрещала бы совѣсть. Я предпочитаю сдѣлать маленькую невѣжливость и не сдержатъ даннаго слова, въ надеждѣ, что вы извините меня, вникнувъ въ изложенныя мною причины моего поступка.

«Послѣднее мое вамъ увѣщаніе, если ничего еще не рѣшено окончательно—откажитесь, или, по крайней мѣрѣ, уменьшите сумму: она во всякомъ случаѣ пропала.

«Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и сочувствіи.

Ив. Тургеневъ.

Р. S. Т. Віардо просить также извинить своего сына: онъ слишкомъ еще не опытенъ и молодъ, чтобы присутствовать на политическомъ обѣдѣ».

Всѣ позванные съѣхались, и мнѣ было, конечно, досадно, что Тургеневъ не явился, ибо я всѣхъ предупредилъ о встрѣчѣ съ Тургеневымъ, которымъ, конечно, всѣ интересовались.

Письмо было искренне, и получи я его двѣ недѣли ранѣе, когда я сообщилъ Тургеневу о моемъ намѣреніи сойтись съ Луи-Бланомъ для изданія журнала, я, конечно, измѣнилъ бы свое намѣреніе и избавился бы отъ большихъ непріятностей, которыя испыталъ въ послѣдствіи, и также отъ большихъ матеріальныхъ потерь.

Но въ то время, когда я получилъ выше приведенное письмо, было уже поздно отказаться; и потому журналъ сталъ издаваться.

Первую плату за 80 акцій, т. е. 27.000 фр., я тотчасъ же внесъ въ банкъ. Акціонерное общество не было еще въ то время утверждено закономъ. Деньгами, внесенными мною въ банкъ, общество пользовалось по выдаваемымъ мною чекамъ. Когда же общество было утверждено, и по этому уставу требовались всѣ взносы дѣлать черезъ нотариуса, то г. Gardarin письменно и словесно нѣсколько разъ просилъ меня поскорѣе перевести мои деньги изъ банка на имя общества.

За правильностію взноса денегъ долженъ былъ слѣдить Gardarin, но оказалось въ послѣдствіи, что ни одинъ акціонеръ изъ друзей Луи-Блана не внесъ еще ни копѣйки, за исключеніемъ одного румына Сагада.

Между тѣмъ, для редакціи было нанято большое роскошное помѣщеніе. Въ залѣ помѣщался громадный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на которомъ должны были раскладываться всѣ газеты и журналы. Съ одной стороны зала помѣщался большой кабинетъ Луи-Блана, а съ другой—комната для главнаго редактора. Ежедневно, къ 6-ти часамъ, являлось человекъ 12 такъ называемыхъ частныхъ редакторовъ, по разнымъ отдѣламъ; они садились за общій столъ и принимались за вырѣзки изъ журналовъ, которые тутъ же наклеивались на бумагу, и къ этимъ вырѣзкамъ приписывалось нѣсколько строкъ. Въ 6-ть же часовъ приходили наборщики въ числѣ 25 человекъ съ корректоромъ. По мѣрѣ того, какъ тотъ или другой редакторъ оканчивалъ свою компиляцію, онъ отсылалъ ее внизъ къ наборщикамъ. Къ 12-ти часамъ весь журналъ былъ уже набранъ, и въ особыхъ ящикахъ отправлялся въ типографію, и появлялся въ 7 часовъ утра.

Къ 8-ми часамъ приходилъ Луи-Бланъ изъ Версаля. Тогда всѣ эти псевдо-редакторы вставали и становились въ струнку, а Луи-Бланъ торжественно, не поклонившись даже никому, проходилъ въ свой кабинетъ. Такую дисциплину я встрѣчалъ только, во время моей молодости, у насъ въ канцеляріяхъ, при появленіи директоровъ канцелярій или департаментовъ.

Обыкновенно я самъ приносилъ свои статьи въ редакцію, часу въ восьмомъ. Статьи мои я писалъ на отдѣльныхъ маленькихъ листочкахъ, съ одной стороны. Эти листочки поступали моментально въ наборъ и раздавались наборщикамъ. Черезъ полчаса мнѣ приносили уже провѣренную корректуру, и тогда я подписывалъ одобреніе для печати.

Передъ изданіемъ журнала я заявилъ Луи-Блану, что мною заготовлена программа для журнала, которая обнаруживала бы направленіе его. Луи-Бланъ нашелъ ее превосходной и сказалъ, что она конечно должна появиться въ первомъ же номерѣ. Между тѣмъ, въ вышедшемъ первомъ номерѣ моя программа не появилась, а на мѣсто ея была напечатана статья Луи-Блана, водянистая, съ громкими безсодержательными фразами и общими мѣстами. Прошло четыре дня, моя программа все-таки не появилась, тогда я послалъ эту программу въ «Independence Belge», въ Брюссель, гдѣ оповѣщалось о появленіи въ Парижѣ новаго органа. Программа эта и была тамъ напечатана, но случай этотъ обнаружилъ мнѣ манеру дѣйствій Луи-Блана, его характеръ и нравственный его критеріумъ.

Издание журнала шло своимъ чередомъ и продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ это время я написалъ много статей, которыя Луи-Бланъ печаталъ, хотя и поморщивался, ссылаясь на то, что мои статьи не нравятся Гамбеттѣ, предъ политическимъ значеніемъ котораго онъ сильно преклонялся, и даже, можно сказать, принимался, рассчитывая занять его мѣсто въ палатѣ.

Но когда я перевелъ мои деньги на общество, Луи-Бланъ тотчасъ же прекратилъ печатаніе моихъ статей и выкинулъ нахальный, не позволительный для порядочнаго человѣка фортель, приведшій къ рѣшительному разрыву моихъ отношеній къ журналу. Исторію этихъ отношеній я изложилъ въ моей брошюрѣ, тогда же изданной и озаглавленной: *Louis Blanc et Pathfinder*, которая появилась при слѣдующемъ предисловіи, обращенномъ къ моимъ соотечественникамъ и друзьямъ.

«Главной побудительной причиной моихъ трудовъ, писалъ я, было достигнуть возможности основать журналъ, предназначенный для ознакомленія европейскихъ народовъ съ Россіей, и позволить себѣ высказывать свободно мои мнѣнія по вопросамъ экономическимъ, политическимъ и философскимъ, мнѣнія, пріобрѣтенныя изъ долгаго опыта и изъ многихъ отношеній съ разными людьми, встрѣчавшимися въ теченіе моей жизни.

«Чтобы достигнуть этой цѣли, надо было избрать для журнала языкъ, наиболѣе распространенный нынѣ въ Европѣ, который безспорно есть языкъ французскій.

«Нѣкоторые лица, изъ друзей Луи-Блана, узнавъ о моемъ намѣреніи, задумали свести меня съ нимъ, дабы мы могли перетолковать объ основаніи журнала.

«Понятно, надо было намъ взаимно узнать, можемъ ли мы сойтись на различныхъ вопросахъ, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ.

«При многихъ свиданіяхъ, Луи-Бланъ и я, мы перебрали всѣ важные вопросы. И я, чтобы вполнѣ ознакомить его съ моими взглядами, вручалъ ему мои брошюры и статьи на французскомъ языкѣ, и, въ концѣ концовъ, онъ сказалъ, что согласуется со всѣми моими взглядами, кромѣ моего мнѣнія объ организаціи единственной подати сообразно капиталу. Были тоже нѣкоторые неважныя разногласія относительно философскихъ вопросовъ, при чемъ, по этимъ вопросамъ или по вопросу о подати, онъ предложилъ допустить полемику между нами въ самомъ журналѣ.

«Разъ являлось согласіе относительно главныхъ общихъ вопросовъ, я поставилъ слѣдующія условія:

1) Чтобы журналъ не былъ бы журналомъ партіоннымъ и одностороннимъ.

2) Чтобы онъ далъ широкое мѣсто общимъ вопросамъ и имѣлъ корреспондентовъ въ главныхъ политическихъ центрахъ Европы.

3) Чтобы онъ относился симпатично къ русскому народу и къ славянскому вопросу, который заключается въ эмансипаціи всѣхъ христіанъ отъ мусульманскаго ига, и

4) Я оставлялъ за собой право публиковать въ этомъ журналѣ всѣ мои статьи безъ малѣйшаго измѣненія со стороны редакціи, подѣ однимъ лишь условіемъ моей подписи и допуская замѣчанія или возраженія въ самомъ журналѣ.

«Когда Луи-Бланъ принялъ всѣ эти условія относительно меня, я рѣшился подписаться на 80 акцій, изъ общаго ихъ количества 150 акцій по 1.000 ф. каждая,—и журналъ былъ основанъ.

«Но съ первыхъ же дней его появленія, журналъ обнаружилъ свои партіонныя взгляды и выразилъ отсутствіе симпатій къ Россіи и къ славянству, и сверхъ того мои статьи стали подвергаться невозможной редакторской цензурѣ.

«Я заявилъ мою претензію Луи-Блану, но она осталась безъ результата, и тогда я былъ вынужденъ обратиться письменно къ наблюдательному совѣту журнала, о намѣреніи выйти изъ числа акціонеровъ; въ это время я имѣлъ еще полную возможность возвратитъ значительную долю внесенныхъ мною денегъ.

«Это письмо понудило Луи-Блана подтвердить свои отношенія ко мнѣ письменно.

«Дѣйствительно, въ продолженіе трехъ недѣль, мои статьи проходили безъ редакторской цензуры, но это продолжалось не долго.

«По случайности, я, въ это время, могъ еще вступить въ обладаніе значительной части внесеннаго мною капитала. Но какъ только я потерялъ возможность возвратитъ свои фонды, дѣло приняло иной оборотъ: моя статья, сообщенная Луи-Блану, тотчасъ послѣ истеченія означенныхъ трехъ недѣль, была не только не принята, но онъ предложилъ мнѣ по трактуемому вопросу подписать другую, имъ составленную, какъ бы она исходила отъ меня.

«Послѣ такого дерзкаго поступка, который являлся посягательствомъ на мою свободу и на мое достоинство, какъ человѣка и публициста, я конечно порвалъ всѣ мои отношенія къ журналу.

«Такимъ образомъ, я дѣлаю извѣстнымъ моимъ соотечественникамъ и друзьямъ, чтобы оправдаться въ ихъ глазахъ, что, не смотря на исключительное мое участіе въ основаніи журнала «L'homme Libre», они не могутъ возлагать на меня отвѣтственности за журналъ, который я рассматриваю какъ журналъ мало серьезный, пропитанный насквозь партіонными тенденціями, и который не относится искренно ни къ Россіи, ни къ славянству, ни къ христіанству. Я употребилъ всѣ средства, чтобы

лишить журналъ моей поддержки во-время, т. е. тотчасъ же, какъ онъ обнаружилъ свой характеръ, но мнѣ не дали никакого окончательнаго отвѣта. Я оставляю за собой право публиковать впослѣдствіи брошюру, озаглавленную: *Louis-Blanc et Pathfinder* <sup>1)</sup>, съ цѣлью подтвердить это письмо подлинными документами».

10 декабря, 1877.

Означенная брошюра заключала всѣ подлинныя документы, съ нужными поясненіями, съ подробностями, и напечатана тотчасъ послѣ прерванія всѣхъ моихъ отношеній къ Луи-Блану, занявъ до 140 страницъ.

При обществѣ былъ назначенъ наблюдательный совѣтъ, председателемъ котораго избрали меня, но я отказался, предоставивъ это званіе Talandier.

Когда явилось столкновеніе съ Луи-Бланомъ, я письменно заявилъ совѣту, что выхожу изъ журнала, потому, что Луи-Бланъ нарушаетъ нашъ договоръ, который не внесенъ въ уставъ лишь по требованію самого Луи-Блана, сославшагося на то, что въ уставѣ нельзя помѣщать права и обязанности между акціонерами; но этотъ договоръ хорошо былъ извѣстенъ всѣмъ членамъ совѣта, и я потребовалъ созвать общее собраніе акціонеровъ, на которомъ намѣревался поставить вопросъ о ликвидаціи журнала. Тогда Луи-Бланъ, съ которымъ я прервалъ всѣ сношенія, желая удержать меня, прислалъ письмо Talandier съ разными увертками и просилъ сообщить это письмо мнѣ, гдѣ онъ утверждалъ, что онъ исполнитъ свои обязательства передо мною и что впредь будетъ исполнять ихъ. Это письмо я напечаталъ въ поименованной брошюрѣ.

Между тѣмъ, общее собраніе не назначалось, и только, послѣ неоднократныхъ моихъ писемъ, оно было, наконецъ, назначено. Я явился въ собраніе и прямо поставилъ вопросъ о ликвидаціи дѣлъ общества. Предсѣдатель совѣта произнесъ рѣчь, въ которой признавалъ основательной мою претензію, и заключилъ ее тѣмъ, что, въ виду выбытія главнаго акціонера, который, въ сущности, и создалъ органъ, общество должно ликвидировать свои дѣла. Когда этотъ вопросъ пустили на голоса, который по уставу долженъ былъ рѣшаться большинствомъ, а какъ я имѣлъ 80, а остальные акціонеры 70 голосовъ, то я былъ увѣренъ, что дѣло разрѣшится просто. Но въ это время секретарь журнала и въ то же время личный секретарь Луи-Блана объявилъ въ собраніи, что у меня только 70 голосовъ, а на 10 голосовъ Свирскаго онъ только-что получилъ отъ него довѣренность изъ Петербурга.

Это уже было верхъ мошенничества.

---

<sup>1)</sup> Луи-Бланъ не желалъ, чтобы я подписывалъ свое собственное имя, и просилъ избрать псевдонимъ. Я избралъ, Pathfinder, имя героя, дѣйствующаго въ 6-ти романахъ Купера.

— Развѣ вы не знаете—сказалъ я,—что деньги внесены за 10 акцій Свирскаго мною, и что на эти акціи онъ выдалъ мнѣ довѣренность еще два мѣсяца тому назадъ? Тогда секретарь Луи-Блана, Salles, вынулъ свою довѣренность и предъявилъ ее собранію.

— Какимъ образомъ вы получили довѣренность?—спросилъ я Салю.

— Я написалъ Свирскому,—отвѣчалъ онъ,—письмо въ Петербургъ, увѣдомляя его, что предстоитъ общее собраніе акціонеровъ и что нужна отъ него довѣренность на 10 акцій, и потому онъ прислалъ мнѣ довѣренность.

Я пришелъ въ недоумѣніе и, обратясь къ Луи-Блану, сказалъ:

— Развѣ вы не видѣли моей довѣренности, которую Свирскій выдалъ мнѣ при васъ?

— Да! — отвѣтилъ онъ, — но довѣренность, выданная Салю, послѣ вашей, и потому имѣетъ законную силу.

Нахальный образъ дѣйствія Луи-Блана до глубины сердца поразилъ меня, и сверхъ того, при этомъ выступилъ на помощь ему, братъ его, *Charles Blanc*, художественный критикъ, и сталъ говорить мнѣ дерзости.

Возмущенный всѣмъ, я немедленно вышелъ изъ собранія, и, когда спускался съ лѣстницы, нѣкоторые господа показывали мнѣ кулаки.

Надо было вывести дѣло на чистую воду, и я немедленно написалъ письмо Свирскому въ Петербургъ, обязывая его прислать телеграмму, которая возстановляла бы мои права на 10 акцій. Черезъ нѣсколько дней получена была слѣдующая отъ него телеграмма:

«Предсѣдателью наблюдательнаго совѣта журнала: *«L'homme Libre»*.

«Введенный въ заблужденіе письмомъ г. Salles, я ему послалъ довѣренность на 10 голосовъ. Я уничтожаю эту довѣренность и заявляю вамъ, что все записанное на мое имя принадлежитъ господину Панаеву, который внесъ деньги за эти акціи. Свирскій».

Въ то время, когда дѣло еще не выяснилось, я получаю форменное извѣщеніе о назначеніи новаго общаго собранія акціонеровъ, съ приглашеніемъ присутствовать на ономъ.

Тогда я обратился къ адвокату Думерку, объяснилъ ему все дѣло и сказалъ, что, вслѣдствіе наглости поступковъ этой шайки, я не намѣренъ идти туда.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ—идите туда, иначе вы дадите оружіе противъ себя. Не заботьтесь о томъ, что вамъ могутъ быть сдѣланы не-пріятности, только пригласите съ собою *officier du gouvernement*, и эти господа въ присутствіи этого *officier* будутъ тихи, какъ овцы.

Я такъ и поступилъ, и когда явился со мною *officier*, и заявилъ, что онъ пришелъ, чтобы оградить г. Панаева отъ дерзостей, которыя онъ испыталъ въ прошедшемъ собраніи, то всѣ перетрусили и даже Луи-Бланъ

разыгралъ роль Лазаря. Собраніе было созвано, чтобы постановить выпустить еще 50 акцій, конечно съ цѣлью лишить меня въ будущемъ большинства голосовъ. Въ это время не было еще получено телеграммы отъ Свирскаго, и слѣдовательно я имѣлъ только 70 голосовъ, какъ и всѣ остальные акціонеры; но по уставу значилось, что въ случаѣ равенства голосовъ, вопросъ рѣшается въ пользу той стороны, къ которой пристанетъ предсѣдатель. Такъ этотъ вопросъ и былъ утвержденъ. Само собою разумѣется, что это была одна проформа, такъ какъ и бывшіе акціонеры ни одной копѣйки не вносили.

Послѣ моего ухода, журналъ издавался еще нѣсколько недѣль, пока не израсходовали деньги, мною внесенныя, а потомъ изданіе прекратилось.

Хотя я развязался съ журналомъ, но почтенный Луи-Бланъ предъявилъ ко мнѣ искъ, потребовавъ уплаты денегъ по слѣдующимъ взносамъ за акціи. Необходимо было взять адвоката, и я обратился къ тому же Думерку, о которомъ упомянулъ выше. Надо сказать, что судебныя дѣла во Франціи ведутся черезъ *авоуэ*, который обязанъ готовить дѣло адвокату для судоговоренія. Число *авоуэ* очень ограничено, напри- мѣръ, въ Парижѣ было въ то время только 13 человекъ. Мѣста эти покупаются за громадныя деньги, а адвокаты разсматриваются, какъ безкорыстные защитники правосудія; еслибы онъ заключилъ письменную сдѣлку съ клиентомъ, то былъ бы отвѣтственъ передъ закономъ, потому сдѣланъ былъ словесный договоръ объ уплатѣ Думерку 2.000 ф. Но въ то же время, онъ направилъ меня къ своему *авоуэ*, который потребовалъ отъ меня 300 ф. для предварительныхъ расходовъ.

Вскорѣ послѣ этого, я уѣхалъ мѣсяца на 4 съ семействомъ въ Ниццу. Тамъ я получилъ письмо отъ Думерка, извѣщавшаго меня, что дѣло въ полномъ ходу, и что онъ подалъ встрѣчный искъ къ Луи-Блану, хотя онъ не былъ на то уполномоченъ мною, что дѣло о вторичномъ взносѣ, конечно, кончится въ мою пользу, тѣмъ болѣе, что въ данную минуту общество уже не существуетъ, и просилъ объ уплатѣ ему условленныхъ 2.000 ф.

Я неотлагательно послалъ ордеръ по телеграфу въ банкъ Гинсбурга въ Парижѣ, гдѣ лежали мои деньги, и въ то же время написалъ письмо Думерку, которымъ извѣщалъ его, что Гинсбургъ по его, Думерка, требованію уплатить ему деньги.

Когда, мѣсяца черезъ два, я вернулся въ Парижъ и собирался уже возвратиться въ Петербургъ, я пришелъ въ контору Гинсбурга для производства разчета, гдѣ мнѣ подали счетъ, въ которомъ значилось, что Думерку уплачено два раза по 2.000 фр.

— Какимъ образомъ?—спросилъ я.

— Мы послали по вашему телеграфическому ордеру тотчасъ на квар-



тиру Думерка, адресъ котораго значился въ вашемъ ордерѣ. Недѣлю спустя, Думеркъ самъ явился въ контору и предъявилъ другой вашъ ордеръ.

— Я другаго ордера вамъ не давалъ, а извѣщалъ Думерки, что онъ получить деньги отъ Гинсбурга по его, Думерка, требованію; мое письмо было только извѣщеніе, а не ордеръ банку.

— Пожалуйста завтра въ контору и объяснитесь съ самимъ Гинсбургомъ.

Когда я увидалъ на другой день Гинсбурга и объяснилъ ему дѣло, онъ сказалъ, что это недосмотръ конторы и приказалъ выдать мнѣ немедленно деньги.

Каковъ же поступокъ адвоката Думерка?

Я представилъ Гинсбургу всѣ документы для предъявленія суду; этотъ поступокъ являлся наглымъ обманомъ, за который Думеркъ могъ быть лишенъ правъ состоянія. Гинсбургъ поблагодарилъ меня за эти документы, но сказалъ, что онъ не обратится къ суду.

— Съ этими господами адвокатами ссориться опасно, лучше пускай пропадутъ деньги,—сказалъ онъ.

Между тѣмъ, трибуналъ первой инстанціи, не смотря на то, что общества въ данную минуту уже не существовало, присудилъ меня къ обязанности вторичнаго взноса денегъ по акціямъ. Пришлось обратиться къ другому адвокату, который оказался болѣе порядочнымъ человѣкомъ. Онъ произнесъ на судѣ блестящую и убійственную для Луи-Блана рѣчь. Многія газеты напечатали ее цѣликомъ, и едва-ли не послѣ того престижъ Луи-Блана, какъ шефа своей партіи, значительно палъ; онъ не появлялся болѣе ораторомъ въ палатѣ и вскорѣ умеръ. Такъ, въ концѣ концовъ, кончались мои отношенія къ Луи-Блану, и моя идея изданія журнала въ Парижѣ рухнула.

(Продолженіе слѣдуетъ).



**Дурная постройка Одесскаго чумнаго карантиннаго квартала  
и ея послѣдствія.**

---

*Предложеніе министра юстиціи—Правительствующему Сенату.*

4-го іюля 1828 г., № 8794.

Статсъ-секретарь Муравьевъ объявилъ Комитету гг. Министровъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

Государь императоръ въ нынѣшнее присутствіе свое въ городѣ Одессѣ, и къ удивленію его величества изволилъ самъ лично видѣть, что такъ-называемый тамъ чумный кварталъ, два года назадъ тому выстроенный, не только выстроенъ дурно, но даже угрожаетъ паденіемъ: сводъ надъ окномъ совершенно провалился, стѣны вездѣ въ трещинахъ, столь отверстыхъ, что руку въ нихъ проложить можно. Его величество, лично осмотрѣвши таковую худобу сего строенія, изволилъ находить, что она не могла произойти иначе, какъ отъ небреженія, или явно дурнаго намѣренія завѣдывающаго и производившихъ сіе строеніе: корпуса инженеровъ путей сообщенія генераль-маіора Потье, маіора Гаю и капитана Морозова, и потому высочайше повелѣваетъ: 1) маіора Гаю и капитана Морозова, арестовавъ, отдать подъ военный судъ при резервныхъ баталіонахъ 3-го пѣхотнаго корпуса и дѣло сіе тамъ кончить безъ очереди, нарядивъ въ оный судъ за ассессора одного штабъ-офицера корпуса путей сообщенія; 2) на имѣніе генераль-маіора Потье, маіора Гаю и капитана Морозова наложить запрещеніе; 3) новороссійскому генераль-губернатору, графу Воронцову предписать, чтобъ сей чумный кварталъ былъ сломанъ и на мѣсто онаго построень новый, надлежаще прочный, произведя сію разломку прежняго и возведеніе новаго на счетъ имѣнія оныхъ Потье, Гаю и Морозова, которое и продать съ публичнаго торга, если доходовъ съ онаго для того не будетъ достаточно; 4) о таковомъ его величества высочайшемъ соизволеніи, въ надлежащую заботливую осторожность другимъ, объявить по всѣмъ вѣдомствамъ. Государю императору угодно, чтобъ Комитетъ Министровъ сдѣлалъ свои неуклонныя распоряженія къ приведенію въ исполненіе таковой его величества воли.

По положенію Комитета гг. Министровъ для объявленія: о семъ высочайшемъ повелѣніи въ осторожность по всѣмъ вѣдомствамъ имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя къ тому, что къ исполненію онаго сообщено отъ Комитета по принадлежности главноуправляющему путями сообщенія и министру внутреннихъ дѣлъ.

---



## Россія и папскій престолъ.

1580—1601 гг.

### VII <sup>1)</sup>.

Баторій въ Ригѣ. — Желаніе его возстановить католичество въ Ливоніи. — Надежды Поссевина на успѣхъ католической пропаганды въ Россіи. — Отправленіе русскаго посольства въ Венецію и Римъ. — Приемъ его папою Григоріемъ XIII.

**В**ъ то время, какъ Поссевинъ велъ съ Іоанномъ богословскіе споры и обсуждалъ политическіе вопросы, Баторій отправился въ Ригу, чтобы воспользоваться плодами своихъ побѣдъ и заняться дѣлами Ливоніи, обладаніе которой было ему обезпечено Ямъ-Запольскимъ миромъ.

Три дня спустя послѣ Стефана Баторія, 6-го (15-го) марта прибылъ въ Ригу Петръ Скарга, знаменитый польскій проповѣдникъ и горячій борецъ за католическую вѣру, бывшій въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ многими изъ приближенныхъ короля.

Рига была уже въ то время значительнымъ торговымъ городомъ, который, до введенія въ краѣ реформаціи, въ 1525 г., имѣлъ своего архіепископа, свой капитулъ, свой кафедральный соборъ и монастырь, но въ 1582 г. въ немъ не осталось и слѣдовъ католической вѣры, не было ни католическихъ священниковъ, ни монаховъ, и даже почти вовсе не было католиковъ, если не считать трехъ старыхъ монашенокъ, жившихъ одиноко въ богатомъ нѣкогда монастырѣ.

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ мартъ 1903 г.

Баторій, какъ онъ самъ говорилъ Петру Скаргѣ, пріѣхалъ въ Ригу главнымъ образомъ съ цѣлью возстановить католическую вѣру. Была какъ разъ Страстная недѣля. Желая служить для жителей примѣромъ благочестія, король, окруженный блестящей свитою, по два раза въ день отправлялся въ церковь, которая была отобрана у лютеранъ, присутствовалъ при богослуженіи, участвовалъ въ церковныхъ процессіяхъ, цѣловалъ крестъ, слушалъ проповѣди. Скарга, по его повелѣнію, утромъ и вечеромъ говорилъ проповѣди на польскомъ языкѣ, а Мартинъ Латерна, сопровождавшій его, совершалъ службу на латинскомъ языкѣ. Церковь была всегда такъ переполнена молящимися, что это поражало протестантовъ.

Но изъ удивленіе смѣнилось тревогою, когда король выразилъ желаніе возвратить католикамъ древній соборъ; это намѣреніе вызвало сильное волненіе среди лютеранъ, которые энергично запротестовали противъ него. Тогда Баторій, оставивъ имъ соборъ, рѣшилъ отобрать у нихъ церковь св. Іакова, которая была не такъ велика и не такъ красива, какъ соборъ, но за то вокругъ нея была пустошь, на которой можно было построить коллегію. Этотъ проектъ снова взволновалъ протестантовъ, которые ненавидили іезуитовъ; однако король не обратилъ на это вниманія и рѣшилъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, вызвать въ Ригу нѣсколько человѣкъ іезуитовъ и поручить имъ открыть школы.

15-го (24-го) апрѣля пріѣхалъ въ Ригу Поссевинъ и тотчасъ приступилъ къ составленію отчета о своей поѣздкѣ для представленія его генералу іезуитскаго ордена, Клавдію Аквавивѣ. Не обманывая себя несбыточными надеждами и не считая возможнымъ обращеніе Іоанна Грознаго въ католическую вѣру или заключеніе немедленно союза Россіи съ Римомъ, Поссевинъ все же высказалъ въ своемъ донесеніи надежду, что ему удалось приготовить къ этому путь. Десятилѣтнее перемиріе, которое давало возможность постояннаго общенія православныхъ съ католиками, было, по его мнѣнію, благоприятнымъ условіемъ для пропаганды католицизма среди славянъ. Не дальновидный Поссевинъ не подозрѣвалъ, что московскій царь былъ совершенно иныхъ взглядовъ и что въ душѣ онъ остался по-прежнему непримиримымъ врагомъ короля польскаго и католической церкви, и, тотчасъ по заключеніи перемирія, отправилъ въ Англію своего посла для того, чтобы склонить королеву Елизавету къ союзу противъ Баторія. Посолъ этотъ отзывался въ Лондонѣ съ величайшимъ презрѣніемъ о папѣ Григоріѣ XIII.

Но король польскій былъ доволенъ посредничествомъ Поссевина и выказалъ это въ своихъ письмахъ къ папѣ, кардиналу Фарнезе, къ епископу плоцкому, къ Клавдію Аквавивѣ и другимъ лицамъ; всѣ эти письма преисполнены похвалъ по адресу Поссевина.

Своему племяннику, Андрею, Баторій писалъ, что Поссевинъ «достойнъ не только его благоволенія, но и его признательности», а канцлеру Замоискому, что во время своихъ бесѣдъ съ Поссевиномъ онъ убѣдился въ его «благочестіи и глубокой преданности».

Послѣ кратковременной остановки въ Ригѣ, Поссевинъ долженъ былъ отправиться, какъ было условлено съ Іоанномъ, вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ въ Венецію и Римъ. Въ составъ этого посольства находились: Яковъ Молвяниновъ, Василій Тишинъ, переводчикъ Збаровскій и нѣсколько второстепенныхъ лицъ. Послу были даны полномочія къ австрійскому императору, къ дожу и къ папѣ. Онъ долженъ былъ увѣрить ихъ въ готовности царя воевать вмѣстѣ съ ними противъ турокъ.

Странное зрѣлище должны были представлять эти московскіе послы, которые отправились въ Римъ подъ предводительствомъ іезуита. Для Поссевина, разумѣется, они были не особенно пріятными спутниками и доставили ему не мало хлопотъ и непріятностей.

Повидавшись въ Варшавѣ съ королевою и папскимъ нунціемъ, Поссевинъ отправился на оутки въ Вылборжъ, близъ Петрокова, резиденцію примаса Станислава Карнковскаго. Щедрый архіепископъ подарилъ ему на прощанье двѣ кареты, обитыя краснымъ сукномъ и запряженныя каждая четверкою лошадей, въ которыхъ онъ ѣхалъ со своими спутниками до Праги. Въ исходѣ іюня 1582 г. посольство прибыло въ Аугсбургъ, гдѣ происходили засѣданія сейма. Императоръ Рудольфъ былъ озабоченъ въ то время вопросомъ о войнѣ съ Турціей и воспользовался пріѣздомъ Поссевина, чтобы выхлопотать чрезъ него у папы денежную поддержку. Іезуитъ, въ свою очередь, постарался собрать самыя точныя свѣдѣнія о положеніи Австріи и склонить императора къ тому, чтобы онъ прибѣгнулъ къ посредничеству папы въ своихъ недоразумѣніяхъ съ Баторіемъ. Поссевинъ придавалъ этому величайшее значеніе. Очень довольный достигнутымъ успѣхомъ, онъ отправился далѣе, въ Инсбрукъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ, а затѣмъ въ Тарентъ, Верону, Виценцу, Падую и Венецію, куда онъ прибылъ со своими спутниками 23-го іюля (1-го августа). На слѣдующій день совершился ихъ торжественный въѣздъ въ столицу дожей, а два дня спустя Поссевинъ былъ приглашенъ на засѣданіе Совѣта Десяти, гдѣ онъ доложилъ дожу о перемиріи, заключенномъ между Москвою и Польшею, и о разрѣшеніи, данномъ московскимъ царемъ венеціанскимъ купцамъ и ихъ священникамъ посѣщать Москву.

26-го іюля (4-го августа) была назначена аудіенція московскому послу, на которой не обсуждались никакіе политическіе вопросы; весь интересъ сосредоточился на великолѣпныхъ соболяхъ, присланныхъ царемъ, которые вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно тайно отъ посла, были прода-

ны съ публичнаго торга; только двѣ соболіныя шкуры были оставлены для племянницы дожа; всѣ остальные пошли на украшенія нарядовъ богатыхъ и изящныхъ венеціанокъ.

По мѣрѣ того, какъ посольство приближалось къ Риму, отношенія Поссевина и его спутниковъ становились все больше и больше натянутыми. Русскіе при ближайшемъ знакомствѣ много потеряли въ его мнѣніи: высокомерные, дерзкіе, въ высшей степени недоувѣрчивые, злопамятные, предававшіеся всякаго рода излишествамъ, они съ трудомъ могли быть удержаны въ должныхъ границахъ. Въ Польшѣ и Германіи Поссевинъ запиралъ ихъ на ночь на ключъ. Вспоминая объ Іоаннѣ, онъ, подобно Герберштейну, не могъ рѣшить, жестокость ли царя была виною грубости русскихъ или же дикіе нравы народа создали грознаго царя.

По отъѣзду Поссевина, его сотрудники болѣе походили на животныхъ, чѣмъ на людей. Первое крупное недоразумѣніе произошло между ними въ Падуѣ. Плотно покушавъ и изрядно выпивъ, русскіе дипломаты отправились на поиски такъ любимыхъ москвитянами бань. За ними слѣдовали гурьбою студенты-поляки, которые, видя, въ какомъ они были состояніи, вышучивали ихъ и отпускали по ихъ адресу разныя острооты. Эта прогулка могла бы кончиться очень печально, если бы двѣнадцать алебардчиковъ, посланныхъ властями, не пришли на выручку русскаго посольства и не привели его обратно домой.

Въ Венеціи приключилась новая бѣда: русскіе уничтожили въ теченіе нѣсколькихъ дней до пятисотъ дынь и огурцовъ, которые они усердно заливали кипрскимъ и мушкатнымъ виномъ. Подъ палящимъ небомъ Италіи, въ августѣ мѣсяцѣ, подобная невозддержность имѣла самыя печальныя послѣдствія. Но русскіе приписали свою болѣзнь другой причинѣ и утверждали, что въ Венеціи вода была для нихъ очень вредна. Однако, строгая діета дала имъ возможность скоро оправиться.

14-го (23-го) августа Молвянинову было вручено вмѣстѣ съ обычными подарками отвѣтное письмо дожа къ Іоанну. Дожъ благодарилъ царя за дозволеніе венеціанскимъ купцамъ торговать въ Москвѣ и выражалъ готовность даровать русскимъ такія же льготы въ Венеціи, но о лигѣ противъ турокъ не упоминалъ ни слова.

На слѣдующій день посольство выѣхало изъ Венеціи въ Болонью, гдѣ по случаю его пріѣзда были закрыты всѣ лавки, и кардиналъ Чези устроилъ имъ великолѣпный пріемъ.

Далѣе посольство ѣхало не спѣша, останавливаясь во всѣхъ городахъ, которые ему приходилось проѣзжать. Это было сдѣлано по повелѣнію папы, который боялся, что сѣверяне будутъ страдать въ Римѣ отъ лѣтнихъ жаровъ, и потому приказалъ задержать ихъ въ до-

рогѣ какъ можно долѣе. Они прибыли въ Римъ только въ половинѣ сентября.

Вѣчный городъ былъ почти пустъ, такъ какъ большинство его жителей находилось еще на дачахъ. Самъ Григорій XIII и его секретарь отсутствовали и возвратились въ Римъ только 7-го (16-го) сентября, чтобы принять посольство въ торжественной аудіенціи. По случаю отсутствія многихъ придворныхъ, обычный строгій этикетъ былъ на этотъ разъ оставленъ и въ залу была допущена посторонняя публика, которой собралось такъ много, что кардиналы едва пробрались на свои мѣста. Папа, вмѣсто трона, сидѣлъ на простомъ креслѣ. По этому поводу церемоніймейстеръ былъ въ полномъ отчаяніи и жаловался на то, что золотой вѣкъ миновалъ и что старинные обычаи болѣе не соблюдаются—явный признакъ упадка.

Странное поведеніе и манеры московскаго посла смутили всѣхъ; Поссевину пришлось употребить самыя энергичныя мѣры для того, чтобы заставить его преклонить колѣна передъ папою и поцѣловать его туфлю. Что касалось собольей шапки посла, то, снимая ее по требованію Поссевины, онъ всякій разъ тотчасъ надѣвалъ ее обратно съ самымъ заносчивымъ видомъ.

Какая-то неловкость, сдѣланная Типинимъ, вывела посла изъ себя до того, что онъ въ присутствіи папы далъ ему здороваго тумака по спинѣ. Венеціанскій посланникъ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены, не могъ придти въ себя отъ изумленія.

Посѣдка посольства въ Тиволи окончилась скандаломъ. Кардиналъ д'Эсте устроилъ имъ въ своей виллѣ истинно царскій пріемъ, но самъ не вышелъ къ нимъ, въ чемъ ему не пришлось раскаяться. Прелестный фасадъ его дворца и чудныя фрески, украшавшія домъ, не привлекли вниманія русскихъ, они были равнодушны къ живописному мѣстоположенію виллы и къ красотѣ столѣтнихъ кипарисовъ, украшавшихъ садъ, на за то сдѣлали честь угощенію и такъ усердно предались возліаніямъ, что придворные были совершенно поражены и послѣ этого высшее общество рѣшило не принимать ихъ, и ни одинъ изъ иностранныхъ пословъ не посѣтилъ ихъ.

За московскимъ посломъ былъ даже учрежденъ строгій надзоръ, ему позволялось видѣть только извѣстныхъ лицъ, онъ могъ выходить только по неотложной надобности и то въ сопровожденіи конвоя. Вообще Молвяниновъ велъ себя, какъ истый варваръ, и навлекъ этимъ на себя презрѣніе черни, которая кидала камни въ его окна.

Опасаясь, чтобы посолъ не сказалъ въ Римѣ чего-нибудь лишняго и не испортилъ отношеній къ папѣ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ, Іоаннъ въ инструкціи указалъ ему подробно, что слѣдовало говорить. Напримѣръ, если бы его спросили, называлъ ли царь папу вол-

комѣ, то ему вѣдѣно было отвѣтить, что онъ этого не слыхалъ; если бн рѣчь зашла о непріятномъ случаѣ, происшедшемъ въ Кремлѣ у церкви, онъ долженъ былъ сказать, что онъ ничего не видѣлъ и знаетъ только, что Поссевину было оказано въ Москвѣ болѣе почета, нежели посламъ султана и императора. Но заботливость Іоанна оказалась напрасною: въ Римѣ никто и не думалъ провѣрять то, что происходило въ Кремлѣ.

Что касалось переговоровъ съ московскимъ посломъ, то они ограничились простымъ обмѣномъ мыслей, такъ какъ Молвянинову не было дано никакихъ полномочій и отъ него нельзя было ничего добиться. А самъ царь въ письмѣ къ папѣ писалъ только о своихъ надеждахъ на будущее. Поэтому и святому отцу оставалось лишь поздравить его съ заключеніемъ перемирія, посовѣтовать ему не нарушать его и готовиться исподоволь къ походу противъ турокъ. Въ этомъ смыслѣ Григорій XIII и писалъ Іоанну, Стефану Баторію и Замойскому.

Русскіе остались не особенно довольны своимъ пребываніемъ въ Римѣ; они были удивлены тѣмъ, что папа не пригласилъ ихъ къ столу, тогда какъ Поссевину была оказана царемъ эта честь; имъ казалось, что достоинство царя было оскорблено тѣмъ, что Григорій XIII не преклонялъ голову, произнося имя Іоанна; наконецъ, подарки, полученные посломъ, казались ему слишкомъ ничтожны, и денегъ, выданныхъ имъ на путевыя издержки, было, по его мнѣнію, недостаточно. Вообще относительно денегъ удовлетворить русскихъ было очень трудно.

7-го (16-го) октября 1582 г. посольство выѣхало изъ Рима на Вѣну и 25-го ноября (4-го декабря) прибыло безъ особыхъ приключеній въ Варшаву; Поссевинъ остался при дворѣ Баторія, а московское посольство направилося въ Кремль.

### VIII.

Положеніе Поссевина въ вопросѣ о католичествѣ въ литовско-русскихъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ.—Князь Константинъ Острожскій и его сношенія съ Поссевиномъ.—Введеніе новаго календаря.—Вопросъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы.—Кончина Іоанна Грознаго и вступленіе на престолъ Фёдора Іоанновича.—Посылка русскихъ пословъ въ Польшу.—Мечты Баторія о завоеваніи Московскаго государства.—Порученіе, данное имъ Поссевину.—Прибытіе русскихъ пословъ.—Свиданіе ихъ съ Поссевиномъ.—Продолженіе перемирія.

По возвращеніи въ Польшу, передъ Поссевиномъ открылось новое, обширное поприще дѣятельности. Успѣхъ, увѣнчавшій его дипломатическую миссію въ Москву, создалъ ему славу искуснаго дипломата;



папа облекъ его своимъ полнымъ довѣріемъ и поставилъ его въ совершенно исключительное положеніе. Помимо денегъ на путевыя издержки и полное содержаніе, Григорій XIII давалъ ему ежемѣсячно сто экю на личныя надобности его и его двухъ спутниковъ; на него былъ возложенъ главный надзоръ за католическими семинаріями и школами, которыя основывались на сѣверѣ и западѣ Европы и получали щедрыя субсидіи изъ Рима; кромѣ того, папа далъ ему дипломатическія порученія къ разнымъ европейскимъ дворамъ и главное поручилъ ему уладить споръ, возникшій между Баторіемъ и австрійскимъ императоромъ Рудольфомъ II изъ-за земель, отнятыхъ послѣднимъ у Трансильваніи.

Лично Поссевина интересовалъ болѣе всего вопросъ о соединеніи церквей въ тѣхъ литовско-русскихъ земляхъ, которыя были присоединены къ Польшѣ, но по составу населенія и религіи сохранили связь съ Москвою. Хотя высшій классъ, приходя въ соприкосновеніе съ болѣе развитыми и дѣятельными поляками, утрачивалъ мало-по-малу свои національныя черты и переходилъ въ католическую вѣру, но простой народъ, крестьяне и мѣщане, подвергавшіеся страшной эксплуатаціи со стороны магнатовъ и евреевъ, свято хранили православную вѣру и русскій языкъ.

Такимъ образомъ между этими двумя классами населенія создавалась мало-по-малу рознь, которую можно было бы устранить, установивъ единство вѣры и языка; но для того, чтобы религіозная реформа проникла въ массу населенія, она должна была бы идти рука объ руку съ соціальной реформой, которая облегчила бы гнетъ, тяготѣвшій надъ низшимъ классомъ. Но подобная реформа была не по силамъ Польшѣ XVI-го вѣка.

Поссевинъ, со своей стороны, интересовался исключительно догматической стороною вопроса и для достиженія своихъ цѣлей постарался войти въ сношенія съ княземъ Константиномъ Острожскимъ, который по своему происхожденію, богатству и вліянію занималъ выдающееся мѣсто среди диссидентовъ и магнатовъ. Его владѣнія представляли собою цѣлое маленькое государство съ тридцатью пятью городами и мѣстечками, съ 671 деревнями, не считая земель, розданныхъ имъ церквамъ и монастырямъ. Доходы этого королька доходили до громадной по тому времени цифры десяти милліоновъ злотыхъ, что составляло 1.800.000 рублей на наши деньги; онъ былъ окруженъ многочисленнымъ и изысканнымъ дворомъ, во главѣ котораго стоялъ маршалъ,—человѣкъ, принадлежавшій къ высшему дворянству. По политическимъ убѣжденіямъ князя Острожскаго считали сторонникомъ Польши, такъ какъ онъ поднималъ оружіе противъ Москвы и разорилъ Сѣверскую область. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ такъ искусно ла-

вировалъ между Римомъ и Византіей, что та и другая сторона рассчитывала на его поддержку. Православный по рожденію, вѣчно окруженный греческими монахами и епископами, князь Константинъ основалъ въ Острогѣ школу и типографію, живо интересовался дѣлами церкви, переписывался съ восточными патріархами, отвѣчалъ въ почтительныхъ выраженіяхъ на папскія посланія, обращался даже къ папскимъ нунціямъ въ Германіи и Польшѣ, прося ихъ о посредничествѣ у императора для устройства нѣкоторыхъ дѣлъ въ Богеміи.

На Поссевина, когда тотъ посѣтилъ его и завелъ съ нимъ рѣчь о единеніи церквей, князь произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе. Нѣсколько времени спустя послѣ этого князь Острожскій самъ отправился въ Краковъ, гдѣ находился тогда Поссевинъ, и со слезами на глазахъ долго говорилъ съ нимъ о сліяніи русскихъ и грековъ съ Римомъ, высказавъ, что это была его излюбленная мечта. На другой день къ Поссевину явился отъ него посланный съ просьбою дать князю записку о различіи церквей, представленную нѣкогда Поссевиномъ Іоанну IV. Передъ отъѣздомъ изъ Кракова князь Константинъ выразилъ желаніе не только имѣть подлѣ себя богослововъ, знакомыхъ со славянскими нарѣчіями, но даже созвать въ Острогѣ нѣчто въ родѣ собора. Находя это преждевременнымъ, Поссевинъ совѣтовалъ ему избѣгать слишкомъ шумныхъ манифестацій, но заявилъ, что въ этомъ желаніи виденъ перстъ Божій.

Князь Острожскій завелъ съ іезуитомъ переписку, подарилъ ему экземпляръ славянской библіи, напечатанной въ его типографіи, и такъ какъ славянскій шрифтъ, который употреблялся въ Римѣ, былъ очень плохъ, то князь предложилъ послать въ Италію партію опытныхъ рабочихъ для отлитія пунсоновъ и, если понадобится, для корректуры отливковъ. Такимъ образомъ представлялся случай завязать постоянныя сношенія съ Римомъ и познакомить русскихъ людей съ Западомъ, но кардиналъ Санторіо, отъ котораго это зависѣло, отклонилъ предложеніе князя Острожскаго. Излюбленной темой, которой касались въ своей перепискѣ Поссевинъ и Острожскій, былъ вопросъ о единеніи церквей. Планы князя были въ этомъ отношеніи весьма обширны, они обнимали славянъ, грековъ, Византію и Москву, и въ нихъ игралъ большую роль вопросъ о народномъ образованіи.

Совершившееся въ это время введеніе григоріанскаго календаря доставило Поссевину и князю Острожскому новую пищу для оживленнаго обмѣна мыслей.

Въ 1581 г. былъ поднятъ вопросъ о томъ, что прежде, нежели измѣнять календарь, необходимо было опросить объ этомъ мнѣнія русскихъ, грековъ, молдаванъ и валаховъ, но это не было исполнено; папа обратился по этому поводу съ запросомъ только къ константинополь-

скому патріарху Іереміи II, который пользовался въ Римѣ большимъ уваженіемъ, такъ какъ, благодаря его твердости, реформація не проникла на Востокъ; онъ былъ извѣстенъ, какъ врагъ протестантовъ, и относился болѣе сочувственно къ католикамъ.

Желая заручиться согласіемъ Іереміи II на введеніе новаго календаря, Григорій XIII послалъ къ нему въ Константинополь для переговоровъ Л. Челлини, который былъ принятъ патріархомъ весьма любезно. Переговоры шли успѣшно; казалось даже, что обѣ стороны придутъ къ соглашенію, какъ вдругъ въ Константинополѣ узнали о папской буллѣ; перемѣна календаря стала совершившимся фактомъ; патріархъ рѣшилъ, что надъ нимъ посмѣялись, и круто измѣнилъ свои рѣчи; Челлини возвратился въ Римъ, ничего не добившись, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1582 г. въ Константинополѣ былъ созванъ соборъ, осудившій новый календарь. Князь Острожскій былъ извѣщенъ о томъ съ объясненіемъ причинъ, собственноручнымъ письмомъ патріарха.

Патріархъ, конечно, не предвидѣлъ, какая судьба ожидала его письмо и въ чьи руки оно попадетъ. Князь Острожскій передалъ его Поссевино, прося перевести и написать на него опроверженіе, такъ какъ онъ одобрялъ введеніе новаго календаря. Баторій уже выразилъ согласіе ввести его въ Польшѣ, и отказъ со стороны православныхъ могъ послужить яблокомъ раздора.

Поссевинъ, хорошо знакомый съ этимъ вопросомъ, написалъ длинное возраженіе на двѣнадцати страницахъ, отъ имени князя, которое было послано въ Константинополь и Римъ.

Такимъ образомъ всѣ старанія Поссевина ввести среди славянъ григоріанскій календарь и вызвать сліяніе славянъ съ Римомъ не привели въ то время ни къ чему; онъ только подготовилъ почву къ совершившемуся въ 1595 г. великому событію — введенію уніи, чему князь Острожскій тщетно старался противодѣйствовать. Возлагая на Поссевина весьма разнообразныя порученія, папа имѣлъ въ виду главнымъ образомъ поддержать въ Европѣ миръ и склонить державы дѣйствовать совмѣстно противъ Турціи. При этомъ для него было очень важно заручиться содѣйствіемъ Баторія.

Въ принципѣ король польскій раздѣлялъ взгляды папы на необходимость воевать съ турками; болѣе того, онъ былъ увѣренъ, что походъ увѣнчается успѣхомъ, если его поведутъ энергично. Поэтому онъ одинъ изъ всѣхъ европейскихъ монарховъ отвѣтилъ на предложеніе папы совершенно серьезно и согласно съ его желаніемъ, обѣщавъ Григорію XIII сорокъ или пятьдесятъ тысячъ человекъ войска подъ условіемъ денежной субсидіи и содѣйствія австрійскаго императора и нѣмецкихъ принцевъ.

Въ началѣ 1584 г. въ Римѣ началась усиленная дѣятельность для

подготовленіи лиги противъ Турціи. Григорій XIII хотѣлъ поднять противъ нея весь Востокъ; въ Европѣ особенно усердно работали дипломаты, но этотъ вопросъ затрогивалъ слишкомъ много личныхъ, чисто эгоистическихъ расчетовъ, у всѣхъ и каждого было слишкомъ много заднихъ мыслей, чтобы можно было до чего-нибудь договориться: Венеція боялась за свою торговлю съ Востокомъ, король испанскій вооружался противъ Англіи и возобновлялъ перемиріе съ турками, самъ Баторій подъ влияніемъ текущихъ событій былъ готовъ примириться съ врагомъ христіанскаго міра; только одинъ папа былъ непоколебимъ и готовъ на всякія жертвы.

Между тѣмъ, въ Москвѣ произошло событіе первостепенной важности, послужившее сигналомъ къ внутреннимъ смутамъ и раздорамъ, и которое не могло не отразиться на внѣшнихъ сношеніяхъ Московскаго государства.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1584 года скончался Іоаннъ Грозный, и на престолъ вступилъ его второй сынъ Ѳеодоръ, котораго покойный царь тщательно охранялъ отъ взора иностранцевъ; по крайней мѣрѣ Посевинъ, не смотря на настоятельныя просьбы, ни разу не видалъ его. Іоаннъ не хотѣлъ, чтобы иностранецъ видѣлъ этого болѣзненнаго юношу съ блуждающимъ взоромъ, съ блѣднымъ лицомъ и непріятнымъ голосомъ, вѣчно улыбавагося и растеряннаго.

Вмѣсто Ѳеодора управлялъ, какъ извѣстно, его шуринъ, умный, энергичный и безгранично честолюбивый Борисъ Годуновъ, въ которомъ многіе видѣли будущаго царя. Такъ какъ болѣзненный Ѳеодоръ, не имѣвшій дѣтей, не могъ прожить долго, то, въ случаѣ его кончины, единственнымъ потомкомъ Рюрика остался бы царевичъ Димитрій, сосланный въ Угличъ, который, какъ полагали многіе дальновидные люди, могъ сдѣлаться жертвою честолюбиваго царедворца. Въ Польшѣ все это было хорошо извѣстно. Сапѣга, пріѣзжавшій въ Москву для обмѣна плѣнныхъ, слышалъ тамъ всѣ эти толки.

Возвратившись въ Польшу, онъ объявилъ королю о скоромъ пріѣздѣ двухъ русскихъ пословъ, изъ коихъ одинъ будетъ посланъ Ѳеодоромъ, а другой боярами, для того, чтобы скрѣпить, а въ случаѣ надобности возобновить десятилѣтнее перемиріе, заключенное въ 1582 г.

Замойскій сообщилъ эти вѣсти Посевину, которому пришлось поэтому оставить свое уединеніе и принять снова дѣятельное участіе въ событіяхъ.

Посевинъ находился въ это время въ Прагѣ, откуда онъ успѣлъ написать въ Римъ, сообщая, во-первыхъ, о тайномъ намѣреніи Баторія, воспользовавшись переменною царствованія, овладѣть Смоленскомъ и нѣкоторыми другими русскими провинціями и, во-вторыхъ, высказалъ мысль, что моментъ былъ самый подходящій, чтобы послать

Теодору и боярамъ, его ближайшимъ совѣтникамъ, папскія посланія. Поссевинъ даже набросалъ ихъ вчеря: тутъ были и сожалѣнія по поводу кончины Іоанна, и увѣренія въ дружбѣ, и надежда, что дружескія отношенія, существовавшія между Москвою и папскимъ престоломъ, упрочатся и впредь.

Въ этомъ смыслѣ были написаны въ Римѣ два папскихъ посланія, которые были препровождены Поссевину въ Прагу, но, чтобы не возбудить подозрѣній Баторія, къ нимъ не было приложено золотой печати и не посылалось никакихъ подарковъ.

Въ Польшѣ шли въ это время инаго рода приготовленія.

Въ августѣ мѣсяцѣ, въ Люблинѣ были созданы сенаторы для обсужденія отвѣтовъ, которые надлежало дать русскимъ посламъ. Поссевинъ также прибылъ въ Люблинъ. Король ожидалъ его съ нетерпѣніемъ, чтобы сообщить ему о новыхъ планахъ, зародившихся въ его умѣ. Для того, чтобы уничтожить турокъ и овладѣть Византіей, онъ считалъ необходимымъ завоевать прежде Москву.

Со смертію Іоанна перемиріе, заключенное съ нимъ, считалось недѣйствительнымъ. Москва была окружена со всѣхъ сторонъ алчными и грозными сосѣдями, ее раздирали внутреннія смуты, и король польскій считалъ себя имѣющимъ особыя права на наслѣдіе Іоанна и не хотѣлъ, чтобы его упредили другіе. Онъ считалъ возможнымъ завоевать Москву въ три года, а затѣмъ, съ помощью грузинъ, черкесъ и персовъ, идти на Константинополь и водрузить польское знамя на берегахъ Босфора.

Но для этого прежде всего нужны были деньги, которыхъ у Баторія не было. Сеймъ не утверждалъ новыхъ налоговъ, и потому оставалась одна надежда на папу. Баторій просилъ Поссевина написать Григорію XIII, а затѣмъ самому отправиться въ Римъ съ просьбою о субсидіи. Съ этой цѣлью онъ далъ іезуиту письма къ папѣ, дожу, къ великому герцогу Тосканскому и кардиналу Фарнезе, протектору Польши.

Порученіе, данное Поссевину, ставило его въ высшей степени щекотливое положеніе. При дворѣ короля польскаго былъ нунцій, которому могло быть непріятно предпочтеніе, оказываемое іезуиту, но Баторій заявилъ рѣшительно, что онъ не хочетъ инаго посредника въ своихъ сношеніяхъ съ папою, кромѣ Поссевина, хорошо знакомаго съ московскими порядками.

Совершенно новый и неожиданный планъ Баторія произвелъ въ Римѣ большое смятеніе. Онъ ставилъ верхъ дномъ всѣ планы, выработанные престарѣлымъ папою съ такимъ трудомъ; для осуществленія замысла короля пришлось бы выработать новый планъ дѣйствій, опѣшить, не жалѣть денегъ и проявить огромную дѣятельность. Дѣло

представлялось труднымъ, и на Поссевина стали въ Римѣ коситься, его находили слишкомъ смѣшнымъ, беспокойнымъ.

А между тѣмъ варшавскій нунцій сообщалъ въ своихъ депешахъ, что Баторій будетъ просить у папы денежной помощи, присовокупляя въ видѣ комментарія, что сеймъ вѣроятно не утвердитъ налоговъ и что королю придется вести войну на свои средства. Кардиналъ, которому онъ писалъ, понялъ этотъ намекъ и поспѣшилъ написать Поссевину, что хотя папа и одобряетъ планы Баторія и готовъ поддержать ихъ, но что онъ предпочитаетъ отложить рѣшеніе вопроса до сейма 1585 г. Онъ просилъ Поссевина не пріѣзжать въ Италію по своему собственному почину, предоставить веденіе переговоровъ нунцію Боломъетти. Что же касалось столь страстно желаемыхъ королемъ денежныхъ субсидій, то кардиналъ писалъ откровенно, что средствъ папы едва хватало на обыкновенные расходы и что не слѣдовало разсчитывать ни на Венецію, ни на Флоренцію, гдѣ деньги расходуются съ благоразумной осторожностью.

Этотъ отвѣтъ былъ написанъ наскоро и посланъ съ тѣмъ же курьеромъ, который привезъ письма Поссевина. Въ непродолжительномъ времени кардиналъ обѣщалъ писать подробнѣе, но письмо замедлило, и это поставило Поссевина въ самое затруднительное положеніе, такъ какъ ему было необходимо дать королю категорическій отвѣтъ до начала сейма, чтобы онъ зналъ, какъ держать себя на немъ.

Не дождавшись болѣе обстоятельнаго отвѣта, Поссевинъ передалъ, наконецъ, Баторію 26-го октября (5-го ноября) о сочувствіи папы его планамъ и, стараясь оправдать колебанія и промедленія папскаго престола, упомянулъ объ его огромныхъ тратахъ и сказалъ, что папа одѣлаетъ все отъ него зависящее: само собою подразумѣвалось, что пустая казна не могла дать многого.

Предвидя, что ему придется отвѣчать на возраженія, которыя могли быть сдѣланы на это, Поссевинъ представилъ одновременно Замойскому записку, въ которой онъ излагалъ всю трудность задуманнаго королемъ предпріятія.

Канцлеръ отвѣтилъ ему пространнымъ письмомъ, въ которомъ онъ обсуждалъ сказанное Поссевиномъ по пунктамъ и дѣлалъ на нихъ свои возраженія.

Эта записка, начертанная первымъ лицомъ республики, въ которой онъ изображалъ истинное положеніе страны, была послѣднимъ словомъ польской политики и поэтому заслуживаетъ особаго вниманія.

По словамъ Замойскаго, главною цѣлью короля польскаго должно быть спасеніе христіанства, защита Польши и даже Германіи отъ ислама, ибо, въ случаѣ вторженія турокъ, Европѣ угрожала гибель; единственнымъ средствомъ преградить имъ путь было завоевать Москву. «Простой военной прогулки, одного страха, внушаемаго польскимъ именемъ, бу-

дѣть достаточно,—писалъ онъ,—для того, чтобы завоевать страну, истощенную войною и обуреваемую анархіею. Но король польскій, предпочитая окончить дѣло мирнымъ путемъ, требуетъ только уступки завоеванныхъ у него провинцій, а затѣмъ предложить соединить обѣ страны подъ однимъ скипетромъ и, только въ случаѣ отказа со стороны русскихъ, объявить имъ войну, которая продлится не болѣе двухъ лѣтъ и увѣнчается успѣхомъ.

«Но если эта цѣль благородна,—писалъ канцлеръ,—если Московское государство слабо, то достаточно ли, въ свою очередь, сильна Польша и достаточно ли она богата, чтобы начинать новую войну; умиротворены ли ея политическія партіи, нѣтъ ли у Баторія опасныхъ соперниковъ и, если онъ уѣдетъ временно изъ Польши, не нападутъ ли на республику враждебныя ему сосѣди?» Всѣ эти вопросы не вызывали у Замойскаго и тѣни сомнѣнія. Внутреннее состояніе Польши не внушало ему ни малѣйшей тревоги: оно таково же, говорилъ онъ, какъ и во время Ягеллоновъ; измѣнились люди, но нравы остались тѣ же. Сеймы по-прежнему будутъ шумны и бурны, но власть правительства достаточно сильна и большинство поляковъ довольно патріотично, чтобы не бояться никакой опасности. Даже въ случаѣ войны нѣтъ повода опасаться возмущенія; у враговъ короля, по живописному выраженію канцлера, «кошельки затянуты паутиной», и они бросаютъ на воздухъ болѣе словъ, нежели имѣютъ верна для посѣва; въ случаѣ возстанія, ихъ плохо укрѣпленные замки и дурно охраняемыя имѣнія сдѣлаются добычею нападающаго, поэтому они не рискнутъ подать къ тому повода.

На основаніи этихъ соображеній, Замойскій находилъ, что Польша смѣло могла объявить Москвѣ войну, тѣмъ болѣе, что ея отношенія къ прочимъ державамъ были вполнѣ успокоительныя; а что касалось Турціи, то Замойскій, забывая, что главною цѣлью Баторія было уничтожить ее, писалъ, что турки не только не будутъ препятствовать походу на Москву, но напротивъ того будутъ содѣйствовать королю и что еще Селимъ II предлагалъ Сигизмунду-Августу подкрѣпленіе въ 30.000 человекъ, если онъ объявитъ войну московскому царю.

Выяснивъ свой взглядъ со стороны принципиальной, Замойскій перешелъ къ денежному вопросу. Провинціи съ русскимъ и литовскимъ населеніемъ утверждать налоги, говорилъ онъ въ своей запискѣ; если же поляки на это не согласятся, то король поведетъ войну на свой счетъ или на счетъ своихъ союзниковъ. Папа и тѣ монархи, кои дадутъ ему деньги на войну, могутъ контролировать произведенные расходы.

Замойскій ожидалъ, что деньги такъ и польются въ королевскую казну; поэтому онъ обсуждалъ даже вопросъ, какое сдѣлать изъ нихъ употребленіе въ случаѣ, если бы войны не пришлось вести, т. е. если бы царь добровольно уступилъ требуемыя Баторіемъ провинціи. На

эти деньги можно будетъ построить церкви и школы въ присоединенныхъ къ Польшѣ земляхъ, писалъ канцлеръ, и построить крѣпости въ Трансильваніи, которая есть ключъ къ Европѣ со стороны Востока.

Въ этой запискѣ невольно высказалась тайная мысль канцлера; турки были только предлогомъ; истинной жертвой должна была быть Москва. Поссевинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять этого, и слишкомъ самоувѣренъ, чтобы не льстить себя надеждою, что ему удастся направить дѣло такъ, какъ ему хотѣлось, удовлетворивъ всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ лицъ. Каковы ни были виды Поссевина на будущее, но въ 1584 г. онъ былъ рѣшительно на сторонѣ Баторія и, стараясь расположить въ его пользу папу, писалъ въ Римъ, что «счастливое стеченіе обстоятельствъ позволяетъ королю польскому лѣлѣять самые обширные планы и рассчитывать на корону, еще болѣе блестящую, нежели корона Ягеллоновъ».

Всѣ эти доводы и посланное въ Римъ собственноручное письмо короля къ Григорію XIII не могли пройти безслѣдно и хотя папа, конечно, не измѣнилъ своей политики по желанію Баторія, однако онъ счелъ нужнымъ смягчить первоначальный отвѣтъ, посланный имъ королю польскому, и одинъ изъ кардиналовъ писалъ Поссевину, по приказанію папы, что «его святѣйшество отнюдь не хочетъ давать совѣты королю, или обсуждать вопросъ о томъ, хорошо или худо начинать войну, что онъ вполне полагается на рѣшеніе короля, зная, что онъ со свойственной ему осторожностью приметъ самое благое рѣшеніе».

Что касалось субсидій, о которыхъ просилъ Баторій, то папа велѣлъ передать ему, что онъ не считаетъ удобнымъ ходатайствовать объ этомъ у дожа или у великаго герцога Тосканскаго, и даже не считаетъ желательнымъ, чтобы Поссевинъ пріѣзжалъ въ Римъ, дабы никто не могъ заподозрить, что его святѣйшество принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Но король могъ бы послать кого-либо изъ своихъ довѣренныхъ лицъ, чтобы войти въ переговоры съ означенными правителями, и если они выразятъ готовность оказать ему свое содѣйствіе, то его святѣйшество, со своей стороны, готовъ будетъ помочь ему. Поручая Поссевину передать все это королю лично, кардиналъ присовокуплялъ, что Поссевину нѣтъ надобности пріѣзжать по этому дѣлу ни въ Римъ, ни въ Италію, ибо такова воля его святѣйшества.

Изъ этого письма ясно видно, что папа отнюдь не желалъ гибели Москвѣ, ибо иначе онъ, конечно, выказалъ бы болѣе усердія къ этому дѣлу и лучше воспользовался бы представившимся, быть можетъ, единственнымъ, случаемъ.

Новый отвѣтъ папы былъ принятъ Поссевиномъ съ благодарностью; онъ видѣлъ въ немъ внушеніе свыше, былъ вполне доволенъ и писалъ



8-го (17-го) ноября 1584 г. Баторію, что послѣшнѣе лично сообщить ему рѣшеніе папы.

Но его свиданіе съ королемъ польскимъ состоялось лишь въ исходѣ января 1585 г. во время сейма.

По мѣрѣ того, какъ земскіе депутаты появлялись въ Варшавѣ, становилось все болѣе и болѣе очевидно, что Польша страстно желала мира и боялась новой войны, противъ которой сеймъ высказался открыто.

Не встрѣтивъ содѣйствія со стороны поляковъ, Баторій долженъ былъ еще болѣе цѣнить сочувствіе папы. И дѣйствительно, какъ видно изъ сообщеній Поссевина, король и канцлеръ были весьма довольны отвѣтомъ, полученнымъ изъ Рима. Но такъ какъ Баторію было необходимо сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и не идти открыто наперекоръ ему, то ему все-таки пришлось примѣниться къ обстоятельствамъ. Хотя онъ и былъ вполне убѣжденъ въ плачевномъ состояніи Московскаго государства и могъ рассчитывать на помощь короля шведскаго, предлагавшаго ему свой союзъ, но онъ рѣшилъ остановиться на полумѣрахъ и потребовать только у царя обратно Смоленскъ и Тверь.

Между тѣмъ къ открытію сейма прибыли въ Варшаву представители царя Феодора Іоанновича, князь Троекуровъ и Михайло Безнигъ; при нихъ состоялъ секретаремъ тотъ самый польскій шляхтичъ Заборовскій, который исполнялъ эту обязанность при Молвяниновѣ, во время его поѣздки въ Римъ. Имъ было приказано сдѣлать все возможное для сохраненія мира, въ которомъ Москва сильно нуждалась, послѣ такого царствованія, какимъ было царствованіе Іоанна Грознаго, и въ виду столь опаснаго противника, какъ Баторій.

Были ли посламъ даны какія-либо инструкціи относительно папскаго престола—не извѣстно, но они вступили тотчасъ по пріѣздѣ въ сношенія съ Поссевиномъ. Его положеніе было довольно странное; онъ ходатайствовалъ въ Римѣ за Баторія, а въ Польшѣ то поощрялъ его планы, то старался сдерживать его; въ своихъ же бесѣдахъ съ русскими послами онъ многое скрывалъ отъ нихъ и рассчитывалъ сохранить съ ними дружескія отношенія, заставивъ ихъ въ то же время подчиниться его требованіямъ.

Въ то время онъ уже не такъ увлекался мыслию о войнѣ Баторія съ Москвою; участь Ливоніи также внушала ему сомнѣнія, такъ какъ завоеваніе ея Польшею не принесло особенной пользы церкви.

— Я боюсь,—сказалъ онъ однажды королю со своей обычной откровенностью,—чтобы благодаря вашимъ побѣдамъ аріанство и безвѣріе не проникло туда, гдѣ до этихъ поръ была только ересь. Не лучше ли было бы устроить сначала дѣла Ливоніи, а затѣмъ уже строить новые планы?

Эти слова произвели впечатлѣніе на короля; онъ обѣщалъ зрѣло обдумать вопросъ прежде, нежели прибѣгнуть къ денежному займу. Поссевинъ надѣялся даже, что «изъ уваженія къ его святѣйшеству всѣ денежныя обязательства Польши будутъ отсрочены и что перемиріе будетъ продолжено еще на два года». Онъ рассчитывалъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы заняться религіозной пропагандою въ Московскомъ государствѣ.

Свиданіе Поссевина съ послами было въ высшей степени дружественное. Они приняли папское посланіе, предназначавшееся для царя Ѳеодора Иоанновича, съ изъявленіемъ благодарности, и просили Поссевина ходатайствовать у короля о продленіи перемирія и о рѣшеніи нескончаемаго вопроса объ обмѣнѣ плѣнныхъ.

Баторій охотно принялъ посредничество своего всегдашняго сторонника, обсудилъ вмѣстѣ съ нимъ программу предстоявшихъ переговоровъ, принялъ во вниманіе его совѣты, и такимъ образомъ при участіи Поссевина было заключено съ Москвою новое перемиріе.

Любопытно, до какой степени Поссевинъ увлекался надеждою ввести въ Россію католичество. Послѣ своихъ переговоровъ съ Троекуровымъ и Безнинымъ, которые весьма мало понимали въ этомъ вопросѣ, онъ уже высказываетъ въ своихъ письмахъ самыя радужныя надежды.

Но важнѣйшіе пункты переговоровъ были для всѣхъ тайною. Какъ утверждаютъ русскіе источники, Баторій говорилъ русскимъ посламъ тотчасъ по ихъ пріѣздѣ, что онъ согласится заключить даже десятилѣтнее перемиріе, если царь возвратитъ Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, Смоленскъ и Сѣверскъ; къ этому онъ присовокупилъ слѣдующія грозныя слова:

— Отецъ Ѳеодора не хотѣлъ меня знать, но ему пришлось познакомиться со мною; то же будетъ и съ сыномъ.

Тотчасъ по заключеніи перемирія, Троекуровъ и Безнинъ были приглашены къ канцлеру Замойскому, который сказалъ имъ слѣдующее:

— Вамъ извѣстны права Польши на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ съ округами; вамъ извѣстно, что такъ какъ перемиріе окончилось, то мы были бы въ правѣ требовать этихъ земель. Но миролюбивый образъ дѣйствій слѣдуетъ всегда предпочитать насилию. Самое вѣрное средство избѣжать насилія и даже заключить съ нами вѣчный союзъ состоитъ въ томъ, чтобы вашъ великій князь принялъ наши условія. Вы видите, что онъ серьезно боленъ: слѣдовательно, вы не можете рассчитывать на то, что у него будетъ преемникъ и что спокойствіе страны будетъ обезпечено. При подобныхъ обстоятельствахъ Россія легко можетъ сдѣлаться добычею турокъ, татаръ и другихъ народовъ, и поэтому мы предлагаемъ вамъ, въ случаѣ, если вашъ великій князь умретъ, не оставивъ потомства, начать переговоры съ нами, чтобы присоединить Московское госу-

дарство къ Польшѣ, по примѣру великаго княжества Литовскаго, что въполнѣ удобно въ виду близкаго сосѣдства и общности языка.

Можно себѣ представить изумленіе московскихъ пословъ, которымъ было предписано держаться буквально данныхъ имъ инструкцій, когда они очутились лицомъ къ лицу съ такими серьезными вопросами, которые имъ приходилось рѣшить самостоятельно. Строго соблюдая данный имъ приказъ, они скромно отвѣтили, что не могутъ позволить себѣ отступленіе отъ обычаевъ, но что если Баторій пришлетъ своихъ пословъ въ Москву, то имъ будетъ оказанъ самый хорошій приемъ.

Такимъ образомъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, восторжествовала выжидательная и миролюбивая политика. Война была отложена, главнымъ образомъ, по недостатку денежныхъ средствъ, и дипломатіи открывалась широкая дѣятельность: надобно было успокоить взволнованные умы, упрочить между обоими народами дружественныя отношенія и примирить ихъ интересы. Поссевинъ понималъ это, и въ его умѣ уже зарождались новыя планы, какъ вдругъ его дѣятельность была неожиданно прервана.

31-го января (9-го февраля) 1585 г., въ тотъ самый день, когда Стефанъ написалъ ему любезную записочку, въ которой увѣрялъ его, что онъ будетъ всегда желаннымъ гостемъ въ Варшавѣ и что ему приготовлено на выборъ три комнаты, онъ получилъ неожиданно изъ Рима приказаніе оставить дворъ и удалиться въ Браунсбергскую іезуитскую коллегію, и тамъ, вдали отъ Польши, отъ Германіи и Швеціи, заниматься писаніемъ писемъ, распространеніемъ книгъ и руководствомъ для миссіонеровъ.

Чѣмъ же было вызвано это приказаніе папы? Духовное званіе плохо вяжется съ политикой, и хотя Поссевинъ занимался въ послѣдніе годы дипломатіей по особому повелѣнію папы, но все же это могло имѣть для религіи самыя непріятныя послѣдствія. Между императоромъ Рудольфомъ и Баторіемъ существовало тайное соперничество; относительно Москвы они были самыхъ противоположныхъ взглядовъ и вели споръ изъ-за нѣсколькихъ десятинъ земли въ Венгріи; удовлетворить обоихъ монарховъ было совершенно невозможно, и для іезуитскаго ордена, который имѣлъ свои школы въ Австріи и въ Польшѣ, безпристрастіе было необходимымъ качествомъ. Поссевинъ и старался быть безпристрастнымъ, но недоброжелательство и зависть преслѣдовали его со всѣхъ сторонъ и его дѣйствія подвергались самой строгой критикѣ. Единственнымъ средствомъ снять съ себя всякое подозрѣніе было отказаться отъ политики. Генераль іезуитскаго ордена, Аквавива, одаренный большою проницательностью, рѣшилъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ энергично. Онъ отправился къ папѣ, изложилъ ему всѣ обстоятельства дѣла и потребовалъ, чтобы Поссевинъ былъ отозванъ. Никто не предвидѣлъ въ то время, что его удаленіе отъ дѣлъ будетъ весьма непродолжительнымъ.

## IX.

Отправленіе Баторіемъ посольства въ Москву.—Неудача въ переговорахъ и возобновленіе ихъ въ Гроднѣ въ 1586 г.—Значеніе Бориса Годунова.—Кончина папы Григорія XIII и вступленіе на престолъ Сикста V.—Желаніе Баторія овладѣть Москвою.—Появленіе Поссевина вновь на дипломатической сценѣ.—Писъма его разнымъ лицамъ.—Сношенія Баторія съ Римомъ.—Ложный слухъ о кончинѣ Теодора Іоанновича и о томъ, что русскіе желаютъ, чтобы на московскій престолъ вступилъ эрцгерцогъ австрійскій.—Поездка Поссевина въ Римъ и переговоры его съ Сикстомъ V.—Кончина Стефана Баторія.—Впечатлѣніе, которое она произвела на Поссевина.—Избраніе короля польскаго.—Соперничество эрцгерцога Максимилиана и Сигизмунда.—Пораженіе Максимилиана.—Договоръ, заключенный между Австріей и Польшей.

Слова, сказанныя Троекуровымъ въ отвѣтъ на предложеніе Баторія соединить Польшу и Москву подъ однимъ скипетромъ, были приняты королемъ польскимъ къ свѣдѣнію. Московскій посолъ, признавъ свою несостоятельность въ рѣшеніи подобнаго вопроса, подалъ ему мысль обратиться непосредственно къ самому царю, и король рѣшилъ въ началѣ 1586 г. послать въ Москву для переговоровъ преданнаго ему каштеляна минскаго Гарабурду.

Выборъ былъ удаченъ: Гарабурда свободно говорилъ по-русски и имѣлъ связи въ Кремлѣ, куда онъ посылался неоднократно съ дипломатическими порученіями. Онъ же подписалъ Ямъ-Запольское перемиріе.

Странная превратность судьбы! Въ 1573 г. тотъ же Гарабурда предлагалъ Іоанну IV или его сыну польскій престолъ, никѣмъ не занятый по смерти Сигизмунда-Августа, но тогда главенство между союзными державами должно было принадлежать Москвѣ; теперь же шла рѣчь о сліяніи обоихъ народовъ подъ скипетромъ Польши.

Переговоры начались съ обсужденія второстепенныхъ вопросовъ.

Гарабурда жаловался на обиды, чинимыя въ Москвѣ литовскимъ купцамъ, коихъ тамъ считали шпионами, и обращались какъ съ такими. Онъ требовалъ освобожденія нѣмецкихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Ливоніи, чего безуспѣшно добивался Поссевинъ еще въ 1582 году.

Въ Кремлѣ имѣли обыкновеніе на жалобы отвѣчать жалобами; поэтому бояре, въ свою очередь, говорили, что Баторій возвратилъ только самыхъ простыхъ плѣнныхъ, мужиковъ и стрѣльцовъ, оставивъ у себя всѣхъ болѣе значительныхъ лицъ; что касалось ливонцевъ, то бояре утверждали, что ихъ даже вельзя считать плѣнными, такъ какъ одни изъ нихъ будто бы поступили на царскую службу, а другіе торговали въ Москвѣ, поэтому о возвращеніи ихъ не могло быть и рѣчи.

Начало не предвѣщало ничего добраго, но Гарабурда, умудренный опытомъ, не унывалъ и, чтобы не слишкомъ озадачить бояръ, онъ предложилъ имъ принять исходною точкою переговоровъ сохраненіе *statu quo*, т. е. чтобы обѣ стороны сохранили тѣ земли, коими они владѣли въ тотъ моментъ.

— Если мы будемъ требовать какихъ-либо провинцій,—сказалъ литовскій посолъ,—очевидно, ихъ никто не уступитъ добровольно, и ихъ придется вырвать другъ у друга съ оружіемъ въ рукахъ; пусть лучше каждый довольствуется тѣмъ, чѣмъ онъ владѣетъ въ настоящее время, пусть братъ ничего не требуетъ отъ брата. Дай Богъ, чтобы оба монарха жили еще долгіе годы, но, въ случаѣ кончины одного изъ нихъ, вопросъ о престолонаслѣдіи возникнетъ самъ собою и его можно будетъ рѣшить слѣдующимъ образомъ: если Баторій умретъ, не оставивъ потомства, то пусть Польша и Литва будутъ присоединены къ Москвѣ, составивъ одно государство подъ скипетромъ царя; если же, напротивъ того, Оеодоръ умретъ раньше бездѣтнымъ, то пусть Москва будетъ присоединена къ Польшѣ и Литвѣ подъ скипетромъ Баторія. Это братское сліяніе славянскихъ народовъ составитъ эпоху въ исторіи, и сама судьба рѣшитъ будущее обѣихъ странъ.

Слушая эти рѣчи, бояре только покачивали головою. Могли ли они, вѣрноподданные московскаго царя, обсуждать заблаговременно вопросъ объ его кончинѣ? Они откровенно высказали Гарабурдѣ свое сомнѣніе въ успѣхѣ переговоровъ, но высшее духовенство и боярская дума увидѣли въ этомъ предложеніи средство затянуть переговоры, чему въ Москвѣ были всегда рады. Но самъ Гарабурда былъ виноватъ въ томъ, что бояре уклонились вскорѣ отъ переговоровъ съ нимъ.

Коснувшись еще разъ вопроса о сліяніи славянскихъ народовъ, онъ заявилъ, что, въ случаѣ кончины Баторія, Польша сохранить полную свободу дѣйствій, тогда какъ Москва, лишившись царя, будетъ обязана присоединиться къ Польшѣ. Въ сущности это и была мысль Баторія, который не допускалъ ни въ какомъ случаѣ главенства своей соперницы Москвы, но для бояръ это былъ, конечно, отличный предлогъ вознегодовать и окончательно отказаться отъ обсужденія этого вопроса.

Бояре, въ свою очередь, предложили вести переговоры о другомъ, по ихъ словамъ, болѣе важномъ предметѣ, а именно продолжить перемиріе для того, чтобы имѣть возможность заключить вѣчный миръ. Гарабурда, со своей стороны, на это не согласился. Ему было необходимо добиться положительнаго результата: либо рѣшить принципиально вопросъ о соединеніи двухъ странъ подъ одной верховной властью, либо выговорить какую-либо значительную территоріальную уступку. Въ виду этого онъ заявилъ боярамъ, что если дѣло пойдетъ такъ и далѣе, то Баторій не удовольствуется ни Смоленскомъ, ни Сѣверскомъ, и русскимъ придется уступить ему Новгородъ и Псковъ. На это ему отвѣчали съ большимъ достоинствомъ, что царь никогда не откажется отъ своихъ вотчинъ и не уступитъ ни пяди земли; вмѣстѣ съ тѣмъ бояре сказали требовательному послу, что Россія уже не та, какъ была прежде, и что полякамъ придется отстаивать вскорѣ не только Ливонію и Полоцкъ, но и Вильну.

\*

Гарабурда выѣхалъ изъ Москвы 21-го (30-го) апрѣля 1586 г., ничего не добившись; впрочемъ, было рѣшено, что въ Польшу снова будутъ отправлены послы для возобновленія переговоровъ, на благоприятный исходъ которыхъ не было впрочемъ никакой надежды.

На обратномъ пути, Гарабурда заболѣлъ въ Гродно воспаленіемъ легкихъ и умеръ, успѣвъ впрочемъ дать королю отчетъ въ своей поѣздкѣ.

Вотъ что писалъ, на основаніи этого отчета, Баторій Поссевину: «дѣла идутъ въ Москвѣ все хуже; Щелкаловъ и Годуновъ захватили власть въ свои руки, но противъ нихъ образовалась сильная партія; большинство русскихъ желаетъ слиянія съ Польшей; вся Москва пришлетъ пословъ для обсужденія этого вопроса».

Заблуждался ли Баторій, говоря это, или же его посланный былъ обманутъ и король говорилъ только съ его словъ? Какъ бы то ни было, король выводилъ изъ этого заключеніе, что Москвѣ нуженъ царь, который удовлетворилъ бы желанія народа; а въ Москвѣ ожидали въ то же время, что поляки предложатъ польскую корону царю.

Новосильцевъ, посланный въ Прагу съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Θεодора Іоанновича, имѣлъ свиданіе съ примасомъ Польши Станиславомъ Карниковскимъ, который сказалъ ему, что онъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ того момента, когда два славянскіе народа соединятся подъ властью московскаго царя; плохое состояніе здоровья Баторія, котораго въ Польшѣ, по его словамъ, всѣ ненавидѣли, давало надежду, что это время наступитъ скоро.

Такимъ образомъ желанія русскихъ и поляковъ были діаметрально противоположны.

Въ исходѣ 1586 г. въ Гродно начались новые переговоры. Представителемъ Θεодора Іоанновича явился снова князь Троекуровъ.

Съ той и съ другой стороны были сдѣланы тѣ же самыя предложенія, какъ и прежде, съ тою лишь разницею, что они сопровождались насмѣшками и сарказмами.

— Мы предлагаемъ вамъ хлѣба,—говорили поляки,—а вы бросаете въ насъ камни.

Когда Троекуровъ сталъ требовать Ливонію, ему отвѣчали:

— Этого слишкомъ мало, требуйте всѣ литовскія земли и возьмите ихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Когда поляки настоятельно требовали отвѣта, русскіе сослались на то, что имъ надобно созвать Боярскую Думу и что на то потребуется не мало времени.

— Это одна формальность,—возражали поляки,—у васъ воля царя законъ.

У Троекурова на все былъ готовъ отвѣтъ, его не испугали ни угрозы войны, ни упреки въ симпатіи къ Австріи, ни призракъ Турціи, которымъ поляки стращали его.

Въ то время въ Москвѣ восходила звѣзда Годунова, поэтому русскіе восприли духомъ и стали смѣлѣе. Съ тѣхъ поръ какъ онъ управлялъ государствомъ именемъ Ѳеодора Іоанновича, въ странѣ началъ водворяться порядокъ; прекратились кровавыя и самовольныя казни и конфискаціи имуществъ, усилились сношенія съ иноземными державами; возмущеніе, вспыхнувшее на берегахъ Волги, было быстро усмирено, на ея берегахъ воздвигались новыя крѣпости.

Поляки долго не могли сломить упорство Троекурова; имъ такъ и не удалось придти къ какому-либо соглашенію; было рѣшено только отсрочить перемиріе на два мѣсяца съ тѣмъ, что на слѣдующій годъ съѣдутся новыя послы, которые будутъ продолжать прерванные переговоры.

Между тѣмъ 1-го (10-го) апрѣля 1585 г. скончался папа Григорій XIII; его мѣсто заступилъ Сикстъ V, человѣкъ въ высшей степени безпристрастный и справедливый, характера твердаго и непреклоннаго, поставившій себѣ цѣлью возвратить папской власти ея прежній блескъ и достигшій этого въ короткій періодъ своего пятилѣтняго управленія, благодаря своей изумительной энергіи и дѣятельности.

Перемиѣна, происшедшая въ Римѣ, была благопріятна для короля польскаго, къ которому новый папа видимо относился сочувственно. По крайней мѣрѣ Виргилій Кресчензѣ, римскій дворянинъ, состоявшій на службѣ короля польскаго, писалъ королю, что Сикстъ V, бесѣдуя съ кардиналомъ Медичи, выразился: что лиги, во главѣ которыхъ стоятъ многіе монархи, не достигаютъ цѣли; и, положивъ руку на грудь, какъ бы для того, чтобы произнести клятву, присовокупилъ, что онъ вмѣстѣ съ прочими монархами охотно далъ бы Баторію миллионъ въ годъ, чтобы онъ освободилъ христіанскій міръ отъ призрака Турціи.

Между тѣмъ Баторій не оставлялъ своихъ плановъ, и хотя онъ велъ переговоры съ Москвою, но его по-прежнему неотступно преслѣдовала мысль о завоеваніи Московскаго государства; но для этого, какъ мы уже говорили, у него не доставало денегъ. Надобно было заставить папу расщедриться, и, конечно, никто не могъ добиться этого легче, нежели Поссевинъ, однако ему надобно было прежде всего завоевать довѣріе новаго папы.

Король взялся устроить это и велѣлъ передать кардиналу Рустичучи всѣ документы, касавшіеся плановъ относительно завоеванія Москвы, выработанныхъ при Григоріѣ XIII. Поссевинъ тотчасъ исполнилъ это порученіе и, предвидя, что этотъ шагъ могъ вызвать удивленіе кардинала, поспѣшилъ объяснить ему побужденія, руководившія въ этомъ случаѣ королемъ польскимъ, сославшись на вышеупомянутый разговоръ папы съ кардиналомъ Медичи и на появленіе въ Варшавѣ турецкаго посла, который наводилъ справки относительно сооружаемыхъ въ послѣднее время крѣпостей и относительно желанія русскихъ избрать царемъ эрцгерцога австрійскаго.

«Появленіе турецкаго посла чрезвычайно встревожило Баторіа, — писалъ Поссевинъ; — король думаетъ, что турки замышляютъ походъ противъ Москвы. Напуганный этимъ, онъ готовъ сдѣлать все возможное, чтобы предотвратить эту опасность, такъ какъ завоеваніе Москвы турками усилило бы ихъ могущество и они могли бы овладѣть всѣмъ бассейномъ Днѣпра и даже Вислы».

Въ сущности все это было только повтореніемъ на новый ладъ излюбленной мысли Баторіа: «помогите мнѣ завоевать Москву, иначе ею завладѣютъ турки».

Личныя соображенія Баторіа заставляли его представить папѣ будущее въ мрачныхъ краскахъ и пугать его воинственными замыслами турокъ, а между тѣмъ, нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 26-го октября (5-го ноября) онъ самъ препроводилъ Поссевину, подъ величайшимъ секретомъ, переводъ турецкаго посланія къ «князьямъ, баронамъ (?) и боярамъ великаго княжества Московскаго», въ которомъ не было и намекъ на что-либо подобное. Напротивъ того, турки, узнавъ о неспособности царя Θεодора Іоанновича, предлагали русскимъ избрать на его мѣсто кого-либо изъ своей среды, или хотя бы самого Баторіа, суля имъ за это обезпеченіе торговыхъ сношеній, союзъ съ татарами и дружеское расположеніе Порты. Это посланіе изобличаетъ короля во лжи и бросаетъ на него неблагоприятную тѣнь.

Отославъ письмо къ кардиналу Рустикуччи, Поссевинъ взялся 15-го (24-го) января 1586 г. снова за перо и сообщилъ генералу о. Аквавивѣ въ пространномъ письмѣ о страстномъ желаніи Баторіа завоевать Москву, что, по его словамъ, могло имѣть самыя благотворныя послѣдствія для распространенія на Востокъ католической вѣры; затѣмъ Поссевинъ выражалъ желаніе пріѣхать для устройства этого дѣла въ Римъ.

Король поддержалъ просьбу Поссевина и со своей стороны написалъ о. Аквавивѣ 13-го (22-го) февраля и просилъ его, въ знакъ особаго расположенія къ нему, Баторію, разрѣшить Поссевину эту поѣздку, обѣщая ему за это свое королевское благоволеніе.

Курьеры, везшіе эти письма, встрѣтились по пути съ посланнымъ папы, везшимъ посланіе Сикста V къ Θεодору Іоанновичу.

Въ то время какъ въ Польшѣ только и думали о войнѣ, въ Римѣ всѣ желанія клонились къ сохраненію мира, и папа, извѣщая «государя всея Россіи, великаго князя Московскаго, Новгородскаго, Смоленскаго, Владимірскаго, царя Казанскаго и Астраханскаго и великаго князя многихъ другихъ земель» о своемъ вступленіи на папскій престолъ, вспоминалъ въ своемъ посланіи о Ямъ-Занольскомъ перемиріи, заключенномъ при содѣйствіи Григорія XIII, и выражалъ надежду и желаніе сохранить съ царемъ впредь самыя дружескія отношенія.

Можно себѣ представить затруднительное положеніе Поссевина,



когда онъ получалъ это папское посланіе съ просьбою передать его по назначенію. Онъ очутился такимъ образомъ среди двухъ огней, какъ человѣкъ ловкій, не отсылая письма, полученнаго изъ Рима, онъ взялся за перо, чтобы объясниться съ Аццолино, который завѣдывалъ въ то время въ Римѣ иностранными дѣлами.

«Правила этикета требуютъ,—писалъ онъ,—чтобы папское посланіе было вручено царю особымъ посломъ. Въ Москвѣ строго соблюдается этотъ обычай, вмѣстѣ съ письмами должны быть присланы подарки.

«Въ настоящее время въ Кремлѣ находится Гарабурда, гдѣ онъ ведетъ переговоры о присоединеніи Московіи къ Польшѣ. Что сказали бы король польскій и какія онъ могъ бы возымѣть подозрѣнія, если бы папа вошелъ неожиданно въ непосредственныя сношенія съ самимъ царемъ? Весьма возможно, что Стефанъ Баторій вступить тогда въ сношенія съ султаномъ, съ англійскою королевою и съ протестантскими принцами, которые дѣлаютъ ему блестящія предложенія, а это будетъ на руку еретикамъ, которые утверждаютъ, что королю не только не слѣдуетъ разсчитывать на папу, но что ему надобно опасаться его нерѣшительной политики.

«Враги Бориса Годунова убѣдительно просятъ короля польскаго явиться какъ можно скорѣе въ Москву во главѣ его арміи; такимъ образомъ посланіе папы къ Теодору Іоанновичу можетъ сдѣлать положеніе весьма затруднительнымъ».

Остальное Пососевинъ обѣщалъ передать изустно, такъ какъ Баторій былъ намѣренъ послать его въ Римъ, какъ только будетъ получено разрѣшеніе отъ генерала іезуитскаго ордена.

Что касается Стефана Баторія, то онъ рѣшилъ войти непосредственно въ сношенія съ папою и съ этой цѣлью послалъ въ исходѣ марта 1586 г. въ Римъ своего племянника, кардинала Андрея Баторія, которому онъ далъ подробныя инструкціи и приказалъ сообщить папѣ подъ секретомъ всѣ его намѣренія.

Инструкціи, полученныя Андреемъ Баторіемъ, были написаны въ видѣ рѣчи, которую кардиналъ долженъ былъ произнести передъ папою отъ имени короля. Прежде всего онъ долженъ былъ высказать въ ней пожеланіе, чтобы папа возобновилъ славныя традиціи Лепантской битвы <sup>1)</sup>, и сказать, что король польскій по первому его знаку съ радостью пожертвуетъ жизнью на защиту церкви и истинной вѣры. Затѣмъ онъ долженъ былъ просить денежной помощи для веденія войны съ Москвою; это былъ самый главный пунктъ, на который кардиналъ не долженъ былъ жалѣть краснорѣчія и убѣжденій. Если поляки не овладѣютъ Кремлемъ, горе будетъ Европѣ, говорилось въ рѣчи; если же на пре-

<sup>1)</sup> Пораженіе турокъ соединеннымъ флотомъ Испаніи, Венеціи и Италіи въ 1571 г.

столю Мономаха вступить католическій монархъ, то соединеніе русскихъ съ Римомъ совершится безпрепятственно, грузины и кавказскіе горцы возобновятъ сношенія со своимъ духовнымъ пастыремъ, союзъ съ персами удвоитъ ихъ военныя силы, Каспійское море сдѣлается славянскимъ озеромъ, и явится стратегическая база для дѣйствій противъ турокъ. Ихъ можно будетъ окружить желѣзнымъ кольцомъ и на всегда сломить ихъ силы. Что касается денежныхъ средствъ, необходимыхъ для этого предпріятія, то ихъ надобно будетъ распредѣлить поровну между папою и королемъ польскимъ.

Баторій дѣлалъ такой расчетъ: если русскія не присоединятся добровольно къ Польшѣ, то, двинувъ на Москву армію въ 24.000 человекъ, можно будетъ завоевать Московское государство въ три года; таковы были секретныя инструкціи, данныя кардиналу Андрею.

Едва успѣвъ онъ уѣхать изъ Варшавы со своими спутниками, Радзивилломъ и Соликовскимъ, архіепископомъ Львовскимъ, какъ въ Римъ полетѣло къ кардиналу Аццолино письмо Поссевина, который провелъ цѣлыхъ полтора мѣсяца въ секретныхъ совѣщаніяхъ съ королемъ и снова былъ охваченъ жаждою дѣятельности. Онъ сообщилъ Аццолино все, что король говорилъ ему, и просилъ его не принимать никакого рѣшенія до его пріѣзда въ Римъ.

Четыре дня спустя, 27-го марта (6-го апрѣля) Поссевинъ послалъ кардиналу Аццолино шифрованную депешу. Наканунѣ онъ получилъ отъ Баторія записку, относительно московскихъ дѣлъ, кончавшуюся слѣдующимъ страннымъ образомъ: и т. д. и т. д. и т. д.

«Я получилъ отъ короля всего нѣсколько строкъ,—писалъ Поссевинъ,—но такъ какъ онѣ начертаны имъ собственноручно, то это доказываетъ, какъ близко онъ принимаетъ дѣло къ сердцу. Къ тому же эти три и т. д. и т. д. очень таинственны». Въ подтвержденіе этого Поссевинъ приводитъ рядъ вопросовъ, по поводу которыхъ король поручилъ ему переговорить лично въ Римѣ; эти вопросы касались Швеціи, Даніи, Венгріи, реформъ которыя предполагалось ввести въ Польшѣ, положенія папскихъ нунціевъ, возстановленія католицизма въ Саксоніи, и т. д.

Обширная программа, выработанная королемъ и Поссевиномъ во время ихъ продолжительныхъ совѣщаній въ Гродно, требовала, разумѣется, личныхъ объясненій съ папою, и Поссевинъ страстно желалъ отправиться въ Римъ.

Король энергично поддерживалъ его и писалъ собственноручно по этому поводу не только папѣ, но и венеціанскому дожу, великому герцогу Тосканскому, кардиналу Фарнезе, кардиналу Андрею Баторію, наконецъ отцу Аквавивѣ.

Но отвѣты изъ Рима получились не такъ скоро, какъ хотѣлось Баторію и не въ столь благопріятномъ смыслѣ. По расчету короля, Поссевинъ долженъ былъ выѣхать въ Римъ уже 6-го (15-го) апрѣля; между

тѣмъ только 7-го (16-го) числа было получено письмо Аквавивы, который писалъ, что еще никакого рѣшенія не принято. Два дня спустя Аццолино писалъ Поссевину, что онъ можетъ пріѣхать въ Римъ, но безъ разрѣшенія папы, а по своей собственной инициативѣ. 24-го мая было получено еще одно письмо отъ кардинала, написанное въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, но въ которомъ онъ все-таки не получилъ приказанія ѣхать въ Римъ.

Положеніе было довольно натянутое. Наконецъ, въ первыхъ числахъ августа, Баторій сообщилъ Поссевину, томившемуся въ ожиданіи извѣстій въ Познани, что онъ получилъ желаемый отвѣтъ изъ Ватикана, куда, какъ онъ писалъ Поссевину, ему «не только дозволено пріѣхать, но гдѣ его ожидаютъ съ нетерпѣніемъ», и онъ благословлялъ его въ путь. Нѣсколько дней спустя въ Познань прибылъ другой курьеръ, отъ варшавскаго нунція съ извѣщеніемъ о дозволеніи Поссевину пріѣхать въ Римъ.

Но отъ генерала Аквавивы все еще не было ни строчки, онъ по-прежнему упорно молчалъ. Въ душѣ Поссевина происходила жестокая борьба; онъ не рѣшался ѣхать, не получивъ дозволенія отъ генерала іезуитскаго ордена, но настоянія Баторія, письма папы и Аццолино одержали верхъ, и онъ выѣхалъ въ Римъ, не дождавшись этого разрѣшенія. Дѣйствительно, медлить долѣе было невозможно, ибо въ то время, какъ Баторій лелѣялъ воинственные замыслы противъ Москвы, Габсбурги собирались пустить въ ходъ противъ нея всѣ свои дипломатическія способности. Ходившіе въ Польшѣ слухи о плохомъ состояніи умственныхъ способностей Θεодора Іоанновича проникли въ Прагу, гдѣ вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе о кончинѣ царя и о томъ, будто русскіе горятъ желаніемъ избрать ему въ преемники эрцгерцога австрійскаго. Императоръ Рудольфъ принялъ этотъ слухъ за правду и предложилъ корону своему брату Матвѣю; другой его братъ, Максимилианъ, также выразилъ желаніе вступить на московскій престолъ, но споръ между братьями за обладаніе имъ еще не былъ рѣшенъ, когда Рудольфъ получилъ изъ достовѣрнаго источника извѣстіе, что царь Θεодоръ еще живъ, что у него есть законные наслѣдники и что Баторій мечтаетъ о завоеваніи Московскаго государства. Этого было достаточно, чтобы императоръ отказался отъ своихъ плановъ, но его братья настаивали на томъ, чтобы въ Москву былъ отправленъ посолъ для переговоровъ съ боярами.

Всѣ эти обстоятельства вѣроятно не были извѣстны Баторію, иначе онъ велѣлъ бы Поссевину спѣшить какъ можно скорѣе въ Ватиканъ, а Поссевинъ ѣхалъ не спѣша и прибылъ въ Римъ только въ первыхъ числахъ сентября 1586 г.

Папа Сикстъ V, подобно своимъ предшественникамъ, былъ заклятымъ врагомъ, ислама и съ самаго вступленія своего на папскій престолъ былъ занятъ мыслію о походѣ противъ Турціи, но, какъ человѣкъ

практичный, онъ былъ противъ лиги монарховъ, которая давала всегда обильную пищу интригамъ и соперничеству. Онъ желалъ найти человѣка, способнаго выполнить эту задачу, если ему будетъ оказано къ тому содѣйствіе.

— Если такой человѣкъ найдется—говорилъ онъ,—то у насъ готово для него три милліона, а когда эта сумма истощится, мы дадимъ ему еще.

Весьма естественно, что смѣлый и энергичный Баторій, давно уже мечтавшій о походѣ противъ невѣрныхъ, былъ для папы самымъ подходящимъ человѣкомъ.

Переговоры, происходившіе въ Римѣ между Поссевиномъ и Сикстомъ V, хранились ото всѣхъ въ глубокой тайнѣ; въ нихъ были посвящены только самыя довѣренныя лица папы, но по окончаніи ихъ папа послалъ королю польскому 24.000 экю.

Относительно Турціи желанія Сикста и Баторія вполнѣ совпадали, и это пособіе предназначалось конечно на походъ противъ Турціи, ибо, относительно Москвы, дѣло обстояло иначе.

Сикстъ V хотѣлъ остаться вѣрнымъ традиціямъ Климента VII, который примирилъ Василія III съ Сигизмундомъ I, и Григорія XIII, бывшаго посредникомъ между Баторіемъ и Іоанномъ; поэтому онъ потребовалъ, чтобъ Поссевинъ отправился снова въ Москву и постарался прежде всего предотвратить войну и примирить соперниковъ. Выѣстъ съ тѣмъ 11-го (20-го) ноября 1586 г. папа послалъ два письма: одно Теодору, другое Баторію. Въ письмѣ къ царю онъ писалъ, что Баторій поклялся завоевать обратно всѣ земли, принадлежавшія нѣкогда Литвѣ и Польшѣ, и прежде всего взять обратно Смоленскъ, Новгородъ и Псковъ. «Не лучше ли было бы поэтому пощадить христіанскую кровь,—писалъ онъ,—и придти ко взаимному соглашенію». Въ томъ же родѣ были даны совѣты Баторію. «Если шагъ, сдѣланный нами въ Кремль, не увѣнчается успѣхомъ,—присовокупялъ папа въ письмѣ къ королю,—то намъ будетъ удобнѣе оказать содѣйствіе вашимъ планамъ».

Переговоры были окончены въ Римѣ въ первыхъ числахъ декабря 1586 г., и Поссевинъ тотчасъ же уѣхалъ въ сопровожденіи вновь назначеннаго въ Варшаву нунція, архіепископа неаполитанскаго, Аннибала Капуйскаго. Папа же Сикстъ V, со своей обычной сдержанностью, сказалъ венеціанскому посланнику лаконически, что архіепископъ посланъ имъ въ Варшаву, а Поссевинъ въ Москву, «чтобы сдѣлать тамъ все отъ него зависящее».

— А если бы была возможность сдѣлать больше,—присовокупилъ онъ,—то мы сдѣлали бы это охотно для блага христіанской вѣры».

По пути оба посланные заѣхали въ Венецію. 10-го (19-го) декабря Аннибалъ Капуискій получилъ у дожа аудіенцію, во время которой они обмѣнялись любезностями, предлагали другъ-другу взаимныя услуги, но о дѣлѣ не было сказано ни слова. На слѣдующій день, былъ при-

нять дожемъ Поссевинъ, и достойно удивленія, что этотъ всегда краснорѣчивый ходатай за лигу противъ Турціи, облеченный Баторіемъ полномочіями, на этотъ разъ также не обмолвился ни словомъ о лигѣ. Онъ ограничился сдѣланнымъ въ присутствіи всѣхъ собравшихся заявленіемъ, что ѣдетъ въ Москву и что возложенная на него миссія касается интересовъ вѣры и союза христіанскихъ монарховъ. На официальный запросъ сенатора Вальеро о важныхъ дѣлахъ, на которыя намекалъ въ своемъ письмѣ Баторій, Поссевинъ отвѣчалъ, что готовъ дать всѣ разъясненія, какія отъ него потребуютъ, но что ему нечего болѣе говорить.

Такъ же неясны и неопредѣленны были и письменные отвѣты, посланные дожемъ папѣ и королю польскому; онъ въ нихъ совершенно умалчивалъ о туркахъ.

Въ первыхъ числахъ января 1587 г., въ Римѣ было получено извѣстіе о неожиданной кончинѣ Стефана Баторія. Онъ охотился въ лѣсахъ въ окрестностяхъ Гродно, какъ вдругъ 28-го ноября (7-го декабря) съ нимъ сдѣлался приступъ лихорадки и онъ слегъ въ постель; на слѣдующую ночь съ нимъ былъ обморокъ, онъ упалъ и расшибъ себѣ лицо, затылокъ и колѣно. Но все-таки ничто не предвѣщало серьезной опасности; доктора предсказывали скорое выздоровленіе больного; между тѣмъ 3-го (12-го) декабря короля не стало; ему было всего 54 года.

«Во вторникъ вечеромъ,—писалъ венеціанскій посланникъ дожу 1-го (10-го) января 1585 г.,—прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ о кончинѣ короля польскаго. Когда кардиналъ Баторій извѣстилъ объ этомъ папу, то его святѣйшество было глубоко опечалено и не могъ удержаться отъ слезъ. Въ среду утромъ его святѣйшество съ глубокой скорбью отправился въ консисторію и заявилъ собравшимся, что его сердце преисполнено печали и грусти по поводу кончины великодушнаго, храбраго короля Стефана.

— Онъ былъ великодушенъ потому, что всегда стремился къ великимъ и возвышеннымъ цѣлямъ,—сказалъ папа,—и еще недавно составлялъ смѣлые планы; онъ былъ храбръ потому, что никакая опасность, никакое несчастіе не могли отвлечь отъ его предпріятій и умѣрить его рвеніе. Что касается, его преданности католической вѣрѣ, то о ней свидѣлствуетъ его образъ дѣйствій, и въ особенности рѣчь, произнесенная имъ на сеймѣ, которая показываетъ, какъ онъ былъ твердъ въ этомъ отношеніи. Сказавъ, что онъ будетъ всѣми силами защищать католическую вѣру во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, король обнажилъ мечъ и воскликнулъ: «съ однимъ этимъ мечомъ, если бы даже все остальное измѣнило намъ, мы защитимъ христіанскую вѣру!» и, обернувъ къ своей груди смертоносное остріе, онъ присовокупилъ: «если бы намъ угрожала опасность намѣнить передъ смертью католической вѣрѣ, то мы скорѣе лишили бы себя жизни, нежели погубили бы свою душу».

— Итакъ,—присовокупалъ папа,—мы лишились монарха, на котораго мы возлагали большія надежды.

Такъ разлетѣлись въ прахъ грандіозные проекты, выработанные въ Римѣ. Приходилось отказаться отъ мысли о крестовомъ походѣ противъ турокъ и отъ надежды видѣть польскихъ орловъ, парящихъ надъ византійскими мечетями; воѣ мечты о завоеваніяхъ были погребены вмѣстѣ съ военнымъ геніемъ и изумительной энергіей Баторія.

Поссевинъ былъ въ Тироли, когда до него дошло печальное извѣстіе о кончинѣ короля; оно было подтверждено ему въ Инспрукѣ герцогомъ Баварскимъ, до котораго еще раньше дошли слухи о волненіи умовъ, происходившемъ въ Польшѣ. Баторій былъ слишкомъ крутъ и самовластенъ, чтобы не вооружить противъ себя весьма многихъ; ему приписывали намѣреніе уничтожить избирательное право и сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ; это еще болѣе увеличило число недовольныхъ. Смерть избавила монарха отъ многихъ разочарованій, но можно было предвидѣть, что съ его кончиною разыграются политическія страсти, такъ долго сдерживаемыя его желѣзною рукою. Надобно было дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Поссевинъ рѣшилъ не отправлять до поры до времени письма, предназначенныя въ Москву. Пока всѣ его мысли были заняты избраніемъ новаго короля. Отъ этого зависѣло будущее, поэтому онъ счелъ себя въ правѣ подсказать кардиналу Абдолино тѣ мѣры, которыя, по его мнѣнію, надлежало принять. Онъ совѣтовалъ ему послать въ Польшу какъ можно скорѣе кардинала Радзивилла, который, какъ старѣйшій изъ литовскихъ сенаторовъ, по своему официальному положенію и своимъ родственнымъ связямъ, могъ имѣть огромное вліяніе на выборы. Затѣмъ Поссевинъ совѣтовалъ прислать нунція безъимянныя папскія посланія, которыя онъ могъ бы раздать по своему усмотрѣнію, что также могло принести дѣлу не малую пользу; такимъ образомъ, можно было бы соблюсти единство дѣйствій и руководить выборами.

Весь поглощенный этими мыслями, Поссевинъ отправился въ Вѣну, куда онъ думалъ проѣхать болѣе короткимъ путемъ чрезъ Зальцбургъ, но глубокіе снѣга заставили его измѣнить путь и ему пришлось ѣхать чрезъ Богемію.

Въ Прагѣ онъ узналъ много новаго. Австрійскіе и шведскіе принцы имѣли самыя серьезныя шансы получить на выборахъ большинство голосовъ.

Однимъ изъ кандидатовъ на польскій престолъ былъ эрцгерцогъ Максимилианъ, гротмейстеръ тевтонскаго ордена, который предполагалъ, получивъ разрѣшеніе отъ произнесенной имъ клятвы, вступить въ бракъ съ дочерью короля шведскаго, примирить Замойскаго со Зборовскими и явиться покровителемъ религіи. Одушевленный этими добрыми намѣреніями, братъ австрійскаго императора просилъ Поссевина поддержать

его, но іезуитъ отвѣчалъ, что будетъ дѣйствовать безпристрастно, и совѣтовалъ герцогу положиться на волю Провидѣнія и сговориться съ остальными тремя эрцгерцогами, поставившими свою кандидатуру. Поссевинъ вполне понималъ всю трудность своего положенія, а также и то, что не было никакой возможности удовлетворить всѣ партіи, поэтому онъ рѣшилъ на время удалиться отъ политическихъ дѣлъ и 13-го (22-го) января просилъ у генерала Аквавивы позволеніе отправиться въ какое-нибудь уединенное мѣстечко и провести тамъ бурное время выборовъ.

Но событія упредили его желанія. Сикстъ V далъ варшавскому нунцію самыя точныя указанія относительно избранія новаго короля польскаго. Главнымъ и самымъ существеннымъ условіемъ этого избранія было, чтобы король былъ католикъ, а изъ католиковъ папа отдавалъ предпочтеніе эрцгерцогамъ австрійскимъ, и между ними эрцгерцогу Эрнесту. Поэтому нунцію было приказано поддержать въ тайнѣ его кандидатуру и, чтобы заручиться въ его пользу голосами, нунцію было даже разрѣшено обѣщать денегъ на войну съ Турціей.

Но надобно полагать, что вторая часть этихъ инструкцій не была извѣстна Поссевину, ибо онъ до конца жизни былъ убѣжденъ въ томъ, что Сикстъ V приказалъ своему представителю дѣйствовать безпристрастно, безо всякой задней мысли. Это убѣжденіе отразилось на образѣ дѣйствія Поссевина, чѣмъ сторонники эрцгерцога были сильно встревожены; жалобы Габсбурговъ дошли до Рима. 28-го марта (6-го апрѣля) кардиналъ Монтальто, по приказанію папы, подтвердилъ варшавскому нунцію, чтобы онъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему было приказано, и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ Поссевину, что ему придется немедленно оставить Польшу, такъ какъ онъ внушаетъ недовѣріе посланникамъ австрійскаго императора. Довольный полученнымъ приказаніемъ, которое согласовалось съ его собственнымъ желаніемъ, Поссевинъ тотчасъ отправился въ Падую, гдѣ занялся литературною работою и составилъ, между прочимъ, свой обширный трудъ «*Bibliotheca selecta*».

Въ то время, какъ онъ предавался столь мирнымъ занятіямъ, въ Польшѣ происходила ожесточенная борьба партій, въ которой ставкою была корона Ягеллоновъ. Не говоря уже о скромныхъ претензіяхъ ближайшихъ родственниковъ Баторія, престолъ оспаривали три великія иноземныя державы: Москва, Австрія и Швеція.

Какъ только Стефанъ скончался, въ Кремлѣ вспомнили о его планахъ сліянія двухъ славянскихъ народовъ. Въ Польшѣ литовская партія склонялась къ избранію Θεодора и совѣтовала боярамъ не жалѣть золота, чтобы обезпечить себѣ побѣду; но русскіе держались иной политики, они не скупились на обѣщаніе въ будущемъ, но до выборовъ не давали избирателямъ ни полушки. Очевидно, ихъ должна была постигнуть неудача, ибо ни внутренняя автономія, ни обѣщаніе дѣйствовать совмѣстно противъ турокъ и никакія торговыя выгоды не могли соблаз-

нить людей, желавшихъ прежде всего продать свои голоса. Помимо этихъ мелочныхъ расчетовъ непреодолимымъ препятствіемъ являлась разница вѣроисповѣданій; большинство польскихъ католиковъ никогда не согласилось бы имѣть православнаго короля, а царь Ѳеодоръ Іоанновичъ не предполагалъ мѣнять вѣру.

Гомолинскій, секретарь короля, обратился въ это время къ Поссевину съ вопросомъ, кого избрать, Сигизмунда шведскаго или Ѳеодора Іоанновича. «Сигизмундъ католикъ, а по отношенію къ кандидатамъ-католикамъ іезуиты должны быть вполне безпристрасны,—отвѣчалъ Поссевинъ. Что касается Ѳеодора, то поддерживать избраніе православнаго принца, не способнаго управлять самостоятельно, было бы равносильно предать церковь и посягнуть на свободу націи, такъ какъ королевская власть смѣнилась бы тираннической олигархіей».

Однако литовцы не унывали, и между Польшей и Кремлемъ происходилъ оживленный обмѣнъ писемъ, но всѣ эти старанія не имѣли успѣха: въ рѣшительный моментъ голоса раздѣлились между Австріей и Швеціей.

10-го (19-го) августа 1587 г. на польскій престолъ былъ избранъ Сигизмундъ, котораго энергично поддерживали королева Анна и Замоискій. Къ несчастію для Польши многочисленная и неугомонная партія Зборовскихъ не хотѣла признать себя побѣжденной и, не признавая избраніе Сигизмунда, присудила три дня спустя 13-го (22-го) августа корону своему собственному кандидату, эрцгерцогу Максимилиану. Тогда возбужденіе умовъ въ Польшѣ достигло крайнихъ предѣловъ, и споръ могъ быть рѣшенъ только силою оружія. Максимилианъ наскоро собралъ войско и явился съ нимъ подъ стѣны Кракова, гдѣ онъ понесъ 15-го (24-го) ноября пораженіе. Когда Сигизмундъ, къ которому болѣе благоволила судьба, былъ принятъ поляками восторженно и возложилъ на свою главу корону Ягеллоновъ, то его соперникъ въ отчаяніи отступилъ въ Силезію, куда Замоискій преслѣдовалъ его форсированнымъ маршемъ, перешелъ границу и одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду. 15-го (24-го) января 1588 г. Максимилианъ отдалъ побѣдителя свою шпагу и призналъ себя его плѣннымъ.

Это неожиданное извѣстіе повергло въ величайшее смущеніе всѣхъ австрійскихъ и испанскихъ Габсбурговъ. Вдовствующая императрица австрійская, мать плѣннаго, была въ отчаяніи; король испанскій Филиппъ II былъ готовъ отомстить за него съ оружіемъ въ рукахъ, и они оба обратились къ папѣ съ просьбою заступиться за Максимилиана. Сиксъ V былъ поставленъ этимъ въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ съ другой стороны Сигизмундъ, уже вступившій на престолъ, и который считался ревностнымъ католикомъ, также просилъ у папы поддержки и увѣрялъ его въ своей преданности. Сиксъ V рѣшилъ прибѣгнуть къ полумѣрѣ и послать въ Варшаву своего легата,



аккредитовавъ его не у Сигизмунда, но у воѣхъ заинтересованныхъ партій и поручивъ ему умиротворить Польшу. Эта блестящая, но трудная задача была возложена имъ на протектора республики Александра Фарнези, но кардиналъ, въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ и слабаго здоровья, отклонилъ отъ себя эту честь и предпочелъ остаться въ Римѣ. Тогда выборъ папы палъ на кардинала Альдобрандини, который и принялъ это назначеніе. Онъ хотѣлъ окружить себя людьми свѣдущими, знакомыми со славянскими дѣлами, и просилъ о назначеніи ему въ помощники Поссевина, не предполагая, что онъ можетъ встрѣтить въ этомъ отказъ. Аквавива рѣшительно былъ противъ этого назначенія и представилъ ему столь вѣскіе мотивы своего отказа, что кардиналу поневолѣ пришлось ограничиться перепискою съ Поссевинымъ, который, живя въ Падуѣ, внимательно слѣдитъ за событіями, происходившими въ Польшѣ, и по просьбѣ о. Аквавивы послалъ нунцію книги и записки, касающіяся польскихъ дѣлъ, которыя могли служить ему руководствомъ. Письма, какъ бы они ни были обстоятельны, не могли замѣнить личные совѣты Поссевина. Альдобрандини понимаетъ это и долго негодовалъ на о. Аквавиву за его отказъ; впрочемъ, успѣшное окончаніе его миссіи изгладило впослѣдствіи это непріятное впечатлѣніе.

Вначалѣ образъ дѣйствія Сигизмунда не внушалъ легату особенной надежды на успѣхъ его миссіи. Робкій и нерѣшительный, онъ едва отваживался высказать свое мнѣніе и ссылаясь во всемъ на Замойскаго, который въ свою очередь ссылаясь на сенатъ и требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Максимиліанъ отказался отъ своихъ притязаній на престолъ. Съ другой стороны, австрійскій императорскій дворъ старался затянуть дѣло, чтобы скрыть свою слабость; въ виду этого легатъ рѣшился, наконецъ, самъ отправиться въ Прагу, гдѣ послѣ долгихъ переговоровъ было рѣшено, что въ Бейтенѣ, подъ предсѣдательствомъ легата, соберется смѣшанная коммисія изъ 20 членовъ—поляковъ и австрійцевъ. Скучные переговоры, прерываемые бурными сценами, продолжались болѣе полугодомъ, но такъ какъ императоръ не былъ въ состояніи воевать, то пришлось заключить миръ. Обѣ договаривающіяся стороны приняли посредничество папы, и Максимиліанъ изъ уваженія къ Сиксту V отказался отъ короны.

Это рѣшеніе, коимъ было пощажено самолюбіе побѣжденныхъ и придавалось особое значеніе посредничеству папы, было какъ бы продиктовано самимъ Поссевиномъ и напоминало Ямъ-Запольскій миръ. Сигизмундъ обязался возвратить свободу эрцгерцогу, а австрійцы должны были очистить польскую территорію; обѣ державы сохранили свои прежнія границы. Сикстъ V, постоянно занятый мыслью объ уничтоженіи Турціи, потребовалъ, чтобы въ договоръ была включена статья, въ силу которой Австрія и Польша обязывались не включать въ дого-

воры, заключаемые ими съ Турціей, такихъ статей, которыя могли бы нанести ущербъ ихъ взаимнымъ интересамъ. Эта статья носила въ себѣ зародышъ союза двухъ христіанскихъ державъ противъ ихъ общаго врага на Босфорѣ; вся тягость ея пала на Рудольфа II, который, предпочитая дружбу русскихъ полякамъ, не задумался бы пожертвовать интересами послѣднихъ, при заключеніи договоровъ съ турками. Политическіе виды пражскаго двора были гораздо менѣе обширны и менѣе безкорыстны, нежели виды папы, поэтому императоръ принялъ предложенныя имъ условія съ большимъ сожалѣніемъ.

Извѣстіе о заключеніи договора было получено въ Римѣ 22-го (31-го) марта 1589 г. въ страстную пятницу. Видя въ этомъ событіи благодѣяніе Всевышняго, папа, не смотря на святой день, немедленно извѣстилъ объ этомъ кардиналовъ, предложивъ имъ возблагодарить Бога за успѣшное окончаніе дѣла.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что папы въ дѣлахъ вѣншней политики непрестанно руководствовались одной той же мыслью и стремились къ одной и той же цѣли — уничтоженію Турецкой имперіи и поэтому, когда Баторій, гордый своими побѣдами, высказалъ папѣ свои воинственные намѣренія противъ Турціи, то папа согласился поддержать ихъ, хотя бы эти замыслы коснулись «попутно Москвы».

По смерти доблестнаго короля положеніе измѣнилось, но намѣренія Сикста остались тѣ же, теперь онъ хотѣлъ соединить Австрію съ Польшей для борьбы съ исламомъ. Такова истинная точка зрѣнія, дающая возможность правильно судить объ отношеніяхъ Сикста V къ славянскимъ державамъ.

**В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



высшаго учрежденія. Павелъ I поручилъ графу постройку Казанскаго собора въ 1801 году, которой онъ посвятилъ съ политѣйшимъ рвеніемъ послѣдніа десяти лѣтъ своей жизни. 15-го сентября 1811 г. соборъ былъ освященъ. Въ этотъ день графу было пожалованъ титулъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса. 27-го сентября 1811 года онъ скончался, съ честью послуживъ своей родинѣ, двумъ императрицамъ, Елизаветѣ и Екатеринѣ, и двумъ императорамъ, Павлу и Александру I.

Вторая глава отведена воспитанію графа Павла Александровича и его наставнику Жильберу Ромму. Графъ П. А. Строгановъ родился въ Парижѣ 7-го (18-го) іюня 1772 года (а не въ 1774 г., какъ значится на подробной надписи). Эту дату авторъ устанавливаетъ изъ писемъ графа, помѣщенныхъ въ приложенияхъ, гдѣ ясно указывается, что самъ графъ П. А. признавалъ 1772-й годъ годомъ своего рожденія. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда родители его возвратились, въ 1779 г., въ Россію. Воспитаніе его было поручено французу Ромму, съ которымъ былъ заключенъ договоръ.

Третья глава обнимаетъ собою періодъ времени съ 1801 по 1805 г. (эпоха реформъ). Въ это время дѣятельность графа П. А. Строганова проявилась въ томъ, что въ запискѣ, доложенной императору Александру 9-го мая 1801 г., онъ предложилъ учредить негласный комитетъ. Работы этого комитета должны были оставаться тайны, чтобы не возбуждать преждевременнаго любопытства и толковъ среди общества. Императоръ одобрилъ почти все, выраженное графомъ въ запискѣ, и комитетъ собрался въ первый разъ 24-го іюня того же года. Предсѣдательствовалъ самъ государь. Вопросу о предоставленіи власти Сенату посвящено было нѣсколько засѣданій, въ которыхъ читались, между прочимъ, и проекты графа П. А. Строганова. Въ дальѣйшемъ изложеніи очерчена дѣятельность графа по разнымъ вопросамъ, возбужденнымъ въ комитетѣ, а именно: народнаго просвѣщенія, дѣлъ крестьянскихъ, по роли дворянства, по учрежденію министерствъ, а также по роли товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Въ разсужденіяхъ о народномъ просвѣщеніи графъ Строгановъ предлагалъ образецъ французскихъ учебныхъ заведеній, именно систему заведеній для общаго образованія, къ которымъ должна примыкать дальнѣйшая ступень—заведеній для спеціальнаго образованія. Особенный интересъ графъ П. А. выказалъ къ дѣламъ крестьянскимъ, гдѣ его сужденія часто сходились съ мыслями императора Александра. Въ своихъ взглядахъ графъ шелъ безусловно впередъ всѣхъ своихъ современниковъ, особенно настаивая на крѣпостное право и доказывая, что «дворянъ нечего бояться». По словамъ Н. К. Шильдера, «изъ всѣхъ совѣтниковъ Александра графъ П. А. Строгановъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу этого великаго дѣла (улучшенія быта крестьянъ) и пришелъ къ заключенію, что, если во всемъ этомъ вопросѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостнаго состоянія». Сопровождая государя въ кампанію 1805 г., графъ П. А. Строгановъ

былъ свидѣтелемъ Аустерлицкаго погрома. Здѣсь онъ впервые попалъ въ огонь и очень увлекся военными событіями, гдѣ случайно ему пришлось быть свидѣтелемъ геройства нашихъ войскъ при неумѣломъ дѣйствіи союзныхъ штабовъ. Вѣроятно, съ этого времени уже запала у него тайная мысль предаться всецѣло военному поприщу, на которое черезъ два года онъ и перешелъ окончательно.

Векоръ послѣ Аустерлицкаго сраженія императоръ Александръ приказалъ графу П. А. Строганову ѣхать въ Лондонъ съ дипломатическимъ порученіемъ. Описанію Лондонской миссіи отведена четвертая глава. И на чужбинѣ,—говоритъ авторъ,—графъ П. А. «высоко держалъ знамя русской чести и жизненныхъ интересовъ Россіи. Не онъ повиненъ въ томъ, что его дипломатическія усилія не увѣщались заслуженнымъ успѣхомъ. Читая его лондонскія реляціи, убѣждаешься, что императоръ Александръ не ошибся въ своемъ выборѣ, послыавъ его въ Лондонъ, на смѣну графа Воронцова».

Въ пятой, послѣдней, главѣ говорится о военной дѣятельности графа П. А. Строганова (1807—1814 г.) и объ его кончинѣ. Еще до полученія перевода на военную службу, графъ поступилъ волонтеромъ въ отрядъ Платова, имѣя чинъ тайнаго совѣтника и будучи сенаторомъ. Первымъ боевымъ подвигомъ графа былъ лихой набѣгъ у рѣчки Алле (между Гуттатомъ и Алленштейномъ). Смѣшанный отрядъ подъ его командой атаковалъ обозъ корпуса маршала Даву. Непріятель оставилъ на полѣ битвы до 300 раненыхъ и убитыхъ; осталная часть французскаго отряда была взята въ плѣнъ—гуттатскій комендантъ, полковникъ Мурье, 46 офицеровъ, 491 нижній чинъ и весь обозъ. Канцелярія маршалу Даву, его экипажъ и вещи сдѣлались добычею русскихъ. Описавъ дальнѣйшую дѣятельность графа Строганова на военномъ поприщѣ, авторъ говоритъ: «Жизнь и дѣятельность графа П. А. Строганова представляютъ много поучительнаго и оригинальнаго. Сынъ одного изъ первыхъ вельможъ вѣка Екатерины II, единственный наслѣдникъ богатѣйшаго состоянія, воспитанникъ анархиста Ромма, другъ императора Александра I, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, боевой генералъ и участникъ всѣхъ войнъ съ 1807 по 1814 г.,—Строгановъ умеръ въ цвѣтѣ силъ, 43 лѣтъ отъ роду (въ 1817 г.). Онъ оставилъ по себѣ прекрасную память—хорошаго, доступнаго, благороднаго человѣка. Желаніе француза-воспитателя исполнѣ осуществилось, и графъ Строгановъ былъ, дѣйствительно, человѣкомъ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Чистая, прямая душа Павла Александровича, никогда не боявшаяся сказать правду въ глаза, даже сильнымъ міра сего, рѣзко отличала его отъ современниковъ. Полная отзывчивость къ нуждамъ ближняго, добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, любовь къ родинѣ, безъ всякихъ громкихъ фразъ,—были отличительными чертами его характера». Какъ семьянинъ, графъ Павелъ Александровичъ былъ образцовымъ мужемъ и нѣжнымъ отцомъ.

Н. К-шъ



ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

# РУССКАЯ СТАРИНА

## 1903 г.

### ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К<sup>о</sup>), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книж. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

~~Въ~~ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылають въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

~~Въ~~ Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.



# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ  
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIV-й.

М А И

1903 годъ.

## СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Виталий Николаевич Троцкий. (Биографич. очеркъ). В. Т. Судейкина... 241—259
- II. Пять писемъ И. А. Ансимова къ К. О. Головину. 261—266
- III. Записки Н. Г. Зальцова. Сообщила Н. Длуеская. 267—289
- IV. Изъ прошлаго. Затишье. П. Д. Паренцова... 291—302
- V. Письмо П. Пирлинга о Маринѣ. .... 303—305
- VI. Записки Э. И. Стогова.. 307—330
- VII. Священникъ Н. А. Мурзавичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 г. Н. П. Орловскаго. .... 331—349
- VIII. Посылка Гадеуша Выежинскаго въ Петербургъ въ 1830—1831 гг. Г. А. Воробьева. .... 351—361
- IX. Празднованіе столѣтія Петербурга. Сообщилъ В. Срезневскій. .... 363—378
- X. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. 379—396
- XI. Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщ. Н. А. Вычковъ. 397—415
- XII. Книгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами. .... 417—442
- XIII. Россія и папскій престолъ. 1580—1601 гг. Извлечение изъ сочиненія

- П. Пирлинга. (Окончан.). В. В. Тимошукъ... 443—466
- XIV. Изъ дневника П. Г. Дикова. .... 467—478
- XV. Записная книжка „Русской Старины“; Замѣчаніе Сенату. Высочайшій указъ министру юстиціи. 29-го іюля 1821 г. (стр. 260). — П. А. Валуевъ о Петрѣ Великомъ. Письмо П. А. Валуева къ А. Г. Троицкому. 10-го марта 1864 г. Сообщилъ Г. А. Троицкій (290). — Изъ старинныхъ обычаевъ въ гор. Саратовѣ. Сообщ. А. Н. Минхъ (306). — Маршрутъ для путешествія М. М. Сперанскаго. Письмо графа М. С. Воронцова М. М. Сперанскому. 28-го мая 1823 г. (350). — Послѣдствія посѣщенія столицы для двухъ евреевъ. Сообщилъ Алексѣй Мердеръ (362). — Платная Русская публичная бібліотека (416). — Современное стихотвореніе на кончину императрицы Маріи Федоровны (479—480).
- XVI. Библиографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНИЕ: Портретъ Виталия Николаевича Троцкаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,  
Вольная Подъячская, № 39.  
1903.





## Библиографическій листокъ.

Главное Инженерное Управление. Ч. 1. Царствованіе Императора Александра I. Вып. 1-й. Инженерное управление и его средства. Историческій очеркъ (въ томъ VII „Столѣтіе Военнаго Министерства“, 1802 — 1902). Спб. 1902 г. in 4<sup>о</sup> д., 4 + LXXXIV + 314 + 163 + 6 + 2 и 54 иллюстрацій, портреты, рисунки, чертежи).

Составителемъ книги является воен. инж. ген.-м. И. Г. Фабриціусъ. Изданіе это юбилейное — роскошное, въ типографскомъ и художественномъ отношеніяхъ. Въ «введеніи» уложена исторія инж. вѣдомства, за XVII в., отъ Петра I до Александра I; въ кн. I—III разсмотрѣна исторія образованія центрального (главнаго) инж. управления, съ вопросами его ученой, учебной, техническо-хозяйственной и дѣлопроизводственной частей въ царствованіе императора Александра I.

Въ приложеніяхъ приводятся документы и, между ними, рескрипты императора Павла и инж.-ген. фонъ-Сухтелену.

Кромѣ уже извѣстныхъ матеріаловъ, составитель пользовался и преимущественно первоисточниками, извлекая ихъ изъ правительственныхъ и частныхъ архивовъ; какъ нѣкоторые документы, такъ и многіе гравюры и чертежи впервые появляются изъ пѣдръ малодоступныхъ и цѣнныхъ коллекцій (напр. П. Я. Дашкова). При широкой программѣ и краткомъ времени (менѣе 2-хъ лѣтъ) ген. Фабриціусу съ помощниками подполк. Е. О. Поповымъ и пор. Г. С. Габаевымъ пришлось много, неутомимо поработать, дабы обязательно кончить работу къ концу прошлаго года; весь трудъ — два выпуска и на дняхъ ожидается второй выпускъ этой книги.

Къ сожалѣнію, снѣнность работы оказалась въ нѣкоторыхъ недочетахъ и просмотрѣхъ книги, въ научномъ и литературномъ отношеніяхъ. Однако, трудъ ген. Фабриціуса безусловно интересенъ и не для военнаго читателя и долженъ быть отнесенъ къ историческимъ и заслѣдованіямъ и отмѣчается нами, помимо его официального значенія.

Благодаря живому изложенію «Очеркъ» читается легко. Дѣятельность лицъ, поработавшихъ на пользу администраціи, ученаго и учебнаго инженернаго дѣла, а въ томъ числѣ и перваго генераль-инспектора по нижеперной части его императорскаго высочества великаго князя Николая Павловича — представлена полно, на основаніи многихъ новыхъ данныхъ.

Л. В. Евдокимовъ.

Тюмень въ XVII столѣтіи. Собраніе матеріаловъ для исторіи города съ «введеніемъ» и заключительной статью прив.-доц. П. М. Головачева: «Экономическій бытъ Тюмени въ XVII в.», съ приложеніемъ плана старинной Тюмени и 2 видовъ Благовѣщенскаго собора начала XVII в. Александровскимъ тюменскимъ реальнымъ училищемъ удостоено преміи имени Н. М. Чукмалдина. Изд. А. И. Чукмалдиной. Весь сборъ съ изданія поступить на просвѣтительныя и благотвори- тельныя цѣли. Москва. 1903 г.

Исторія Сибири, какъ извѣстно, не отличается богатствомъ и разнообразіемъ вѣдѣній, драматизмомъ событій, вытекающимъ изъ столкновенія какихъ-либо равносильныхъ идейныхъ началъ, почему и представляетъ малую вѣдѣнную занимательность. Какъ исторія области, не преслѣдовавшей задачу вѣдѣнной политики и сталкивавшейся только съ разрозненными и слабыми инородцами, какъ исторія страны крайне молодой, безъ запутанныхъ вопросовъ, завѣщанныхъ прошлымъ, — вся исторія эта заключается, главнымъ образомъ, въ изложеніи того, въ какихъ направленіяхъ расселялись въ Сибирь новые пришельцы и откуда они являлись, какъ приспособлялись къ новымъ условіямъ жизни, въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ подчинялись общему экономическому и государственному строю Московской Руси XVII в. <sup>1)</sup>

Исторія Тюмени, какъ и всѣхъ безъ исключенія сибирскихъ городовъ, совершенно не разработана до настоящаго времени; немногія историческія данныя, разбросанныя въ нѣкоторыхъ томахъ «Дополненій къ Актамъ Историческимъ», II и VIII т. т. «Русской Исторической Библіотеки», I т. «Памятниковъ сибирской исторіи XVIII в.», въ Полномъ Собраніи Законовъ, — до такой степени скудны и неполны, что не могутъ быть положены въ основу историческаго изслѣдованія. Свѣдѣнія о Тюмени XVII в. въ общихъ

<sup>1)</sup> Г. Словоцовъ во «введеніи» къ своему «Историческому обозрѣнію Сибири» такъ характеризуетъ исторію этой окраины: «Исторія страны невеселой, зимуя среди пестрыхъ правовъ и обычаевъ, безъ мечтавій славы, безъ проявленій гения, безъ побѣдъ, безъ политики; исторія, не выдавшая изъ себя великихъ міра, кромѣ великихъ изгнанниковъ его, наслѣдовавшая вѣдѣто Элзорскихъ храмовъ одинъ курганы или непрочитанные на утесахъ писанцы».

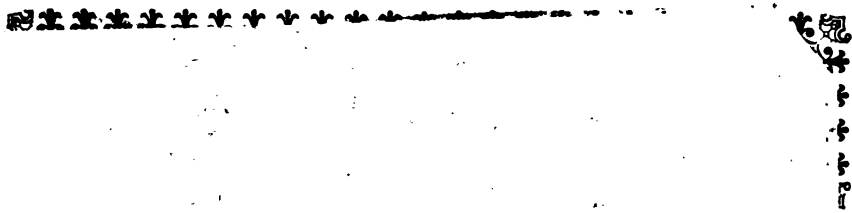






ВИТАЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ  
ТРОЦКІЙ.





и до сих поръ въ этомъ краѣ не забыли  
чуждѣмъ истинѣ русскимъ.





## Виталій Николаевичъ Троцкій.

(Біографическій очеркъ).



24-го мая 1901 года скончался въ Вильнѣ командующій войсками Виленскаго военнаго округа и генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, генералъ-адъютантъ Виталій Николаевичъ Троцкій.

По характеру, по дѣйствіямъ, по выработанной и при-  
мѣненной къ Сѣверо-Западному краю системѣ управленія,  
онъ заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ обыкновенно удѣляется печатю дѣятелямъ провинціальной администраціи.

Разумѣется, кругъ дѣятельности провинціального администратора менѣе обширенъ, не такъ увлекателенъ, какъ лицъ, занимающихъ мѣста въ центрѣ, такъ какъ преслѣдуемые ими интересы строго областного характера, и поэтому нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы выдвинуться, особенно когда такіа лица дѣйствуютъ въ спокойное, тихое время, когда самая работа носитъ свой мало замѣтный характеръ. Не такова, однако, дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Надо знать немного краѣ, чтобы убѣдиться въ особенностяхъ его строя и оцѣнить сопряженные съ его управленіемъ трудности. При подобныхъ условіяхъ работа такихъ дѣятелей, какъ Виталій Николаевичъ Троцкій, говоритъ за себя; онъ только вошелъ въ дѣло и сталъ шире ставить и разрабатывать вопросы, какъ смерть пресѣкла дѣятельность этого выдающагося представителя русской администраціи.

Сѣверо-Западный краѣ въ силу историческихъ и этнографическихъ условій представляетъ много особенностей, рѣзко его выдѣляющихъ отъ другихъ частей Россіи. И до сихъ поръ въ этомъ краѣ не забыли

прошлаго: его напоминаютъ названія, костелы, рѣзко-выдѣляющіеся архитектурною формою, одежда и весь бытовый складъ жизни населенія. Этнографическій характеръ населенія пестрый, и среди него русскіе не успѣли пріобрѣсти экономического и культурнаго преобладанія, и на этой окраинѣ въ настоящее время ведутъ борьбу за самостоятельность русскіе, поляки, литовцы, нѣмцы, евреи.

Каждая изъ этихъ національностей стремится усилиться на счетъ другихъ, и со стороны лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, помимо другихъ качествъ, требуется много такта, знанія, чтобы, не раздражая пустыми и безцѣльными мѣрами, сумѣть объединить всѣ національности на почвѣ одного преобладающаго интереса. Здѣсь борьба идетъ и будетъ длиться долго. Вопросъ идетъ не о поработѣнн одной національности другою, а о созданн общаго благополучія и объединенія не только на политической, но и на культурно-экономической почвѣ, могущей сильнѣе сплотить сознаниемъ общности интересовъ разнорѣзное и разноплеменное населеніе края.

Вся, почти полувѣковая, служба Виталія Николаевича (13-го августа 1901 г. исполнилось 48 лѣтъ службы) протекла на окраинахъ: въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ онъ достигъ положенія военнаго губернатора и командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области, на Кавказѣ въ качествѣ начальника окружнаго штаба и, наконецъ, завершилась въ Сѣверо-Западномъ краѣ. На этихъ окраинахъ и выработался глубоко симпатичный типъ русскаго администратора, спокойнаго, доброжелательнаго, гуманнаго ко всѣмъ безъ различія національностямъ и, что особенно важно, русскаго человѣка <sup>1)</sup>.

Послѣднее свойство кладезь рѣзкій отпечатокъ на всю его дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Будучи человѣченъ, благожелателенъ ко всѣмъ <sup>2)</sup>, Виталій Николаевичъ компромиссовъ не допускалъ и твердо,

<sup>1)</sup> Окраины бѣдны русскими людьми, и поэтому тамъ въ борьбѣ за національное преобладаніе несравненно сильнѣе развивается національное чувство, что, между прочимъ, сказывается даже въ такихъ мелочахъ, какъ пожертвованія на русское дѣло. На окраинѣ русскій человѣкъ гораздо отзывчивѣе, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ совершенно не чувствуется гнетъ инородца.

<sup>2)</sup> Происходили и курьезы. Къ Виталію Николаевичу обратился старикъ-еврей, знавшій его болѣе сорока лѣтъ назадъ, когда онъ стоялъ въ Гродненской губерніи съ полкомъ, съ просьбою походатайствовать о пріемѣ его единственнаго внука въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Виталій Николаевичъ направилъ его ко мнѣ. Ввалился въ кабинетъ еврей съ воплями. Разспросивъ въ чемъ дѣло и сдѣлавъ необходимыя справки, я сказалъ еврею, что разъ генералъ-губернаторъ выразилъ желаніе помочь ему, то все будетъ сдѣлано.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріема внука въ одно изъ высшихъ

не уклоняясь, вель линію, что именно въ этомъ краѣ необходимо. По сознанію самихъ поляковъ, ничто для нихъ такъ не гибельно, какъ отсутствіе опредѣленности и твердости лицъ, стоящихъ во главѣ управленія.

Виталій Николаевичъ родился 19-го декабря 1835 г. въ принадлежащемъ его отцу хуторѣ близъ села Волосковцы, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи, гдѣ дѣды и прадѣды его, въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, владѣли землею и одинъ изъ его предковъ былъ полковникомъ Запорожскаго войска въ 1710 г. «Я казакъ», въ послѣдствіи не разъ говорилъ мнѣ Виталій Николаевичъ.

Отецъ его участвовалъ въ отечественной войнѣ и, тяжело раненный въ сраженіи подъ Дрезденомъ, выйдя въ отставку, поселился на родномъ хуторѣ. Тамъ же въ послѣдствіи и женился. Въ степяхъ благодатнаго юга родился Виталій Николаевичъ. Южная, степная, ровная природа, съ ея прозрачнымъ воздухомъ и ароматомъ степей, оказывала на него большое вліяніе, и Виталій Николаевичъ на всю свою жизнь сохранилъ любовь къ хутору; смотрѣлъ на него, какъ на святыню, и, при малѣйшей возможности, наѣзжалъ туда или же отсылалъ семью изъ Туркестана, Кавказа... Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ него, что ему достаточно пробыть два-три дня на хуторѣ, и всякое нездоровье исчезнетъ. Сюда манила природа и простота малороссійской жизни. Я живо припоминаю, съ какимъ умиленіемъ онъ передавалъ мнѣ о простотѣ жизни хуторянина.

— По смерти моего отца, рассказывалъ мнѣ Виталій Николаевичъ, разбирая оставленные имъ бумаги, нашелъ его дневникъ, гдѣ значилось слѣдующее: «сегодня сынъ мой Виталій, генералъ-маіоръ свиты его величества, кавалеръ ордена Св. Георгія 3-й степени и начальникъ штаба, увидавъ свиней въ саду, схватилъ колъ, побѣждалъ за ними и выгналъ ихъ вонъ». Старикъ, ветеранъ отечественной войны, видимо, былъ очень пораженъ, что такой важный человѣкъ, какъ его сынъ, не постѣснился самъ схватить колъ и выгнать свиней изъ сада.

На девятомъ году маленькаго Троцкаго отдали въ первый Московскій кадетскій корпусъ, откуда вышло не мало видныхъ дѣятелей нашего времени. Здѣсь Виталій Николаевичъ пробылъ до полученія офицерскаго чина, почти нигде не выходя, и здѣсь-то, въ обстановкѣ корпуса, онъ усвоилъ товарищескій духъ. При условіяхъ воспитанія того

---

учебныхъ заведеній, старикъ-еврей приходитъ ко мнѣ въ канцелярію благодарить и, понизивъ голосъ, спрашиваетъ, не можетъ ли онъ быть и мнѣ полезнымъ, не имѣю ли я какой просьбы къ нему. И даже большую, отвѣтилъ я. Видимо старика это заинтересовало и, придвинувшись ближе, онъ вопросительно и пытанно сталъ на меня смотрѣть.

— Прошу и васъ относиться къ моимъ единовѣрцамъ такъ же благожелательно, какъ и мы къ вамъ; больше просить мнѣ васъ не о чемъ. Постѣ этого неожиданнаго отвѣта еврей такъ и оглянулся.

\*

времени, родители не баловали своихъ дѣтей письмами; родители Троцкого въ этомъ отношеніи исключенія не составляли и, видимо, далеко не всегда сообщали ему новости домашней жизни.

— Какая рѣзкая разни́ца въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми и въ системѣ воспитанія, въ мое время и теперь, — не разъ говорилъ мнѣ Виталій Николаевичъ. Въ присылаемыхъ письмахъ разъ, два въ годъ мнѣ не сообщали, что дѣлается дома, между тѣмъ какъ-то отецъ приписалъ въ письмѣ: ты все плешь поцѣлуй сестрѣ, а она умерла два года тому назадъ.

Въ корпусѣ Виталій Николаевичъ учился хорошо, но, по окончаніи курса, за молодостью былъ оставленъ еще на годъ въ томъ же классѣ.

«Тяжело было отстать отъ товарищей», передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ. Директоръ корпуса, почтенный В. П. Желтухинъ, принялъ во мнѣ горячее участіе и просилъ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцева посодѣйствовать моему выпуску въ офицеры. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я былъ представленъ Я. И. Ростовцеву, а за тѣмъ начальнику военно-учебныхъ заведеній, государю наслѣднику цесаревичу, впоследствии императору Александру II, и онъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Да какой же онъ офицеръ, это совсѣмъ мальчикъ».

Судьба Троцкого опредѣлилась, и онъ остался еще на годъ въ корпусѣ.

Московскій кадетскій корпусъ, какъ и всѣ вообще учебныя заведенія Москвы, оставилъ пріятныя воспоминанія въ бывшемъ питомцѣ. Что же касается до товарищей, Виталій Николаевичъ до конца жизни сохранилъ дружескія, теплыя отношенія съ большинствомъ своихъ однокашниковъ, неизмѣнно пользуясь ихъ расположеніемъ и уваженіемъ. Онъ сохранилъ благоговѣйное уваженіе и къ памяти бывшего директора корпуса В. П. Желтухина, вдову котораго, недавно скончавшуюся ветхую старушку, считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ посѣщать каждый пріѣздъ въ Петербургъ. Вообще Виталій Николаевичъ помнилъ хорошо всѣхъ, кто ему оказалъ какое-нибудь вниманіе, и старался въ свою очередь отплатить, помогая имъ или ихъ дѣтямъ, внукамъ и т. д. Разъ, дѣло касалось необходимости оказать кому-либо добро, онъ не смотрѣлъ на національность, старался сдѣлать все, что только могъ.

По успѣхамъ <sup>1)</sup> молодой Троцкій, по выходѣ изъ корпуса, могъ получить назначеніе въ гвардію, но, за неимѣніемъ вакансіи, былъ на-

---

<sup>1)</sup> Изъ письма извѣстнаго туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана къ Троцкому 1876 г. 23-го іюня: «отвыкъ писать по-нѣмецки, да и вы, я думаю, въ корпусѣ болѣе 3 баловъ не заслуживали изъ этого труднаго, хотя и хорошаго языка». В. Н. былъ въ корпусѣ фельдфебелемъ.

значенъ (13-го августа 1853 г.) поручикомъ въ Егерскій, нынѣ пѣхотный его императорскаго высочества великаго князя Миклаша Николаевича Казанскій полкъ, стоявшій въ то время въ Москвѣ.

Какъ передавалъ Виталій Николаевичъ, ему нравилась стоянка въ Москвѣ, гдѣ онъ уже провелъ 8 лѣтъ въ корпусѣ; но вскорѣ открылись военныя дѣйствія въ Турціи, и 11-го января, при лютыхъ морозахъ, онъ выступилъ съ полкомъ въ походъ сначала въ Крымъ, а въ дорогѣ настигло распоряженіе полкъ направить въ Молдавію и Валахію къ Бендерамъ, а оттуда опять въ Крымъ. Повидимому, въ полку молодой поручикъ Троцкій вскорѣ счумѣлъ себя зарекомендовать съ хорошей стороны, такъ какъ на походѣ былъ назначенъ командующимъ ротой. Вскорѣ молодому Троцкому пришлось испытать не только походную жизнь, но и побывать въ огнѣ. Казанскій полкъ участвовалъ въ неудачномъ для насъ Альминскомъ сраженіи 8-го сентября 1854 г. Командиръ полка, баталіонные командиры и большинство офицеровъ были убиты или ранены

— Ваше благородіе!—сказалъ ему барабанщикъ, всѣ офицеры убиты, ранены; вы старшой.

— Ну, такъ стань за мной и барабанъ—соберемъ батальонъ, и такимъ образомъ восемнадцати-лѣтній Троцкій вывелъ изъ огня батальонъ, что доставило ему первую боевую награду.

Много лѣтъ прошло и въ 1900 г., при празднованіи двухсотлѣтняго юбилея Казанскаго полка, вспомнили объ этомъ боевомъ эпизодѣ В. Н. и государю императору было угодно зачислить Троцкаго въ Казанскій полкъ, о чемъ его величество лично сообщилъ офицерамъ, присутствовавшимъ въ Бѣлостоцкѣ, на вокзалѣ, при его проѣздѣ. Вниманіе государя страшно обрадовало стараго казанца, и онъ говорилъ объ этой милости съ величайшимъ умиленіемъ.

Казанскій полкъ послѣ Альминскаго сраженія оставался въ Крыму на Инкерманскихъ высотахъ и въ окрестностяхъ Севастополя до 8-го марта 1855 года, когда перешелъ въ Севастопольскій гарнизонъ. Какъ передавалъ В. Н., онъ вполне втянулся въ походную жизнь. Лишенное удобствъ пребываніе въ Крыму, соединенное съ постояннымъ ожиданіемъ призыва въ Севастополь, видимо, нисколько не тяготило молодого поручика; къ тому же счастье ему благоприятствовало, такъ какъ онъ, не смотря на участіе въ дѣлѣ, не былъ ни раненъ, ни контуженъ.

«Какъ-то, рассказывалъ онъ, сидѣлъ я въ банѣ на полкѣ; что это была за баня въ землянкѣ, можете себѣ представить—какъ появился ординарецъ командира полка и сообщилъ, что онъ меня требуетъ къ себѣ. Тогда командовалъ полкомъ полковникъ Гастфордъ, а я былъ полковымъ адъютантомъ. Я сейчасъ же направился къ нему, и онъ мнѣ передалъ содержаніе полученной изъ Петербурга бумаги, въ которой

сообщалось о моемъ переводѣ въ Л. Гв. Егерскій полкъ, и спросилъ меня, какъ я думаю поступить. Я отвѣчалъ, что теперь не такое время, чтобы военные могли уходить и я хочу остаться. Онъ вполне одобрилъ рѣшеніе и, съ своей стороны, высказалъ намѣреніе помочь мнѣ устроить это, прикомандировавъ къ полку. Но на другой день рано утромъ меня вновь потребовалъ къ себѣ и сказалъ: «изъ-за васъ, молодой человѣкъ, я не спалъ цѣлую ночь. Меня мучила мысль, что, содѣйствуя вамъ остаться въ полку, я, быть можетъ, буду причиной вашей смерти. Посмотрите, что дѣлается вокругъ. Уѣзжайте». Я сталъ было возражать, но полковникъ и слушать не хотѣлъ и настойчиво потребовалъ моего отъѣзда, что я сдѣлалъ въ мартѣ 1855 года».

По пріѣздѣ въ Петербургъ, молодому Троцкому не долго пришлось пользоваться удовольствіями столичной жизни: Л. Гв. Егерскій полкъ, въ составѣ офицеровъ котораго онъ находился, былъ придвинутъ къ границѣ и расположился сначала въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, а затѣмъ передвинутъ въ Сувальскую губернію.

Пребываніе въ ранней молодости въ Сѣверо-Западномъ краѣ, рѣзко отличающемся отъ остальной Россіи по этнографическому и религіозному составу населенія, въ составѣ котораго преобладаютъ поляки и литовцы, познакомило молодого поручика съ бытовыми особенностями края, гдѣ впоследствии ему пришлось быть генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками. По заключеніи мира полкъ, въ 1856 г., двинулся въ Москву на коронацію. Такія путешествія не проходятъ безслѣдно для способныхъ людей: они знакомятъ ихъ съ бытовыми условіями жизни населенія, сближаютъ съ солдатами и развиваютъ пытливость и наблюдательность.

Въ этотъ періодъ своей жизни, молодой Троцкій поѣхалъ къ отцу на хуторъ, и эта поѣздка имѣла важныя послѣдствія. Его старшій братъ, тоже военный, указывая на пустоту жизни офицеровъ того времени, рекомендовалъ ему для расширенія образованія поступить въ Академію генеральнаго штаба, и молодой поручикъ покинулъ родныхъ съ твердымъ намѣреніемъ послѣдовать совѣту старшаго брата. «Направляясь въ Петербургъ, я, говорилъ В. Н., встрѣтилъ однополчанина и, разговаривая съ нимъ, узналъ, что и онъ ѣдетъ съ такою же мыслью, какъ и я—и это еще болѣе укрѣпило меня въ моемъ намѣреніи. И мы въ одинъ и тотъ же годъ поступили въ Академію». Здѣсь Троцкому пришлось познакомиться съ двумя молодыми полковниками, съ которыми онъ сохранилъ добрыя отношенія на всю жизнь и къ которымъ питалъ чувство уваженія,—Н. Н. Обручевымъ и М. И. Драгомировымъ.

Академію онъ окончилъ въ 1860 г., что совпало съ эпохою реформъ, рѣзко измѣнившихъ вѣками сложившійся строй.

Будучи по убѣжденіямъ націоналистомъ, онъ навсегда сохранилъ гуманность къ лицамъ низшихъ классовъ населенія, и эта черта сказыв-



валась въ его дѣйствіяхъ по управленію. Будучи строгимъ законникомъ и, въ необходимыхъ случаяхъ, сторонникомъ крутыхъ мѣръ, онъ въ то же время участливо относился къ крестьянамъ.

По окончаніи Академіи, ему пришлось нести службу офицера генеральнаго штаба, а съ 1863 по 1866 г. онъ былъ помощникомъ редактора «Русскаго Инвалида». «Русскій Инвалидъ» въ то время былъ газетою литературною и политическою, имѣвшею обширный кругъ читателей. Здѣсь помѣщали живыя, бойкія статьи, и Троцкому пришлось не мало писать ихъ по польскому вопросу, что облегчалось нѣкоторымъ знакомствомъ съ Западною окраиною. В. Н. съ удовольствіемъ вспоминаетъ о томъ времени, когда ему пришлось въ редакціи встрѣчаться съ многими молодыми литераторами. Трехлѣтняя работа въ редакціи также не прошла безслѣдно для развитія В. Н.: онъ втянулся въ литературные и политическіе интересы и на всю жизнь сохранилъ большое уваженіе къ наукѣ и знанію, на что вполне указываетъ его, въ бытность генералъ-губернаторомъ, настойчивая переписка съ министромъ народнаго просвѣщенія о необходимости развитія школъ и вообще культурныхъ условій въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ наиболѣе важныхъ факторовъ политическаго объединенія этой окраины съ внутренними губерніями. А какую борьбу пришлось выносить изъ-за школы съ католическими епископами, высказавшими готовность выйти на помощь школѣ при одномъ условіи, если она будетъ передана имъ! О значеніи народной школы въ жизни крестьянства очень рельефно онъ высказалъ дворянству Ковенской губерніи на данномъ послѣ объѣзда Ковенской губерніи въ честь его обѣдѣ губернскимъ предводителемъ дворянства П. А. Столыпинымъ.

Посѣщая всѣ встрѣчавшіяся на пути школы, Виталій Николаевичъ не могъ не убѣдиться, какъ ихъ мало сравнительно съ потребностями населенія, и какъ мало сдѣлано нашею администраціею въ этомъ отношеніи именно въ той губерніи, гдѣ русской рѣчи почти не слышно и гдѣ русскіе едва-ли составляютъ 2% всего населенія. Между тѣмъ школа имѣетъ для литовцевъ практическое значеніе для прохожденія военной службы; знакомство дѣтей съ русскимъ языкомъ служить наилучшимъ проводникомъ русской культуры.

На-ряду съ этимъ Виталія Николаевича поразили и другой фактъ: отвѣты арестантовъ при посѣщеніи тюремъ. При опросахъ, за что сидятъ, нерѣдко приходилось слышать: убилъ отца, брата, и т. д. Въ извѣстной мѣрѣ смягчить нравы можетъ конечно школа, и В. Н., дѣлая своими впечатлѣніями, вынесенными изъ двухъ-недѣльнаго объѣзда губерніи на лошадахъ, обратился къ присутствующимъ съ горячею рѣчью, прося придти на помощь просвѣщенію народа.

Въ 1866 г. произошла перемѣна въ служебной дѣятельности Виталія Николаевича. Онъ рѣшился покинуть Петербургъ и ѣхать въ Турке-

станскій край, какъ кажется, по предложенію генерала Романовскаго. И теперь, послѣ многихъ лѣтъ водворенія въ Туркестанскомъ краѣ русской гражданственности, проведенія желѣзныхъ дорогъ и т. п., въ русскомъ обществѣ имѣется мало свѣдѣній объ этой, въ высшей степени, интересной окраинѣ, а въ то время почти ничего не имѣлось. Служившіе же въ краѣ рассказывали прямо нѣчто невѣроятное.

— Предполагая ѣхать въ Туркестанскій край, передавалъ Виталій Николаевичъ, я пошелъ къ одному полковнику генеральнаго штаба, ранѣе служившему въ краѣ, разспросить его объ условіяхъ тамошней жизни, и тотъ наговорилъ большихъ страховъ и между прочимъ указалъ на скорпіоновъ, фалангъ, ядовитыхъ змѣй, кишачицъ въ домахъ и т. п. Представьте же себѣ, смѣясь говорилъ мнѣ В. Н., за 17 лѣтъ жизни въ краѣ я, при частыхъ походахъ, поѣздкахъ по краю, только и видѣлъ двухъ скорпіоновъ—изъ нихъ подъ подушкою одного!

Невѣдомый край, тяжелыя, слишкомъ рѣзко отличающіяся отъ европейскихъ условія жизни, видимо, смущали В. Н., и онъ, не рѣшаясь ѣхать, пошелъ посовѣтываться къ Н. Н. Обручеву, а тотъ въ отвѣтъ перекрестилъ его, повернулъ лицомъ къ двери и сказалъ:—«Съ Богомъ».—Такого сердечнаго участія В. Н. не забылъ до послѣднихъ дней.

Нѣкоторые изъ петербургскихъ товарищей сожалѣли о Троцкомъ; но судьба была въ его пользу: именно здѣсь, въ Туркестанскомъ краѣ, Виталій Николаевичъ составилъ себѣ и боевое имя, окончательно сформировалъ свой характеръ и здѣсь же нашелъ свое семейное счастье...

Виталій Николаевичъ прибылъ въ Туркестанскій край въ тотъ періодъ, когда русскіе должны были, во избѣжаніе грабежей хивинцевъ, кокандцевъ и др., принять мѣры къ упроченію своего вліянія. Вся эта, раскинутая на огромномъ пространствѣ, окраина управлялась въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ изъ Оренбурга, гдѣ находилось управленіе генераль-губернатора. До сихъ поръ эта окраина не получила достаточной опѣнки, между тѣмъ несомнѣнно, что это одна изъ богатыхъ и наиболѣе интересныхъ частей Россіи съ совершенно своеобразнымъ населеніемъ, скорѣе и легче всего могущимъ подвергаться нашему вліянію. Незадолго до пріѣзда въ край В. Н. Троцкаго, М. Г. Черняевъ взялъ Ташкентъ. Поводомъ къ дальнѣйшимъ нашимъ завоеваніямъ было стремленіе обезпечить спокойное развитіе гражданственности отъ набѣговъ хивинцевъ. По прибытіи къ мѣсту новаго служенія, Виталій Николаевичъ былъ назначенъ исполняющимъ должность начальника штаба въ Туркестанской (части Сыръ-Дарьинской) области и вскорѣ принялъ участіе во взятіи штурмомъ Ура-Тюбе и Джизака.

Между тѣмъ, съ образованіемъ Туркестанскаго генераль-губернаторства въ 1867 г., былъ назначенъ генераль-губернаторомъ генераль-

адъютантъ К. П. Кауфманъ, не долго бывшій послѣ М. Н. Мурарьева генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края.

Мѣстные служащіе предсказывали В. Н., что, съ прїѣздомъ новаго начальника послѣдній его выживетъ, поводомъ къ чему служила произведенная имъ ревизія дѣйствій одного изъ полковыхъ командировъ, имѣвшаго значительныя связи. Случилось совершенно обратное,—К. П. Кауфманъ, на первыхъ порахъ по прїѣздѣ, относившійся къ Троцкому съ предубѣжденіемъ и недоувѣрчиво, поручилъ ему сдѣлать работу о Туркестанскомъ краѣ и Виталій Николаевичъ, какъ уже успѣвшій ознакомиться съ краемъ, представилъ ее въ теченіе краткаго времени. Повидимому, представленная имъ работа въ значительной степени опредѣлила его отношеніе къ Кауфману, хорошо понимавшему, что безъ привлеченія способныхъ и честныхъ людей управлять краемъ нельзя.

Вскорѣ у В. Н. сложились наилучшія отношенія съ Кауфманомъ, и онъ быстро совершалъ свою служебную карьеру. Послѣдовательно онъ занималъ должность начальника областного штаба, а въ 1869 г. былъ назначенъ и. д. помощника командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области. Вскорѣ, по распоряженію командующаго войсками, былъ назначенъ начальникомъ штаба экспедиціоннаго отряда въ Шехризабскую экспедицію и участвовалъ въ штурмѣ и взятіи съ боя г. Китабы. Принималъ участіе и въ покореніи Кульджинскаго ханства.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ серьезно изучалъ край и принималъ дѣятельное участіе въ мѣстномъ отдѣленіи географическаго общества.

В. Н. работалъ быстро; прочитанное и изложенное усваивалъ скоро и вообще работалъ легко, и это осталось за нимъ до самаго послѣдняго дня его жизни и, что болѣе важно въ человѣкѣ, занимающемъ высокій постъ, онъ какъ бы не обращалъ вниманія на мелочи, а схватывалъ суть вопроса. Не могу при этомъ не остановить вниманія на высказываемомъ — въ нѣкоторыхъ кругахъ — мнѣніи весьма почтенными людьми, будто онъ былъ человѣкомъ лѣнивымъ. Не говоря уже о личныхъ впечатлѣніяхъ, основанныхъ на ежедневномъ служебномъ общеніи съ В. Н., вотъ что передавалъ мнѣ бывшій его помощникъ, генераль-отъ-инфантеріи П. Т. Перлякъ, занявшій послѣ него мѣсто начальника штаба Кавказскаго военнаго округа: «я принялъ штабъ послѣ В. Н. и дѣла нашелъ въ большемъ порядкѣ. В. Н. не только самъ работалъ, но—что самое главное въ начальникѣ—умѣлъ подбирать себѣ выдающихся сотрудниковъ и поэтому дѣла у него шли хорошо».

Въ 1872 г. Виталій Николаевичъ былъ командированъ въ Москву для редакціи сборника «Русскій Туркестанъ» и представленія государю-императору военнаго отдѣленія на выставкѣ Туркестанскаго отдѣла. Въ то время это была крупная и интересная новость для русскіхъ. Здѣсь на выставкѣ съ нимъ произошелъ такой эпизодъ: государь Але-

ксандръ II, обозрѣвая выставку, нашелъ, что манекенъ туркестанскаго солдата одѣтъ не по формѣ, и выразилъ неудовольствіе на незнаніе формъ. Выраженіе неудовольствія государемъ императоромъ подѣйствовало на В. Н. угнетающимъ образомъ. Присутствовавшій при этомъ наслѣдникъ цесаревичъ, въ послѣдствіи императоръ Александръ III, такъ передавалъ мнѣ В. Н., что-то шепнулъ московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову и затѣмъ, проходя мимо меня, крѣпко пожалъ мнѣ руку, а генералъ-губернаторъ, кн. В. А. Долгоруковъ, подошелъ и пригласилъ меня на бывшій у него вечеръ, гдѣ весь этотъ непріятный случай разъяснился.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года (1872) В. Н. уже велъ на рекогносцировку отрядъ къ г. Токмаку; зима же прошла въ подготовительныхъ работахъ къ знаменитому хивинскому походу.

Въ этомъ походѣ В. Н. явился въ отвѣтственной роли начальника полевого штаба отряда, дѣйствовавшаго противъ Хивы, во главѣ котораго стоялъ генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ. Хивинскій походъ, по справедливому замѣчанію В. Н., представляетъ блестящую страницу въ исторіи русскихъ войскъ по тѣмъ трудностямъ, которыя были соединены съ нимъ; здѣсь приходилось бороться съ самымъ сильнымъ врагомъ—среднеазиатскою природою, безконечными песками и безводіемъ. Всѣраніе предпринимавшіеся степные походы кончались неудачно, и, разумѣется, опытъ ихъ долженъ былъ послужить исходной точкой при обсужденіи и выработкѣ плана похода. Этому походу посвящено цѣлое сочиненіе, изданное подъ редакціей Виталія Николаевича. Въ послѣдствіи онъ передавалъ мнѣ, что у насъ вообще мало знали о Хивинскомъ походѣ. Между тѣмъ когда кто-то изъ его знакомыхъ, въ бытность въ Берлинѣ, сдѣлалъ визитъ одному изъ принцевъ, то оказалось, что тамъ военные по картамъ слѣдили за всѣми движеніями нашего отряда. Въ виду неудачъ, постигнувшихъ ранѣе русскія войска, приходилось быть очень осторожнымъ, особенно въ снаряженіи и въ обезпеченіи отряда водою <sup>1)</sup>. Въ походѣ все шло гладко, хорошо, но потомъ произошелъ такой эпизодъ: при движеніи отряда къ Халата (переходъ 60—70 в.) не было воды и не предвидѣлось возможности удовлетворить потребности отряда, и такъ слагалось неудачно, что былъ моментъ, когда начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ, опасаясь полной неудачи, былъ въ отчаяніи. Троцкій, какъ начальникъ штаба, предложилъ ему планъ, съ указаніемъ способовъ выйти изъ затрудненій, при чемъ указывалъ на необходимость высказать съ большою твердостью начальникамъ отдѣльныхъ частей о неуклонномъ выполненіи плана во всѣхъ подробностяхъ.

— Насъ—передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ—созвали на совѣтъ

<sup>1)</sup> Воды было немного, такъ что при перевалахъ у командующаго отрядомъ „былъ клубъ съ чаемъ“.

въ палатку среди голой, мертвой пустыни, гдѣ на единственномъ стулѣ сидѣлъ начальникъ отряда, командующій войсками. Онъ началъ было читать, но отъ волненія не могъ и поручилъ мнѣ, и я, тогда молодой, полный силы, высказалъ неперемѣнную и твердую волю генераль-адъютанта Кауфмана, и дѣло было спасено. Даромъ для меня походъ не прошелъ, и о многихъ сторонахъ моей дѣятельности во время похода узнали въ Петербургѣ, разумѣется, не отъ меня, и я за этотъ походъ былъ осыпанъ милостями.

По возвращеніи въ Россію К. П. Кауфмана очень торжественно встрѣчали, особенно же въ Москвѣ. Видимо, торговый классъ или, вѣрнѣе, «всероссійское купечество» счумѣло взвѣсить и оцѣнить будущность сдѣланныхъ приобрѣтеній въ Азіи. Въ 1873 г., предъ выступленіемъ въ походъ, В. Н. былъ назначенъ начальникомъ штаба Туркестанскаго округа и уже въ качествѣ такового получилъ знакъ отличія военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-го класса, 26-го ноября 1875 года «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ свиты нашей генераль-маіоромъ генеральнаго штаба-начальникомъ штаба Туркестанскаго военнаго округа, Виталіемъ Троцкимъ при взятіи 1-го октября сего года нашими войсками, подъ личнымъ его предводительствомъ, города Андижана». Въ Кокандской экспедиціи 1875—76 года слабый отрядъ въ 1.400 человекъ взялъ штурмомъ подъ начальствомъ генерала Троцкаго г. Андижанъ, защищаемый 70 т. непріателемъ, не считая 15 т. кара-киргизовъ, расположенныхъ вѣтъ города.

Продолжительное пребываніе въ Туркестанскомъ краѣ, видимо, стало тяготить Виталія Николаевича и побудило его ѣхать въ Петербургъ и искать другаго назначенія вѣтъ Туркестана. Въ это время у него были нелады съ К. П. Кауфманомъ. Дѣло дошло до того, что Виталій Николаевичъ рѣшилъ покинуть службу. Съ этою цѣлью въ 1876 г. Виталій Николаевичъ значительный періодъ времени провелъ въ Петербургѣ и былъ занятъ составленіемъ исторіи Хивинскаго похода. Повидимому, отношенія между командующимъ Туркестанскимъ округомъ и начальникомъ его штаба значительно измѣнились. Переписка между ними не носила оживленнаго характера, и на письмо Троцкаго отъ 23-го іюня 1876 г. послѣдовалъ отвѣтъ 14-го ноября, въ которомъ Кауфманъ совѣтовалъ придать описанію похода большую живость и занимательность; считалъ это даже необходимымъ.

Не смотря, однако, на натянутыя отношенія, К. П. дѣлился со своимъ начальникомъ штаба новостями края и въ одномъ изъ писемъ сообщаетъ ему свои впечатлѣнія о поѣздкѣ въ Фергану. Фергана произвела на него самое хорошее впечатлѣніе. «Михаилъ Дмитріевичъ (Скобелевъ)—пишетъ онъ—занимается серьезно своимъ дѣломъ; занимается во все, учится, трудится, но любитъ только одно военное дѣло.

Онъ любить страшно—онъ ничего больше не любитъ, какъ только военное дѣло».

«Скобелевъ сдѣлалъ молодецкую экспедицію въ Алайскія горы. Онъ обошелся безъ драки—это была военная прогулка»... «Войска славныя съ прекраснымъ духомъ».

«Еще забылъ сказать вамъ, что Скобелевъ высказалъ мнѣ желаніе быть начальникомъ штаба. Вы знаете, что это и моя была мысль, если обстоятельства такъ сложатся, что вамъ нельзя будетъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Я не далъ ему положительнаго отвѣта, но сказалъ ему, что радъ буду такому начальнику штаба, какъ онъ, если В. Н. не возвратится.

«До свиданія. И Богъ знаетъ, когда увидимся».

Изъ этого письма ясно видно, что Троцкій рѣшилъ уйти и поставилъ объ этомъ въ извѣстность своего ближайшаго начальника. Но, видимо, это не такъ легко было сдѣлать.

Виталій Николаевичъ продолжалъ жить въ Петербургѣ, занимаясь описаніемъ Хивинскаго похода.

«На-дняхъ я получилъ телеграмму отъ военного министра,—писать ему К. П. Кауфманъ, что Скобелевъ по высочайшему повелѣнію долженъ ѣхать въ Петербургъ немедленно для отправленія въ дѣйствующую армію».

«Войны вѣдь не будетъ!»—прибавляетъ Кауфманъ <sup>1)</sup>.

Вскорѣ послѣ полученія этого письма, судьба Виталія Николаевича была рѣшена, но не такъ, какъ ему хотѣлось—ему пришлось вернуться въ Туркестанъ. Произошло все это, по словамъ Виталія Николаевича, такъ: его вызвалъ военный министръ Д. А. Милютинъ и предложилъ ѣхать въ Туркестанъ; видя нежеланіе В. Н., онъ прибавилъ: «Впрочемъ, вамъ будетъ дана аудіенція государемъ, и вы узнаете отъ него».

При представленіи государю Виталія Николаевича онъ сказалъ ему слѣдующее:

— Мнѣ Милютинъ передалъ, что ты не хочешь ѣхать въ Туркестанъ, но ты это долженъ сдѣлать. Я тебѣ приказываю. Такимъ образомъ Виталію Николаевичу вновь пришлось вернуться въ край, но уже военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Сыръ-Дарьинской области. Этотъ послѣдній періодъ его жизни прошелъ исключительно въ работахъ административнаго характера, и Виталію Николаевичу приходилось совершать поѣздки верхомъ по тысячѣ верстъ въ Казанскіи и другія мѣста стоянки войскъ.

Въ періодъ службы и при постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ младшими офицерами и солдатами сложилось у Виталія Николаевича то доброжелательное сердечное отношеніе, которое онъ проявлялъ къ

<sup>1)</sup> Письмо Кауфмана отъ 6-го февраля 1877 г. изъ Ташкента.

нимъ и впоследствии. Не разъ онъ мнѣ рассказывалъ о тяжелыхъ условіяхъ жизни армейскаго офицера.

— Їду я верхомъ въ Казалинскъ тысячу верстъ съ начальникомъ штаба и денщикомъ. Вдали виднѣется точка; подъѣзжаемъ—смотрю офицеръ съ молодою женою на верблюдѣ за 1.000 верстъ ѣдетъ на мѣсто стоянки. Надо испытать такой способъ передвиженія, чтобы понять тяжелую жизненную обстановку.

И основанная на знакомствѣ съ бытомъ и духомъ туркестанскимъ заботливость и участливость къ меньшимъ людямъ осталась у Виталія Николаевича до конца жизни. Такое же отношеніе проявлялъ къ нимъ и М. Д. Скобелевъ, признавая за Туркестаномъ хорошую боевую школу.

«Немного осталось въ строѣ туркестанцевъ, писалъ Скобелевъ В. Н. Троцкому <sup>1)</sup> и, говоря вамъ это смѣло, не ударило лицомъ въ грязь.

«Когда мы прибыли въ Кишеневъ, на всѣхъ насъ смотрѣли какъ-то вопросительно. Теперь все измѣнилось: и выше, и въ массѣ начинаютъ интересоваться Туркестаномъ въ смыслѣ боевой школы для офицеровъ.

«Въ бою, на переправѣ масса убитыхъ солдатъ съ туркестанскими Георгіевскими крестами и хивинскими медалями въ особенности, поразили всѣхъ участвовавшихъ; въ полкахъ, теперь, на войнѣ нашими солдатами не хвалятся. Какъ я счастливъ, что могу вамъ все это сообщить.....

«Представьте себѣ, какъ я счастливъ: А. Н. Куропаткинъ у меня начальникомъ штаба».

Въ 1883 году В. Н. Троцкій былъ назначенъ начальникомъ штаба Кавказскаго военнаго округа.—Пробывъ на Кавказѣ 6 лѣтъ, В. Н. всегда съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ службу съ княземъ Дундуковымъ-Корсаковымъ.

Съ мѣста начальника штаба Виталій Николаевичъ получилъ назначеніе корпуснымъ командиромъ въ Витебскъ; здѣсь онъ былъ недолго, такъ какъ вскорѣ былъ переведенъ помощникомъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа.

Въ матеріальномъ, однако, отношеніи послѣ Кавказа, какъ мнѣ приходилось слышать отъ Виталія Николаевича, въ Кіевѣ ему приходилось тяжело, и онъ не разъ говорилъ, что Кіевъ, при дороговизнѣ жизни, совершенно подточилъ его матеріальныя средства.

Въ 1895 г. Виталій Николаевичъ былъ назначенъ командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа, и здѣсь при объѣздахъ войскъ ему пришлось больше познакомиться съ особенностями мѣстной жизни.

Вильна городъ своеобразный: и до сихъ поръ носитъ обликъ нерусскаго города, не смотря на величественные православные храмы,

---

<sup>1)</sup> Письмо Скобелева 14-го августа 1877 г., дни Шипки, къ В. Н.

какъ Св. Духовъ монастырь, Свято-Троицкій, Николаевскій соборъ и другіе, и постановку двухъ памятниковъ М. Н. Муравьеву и бюста Пушкина въ скверѣ.

Русское общество здѣсь состоитъ изъ пришлыхъ, постоянно мѣняющихся чиновниковъ; польское же держится особнякомъ. Евреи, какъ и повсемѣстно, живутъ обособленною жизнью.

Какъ командующій войсками округа, охватывающаго девять губерній, Виталій Николаевичъ обратилъ вниманіе на ихъ боевую подготовку. Дѣятельно объѣзжалъ войска, производилъ смотры и особенное вниманіе обратилъ на довольство солдатъ и медицинскую часть. Если солдатъ сытъ и находится въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ,—отъ него и требовать можно.

Мнѣ не разъ, при поѣздкахъ, приходилось слышать отъ В. Н., что въ продолженіе сорока лѣтъ службы и постоянного общенія съ войсками у него сложился опредѣленный взглядъ на необходимость привѣтліваго, доброжелательнаго отношенія ко всемъ служащимъ,—и это лежало въ основаніи его дѣйствій.

— Когда командующій ругаетъ войска,—говаривалъ мнѣ Виталій Николаевичъ,—это послѣднее дѣло. У насъ такъ много начальствъ, стремящихся къ проявленію своей энергіи, что высшему начальству слѣдуетъ прибѣгать къ такимъ средствамъ въ крайнихъ случаяхъ.

За подготовкою войскъ слѣдили особенно сосѣди нѣмцы и нерѣдко указывали на успѣхи, достигнутые обученіемъ войскъ въ краѣ. Работа была проверена на Бѣлостокскихъ маневрахъ 1897 г., гдѣ были сосредоточены двѣ арміи: одна оборонялась, другая изъ Варшавы наступала. При этомъ, какъ передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ, «когда государь обращался ко мнѣ во время маневровъ, я ему рассказывалъ все вполне откровенно и указывалъ на нѣкоторыя упущенія и погрѣшности моей арміи».

Послѣ маневровъ—это было 27-го августа 1897 г., государь благодарилъ Троцкаго за прекрасный порядокъ и пожаловалъ ему званіе генералъ-адъютанта.

Осенью этого года Виталій Николаевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ это время ходило много слуховъ о предстоящемъ назначеніи его на разныя высокіе административныя посты. Слухи оправдались—онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края. При представленіи государь спросилъ, знакомится ли онъ съ краемъ. Виталій Николаевичъ отвѣтилъ, что, помимо разныхъ сочиненій, онъ знакомится съ бывшими дѣателями Сѣверо-Западнаго края И. П. Корниловымъ и друг., отъ которыхъ получаетъ полезныя указанія и т. п.

Вступая въ управленіе этою своеобразною окраиною, Виталій Николаевичъ многого не зналъ; какъ честная натура, онъ не претендовалъ на это, сознавая, что при занятіяхъ это придетъ само собою.



Свою программу онъ ясно выразилъ въ простыхъ, вылившихся у него словахъ при приѣмѣ чиновъ въ Вильнѣ.

Способъ же осуществленія программы выработался при дальнѣйшемъ изученіи края и его особенностей, не только путемъ докладовъ и бумагъ, но разговоровъ и совѣщаній съ помѣщиками, посылкою по краю чиновниковъ особыхъ порученій для разслѣдованія по разнымъ дѣламъ и, наконецъ, личныхъ объѣздовъ края. За періодъ, протекшій со времени смерти г. губернатора Оржевскаго произошелъ эпизодъ, вызванный ксензомъ Рымейко въ Шавляхъ, послужившій толчкомъ ко многимъ правонарушеніямъ со стороны католическаго духовенства и доставившій не мало неприятныхъ дней Виталию Николаевичу.

Если вообще трудно представить очеркъ дѣятельности мѣстнаго дѣятеля, какъ охватывающій массу мелочныхъ будничныхъ случаевъ и явленій, то тѣмъ труднѣе сдѣлать это мнѣ, какъ ближайшему сотруднику по гражданской части покойнаго Виталия Николаевича, и при томъ говорить о томъ, что было такъ недавно. Поэтому я ограничусь исключительно краткимъ указаніемъ началъ, которыми руководился генералъ-губернаторъ.

Вскорѣ послѣ назначенія Виталия Николаевича генералъ-губернаторомъ, я задалъ ему вопросъ—о программѣ.

Какъ человекъ честный и умный, никогда не стыдившійся признаться въ томъ, чего онъ не знаетъ, Виталий Николаевичъ отвѣтилъ: «когда я откланялся государю, ему было угодно мнѣ сказать: «Я желаю чтобы въ краѣ было хорошо», и въ настоящее время знакомься съ краемъ и его исторіей; необходимо выработать, какъ подойти къ осуществленію этой мысли.—Это дѣло наше».

Сѣверо-Западный край издревле край русскій, на что указываетъ и этнографическій его составъ, его населеніе: бѣлоруссы, малоруссы составляютъ значительный процентъ мѣстнаго населенія. Высшее сословіе нынѣ католической вѣры, было православное, и оно создало въ краѣ храмы, монастыри (напр. Супрасльскую обитель).

Съ введеніемъ униі, постепенно совершился процессъ перехода родовитыхъ семействъ въ католичество. Быть можетъ, отчасти въ этомъ кроется причина той религіозной страстности и нетерпимости, которую обнаруживаютъ мѣстные католики. Среди низшихъ слоевъ, благодаря преобладанію среди нихъ религіозныхъ интересовъ, и до сихъ поръ идетъ борьба о преимуществѣ православной и католической вѣры, нерѣдко обостряемая нетерпимымъ по его требованіямъ католическимъ духовенствомъ.

Дворянство и духовенство проходятъ одну и ту же школу, а костелъ объединяетъ всѣхъ, и сама религія пріобрѣтаетъ политическій характеръ. Несомнѣнно, это владетъ особый отпечатокъ на всѣ отношенія мѣстнаго населенія къ русской власти въ краѣ. Отсюда стрем-

леніе католиковъ поддержать престижъ костела, какъ внѣшняго символа Польши, и характерною чертою населенія являются нерѣдко крупные взносы католиковъ на постройку костеловъ, перестраиваемыхъ отчасти подъ сильнымъ воздѣйствіемъ ксендзовъ.

Въ духовно-религіозной области преобладаетъ католическое духовенство и, вѣрное католическимъ традиціямъ, не упускаетъ власти изъ своихъ рукъ и принимаетъ всѣ мѣры къ удержанію вліянія на народъ и, разумѣется, при религіозности населенія, оно оказываетъ сильное вліяніе на крестьянъ католическаго вѣроисповѣданія.

Независимо отъ польской, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ выросла новая политическая партія, во главѣ которой идутъ молодые литовцы, добивающіеся мирнымъ путемъ укрѣпленія литовскаго національнаго самосознанія. Сила и значеніе этой партіи заключается въ стремленіи къ упроченію литовскаго языка. Евреи занимаютъ въ краѣ свое особое положеніе; какъ извѣстно, они, по ихъ симпатіямъ, склоняются къ русскимъ, и это понятно; при преобладаніи русской власти они несравненно легче чувствуютъ себя съ русскими, чѣмъ съ другими національностями, и этимъ объясняется охотное усвоеніе ими внѣшней русской культуры и языка.

Этимъ основнымъ группамъ населенія Сѣверо-Западнаго края, изъ коихъ каждая имѣетъ свою исторію, національность, религію и сѣумѣла за потерей политической самостоятельности захватить соотвѣтствующее мѣсто въ области экономической жизни, мы долгое время противопоставляли наше чиновничество и только начиная съ гр. М. Н. Муравьева русскую школу, какъ вносящую русскую культуру, и затѣмъ, пока небольшую, группу русскихъ землевладѣльцевъ.

Замѣчательно, послѣ сильнаго подъема польскаго національнаго самосознанія, благодаря дѣятельности попечителя Виленскаго округа, бывшаго въ то же время товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ князя Адама Чартырыйскаго, сѣумѣвшаго дать Виленскому университету выдающихся руководителей, какъ Янъ Снядецкій и др., до эпохи гр. Муравьева мы боролись въ этомъ краѣ исключительно узко-полицейскими мѣрами. Предполагая упрочить русское земледѣліе, съ 1830 по 1863 г. создали два маіората и этимъ ограничили мѣры по водворенію русскаго землевладѣнія! Пользности экономическо-культурныхъ мѣръ въ то время не сознавали — послѣдствія непримѣненія ихъ сказываются во всемъ складѣ жизни и по настоящее время.

Не смотря на медленный неувѣренный ходъ краевой политики, не смотря на постоянныя колебанія и отклоненія отъ принятыхъ началъ, въ краѣ достигнуты нѣкоторые успѣхи, въ смыслѣ упроченія русскаго вліянія. Увлечаться этимъ нельзя — на-ряду упрочивается и противоположное вліяніе другихъ національностей.

Вотъ тѣ условія, при которыхъ приходится дѣйствовать въ краѣ.

Несомнѣнно, за протекшій съ 1863 г. періодъ успѣхи, въ смыслѣ укрѣпленія въ краѣ русской народности, сдѣланы, хотя и не соответственны затраченнымъ усиліямъ. Какъ и во всѣхъ отрасляхъ управленія, нѣтъ традицій, и потому каждому дѣятелю приходится вырабатывать на установившейся основѣ свою программу, упуская изъ виду дѣятельность его предшественниковъ.

Задача каждого государственнаго дѣятеля заключается въ стремленіи къ объединенію, сближенію національностей на культурно-экономической почвѣ населенія, тѣсно прикрѣпленнаго къ Россіи политически. И, разумѣется, та система и можетъ достигнуть прочныхъ успѣховъ, въ основѣ которой положена такая здоровая, нормальная мысль.

Средствомъ достиженія—улучшеніе экономическаго положенія мѣстнаго населенія и проведеніе улучшеній въ мѣстную администрацію; содѣйствіе къ упроченію учреждений, связывающихъ русскихъ, и облегченія къ упроченію русскаго элемента въ экономической области. Русская школа, русскій языкъ и культура, — вотъ основанія нашей политики, при условіи соблюденія строжайшей законности и справедливости по отношенію къ мѣстному населенію.

Въ этихъ видахъ генераль-губернаторомъ было обращено вниманіе на дѣятельность мировыхъ посредниковъ, какъ должностныхъ лицъ, наиболѣе близко стоящихъ къ крестьянскому дѣлу. Такое вниманіе къ ихъ дѣятельности имѣло тѣмъ болѣе основаній, что по доходившимъ свѣдѣніямъ ихъ дѣятельность особою настойчивостью и усердіемъ не отличалась. Высказавъ свои взгляды въ циркулярахъ, генераль-губернаторъ, по прошествіи нѣкотораго времени, сталъ посылать по краю чиновниковъ особыхъ порученій для знакомства на мѣстѣ съ разными сторонами ихъ дѣятельности и для выясненія, въ какой степени и какъ проводятся высказанныя имъ правила въ его циркулярахъ. Съ этого началась большая внутренняя мало замѣтная для постороннихъ работа, непрерывно тянувшаяся до его смерти, и она осталась не бесполезною для мѣстнаго населенія и была отмѣчена польскою заграничною печатью. Особенное вниманіе обращалось на аграрныя отношенія крестьянъ.

Другое больное мѣсто края, мѣщанскія управы, — доставили много работы. Онѣ нуждаются въ большемъ надзорѣ, и едва-ли этотъ видъ самоуправляющаго общества не подлежитъ серьезной реформѣ. Въ видахъ обнаруживаемыхъ безпорядковъ въ управленіи ихъ генераль-губернаторъ постоянно посылалъ на ревизію и если не много было сдѣлано, то не его вина—причины лежатъ глубже.

Петръ Великій сказалъ: полиція душа гражданственности. И дѣйствительно задачи администраціи, съ усложненіемъ современной жизни, сдѣлались гораздо шире и ея дѣйствія направляются къ подъему народнаго

благосостоянія, которое зависит не только отъ личныхъ условій каждаго, но и отъ общественныхъ условій, въ извѣстной степени, создаваемыхъ мѣстною администраціею. Съ этою цѣлью было обращено вниманіе на борьбу съ конокрадствомъ, сильно подтачивающимъ благосостояніе крестьянъ, и на устройство и улучшеніе крестьянскихъ кредитныхъ учреждений. Въ волостныхъ кассахъ находилось около  $\frac{1}{2}$  милл. р. частью разобранныхъ, частью помѣщенныхъ въ  $\%$  бумаги, слѣдовательно, совершенно не выполнившихъ той роли, ради которой были основаны кассы; между тѣмъ населеніе нуждается въ кредитѣ, потому было обращено вниманіе на приведеніе ихъ въ должный видъ; приняты мѣры къ огражденію населенія отъ поборовъ, и т. д.

Не касаясь другихъ мѣръ, имѣющихъ узко мѣстное значеніе, необходимо указать, что намѣченныя цѣли могутъ быть наилучше осуществлены при подборѣ не только честныхъ, но и образованныхъ лицъ, и при упроченіи ихъ положенія путемъ уничтоженія фаворитизма въ назначеніяхъ.

Если подборъ хорошаго состава служащихъ и выполненіе при ихъ содѣйствіи мѣръ, направляемыхъ къ народному благу, составляетъ задачу правительственной политики въ краѣ, то другую сторону составляетъ проведеніе культурныхъ мѣръ, направленное къ мирному, спокойному воспитанію народа въ школахъ, и привлеченіе мѣстныхъ дѣятелей къ объединенію на почвѣ культуры. На эту сторону В. Н. было обращено особенное вниманіе. Были принимаемы всевозможныя мѣры путемъ посѣщеній школъ, сношеній съ попечителемъ учебнаго округа, съ католическимъ духовенствомъ и т. п., къ постановкѣ русской школы на поднимающую высоту. Высказывалось стремленіе воспользоваться тою культурною силою, которую представляетъ нашъ педагогическій персоналъ и т. д.

Вообще Виталій Николаевичъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы съ достоинствомъ безъ насилія сдѣлать все, что клонится къ культурному преуспѣянію русскихъ въ краѣ. Всецѣло ему принадлежитъ починъ постановки памятника великому Пушкину въ Вильнѣ <sup>1)</sup>, устройство Муравьевскаго музея. На обѣдѣ по поводу открытія памятника М. Н. Муравьеву, онъ официально поднялъ вопросъ о постановкѣ въ Вильнѣ памятника Екатеринѣ Великой, какъ виновницѣ возвращенія русскихъ областей и, послѣ доклада государю, пригласилъ извѣстнаго художника Антокольскаго (вильнскаго уроженца) составить проектъ, и это была послѣдняя крупная работа Антокольскаго. Ею, какъ онъ и предчувствовалъ, завершилось его художественное творчество.

Заслуга Виталія Николаевича заключается въ мирномъ, спокойномъ веденіи необходимыхъ мѣръ, не прибѣгая къ рѣзкимъ ограниченіямъ,

<sup>1)</sup> Дѣдъ А. С. Пушкина, арабъ Ганнибалъ, былъ крещенъ въ Вильнѣ въ Пятницкой церкви.

а стоя на почвѣ закона. Въ настоящее время о многихъ мѣрахъ не удобно говорить—это было такъ недавно. По мѣрѣ силъ Виталій Николаевичъ горячо преслѣдовалъ достиженіе культурно-экономическихъ задачъ — эта почва, на которой только и мыслимо объединеніе разнородныхъ элементовъ, политически крѣпко связанныхъ съ общимъ нашимъ отечествомъ; неумолимая смерть пресѣкла его дѣятельность именно въ тотъ моментъ, когда болѣе опредѣленно выяснились цѣли, выработаны средства и были намѣчены болѣе широко задачи для будущаго.

Работать съ Виталіемъ Николаевичемъ было очень пріятно. Не ограничиваясь установленнымъ для докладовъ временемъ, онъ не стѣснялъ и принималъ по дѣламъ во всякое время. Нерѣдко приходилось приносить массу докладовъ по вечерамъ, по возвращеніи его изъ поѣздокъ по военному округу, и онъ никогда не выказывалъ ни малѣйшаго неудовольствія, хотя чувствовалъ страшную усталость. Находясь въ общеніи съ такими людьми, какъ К. П. фонъ Кауфманъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ и др., онъ научился отличать мишуру и не разъ мнѣ говорилъ:

— Я всегда готовъ уйти. У меня на глазахъ былъ примѣръ К. П. Кауфмана, передававшего, какъ и почему его убрали изъ Вильны.

Въ управленіи держался строго опредѣленныхъ началъ, которыя могутъ быть сведены къ слѣдующей формулѣ: успѣхъ русскаго дѣла достижимъ, когда администрація будетъ держаться законности въ дѣйствіяхъ и при проведеніи въ жизнь культурно-экономическихъ началъ.

Доброта Троцкаго была большая; онъ готовъ былъ просить и хлопотать за людей даже мало знакомыхъ. Ему не разъ приходилось писать письма къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, особенно С. Ю. Витте, всегда съ глубокимъ вниманіемъ относившемуся къ его просьбамъ. Помощь оказывалъ онъ и изъ экстраординарныхъ суммъ, но разумно: давалъ на образованіе и затѣмъ на предпріятія русскаго характера (братства, церкви, благотворительныя общества и пр.).

Виталій Николаевичъ былъ цѣльный характеръ, выработанный въ суровой школѣ стараго корпуса, а затѣмъ жизнь, проведенная въ провинціи, гдѣ гораздо легче прослѣдить достоинство и недостатки каждаго, развила въ немъ осторожность, наблюдательность и распознаваніе людей, и ту простоту въ обращеніи, которая плѣняла всѣхъ сталкивавшихся съ нимъ. Онъ былъ одинаковъ и съ высшими и съ низшими.

Отвѣтственная работа, добросовѣстное отношеніе къ исполненію лежащихъ обязательствъ подорвала крѣпкій организмъ Виталія Николаевича. Не думалось, что смерть такъ близка, когда онъ въ апрѣлѣ 1901 г. поѣхалъ дѣлать смотръ войскъ въ Сувалкскую и осмотрѣть учрежденія въ Гродненской губерніи. Онъ—неутомимый, жаловался на какую-то усталость. По возвращеніи въ Вильну, онъ заболѣлъ, а 9-го мая умеръ этотъ умный, спокойный, доброжелательный и полезный государственный дѣятель.

В. Т. Судейкинъ.

## Замѣчаніе Сенату.

*Высочайшій указъ министру юстиціи.*

29-го іюля 1821 г.

«Усмотрѣвъ изъ доклада вашего о происшедшихъ въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената безпорядкахъ, по дѣлу о бывшемъ вице-губернаторѣ Крыжановскомъ, что нѣкоторые сенаторы дозволяютъ себѣ въ мнѣніяхъ своихъ оговаривать предложенія оберъ-прокуроровъ и министра юстиціи тогда, когда судьямъ закономъ воспрещено и между собою заходить другъ противъ друга въ недѣльные голоса, Я поручаю вамъ объявить сенаторамъ Мою волю, что если Я желаю, чтобы они при рѣшеніи дѣлъ излагали свои мнѣнія свободно, не стѣняясь ничѣмъ и основывая сужденія свои единственно на существѣ дѣла и на прямомъ разумѣ законовъ, то не могу допустить, чтобы они оговаривали предложенія оберъ-прокуроровъ и министра юстиціи. Таковыя дѣйствія, не имѣя никакой существенной цѣли, противны порядку и не вмѣстны съ достоинствомъ верховнаго судилища, а потому каждый сенаторъ, по выслушаніи дѣла, изложивши свое мнѣніе, когда при несогласіи оберъ-прокурора, или министра юстиціи, дано будетъ предложеніе,—обязанъ объявить только, что онъ согласенъ съ тѣмъ предложеніемъ, или остается при своемъ мнѣніи. — Дѣло же о Крыжановскомъ перевести къ разсмотрѣнію въ Общее Собраніе Правительствующаго Сената Санктпетербургскихъ Департаментовъ и рѣшить тамъ безъ очереди и немедленно».





## Пять писемъ И. А. Аксакова къ К. Θ. Головину <sup>1)</sup>.

1.

17-го января 1884 г. Москва.

Я одалъ ваше первое «письмо» <sup>2)</sup> въ типографію, съ тѣмъ, чтобы уже въ корректурѣ сдѣлать мои исправленія и примѣчанія, и въ этомъ видѣ послать корректуру къ вамъ, такъ какъ Д. И. Воейковъ <sup>3)</sup> извѣстилъ меня, что вы желаете ее видѣть. Думаю, что первое письмо сообразить удобно: вы два раза возвращаетесь къ оцѣнкѣ и анализу писателей, изъ коихъ о нѣкоторыхъ, право, достаточно упомянуть и одинъ разъ. Мнѣ казалось бы также, что нужно бы ограничиться суммарною оцѣнкою, не входя въ подробности произведенія. Иное дѣло, еслибъ вы передавали вполнѣ содержаніе романа и, такъ сказать, знакомили съ нимъ незнакомаго читателя. Это имѣло бы свое значеніе и на будущій разъ, при разборѣ текущей литературы это, можетъ быть, полезно было бы и сдѣлать: это избавляетъ читателя отъ труда читать самому плохое произведеніе,—возбуждая въ то же время желаніе съ произведеніемъ хорошимъ познакомиться лично и поближе. Но вы въ вашемъ письмѣ содержанія не передаете, а предполагая въ читателѣ полное знакомство съ произведеніемъ, говорите, такъ сказать, намеками, упоминаете о частностяхъ мало понятныхъ тому, кто сочиненія

<sup>1)</sup> Печатаемыя здѣсь письма И. А. Аксакова къ Константину Федоровичу Головину, съ которыми онъ никогда не встрѣчался, были вызваны тѣмъ, что послѣдній въ 1884 году велъ въ журналѣ „Русь“ литературно-критическій отдѣлъ. Потомъ за отъѣздомъ К. Головина за границу сотрудничество его въ „Руси“ прекратилось. Ред.

<sup>2)</sup> Критическія статьи К. Θ. Головина печатались подъ заглавіемъ „Письма изъ Петербурга о современной литературѣ“.

<sup>3)</sup> Покойникъ Д. И. Воейковъ, братъ извѣстнаго ученаго А. И. Воейкова, послужилъ посредствующимъ звеномъ между И. А. Аксаковымъ и К. Θ. Головиннымъ, и переписка завязалась, благодаря ему.

самъ не читалъ. А таковыхъ—легіонъ. Я самъ, грѣшный человѣкъ, Гаршина никогда не читалъ, «народниковъ» не читаю вовсе—топнуть, но «Волжонскую барышню» Эртеля прочелъ случайно, двѣ части. «Найденыша» <sup>1)</sup> прочли пока очень не многіе (я не читалъ).

Возводить «Гуттаперчеваго мальчика» и «Клару и Миличъ» <sup>2)</sup> въ «жемчужины»—охъ! не слишкомъ ли это много? Это бездѣлушки работы мастера. Но въ первой есть при томъ нѣчто пронзительно фальшивое, диссонансъ съ точки зрѣнія искусства. Въ Тургеневской «Пѣсни торжествующей любви» есть также что-то противное въ томъ, что женщина нравственная, добродѣтельная, любящая мужа, подвергается противъ воли и безъ сознанія изнасилованію (*c'est le mot*), и дѣлается беременною,—и это называется «торжествомъ любви!» Еще проще можно было бы дать усыпительный порошокъ!.. Въ «Кларѣ Миличъ» фантастическое въ томъ, что умершая сходитъ и совершаетъ соитіе съ влюбленнымъ. Все это въ сущности очень грубо, хотя и въ золотой оправѣ.

Мнѣ кажется, вы вообще мало принимаете во вниманіе дѣйствительно переходное состояніе нашего общества, и именно послѣ соціальнаго переворота 19-го февраля 1861 г. и другихъ реформъ. Старый быть потрясенъ, новый еще не сложился. Типы не успѣваютъ образоваться и слагаться: только-что вы занесли на него руку,—глядь! онъ уже измѣнился,—отчего и происходитъ, что быто-описательный романъ нашихъ дней похожъ на полицейскую реляцію и также кратковѣченъ. Таковы романы Маркевича и К<sup>о</sup> со всѣми ихъ нигилистами. У Достоевскаго, по крайней мѣрѣ, это психологическій этюдъ.—Новые элементы вторгаются въ общество, и именно честолюбивый элементъ разночиннический,—это отражается и въ литературѣ,—это та соціальная борьба, при которой искусство не въ авантажѣ.

Мнѣ кажется также, вы слишкомъ много даете значенія французскому роману и отождествляете съ его судьбой судьбу русскаго реализма. У насъ онъ имѣетъ совсѣмъ самостоятельное бытіе. Съ конца 40-хъ годовъ французское вліяніе въ искусствѣ у насъ почти совсѣмъ исчезаетъ. Вы не упоминаете о Гоголѣ, рѣзкою гранью раздѣлившемъ въ литературѣ двѣ эпохи, и внесшемъ къ намъ потребность правды въ искусствѣ, той правды, потребность въ которой имѣецъ не ощущаетъ и до сихъ поръ,—но которая понятна соотечественникамъ Шекспира, Диккенса и Теккерея... Конечно, правда въ искусствѣ это не одно и

<sup>1)</sup> Неоконченный романъ графа Е. А. Салиаса, по первымъ своимъ главамъ обѣщавшій стать выдающимся произведеніемъ.

<sup>2)</sup> Гуттаперчевый мальчикъ—повѣсть Григоровича, напечатана въ „Нивѣ“, а Клара Миличъ—послѣдняя повѣсть Тургенева, появившаяся въ „Вѣсти. Евр.“ въ самый годъ смерти автора.



то же, что грубый реализмъ нашихъ дней, особенно реализмъ французскій. Истинный реализмъ не мыслимъ безъ идеалистической подкладки. Затѣмъ вы не принимаете въ соображеніе историческую роковую законность отрицательнаго направленія въ интеллигенціи нашего отечества. Наша литература начинается сатирами Кантемира. Это именно потому, что положительно-реальными идеалами мы бѣдны, а отрицать есть что: фальшь нашей культуры, фасадность нашего существованія, тепличность нашего развитія, отчужденность нашего просвѣщенія отъ національной основы. Мы въ поискахъ за самими собою. У насъ искривлено самое орудіе сознанія.

Письма ваши не только умны, но и остроумны, и я охотно даю имъ мѣсто, но сожалею только, что они поверхностны, какъ будто не замѣчаютъ болѣе глубокихъ, историческихъ мѣстныхъ причинъ, обуславливающихъ ходъ нашей литературы. Высшее произведеніе искусства общечеловѣчно, но оно всегда есть созданіе національнаго гения. Шекспиръ—прежде всего англичанинъ, Гёте—нѣмецъ. А намъ необходима еще эмансипація національнаго духа... По вашимъ же письмамъ судя, выходитъ, будто мы находимся въ совершенно нормальномъ состояніи, и все обстоитъ благополучно въ нашемъ внутреннемъ народномъ духовномъ мірѣ. Простите за откровенность, васъ глубокоуважающій Ив. Аксаковъ.

## 2.

20-го января 1884 г.

Посылаю вамъ, многоуважаемый Константинъ Фёдоровичъ, корректуру съ моими сокращеніями и измѣненіями, а на всякій случай и оригиналъ. Если вы, какъ мнѣ сдается, не согласитесь на такое искаженіе вашего подлинника, то дайте мнѣ знать, я тогда возвращу и второе письмо. Предметъ—литература—отраженіе общественной мысли, направленіе умовъ и сердецъ величайшей важности, соприкасается съ существеннѣйшими убѣжденіями редакціи, а мнѣ кажется, вы его трактуете слишкомъ поверхностно и не объясняете надлежащимъ образомъ причину разлада литературнаго оркестра. Этотъ разладъ имѣетъ свой законный *raison d'être*, и именно въ русской жизни, которой весь строй не нормаленъ. Вашъ Ив. Аксаковъ.

## 3.

30-го января 1884 г.

Ваша статья въ томъ видѣ, въ какомъ вы ее видѣли, но съ возстановленіемъ строкъ (возстановленіе которыхъ вы желали, хотя съ очень небольшимъ сокращеніемъ)—тискается въ составѣ всего № 3 и къ 1-му февралю выйдетъ. Я, признаться сказать, не ожидалъ вашего

согласія на мои измѣненія и сокращенія,—этимъ и объясняется мое письмо, которое, повидимому, васъ смутило. Я сдалъ теперь набирать ваше второе письмо, которое въ корректурѣ со своими замѣчаніями также пришло вамъ. Вопросъ о литературѣ и литературныхъ направленіяхъ—это вѣдь не то, что вопросъ о золотой рентѣ, или о достоинствѣ картинъ Верещагина, или Маковского. Тутъ (т. е. въ области литературныхъ направленій) вопросъ соприкасается съ вопросомъ о существеннѣйшихъ принципахъ, и согласитесь—тутъ не можетъ редакція предоставить сотруднику полную свободу. Если сотрудникъ станетъ, напримѣръ, отрицать христіанство, а я его признаю, зачѣмъ же я своимъ изданіемъ буду служить его отрицательной проповѣди? Такова отчасти и область литературной критики. Публика не станетъ говорить: «К. Θ. Головинъ то-то утверждаетъ», а скажетъ: «критикъ газеты или «Русь» проводить такую-то мысль, утверждаетъ то-то»... Этимъ я только хочу объяснить вамъ мою ревнивость, какъ редактора, къ чистотѣ и опредѣленности направленія моего изданія въ существеннѣйшихъ вопросахъ. Надѣюсь, впрочемъ, что у насъ до такого разлада не дойдетъ.

Я не полагаю, чтобы было удобно напирать на происхожденіе авторовъ и указывать, что они-де разночинцы. Это можно лишь въ такомъ случаѣ, когда они сами становятся на сословную точку зрѣнія... Вѣдь и отецъ русской литературы—Ломоносовъ, былъ мужикъ, а не дворянинъ. Объяснять тенденціозность въ искусствѣ только этимъ—не вѣрно. Позвольте замѣтить вамъ это по опыту, и потому, что я видѣлъ и пережилъ.

Отрицательное направленіе взяло верхъ и должно было взять, по недостатку, по бѣдности положительныхъ идеаловъ въ самомъ русскомъ обществѣ, въ русской жизни... Вѣдь въ наше время языческое отношеніе къ искусству не возможно.

Da mals war nichts heilig als das Schöne, но вѣдь для грека Schön былъ и плутъ Одиссей («хитроумный»), и многое такое, что со временемъ человекъ назоветъ гнуснымъ порокомъ. Въ мірѣ христіанскомъ искусство уже не можетъ быть тою «свѣтлою классическою богинею», о которой вы говорите въ концѣ втораго письма. Данъ идеалъ нравственный, вѣчно достигаемый, но не достижимый, и человечество не успокоится въ вѣчномъ стремленіи, конечно:

Meine Ruh' ist hin!

Вашъ Ив. Аксаковъ.

4.

5-го февраля 1884 г.

Посылаю вамъ, многоуважаемый Константинъ Ѳеодоровичъ, корректуру, прошу васъ, въ случаѣ согласія на мои измѣненія и мои редак-

торскія примѣчанія, немедленно мнѣ ее возвратить. Измѣненій въ сущности очень мало... Бросать людямъ въ глаза слово «разночинецъ» какъ бы въ укоръ я признаю неудобнымъ, да и несправедливымъ, хотя и не отрицаю разночинническихъ вождедѣній, въ сущности фальшивыхъ, такъ какъ дворянство теперь въ жизни не подаетъ къ нимъ повода. Но то, что теперь,—не то, что было встарь, и что я самъ еще помню изъ временъ моего дѣтства. Вашъ Ив. Аксаковъ.

5.

2-го марта 1884 г. Москва.

Многоуважаемый Константинъ Федоровичъ.

Думаю, что вы даже не удивились отсутствію въ 5 № вашей статьи. Я и получилъ ее сравнительно поздно, да и она столь объемиста, что не только о помѣщеніи ея въ 5 № нечего было и думать, но и самое чтеніе ея должно было отложить. Я и прочелъ ее лишь выпускная №. Я затрудняюсь помѣстить ее въ этомъ видѣ. Почти двѣ-трети ея посвящены Тургеневу,—первая треть трактуетъ о промазведеніяхъ, вовсе не стоящихъ упоминанія и которыя слѣдуетъ «замолчать», какъ теперь стали выражаться. Но остальные двѣ-трети хотя и толкуютъ только о Тургеневѣ, однако же не представляютъ какого-либо спеціальнаго критическаго о немъ этюда, а носятъ какой-то случайный характеръ.

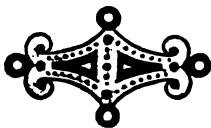
Вы втянулись въ полемику съ Григорьевымъ. Говоря откровенно, эта полемическая часть довольно слаба. Мало того, вашъ конецъ вовсе не сходится съ началомъ. По поводу полемики о Тургеневѣ вы начинаете за здравіе и сводите за упокой. Эта зауспокойная часть самая лучшая и самая вѣрная, на мой взглядъ, во всей вашей статьѣ, и такъ какъ она есть финальный аккордъ, то этотъ аккордъ мигомъ заглушаетъ всѣ ваши предшествовавшія защитительныя мелодіи и варіаціи на тему о великомъ и необыкновенномъ значеніи Тургенева, какъ художника. Это великое и необычайное значеніе, иначе—художественная стихія въ Тургеневѣ обречена была узкости и ограниченію вслѣдствіе его личнаго отрицательнаго отношенія къ Россіи. Человѣкъ, которымъ вы его характеризуете въ концѣ вашей статьи, не способенъ былъ глубоко пахать въ русской почвѣ. Ему доступны были по преимуществу явленія русскаго общества, именно того, которое само есть постоянно образующееся или преходящее историческое явленіе русской жизни и само чуждо родной землѣ.

Поэтому типы Тургенева дѣйствительно схвачены мѣтко, но, какъ говоритъ Григорьевъ, души въ нихъ нѣтъ, но не по винѣ Тургенева,

а потому, что типы эти не индивидуальны. Базаровъ—типъ общественной аномаліи, имѣющій свое историческое *raison d'être*, но черезъ 25 лѣтъ имѣющій стать почти совсѣмъ непонятнымъ. Если бы однако-же Тургеневъ не былъ своего рода узкій доктринеръ, западникъ, для котораго Россія только сфинксъ и пр., то онъ могъ бы этотъ же самый типъ захватить глубже, или, какъ Достоевскій, показать тотъ процессъ искаженія, которому подвергается живая индивидуальная душа въ тискахъ напяленного ею на себя типа нигилиста или иного типа общественного характера.

Что касается вообще до отрицательности и положительности въ искусствѣ, то послѣдняя ужъ никакъ не выражается ни Штольцомъ, ни Троекуровымъ. Эти Штольцы и Троекуровы не многимъ лучше фонъ-Визинскаго Стародумова или Здравомыслова. Положительныхъ типовъ въ жизни русскаго общества почти и не существуетъ. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, чтобъ въ душѣ самого автора были положительные идеалы. Хоть бы идеалы только. А у русскаго западника-либерала таковыхъ по отношенію къ Россіи не имѣется. И потому Тургеневъ поражаетъ бѣдностью идеаловъ. Религія ему совершенно чужда, всѣ принципы нравственности низведены на степень неосмысленныхъ побужденій (*Triebe*),—въ міровое призваніе Россіи онъ не вѣритъ, все его *credo* крайне тоще, мысли творческой въ немъ не было, горизонты тѣсны; въ своей родной странѣ онъ не видалъ даже того, что открыто глазу француза де-Вогюэ, котораго рассказы въ переводѣ, помѣщенномъ въ «Руси», вамъ рекомендую.

Итакъ въ вашей статьѣ о Тургеневѣ я сочувствую только финалу и финалу готовъ дать мѣсто, но отдѣлить его трудно. Вотъ почему я и возвращаю вамъ ваши тетради. Этотъ мой поступокъ, надѣюсь, не лишитъ меня вашего сотрудничества на будущее время. Я слышалъ, что вы уѣзжаете за границу. Чужіе края подлежатъ русской ре-визіи, ея до сихъ поръ не было. Вашъ Ив. Аксаковъ.





## Записки Н. Г. Залтисова.

### IV ').

Холера 1848 года. — Исчезновение начальства. — Майдель и Содальскій. —  
Служба во время холеры.

Весна 1848 года началась рано, и сразу пошли жары, если не ошибаюсь, уже въ маѣ мѣсяцѣ достигавшіе 30°. Духота въ стѣнахъ крѣпости была неимоверная, но мы ходили и учились, затянутые въ сукно и съ неизмѣнной каской на головѣ, о другомъ костюмѣ и думать было нечего, такъ какъ тогда малѣйшее отступленіе отъ формы влекло жестокое наказаніе. Такъ жили мы потихоньку, когда начали доходить до Оренбурга неясные слухи о появленіи въ Россіи холеры, говорю неясные по той причинѣ, что въ то благословенное время единственными органами печати для насъ служили «Русскій Инвалидъ» и «Сѣверная Пчела», сообщавшія самыя краткія новости и часто безъ точнаго указанія мѣста дѣйствія, но и эти печальныя газеты доходили въ Оренбургъ черезъ 16 дней по выходѣ, а весной въ распутицу черезъ мѣсяцъ и болѣе.

Въ настоящее время эпидемія въ родѣ холеры утратили уже отчасти свой острый характеръ, и паника, производимая ими, далеко не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какъ бывало въ старые годы. Железныя дороги, телеграфы задолго еще до появленія болѣзни въ извѣстномъ мѣстѣ

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

успѣютъ не только познакомить жителей съ ея характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и даютъ имъ время свыкнуться съ мыслью о приближающейся опасности, а слѣдовательно и встрѣтить ее съ бѣльшимъ хладнокровіемъ; наконецъ, сама медицина, все болѣе и болѣе знакомясь съ эпидеміями, не терается уже, какъ прежде, при появленіи болѣзни, и почти сразу принимаетъ радикальныя противу нея мѣры. Не то было въ 1848 г., когда эпидемія упала среди какого-нибудь населенія, какъ снѣгъ на голову и когда многіе медики не только не оказывали надлежащей помощи страждущимъ, но нерѣдко сами прятались отъ болѣзни, не зная, какъ справиться съ нею.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ мысль о близкой опасности намъ вовсе не приходила въ голову, когда разъ въ концѣ мая или началѣ іюня, не помню хорошенько, принесли мнѣ приказъ немедленно явиться въ казармы, гдѣ я узналъ, что баталіонъ чрезъ полчаса выступаетъ въ лагерь за 3 версты отъ города, въ бараки бывшаго Уфимскаго казачьяго полка, на Маячной горѣ; причиной такого спѣшнаго выхода была появившаяся въ городѣ холера. Черезъ полчаса мы дѣйствительно выступили въ томъ, въ чемъ были; баталіонъ шелъ какъ-то разбродѣ, начальство казалось растеряннымъ, на улицахъ встрѣчались вытянутыя лица—словомъ, ясно было, что холера застала всѣхъ врасполохъ и всѣ сразу перепугались. Придя въ лагерь, мы вступили въ деревянные старые бараки, которые не были даже порядочно отремонтированы, и потому часть солдатъ должна была расположиться на землѣ, а мы, молодые офицеры, вовсе не получали помѣщенія, проведя первую ночь безъ ѣды и сна, и только спустя сутки навяли на собственный счетъ у киргизъ кибитки, въ которыхъ и расположились по нѣскольку человѣкъ. На другой день прихода насъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вывели въ 6 часовъ утра на шереножное ученіе. Солнце пекло уже сильно, и мы принялись за ружейныя приемы, когда вдругъ стала разыгрываться эпидемія между солдатами. То въ той, то въ другой шеренгѣ почти внезапно блѣднѣлъ человѣкъ, черезъ минуту ружье валялось изъ рукъ, и затѣмъ онъ падалъ въ страшныхъ конвульсіяхъ съ почернѣвшимъ уже лицомъ. Эти первыя жертвы холеры были поражены ею такъ сильно, что ихъ едва успѣвали доносить до барачныхъ, какъ они умирали. Ученіе принуждены были прервать и донесли объ этомъ начальству, которому однако же до такой степени было тяжело помириться съ мыслью о совершенномъ отдыхѣ войскъ, что только на третій день, когда число жертвъ холеры страшно увеличилось—разрѣшено прекратить всѣ строевыя занятія.

Баталіоны, находясь въ лагерѣ, и безъ ученій несли тяжелую службу. При жарѣ, достигавшей 40 и болѣе градусовъ, помѣщаясь на горѣ, лишенной всякой зелени и тѣни, вдали отъ воды, войска должны

были черезъ двое сутокъ, а иногда и черезъ одинъ, ходить въ городъ для карауловъ, что составляло взадъ и впередъ около 7 верстъ, а на мѣнновомъ дворѣ—до 10, конвоировать арестантовъ, назначавшихся для рытья могилъ, и помогать лазаретной прислугѣ при уходѣ за больными и уборкѣ мертвыхъ.

Къ концу іюня эпидемія достигла ужасающихъ размѣровъ. Не только военный госпиталь на 300 человекъ, градскія больницы, но и большая часть огромнаго зданія караванъ-сарая, отведеннаго подъ заболѣвающихъ, были переполнены холерными. Кроватей, бѣлья и другихъ госпитальныхъ вещей на такое число, разумѣется, взять было неоткуда, и потому большая часть страждущихъ валялась на полу, въ корридорахъ, сѣняхъ, сараяхъ, въ той одеждѣ, въ которой была доставлена въ госпиталь, а какъ одежда эта мгновенно пачкалась и перемѣнить ее было нечѣмъ, то больной даже съ легкими приступами холеры, въ самомъ скоромъ времени, переходилъ въ безнадежное состояніе. Вообще на удавленіе нечистоты и освѣженіе воздуха не было средствъ.

Съ развитіемъ холеры Оренбургъ постигли и другія несчастія; исчезло вдругъ высшее начальство, сократились доктора, пропало духовенство. Корпусный командиръ повезъ свое семейство въ лѣтнюю свою резиденцію, на такъ называемую кочевку въ Башкирію за 120 верстъ отъ города, откуда, кажется, ѣздили еще въ Уфу, и потому первое время, холеры его въ Оренбургѣ не было; начальникъ дивизіи отправился инспектировать инвалидныя команды, заболѣлъ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ обыкновенною болѣзнію и вызвалъ къ себѣ на смѣну бригаднаго командира, что при тогдашнихъ сообщеніяхъ заняло много времени. Единственный человекъ, начавшій было энергически распоряжаться въ городѣ, комендантъ генералъ Лифляндскъ, заболѣлъ самъ холерой и вскорѣ умеръ; отъ той же болѣзни скончался и директоръ Неплюевского корпуса И. М. Марковъ, въ холерѣ же лежалъ нашъ баталіонный командиръ майоръ Лепехинъ.

Въ разгарѣ болѣзни, докторовъ не было возможности дозваться, горожане положительно были брошены на волю Божию и лѣчились одними домашними средствами, изъ коихъ главное составляла перцовка. Часть военныхъ медиковъ сразу отправилась на тотъ свѣтъ, другіе же до такой степени были обременены военными больными, что о частной практикѣ не могли и думать; были однако же и такіе, у которыхъ своихъ пациентовъ было не много, но они все-таки къ постороннимъ ни за что не ѣхали и даже сами рапортовались больными. Гражданскіе врачи тоже исчезли, и только какъ единственное отрадное исключеніе изъ всего докторскаго персонала Оренбурга составлялъ молодой гражданскій врачъ, прозванный населеніемъ Ангеломъ-хранителемъ,—докторъ Майдель. Онъ день и ночь разъѣзжалъ по больнымъ, не отказывая просьбъ

даже самого послѣдняго бѣдняка, и сплошь лѣчили недостаточныхъ людей на собственный счетъ. Истомленіе доходило до такой степени, что, прописавъ рецептъ въ одномъ мѣстѣ, онъ тутъ же засыпалъ на нѣсколько секундъ, пока его не будили крики посыльныхъ, сѣдовавшихъ за нимъ изъ дома въ домъ, чтобы позвать къ другимъ страдальцамъ.

Одновременно съ докторами какъ бы скрылось и духовенство. Какой процентъ дѣйствительной болѣзненности и смертности былъ между этими лицами, не знаю, но фактъ тотъ, что населеніе города въ самый разгаръ холеры было совершенно лишено возможности получить исповѣдь и причастіе. Къ счастью, и здѣсь явился второй Майдель—это 70 лѣтній протоіерей военнаго Петропавловскаго собора—Содальскій. Этотъ почтенный старецъ, не смотря на жаръ и свои лѣта, день и ночь развѣзжалъ со Святыми Дарами по больнымъ. Помнятся мнѣ и теперь длинныя, простыя дроги въ одну лошадь, на которыхъ развозили Содальскаго два солдата-причетника, держа его подъ руки; помню его кроткое, въ высшей степени красивое для старика лицо и его развѣвающіеся сѣдые волосы, такъ какъ онъ, везя Св. Дары, изъ почтенія къ нимъ или за суетою забывалъ надѣвать шляпу. Истомленіе отца Содальскаго доходило еще до большей степени, чѣмъ Майделя: старикъ дремалъ, когда его везли, а входя въ домъ, просилъ окочивать себя холодной водой и, только освѣжившись, принимался за послѣднее напутствіе. Сколько знаю, подвиги этихъ лицъ, особенно Содальскаго, не обратили вниманія начальства; дѣйствія ихъ даже не проникли въ тогдашнюю печать, но благодарность оставшихся живыми горожанъ, которымъ они подали помощь, существуетъ въ сердцахъ ихъ, какъ мнѣ извѣстно, до сихъ поръ и конечно сойдетъ съ ними въ могилу.

Я говорилъ уже, что мы жили въ лагерѣ по 3, 4 человѣка въ кибиткѣ. Не смотря на всѣ ужасы холеры, молодость брала свое, и мы постоянно находились въ веселомъ настроеніи духа, что конечно лучше всего спасало отъ страшной болѣзни, тѣмъ болѣе, что мы не принимали никакихъ предохранительныхъ мѣръ и только въ воду для питья подбавляли краснаго вина.

Служба въ лагерѣ день отъ дня становилась труднѣе, ибо численность наша, за смертью и болѣзнью нѣсколькихъ старыхъ офицеровъ, уменьшилась. Обыкновенно въ 6 часовъ утра мы выступали изъ лагеря въ полной парадной формѣ въ городской караулъ; съ приближеніемъ къ госпиталю и караванъ-сарая воздухъ становился все тяжелѣе, а со входомъ въ крѣпость мы попадали въ какую-то въ высшей степени удушливую, разгоряченную атмосферу. Городъ представлялъ совершенную пустыню; не только все, что могло уѣхать вдаль, исчезло, но даже лица, не имѣвшія права по служебнымъ обязанностямъ отлучаться, и тѣ, пользуясь общимъ разстройствомъ высшей администраціи, разбре-



лись по соедѣнимъ деревьямъ и хуторамъ. На уликахъ—никого, кромѣ посыльныхъ съ лѣкарствами или людей служащихъ; ставни въ домахъ закрыты во избѣжаніе жара, а въ нѣкоторыхъ и отъ поголовной смерти хозяевъ и прислуги; кое-гдѣ на тротуарахъ встрѣтятся валяющіеся въ судорогахъ холеры прохожіе, котораго некому прибрать и отъ котораго сторонятся всѣ здоровые люди. Наконецъ, достигаешь гауптвахты и вступаешь въ караулъ; солнце начинаетъ припекать немилосердно; часовые валятся и безпрерывно приходится ихъ смѣнять, а тутъ еще какъ нарочно захваченные на улицѣ холерою прохожіе кое-какъ доползаютъ до той же гауптвахты и Бога-ради просятъ отправить ихъ на квартиры или въ госпиталь. Часамъ къ 8 вечера выйдешь на платформу посидѣть на воздухѣ. Проходящихъ является болѣе, но отъ нихъ не легче; то и дѣло слышишь, что заболѣлъ такой-то, умеръ такой-то, нѣтъ возможности поймать ни одного доктора, мертвые по суткамъ и болѣе валяются неприбранными, некому дѣлать гробовъ, нѣтъ лошадей, чтобы отвозить умершихъ и т. д.

Стоять однако же на главной гауптвахтѣ и у Сакмарскаго вѣзда было еще сносно; офицерскія комнаты были прохладны, находясь въ подвальномъ этажѣ, и при томъ эти караулы отстояли сравнительно недалеко отъ госпиталей.

Не то было, когда доставалось идти на мѣновой дворъ или въ тюремный замокъ.

При назначеніи на эти посты офицеры обыкновенно прощались, какъ передъ смертью, съ караульнымъ начальникомъ, въ виду весьма слабой надежды увидеть его на другой день. До мѣноваго двора приходилось дѣлать отъ лагеря до 5 верстъ въ одинъ конецъ; до обѣда тамъ еще бывали таможенные чиновники и кое-какой народъ, хотя по случаю холеры торговля почти вовсе прекратилась, но съ трехъ часовъ дворъ этотъ представлялъ совершенную пустыню и въ немъ оставались только сторожа и караульные. Заболѣвшіе холерой конечно не могли здѣсь рассчитывать на какую-либо помощь; отвезти ихъ въ госпиталь было не на чемъ, и проходили сутки и болѣе прежде, чѣмъ прискивалась подвода, чтобы отправить страдальца. При такой обстановкѣ на офицера и караульных находила какая-то тоска, особенно съ наступленіемъ ночи, когда запирались ворота, и если бы не протяжные крики «с л у ш а й» часовыхъ на бастіонахъ, то мѣновой дворъ смѣло можно было принять за мертвый домъ. Сюда рѣдко ѣздили дежурные по карауламъ, а с рундахъ мы и не слыхали, такъ что не съ кѣмъ было даже вѣсть послать въ городъ, если бы случилось заболѣть; но еще ужаснѣе считалось назначеніе въ городской тюремной замокъ, оправданіемъ чего можетъ служить подробное описаніе, какъ проводился здѣсь караульный день и что встрѣчали офицеры въ продолженіе

почти мѣсяца, когда свирѣпствовала особенно сильная холера въ городѣ.

Оренбургскій тюремный замокъ въ то время состоялъ изъ каменнаго съ высокими стѣнами 4-хъ-угольнаго зданія, внутренность котораго дѣлилась особою стѣною на двѣ неровныя половины. Въ одной большой было расположено 9 или 10 казематовъ для русскихъ арестантовъ, мужчинъ и женщинъ, въ другой же, меньшей, помѣщались казематы для киргизъ. Въ русской половинѣ имѣлся посреди небольшой дворъ,—въ азіатской же никакой площадки не было. Лицевая сторона замка была двухъ-этажная: внизу находились комнаты для караула и офицера, а вверху помѣщался лазаретъ и квартира смотрителя. Весьма понятно, что если въ настоящее время наши тюрьмы представляютъ грязь и заразу, то въ 1848 году онѣ отличались такою тѣснотою, смрадомъ и безобразіемъ, что непривыкшій человѣкъ конечно могъ задохнуться, войдя въ любой изъ казематовъ, особенно каторжныхъ арестантовъ, которые тутъ же и испражнялись. Число заключенныхъ нисколько не сообразовалось съ помѣстительностью зданія, мытье бѣлья производилось тутъ же, между мужскою и женскою половинами и въ продолженіе дня не было никакого разобщенія.

Съ первыхъ дней холеры въ замкѣ открылась смертность, достигшая въпослѣдствіи ужасныхъ размѣровъ. Она однако же не очистила зданія, ибо на смѣну умершихъ непрерывно поступали новые живые субъекты и если при нормальномъ состояніи замокъ представлялъ заразу, то можно судить, что было тамъ въ холеру, при обильныхъ изверженіяхъ арестантовъ.

Вступивъ часовъ въ 7 или 8 утра въ караулъ, новый офицеръ приступалъ къ повѣркѣ заключенныхъ, для чего и входилъ внутрь замка на площадку, но первое, что ему представлялось—это были уложенныя рядкомъ на землѣ вдоль стѣнъ казематовъ тѣла умершихъ, такъ что каждый изъ насъ принималъ отъ стараго караульнаго офицера столько-то живыхъ и столько-то мертвыхъ арестантовъ, о чемъ и вносилось во всѣ рапорты. Тѣла эти не были обмыты, одежда не перемѣнена; лежали они съ искривленными и почернѣвшими лицами. Разложеніе труповъ шло самымъ быстрымъ образомъ, особенно на жгучемъ солнцѣ, новымъ смрадомъ они наполняли всю внутренность замка. Чтобы объяснить такую пріемку живыхъ и мертвыхъ, нужно припомнить, что хотя при замкѣ и былъ лазаретъ, но весьма небольшой, и потому онъ съ первыхъ же дней наполнился холерными, затѣмъ остальныхъ больныхъ слѣдовало отправлять въ госпиталь, но въ разгарѣ эпидеміи они всегда успѣвали умереть, прежде чѣмъ были исполнены всѣ обрядности, требовавшіяся для ихъ отправки, ибо тутъ распоряжались два разныхъ вѣдомства: ордонасъ-гаузъ и полиція. Главною, конечно, задержкою въ

вывозъ мертвыхъ изъ замка былъ недостатокъ лошадей въ градской полициѣ, на обязанности которой тогда лежала поставка повозокъ подъ заботѣвающихъ гражданскихъ арестантовъ. Сколько помню, при полициѣ состояли для этой цѣли особыя лошади, но потребность въ нихъ для разныхъ лицъ и надобностей въ городѣ до такой степени была велика, что считали небольшою бѣдой, если тѣло какого-нибудь негодяя повалится въ замкѣ нѣсколько лишнихъ дней. Напрасно мы жаловались дежурнымъ по карауламъ, а они доносили въ ордонансъ-гаузъ, но распоряжаться было некому. Комендантъ умеръ, плацъ-майоръ лежалъ больной, а высшаго строеваго начальства въ городѣ не было. Сосчитавъ живыхъ и мертвыхъ, офицеръ входилъ въ казематы, наполненные страшнымъ смрадомъ, для осмотра арестантскаго имущества, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли въ немъ ножей, подпалковъ и т. п. желѣзныхъ вещей, могущихъ служить для убійства или побѣга. Окончивъ эту процедуру, измученный морально, въ одеждѣ, пропитанной всѣми возможными миазмами, онъ отправлялся наконецъ въ свою комнату составлять начальству рапортъ о благополучномъ приѣмѣ, но и здѣсь не было покоя. Караульному начальнику приходилось непрерывно писать донесенія о болѣзни или смерти солдата или арестанта и заниматься ихъ отправкою, если на счастье присылалась откуда-нибудь лошадь; кромѣ того отдыху его мѣшала тогдашняя форма и приѣзды дежурнаго по карауламъ и плацъ-адъютантовъ, хотя эти господа во дворъ не входили, а посмотрѣвъ черезъ форточку внутрь замка и спросивъ, все ли благополучно, старались скорѣе удрать подальше. Вечеромъ бывало отправляешься опять считать заключенныхъ, осматривать ихъ и снова ведешь счетъ живымъ и мертвымъ, при чемъ часть живыхъ назначаетъ подъ особымъ конвоемъ на кладбище для рытья могилъ и похоронъ умершихъ въ госпиталѣхъ. Посылка преступниковъ въ темныя оренбургскія ночи для работъ за городъ дѣлалась тогда, какъ говорили, во избѣжаніе дурнаго вліянія на жителей отъ погребенія той массы умершихъ, какая свозилась по ночамъ на кладбище, но странно было хлопотать объ удаленіи дурныхъ впечатлѣній, когда въ то же время обезображенные трупы валялись зачастую на улицахъ города безъ всякой помощи или уборки. Вожденіе арестантовъ по ночамъ, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось катастрофой: однажды часть ихъ, воспользовавшись темнотою, сдѣлала побѣгъ, за что въ послѣдствіи конвойнаго унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ отдали подъ судъ и перваго разжаловали, а послѣднихъ прогнали сквозъ строй; за то преступниковъ, послѣ побѣга, стали уже посылать на кладбище днемъ.

Наконецъ, наряды окончены, казематы заперты, часовые на своихъ мѣстахъ, располагаешься въ караульной комнатѣ по-домашнему, такъ какъ извѣстно, что никто ночью не пріѣдетъ въ замокъ, да и пріѣхать

некому, хочешь отдохнуть какъ слѣдуетъ; не тутъ-то было. Едва задремлешь въ креслѣ, какъ старшій унтеръ-офицеръ толкаетъ въ плечо и говоритъ: «Ваше благородіе, такой-то рядовой заболѣлъ—отправки просятъ» или: «арестантъ умеръ въ казематѣ, вытащить надо»; если же нѣтъ заболѣвшихъ, то, въ свою очередь, шумъ и стукъ по лѣстницѣ въ лазаретѣ, которая проходила мимо самыхъ дверей караульной комнаты, все равно не дадутъ уснуть покойно. На этой лѣстницѣ шло постоянное тасканіе арестантовъ взадъ и впередъ... Вверхъ шли подъ конвоемъ вновь заболѣвшіе, если были тамъ мѣста; внизъ тащили умершихъ, при чемъ лазаретная прислуга, не смотря на приказаніе, спускала ихъ по просту, т. е. взявъ за голову или руку, волокла внизъ, при чемъ ноги трупа бились о каждую ступеньку. Такимъ образомъ, только дождавшись разсвѣта, вздремнешь немножко; часовъ съ шести начинаешь уже ждать съ нетерпѣніемъ смѣны и, обойдя съ новымъ караульнымъ офицеромъ всѣ казематы, торопишься поскорѣе въ лагерь.

Повѣряя свои впечатлѣнія, я долженъ откровенно сказать, что мнѣ случалось въ послѣдствіи дѣлать подъ жгучимъ солнцемъ въ сыпучихъ пескахъ безводные тяжелые походы, день и ночь ѣздить, не слѣзая съ коня, стоять подъ непріятельскимъ огнемъ, но ни откуда, рѣшительно, я не выходилъ съ такимъ нравственнымъ и физическимъ истомленіемъ, какъ послѣ сутокъ, проведенныхъ въ караулѣ въ Оренбургскомъ тюремномъ замкѣ, и только Богъ да молодость сохранили меня отъ эпидеміи.

Спустя недѣли двѣ по выходѣ въ лагерь, мнѣ вздумалось навѣстить нѣкоторыхъ городскихъ знакомыхъ и взглянуть на сестру. Какъ теперь помню, я побывалъ въ трехъ домахъ, но вездѣ неудачно: въ одномъ я засталъ лишь дѣтей—отца и мать унесла уже холера; два другихъ были наглухо забиты, и только какой-то прохожій объяснилъ мнѣ, что жильцы одного дома уѣхали въ деревню, а въ другомъ поголовно перемерли: и господа, и прислуга. Пришелъ къ сестрѣ. Ходъ къ ней велъ черезъ кухню, и при первомъ шагѣ въ домъ я наткнулся на страшную картину: положивъ голову на порогъ, распростертая на полу, съ запекшеюся пѣной у рта, валялась кухарка, женщина среднихъ лѣтъ. При моемъ проходѣ, она слабымъ движеніемъ руки показала на ротъ, я понялъ, что ее томить жажда, и принесъ ковшъ воды, положивъ туда изъ случившагося у меня пузырька штукъ 40 мятныхъ капель. Питье видимо освѣжило больную, она съ благодарностью посмотрѣла и закрыла глаза; въ послѣдствіи женщина эта выздоровѣла и положительнo считала меня своимъ спасителемъ. Изъ кухни дверь вела въ маленькую переднюю, гдѣ на широкой лавкѣ лежала блѣдная, истомленная горничная, дѣвушка лѣтъ 18, а въ слѣдующей комнатѣ къ закрытыми ставнями сидѣла и сама сестра.

Сестра и ея мужъ несказанно мнѣ обрадовались; за эти двѣ недѣли они страшно похудѣли, осунулись, жаловались на совершенное отсутствіе аппетита и передали, что уже дней десять, какъ питаются только однимъ чаемъ и не видятъ никого изъ постороннихъ, кромѣ сосѣдки-солдатки, приносящей имъ разъ въ день воду и хлѣбъ, и при этомъ, конечно, рассказывающей такіа страсти о холерѣ, что они едва не сошли съ ума. Изъ дальнѣйшихъ объясненій оказалось, что съ кухаркой была холера, но потомъ перешла въ какую-то другую болѣзнь, лишившую эту женщину силъ, что же касается горничной, то съ ней выпелъ весьма странный случай. Заболѣвъ сильной холерой, она, въ безнадѣжномъ состояніи, была отвезена въ караванъ-сарайскій госпиталь; ее свалили на полъ въ какомъ-то корридорѣ, гдѣ въ страшныхъ судорогахъ корчились уже десятки другихъ больныхъ; затѣмъ она лишилась чувствъ и не знаетъ, долго ли находилась въ такомъ состояніи; когда же очнулась, была ночь и страшная тишина; попробовала она приподняться, но ее давило что-то очень тяжелое, а рядомъ все было мокро. Дождавшись первыхъ лучей солнца, она съ ужасомъ увидѣла, что находится въ каменномъ сараѣ, и что съ одной стороны вплоть къ ней лежали полѣнницей покойники, а на нее положена мертвая старуха. Сбравъ всѣ силы, какія только можетъ придать отчаяніе, горничная кое-какъ вытѣзала изъ-подъ своей страшной ноши и ползкомъ дотащилась до выхода; утренній воздухъ освѣжилъ ее и придалъ силы, тогда она побрела къ городу; къ счастію, ее подсадилъ въ телѣгу проѣзжій крестьянинъ, гдѣ она опять лишилась чувствъ. Затѣмъ вѣроятно мужичекъ положилъ ее на тротуаръ, такъ какъ, придя въ себя, она очутилась на одной изъ близкихъ къ своему дому улицъ, откуда уже и приползла домой. Рассказъ горничной можно было принять за вполне достовѣрный, ибо во время сильнаго разгара эпидеміи такіе случаи бывали нерѣдко, и многихъ заболѣвшихъ послѣ сильнаго припадка холеры принимали за умершихъ и зачастую относили въ сарай для покойниковъ, чтобы очистить мѣсто новымъ пациентамъ. Утѣшивъ и ободривъ на сколько возможно сестру, я оставилъ ей пузырекъ съ мятными каплями и на прощанье обѣщалъ навѣщать каждую недѣлю, чѣмъ она осталась очень довольна.

## V.

Появленіе начальства.—Пожаръ.—Разборъ одежды.—Возвращеніе въ городъ.—  
Зимнія занятія офицеровъ.

Время шло, стало наконецъ появляться начальство, возвратился корпусный командиръ и поселился въ какомъ-то домикѣ въ зауральской

рощѣ; прїѣхалъ начальникъ дивизіи и занялъ двѣ комнаты вверху на дачѣ Шапошникова (нынѣ Короваева) вблизи нашего лагеря. Съ появленіемъ высшихъ лицъ, хотя и не въ городѣ, откуда-то стали выползать и второстепенные чины: показался плацъ-маіоръ, увидели мы и командира 2-го баталіона, подполковника Чигиря, занявшаго между дачей Шапошникова и нашимъ лагеремъ одинъ изъ офицерскихъ барачковъ казачьей артиллеріи. Между тѣмъ холера не переставала уносить жертвы, и въ одинъ прекрасный день я получилъ приказаніе вступить въ исправленіе должности баталіоннаго адъютанта и казначея и, слѣдовательно, носить ежедневно начальнику дивизіи рапортички о числѣ больныхъ и умершихъ въ баталіонѣ.

Замѣчательно, что въ то время, когда у насъ въ баталіонахъ свирѣпствовала холера, у стоящихъ рядомъ въ лагерѣ артиллеристовъ-казаковъ болѣзненность была весьма незначительна, а у кадетъ всего 3 или 4 умершихъ, что показываетъ, что и при хорошемъ довольствіи можно было значительно сберечь солдатъ, когда начальникъ заботился о хорошей пищѣ людей и поддержкѣ между ними бодрого духа и опрятности. Дѣйствительно, когда въ нашемъ лагерѣ царствовала грубая тишина, у сосѣдей казаковъ и кадетъ постоянно раздавались пѣсни, музыка, и несея веселый крикъ разныхъ игръ, которыми они занимались при всякомъ удобномъ случаѣ.

Къ бѣдствіямъ холеры присоединилась вскорѣ другая невзгода для бѣдныхъ жителей Оренбурга, вѣроятно по пословицѣ, что бѣда одна не приходитъ. Невыносимый жаръ, отсутствіе дождей, беспорядокъ въ хозяйствѣ и въ присмотрѣ за огнемъ въ особенности, причиненный въ каждомъ домѣ холерой—все это послужило къ появленію пожаровъ. Вскорѣ по возвращеніи корпуснаго командира, произошелъ довольно сильный пожаръ въ казачьемъ форштадтѣ, а какъ средства полиціи были ничтожны, жителей, по случаю холеры, явилось для тушенія мало, то вся надежда на прекращеніе огня сосредоточилась на войскахъ, которыя однако же прибыли весьма поздно, за что присутствовавшій на пожарѣ Обручевъ страшно разбранилъ военныхъ начальниковъ.

Прошло съ недѣлю, и разъ, часа въ четыре послѣ обѣда, мы увидѣли изъ лагеря сильный дымъ въ старой слободкѣ; не было сомнѣнія, что тамъ начинался большой пожаръ. Только лишь мы велѣли людямъ одѣваться, какъ прибѣжалъ ординарецъ съ приказаніемъ баталіонному адъютанту явиться немедленно къ начальнику дивизіи. Прицѣпивъ полусаблю, я бѣгомъ направился на дачу Шапошникова, гдѣ по какой-то боковой лѣсенкѣ взобрался на мезонинъ, но, войдя въ пріемную, невольно остановился. По комнатѣ изъ угла въ уголъ, расхаживалъ или, лучше сказать, бѣгалъ начальникъ дивизіи, въ одномъ бѣлѣ съ страшно

встревоженнымъ лицомъ; тутъ же, прижавшись къ стѣнѣ, стоялъ лакей, держа въ рукахъ генеральское платье.

— Горить?—подкошилъ ко мнѣ съ вопросомъ генералъ, страшно вращая глазами.

— Горить, ваше превосходительство.

— Горить, горить,—передразнилъ меня начальникъ дивизіи, сдѣлавъ гримасу. И безъ тебя знаю, что горить, а люди посланы?

— Сейчасъ собираются.

— Какъ собираются, что же ты смотрѣлъ? И генералъ чуть не съ кулаками налетѣлъ на меня. Баталіонный командиръ боленъ, а ты спишь, да я тебя вонъ выгоню, въ солдаты разжалую!—кричалъ онъ въ изступленіи съ пѣной у рта и потомъ, точно вспомнивъ что-то, бросился въ другую комнату. Черезъ мгновеніе онъ летѣлъ уже назадъ, бормоча: Боже, Боже мой, какъ горить, а людей нѣтъ. Что скажетъ корпусный командиръ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ изнеможеніи, опустился на диванъ.

Прошла минута, и генералъ, схвативъ себя за волосы, крикнулъ лакею: «Давай одѣваться, я самъ пойду, самъ», но едва онъ успѣлъ надѣть шаровары, какъ весь пылъ его прошелъ,—онъ заговорилъ слабымъ голосомъ: «нѣтъ, рѣшительно не могу, я боленъ... докторъ запретилъ», и потомъ, обратясь ко мнѣ, добавилъ съ ласкою: «ты видишь... я не въ состояніи, бѣги къ подполковнику Чигирю и скажи, что я нездоровъ». Уходя, я еще слышалъ голосъ генерала, повторявшаго: «Боже мой, какъ горить-то»...

Здѣсь въ первый разъ мнѣ удалось видѣть, какъ человѣкъ, неоднократно отличавшійся въ сраженіяхъ, можетъ растеряться и даже струсить, попавъ между двухъ огней, при другой обстановкѣ жизни. Всѣ мы знали, что болѣзнь генерала, если она только существовала, насколько не мѣшала ему выѣзжать и была самая обыкновенная, но также хорошо было всѣмъ извѣстно, что онъ очень боялся заразительности холеры и, наравнѣ съ нею, корпуснаго командира. Очутясь такимъ образомъ между холерою и Обручевымъ, онъ не зналъ, что дѣлать, пока наконецъ любовь къ жизни не пересилила боязни грознаго начальника.

На обратномъ пути, я передать исправлявшему должность бригаднаго командира, подполковнику Чигирю, стоявшему на крыльцѣ своей дачи, приказаніе генерала и затѣмъ, отойдя нѣсколько шаговъ въ направленіи лагеря, встрѣтилъ одного юнкера—своего корпуснаго товарища, съ которымъ и поздоровался по-дружески. Но только успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ слышу голосъ Чигири:

— Эй, прапорщикъ, какъ вы смѣете такъ здороваться съ нижнимъ чиномъ и позволяете ему стоять въ фуражкѣ! Я васъ, сударь, заморю

на гауптвахтѣ. Ступайте прочь, а ты, братъ, закричалъ Чигирь юнкеру, грозя кулакомъ,—пошелъ подь арестъ!

Такъ возвратился я въ лагерь, получа двѣ невѣжественныхъ нахлобучки, но тогда это было въ порядкѣ вещей.

Сколько помню, въ іюлѣ мѣсяцѣ холера стала значительно утихать, появились выздоравливающіе, а у нѣкоторыхъ она начала переходить въ тифъ; въ городѣ отслужили съ водосвятиемъ молебень, обошли съ хоругвями крѣпостные валы, и народъ появился на улицахъ. Я не имѣю подь рукою цифры жертвъ, но полагаю, что немного ошибусь, если скажу, что холера уничтожила около половины всего населенія Оренбурга, считая и войска. По крайней мѣрѣ по всѣмъ имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ она, за исключеніемъ еще одного какого-то пункта въ южной Россіи, нигдѣ не свирѣпствовала такъ, какъ въ Оренбургѣ. Всякій согласится, что цифра этой страшной смертности несомнѣнно была бы гораздо менѣе, если бы были во-время приняты хотя какія-нибудь раціональныя гигиеническія мѣры и была бы оказана надлежащая медицинская помощь заболѣвшимъ, но повторяю вновь: о гигиенѣ тогда никто не думалъ, а врачебныя средства почти исключительно сосредоточивались въ одномъ докторѣ Майделѣ.

Опасность миновала, войска стали готовиться къ выступленію изъ лагеря, когда случай привелъ нѣкоторыхъ изъ насъ столкнуться еще разъ съ оставлявшею Оренбургъ эпидеміей. Дѣло въ томъ, что солдатъ отправляли въ госпиталь караванъ-сарая, въ той одеждѣ, въ которой они заболѣвали, а хоронили неизвѣстно въ чемъ; только съ прекращеніемъ холеры, отъ каждаго баталіона по нѣсколько офицеровъ съ каптенармусами получили приказаніе отправиться въ караванъ-сарай разобрать по баталіонамъ и ротамъ оставшіяся послѣ умершихъ вещи. Прибывъ на мѣсто рано утромъ, мы нашли солдатскую одежду, преимущественно шинели, наваленную грудами вдоль стѣны, окружающей зданіе, и немедленно приступили къ разборкѣ. Шинели и мундиры оставались въ томъ видѣ, какъ ихъ снимали съ умершихъ, т. е. выпачканные разными изверженіями, и хотя они лежали на открытомъ воздухѣ, тѣмъ не менѣе, когда тронули эту массу и стали разворачивать платье, чтобы убѣдиться, какой части оно принадлежитъ, насъ обдало такими миазмами, что съ нѣкоторыми сдѣлалась дурно, и только съ великимъ трудомъ и томленіемъ мы окончили кое-какъ свою работу къ вечеру. Замѣчательно, что не только командиры частей, даже высшее начальство не подумали продать или сжечь эту одежду, напротивъ, она, какъ показанная въ отчетахъ исключенною на умершихъ, доставила порядочную прибыль баталіоннымъ командирамъ, и безъ того впрочемъ получавшимъ огромные барыши отъ постройки одежды и вообще отъ всего баталіоннаго хозяйства.



Съ переходомъ въ городъ вмѣсто отдыха началось навестываніе того, что было пропущено въ холеру, и подтягиванье распустившихся, какъ тогда говорили, во время двухмѣсячнаго бездѣлья, войскъ. Ученья пошли утромъ и вечеромъ безъ перерыва; стали готовиться къ смотрамъ, и милая палка съ начальническимъ кулакомъ безъ устали загужали по солдатскимъ спинамъ и лицамъ. Офицерство обругивалось, безъ очереди посылалось въ карауль и наполняло гауптвахты; словомъ, все вошло въ свою обычную колею, и снова стало все благополучно; прошла гроза, смерть перестала пугать своимъ призракомъ, и начальство съ азартомъ принялось за обычную роль грознаго инспектора, какъ бы стараясь строгостями изгладить изъ памяти подчиненныхъ воспоминаніе о своей трусости и бездѣтельности въ холеру. Начались слѣдствія, взысканія за нераспорядительность во время холеры, того или другаго лица, конечно, изъ маленькихъ чиновъ; кое-кого распекали, а другихъ смѣняли, въ томъ числѣ и нашего добряка, баталіоннаго командира маіора Лепехина, на мѣсто котораго былъ назначенъ изъ арміи подполковникъ Сварчевскій. Послѣ долгой муштровки смотры, наконецъ, были сданы благополучно, особенно подполковникомъ Чигиремъ, баталіономъ котораго корпусный командиръ остался отменно доволенъ, и затѣмъ мы перешли къ обыкновеннымъ зимнимъ занятіямъ, сначала на дворѣ, а съ наступленіемъ холодовъ—въ казармахъ и манежѣ.

Потянулась грустная жизнь: ученья, парады, разводы съ грубостью начальства, недостатокъ содержанія (прапорщикъ за вычетами на библіотеку, офицерскій капиталъ и проч., получалъ тогда въ треть пятьдесятъ съ чѣмъ-то рублей),—вотъ что наполняло нашу службу въ Оренбургѣ, и единственнымъ средствомъ отдыха отъ всѣхъ этихъ дрязгъ оставалось чтеніе, благо дивизіонная библіотека находилась подъ рукою. Библіотека начала составляться нѣсколько лѣтъ назадъ при штабѣ дивизіи на деньги, вычитавшіяся у офицеровъ изъ жалованья, и въ мое время помѣщалась въ казармахъ 3-го баталіона. Не знаю, сколько платили въ нее высшіе чины, но съ прапорщиковъ вычитали по два рубля въ треть, и за исключеніемъ сочиненій Михайловскаго - Данилевскаго, Лукьяновича о кампаніи 1828—1829 годовъ въ Турціи, въ библіотекѣ не было ни одного военнаго изданія, считая въ томъ числѣ и учебныя военныя руководства, но зато она была наполнена всевозможными повѣстями и романами, особенно же бывшими тогда въ модѣ сочиненіями Дюма, Сю, Феваля и др. На иностранныхъ языкахъ не было ни одной книги. Всѣ офицеры зачитывались тогда, чуть не до сумасшествия «Вѣчнымъ жидомъ», «Монте-Кристо» и т. под., а изъ русскихъ произведеній, кромѣ Загоскина и Лажечникова, страшнѣйшій фуроръ производилъ Лермонтовъ своимъ «Героемъ нашего времени», ибо рѣдкій изъ

офицеровъ не находилъ въ себѣ нѣкотораго сходства съ Печоринимъ или не желалъ бы подражать ему. Начинали также почитывать и Гоголя, но какъ-то нерѣшительно, цѣня его исключительно, какъ юмориста. Изъ стихотвореній читали того же Лермонтова, Пушкина, Грибоѣдова, Козлова, особенно Бенедиктова, стихи котораго: «Кудри дѣвы чародѣйки», и «Блаженъ, кто могъ на ложѣ noci», Языкова вся молодежь знала наизусть; старики же напротивъ декламировали Давыдова: «Бурцевъ, ёра забіяка». Но къ чему была особенная страсть у тогдашнихъ офицеровъ, даже женатыхъ—это къ непозволительнымъ сочиненіямъ, какого бы то ни было содержанія, общаго или политическаго; почти у каждаго была тетрадь непозволительныхъ стиховъ Боркова, Пушкина и пр., которые хранились, какъ драгоценность, и списывались другъ у друга; у болѣе же развитыхъ людей имѣлись тетрадки съ поэмами Рылѣева и стихотвореніями, подобными извѣстному тогда «Спору Польши съ Россіей»: «Сбирайтесь, слуги и вассалы, на кроткій господина зовъ».

Ежегодно осенью, всѣ офицеры собирались въ библіотеку, подъ предсѣдательствомъ Чигиря, чтобы рѣшить, какія книги выписать на будущій годъ. Обыкновенно сначала утверждался тотъ списокъ книгъ, которыя выбиралъ самъ Чигирь, затѣмъ—назначали уже офицеры, останавливаясь почти всегда на романахъ и въ рѣдкихъ случаяхъ на сочиненіяхъ объ охотѣ. Таковъ былъ въ то время запасъ печатныхъ свѣдѣній, которыми мы могли пополнять свое образованіе изъ нашей библіотеки, но спасибо и за это; все же лучше было провести время за романами, чѣмъ въ пьянствѣ и карточной игрѣ, какъ это дѣлали многіе изъ старыхъ офицеровъ.

Въ Дворянскій клубъ хотя нѣкоторые изъ насъ и являлись, но только для того, чтобы смиренно постоять въ залѣ, ибо, какъ я уже говорилъ, съ нами мало кто танцевалъ; даже изъ офицеровъ, носившихъ другой мундиръ, всякій, какого бы онъ ни былъ чина, считалъ возможнымъ отворачиваться и смотрѣть на «гарнизонъ», какъ тогда звали линейные баталіоны, чуть не съ презрѣніемъ; одни только казаки и отчасти топографы не пренебрегали нами.

Въ продолженіе зимы были два или три бала у Обручева, и одинъ у нашего дивизіоннаго начальника, имѣвшаго тогда двухъ взрослыхъ дочерей-невѣстъ. Я ничего не зналъ о послѣднемъ балѣ, когда разъ вечеромъ принесли ко мнѣ изъ баталіона книгу приказовъ и, просматривая ее, я прочиталъ: «поручику и прапорщику такимъ-то завтрашняго числа, въ 9 часовъ вечера, прибыть въ квартиру его превосходительства начальника дивизіи въ мундирахъ безъ шарфовъ». Недоумѣвая, что бы это значило, я только на другой день узналъ, что поименованные офицеры «назначаются» на балъ къ генералу Толмачеву, и то только

потому, что умѣють танцевать польку. По веснѣ и подполковникъ Чигирь далъ роскошный балъ, на которомъ присутствовало все начальство, не исключая Обручева; сюда тоже были назначены только тѣ офицеры, которые хорошо танцевали польку.

## VI.

Перовскій и оренбургскія дамы.—Ксендзь Зеленко.—Командировка въ Бугульму.—Сергѣевскія воды.—Возвращеніе въ Оренбургъ.—Зима съ 1849 на 1850 годъ.

Упомянувъ выше объ оренбургскихъ балахъ, нельзя пройти молчаніемъ и тогдашняго дамскаго общества Оренбурга.

При предмѣстникѣ Обручева, Перовскомъ, человѣкъ холостомъ, любившемъ хорошенькихъ женщинъ, для оренбургскихъ дамъ было открыто обширное поле интригъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ расположеніе красиваго корпуснаго командира. Чтобы извинить отчасти мѣстныхъ дамъ за такія поползновенія, надо составить себѣ предварительное понятіе о томъ, какое значеніе имѣлъ тогда для Оренбургскаго края главный его начальникъ. Если въ настоящее время внутри Россіи генералъ-губернаторъ окруженъ особымъ почетомъ, и блескомъ, пользуется большою властью надъ подчиненными и средствами привлекать ихъ къ себѣ, то что же слѣдуетъ сказать о главномъ начальникѣ, дѣйствовавшемъ на далекой окраинѣ въ старые годы, облеченномъ, по самой отдаленности страны, чрезвычайною властью и имѣвшемъ въ безотчетномъ распоряженіи громадныя денежныя и матеріальныя средства. Такой начальникъ, если только онъ хотѣлъ, могъ вполне играть роль султана въ своей области. Достаточно было, не говоря почерка пера, но слова его, чтобы карьера подчиненнаго была сразу уничтожена, или наоборотъ довольно было простаго приказанія, прихоти, чтобы какому-нибудь лицу немедленно отпустилась изъ состоящихъ въ распоряженіи начальника средствъ болѣе или менѣе значительная сумма. А блестящіе балы Перовскаго, попасть на которые для людей, живущихъ въ захолустѣ, развѣ не было особымъ счастіемъ, а роскошные подарки, которые онъ со всею свѣтскою любезностью подносилъ дамамъ, пользовавшимся даже самымъ незначительнымъ его вниманіемъ, не составляли притягательной силы? Къ этому надо добавить казенныя помѣщенія, дрова и сѣно, которыя онъ раздавалъ по произволу, и при томъ, наприимѣръ, дрова за самую ничтожную цѣну, что при недостаткѣ хорошихъ квартиръ въ Оренбургѣ и дороговизнѣ топлива играло значитель-

ную роль въ жизни служащихъ. Словомъ, отъ главнаго начальника, такъ сказать, зависѣла вся нравственная и матеріальная обстановка подчиненнаго.

Понятенъ будетъ послѣ этого и тотъ образъ жизни, который вело большинство хорошенькихъ дамъ высшаго оренбургскаго общества; онѣ веселились до упаду на балахъ Перовскаго, дома жили привольно, благодаря его же милостямъ и въ силу этого и прекрасной его наружности только и хлопотали о томъ, чтобы сойтись съ нимъ поближе. Къ сожалѣнію, желающихъ было много, а избранныхъ мало, и потому многія удовлетворились тѣмъ, что отдали свои симпатіи кому-либо изъ близкихъ Перовскому лицъ изъ той блестящей толпы свѣтской молодежи, которую привезъ онъ съ собою изъ Петербурга. Но разъ почувшій свободу конь, какъ говорятъ, несется далѣе, такъ было и здѣсь ко времени приѣзда въ край Обручева: половина молодыхъ дамъ изъ высшаго круга была уже замѣшана въ разныхъ интригахъ.

Аскетъ по жизни, имѣя женою женщину, весьма сдержанную нѣмку, Обручевъ ужаснулся распущенности оренбургскаго общества, напавшей ему вѣроятно времена Людовика XV, и сразу захотѣлъ повернуть его на болѣе нравственную дорогу. Напрасно однако онъ устраивалъ свои вечера съ самою простою обстановкою, отличалъ особымъ вниманіемъ дамъ, пользовавшихся безукоризненной репутаціей, и не пускалъ въ домъ тѣхъ, которыя слишкомъ явно вели интриги—ничто не помогало; напротивъ, давленіе его произвело какъ бы противное дѣйствіе, и въ мое время большая часть молодыхъ замужнихъ женщинъ высшаго круга, имѣвшихъ хотя тѣнь красоты, вела довольно свободную жизнь.

Независимо отъ баловъ въ Оренбургѣ тогда изрѣдка устраивались благородные спектакли обществомъ бѣдныхъ, предсѣдательницей котораго состояла супруга генерала Обручева, и ближайшимъ ея помощникомъ и распорядителемъ мѣстный ксендзъ Зеленко, личность въ своемъ родѣ весьма замѣчательная.

Ксендзъ Зеленко былъ сосланъ въ Оренбургъ за какія-то преступленія еще при Перовскомъ, но какъ послѣдній весьма снисходительно относился къ ссыльнымъ, то ксендзу не только вскорѣ позволили отправлять службу, но и сдѣлали дивизионнымъ капелланомъ 22-й дивизіи. Воспитанникъ іезуитовъ, человекъ, одаренный большимъ умомъ, неимоверною терпѣливостью въ достиженіи своихъ цѣлей, заискивавшій у всѣхъ и каждого, со всѣми ласковый и обходительный, Зеленко уже при Перовскомъ пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла края, прикрывая свои дѣйствія маской благотворительности и помощи всѣмъ людямъ безъ различія религіи и національности. Онъ съ утра до ночи разъѣзжалъ по городу на своей неизмѣнной рыжей лошади съ просьбами

за какое-нибудь лицо, и для оренбургскаго жителя показался бы тотъ день необыкновеннымъ, въ который онъ не увидѣлъ бы на улицѣ ксендза.

Вступивъ въ управленіе краемъ, Обручевъ отнесся ко всѣмъ сосланнымъ полякамъ весьма строго; послѣдовали разныя ограниченія ихъ свободной жизни, и казалось, такая же участь ожидала и Зеленко, но хитрый ксендзъ восторжествовалъ и тутъ. Всѣмъ извѣстно, что жены главныхъ начальниковъ въ провинціи чрезвычайно любятъ брать на себя, хотя бы не имѣли ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ,—роль попечительницъ бѣдныхъ того края, которымъ управляетъ мужъ; такъ было и здѣсь. Но супруга генерала Обручева слишкомъ высоко была поставлена, чтобы лазить по грязнымъ лачужкамъ и удостовѣряться въ бѣдности просителя, ея нервы не выносили вида разныхъ страданій, которымъ преимущественно подвергается бѣдное человѣчество; наконецъ, она сама не могла производить лично всѣхъ выдачъ и собирать деньги, не знала, какъ вести счеты и пр., а потому на первыхъ же порахъ ей понадобился человѣкъ, который счумѣлъ бы все это сдѣлать и вмѣстѣ съ тѣмъ вселить въ бѣдныхъ городскихъ жителей убѣжденіе, что ангеломъ-хранителемъ ихъ служить исключительно супруга главнаго начальника. Для подобныхъ условій подходящимъ лицомъ въ Оренбургѣ только и могъ быть одинъ Зеленко, пользовавшійся уже и прежде репутаціей общаго благодѣтеля, и потому выборъ генеральши, конечно, остановился на немъ; она взяла его въ секретари по дѣламъ бѣдныхъ, сдѣлавъ въ то же время милостыне-раздавателемъ. И не такихъ людей, какъ супруга Обручева, Зеленко умѣлъ прибрать къ рукамъ, а здѣсь съ неопытной женщиной дѣло шло еще успѣшнѣе; пользуясь служебными сношеніями съ генеральшей, имѣвшей сильное вліяніе на крикуна мужа, Зеленко вошелъ въ милость и къ послѣднему и такимъ образомъ получилъ возможность еще болѣе вліять на дѣла администраціи подъ покровомъ той же маски безкорыстнаго благодѣтеля человѣчества. Значеніе его дошло до того, что къ нему стали постоянно обращаться съ просьбами не только бѣдные или искавшіе мѣста чиновники, но даже военные и крестьяне. Такъ, я помню офицеры одной изъ казачьихъ батарей, стоявшей въ Бугурусланѣ или Стерлитамакѣ, побили кого-то изъ служащихъ тамъ и вообще устроили въ мѣстномъ клубѣ публичный скандалъ; они тотчасъ же обратились съ письмомъ къ Зеленко, прося замять эту исторію, и дѣйствительно дѣло кончилось пустяками. Но, работая для всѣхъ, ксендзъ не упускалъ изъ виду и главной своей цѣли—быть прежде всего добрымъ католикомъ и помогать своимъ. Его стараніями выстроены въ Оренбургѣ хорошенькій костелъ съ особымъ домикомъ для священника, и по подпискѣ заведенъ прекрасный органъ; при его же участіи стали миловаться сосланные поляки

и понемногу втираться на разные военные и гражданскія мѣста въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ.

Безобразный лицомъ до отвращенія, Зеленко тѣмъ не менѣ имѣлъ огромное вліяніе на женщинъ и если не соблазнялъ открыто перейти въ католичество, то несомнѣнно владѣлъ душою и помысломъ многихъ православныхъ своихъ почитательницъ. Такъ хозяйка его, вполне русская женщина, вдова казачьяго офицера, у которой онъ жилъ лѣтъ 25 и дочь которой, вѣрнѣе свою, онъ же выдалъ замужъ за офицера изъ сосланныхъ поляковъ, боготворила своего постояльца. Всѣмъ извѣстна была также его дружба съ одною замужнею богатою барыней въ Илецкой Захитѣ, два сына которой воспитывались въ мѣстномъ кадетскомъ корпусѣ. Зеленко души не слышалъ въ этихъ мальчикахъ, и по странной игрѣ случая они имѣли разительное сходство съ ксендзомъ.

Когда холера такимъ образомъ дѣлала свое дѣло и Оренбургъ вымиралъ, жизнь губерніи вообще и Башкиріи въ частности шла своею чередою, не обращая никакого вниманія на бѣдствіе, постигшее центральный пунктъ администраціи. Башкиры по-прежнему воровали лошадей, считая это вполне законнымъ, таскали чужой лѣсъ, принимая его за свой. Какъ дѣти природы и свободы, они находили вполне естественнымъ удрать изъ грязныхъ вонючихъ тюремъ въ родныя свои степи и за эти поступки точно также по-прежнему массами шли подъ военный судъ, нисколько не сознавая своей вины.

Завязтые грѣховодники аудиторіишья, притихшіе было передъ страхомъ смерти, проводивъ теперь холеру, съ жадностью бросились вознаграждать потерянное время, и дѣятельность въ военно-судныхъ комиссіяхъ загорѣлась съ небывалою силою. Немедленно послѣдовало распоряженіе пополнить всѣ военно-судныя комиссіи недостававшими въ нихъ членами, т. е. командировать туда строевыхъ офицеровъ. Въ Оренбургѣ выборъ начальства палъ на меня и товарища моего по корпусу—Бунина, и мы въ сентябрѣ мѣсяцѣ—два совершенно неопытныхъ и въ жизни и въ службѣ юноши, отправились въ г. Бугульму, въ тамошнюю комиссію судить и наказывать бѣдныхъ башкиръ.

Пробывъ нѣсколько дней по дорогѣ въ Белебѣ, я поспѣшилъ потомъ въ Бугульму. Презусомъ комиссіи тогда былъ капитанъ изъ фельдфебелей Плюснинъ (его заѣлъ впоследствии въ форть-Казалъ тигръ), старикъ до неимоверности ограниченный и едва умѣвшій подписать свою фамилію, воротилой же всего дѣла состоялъ аудиторъ изъ писарей Северьянъ Тимофеевичъ Дибайловъ (впоследствии оберъ-аудиторъ Оренбургскаго казачьяго войска), личность не глупая, но до такой степени искусная во взяткахъ, что не было, кажется, того оборванца-голыша башкира, съ котораго онъ не ухитрился бы взять хоть что-нибудь. Съ первыхъ же засѣданій мы съ Бунинымъ убѣдились, что

помочь правдѣ дѣла не можемъ и, скрѣпляя сентенціи, будемъ противу всякаго желанія прикрывать чужое мошенничество. Что же оставалось намъ дѣлать: проситься вонъ—нельзя, мы только лишь прибыли, донести начальству, но кто бы повѣрилъ тогда двумъ прапорщикамъ, да развѣ и подѣ силу намъ было бороться съ правильно и твердо организованной шайкой мошенниковъ-аудиторовъ. На этомъ основаніи мы рѣшили до поры, до времени ходить въ комиссію только для подписи фамилии и совершенно устранить себя отъ всякаго сближенія съ презусомъ и аудиторомъ, но и эти господа не дремали. Видя наше отчужденіе, они втихомолку донесли въ Оренбургъ, что мы службою не занимаемся, ведемъ себя неприлично и вообще не радивы, и только благодаря заступничеству нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ и родныхъ это представленіе не имѣло для насъ особо дурныхъ послѣдствій, но за то подобная подлость еще болѣе укрѣпила во мнѣ мысль выбратъ на другую дорогу въ службѣ.

Наступила весна 1849 года, въ воздухѣ запахло войною, и изъ нашихъ баталіоновъ послали нѣсколько офицеровъ для пополненія армейскихъ войскъ, а затѣмъ начали отправлять и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Въ маѣ мѣсяцѣ я заболѣлъ, и медикъ мнѣ посоветовалъ проситься на Сергіевскія минеральныя воды, куда обыкновенно отправляли всѣхъ офицеровъ, страждущихъ золотухою и ревматизмомъ.

Въ Сергіевскѣ я пріѣхалъ ночью, прямо въ госпиталь, но какъ тамъ все спало и некому было указать помѣщенія и свободной кровати, то я провелъ эту ночь въ приемной комнатѣ на лавкѣ; на другой же день меня помѣстили въ офицерскую палату, прописали питье сѣрной воды и приемъ утромъ и вечеромъ горячихъ ваннъ.

Мѣстность, окружающая минеральные источники, отличается замѣчательною живописностью, а тѣнистый паркъ, расположенный при р. Сургутѣ, служить прекраснымъ мѣстомъ для прогулокъ больныхъ, но за то источники до такой степени пропитаны сѣрою, что запахъ ея слышится верстѣ за 12 отъ Сергіевска, не говоря уже о самомъ мѣстечкѣ. Въ палатѣ, въ которую меня положили, насъ оказалось шесть человекъ: два казачьихъ артиллериста, комиссаріатскій офицеръ и два аудитора, неизвѣстно почему принимавшіе горячія ванны; остальные офицеры только числились въ госпиталѣ, а жили на вольныхъ квартирахъ.

Жизнь наша текла очень однообразно, не смотря на то, что на Сергіевскихъ водахъ проводили время не такъ, какъ теперь. Тогда была пора, боярская пора, когда крѣпостное право царило еще въ полной своей неприкосновенности и когда самый маленькій помѣщикъ считалъ долгомъ сорить деньги безъ разбору. Ѣздить въ то время за границу, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и затруднительности полу-

ченія паспорта, рѣшались немногіе, а потому помѣщики по преимуществу проводили лѣто на какихъ-либо ближайшихъ къ нимъ минеральныхъ водахъ. Въ этомъ отношеніи Сергіевскъ, лежащій не вдалекѣ отъ Волги, между губерніями Оренбургскою, Самарскою, Казанскою и Симбирскою, гдѣ сосредоточивались крупные землевладѣльцы, представлялъ именно желанный пунктъ для нашего дворянства и наполнялся посѣтителемъ въ продолженіе курса до такой степени, что не оставалось ни одной свободной лачужки, не говоря уже о дачахъ. Независимо отъ сосѣднихъ жителей, сюда много стекалось больныхъ даже изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, напр. Нижняго, Владиміра и Москвы, а коммерческіе дома высылали постоянно на воды свои магазины, въ которыхъ съ особою бойкостью шла торговля дамскими модными вещами и нарядами. Богатые помѣщики ближайшихъ губерній пріѣзжали обыкновенно цѣлымъ дворомъ: за недѣлю или за двѣ до ихъ прибытія, являлась толпа прислуги, мебель, экипажи, и все это везлось на крестьянскихъ подводахъ, которыя въ то же время доставляли фуражъ, масло, яйца и всякую другую потребность для жизни господъ; многіе имѣли даже на водахъ собственныя дачи.

Для развлеченія публики кромѣ оркестра, игравшаго ежедневно утромъ и вечеромъ около минеральныхъ источниковъ, служилъ весьма хорошій по составу труппы театръ, еженедѣльные танцевальные вечера въ вокзалѣ, балы, задаваемые богатыми помѣщиками, и наконецъ пикники на такъ называемомъ Голубомъ озерѣ, замѣчательномъ глубиною и прозрачностью своей бирюзового цвѣта воды. Какъ водится, во время сезона шли здоровыя попойки, проигрывались и пріобрѣтались карты состоянія, мѣнялись на собакъ дѣвки, случались подчасъ скандалы, драки, но всего чаще здѣсь между молодежью завязывались тѣ узы, которыя послѣ сезона завершались бракомъ.

Я часто ходилъ на танцевальные вечера, куда съѣзжалась масса публики; живо тутъ возникали мимолетныя знакомства, весело и долго шли танцы; кромѣ того, мнѣ разъ удалось попасть и на большой частный балъ къ извѣстному тогда своимъ гостепріимствомъ богатому помѣщику и откупщику—Стобеусу. Возможно блестящая на водахъ обстановка бала и любезность хозяина доставили каждому изъ гостей много удовольствія, а для любителей выпивки это былъ сушій рай, ибо для нихъ была поставлена въ саду особая палатка, въ которой каждый могъ требовать сколько угодно всякаго вина и гдѣ весь вечеръ шампанское лилось рѣкою.

Во время пребыванія моего на водахъ туда пріѣзжалъ начальникъ Казанской комиссаріатской комиссіи, въ вѣдѣніи котораго состоялъ тогда Сергіевскій госпиталь; но его инспекція, при господствѣ въ то время взятки, нисколько не улучшила скуднаго нашего содержанія;



завернулъ также и генераль Обручевъ съ женою; онъ обошелъ палаты и казенныя ванны, покричалъ вездѣ, какъ слѣдуетъ, и затѣмъ, дня три еще гулялъ на водахъ въ казачьемъ мундирѣ на распашку, съ Владимірскою лентою по бѣлому жилету. Главное же вниманіе воднаго общества сосредоточивалось совсѣмъ на другомъ. Телеграфовъ не было, и потому листки «Инвалида», сообщавшіе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Венгріи, съ жадностью читали вездѣ, такъ какъ, независимо отъ національнаго чувства, почти у каждого посѣтителя былъ въ арміи родной или знакомый. Всѣ восторгались тогда смѣлостью полковника Хрулева, критиковали дѣйствія Паскевича и славили Ридигера, при чемъ однако же большинство судей отличалось крайне плохимъ знаніемъ географіи и преспокойно считали Трансильванію, Молдавію и Валахію за Венгрію. Удивляться впрочемъ этому нечего; географію у насъ плохо знали и позже. Я хорошо помню, въ 1853 году, одного начальника дивизіи, который, получивъ отъ пріятели письмо о движеніи Перовскаго въ Хиву, какъ называли многіе тогда походъ его на Сыръ-Дарью, и занятіи имъ крѣпостцы Акъ-Мечети (нынѣ г. Перовскъ), на другой день съѣхавшимся къ нему по случаю праздника гостямъ объявлялъ о побѣдѣ русскаго оружія и, помня только, что мѣсто, куда пошелъ Перовскій, носить короткое названіе, поздравилъ торжественно всѣхъ присутствовавшихъ со взятіемъ Уфы.

По возвращеніи изъ Сергіевска, я пробылъ въ Бугульмѣ до ноября мѣсяца и затѣмъ былъ переведенъ въ Оренбургъ. Въ этотъ годъ корпусный командиръ устроилъ линейнымъ батальонамъ и казакамъ маневры, форсировали переправу черезъ Уралъ, атаковали уральскую рошу. Это, сколько знаю, была первая попытка въ такого рода занятіяхъ въ Оренбургскомъ корпусѣ, и войска были очень благодарны за нее генералу Обручеву. Здѣсь хотати замѣтить, что у тогдашняго нашего начальства былъ крайне своеобразный взглядъ на образованіе войскъ, особенно офицеровъ, отъ которыхъ кромѣ изученія устава рѣшительно ничего не требовали и даже какъ будто боялись, когда у нихъ являлось желаніе пополнить свои познанія. Такъ было со мною.

Природа, а потомъ болѣзнь въ корпусѣ надѣлили меня небогатымъ здоровьемъ, впалою грудью и слабостью ногъ, тѣмъ не менѣе я не пропускалъ ни одного ученія, зналъ уставъ и вообще исправно несъ службу и прекрасно велъ себя. Чего бы, казалось, болѣе, но, къ сожалѣнію, вышло не такъ. Прослуживъ два года и заявивъ желаніе готовиться къ экзамену въ военную академію, я просилъ освободить меня отъ нѣкоторыхъ обязанностей службы, и этого было довольно, чтобы на меня воздвиглись гоненія. Старые офицеры начали сторониться, говоря мнѣ, какъ бы въ шутку: вы ученые, куда намъ съ вами тягаться, а баталіонный командиръ, подполковникъ Сварчевскій, при всякомъ случаѣ язвительно

смыслился надо мною передъ фронтомъ. Такъ зимою занимаясь почти каждый день съ офицерами осьмиряднымъ ученіемъ, салютовкой на церемональномъ маршѣ, Сварчевскій требовалъ, чтобы при пальбѣ взводами въ командѣ офицеровъ непремѣнно слышна была гармонія, т. е. въ то время, когда оканчивается команда предъидущаго взвода, начиналась бы въ тонъ ей послѣдующая, при салютовкѣ же на тихомъ шагу, чтобы колѣно вытягивалось въ струнку, а грудь колесомъ. Я не могъ исполнить ни того, ни другаго; по недостатку музыкальнаго слуха, гармоніи, какую требовалъ баталіонный командиръ, не выходило; болѣзнь же ноги и впалая грудь, при всѣхъ усиліяхъ, не могли быть выправлены, поэтому, каждый разъ, крича на меня, Сварчевскій съ умишкой произносилъ: «Еще въ академію собирается, а ногу вытянуть не умѣетъ», или, обращаясь съ замѣчаніемъ къ кому-нибудь изъ старыхъ офицеровъ, говорилъ: «Мы, братъ, съ тобой, въ академію не идемъ, мы должны знать уставъ». Подобнаго же рода взглядъ на мое желаніе учиться высказало и высшее начальство, когда разъ я былъ дежурнымъ по баталіону на Пасху, въ тотъ день, когда въ казармы долженъ былъ пріѣхать корпусный командиръ. Собрались все начальство, явился Обручевъ, и я, какъ слѣдуетъ по уставу, отапортовалъ ему, а начальникъ дивизіи назвалъ мою фамилію; корпусный командиръ, къ удивленію всѣхъ, стоялъ молча и суровыми глазами осматривалъ меня съ головы до ногъ. Второстепенные командиры, не зная, чтò дѣлать, переминались съ ноги на ногу, я растерялся; наконецъ, Обручевъ заговорилъ: «Хорошъ, очень хорошъ; развѣ такъ стоять, а гдѣ у тебя грудь? Это онъ собирается въ академію?», и на утвердительный мой отвѣтъ захохоталъ, повторяя: «хорошъ академикъ, очень хорошъ» и потомъ, обратясь къ начальству, добавилъ уже на ходу: «Прошу выучить мнѣ его». Досталось же тогда мнѣ бѣдному: распекъ меня начальникъ дивизіи, побранилъ бригадный и разругалъ баталіонный.

Зима прошла у насъ въ такихъ же занятіяхъ, какъ и въ минувшемъ году. Обращеніе баталіоннаго командира Сварчевскаго съ офицерами день ото дня становилось грубѣе и дерзче. Раздраженію его конечно не мало способствовало то обстоятельство, что онъ не сошелся съ начальникомъ дивизіи и самъ испытывалъ много непріятностей, доведшихъ его впослѣдствіи до сумасшествія. Общественныя удовольствія шли тоже по-прежнему: избранная публика веселилась въ клубахъ, на балахъ у начальства и у себя на дому.

Изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, интересовавшихъ общество и вѣсколько нарушившихъ его обыкновенную жизнь я могу указать только на четыре: во-первыхъ, благородные спектакли. Представленій состоялось вѣсколько; ихъ дали послѣ Пасхи и, дѣйствующими лицами были

адъютанты, офицеры генеральнаго штаба, инженеры и дамы высшаго круга. Изъ числа игравшихъ оказалось весьма много людей, способныхъ къ сценѣ и отличавшихся несомнѣннымъ талантомъ. Такъ въ драматическихъ роляхъ выдавался болѣе другихъ адъютантъ Обручева, Габбе, а въ легкихъ опереткахъ родственница одного инженернаго офицера m-elle Винтеръ. Вообще спектакли были новинкою и принесли много удовольствія оренбургскому обществу, за что оно исключительно обязано супругѣ генерала Обручева, при содѣйствіи которой только и можно было устранить обыкновенныя, въ провинціи, пререканія дамъ при раздачѣ ролей; вторымъ былъ пріѣздъ зимой для наблюденія за наборомъ мѣстнаго землевладѣльца, флигель-адъютанта, Тимашева <sup>1)</sup>, котораго приглашали на всѣ балы съ цѣлью посмотрѣть, какъ танцуетъ онъ польку, а Обручевъ измучилъ до послѣдней степени, возя его по всѣмъ заведеніямъ и карауламъ, чтобы показать существующіе у него порядки; третьимъ были дѣйствія и работы на Аральскомъ морѣ и Сыръ-Дарьѣ морскихъ офицеровъ, капитанъ-лейтенанта Краббе <sup>2)</sup> и лейтенанта Бутакова. Молодой, образованный А. И. Бутаковъ много положилъ труда и здоровья на изслѣдованіе Аральскаго моря и образованіе Аральской флотиліи; Краббе же ухаживалъ за барынями, рыскалъ верхомъ и пріѣзжалъ единственно для полученія награды; и въ 4-хъ, привозъ въ Оренбургъ, служившій тогда однимъ изъ главныхъ мѣстъ ссылки, малороссійскаго поэта Шевченко. Съ послѣднимъ мнѣ удалось познакомиться, хотя, къ сожалѣнію, не на долго, ибо Обручевъ, найдя пребываніе его въ Оренбургѣ почему-то не безопаснымъ, отправилъ Шевченко въ заброшенный въ пустыню Александровскій фортъ, куда даже офицеровъ посылали въ видѣ особаго наказанія.

Сообщ. Н. Н. Длусная.

(Продолженіе слѣдуетъ).



<sup>1)</sup> Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.

<sup>2)</sup> Впослѣдствіи управлявшій морскимъ министерствомъ.

## П. А. Валуевъ о Петрѣ Великомъ.

Въ 1864 г. въ газетѣ «День» (№№ 2 и 3; 11-го и 18-го января) была напечатана статья И. Вѣльева Русское Общество при Петрѣ Великомъ, въ которой рѣзко порицались образъ жизни и преобразовательная дѣятельность Петра Великаго. Вслѣдъ за тѣмъ, газета «Вѣсть» (№ 6, 9-го февраля) помѣстила у себя статью М. М. Новости «Дня», въ которой старалась выяснитъ заслуги Петра для Россіи.

П. А. Валуевъ считалъ нужнымъ, чтобы въ «Сѣверной Почтѣ» была помѣщена статья, въ которой бы опровергалось мнѣніе «Дня» и развивались мысли «Вѣсти» и, очевидно, по поводу проекта такой статьи написалъ А. Г. Тройницкому помѣщаемое вслѣдъ за симъ письмо. Въ «Сѣверной Почтѣ» мы не нашли указываемой статьи, а письмами А. Г. Тройницкаго къ П. А. Валуеву мы не располагаемъ, и потому намъ остается неизвѣстнымъ, кѣмъ написана была статья, вызвавшая письмо П. А. Валуева.

### *Письмо П. А. Валуева къ А. Г. Тройницкому.*

10-го марта 1864 г.

По моему мнѣнію, статья написана хорошо, но не дописана и не доработана. Не дописана,—потому что не развита главная, мною указанная мысль, что Petri gratia sumus quod sumus et ut sumus. Это сказано, но не развито.—Напримѣръ, нѣтъ ни слова о томъ, что Петръ вывелъ женщинъ изъ теремовъ и тѣмъ создалъ у насъ семью и ввелъ насъ въ христіанскій европейскій міръ.—Пушкинъ сказалъ, что Петръ Великій на берегахъ Невы «прорубилъ окно въ Европу».—Настоящее окно прорублено въ теремахъ. Вся цивилизація не мыслима безъ женскаго элемента; вся гражданственность не возможна безъ материнскаго элемента.—Далѣе нѣтъ взгляда на нынѣшній составъ Россіи, на ея историческое призваніе аггломерации элементовъ чуждыхъ (sine qua non территориальнаго величія),—и на невозможность исполненія этого призванія безъ сближенія съ Европою.—Нѣтъ сравненія (и патетичнаго) судебъ нашихъ съ тѣми судьбами, которыя постигли бы насъ, когда бы не было Петра.—Нѣтъ указанія на явно провиденціальное значеніе Петра въ нашей исторіи, и т. п.

Недоработана,—потому что мало рельефностей, которыя при подобномъ тезисѣ не трудны, нѣтъ point d'orgue въ концѣ, хотя явно неудобно кончить подобную статью выпискою; даже не выставлены guillemets съ боку, чтобы яснѣе обозначить, что взято изъ «Вѣсти».

Передаю на судъ вашъ опытъ вставки во 2-й alinéa. Весь вашъ Валуевъ.

Сообщ. Г. А. Тройницкій.





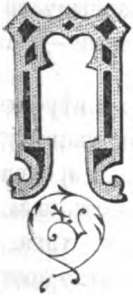
## ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминанія офицера генеральнаго штаба.

Затишье.

III <sup>1)</sup>.

Отдыхъ въ Бухарестѣ.—Болѣзнь.—Доктора.—Госпиталь Бранкованъ.—Ушаковъ и Саввиновъ.—О наградахъ.—Баронъ Стюартъ.—Князь Горчаковъ.—Баронъ Фредериксъ.—Разговоръ съ эксъ-сенаторомъ.



Н ервое время пребыванія моего въ Бухарестѣ я, въ полномъ смыслѣ слова, отдыхалъ отъ трудовъ и утомленія войны <sup>2)</sup>. Тутъ я понялъ вполнѣ значеніе словъ: «что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ», въ томъ смыслѣ, что, не вкусивши горькаго, не познаешь сладкое.

Что кажется важнаго и необычайнаго въ томъ, чтобы каждый вечеръ, ложась спать, раздѣться и лечь въ чистыя простыни? Что за особенное наслажденіе, вставши утромъ и хорошо помывшись, вытереть досуха руки, напитокъ не торопясь кофе, потомъ

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ апрѣль, 1903 г.

<sup>2)</sup> Въ 1883 году, находясь на службѣ въ Вильнѣ, начальникомъ штаба 2-го армейскаго корпуса, меня постигла жестокая болѣзнь, послѣдствіе контузій, длившаяся безъ малаго четыре года, изъ коихъ два года я провелъ въ Парижѣ, куда меня увезли буквально на рукахъ. Профессоръ Шарко, меня пользовавшій, опредѣлилъ происхожденіе болѣзни такъ: *les contusions, les travaux et les fatigues de la guerre* (контузии, труды и утомленіе войны).—П. П.

позавтракать и пообѣдать какъ слѣдуетъ съ ножомъ, вилокъ, салфеткой, начать съ супа и кончить сладкимъ блюдомъ, да еще потомъ выпить кофе и въ добавокъ ко всему никуда не торопиться, не бѣжать, не скакать? А между тѣмъ давно лишенный всѣхъ этихъ прелестей, всегда впроголодь, съ массой дѣла на рукахъ, дѣла, котораго, кажется, никогда не передѣлаешь, съ снопами и буркой вмѣсто теплой и чистой постели, я, въ Бухарестѣ, съ невыразимымъ наслажденіемъ пользовался всѣми прелестями комфорта, вплоть до чистой салфетки за столомъ.

Но тутъ, среди этихъ удобствъ и наслажденій, очень скоро появилось то, что называется *la détente des nerfs*, о значеніи котораго много говорилъ мнѣ тотъ же профессоръ Шарко. Крутой переходъ отъ крайне напряженной мозговой дѣятельности и физической работы на воздухъ, отъ постоянного возбужденія всей нервной системы—къ теплой комнатѣ, къ полному бездѣйствію и покою, казавшимся мнѣ верхомъ благополучія, весьма скоро отразился на моемъ здоровьи. Появилась прежде всего лихорадка, сначала маленькая и только по временамъ, потомъ все чаще и сильнѣе; затѣмъ появились боли: то тутъ, то тамъ, что-то даетъ себя чувствовать, ломятъ и наконецъ вмѣсто ожидаемаго отдыха и восстановленія израсходованныхъ силъ, явилось, при полномъ физическомъ покоѣ—общее утомленіе. Увеличивавшееся, весьма быстро прогрессируя, недомоганіе заставило вспомнить о врачебной наукѣ, и я рѣшился обратиться къ кому-нибудь изъ румынскихъ докторовъ, знакомыхъ съ мѣстными условіями и заботѣваніями. Мнѣ рекомендовали румынскую знаменитость доктора Календеро, который былъ, кажется, главнымъ врачомъ всей румынской арміи и лучшаго Бухарестскаго госпиталя—Бранкованъ.

Докторъ Календеро оказался очень любезнымъ человѣкомъ и вѣроятно весьма опытнымъ врачомъ. Прослушавъ мой рассказъ и постукавъ гдѣ слѣдовало, онъ прямо спросилъ меня, есть ли у меня достаточно времени, чтобы лѣчиться; я отвѣтилъ, что нѣтъ, что меня могутъ вызвать назадъ въ армію ежедневно. Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Календеро—хина. Я поинтересовался узнать, что слѣдовало бы принимать, располагая достаточноымъ временемъ? Оказалось—мышьякъ, но на это надо было не менѣе 3—4 недѣль для постепеннаго увеличиванія приѣмовъ и затѣмъ послѣдовательнаго уменьшенія ихъ. Остановились на хинѣ. Никогда не тяготясь лѣкарствами, я свободно глоталъ Календеровскую хину, но сдѣлалъ большую ошибку: жилъ по-прежнему, безъ всякаго режима. Естественно, что такое нелегальное соединеніе, какъ хина и жизнь, ни къ чему хорошему не привели. Кто-то изъ знакомыхъ румын посоветовалъ бросить Календеро, говоря, что онъ уже устарѣлъ, и направилъ меня къ восходящей медицинской звѣздѣ Бухареста, доктору Пѣповичу.

Пѣповичъ очень внимательно меня осмотрѣлъ, нашелъ, что его коллега

не вполне усвоилъ себѣ состояніе моего организма и моего недомоганія, и прописалъ ту же хину, только въ другомъ соединеніи. *Cela passera, cela passera; un peu de repos et tout sera dit* <sup>1)</sup>).

Воспользовавшись моимъ знакомствомъ съ Календеро, посѣтилъ я Бранкованскій госпиталь, имъ управляемый, въ которомъ нѣсколько палатъ было уступлено нашимъ раненымъ. Мнѣ говорили, что тамъ лежитъ мой корпусный товарищъ и большой пріятель, полковникъ Петръ Александровичъ Ушаковъ, лейбъ-драгунъ, при объявленіи войны перешедшій въ Вознесенскій уланскій полкъ. Я нашелъ Ушакова въ весьма удрученномъ состояніи. Умница, замѣчательно способный, кончившій по I-му разряду инженерную академію и только изъ каприза, получивъ на экзаменѣ въ академіи генеральнаго штаба изъ какого-то предмета 11, а не 12—вышедшій изъ оной, не окончивъ курса, отличный кавалеристъ и симпатичнѣйшій человѣкъ, Ушаковъ былъ сильно раненъ въ Рущукскомъ отрядѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 29-го іюня 4-й эскадронъ Вознесенскаго уланскаго полка, подъ его начальствомъ, былъ посланъ изъ д. Сидикіой черезъ д. Карахасанъ-кіой для рекогносцировки дороги въ д. Церковну. У д. Чаиркіой онъ увидѣлъ турецкій транспортъ и тотчасъ атаковалъ его прикрытіе, укrywшееся подъ защиту повозокъ. Однимъ изъ первыхъ былъ сильно раненъ Ушаковъ, и вслѣдъ за нимъ былъ убитъ другой офицеръ эскадрона, молодой и отличный штабсъ-ротмистръ Литвиновъ, мой ученикъ въ учебномъ кавалерійскомъ эскадронѣ, теперешняя офицерская кавалерійская школа. Эскадронъ отошелъ назадъ, Ушаковъ съ двумя оставшимися при немъ уланами былъ отрѣзанъ отъ своихъ, а затѣмъ сбился съ дороги. Командиръ полка, полковникъ Коровиченко, узнавъ о бѣдѣ, постигшей 4-й эскадронъ, пошелъ на выручку съ тремя эскадронами, произвелъ нѣсколько атакъ на транспортъ, но успѣха не имѣлъ и Ушакова не отыскалъ. Уже поздно ночью присоединился Ушаковъ съ сопровождавшими его уланами къ отряду. Благодаря особенному счастью, не были они замѣчены турками въ лѣсу въ то время, когда, блуждая болѣе 10-ти часовъ, отыскивали дорогу. Уланы, рядовые Франчакъ и Тотулай, не покинули Ушакова, а находились при немъ безотлучно, не смотря на то, что онъ, считая плѣнъ или гибель неизбежными, настойчиво уговаривалъ ихъ бросить его и спастись. Трудно, конечно, описать все, что пережили они въ лѣсу, куда доносились крики турокъ, гдѣ они могли быть ежеминутно открыты; къ довершенію ужаса этого положенія присоединилась еще жажда и тяжелая рана, полученная Ушаковымъ. Пуля прошла вдоль руки отъ кисти до локтя, исковеркавъ на своемъ пути кость и раздробивъ поверхность ея на мелкіе куски и осколки. Эти осколки, по мѣрѣ отдѣленія ихъ отъ главной кости,

<sup>1)</sup> Пройдетъ, пройдетъ; немного покоя, и все кончится.

производили постоянное нагноеніе, то тамъ, то тутъ, и подвергали несчастнаго Ушакова постояннымъ операціямъ и разрѣзамъ нарывовъ, при чемъ часто вынимались еле уловимые микроскопическіе кусочки и никогда нельзя было знать, что это конецъ или будетъ еще. Можно себѣ представить, какъ дѣйствовали на организмъ и на душевное состояніе раненаго эти нескончаемые разрѣзы и дезинфекцірованіе, эта постоянная пытка. И все-таки человѣкъ живетъ надеждой; надѣясь, что выйдетъ же когда-нибудь послѣдняя косточка, Ушаковъ не соглашался на ампутацію руки. Конечно, на это рѣшеніе вліяло предположеніе докторовъ, что когда кончатся отдѣленіе костей и прекратятся постоянные нарывы, то, при пособіи медицины, начнется наростаніе не кости, конечно, а мозоли и будетъ все-таки рука; ампутація же кончитъ все сразу. Ушакову было всего 34 года, онъ имѣлъ хорошія средства, жизнь еще, казалось, предстояла большая... и онъ ждалъ исцѣленія. Ничто не помогло; промучившись года полтора, безуспѣшно отыскивая средства заглушить страданія, онъ, полный силъ, жажды жизни — калѣка съ постоянными, нестерпимыми болями, въ припадкѣ отчаянія, покончилъ съ собой въ декабрѣ 1878 года въ Петербургѣ.

Какъ уже сказано выше, я засталъ Ушакова въ мрачномъ настроеніи и страдающимъ. Но, не смотря на всю тяжесть своего положенія, Ушаковъ огорчался тогда очень тѣмъ, что уже наступалъ сентябрь, а онъ не получилъ еще обѣщанной награды.

По поводу поздняго полученія наградъ въ послѣднюю войну нашу съ турками, о чемъ я говорилъ уже раньше <sup>1)</sup> и что вызывало большое неудовольствіе и даже ропотъ офицеровъ и солдатъ, не могу не привести здѣсь интересное сопоставленіе. Въ отечественную войну, 1812 года, награды, даже малымъ оберъ-офицерскимъ чинамъ, выходили очень быстро: черезъ четыре и даже три недѣли послѣ совершенія отличія, а между тѣмъ въ то время рабочія силы военныхъ канцелярій были гораздо слабѣе, не было скоропечатныхъ машинъ, гектографовъ, копировальныхъ прессовъ, даже стальныхъ перьевъ не было, не говорю уже о желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ. Въ послѣднюю войну нашу съ турками полученіе наградъ черезъ 6—8 мѣсяцевъ по совершеніи отличія лицами, гораздо выше поручика и штабъ-капитана, было явленіемъ зауряднымъ, не смотря на весьма малыя разстоянія отъ мѣстъ сраженій до главной квартиры <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ. Стр. 443.

<sup>2)</sup> „Русскій Инвалидъ“. 1903 г. № 25. Къ матеріаламъ по исторіи русскаго генеральнаго штаба. П. Паренсовъ.



Въ томъ же госпиталѣ, но въ другой палатѣ, лежалъ сильно раненый подъ Ловчей, кажется, на вылетъ въ грудь, съ поврежденіемъ легкихъ, офицеръ гвардейской конной артиллеріи Саввиновъ, прибывшій на войну въ конвоѣ его величества и отличившійся еще при взятіи Тырнова отрядомъ генерала Гурко. Саввиновъ очевидно умиралъ, цвѣтъ лица его былъ изжелта-блѣдный, не той блѣдностью, которую я подмѣтилъ у Рядинскихъ, Нагловскаго и Добровольскаго, людей здоровыхъ, а нормальной (если можно такъ выразиться), болѣзненной блѣдностью уходящаго человѣка. Не смотря на ясные, очевидные признаки надвинувагоса и близко стоящаго конца, молодой, здороваго сложенія и красивый Саввиновъ, такъ же, какъ и Ушаковъ, хотѣлъ жать, нервничалъ и сердился на окружающую обстановку, бранилъ госпиталь, хотя госпиталь былъ идеальной чистоты и въ отличномъ порядкѣ, бранилъ докторовъ, не умѣющихъ, по его словамъ, лѣчить, хотя доктора были русскіе и изъ лучшихъ, и все повторялъ раздраженнымъ голосомъ: «Поскорѣй бы отсюда—въ Россію, домой. Тамъ быстро поправлюсь». Но онъ не поправился и умеръ.

Встрѣтился я въ Бухарестѣ и съ прежними знакомыми. Милѣйшій баронъ Стюартъ былъ опять въ большихъ хлопотахъ, но уже другаго свойства. Высшая политика (*la haute politique*) отъ него отошла, такъ какъ въ Бухарестѣ на лицо была наша высшая дипломатическая сила, самъ канцлеръ, а за Дунаемъ были Гамбургеръ и Нелидовъ, но замѣнъ политическихъ передрыгъ у него были домашнія заботы, весьма хлопотливыя и барона сильно беспокоившія: въ его домѣ жилъ канцлеръ князь Горчаковъ съ безотлучнымъ его спутникомъ, состоявшимъ при немъ барономъ Фредериксомъ. Стюартъ и Фредериксъ весьма тяготились постояннымъ лицезрѣніемъ князя, требовавшаго неуклоннаго ихъ присутствія, въ особенности послѣдняго. Отъ нечего дѣлать, князь по вечерамъ усердно посѣщалъ многочисленныя маленькіе театрики въ увеселительныхъ садахъ столицы Румыніи—Бухареста, этого *petit Paris*. Баронъ Стюартъ, хорошо знавшій Бухарестъ и его жителей, обязанъ былъ сопровождать князя въ этихъ экскурсіяхъ въ качествѣ свѣдущаго человѣка, но все же иногда ускользалъ отъ этой обязанности, а блѣдный Фредериксъ долженъ былъ находиться безотлучно, сердился и повторялъ, пожимая плечами: «*c'est un mariage impossible*»! Князь Горчаковъ былъ замѣчательно находчивъ, остроуменъ и своими рассказами, а въ особенности острыми и быстрыми *reparties* приводилъ въ восторгъ румынъ и румынскихъ дамъ.

Встрѣчалъ я также много старыхъ знакомыхъ-румынъ; всѣ они тогда относились ко мнѣ очень любезно; о послѣдовавшей по Санъ-Стефанскому миру урѣзкѣ части Бессарабіи, отошедшей отъ Румыніи и возвращенной Россіи, тогда еще рѣчи не было: не было сдѣлано еще

этого sacrilège, offense à la nation, offense au droit, noire ingratitude <sup>1)</sup> и отношенія съ румынскимъ обществомъ были превосходныя. Но, конечно, характеръ интеллигенціи остался прежній. На углу улицы Подъ-Могошой, у самаго Hôtel Boulevard повстрѣчался я какъ-то съ однимъ знакомымъ мнѣ ex-Sénateur, или ex-ministre, фамилію котораго точно не помню, но, конечно, съ неизбѣжнымъ окончаніемъ на «яно», «ано» или «ско» <sup>2)</sup>. Надо замѣтить, что вообще въ южныхъ балканскихъ государствахъ, а также и въ Румыніи, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ правительства и представителей націи въ палатахъ и сенатѣ (гдѣ таковой есть), а также вслѣдствіе присущаго маленькимъ народцамъ большаго тщеславія, можно встрѣтить массу лицъ не у дѣлъ, но чѣмъ-то прежде бывшихъ, и вотъ является большое количество эксъ-депутатовъ, эксъ-сенаторовъ и эксъ-министровъ. Это эксъ-званіе непременно пропечатывается на визитной карточкѣ, а въ разговорѣ, желая снискать расположеніе или выказать особую пріятно-щекочущую любезность, слово эксъ надо выпустить, и при томъ такъ, нечаянно, какъ будто для краткости; бывшимъ: министру, посланнику или сенатору крайне пріятно, если, забывая его настоящее ненахождение у дѣла, какъ бы игнорируя эту ошибку всегда несправедливаго, измѣнчиваго правительства, къ нему обратятся, титулуя excellence, отдавая такимъ образомъ должную дань его дѣйствительнаго превосходства и стоимости, въ данное время неоцѣненныхъ неблагодарнымъ отечествомъ; такая дань, признаніе дѣйствительной стоимости и заслугъ встрѣчена будетъ съ тайнымъ восторгомъ, соединеннымъ съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ выраженіемъ тайной надежды на будущія, лучшія времена, какъ бы желая сказать: «cela passera, ces mauvais temps. Notre tour viendra, nous reviendrons...»

Вотъ такого-то эксъ не у дѣлъ изъ консерваторовъ-аристократовъ, сбѣлыхъ, такъ какъ у власти стояли тогда либералы—красные, я и повстрѣчалъ; очень любезно разговорились—конечно о войнѣ, погоревали о прошломъ, заглянули немножко въ будущее и когда я высказалъ въ общихъ моихъ взглядахъ нѣкоторую долю пессимизма, столь понятнаго и извинительнаго послѣ всѣхъ «ужасныхъ дней», мой собесѣдникъ съ неподражаемымъ апломбомъ, увѣренностью въ правотѣ своего воззрѣнія, добродушно-снисходительно, но ужасно для меня обидно-покровительственно, положивъ мнѣ руку на плечо, сказалъ: «mais allons donc, nous sommes avec vous»...

<sup>1)</sup> Святотатство, оскорбленіе націи, оскорбленіе права, черной неблагодарности (за услугу и содѣйствіе подъ Плевной). П. П.

<sup>2)</sup> Большинство румынскихъ фамилій кончаются на „яно“ и „ано“, какъ напр. Братіано, Фалькояно, Когальничано, Сланничано, или на „ско“, какъ—Флореско, Вокареско, Бибеско, Солеско и т. д.

Въ былое время, особенно до войны, я навѣрное раскипятился бы, весьма вѣроятно отвѣтилъ бы съ горичностью, можетъ быть даже рѣзко оборвалъ бы нахала, но тутъ я ничего такого не сдѣлалъ. Думаю, что это иное отношеніе происходило вслѣдствіе всего со мной въ послѣднее время происшедшаго,—и путешествія, подъ охраной запѣтъ, на улицахъ Рушукъ, и несчастной для меня Грозуйской исторіи <sup>1)</sup>, незабываемыхъ Зеленыхъ горъ и всѣхъ трудныхъ положеній и «ужасныхъ дней»; думаю, что тутъ совершался уже во мнѣ, незримо для меня, но ощутительно во вѣншихъ проявленіяхъ, тотъ нравственный переломъ, который является у человѣка при окончательномъ переходѣ въ зрѣлость, наступающую не вслѣдствіе вступленія въ извѣстные годы, по счету лѣтъ отъ роду, а вслѣдствіе пройденнаго жизненнаго пути, вслѣдствіе пережитаго.

Я сказалъ, что этотъ переломъ уже совершался, но еще не совершился вполне; много еще предстояло впереди такого, чтобы онъ совершился совсѣмъ. Предстояло еще быть сильно контуженнымъ, больнымъ, ѣхать назадъ отъ Орханіе до Богота въ теченіе многихъ дней, въ особой повозкѣ для раненыхъ, изобрѣтенной графомъ Сологубомъ, лежа на спинѣ, почти безъ возможности двигаться; ѣхать назадъ, когда всѣ шли впередъ и при томъ шли не къ пораженію, а къ побѣдѣ и славѣ; предстояло еще въ освобожденной Болгаріи лѣзть изъ кожи и бороться за русскіе и славянскіе интересы, защищая ихъ отъ вождѣній ближайшаго къ намъ Запада, потерпѣть на этомъ поприщѣ полное личное фіаско, вернуться домой опальнымъ, заподозрѣннымъ, страшно даже вымолвить,—въ революціонномъ и социалистическомъ направленіи и только черезъ шесть лѣтъ послѣ этого кризиса получить утѣшеніе, видя, что мои взгляды на положеніе Болгаріи при первомъ ея князѣ, повлекшіе за собой вначалѣ, какъ я уже сказалъ, полное мое личное крушеніе, въ концѣ концовъ восторжествовали, получивъ одобреніе съ высоты престола великаго императора Александра III, повернувашаго въ 1886 году нашу политику въ Болгарію именно на тотъ путь, который я дерзалъ указывать въ 1879—1880 году.

Все это и многое другое пришлось еще пройти, чтобы дойти, наконецъ, до того умиротвореннаго состоянія, при которомъ, не смотря на появляющіеся иногда и теперь пасмурные дни, обрѣтается сила искать и находить, посреди кажущагося непрогляднаго мрака—свѣтлый лучъ надежды въ торжество милости, добра и правды, тотъ лучъ, который умѣряетъ тревогу жизни и не даетъ изсякнуть ни вѣрѣ, ни мужеству.

Эксъ-сенаторъ меня кольнулъ, и больно кольнулъ; больно потому, что я-то вѣдь зналъ, что мы «убѣдительно» просили ихъ перейти

<sup>1)</sup> Изъ прошлаго. Часть I-я. На войнѣ Гл. VII, VIII и XIV.

Дунай и помочь намъ подъ Плевной, а главное—зналъ, что онъ, этотъ хвастливый сановникъ, тоже все это знаетъ<sup>1)</sup> и знаетъ также, что и мнѣ это извѣстно, а потому я бахвалится; но когда прошло первое болевое ощущеніе этого укола, я только посмотрѣлъ на высокаго, упитаннаго, наряднаго собесѣдника моего и ничего не отвѣтилъ: мнѣ стало жалко человека въ его напыщенномъ и ходульномъ ничтожествѣ.

#### IV.

М. Д. Скобелевъ и А. Н. Куропаткинъ въ Бухарестѣ. — Торжественное прибытіе военныхъ трофеевъ въ Бухарестъ.—Тылъ арміи.—Генералы Дрентельнъ и Черкесовъ.

Одновременно со мной въ Бухарестѣ проживали М. Д. Скобелевъ и А. Н. Куропаткинъ, помѣстившіеся въ Hôtel Broft. Заходя къ нимъ я не помню, чтобы засталъ Алексѣя Николаевича не за работой; какъ теперь вижу, идя по корридору, налѣво, довольно просторная комната, между окнами столъ, и спиной ко входу сидитъ хозяинъ этого помѣщенія, всегда пишущій, а кругомъ масса бумагъ, испещренныхъ всевозможными почерками и графами. Уже тогда собирались имъ и приводились въ порядокъ матеріалы для будущей книги: «Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева. Ловча и Плевна». Скобелевъ жилъ въ томъ же корридорѣ напротивъ, занимая, конечно, большее помѣщеніе. Одно время онъ сильно прихворнулъ. Онъ былъ назначенъ начальникомъ 16-й пѣхотной дивизіи, въ составъ которой входили прославившіеся подъ его начальствомъ полки: Владимірскій и Суздальскій на Зеленыхъ горахъ, Казанскій подъ Ловчей и доблестный Углицкій полкъ, такъ сильно пострадавшій въ безплодныхъ попыткахъ нашего центра, направленныхъ на Омаръ-бей-табію.

Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Бухарестѣ, Михаилъ Дмитриевичъ былъ, между прочимъ, занятъ организаціей будущаго обѣденнаго стола для себя, своего штаба, ординарцевъ и служебныхъ гостей. Онъ купилъ великолѣпный фургонъ съ лошадьми, въ которомъ предстояло возить кухню, посуду и провизію. Однажды вечеромъ, показывая мнѣ этотъ шикарный фургонъ, стоявшій на дворѣ гостиницы Брофтъ, Скобелевъ хотѣлъ представить мнѣ свое пріобрѣтеніе въ совершенно законченномъ видѣ и послалъ за лошадьми, находившимися на другомъ

---

<sup>1)</sup> Румыны опубликовали нашу секретную телеграмму, въ которой изложена была эта просьба.  
П. П.

дворѣ; я упрашивалъ его не беспокоить себя, вѣря его словамъ, что и лошади и сбруя хороши, но когда Скобелевъ что-нибудь задумалъ, то оно должно было быть исполнено. Зажгли фонари, какіе-то факелы, привели лошадей въ румынскихъ шлеяхъ съ бубенчиками и запрягли. Но куда бѣжали за лошадьми и запрягали ихъ, непосѣда Скобелевъ уже соскучился ожиданіемъ и какъ только запряжка была кончена—ушелъ. За все это онъ заплатилъ, конечно, бѣшенныя деньги, но за то его штабъ могъ быть спокойнымъ относительно желудка. Впослѣдствіи, на той же Рыжей горѣ у Брестоваца, я видѣлъ у Михаила Дмитріевича и обѣденный шатеръ, купленный, вѣроятно, тоже въ Бухарестъ.

Вообще Скобелевъ относился весьма внимательно къ желудку войскъ; такъ, 29-го августа, по полученіи диспозиціи генерала Зотова о штурмѣ 30-го августа, отдавъ въ свою очередь диспозицію по вновь сформированному его отряду, Скобелевъ дополнилъ ее приказомъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «начальникамъ частей озаботиться, чтобы къ 1 часу по полудни <sup>1)</sup> всѣ войска получили обѣдъ, или, по крайней мѣрѣ, воду, сухари и по фунту варенаго мяса», и мы видѣли, что 30-го августа, передъ боемъ для овладѣнія третьимъ гребнемъ, оуздальцы, въ десятомъ часу утра, ѣли горячую кашу, которою угостили и меня <sup>2)</sup>.

Въ Бухарестѣ всѣ знали Скобелева; репутація бѣлаго генерала уже упрочилась, и появленіе его на улицахъ всегда замѣчалось.

Выше я сказалъ, что въ то время, до поднятія щекотливаго вопроса о Бессарабіи, румыны относились къ намъ очень любезно; мы платили имъ тѣмъ же. Какъ образецъ нашей изысканной любезности, приведу случай, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго былъ самъ Скобелевъ.

Послѣ взятія 30-го августа Гривицкаго редута государь императоръ подарилъ румынской арміи два турецкихъ орудія, тамъ взятыхъ. Ихъ отправили въ Бухарестъ и былъ назначенъ парадъ войскамъ для торжественнаго вступленія ихъ въ городъ. Улицы разукрасились флагами и гирляндами, погода стояла чудесная. Шествіе съ орудіями направилось мимо дворца, по улицѣ Подъ-Могошой: впереди орудій шли нѣсколько наиболѣе отличившихся румынскихъ солдатъ и съ ними майоръ Попеско, украшенный нашимъ Георгіемъ. Естественно, что смотрѣть на такое торжество вышелъ весь Бухарестъ; окна и балконы были наполнены зрителями и зрительницами, а толпы ликующаго и восторженнаго народа загроутили улицы, оставляя свободной только небольшую дорожку для торжественнаго шествія. Въ числѣ зрителей на

<sup>1)</sup> 30-го августа.

<sup>2)</sup> «Русская Старина» 1902. Декабрь. «Ужасные дни». Гл. IV.

тротуарѣ стоялъ и Скобелевъ. Увидѣвъ Попеско съ Георгіемъ, онъ быстро подошелъ къ нему, отрекомендовался, и шествіе на минуту приостановилось. Скобелевъ, въ очень любезныхъ выраженіяхъ, по-французски, воздалъ похвалу доблестному поведенію Попеско и просилъ его сдѣлать ему, Скобелеву, честь помѣняться крестами. При остановкѣ шествія толпа придвинулась къ орудіямъ, многіе ближайшіе слышали разговоръ и перевели остальнымъ, что у русскихъ военныхъ существуетъ обычай братанія храбрыхъ, символомъ котораго служить обмѣнъ крестомъ. Картина была очень красивая; только высокій, видный Скобелевъ, какъ всегда одѣтый щегольски, подавлялъ своей мощной, блестящей фигурой маленькаго, чернявенькаго майора Попеско. Хотя все это длилось не долго, но все же надо было время главнымъ дѣйствующимъ лицамъ снять кресты, обмѣняться ими и опять надѣть ихъ, такъ что ближайшіе зрители, а также тѣ, которые были въ окнахъ и на балконахъ, могли рассмотреть все происходящее. Громкіе аплодисменты и восторженные крики раздались въ многотысячной толпѣ, и Скобелевъ, бѣлый генералъ, завоевалъ симпатіи румынъ, а Попеско, конечно, плавалъ въ блаженствѣ при такой очевидной оцѣнкѣ его подвига, да еще кѣмъ—самимъ Скобелевымъ и при томъ на глазахъ у всей столицы.

Въ то время въ Бухарестѣ мы играли роль, и весьма естественно, сами, съ свойственнымъ всѣмъ славянамъ, а намъ въ особенности, добродушіемъ, сердечно относились къ нашимъ *frères d'armes*. Тѣ изъ насъ, которымъ приходилось въ то время бывать въ румынскомъ обществѣ, въ румынскихъ салонахъ, не могли достаточно нахвалиться любезностью представителей этого общества; дамы были до крайности любезны. Но знойное южное солнце, вліяніе палящихъ лучей котораго на мозги человека такъ мѣтко, талантливо и съ такимъ добродушнымъ юморомъ описано Альфонсомъ Доде въ его дивныхъ характеристикахъ обитателей города Тарасконъ <sup>1)</sup>, и тутъ сыграло большую роль. Немного спустя послѣ овацій Скобелеву, примѣрно мѣсяца черезъ два, 5-го декабря 1877 года, при отъѣздѣ нашего государя изъ арміи въ Россію, въ Яссахъ, на стѣнѣ станціи желѣзной дороги, ведущей въ Россію, была наклеена огромная лубочная картина, рисованная красками, на которой было изображено: стоитъ колѣнопреклоненный Османъ-паша и почтительно подаетъ свою саблю князю Карлу, благосклонно ее принимающему. Подпись гласила: «Побѣдитель Плевны. 28-го ноября 1877 г.».

Насъ на этой картинѣ не было.

Такъ какъ на станціи, кромѣ румынской полиціи, были и наши же-

<sup>1)</sup> A. Dodet. Tartarin de Tarascon.

лѣзнодорожныя команды и жандармы, то картину успѣли сорвать за нѣсколько минутъ до проѣзда государя.

Извѣстно, что во всѣхъ воюющихъ арміяхъ тылъ—большое мѣсто. Бѣдучи изъ Дуная въ Бухарестъ, я, проѣздомъ, видѣлъ часть его, но видѣлъ преимущественно часть санитарную, гдѣ работа кипѣла и больнаго мѣста еще не было. Въ санитарной части я видѣлъ картины—по духу, аналогичныя съ тѣми, которыя я видѣлъ и въ бою. Основной тонъ этихъ картинъ: самоотверженіе и страданіе, страданіе раненыхъ и самоотверженное ихъ терпѣніе и покорность судьбѣ, самоотверженная работа докторовъ, санитаровъ, сестеръ милосердія и страданія ихъ, когда работа была не подъ солнцемъ, по количеству ея, или когда усилія ихъ и искусство не приводили къ счастливому исходу, когда изъ-подъ усталыхъ, окровавленныхъ рукъ ихъ уносили трупъ или калѣку. Но въ Бухарестѣ тылъ былъ другой. Въ санитарной части тылъ былъ страждущій, скорбный, а въ Бухарестѣ тылъ былъ пирующій<sup>1)</sup>.

Въ канцеляріяхъ тыла, конечно, шла работа и большая; типъ нашихъ да и всесвѣтныхъ канцелярій перенесся, понятно, и сюда. Были олимпійцы, рѣшители вопросовъ всяческаго снабженія, властно принимавшіе доклады, полагавшіе резолюціи: «исполнить», «отказать», «доложить»; эти больше сидѣли по домамъ, въ хорошихъ квартирахъ. Были скромные труженики, сидѣвшіе не по домамъ, а въ «присутствіи», представлявшіе разныя соображенія и писавшіе доклады въ нѣсколько страницъ, на которыхъ потомъ властной рукой полагалась одна изъ вышеприведенныхъ резолюцій; были просители, былъ, конечно, и израиль. Очень много израиля,—цѣлый народъ. Но не въ канцеляріяхъ надо было видѣть тылъ—большой тылъ; чтобы его увидѣть, надо было пойти вечеромъ въ увеселительные сады, въ кафе-шантаны, а потомъ къ Брофту въ отдѣльныя кабинеты.... Тамъ былъ настоящій тылъ и при томъ тылъ пирующій, ликующій.

Интересно было прослѣдить отношеніе войскъ къ тылу и обратно. Строевыя войска относились къ тылу безусловно враждебно; конечно, многое было преувеличено; подъ вліяніемъ напряженныхъ нервовъ, многое въ этомъ отношеніи достигало до размѣровъ, не соответствовавшихъ истинѣ, но въ общемъ была несомнѣнная враждебность, и этому, конечно, много помогалъ вездѣсущій и царящій израиль, начиная съ его представителей, королей, и кончая мелкими агентами пресловутаго товарищества продовольствія, перевозокъ, транспортовъ и разныхъ поставокъ, подрядовъ, коммисіонерствъ, агентствъ, имъ же имя—легионъ. Тылъ,

<sup>1)</sup> Говорю это вообще, помня, что нѣтъ правила безъ исключеній.

въ свою очередь, конечно, въ лицѣ главныхъ его заправилъ, смотрѣлъ на строй свысока. Казалось, что они думаютъ: что ваша работа?... вотъ посмотрите, что у насъ дѣлается, какова наша работа.... Вы вѣдь одно только и умѣете намъ предъявлять: «подай», да «пришли», а мы все это должны предусмотрѣть, подготовить, «подать» и «прислать». Что вы безъ насъ? Вы и воюете-то неважно, а кушать требуете.—Поми-луйте, возражаетъ строй: а смерть, смерть ежечасная, ежеминутная?—Смерти, государь мой, никто не минуетъ; а вы вотъ, вы и безъ пуль смерть-то увидите, если мы не «предусмотримъ», да своевременно не «пришлемъ».

Выходило какъ будто и вѣрно; но на бѣду вспоминается садикъ, фонарики и гирлянды на желтѣвшихъ уже деревьяхъ, столы, сильно и даже весьма сильно уставленные, и разухабистая шансонетка: «Voyez rag-si, voyez rag-là».... а за рѣшеткой сада, опять—всевидащій, всевъ-дущій,—услужливый израиль.

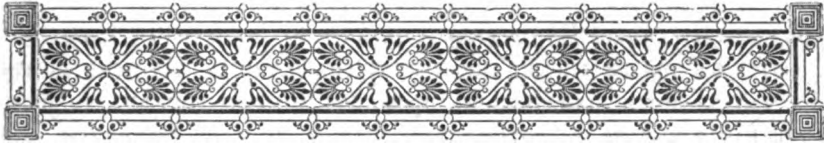
Какимъ гигантомъ на фонѣ этого низа стоялъ глава тыла, доблест-ный, безупречный Александръ Романовичъ Дрентельнъ! Всѣ знавшіе этого высокопочтеннаго человѣка, конечно, съ сердечнымъ чувствомъ уваженія скажутъ, его вспоминая: «миръ его праху»....

Упомянувъ объ А. Р. Дрентельнѣ, нельзя обойти молчаніемъ его ближайшаго сотрудника, почтеннѣйшаго генерала Черкесова, бывшаго у него начальникомъ штаба; но что могли они сдѣлать въ этой много-тысячной, разнокалиберной арміи тыла, по существу дѣла своего свя-заннаго съ гешефтомъ!

П. Паренсовъ.







## Письмо П. Пирлинга о Маринѣ.



Интересная статья г. Синюхаева «Марина и шахъ Аббасъ II», напечатанная въ апрѣльской книгѣ «Русской Старины», даетъ мнѣ поводъ къ обмѣну мыслей съ ея авторомъ и съ нашими общими читателями.

Г. Синюхаевъ жалѣетъ, что въ статьѣ «Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома» («Русская Старина» февраль 1903), я не воспользовался «богатымъ матеріаломъ для біографіи и характеристики злополучной развѣчанной царицы, помѣщеннымъ въ «Актахъ историческихъ» и въ «Памятникахъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей».

Какъ бы относительно ни было по своему существу понятіе о богатствѣ, однако же съ тѣмъ, что приведенные источники содержатъ «богатый» матеріалъ для жизнеописанія Марины, согласиться никакъ нельзя. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прочесть статью г. Синюхаева. Тѣмъ не менѣе, при скудости извѣстій о Маринѣ, и этотъ матеріалъ имѣетъ важное значеніе, и упускать его изъ виду конечно не слѣдуетъ.

Вотъ почему въ III томѣ моего сочиненія *Ia Russie et le Saint Siège*, стр. 388, и есть ссылка на «Акты историческіе». Повторять ее въ февральской статьѣ, написанной преимущественно по польскимъ и испанскимъ источникамъ, казалось мнѣ излишнимъ. Ближайшею цѣлью было сообщить кое-что новое и мало извѣстное. Не вѣчно же возвращаться къ тѣмъ же самымъ цитатамъ и утомлять читателей скучными повтореніями. Но если придерживаться «Актовъ историческихъ», то зачѣмъ не исчерпнуть все, что они содержатъ? Здѣсь до меня доходитъ очередь пожалѣть, что г. Синюхаевъ ссылается только на одинъ документъ «дополненій III-го тома» и не обращаетъ вниманія на восемь

документовъ самого III-го тома (стр. 23—30 № 23—30), хотя они относятся къ той же эпохѣ. Такой пропускъ остается для меня загадкой.

Что касается памятниковъ проф. Н. И. Веселовскаго, то я дѣйствительно ими не воспользовался, и здѣсь приношу повинную, благодаря г. Синюхаеву за указаніе, и при первомъ случаѣ пополню этотъ пробѣлъ. По правдѣ сказать, я кругомъ виноватъ, ибо имѣлъ «Памятники» въ моемъ распоряженіи. Только одно обстоятельство можетъ до нѣкоторой степени служить извиненіемъ. Именно «Памятники» изданы такъ, что въ нихъ трудно разобраться, и, при отсутствіи справочныхъ таблицъ, чтобы найти нѣсколько строкъ о Заруцкомъ и Маринѣ, надо прочесть II-й и III-й томы цѣликомъ.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на возведенные упрёки, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые замѣчанія.

Г. Синюхаевъ упоминаетъ о томъ, что Заруцкій издавалъ свои грамоты отъ имени «государя царя и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Руссіи, и отъ государыни царицы и великой княгини Марины Юрьевны всея Руссіи, и отъ государя царевича и великаго князя Ивана Дмитріевича всея Руссіи». Изъ этого титула выводится «что Заруцкій принялъ на себя роль мужа Марины, кѣмъ онъ и былъ *de facto* въ описываемый періодъ».

Признаюсь, что не вижу, какъ одно слѣдуетъ изъ другого, принятіе роли мужа *de facto* изъ титула Дмитрія Ивановича. Вслѣдъ за испанскими источниками, которые здѣсь кажутся достовѣрными, я полагаю, что Заруцкій былъ мужемъ Марины не только *de facto*, но и *de jure*. Но титулъ здѣсь ни при чемъ. Почему признавать Заруцкаго мужемъ только *de facto*, а не *de jure*, я не понимаю.

Далѣе говорится, что я затрудняюсь рѣшить, какова была участь Марины. Это совершенно вѣрно. И врядъ ли найдется историкъ, который бы здѣсь не признался.

Г. Синюхаевъ утверждаетъ, что въ настоящее время «возможно категорически сказать», что Марина не была ни утоплена, ни сожжена живою.

На чемъ же основывается это категорическое утвержденіе?

Во-первыхъ, на молчаніи московскаго правительства. Въ отвѣтъ на запросъ шаха Аббаса II, оно заявило, что Заруцкій и Маринкинъ сынъ казнены, а о самой Маринѣ не обмолвилось ни полсловомъ. Доказательство чисто отрицательнаго свойства, изъ котораго, какъ мы всѣ знаемъ, ничего нельзя вывести.

Во-вторыхъ, на сообщеніи русскихъ пословъ польскому правительству, что Марина умерла въ Коломнѣ «съ тоски по своей волѣ». Но такое сообщеніе невозможно принять безконтрольно, ибо скрывать казнь Марины отъ поляковъ было выгодно для русскихъ.

Въ-третьихъ, на преданіи о башнѣ въ Коломнѣ, гдѣ умерла Марина. Здѣсь опять-таки простое преданіе, не изслѣдованное, на сколько мнѣ извѣстно, и научно не обработанное.

Нѣтъ, съ такимъ фактомъ, какъ участь Марины, слѣдуетъ обходиться осторожно. Вѣдь московское правительство откровенно заявляло на счетъ Заруцкаго, Марины и ея сына, что «въ животе ихъ воленъ Богъ, да государь: животъ ли имъ велить дати, или ихъ, по ихъ злымъ дѣломъ, велить казнити». Значитъ, вопросъ о казни Марины стоялъ на очереди. Какъ онъ былъ разрѣшенъ, мы навѣрно не знаемъ. Потому «категорически» утверждать что-либо, пожалуй, еще преждевременно. Лучше было бы приступить къ провѣркѣ коломенскаго преданія, которое можетъ привести къ раскрытію истины. Впрочемъ, на основаніи критическаго сравненія, я вовсе не отрицаю, что утопленіе или сожженіе гораздо менѣе правдоподобны, чѣмъ казнь или плѣненіе.

Наконецъ, коснусь и приведеннаго г. Синюхаевымъ мнѣнія Пушкина. Не скрываю отъ себя, что почитатели великаго поэта — а числомъ они легіонъ — вѣроятно забросаютъ меня камнями, но изъ любви и уваженія къ исторіи подвергаюсь этой опасности. Итакъ, мнѣніе Пушкина, по недостатку свѣдѣній, въ виду тогдашняго состоянія науки, могло быть только апріорное. Скажу больше, по тѣмъ же причинамъ, оно не полно и даже несправедливо. Нельзя утверждать, что Марина распутничала, переходя отъ авантюриста къ авантюристу. Напротивъ, она каждый разъ заботилась о вступленіи въ законный бракъ, и надо удивляться, что молодая, красивая, страстная женщина съумѣла, среди отчаянной вольницы, оберечь свое нравственное достоинство. Да и честолюбіе у ней было совершенно своеобразное. Оно развивалось на дѣтско-наивной почвѣ и вдохновлялось убѣжденіемъ своего права на русскій престолъ. Кромѣ того въ сердцѣ ея глубоко таилось чувство религіозности. Тѣмъ и красенъ обликъ Марины, что въ ней какъ-то примиряются самыя явныя противорѣчія. Однимъ взмахомъ пера, безъ историческаго откровенія, никакой геній не обрисуетъ изумительной Марины.

Смутное время еще не выдало всѣхъ своихъ тайнъ. Многое еще не разработано. Въ данномъ случаѣ можно пожелать, чтобы присяжные оріенталисты пересмотрѣли персидскіе источники для сравненія ихъ съ русскими.

П. Пирлингъ.



## Изъ старинныхъ обычаевъ въ городѣ Саратовѣ.

«Мѣщанская дѣвушка въ городѣ Саратовѣ (въ концѣ XVIII и начала XIX столѣтій) идетъ за водою на Волгу, какъ говорится «въ пухъ разряженная». Тутъ молодые парни, женихи присматриваются на нее и часто находятъ въ ней свою суженую.

«Бывшій саратовскій комендантъ Вильгельмъ Антоновичъ Кабрить (скончавшійся въ 1800 г. въ Саратовѣ), не терпя бумажныхъ жалобъ, разбиралъ распри и обиды жителей на словахъ и прекращалъ ихъ въ самомъ началѣ. Изъ множества случаевъ вотъ одинъ, разказанный очевидцемъ: одна дѣвушка неслла съ Волги ведра воды на коромыслѣ. Навстрѣчу ей шелъ по-тогдашнему щегольски одѣтый приказно-служитель, который сказалъ ей что-то непріятное. Она какъ будто не слыхала, что онъ сказалъ; потомъ приказный подошелъ къ ней очень близко и оскорбилъ ругательнымъ словомъ. Послѣ того приказный толкнулъ ее и вышибъ изъ рукъ коромысло съ ведрами. Это происходило днемъ, въ виду многихъ постороннихъ людей и недалеко отъ домика ея матери, которая видѣла все это изъ окошка. Старушка не перенесла оскорбленія, безвинно причиненнаго ея дочери, покоившей мать на старости. Она принесла жалобу коменданту. Вильгельмъ Антоновичъ, выслушавъ ее благосклонно, тотчасъ приказалъ привести къ себѣ обидчика. Уличенный свидѣтелями, онъ сознался и сталъ на колѣни предъ комендантомъ.

— Ты виновенъ не предо мной: проси прощенія у обиженной,—сказалъ Кабрить.

— Мы прощаемъ его,—сказали мать и дочь.

Но приказный не хотѣлъ взглянуть на нихъ.

— Добрые вы люди, истинно благородные и при своей бѣдности. А ты, щеголь, поступилъ низко и дерзко, да и не хочешь передъ ними извиниться. Послѣ этого мнѣ будетъ стыдно, если я не окажу справедливости.

Онъ велѣлъ принести коромысло съ ведрами и, въ сопровожденіи квартальнаго надзирателя, приказному отправиться съ ними на Волгу, почерпнуть воды и принести на то мѣсто, гдѣ сдѣлана обίδα, и тогда дать ему знать.

Обращаясь къ старухѣ и дѣвухкѣ, Кабрить сказалъ: «вы и свидѣтели должны быть на мѣстѣ происшествія».

Старуха и дочь остались у коменданта.

Приказный принесъ ведра воды и стоялъ подъ коромысломъ, въ кругу народа. Комендантъ медлилъ болѣе часа и, наконецъ, съ старухой и ея дочерью въ коляскѣ прибылъ на мѣсто. Вышедши изъ экипажа, онъ подвелъ старуху и дочь ея къ приказному и сказалъ: «Гдѣ займы, тутъ и расплата. Поставь ведра и поклонись обиженной». Виноватый долженъ былъ повиноваться начальнику.

— Теперь вы квиты,—сказалъ онъ и уѣхалъ.

Дѣвушка взяла ведра и понесла ихъ домой, а обидчикъ съ большимъ стыдомъ тоже отправился въ свое мѣсто.

Сообщ. А. Н. Минхъ.



## Записки Э. И. Стогова.

—  
VII <sup>1)</sup>.

Переходъ Э. Стогова въ жандармы.—Американецъ Добель и его супруга.— Л. Дубельтъ.— Графъ А. Бенкендорфъ.— Его характеристика.— Назначеніе Стогова въ Симбирскъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ.— Симбирское общество.— Исторія съ губернаторомъ 3-мъ.— Новый губернаторъ Жирьевичъ

**Я** хорошо зналъ, что рано или поздно, а мнѣ придется отправиться въ Кронштадтъ, чего мнѣ крайне не хотѣлось. Перебирая разныя службы, я нашелъ, что въ жандармахъ болѣе жалованья, и рѣшился искать перевода. Я высказалъ мое желаніе знакомому мнѣ барону Шиллингу; онъ выслушалъ и ничего не сказалъ, но на другой день я получилъ приглашеніе отъ Дубельта, будто бы желавшаго знать о положеніи дѣлъ въ Американской компаніи. Среди разговора онъ ловко предложилъ мнѣ служить вмѣстѣ. Я удивился, но изъявилъ согласіе. Государь былъ тогда на конгрессѣ въ Мюнхен-грецѣ. Князь Меншиковъ былъ уланъ куда-то тоже съ дипломатическимъ порученіемъ.

Дубельтъ спросилъ меня, не будетъ ли препятствія отъ флотскаго начальства? Я отвѣчалъ, что пока нѣтъ Меншикова, то не будетъ, а Меншиковъ не пуститъ. Мнѣ данъ былъ конвертъ къ исправлявшему должность морскаго министра Моллеру съ вопросомъ: нѣтъ ли препятствія о переводѣ меня въ корпусъ жандармовъ. Вотъ тутъ-то и помогъ мнѣ упоминаемый мною билетъ на ложу въ театръ. Директоръ департамента Лермонтовъ прямо объявилъ мнѣ, что у него есть при-

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

казъ отъ князя, чтобы въ его отсутствіе не допускать никакой пере-  
мѣны съ офицерами флота, но тутъ же прибавилъ:

— Я помню, какъ много вамъ обязанъ, и далъ вамъ слово. Завтра же будетъ посланъ отвѣтъ графу Бенкендорфу о согласіи на переводъ, и вы сами послѣ узнаете, какъ много я для васъ сдѣлалъ.

На другой же день, Дубельтъ съ ежедневнымъ курьеромъ отправилъ докладъ о моемъ переводѣ на утвержденіе государя. Только успѣли отдать въ высочайшемъ приказѣ о моемъ переводѣ, какъ возвратился князь Меншиковъ. Тогда строился въ Архангельскѣ фрегатъ по новой методѣ Стефенса. Лермонтовъ спрашивалъ: кого прикажетъ князь назначить командиромъ? Князь написалъ: Стогова изъ Камчатки. Лермонтовъ сказалъ:

— Этого нельзя.

— Что же, развѣ умеръ?

— Нѣтъ, онъ переведенъ въ корпусъ жандармовъ.

— Кто его выпустилъ? Я далъ вамъ приказъ безъ меня никакихъ перемѣнъ не дѣлать.

Адмиралъ Моллеръ помимо меня получилъ бумагу и далъ согласіе.

— Охъ, мнѣ этотъ гнилой! онъ готовъ всѣхъ распустить. А въ приказахъ не отдано?

— Приказы уже вышли. — Что же не обѣщали ему крестъ, что ли? По какой причинѣ онъ пошелъ въ жандармы?

— Онъ говорилъ, что во флотѣ ему ожидать нечего; что товарищи его живутъ хуже казаковъ.

Князь толстѣйшей чертой похоронилъ меня.

Узнавъ все это, мнѣ очень было жаль, что я оставилъ флотъ. Назначеніе командиромъ на такой фрегатъ показало мнѣ, что я былъ на отличномъ счету у князя.

И такъ, совершилось: я жандармъ, т. е. нравственный полицеймейстеръ.

Утромъ я являлся въ штабъ въ формѣ жандарма, а остальной день ходилъ во флотскомъ мундирѣ. Съѣздилъ въ Кронштадтъ, похвастать кавалерійской формой; товарищи и всѣ были удивлены моимъ переходомъ и завидовали.

Мы съ Дубельтомъ скоро сдѣлались друзьями; онъ тогда былъ еще полковникъ и начальникъ штаба, часто бывалъ безъ денегъ и занималъ у меня по 300—400 рублей, но насъ сблизило преглупое обстоятельство. Американецъ Добель былъ въ Китаѣ комиссіонеромъ какого-то богатаго торговаго дома. Нашъ корабль, подъ командою Крузенштерна, первый разъ зашелъ въ Китайскую гавань. Туземцы сильно притѣсняли Крузенштерна, и корабль чуть не подвергся аресту. Добель оказалъ важныя услуги Крузенштерну, а за услугу просилъ рекомен-

дации у русскаго правительства. Добеля, бывшаго тогда въ большой славы, пригласили въ Питеръ и назначили консуломъ на Филиппинскихъ островахъ и на всемъ Восточномъ океанѣ. Отправился Добель въ Камчатку берегомъ; проѣзжая Тобольскъ, будучи въ гостяхъ у полицеймейстера, онъ увидѣлъ дѣвушку, подающую чай. Добель говорилъ мнѣ, что онъ былъ вдовъ, первая жена была красавица, и онъ страстно ее любилъ; какъ же онъ былъ пораженъ, увидѣвъ въ дѣвушкѣ свою любимую жену—сходство было поразительное. Добель, узнавъ, что дѣвушка крѣпостная и ей 16 лѣтъ, предложилъ купить ее, и съ него ловкій полицеймейстеръ взялъ будто бы 10 тысячъ руб. Добель женился, и изъ Дашутки сдѣлалась—Дарья Андреевна. На Филиппинскихъ островахъ въ Манилѣ, онъ воспиталъ свою жену, она говорила по-испански—какъ аристократка, манеры получила превосходныя, но съ этимъ и выросла, какъ добрый гренадеръ, такъ что я въ трехугольной шляпѣ былъ ниже ея. Однажды Добель получилъ заказъ отъ извѣстнаго безсчетнаго милліонера американца Армстронга—купить соболей въ Камчаткѣ. Армстронгъ надѣялся быть монополистомъ въ русскихъ владѣніяхъ Восточнаго океана. Добель поселился въ Петропавловской гавани; я зимовалъ тамъ же, и дома наши были рядомъ. Познакомившись, Добель очень полюбилъ меня и, предполагая во мнѣ знаніе свѣта и приличій, просилъ меня быть наставникомъ Дарьи Андреевны, — я охотно согласился. Дарья Андреевна очень выросла, но не подурнѣла, она была огромна, но пропорціональна и прекрасна. Манеры ея были настоящей аристократки, одѣвалась съ большими вкусомъ. Рикордъ говорилъ, что она на испанскомъ языкѣ и по-англійски говорила превосходно, но лишь только заговорить по-русски — мужикъ-мужикомъ, выговоръ сибирскій: «пошто пошелъ, не проѣдайся, экой озорникъ» и тому подобное. Въ этой красивой женщинѣ были двѣ особы: испанка и англичанка — очень приличны, а русская — нестерпимо груба и даже глупа. Я скоро сдѣлался ея другомъ. Добель привезъ съ собою прикащиковъ-американцевъ, и русскіе торговцы надували ихъ. Кончилось тѣмъ, что цѣлый корабельный грузъ товаровъ улетучился, а Добель соболей не получилъ. Я засталъ Добеля въ Петербургѣ въ плохихъ дѣлахъ, онъ устарѣлъ, денегъ нѣтъ и ничего впереди. Съ Дарьей Андреевной моя старая дружба возобновилась. Я уже былъ жандармомъ, но долго еще ходилъ въ флотскомъ платьѣ. Былъ концертъ въ домѣ Николая Ивановича Греча, былъ тамъ и Добель съ женою. Случайно, я сѣлъ какъ разъ сзади Дарьи Андреевны, по старому знакомству; когда всѣ внимательно слушали музыку, она шалила со мною. Кончился концертъ, всѣ встали, кто-то уцепилъ мнѣ лѣвую руку выше локтя, да такъ больно, что я съ трудомъ удержался отъ крика. Смотрю, это Дубельтъ. Я думалъ, что онъ съ ума сошелъ:

маленькіе его глаза горять, какъ угольки, самъ красивый, воспламененный, задыхается.

— Что съ вами, зачѣмъ такъ больно ушибнули?

— Молчи, пойдемъ къ амбразурѣ окна.

Онъ приступилъ ко мнѣ съ разпросами: кто та дама, которая шла со мною? Какъ я съ нею знакомъ? Давно ли? и проч. Тутъ же признался мнѣ, что онъ лучшей красавицы не видалъ во всю жизнь, что онъ просто влюбленъ въ нее страстно. Оказалось, что этотъ небольшого роста человѣчекъ можетъ любить только большого роста женщину, и чѣмъ выше, тѣмъ онъ ему привлекательнѣе, но Дарья Андреевна была гигантъ между женщинами и, правда, очень хороша. На другое утро Дубельтъ признался, что онъ не спалъ всю ночь, передъ нимъ стояла Дарья Андреевна. Онъ, какъ друга, просилъ меня познакомить его съ нею и за то онъ цѣлую жизнь будетъ мнѣ слуга. Такой человѣкъ, какъ Дубельтъ, былъ мнѣ очень нуженъ; я видѣлъ, что онъ пойдетъ далеко, скрѣпить дружбу съ нимъ было не только нужно, но и очень для меня важно. Я далъ ему слово хлопотать по этому дѣлу. Взявшись за глупость, я рѣшился и поступать глупо. Въ тотъ же день, не заставъ Добея дома, я въ спальнѣ упалъ на колѣна передъ Дарьей Андреевной и вотъ нашъ разговоръ:

— Ты чего дурачишься?—спросила она.

— Я, сударыня Дарья Андреевна, самый покорный проситель.

— Это что еще выдумалъ; пошелъ, не дури, прошалыга.

Я приставалъ и просилъ.

— Да что тебѣ надоть, вѣрно какое-нибудь дурачество?

Я рассказалъ ей откровенно положеніе дѣла и какъ мнѣ нуженъ Дубельтъ, и что онъ устроить судьбу ея мужа. Положено было встрѣтиться на другой день у Мордвинова на обѣдѣ. Дубельтъ былъ въ восторгѣ, цѣловалъ меня и обѣщалъ заслужить.

Я долженъ былъ получить назначеніе въ одну изъ губерній—штабъ-офицеромъ, но мнѣ еще хотѣлось пожить въ Питерѣ. Дубельтъ помѣстилъ меня при графѣ Бенкендорфѣ по особымъ порученіямъ. Какъ-то Дубельтъ захворалъ и приказалъ мнѣ идти съ портфелемъ къ графу, для доклада и подписи бумагъ. Докладъ сошелъ хорошо. Графъ постоянно называлъ меня Стокгофъ—я не противорѣчилъ, у нѣмца выгодно быть нѣмцемъ. Много разъ я занималъ должность Дубельта при приѣмахъ графа и входилъ въ роль дѣльца, а узнавши графа—смѣло лгалъ—чего не зналъ, и шло хорошо.

Былъ у меня двоюродный братъ, Вася Семеновъ; онъ былъ тогда цензоромъ, и у него часто собирались литераторы; я бывалъ на этихъ любопытныхъ вечерахъ въ морской формѣ. Вася даже не зналъ, что я жандармъ. Тогда былъ диктаторомъ русской словесности Осипъ Ива-



новичъ Сенковскій. Онъ издавалъ журналъ «Библіотеку для чтенія», журналъ гремѣлъ, онъ былъ во всѣхъ домахъ и во всѣхъ рукахъ. Въ одинъ вечеръ у Васи собралось человѣкъ 6 писателей, которымъ онъ съ горемъ объявилъ, что имѣетъ великолѣпную, небывалую въ русской литературѣ вещь, но не смѣетъ пропустить, а не пропустить—преступленіе. Его просили прочесть. Вася былъ замѣчательный чтецъ, онъ вынесъ тетрадь и началъ читать: «Большой выходъ у Сатаны», Сенковскаго. При чтеніи этой пьесы, всѣ приходили въ восторгъ: языкъ, сравненія, обороты — все было неслыханно. Восклищаній, удивленій, похваламъ не было конца, нѣкоторыя мѣста перечитывались два—три раза съ равнымъ восхищеніемъ. Вася объявилъ, что пьесу эту онъ пропустить не смѣетъ: всѣ возстали противъ него,

— Это преступленіе,—говорили слушатели,—это грабежъ литературы, это убійство таланта, это святотатство; лучше лишиться мѣста, чѣмъ погубить такой перлъ литературы.

Долго судили и редили, что дѣлать. Вася рѣшилъ: отнести завтра эту вещь для просмотра графу Бенкендорфу, и если онъ дозволитъ, то никто не будетъ отвѣчать. При этомъ Вася надѣялся на содѣйствіе Дубельта.

По утру я былъ въ пріемной графа и распоряжался просителями вмѣсто больного Дубельта. Входитъ Вася съ тетрадью, подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Гдѣ Леонтій Васильичъ Дубельтъ?

— Я вмѣсто него къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ я.

Насилу узналъ меня Вася, даже поблѣднѣлъ.

— Что это значить, Эразмъ?

— Ничего, я вмѣсто Дубельта, и только.

— Я ничего не понимаю.

— И понимать нечего, буду у тебя, объясню. Я знаю, ты принесъ статью, хорошо, я помогу, чѣмъ могу.

Вышелъ графъ; онъ зналъ Васю, который представилъ ему статью и сказалъ, что въ ней ничего нѣтъ, но можетъ быть задѣтъ кто-либо изъ вельможъ, отношеній которыхъ онъ тонко не знаетъ. Бенкендорфъ передалъ мнѣ тетрадь и приказалъ положить у него на столѣ, а Васѣ придти чрезъ недѣлю. Я положилъ статью подъ старыя бумаги и придавилъ ихъ прессъ-папье.

Надобно хотя немного познакомить читателя съ Бенкендорфомъ, о которомъ ходило много разсказовъ по поводу его забывчивости. Гр. Бенкендорфъ жилъ въ Большой Морской, въ той же улицѣ остановился французскій посланникъ дома черезъ четыре. Графъ пошелъ пѣшкомъ отдать визитъ посланнику, но его не было дома. Графъ хотѣлъ отдать визитную карточку, но не нашелъ ея въ карманѣ. Тогда графъ говоритъ

швейцару: запиши меня, ты меня знаешь? Швейцаръ былъ новый, отвѣчалъ: Не могу знать, какъ прикажете записать? Графъ вспоминалъ, вспоминалъ и никакъ не могъ вспомнить своей фамилии. Досадуя на себя, пошелъ домой, обѣщая прислать карточку. По дорогѣ встрѣтилъ его гр. Орловъ и, сидя на дрожжахъ, закричалъ: Гр. Бенкендорфъ! Послѣдній обрадовался, будто что-то нашелъ, махнулъ рукой Орлову и, повторяя про себя: «Гр. Бенкендорфъ», вернулся къ посланнику и записался. Этотъ анекдотъ повторялъ весь Питеръ, и зналъ о немъ государь.

Бенкендорфъ былъ лично храбрый человѣкъ, но въ администраціи понималъ мало. Графъ былъ добрейшее существо, и я не знаю ни одного случая, кому бы онъ сдѣлалъ зло. Разъ онъ былъ отчаянно боленъ; съѣхалась вся знать къ графу изъ участія, пріѣхалъ и государь. Выходя изъ комнаты графа, государь обратился къ присутствовавшимъ и сказалъ:

— Вотъ умираетъ человѣкъ, который никогда ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими изъ васъ помирилъ. Я хочу, чтобы вы все знали это; а у самого государя были слезы.

Графъ былъ щеголь, всякое утро парикмахеръ убиралъ немногіе его волосы. Съ 9-ти часовъ утра зала его была уже полна просителями. Въ 10-ть часовъ, онъ, по-домашнему, въ сюртукѣ безъ эполетъ, выходилъ и выслушивалъ каждаго просителя; съ дамами былъ чрезвычайно вѣжливъ. Случилось, что дама, для большаго убѣжденія, стала на колѣна, и я видѣлъ, какъ графъ задрожалъ, измѣнился въ лицѣ и бросился поднимать,—онъ не могъ выносить униженія женщины. Обойдя просителей, онъ собирался ѣхать во дворецъ, а между тѣмъ временемъ набирались новые просители. Въ 11 или половинѣ 12-го выходилъ графъ въ мундирѣ, опять обходилъ всѣхъ просителей, выслушивалъ и принималъ просьбы. Зная графа, мы хорошо знали всю бесполезность пріемовъ его. Онъ слушалъ ласково просителя—ничего не понимая; прошенія онъ никогда, конечно, уже не видалъ; но публика была очень довольна его ласковостію, терпѣніемъ и утѣшительнымъ словомъ. Просьбы разрѣшались въ штабѣ и въ III отдѣленіи. Зная обязанности графа, простительно ему было не входить въ распоряженіе управленія, онъ долженъ былъ подробно знать все, что вчера говорилось и дѣлалось во всей Россіи.

А что статья «Большой выходъ у Сатаны»?

Да ничего, какъ я положилъ подъ бумаги и прессъ-папье, такъ она и лежала.

Черезъ недѣлю приходитъ Вася къ графу за статьею, графъ приказалъ придти еще чрезъ недѣлю. Когда пришелъ Вася по окончаніи назначеннаго срока, то графъ пригласилъ его въ кабинетъ, а мнѣ приказалъ подать статью и сталъ откровенно спрашивать, въ чемъ онъ сомнѣвается.

Вася указалъ на самыя пустыя и невинныя мѣста, графъ прослушалъ и написалъ на послѣднемъ листѣ: «можно печатать. Графъ Бенкендорфъ». Я засыпалъ пескомъ, и статья вышла. Шуму много было въ Питерѣ, обратилъ на нее вниманіе и государь, но сошло все благополучно.

Заболтавшись, забылъ упомянуть, что еще до перевода я, какъ штабъ-офицеръ флота, обязанъ былъ при разводѣ явиться къ государю. Императоръ Николай I былъ верхомъ—что за красавецъ, что за молодецъ, нельзя не любоваться! Насъ, послѣ развода, являлось человѣкъ 30-тъ, я стоялъ изъ послѣднихъ на лѣвомъ флангѣ. Развода и воѣхъ продѣлокъ я почти не видалъ, потому что все смотрѣлъ на истинно русскаго царя. Насъ перекликалъ комендантъ, а богатырскій конь переступалъ только на одного человѣка—и ни разу не сбился. Дошла очередь и до меня.

— Капит.-лейтенантъ Стоговъ изъ Камчатки,—сказалъ комендантъ.

— Долго вы тамъ были?—спросилъ императоръ съ привлекательною улыбкой.

— 12 лѣтъ, ваше величество.

— Скучно тамъ было вамъ?

— Нѣтъ, государь, тамъ много службы и тамъ русское царство.

Николай милостиво поклонился.

Петербургская жизнь мнѣ надоѣла; наступила зима, и я объяснилъ Дубельту о моемъ желаніи уѣхать изъ Питера и говорилъ искренно. Онъ совѣтовалъ не оставлять виднаго мѣста, даже хотѣлъ хлопотать о прибавкѣ мнѣ столовыхъ, но я рѣшительно хотѣлъ разстаться съ Питеромъ. Дубельтъ просилъ меня подумать недѣлю, но и чрезъ недѣлю я говорилъ то же. Тогда, по дружбѣ, онъ далъ мнѣ списокъ всѣхъ губерній и сказалъ: «выбирай, если занято мѣсто—переведу». Надъ спискомъ я порядочно подумалъ, смѣщать другихъ—было не въ моихъ правилахъ. Подумалъ было объ Иркутскѣ, такъ много мною любимомъ, но тамъ не было уже Лавинскаго, при томъ же тамъ приходилось образовать должность, потому что никогда не было тамъ жандарма; болѣе всего остановило меня короткое знакомство со всѣми, а мнѣ не хотѣлось становиться въ неловкія отношенія, которыя могли случиться. Перебираю губерніи: въ одной были родные, въ другой товарищи. Симбирская губернія была вакантна, и тамъ никого не было, ни родныхъ, ни знакомыхъ. На этой губерніи я нарисовалъ якорь и подаль Дубельту. Онъ удивился, что я выбралъ глушь, совѣтовалъ Москву; но я уперся на Симбирскѣ, куда скоро былъ назначенъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, я спросилъ графа Бенкендорфа, въ чемъ будетъ состоять моя прямая обязанность? Онъ отвѣчалъ:

— Утирай слезы несчастныхъ и отвращай злоупотребленія власти, и тогда ты все исполнишь.

— Общество играет въ запрещенныя игры — въ карты, долженъ ли я мѣшаться?

— А ты не любишь играть?

— Нѣтъ.

— Ты не богатъ, но можешь проигрывать въ банкъ до 5 рублей; но не долженъ позволять грабить, обыгрывать молодежь и хранителей казенныхъ суммъ. Ты долженъ быть любимъ и необходимъ въ обществѣ. Если не любятъ жандарма, то онъ бесполезенъ. Въ крайнемъ случаѣ будь рѣшителенъ и смѣлъ, а въ спокойное время... влюбляйся.

Пріѣхалъ я въ Симбирскъ, кажется, 8-го января 1834 г. и, вступивъ въ должность, дѣйствовалъ самостоятельно и самъ за все отвѣчалъ. Въ Симбирскѣ я былъ по праву первымъ, и мое слово имѣло вѣсъ и значеніе. Моей ширмой были въ Петербургѣ Дубельтъ и графъ Бенкендорфъ.

Симбирскъ отъ Москвы болѣе 700 верстъ, а отъ Петербурга до 1.500 верстъ. Въ Симбирскѣ я былъ довѣренное лицо отъ государя, отъ моего такта зависѣла моя сила, т. е. общественное довѣріе и уваженіе, безъ этого я пустая кукла, маріонетка. Довѣріе и уваженіе къ жандармскому мундиру въ Симбирскѣ было разрушено. Передо мной былъ полковникъ Масловъ, типъ старинныхъ полицейскихъ. Онъ хотѣлъ быть сыщикомъ, ему казалось славой рыться въ грязныхъ мелочахъ и хватать знаніемъ семейныхъ тайнъ. Онъ искалъ случая ко всякому прицѣпиться, всѣхъ страшалъ, дѣлалъ исторіи, хотѣлъ властвовать страхомъ и всѣмъ опротивѣлъ. Онъ хотѣлъ быть страшнымъ и достигъ общаго презрѣнія. Жена его любила щеголять знаніемъ всѣхъ оплетенъ и хотѣла имѣть вліяніе на городскихъ дамъ и была такъ дѣятельна, что для помощи мужу осматривала предварительно рекрутъ. Такимъ образомъ я явился къ обществу, предубѣжденному къ жандармскому мундиру, олицетворявшему идею доносчика и несноснаго придираны даже въ частной жизни. Симбирское дворянство многочисленно и богато, жило въ губернскомъ городѣ, потому что столица была далеко. Дворянство положило, чтобы избѣгнуть непріятностей, какія имѣли отъ Маслова, удалить его преемника отъ общества. Съ первыхъ дней моего пріѣзда, наслушавшись о поступкахъ предмѣстника, я понялъ, что довѣріе и уваженіе мнѣ нужно завоевывать. Я зналъ по опыту, что тотъ не находитъ любви, кто ее ищетъ. Общая любовь и довѣріе заслуживаются нравственною правдою, уваженіемъ общественныхъ условій и неприкосновенностью семейнаго домашнего быта. Въ то время въ Симбирскѣ былъ губернаторомъ 3—ій, вотъ этого нельзя миновать, не объяснивъ, потому что сношенія мои упирались въ одного только губернатора. 3—ій былъ внукъ извѣстной статсъ-дамы, служилъ въ Преображенскомъ полку и былъ въ отставкѣ капитаномъ. 14-го декабря 1825 г., во время возму-

щени на Сенатской площади, онъ явился ко дворцу. Государь нѣсколько разъ посылалъ Якубовича образумить бунтовщиковъ и убѣдить ихъ, чтобы покорились. Якубовичъ шелъ къ мятежникамъ и 3—ій за нимъ. Такъ было нѣсколько разъ, и 3—ій, перевязавъ себѣ ногу платкомъ, прихрамывалъ, будто ударили его по ногѣ. Государь видѣлъ все это, не забылъ усердія 3—го и сказалъ великому князю Михаилу Павловичу:

- Спроси его, чего онъ хочетъ?
- Желаю быть губернаторомъ,—отвѣчалъ, не задумываясь, 3—ій.
- Не много ли будетъ?—замѣтилъ великій князь.
- Для государя все возможно.

И вотъ 3—ій губернаторъ въ Симбирскѣ; я слышалъ это отъ него самого. Онъ былъ очень недуренъ собой, образованъ для гостинной, имѣлъ кроткую жену, малолѣтнюю дочь и любилъ хвастаться побѣдами надъ женщинами...

Когда я явился къ нему, онъ спросилъ меня:

- Съ какимъ намѣреніемъ вы сюда прѣѣхали?
- Содѣйствовать возвышенію власти вашего превосходительства.
- Какіе ваши планы?
- Я еще ничего не знаю.
- Имѣете знакомыхъ?
- Никого.
- Если вы намѣрены искренно содѣйствовать мнѣ, то чего вы требуете отъ меня?

— Только личнаго ко мнѣ уваженія, и когда мнѣ нуженъ будетъ секретъ, то сохранить его, и тогда только я буду вамъ полезенъ.

— Это такъ не много, что я не только дамъ вамъ честное слово, но считаю прямою своею обязанностью исполнить.

— Мнѣ болѣе ничего не нужно.

— Я долженъ вамъ сказать, что со мною не сошлись здѣшніе дворяне, я бы желалъ поправить наши отношенія—помогите мнѣ.

— Хорошо, но вы знаете, что я секретный человекъ и, какъ скажу, могу быть полезенъ только тогда, когда мои дѣйствія будутъ оставаться въ секретѣ.

— Буду яѣмъ, какъ раба, какъ могила.—Но что же вамъ угодно, чтобы я сдѣлалъ для васъ?

— Я прошу вашего молчанія.

— Вы, господа жандармы, любите много писать.

— При данныхъ вами обѣщаніяхъ, я дамъ вамъ слово показывать вамъ все, что буду писать въ Петербургъ, но до тѣхъ поръ, пока вы будете исполнять свои условія.

— Мнѣ ссориться съ вами не выгодно: у васъ нѣтъ огорода, а вы всегда можете бросить камень въ мой огородъ.

— Мы ударили по рукамъ и простились.

Я сдѣлалъ визитъ князю Б—ву, который былъ уже седьмое трехъ-лѣтіе губернскимъ предводителемъ дворянства. Первымъ ко мнѣ пріѣхалъ Борисъ Петровичъ Бестужевъ, отставной лейтенантъ начала столѣтія. Старикъ, узнавъ, что я служилъ во флотѣ, не утерпѣлъ не повидаться и упросилъ къ себѣ на балъ. Я не подошелъ ни къ одному помѣщику и не хотѣлъ знать властей. Я подсѣлъ къ вліятельнымъ старушкамъ, игралъ съ ними въ бостонъ, будто нечаянно у нѣкоторыхъ стеръ ремизы и сталъ пріятнымъ игрокомъ. На молодыхъ я и глазомъ не повелъ. Старухи съ перваго же вечера заговорили, что я премилый человѣкъ, хотя и въ голубомъ мундирѣ. Посредствомъ диктаторской власти старухъ, я познакомился почти во всѣхъ домахъ, имѣющихъ значеніе, постепенно сближался съ мужчинами, но не дѣлалъ никому визита, чтобы не называться.

У меня былъ начальникъ команды, капитанъ Подгорный, ему было за 60 лѣтъ, и онъ зналъ всѣ сплетни въ Симбирскѣ; онъ посвятилъ меня во всѣ подробности симбирской жизни.

Вотъ первое происшествіе.

Въ Симбирскѣ были двѣ сестры, старая престарая дѣвицы Дмитріевы, онѣ были родныя сестры знаменитаго тогда поэта Ивана Ивановича Дмитріева, который былъ сдѣланъ министромъ юстиціи. Сестры такъ возгордились братомъ министромъ, что не находили себѣ достойныхъ жениховъ и состарились дѣвицами; одна имѣла свой домъ на Покровской улицѣ, а другая на Московской, такъ по улицамъ ихъ и называли. Онѣ жили уединенно и не принадлежали къ обществу и все потому что братъ министръ. Ждали государя, надобно было покрасить дома. Является къ нимъ мужиковатый частный приставъ и требуетъ выкрасить дома.

— Какъ ты смѣешь насъ беспокоить, — говорили ему старушки, — развѣ не знаешь, что нашъ братецъ министръ?

— Какъ не знать, — отвѣчалъ частный приставъ, знаю; да вотъ и у меня дядя царь Соломонъ, однако, что приказываютъ, то долженъ исполнять.

Зная этихъ чванныхъ дѣвицъ, находчивость частнаго пристава, который никого не зналъ важнѣе царя Соломона, очень смѣшна.

У этихъ дѣвицъ была еще сестра замужемъ и, умирая, оставила двухъ дѣвочекъ. Старухи взяли на воспитаніе каждая по племянницѣ. Дѣвочки выросли въ совершенномъ уединеніи. Старухи хотѣли, чтобы и онѣ остались дѣвицами, и тогда общали оставить имъ значительное свое состояніе. Дѣвочки выросли въ дѣвицъ невѣстъ. Пріѣхали въ отпускъ два лихіе гусара: Митюнинъ, другаго не помню, молодцы, но бѣдняки. Сначала видались въ окнахъ, ходя около домовъ, потомъ дѣ-

вочки пробрались тайно въ маскарадъ благороднаго собранія; тамъ гусары объяснились, дѣвочки позволили увести себя. Назначенъ былъ вечеръ, губернаторъ покровительствовалъ сговорившимся и упросилъ меня не мѣшать счастью молодежи, публика тоже желала успѣха. Схватились старухи своихъ племянницъ, а ихъ и слѣдъ простылъ. Онѣ обратились ко мнѣ и умоляли спасти ихъ племянницъ, предполагая, что онѣ увезены насильно. Я принялъ ихъ просьбу очень серьезно, при старухахъ приказалъ командиру команды привезти ко мнѣ живыхъ или мертвыхъ и послалъ команду въ противную сторону отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ вѣнчались. Старухи были въ восторгѣ, и вѣнчаться не помѣшали. Публика понимала мою продѣлку и находила, что Масловъ не такъ бы поступилъ. Видно, говорили про меня въ городѣ, что это совсѣмъ хорошій человѣкъ.

Въ Симбирскѣ были два либерала, Тургеневъ и Оржевитиновъ, они-то и были началомъ всѣхъ началъ неудовольствія противъ губернатора и стояли во главѣ недовольныхъ. Во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ есть непремѣнно центръ, откуда расходятся мнѣнія и причины, какъ радіусы. Познакомясь съ этимъ центромъ, я нашелъ въ нихъ мягкихъ людей, съ которыми легко можно было помириться, и тогда общественному неудовольствію конецъ.

Я видѣлъ возможность прекратить ссору и отправился къ губернатору.

— Васъ здѣсь не любятъ,—сказалъ я.

— Это правда.

— Какая причина?

— Право, не знаю.

— Быть главной властью и быть не любимымъ—непріятно.

— Непріятно, да что же дѣлать?

— Я скажу вамъ средство, отъ васъ зависить помириться съ обществомъ.

— Пожалуйста, я на все согласенъ.

— Вы дѣйствительно не знаете причинъ?

— Честное слово не знаю.

— Тургеневъ и Оржевитиновъ главные ваши враги; пригласите ихъ, вы съумѣете смягчить; объяснитесь и помиритесь, тогда все общество повернется къ вамъ лицомъ.

— Очень вамъ благодаренъ, вы дѣствуете, какъ мой другъ!

— Но надѣюсь, вы обо мнѣ не упомянете, мой успѣхъ въ секретъ.

— Будьте покойны, я помню ваши условія.

З—й пригласилъ къ себѣ Тургенева и Оржевитинова и сказалъ имъ:

— Господа! мы имѣемъ между собою неудовольствіе, это дѣло наше, скажите пожалуйста, для чего вы мѣшаете между нами жандарма? Я

долженъ вамъ сказать, что жандармъ присланъ для моихъ услугъ, меня оскорбляетъ то, что порядочные люди мѣшаются съ жандармами. Вы, можетъ быть, вчера высказали ему о причинахъ своего неудовольствія; а сегодня онъ обязанъ былъ доложить мнѣ о томъ. Будемъ, господа, порядочными людьми, можемъ имѣть неудовольствіе, но не будемъ унижать себя, мѣшаясь съ жандармами.

Каковъ молодецъ! На другой день, видясь съ Тургеневымъ, я замѣтилъ неудовольствіе и высказалъ ему, какъ З—й упросилъ меня помирить его съ обществомъ, а я по добротѣ своей, желая общаго согласія, кажется, сдѣлалъ ошибку. Я попросилъ Тургенева извинить мою неопытность, но вмѣстѣ и довѣрить, что губернаторъ горько поплатится за свою дерзость.

На другой день я отправился къ губернатору.

— И такъ вы губернаторъ,—сказалъ я,—а я жандармъ. Вы не утерпѣли и не сохранили въ тайнѣ секрета.

З—й все понялъ.

— Языкъ мой—врагъ мой,—отвѣчалъ онъ;—кругомъ виноватъ!

— Помните, что у меня огорода нѣтъ, а у васъ столько огородовъ, куда ни брось камень, попадешь въ вашъ огородъ!

— Не будемъ ссориться, я виноватъ, прошу прощенія; больше этого не будетъ.

Тутъ пристала страдальца жена его съ просьбой простить.

— Такъ и быть,—сказалъ я,—этотъ разъ не въ счетъ, забудемъ; но въ другой разъ не забудемъ!

— Душою и сердцемъ—согласенъ!

Вскорѣ повторился другой подобный случай.

Былъ въ Симбирскѣ Петръ Петровичъ Бабкинъ, еще при Екатеринѣ II выпедшій въ отставку капитаномъ Семеновскаго полка. Къ нему пріѣхалъ изъ Петербурга сынъ его. Я сказалъ З—му ложно, что сынъ Бабкина бранить его да и старикъ поддакиваетъ. Губернаторъ не утерпѣлъ, позвалъ къ себѣ Бабкина-отца и высказалъ ему то же, что и Тургеневу, зачѣмъ онъ мѣшаетъ жандарма. Тогда я составилъ записку, въ какомъ отношеніи я нашелъ губернатора съ обществомъ дворянъ и что, желая быть полезнымъ, я пробовалъ дѣйствовать, но губернаторъ парализовалъ мои дѣйствія и чуть не поставилъ меня въ фальшивое положеніе. Я описалъ болтливость З—го и какъ онъ клялся и просилъ прощенія, какъ я солгалъ на Бабкина для пробы, и опять попался губернаторъ. Я просилъ шефа жандармовъ имѣть эту записку какъ матеріалъ и что скоро надѣюсь имѣть фактъ, который избавитъ Симбирскъ отъ З—го.

Пришелъ я къ нему и сказалъ:

— Я далъ вамъ слово показывать, что напишу графу Бенкендорфу,—извольте читать.



Прочитавъ, онъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Вы такъ писать не можете!

— Отчего?

— Я буду жаловаться на васъ.

— Тамъ лучше, скорѣе объяснятся ваши дѣйствія.

— Вы не пошлете.

Я позвалъ жандарма, запечаталъ письмо у губернатора и приказалъ отнестъ на почту.

Я все зналъ, что творилось въ Симбирскѣ, но никто не зналъ, что я знаю, и потому принимали меня радушно. Попадались чиновники во взяткахъ, возьмешь и съ того и съ другаго, а сдѣлается, разумѣется, для одного,—другой жалуется. Я никогда не дѣлалъ исторій, позову къ себѣ въ кабинетъ, мылю, мылю ему голову, настрапаю очень сильно и прикажу возвратить обиженному. Жизнь моя въ Симбирскѣ устроилась по моему желанію, я былъ любимымъ членомъ общества, вѣрили, что я не мелочной доносчикъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрили, что и затронуть меня очень опасно; я прощать не умѣлъ, но никого и не трогалъ. Никто меня не чуждался, я могъ смѣло входить въ кабинетъ генерала и въ кабинетъ отставнаго прапорщика, какъ пріятель.

За мной оставалось неисполненное слово, данное мной Тургеневу и Оржевитинову, да и обѣщаніе гр. Бенкендорфу на счетъ З—скаго, котораго я презиралъ, но съ которымъ наружно былъ въ добрыхъ отношеніяхъ.

З—скій, какъ я говорилъ, былъ не дуренъ собою, воспитанія—пустого, но блестящаго для гостиной—ловокъ и находчивъ, но до удивленія легкаго характера; любилъ сплетни, мѣшался въ семейныя дразги и хотѣлъ играть роль всезнающаго. Стараясь быть посредникомъ въ дворянскихъ ссорахъ и оправдывая одну сторону, создавалъ себѣ враговъ изъ другой стороны и, съ теченіемъ времени, нажилъ себѣ вражду всего дворянства. Онъ былъ неутомимый волокита и выражался передо мною такъ:

— Успѣть въ интрижкѣ и не рассказать, это все равно, что имѣть Андреевскую звѣзду и носить ее спрятанною въ карманѣ.

Дѣлами онъ совершенно не занимался; бывало, при мнѣ подписываетъ сотню бумагъ—ни одной не читая. Я одинъ разъ спросилъ его, какъ это онъ подписываетъ, не читая.

— Пробовалъ читать всѣ бумаги—отвѣчалъ онъ—и совершенно ничего не понималъ; увѣрился, что читаю ли я бумаги или не читаю,—результатъ одинъ, такъ лучше подписывать, не читая.

По дѣламъ, я бы могъ много вредить ему, но это казалось мнѣ мелочнымъ, я хотѣлъ капитально похоронить его и выжидалъ. Въ 12-ти верстахъ отъ Симбирска жилъ князь Б—въ, бывший, какъ я сказалъ, седьмое трех-

лѣтіе губернскимъ предводителемъ. Онъ прежде былъ богатъ, но прожилъ на предводительствѣ, и у него осталось только 250 душъ, да пять взрослыхъ дочерей и маленькій сынъ. Не знаю или не помню, зачѣмъ жилъ въ Симбирскѣ князь Д—нъ, чистый азіатецъ, черныи, съ огромными глазами, говорилъ сквозъ зубы, стригся подъ гребенку, всегда былъ щегольски одѣтъ, корчилъ—какъ только могъ—Байрона; тогда много было Байроновъ—это было въ модѣ. Былъ холостъ, жилъ весьма скромно, былъ принятъ вездѣ, ему было за 30-ть лѣтъ. Слышалъ я давно о волокитствѣ З—го за старшей дочерью кн. Б—ва; рассказывали, какъ З—скій наряжался старухою (онъ былъ не дурной актеръ) и ходилъ на свиданіе къ княжнѣ, теперешней невѣстѣ кн. Д—на, а она въ мужской одеждѣ тоже ходила на свиданіе къ З—скому. Жилъ въ Симбирскѣ полковникъ графъ Т—ой, онъ числился по министерству иностранныхъ дѣлъ, былъ холостой, знакомства почти не имѣлъ, но былъ пріятелемъ З—му и другомъ кн. Д—ну. Губернаторъ, по своему обычаю, не могъ не рассказать Т—му о своемъ мнимомъ успѣхѣ у дочери Б—ва.

Наступали выборы дворянства. На выборы являлось до 350 дворянъ, а выборы безъ шуму и скандала никогда не проходили, непременно поссорятся въ залѣ выборовъ, но ничего—своя семья. Замѣчено, если собаки грызутся и никто имъ не мѣшаетъ, то онѣ одна другой вреда не сдѣлаютъ, такъ и ссорамъ дворянъ не надобно мѣшать—скоро помиратся. Передъ самыми выборами, кн. Д—нъ посватался за старшей дочерью кн. Б—ва. Предполагаемая свадьба была уже не секретъ въ Симбирскѣ. Вдругъ графъ Т—й рассказываетъ кн. Д—ну о бывшей интригѣ З—скаго съ княжной. Азіатская кровь Д—на заклочотала, ѣдетъ къ Б—ву и отказывается. Кн. Б—въ едва устоялъ на ногахъ, а княжна не устояла, обмороки, истерика—пошла писать. Кн. Д—нъ успѣлъ страстно влюбиться въ княжну и, въ неистовствѣ своемъ, поклялся, при всей публикѣ, надавать пощечинъ З—скому. Между тѣмъ Б—въ, убитый, какъ осрамленный отецъ, рѣшился на выборахъ пожаловаться всему дворянству. Хотя громко объ этомъ не говорили, но по секрету знали всѣ объ этой исторіи, и мнѣ тайно сообщено было, что многіе, погорячѣе, сѣзжаются и сговариваются, какъ только кн. Б—въ пожалуется, то высѣчь губернатора.

За два дня до выборовъ, я передалъ З—скому о намѣреніи Б—ва, кн. Д—на и всего общества дворянъ. Онъ струсилъ, растерялся, говорилъ о самоубійствѣ, но такіе люди не убиваютъ себя, и кончилъ тѣмъ, что просилъ моей защиты и покровительства. Я потребовалъ письмо отъ него о затруднительномъ положеніи, и тогда, говорилъ я, по данной мнѣ инструкціи я возьму дѣло на свою отвѣтственность и даже обѣщалъ уладить такъ, что все затихнетъ. Надобно было видѣть малодуш-

наго этого человѣка, какъ онъ обрадовался, какъ подличалъ передо мною. Письмо ко мнѣ объясняло всѣ обстоятельства дѣла, и З—кій отдавалъ подъ мою защиту санъ губернатора. Онъ даже боялся, что Д—нъ ворвется въ его домъ и раздѣляется съ нимъ по-азіатски, и потому для охраненія его, какъ губернатора, я далъ ему двухъ жандармовъ.

День былъ почтовый, я просилъ почтмейстера Лазаревича задержать отправленіе почты, написалъ очеркъ предшествовавшихъ дѣлъ З—скаго, потомъ весь мой разговоръ съ ними отъ слова до слова, такъ, какъ пишутся комедіи, и заключилъ тѣмъ, что просилъ шефа жандармовъ не беспокоиться, такъ какъ имѣю довольно силы прекратить это дѣло безъ скандала. Вотъ наступила минута, когда я долженъ былъ выйти на сцену, какъ власть абсолютная. Противъ губернскаго предводителя, противъ всей массы дворянства и противъ буйства Д—на, я долженъ былъ защитить не З—скаго, а санъ губернатора, представителя власти государя. Это былъ прямой мой долгъ. Не умѣй я отвести скандала съ З—скимъ, я не достоинъ бы былъ называться жандармомъ. Я цѣлый день употребилъ на повѣрку имѣемыхъ свѣдѣній и на собраніе возможныхъ подробностей. Вечеръ я употребилъ на страханіе З—скаго, который до того струсилъ, что разсказалъ все своей женѣ и признался ей во всемъ. Эта бѣдная женщина плакала и просила защитить ея мужа.

Поздно вечеромъ, дали мнѣ знать, что кн. Б—въ сочинилъ рѣчь къ дворянамъ, въ которой проситъ защиты, какъ оскорбленный отецъ и какъ предводитель дворянства 21 годъ.

Наступилъ день открытія выборовъ. Въ 6 часовъ утра я уже былъ въ кабинетѣ Б—ва. Князь, удивленный, спросилъ:

— Чему я обязанъ такому раннему посѣщенію?

— Вы, князь, намѣрены сегодня говорить рѣчь и жаловаться дворянству на З—го?

— Кто вамъ это сказалъ? Можетъ быть, это не правда, да и какое вамъ дѣло до того?

— Что это правда, то вы, вчера, въ этомъ кабинетѣ читали приготовленную рѣчь тремъ помѣщикамъ, а что мнѣ есть дѣло, такъ я, не имѣя нужды защищать З—го, обязанъ не допустить до публичнаго оскорбленія губернатора, какъ высшую власть въ губерніи, поставленную императоромъ.

— Вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ!

-- Знаю, даже болѣе, чѣмъ вы, иначе, я не былъ бы жандармъ.

— Вы молоды, вы не отецъ, не можете чувствовать оскорбленія, въ своихъ дѣтахъ.

— Я сынъ моихъ родителей и братъ моихъ сестеръ, а болѣе—я

честный и благородный человекъ; я не только могу чувствовать ваше оскорбленіе, но глубоко проникаюсь горестью отца.

— Если такъ, то вы не должны вступаться за мерзавца.

— Да я и не думалъ заступаться за З—го, а не могу допустить до оскорбленія губернатора и долженъ положительно сказать вамъ, князь, что вы не будете говорить рѣчи противъ губернатора передъ дворянами.

— Какъ вы можете мнѣ запретить?

— Я съ тѣмъ пришелъ и не выйду отсюда, не запретивъ вамъ говорить.

— Какъ это?

— Если вы не откажетесь отъ своего намѣренія, то я, на основаніи данной мнѣ государемъ инструкціи, арестую васъ, и вы, до рѣшенія государя, не выйдете изъ этого кабинета. Подумайте, князь, куда вы ведете все дворянство? Оно, въ порывѣ первыхъ чувствъ, сдѣлаетъ преступленіе противъ начальника губерніи, чего государь ни оставить, ни оправдать не можетъ, а вы будете главнымъ виновникомъ. Ваше справедливое оскорбленіе только огласится на всю Россію, тогда какъ я знаю истину и знаю, что это пустое хвастовство глупаго человека и можетъ быть все поправлено въ тишинѣ.

— Если вы знаете все, какъ говорите, то оскорбленіе не можетъ быть поправлено, вы знаете, что кн. Д—нъ отказался отъ женитьбы.

— Знаю все подробно и знаю, что и вы, и князь Д—нъ, и ваша прекрасная дочь—всѣ получать достойное удовлетвореніе.

— Какое речительство вашимъ словамъ?

— Мое честное и благородное слово, которому я не измѣнялъ во всю мою жизнь.

— Молодой человекъ, вы много берете на себя; помните: вы отвѣтите передъ оскорбленнымъ отцомъ.

— Знаю, что тутъ все ложь и глупость. Дѣло скандаломъ не поправите, а я, сочувствуя вамъ сердцемъ и душою, беру на себя и ручаюсь, что все дѣло выяснится къ спокойствію вашему и общему. Я приму всю вину на себя, если не будутъ всѣ удовлетворены. Вѣрьте, князь, вамъ остается либо довѣриться мнѣ, либо быть арестованнымъ и подвергнуться большой отвѣтственности.

Князь говорилъ длинный и краснорѣчивый монологъ, и у старика вытекла не одна слеза. Я далъ ему высказаться, не противорѣчилъ, сочувствовалъ ему, но потребовалъ отказа говорить рѣчи.

— Какое вамъ нужно удостовѣреніе?—спросилъ онъ.

— Ваше честное слово, князь, и крошечная записочка, что вы ни слова не скажете о З—мъ въ собраніи.

Князь рѣшился послушаться меня, далъ мнѣ честное слово и кро-

шечную записочку, что говорить рѣчи не будетъ. Долго еще князь говорилъ, умолялъ меня сдержать свое слово и, наконецъ, сказалъ:

— Мнѣ кажется, что вы, въ благородномъ своемъ порывѣ, взяли дѣло не по своимъ силамъ.

— Подождите, князь,—увидите; не всегда громъ гремитъ изъ большой тучи.

Съ тѣмъ мы и разстались.

Я заѣхалъ къ З—му съ предложеніемъ, не лучше ли ему сказаться больнымъ, но онъ уже предупредилъ меня и далъ предложеніе открыть выборы председателю казенной палаты. Тогда поѣхалъ я къ князю Д—ну.

Выходитъ ко мнѣ князь, съ плотно обстриженной головой, воротнички à l'enfant, какъ Байронъ на портретѣ, съ трубкой, и цѣдитъ сквозь зубы—англичанинъ да и только!

— Чему я обязанъ, что вы пожаловали ко мнѣ?

— Князь, прежде всего здравствуйте и позвольте сѣсть; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Обстановка слишкомъ проста: во всю комнату простой крашенный столъ, около такая же голая скамейка, точно въ бѣдной школѣ; на скамейкѣ мы и усѣлись.

— Вы, князь, огорчены и очень раздражены изъ-за глупой лжи, дошедшей до васъ.

Князь какъ-то засопѣлъ, сжалъ чубукъ такъ, что у него хрустнули пальцы; странно сопѣвши, придвигался ко мнѣ. Молчать, не можетъ или не рѣшается сказать слово. Я спокойно посоветовалъ не придвигаться такъ близко, а то намъ неудобно говорить. Азія немного утихла, и князь сквозь черные зубы процѣдилъ:

— Желалъ бы я знать, какое вы имѣете право мѣшаться въ чужія дѣла?

Я разсмѣялся и сказалъ: Жандармы для того и учреждены, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла. Вы сердитесь, князь, а, узнавъ мои намѣренія, вы не отвергнете моего участія.

— Я не имѣю нужды ни въ чьемъ участіи!

— Дѣло-то въ томъ, что я имѣю необходимость принять участіе въ вашемъ дѣлѣ.

— Позвольте узнать, какая вамъ необходимость соваться въ мои дѣла?

— Вы, князь, намѣрены разбить рожу З—му публично?

— Ну, что же вамъ за дѣло?

— До рожі З—го мнѣ совершенно нѣтъ дѣла, но его рожѣ принадлежитъ губернатору, вотъ это и перемѣняетъ видъ дѣла. Моя обязанность устранить всякое публичное оскорбленіе власти, доставленной

\*

государемъ; я пришелъ доложить вамъ: пока З—й губернаторомъ, вы не исполните своего намѣренія.

— Кто можетъ остановить меня?

— Я, князь, затѣмъ и пришелъ къ вамъ.

— Какимъ это образомъ?

— Я прошу васъ, пока З—й губернаторомъ, не оскорблять его, въ чемъ и прошу вашего честнаго слова!

— А если я вамъ слова не дамъ?

— Я вынужденъ буду арестовать васъ.

Опять засопѣлъ и процѣдилъ:

— Какъ? что вы сказали, арестовать меня?

— Да, князь, я не могу поступить иначе и, какъ мнѣ ни неприятно это, но я исполню, такова моя обязанность.

— Вы не посмѣете этого сдѣлать!

— А вотъ увидите, князь, дамъ честное слово—сдѣлаю!

— Кто далъ вамъ право?

— Секретная инструкція, высочайше утвержденная!

— Вы не понимаете моего оскорбленія и не можете понять.

— Я вамъ сказалъ, что я все знаю подробно; думаю, что и сочувствовать вамъ могу, что вы и увидите.

— Въ чемъ же ваше сочувствіе? Какъ вы поймете, что этотъ п... изъ счастливаго человѣка сдѣлалъ меня несчастнымъ?

— Прошу васъ выслушать меня безъ раздраженія. Прежде всего скажу вамъ, что вы будете счастливы!

— Я вамъ не вѣрю и вижу, что вы ничего не знаете.

— Эхъ, почтенный мой князь, какой же я былъ бы жандармъ, если бъ не зналъ всего; только публикѣ не извѣстно, что я все знаю, а я знаю болѣе вашего.

— Можете вы мнѣ сказать, что вамъ извѣстно?

— Очень охотно: малодушный хвастунъ З—й считалъ гордостью для себя похвастать интригой съ прекрасной и уважаемой дѣвушкой передъ графомъ Т—мъ; послѣдній, какъ вполне благородный и честный человѣкъ, счелъ долгомъ предупредить васъ. Тутъ правы и Т—ой и вы, князь. Презрѣнно виноватъ З—й. Я радъ возможности удостовѣрить васъ честнымъ моимъ словомъ, что З—й солгалъ: ничего подобнаго не было.

— Какъ вы можете знать и ручаться?

— Князь, еще повторю: я жандармъ!

— Но позвольте, вы сами дворянинъ и можете быть въ моемъ положеніи; спрашиваю васъ, не имѣю ли я права наказывать его?

— Вашего права я не отвергалъ и не отвергаю, но согласитесь, какое же вамъ удовлетвореніе, если вы красивой рукой будете бить... кого же?—З—го! Меня бы не удовлетворила подобная месть!

— Я убью этого подлеца, но прежде оскорблю его публично.

— Вы этого не сдѣлаете, пока онъ губернаторомъ, а не могу допустить того. Но предположимъ, вы надаете оплеухъ, вы убьете З—го, поправитъ ли это дѣло? Невинная дѣвушка все-таки будетъ оскорблена.

— Я отыщу ему.

— Пожалуйста, не сердитесь, вы отмстите свою обиду, но вѣдь это азіатскій эгоизмъ, тутъ дѣло не о васъ, а надобно возстановить честь невинной благородной дѣвушки, надобно подумать объ ея страданіи, — по-моему, вотъ о чемъ надобно подумать.

— Если вы все знаете, то должны знать, что я надѣялся быть счастливымъ мужемъ на всю жизнь, и проклятый, подлый человѣкъ все разрушилъ. Вы холодный зритель, вы не можете чувствовать глубокаго чувства горести, что чувствую я.

— Согласенъ, князь, можетъ быть, у меня кровь медленнѣе движется, чѣмъ у васъ, но все-таки, я думаю не о васъ, а о невинной прекрасной дѣвушкѣ. Болтовня не пристанетъ къ невинному ангелу, но условія общества таковы, что и сама невинность требуетъ очищенія.

— Чего же я могу желать и что сдѣлать по-вашему?

— Вотъ это дѣло, мой почтенный князь; спокойно обсудивъ, можно найти разумный исходъ. Вы мнѣ сдѣлали вопросъ, а я спрошу васъ: какого вы хотите удовлетворенія?

— Что же вы можете сдѣлать?

— Все, что вы хотите!

— Ну, а если бы я потребовалъ, чтобы онъ сознался, что солгалъ?

— Только-то, князь?

— Мнѣ и этого будетъ довольно.

— Я съ вами согласенъ, что тѣ же скверныя уста, которые извергнули хулу, должны клятвою опровергнуть и сознаться публично во лжи.

— Какой же способъ этого достигнуть?

— Я беру на себя дать вамъ такое удовлетвореніе. Я обещаю вамъ, что онъ при васъ напишетъ, что онъ солгалъ и что если болтуетъ одно слово, то безъ претензій, гдѣ бы ни было, позволить вамъ разбить свою рожу.

— Этого вы не можете исполнить!

— Ну, тогда, князь, гнѣвъ вашъ будетъ на мнѣ.

— Вы не шутите?

— Нѣтъ, не шучу.

— Вы много рискуете!

— Нисколько, но будете ли вы довольны тогда?

— Какъ же это можетъ быть?

— З—й вамъ поклянется при свидѣтеляхъ, что онъ все солгалъ, похвасталъ.

— Я бы хотѣлъ письменнаго подтвержденія этихъ словъ.

— Извольте, князь, я и это для васъ сдѣлаю, довольны ли вы будете тогда?

— А вы ручаетесь за исполненіе?

— Ручаюсь честнымъ словомъ, но и вы дайте честное слово, что пока онъ будетъ губернаторомъ, вы не оскорбите его.

— Хорошо, я буду совершенно доволенъ, но если вы не исполните, тогда у меня расчетъ будетъ съ вами.

— Хорошо, князь, и такъ, дайте мнѣ честное слово и маленькую записочку, что вы не будете бить по рожѣ губернатора.

— Извольте.

— Прощайте, князь, не много терпѣнія, я все устрою скоро, вѣрьте мнѣ.

Въ моемъ планѣ было напугать З—го до крайней степени, что я и учинилъ.

Попелъ я къ З—му и увѣдомилъ его, что князь Б—въ не будетъ жаловаться дворянамъ. Сколько было радости, благодарности даже черезчуръ! Но, зная легкомысленную натуру З—го, я нарисовалъ цѣлый адъ мести князя Д—на и говорилъ, что не ручаюсь за его отчаянную рѣшимость.

— Да, я знаю,—говорилъ З—й—у' него кинжалъ всегда готовъ. Батюшка, помогите, я по гробъ буду вамъ благодаренъ.

— Погодите, что могу, то сдѣлаю. Прощайте, мнѣ сегодня необходимо съѣздить въ уѣздъ по дѣлу.

— Какъ же вы бросите меня на жертву! мнѣ необходимо будетъ выйти изъ дома... дикарь... кинжалъ!

— Вотъ какъ мы сдѣлаемъ: я прибавлю вамъ двухъ жандармовъ, которымъ вы послѣ заплатите; выходить не совѣтую, скажитесь больнымъ, а еще лучше прикажите поставить себѣ дюжину пѣявокъ: это сдѣлается всѣмъ извѣстно, и болѣзнь будетъ прилична.

— Охотно принимаю вашъ совѣтъ.

Я уѣхалъ въ уѣздъ. Возвратясь, нашелъ моего губернатора въ постелѣ. Еще болѣе я настрадалъ его княземъ Д—номъ. По моему описанію, это былъ крокодилъ, пантера! Въ нѣсколько дней, я до того деморализовалъ моего З—го, что онъ впалъ въ отчаяніе. Наступилъ моментъ: все, что я хотѣлъ, могъ сдѣлать съ З—мъ. Публика догадывалась, со всѣхъ сторонъ сыпались ко мнѣ вопросы, но успѣхъ могъ быть тогда, когда дѣло было въ однѣхъ моихъ рукахъ, безъ посторонняго участія; публика могла испортить весь эффектъ. З—й ужасно обрадовался, когда я взялъ на себя прекратить все дѣло съ нѣко-



торыми пожертвованіями съ его стороны. Онъ соглашался на все безусловно. Я предложилъ ему свиданіе съ княземъ Д—номъ вечеромъ. З—й долженъ написать подъ диктовку князя письмо и вручить ему лично.

Въ 9 часовъ вечера, князь былъ одѣтъ по послѣдней модѣ во фракъ, З—й въ халатѣ исполнялъ роль больного. Большой круглый столъ въ гостиной былъ поставленъ недалеко отъ дверей спальни жены; я поставилъ З—го около стола со стороны и близъ дверей—на случай ретирады; на столѣ письменный приборъ. Привелъ князя Д—на и поставилъ его на діаметръ противъ З—го, а самъ сталъ въ серединѣ между нихъ. Оба молчатъ. Я сказалъ З—му:

— Князь желаетъ продиктовать письмо—угодно вамъ написать?

— Охотно исполню все!

— Князь, извольте диктовать.

Послѣ: «Милостивый государь», князь диктовалъ, процѣживая сквозь зубы:

«Дошедшія до васъ слова, сказанныя мною о княжѣ Б., совершенно ложныя и если я сказалъ, то утверждаю клятвою, что я солгалъ. Клятвою утверждаю, что ничего подобнаго не было и вездѣ, всегда готовъ подтвердить это. Если-жъ я осмѣлюсь повторить мою ложь или безъ особаго уваженія произнести имя княжны, то даю право князю Д—ну, вездѣ и во всякое время, бить меня по лицу, какъ безчестнаго человѣка.

Комическая сторона этой сцены выразилась тѣмъ, что когда диктовалъ князь, то, поглядывая на меня, улыбался и подмигивая показывалъ на пишущаго З—го,—понятно говорилъ: какой дуракъ! Когда же З—й передавалъ письмо князю Д—ну и тотъ внимательно читалъ, то З—й улыбаясь подмигивалъ мнѣ и тоже выражалъ глазами: какой дуракъ! А чтѣ я думалъ, стоя между ними? позвольте умолчать!

Князь Д—нъ, прочитавъ письмо, положилъ въ карманъ и, съ полупоклономъ, молча ушелъ. Бѣдная страдальца-жена З—го мучилась во все время не меньше мужа. По уходѣ князя, я очутился въ роли благодѣтельнаго генія,—благодарности, чуть не молитвы за спасеніе отъ бѣдъ и напастей. Князь Д—нъ совершенно удовлетворился. Князь Д—нъ объяснился съ княземъ Б—вымъ и съ ожившей для радостей невѣстой.

Всѣ счастливы, довольны, но конецъ-то вышелъ трагическій. Я написалъ подробное донесеніе шефу обо всемъ этомъ происшествіи, и вотъ, чрезъ три недѣли—указъ объ увольненіи губернатора З—го и высочайшее повелѣніе «впредь никуда не опредѣлять». Мой кредитъ высоко поднялся въ Симбирскѣ.

Бывшій губернаторъ З—й горько плакалъ и жаловался, что онъ не

знаетъ причины, по которой лишился мѣста, что онъ такъ бѣденъ, что не знаетъ, какъ выѣхать и вывезти семейство (у него была одна дочь, которая была женою брата П\*\* и умерла оставя красавицу дочь). Откупщикъ Бенардаки подарилъ ему карету. Добряки дворяне собрали деньжонокъ и поручили Бенардаки отдать 3—му отъ своего имени. Уѣхалъ онъ безъ проводовъ.

Какъ ни бужу свою память, не могу добиться отъ нея воспроизведенія момента съ подробностями, какъ явился губернаторъ Жиркевичъ въ Симбирскъ, и думаю, едва-ли солгу, сказавъ, что никто этого не знаетъ; какъ тогда, такъ и теперь, не съумѣю объяснить: пѣшкомъ пришелъ или пріѣхалъ Жиркевичъ? Днемъ или ночью? Какъ-то всѣ вдругъ узнали, что новый губернаторъ занимается дѣлами. Говорили въ обществѣ о Жиркевичѣ такъ, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ Симбирска и какъ будто онъ давно уже губернаторомъ. Всезнайки рассказывали: когда спросили его, когда онъ позволить представиться чиновникамъ?—онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ беспокоиться, я съ господами служащими познакомлюсь, занимаясь вмѣстѣ дѣлами». Въ губернскомъ городѣ всѣ знаютъ, кто что ѣстъ, о пріѣзжѣмъ извѣстно—богатъ, бѣденъ, скучентъ, веселъ, играетъ ли, танцуетъ ли, даже хорошо ли говорить по-французски, и проч. О Жиркевичѣ я не слыхалъ ни одного вопроса, никто не интересовался, и почти не упоминалась фимилія; просто говорили—губернаторъ. Я куда-то ѣздили; возвратясь, немедля явился къ новому губернатору. Въ залѣ два чиновника съ кипами бумагъ; я просилъ доложить, отвѣчали: не приказано, и указали на отворенную дверь въ кабинетъ. Губернаторъ у стола, уложеннаго бумагами, на двухъ стульяхъ—дѣла. Только я вошелъ, Жиркевичъ всталъ навстрѣчу мнѣ. Онъ былъ больше средняго роста (вершковъ восьми); правильное и, можно сказать, красивое лицо, но не только серьезное, почти суровое выраженіе; темно-русые волосы приглажены по-военному; въ форменномъ штатскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы—видна привычка къ военной формѣ. Жиркевичъ былъ сухаго сложенія, но не худъ; поклонъ, движенія мнѣ напоминали воспитаніе въ корпусѣ; говорилъ скоро, какъ-то отрывисто. Пригласилъ сѣсть. Думаю, захочетъ знать о губерніи, объ обществѣ... Ничуть не бывало, хоть бы слово спросилъ, а отъ кого же я узнать, какъ не отъ жандарма! Странное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Жиркевичъ. Онъ вѣжливъ, но очень молчаливъ; всѣ вопросы его касались только лично меня. Я попробовалъ сказать шутку—онъ не слыхалъ; я хотѣлъ заинтересовать его серьезнымъ—онъ не обратилъ вниманія. Отеланившись, я рѣшительно не могъ составить себѣ понятія о характерѣ Жиркевича.

Жиркевичъ скоро отдалъ мнѣ визитъ, и опять странность—пѣшкомъ, тогда какъ въ Симбирскѣ и мѣщане не ходили, а ѣздили; я не сказанъ дома; на карточкѣ просто: Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.

Зашелъ къ Жиркевичу вечеромъ—читаетъ и подписываетъ бумаги; около стоитъ правитель канцеляріи Раевъ. Жиркевичъ отпустилъ Раева, сказавъ: «я бумаги къ вамъ пришлю». Ну, думаю, теперь разговоримся. Жиркевичъ, все въ форменномъ застегнутомъ скруткѣ, былъ очень вѣжливъ, говорилъ о погодѣ, мѣстоположеніи города—сухая исторія! Я коснулся было общественной жизни, что дворяне любятъ веселиться и привыкли, чтобы участвовалъ съ ними губернаторъ. Онъ отвѣчалъ, что какъ справится съ дѣлами то и онъ не прочь раздѣлить общее удовольствіе. Но такъ и не справился! Я рассказалъ какой-то анекдотъ думая сорвать улыбку—рассказъ мой прошелъ мимо! Видаясь по разнымъ случаямъ съ Жиркевичемъ, я всегда заставлялъ его за бумагами и оставилъ о немъ себѣ понятіе, что это человѣкъ дѣла. Онъ всегда былъ какъ-то сдержанъ, очень вѣжливъ, но малѣйшая несправедливость, плутовство по дѣламъ—выводили его изъ себя; всплывъ, онъ уже не зналъ границъ гнѣва. Много ходило рассказовъ по городу, какъ онъ, забывшись, гнался до крыльца за совѣтникомъ. Мошенники для него теряли личность, но за то и боялись его чиновники!

Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его дѣятельности, его безкорытія; онъ отдался весь, безъ остатка, полезному служебному труду. Жиркевичъ былъ ходячій законъ. Узнавши его, я готовъ былъ поклониться ему, но, къ сожалѣнію, видѣлъ, что онъ не по дому пришелся въ Симбирскѣ. Мои сношенія съ нимъ были прекрасны, но сухи.

Я заговаривалъ съ дворянами, какъ бы губернатора завлечь въ общество? Мнѣ отвѣчали: «Зачѣмъ? Онъ пріѣзжій, долженъ самъ искать въ насъ; не хочетъ, пусть будетъ губернаторомъ, мы ему не мѣшаемъ и не нуждаемся въ немъ».

На послѣднихъ выборахъ, губернский предводитель, князь Б—въ, отказался, и на его мѣсто выбрали отставнаго генералъ-маіора Бестужева; онъ былъ старый холостякъ, веселоправный, часто впадалъ въ роль буффа.

Почиталъ я Жиркевича и очень любилъ генерала Бестужева, но вотъ случай, поставившій меня въ затрудненіе: были парадныя похороны уважаемой особы; лѣтній день превосходный, весь городъ высыпалъ проводить гробъ въ монастырь. Въ Симбирскѣ въ общемъ употребленіи: на длинныхъ, тонкихъ дрогахъ устроены очень низко дрожки, на нихъ могутъ сѣсть семь, восемь человѣкъ. На такихъ дрожкахъ или городовомъ тарантасѣ, сѣли: Жиркевичъ, Бестужевъ и я—между ними посрединѣ. Народъ толпился около важныхъ лицъ. Надобно рассказать бывшій передъ тѣмъ случай. Былъ архитекторъ и въ то же время небольшой помѣщикъ Симбирска. Какая-то казенная постройка или починка поручена архитектору; обыкновенно: смѣта, справочныя цѣны. Архитекторъ не рассчиталъ, что ему придется имѣть дѣло съ Жир-

кевичемъ. Обычная увѣренность специалистовъ—что тамъ смыслить губернаторъ! Жиркевичъ сразу поймалъ не на одной плутнѣ и еще бы ничего, но архитекторъ упорно заспорилъ; Жиркевичъ вспылилъ, вышелъ изъ себя, и архитекторъ дѣйствіемъ вылетѣлъ изъ кабинета и изъ дома. Архитекторъ, какъ помѣщикъ, принесъ жалобу губернскому предводителю. Сначала мы ѣхали почти молча, Бестужевъ очень скромно сказалъ:

— Ваше превосходительство, вы на-дняхъ очень неосторожно выгнали здѣшняго помѣщика.

— Кого это?

— Архитектора.

— Онъ мошенникъ, воръ.

— Этотъ мошенникъ все-таки дворянинъ, помѣщикъ, такъ нельзя поступать.

— Мошенникъ, воръ,—не имѣетъ званія, я выгналъ подлеца и выгоню всякаго вора.

— Если такъ будете поступать съ дворянами, то къ вамъ придутъ всѣ дворяне!

— Я прикажу баталіону выгнать ихъ!

Вижу, закипѣлъ Жиркевичъ, дошло до крупнаго, народъ окружаетъ плотно; я рѣшился войти въ свои права и, не смотря ни на котораго, сказалъ: Ваши превосходительства, господинъ губернаторъ и господинъ губернской предводитель! На основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, прошу прекратить разговоръ, унижающій главныя власти; здѣсь не мѣсто, васъ окружаетъ народъ!

Замолчали оба мои пріятеля и молча доѣхали до могилы. Послѣ съ обоими я не коснулся этого случая.

Честный и ретиво-трудолюбивый Жиркевичъ не могъ поправиться симбирскому дворянству, которое было гордо, богато, независимо и дружно. Дворянство привыкло видѣть въ губернаторѣ члена общества, не мѣшая ему быть губернаторомъ. Жиркевичъ не могъ отдѣлиться отъ службы; какъ онъ для общества, такъ и оно для него, не существовало.

Весьма часто я писалъ къ шефу, что Жиркевичъ феноменъ между губернаторами, но въ Симбирскѣ онъ пришелся не по дому. Писалъ, что Жиркевича достанетъ управлять тремя губерніями, стоялъ за его благородную честность, неутомимость, но, какъ губернаторъ, въ Симбирскѣ онъ совершенно нелюбимъ дворянствомъ, которое можетъ уважать губернатора, но когда онъ стоитъ въ головѣ общества и дѣлитъ съ ними удовольствія. Жиркевича убрали.

(Продолженіе слѣдуетъ).



## Священникъ Н. А. Мурзакевичъ,

обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году.

### III <sup>1)</sup>.



Възжая 12-го августа изъ Смоленска, Наполеонъ назначилъ начальникомъ Смоленской губерніи, или интендантомъ, ген. Виллебранга. Должность военнаго губернатора исполнялъ сначала Коленкуръ, потомъ Жюмни (впослѣдствіи перешедшій на русскую службу), а обязанности комиссара по продовольственной части—Сювъ.

13-го августа велѣно было жителямъ выходить изъ собора и располагаться по уцѣлѣвшимъ домамъ. Переселился въ свой домъ и о. Никифоръ. Хотя нужда въ пропитаніи доходила до того, что не брезгали и остатками отъ французскихъ боевъ, тѣмъ не менѣе о. Никифоръ съ своими сыновьями, Костей и Иваномъ, ежедневно до самаго Успенья, ходилъ къ русскимъ раненымъ, за городомъ, на кирпичныхъ заводахъ, и носилъ имъ воду, овощи и яблоки. Благодаря этому, нѣкоторые изъ нихъ выздоровѣли, а одинъ—вахмистръ Никитинъ, остался въ Смоленскѣ и служилъ при военномъ госпиталѣ на Казанской улицѣ, сохраняя до самой смерти горячую признательность о. Никифору за спасеніе ему жизни. Свободному доступу Мурзакевича повсюду способствовали, кромѣ его священнической одежды, и его энергія, доходившая до дерзости, передъ которой отступали невольныя непріатели, а самое главное—благородство его поступковъ и человѣколюбивый характеръ его дѣйствій и хлопотъ, предъ чѣмъ не могли не преклоняться съ уваженіемъ французы.

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ апрѣль 1903 г.

Иначе поступали многіе священники, переодѣвавшіеся въ крестьянскую одежду и приходившіе въ Смоленскъ на базаръ для покупки припасовъ. Ихъ выдавала робость и неувѣренность всѣхъ движеній, которая давала поводъ французамъ заподозрѣвать въ нихъ переодѣтыхъ казаковъ и причинять имъ непріятности...

14-го августа въ Солдатской слободѣ вспыхнули пожары. Между прочимъ сгорѣла и деревянная Всесвятская церковь, возлѣ которой въ мартѣ 1789 г. былъ похороненъ строптивый грузинскій царевичъ, Александръ Багратовичъ <sup>1)</sup>. Эта церковь уцѣлѣла, когда вокругъ нея кипѣло сраженіе и неслись мимо ядра и гранаты, а теперь, оставленная, какъ и всѣ смоленскія церкви, безъ присмотра, погибла въ пламени.

Уцѣлѣвшія отъ аферъ и пожара церкви были обращены французами или въ госпитали и тюрьмы, или просто въ конюшни. Поэтому служба во многихъ изъ нихъ не могла совершаться, и нигдѣ не совершалась до 15-го августа. Въ этотъ день въ соборѣ, въ 1-й разъ послѣ 5-го числа, ударили въ колоколъ. Такъ какъ за немѣніемъ просфоръ обѣдню нельзя было служить, то отслужили «часы», или вѣрнѣе: «обѣдницу». Велика была радость русскихъ, услышавшихъ знакомый благовѣсть соборнаго колокола! Храмъ не могъ вмѣстить желающихъ помолиться въ немъ, тѣмъ больше, что не всѣ еще обитатели его разошлись по домамъ. Когда, по окончаніи обѣдницы, соборные звонари затрезвонили, французы останавливались и съ удивленіемъ слушали стройный трезвонъ, выражая свои похвалы искусству звонарей.

15-го августа интендантомъ Виллебланшемъ былъ организованъ въ Смоленскѣ муниципалитетъ для завѣдыванія городскими дѣлами. Помѣщался онъ въ зданіи городского магистрата возлѣ Одиотріевской церкви и состоялъ изъ 8 членовъ, приневоленныхъ къ службѣ довольно откровенными угрозами.

Мэромъ, или городскимъ головою, былъ назначенъ статскій совѣтникъ Ярославцевъ, генеральнымъ секретаремъ—учитель гимназіи Ефремовъ, а членами—колл. асс. Рутковскій, купцы—Чапа, Брунъ и колл. асс. Узелковъ; комиссарами по продовольствію города и надзору за порядкомъ Рагулинъ, помощникъ консисторскаго секретаря, Николай Великановъ, Ключаревъ и Павловъ; семинаристъ Звѣревъ назначенъ былъ писцомъ, а дворяне—Рейнеке и Санхо-Ляшевичъ—переводчиками <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Эта церковь потомъ не была восстановлена, кладбище вокругъ нея было застроено обывательскими домами, и только желѣзный крестикъ обозначалъ мѣсто ея алтаря. Стараніями преосв. Никанора, б. еп. смол., въ 1898 г. было, наконецъ, приступлено къ постройкѣ здѣсь каменной церкви.

<sup>2)</sup> Утвержденіе историка г. Смоленска, Никитина, будто на французской службѣ были лишь „люди безъ имени“, такимъ образомъ, невѣрно. Что не

Вялы и неохотны были служебныя дѣйствія «муниципальныхъ» чиновниковъ. 15-го (27-го) сентября интендантъ писалъ членамъ муниципалитета: «Государи мои! Къ крайнему прискорбію, нужно мнѣ васъ упредить, что не могу быть довольнымъ нерачностью вашею къ службѣ вашего отечества. Сего утра въ половинѣ 9 часа не находилось въ муниципалитетѣ никого изъ членовъ, даже самого мэра. Никто не трудится съ усердіемъ. Я увѣдомляю васъ, хотя это и съ прискорбіемъ моимъ будетъ соединено, что если это продолжится, то принужденъ буду употребить строгія мѣры! Затѣмъ, какъ члены муниципалитета, имѣете вы совершенно въ законной власти всѣхъ жителей; поэтому, господамъ Рейнеке, Коховскому и Санхо-Ляшевичу слѣдуетъ въ засѣданіи сдѣлать строгій выговоръ и предостеречь ихъ, что съ ними можетъ послѣдовать нѣчто непріятное. Имѣю честь быть съ моимъ почтеніемъ... Р. Виллебраншъ».

Очевидно, что всѣ старанія ввести въ городѣ правильное теченіе жизни и порядокъ не удавались французскому начальству. Не одни русскіе были тому причиной. Само французское начальство, напримеръ, не могло или не хотѣло остановить грабежи французскихъ войскъ.

Особенно отличались своими насиліями, чинимыми жителямъ, поляки и баварцы. Они грабили дома и поджигали ихъ намѣренно. Имъ подражали нѣкоторые негодяи и изъ русскихъ, которымъ французы оказывали покровительство.

7-го сентября французы торжественно праздновали въ Смоленскѣ занятіе Москвы. Это празднество произвело на русскихъ тяжелое впечатлѣніе. Угнетала неизвѣстность будущаго и безотрадное настоящее. Жители притихли и сидѣли по своимъ домамъ. Надъ городомъ словно нависло уныніе. «Тишина и рѣдкіе пожары»,—кратко записалъ Мурзакевичъ подъ 10-мъ сентября.—Цѣны на все вздорожали. Булка смѣшаннаго съ отрубями хлѣба въ 15 ф. вѣсомъ стоила отъ 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> до 4 рублей; фунтъ хлѣба 5 коп., говядины—12 к., чарка водки—25 к. Хлѣбъ и картофель составляли почти единственную пищу жителей, да и ихъ не всегда можно было достать. За неимѣніемъ же ихъ, употребляли всякую зелень, чтó отзывалось на здоровьи. Эти лишенія, постоянная тревога и неизвѣстность будущаго въ домѣ Мурзакевича вызвали новую утрату: 10-го сентября умерла его старушка-мать, которой такъ и не довелось увидѣть освобожденія родной земли отъ непріятелей. О. Ни-

---

одни „разночинцы“ служили французамъ, видно изъ списка лицъ, служившихъ по губерніи. Всѣхъ ихъ было 49 чел., всѣ они были приневолены къ службѣ, и хотя служили, что называется „изъ-подъ палки“, но по изгнаніи французовъ были преданы суду, но прощены по манифесту 30-го авг. 1814 г.; но не всѣ дождались его, сидя по тюрьмамъ.

кифоръ схоронилъ ее возлѣ своей Одигитріевской церкви; и еще печальнѣе стало въ его домѣ: теперь онъ былъ совсѣмъ одинокъ—ни жены, ни матери.

Въ это время обѣдни, хотя и рѣдко, но служились, кромѣ Одигитріевской церкви, въ Вознесенскомъ монастырѣ и разъ въ Спасской церкви. Въ соборѣ служба совершалась рѣдко за отсутствіемъ священниковъ, такъ какъ остававшійся тамъ соборный священникъ о. Василій Щировскій былъ боленъ. 2-го октября онъ умеръ, и соборъ остался безъ хозяина. Тогда жившій раньше въ соборѣ бизюковскій архимандритъ Іосифъ, драхлый старецъ, передалъ съ вѣдома прот. Звѣрева ключи отъ собора о. Никифору, который упросилъ французскихъ властей вывести изъ собора караулъ, нарушавшій святость мѣста. Просьба энергичнаго священника, уже извѣстнаго французскому начальству по его прежнимъ сношеніямъ съ нимъ, была уважена, и караулъ былъ удаленъ изъ собора, и къ запертымъ на замокъ его дверямъ былъ приставленъ одинъ часовой.

12-го октября явились къ Мурзакевичу французы и пригласили его, отъ лица коменданта слѣдовать за ними въ Спасскую церковь, гдѣ содержались русскіе плѣнники. Въ числѣ послѣднихъ находился отставной подполковникъ Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ, владѣлецъ сельца Дягилева, Духовщинскаго уѣзда. Онъ былъ арестованъ по обвиненію въ избіеніи французскихъ солдатъ. Дѣло было такъ <sup>1)</sup>. Крестьяне Энгельгардта, возбужденные слухами, распространявшимися агентами Наполеона о волѣ, отказались работать на него, въ то время какъ всѣ сосѣдніе крестьяне оставались спокойными. Энгельгардтъ пригласилъ стоявшаго въ Порѣчскомъ уѣздѣ казачьяго сотника съ его казаками — образумить крестьянъ. Тѣ исполнили свое дѣло и удалились. Тогда озлобленные крестьяне донесли смоленскому губернатору, будто Энгельгардтъ заставляетъ ихъ убивать французовъ. Доносъ не подтвердился, и Энгельгардтъ былъ отпущенъ съ миромъ. Чтобы отомстить клеветникамъ, онъ повторилъ надъ ними экзекуцію при помощи тѣхъ же казаковъ. На этотъ разъ крестьяне придумали болѣе вѣрное средство избавиться отъ своего помѣщика. Они убили и закопали въ его саду двухъ мародеровъ, а затѣмъ снова донесли въ Смоленскъ на своего помѣщика. Найденные трупы послужили главною уликою противъ Энгельгардта; онъ былъ взятъ подъ стражу и посаженъ въ Спасскую церковь. Здѣсь просидѣлъ онъ около двухъ недѣль. Наполеонъ на донесеніи о его дѣлѣ наложилъ краткую резолюцію: «разстрѣлять!»

Когда сообщили этотъ приговоръ Энгельгардту и велѣли готовиться къ смерти, онъ, зная Мурзакевича, какъ образованнаго человѣка и

<sup>1)</sup> Разсказъ прот. Іоанна Никиф. Мурзакевича.



дѣльнаго священника, просилъ французское начальство призвать его къ нему, чтобы передать ему свою послѣднюю волю и получить отъ него религиозное утѣшеніе и напутствованіе Св. Дарами.

Въ теченіе двухъ дней предъ казнью о. Никифоръ ходилъ къ Энгельгардту въ его тюрьму и бесѣдовалъ съ нимъ по долгу пастыря. Наконецъ, настало 15-е октября, день казни. Утромъ о. Никифоръ въ послѣдній разъ былъ приглашенъ въ Спасскую церковь для сопровожденія несчастнаго Энгельгардта къ мѣсту казни. Взявъ съ собою необходимые ризы и богослужебныя книги, о. Никифоръ съ двумя дѣтьми, Константиномъ и Иваномъ, учениками семинаріи (и раньше сопровождавшими его въ тюрьму), отправился около 11 ч. дня въ Спасскую церковь. Въ алтарѣ увидѣли они Энгельгардта, который сначала замѣтно смутился при ихъ появленіи, но потомъ бодро поздоровался съ о. Никифоромъ и сказалъ, что онъ призвалъ его, чтобы вручить ему «нѣкоторыя записки». Тутъ же онъ просилъ о. Никифора проводить его на казнь, а послѣ нея отпѣть по немъ проводъ и предать его тѣло землѣ по-христіански.

Присутствовавшій при этомъ польскій полковникъ Костенецкій, вынувъ изъ-за пазухи полбутылки водки, предложилъ Энгельгардту выпить; когда же тотъ отказался, Костенецкій насильно влилъ ему въ ротъ нѣсколько глотковъ. Не ѣвшій ничего около двухъ дней Энгельгардтъ отъ этого, замѣтно, охмѣлѣлъ. Костенецкій выразилъ сожалѣніе по поводу жестокаго и неправильнаго приговора, замѣтивъ, что еслибы онъ въ то время былъ въ Смоленскѣ, то настоялъ бы на безпристрастномъ разслѣдованіи, и тогда участь Энгельгардта была бы не такова. Поблагодаривъ его за учтивость, Энгельгардтъ сказалъ, что ему смерть не страшна, и требовалъ лишь вести его скорѣе на мѣсто казни. Дорогою онъ все время молчалъ, идя впереди съ опущенною головою и заложенными назадъ руками.

У Малаховскихъ воротъ къ печальному шествію присоединился отрядъ солдатъ. Выйдя изъ воротъ и пройдя по крѣпостному рву за вторую башню (направо), кортежъ остановился. Энгельгардту стали читать приговоръ.

Не дослушавъ его, онъ вскричалъ по-французски: «полно врать, пора перестать! заряжайте скорѣй и стрѣляйте, чтобы не видѣть мнѣ больше разоренія моего отечества и угнетенія моихъ соотечественниковъ». Когда хотѣли завязать ему глаза, онъ не позволилъ, говоря: «прочь! хочу видѣть свою смерть!» Потомъ попрощался онъ съ о. Никифоромъ, его дѣтьми и членомъ муниципалитета, Ѳеодоромъ Прокофьевичемъ Рагулинымъ, которому вручилъ свое духовное завѣщаніе, а

о. Никифору двѣ записки на полученіе спрятанныхъ въ Дягилевѣ вещей въ благодарность за послѣднее утѣшеніе <sup>1)</sup>).

Отецъ Никифоръ сквозь слезы сказалъ Ангельгардту: «Павелъ Ивановичъ! перекрестись и скажи: «Господи, въ руки Твои предаю духъ мой!». Ангельгардтъ сталъ молиться, повторяя эти слова. Раздался залпъ. Изъ 18 зарядовъ, двѣ пули попали въ грудь, и одна въ животъ. Ангельгардтъ упалъ на правое колѣно, потомъ навзничъ и, имѣя силу поднять глаза и руки къ небу, сталъ кончаться. Такъ какъ дыханіе еще въ немъ длилось, то одинъ изъ солдатъ, заряда ружье, выстрѣлилъ ему въ високъ, и тогда онъ скончался.

О. Никифоръ надѣлъ ризу и сталъ пѣть проводъ, а сынъ его, вставъ съ земли, дѣтскимъ голоскомъ вторилъ ему: «Господи, помилуй», плача и глотая слезы.

Рагулинъ распоряжался въ это время копаніемъ могилы. Не успѣлъ о. Никифоръ окончить проводъ, какъ солдаты бросились на трупъ Ангельгардта, раздѣли его донага и бросили ничкомъ въ яму, глубиною не больше  $\frac{3}{4}$  аршина; а окровавленную его одежду и обувь тотчасъ же подѣлили между собою.

Переданное Ангельгардтомъ письмо къ своей матери о. Никифоръ потомъ вручилъ ей лично, согласно просьбѣ покойнаго, а женѣ его написать въ декабрѣ письмо, гдѣ, прося ее отпустить вины покойнаго предъ нею, подробно описалъ послѣдніе часы его жизни.

Еще подробнѣе описаны они сыномъ Мурзакевича, Иваномъ, на котораго зрѣлище казни произвело такое сильное впечатлѣніе, что и въ глубокой старости онъ не могъ вспоминать о ней безъ содроганія <sup>2)</sup>).

Во 2-й половинѣ октября начинается обратное прохожденіе непріятельскихъ войскъ черезъ Смоленскъ. Для продовольствія ихъ Наполеонъ предписалъ губернатору Жomini приготовить въ Смоленскѣ запасы муки и хлѣба и занять подъ магазины уцѣлѣвшія церкви. Губернаторъ остановилъ свое вниманіе на соборѣ, куда предполагено было помѣстить 30.000 кулей хлѣба.

19-го октября Мурзакевичъ получилъ чрезъ муниципалитетъ тре-

<sup>1)</sup> Кромѣ этого, по духовному завѣщанію о. Никифора получилъ въ 1820 г. пять крѣпостныхъ душъ, записанныхъ по 7-й ревизіи за роднымъ братомъ его, капитаномъ Иваномъ Ангельгардтомъ.

<sup>2)</sup> Женою покойнаго на мѣстѣ его кончины былъ поставленъ небольшой каменный памятникъ, который по повелѣнію имп. Николая 1-го замѣненъ массивнымъ чугуннымъ. Въ 1885 г. валъ, прикрывавшій ровъ, былъ срытъ, мѣстность спланирована, и памятникъ былъ приподнятъ надъ могилою, и теперь стоитъ не во рву, а на площадкѣ. Дума постановила разбить здѣсь скверъ, но это такъ и осталось благимъ намѣреніемъ.

бование отъ губернатора — доставить ему ключи отъ собора. Предчувствуя недоброе, о. Никифоръ не далъ ключей, а на завтра, 20-го окт., отправился съ протодіакономъ Рудаковымъ въ соборъ, чтобы, на всякій случай, получше опрятать находившіяся тамъ вещи. Но стоявшій на крыльцѣ часовой не допустилъ ихъ къ дверямъ. Тогда Мурзакевичъ пошелъ къ коменданту Трибо и крѣгсъ-коммиссару Сіову просить, чтобы разрѣшили входъ. Комендантъ выдалъ ему входной билетъ.

Затѣмъ пошли къ военному губернатору Жомини съ просьбой — не трогать соборъ. Тотъ объяснилъ, что это не отъ него зависитъ: такова воля Наполеона. Тѣмъ не менѣе соборъ не былъ тотчасъ же занятъ подъ магазинъ, а чрезъ недѣлю не было уже въ этомъ и надобности, такъ какъ въ Смоленскъ прибылъ самъ Наполеонъ, а за нимъ слѣдовала въ безпорядкѣ и его армія.

Крѣгсъ-коммиссаръ Сіовъ и интендантъ Виллебланшъ 25-го октября призвали къ себѣ Мурзакевича и сначала совѣтовали, а потомъ стали и требовать, чтобы онъ встрѣтилъ Наполеона съ наличнымъ городскимъ духовенствомъ насколько возможно торжественнѣе.

Отказаться отъ этой тяжелой обязанности — значило навлечь на себя и на городъ кару; а принять ее — и того хуже: это значило бы окзаться измѣнникомъ своему государю, уронить себя въ глазахъ согражданъ и подвергнуться потомъ суду и строгому наказанію.

Въ концѣ концовъ, о. Никифоръ рѣшился, рискуя всѣмъ своимъ будущимъ, встрѣтить Наполеона, чтобы спасти родной городъ и его храмы отъ разоренія.

Увѣдомивъ протопопа Звѣрева и о. Якова Соколова (больше въ городѣ не было священниковъ), онъ утромъ 27-го октября пошелъ въ соборъ, взялъ тамъ ризы и крестъ и съ подошедшими двумя священниками отправился къ Дѣпровскимъ воротамъ, гдѣ уже ожидало Наполеона въ полномъ составѣ все городское французское начальство. Прогрогнувши на холодѣ, Мурзакевичъ и его два сослуживца, съ разрѣшенія начальства, разошлись по домамъ. Отецъ Поликарпъ сказалъ: «Наполеона не будетъ!»

Въ этотъ день Наполеонъ, дѣйствительно, не прибылъ въ Смоленскъ.

На другой день, 28-го октября, о. Никифоръ былъ приглашенъ къ больному мѣщанину, Ивану Короткому, жившему у Дѣпровскихъ воротъ, отслужить молебенъ. Взявъ съ собою черствую просвиру для больного, а сыну Ивану поручивъ нести ризы, о. Никифоръ отправился въ путь. Погода была настоящая зимняя: морозъ доходилъ до 12° при сильномъ вѣтрѣ. Дорога по улицѣ была покрыта снѣгомъ, который настолько былъ притоптанъ проходившими солдатами, что обратился въ зеркальную поверхность.

Перейдя верхнюю базарную площадь (нынѣ «Сѣнную»), о. Никифоръ съ трудомъ сталъ спускаться съ горы мимо присутственныхъ мѣстъ къ Троицкому монастырю. Между монастыремъ и соборною горою въ то время былъ «сухой ровъ», черезъ который перекинутъ былъ мостъ.

Не успѣлъ о. Никифоръ дойти до монастыря, какъ къ нему подъѣхалъ французскій жандармъ и сообщилъ, что идетъ Наполеонъ. Растерявшись отъ неожиданности, о. Никифоръ крикнулъ сыну: «Давай ризу». Кое-какъ успѣлъ онъ надѣть на себя эпитрахиль, и въ этотъ моментъ подошелъ къ нему военный губернаторъ Жюмини, знавшій его лично, и сказалъ по-латыни: «Ессе Наполеон». О. Никифоръ торопливо снялъ съ головы шапку и, поднявъ глаза, увидалъ возлѣ самого себя Наполеона. Взглянувъ на растерявагося священника, стоявшаго безъ шапки, съ эпитрахилью на груди и съ просфорою въ рукахъ, Наполеонъ спросилъ его: «Роре?» — «Такъ!» отвѣчалъ о. Никифоръ по-латыни и сунулъ ему въ руку просфору. Наполеонъ, не глядя и не останавливаясь, передалъ ее какому-то генералу и прослѣдовалъ дальше <sup>1)</sup>.

За Наполеономъ тащилась подъ гору карета, запряженная четвернею врьдъ; спереди и сзади кареты были привязаны ржаные снопы. Самъ Наполеонъ былъ одѣтъ въ сѣрый фризový сюртукъ, въ собольей шапкѣ съ синимъ бархатнымъ верхомъ съ кистью. Генералы также были въ фризovýchъ сюртукахъ. Всѣ они шли пѣшкомъ. Такъ распорядился самъ Наполеонъ еще за нѣсколько верстъ отъ Смоленска. «Ему казалось, говорить маркизъ Пасторе, что по гололедицѣ онъ будетъ идти пѣшкомъ быстрѣе и увѣреннѣе, чѣмъ его лошади, падавшія на каждомъ шагу. Окружающіе почли долгомъ послѣдовать его примѣру» <sup>2)</sup>. По словамъ фонъ-Зукова, особенно трудно было всходить на обледѣвшую соборную гору: офицеры и генералы шли кто на ципочкахъ, кто вывертывая ноги, какъ маленькія дѣти, только-что начинающія ходить, а нѣкоторые даже пробирались на четверенькахъ <sup>3)</sup>. Таково было «вступленіе» въ Смоленскъ побѣдителя Европы!

Въ Смоленскѣ Наполеонъ остановился въ губернаторскомъ домѣ и никого къ себѣ не принималъ первое время. Узнавъ, что въ городѣ заготовлено мало запасовъ для арміи, онъ пришелъ въ бѣшенство и приказалъ разстрѣлять комиссара Сіова. Непріятныя вѣсти со всѣхъ сторонъ о пораженіяхъ и разстройствѣ арміи заставили его забыть объ этомъ приказаніи, и Сіовъ избѣжалъ казни.

А положеніе французской арміи было ужасное. До Смоленска сол-

<sup>1)</sup> «Всего этого, замѣчаетъ въ дневникѣ о. Никифоръ, никто не видѣлъ» вѣроятно, потому, что никто не ожидалъ въ этотъ день и часъ Наполеона.

<sup>2)</sup> Записки маркиза Пасторе. «Р. Архивъ» 1900 т. № XII, 534.

<sup>3)</sup> «Истор. Вѣстникъ» 1901 г. іюль, 295.

даты шли, преодолевая препятствія, въ надеждѣ, что въ Смоленскѣ они отдохнутъ на теплыхъ квартирахъ и поѣдятъ сытно. Каково же было ихъ отчаяніе, когда они узнали, что Смоленскъ разоренъ и пустъ. Добываніе продовольствія сопровождалось грабежами и междоусобною войною между бывшими союзниками.

30-го октября польскіе солдаты напали на Одигитріевскую церковь, разбили дверь и стали грабить спрятанныя здѣсь церковныя и обывательскія вещи. О. Никифоръ, услыхавъ шумъ, прибѣжалъ сюда и сталъ отнимать ихъ. Поляки избили его почти на смерть, порубили саблею по головѣ, а одинъ ударилъ шпорою въ бокъ. Полуживой онъ былъ отнесенъ въ свой домъ, но крѣпкая натура вынесла эти побои, хотя была надломлена ими. Оказалось, что на грабежъ навелъ поляковъ ихъ полковникъ Костенецкій, который такъ сочувствовалъ невинному Энгельгардту, и который самъ же въ это самое утро посовѣтовалъ Мурзакевичу перепрятать вещи въ другое мѣсто. Ему нужно было только разузнать, гдѣ будутъ спрятаны эти вещи. Къ счастью, вещи, спрятанныя раньше подъ колокольню, въ томъ числѣ и серебряная риза съ иконы Одигитріи, остались цѣлы отъ грабежа.

Четыре дня прожилъ Наполеонъ въ Смоленскѣ. 1-го ноября на Покровской горѣ за Днѣпромъ появились въ виду города наши казаки, и это произвело на французовъ переполохъ. Запасы въ городѣ всѣ уже были истреблены, со всѣхъ сторонъ получались самыя неблагопріятныя извѣстія. «Приходилось, говорить Пасторе, покинуть Смоленскъ».

2-го ноября показалась на Покровской горѣ и русская армія, а вечеромъ того же дня Наполеонъ выступилъ изъ Смоленска съ своею гвардіею къ г. Красному, отдавъ приказаніе Даву и вице-королю задерживать русскихъ и, выходя изъ Смоленска, взорвать городскія башни, хотя въ городѣ оставалось множество французскихъ больныхъ и раненыхъ солдатъ.

Покидая городъ, непріятель поджигалъ его въ разныхъ мѣстахъ, а въ полночь 5-го ноября были взорваны и девять крѣпостныхъ башенъ изъ числа тридцати. Въ ту же ночь сгорѣлъ городской магистратъ, а въ 7 часовъ утра того же 5-го ноября Смоленскъ былъ занятъ русскими войсками.

Послѣдній отрядъ французовъ въ 400 человекъ съ 3 пушками, за сѣвшій въ Авраміевскомъ монастырѣ, ушелъ черезъ Никольскія ворота, оставивъ монастырь полуразрушеннымъ, семинарскую бібліотеку выброшенною на дворъ, а семинарскія зданія разоренными. Въ залѣ диспутовъ, гдѣ лежали раненые, потомъ нашли на стѣнѣ нарисованную углемъ картину осады Смоленска, которую семинарское начальство приказало стереть.

И такъ ровно три мѣсяца Смоленскъ находился во власти непріа-

\*

теля. За это время о. Никифоръ лишился двухъ дочерей и самъ послѣ перенесенныхъ тревогъ, и лишеній, и побоевъ чувствовалъ себя очень плохо. Еще хуже было его душевное состояніе. Припоминалась встрѣча съ Наполеономъ, и являлось опасеніе, какъ бы не подвергнуться за это отвѣтственности.

#### IV.

Съ 6-го ноября начинаютъ возвращаться въ Смоленскъ представители власть и «люди съ именемъ», изъ которыхъ одни предъ наступленіемъ французовъ внушали всѣмъ бодрость и принимали подписки о «невѣздѣ», а другіе давали эти подписки, и тѣмъ не менѣе первыми подали примѣръ бѣгства при приближеніи непріятеля къ Смоленску.

Среди наличныхъ священниковъ прот. Васильевъ оказывался старше всѣхъ; поэтому онъ, по прибытіи въ Смоленскъ, явился къ занявшему городъ майору Горихвостову, который велѣлъ ему оповѣстить всѣхъ городскихъ священниковъ, чтобы они 7-го числа прибыли къ нему для выслушанія высочайшей воли. Когда на слѣдующій день духовенство собралось, Горихвостовъ объявилъ ему, чтобы всѣ священноцерковнослужители были при своей должности, распоряжаться же духовенствомъ, «за небытностью старшихъ духовныхъ начальниковъ», назначилъ протоіерею Васильеву.

7-го ноября прот. Васильевъ съ четырьмя наличными священниками встрѣчалъ, по порученію Горихвостова, у Дѣпровскихъ воротъ вступавшую въ Смоленскъ русскую армію, которая при колокольномъ звонѣ направилась къ собору для служенія благодарственного молебна.

10-го ноября у Малаховскихъ воротъ торжественно встрѣчена была духовенствомъ и народомъ надворотная икона Божіей матери Одигитріи, три мѣсяца сопутствовавшая нашимъ полкамъ и возвращенная въ Смоленскъ изъ города Краснаго командиромъ 1-й батарейной роты Вельяминовымъ. При многочисленномъ стеченіи народа и звонѣ колоколовъ ее несли чрезъ весь городъ и поставили въ тепломъ соборѣ, гдѣ она и прежде стояла.

Въ городѣ понемногу вводился порядокъ. На улицахъ убирали мертвыя тѣла, которые сначала таскали въ Дѣвпръ, а потомъ стали складывать въ скирды за казанскимъ проломомъ и сжигать. Для предупрежденія заразы на улицахъ, жгли костры навозу и мазали дегтемъ ворота обывательскихъ домовъ.

Въ то же время, на основаніи ходившихъ по городу слуховъ, возвра-

тившіяся власти начали производить разслѣдованіе о лицахъ, служившихъ непріятелю.

16-го ноября протоіерей Васильевъ получилъ отъ временно исправлявшаго должность полицеймейстера майора Мельникова слѣдующее отношеніе:

«До свѣдѣнія моего дошло, что при завоеваніи французскими войсками здѣшняго города, въ соборной ризницѣ осталось много вещей, принадлежащихъ собору, и мѣдныхъ денегъ 20.000 рублей, изъ которыхъ французскія войска уплачивали за забранные медикаменты вольному аптекарю Мего, изъ чего и полагаю, что ризница та и въ ней принадлежащія до церкви вещи, равно и означенныя деньги, есть въ цѣлости (?); о чемъ для вѣрнѣйшаго донесенія начальству прошу ваше протоіерейство меня увѣдомить,—все ли то есть въ цѣлости; въ противномъ же случаѣ, у кого все то было на рукахъ, и куда употреблено, также не оставить безъ увѣдомленія».

Этотъ документъ и былъ ближайшимъ поводомъ къ началу оффиціальнаго дѣла объ измѣнѣ Никифора Мурзакевича.

Васильевъ отвѣчалъ Мельникову, что дѣло это касается не его, а полиція, и назначилъ депутатомъ съ духовной стороны самаго неблагонадежнаго изъ городскихъ священниковъ—Якова Соколова. Самъ же, ничего не осмотрѣвъ, не взявъ даже ключей отъ собора и кладовыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ у протодіакона Рудакова, а другой у Мурзакевича. Потомъ онъ взялъ ключъ у Рудакова, а отъ Мурзакевича ключъ былъ истребованъ только 17-го декабря и то не Васильевымъ, а петропавловскимъ протоіереемъ Еленевымъ, членомъ консисторіи.

Такое начало не предвѣщало Мурзакевичу ничего хорошаго. Слухи о назначеніи въ Смоленскъ для приведенія въ порядокъ разоренной епархіи члена Св. Синода Теофилакта, архіепископа рязанскаго, еще больше удручали его, такъ какъ Теофилактъ пользовался славой строгаго и безсердечнаго человѣка. Сослуживцы, которые и раньше недоброжелательно относились къ о. Никифору, начали удаляться отъ него, какъ отъ зачумленнаго: имъ онъ представлялся теперь государственнымъ преступникомъ, судьба котораго уже была предрѣшена, и имѣть знакомство съ которымъ казалось дѣломъ опаснымъ.

18-го декабря консисторія потребовала отъ Мурзакевича подписку о невыѣздѣ изъ города. 19-го числа прибылъ въ Смоленскъ архіепископъ Теофилактъ (Русановъ). Ему было поручено Св. Синодомъ устройство епархій, разоренныхъ непріятелемъ (Смоленской, Могилевской, Минской и Калужской). Это былъ человѣкъ крутаго нрава, «грозный и немилостивый судія».

Изъ резолюцій и отношеній Теофилакта на имя преосвященнаго

смоленскаго Ириней <sup>1)</sup> видно, что это былъ человѣкъ рѣзкій, энергичный, но самовластный и грубоватый. Кроткаго Ириней-затворника отъ своими указаніями и распоряженіями, соединенными съ выговорами, довелъ до того, что тотъ, какъ увидимъ, подалъ въ отставку и удался въ Кіевскій Михайловскій монастырь <sup>2)</sup>.

19-го декабря Теофилактъ пріѣхалъ въ Смоленскъ, а 20-го Мурзакевичъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Потребованъ къ синодалу по доносу николаевского протопопа Алексѣя Васильева. Разказалъ откровенно все, со мною случившееся.

— Зачѣмъ встрѣчалъ Наполеона?

Отвѣчалъ:

— Чтобы спасти храмы Божіи: первосвященникъ іудейскій Іоддай встрѣчалъ язычника Александра Македонскаго, а папа Левъ Святый—Аттилу у вратъ Рима, угрожавшаго граду разореніемъ».

Ревнителя не по разуму начальство предало уголовному суду.

24-го декабря Теофилактъ запретилъ священнослуженіе Мурзакевичу, прот. Звѣреву и свящ. Якову Соколову.

Въ тотъ же день день Теофилактъ писалъ Ириней: «Рекомендую вашему преосвященству отъ священника Мурзакевича немедленно отобрать объясненіе, какія онъ имѣлъ побужденія отъ бывшаго здѣсь французскаго правительства принять на себя порученіе касательно храненія ключей отъ собора, ризницы и кладовыхъ? кромѣ принадлежащаго архіерейскому дому и собору не хранилось ли тогда въ оныхъ и французское имущество? Въ какое именно время принялъ онъ на себя такое порученіе? что именно въ сихъ кладовыхъ теперь находится? Для освидѣтельствованія чего безъ отлагательства употребить ректора и префекта семинаріи при депутатѣ отъ градской полиціи. Сверхъ того развѣдать: не былъ ли священникъ Мурзакевичъ и иные, а особенно помощникъ консисторскаго секретаря, употребляемы отъ помянутаго правительства и въ другія дѣла? Самъ онъ, Мурзакевичъ, сознавался предо мною, что съ духовными, которыхъ имена не упомяну, выходилъ навстрѣчу французскому императору Наполеону въ церковномъ облаченіи и съ крестомъ, и поднесъ ему просфору».

24-го декабря епископъ Ириней предписалъ консисторіи: учинить вопросныя пункты священнику Мурзакевичу, полицеймейстеру Мельникову, Великанову и всѣмъ тѣмъ духовнымъ особамъ, которые показаны будутъ въ отвѣтъ священника Мурзакевича; особенно же Мурзакевича въ консисторіи обстоятельно допросить; а въ ризницѣ, соборѣ

<sup>1)</sup> Преосв. Ириней возвратился въ Смоленскъ 20-го декабря 1812 г., на другой день по прибытіи Теофилакта.

<sup>2)</sup> „Смох. Епарх. Вѣдомости“ 1884 г., 156.



и кладовыхъ освидѣтельствовать черезъ консисторію при депутатѣ отъ полиціи.

На второй день праздника, 26-го декабря, Мурзакевичу были предъявлены слѣдующіе вопросныя пункты: 1) когда городъ Смоленскъ былъ занятъ французами, то отъ французскаго правительства поручены ль были вамъ ключи отъ собора и кладовыхъ? 2) Говорили ль вы протоіерею Васильеву, что въ соборѣ и кладовыхъ находится много вещей и 72 мѣшка, т. е. 1.750 руб. мѣдью? и оныя вещи и деньги соблюдены ли вами въ цѣлости и гдѣ нынѣ находятся, и по чьему именно препорученію принимали вы ихъ въ ваше смотрѣніе, и почему о количествѣ мѣдныхъ денегъ въ мѣшкахъ не отвѣчали вы протоіерею Васильеву? 3) Какія имѣли вы побужденія принять отъ французскаго правительства на храненіе ключи отъ собора, ризницы и кладовыхъ? 4) Не хранилось ли въ оныхъ и французское имущество? 5) Какого мѣсяца и числа приняли вы означенное препорученіе? 6) Были ли вы и иные, а особенно Великановъ, употребляемы французскимъ правительствомъ и въ другія дѣла? 7) Выходили ли вы навстрѣчу французскому императору Наполеону въ церковномъ облаченіи и со крестомъ? и буде вы таковую церемонію дѣлали, то съ какими именно духовными особами? И противъ всѣхъ вышеописанныхъ пунктовъ вы, священникъ Мурзакевичъ, покажите самую истину по священству и самой должности присяжной».

На всѣ эти пункты Мурзакевичъ далъ слѣдующіе собственноручные отвѣты <sup>1)</sup>:

1) Когда г. Смоленскъ былъ занятъ французскими войсками, то отъ французскаго правительства ему ключей отъ собора и кладовыхъ препоручено не было, а имѣлъ оныя ключи тогда соборный священникъ Василій Шировскій, который нынѣ находится въ мертвыхъ, о чемъ свѣдуши смоленской градской Ильинской церкви протоіерей Поликарпъ Звѣревъ, Спасской церкви священникъ Яковъ Соколовъ, помощникъ консисторскаго секретаря Николай Великановъ и повѣтчикъ консисторскій, губернский секретарь Федоръ Каменецъ.

2) Когда протоіерей Васильевъ у него, священника Мурзакевича, спрашивалъ, что осталось ли въ соборной ризницѣ много вещей, собору принадлежащихъ, и 20.000 руб. мѣдныхъ денегъ, то онъ, священникъ Мурзакевичъ, извѣстилъ его, что собору принадлежащихъ и смоленскихъ гражданъ вещей имѣется много, а денегъ мѣдныхъ не 20.000, но 72 мѣшка, въ которые мѣшки насыпаемы были мѣдныя деньги изъ архіерейской ризницы и изъ архіерейской казначейской кладовой имѣ,

<sup>1)</sup> «Дѣло о священникахъ Мура., Соколовѣ и Звѣревѣ», въ Архивѣ консисторіи 1812 года № 50.

Мурзакевичемъ, консисторскимъ коллежскимъ регистраторомъ Петромъ Воронковымъ и лишеннымъ діаконства Уліаномъ Залѣвскимъ, но въ мѣшки сіи насыпали изъ нихъ каждый столько денегъ, сколько кто могъ перенести въ соборную ризницу; а сколько именно находилось въ тѣхъ мѣшкахъ денегъ, онъ знать не можетъ, которые мѣшки поручаемы были въ смотрѣніе, подѣ присмотромъ его, соборному священнику Василию Щировскому; во время каждаго перенесенія отложено было, сверхъ оныхъ 72 мѣшковъ, для переносчиковъ 25 руб., изъ которыхъ ему, Мурзакевичу, дано 5 руб. на пропитаніе отъ священника Щировскаго, а остальные деньги получилъ самъ онъ, Щировскій, крестовый іеромонахъ Амвросій и регистраторъ Воронковъ, поскольку же числомъ, онъ, Мурзакевичъ, неизвѣстенъ; которыя деньги перенесены ими были въ соборъ для лучшаго соблюденія, ибо ризница архіерейская и казначейская кладовая были отбиты французами и разграблены. И послѣ того жъ переноса денегъ французскій крѣгсъ-коммиссаръ, кромѣ означенныхъ 72 мѣшковъ, выдалъ на пропитаніе по мѣшку мѣдныхъ денегъ прежде ему, Мурзакевичу, а священнику Щировскому послѣ; а сколько счетомъ было въ тѣхъ мѣшкахъ, онъ, Мурзакевичъ, не знаетъ, ибо мѣшокъ сей и по сіе время лежитъ въ соборѣ подѣ хорами. По удаленіи жъ французовъ изъ Смоленска, онъ вмѣсто 72 мѣшковъ нашелъ при протодіаконѣ Рудаковѣ 73 мѣшка, изъ числа коихъ псаломщикамъ соборнымъ Михайлѣ Лыскову, Игнату Морозову и Ивану Попову выдано по 10 руб. каждому, а всѣхъ 30 рублей. Остальные затѣмъ деньги 72 мѣшка и соборный ризницы вещи находятся и нынѣ въ соборной ризницѣ, почему нынѣ въ соборной ризницѣ находится, съ выданнымъ ему мѣшкомъ, денегъ мѣдныхъ 72 мѣшка.

3) По наступленіи въ Смоленскъ французовъ завѣдывалъ отъ собора, ризницы и кладовыхъ ключами священникъ Василій Щировскій, а когда онъ, Щировскій, умеръ, то по погребеніи его въ октябрѣ мѣсяцѣ, по совѣту умершаго архимандрита Іосифа и Ильинской церкви протоіерея Поликарпа Звѣрева, принялъ онъ, Мурзакевичъ, отъ сына священника Щировскаго, отставнаго солдата Сергія Щировскаго, ключъ отъ собора, который ноября 1-го числа взялъ у него, священника, въ домѣ его французскимъ интендантомъ де-Виллебланжемъ и бывшимъ съ нимъ Смоленской гимназіи учителемъ Николаемъ Ефремовымъ; а 3-го числа того ноября, при выходѣ французовъ изъ Смоленска, французскимъ комиссаромъ принесены къ нему, Мурзакевичу, въ домъ означенный соборный и ключъ и отъ соборной ризницы <sup>1)</sup> или кладовой два ключа; а 5-го ноября, онъ, Мурзаке-

<sup>1)</sup> Ризница соборная помѣщается въ особомъ отдѣленіи храма, при входѣ, направо отъ западныхъ дверей; почему владѣющій однимъ ключемъ отъ собора не могъ проникнуть въ ризницу, если не имѣлъ ключа и отъ нея.

вичъ, одинъ ключъ отъ ризницы отдалъ соборному протодіакону Андрею Рудакову, съ которымъ онъ, Мурзакевичъ, при вышеписанныхъ соборныхъ причетникахъ разсматривали ризницу и подбирали разбросанное французами серебро (на поляхъ карандашомъ приписано: «въ лому») и, сосчитавши мѣшки съ мѣдными деньгами, оную ризницу замкнули двумя замками, изъ коихъ одинъ ключъ взялъ онъ, Мурзакевичъ, а другой протодіаконъ Рудаковъ. Послѣ отъ протодіакона Рудакова взять ключъ протоіереемъ А. Васильевымъ, а отъ него, Мурзакевича, по болѣзни его, истребованъ (и переданъ) ключъ 17-го декабря присутствующему протоіерею Якову Еленову.

4) Кромѣ принадлежащаго архіерейскому дому и собору французскаго имущества въ оныхъ ничего не хранилось, и онъ о томъ никакого свѣдѣнія не имѣлъ и не имѣеть.

5) Отъ французскаго правительства онъ, свящ. Мурзакевичъ, никакого препорученія не принималъ, кромѣ, какъ выше значить, полученные имъ отъ соборной ризницы ключи, которые принесены ему съ ключемъ соборнымъ, у него ноября 3-го числа взятымъ.

6) Онъ, Мурзакевичъ, отъ французскаго правительства въ другія дѣла употребляемъ не былъ, также и иные были ль употребляемы, не знаетъ, но точію слышалъ, что помощникъ консисторскаго секретаря, губернской секретарь Николай Великановъ, былъ употребляемъ французскимъ правительствомъ въ какія-то дѣла, и его, Великанова, руки получилъ записку, что въ его, Мурзакевича, домѣ ставится на квартиру полковникъ Доріо.

7) Онъ, Мурзакевичъ, при первоначальномъ занятіи французами Смоленска, находился въ Смоленскѣ, но тогда навстрѣчу французскому императору Наполеону ни онъ и никто изъ духовенства не выходилъ; а когда Наполеонъ ретировался изъ Москвы чрезъ Смоленскъ, то комиссары французовъ принуждали его встрѣтить Наполеона, почему онъ, Мурзакевичъ, съ протоіереемъ Поликарпомъ Звѣревымъ и свящ. Яковомъ Соколовымъ стояли 26-го числа октября <sup>1)</sup> у Днѣпровскихъ воротъ съ ризами въ рукахъ и со крестомъ для встрѣчи, но въ тотъ день онъ, Наполеонъ, въ Смоленскъ не пріѣзжалъ, а на завтріе, т. е. 27-го числа (28-го), онъ, Мурзакевичъ, встрѣтилъ Наполеона нечаянно одинъ на Троицкомъ мосту и поднесъ ему, Наполеону, просвиру; облаченія же на немъ, Мурзакевичъ, тогда не было, а былъ въ рукахъ одинъ эпитрахиль и требиникъ; каковую церемонію онъ принужденъ былъ сдѣлать потому, что тѣ же французскіе комиссары угрожали ему, Мурзакевичу, смертію и (грозили) разрушить храмы Божіи, какъ они сдѣлали въ Москвѣ, а

---

<sup>1)</sup> Мурзакевичъ ошибается: это было 27-го, какъ и въ дневникѣ у него записано.

когда онъ, Мурзакевичъ, повелѣнную встрѣчу выполнилъ, то тогда отъ Успенскаго собора караулъ французскій снятъ не былъ, и тѣмъ соблюдены оба собора; въ доказательство чего, что къ собору былъ приставленъ караулъ, то по занятіи Смоленска российскими войсками 20-го егерскаго полка офицеромъ Прокофьевымъ одинъ французскій часовой въ плѣнъ взятъ».

Спрошенные священники Поликарпъ Звѣревъ и Яковъ Соколовъ подтвердили показаніе Мурзакевича относительно встрѣчи Наполеона. При этомъ Соколовъ добавилъ, что тогда же узналъ, что Мурзакевичъ «имѣеть тѣсную связь съ французскимъ правительствомъ, по какой причинѣ онъ, Соколовъ, отъ него, Мурзакевича, съ того времени удалялся и никакого сношенія съ нимъ не имѣлъ, соблюдая вѣрноподданническую къ российскому престолу присягу».

Упоминаемый въ показаніи Мурзакевича помощникъ консигторскаго секретаря, Николай Великановъ, былъ ли онъ употребляемъ отъ французскаго правительства въ какія-либо должности, 26-го декабря 1812 года отвѣчалъ:

«Я, губернский секретарь, Николай Великановъ, былъ и нынѣ есть вѣрноподданный рабъ государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому. А оставался въ Смоленскѣ во время нашествія французовъ по такимъ причинамъ: 1) Что о выѣздѣ изъ Смоленска жителямъ я ни отъ свѣтскаго, ни отъ духовнаго начальства приказанія не слыхалъ. 2) Российское воинство во время уже сраженія подъ Смоленскомъ увѣряло обывателей, что Смоленскъ врагамъ отданъ ни подъ какимъ видомъ не будетъ. 3) Въ то самое время жена моя была больна ежедневною лихорадкою, кою она страдала недѣль 20; и при томъ есть у меня малолѣтній сынъ, шести лѣтъ, то мнѣ отбыть изъ Смоленска, оставя ихъ безъ присмотра, весьма прискорбно и даже невозможно было. 4) Самый недостатокъ не позволялъ мнѣ нанять подводу, да и сыскать оной въ тогдашнее время уже было негдѣ, а пѣшихъ вести жену больную и сына малолѣтняго не можно было. А между тѣмъ 6-го числа августа французы Смоленскъ заняли, и кого застали въ Смоленскѣ изъ жителей, всѣхъ тѣхъ заарестовали, и уже уйти изъ Смоленска сдѣлалось не можно, потому что французы распространились повсюду. Во время же плѣненія находился я при своемъ домѣ, который хотя и цѣлъ остался, но во многихъ частяхъ поразоренъ, и имѣніе все хорошее—одежа, хлѣбъ, посуда разграблены, кромѣ оставшагося одного сюртука фризоваго, жениной ветхой шубы, книгъ и образовъ на стѣнахъ да маловажныхъ мелочныхъ вещей, коихъ французы не брали. Я же употребляемъ былъ въ работу ежедневно возить и носить на себѣ воду, бить скотину на мясо, вытаскивать падлину; изъ лазарета выволакивалъ мертвыхъ французовъ и въ лазаретъ больныхъ, очищалъ

мерзости французовъ и во всякія трудныя и гнусныя работы былъ употребляемъ со изнуреніемъ моего здоровья и неоднократно былъ битъ, да и повсечасно ожидалъ себя, равно женѣ и сыну, смерти, которая по тогдашнимъ обстоятельствамъ казалась неизбежною.

«А 9-го числа октября мѣсяца прислано мнѣ отъ интенданта повелѣніе о бытіи мнѣ въ муниципалитетѣ на мѣстѣ уволеннаго члена Желтовскаго.

«А кто ему для сего рекомендовалъ меня, и почему, мнѣ неизвѣстно, ибо онъ меня не зналъ, равно и я его нигдѣ и никогда не видывалъ; и я не только не искалъ сего, но по полученіи мною того повелѣнія старался, какъ бы отбыть отъ того; но, видя, что мнѣ не принять сей должности не можно было, потому что неповинуящимся предлежала необходимая смерть, жизнь же для всякаго дорога, то я и явился въ муниципалитетъ противу желанія моего принужденно и обѣщанія на то и присяги не давалъ, и служилъ при ономъ двѣ только недѣли. Должность же моя состояла въ томъ, что показывалъ квартиры по присылаемымъ отъ коменданта цидулкамъ, изъ коихъ одну, присланную о квартирѣ на собственный мой домъ, для усмотрѣнія при семъ представляю. Также и въ домѣ священника Мурзакевича полковникъ Доріо да и другіе были квартирою ставлены тоже по присланнымъ отъ комендантамъ цидулкамъ.

«А по прошествіи двухъ недѣль, по причинѣ неоднократныхъ на меня нападеній отъ французовъ сдѣлался я боленъ и пробылъ въ болѣзни, страхѣ и трепетѣ и въ ожиданіи себя, женѣ и сыну смерти, болѣе недѣли; а затѣмъ, съ 4-го на 5-е ноября и Смоленскъ обратно отъ французовъ отобранъ. Приверженности къ французамъ никакой я не имѣлъ, ибо я, вѣдавши прежде, что въ Авраміевскомъ монастырѣ, въ церкви сохранено церковное сокровище, не только французскому начальству, но и никому изъ обывателей смоленскихъ того не объявилъ, чтобы разграблено или похищено не было, которое и сохранено, и уже по прибытіи настоятеля вынута оное вмѣстѣ и со мною во всякой цѣлости».

На вопросъ: были ль поручены французскимъ правительствомъ ключи отъ собора и кладовыхъ Мурзакевичу, или ихъ имѣлъ у себя соборный свящ. Вас. Щировскій, Великановъ отвѣчалъ: «Когда Смоленскъ былъ занятъ французами, то я съ 6-го даже до 15-го числа августа никуда не ходилъ изъ дому, также и въ соборѣ по то число не былъ, и потому не знаю, препоручало ль французское правительство ключи отъ собора и кладовыхъ свящ. Никифору Мурзакевичу, или оныя имѣлъ тогда свящ. Щировскій,—и того не знаю. А 15-го числа, на Успеніе Возіей Матери, по звону въ соборѣ, въ 1-й разъ пришелъ

я изъ дому въ соборъ и видѣлъ, что часы отправлялъ свящ. Щировскій, а не Мурзакевичъ».

Одинъ изъ «консистерскихъ», коллежскій регистраторъ Петръ Воронковъ, на котораго ссылался Мурзакевичъ, показалъ, что «по занятіи французами Смоленска, свящ. Мурзакевичъ и онъ, Воронковъ, съ липейнымъ дьякономъ Ульяномъ Залѣскимъ, насыпали изъ архіерейской ризницы и изъ архіерейской казначейской кладовой въ мѣшки мѣдныя деньги, которыя до приходу ихъ были разбросаны на полу, а по сколько въ тѣхъ мѣшкахъ было денегъ счетомъ, не знаетъ, ибо сыпали безъ счету, и сколько числомъ мѣшковъ, не упомянуть; и оныя мѣшки съ деньгами относили въ соборъ и препоручали свящ. Щировскому, а по переносѣ оныхъ денегъ, получили онъ, Воронковъ, отъ Щировскаго 6 рублей мѣдныхъ денегъ, а насыпку въ мѣшки распоряжалъ въ кладовой свящ. Мурзакевичъ, который и самъ также носилъ мѣшки. Онъ, Воронковъ, вышеозначенныя деньги переносилъ завѣдомо архіерейскаго дома казенныхъ денегъ по поводу тому, чтобы оныя, яко казенныя, были соблюдены, къ чему пригласилъ его свящ. Мурзакевичъ».

Губернскій секретарь консисторіи, повѣтчикъ, Ѳеодоръ Каменецъ показалъ, что «онъ знаетъ, что, по занятіи французами Смоленска, завѣдывалъ соборомъ свящ. Щировскій, а послѣ смерти Щировскаго завѣдывалъ соборомъ и кладовыми свящ. Мурзакевичъ, а кто ему сіе препоручилъ, онъ. Каменецъ, не извѣстенъ».

Протоіаконовъ Андрей Рудаковъ, по его словамъ, былъ, по изгнаніи французовъ, въ соборѣ въ кладовой тогда, когда оную отпиралъ свящ. Мурзакевичъ, у коего были и ключи, къ чему и его, Рудакова, пригласилъ онъ, и тогда жъ, онъ, Мурзакевичъ, считалъ мѣшки съ деньгами мѣдными, коихъ числомъ было 73 мѣшка, изъ числа коихъ онъ, Мурзакевичъ, выдалъ псаломщикамъ Михайлѣ Лыскову, Игнату Морозову и Ивану Попову по 10 р. каждому, а всѣмъ 30 р., а почему и для чего выдалъ, про то онъ, протоіаконовъ, не знаетъ. По выходу жъ изъ кладовой онъ, Мурзакевичъ, замкнулъ двумя замками, изъ коихъ одинъ ключъ взялъ онъ, Мурзакевичъ, а другой отдалъ ему, Рудакову, который ключъ взялъ у него іеромонахъ Павелъ по приказанію протоіерея Васильева, и по снятіи съ кладовой тѣмъ ключемъ замка замкнулъ казначейскую кладовую съ солью».

Псаломщикъ Лысковъ и пономарь Поповъ подтверждали, что по удаленіи французовъ Мурзакевичъ самъ выдалъ имъ по 10 р. мѣдью въ зачетъ жалованья; а пономарь Морозовъ добавилъ, что это было сдѣлано имъ безъ всякой его, пономаря Морозова, просьбы.

Такимъ образомъ, изъ опроса свидѣтелей видно, что показанія Мурзакевича совершенно справедливы и что на него никоимъ образомъ не можетъ падать подозрѣніе въ похищеніи казенныхъ денегъ.—Теперь

является вопросъ: откуда взялась цифра 20.000 руб., будто бы хранившихся въ соборѣ.—Спросили у Мельникова, кто ему сказалъ объ этой цифрѣ? Онъ отвѣчалъ, что ему сообщилъ аптекарь Мого, который заявлялъ, что ссылка на него, Мельникова, «несправедлива»: «Я никогда ему ни о чемъ не давалъ знать, да и самъ ничего не зналъ; а во время бытности его (Мельникова) въ (моей) квартирѣ со спасскимъ священникомъ (т. е. Яковомъ Соколовымъ) по слабости моего здоровья, я г. Мельникову пересказывалъ, что непріятельскимъ войскомъ усиленно забрано у меня медикаментовъ ты ся ч ѣ на два д ца т ь, и въ послѣднюю ночь предъ выходомъ непріятеля принесли какіе-то французы къ живущему въ моемъ домѣ жены моей отцу, Шпальдингу, ключи и объявляли, что они отъ соборнаго погреба, и чтобы получили тамъ за медикаменты деньги; но тесть мой прогналъ ихъ съ ключами, ибо хотѣлъ лучше все потерять, а не брать такой заплаты. Болѣе же я ничего съ нимъ, Мельниковымъ, не говорилъ, что самое показалъ по сущей справедливости».

Пока шель допросъ причастныхъ къ дѣлу лицъ, консисторія назначила комиссію для освидѣтельствованія содержимаго соборной ризницы. 29-го декабря 1812 г. эта комиссія нашла въ ризницѣ денегъ 1.738 р. 54 к., да еще мѣшокъ, выданный французскимъ комиссаромъ Мурзакевичу, съ 42 р. 86 к., котораго Мурзакевичъ такъ и не трогалъ; всего же мѣдной монеты найдено 1.781 р. 40 к.

Кромѣ того, въ ризницѣ найдены вещи, принадлежащія Надворотной церкви: Новая риза Богоматери безъ каменьева и жемчуга, и двое царскихъ вратъ; одна половинка серебряныхъ вратъ изъ теплаго собора вѣсомъ 1 пудъ, и серебра въ лому 1 пудъ 7 ф.

Свящ. Мурзакевичемъ было представлено 7 ф. серебра въ лому, купленнаго имъ у французовъ за 13 р.; и серебряная риза (въ 8 ф.) съ образа Одигитріи, находившагося въ Одигитріевской церкви.

«А сверхъ того, читаемъ въ актѣ, въ той же ризницѣ стороннее имѣніе, состоящее изъ російскихъ книгъ, одежды разной, заячихъ мѣховъ и пуховиковъ; французскихъ же вещей въ оной ризницѣ не оказалось». Большинство книгъ принадлежали Мурзакевичу; а вещи, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ одежда и посуда, разнымъ лицамъ.

И. И. Орловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

## Маршрутъ для путешествія М. М. Сперанскаго.

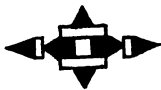
*Письмо графа М. С. Воронцова—М. М. Сперанскому.*

28-го мая 1823 г. С.Петербургъ.

Милостивый государь Михайло Михайловичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, заѣхалъ я въ домъ вашего превосходительства вчера, возвращаясь съ Каменнаго острова въ 10 часовъ, т. е. полчаса послѣ отъѣзда вашего.

Я желалъ лично отдать вамъ приложенный маршрутъ и еще стараться уговорить васъ по оному расположить поѣздку вашу. По сей дорогѣ вы увидите лучшую часть Кіевской губерніи, край не уступающій красотою и часто богатствомъ лучшимъ частямъ Европы и совершенно различной со смежною частью той же губерніи. Дальше вы увидите губернский городъ Екатеринославъ. Проѣхавъ славные по дѣламъ малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ, города Черкасы и Чигиринъ, дальше вы увидите главный Днѣпровскій порогъ (Ненасытинской), губернский городъ Херсонъ, гдѣ похороненъ основатель Новороссійскаго края князь Потемкинъ; Николаевъ, столица Черноморскаго флота и по стараніямъ Грейга удивительно подвигающійся впередъ, и потомъ Одессу. По сей дорогѣ вы увидите (тутъ уже мой интересъ) два имѣнія наши: въ Кіевской губерніи Мошны, красивые Днѣпромъ, лѣсами и горами, а въ Херсонской губерніи—Новую Воронцовку, куда отъ іюня 1822 до апрѣля 1823-го переселилось 2.000 душъ, все охотники, по собственному желанію и на собственномъ иждивеніи.

Письмо сіе, можетъ, будетъ въ Черниговѣ еще прежде васъ, мы же скоро за онымъ въ слѣдъ будемъ, и я тогда на словахъ повторю увѣренія того истиннаго почтенія и совершенной преданности, съ коими остаюсь вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.







## Посылка Тадеуша Вылежинскаго въ Петербургъ

въ 1830—1831 г.<sup>1)</sup>.

Обстоятельства, предшествовавшія поѣздѣ Вылежинскаго въ Петербургъ.— Личность и дѣятельность Хлопицкаго.—Вылежинскій.—Нѣсколько словъ о немъ.—Инструкція Хлопицкаго Вылежинскому.—Разговоръ послѣдняго съ генераломъ Шембекомъ.—Вылежинскій въ Петербургѣ.—Приемы у Дибича.—Свиданіе съ А. Х. Бенкендорфомъ.—Вылежинскій у ген. Чернышева.—Аудіенція у государя.—Послѣднее свиданіе съ Чернышевымъ.

**Въ** началу декабря 1830 г. почти всѣ связи Царства Польскаго съ Имперію были уже порваны. Оставалось ожидать вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы Царства. Необходимо было подготовить народъ къ предстоявшей борьбѣ. Отсутствие твердой власти съ одной стороны, а съ другой—начавшая поднимать голову анархія въ клубахъ Патріотическаго общества побудили временное правительство созвать сеймъ, а генералу Іосифу Хлопицкому, какъ государственному чловѣку, который пользовался всеобщимъ довѣріемъ, предоставить неограниченную военную власть. Хлопицкій, по совѣту своихъ почитателей, не удовольствовался этимъ, но самъ, еще до собранія сейма, 5-го декабря, провозгласилъ себя диктаторомъ, т. е. неограниченнымъ правителемъ народа. Чрезвычайныя обстоятельства вполне оправдывали соединеніе власти въ одномъ лицѣ. Поэтому гро-

<sup>1)</sup> «Szesnaście dni z mego życia, czyli relacja z podróży do Petersburga podczas rewolucji polskiej z roku 1830—31» (Biblioteka Warszawska, II—III 1903).  
Г. В.

мадное большинство народа встрѣтило диктатуру Хлопицкаго съ величайшею радостью; студенты же, подъ начальствомъ профессоровъ, образовали почетную стражу для охраны диктатора <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, Хлопицкій всю отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ Польшѣ взялъ на себя.

Хлопицкій былъ одинъ изъ боевыхъ польскихъ офицеровъ старой наполеоновской гвардіи, пользовался репутаціею самаго способнаго генерала и вообще такимъ довѣріемъ, что съ самаго начала революціи всѣ смотрѣли на него, какъ на единственнаго челоѣка, который могъ бы быть руководителемъ возстанія. Но Хлопицкій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Какъ старый, честный воинъ, онъ былъ врагомъ тайныхъ заговоровъ и народнаго возстанія. Онъ совсѣмъ не вѣрилъ въ возможность освобожденія Польши и возвращенія ей юго-западныхъ земель и если принималъ верховную власть, то только для того, чтобы возстановить внутренній порядокъ и примирить Польшу съ ея законнымъ государемъ <sup>2)</sup>.

Хлопицкій рѣшилъ возобновить переговоры съ русскимъ правительствомъ и съ этою цѣлью отправилъ въ Петербургъ кн. Ф. К. Любецкаго и гр. Я. Езерскаго.

Любецкій съ Езерскимъ уже нѣсколько дней проживали въ Петербургѣ, ожидая дальнѣйшихъ инструкцій Хлопицкаго. Послѣдній рѣшилъ послать къ нимъ такое лицо, которое сумѣло бы обстоятельно посвятить ихъ во всѣ подробности того, что произошло въ Варшавѣ и въ Царствѣ, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы исполнить свою миссію безъ риска быть арестованнымъ въ дорогѣ. Для этой цѣли диктаторъ рѣшилъ воспользоваться услугами офицера, который не принималъ ни малѣйшаго участія въ революціи и находился въ войскѣ великаго князя.

Тадеушъ Вылежинскій какъ разъ отвѣчалъ этимъ требованіямъ.

Вылежинскому въ то время шелъ тридцать шестой годъ. Родомъ онъ происходилъ изъ Подоліи. Воспитывался въ Виленскомъ университетѣ. Въ 1812 г. поступилъ въ военную службу Варшавскаго княжества и въ томъ же году лишился правой руки.

Вылѣжившійся отъ этой раны, въ 1813 г. онъ снова поступилъ въ военную службу въ Краковѣ, подъ знамена кн. Іосифа Понятовскаго, получилъ чинъ подпоручика и участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ въ нѣмецкихъ земляхъ. Въ 1814 г. произведенъ въ капитаны и получилъ крестъ Почетнаго Легіона. Въ 1827 г. его зачислили въ

<sup>1)</sup> D-r Anatol Lewicki «Dzieje narodu polskiego», W. 1899, 423.

<sup>2)</sup> Тамъ же, 423; Рус. біогр. слов., изд. Императ. рус. ист. общ., СПб. 1901, 338.

гвардейскій конно-егерскій полкъ, а въ 1817 г. произвели въ подполковники. Вылежинскій былъ авторомъ нѣсколькихъ сочиненій, появившихся въ свѣтъ впослѣдствіи.

21-го декабря Вылежинскаго пригласили къ диктатору. Хлопицкій приказалъ ему немедленно ѣхать въ Петербургъ, вручилъ депеши на имя кн. Любецкаго и напутствовалъ слѣдующими словами:

— Если увидите императора, то говорите съ нимъ со всею почти-тельностью, какая подобаеъ монарху. На всѣ его вопросы отвѣчайте чистую правду. Сами видите—каково наше положеніе. Расскажите, что у насъ творится. Держитесь сущей правды, которой государь въ правѣ отъ васъ требовать. Если бы императоръ пожелалъ имѣть свѣдѣнія относительно войска—представьте ихъ ему, не скрывая ни малѣйшихъ подробностей.

Простившись съ Хлопицкимъ, Вылежинскій вышелъ въ смежный залъ. Здѣсь онъ засталъ за чаемъ бригаднаго генерала Шембека съ нѣсколькими офицерами главнаго штаба.

Ген. Шембекъ очень долго съ нимъ бесѣдовалъ. Просилъ его, при удобномъ случаѣ, передать его разговоръ императору. Увѣрялъ его, что онъ совсѣмъ не хотѣлъ революціи. И если первый во главѣ своего полка вступилъ въ Варшаву, то только потому, что иначе не могъ поступить: собственные его солдаты, возбужденные агитаторами, въ случаѣ отказа, могли его разстрѣлять. По выраженію ихъ лицъ онъ видѣлъ, что ничего другаго сдѣлать не въ состояніи. Полковникъ Вонсовичъ также поручалъ Вылежинскому засвидѣтельствовать, насколько старшіе офицеры сторонились революціи. Окружающіе повторяли болѣе или менѣе то же самое, такъ что можно было убѣдиться, что главные представители арміи, вопреки собственной волѣ и только въ виду опасности, отдавали себя на волю волнъ народнаго моря.

28-го декабря, въ 8 час. вечера, Вылежинскій прибылъ въ Петербургъ.

Послѣ непродолжительнаго отдыха его допустили къ фельдмаршалу Дибичу. Въ кабинетѣ послѣдняго онъ встрѣтился съ ген.-отъ-инфантерій гр. Толстымъ. Вылежинскій видалъ раньше Дибича, но никогда съ нимъ не разговаривалъ. По его описанію, это былъ человѣкъ небольшого роста, полный, безобразной наружности, необычайно живой въ разговорѣ и въ движеніяхъ, постоянно ерзавшій въ креслахъ, легкомысленный, но въ сущности очень добрый, хорошо ознакомленный съ положеніемъ дѣлъ во всей Европѣ, особенно же въ Польшѣ. «Передъ нимъ лежалъ на столѣ «Ежегодникъ польской арміи», въ которомъ онъ, очевидно, искалъ мою фамилію. Всталъ, поздоровался со мною и предложилъ сѣсть».

Начался разговоръ. Дибичъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что на

сеймѣ, когда разсуждали о диктатурѣ Хлопицкаго, никто не вспомнилъ о своемъ монархѣ. Не удовлетворяло Дибича и замѣчаніе Вылежинскаго, что на сеймѣ не было промолвлено ни одного слова противъ государя. И только, когда Вылежинскій началъ разсказывать о дѣятельности диктатора, о томъ, что это человѣкъ положительный и справедливый, пользуется довѣріемъ народа, позакрывалъ уже клубы и что въ этомъ отношеніи страна должна быть ему въ высшей степени благодарна, такъ какъ онъ оградилъ ее отъ анархіи и волненій,—фельдмаршалъ, слушая, съ удовольствіемъ притопывалъ ногою и повторялъ:

— Хорошо! Очень хорошо!

Въ общемъ, разговоръ на этотъ разъ не былъ продолжительнымъ. Дибичъ спѣшилъ къ государю доложить о прибытіи Вылежинскаго.

На другой день Дибичъ снова принялъ Вылежинскаго.

Начиная бесѣду, фельдмаршалъ предупредилъ собесѣдника, что, какъ старый солдатъ, онъ будетъ говорить съ полною откровенностью. Дибичъ признался, что онъ былъ въ числѣ противниковъ дарованія Царству Польскому конституціи.

— Но коль скоро императоръ Александръ, этотъ добродѣтельнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, непремѣнно на этомъ настаивалъ, то мы принуждены были замолчать, желая Польшѣ всего лучшаго отъ предоставленныхъ ей благъ свободныхъ установленій. Получили вы конституцію. Сознаваться надо, что не всегда ее уважали. Но это происходило уже не по винѣ государя, который старался быть деликатнымъ въ отношеніи старшаго брата. Этотъ же послѣдній давалъ столько поводовъ къ неудовольствію!... Во всякомъ случаѣ это не можетъ оправдывать революціи, такъ какъ, помимо всего, въ Царствѣ Польскомъ больше было хорошаго, нежели дурнаго.

Депеши, которыя привезъ Вылежинскій къ князю Любецкому, государь вскрылъ самъ. Дибичъ объяснилъ это обстоятельство тѣмъ, что государь очень разгнѣванъ на Любецкаго.

— Человѣкъ, который служилъ въ нашей арміи, который съ нами дѣлалъ кампаніи, русскій, котораго государь назначилъ министромъ въ Польшѣ—и этотъ Любецкій теперь хочетъ разыгрывать роль посла!.. Наконецъ, если что и было дурнаго въ Польшѣ, то Любецкій тоже виноватъ въ этомъ. Онъ, будучи министромъ государя, долженъ былъ строго охранять конституцію, думать о счастьи края, предупреждать зло, откуда бы оно ни происходило.

Теперь, когда революція уже фактъ совершившійся, сеймъ, по мнѣнію Дибича, долженъ былъ поступить совсѣмъ иначе. Онъ долженъ былъ собраться,—какъ это и сдѣлалъ,—но, не поддаваясь вліянію мятежниковъ, написать государю: всепресвѣтлѣйшій государь, хотя мы и не имѣли права собираться, пока насъ не созоветъ монархъ,

но исключительныя обстоятельства насъ къ тому принудили. Намъ необходимо было рѣшить вопросъ о томъ, какая форма правленія наиболее была бы подходящею при настоящемъ положеніи вещей, и, вотъ, мы установили диктатуру генерала Хлопицкаго. Нынѣ же, когда порядокъ уже возстановленъ, осмѣливаемся просить ваше императорское величество, законнаго нашего обладателя, войти въ плачевное наше положеніе и простить несчастный край, подтвердивъ неприкосновенность нашихъ правъ и конституціи. Между тѣмъ сеймъ, вмѣсто этого, признаетъ революцію дѣломъ и а р о д н ы м ъ, не вспоминаетъ о государѣ, приноситъ благодарность инициаторамъ возстанія и готовится къ войнѣ. Далѣе Дибичъ обратилъ вниманіе на неравенство военныхъ силъ обѣихъ сторонъ. Поляки могутъ имѣть регулярнаго войска самое большее 52 баталіона пѣхоты. Между тѣмъ, въ арміи его, Дибича, въ первой линіи будетъ 72 баталіона, да столько же во второй; если же бы оказалось 144 баталіоновъ недостаточно, то къ нимъ прибавятъ еще. Сверхъ того, Дибичъ располагалъ 156 эскадронами кавалеріи, не считая казаковъ, и 40 орудіями.

О польскомъ войскѣ Дибичъ отзывался такимъ образомъ:

— Войско ваше—храбро и хорошо обучено, но нашъ, русскій солдатъ легче переносить труды, дурное продовольствіе, длинные переходы и всѣ недостатки кампаніи, словомъ, выносливѣе на войнѣ. О вашемъ войскѣ—продолжалъ фельдмаршалъ—я былъ самаго лучшаго мнѣнія и не столько о солдатахъ и младшихъ офицерахъ, сколько о старшихъ военачальникахъ, закаленныхъ въ кампаніяхъ, которыя они дѣлали съ Наполеономъ. Я былъ высокаго понятія объ ихъ способностяхъ. Но когда я убѣдился, что они не сумѣли удержать подчиненныхъ въ надлежащемъ повиновеніи, не въ состояніи были поддержать порядокъ, съ тѣхъ поръ, сознаюсь, я измѣнилъ прежнее о нихъ мнѣніе.

Обращаясь затѣмъ къ разговору о войнѣ, фельдмаршалъ замѣтилъ:

— У васъ нѣтъ ни пороховаго завода, ни селитряной копи, ни литейнаго двора, словомъ, ничего того, чтó во время войны является насущною потребностью... Хлопицкій былъ хорошимъ бригаднымъ генераломъ, дрался въ Испаніи и на другихъ поляхъ сраженія со славою, но всегда, какъ младшій офицеръ, никогда не командовалъ цѣлою арміею, и я не увѣренъ, чтобы онъ могъ оказаться хорошимъ военачальникомъ... Правду сказать, я мало знаю генерала Хлопицкаго, но онъ мнѣ представляется человѣкомъ холоднымъ, черезчуръ расчетливымъ, тогда какъ я—горячъ и пылокъ... Императоръ Николай—молодъ, но обладаетъ твердымъ характеромъ, уступокъ дѣлать не любитъ, да, наконецъ, ему и не годится ихъ дѣлать. Тѣмъ не менѣе онъ желалъ бы окончить это дѣло полюбовно и безъ кровопролитія.

Дальше разговоръ коснулся манифеста, предписывавшаго польской арміи отступить къ Плоцку. Фельдмаршалу сдавалось, что Хлопицкій

будетъ въ силахъ исполнить волю государя, выраженную въ манифестѣ. А когда Вылежинскій сталъ разъяснять, что въ случаѣ отдачи подобнаго приказанія ни одинъ полкъ его не послушался бы, Дибичъ замѣтилъ, что если бы Хлопицкій имѣлъ намѣреніе покончить дѣло безъ войны, то могъ бы намъ написать, что ему нужно время, что весь брестскій трактъ освободить невозможно, что нужно хотя бы немного войска для защиты Варшавы и т. д. и все можно бы было уладить. Дибичъ успокоилъ Вылежинскаго увѣреніемъ, что вел. кн. Константинъ не вернется въ Варшаву и что, по всему вѣроятію, онъ самъ останется главнокомандующимъ.

— Ручаюсь,—прибавилъ онъ,—что вы были бы мною довольны. Я управлялъ бы хорошо. Строго держался бы конституціи, никогда ее не нарушилъ бы, развѣ лишь въ одномъ пунктѣ,—касательно свободы печати; этого не будете имѣть, впередъ вамъ говорю, это вещь вредная, раздражающая только умы.

Въ заключеніе фельдмаршалъ далъ понять, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что русское войско вступитъ въ предѣлы Царства Польскаго въ видахъ охраны края и наблюденія за польскимъ войскомъ, которое не заслуживаетъ довѣрія. На это Вылежинскій отвѣтилъ, что польскій народъ никогда не подчинится требованіямъ манифеста и что при такихъ условіяхъ дѣло никогда не дойдетъ до соглашенія. Дибичъ согласился съ тѣмъ, что если поляки не примутъ условій манифеста, то безъ войны дѣло не обойдется.

30-го декабря Вылежинскаго вызвали къ генералу (впослѣдствіи графу, А. Х.) Бенкендорфу.

Генераль этотъ,—пишетъ Вылежинскій,—человѣкъ очень пріятный, съ изысканными манерами, весьма предупредительный въ обращеніи, считается любимцемъ государя, благороднѣйшимъ и честнѣйшимъ чело-вѣкомъ въ Имперіи.

Бенкендорфъ не скрывалъ того удивленія, какое вызвало въ немъ возстаніе въ Царствѣ Польскомъ.

— Посмотрите на Галицію,—сказалъ онъ.—Развѣ она не несчастнѣе васъ? Нѣтъ тамъ ни народнаго представительства, ни конституціи, ни войска, ни польскихъ чиновниковъ, ни даже польскаго языка, да сверхъ того обременена податями <sup>1)</sup>. То же самое и великое княжество Познанское, политическое и матеріальное положеніе котораго столь далекоотъ благосостоянія Царства!.. Сравните себя съ Литвою, съ Волинію и съ другими польскими провинціями, состоящими подъ русскимъ правленіемъ,—что за громадная разница! Въ какихъ счастливыхъ во всѣхъ

<sup>1)</sup> Такъ было дѣйствительно до 1849 г. Существующую въ настоящее время конституцію Галиція получила въ 1861 г.

отношеніяхъ условіяхъ вы находились! А однако всё прочія части Польши держатъ себя спокойно. Только въ одномъ Царствѣ Польскомъ, гдѣ полякамъ было лучше всего, вспыхнула революція. Подумайте только, какъ вашъ край процвѣталъ!—чужестранцы дивились. Населеніе увеличивалось, налоги не были чрезмерны, управлялись вы сами, всё отрасли промышленности, земледѣліе и фабричное производство развивались превосходно, города росли, вся Польша представляла собою подобіе драгоценнаго камня, на который пріятно было смотрѣть. Была одна беда—дѣйствительно: вел. кн. Константинъ тормозилъ намѣренія государя, но надо было немного потерпѣть. Рѣшено отозвать вел. князя, и тогда для полнаго своего счастья вы ни въ чемъ уже не нуждались бы и стали бы счастливейшимъ народомъ на свѣтѣ.

Государь, по увѣренію Бенкендорфа, очень огорченъ революціею. Особенно оскорбило его поведеніе арміи, которую онъ любилъ. Онъ такъ надѣялся на польскую армію, что, насколько ему (Бенкендорфу) извѣстны отношенія къ Франціи,—предназначилъ ее въ авангардъ, который долженъ былъ предупредить русскіе полки въ случаѣ движенія послѣднихъ во Францію.

— Не сомнѣваюсь,—прибавилъ Бенкендорфъ,—что польское войско сражалось бы доблестно. Государь не можетъ торговаться съ поляками. Для этого у чего нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Если въ Царствѣ Польскомъ и было что-либо дурное, то было не по его, государя, винѣ и оставаться такъ не могло. Въ настоящее время онъ не можетъ склониться на уступки, иначе, что бы сказали остальные его подданные? Одна надежда на благородный и великодушный характеръ государя, на то, что онъ не стѣснить положенія поляковъ. Если же, однако, Царство будетъ усмирено оружіемъ, къ чему, повидимому, и клонится дѣло, то въ такомъ случаѣ поляки останутся въ большомъ накладѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ приведеннаго разговора Вылежинскій сидѣлъ уже у генерала Чернышева <sup>1)</sup>.

Чернышеву онъ прямо заявилъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ безъ всякаго законнаго разрѣшенія, взявъ на себя миссію правительства, которое государь не признаетъ.

Здѣсь онъ узналъ, что императору, однако, угодно было войти въ его положеніе и ему оставленъ выборъ или остаться въ Петербургѣ или воротиться въ Варшаву. Вылежинскій, какъ человекъ осторожный, боясь раздражить своего монарха, офицеромъ и подданнымъ котораго онъ былъ, заявилъ, что ему остается лишь съ почтеніемъ выслушивать приказанія монарха и что онъ подчинится всему, чего отъ него желаютъ.

<sup>1)</sup> Александръ Ив. Чернышевъ съ 1827 г. управлялъ военнымъ министерствомъ.

При этомъ онъ обратилъ вниманіе Чернышева на то, что если онъ не вернется въ Варшаву, то будетъ считаться дезертиромъ или измѣнникомъ, а быть тѣмъ, или другимъ, онъ, разумѣется, не желаетъ. Кромѣ того, онъ оставилъ въ Варшавѣ опасно-больного отца безъ всякихъ средствъ къ существованію, выѣхавъ въ дорогу столь поспѣшно, что не могъ позаботиться о судьбѣ старика.

Выслушавъ это, Чернышевъ посоветовалъ Вылежинскому написать къ нему письмо, въ которомъ выразить чувства вѣрноподданнической преданности къ государю и изложить всѣ тѣ обстоятельства, которыя требуютъ возвращенія его въ Варшаву.

Письмо, конечно, тотчасъ же было написано. Спустя немного времени, Чернышевъ вручилъ Вылежинскому отвѣтъ государя слѣдующаго содержанія:

«Въ Вылежинскомъ я нашелъ чувства храбраго и лойяльнаго воина и добраго поляка. Исполнивъ свою обязанность, онъ сдѣлалъ то, что могъ. Вѣрю его честному слову, вѣрю, что всегда будетъ слѣдовать ему и присягѣ. Чтобы доказать это—назначаю его своимъ адъютантомъ и вручаю ему депеши, которыя онъ отвезетъ въ Варшаву. Затѣмъ, можетъ заняться отцомъ и, когда устроить судьбу старца—пусть вернется ко мнѣ куда и когда ему будетъ угодно».

Передавъ отвѣтъ государя, Чернышевъ сказалъ Вылежинскому:

— Вѣроятно, вамъ будетъ пріятно лично засвидѣтельствовать государю благодарность за его милость. Мой фельдъегерь отвезетъ васъ во дворецъ.

Вылежинскаго доставили въ Аничковскій дворецъ.

Вотъ, какъ онъ описываетъ наружность императора Николая. Государь—высокаго роста, черты лица прекрасны, полны выраженія, носуровы; въ обращеніи холоденъ.

Разговоръ живо перешелъ на польскія дѣла. Императоръ не ожидалъ революціи въ Польшѣ.

— Вѣдь вамъ же хорошо было! Конституцію, которую я засталъ, я уважалъ и хранилъ безъ измѣненія. Пріѣхавъ въ Варшаву на коронацію, я сдѣлалъ столько добра, сколько можно было сдѣлать. Быть можетъ, и было что-либо нехорошее, но я тутъ ни при чемъ. Надлежало войти въ мое положеніе и имѣть ко мнѣ довѣріе. Я желалъ, чтобы все было хорошо, и желаніе свое въ концѣ-концовъ осуществилъ бы... Наконецъ, я не могу оправдать революціи, нападенія на домъ моего брата съ намѣреніемъ лишить его жизни... Что касается генерала Рожнецкаго, на котораго повсюду жалуются, то я давно его знаю и никогда онъ не пользовался моимъ расположеніемъ<sup>1)</sup>. Знаю, что это совершен-

<sup>1)</sup> Рожнецкій—начальникъ тайной полиціи. Его, по словамъ Зеланда („Воспом. о польск. возст. 1830—31 г.“ въ Рус. Ст. за 1892 г.), вся нація ненавидѣла (IX, 516).



ный негодяй и если остался на своемъ посту, — слѣдовало его взять...

Тутъ императоръ пожалъ плечами, давая тѣмъ понять, что вѣновать въ этомъ великій князь.

— Ваши газеты, о чемъ бы ни писали, все страшно преувеличиваютъ.

Переходя къ вспышкѣ мятежа, государь выразилъ свое недовольство образомъ дѣйствій вел. кн. Константина.

— Если бы я тамъ былъ въ то время, то ручаюсь, что дѣла приняли бы другой оборотъ. Въ такихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ употребить противъ черни картечь. Это—непріятная и печальная необходимость, но и единственное средство, которое можетъ отвратить бѣдствія въ послѣдствіи бѣдствія.

Государь выразилъ свое высокое недовольство тѣми польскими генералами и начальниками частей, которые позволили себѣ поддаться влиянію своихъ подчиненныхъ и агитаторовъ, забыть о своихъ собственныхъ обязанностяхъ, соединиться съ мятежниками и встать во главѣ послѣднихъ.

— Напримѣръ, Шембекъ,—сказалъ государь,—котораго я такъ любилъ. Онъ не только соединился съ мятежниками, но своимъ вступленіемъ въ столицу во главѣ полка далъ примѣръ цѣлой арміи, потянулъ за собою вѣрные до тѣхъ поръ полки и принудилъ моего брата къ отступленію. И это тотъ самый Шембекъ, который поклялся великому князю не вступать въ Варшаву, а ожидать его дальнѣйшихъ приказаній.

Вылежинскій позволилъ замѣтить, что Шембекъ искренно желалъ оставаться вѣрнымъ, но прочелъ на лицахъ своихъ солдатъ, что въ случаѣ отказа—они его разстрѣляютъ.

Государь продолжалъ:

— Ему слѣдовало пожертвовать собою. Slѣдовало позволить себя убить, какъ поступилъ Гауке или Трембицкій, съ которымъ онъ находился въ такой тѣсной дружбѣ. Почему онъ такъ не поступилъ? Къ чему ему было всматриваться въ лица своихъ солдатъ?.. Скажите ему, что я удивляюсь, что онъ еще живъ и что такого срама отъ него не ожидалъ.

Далѣе императоръ увѣрялъ, что онъ не желалъ бы прибѣгать къ строгости, что онъ увѣренъ, что партія людей разсудительныхъ въ народѣ одержитъ побѣду, признастъ свою вину и вернется на путь обязанностей.

— Но я—прибавилъ государь,—желаю совершеннаго, безусловнаго подчиненія. Вспомните, что я польскій король, король законный и такимъ всегда останусь! Повторите это въ Варшавѣ, а сами поступайте такъ, какъ находите нужнымъ.

На это Вылежинскій сказалъ, что для него ничего другого не остается, какъ только оплакивать несчастіе, постигшее его родину.

— Тутъ нужны неслезы,—замѣтилъ ему государь,—а стараніе убѣдить поляковъ. Что касается меня, то я люблю своихъ подданныхъ, и никакая ради ихъ жертва для меня не тяжела, когда дѣло идетъ объ ихъ счастіи. Передайте также полякамъ, что я доволенъ тѣмъ, что революцію вызвали чужія, заграничныя вліянія. Мои русскіе подданные страшно возмущены и злы на васъ и хотѣли бы вамъ сдѣлать какъ можно больше вреда. Съ трудомъ приходится мнѣ ихъ одерживать. Но пока я царствую, я сумѣю настоять на своемъ, заставить уважать мою волю и ей подчиняться. Поляки въ этомъ отношеніи могутъ быть совершенно спокойны.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ Хлопицкому, и государь сказалъ:

— Сожалѣю, что имъ не воспользовались въ польскомъ войскѣ. Но когда я вступилъ на престолъ, то засталъ его уже уволеннымъ изъ дѣйствительной службы. Нисколько не сожалѣю, что онъ провозгласилъ себя вождемъ безъ моего разрѣшенія, такъ какъ онъ возвратилъ странѣ желаемый порядокъ. Спрашивается: что онъ будетъ дѣлать дальше? Понимаю, что въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ поручать вамъ письма ко мнѣ. Но не далъ ли онъ вамъ какого-либо устнаго ко мнѣ порученія? Не велѣлъ ли передать мнѣ, какъ я долженъ на него смотрѣть? и на сколько на него могу надѣяться?

Когда Вылежинскій отвѣтилъ на это, что никакого порученія отъ Хлопицкаго не получалъ, что иначе онъ имѣлъ бы честь уже передать его, государь воскликнулъ:

— Удивительное дѣло!.. Задача его прекрасна. Но какъ онъ ее выполнитъ? Это вопросъ. За свой поступокъ онъ не понесетъ наказанія, если все кончится благополучно. Онъ можетъ возвратить своей отчизнѣ благосостояніе, можетъ избавить ее отъ многихъ бѣдствій, можетъ приобрести славу и благодарность своего народа и государя при условіи, если пойдетъ хорошею дорогою, дорогою чести. Посмотримъ, что онъ дальше сдѣлаетъ и не дастъ ли себя свести съ ума.

За тѣмъ государь спросилъ Вылежинскаго, что онъ думаетъ относительно манифеста и допускаетъ ли возможность, что всѣ возвратятся на путь повиновенія и порядка, не заставляя прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ?

Вылежинскій, ободренный милостивымъ обращеніемъ государя, отвѣтилъ прямо, что, на сколько онъ знаетъ, поляки останутся глухими къ словамъ монарха.

Государь на это замѣтилъ:

— Ежели вы полагаете, что они не пожелаютъ добровольно подчиниться, то остается одно средство, къ которому я долженъ буду при-

бѣгнуть, какъ императоръ всероссійскій и какъ король польскій. Одинъ только выстрѣлъ съ вашей стороны, и я уже ни за что не отвѣчаю. Скажите объ этомъ въ Варшавѣ.

Отпуская Вылежинскаго, государь обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Поклонитесь вашему отцу и поздравьте его отъ меня, что онъ имѣетъ такого сына.

По окончаніи аудіенціи у государя Вылежинскій снова былъ у Чернышева. Генералъ вспомнилъ опять о Шембежѣ, называлъ поступокъ его ужаснымъ. Относительно польскихъ дѣлъ припомнилъ, что уваженіе, которымъ пользуется Польша, является результатомъ попеченія о ней Россіи, и сожалѣлъ, что въ Царствѣ Польскомъ не могли понять государя. Прощаясь, Чернышевъ совѣтовалъ Вылежинскому какъ можно скорѣе выѣхать изъ Петербурга, что тотъ и не замедлилъ исполнить.

Въ заключеніе прибавимъ, что Вылежинскій въ 1831 году вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника. Умеръ онъ въ Варшавѣ въ 1844 году.

Г. А. Воробьевъ.



### **Послѣдствія носѣщенія столицы для двухъ евреевъ.**

---

Зимою 1844—45 годовъ въ С.-Петербургъ прибыли два еврея «съ плакатными паспортами, но безъ тѣхъ особыхъ видовъ за подписью мѣстныхъ губернаторовъ, коими евреи должны быть снабжены, когда отлучаются по законнымъ причинамъ внѣ общей черты ихъ осѣлости».

Его императорское величество, по всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ, высочайше повелѣтъ соизвоилъ: помянутыхъ евреевъ, въ при-мѣръ другимъ, отдать въ рекруты, а въ случаѣ неспособности къ военной службѣ—отослать въ арестантскія роты на 5 лѣтъ.

Еврейскія общества поставлены о семъ въ извѣстность особыми объявленіями.

Сообщилъ Алексѣй Мердеръ.





## Празднованіе столѣтія Петербурга <sup>1)</sup>.

**Б**лизъ устья обширной Невы, изливающейся въ пространство Варяжскаго понта, внутри непроходимыхъ Ингерманландскихъ лѣсовъ до 1702 года существовали глубокия болота. Дикіе звѣри и хищныя птицы имѣли тамъ свои жилища. На желтыхъ иловатыхъ пескахъ, близъ рѣкъ и моря лежащихъ, не видно было слѣдовъ ходящаго человѣчества. Трудолюбивые земледѣльцы не потѣли здѣсь надъ тяжкими плугами и боровами. Молодые поселенки, украшенныя цвѣтами, своими острыми серпами тогда не пожинали тутъ позлащенныхъ класовъ. Стройные снопы и огромныя скирды не обременяли здѣшнихъ болотъ своею тяжестью. Пастухи и пастушки, сгорая страстію любви, не сидѣли подъ тѣнію лихты и березъ и не укрывались отъ горячаго зноя солнечнаго. Невинныя ихъ овечки не рѣзались, бѣгая по зеленой муравѣ, близъ прозрачныхъ источниковъ. Свирѣли и флейты молодыхъ пастуховъ не повторяли своего пріятнаго эха внутри здѣшнихъ дремучихъ лѣсовъ. Свирѣпыя медвѣди наводили тогда здѣсь ужасъ на звѣрей и птицъ своимъ ревомъ. Злые волки обагряли землю кровію, растерзывая на части боязливыхъ зайцевъ. Бѣлые олени, ходившіе близъ ручьевъ, гордились огромностію своихъ вѣтвистыхъ роговъ. Филины и совы своимъ страннымъ крикомъ наводили здѣсь ужасъ на всю природу.

---

<sup>1)</sup> По рукописи „Памятникъ столѣтію Санктпетербурга или Описаніе торжества и церемоній, совершившихся въ сей Россійско-Императорской столицѣ, по случаю благополучно окончившагося перваго столѣтія отъ заложенія сей резиденціи, съ присовокупленіемъ о прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи жителей, церквей, дворцовъ и коммерціи“. Авторъ описанія неизвѣстенъ.

Златое солнце своими цѣлебными лучами, за густотою деревь, слабо согрѣвало замерзающихъ змѣевъ, лежавшихъ въ каменныхъ разсѣлинахъ. Серебряная луна и пурпуровая Аврора хотя часто взирали на сія непроходимыя мѣста, но и то, какъ думается, съ измѣнившимися лицами. Глубокіе свѣги въ сихъ сѣверныхъ пустыняхъ долгое время блистали своею чрезвычайно бѣлизною. Сильные морозы свирѣпствовали тамъ сверхъ 197-ми градусовъ по Делиеву термометру. Ужасные бури и вѣтры были столь сильны, что исторгали изъ корней огромныя деревья.

Но когда отецъ отечества мечемъ блеснулъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и когда онъ своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ въ 1702 году завоевалъ у шведовъ крѣпость Нотеборгъ, тогда потомки Мосоховы и дѣти дѣтей подданныхъ Рюриковыхъ, увѣнчанные дубовыми вѣнками, на холодныхъ мѣстахъ Ингерманландіи отъ великихъ трудовъ успокоились. На кудрявыхъ еляхъ и зеленыхъ игловатыхъ соснахъ повѣсили свои мечи, обогранные кровію враговъ, побѣжденныхъ при Ладогскомъ озерѣ. При гордыхъ березахъ и пихтахъ, на утесистыхъ пригоркахъ повергли ружья и пригупленные о кости шведовъ штыки и стрѣлы. Хрустальныя струи журчащихъ по камнямъ источниковъ утолили ихъ великую жажду. Разсѣявшись по лѣсамъ, собирали бруснику и клюкву, которая хотя мало, но уменьшила ихъ чрезмѣрную алчность. Утружденные ихъ ноги прохладились болотною мокротою и холодною росой. Черный потъ лицъ и тѣлъ омыла широкая Нева своею чистою водою.

Петръ Первый, російскій царь, а потомъ бывшій императоръ, по завоеваніи Нотеборга, что нынѣ Шлиссельбургъ, въ 1703 году взялъ крѣпость Ніеншанцъ, которая существовала при истокѣ Охты въ Невскія воды. Для совершеннаго утвержденія своего владѣнія въ Ингерманландіи и другихъ завоеванныхъ земляхъ на острову Невы, основалъ крѣпость 16-го мая 1703 года. Сію крѣпость въ честь своего ангела святаго апостола Петра и дабы имя сіе для Россіи оставить безсмертнымъ, назвалъ онъ Санктпетербургомъ. Спустя малое время zaloженъ былъ шанцъ на другомъ островѣ той же рѣки. Отъ имени артиллеріи капитана Василья Карчмина, получилъ онъ названіе Васильевскимъ островомъ. Сей капитанъ, имѣя команду въ шанцахъ, получалъ отъ государя письма съ надписью: «къ Василью на островѣ».

Сказанныя два укрѣпленія сначала служили защитой устьевъ Невы. Но побѣдитель Карла, осмотрѣвъ устья сей рѣки, морскіе заливы и островъ Ретузари, въ своей великой душѣ почувствовалъ дѣйствіе священнаго восторга.

«Какое множество лѣсовъ!» сказалъ онъ своимъ чиновникамъ, слѣдовавшимъ за нимъ. «Рѣка великая и море обширное, ведущее въ

концы всея вселенныя. Кареагенская Дидона на таковомъ же мѣстѣ основала свое царство; красивые Амстердамъ и Венеція на таковыхъ же болотистыхъ мѣстахъ удивляютъ многихъ путешественниковъ своими каналами. Желаю, повторилъ онъ, желаю, дабы флотъ подобный Енееву отягощалъ бунтующуюся стихію Балтійскаго моря. Трудолюбивые россияне на учрежденныхъ мною въ послѣдствіи времени верховьяхъ будутъ строить ежегодно по пяти сто-пушечныхъ кораблей. Россійскіе мореходцы, оставя Архангельскъ, пусть ѣдутъ отсюда за пряными кореньями и сокровищами въ отдаленные острова южнаго океана. Индѣйцы и персіяне изъ Каспійскаго моря будутъ приѣзжать на Неву съ богатыми своихъ земель произведеніями. Голкондскіе алмазы и рубины, ширванскій и испаганскій шелкъ чрезъ всю почти Россію начнутъ привозиться сюда посредствомъ водяной коммуникаціи. Ока, Волга, Волховъ и другія обширныя рѣки принесутъ на сіи мѣста моихъ земледѣльцевъ изобилія рогъ. Хочу, дабы царство преемниковъ Рюриковыхъ не претерпѣвало болѣе бѣдствій отъ гордыхъ жителей обширной Москвы. Стрѣлечіе бунты, грабежъ Кремля и по сіе время, мечтающаяся въ моемъ умѣ, приводятъ въ содраганіе. Желаю свой позлащенный тронъ пренести на сіе мѣсто. Здѣсь удалюсь я отъ шума каменной Москвы. Пусть блестящія короны и порфиры украшаютъ здѣсь російскихъ царей; они и отсюда могутъ раздавать законы многимъ милліонамъ своихъ подданныхъ. Сосѣдство съ просвѣщенными государствами меня плѣняетъ. Англичане, голландцы, датчане и нѣмцы будутъ здѣсь продавать свои, а покупать моихъ подданныхъ товары. На семь мѣстѣ россияне, чрезъ прибыль коммерціи, соберутъ сокровища подобныя Крезовымъ и Мидовымъ. Желаю, дабы священные жертвенники стояли вѣчно на сихъ дикихъ мѣстахъ. Пусть огромные храмы и шпили своими позлащенными верхами подѣзжающимъ къ здѣшнимъ портамъ мореходцамъ служатъ вмѣсто лучезарнаго солнца. Бальзамическое благовоніе, отъ курящагося еиміама происходящее, пускай распространяется по отлогимъ берегамъ рѣки и моря».

Аеннская Паллада, сѣтующая неутѣшно о разрушеніи Лицеума и Темпы, безъ сомнѣнія оставила Парнасъ и сошла помочь Петру въ его намѣреніи! Сего ревностнаго къ отечеству Агезилая обнимала она дружески и въ свои чудесныя объятія заключила невидимо. Священнымъ своимъ вдохновеніемъ заставила его говорить и разсуждать въ самомъ себѣ слѣдующее:

«О царь, нанесшій страхъ гордому Стокгольму и кичливому Абову! Если ты желанія Минервы исполнишь въ точности, то имя твое прославится во всей вселенной, то имя твое пребудетъ во вѣки безсмертнымъ. На семь мѣстѣ заложи ты городъ и перенеси сюда свое сокровище, корону, скипетръ и державу. Тебѣ извѣстно, что Печиле и При-

танеумъ совершенно разрушены, и науки, тамъ процвѣтавшія, приходятъ уже въ забвеніе: воздвигни ты на сихъ мѣстахъ таковыя академіи! При нихъ будутъ мой Парнасъ и Геликонъ, а новая Кабура Нева приметъ въ себѣ источники Аганиппе, Касталь и Ипокрены.

«О побѣдитель Карла! Если ты любишь мудрость и просвѣщеніе, если ты сію любовь въ своемъ храбрѣмъ сердцѣ питаешь не должно, то музы охотно оставляютъ Либертъ и Пимплу. Онѣ въ новопостроенномъ тобою городѣ пожелаютъ жить вѣчно, онѣ пожелаютъ умереть вмѣстѣ съ упраздненіемъ твоихъ академій».

Великій государь, утвердивъ себя въ безпрепятственномъ владѣніи сихъ завоеванныхъ странъ, рѣшился основать столицу при устьѣ Невы, которую, заложивъ, наименовалъ по крѣпости Санктпетербургомъ. Желая имѣть смотрѣніе надъ строеніемъ крѣпости, построилъ для себя голландскій домикъ, который, какъ отецъ санктпетербургскихъ домовъ, сохраняется и по нынѣ на берегу Невы. До 1706 года крѣпость состояла изъ земляныхъ валовъ въ фигурѣ шестиугольника, но во ономъ году начали пристроивать къ ней шесть каменныхъ бастіоновъ. Въ 1714 году заложена тамъ церковь окончена строеніемъ 1733 году во время владѣнія російскимъ скипетромъ императрицы Анны Іоанновны.

Деревянное Адмиралтейство, гдѣ нынѣ находится каменное, построено Первымъ Петромъ 1705 года. Валами и рвами, одѣтыми камнемъ, окружено оно съ 1711 по 1718 годъ. Каменные магазинны и мастерскіе дома построены въ 1727 году, а украшено башнею по повелѣнію Анны Іоанновны спустя послѣ постройки магазинновъ въ седьмое лѣто.

Сначала опредѣлено было построить городъ на Санктпетербургскомъ острову. Здѣсь вмѣсто болотнаго кустарника явились въ скорости цѣлыя улицы красивыхъ домовъ. Правительствующій Сенатъ, военная и прочія коллегіи; посланники и консулы европейскихъ государствъ имѣли тогда здѣсь пребываніе въ деревянныхъ домахъ, похожихъ на мазанки. 1710 года построена здѣсь деревянная церковь Святыя Троицы, подлѣ которой былъ первый питейный домъ, посѣщаемый иногда знатными особами; въ томъ же году былъ построенъ и мытный дворъ на берегу Невы рѣки.

Послѣ Санктпетбургскаго острова государь опредѣлилъ Васильевскій островъ для города. Императоръ намѣренъ былъ по подобію Амстердама провѣсть отъ востока къ западу два судоходные канала и пересѣчь оныя 12-ю меньшими, простирающимися отъ юга къ сѣверу. Однако жъ исполненіе онаго намѣренія не соотвѣтствовало желаніямъ государя. Дворянство обязано было, по соразмѣрности своего стяжанія, строить на острову деревянные или каменные дома, почему еще до



кончины императора находилось на ономъ 109 каменныхъ и 354 деревянныхъ домовъ. Царица Прасковья Ѳеодоровна и князь Меншиковъ построили себѣ на семъ острову дворцы, изъ коихъ первый нынѣ принадлежитъ Академіи наукъ, а послѣдній сухопутному кадетскому корпусу. Въ 1722 году построена здѣсь таможня съ каменными для ней амбарами, находившимися прежде у Троицкой пристани, также и государственныя коллегіи.

Въ 1721 году возымѣло строеніе Выборгской стороны свое начало. Въ 1726 году совершена каменная морская, также и сухопутная госпиталь, а въ 1733 году и церковь Самсона-Страннопримца.

Выстраиваніе Литейныя части началось также въ 1711 году построеніемъ деревяннаго литейнаго дома. Вокругъ онаго были дома артиллерійскихъ служителей, къ которымъ мало-по-малу и другіе пристраивались. Нынѣшній литейный домъ построенъ повелѣніемъ Анны Іоанновны 1733 года.

Въ адмиралтейскихъ частяхъ построилъ Петръ Великій уже въ 1711 году каменный зимній дворецъ на нынѣшней Милліонной, въ которомъ онъ и императрица Екатерина Первая жительствоваши. Въ 1713 году началось строеніе домовъ на Невской перспективѣ; въ семъ же году построенъ монастырь св. Александра Невскаго деревянный, а въ 1715 году вмѣсто деревянныхъ возведены каменные въ ономъ строенія. Въ 1715 году построенъ въ первой Адмиралтейской части гостинный дворъ на подобіе мазанокъ. Въ 1736 году умножился гостинный дворъ, находящійся въ 3-й Адмиралтейской части. Въ 1716 году заложены галерный дворъ и въ 1718 году Милліонная улица. Въ 1759 году въ 3-й Адмиралтейской части вмѣсто деревяннаго начали по частямъ выстраивать каменный гостинный дворъ. Въ 1721 году построенъ Императорскій конюшенный дворъ во 2-й Адмиралтейской части. Въ 1725 году лишилась сія новая столица своего основателя.

Во время царствованія Анны Іоанновны въ 1736 году окончена нѣмецкая каменная церковь святаго Петра. Въ 1732 году учредила она императрица сухопутный кадетскій корпусъ. Въ 1734 году построена по повелѣнію ея церковь Казанскія Богоматери. Въ 1736 году выгорѣла кромѣ гостиннаго двора также Большая и Малая Морскія улицы, обитаемыя морскими офицерами и матрозами, и вмѣсто выгорѣвшихъ деревянныхъ строеній возведены потомъ каменные дома. Для адмиралтейскихъ служителей построены были деревянные дома на болотномъ мѣстѣ, находящемся между устьями Фонтанки и Мойки. Сія новая часть города названа была по нѣмецкому имени Kolonie, то есть селеніе, а послѣ переимѣнена отъ простолюдиновъ Коломною.

Повелѣніемъ императрицы Елисаветъ Петровны построена въ 1743 году церковь св. Николая Чудотворца. Въ 1746 году заложень подлѣ

дворца, въ которомъ она, будучи великою княжною, жительствовала, Воскресенскій монастырь каменный. Въ 1748 году построила Аничковъ дворецъ. Въ 1754 году заложенъ императорскій Зимній дворецъ, который оконченъ былъ не прежде, какъ по кончинѣ сея императрицы въ 1762 году.

Лѣвый берегъ Невы начали одѣвать тесанымъ дикимъ камнемъ въ 1764 году, то есть въ царствованіе Екатерины Вторыя; начавшись у литейнаго дома, окончено сіе украшеніе въ концѣ галернаго двора въ 1787 году. Въ сіе время начали также отдѣлывать Екатерининскій каналъ и одѣвать оба берега онаго тесанымъ дикимъ камнемъ, которое строеніе канала кончилось въ 1790 году. Въ 1764 году начато строеніе Мраморнаго дворца, которое окончено въ 1783 году. Въ 1768 году положено государынею основаніе Исакиевскія церкви. Въ 1778 году сдѣлана желѣзная ограда Лѣтнаго сада съ столбами изъ тесанаго дикаго камня. Въ 1780 году начали одѣвать берега Фонтанки камнемъ, что и окончено въ 1789 году. Въ 1785 году приведенъ къ окончанію заемный, а въ 1788 году ассигнаціонный банкъ и Академія художествъ.

Близъ Санктпетербурга поселены въ скорости разныя селенія. Тамъ на осушенныхъ рвами лугахъ пасутся нынѣ многія тысячи упитанныхъ тельцовъ. Пресыщенные коровы режутъ томно, желая освободиться отъ множества млека, ихъ отягощающаго. Невинныя овечки, бѣлымъ руномъ запутавшіяся за кустарники, блеютъ, желая, дабы остригли длинную ихъ шерсть. На удобренныхъ пашняхъ поселенные колонисты и выведенные изъ Россіи крестьяне пожинаютъ уже плоды своихъ трудовъ и наполняютъ ими большія житницы. Они, нѣкогда находясь на пашняхъ и пожиная позлащенные класы, пѣвали слѣдующую идиллію:

Сколько Богъ въ Россіи благъ!..  
 На болотистыхъ лугахъ,  
 Гдѣ вода и тина были,  
 Гдѣ скотъ, люди не ходили,  
 Тамъ хлѣбъ сѣмъ нынѣ, жнемъ  
 И въ скирды снопы кладемъ.  
 Даже сѣмъ льняно сѣмя.  
 О златое наше время!  
 Нашъ къ тому стремится духъ,  
 Кто заложилъ Петербургъ!  
 Мы къ нему пылаемъ вѣчно,  
 Любимъ вѣкъ Петра сердечно,  
 Любимъ вѣкъ его душой,  
 Онъ любви достоинъ той!  
 Да здравствуютъ его потомки въ роды,  
 Ихъ будетъ счетъ столѣтія, не годы!

Какое похвальное намѣреніе! Какое доброе начало! Сегодня отъ заложенія Санктпетербурга миновало только сто лѣтъ; но сей городъ уже подобенъ Вавилону или Парижу. Когда въ 1794 году считалось здѣсь разныхъ 75 церквей, то нынѣ, безъ сомнѣнія, имѣется оныхъ до 150. Когда въ томъ же году было деревянныхъ и каменныхъ до 6 тысячъ домовъ, то чрезъ девять лѣтъ они уповательно умножились до 10 тысячъ. Поелику число жителей въ декабрѣ мѣсяцѣ 1792 года считалось 202.857 человекъ, не полагая военно-служащихъ, то нынѣ чрезъ десять съ половиною лѣтъ оныя чаятельно умножились до 350.000, а если присоединить сюда полки, то, безъ сомнѣнія, составитъ болѣе 550.000 жителей сей огромныя столицы. Изъ чего открывается, что обывателей вообще кромѣ войскъ всѣхъ въ Санктпетербургѣ болѣе Стокгольма 282-мя тысячами, болѣе Лисабона 290-ю, а Мадрита, Берлина и Рима 195-ю тысячами.

Огромный императорскій Зимній дворецъ есть изъ числа наилучшихъ дворцовъ въ свѣтѣ. Окружность его состоитъ изъ 1.600 футовъ англійскихъ, а высота 10 сажень. Тысячи миеологическихъ статуй и вазовъ, на карнизахъ сего дворца стоящихъ, являютъ его едва-ли не великолѣпнѣ Помпеева амфитеатра; нѣтъ ни одного въ поэзіи Марса, Аполлона, Ахиллеса и Геркулеса, который бы на оныхъ не былъ изображенъ. Въ восточной части дворца есть богатая мраморная парадная лѣстница, по которой ходятъ послы и знатныя особы для аудіенціи. Достойный примѣчанія алмазъ, имѣющій въсу 194 краты, купленный за 450.000 рублей, хранится въ тамошнемъ Эрмитажѣ; онъ въ 1774 году купленъ у грека Сарфаца Екатериною Второю и украшаетъ императорскій скипетръ. Не упоминая о здѣшнихъ неоцѣненныхъ сокровищахъ, можно сказать, что украшенія сего дворца изъ числа украшеній превосходныхъ въ Европѣ.

Императорскій Мраморный дворецъ, строившійся 12 лѣтъ, обложенъ финляндскимъ и сибирскимъ весьма твердымъ и прочнымъ мраморомъ, Кровля его покрыта мѣдью, а карнизы убраны вазами, урнами и другими украшеніями. Половина двора употреблена на воздушный или висячій садъ, сдѣланный, въ примѣръ садамъ вавилонскимъ, на сводахъ. Парадная лѣстница, богатыми статуями и вазами украшенная, сдѣлана изъ сѣраго мрамора. Стѣны въ нѣкоторыхъ комнатахъ убраны лазурью и яшмою. Во всѣхъ оконницахъ вставлены зеркальныя стекла съ фацетами; рамки же всѣ мѣдныя, позолоченныя. Въ среднемъ ярусѣ находятся большіе балконы съ мѣдными, крѣпко позлащенными балюсами. Вотъ каково огромно и драгоцѣнно построеніе Великія Екатерины!

Наружный видъ Михайловскаго замка есть видъ и картина прерѣдкаго зданія. Мраморныя колонны, мраморомъ убранныя стѣны и множество статуй и вазовъ, на карнизахъ стоящихъ, умножаютъ его красоту

и великолѣпіе. Позлащенные верхи шпиль и церкви, воздымаясь гордо и блистая во отдаленности, кажутся верхами златаго Неронова дома. Фарнезскій Геркулесь и Флора, держащая въ рукѣ вѣнокъ, отлитые изъ мѣди на литейномъ академіи художествъ дворѣ, стоятъ при входѣ въ сей дворецъ на лѣстницѣ. Каналы, его окружающіе, обложены тесанымъ камнемъ и обнесены желѣзными рѣшетками. Виновины императорскаго въ Россіи титула на каменномъ пьедесталѣ, убраннымъ мраморомъ, представленъ сидящимъ на конѣ, стоящемъ на трехъ ногахъ.

Свято-Троицкій Александро-Невскій монастырь построенъ въ 1713 г. Петромъ Великимъ деревянный, а въ 1715 году каменный. Съ 1724 года хранятся здѣсь мощи благовѣрнаго князя Александра изъ монастыря Городица, что на Волгѣ, сюда принесенныя. Императрица Елисавета Петровна сдѣлала для сихъ мощей драгоценную раку. Гробница, гербъ, балдахинъ, пирамиды, оружія и знамена выработаны изъ нѣсколькихъ пудъ литаго серебра. Екатериною Второю даны къ сей гробницѣ покровъ и балдахинны занавѣсы бархатныя съ богатымъ шитьемъ. Сею же государынею сооружена тамъ въ 1790 году церковь, длиною 35. шириною 20, а вышиною до карнизовъ 8 сажень. Тамошній колоколъ, имѣющій вѣсу 800 пудъ, привезенъ сюда изъ Иверскаго монастыря, что у Новгорода, въ 1724 году. Жемчугъ, гранаты и бразильскіе топазы украшаютъ золотыя вѣнцы святыхъ иконъ, а златоглавомъ, парчею и бархатомъ покрыты престолъ и жертвенникъ. Митрополитскіе митры и кресты блестятъ здѣсь алмазами, изумрудами и хризолитами; аналои церковныя убраны атласомъ и пукетомъ. Надгробныя надписи, надгробныя монументы и доски, изъ серебра, мѣди и мрамора сдѣланные, достойны же примѣчанія.

Мраморная церковь святаго Исаакія, заложенная Екатериною Второю въ 1767 году, имѣетъ стѣны, покрытыя снизу дикимъ камнемъ, а вверху полированнымъ финляндскимъ и сибирскимъ мраморомъ разнаго цвѣта. Внутри стѣны и столбы покрыты прекраснымъ мраморомъ разныхъ цвѣтовъ, а попеременно также сибирскою яшмою и багровикомъ. Окружность сей церкви полагается въ 150, а вышина въ 25 сажень.

Сколь ни обширна вселенная, сколь ни великолѣпны резиденціи европейскихъ и азіатскихъ государствъ, но нигдѣ нѣтъ таковыхъ драгоценныхъ каналовъ, каковы въ Санктпетербургѣ! Ни одинъ въ свѣтѣ императоръ кромѣ Великія Екатерины не отважился доселѣ употребить миллионы денегъ, дабы берега рѣкъ и каналовъ обложить тесанымъ камнемъ! Для нихъ кажется чрезмѣрно дорого, что здѣшніе мосты и берега рѣкъ и каналовъ остановлены желѣзными и чугунными перилами. Позлащенные жарко шпиль и верхи мостовъ для нихъ кажутся излишнею пышностью. Они не повѣрятъ, что за каждый каменный столбъ, въ оградѣ Лѣтняго сада стоящій, заплачено по 50 рублей. Они усумнятся,

если ихъ будутъ увѣрять, что каждый тесаный камень въ квадратную сажень величиною, украшающій набережную Невы, стоитъ для Россіи по 2 имперіала. Желавшая безсмертной для Россіи славы Великая Екатерина, дабы украсить свою столицу, не щадила никакихъ сокровищъ. О премудрая Екатерина! твои щедроты на украшеніе Санкт-Петербурга излиты въ сердцахъ россіянъ остались вѣчно! Усердные наши потомки въ честь твоего Россіи благодѣянія воздвигнутъ тебѣ великій монументъ.

Если всѣ огромныя зданія Санктпетербурга исчислить здѣсь подробно, то должно употребить годичное время! Если описать обстоятельно множество церквей, императорскихъ дворцовъ, садовъ, казенныхъ строеній и обывательскихъ домовъ, то надобно симъ заниматься двухгодовое время! Я, не имѣя силъ сіе исполнить, съ восторгомъ скажу: О новая столица! хотя ты воздвигнута на глубокихъ болотахъ, внутри непроницаемыхъ лѣсовъ, но ты черезъ сто только лѣтъ сдѣлалась изъ числа великолѣпнѣйшихъ резиденцій въ свѣтѣ!

Величайшій памятникъ или монументъ россійскому первому императору, воздвигнутый Екатериною Второю, по своей огромности достоинъ удивленія. Поставленная подъ нимъ гора имѣетъ тяжести болѣе 3 миллионъ фунтовъ, длиною она 53, шириною 21, а вышиною 17 футовъ, и когда везена была 400 человѣками на мѣдныхъ саняхъ, то каждый день подвигалась впередъ по 200 сажень. На сей горѣ представленъ герой на конѣ, попирающій великаго дракона. Металловый составъ сдѣланъ изъ запрудной мѣди съ присовокупленіемъ нѣскольکو олова и цинка, всего вѣсомъ 44.041 россійскихъ фунтовъ, употребленнаго же ради равновѣсія въ заднюю часть лошади желѣза было 10.000 фунтовъ; величина монарха имѣетъ въ высоту 11, а лошади 7 футовъ. Изображеніе сего памятника значитъ слѣдующее: подножіе, то есть гора дикаго камня, есть образъ препятствій, кои государю преодолѣть надлежало, бодрый его конь означаетъ неутомимые подвиги, онъ попираетъ змія зависти. Простое народное одѣяніе прилечествуетъ каждому времени и можетъ представить простоту его распоряженій; сѣдло есть кожа побѣжденнаго льва; все же положеніе съ распростертою благотворительною рукою къ Невѣ, академіи и крѣпости можетъ означать силу на морѣ и на сухомъ пути, просвѣщеніе и торговлю, яко предметы, имъ предположенные. Лѣвою рукою держитъ коня крѣпко за узду, дабы непремѣнно удержать его на вершинѣ горы, который, поднявъ переднія ноги, желаетъ соскочить съ горы. А можно и то думать, что сія лошадь значитъ слава, которая весьма скоро бѣжитъ и подобно быстрому коню прославляется въ свѣтѣ; гора значитъ вершина чести, на которую онъ, взошедъ, если бы разумомъ, то есть рукою, коня за узду не удержалъ, то бы упалъ въ ровъ безславія. На всѣ расходы для сего монумента употреблено 424.610 р.

\*

Съ адмиралтейской стороны на горѣ начертано вставленными бронзовыми буквами: «Петру Первому Екатерина Вторая лѣта 1782». А съ сенатской стороны то же самое на латинскомъ языкѣ: «Petro Primo Catharina Secunda. Anno MDCCLXXXII».

Каменный обелискъ, російскому фельдмаршалу графу Румянцову воздвигнутый, подобенъ обелискамъ, бывшимъ нѣкогда въ Египтѣ. Онъ составленъ не болѣе какъ изъ четырехъ камней, а вышина его полагается, если не ошибаюсь, въ 25 сажень. Срединѣ его снизу обложена разноцвѣтнымъ мраморомъ, а около всего изображены военныя оружія и знамена. На вершинѣ сего обелиска стоитъ большой позлащенный шаръ съ сидящимъ на немъ позлащеннымъ же орломъ, который съ распушенными крыльями, какъ бы на-лету, садится на обелискѣ. Шаръ значитъ земля, поелику видъ земли нашей есть шару подобный, что доказывается восхожденіемъ и захожденіемъ солнца. Орелъ представляетъ славу Румянцова и храбрость, по кагульской побѣдѣ распространившуюся во всѣ части свѣта; онъ же, сидящій на вершинѣ шара съ распушенными крыльями, знаменуетъ тоже храбрость и славу, которая, вознесшись выше земли, паритъ къ облакамъ или къ небу. На нижней части обелиска сдѣланъ гербъ сего графа, украшенный лаврами, а въ срединѣ его бронзовыми вставленными литерами изображена надпись: «Румянцова побѣдамъ».

Красивый монументъ, италійскому и римскому князю, російскому генералиссимусу и графу Суворову воздвигнутый, своею искусною фигурою достоинъ похвалы. Сей російскій Геркулесъ представленъ въ рыцарскомъ одѣяніи съ панцыремъ на груди, величиною съ пьедесталомъ не менѣе 7 сажень. Онъ отлитъ, какъ видно, изъ мѣди желтаго или золотого цвѣта, а пьедесталъ украшенъ красивымъ краснымъ и другого цвѣта мраморомъ. Десницею держа обнаженный мечъ, какъ бы угрожаетъ истребить природу російскихъ непріятелей. Лѣвою рукою и въ ней имѣющимся щитомъ съ изображеніемъ герба росскаго двуглаваго орла защищаетъ онъ двѣ короны и скипетръ, лежащіе на престолѣ. Сіе значитъ, что побѣдоноснымъ російскимъ войскомъ защитилъ и возвелъ онъ на троны италіанскихъ королей, изгнанныхъ французами изъ ихъ столицъ. Издержки, на сей монументъ употребленныя, простираются до 25.000 р. На срединѣ пьедестала два позлащенныхъ генія держатъ гербъ, а на немъ представлены знамена и оружія, украшенные лаврами. Въ срединѣ герба бронзовыми литерами изображено: «Князь италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій, 1801 года».

Нѣтъ силы изъяснить словами  
Красу твою, Санктпетербургъ!  
Златыми блещешь ты шпиками,  
Какъ ясный въ небѣ солнца кругъ.

Сто лѣтъ, какъ въ міръ ты явился,  
 Но какъ Пекинъ распространился.  
 Сто лѣтъ тебѣ, какъ заложенъ,  
 Но ты огромными церквами,  
 Но ты обширными дворцами,  
 Какъ Цареградъ распространенъ!  
 Ты крѣпости своей стѣнами  
 Бояться весь принудилъ свѣтъ!  
 Петра бессмертнаго дѣлами,  
 Имѣя рѣдкій монументъ,  
 Имѣя горды обелиски,  
 Ты славилъ стороны російскіе!  
 Красуйся вѣкъ, столичный градъ!  
 Ликуй въ восторгъ, веселися  
 И о Петрѣ къ Творцу молися,  
 Чтобъ онъ вошелъ въ Эдемскій садъ.

Петръ Великій при zaloженіи города имѣлъ особенное вниманіе на торговлю. Городъ его долженствовалъ быть знатнѣйшею пристанью привозимымъ и вывозимымъ товарамъ для всей имперіи. Санктпетербургъ, не взирая на короткое лѣто и посредственно глубокій фарватеръ, имѣлъ преимущество предъ Архангельскимъ городомъ въ разсужденіи климата и положенія. Уже въ 1703 году пріѣхалъ первый голландскій корабль въ устье Невы, и императоръ, съ великою радостію принявъ сей корабль, одарилъ щедрѣе. Въ 1736 году пріѣхало въ Санктпетербургъ 272, а въ 1791 г.—1.038 кораблей изъ всѣхъ европейскихъ государствъ да изъ Америки 37. Почему можно заключить, что нынѣ приходящихъ кораблей увеличилось до 3 тысячъ.

Англичане изъ Ямайки, Лондона и Бермуда везутъ сюда сахаръ, цитроны и померанцы; бочки ихъ насыпаны виноградомъ, гранатами и винными ягодами; ящики ихъ наполнены имбиремъ, лавровымъ листомъ и хлопчатѣю бумагою; тюки ихъ набиты тонкими сукнами, казимирами и канифасами. Владѣтели рѣкъ Рона и Сейна изъ Париза, Иль-де-Франса и Мартиники доставляютъ сюда камлотъ, штамедъ, сахаръ и кофей; вкусныя вина шампанское, бургондское и ратафей привозятъ они тысячами боченковъ; множество какао, отъ нихъ получаемого, доставляетъ почти всей Россіи превкусный шеколадъ. Мадридскіе и кадикокіе жители, владѣтели Мексики, Бразиліи и Кубы привозятъ на своихъ корабляхъ ананасы, мастику и бальзамъ; деревянное масло, корица и сарадинское пшено ихъ употребляется въ Россіи съ великою пользою; квасцы ихъ, селитра и сурьма развозятся въ Макарьевскую, Ирбитскую и Коренскую ярманки; лимоны, апельсины и финики ихъ наполняютъ многіе магазейны санктпетербургскіе и московскіе; канарскія птички, ими привозимыя, своимъ трелистымъ, нѣжнымъ пѣніемъ почитаются превосходными въ Россіи птицами; золото, алмазы и хризолиты ихъ

украшаютъ церкви и императорскія регалии. Венеціане изъ Венеціи, Триеста и Архипелагскихъ острововъ прїѣзжаютъ въ сію резиденцію съ винами, изюмомъ и черносливомъ; въ сундуки, ими привезенные, наложено златоглаву, парчи и штофу; чемоданы ихъ наполнены пукетомъ, атласомъ и шелковыми поясами; алый и голубой бархатъ, разноцвѣтные плисы и гризеты, ими доставляемые, продаются по всѣмъ Россійской имперіи городамъ. Италіанцы изъ Ливорны, Генуи и Кремоны везутъ въ Санктпетербургъ тафту, шелковые чулки, перчатки и платки; корабли ихъ нагружены мраморомъ, яшмою и агатомъ; клавикорды, фаготы и флейты ихъ для руссійскихъ музыкантовъ превосходный инструментъ; фортепіаны, клавикорды, цитры, гобои и скрипки ихъ развозятся по всей Сибири даже до Енисейскихъ и Анадырскихъ водъ. Голландцы изъ Амстердама и Батавіи везутъ сюда смоквы, сандалъ, эбеновое и пальмовое дерева; кульки ихъ набиты корицею, гвоздикомъ и перцемъ; шкатулки ихъ насыпаны брилліантами, ахонтами, изумрудами и жемчугомъ.

Когда бы Великій Петръ не заложилъ здѣсь города, когда бы не былъ построенъ Санктпетербургъ, то не обогатилось бы руссійское купечество. Таможенные доходы, за привозъ сюда заморскихъ товаровъ ежегодно собираемые, не составили бы въ годъ 100 пудъ золота и 4.000 пудъ серебра кромѣ ассигнацій. Въ 1787 году пошлина въ столицѣ и Кронштадтѣ состояла 3.910.006 рублей, слѣдовательно по числу увеличенія привоза иностраннаго товара нынѣшняго года должно быть пошлины до 6-ти милліоновъ рублей. Въ 1789 году привезено иностранныхъ товаровъ на 15.371.104 р. и сверхъ того ефимками и другимъ серебромъ 248 пудъ 19 фунтовъ, да золота 10 фунтовъ, цѣною на 245.898 р.; а если сего лѣта привозъ противъ онаго хотя удвоить, то сумма привезенныхъ въ Россію чрезъ Санктпетербургъ товаровъ должна простираться до 35 милліоновъ рублей. Обширная Нѣва и красивый каналъ Екатерининъ и рѣчки Фонтанка и Мойка не имѣютъ почти свободнаго мѣста, гдѣ бѣ пройти баркамъ, полубаркамъ и водовикамъ со множествомъ внутреннихъ руссійскихъ продуктовъ и металловъ. На сей рѣкѣ и обширныхъ каналахъ стоитъ вседневно отъ двухъ до трехъ тысячъ судовъ, желающихъ освободиться отъ тяжести своихъ товаровъ. Въ 1791 году было въ приходѣ въ Санктпетербургъ барокъ 3.600, полубарокъ 1.000 и водовиковъ 800. Нынѣ жъ если умножить вдвое, то ихъ должно приходить до 10.000 всѣхъ вообще. Руссійскихъ товаровъ вывезено за море въ 1786 году на 13.360.011 р., а въ 1787 на 16.860.799 рублей, то нынѣ, чрезъ 15 лѣтъ, должно думать, что вывозъ руссійскихъ товаровъ простирается до 40 милліоновъ рублей. Исчислить всѣ богатства и выгоды, отъ построенія Санктпетербурга Россіи послѣдовавшія, не имѣю



я силъ, не имѣю я способовъ! Пусть желающій опишетъ это обстоятельство, но и онъ найдетъ въ томъ немалое затрудненіе.

Съ волнами синія воды,  
Катись сокровище сюда,  
Оставь Бразилію, Голкондъ,  
Слѣши въ Варажскій хладный понтъ!  
Пускай купцы адѣсь богатятся!  
Пускай довольными творятся  
Черезъ прибыли своихъ торговъ,  
При множествѣ заботъ, трудовъ.

Когда приспѣлъ день столѣтія отъ zaloженія Петромъ Великимъ крѣпости 16-го мая 1703 года, тогда въ сіе же самое число, то есть 16-го мая 1803 года, началось въ Санктпетербургѣ торжество столѣтія. О предполагаемой церемоніи объявлено было особо напечатанными афишками, разосланными по 11-ти города частямъ.

Предвѣстіе торжества былъ голландскій ботикъ, выставленный на линейномъ кораблѣ близъ монумента Петра I-го на Невѣ. Сей голландскій вооруженный ботикъ, вселившій въ Петра Великаго охоту учредить флотъ, нареченъ потомъ дѣдомъ всего морскаго русскаго флота. Царь Алексѣй Михайловичъ построилъ сіе судно въ 1668 г. въ Москвѣ для прогулки по Волгѣ и назвалъ его «Орломъ». Петръ Алексѣевичъ возобновилъ оный и вооружилъ снова, къ чему самъ и начало положилъ. Онъ приказалъ перевести сіе судно изъ Москвы въ Санктпетербургъ въ 1723 году и съ великимъ торжествомъ плыть къ Кронштадту. Близъ сей крѣпости встрѣченъ онъ былъ флотомъ, изъ 22-хъ кораблей тогда состоявшимъ, причемъ и самъ императоръ начальствовалъ однимъ кораблемъ и спустилъ флагъ на ономъ.

Сенатскій балконъ, на коемъ императрица Екатерина Вторая присутствовала 7-го августа 1782 года при открытіи Петру Великому монумента, и въ сіе время для присутствія высочайшей фамиліи былъ украшенъ алымъ бархатнымъ покрываломъ съ богатою золотою бахромою. Для лучшаго и безпрепятственнаго смотра почетнымъ зрителямъ, на валу Адмиралтейства построены нарочито возвышенныя мѣста противъ Петровской площади.

Для совершенія Богу благодарственнаго молебствія назначена была мраморная с. Исаакія церковь. Она окружена была обмундированными кадетами, морскаго и инженернаго корпусовъ, кадеты же 1-го корпуса составляли линію на Петровской площади отъ Исаакіевского до Невскаго моста. Лейбъ-гвардіи три полка стояли въ три шеринги во фронтѣ отъ площади Дворцовой до площади Исаакіевской. Сенаторы изъ Сената шествовали стройно во внутренность сея церкви въ парадныхъ своихъ

мундирахъ, шитыхъ золотомъ, къ нимъ присовокупились російскій генералитетъ, какъ военный, такъ и статскій, и министры многихъ европейскихъ державъ. Духовенство въ драгоценныхъ священныхъ одеждахъ, по своему обыкновенію, совершало литургію.

Сія огромная церковь въ сіе время вмѣщала въ себѣ одно знатное дворянство, духовенство и купечество. Курающійся онимъ наполнялъ весь храмъ ароматическимъ благовоніемъ. Драгоценныя священные одежды, множество зажженныхъ свѣчей и люстры умножали великолѣпіе сей мраморной церкви. Не лишнее же будетъ, если я молитвы нѣкоторыхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, въ тайнѣ произносимыя, изъясню въ ниже слѣдующихъ стихахъ:

О ты! Творецъ небесъ, Творецъ стихій, свѣтилъ,  
 Велики милости на градъ Ты сей изилъ!  
 Черезъ сто лѣтъ Ты его содѣлалъ Вавилономъ  
 И тысячи племенъ воззвалъ, чтобъ жить во ономъ.  
 Мы жертвы приносимъ въ честь святости Твоей  
 Воздвигли въ городѣ до двухъ сотъ алтарей.  
 Съ усердіемъ истиннымъ и съ добрыми сердцами  
 Тебѣ, о Боже нашъ! мы куримъ оными.  
 Къ Тебѣ единому любовью горимъ,  
 Къ Тебѣ, о Господи! желанія стремимъ.  
 Богатство наше, честь и слава съ красотою,  
 О праведный судья! прахъ, пепелъ предъ Тобою.  
 Повѣрь, о Господи! что силы столько вѣтъ,  
 Чтобъ благодати Твои, исчисля, всѣ воспѣтъ.  
 Какъ капля въ океанъ изъ облакъ опущенна,  
 Такъ предъ Тобою мы и вся сія вселенна!  
 Услышь, о Боже нашъ! моленій теплыхъ гласъ  
 И ниспосли Твои всѣ благодати на насъ.

Богато убранный церемоніймейстеръ на красивомъ конѣ ѣхалъ впереди императорской фамиліи; чепракъ и узда его коня, шитые золотомъ, умножали великолѣпіе сей процессіи. За нимъ ѣхали пятнадцать драгоценныхъ придворныхъ каретъ, вызолоченныхъ жарко, а ихъ везли 100 красивыхъ лошадей, убранныхъ въ разноцвѣтные шелковые хомуты и узды. Въ первыхъ каретахъ ѣхали камергеры, за ними штатсъ-дамы и флирины, а послѣ сихъ въ наидрагоценнѣйшихъ каретахъ же слѣдовали и высочайшія особы въ приличныхъ толикому торжеству одеждахъ.

Когда его императорское величество императоръ Александръ Павловичъ, императрицы Елисавета Алексѣевна и Марія Ѳеодоровна со всею высочайшею фамиліею прибыли въ Исаакіевскую церковь, тогда російскимъ митрополитомъ и прочимъ духовенствомъ отпѣтъ благодарственный Господу Богу молебень. При возглашеніи многолѣтія трелистые съ крѣпостей и кораблей выстрѣлы своимъ страшнымъ

шумомъ потрясали землю и колебали воду. Повторенія выстрѣловъ изъ ружей и пистолетовъ уподоблялись грому, звучащему во отдаленности, и о радости празднующихъ извѣщали отдаленныя ингерманландскія селенія.

По выходѣ изъ церкви императорская фамилія въ препровожденіи генералитета съ великою церемоніею отправилась въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ на покрытыхъ бархатомъ балконахъ находилась до самаго окончанія сего торжества. Украшенный сѣдинами старецъ, знавшій лично императора Петра Перваго, ѣздилъ на лошади вокругъ его монумента.

Кровли домовъ, окны и балконы обременены были великимъ множествомъ любопытныхъ зрителей, а на возвышенныхъ мѣстахъ, построенныхъ нарочито, стояла почетная нація російскихъ обоюго пола особъ. Площади Исаакіевская, Петровская, Невскій мостъ и улицы были почти непроходимы отъ множества людей средняго состоянія и черни.

Звукъ литавръ и трубъ были знакомъ приближенія войскъ къ монументу виновника толь славнаго торжества. Его императорское величество Александръ Павловичъ, командуя полками, приближаясь къ памятнику, салютовалъ предъ нимъ своею шпагою, а потомъ остановился при монументѣ и, оставивъ лошадь, присутствовалъ здѣсь для принятія почести на правой сторонѣ, пока прошли всѣ войска.

Его императорское высочество Константинъ Павловичъ, герцогъ генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры, приближаясь къ монументу Великаго Петра и взирая на него и императора Александра, своими шпагами салютовали жъ. Унтеръ-офицеры и штандартъ-юнкеры, ѣдущіе на коняхъ, при первомъ приближеніи къ основателю Санктпетербурга, преклоняли свои знамена. Маршировавшіе подъ ружьемъ и ѣхавшіе на лошадяхъ воины на монументъ перваго російскаго императора взирали съ видомъ, исполненнымъ благодарности.

Сія церемонія продолжалась при шумѣ литавръ и трубъ 80 минутъ. Лейбъ-гвардіи Преображенскій и Семеновскій полки маршировали напередъ, Измайловскій и Гранодирскій слѣдовали за ними, а Павловскій, Литовскій и Тенгинскій полки шли послѣ сихъ скорымъ шагомъ. Наконецъ, слѣдовали Кавалергардскій и Лейбъ-Конный полки, а за ними ѣхали эскадроны лейбъ-гусаровъ и лейбъ-казаковъ, которые своимъ скорымъ маршемъ окончили сію деликатную процессію. Когда атмосфера покрылась темною завѣсою ночи, тогда подобное солнцу свѣтило своимъ величественнымъ блескомъ разгоняло ужасный мракъ ночной темноты. Это блисталъ величайшій факелъ зажженный на верху градской башни, имѣющей вышины 140 футовъ англійскихъ! Иллюминированный вокругъ монументъ Петра Великаго представлялъ тогда чрезвычайно прелестное зрѣлище. Ботикъ, построенный до начала

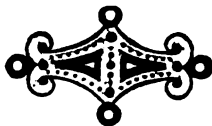
столѣтія, какъ дѣдъ російскаго флота, былъ поставленъ на линейномъ кораблѣ, украшенъ разноцвѣтными флагами и освѣщенъ различными огнями.

Плавающіе корабли и шлюпки съ засвѣщенными огнями въ фонаряхъ дѣлали по Невѣ искусные маневры, а въ отдаленныхъ мѣстахъ иллюминированные крѣпость и Петра Великаго дворецъ, построенный первый въ Санктпетербургѣ, своими огнями свѣтились, какъ множество кометъ, свѣтящихся по атмосферѣ. Въ одномъ мѣстѣ Адмиралтейскія ворота съ изображенными на нихъ Нептунами имѣли на себѣ огни, представляющіе вѣнцы, а во многихъ мѣстахъ валы были освѣщены въ видѣ полуциркулей и квадратовъ. Огромные щиты, горѣвшіе во многихъ мѣстахъ Санктпетербурга, имѣли вензели съ именемъ виновника толико важнаго торжества.

Металлическая съ позлащенными верхами ограда дворцоваго Лѣтнаго сада на каменныхъ столбахъ имѣла по великому вожденному свѣтилу. Она, иллюминированная во многихъ мѣстахъ, свои блестящія лучи преломляла о сильныя волны бунтовавшей Невы. Длинныя и густыя сего сада аллеи и широкіе пруды, украшенные огнями, представляли тогда прелестнѣйшую картину. Сей прекрасный садъ, нерѣдко посѣщаемый публикою, въ сей день или ночь, наполненъ былъ многими тысячами почетныхъ обоего пола особъ. Приятная гармонія императорской музыки приглашала всѣхъ успокоиться подъ сводами кудрявыхъ деревъ на мягкой муравѣ. Здѣсь все дышало радостію, все казалось удовольствіемъ! Спокойствіе нарушалъ одинъ зефиръ, летавшій по кустамъ и деревьямъ. Различныя цвѣты, испускавшіе отъ себя бальзамическое благовоіе, услаждали обоняніе всѣхъ веселящихся. Многіе люди, наслаждаясь удовольствіемъ, начали было забывать, что они смертныя creatura.

О великій день столѣтія! день торжества и веселія Санктпетербурга! останься ты вѣчно въ нашей памяти незабвеннымъ. Останься ты незабвеннымъ и въ слабыхъ памятахъ юныхъ россіанъ. Пусть сіи дѣти своимъ дѣтямъ возвѣстятъ всю важность бывшей церемоніи! Пускай они имъ скажутъ, какъ богато и великолѣпно праздновано торжество перваго столѣтія отъ založenія Санктпетербурга.

Сообщилъ В. Срезневскій.





## Цензура въ царствованіе императора Николая I.

### VIII <sup>1)</sup>.

Предоставленіе министрамъ права быть цензорами статей, относящихся до ихъ вѣдомствъ.—Докладъ Уварова о правительственныхъ изданіяхъ. — Попытка графа Строганова отстранить вліяніе министровъ на цензуру.—Колыбельная пѣсня Н. Некрасова. — Цензура отдѣльныхъ книгъ. — Сочиненія А. Мицкевича.—Книга академика Велланскаго „Животный магнетизмъ“.—Стихотвореніе Лермонтова „Послѣднее новоселье“ въ переводѣ на французскій языкъ. — Книжки: „Продѣлки на Кавказѣ“, „Турусы на колесахъ“ и „Двадцать лѣтъ царствованія императора Николая I“, Лебедева.—Вопросъ о печатаніи Корана въ Казани.



Въ теченіемъ времени внимательство министровъ въ дѣла цензуры постепенно увеличивалось, и съ 1845 г. они получаютъ право быть цензорами всего того, что писалось объ ихъ вѣдомствахъ. Первый примѣръ тому подалъ графъ Клейнмихель. 14-го февраля 1845 года онъ писалъ Уварову, что въ № 25 «Полицейскихъ Вѣдомостей» напечатана статья о Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ и потомъ перепечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», «Русскомъ Инвалидѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». По розыскамъ источника, служившаго основаніемъ этой статьи, оказалось, что она извлечена изъ изданнаго г. Пущкаревымъ въ 1844 году «Описанія Россійской Имперіи». Разсмотрѣвъ это сочиненіе и найдя въ немъ ошибки и несообразности въ описаніи сухо-

<sup>1)</sup> См. «Русскую Старину» апрѣль 1903 года.

путныхъ и водяныхъ сообщеній, графъ Клейнмихель испросилъ высочайшее повелѣніе, чтобы «всѣ свѣдѣнія, относящіяся до главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій не иначе дозволялось печатать, какъ по предварительному сношенію съ графомъ Клейнмихелемъ и по полученіи его одобренія». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 28-го декабря, графъ Клейнмихель велѣлъ своей особенной канцеляріи потребовать свѣдѣнія: по какому случаю безъ его вѣдома и на какомъ основаніи, вопреки высочайшему повелѣнію, дозволено было, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Бегрову отлитографировать «Тетрадь фасадовъ православныхъ церквей, составленныхъ архитекторомъ Морганомъ»? На это, по приказанію Уварова, было отвѣчено, что къ числу свѣдѣній, относящихся до путей сообщенія и публичныхъ зданій и указанныхъ упомянутымъ высочайшимъ повелѣніемъ, нельзя относить фасады церквей, принадлежащія къ области изящныхъ искусствъ, а потому цензура не въ правѣ была распространять высочайшее повелѣніе на художественное изданіе архитектора Моргана, такъ какъ вообще она позволяетъ эстампы и рисунки по всѣмъ другимъ вѣтвямъ изящныхъ искусствъ, если они не противны общимъ цензурнымъ правиламъ. Графъ Клейнмихель этимъ не удовольствовался и 4-го марта 1846 г. сообщилъ Уварову новое высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣ вообще планы, фасады, чертежи и рисунки по части строительной и путей сообщенія, представляемые въ цензуру, для печатанія были предварительно разсматриваемы въ главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій, и тѣ только печатались, которые главноуправляющимъ путями сообщеній будутъ одобрены.

Вслѣдъ за тѣмъ, но выйглавноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ генералъ-адъютантъ Адлербергъ, по поводу предпринятаго однимъ частнымъ лицомъ изданія «Алфавитъ городамъ и мѣстамъ, состоящимъ на главныхъ трактахъ отъ С.-Петербурга до Москвы», находя, что подобныя изданія должны быть дѣлаемы не частными людьми, а почтовымъ вѣдомствомъ, просилъ Уварова, чтобы на будущее время всѣ сочиненія, до почтъ относящіяся, не дозволять печатать безъ предварительнаго просмотра ихъ въ почтовомъ департаментѣ. «Эта предосторожность, говорилъ онъ, необходима для того, чтобы не подвергнуть публику тѣмъ недоразумѣніямъ, кои легко могутъ послѣдовать отъ ошибокъ, которыхъ никакой частный человѣкъ не имѣетъ возможности избѣгнуть».

Военный министръ, князь Чернышевъ, 18-го января 1847 года писалъ Уварову, что государь императоръ, по докладу его, высочайше повелѣлъ, чтобы всякаго рода критическія статьи или книги, издаваемые частнымъ лицомъ и относящіяся до сочиненій, принятыхъ съ разрѣшенія начальства въ руководство въ какомъ-либо военно-учеб-

номъ отношеніи и касающіяся собственно военнаго образованія, сверхъ обыкновеннаго дозволенія цензуры гражданской, были печатаемы не иначе, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи и одобреніи военно-цензурнымъ комитетомъ.

Министръ двора, князь Волконскій, въ качествѣ президента коммисіи о построеніи Исакиевскаго собора, писалъ 5-го декабря министру народнаго просвѣщенія, что печатаемыя въ журналѣ «Artiste» статьи объ Исакиевскомъ соборѣ, и особенно о тамошней живописи, не соотвѣтствуютъ существу дѣла, а потому просилъ, чтобы всѣ статьи о строеніи того собора, назначаемыя для журналовъ, были предварительно сообщаемы на разсмотрѣніе председательствуемой имъ, княземъ Волконскимъ, коммисіи. Разсмотрѣніе статей этого рода взялъ на себя членъ коммисіи, герцогъ Лейхтенбергскій.

Но едва-ли не самымъ любопытнымъ примѣромъ ревности, съ которою отдѣльныя министерства заботились въ это время о своемъ ближайшемъ участіи въ цензурномъ дѣлѣ, можетъ служить слѣдующій случай. 29-го мая 1847 г., Уваровъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія: «По 18 § цензурнаго устава, казенныя мѣста могутъ издавать повременныя сочиненія, по сношеніи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Большая часть журналовъ, издаваемыхъ отъ казенныхъ вѣдомствъ, разсматриваются общею цензурою. «С.-Петербургскія Полицейскія Вѣдомости» возникли, «Русскій Инвалидъ» преобразованъ, по новому плану, безъ предварительнаго свѣдѣнія министерства. Своими чисто литературными статьями оба эти журнала сами входятъ и вовлекаютъ другія газеты и журналы въ критическія и полемическія сужденія, иногда о предметахъ, не подлежащихъ ихъ разбирательству. Такъ какъ они издаются независимо отъ общей цензуры, то эта послѣдняя почти не можетъ, не подвергаясь упреку въ пристрастной несправедливости, останавливать въ другихъ журналахъ вызванныя первыми возраженія и замѣчанія. Обязанность цензуры удерживать литературныя пренія въ предѣлахъ скромности становится неисполнимою, и водвореніе единства дѣйствій цензуры и общаго направленія, столь необходимаго въ настоящемъ времени, оказывается невозможнымъ».

Для отвращенія этихъ неудобствъ, Уваровъ находилъ необходимымъ, не касаясь официальныхъ статей, печатаемыхъ въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» и «Инвалидѣ», прочія статьи литературнаго и ученаго содержанія подчинить общей цензурѣ; на что онъ и испрашивалъ высочайшее повелѣніе. Государь императоръ написалъ на докладѣ: «Согласенъ»; министерство внутреннихъ дѣлъ ничего на это не возразило; но военное министерство осталось недовольно такою новою мѣрою, принятою противъ него, и управлявшій этимъ мини-

стерствомъ, графъ Адлербергъ, 4-го іюля написалъ Уварову, что государь императоръ, по докладу его, высочайше повелѣлъ: статьи литературнаго и ученаго содержанія, предназначенныя для напечатанія въ «Инвалидѣ», разсматривать, по-прежнему, въ военно-цензурномъ комитетѣ и уже потомъ передавать въ общую цензуру.

Противъ такихъ требованій и захватовъ возвысился одинъ голосъ внутри самой правительственной сферы. Попечитель Московскаго учебнаго округа, графъ С. Г. Строгановъ еще 1-го марта 1845 года писалъ Уварову, что при точномъ исполненіи новыхъ высочайшихъ повелѣній о непечатаніи ничего, относящагося до вѣдомствъ путей сообщенія, почтъ, а также до театровъ, Кавказскаго края, обязанныхъ крестьянъ и по другимъ временнымъ мѣрамъ правительства, безъ разрѣшенія тѣхъ специальныхъ вѣдомствъ, онъ замѣтилъ на опытѣ, что писатели наши до крайности стѣсняются цензурою въ изданіи своихъ сочиненій, и тѣмъ самымъ нерѣдко благонамѣренныя и полезныя для общей образованности статьи остаются ненапечатанными, или выходятъ въ свѣтъ совершенно несвоевременно, особенно въ періодическихъ изданіяхъ. А потому онъ просилъ Уварова доложить государю императору, не угодно ли будетъ его величеству дозволить ему, графу Строганову, лично, какъ предсѣдателю Московскаго цензурнаго комитета и въ извѣстной степени понимающему цѣль правительства въ его распоряженіяхъ, разсматривать подобныя, непропускаемыя цензурою статьи и представлять въ министерства и главные управленія только тѣ изъ нихъ, которыя, по своему содержанію, не должны быть допущены къ печатанію безъ одобренія высшаго начальства каждаго вѣдомства. «Само собою разумѣется, говорилъ въ заключеніе графъ Строгановъ, что въ такихъ случаяхъ я обязанъ буду руководствоваться и общими правилами цензурнаго устава».

На этомъ представленіи находится, въ дѣлѣ, слѣдующая служебная отмѣтка: «Г. министръ призналъ неудобнымъ входить съ представленіемъ объ этомъ дѣлѣ».

Такимъ образомъ попытка графа Строганова не увѣнчалась успѣхомъ; и министры продолжали отстаивать данное имъ право вѣнша-тельства.

13-го февраля 1846 года графъ Орловъ жаловался Уварову на стихотвореніе Н. Некрасова «Колыбельная пѣсня», напечатанное въ «Петербургскомъ Сборникѣ» <sup>1)</sup>. Сочиненіе подобнаго рода, писалъ на-

<sup>1)</sup> Колыбельная пѣсня  
(подражаніе Лермонтову).

Спи, пострѣль! пока безвредный,  
Баюшки-баю!



чальникъ III-го отдѣленія, по предосудительному своему содержанию не должно бы одобряться къ печатанію; «почему онъ просилъ принять мѣры для предупрежденія случаевъ, подобныхъ настоящему. Уваровъ велѣлъ объявить выговоръ цензору. Но попечитель Петербургскаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ постыѣшилъ довести до свѣдѣнія министра, что «Колыбельная пѣснь» пропущена въ печать съ разрѣшенія его, Мусина-Пушкина. Мнѣ казалось, говорилъ онъ, что въ ней осмѣивался порокъ, распроотравляющійся, къ несчастію, въ Россіи, и на искорененіе котораго нѣтъ другаго средства, какъ нравственный бичъ». А потому онъ отнесъ къ самому себѣ выговоръ министра.

Таково было участіе разныхъ министровъ и другихъ правительственныхъ лицъ въ русской журналистикѣ съ 1833 по 1848 годъ. Вліяніе ихъ на судьбы отдѣльно печатавшихся книгъ и изданій было гораздо менѣе значительно какъ по небольшому вообще числу выходившихъ въ это время книгъ, такъ и потому, что большая ихъ часть не представляла такихъ, какъ журналы, предметовъ современныхъ и животрепещущихъ. При всемъ томъ и здѣсь встрѣчалось не одно любопытное явленіе.

Приведемъ нѣкоторые. Такъ, еще 11-го іюля 1834 года, военный

Тускло смотреть мѣсяцъ мѣдный,  
Въ колыбель твою.

Стану сказывать не сказки,  
Правду проюю.

Ты жъ дремли, закрывши глазаки,  
Баюшки-баю!

\* \* \*

По губерніи раздался  
Всѣмъ отрадный крикъ:  
Твой отецъ подъ судъ попался,  
Явныхъ тѣмъ уликъ!  
Но отецъ твой, плуть извѣстный,  
Знаетъ роль свою.

Спи, пострѣлъ, покуда честный!  
Баюшки-баю!

\* \* \*

Подростешь и міръ крещеный  
Скоро самъ поймешь,  
Купишь фракъ темнозеленый,  
И перо возьмешь.  
Скажешь: «я благонамѣренъ,  
За добро стою!»

Спи, твой путь грядущій вѣренъ!  
Баюшки-баю!

\* \* \*

министръ изъяснилъ согласіе на печатаніе «Жизни генераль-лейтенанта князя Мадатова», но съ тѣмъ, чтобъ сдѣланы были въ рукописи всѣ указанныя министромъ измѣненія, такъ какъ авторъ слишкомъ преувеличиваетъ военные подвиги князя Мадатова, сами по себѣ значительные и потому совершенно не требующіе такихъ украшеній. Князь Мадатовъ большею частью дѣйствовалъ съ малыми отрядами, находясь въ составѣ большихъ армій, а не отдѣльно, исключая нѣкоторыхъ экспедицій противъ горцевъ, и потому въ его жизнеописаніи должно показать, какъ хорошо онъ умѣлъ выполнять даваемые ему высшимъ начальствомъ (генералами: Ермоловымъ, Паскевичемъ) порученія. Между тѣмъ въ настоящемъ сочиненіи почти всѣ его дѣйствія выставлены особо, какъ будто онъ самъ распоряжался ими, по собственному произволу. Сверхъ того, военный министръ требовалъ, чтобъ изъ сочиненія было исключено неудачное дѣло генераль-маіора Пестеля, а равно и сказанное, кажется не безъ умысла, въ концѣ, послѣ описанія подвиговъ князя Мадатова, что генераль-адъютантъ Паскевичъ взялъ у князя Мадатова отрядъ и отдалъ его генераль-маіору Панкратьеву, а ему приказалъ отправиться въ Тифлисъ.

---

Будешь ты подъячій съ виду,  
И подлець душой,  
Провожать тебя я выйду  
И махну ружой!  
Въ день привыкнешь ты картинно  
Спину гнуть свою.  
Спи, пострѣль, пока невинный!  
Баюшки-баю!

\* \* \*

Тихъ и кротокъ, какъ овечка,  
И крѣпенецъ лбомъ,  
До хорошаго мѣстечка  
Доползешь ужомъ  
И охулки не положишь  
На руку свою.  
Спи, покуда красть не можешь!  
Баюшки-баю!

\* \* \*

Купишь домъ многоэтажный,  
Схватишь крупный чинъ,  
И вдругъ станешь баринъ важный:  
Русскій дворянинъ,  
Заживешь... и мирно, ясно  
Кончишь жизнь свою,  
Спи, чиновникъ мой прекрасный!  
Баюшки-баю!

Уваровъ предписалъ Петербургскому цензурному комитету поступить по указаніямъ графа Чернышева.

6-го сентября 1834 г., князь Варшавскій писалъ Уварову, что при разсмотрѣніи, по его приказанію, книгъ, изданныхъ въ царствѣ Польскомъ во время мятежа и послѣ онаго, особенное вниманіе обратили на себя стихотворенія извѣстнаго польскаго поэта Адама Мицкевича, напечатанныя въ Петербургѣ въ 1829 году и перепечатанныя сперва въ Парижѣ и Краковѣ, а потомъ въ 1833 году въ Варшавѣ. «Не говоря уже, писалъ князь, о помѣщенномъ въ тѣхъ стихотвореніяхъ посланіи къ Лелевелю, гдѣ сей главнѣйшій крамольникъ названъ исправителемъ сердецъ и просвѣтителемъ умовъ юношества, и гдѣ излиты всѣ чувства приверженности и уваженія къ нему всѣхъ его читателей, замѣчательна поэма Мицкевича «Валенродъ». Поэма сія исполнена намековъ, какимъ образомъ поляки, подъ личиною покорности, должны питать скрытую ненависть противъ власти, правомъ оружія надъ ними утвердившейся (т. е. противъ державы русской), показывая притворную преданность, втайнѣ замышлять месть и предательство. Содержаніе и цѣль сего сочиненія подробно описаны въ найденномъ въ дѣлахъ въ бозѣ почивающаго государя цесаревича рапортѣ д. т. сов. Новосильцова. Справедливость изложенныхъ въ этомъ рапортѣ заключеній подтвердилась вполне послѣдними событіями въ Польшѣ. Къ сему присовокупить можно слѣдующее: бывшій попечитель Краковскаго университета, отставной генераль-маіоръ графъ Залускій, въ объясненіи своемъ комитету мятежниковъ, разсматривавшему дѣйствія разныхъ лицъ, въ подтвержденіе патріотизма своего и содѣйствія къ воспламененію умовъ и приготовленію молодыхъ людей къ возстанію, приводилъ главнѣйшимъ доказательствомъ то, что по распоряженію его перепечатана была въ Краковѣ и распространена въ публикѣ, до мятежа, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, поэма «Валенродъ». Сочиненія Мицкевича, напечатанныя съ дозволенія петербургской цензуры, перепечатаны въ Варшавѣ на томъ же основаніи. Но духъ сихъ сочиненій таковъ, что ихъ распространять не должно».

На это Уваровъ поспѣшилъ отвѣтить, что стихотворенія Мицкевича напечатанныя въ 1829 году, не только не будутъ впредь перепечатываться, но что и ввозъ иностранныхъ изданій ихъ строго воспрещенъ имъ, Уваровымъ. Спустя 5 лѣтъ, военный министръ писалъ секретно Уварову (11-го апрѣля 1839 года), что производимыя о тайныхъ обществахъ изслѣдованія подали поводъ къ заключенію, что участники ихъ получали изъ Одессы привозимыя тайно изъ-за границы возмутительныя сочиненія. При обыскахъ въ Одесскихъ книжныхъ лавкахъ такихъ книгъ не отыскано, и только въ одной изъ нихъ найдено 21 экземпляръ сочиненій Мицкевича на польскомъ языкѣ, дозволенныхъ нашею

цензурой въ 1829 году. Государь императоръ находилъ, что, по измѣнившимся съ того времени обстоятельствамъ, такого рода книги подлежали бы болѣе разборчивому и строгому пересмотру, поручилъ сообщить о томъ министру народнаго просвѣщенія. Уваровъ секретно же поспѣшилъ отвѣтить, что распоряженіе о сочиненіяхъ Мицкевича сдѣлано еще въ 1834 году, но теперь онъ подтвердилъ о томъ же циркулярами всѣмъ цензурнымъ комитетамъ.

2-го мая 1838 г. статсъ-секретарь Мордвиновъ, за отсутствіемъ графа Бенкендорфа и по его порученію, писалъ секретно Уварову, что въ «Евангеліяхъ», напечатанныхъ въ Вильнѣ и содержащихъ, между прочимъ, также евангелія на дни покровителей короны Польской и великаго княжества Литовскаго, не прибавлено даже при этомъ слова «бывшихъ», каковое заглавіе можетъ дать всякому изъ поляковъ понятіе о существованіи короны польской и княжества Литовскаго отдѣльно отъ Россіи, и министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, по этому предмету, что въ отвращеніе, по возможности, распространенія вредныхъ сужденій, особенно между легковѣрными въ западныхъ губерніяхъ, не излишне было бы постановить, чтобы свѣтская цензура въ Литвѣ имѣла строгое, бдительное вниманіе за издаваемыми тамъ вновь и перепечатываемыми книгами, даже и духовнаго содержанія, такъ какъ по закону ни одна книга не можетъ быть дозволена къ напечатанію безъ окончательнаго разрѣшенія цензуры свѣтской. Уваровъ предписалъ это, секретно, попечителю Бѣлорусскаго учебнаго округа.

Въ 1840 году знаменитый столько же своею ученостію, сколько и эксцентричностью мыслей академикъ Велланскій желалъ напечатать свое сочиненіе «Животный магнетизмъ», но не получилъ на то разрѣшенія отъ Петербургскаго цензурнаго комитета, на основаніи мнѣнія цензора, профессора Куторги. Велланскій передѣлалъ рукопись и снова получилъ отказъ. Тогда онъ пожаловался на цензора цензурному комитету. Въ «объясненіи» своемъ отъ 22-го февраля 1843 года, которое мы приводимъ цѣликомъ, по крайней его любознательности, онъ писалъ: «На донесеніе цензора Куторги честь имѣю объяснить предъ комитетомъ на пункты, которыми оно опорочено. Сначала цензоръ бламируетъ самый предметъ сочиненія, называя его фантастическимъ произведеніемъ, употребляемымъ мечтателями и шарлатанами для обмана въ медицинской практикѣ, которая, по скандальнымъ ея исторіямъ, возбраняется во всѣхъ странахъ, и цензоръ полагаетъ, что пропускъ сочиненія о семъ предметѣ долженъ зависѣть какъ отъ общей цензуры, такъ и отъ медицинскаго начальства. Но животный магнетизмъ, составляющій предметъ моего сочиненія, г. Куторгѣ вовсе неизвѣстенъ, и онъ мнѣніе свое основываетъ только на предразсудкахъ, сообщенныхъ ему превратнымъ сужденіемъ людей, не имѣющихъ истиннаго понятія о магнетизмѣ. Жи-

ВОТНЫЙ МАГНИТИЗМЪ не есть фантастическое произведеніе, а находится дѣйствительно въ природѣ, и столько же принадлежитъ животному организму, сколько минеральный магнетизмъ свойственъ магниту и желѣзу. Натуральный сонъ человѣка есть магнитное состояніе, наводимое вліяніемъ земной планеты, какъ общаго космическаго магнита. Но это состояніе въ человѣкѣ измѣняется и дѣлается болѣзною, извѣстною подъ именемъ сомнабулизма, который не что другое есть, какъ болѣзненное сновидѣніе, коего виды и формы въ количественномъ и качественномъ отношеніи неисчислимы, и по столь обыкновеннымъ явленіямъ каждому наблюдателю извѣстны. Животный магнетизмъ есть важнѣйшій предметъ физиологіи и патологіи, находящихся еще въ скудномъ положеніи и для которыхъ онъ составляетъ труднѣйшую задачу, непостижимую въ эмпирическомъ ученіи медицины. Посему многіе врачи, не имѣющіе теоретическаго понятія о магнетизмѣ, считаютъ его ничтожнымъ, а нѣкоторые, убѣждаясь очевидными и разительными явленіями сомнабулизма, лѣчатъ его эмпирическимъ способомъ, перенимаемымъ у простолудиновъ, которые, по врожденному имъ свойству, часто животнымъ магнетизмомъ исцѣляютъ весьма тяжкія болѣзни къ изумленію и стыду ученыхъ медиковъ. Занимавшись 45 лѣтъ теоретическимъ и практическимъ изученіемъ медицины и бывъ 32 года профессоромъ физическихъ и врачебныхъ наукъ въ Императорской медико-хирургической академіи, я знаю основательно предметъ, изложенный въ моемъ сочиненіи, и столь несправедливое объ ономъ мнѣніе г. Куторги считаю дерзкимъ и для меня оскорбительнымъ. Сочиненіе мое написано съ благою цѣлію и искреннимъ желаніемъ доставить истинную пользу онымъ моимъ соотечественникамъ, занимающимся физическими и психическими науками, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ просятъ меня убѣдительно объ изданіи онаго; и я могу не обвинясь сказать, что, кромѣ меня, никто изъ русскихъ медицинскихъ писателей не въ состояніи издать основательнѣйшаго и подробнѣйшаго сочиненія о животномъ магнетизмѣ, которое въ немощномъ состояніи поврежденнаго моего зрѣнія стоило мнѣ неимоверныхъ трудовъ и усилий. Между тѣмъ г. Куторга, руководствуясь духомъ школьной противной секты, старается сдѣлать плоды трудовъ моихъ тщетными. Онъ даетъ произвольное и ложное толкованіе моему сочиненію и въ донесеніи своемъ показываетъ частныя выраженія, которыя въ рукописи вовсе не содержатся, либо излагаетъ цѣлыя мѣста превратно и съ текстомъ несходно. Въ донесеніи своемъ показываетъ онъ, что будто бы въ исторіи магнетизма я утверждалъ, что древніе религіозные обряды языческіе и прорицанія оракуловъ совершались посредствомъ магнетизма. Но это утверждаетъ древняя исторія египтянъ и грековъ. Слѣдующія выраженія: «лѣченія религіоз-

\*

ныя временъ и народовъ христіанскихъ, изгоненіе демоновъ (exorcismus), врачеваніе предметами, принадлежавшими благочестивымъ мужамъ, напр. ключомъ св. Губерта и плеваніемъ, совершались не иначе, какъ посредствомъ магнитизма» въ книгѣ моей находятся. Приведеніе текста изъ Ветхаго Завета, гдѣ упоминается о душевозбудительномъ дѣйствіи музыки, возбуждающей также и животный магнитизмъ, цензоръ считаетъ непозволительнымъ, но цензурнымъ уставомъ не запрещено приводить изъ св. Писанія тексты для подтвержденія истины естественныхъ происшествій. Положеніе мое: «духъ человѣческій есть высочайшее существо земнаго міра» считаетъ онъ законопреступнымъ; но надобно быть совершенно несвѣдущимъ въ антропологию, чтобы сего положенія не признать истиннымъ. Въ другихъ мірахъ, можетъ быть, находятся совершеннѣйшія существа, а на землѣ нѣтъ творенія совершеннѣе человѣка. Св. Августинъ писалъ о сомнамбулизмѣ католическаго монаха, а приводить его тексты во свидѣтельство не запрещено. О заклинаніи духовъ, производившемся (въ римскомъ Колизеѣ) сицилійскимъ духовнымъ лицомъ, повѣствуетъ Бенвенуто Челлини въ исторіи своей жизни. Сіе заклинаніе совершилось посредствомъ животнаго магнитизма, произведеннаго въ присутствовавшихъ при томъ людяхъ разными куреніями. Замѣченныхъ цензоромъ на многихъ страницахъ II тома предосудительныхъ мѣстъ вовсе нѣтъ, и тамъ не утверждается возможность говорить на невѣдомыхъ языкахъ посредствомъ магнитизма, а еще опровергается она. Въ § 191 написано: возможность сомнамбуловъ говорить на чужомъ языкѣ зависитъ отъ ихъ дальносвѣдѣнія въ прошедшемъ времени, гдѣ языкъ, позабытый въ бдѣщемъ состояніи, приходитъ вновь на память сомнамбулу. Мѣсто изъ житія одного католическаго святаго іезуита Орландини, приводимое цензоромъ, на стр. 349 не находится, а тамъ сказано: Орландини рассказываетъ, что болѣзовавший смертельно іезуитъ не умеръ, покуда не далъ ему позволенія его настоятель, которому повиновался онъ безусловно. Первую исторію лѣченія болѣзни животнымъ магнитизмомъ въ С.-Петербургѣ цензоръ считаетъ непозволительною, потому что въ ней, какъ онъ говоритъ, безпрестанно перемѣшаны призыванія имени Божія съ манипуляціями магнитизированія. Но сія исторія есть самая важная по ея вѣрности и точности въ лѣченіи сомнамбула, продолжавшемся 5 мѣсяцевъ, при которомъ присутствовали многіе врачи и любопытные наблюдатели и въ числѣ которыхъ часто находился и я. Журналъ лѣченія въ каждую сессію былъ писанъ весьма вѣрно, и сомнамбулъ, въ высшихъ степеняхъ сомнамбулизма, часто говорилъ къ магнитизировавшей его особѣ о помощи и благодати Божіей. Въ заключеніе своего донесенія цензоръ говоритъ, что краткое его

изложеніе уже ясно показываетъ сущность и направленіе разсмотрѣннаго имъ сочиненія; измѣнить это направленіе исключеніемъ показанныхъ мѣстъ невозможно. Но изъ всѣхъ мѣстъ, замѣченныхъ цензоромъ въ моемъ сочиненіи, ни одно не подлежитъ цензурному запрещенію, и несправедливость его сужденія очень явственна. Онъ старается представить сочиненіе мое предосудительнымъ въ отношеніи къ христіанской религіи; однако ложными притязаніями не можетъ въ немъ доказать никакого злонамѣренія».

Но цензурный комитетъ остался при своемъ мнѣніи о невозможности дозволить печатаніе сочиненія Велланскаго. Тогда этотъ послѣдній обратился въ главное управленіе цензуры, съ просьбой дозволить ему печатать его сочиненіе, такъ какъ онъ чувствуетъ несправедливость комитета, согласившагося съ пристрастнымъ мнѣніемъ цензора Куторги, имѣющаго школьную ненависть къ философскимъ понятіямъ его, Велланскаго. «На поприщѣ ученаго міра, говорилъ въ заключеніе Велланскій, подвизаюсь я 60 лѣтъ, былъ 32 года профессоромъ физическихъ и врачебныхъ наукъ въ медико-хирургической академіи и въ теченіе 40 лѣтъ издалъ много переводовъ и собственныхъ сочиненій, которыя всѣ печатались съ дозволенія цензуры, не находившей въ нихъ ни одного слова непозволительнымъ. Нынѣ, приближаясь къ исходу жизни моей и находясь въ немоощномъ положеніи зрѣнія, могу ли я издавать въ свѣтъ что-либо непозволительное и предосудительное? Твердо надѣюсь, что разсматривающій сочиненіе мое умно и безпристрастно найдетъ въ немъ благую цѣль и непритворное намѣреніе доставить пользу любителямъ физическихъ и психическихъ наукъ, и принести посильную дань моему отечеству, покровительствовавшему меня въ юности и призрѣвшему въ старости». Главное управленіе цензуры отправило книгу эту на заключеніе духовной цензуры (чего Велланскій просилъ еще въ 1840 году, черезъ графа Бенкендорфа), и наконецъ это дѣло разрѣшилось тѣмъ, что графъ Протасовъ, не входя въ какія бы то ни было подробности, сообщилъ 17-го марта 1844 года Уварову, что Петербургскій духовный комитетъ нашелъ невозможнымъ одобрить сочиненіе Велланскаго къ напечатанію.

4-го января 1843 года, графъ Бенкендорфъ писалъ Уварову, по поводу стихотворенія Лермонтова «Послѣднее новоселье», переведеннаго на французскій языкъ и имѣющаго появиться (по словамъ «Отечественныхъ Записокъ»), въ непродолжительномъ времени, въ книгѣ: «*Morceaux choisis de la poésie russe, traduits par M. M.*»<sup>1)</sup>, что считаетъ

<sup>1)</sup> Какъ извѣстно, въ „Послѣднемъ новосельѣ“ говорится о перенесеніи тѣла Наполеона I, въ 1840 году, съ острова Св. Елены въ Парижъ. Переводъ былъ сдѣланъ княземъ Мещерскимъ.

неприличнымъ изданіе подобной пьесы и не соответственнымъ отношеніямъ нашимъ къ иностраннымъ державамъ. Сильныя выходы подлинника противъ Франціи усилены переводчикомъ до неприличной брани. При свободѣ книгопечатанія во Франціи, русское правительство не можетъ оскорбляться частыми непріязненными отзывами французскихъ писателей, но всякія выходы русскихъ сочинителей противъ иностранныхъ державъ разсматриваются цензурой, и тѣмъ уже принимаютъ, нѣкоторымъ образомъ, официальный характеръ. Кромѣ того, переводы г. М. обличаютъ переводчика въ совершенномъ незнаніи французскаго языка и французскаго стихосложенія <sup>1)</sup>, а потому, если г. М. имѣетъ въ виду ознакомить Францію съ нашей отечественной литературой, то не только не достигаетъ предполагаемой цѣли, но даже наноситъ явный вредъ, искажая извѣстнѣйшихъ нашихъ сочинителей“. Уваровъ предписалъ Петербургскому и Московскому цензурнымъ комитетамъ принять мнѣніе графа Бенкендорфа въ руководство и соображеніе на будущее время.

26-го мая 1844 года, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ-маіоръ Дубельтъ, сообщилъ Уварову, что въ напечатанномъ въ С.-Петербургѣ, сочиненіи Хамаръ-Дабанова: «Продѣлки на Кавказѣ», является много сомнительныхъ мѣстъ, которыя не должны бы быть передаваемы читающей публикѣ, а какъ книга эта находится уже въ продажѣ, то онъ проситъ обратить на нее особенное вниманіе. Вслѣдствіе этого, всѣ нераспроданные еще экземпляры сочиненія Хамаръ-Дабанова были отобраны изъ типографіи и отъ книгопродавцевъ, а журналамъ запрещено помѣщать разборы его и отрывки изъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ народнаго просвѣщенія, находя, что означенное сочиненіе наполнено изображеніями, представляющими въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ дѣйствія начальственныхъ лицъ на Кавказѣ, и заключаетъ въ себѣ подробности частной и служебной жизни, которыя не должны быть передаваемы читающей публикѣ, потребовалъ отъ цензора Крылова, одобрявшаго въ Москвѣ эту книгу къ напечатанію, объясненія. Но Крылову не привелось дать требуемаго объясненія: онъ былъ вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ начальникомъ III-го отдѣленія, при чемъ, въ видѣ особой милости, по ходатайству московскаго попечителя, графа С. Г. Строганова и самого министра, а въ особенности принимая во вниманіе родильное состояніе жены Крылова, этому послѣднему было дозволено пріѣхать не подъ присмотромъ. Въ іюлѣ же

<sup>1)</sup> Противъ этого мѣста графъ Уваровъ сдѣлалъ на отношеніи графа Бенкендорфа отмѣтку карандашемъ: „Весьма справедливо“. Въ „Отечеств. Запискахъ“ было сказано (Бѣлинскимъ), что переводчикъ владѣетъ значительнымъ талантомъ для этого рода труда.



послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, чтобъ цензора Крылова, за одобреніе къ напечатанію книги «Продѣлки на Кавказѣ», отставить отъ должности цензора, и, сверхъ того, въ примѣръ другимъ, по состоянію его профессоромъ и, деканомъ при Московскомъ университетѣ, арестовать при университетѣ на 8 дней; что же касается до сочинительницы книги, Логиновой (писавшей подъ псевдонимомъ «Хамаръ-Дабанова»), то учредить за нею полицейскій надзоръ, и какъ по дошедшимъ свѣдѣніямъ, у нея изготовлено еще много рукописей для напечатанія, то на сочиненія ея обратить особенно бдительное вниманіе.

27-го марта 1846 года графъ Орловъ секретно писалъ Уварову: «Получено мною свѣдѣніе, что напечатанная, въ недавнее время, въ Москвѣ, брошюрка: «Турсы на колесахъ», принадлежа къ народнымъ рассказамъ, признана въ публикѣ явнымъ пасквиломъ, ибо объясняютъ, что напечатанное на стр. 15-й: «пришла правда отъ Воскресенія въ Кодосахъ» означаетъ домъ бывшего градскаго головы Шестова, который находится въ томъ приходѣ, и который названъ по имени его «дѣдушкой Андреемъ»; на той же и 16-й стр. слова: «а то всякій Иванъ смотритъ только въ свой карманъ» относятся къ московскому оберъ-полицеймейстеру Лукину, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за тѣмъ идетъ рѣчь о «Левушкѣ, забубенной голу-вушкѣ, который махнулъ отъ сѣвера на югъ», въ чемъ видятъ ясное намѣреніе злословить генерала Цинскаго, уѣхавшаго на югъ въ Херсонскую губернію. Далѣе, изъ словъ: «кто съ темной ночи оброкъ бралъ» выводятъ общія мысли о брантъ-маюрахъ, а подъ выраженіемъ: «записного плута оправдалъ» — разумѣютъ дѣло купца Сопова, произведенное бывшимъ полицеймейстеромъ Бранчаниновымъ. Между тѣмъ, слышны отзывы и о томъ, что цензоръ Зерновъ, который просматривалъ означенную брошюрку, будучи человекомъ отличныхъ правилъ и благонамѣреннымъ, пропустилъ оную, безъ сомнѣнія, потому что не зналъ всѣхъ отношеній и не могъ отличить въ рассказѣ, испещренномъ поговорками, намеки на лица отъ пустыхъ и обыкновенныхъ рѣчей. Уваровъ удовольствовался тѣмъ, что секретно обратилъ на эту брошюру вниманіе московскаго попечителя и секретно же увѣдомилъ о томъ графа Орлова.

5-го мая 1846 года, военный министръ писалъ Уварову, что онъ получилъ, по высочайшему повелѣнію, отъ начальника III-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи, сообщеніе о томъ, что до свѣдѣнія государя императора дошло о приготовленномъ къ выпуску въ свѣтъ сочиненіи чиновника провіантскаго департамента, Лебедева, подъ заглавіемъ: «Двадцать лѣтъ царствованія императора Николая». Хотя это сочиненіе было уже пропущено гражданскою и военною цензурою (съ нѣкоторыми частными измѣненіями и поправками),

но теперь председатель военно-цензурнаго комитета, генералъ-лейтенантъ Михайловскій-Даниловскій, отозвался, что не слѣдовало бы давать позволенія на напечатаніе сочиненія Лебедева, потому что оно написано слогомъ неправильнымъ, сбивчиво, безъ знанія дѣла и рѣшительно недостойно своего высокаго предмета, а потому необходимо запретить выпускъ его въ свѣтъ, истребить напечатанные экземпляры и остановить, буде есть возможность, объявленія. Признавая все это правильнымъ, военный министръ увѣдомилъ о томъ графа Орлова, для всеподданнѣйшаго доклада, а между тѣмъ запретилъ по военному министерству на будущее время представлять прямо въ цензуру сочиненія историческія, безъ разрѣшенія высшаго начальства. Какъ было изложено выше, Уваровъ не разъ находилъ возможнымъ и умѣстнымъ запретить, вопреки закону, печатаніе сочиненія изъ-за недостатковъ слога и изложенія; но, на этотъ разъ, онъ того не пожелалъ, и за отсутствіемъ графа Орлова тотчасъ же написалъ генералу Дубельту, что § 15 цензурнаго устава не дозволяетъ цензурѣ входить въ сужденіе о слогѣ или ошибкахъ автора въ литературномъ отношеніи, если смыслъ и содержаніе не подлежатъ запрещенію по цензурнымъ правиламъ. Это постановленіе основано на томъ, что заключенія о достоинствѣ слога совершенно личныя; а въ настоящемъ случаѣ, всѣ цензуровавшіе рукопись (какъ въ гражданской, такъ и въ военной цензурѣ) не нашли въ ней, при чтеніи, столь разительныхъ литературныхъ недостатковъ, чтобъ она подлежала запрещенію. Поэтому онъ, Уваровъ, не можетъ согласиться на предлагаемую, со стороны военнаго министерства, мѣру чрезвычайной строгости въ отношеніи къ книгѣ Лебедева. Вмѣсто пользы, такая мѣра принесетъ вредъ, возбудивъ толки о сочиненіи, не имѣющемъ, можетъ быть, особенныхъ достоинствъ, какихъ можно бы пожелать этому творенію по предмету его, но безъ сомнѣнія далеко не столь вредномъ и опасномъ, какимъ стали бы выставять его по истребленіи экземпляровъ. При томъ, по § 152 устава, издатель одобренной и потомъ запрещенной книги имѣетъ право на удовлетвореніе за убытки. Это взысканіе должно пасть на дозволившихъ книгу цензоровъ. «Я не могу, говоритъ въ заключеніе Уваровъ, признать виновнымъ цензора ввѣреннаго мнѣ министерства, тѣмъ болѣе, что онъ одобрилъ рукопись по полученіи отзыва военно-цензурнаго комитета, что препятствія къ изданію сочиненія не находится. Такимъ образомъ, отвѣтственность пала бы на военно-цензурный комитетъ, но и его дѣйствія г. военный министръ признаетъ правильными. Покорнѣйше прошу ваше превосходительство о доведеніи до высочайшаго свѣдѣнія о семъ мнѣніи моемъ, при докладѣ отзыва военнаго министра». Но дѣло, котораго нельзя было, такимъ образомъ, затушить путемъ цензурнымъ, получило свое окончаніе другимъ путемъ: 13-го мая генералъ Дубельтъ сообщилъ Уварову, что книгопродавецъ

Поляковъ, издатель «Двадцатилѣтія», добровольно изъявилъ согласіе прекратить печатаніе этой книги, отказываясь отъ всѣхъ правъ на изданіе, и потому онъ, Дубельтъ, просилъ Уварова приказать, чтобы первые листы книги, уже отпечатанные, были немедленно доставлены въ III-е отдѣленіе, и чтобы наборъ слѣдующихъ листовъ былъ тотчасъ разобранъ. Уваровъ отвѣчалъ, что эти распоряженія относятся къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. На другой же день, 14-го мая, Дубельтъ снова писалъ Уварову, по повелѣнію наслѣдника цесаревича, что если онъ, министръ, признаетъ сочиненіе Лебедева достойнымъ своего высокаго предмета, то не угодно ли ему будетъ предварительно отнестись, на основаніи § 9 цензурнаго устава, къ управляющему министерствомъ двора, для исходатайствования высочайшаго повелѣнія на изданіе сочиненія Лебедева. Но Уваровъ отвѣчалъ, что указанное постановленіе не относится къ дѣлу, потому что имѣетъ въ виду только извѣстія, сообщаемыя въ газетахъ и журналахъ объ особахъ императорской фамиліи, что же касается до самаго изданія, то послѣ отказа издателя Полякова печатать книгу, министерству народнаго просвѣщенія не предстоитъ уже болѣе никакого дѣйствія, такъ какъ съ его стороны исполнено все, что требовалось для охраненія правъ издателя. Вслѣдъ за тѣмъ, 7-го іюня состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы «на изданіе всякаго сочиненія, въ коемъ описываются событія, относящіеся до его императорскаго величества и особъ августѣйшей фамиліи, испрашивать высочайшее соизволеніе чрезъ министра императорскаго двора». Но министръ двора нашелъ, что это постановленіе, распространяя свое дѣйствіе не на одни только изданія повременныя, но и на отдѣльныя книги, можетъ породить недоразумѣнія, вслѣдствіе коихъ и всѣ историческія сочиненія, болѣею частью обширныя, будутъ присылаемы на цензуру министра двора, который не имѣетъ для того ни времени, ни средствъ, и вынужденъ будетъ просить объ опредѣленіи къ себѣ особаго цензора, содержаніе коего повлекло бы къ напрасной издержкѣ, и потому представлялъ на высочайшее усмотрѣніе мнѣніе, что 9-я ст. XIV т. Св. законовъ (пресѣч. преступл.) можетъ быть пополнена, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы кромѣ статей, помѣщаемыхъ въ газетахъ и журналахъ объ особѣ императорскаго величества и членахъ императорской фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и сѣздахъ, доставляемы были цензурными комитетами на разсмотрѣніе министра императорскаго двора только выписки изъ книгъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ описывается какое-либо событіе или разсказывается анекдотъ, до особы царствующаго императора или членовъ августѣйшей фамиліи относящіяся. Государь императоръ 10-го іюля высочайше утвердилъ это предположеніе.

Въ заключеніе изложѣмъ относящееся къ этому же періоду немало-важное, съ государственной точки зрѣнія, дѣло о печатаніи магометан-

скихъ духовныхъ книгъ. 4-го іюля 1845 г., министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, секретно сообщилъ Уварову любопытныя подробности касательно печатанія въ Казани Корановъ. «Волѣдствие сообщенныхъ мною оберъ-прокурору Св. Синода предположеній казанскаго военнаго губернатора, писалъ онъ, касательно предупрежденія отпаденій крещенныхъ татаръ въ магометанство, графъ Протасовъ нынѣ увѣдомилъ меня, что онъ представлялъ на высочайшее усмотрѣніе соображенія по настоящему предмету Св. Синода, а также собранныя на мѣстѣ свѣдѣнія, заключающіяся между прочимъ въ томъ, что недавно начали печатать въ Казани, на татарскомъ языкѣ, Коранъ и другіе магометанскіе учебники. Въ типографіи Шевича въ 1841—42 годахъ отпечатано 20.000 экземпляровъ, а въ 1843 и 1844 около 200.000; сколько же напечатано въ типографіи Рахельзановыхъ — неизвѣстно. Продажа этихъ книгъ производится въ Казани изъ книжной лавки, а по большей части на ярмаркахъ Нижегородской и Ирбитской, и съ этого именно времени, къ которому относится начало печатанія Корана и другихъ магометанскихъ книгъ въ такомъ огромномъ количествѣ, отпаденіе новокрещенныхъ татаръ стало возрастать быстро. На этомъ докладѣ государю императору благоугодно было 16-го іюня собственноручно написать, что печатаніе Корана и другихъ мусульманскихъ духовныхъ книгъ можно запретить.

Управлявшій въ то время Казанскимъ учебнымъ округомъ, ректоръ Казанскаго университета Лобачевскій, секретно поспѣшилъ протестовать противъ фактовъ, изложенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. «Число 20.000 экземпляровъ за 1841—42 г. преувеличено, писалъ онъ, а число 200.000 за 1843 и 1844 даже невозможно. Вообще свѣдѣнія, доставленныя министру внутреннихъ дѣлъ, неосновательны. Объ этомъ предметѣ можетъ лучше судить Казанскій университетъ, хорошо знакомый во всѣхъ отношеніяхъ съ обычаями и требованіями Востока. Печатныя книги въ употребленіи на Востокѣ болѣе 150-ти лѣтъ. Народъ вначалѣ смотрѣлъ на такое нововведеніе неохотно, но мало-по-малу привыкъ и прельстился дешевизной. Правительство, съ своей стороны, тому способствовало. Въ 1717 году главный константинопольскій муфтіи, Абдулла Эфендіи, издалъ приговоръ, что по правиламъ вѣры печатаніе книгъ не только не воспрещается, но должно почитаться добрымъ дѣломъ. Къ этому приговору султанъ Ахмедъ-Ханъ присоединилъ манифестъ. Такъ началось книгопечатаніе сначала въ Константинополѣ, потомъ въ Египтѣ и Персіи. Алкоранъ не только печатается у мусульманъ, но даже литографируется. Самые строгіе богословы не чуждаются печатнаго Корана, а напротивъ говорятъ, что, по правиламъ ихъ ученія, печатное, какъ всегда болѣе вѣрное, заслуживаетъ предпочтенія. Печатаніе Корана теперь уже до того увеличилось, что сдѣлалось промыш-

ленностью въ христіанскихъ странахъ. Мусульмане боятся, чтобы съ одной стороны небрежная печать, а съ другой чрезвычайная дешевизна не повредила тому уваженію, которое должно быть ими питаемо къ книгѣ законовъ и вѣры. По указу сената 3-го октября 1800 года, въ Казани при гимназій учреждена типографія исключительно для печатанія Корана, и только уже впослѣдствіи она сдѣлалась типографіей для печатанія на всѣхъ языкахъ. Печатный Коранъ университетской типографіи составляетъ замѣтную статью торговли, преимущественно съ Бухарой. Онъ возбуждаетъ соперничество за границей до того, что въ Лейпцигѣ принялись за изданія, желая взять перевѣсъ красивымъ шрифтомъ, лучшей бумагой и болѣе подручной книгой. На сторонѣ университетской типографіи выгоды заключаются въ близости сношеній, въ посредничествѣ татаръ и въ пріобрѣтенной извѣстности. Шевицъ и Ракельзановы, постигая эти выгоды, завели собственныя типографіи въ Казани. Слѣдствіемъ этого была дешевизна на печатаніе и большое число изданій, хотя далеко не въ такомъ количествѣ, какъ доведено до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Итакъ, для сохраненія въ обычаяхъ установленныхъ правилъ вѣроисповѣданій нѣтъ никакого повода къ ограниченію въ изданіяхъ печатнаго Корана. Ограниченіе это со стороны правительства должно быть на тѣхъ же началахъ, которыя при терпимости вѣроисповѣданія будутъ признаны необходимыми какъ для раввинизма, такъ и для магометанства и для всего иновѣрія, съ нѣкоторымъ исключительнымъ покровительствомъ для христіанства, особенно для господствующаго въ отечествѣ. Съ этою цѣлью ограниченіе будетъ достаточно и вмѣстѣ для правительства полезно, когда правъ печатанія духовныхъ иновѣрческихъ книгъ предоставлено будетъ однімъ казеннымъ типографіямъ, наприм. университетской въ Казани. Съ такимъ дозволеніемъ плата за печать можетъ нѣсколько возвыситься, сколько допустить должно, чтобы не уступить въ соперничествѣ съ изданіемъ за границей. Доходъ университетской типографіи, которой положеніе теперь довольно скудное, чрезъ то увеличится. Магометанизмъ, не пользуясь явнымъ поощреніемъ ко вреду христіанства, будетъ за всѣмъ тѣмъ пользоваться вѣротерпимостью».

Въ отвѣтъ на это, Уваровъ написалъ ректору Казанскаго университета, что признаетъ за лучшее оставить это дѣло покуда въ прежнемъ положеніи, не принимая никакихъ особенныхъ или новыхъ мѣръ. Изъ-за этого возникла скорѣ потомъ длинная переписка между министромъ внутреннихъ дѣлъ, протестовавшимъ противъ непринятія министерствомъ народнаго просвѣщенія мѣръ, предписанныхъ высочайшимъ повелѣніемъ, и Уваровымъ, выставившимъ на видъ потребности магометанскаго народонаселенія, пользы государства, прежнія распоряженія правительства, не утратившія силу, и старавшимся примѣнить высочайшее

повелѣніе къ однѣмъ частнымъ типографіямъ. Дѣло это получило, наконецъ, окончательное свое разрѣшеніе лишь въ 1849 году, по разсмотрѣніи его комитетомъ министровъ. Комитетъ находилъ, что «число ежегодно печатаемыхъ въ Казани экземпляровъ Корана и другихъ магометанскихъ духовныхъ книгъ вовсе не такъ значительно, какъ предполагалось сначала. При томъ Коранъ всегда печатается на арабскомъ, прочія же книги на турецкомъ или персидскомъ, и только весьма небольшая ихъ часть на татарскомъ языкахъ. По удостовѣренію казанскаго военнаго губернатора и тамошняго епархіальнаго начальника, арабскій языкъ непонятенъ для татаръ, изъ коихъ весьма немногіе знаютъ и татарскую грамоту. Поэтому комитетъ не могъ раздѣлять мнѣнія казанскаго преосвященнаго, что печатаніе въ Казани Корана и другихъ магометанскихъ духовныхъ книгъ не могло имѣть существеннаго вліянія на отпаденіе новокрещенныхъ татаръ изъ православія въ магометанство. Обращаясь за симъ къ предположенію совершенно воспретить печатаніе въ Казани Корана и вообще духовныхъ книгъ, комитетъ не могъ не принять во вниманіе объясненій, какъ министра народнаго просвѣщенія, такъ и казанскаго военнаго губернатора, что въ настоящее время отпускъ сихъ книгъ за границу составляетъ значительную статью въ нашей торговлѣ, преимущественно съ Бухарой, и что, съ принятіемъ предположенной мѣры, не только прекратится сія торговля книгами и перейдетъ въ руки англійскихъ торговыхъ компаній на Востокъ, но безъ сомнѣнія Алкоранъ и другія магометанскія духовныя книги, составляя необходимую потребность для мусульманъ, жительствоющихъ въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ, Оренбургской, Казанской, Таврической и другихъ губерніяхъ, будутъ, путемъ контрабанды, изъ-за границы водворяемы въ Россію. Такимъ образомъ, воспрещеніе печатать въ Казани Коранъ и другія магометанскія духовныя книги не только не уменьшитъ случаевъ отпаденія крещеныхъ татаръ изъ православія въ магометанство, но будетъ вредно по своимъ послѣдствіямъ, усиливъ вліяніе иностранцевъ на Востокъ».

По всѣмъ этимъ причинамъ, комитетъ 11-го октября 1849 года положилъ дозволить по-прежнему печатаніе въ Казани, какъ въ университетской, такъ и въ частныхъ типографіяхъ, Корана и другихъ магометанскихъ духовныхъ книгъ, обставивъ, впрочемъ, это дѣло особыми цензурными правилами. Государь утверждалъ это предположеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).



## Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ <sup>1)</sup>.

### IV. Письма А. С. Стурдзы <sup>2)</sup>.

1.

7-го октября 1829.

Позвольте хилому, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Василій Андреевичъ, посѣтитъ васъ если не лично, по крайней мѣрѣ данію уединенныхъ занятій его. Вотъ экземпляръ Ручной книги моей, или 'Εγχειρίδιον <sup>3)</sup>, на греческомъ. Примите этотъ скромный подарокъ съ любовію. При немъ оглавленіе на русскомъ языкѣ, изъ котораго вы усмотрите планъ, содержаніе, порядокъ мыслей и цѣль книги.

Если бы переводъ русскій былъ оконченъ и исправленъ <sup>4)</sup>, то кстати было бъ поднести оный великому князю Александру Николаевичу.

Въ южной Россіи, Греціи, Молдавіи и Валахіи трудъ мой принять съ утѣшительнымъ для меня ободреніемъ душъ христіанскихъ. Увидимъ, что вы скажете о скелетѣ моей книги. Совершенная праздность моя со дня прибытія въ столицу <sup>5)</sup> заставила написать введеніе въ книгу о

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“, сентябрь 1902 г.

<sup>2)</sup> Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

<sup>3)</sup> 'Εγχειρίδιον τῆς ἀρετῆς τοῦ χριστιανοῦ, вышедшее въ свѣтъ въ Петербургѣ, въ 1828 году.

<sup>4)</sup> Русскій переводъ 'Εγχειρίδιον'a, подъ заглавіемъ „Ручная книга православнаго христіанина“, былъ изданъ въ 1830 году; онъ исполненъ Спиридonomъ Юрьевичемъ Дестунисомъ († 1848), извѣстнымъ переводчикомъ Плутарха и византійскихъ историковъ.

<sup>5)</sup> А. С. Стурдза находился въ составѣ дипломатической канцеляріи, сопровождавшей императора Николая Павловича въ турецкомъ походѣ 1828—29 г.г. (см. „Письма Жуковского къ А. И. Тургеневу“, стр. 245).

воспитаніи, и, чтобы не совѣмъ раззнакомиться съ русскимъ языкомъ, эти строки написаны по-русски. Брошенное на бумагу отдаю вамъ на судъ; ибо вы не мечтаете о воспитаніи, а занимаетесь имъ.

Простите. Объ васъ можно смѣло сказать: да дастъ ти Господь по сердцу твоему! Къ несчастію, это благословеніе, обращаемое не въ попадъ на многихъ, дѣлается проклятіемъ. До свиданія. А. Стурдза.

## 2.

14-го іюня 1835 г. Пріютъ близъ Одессы.

Благодарю васъ отъ души, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, за дружеское, исполненное мыслей и чувства, любезное письмо ваше <sup>1)</sup>. Вы правы; мы всѣ видимъ и слѣдимъ гибельныя заблужденія сего вѣка—но не умѣемъ прокладывать для современниковъ прямого пути, ведущаго къ изящному, къ истинѣ. Признаюсь вамъ: если бы не упованіе на Бога, надлежало бы впасть въ уныніе и отчаяніе <sup>2)</sup>. Но замѣтите, что даже въ бѣснующейся Франціи подлѣ Гюго, Жаненя, Дюканжа, Дюмаса <sup>3)</sup> и имъ подобныхъ, являются Lamartine, S-te Beuve, Drouineau, Silvio Pellico, юные провозвѣстники воскресающаго христіанства. О Германіи теперь говорить нечего. Она вздумала у м н и ч а т ь; и читающая въ ней публика, отменясь истинной славы народной, восхищается твореніями Бёрна и Гейна <sup>4)</sup>. А матушка Россія все еще не можетъ отстать отъ закоренѣлой привычки рабски подражать и запоздалыми парафразами воскрешать недостойное забвеніе въ сферѣ словесности иноземной.

Вручитель сего письма, майоръ Карузо, пріятель мой, отличный молодой офицеръ, взялся вручить при письмѣ моемъ и рукопись моихъ

<sup>1)</sup> Это письмо Жуковского, отъ 29-го мая 1835 года, напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 387—389.

<sup>2)</sup> Въ этомъ письмѣ Жуковский писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Направленіе нынѣшней литературы и въ особенности французской для меня ненавистно. Дерзкій матеріализмъ въ ней царствуетъ. Читая новые французскіе романы (впрочемъ, я ихъ не читаю: прочитавъ нѣкоторые, я рѣшился не брать въ руки ничего, что является въ свѣтъ подъ фирмою Бальзаковъ, Жаненей и братіи), пугаешься не ихъ содержанія, а самихъ авторовъ.....Нокудаведутънынѣшніепутеводители? Куда придешь вслѣдъ за ними? Къ стремнистой безднѣ, ни впередъ, ни назадъ: остается въ нее кинуться и погибнуть..... Всѣ дранные французскіе водевили, всѣ отвратительныя мелодрамы Дюмасовъ и Дюканжей повсюду переводятся, и все это слушаетъ публика, отъ ложъ до райла“.

<sup>3)</sup> Т. е. Дюма.

<sup>4)</sup> Т. е. Гейне.



сказаній<sup>1)</sup>. Прошу я умоляю васъ, прочитавъ оную и, если одобрите, поднеся для прочтенія великому князю, надеждъ земли Русской, въ лицѣ потомковъ нашихъ—не сообщать этой книжки никому; но изыскивать средства къ возвращенію мнѣ моего труда. Одно смиренное желаніе доставить пользу и удовольствіе е(го) в(ысочеству) и вамъ побудили меня выпустить изъ рукъ манускриптъ, приговоренный въ неизвѣстности знатоками министерства иностранныхъ дѣлъ. Послѣ этой послѣдней поѣздки пусть сказанія мои скроются опять въ уголокъ, въ которомъ, авось! созрѣютъ и дополнятся они для потомства!

Не знаю, пригодилась ли къ чему-нибудь вамъ извѣстная и Десту-нисомъ переведенная книга моя: Ручникъ православнаго христіанина? Смѣю также обратить вниманіе ваше на слѣдующія истинно поучительныя творенія, которыя е(го) в(ысочество) особливо теперь могъ бы прочесть съ великою пользою для ума и сердца:

Жизнь св. апостола Павла, архимандрита Иннокентія<sup>2)</sup>.

Того же: Страстная седмица.

Исторія имперіи византійской<sup>3)</sup>, соч(иненіе) Lebeau.

Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. 8 томовъ въ 8. Лучшее руководство къ изученію современной политической исторіи.

Я слышу, что Бажановъ<sup>4)</sup>, духовникъ е(го) в(ысочества), человѣкъ достойный своего званія. Дай Господь, чтобы въ немъ теплилась священная искра любви ко Христу и къ ближнему.

Простите, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ. Жалѣю и болѣю о судьбѣнашего альманаха<sup>5)</sup>, который впрочемъ имѣлъ блистательный успѣхъ и сбытъ: у насъ, т. е. провинціальный. При случаѣ возьмемъ назадъ свое, поблагодаривъ спѣсиваго Смирдина<sup>6)</sup> за сохраненіе въ цѣлости

<sup>1)</sup> Рѣчь идетъ о рукописномъ сочиненіи Стурдзы „Очеркъ изъ исторіи XIX-го столѣтія“, написанномъ въ 1833 году, содержащемъ въ себѣ изложеніе событій, происшедшихъ въ Россіи съ 1769, и заканчивающемся описаніемъ убіенія графа И. А. Каподистріи въ 1831 г. (см. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 184) — Въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей російскихъ за 1864 годъ напечатанъ отрывокъ изъ этого труда Стурдзы, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о жизни и дѣятельности графа И. А. Каподистріи, правителя Греціи“.

<sup>2)</sup> Это сочиненіе знаменитаго нашего проповѣдника Иннокентія (впослѣдствіи архіепископа херсонскаго) вышло въ свѣтъ въ 1826 г., а его „Страстная седмица“ была напечатана первымъ изданіемъ въ Кіевѣ въ 1835 г.

<sup>3)</sup> Извѣстная Histoire du Bas-Empire.

<sup>4)</sup> Василій Борисовичъ, протопресвитеръ (р. 1800 + 1883).

<sup>5)</sup> Издавна въ Одессѣ въ 1834 г. съ благотворительною цѣлью (см. „Русскую Старину“ 1902 г., май, стр. 389, примѣч. 5-е) и продажа котораго въ Петербургѣ была поручена Смирдину.

<sup>6)</sup> Александра Филипповича, петербургскаго книгопродавца.

всѣхъ экземпляровъ. Всѣ мои кровные съ признательностію поручаютъ себя вашей памяти. Человѣкъ Божій, тестъ мой Гуфеландъ<sup>1)</sup> здравствуетъ, но болѣе и болѣе слабъ глазами—я прозрѣваетъ въ блаженную вѣчность. Собираемся къ нему на будущій годъ, аще Богъ поведить.

Вѣрьте неслестной любви и преданности моей. А. Стурдза.

Р. S. Паки и паки прошу: берегите мои сказанія и возвратите мнѣ ихъ во время благопотребно. Книга не подъ печатью, потому что мѣшаетъ этому здѣшняя черта порто-франко. Новручитель скромнѣе и надежнѣе. Да возвратится убо ко мнѣ чадѣ мое чрезъ г. Карузо или инако. А. С.

## 3.

25-го апрѣля 1836 г. Одесса.

На два письма ваши, отъ 4-го и 13-го апрѣля<sup>2)</sup>, я отвѣчаю второпяхъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ; но грусть и заботы, неразлучныя съ поѣздкою въ синюю даль, не мѣшаютъ мнѣ чувствовать глубокою къ вамъ благодарность. Искренность и справедливость вашихъ замѣчаній на мою книгу<sup>3)</sup> я умѣю цѣнить, какъ явленіе рѣдкое въ сферѣ взаимныхъ непрерывныхъ обаяній. Но признаюсь, что, со всѣмъ тѣмъ, я долго колебался: отдать ли сказанія мои, правдивыя и умѣренныя въ сравненіи съ тѣмъ, что ежедневно пишутъ противъ Россіи, отдать ли, говорю, трудъ совѣстный мой на усѣкновеніе<sup>4)</sup>! Мысль о христіанскомъ Аристидѣ, какъ вы назвали незабвеннаго Каподистрію, эта мысль, одна, и вами выраженная, побѣдила всѣ сомнѣнія и борьбу отеческаго сердца—авторскаго. Вотъ опять вамъ странствующая рукопись моя: буди по глаголу твоему. Но мнѣ некогда сдѣлать списокъ, и я цѣликомъ вручаю Жуковскому правдивую повѣсть о Каподистринѣ. Конечно, издавая въ Россіи и по-русски разсказъ о возстаніи Греціи и подвигахъ мученика за нее, мы будемъ говорить предъ публикою болѣе равнодушною, нежели враждебною. Все, что онъ сдѣлалъ для Россіи, останется для нея тайною. Но я исполню священный долгъ, и могу исполнить его и на французскомъ языкѣ, за границею

<sup>1)</sup> Извѣстный врачъ, профессоръ и писатель Христофоръ-Вильгельмъ Гуфеландъ (Hufeland, р. 1762 † 1836); на его дочери Елизаветѣ былъ женатъ Стурдза.

<sup>2)</sup> Напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 389—392.

<sup>3)</sup> См. выше, стр. 399, прим. 1-е.

<sup>4)</sup> Жуковскій находилъ, что сочиненіе Стурдзы въ полномъ видѣ по разнымъ причинамъ не можетъ быть отдано въ печать, но что отрывокъ изъ него, начиная съ описанія возстанія Греціи, касающійся до одной Греціи и ея президента, долженъ быть напечатанъ (см. „Русскую Старину“ 1902 г. май, стр. 390).

если вы это одобрите. Отвѣчайте мнѣ въ Берлинъ, чрезъ посредство добраго А. И. Миллера <sup>1)</sup>. Между тѣмъ, прошу васъ, прикасайтесь смѣло къ моему тексту. Отсѣкайте лишнія слова, замѣняйте лучшими, не измѣняя сущности событій. Я думаю, что можно и должно, почти въ то же время, издать отрывокъ мой и въ Современникѣ <sup>2)</sup>, и оособо книжкою. Для меня пріятно, скажу даже, лестно, явиться въ столбцахъ журнала, издаваемого А. С. Пушкинымъ. Слава великаго подвижника лучами своими сольется съ славой великаго нашего поэта, какъ все святое, высреннее сочетаетсяъ съ изящнымъ. Но всего для меня дороже, чтобы вы, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, были издателемъ этого отрывка; а современемъ, быть можетъ, и всего манускрипта, когда у насъ образумятся и поймутъ, что пора нашу молодежь ознакомить съ истинною политическою исторіею Россіи въ наше время. Извините меня въ томъ, что я взваливаю на васъ такія хлопоты. Введеніе къ повѣсти о возстаніи Греціи заключается въ общемъ введеніи къ полному сочиненію. Тамъ указалъ я на происшествія, ядали предуготовившія великій взрывъ 1821 года. Въ дополненіе прилагаю здѣсь надгробное слово мое незабвенному, въ которомъ представлены главныя черты прекрасной жизни. Вамъ предоставляю, по недостатку времени, изъ сихъ свѣдѣній слить одно цѣлое; или же трудъ мой хранить у себя завѣтною тайною дружбы, дочитать великому князю; сообщать, если захотите, одному Пушкину, или современемъ, выписавъ назначаемое вами къ напечатанію, возвратитъ книгу, въ цѣломъ объемѣ ея, мнѣ или сестрѣ, графинѣ Эдлингъ. Я знаю, кому вѣрю свое чадо. Если дойдетъ до печати, не отвергайте нѣкоторыхъ выраженій библейскихъ, свойственныхъ моему слогу: заботы лукаваго дня, побѣждать благимъ злое и т. д.

Я ѣду отсюда чрезъ Силезію въ Берлинъ для свиданія съ тестемъ <sup>3)</sup> и полученія его благословенія себѣ, дочери и внучкѣ <sup>4)</sup>. Но расстаюсь съ матушкою <sup>5)</sup> и стражду внутренно. Изъ Берлина думаю побывать на водахъ, оттуда съѣздить въ Швейцарію всмотрѣться на людей и на снѣжныя Альпы; на зиму воротиться въ Берлинъ; а весною, если Богъ благословитъ, направлю путь обратно въ Россію, югомъ или сѣверомъ,

<sup>1)</sup> Хорошаго знакомаго Стурдзы, Александра Ивановича Миллера, служившаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (о немъ см. тамъ же, стр. 389—390, прим. 5).

<sup>2)</sup> Какъ это предлагалъ Стурдзѣ Жуковскій въ письмѣ отъ 13-го апрѣля 1836 г. (см. тамъ же, стр. 392).

<sup>3)</sup> Гүфеландомъ.

<sup>4)</sup> Маріи Александровнѣ, вышедшей въ 1838 году замужъ за князя Евгенія Григорьевича Гагарина.

<sup>5)</sup> Мать А. С. Стурдзы была рожденная княжна Мурузи.

не знаю того доселѣ. Напутствуйте меня сердечною мольбою братолюбія христіанскаго и не забудьте увѣдомить меня или сестру объ участи моихъ сказаній, коихъ подлинникъ да хранится у васъ одного. Обнимаю васъ съ чувствомъ нестарѣющей преданности. А. Стурдза.

Р. С. Я увижусь съ Сѣверинымъ. Я желаю, чтобы мое имя сопровождало разсказъ о послѣднихъ годахъ жизни Каподистріи.

## 4.

Октября 23-го (ноября 3-го) 1836 г. Берлинъ.

Пользуюсь случаемъ благопріятнымъ, чтобы о себѣ напомнить вамъ, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ. Письмо мое изъ Берлина, пущенное въ маѣ, конечно до васъ дошло. Теперь, послѣ долгаго странствованія по южной Германіи и Швейцаріи, до самой подошвы Монблана, испивъ горькую чашу (я разумѣю кончину тестя моего, старца Гуфеланда—вашего друга—), мы опять очутились здѣсь и, вѣроятно, проведемъ цѣлую зиму, дѣлясь печалью о невозвратной потерѣ и святыми воспоминаніями съ сестрами жены моей, съ нѣжными дѣтьми отшедшаго ко Господу. Старецъ весною такъ былъ бодръ духомъ и даже тѣломъ, что, по вѣроятностямъ близорукаго ума смертныхъ, можно было смѣло надѣяться провести съ нимъ зиму; зиму, обѣщавшую столько духовной пользы, столько невыразимыхъ чистыхъ наслажденій дочери, и внучкѣ, и мнѣ грѣшному. Все это рушилось! Послѣ 28-дневной тяжкой болѣзни праведникъ предалъ духъ свой Богу 13-го (25-го) августа. Скорбная вѣсть застала насъ въ Бернѣ, къ отрадѣ нашей, подъ братскимъ кровомъ Сѣверина. Онъ и добрая его супруга <sup>1)</sup> пеклись о женѣ моей, плакали съ нею и со мною; однимъ словомъ, они утѣшили насъ, какъ одна лишь искренняя дружба умѣетъ утѣшать. Объ васъ, разумѣется, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, помину было довольно. Близъ Шильонскаго замка мы съ умиленіемъ взглянули въ Вернѣ на домъ, въ которомъ вы провели зиму <sup>2)</sup>, любуясь прелестными видами Женевскаго озера и тишиною волшебныхъ береговъ его.

Сѣверину очень хочется побывать на родинѣ. Согласитесь, что, послѣ десятилѣтней разлуки <sup>3)</sup> съ святою Русью, это желаніе его справедливо. Онъ просилъ позволенія прибыть въ Петербургъ съ наступленіемъ зимы. Не знаю, что государь рѣшитъ.

<sup>1)</sup> Вторымъ бракомъ Д. П. Северинъ былъ женатъ на баронессѣ Мольке.

<sup>2)</sup> Въ 1832—33 гг.

<sup>3)</sup> Д. П. Северинъ уѣхалъ изъ Россіи въ 1826 году, бывъ назначенъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи.

Вы найдете при письмѣ моемъ нѣсколько печатныхъ и рукописныхъ словъ о Гуфеландѣ. Последніе стихи его, въ престопадномъ слогѣ, заключающіе въ себѣ главные правила его Макробіотики <sup>1)</sup>. Ко дню его рожденія отпечатали было эти стихи. Ему хотѣлось въ этотъ самый день раздать друзьямъ по экземпляру, шута. Но тогда старецъ уже лежалъ, поверженный на одръ послѣдняго земнаго искушенія; а все-таки, лежа въ постели, роздалъ своеручно книжечки присутствовавшимъ, сохраняя и въ эту минуту безоблачную тишину и кротость души свѣтлой и вѣрной. Для меня Гуфеландъ былъ идеаломъ христіанина и ученаго. Знаю, что и для васъ такъ же. Потому-то и рѣшился я послать вамъ эти мелочи, но суля лучшее. Ибо въ бумагахъ покойника найдена жизнь его, имъ самимъ написанная <sup>2)</sup>. Его послѣднее твореніе, которое онъ самъ называлъ послѣднимъ, бесѣдуя со мною: *Enchiridion medicum, Vermögensniss einer 50-jährigen Erfahrung* <sup>3)</sup>, въ 6 мѣсяцевъ, печатается третьимъ изданіемъ. Покойный, въ завѣщаніи своемъ, выбралъ себѣ эпитафію изъ Евангелія подѣ чугуннымъ крестомъ. По волѣ его же, опуская тѣло въ могилу, пѣли хоромъ любимый гимнъ его: *Jesus meine Zuversicht* <sup>4)</sup>!—О немъ можно сказать то, что гласитъ Св. Писаніе о праведникахъ: преиде благодѣтельствуя!

<sup>1)</sup> Извѣстное сочиненіе Гуфеланда „*Makrobiotik oder die Kunst das menschliche Leben zu verlängern*“ вышло первымъ изданіемъ въ 1796 г.—Напечатанные въ 1836 г. стихи, о которыхъ говорится въ письмѣ Стурдзы, носятъ слѣдующее заглавіе: „*Lebensregeln. Eine Makrobiotik in Merkversen*“.

Вотъ, для примѣра, два наставленія изъ этого стихотворенія:

Das Wasser ist der beste Trank,  
Es macht fürwahr dein Leben lang,  
Es kühlt und reiniget dein Blut  
Und giebt dir frischen Lebensmuth.

(Переводъ: Вода — лучшее питье; она дѣйствительно дѣлаетъ твою жизнь долгою, она освѣжаетъ и очищаетъ кровь и даетъ тебѣ веселое расположение духа).

Willst immer froh und heiter sein,  
Denk' nicht: „Es könnte besser sein“,  
Arbeite, bet', vertraue Gott,  
Und hilf den Nächsten aus der Noth.

(Если ты постоянно хочешь быть радостнымъ и веселымъ, то не думай: „Обстоятельства могли бы сложиться лучше“, работай, молись, довѣрься Богу и помогай ближнему въ нуждѣ).

<sup>2)</sup> Эта автобіографія Гуфеланда напечатана въ журналѣ „*Deutsche Klinik*“ за 1863 годъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 106, прим. 2-е).

<sup>3)</sup> Вышло въ свѣтъ въ Берлинѣ въ 1836 году и выдержало нѣсколько изданій.

<sup>4)</sup> Т. е. Иисусъ мое упованіе.

\*

Скажите, что дѣлается съ моимъ отрывкомъ <sup>1)</sup>? Будетъ ли онъ напечатанъ, или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ «Современникъ». И при этомъ скажите мнѣ доброе слово о себѣ, о своемъ жить-бывать. Воскресите меня въ дружеской памяти Д. Н. Блудова. Въ моей онъ живъ, и жить въ ней не перестанетъ. Генералъ-адъютантъ Сумароковъ <sup>2)</sup>, и другъ и родственникъ мой, взялся доставить вамъ мое письмо. Если онъ изъявитъ вамъ желаніе прочесть мой историческій трудъ, то повѣрьте ему оный, рукою въ руку, съ тѣмъ, чтобы онъ возвращенъ былъ вамъ. Любите любящія вы и примите сердечный привѣтъ привязанности и дружбы неизмѣнной. А. Стурдза.

## 5.

(Вѣроятно, въ концѣ 1836 или въ 1837 г.)

Почтеннѣйшій Василій Андреевич!

Вручитель сихъ строкъ, старый товарищъ мой по службѣ и другъ, ст(атскій) совѣтникъ) Александръ Ивановичъ Миллеръ, беретъ на себя трудъ принять изъ рукъ вашихъ, и беречь, и доставить потомъ ко мнѣ историческую рукопись мою <sup>3)</sup>, давно уже, безъ сомнѣнія, прочтенную вами. Разумѣется, не торопя васъ; но, какъ скоро книга эта сдѣлается не нужною, благоволите пригласить къ себѣ добраго Александра Ивановича и оную ему вручить, все равно, что мнѣ самому. А когда удастся, со свойственною прекрасной душѣ вашей искренностію, изреките судъ строгій надъ трудомъ моимъ, тѣмъ zweckmässiger <sup>4)</sup>, что рассказъ мой, лежа въ ящикѣ, можетъ быть мною дополненъ и исправленъ. Не о чемъ мнѣ теперь бесѣдовать съ вами. Изъ-за укромнаго уголка моего, вѣдъ Одессы, на крутомъ берегу Чернаго моря, я мало заглядываю въ міръ внѣшній и охотнѣе прислушиваюсь къ шуму волнъ голубыхъ съ бѣлымъ узоромъ, нежели къ тревоженіямъ большаго, политическаго свѣта. Поручаю вашему вниманію слѣдующія книги, давно, можетъ быть, вамъ извѣстныя:

1) Allgemeine Geschichte der christlichen Religion u(nd) Kirche, von

<sup>1)</sup> Воспоминаніями о графѣ Каподистріи.

<sup>2)</sup> Генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта и съ 1856 года графъ) Сергій Павловичъ Сумароковъ (р. 1791 † 1875) былъ женатъ на Александрѣ Павловнѣ Маруцци.

<sup>3)</sup> См. выше, стр. 399, прим. 1-е.

<sup>4)</sup> Т. е. цѣлесообразнѣе.

Neander <sup>1)</sup>; 2) *Leçons tirées de la parole de Dieu*, par Moulinié <sup>2)</sup>; 3) Жизнь св. апостола Павла и Страстную Седмицу, превосходныя творенія архимандрита Иннокентія; 4) *Volupté*, par S-te Beuve <sup>3)</sup>.

Съ душевнымъ почтениемъ и любовію вамъ преданный А. Стурдза.

## 6.

19-го августа 1840 г. Пріютъ.

Посылаю къ вамъ, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, скудный умственный гостинецъ; но который, по новости предмета, можетъ быть, и займетъ васъ. Прочитавъ эти Письма о должностяхъ священнаго сана <sup>4)</sup>, не угодно ли будетъ передать ихъ Дмитрію Николаевичу <sup>5)</sup> для прочтенія. Добрые помѣщики не признаютъ ли полезнымъ снабдить книжкою моею своихъ приходскихъ, въ особенности молодыхъ сельскихъ священниковъ?

Бью челомъ о нашемъ товарищѣ, почтенномъ, бѣдномъ и глубоко-ученомъ старцѣ Никовулосѣ <sup>6)</sup>, о которомъ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ <sup>7)</sup> и я ходатайствуемъ, именемъ Общества исторіи и древностей.

Я знаю Никовулоса, и уважаю и люблю его, ровно 18 лѣтъ. Всѣ обстоятельства, въ письмѣ нашемъ изложенныя, точны. Старцу семьдесятъ лѣтъ; ученость его изумительна; благочестіе и злополучіе примѣрны. Помогите намъ и ему. Мы ожидаемъ сестру <sup>8)</sup> обратно во-своися со дня на день. Пора! Безъ нея мы осиротѣли. Какъ часто въ письмахъ своихъ упоминала она объ васъ. Похоронили же вы моего почтен-

<sup>1)</sup> Это сочиненіе извѣстнаго историка церкви Августа Неандера (р. 1789 † 1850) вышло первымъ изданіемъ въ Гамбургѣ въ 1825—1830 гг.

<sup>2)</sup> Сочиненіе швейцарскаго пастора и литератора Charles-Étienne-François Moulinié (р. 1757 † 1836): „*Leçons de la parole de Dieu sur les points les plus importants de la foi chrétienne*“ вышло въ свѣтъ въ Женевѣ въ 1821—26 гг. въ пяти томахъ.

<sup>3)</sup> Это сочиненіе С.-Бѣва вышло въ свѣтъ въ 1834 году.

<sup>4)</sup> Вышли въ Одессѣ въ 1840—41 гг. и затѣмъ выдержали нѣсколько изданій.

<sup>5)</sup> Влудову.

<sup>6)</sup> Одесскій археологъ Александръ Федоровичъ Панагюдоръ-Никовулъ († 1848, на 85 году отъ роду), обладавшій громадными познаніями въ древней греческой литературѣ и археологій. О немъ см. некрологъ Г. Соколова въ „Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей“, т. III, Одесса. 1853, стр. 518—521.

<sup>7)</sup> Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ (р. 1788 † 1844), тогдашній попечитель Одесскаго учебнаго округа и президентъ Одесскаго Общества исторіи и древностей.

<sup>8)</sup> Графиню Р. С. Эдлингъ.

наго о. Меглинскаго. Для знавшихъ его безвременная смерть праведника составляетъ потерю невозвратимую.

Простите, любезнѣйшій Василій Андреевичъ; не хочу отнимать у васъ время длиннымъ провинціальнымъ письмомъ и заключаю увѣреніемъ въ моей душевной преданности. А. Стурдза.

## 7.

28-го марта 1849 г. Одесса.

Большое спасибо отъ меня Сѣверину <sup>1)</sup> за пересылку къ вамъ моихъ строкъ о русской Одиссѣй, — чѣмъ выманилъ онъ у васъ любезное и дорогое письмо отъ 10-го марта н. с. <sup>2)</sup>, мною отъ васъ только-что полученное. Я никакъ не чаялъ такой награды за высказанное мною мнѣніе о вашемъ трудѣ. Какъ заштатный писатель и усталый путникъ юдоли земной, не могу довольно надивиться и нарадоваться вашей дѣятельности, умственной и сердечной, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ! Ее-то Вяземскій такъ превосходно изобразилъ въ образцовыхъ своихъ стихахъ <sup>3)</sup>. Но, признаюсь, друзья и почитатели ваши, въ томъ числѣ и я, невольно завидуемъ исключительной дружбѣ вашей съ старцомъ Омиромъ. Подъ сѣнію знакомыхъ мнѣ каштановыхъ деревьевъ, вы бесѣдуете съ величавою тѣнію и стараетесь забыть мрачную существенность современную. Благо же вамъ и русскому слову, которое подъ вашимъ перомъ усваиваетъ себѣ вѣчно-юную древность міра первобытнаго. Однако и настоящее, и святая Русь не теряютъ своихъ правъ; вы для нея работаете, и, безъ сомнѣнія, возвратитесь въ ея предѣлы. Для этого нужно здоровье супругѣ вашей, предметъ единомышленныхъ, небезкорыстныхъ желаній. Вѣдь сатанинскіе визги, о коихъ вы упоминаете, очень произительны: они непремѣнно выживутъ васъ оттуда <sup>4)</sup>. Первое

<sup>1)</sup> Въ письмѣ своемъ къ Д. П. Северину, отъ 17-го (29-го) ноября 1848 г., Жуковскій просилъ его увѣдомить Стурдзу о томъ, что ему будетъ доставленъ изъ Петербурга экземпляръ переведенной Жуковскимъ Одиссеи, и что онъ проситъ Стурдзу сообщить ему свое мнѣніе объ его, Жуковскаго, переводѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 года, сентябрь, стр. 48).

<sup>2)</sup> Напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 393—396.

<sup>3)</sup> Въ извѣстныхъ стихахъ по случаю празднованія 29-го января 1849 года пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Жуковскаго (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IV, Спб. 1880, стр. 331—334).

<sup>4)</sup> Въ письмѣ отъ 10-го марта н. с. изъ Баденъ-Бадена Жуковскій писалъ Стурдзѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Обстоятельства загнали меня въ Баденъ-Баденъ. Здѣсь, пользуясь уединеніемъ и стараясь заткнуть уши отъ сатанинскаго визга нашего времени, я снова принялся за переводъ Одиссеи“ (см. „Русскую Старину“ 1902 года, май, стр. 395). Въ Баденѣ вскорѣ, дѣйствительно, вспыхнула революція, и Жуковскій переехалъ въ Страсбургъ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 47).



порученіе ваше <sup>1)</sup> при семъ исполняю, сколько могу, справившись предварительно съ греческимъ подлинникомъ Одиссея, съ латинскимъ буквальнымъ переводомъ и съ огромнымъ комментариемъ Евстаѳіа <sup>2)</sup>.

Второй наказъ вашъ: заговорить вслухъ о вашемъ исполненіи трудѣ душевно желаю выполнить, но за успѣхъ не ручаюсь. Послѣ дѣльныхъ статей Шевырева <sup>3)</sup> мудрено сказать что-нибудь новое и твердое. Къ тому жъ досуга у меня все менѣе и менѣе, по мѣрѣ упадка зрѣнія и тѣлесныхъ силъ. Вы сами видите, что я двигаюсь на умственныхъ костыляхъ и едва успѣваю додѣлывать то, что мнѣ задано свыше. Церковныя событія на Востокѣ вызвали меня на поле духовной борьбы; кое-какіе переводы отняли у меня немало времени, а остатокъ принадлежитъ домашнимъ заботамъ и попеченіямъ о душѣ. Однимъ словомъ: духъ во мнѣ еще бодръ, но плоть немощна. Солнце на закатѣ косвенными своими лучами обыкновенно набрасываетъ на стезю нашу огромную тѣнь. Слава Богу за то, что добираюсь до ночлега еще не одинокой, но съ милыми мнѣ спутниками. Вы съ такимъ сердечнымъ участіемъ упоминаете о женѣ моей, дочери и внукахъ, что мнѣ очень хочется представить ихъ вамъ, хотя заочно, назвавъ каждого по имени. Старшему изъ нихъ Григорію <sup>4)</sup> 9 лѣтъ, второму — Анатолію 4 года, третьему — Юрію 3 года. Долго имъ ждать, пока удостоятся итать изящныя созданія вашего генія, вашей души; до тѣхъ поръ надѣюсь представить вамъ лично этихъ малютокъ. Но теперь взаимно познакомьте и вы меня съ вашею домашнею общиною, къ которой посылаю издали сердечный привѣтъ.

Еще слово о вашемъ Рустемѣ и Зорабѣ: давно никакая поэма не подѣйствовала на меня такъ глубоко, такъ умиротворяюще. Восточная поэзія, за исключеніемъ одной священной, не очень нравилась мнѣ. Но вашъ персидскій въ русской одеждѣ, вашъ Фирдусси открылъ взору моему міръ совершенно новый, богатый не одними вымыслами фантазій, но и сокровищами глубокаго чувства <sup>5)</sup>. Приписываю кое-что и своей

<sup>1)</sup> Сообщить переводъ 97-го и 98-го стиховъ XVI пѣсни Одиссея, которыхъ Жуковскій, по его словамъ, „не понималъ ни въ подстрочномъ переводѣ, ни въ переводѣ Фосса, ни въ другихъ переводахъ“ (см. „Русскую Старину“ 1902 г., май, стр. 395).

<sup>2)</sup> Евстаѳіа, архіепископа солунскаго (XII вѣка), комментарий на всего Гомера, выдержавшій съ XVI вѣка нѣсколько изданій; въ томъ числѣ одно изданіе вышло въ Лейпцигѣ въ 1825—30 гг.

<sup>3)</sup> Рядъ статей С. П. Шевырева о переведенной Жуковскимъ первой части Одиссея напечатанъ въ „Москвитинѣ“ 1849 года, Критика и бібліографія, № 1, стр. 41—48; № 2, стр. 49—53; № 3, стр. 91—117.

<sup>4)</sup> Этому старшему внуку А. С. Стурдзы разрѣшено было именоваться княземъ Гагаринымъ-Стурдзою.

<sup>5)</sup> До этихъ словъ письмо писано не рукою Стурдзы.

рукою, чтобы вы не сочли меня духомъ безплотнымъ или шепчущимъ издали призракомъ. Берегу свѣтъ очей моихъ, годъ отъ году болѣе мерцающій: а все-таки на Господа надѣюсь, что останется еще этого свѣта на свиданіе съ вами въ дольнемъ мірѣ! Желаю вамъ и на чужбинѣ провести свѣтлые дни сіи съ внутреннимъ воззрѣніемъ на Спасителя нашего, если не удастся вамъ побывать въ штутгардскомъ храмѣ, у плащаницы Его! Обнимаю васъ братски. Вамъ преданный А. Стурдза.

Р. S. Ищу случаявъ, и авось найду, чтобы доставить къ вамъ печатаемый въ южной Франціи переводъ мой Филарета Московскаго <sup>1)</sup>, да: *Le double parallèle* <sup>2)</sup> и т. д.

Къ письму приложенъ отданный Стурдзою переводъ стиховъ 91—104 XVI пѣсни *Одиссея*:

#### Одиссеи пѣснь XVI-я.

Одиссей, въ видѣ скитальца, выслушавъ опасеніе Телемаха, избѣгающаго даже встрѣчи съ женихами матери своей Пенелопы, негодуетъ на него за робость, какъ видно по связи цѣлаго разсказа, и съ нѣкоторымъ извиненіемъ возражаетъ ему, не безъ упрёка, въ слѣдующихъ стихахъ:

ст. 91—104. «О милый мой (если только дозволено мнѣ отвѣтствовать), внимая тебѣ, терзаюсь во мнѣ сердце, слушая тѣ, что вы говорите о томъ, какъ буйно ведутъ себя женихи въ палатахъ наперекоръ тебѣ и твоему сану. Скажи же мнѣ, не самъ ли ты поддаешься имъ? Или чернь, враждуя на тебя въ собраніяхъ народныхъ, увлекается вѣщаніемъ божества? Или ты винишь въ томъ братьевъ своихъ, на которыхъ всякъ полагается, какъ на поборниковъ себѣ, когда возгорится великая народная распря? Пусть бы я былъ, какъ ты, молодцомъ и въ порывѣ твоего гнѣва, или сыномъ знаменитаго Одиссея, или наконецъ имъ самимъ послѣ долгаго странствія (въ чемъ судьбина надежду подаетъ), да нашла бы на мою голову бѣда отъ иноземца,—о сколько бы я надѣлалъ зла этимъ обидчикамъ, зашедши въ чертогъ Одиссея, сына Лаертова!».

Очевидно, что неузнанный Одиссей съ умысломъ ядѣсь упоминаетъ о братьяхъ Телемаха, чтобы вѣрнѣе скрыть отъ него—кто онъ таковъ <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Этотъ переводъ словъ митрополита Филарета (*Oraisons funèbres* и т. д.) вышелъ въ свѣтъ въ 1849 году.

<sup>2)</sup> О брошюрѣ Стурдзы *Le double parallèle* см. ниже, въ письмахъ отъ 2-го декабря 1849 года.

<sup>3)</sup> Письмо имѣетъ слѣдующій адресъ: A son excellence monsieur B. Joucowsky, conseiller privé de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, chevalier de plusieurs ordres etc. Allemagne, à Baden-Baden, maison Kleinmann. Почтовые штемпели: 1) Одесса 28-го марта 1849; 2) Baden, 21 Apr. 49.

## 8.

2-го (14-го) декабря 1849 г. Одесса.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ <sup>1)</sup>.

При письмѣ молчальника Сѣверина обрадовала меня нечаянная находка—дружеское и вмѣстѣ важное письмо ваше отъ 3-го (15-го) ноября <sup>2)</sup>, изъ-подъ каштановыхъ аллей и дубравъ Бадена. Оно не только утѣшило меня, но и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило призадуматься; ибо вы задаете мнѣ трудъ, давно уже мною совершенный, но весьма недавно напечатанный въ Аѳинахъ. Имя ему: *Le double parallèle, ou l'église en présence de la parauté et de la réforme du XVI siècle* <sup>3)</sup>. Не будь этого труда, и я тотчасъ принялся бы за дѣло изъ послушанія и любви къ вамъ. Но требуемое вами изложеніе уже написано,—вы увидите, по какому случаю, извѣстно уже въ Россіи и на Востока, хотя доселѣ на Западѣ о немъ помину нѣтъ. Итакъ я отправляю къ вамъ одинъ или два экземпляра черезъ Петербургъ и Франкфуртъ, пока найду здѣсь надежнаго попутчика для пересылки вамъ моихъ задушевныхъ убѣждений. Мнѣ удалось втѣснить ихъ въ 72 страницы; согласитесь, что это нисколько не огромно въ сравненіи съ обширностію предмета, мною разбираемаго. Изъ этого числа страницъ не болѣе 40 заключаютъ отвѣтъ на вопросы испытующей души христіанской. Благослови Господи скудный трудъ сей, который повидимому оставался донныѣ подъ спудомъ безгласности и безплодія! Ужъ подлинно единъ возвращающій Богъ; а наше дѣло—сѣять и поливать, и докапываться до сокровища, не унывая. Вы какъ-то предположили во мнѣ, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, нескромное любопытство. Нѣтъ, для кого бы то ни было, чѣмъ бы ни увѣнчалось желаніе вашего добраго сердца, я радъ услужить вамъ, чѣмъ только могу, передавая вамъ голосъ истины въ замѣнъ тѣхъ плѣнительныхъ звуковъ изящнаго, которыми вы такъ щедро и радушно надѣляете насъ, современниковъ, и потомство. Изящное и истина суть родные, стремящіеся къ воссоединенію. Отнимите средостѣніе зла,—и они опять составятъ одно цѣлое. Вы упоминаете о другихъ книгахъ о томъ же предметѣ; превосходиѣе, полнѣе и лучше всѣхъ: Камень вѣры Стефана Яворскаго. Укажу вамъ также на новое сочиненіе: *Études philosophiques sur le christia-*

<sup>1)</sup> Только обращеніе письма писано рукою самого Стурдзы; затѣмъ же текстъ письма писанъ не его рукою.

<sup>2)</sup> Напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., май, стр. 396—397.

<sup>3)</sup> Издано въ Аѳинахъ въ 1847 году.

nisme, par Auguste Nicolas <sup>1)</sup>, 4 тома. Совѣтую вамъ въ добавокъ выписать изъ Парижа или изъ Петербурга мой французскій переводъ словъ преосвященнаго Филарета <sup>2)</sup>, какъ начатокъ высшренняго ученія нашей Церкви. Если не ошибаюсь, вы уже имѣете мой переводъ 1-ой седмицы Иннокентія <sup>3)</sup> и мои *Études religieuses* <sup>4)</sup>. Не говорю здѣсь о многихъ современныхъ произведеніяхъ русской почвы, коими въ отсутствіе ваше обогатилась наша духовная литература. Кстати о вашемъ отсутствіи; долго ли намъ еще ожидать вашего возвращенія на родину? Вы сами признаетесь, что въ омутѣ мудроно прожить вѣкъ свой; конечно, Господня земля и исполненіе ея, но въ порядкѣ творенія каждому существу назначено свое мѣсто, каждому свѣтилу указана точка восхожденія и заката. Вы расшевелили меня вашимъ письмомъ, и полузрячій другъ вашъ разговорился. Ждите отъ меня писемъ различными путями, а до тѣхъ поръ примите съ любовью то, чѣмъ я богатъ и радъ на первый случай.

Одинъ за другимъ получилъ я оба тома вашей Одиссеи; за первый я уже благодарилъ васъ отъ души, отвѣчая вамъ на спросъ объ одномъ стихѣ, еще въ то время, когда вы трудились надъ XIX пѣснію. Во 2-й томъ я заглядываю урывками, потому что не могу долго читать безъ посторонней помощи. Настаетъ для меня пора учиться разучиваться отъ всего земнаго. Однако помню Одиссею и люблю еще столько, что могу искренно сказать вамъ: вы угадали и превосходно усвоили намъ красоты ея и удачно боролись съ несовершенствомъ русскаго экзаметра, который по свойству языка никогда не поравняется съ греческимъ и латинскимъ. Отозваться о вашемъ трудѣ во всеуслышаніе я потому не рѣшился, что многіе сказали многое объ немъ. Справедливыхъ цѣнителей мнѣ на старости лѣтъ не перешеголять, а порицателей не переспорить.—Опять <sup>5)</sup> обращаюсь къ главному предмету нашей бесѣды. Въ Лейпцигѣ вы найдете нѣмецкій переводъ Писемъ о богослуженіи Восточной Церкви <sup>6)</sup>, прекраснаго сочиненія А. Н. Муравьева, verdeutschte E. Муральдомъ <sup>7)</sup>. А изъ Петербурга совѣтую выписать

<sup>1)</sup> Служилъ во Франціи по судебному вѣдомству. Это сочиненіе выдержало нѣсколько изданій.

<sup>2)</sup> См. выше, стр. 408, прим. 1-е.

<sup>3)</sup> Première semaine de la quadragésime. Этотъ переводъ изданъ въ Парижѣ въ 1846 г., а затѣмъ въ Петербургѣ въ 1848 году.

<sup>4)</sup> Въ русскомъ переводѣ: „Христіанскія бесѣды историческія и нравственныя“ (Одесса. 1843).

<sup>5)</sup> Съ этихъ поръ и до конца письмо писано рукою А. С. Стурдзы.

<sup>6)</sup> Briefe über Gottesdienst der morgenländischen Kirche (Leipzig. 1838).

<sup>7)</sup> Т. е. переведенныя на нѣмецкій языкъ Эдуардомъ Муральтомъ (въ теченіе многихъ лѣтъ былъ бібліотекаремъ Императорской Публичной Библиотеки).

нѣмецкій же переводъ Пространнаго катехизиса Филаретова <sup>1)</sup>, который переведенъ мною по-гречески <sup>2)</sup>, извѣстенъ уже всѣмъ единовѣрцамъ нашимъ на Востокѣ. По совершенству и полнотѣ свѣтлаго изложенія истинъ спасительныхъ не было и нѣтъ равнаго ему подѣ солнцемъ. Православныя литургіи св. Іоанна Златоуста, св. Василия Великаго и св. Григорія Двоеслова, всѣ три переведены по-нѣмецки и напечатаны нашими русскими священниками. Великопостный канонъ св. Андрея Критскаго въ французскомъ переводѣ только что отпечатанъ въ Вѣнѣ, трудами іерея при посольствѣ о. Михаила Раевского <sup>3)</sup> по желанію великой княгини Елены Павловны.

Отъ меня же, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, примите еще въ этомъ пакетѣ, кромя: *Le double parallèle*, мой переводъ литургіи Златоустаго и одинъ оттискъ достопамятнаго, мало кому извѣстнаго доселѣ отвѣта нашихъ патріарховъ на воззваніе Пія IX къ восточнымъ христіанамъ. Изъ него вы усмотрите, каково и подѣ ярмомъ злочестивыхъ мнимое невѣжество св. матери нашей, Церкви Православной!.. Вяземскій <sup>4)</sup> въ Византіи съ сыномъ <sup>5)</sup> и невѣсткою—но тоскуетъ по родинѣ. Муравьевъ <sup>6)</sup> снова путешествуетъ по Востоку и пишетъ дѣльное, согрѣвающее души. Читали-ль вы его: Грузію и Арменію <sup>7)</sup>—трудъ изящный и основательный?.. Не стану исчислять здѣсь произведенія не менѣ важныя, новѣйшія, духовныхъ лицъ. Приѣдете во-свои—такъ зачитаетесь. Не забудьте межъ тѣмъ достать моего перевода 31 слова святителя московскаго, подѣ заглавіемъ: *Oraisons funèbres, homélies et discours de monseigneur Philarète, métropolitain de Moscou, traduits par A. de St(our)dz(a). Paris et Genève, 1 vol. in 8, chez Cherbuliez et Tronchet, libraires, или же St.-P(etersbourg) chez Bellizard, Hauer, Issacof etc.*

Обнимаю васъ заочно братскимъ цѣлованіемъ. Благодать Христова да осѣняетъ прісно васъ и вашихъ кровныхъ! А. Стурдза.

<sup>1)</sup> Ausführlicher christlicher Katechismus der orthodox-katholischen griechischen Kirche; былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1840 году.

<sup>2)</sup> Напечатанъ въ Москвѣ въ 1839 году.

<sup>3)</sup> Впослѣдствіи протоіерея Михаила Ѳедоровича Раевского (р. 1811 † 1884), въ теченіе 42 лѣтъ бывшаго настоятелемъ посольской церкви въ Вѣнѣ. Переводъ канона св. Андрея Критскаго былъ изданъ въ 1849 году.

<sup>4)</sup> Князь Петръ Андреевичъ.

<sup>5)</sup> Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій въ то время занималъ должность младшаго секретаря посольства въ Константинополѣ.

<sup>6)</sup> Андрей Николаевичъ.

<sup>7)</sup> Вышло въ свѣтъ въ 1848 году.

## 9.

2-го декабря 1849 г. Одесса.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ, не медля нисколько, я приступаю къ исполненію желанія, изъявленнаго вами въ письмѣ отъ 3-го (15-го) ноября. Пишу къ вамъ подробнѣе, отчетливѣе черезъ Петербургъ, и посланіе мое въ отвѣтъ на призывъ дружбы вашей окутано печатными приложениями. Надѣюсь, что пакетъ мой до васъ дойдетъ посредствомъ посольства нашего во Франкфуртъ на Майнѣ. А разгадка моихъ распоряженій въ угодность вамъ слѣдующая: по случаю посланія Пія IX къ восточнымъ христіанамъ и отвѣта нашихъ патріарховъ, рѣшился я издать въ Аѳинахъ небольшое обзорѣніе подъ назв(аніемъ): «*Le double parallèle, ou l'église en présence de la papauté et de la réforme du XVI siècle*». Во второмъ сравненіи все заключено, что вы только желать можете—все стройно изложено, высказано въ какихъ-нибудь 70 страницахъ съ указаніемъ при томъ на источники. Заказъ съ выше опередилъ страннымъ образомъ урокъ, заданный вами мнѣ; такъ что я, не лѣнясь, могу представить вамъ трудъ готовый и, смѣю сказать, зрѣлый!

По сему признаку дивной въ путяхъ Своихъ благодати Христовой смѣю сказать вамъ съ твердымъ упованіемъ слова пророка-царя: Да дастъ ти Господь по сердцу твоему и весь свѣтъ твой исполнитъ. О прочемъ не говорю здѣсь. Ссылаюсь на длинное письмо мое и посылку, путемъ нашей столицы отправляемая. Но если встрѣтится иной попутчикъ отсюда, то непременно перешлю вамъ свой Параллель прямѣе. Въ Петерб(ургѣ) книжка моя продается у Беллизара. *C'est la vérité réduite à sa plus simple expression; et il a fallu que j'eusse 58 ans pour l'emboîter dans ce peu de pages* <sup>1)</sup>.

Простите, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ—до радостнаго свиданія въ отчизнѣ земной и—небесной! Любите попрежнему любящаго васъ и преданнаго вамъ сердцемъ А. Стурдза.

За Одиссею спасибо; объ ней пишу подробнѣе въ особой грамотѣ.

## 10.

13-го (25-го) февраля 1850 г. Одесса.

Получивъ дорогое письмо ваше отъ 3-го (15-го) ноября прошлаго года, любезный и многоуважаемый Василій Андреевичъ, я, нисколько не

<sup>1)</sup> Это истина, выраженная наиболѣе простымъ образомъ, и, только проживъ 58 лѣтъ на свѣтѣ, я могъ изложить ее на столь маломъ числѣ страницъ.

медя, исполнилъ ваше желаніе и 2-го декабря отозвался вамъ чрезъ посредство Сѣверина, а, спустя два дня, отправилъ въ Петербургъ съ моимъ зятемъ <sup>1)</sup> тотъ самый трудъ, вами заданный, но мною прежде написанный, какъ бы по предчувствію. Это—брошюра на французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Le double parallèle» и пр.—именно то, что вамъ надобно. Изъ столицы пакетъ мой отправленъ былъ во Франкфуртъ, съ обычнымъ курьеромъ, для пересылки оттуда къ вамъ. Если мой конвертъ не залежался въ Берлинѣ или во Франкфуртѣ, по небрежности канцеляріи,—то надѣюсь, что усердное мое приношеніе давно уже въ вашихъ рукахъ. Между тѣмъ признаюсь, что въ настоящемъ случаѣ безконечное «авось» для меня тягостно. Пишу къ Сѣверину и къ Теофилу Гагарину <sup>2)</sup> во Франкфуртъ съ тѣмъ, чтобы вывѣдать наконецъ участь моей посылки; да и васъ убѣдительно прошу: получили-ль вы ее или нѣтъ,—все-таки увѣдомьте. Хвалится нашъ гордый вѣкъ быстрымъ улучшеніемъ всѣхъ удобностей жизни. Но, видно, подъ словомъ «жизнь» нынче разумѣютъ промышленность и роскошь. Вѣтъ сего волшебнаго круга всякое сообщеніе мыслей такъ же трудно, какъ бывало въ старину. Почта не берется пересылать пакеты и книги по прямой дорогѣ безъ хлопотъ и мимо заставъ и мытарствъ, которыми затрудняется обмѣнъ душевныхъ и умственныхъ убѣжденій. Какъ бы то ни было, разрѣшите. прошу васъ, немногими строками мое недоумѣніе. Ради и впредь стараться, только бы вы не винили меня по невѣдѣнію въ оплошности, тогда какъ я напротивъ скорѣ и ретивѣ въ исполненіи завѣтовъ довѣрія и дружбы, для меня драгоценныхъ. Воззваніе мое начертано моимъ сердцемъ и умомъ, хотя и не моею рукою. Я берегу тусклый свѣтъ очей своихъ и доживаю вѣкъ свой въ полувидѣніи всего вѣшняго—и такимъ образомъ расстаюсь съ вещественнымъ міромъ постепенно. Опять милость Божія! Выписали-ль вы мой французскій переводъ словъ Филарета Московскаго изъ Женевы, или изъ Парижа? Простите—братски обнимаю васъ. Преданный вамъ отъ души А. Стурдза.

## 11.

3-го (15-го) апрѣля 1850 г. Одесса.

Мудрено отвѣчать, какъ хотѣлось бы сердцу благодарному и умиленному, на безцѣнное, задушевное письмо ваше ко мнѣ <sup>3)</sup>, почтеннѣйшій

<sup>1)</sup> Княземъ Евгеніемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ.

<sup>2)</sup> Къ князю Теофилу Григорьевичу Гагарину (р. 1820 † 1853), младшему секретарю посольства во Франкфуртъ.

<sup>3)</sup> Это письмо, отъ марта 1850 года, напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1902 г., июнь, стр. 579—584.

и любезнѣйшій Василій Андреевичъ. Чего нѣтъ—въ этой полуисповѣди, какъ вы ее называете? А я—и ветхъ, и усталъ, и полузрѣть, и озаченъ близкимъ переѣздомъ отсюда на праздники въ Манзырь <sup>1)</sup>, за Днѣстръ, въ этотъ оазисъ, созданный посреди татарскихъ степей, христіанскими трудами сестры моей <sup>2)</sup>, туда, гдѣ все доселѣ дышетъ и отзывается ея благотворнымъ присутствіемъ. Не отпразднуете ли и вы Пасху въ Стутгардѣ, вмѣстѣ съ Горчаковымъ <sup>3)</sup>?

Я радъ, что всѣ мои посылочки до васъ дошли и вамъ понравились. Господь да благословить всякое слово истины и жизни, хотя бы исходило изъ устъ, подобно моимъ, недостойныхъ. Лучъ небесный не оскверняется прикосновеніемъ къ земному илу. Вы изъявляете желаніе приблизиться къ намъ грѣшнымъ. И какъ бы это было для насъ хорошо, отрадно. А. Н. Муравьевъ, на обратномъ пути изъ Востока, пробылъ здѣсь десять дней—и какъ утѣшительна была для меня его искренняя и поучительная бесѣда. Что, если бы и вы были вмѣстѣ съ нами? Какой цѣлебный обмѣнъ мыслей и чувствъ наполнилъ бы этотъ десятодневъ, въ нынѣшнее время такъ рѣдкій. Муравьевъ созрѣлъ для св. Церкви и св. Руси: его постоянство въ подвигахъ истинно примѣрно. Однако боюсь, что ему дадутъ перезрѣть и что послѣ него отпечаткомъ свѣтлаго ума и души благочестивой останутся только его дорогія сочиненія. Опять повторяю: мнѣ теперь недосугъ отвѣчать вполнѣ, досыта, на содержаніе вашего письма. Откладывать однакоже не хочу. Прилагаю здѣсь списокъ книгъ о нашей Церкви, разумеется не полный, чтобы не преступить вашей заповѣди. Примолвлю еще, что вамъ надобно приобрести для себя и дѣтей: Творенія св. отцовъ въ рускомъ переводѣ, издаваемыя уже семь лѣтъ сряду въ Москвѣ, подъ надзоромъ митрополита Филарета. И текстъ отцевъ, и прибавленія превосходны. За семь лѣтъ вы заплатите 35 руб. серебромъ, а на восьмой 1850 подпишитесь. Грѣшно православному семьянину не имѣть этого духовнаго сокровища, годъ отъ году возрастающаго. Въ немъ теперь помѣщается св. Ефремъ Сиринъ, котораго вы очень полюбите. Въ прибавленіяхъ найдете извѣстія о проповѣди Евангелія въ русской Америкѣ—столь плодоносной. Совѣтую вамъ также выписать послѣднее въ 3-хъ томахъ изданіе словъ Филарета Московскаго: это рудникъ чистаго и глубокаго богомыслия, коему подобнаго нѣтъ ни на какомъ языкѣ. Сдѣлайте мнѣ и себѣ милость: выпишете еще двѣ книжечки: Іисусъ Христосъ на Голгоѣ, или Семь словъ Спасителя на крестѣ <sup>4)</sup>—и вы усладитесь въ глубинѣ

<sup>1)</sup> Майоратное имѣніе князей Гагариныхъ-Стурдзъ.

<sup>2)</sup> Графиня Р. С. Эдингъ († 1844).

<sup>3)</sup> Княземъ А. М. Горчаковымъ, впоследствии канцлеромъ, а въ то время нашимъ посланникомъ въ Штутгартъ.

<sup>4)</sup> Вышла въ Казани въ 1849 г. и затѣмъ имѣла нѣсколько изданій.



души. Позвольте еще назвать вамъ брошюру епископа Анатолія: *Иисусъ Христосъ, оправданіе наше* <sup>1)</sup>—и двѣ жизни: Тихона Воронежскаго <sup>2)</sup> и св. Димитрія Ростовскаго <sup>3)</sup>, послѣднее сочиненіе Горскаго, Много въ нихъ здоровой пищи для сердца. Въ Петербургѣ у Гауера и Крашенинникова продается *Wegweiser zum Himmelreich*, переводъ сказаній Иннокентія, апостола алеутовъ <sup>4)</sup>. Но письмо мое сдѣлалось каталогомъ. Мои Письма о должностяхъ св(ященнаго) сана и Ручную книгу правосл(авнаго) христ(ианина) вы, кажется, имѣете.

Невѣдомый археологъ, пославшій вамъ свой трудъ о Воспорѣ Киммерійскомъ—по почтѣ, точно, здѣсь; имя ему: Антонъ Балтазаровичъ Ашикъ, блюститель Керченскаго музея, человекъ почтенный <sup>5)</sup>. Я объяснилъ ему причину вашего невольнаго молчанія. Отзовитесь ему въ утѣшеніе <sup>6)</sup>. Простите, почтеннѣйшій другъ и братъ во Христѣ. Обнимаю васъ заочно, благодарю снова за письмо ваше и привѣтствую васъ радостію великаго дня Воскресенія Господня. А. Стурдза.

Помните ваши обѣщанія. Какъ бы хотѣлось заглянуть въ вашъ переводъ св. Евангелія <sup>7)</sup>.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

<sup>1)</sup> Брошюра епископа могилевскаго Анатолія († 1872) „Господь и Богъ нашъ Иисусъ Христосъ наше оправданіе, или покаянное воспоминаніе уничиженія и крестныхъ страданій Спасителя“ вышла въ свѣтъ въ Кіевѣ въ 1848 году.

<sup>2)</sup> Тихонъ I, епископъ воронежскій (Москва. 1844).

<sup>3)</sup> Этотъ трудъ, отчасти принадлежащій извѣстному ученому, ректору Московской духовной академіи, протоіерею А. В. Горскому († 1873), изданъ въ Москвѣ въ 1849 году, подъ заглавіемъ „Святый Димитрій, митрополитъ ростовскій“

<sup>4)</sup> Этотъ переводъ „Указанія пути въ царствіе небесное“ протоіерея Іоанна Веніамина (преосвященнаго Иннокентія Камчатскаго) изданъ въ Одессѣ въ 1848 году.

<sup>5)</sup> А. Б. Ашикъ († 1854), съ 1832 по 1852 г. бывшій директоромъ Керченскаго музея. Его трудъ „Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками“, изданный въ Одессѣ въ 1848—49 г.г., былъ давно посланъ Жуковскому, отъ котораго авторъ не имѣлъ никакого увѣдомленія о полученіи книги.

<sup>6)</sup> Написанное, вслѣдствіе этого, благодарственное письмо Жуковскаго къ А. В. Ашику, отъ 3-го (15-го) октября 1850 г., изъ Баденъ-Бадена, напечатано въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“, томъ VIII, Спб. 1873, столбцы 567—568. Два письма Стурдзы къ Ашику, по поводу посланки Жуковскому помянутаго труда Ашика, см. тамъ же, столбцы 564—565.

<sup>7)</sup> Этотъ переводъ Жуковскаго изданъ въ Берлинѣ въ 1895 году.

## Плоцкая Русская публичная библиотека.

Плоцк—сѣверозападная окраина Привислинскаго края—еще послѣ 60 годовъ истекшаго столѣтія насчитывалъ въ себѣ очень ограниченное количество русскаго населенія, состоявшаго исключительно изъ семей чиновниковъ, привлекаемыхъ сюда лишь нѣкоторыми преимуществами службы. Но съ 70 годовъ, когда приливъ русскихъ въ эту далекую окраину Русскаго государства значительно увеличился, среди нихъ начала ощущаться необходимость удовлетворить нѣкоторыя религіозныя, нравственныя и умственныя потребности.

Первымъ и самымъ дорогимъ дѣломъ для русскаго здѣшняго человѣка была забота устройства Православнаго храма, гдѣ бы затерянные среди чуждой религіи и языка русскіе въ молитвѣ ко Всевышнему исполняли религіозный завѣтъ своихъ отцовъ и укрѣпляли бы дѣтей своихъ въ правилахъ Православной вѣры.

Послѣ сооруженія храма въ Плоцкѣ въ 70 годахъ возникаетъ мысль объ устройствѣ Русской публичной библиотеки.

Первая попытка къ осуществленію этой мысли предпринята была бывшимъ совѣтникомъ Плоцкаго Губернскаго Правленія Н. Н. Клириковымъ, но вслѣдствіе отсутствія денегъ дѣло это подвигалось туго, и лишь съ 1881 г. библиотека была открыта. Благодаря теплomu содѣйствію бывшаго тогда плоцкимъ губернаторомъ Толстого, для библиотеки было отведено въ стѣнахъ Губернскаго Правленія бесплатное помѣщеніе съ отопленіемъ, пожертвованы книги, а также начали поступать русскія періодическія изданія и газеты въ обмѣнъ на „Плоцкія Губернскія Вѣдомости“. Въ 80 годахъ библиотека значительно пополнилась книгами, пожертвованными разными лицами, въ числѣ коихъ были варшавскіе генералъ-губернаторы П. П. Альбединскій и фельд-маршалъ Гурко. Кромѣ того, съ 1884 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ исхodateйствована ежегодная правительственная субсидія библиотекъ въ размѣрѣ 300 руб. При основаніи библиотеки капиталъ ея равнялся лишь 620 руб. 53 коп., между тѣмъ какъ къ 1-му января 1903 года въ библиотекѣ числилось книгъ и періодическихъ изданій 2.102 въ 4.722 томахъ на сумму 6.612 руб. 1 коп. Членовъ состояло 47; мѣсячныхъ подписчиковъ 24. Въ настоящее время эта библиотека—самая обширная и самая лучшая въ гор. Плоцкѣ.

Огромно культурное значеніе этого скромнаго учрежденія! Почти нѣтъ ни одного изъ членовъ русскаго мѣстнаго общества, который бы не пользовался этой библиотекой. Почти каждый вечеръ здѣсь можно въ читальнѣ встрѣтить и русскаго священника, и чиновника, и отставнаго военнаго, и русскаго купца.

Помимо этой библиотеки въ городѣ почти невозможно достать русскую газету или журналъ, за исключеніемъ ограниченного количества №№ Варшавскаго Дневника, имѣющаго значеніе официального русскаго печатнаго органа въ Привислины. Но при постоянно увеличивающемся приливѣ въ этотъ край русскихъ людей, при возрастающей все болѣе и болѣе въ польской интеллигенціи потребности въ русской книгѣ благодаря возникновенію общихъ государственныхъ, экономическихъ и научныхъ интересовъ, Русская публичная библиотека требуетъ пополненія путемъ выписки большаго количества книгъ и журналовъ, которое при ограниченныхъ средствахъ библиотеки не можетъ быть осуществлено.

Остается рассчитывать на помощь извнѣ, изъ далекой родины, отъ отцовъ, братьевъ, дѣдовъ, родичи коихъ—скромные, незамѣтные труженики въ тиши дѣлаютъ свое маленькое дѣло, способствуя проведенію въ жизнь на этой далекой окраинѣ общегосударственныхъ задачъ и интересовъ. Поэтому всякое пожертвованіе на библиотеку деньгами или книгами, какъ насущная необходимость для русскаго здѣшняго населенія, было бы принято здѣсь съ признательностью.

П.

(Чиновникъ особыхъ порученій при плоцкомъ губернаторѣ Полетика).





## КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЪ

### и ея переписка съ разными лицами.

#### II <sup>1)</sup>.

Участіе Кн. Ливенъ въ политическихъ вопросахъ.—Ея сочувствіе къ грекамъ.—Письма къ брату А. Х. Бенкендорфу.—Положеніе Россіи и Англіи передъ турецкой войною 1828—1829 г.г.

**П**исьма княгини Ливенъ, относящіяся къ первымъ годамъ, прожитымъ ею въ Англіи, не представляютъ особеннаго интереса; молодая женщина ограничивается въ нихъ передачею разныхъ мелкихъ эпизодовъ своей свѣтской жизни, своихъ свѣтскихъ успѣховъ, даетъ только краткія характеристики лицъ, съ которыми она сталкивалась въ великосвѣтскихъ салонахъ Лондона, и только изрѣдка, вскользь касается политики и внутренней жизни Англіи, которыя мало интересовали ее въ то время, когда она была еще очень молода.

Но четырнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ Англіи въ близкомъ соприкосновеніи со всѣмъ, что было въ ней выдающагося, воспитали ея умъ и сужденіе, а съ 1818 г., подъ вліяніемъ ея знакомства и сближенія съ такимъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ, каковъ былъ Меттернихъ, она начала интересоваться политикой и съ годами все болѣе и болѣе увлекалась ею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обжившись въ Англіи, она привязалась къ этой странѣ и, по мѣрѣ сближенія съ ея государственными людьми, начала интересоваться ея внутренней жизнью, общественными дѣлами и даже

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ январь 1903 г.

принимать въ нихъ своими интригами до извѣстной степени активное участіе, поэтому ея переписка приобретаетъ съ годами значительный интересъ; въ ней постепенно обрисовываются совершенно опредѣленно характеръ и политическіе взгляды, этой умнѣйшей и тактичнѣйшей женщины дипломата, которымъ придавали значеніе такіе, напримеръ, выдающіеся люди Англіи, какъ лордъ Грей, бывшій въ теченіе десяти лѣтъ членомъ оппозиціи и четыре года главою кабинета, съ которымъ Ливенъ состояла, какъ мы уже знаемъ, съ 1823 г. въ постоянной перепискѣ. Обнародованная въ Лондонѣ въ 1880 г., эта переписка составила три объемистыхъ тома.

Въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія Европа была свидѣтельницею весьма важныхъ политическихъ событій; въ Греціи началась война за независимость, которая привела къ вмѣшательству державъ и къ русско-турецкой войнѣ; въ Португаліи происходила ожесточенная борьба за обладаніе престоломъ, которая также вызвала постороннее вмѣшательство; происходили волненія и въ другихъ странахъ.

Всѣхъ этихъ событій, которыя представляли не мало заботъ для дипломатіи, Ливенъ касалась въ своихъ письмахъ къ брату и къ лорду Грею, не ограничиваясь одною передачею фактовъ, но высказывая въ нихъ свои сужденія и внося въ свои отзывы ту страстность, которая была отличительною чертою ея характера; конечно, она могла ошибаться въ своихъ приговорахъ, но ея заключенія всегда интересны. Высказываемыя ею догадки и предположенія зачастую оправдывались событіями, и это служить доказательствомъ того, что она была хорошо освѣдомлена и вѣрно судила о настроеніи общества и правящихъ сферъ.

Достигнувъ того возраста, когда личные успѣхи и увлеченія отошли на второй планъ (въ 1826 году Ливенъ было уже 40 лѣтъ), она, какъ натура страстная и увлекающаяся, предалась всею душою политикѣ, которая отнынѣ сдѣлалась ея страстью до такой степени, что ея политическіе взгляды и симпатіи вліяли даже на ея личныя отношенія и отзывы. Величіе и блескъ Россіи и ея монарха, передъ возвышеннымъ характеромъ котораго она преклонялась, сдѣлались ея кумиромъ, и она не щадила въ своихъ оцѣнкахъ тѣхъ лицъ, которыхъ она ранѣе превозносила, если они, по ея мнѣнію, дѣйствовали во вредъ Россіи.

Такая судьба постигла ея отношеніе къ Меттерниху. Любопытно отмѣтить, что пока онъ былъ предметомъ всѣхъ ея думъ и мечтаній, пока она вела съ нимъ интимную и страстную переписку, она старательно избѣгала всякаго упоминанія о немъ въ своихъ письмахъ,

словно боясь выдать себя и показать, чѣмъ былъ для нея этотъ чело-  
вѣкъ.

Но когда годы и разлука ослабили ея чувства къ нему, когда послѣ Веронскаго конгресса между ними произошел окончательный разрывъ, и она убѣдилась, съ теченіемъ времени, что политика Меттерниха была направлена противъ Россіи, то она стала безпощадна въ своихъ отзы-  
вахъ о немъ и не жалѣла яда, чтобы изобразить его въ самыхъ черныхъ краскахъ, и онъ также не могъ безъ злости и горечи упоминать о ней.

Подобная же участь постигла, какъ увидимъ, и ея отношенія къ герцогу Веллингтону; такимъ образомъ въ болѣе зрѣлыхъ годахъ отно-  
шеніями Ливень къ людямъ и къ политическимъ дѣятелямъ, въ особен-  
ности, руководило отношеніе этихъ людей къ Россіи; эта особенность составляла характерную черту Ливень, которую необходимо отмѣ-  
тить.

Какъ припомнимъ, вскорѣ по воцареніи императора Николая Пав-  
ловича, супругъ княгини Ливень ѣздилъ въ Петербургъ, откуда онъ  
вернулся горячимъ поклонникомъ молодого императора.

Вскорѣ по возвращеніи князя, въ августѣ мѣсяцѣ 1826 г., Ливень  
перѣехали въ Брайтонъ, гдѣ находился въ то время англійскій ми-  
нистръ иностранныхъ дѣлъ, Каннингъ, съ которымъ нашъ посланникъ  
долженъ былъ обсудить подписанный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года  
въ Петербургѣ герцогомъ Веллингтономъ, съ одной стороны, Нессель-  
роде и княземъ Ливеномъ, съ другой, протоколъ, который Англія, со-  
вмѣстн съ Россіей, намѣрена была представить Портѣ по дѣламъ  
Греціи.

Для обсужденія этихъ дѣлъ и дальнѣйшаго образа дѣйствій дер-  
жавъ по отношенію къ Греціи и Турціи еще покойнымъ императоромъ  
Александромъ I была созвана въ Петербургѣ конференція, результа-  
томъ которой и былъ вышеупомянутый протоколъ.

Дѣлая предположенія относительно возможныхъ событій ближай-  
шаго будущаго, Ливень писала своему брату 6-го (18-го) января 1827 г.  
изъ Брайтона:

«Мы находимся тутъ потому, что министръ иностранныхъ дѣлъ  
здѣсь.

«Такъ какъ Брайтонъ не нравится нашимъ коллегамъ въ такой  
степени, какъ намъ, и они не предвидѣли, что Каннингъ будетъ тутъ  
то они не имѣли уважительнаго предлога переселиться сюда; это дѣ-  
лаетъ наше пребываніе здѣсь еще болѣе пріятнымъ. Сюда вскорѣ ожи-  
даютъ короля. Такимъ образомъ мы пробудемъ здѣсь до начала засѣ-  
даній парламента.

«Испанія дѣлаетъ шаги, одинъ нелѣпѣе другаго; это придаетъ смѣ-  
лость португальскимъ инсургентамъ, такъ что войска королевска-  
го  
\*

вительницы скоро не будутъ въ состояніи дать имъ отпоръ. Тогда Англія сочтетъ своевременнымъ вмѣшаться въ дѣла Португаліи и, слѣдовательно, должна будетъ воевать съ Испаніей, которая занята въ настоящее время французскими войсками. Такимъ образомъ двѣ націи-соперницы очутятся лицомъ къ лицу, и хотя французскій кабинетъ будетъ держать себя, быть можетъ, вполне корректно, но кто предугадаетъ, къ чему можетъ привести это столкновение въ будущемъ? Со-знаюсь, что все это только одни мрачныя предположенія съ моей стороны; хотя я рѣдко вижу вещи въ черномъ цвѣтѣ, но въ настоящую минуту все кажется мнѣ подернутымъ черной завѣсой.

«Смерть герцога Йоркскаго (скончался 5-го января нов. ст. 1827 г.) составляетъ для Англіи событіе необычайной важности; ея армія лишилась лучшаго изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ главнокомандующихъ; король потерялъ въ немъ вѣроподданнаго и преданнаго друга и совѣтника, а главное, Великобританія лишилась въ немъ наслѣдника престола и человѣка всѣми уважаемаго».

«Г. Каннингъ опасно боленъ,—писала княгиня двѣ недѣли спустя (письмо изъ Брайтона 27-го января (8-го февраля) 1827 г.),—и весьма возможно, что онъ не останется живъ. Многіе радуются этому, но я не принадлежу къ числу этихъ лицъ. Это человѣкъ богато-одаренный и честный.

«Онъ вовсе не якобинецъ, это единственный членъ англійскаго кабинета, который относится къ Россіи хорошо, даже очень хорошо. Онъ противникъ австрійской политики и враждебенъ Турціи.

«Съ другой стороны, нельзя не пожалѣть о неосторожности его рѣчей. Человѣкъ, который увлекается тщеславіемъ и успѣхомъ до такой степени, что придаетъ своимъ словамъ значеніе, которое не согласуется съ его намѣреніями, не есть государственный человѣкъ. Я сожалею объ этомъ, но мы имѣемъ поводъ любить Каннинга, и поѣтому всѣ остальные соображенія не особенно вліяютъ на меня.

«Засѣданія парламента возобновились; не знаю, что будетъ, если возникнетъ какой-нибудь важный вопросъ, такъ какъ Каннингъ, если онъ даже поправится, долго еще не будетъ въ состояніи заниматься дѣлами.

«Я надѣюсь, что безъ него не будутъ затронуты ни вопросы иностранной политики, ни вопросы, касающіеся католической церкви.

«Въ дипломатіи наступило полное затишье; мой мужъ останется въ Брайтонѣ до выздоровленія Каннинга. Король также пробудетъ здѣсь еще нѣсколько недѣль.

«Прошу васъ передать графу Нессельроде, что мои чувства къ нему неизмѣнны, хотя я и не пишу ему; я чувствую, что мои письма на-скучили ему. Скажите ему, что на сѣ уважаютъ, на сѣ боятся и что

всѣ признають, что Европѣ приходится имѣть дѣло съ кабинетомъ, который умѣетъ поддержать свое достоинство и свои желанія. Такъ и надобно, чтобы смотрѣли на Россію. Меттернихъ и Каннингъ по-прежнему искренно ненавидятъ другъ друга <sup>1)</sup>; первый не можетъ переварить нашей дружбы съ Англіей; это не по вкусу и многимъ другимъ; что касается меня, то я вижу въ этомъ новое доказательство пользы нашего сближенія».

Англійскимъ кабинетомъ управлялъ въ то время малоспособный лордъ Ливерпуль.

Въ концѣ февраля 1827 г. въ Лондонѣ стало извѣстно, что онъ безнадежно боленъ и лежитъ, разбитый параличемъ. Возникалъ вопросъ, кто будетъ первымъ министромъ Англіи?

«Это вопросъ одинаково важный для внутренней и для внѣшней политики Англіи <sup>2)</sup>, обѣ партіи ведутъ дѣятельную борьбу, но, по всей вѣроятности, побѣда будетъ не на сторонѣ оппозиціи.

«Вчера Каннингъ возвратился въ Лондонъ, онъ поправляется, но еще слабъ. Мы остаемся здѣсь еще нѣсколько дней, но вернемся въ городъ къ рѣшительному моменту, который, какъ всѣ полагаютъ, наступитъ не позже будущей недѣли. Извѣстія, получаемыя изъ Португаліи, хороши въ томъ смыслѣ, что войска королевъ-регентши нанесли пораженіе инсургентамъ и оттѣснили ихъ за границу, но съ другой стороны дурно, что эти инсургенты, отъ которыхъ надѣялись окончательно отдѣлаться, оттѣснивъ ихъ въ Испанію, гдѣ ихъ предполагали обезоружить, появляются вновь свѣже-обмундированные и вооруженные. Это исторія Антея, который приобрѣталъ новыя силы всякій разъ, какъ онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ матерью-землею. Но эта игра не можетъ продолжаться безконечно; и терпѣнію, какъ и всему вообще, бываетъ конецъ».

«Здѣсь (въ Лондонѣ) всѣхъ интересуетъ <sup>3)</sup> теперь вопросъ о томъ, кто будетъ первымъ министромъ на мѣсто лорда Ливерпуля».

Въ числѣ кандидатовъ называли Пилля, Батюрста, Веллингтона и Каннинга. Пилля и Веллингтона не хотѣли виги, противъ Каннинга былъ король и торіи.

«Мое мнѣніе,—писала Ливенъ,—что его мѣсто займетъ Каннингъ, но, разумѣется, до послѣдней минуты нельзя ничего сказать навѣрное».

---

<sup>1)</sup> Каннингъ, считая главною задачею своей политики миръ и спокойное развитіе культурныхъ силъ Англіи, впервые поставилъ на твердую почву политику невмѣшательства, главнымъ актомъ которой былъ выходъ Англіи изъ Священнаго Союза, что и было причиною непримиримой вражды къ нему Меттерниха.

<sup>2)</sup> Письмо Ливенъ къ брату отъ 17-го февраля (1-го марта) 1827 г.

<sup>3)</sup> Письмо 4-го (16-го) марта 1827 года.

Она судила въ этомъ случаѣ, какъ показало время, правильнѣе нѣкоторыхъ государственныхъ людей Англіи; между прочимъ, Грей, слѣдившій съ интересомъ за борьбою партій, которая происходила въ Лондонѣ, изъ своего деревенскаго уединенія (онъ жилъ въ это время не у дѣла въ своемъ имѣніи Гоуикъ), обращаясь къ нашей посланницѣ съ просьбою сообщить ему о перипетіяхъ этой борьбы и о ея предположеніяхъ о томъ, кому будетъ поручено сформировать кабинетъ, писалъ:

«Какой будетъ результатъ ссоры нашихъ кошекъ и собакъ... Кто въ этомъ случаѣ будетъ премьеромъ? Я утверждаю: только не Каннингъ».

Исполняя просьбу лорда, Ливенъ отвѣчала ему 5-го (17-го) марта:

«Я сообщу вамъ, что говорятъ, затѣмъ скажу то, что знаю, и, наконецъ, то, что я думаю».

«Говорятъ, что крайніе торіи питаютъ большія надежды. Они желаютъ удалить Каннинга и самимъ управлять. Лордъ Лодердаля, какъ передаютъ, убѣждаетъ даже торіевъ въ томъ, что у нихъ есть всѣ способности для подобнаго дѣла, въ особенности, если только они изберутъ его (т. е. Лодердаля) своимъ главою».

«Я знаю, что король не сообщалъ еще своихъ желаній на этотъ счетъ никому изъ своихъ министровъ. Вопросъ будетъ обсуждаться въ теченіе праздниковъ Пасхи. Каннингъ относится къ этому спокойно и пассивно; герцогъ Веллингтонъ остается невозмутимымъ и совершенно безпристрастнымъ».

«Я думаю, что управленіе не можетъ идти далѣе впередъ безъ Каннинга, и что онъ останется или главою кабинета, или руководящимъ гениемъ правительства».

Ливенъ не только была всецѣло на сторонѣ Каннинга, но употребила свое вліяніе на короля, чтобы добиться его назначенія.

Различіе взглядовъ Грея и Ливенъ относительно Каннинга вытекало изъ противоположнаго пониманія и оцѣнки его внѣшней политики. Какъ извѣстно, главная заслуга и особенность его иностранной политики заключалась въ томъ, что онъ разорвалъ связи съ традиціями Священнаго Союза, и въ противоположность Кастльри и Веллингтону отрѣшился отъ рабскаго подчиненія Меттерниху и былъ въ своей политикѣ его противникомъ. Въ этомъ смыслѣ и надобно понимать слова княгини Ливенъ, когда она называетъ Каннинга «искреннимъ другомъ Россіи». Каннингъ оказывалъ нравственную и матеріальную помощь грекамъ и пріѣмствовалъ образованіе самостоятельныхъ государствъ въ Южной Америкѣ. Грей не вѣрилъ въ освободительныя начала политической системы Каннинга; для него Каннингъ являлся политическимъ авантюристомъ, узурпаторомъ, присвоившимъ себѣ защиту политической свободы — это наслѣдіе аристократическихъ фамилій Англіи.



Ливенъ же вѣрила въ искренность убѣжденій Каннинга и уважала его способности.

Предсказанія русской посланницы оправдались. 10-го апрѣля того же года король поручилъ Каннингу составить кабинетъ.

Въ своемъ преклоненіи передъ этимъ государственнымъ дѣятелемъ Ливенъ выражается снисходительно о королѣ, котораго она въ глубинѣ души презирала, но которому ставила въ заслугу то, что онъ далъ власть Каннингу.

«Король пользуется прекраснымъ здоровьемъ, онъ наслаждается своимъ красивымъ и оригинальнымъ павильономъ<sup>1)</sup>, хорошимъ столомъ, своей трескучей музыкой и своей толстой маркизой<sup>2)</sup>, которая уже немного прискучила ему. Мы обѣдали на-дняхъ у него съ министрами, которыхъ онъ не видалъ уже два мѣсяца, даже герцога Веллингтона».

«Когда король назначилъ Каннинга премьеромъ, то Каннингъ предложилъ своимъ бывшимъ сотоварищамъ остаться на ихъ постахъ; въ отвѣтъ на это они всѣ подали въ отставку. Парламентъ одобряетъ назначеніе Каннинга, но торіи-аристократы возмущены этимъ, и всѣ высшіе придворные и правительственные чины выходятъ въ отставку. Герцогъ Веллингтонъ подалъ къ тому примѣръ, отказавшись отъ званія главнокомандующаго.

«Кабинетъ не можетъ быть составленъ окончательно ранѣе, чѣмъ черезъ нѣсколько дней, но изъ кого бы Каннингъ его ни составилъ, онъ уже придалъ своему министерству болѣе умѣренный тонъ, который одобряется большинствомъ.

«Король весьма опечаленъ всѣмъ происходящимъ; твердость, выказанная имъ въ этомъ случаѣ, заслужила ему сочувствіе страны. Я не одобряю крайней нетерпимости, выказанной въ этомъ случаѣ фельд-маршаломъ, и считаю недостойнымъ съ его стороны еще болѣе увеличивать затруднительное положеніе короля и правительства».

Перемена министерства дала Ливенъ случай высказать довольно рѣзкое сужденіе о политическихъ дѣятеляхъ Англіи.

«Борьба партій здѣсь въ полномъ разгарѣ, — писала она<sup>3)</sup>; — положеніе Каннинга весьма затруднительно. Оппозиція многочисленна, въ ней много людей съ именемъ и богатыхъ, но, къ счастью, нѣтъ людей талантливыхъ; однимъ словомъ, все это люди довольно ограниченные. На его сторонѣ всѣ способные люди, которые держатъ себя доступно, умѣренно и честно. Здѣсь никогда еще не разыгрывалось

<sup>1)</sup> Домъ, построенный въ Брайтонѣ.

<sup>2)</sup> Фаворитка короля, маркиза де-Коннингамъ.

<sup>3)</sup> Письма къ А. Х. Бенкендорфу 7-го (19-го) апрѣля и 8-го (20-го) мая 1827 г.

такой комедіи, какъ въ настоящее время. Смѣшно сказать, что въ Англіи существуютъ политическіе дѣятели—это неправда. Здѣсь есть только люди, желающіе сохранить свои мѣста, и другіе люди, желающіе занять ихъ. Въ сущности здѣсь только и существуютъ эти двѣ партіи. Они приноравляютъ свои принципы къ обстоятельствамъ, и поэтому нѣтъ никакого повода бояться слова «радикалъ» точно такъ же, какъ нѣтъ причины гордиться названіемъ «крайняго торія». Физиономія человѣка опредѣляется занимаемымъ имъ мѣстомъ, а не сущностью дѣла; въ настоящую минуту мы склоняемся на сторону виговъ, а немного погодя мы и совсѣмъ будемъ вигами. Герцогъ Девонширскій принималъ большое участіе въ этихъ интригахъ и сплотилъ обѣ партіи. Лордъ Морпетъ (Morpeth), столь прославившійся въ Москвѣ своими танцами, будетъ, вѣроятно, играть видную роль. Лордъ Герфордъ ѣдетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ <sup>1)</sup>. Онъ задается тщеславнымъ желаніемъ окружить себя еще большимъ блескомъ, нежели герцогъ Девонширскій. Не знаю, какъ это ему удастся. Михаилъ Воронцовъ все еще здѣсь, точно такъ же, какъ Станиславъ Потоцкій. Послѣдній ѣстъ и танцуетъ, а первый дѣлаетъ визиты, толкуетъ объ англійской политикѣ и веселится».

Выходъ герцога Веллингтона изъ состава кабинета, когда главою его былъ назначенъ Каннингъ, вызвалъ, какъ мы видимъ, крайнее неодобреніе Ливенъ; съ этихъ поръ ея отзывы о немъ становятся все болѣе и болѣе враждебны, и нападки учащаются; со временемъ она будетъ произносить имя этого человѣка, котораго она называла нѣкогда «вполнѣ достойнымъ» и «благороднѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ», не иначе, какъ съ насмѣшкою и озлобленіемъ. Она не могла простить ему того, что онъ былъ противникомъ политики Каннинга, принималъ сторону Турціи противъ Россіи и былъ послѣдователемъ враждебной Россіи политики Меттерниха.

Отказавшись отъ званія главнокомандующаго, Веллингтонъ, который самъ былъ однимъ изъ кандидатовъ въ премьеры, повелъ энергичную борьбу съ Каннингомъ и довелъ свою безцеремонность въ этой борьбѣ до того, что онъ осуждалъ тѣ мѣры правительства, за которыя онъ подавалъ голосъ, когда былъ министромъ.

«Герцогъ Веллингтонъ продолжаетъ относиться въ намъ (т. е. къ Россіи) враждебно,—писала Ливенъ 23-го мая (5-го іюня) 1827 г.,—онъ

---

<sup>1)</sup> Маркизъ Герфордъ былъ назначенъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1827 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Петербургъ для поднесенія императору Николаю I ордена подвязки. Когда былъ поднятъ вопросъ о поднесеніи императору этого ордена, то Каннингъ писалъ лорду Ливерпулю, что лично онъ противъ этого, но что придется послѣдовать примѣру Франціи. (Каннингъ—Ливерпулю 25-го апрѣля 1826 г.)

этимъ очень повредилъ своей репутаціи. Его поведеніе дурно, коварно и принесетъ вредъ странѣ. Цѣль, которую онъ преслѣдуетъ открыто.—Это поставить въ затруднительное положеніе своего противника и свергнуть его. Но Каннингъ останется у власти. Король видимо рѣшилъ поддерживать его, и вотъ случай, когда король можетъ многое сдѣлать въ Англіи»

Въ то время, къ которому относятся приведенныя выше письма княгини Ливенъ, борьба за независимость, которую греки вели уже въ теченіе семи лѣтъ, съ перемѣнными съчастіемъ, имѣя на своей сторонѣ симпатіи Россіи и Западной Европы, вступила въ новый фазисъ.

Послѣ побѣдъ, одержанныхъ надъ турками предводителями греческихъ повстанцевъ, Колокотрони и Мавромихали, положеніе грековъ сдѣлалось опаснымъ, когда Ибрагимъ-паша, сынъ Ал и-паши египетскаго высадился въ Мореѣ (1825), завоевалъ ее и опустошилъ страшнымъ образомъ. А когда, наконецъ, въ августѣ 1826 г., Решидъ-паша взялъ штурмомъ Аѣины, то великія державы: Англія, Франція и Россія рѣшили вмѣшаться въ дѣла Греціи. Австрія держала сторону Турціи, и Меттернихъ, съ самаго Веронскаго конгресса (1822 г.), протестовалъ противъ «безумной» и революціонной политики державъ и, какъ обыкновенно полагаютъ, поощрялъ Порту не обращать вниманія на требованіе греками автономіи и противиться совмѣстному давленію Россіи и западныхъ державъ. При его поддержкѣ турки чувствовали себя достаточно сильными, чтобы не уступить.

Передъ вмѣшательствомъ державы сочли нужнымъ опредѣлить свои дальнѣйшія дѣйствія предварительно международнымъ актомъ, но интриги, конми сопровождалась перемѣна министерства въ Англіи, и послѣдовавшая за этимъ болѣзнь Каннинга задержали обсужденіе вопроса. Однако 24-го іюня (6-го іюля) 1827 г. въ Лондонѣ была, наконецъ, подписана конвенція, въ которой было рѣшено настаивать на немедленномъ заключеніи перемирія между Портою и греками; она была предъявлена Портѣ 4-го (16-го) августа, ровно не дѣлю спустя послѣ кончины Каннинга, который былъ душою этого соглашенія.

Уже въ концѣ іюля Каннингъ былъ при смерти. Его болѣзнь вызвала со стороны Ливенъ, которая такъ высоко цѣнила и уважала его слѣдующія глубоко прочувствованныя строки къ Грею <sup>1)</sup>.

«Въ то время, какъ я пишу, быть можетъ, Каннингъ покинулъ этотъ міръ. Я думала, хотя и не увѣрена, въ томъ, что вы, не смотря на различіе политическихъ взглядовъ, пожалѣете о жизни человѣка, столь даровитаго и преждевременно угасшаго. У него было доброе сердце. Его недруги воспоютъ побѣдный гимнъ. Было бы смѣшно, если бы и вы приняли участіе въ этомъ хорѣ».

<sup>1)</sup> Письмо отъ 26-го іюля (7-го августа) 1827 г.

На другой день послѣ того, какъ были начертаны эти строки, 27-го іюля (8-го августа), Каннинга не стало.

«Мы лишились Каннинга,—писала Ливень брату <sup>1)</sup>, сообщая о его кончинѣ,—я говорю «мы» потому, что его утрата въ самомъ дѣлѣ касается насъ лично, помимо тѣхъ крупныхъ интересовъ, которые будутъ затронуты этимъ событіемъ. Я говорю также «мы», какъ русская, такъ какъ онъ былъ искреннимъ другомъ и союзникомъ Россіи. Послѣ него... ну что же проживемъ, увидимъ! Всѣ искренно горюють о немъ, даже его враги превозносятъ его теперь, когда его не стало. Въ Англіи нѣтъ другаго столь геніальнаго человѣка. Торговый людъ въ отчаяніи, народъ въ слезахъ, всѣ тѣ, кои не раздѣляютъ взглядовъ Меттерниха, въ отчаяніи. Никто не знаетъ, что будетъ дальше, и всѣ высказываютъ самыя мрачныя предположенія. Весьма вѣроятно, что мы вернемся къ старому режиму, хотя это можетъ вызвать только разстройство.

«Передайте мой привѣтъ графу Нессельроде и скажите ему: «Nun wird die Wirthschaft wieder anfangen» (опять заварится каша)».

Смерть Каннинга,—либеральная или, какъ ее называли Меттернихъ и Веллингтонъ,—«безумная революціонная» политика котораго встрѣтила сочувствіе среди либераловъ Европы и Англіи,—вызвала въ нихъ самыя горестныя чувства.

Вскорѣ послѣ кончины Каннинга, въ половинѣ августа 1827 г., въ Лондонъ пріѣхалъ Каподистрія <sup>2)</sup>, избранный правителемъ Греціи. Онъ пріѣхалъ съ цѣлью заручиться поддержкой англійскаго кабинета на томъ трудномъ и отвѣтственномъ посту, на который его призывало рѣшеніе отечественнаго народнаго собранія.

Такое обращеніе къ Англіи со стороны Каподистріи было шагомъ вполне естественнымъ. Не сочувствуя демагогическимъ стремленіямъ своихъ патріотовъ, Каподистрія желалъ найти легальную точку опоры для установленія будущихъ отношеній Греціи къ Турціи въ томъ международномъ актѣ, который былъ подписанъ Россіей, Англіей и Франціей въ Лондонѣ 24-го іюня (6-го іюля) 1827 г. Онъ однако ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ Англіи, гдѣ онъ уже не засталъ въ живыхъ Каннинга, Каподистрію встрѣтили холодно, ему дали понять, что здѣсь не желали поддерживать русское вліяніе въ Греціи и что даже отчасти эта дѣль и имѣлась въ виду при заключеніи указаннаго договора, имѣвшаго задачею предупредить войну между Россіей и Турціей. Въ Англіи не вѣрили въ искренность намѣреній Каподистріи. Напрасно Ливень старалась убѣдить Грея, что Каподистрія, какъ горячій и просвѣщенный

<sup>1)</sup> Письмо отъ 29-го іюля (10-го августа) 1827 г.

<sup>2)</sup> Извѣстный русскій и греческій государственный дѣятель, р. 1776 г., умеръ въ 1831 г.

патріотъ, имѣлъ въ виду прежде всего интересы своего отечества. Грей скептически относился къ увѣреніямъ княгини и выражалъ лишь одно желаніе видѣть Грецію независимою. Питая платоническія симпатіи къ грекамъ и презрѣніе къ туркамъ, Грей былъ противникомъ рѣшительныхъ мѣръ, въ особенности, если бы таковыя исходили отъ петербургскаго кабинета.

По смерти Каннинга не успѣли разыгратъ интриги, происходившія при назначеніи его главою кабинета, такъ какъ король немедленно ввѣрилъ кабинетъ лорду Годричу, при которомъ герцогъ Веллингтонъ снова занялъ постъ главнокомандующаго.

Управленіе Годрича отличалось нерѣшительностью, и онъ не долго удержался у власти. «Мы не принимаемъ здѣсь никакихъ рѣшеній, нами руководитъ робость и осторожность,—писала Ливенъ 8-го (20-го) октября 1827 г. брату;—нельзя осуждать за это министерство, такъ какъ его положеніе затруднительно. Я надѣюсь на ходъ событій, который восторжествуетъ надъ всякой осторожностью. Министерство будетъ вынуждено предпринять что-нибудь, если турки будутъ по-прежнему поступать, какъ глупцы и ихъ патронъ Меттернихъ также. Я пришла къ убѣжденію, что Меттернихъ—человѣкъ умный, умеръ, ибо въ его поведеніи нѣтъ ни капли ума.

«Кабинетъ и всѣ его члены держатся такихъ политическихъ принциповъ, которые вполне соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ, ибо они ненавидятъ Австрію.

«Мысль о Португаліи преслѣдуетъ министровъ даже во снѣ; въ настоящее время они ни о чемъ болѣе не думаютъ, они боятся относительно ея какой-нибудь коварной продѣлки Меттерниха.

«Герцогъ Веллингтонъ относится ко мнѣ холодно. Онъ не можетъ простить мнѣ того, что я предпочла министра, дружески расположеннаго къ грекамъ, министру, сочувствовавшему туркамъ. Король возвратилъ герцогу его постъ, но не свою благосклонность, ибо со времени назначенія главнокомандующимъ онъ видѣлъ короля не болѣе получаса.

«Королю не нравятся его дружественныя отношенія къ крайнимъ торіямъ. Въ настоящее время герцогъ ведетъ особенную дружбу съ австрійскимъ посланникомъ».

Во время министерства Годрича державы, руководствуясь постановленіями лондонскаго договора, предъявили Турціи требованіе предоставить Греціи самостоятельность, на началахъ вассальной зависимости, а когда султанъ отвѣчалъ на это требованіе высокоумѣреннымъ отказомъ и Ибрагимъ-паша, получивъ подкрѣпленіе изъ Египта, получилъ приказаніе разорить Морею, то союзный флотъ вступилъ въ Наваринскую бухту и адмиралы предложили Ибрагимъ-пашѣ прекратить его враждеб-

ныя дѣйствія. Его отказъ повелѣлъ къ битвѣ, въ которой турецко-египетскій флотъ былъ совершенно истребленъ.

При извѣстіи о гибели турецкаго флота, которое произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе, въ Англіи мнѣнія раздѣлились; одни выражали желаніе, чтобы адмиралу Кодрингтону былъ сдѣланъ строгій выговоръ за то, что онъ нарушилъ миръ съ Турціей; другіе хотѣли, чтобы Россія одна дала Греціи независимость; иные склонялись къ тому, чтобы дозволить союзному флоту продолжать начатыя имъ дѣйствія.

Въ лондонскомъ обществѣ многіе говорили открыто, что совпаденіе прибытія русскаго адмирала съ началомъ непріязненныхъ дѣйствій не было случайностью и что политика Россіи клонилась къ тому, чтобы поссорить окончательно Великобританію съ Турціей и этимъ воспользоваться. Это логически приводило къ заключенію, что избіеніе грековъ, вызвавшее вмѣшательство союзаго флота, было дѣломъ интригъ Россіи; наконецъ, иные утверждали, что воинственное настроеніе Турціи поощрялось въ тайнѣ Австріей.

Къ числу этихъ лицъ принадлежала княгиня Ливень, которая съ восторгомъ привѣтствовала извѣстіе о побѣдѣ, одержанной надъ Турціей.

«Да здравствуетъ Наварино!—воскликнула она <sup>1)</sup>»,—мы въ восторгѣ, англійское правительство нѣсколько напугано, а французское недовольно. Что касается Австріи, то, само собою разумѣется, она взбѣшена и взволнована. Англійская публика кичится этимъ дѣломъ; потопленіе и сожженіе судовъ и убійства—во вкусъ англичанъ. Народъ не задумывается о причинахъ этого событія. Оппозиція выражаетъ неудовольствіе и спрашиваетъ: по какому праву это сдѣлано.

«Мы играемъ въ руку Россіи, которая одна извлечетъ изъ этого выгоду, говоритъ она; наши министры неспособны, мы думаемъ, что Россія проведетъ ихъ». Другіе говорятъ: «Мы хотѣли бы знать, по крайней мѣрѣ, что достанется на нашу долю. Для Англіи безуміе сражаться изъ-за чувствъ; что намъ греки? Турки всегда были нашими вѣрными союзниками».

«Король согласенъ со мною, что наваринское сраженіе дѣло рукъ Меттерниха. Онъ довѣряетъ императору (Николаю) и вѣритъ въ его честность».

Грей, узнавъ о Наваринской битвѣ, выразилъ свое сожалѣніе по поводу этого событія. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ взглядъ торіевъ, называвшихъ наваринское дѣло «прискорбнымъ событіемъ».

Въ то время какъ въ Англіи кабинетъ Годрича колебался, не зная, какой держаться политики, и хотѣлъ отложить рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока не будутъ получены отъ Кодрингтона болѣе точныя извѣстія.

<sup>1)</sup> Письмо А. Х. Бенкендорфу 4-го (16-го) ноября 1827 г.

Франція выразила согласіе на то, чтобы Россія заняла Придунайскія княжества и оказала давленіе на Порту.

«Наши дѣла въ Парижѣ идутъ отлично,—пишетъ Ливенъ 5-го (17-го) декабря 1827 г.,—наши друзья и враги поражены этимъ; очевидно, что и тѣ и другіе порядкомъ боятся насъ.

«Я писала вамъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ о толкахъ насчетъ вѣроятныхъ послѣдствій Наваринскаго сраженія. Съ тѣхъ поръ эти толки постоянно возрастали. О Греціи говорятъ мало, всѣ говорятъ о Россіи, и только о Россіи, и по открытіи парламента на насъ посыпется цѣлый градъ брани; т. е. министрамъ придется выслушать, что они глупы, такъ какъ они вѣрятъ нашимъ словамъ и нашимъ увѣреніямъ. Все это входитъ въ тактику оппозиціи, а министры спрягаютъ тѣмъ временемъ глаголъ «дрожать».

«Лордъ Грей, самый грозный изъ членовъ оппозиціи, пощадитъ насъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ. Я дѣлаю все возможное, чтобы привлечь его на нашу сторону: всѣ мои доводы сводятся къ той истинѣ, что «вы не можете помѣшать нашему могуществу; примкните же къ намъ, выказавъ полное довѣріе къ прямотѣ императора; это—струна, на которой вы всегда можете играть съ успѣхомъ; поэтому нѣтъ повода къ боязни.

«Меттернихъ упалъ въ мнѣніи общества такъ низко, какъ нельзя было ожидать. Его интриги въ Константинополѣ не составляютъ уже ни для кого тайны, и онъ проявилъ въ нихъ такъ много злобы и коварства и сдѣлалъ столько промаховъ, что никто не пытается даже защищать его».

Это письмо еще не было отправлено, какъ въ Лондонѣ произошелъ министерскій кризисъ: нерѣшительный и безхарактерный Годричъ подалъ въ отставку. Его паденіе было для Англіи ближайшимъ послѣдствіемъ Наваринскаго сраженія и ускорилося тѣмъ, что король долженъ былъ дать награды за дѣло, которое кабинетъ не одобрялъ.

Адмиралъ Кодрингтонъ получилъ за него отъ императора Николая Георгіевскій крестъ при собственноручномъ любезномъ письмѣ.

«Адмиралъ Кодрингтонъ писалъ герцогу Кларенскому и отзывался въ своемъ письмѣ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ о храбрости русскихъ солдатъ и очень дружески объ адмиралѣ Гейденѣ. Герцогъ говорилъ мнѣ,—писала Ливенъ<sup>1)</sup>,—что братъ и соотечественникъ не могъ бы выразиться теплѣе. Между нами, герцогъ Кларенскій гордится Наваринскимъ сраженіемъ, но въ душѣ онъ сочувствуетъ туркамъ. Трудно повѣрить, до какой степени раздѣляютъ его образъ мыслей. Дѣло въ томъ, что они не имѣютъ яснаго представленія о восточномъ вопросѣ».

Послѣ выхода въ отставку Годрича въ началѣ 1828 г. король по-

<sup>1)</sup> Письмо А. Х. Бенкендорфу отъ 5-го (17-го) января 1828 г.

ручилъ сформировать кабинетъ герцогу Веллингтону, старому знакомому австрійскаго канцлера. Власти достигли такимъ образомъ, по выраженію Меттерниха, «любезные торія».

«Какъ я слышу,—писалъ Грей княгинѣ Ливенъ 4-го (16-го) января,—Эстергази (австрійскій посланникъ) сошелъ съ ума отъ радости. Онъ бѣгаетъ по городу, подобно бѣшеной кошкѣ».

«Герцогъ Веллингтонъ—первый министръ,—писала, въ свою очередь. Ливенъ брату 8-го (20-го) февраля 1828 г.,—герцогъ Веллингтонъ преданъ Австріи. Онъ предпочитаетъ плутни князя Меттерниха честности императора Николая. Прекрасно, но наше положеніе таково, что мы можемъ не тревожиться этимъ. Онъ обязанъ въ точности выполнять конвенцію; онъ долженъ подчиниться этому».

Тотъ фактъ, что лордъ Дудлей, подписавшій лондонскую конвенцію, оставался министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ ручательствомъ, что дѣло пойдетъ не такъ, какъ хотѣлось друзьямъ турокъ. Величайшая уступка, сдѣланная этимъ господамъ, заключалась въ томъ, что въ королевской рѣчи, произнесенной при открытіи парламента, Наваринская битва была названа «событіемъ совершенно неожиданнымъ для его величества» и было сказано, что онъ «глубоко сожалѣлъ о томъ, что это несчастіе постигло морскія силы бывшаго союзника Англіи».

Между тѣмъ, положеніе дѣлъ обострилось вслѣдствіе появленія гатти-шерифа султана, призывавшаго правовѣрныхъ къ оружію, хотя онъ объявилъ выѣстъ съ тѣмъ, что готовъ вести переговоры, но не иначе, какъ при посредствѣ Австріи.

«Въ этомъ разгадка загадки,—писала Ливенъ <sup>1)</sup>,—Меттернихъ, хочетъ быть хозяиномъ положенія. Но глупы будутъ тѣ, кои поддадутся его интригамъ».

«Единственно, что для меня ясно, это то, что австрійскій кабинетъ интригуетъ. Онъ хочетъ руководить политикой Дивана, чувствуя себя обиженнымъ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ обошлись безъ него; онъ хочетъ отомстить за это и вернуть свое утраченное значеніе».

Послѣ появленія гатти-шерифа посланники великихъ державъ выѣхали изъ Константинополя, и Россія потребовала, чтобы союзники выполнили Лондонскую конвенцію, заявивъ, что, въ противномъ случаѣ, она будетъ дѣйствовать одна. Французское правительство сразу выразило намѣреніе дѣйствовать энергично и блокировать Константинополь. Въ англійскомъ кабинетѣ мнѣнія раздѣлялись. Веллингтонъ упорно возставалъ противъ какихъ бы то ни было враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ «бывшему союзнику», и Кодрингтонъ, по его настоянію, былъ отозванъ.

<sup>1)</sup> Письмо къ Грею 21-го ноября (3-го декабря) 1827 г.



Хотя княгиня Ливенъ и писала, что образъ дѣйствій Англіи ее «не тревожить», но на самомъ дѣлѣ онъ волновалъ ее; вмѣстѣ съ тѣмъ ея враждебное отношеніе къ герцогу Веллингтону усиливалось и проявлялось не только по поводу событій на Востокѣ, но и относительно разныхъ вопросовъ внутренней политики Англіи, которые стояли на очереди во время его управленія кабинетомъ. Русская посланница не прощала Веллингтону того, что онъ былъ противъ политики и видовъ императора Николая, и не упускала случая нанести ему ударъ; она возбуждала противъ кабинета страсти, самолюбія, соперничества, льстила противникамъ министра, старалась отвлечь отъ него друзей, посѣять раздоръ въ той партіи, которая его поддерживала; однимъ словомъ, ослѣпленная своей злобою, она вышла изъ того безразличія, которое приличествовало ея дипломатическому положенію.

По словамъ князя Эстергази, участіе, которое она принимала въ интригахъ противъ англійскаго кабинета, сослужило хорошую службу цѣлямъ русской политики.

«Она дѣйствовала съ величайшей наглостью,—писалъ Чарльзъ Гревиль въ іюнѣ слѣдующаго года,—воспользовавшись своимъ вліяніемъ у короля, чтобы вредить министерству Веллингтона. Ея антипатія къ Веллингтону постоянно возростала съ тѣхъ поръ, какъ они поссорились въ то время, когда Каннингъ достигъ власти; она была тогда очень невѣжлива (*malhonnête*) съ герцогомъ, чтобы добиться расположенія новаго министра въ интересахъ своего двора, которому она сослужила въ этомъ случаѣ хорошую службу,—какъ говорилъ Эстергази».

Интригуя противъ Веллингтона и опасаясь противодѣйствія съ его стороны видамъ Россіи и какъ бы желая разсѣять свои опасенія на этотъ счетъ,—Ливенъ писала брату 8-го (20-го) февраля 1828 г.:

«Англія не можетъ предпринять ничего враждебнаго противъ насъ; какой предлогъ могла бы она найти къ тому? Мы не дадимъ ей этого предлога. Да и что она можетъ сдѣлать? Ничего. Сомнительно, чтобы англійскій народъ принесъ жертвы, хотя бы ради вопроса чести: со времени открытія парламента въ общественномъ мнѣніи замѣчается сильный поворотъ въ нашу пользу, всѣ ораторы говорили за насъ... Всѣ съ горячностью говорили въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, всѣ восторгаются терпѣніемъ, снисходительностью и умѣренностью императора, всѣ довѣряютъ его слову, и, кромѣ того, англійское правительство не могло забыть, что въ 1792 г. министерство Питта было свергнуто вигами за то, что оно хотѣло поддержать Турцію противъ Россіи <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Ливенъ ошибается: министерство Питта не было свергнуто въ 1792 г., но въ мартѣ мѣсяцѣ 1791 г., во время русско-турецкой войны, Питтъ предлагалъ Пруссіи и Голландіи вступить въ вмѣстѣ съ Великобританіей и принудить Россію заключить миръ. Парламентъ поддерживалъ его, но это предло-

За послѣднее время у насъ оказалось нѣсколько достойныхъ друзей; самый полезный изъ нихъ—принцъ Леопольдъ. Трудно повѣрить, съ какой горячностью онъ защищаетъ наши интересы. Мы имѣемъ и другихъ друзей въ кабинетѣ, но ихъ держать въ страхѣ деспотъ Веллингтонъ. Онъ даетъ понять, что онъ глава, а какъ долго онъ будетъ имъ, сказать трудно.

«Какъ бы то ни было, Россія сильна довѣріемъ, которое внушаетъ ея монархъ, и его волей, которая поддерживается всѣмъ ея могуществомъ. Мы можемъ благодарить Бога за то, что Онъ послалъ намъ такого монарха».

«Я хотѣла бы уснуть,—продолжаетъ она,—и узнать, проснувшись, что наши войска уже выступили въ походъ и что они быстро идутъ впередъ»... Возлагая всѣ свои надежды на императора, Ливень находила, что честь и достоинство Россіи требовали дѣйствовать быстро и энергично, чтобы Европа не могла помѣшать этому своими «интригами и соображеніями».

«Гатти-шерифъ султана и вызовъ, брошенный имъ Европѣ, не произвели на фельдмаршала ни малѣйшаго впечатлѣнія,—писала еще Ливень <sup>1)</sup>—онъ не хочетъ войны, поэтому войны не будетъ. Его упорство и его глупость могутъ причинить не мало зла; тѣмъ хуже для Англіи».

Настойчивость, съ какою Ливень постоянно возвращается къ вопросу о событіяхъ на Востокѣ, и страстность, съ которою она говоритъ объ этомъ, были до нѣкоторой степени отголоскомъ той борьбы, которая происходила въ правительственныхъ сферахъ Англіи передъ турецкой войною, и рисуетъ состояніе умовъ въ этой странѣ въ тотъ тревожный для дипломатіи моментъ.

«Здѣсь никто не понимаетъ, какихъ взглядовъ держится правительство; одни находятъ его слишкомъ либеральнымъ, другіе—слишкомъ преданнымъ политикѣ Меттерниха, но всѣ недовольны, и всѣ относятся къ нему съ недовѣріемъ».

«Австрія торжествуетъ; настала ея очередь руководить дѣлами; наше положеніе тягостно, но хвастовство никогда не можетъ застрашать меня. Я ожидаю событій спокойно; достоинство Россіи въ рукахъ императора, слѣдовательно, оно—въ хорошихъ рукахъ».

«Англія труситъ; она боится идти съ нами, боится быть противъ насъ и считаетъ самымъ безопаснымъ держаться золотой середины, положеніе благородное—для насъ оно безвредно, это главное».

женіе испугало всѣхъ, и Питтъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія взялъ назадъ угрозу о вѣжательствѣ, что подорвало его репутацію въ Англіи и за границу.

<sup>1)</sup> Письмо А. Х. Бенкендорфу 16-го (28-го) февраля 1828 г.

«Англичане, ожидавшіе чудесъ отъ твердости Веллингтона, убѣждаются мало-по-малу въ томъ, что онъ дѣйствуетъ во всемъ выжидательно <sup>1)</sup>).

«Его очень тревожитъ положеніе Франціи; общественное мнѣніе взволновано, оно требуетъ, чтобы правительство приняло участіе въ войнѣ.

«Австрія подталкиваетъ Веллингтона, но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы онъ зашелъ черезчуръ далеко.

«Важное рѣшеніе, принятое нашимъ императоромъ, было громовымъ ударомъ для Веллингтона, на общество оно произвело волшебное дѣйствіе и вызвало только два чувства: съ одной стороны страхъ, съ другой—удовольствіе. Повторяю, на нашей сторонѣ всѣ развитые люди, въ томъ числѣ слѣдуетъ особенно упомянуть о лордѣ Голландѣ. Онъ кается въ своихъ прежнихъ ошибкахъ, ничего не хочетъ слышать о Турціи и только выражаетъ желаніе, чтобы она была изгнана изъ Европы. Онъ былъ бы доволенъ, если бы императоръ дошелъ до Константинополя и поступилъ бы съ нимъ по своему усмотрѣнію, чтобы Россія имѣла портъ на Средиземномъ морѣ,—онъ преклоняется передъ императоромъ, и ставитъ его умъ выше всѣхъ его качествъ и стыдится жалкой политики Англіи».

«Я неосказанно рада, что война съ Персіей окончилась <sup>2)</sup>; вы не можете себѣ представить, сколько страха она возбуждала здѣсь. Они (англичане) уже представляли себѣ, что мы дошли до Индіи.

«Мы все-таки еще имѣемъ нѣсколько друзей въ англійскомъ кабинетѣ (одинъ изъ нихъ лордъ Пальмерстонъ, братъ г. Темпля, повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ) и несравненно болѣе въ обществѣ; король также расположенъ къ намъ. Онъ питаетъ лично весьма дружественныя чувства къ императору и вполнѣ довѣряетъ его честности.

«Многіе обращались ко мнѣ здѣсь съ вопросомъ, могутъ ли волонтеры участвовать въ нашемъ походѣ. Лордъ Грей, напримѣръ, очень бы хотѣлъ, чтобы его сынъ отправился въ нашу армію.

«Я по истинѣ горжусь тѣмъ, что я русская, и испытываю отъ этого каждый день новое удовольствіе, такъ какъ со мною только и говорятъ о предпринятомъ нами дѣлѣ, а наша роль въ немъ такъ прекрасна и ясна. Но мнѣ приходитъ зачастую на умъ одно сравненіе. До сихъ поръ мы сражались съ турками, имѣя небольшія арміи и мечтая о большихъ завоеваніяхъ; нынѣ же мы имѣемъ большую и великолѣпную

<sup>1)</sup> Письмо къ А. А. Бенкендорфу 16-го (28-го) марта 1828 г.

<sup>2)</sup> 28-го февраля 1828 г. Россіей былъ заключенъ миръ съ Персіей.

армію и не преслѣдуемъ никакихъ честолюбивыхъ цѣлей. Это есть истинное величіе».

Франція, рѣшившая принять участіе въ войнѣ, нѣсколько замедлила посылкою войскъ въ Грецію, подѣ давленіемъ англійскаго правительства.

«Донесенія французскихъ дипломатовъ, полученные изъ Петербурга, нѣсколько напугали насъ,—писала Ливенъ 7-го (19-го) мая,—а Веллингтонъ и К<sup>о</sup> радостно закаркали. Но вслѣдъ затѣмъ была получена декларация, что Россія, оставленная союзниками, будетъ одна настаивать на выполненіи договора, «сообразуясь только со своими собственными интересами и будетъ дѣйствовать такъ, какъ она найдетъ нужнымъ».

«Веллингтонъ въ очень дурномъ настроеніи духа, и не мудрено, ему придется уступить, это единственный для него выходъ. Лордъ Пальмерстонъ (кабинетъ министръ или нашъ министръ) сказалъ мнѣ: «Въ сущности, для тѣхъ, кто, подобно мнѣ, вѣрить слѣпо вашему императору, или для тѣхъ, кто не довѣряетъ ему, остается одно—а именно высказать ему довѣріе и дѣйствовать сообразно съ этимъ».

«Въ какое глупое положеніе поставили себя Англія и Австрія! Ихъ интриги велись весьма искусно; онѣ вышли изъ хитро сплетенной ими паутины, покрытыя славою. Но одного слова императора было достаточно, чтобы разсѣять ихъ по вѣтру. Какое внушительное для Европы зрѣлище представить императоръ во главѣ своего войска, которое онъ двинулъ съ великой и благородной цѣлью».

«Герцогу Веллингтону,—замѣчаетъ саркастически русская посланница,—пришлось сдѣлаться либераломъ подобно тому, какъ Сганарель сдѣлался врачомъ въ комедіи Мольера <sup>1)</sup>.

Палата общинъ не довольствуется болѣе обскурантными теоріями. Во всѣхъ дѣлахъ внутренней политики правительство должно руководствоваться въ своихъ мѣропріятіяхъ просвѣщенными принципами, иначе оно не удержится у власти,—между тѣмъ Веллингтонъ жаждетъ прежде всего остаться первымъ министромъ»; а Ливенъ, съ своей стороны, выражала желаніе «свернуть ему шею» <sup>2)</sup>.

Въ Англіи говорили «будто г-жа Ливенъ дѣйствительно сказала что-то королю о перемѣнѣ министерства и что король отвѣчалъ ей, что если бы его посланникъ въ Петербургѣ вздумалъ критиковать дѣйствія императора во внутренней политикѣ, то онъ немедленно отозвалъ бы его» <sup>3)</sup>.

Личныя отношенія Ливенъ и Веллингтона въ это время были та-

<sup>1)</sup> Врачъ по неволѣ.

<sup>2)</sup> Письмо къ А. Х. Бенкендорфу, 16-го (28-го) марта 1828.

<sup>3)</sup> Croker Papers, 423.

ковы, что, встрѣчаясь въ обществѣ, они старательно избѣгали разговора о вопросѣ, который болѣе всего интересовалъ обоихъ, и слово «Турція» никогда не произносилось ими. «Если я когда-нибудь нарушу молчаніе,—говорила Ливень,—я увѣрена, что мы подеремся».

Лордъ Веллингтонъ платилъ ей тѣмъ же, хотя онъ и считалъ долгомъ появляться въ ея салонъ и даже иногда подолгу бесѣдовалъ съ нею наединѣ.

Объ отношеніи Веллингтона къ Ливенамъ и къ Россіи лордъ Пальмерстонъ писалъ 23-го марта (4-го апрѣля) 1828 г. своему брату въ Петербургъ:

«Очевидно, герцогъ хотѣлъ разрыва съ Россіей, онъ относится къ ней, лично, весьма непріязненно. Онъ жестоко ссорился съ Ливенами и не доволенъ пріемомъ, который былъ оказанъ ему въ Петербургѣ. Много разныхъ мелочей возстановили его противъ Ливеновъ. Г-жа Арбетнотъ и леди Джерси, которыя имѣютъ на него вліяніе, ненавидятъ Ливень... Г-жа Ливень поступила неосторожно въ прошломъ году, когда во главѣ кабинета сталъ Каннингъ, и слишкомъ явно выражала свое удовольствіе по поводу отставки герцога; она была въ извѣстной степени даже невѣжлива по отношенію къ нему».

Мѣсяцъ спустя, 26-го апрѣля (8-го мая) онъ писалъ снова:

«Герцогъ относится съ особеннымъ нерасположеніемъ къ Россіи, я полагаю, болѣе изъ личнаго чувства, нежели изъ видовъ политики».

«Относительно нашего дѣла (въ парламентѣ) до сихъ поръ не было сказано ни слова,—писала Ливень брату 7-го (19-го мая) 1828 г. Но палаты должны, наконецъ, высказаться.

«Король, въ общемъ, относится къ намъ хорошо; если бы онъ могъ, то онъ сдѣлалъ бы все для насъ, но Веллингтонъ упрямъ, какъ оселъ. Однако онъ уступаетъ, когда ему угрожаетъ потеря мѣста. Между прочимъ, я писала вамъ, кажется, что я вѣкогда не говорю съ нимъ о нашихъ дѣлахъ, изъ опасенія, что мы вдѣлѣмся другъ другу въ волосы. Едва успѣла я тогда окончить письмо, какъ между нами произошла страшнѣйшая сцена, которую я тотчасъ записала; если я найду это описаніе, то я пришлю его вамъ. Оно покажетъ вамъ его доброжелательство къ Россіи и всю логичность его разсужденія. Онъ и въ этомъ случаѣ говоритъ какъ по обыкновенію: «это такъ потому, что я это говорю».

Самостоятельный и твердый образъ дѣйствій русскаго императора заставилъ смолкнуть его враговъ <sup>1)</sup>. Княгиня Ливень торжествовала.

---

<sup>1)</sup> Пальмерстонъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ брату отъ 8-го мая, говоря о настроеніи членовъ кабинета, писалъ: „Элленборо еще болѣе враждебенъ (Россіи), нежели герцогъ; Абердинъ преданъ Австріи; а Батурстъ про-  
\*“

«Веллингтонъ, писала она, полномостный министр, Веллингтонъ врагъ Россіи—сталъ вдругъ оговорчивъ. Что за причина? Онъ стучался во всѣ двери, направо и налѣво—и никто не выказалъ желанія напасть на насъ. Его покинули даже его добрый другъ Меттернихъ, ибо, чтобы предпринять что-либо, нужны средства, Англія же не дастъ ему ни одного шиллинга. Всѣ члены оппозиціи на нашей сторонѣ.

«При томъ осложненія, угрожающія Португаліи, несравненно опаснѣе для Англіи, нежели восточныя дѣла. Все это свалилось на герцога сразу и онъ, подобно арлекину, сдѣлаетъ пируетъ и то, что было черно вчера, будетъ бѣлымъ сегодня. Это достойно сожалѣнія, можно сказать низко, но это великолѣпно. Всѣмъ нашимъ врагамъ одинъ за другимъ пришлось смириться; противъ насъ хотѣли образовать грозную коалицію; нынѣ Европа на козняхъ передъ нами.

«Образъ дѣйствій англійскаго кабинета достоинъ смѣха. Онъ всячески доказалъ свою непослѣдовательность и нелѣпость. Веллингтонъ во всеуслышаніе возставалъ даже противъ мысли о посылкѣ къ намъ уполномоченнаго.

«Никогда,—утверждалъ онъ торжественно, — никогда мы не поддержимъ незаконныя дѣйствія Россіи присутствіемъ нашего посланника.

«Но Меттернихъ послалъ Гомбурга и вдругъ, трахъ! отсюда посылается Гейтесберри!!

«Jamais» (никогда) Веллингтона намъ знакомо, его словарь французскаго языка долженъ быть безподобенъ.

«Веллингтонъ сумѣлъ приобрести вліяніе англичанъ, но въ чемъ кроется его сила, я не знаю. Съ недѣлю послѣ перемѣны министерства всѣ были сильно возбуждены противъ этого кабинета, который хотеть управлять государствомъ. Если послушать ихъ, то кабинетъ не могъ удержаться и двухъ дней.

«Веллингтонъ только посмѣялся надъ этимъ, онъ принялъ вызывающій видъ, и всѣ испугались. При всемъ своемъ ничтожествѣ, онъ хитеръ, онъ льститъ крайнимъ торіямъ; а еще болѣе льститъ либераламъ.

«По истинѣ народъ нетрудно обмануть; это неволью приходится на умъ, когда видишь, что нація, которую всѣ считаютъ такой благоразумной и разсудительной, становится игрушкой такого посредственнаго министра.

«Образъ дѣйствій Веллингтона, который, не смотря на то, что онъ былъ членомъ кабинета, подписавшаго лондонскій договоръ и заявилъ

тивникъ Россіи и Австріи. Всѣ они были бы очень рады отдѣлаться отъ конвенціи, которую они ненавидятъ. Герцогъ находится, какъ я полагаю, въ перепискѣ съ Меттернихомъ, чтобы вести свою прежнюю игру, медлить и колебаться».

себя продолжателемъ политики Каннинга, уклонился отъ всякаго вмѣшательства въ пользу Греціи, а равно его дѣйствія въ португальскомъ вопросѣ не только вызвали неудовольствіе въ Англіи, но также неодобреніе и критику за границу; его политика изолировала Великобританію и ослабила ея голосъ въ европейскомъ концертѣ».

### III.

Впечатлѣніе, произведенное на Европу первыми успѣшными дѣйствіями Россіи въ Турціи.—Сочувствіе Англіи.—Неудачный исходъ кампаніи 1829 г.—Пережѣва политики Англіи.—Скорбь Ливенъ.—Недоброжелательство Веллингтона къ Россіи.—Интриги Меттерниха.

Первые успѣшныя дѣйствія русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ, взятіе Гирсова и Кюстенджи и паденіе Браилова, послѣ чего вся Добруджа фактически была въ рукахъ русскихъ, произвели въ Европѣ впечатлѣніе благоприятное для Россіи.

«Герцогъ Веллингтонъ держитъ себя теперь со мною болѣе вѣжливо и дружественно,—писала Ливенъ 10-го (22-го) августа 1828 г. Быть можетъ, онъ пойдетъ въ этомъ новомъ направленіи такъ же далеко, какъ и въ противоположномъ. Я не берусь рѣшить, поступаетъ ли онъ такъ по убѣжденію или же онъ вынужденъ къ тому обстоятельствами.

«Король относится къ намъ лучше, чѣмъ когда-либо. Онъ долго говорилъ со мною на-дняхъ, и вся сущность разговора сводилась къ похваламъ императору. «Я вполне довѣряю ему во всѣхъ отношеніяхъ, сказалъ онъ, и говорю тѣмъ, кто старается вселить мнѣ недовѣріе къ нему: Обѣщаю вамъ, что я перестану довѣрять императору Николаю, когда онъ обманетъ меня, а до тѣхъ поръ позвольте мнѣ по-прежнему вѣрить ему. Король былъ въ восторгѣ отъ того, какъ императоръ высказался о дѣлахъ Брауншвейга <sup>1)</sup>. Онъ очень озабоченъ этими дѣлами и въ разговорѣ со мною провелъ параллель между образомъ дѣйствія императора и Меттерниха и, обратясь къ нѣкоторымъ лицамъ, стоявшимъ тутъ же, сказалъ громко по-англійски: «Ничто не можетъ быть великолѣпнѣе и честнѣе, какъ образъ дѣйствій императора Николая, и ничего не можетъ быть такъ низко и подло. (rascally), какъ поведеніе Меттерниха». Спросите своихъ друзей, что означаетъ слово «rascally» по-англійски, и вы поймете, что онъ выразился очень рѣзко. Веллингтонъ стоялъ тутъ же и, вѣроятно, слышалъ это замѣчаніе».

<sup>1)</sup> Герцогъ Брауншвейгскій Карлъ, принявшій власть въ 1823 г., относился враждебно къ конституціи, данной Брауншвейгу опекуномъ его, принцемъ-регентомъ, въ 1820 г., чѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе подданныхъ; броженіе, происходившее въ странѣ, разрѣшилось въ сентябрѣ 1830 г. бунтомъ. Герцогъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ.

Ливенъ отмѣчала съ удовольствіемъ всякій знакъ сочувствія къ Россіи, особенно знаменательный во время войны.

«Въ день рожденія короля,—писала она 14-го (26-го) августа,—во дворецъ не былъ приглашенъ Эстергази (австрійскій посланникъ), который заболѣлъ отъ досады, видя предпочтеніе, оказываемое Россіи, между тѣмъ какъ Австрію игнорируютъ».

«Вы не можете себѣ представить, до какой степени здѣсь всѣ недовольны похвалбами французскихъ газетъ по поводу экспедиціи въ Морю,—читаемъ въ другомъ письмѣ [этъ 10-го (22-го) августа].—Но Англія по истинѣ достойна того презрѣнія, съ какимъ всѣ относятся къ ней».

«Въ мартѣ мѣсяцѣ <sup>1)</sup> герцогъ Веллингтонъ сказалъ нѣсколькимъ дипломатамъ въ Лондонѣ: «Если Франція пошлетъ въ Морю хотя бы одного солдата, я объявлю Франціи войну». А въ іюлѣ онъ согласился на посылку туда 20.000 человекъ!»

«Что сдѣлала Англія для Греціи? <sup>2)</sup> или, лучше сказать, что она сдѣлала во вредъ Греціи? Въ концѣ концовъ могущественная и богатая Англія не дастъ ни одного шиллинга, ни одного человѣка и будетъ вынуждена предоставить всю честь другимъ. Двоедушіе и безсиліе составляютъ отличительныя свойства англійскаго правительства, прямота и сила составляютъ отличительныя черты нашего правительства».

Торжество, доставленное нашей посланницѣ первыми успѣхами русскаго оружія, было, къ сожалѣнію, непродолжительно; кампанія 1828 г. была начата, какъ извѣстно, съ недостаточными силами. Попытка взять Шумлу—ключъ къ Балканамъ, оказалась не по силамъ русской арміи, жестоко изнуренной болѣзнями. Ея усилія были отчасти вознаграждены взятіемъ Варны [28-го сентября (10-го октября)], которая сдалась послѣ продолжительной осады.

За день до этого событія Ливенъ, до глубины души опечаленная ходомъ событій и жаждавшая извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, писала брату [27-го сентября (9-го октября) 1828 г.]:

«Вокругъ меня все мрачно. Наши дѣла идутъ плохо. Весьма естественно было предположить, что такъ какъ англійское правительство уступило только подъ влияніемъ страха, то оно сдѣлается непреклоннымъ, какъ только удача перестанетъ сопутствовать намъ. Къ несчастію, это и случилось теперь. Мнѣ кажется, что я вижу тяжелый сонъ, когда я слышу, что нашъ великій императоръ и наша армія вынуждены остановиться передъ горстью варваровъ и что Европа начинаетъ сомнѣваться въ могуществѣ Россіи. Я не понимаю, что это значитъ.

<sup>1)</sup> Письмо къ Грею 6-го августа 1828 г.

<sup>2)</sup> Письмо къ А. Х. Бенкендорфу 10-го (22-го) августа.



«Веллингтонъ возвратился къ своему прежнему недоброжелательству, или, лучше сказать, недоброжелательство, которое онъ скрывалъ только по необходимости, проявляется теперь безъ стѣсненія. Какъ бы то ни было, мы можемъ быть довольны тѣмъ, что положеніе дѣлъ въ Англіи таково, что она не можетъ думать о войнѣ. Однако, я убѣждена, что если бы не дѣла въ Ирландіи <sup>1)</sup>, то она обнажила бы мечъ противъ насъ въ тотъ самый день, когда было получено извѣстіе, что императоръ рѣшилъ блокировать Дарданеллы. Тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе въ этомъ случаѣ на нашей сторонѣ».

«Хотя бы только это затруднительное положеніе разрѣшилось благополучно для насъ, т. е. если бы мы могли вынудить Константинополь къ сдачѣ голодомъ и заставить султана просить у насъ мира, все было бы хорошо; но если побѣда не будетъ на нашей сторонѣ, то намъ надобно опасаться, каждую минуту, мщенія Англіи за то, что, по ея мнѣнію, мы провели ее въ этомъ случаѣ.

«Пріѣздъ маленькой королевы португальской въ Англію <sup>2)</sup> дѣлаетъ положеніе еще болѣе запутаннымъ. Какъ бы то ни было, ея пріѣздъ съ одной стороны есть оскорбленіе для Австріи, а съ другой—большое замѣшательство для Англіи. Въ этомъ отношеніи это весьма кстати. Австрія относится къ намъ по-прежнему гнусно; ея восторгъ (по поводу неудачи русскихъ войскъ) бѣситъ меня, тѣмъ болѣе, что мы никогда не дѣлали ей ни малѣйшей непріятности.

«Король по-прежнему живо интересуется всѣмъ происходящимъ у насъ и вѣрить только благопріятнымъ для насъ извѣстіямъ.

Двѣ недѣли спустя [13-го (25-го) октября 1828 г.] Ливенъ писала брату, что она имѣла продолжительное свиданіе съ Веллингтономъ наединѣ и что онъ говорилъ съ нею «очень сдержанно и дружелюбно».

«Говоря о блокадѣ Дарданеллъ, онъ сказалъ, что императоръ имѣлъ полное право объявить ее; что онъ (Веллингтонъ) не обращаетъ вниманія на газеты и на крики публики, что на него нападутъ въ парламентѣ, но что онъ счумѣетъ отстоять то, что онъ сказалъ мнѣ. Онъ высказалъ мнѣ большое сожалѣніе по поводу неудачи нашихъ военныхъ дѣйствій, присовокупивъ, что «къ войнѣ надобно всегда относиться

<sup>1)</sup> Въ Ирландіи происходила въ это время агитація въ пользу эмансипаціи католиковъ.

<sup>2)</sup> Малолѣтняя королева, донна Марія, выѣхала изъ Бразиліи ранѣе, нежели было получено извѣстіе о томъ, что престолъ захватилъ ея дядя, донъ Мигуель. Объ этомъ узнали, когда судно, на которомъ она плыла, было въ Гибралтарѣ, и тогда ея приближенные рѣшили отвезти ее въ Англію, а не въ Вѣну, какъ предполагалось вначалѣ. Она прибыла 12-го (24-го) сентября въ Фальмутъ, гдѣ ее привѣтствовали королевскимъ салютомъ и встрѣтили находившіеся въ Англіи португальскій и бразильскій посланники.

серьезно, и что очевидно мы начали кампанію съ слишкомъ слабыми силами». Затѣмъ онъ коснулся своего положенія и сказалъ, что никогда еще положеніе перваго министра Англіи не было такъ прочно. Я посмѣялась немного надъ его товарищами-министрами. Онъ согласился со мною, смѣясь, что онъ составилъ кабинетъ изъ людей ограниченныхъ (странное самолюбіе!).

«Онъ много говорилъ со мною о дѣлахъ Португаліи. Онъ возмущенъ прїѣздомъ королевы, считая это дѣломъ интриги.

«Все то, что говорить о насъ австрійцы, въ высшей степени оскорбительно, но отъ этого кабинета и отъ «сеидовъ» Меттерниха можно ожидать всего. Возвращаясь къ посѣщенію Веллингтона, скажу, что оно произвело на меня впечатлѣніе, какъ будто онъ старался провести меня, говоря о дѣлахъ въ такомъ спокойномъ и примирительномъ тономъ. Я убѣждена въ его недоброжелательствѣ къ намъ.

«Въ Англіи общество и пресса относятся къ намъ весьма недоброжелательно. Если бы кампанія, которую мы ведемъ, была успѣшна, то всѣ были бы на нашей сторонѣ и недоброжелатели были бы вынуждены смолкнуть, но при настоящемъ положеніи дѣлъ толкамъ нѣтъ конца».

Когда, послѣ неудачи подъ Шумлою, русскія войска были вынуждены снять осаду Силистріи и перейти обратно Дунай, то Меттернихъ хотѣлъ воспользоваться этимъ неблагоприятнымъ исходомъ нашей кампаніи 1828 г. и принудить Россію заключить миръ съ Турціей. Онъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ англійскому кабинету и рѣшилъ добиться содѣйствія Пруссіи, склоняя Англію сдѣлать въ томъ же смыслѣ предложеніе Франціи. Но Пруссія отказалась дѣйствовать противъ Россіи; Франція также не хотѣла воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ.

Княгиня Ливенъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Грею раскрываетъ фальшивую игру меттерниховой политики.

«Осенью 1828 года, прежде чѣмъ сдалась Варна, австрійскій кабинетъ, преувеличивая—какъ ему это угодно было назвать—наши бѣдствія, обратился къ англійскому правительству съ предложеніемъ войти въ соглашеніе съ Франціей съ цѣлью принудить Россію заключить миръ. Австрійскій кабинетъ предполагалъ, что русская армія дезорганизована, ресурсы ея истощены, и потому было бы весьма полезно воспользоваться существовавшимъ положеніемъ дѣлъ. Австрія бралась привлечь на свою сторону Пруссію и поручила Англіи сообщить указанный планъ Франціи и вести съ нею объ этомъ переговоры. Герцогъ Веллингтонъ соглашался съ мнѣніемъ Меттерниха, что моментъ былъ самый удобный, и поэтому немедленно открылъ переговоры съ французскимъ кабинетомъ. Но французское правительство отвѣтило, что оно никогда не вступитъ въ обязательства, имѣющія въ виду предпи-

сывать законы Россіи. Сверхъ того, король прибавилъ, что его честь не позволила бы ему поддерживать даже мысль о подобномъ проектѣ, и въ такое время, когда армія императора тергѣла временныя неудачи—Пруссія дала отвѣтъ, что она никогда не станетъ дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи. Вотъ каковы,—прибавляетъ Ливень,—настоящіе факты этого дѣла, и я воздерживаюсь отъ комментаріевъ, но вы не можете сомнѣваться, что я думаю по этому поводу».

16-го (28-го) ноября 1828 г. Ливень писала брату, злорадствуя по поводу отпора, оказаннаго Англіи французскимъ правительствомъ:

«Англія относится къ намъ нисколько не лучше, чѣмъ прежде; на нее постоянно старается повліять Австрія, но благодаря этому она обожглась совершенно для нея неожиданно. Въ тотъ моментъ, когда насъ постигло «бѣдствіе», какъ здѣсь принято говорить, Австрія хотѣла соорудить походъ, чтобы погубить насъ, а великодушная и благородная Англія сочла моментъ для этого самымъ благопріятнымъ, но въ Парижѣ были совершенно иного мнѣнія и дали ей серьезный отпоръ; вмѣстѣ съ тѣмъ она видитъ, что мы возрождаемся изъ пепла, и ей совѣстно, что она такъ обманулась. По крайней мѣрѣ, впредь она не повѣритъ такъ легко, что у насъ нѣтъ болѣе арміи для веденія войны, и не будетъ съ такой готовностью слѣдовать безразсудной ненависти Меттерниха къ Россіи.

«Съ Веллингтономъ я болѣе не пускаюсь въ разсужденія, даю ему высказаться и слушаю его; такимъ образомъ я имѣла возможность обнаружить его враждебность къ намъ и его преданность Меттерниху. Иной разъ онъ дѣлаетъ попытку заставить меня высказаться, выражая сожалѣніе по поводу того, что мы не продолжаемъ кампанію зимою. «Какъ это жаль (говоритъ онъ), вы могли бы уничтожить турокъ; вамъ бы слѣдовало идти вдоль по берегу къ Андрианополу» и тому подобное. Затѣмъ онъ увѣряетъ меня, что армія Витгенштейна была уничтожена подъ Шумлоу. Въ августѣ онъ ручался головою, что намъ никогда не взять Варны.

«Англійское правительство считаетъ себя сильнымъ потому, что никто не нападаетъ на него. Герцогъ Веллингтонъ сказалъ мнѣ на-дняхъ, со своей обычной хвастливостью: «я самый популярный изъ всѣхъ бывшихъ въ Англіи министровъ; повѣрьте мнѣ, я очень силенъ».

«Какой печальный сегодня день,—писала Ливень 19-го ноября (1-го декабря) 1828 г.;—я припоминаю, что князь Меттернихъ писалъ мнѣ въ тотъ день, когда имъ было получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра: «Романъ оконченъ—начинается исторія». Это было сказано остроумно и правильно.

«Я въ отчаяніи по поводу того, что мы сняли осаду Силистріи<sup>1)</sup>».

<sup>1)</sup> Письмо къ А. Х. Бенкендорфу 3-го (15-го) декабря 1828 г.

Это произведетъ самое неблагопріятное для насъ впечатлѣніе во всѣхъ столицахъ Европы, въ особенности здѣсь, гдѣ дерзость газетъ не имѣетъ границъ; я бы дорого дала, чтобы однимъ прыжкомъ перепрыгнуть къ веснѣ такъ, чтобы мы могли заставить весь свѣтъ заговорить о насъ въ другомъ тонѣ».

Не смотря на то, что англійскій кабинетъ съ его главою былъ въ высшей степени враждебенъ Россіи, король по-прежнему былъ «любезенъ и внимателенъ» къ русской посланницѣ и «доброжелателенъ» къ ея монарху. «Онъ много говорилъ со мною объ императорѣ,—писала Ливень,—и видимо весьма доволенъ вниманіемъ его величества, который прислалъ ему модель одной изъ пріемныхъ комнатъ въ Скаглюлѣ. Онъ помѣстилъ ее на почетное мѣсто въ своей продолговатой галлерей. Малахитовая ваза, присланная ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нашей доброй императрицей, составляетъ главное украшеніе лучшей изъ его гостиныхъ. Онъ, очевидно, очень старался помѣстить эти предметы на видъ; по истинѣ нельзя было быть любезнѣе».

«Въ Лондонѣ всѣ взволнованы неожиданной отставкой вице-короля Ирландскаго <sup>1)</sup>). Разумѣется, это событіе первостепенной важности; католики смотрѣли на него, какъ на своего защитника, и его отъѣздъ надѣлаетъ много шума, если только не будетъ имѣть еще худшихъ послѣдствій».

«Маленькая португальская королева очаровательное дитя, какъ всѣ члены австрійскаго дома, но гораздо красивѣе ихъ».

«Король говоритъ о ней съ величайшимъ участіемъ и восхищается ею. Повидимому, португальскіе эмигранты выражаютъ желаніе быть отправлены въ Терцейру <sup>1)</sup>, но англійское правительство этого не разрѣшаетъ имъ. Это очень странно, такъ какъ въ Терцейрѣ всѣ преданы доннѣ Маріи».

Съ наступленіемъ зимы 1828 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, Россія стала усиленно готовиться къ дальнѣйшему продолженію военныхъ дѣйствій въ Турціи, предполагая возобновить ихъ съ начала весны. Меттернихъ, желая помѣшать торжеству Россіи, снова предложилъ свое посредничество, но потерпѣлъ по-прежнему неудачу.

«Я припоминаю,—писала по этому поводу Ливень 19-го (31-го) декабря 1828 г.,—что лордъ Кастльри имѣлъ обыкновеніе называть иногда Меттерниха «политическимъ арлекиномъ», и это выходило недурно».

(Продолженіе слѣдуетъ).

<sup>1)</sup> Лордъ Англезе былъ отозванъ вслѣдствіе разногласія во взглядѣ съ герцогомъ Веллингтономъ по отношенію къ католикамъ Ирландіи. Wellington Letters, v. 244.

<sup>2)</sup> Одинъ изъ Азорскихъ острововъ.



## Россія и папекій престолъ.

1580—1601 гг.

IX <sup>1)</sup>.

Отправленіе папою Климентом VIII аббата Комуловича въ Москву.—Инструкция, ему данная къ разнымъ иностраннымъ дворахъ.—Свиданіа Комуловича съ кн. Острожскимъ и Замоискимъ.—Экспедиція Язловицкаго въ Крымъ.—Неудача въ желаніи Комуловича поднять Польшу противъ Турціи.



ближайшіе преемники Сикста V не имѣли времени помышлять объ организаціи похода противъ турокъ, такъ какъ въ короткій промежутокъ съ 1590 по 1592 гг. на папскомъ престолѣ смѣнилось три папы: Урбанъ VII, Григорій XIV и Иннокентій IX.

Продолжателемъ политики Сикста V явился Климентъ VIII <sup>2)</sup>, бывший архіепископъ неаполитанскій Ипполитъ Альдобрандини, который, какъ мы знаемъ, былъ посланъ Сикстомъ V въ Польшу послѣ кончины Стефана Баторія. Неизвѣстно, былъ ли онъ въ то время посвященъ папою въ его планы относительно Московскаго государства, но съ его вступленіемъ на папскій престолъ сношенія Ватикана съ Москвою замѣтно оживились, хотя въ началѣ Климентъ VIII не зналъ, какія надежды можно было возлагать на юнаго московскаго царя. Всѣ доходявшіе до него слухи о набожномъ и благочестивомъ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ внушали ему сомнѣніе на счетъ его воинственныхъ наклонностей,

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“, апрѣль 1903 г.

<sup>2)</sup> Занималъ папскій престолъ съ 1592—1605 гг.

онъ не зналъ, что думать о немъ, наводилъ справки и писалъ, между прочимъ, кардиналу Мадруччи, своему легату при австрійскомъ дворѣ:

«Говорятъ, будто Ѳеодоръ глупъ и предпочитаетъ звонъ церковныхъ колоколовъ сигнальному рожку».

По всей вѣроятности, легатъ отвѣчалъ въ успокоительномъ тонѣ, такъ какъ Климентъ VIII, котораго очень занимала мысль о походѣ противъ турокъ и который проявлялъ усиленную дипломатическую дѣятельность, разсылая эмиссаровъ во всѣ страны Европы и Азіи, рѣшилъ отправить своего посла и въ Москву.

Выборъ палъ этотъ разъ не на италіанца, а на славянина, аббата Комуловича, который былъ ранѣе визитаторомъ латинскихъ церквей въ Европейской Турціи.

Это былъ человекъ не столь ловкій и изворотливый, какъ Поссевинъ, но одаренный здравымъ смысломъ, характера открытаго, безкорыстный и честный; онъ умѣлъ заставить себя слушать, приобрести вліяніе и вести переговоры. Вся дѣятельность этого неустоимаго и энергичнаго аббата была направлена къ тому, чтобы свергнуть иго турокъ и отгнать ихъ въ глубь Азіи.

По пути въ Москву, Комуловичъ долженъ былъ побывать съ этой же цѣлью въ Трансильваніи, Придунайскихъ княжествахъ и Польшѣ.

Въ исходѣ 1593 г. всѣ приготовленія къ его путешествію были окончены. О цѣли его поѣздки никому не было извѣстно, даже его спутникамъ она была открыта только по выѣздѣ ихъ изъ Италіи. Направленная предосторожность: такъ какъ еще 24-го сентября (2-го октября) венеціанскій посланникъ, Паоло Парута, провѣдавъ тайну до мельчайшихъ подробностей, донесъ дожу, что аббатъ Александръ Комуловичъ будетъ, вѣроятно, скоро посланъ въ Москву. Самъ царь, — писалъ онъ, — недостаточно «здравъ разумомъ», чтобы вести переговоры, но рассчитываютъ, «что бояре и вельможи» заинтересуются походомъ противъ турокъ, такъ какъ слышно, что они сильно желаютъ войны.

Комуловичъ выѣхалъ изъ Рима въ ноябрѣ, не подозревая того, что дождь былъ уже предупрежденъ объ его поѣздкѣ; между тѣмъ, онъ долженъ былъ остановиться въ Венеціи, не для того, чтобы вести переговоры съ дожемъ, но чтобы войти въ тайныя сношенія съ албанцами, которые, горя желаніемъ свергнуть турецкое иго, обращались съ просьбою о поддержкѣ къ венеціанскому дожу, къ королю испанскому, къ императору австрійскому и къ папѣ. Комуловичу вѣрно было сблизиться съ ними, обнадежить ихъ въ поддержкѣ папы и подать имъ мысль отправить для переговоровъ посольство въ Римъ.

Изъ блестящей, жизнерадостной Венеціи аббатъ отправился въ Трансильванію съ ея высокими, мрачными горами, вѣковыми лѣсами и почти всегда пасмурнымъ небомъ. Извѣстно, какъ дорожилъ этой

провинціей Стефанъ Баторій, мечтавшій сдѣлать ее оплотомъ противъ Турціи.

Въ январѣ 1594 года, когда туда прибылъ Комуловичъ, воеводою трансильванскимъ былъ Сигизмундъ Баторій, племянникъ покойнаго короля польскаго. Внутренніе раздоры, волновавшіе это княжество, создали ему весьма затруднительное положеніе; въ этой маленькой странѣ существовали политическія партіи, между которыми происходила ожесточенная борьба; одни были на сторонѣ Австріи, другіе на сторонѣ Турціи; были и такіе честолюбцы, которые хотѣли свергнуть Сигизмунда и занять его мѣсто. Что касалось самого Сигизмунда, то онъ предавался у себя, въ горахъ, такимъ же мечтамъ, какія папа лелѣялъ въ Ватиканѣ, и такимъ образомъ, въ то самое время, какъ Комуловичъ выѣхалъ изъ Рима для пропаганды крестоваго похода, туда прибылъ отъ имени Сигизмунда съ подобнымъ же проектомъ испанскій іезуитъ Альфонсъ Карилло, духовникъ и другъ молодаго трансильванскаго воеводы.

Въ виду чрезвычайнаго возбужденія умовъ, царствовавшаго въ Карлсбургѣ, главномъ городѣ Трансильваніи, Комуловичу было необходимо дѣйствовать весьма осторожно. Поэтому онъ окружилъ себя величайшей тайною и имѣлъ у князя всего только двѣ секретныя аудіенціи. Сигизмундъ открылъ ему свои планы: поддерживая для вида дружескія отношенія къ султану, онъ предполагалъ сформировать къ веснѣ многочисленное войско, вѣрить начальство надъ нимъ Балтазару Баторію и, опираясь на союзъ съ австрійскимъ императоромъ, напасть на турокъ.

Неудивительно, что когда Комуловичъ изложилъ князю планы папы Климента VIII, то онъ встрѣтилъ съ его стороны полное сочувствіе.

Вопросъ о походѣ противъ Турціи обсуждался также на сеймѣ, открывшемся въ началѣ февраля, но, болѣе осторожно и сдержанно, дабы не слишкомъ напугать приверженцевъ турокъ.

На одномъ изъ послѣднихъ совѣщаній было рѣшено держаться образа дѣйствій соотвѣтствующаго видамъ папскаго престола, а 14-го (23-го) числа того же мѣсяца, отецъ Карилло, только-что возвратившійся изъ Италіи, отправился въ Прагу съ черновымъ проектомъ договора.

Прощаясь съ Комуловичемъ, Сигизмундъ извинялся, что онъ не имѣлъ возможности чаще бесѣдовать съ нимъ; но Комуловичъ и безъ того торжествовалъ, и его пылкому воображенію уже рисовалось христіанское войско на пути къ Византіи, и онъ мечталъ, что въ слѣдующемъ году, послѣ рѣшительной кровавой битвы, турки будутъ изгнаны изъ Европы.

Однако радость его была непродолжительна. Уже въ началѣ марта кардиналъ Андрей Баторій, принимавшій участіе во всѣхъ перегово-

рахъ, отправилъ Клименту VIII письмо, въ которомъ, разсыпаясь въ похвалахъ Комуловичу и увѣряя папу въ своемъ искреннемъ къ нему расположеніи и преданности, онъ высказывалъ большія опасенія.—Война съ Турціей была,—по его словамъ,—очень опасна, и на императора австрійскаго нельзя было положиться.

Между тѣмъ относительно Трансильваніи распространились самыя тревожныя слухи; противъ князя образовалась сильная оппозиція; два двоюродные брата воеводы, Балтазаръ и Стефанъ, стали во главѣ недовольныхъ, которые требовали отреченія Сигизмунда. Князь подавилъ возстаніе, обогривъ страну потоками крови; Балтазаръ и главные руководители возстанія были обезглавлены; другіе, менѣе виновные, сосланы; ихъ имущества конфискованы въ пользу казны. Въ концѣ года, когда спокойствіе въ странѣ было восстановлено, сеймъ оказался сговорчивымъ и одобрилъ союзъ съ Австріей.

Когда слухъ о кровавыхъ казняхъ, совершенныхъ по повелѣнію Сигизмунда, дошелъ до Рима, то въ Ватиканѣ были поражены жестокостью молодаго воеводы,—ему было въ то время не болѣе 22 лѣтъ, однако выраженное имъ желаніе имѣть у себя представителя папскаго престола, въ качествѣ руководителя и совѣтника, было удовлетворено.

Аббатъ Комуловичъ уѣхалъ изъ Трансильваніи незадолго до вышеупомянутыхъ кровавыхъ событій. Въ исходѣ марта онъ переѣхалъ границу Молдавіи и отправился въ Яссы, гдѣ провелъ два дня, въ секретныхъ совѣщаніяхъ съ молдавскимъ воеводою.

Папское посланіе, представленное ему Комуловичемъ, произвело на воеводу огромное впечатлѣніе; онъ обѣщалъ присоединиться къ лугѣ противъ турокъ и далъ аббату отъ себя письма къ казакамъ, къ польскому канцлеру и къ московскому царю. Готовность, выраженная молдавскимъ воеводою, была не безъ разсчета; онъ самъ желалъ получить отъ папы помощь противъ татаръ, поэтому пріѣздъ Комуловича былъ для него весьма кстати. Но нѣсколько недѣль спустя, изъ переписки съ воеводою, Комуловичъ убѣдился, что на него нельзя было разсчитывать; человѣкъ нерѣшительный и непостоянный, онъ могъ каждую минуту измѣнить своимъ союзникамъ, не былъ въ состояніи принять никакого твердаго рѣшенія.

Переговоры, веденные Комуловичемъ въ Трансильваніи и Молдавіи, все-таки увѣнчались успѣхомъ; онъ еще не доѣхалъ до Польши, какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1594 г. между Сигизмундомъ Баторіемъ и воеводами молдавскимъ и валахскимъ было заключено соглашеніе, въ силу котораго эти три маленькія государства рѣшили дѣйствовать совмѣстно противъ ненавистнаго имъ турецкаго султана. Это извѣстіе произвело на Диванъ потрясающее впечатлѣніе. Положеніе Турціи было критическое: турецкое войско, сосредоточенное въ Венгріи, требовало уплаты



жалованья, угрожая въ противномъ случаѣ неповиновеніемъ начальству; чтобы поднять духъ войска, султанъ Мурадъ рѣшилъ сыпать золото пригоршнями и приказалъ развернуть знамя пророка; оно было торжественно перенесено изъ Дамаска въ Константинополь, откуда отрядъ въ тысячу янычаръ сопровождалъ его въ Венгрію; при видѣ этого знамени, турки воодушевились.

Тогда императоръ австрійскій Рудольфъ II и король польскій Сигизмундъ, въ виду предстоявшей войны, которая могла принять грандіозные размѣры, заключили союзъ для совмѣстной борьбы съ турками.

Договоромъ, заключеннымъ 16-го (25-го) января 1595 г., были признаны права Сигизмунда Баторія на Трансильванію, и договоръ этотъ былъ распространенъ на Молдавію и Валахію.

Такимъ образомъ, стараніями Комуловича осуществилось желаніе папы Климента VIII, который мечталъ о союзѣ Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи съ австрійскимъ императоромъ. Но на этомъ и окончились дипломатическіе успѣхи Комуловича; всѣ его дальнѣйшія попытки привлечь къ участію въ лигѣ казаковъ, Польшу и Москву были неудачны.

До него ни одинъ папскій посолъ не появлялся среди храбрыхъ, воинственныхъ, но своевольныхъ казаковъ, съ которыми даже императоръ Рудольфъ велъ переговоры, какъ съ самостоятелною державою, когда онъ склонялъ ихъ въ 1594 г. поднять оружіе противъ турокъ.

Въ инструкціяхъ, данныхъ Комуловичу изъ Рима, ему было приказано, не открывая своихъ намѣреній въ Польшѣ, общать казакамъ 12 тысячъ флориновъ, какъ только они вступятъ на турецкую землю. Подобныя рѣчи дѣйствительно могли лучше всего быть поняты на берегахъ Днѣстра и Дона.

Въ исходѣ марта Комуловичъ прибылъ въ Каменецъ. Казаки были въ это время въ походѣ; ихъ отсутствіе дало ему возможность ознакомиться съ той почвою, на которой ему предстояло дѣйствовать. Въ его инструкціяхъ было сказано, между прочимъ, что князь Константинъ Острожскій хорошо знаетъ казаковъ и можетъ быть ему полезенъ своими совѣтами.

Поэтому Комуловичъ отправился къ нему, вручилъ ему посланіе Климента VIII и подтвердилъ обѣщаніе папы поддержать у австрійскаго императора его просьбу о денежной помощи. Старикъ, хитрый какъ лиса, искусно лавировалъ между Римомъ и Византіей, но преслѣдовалъ въ дѣйствительности только свои эгоистическія цѣли. Онъ отвѣчалъ Комуловичу увѣреніями въ своемъ искреннемъ желаніи уничтожить Турцію; изъ его словъ выходило, что вотъ-вотъ онъ двинется противъ турокъ и татаръ лично, во главѣ своего войска; онъ немед-

ленно разослалъ гонцовъ, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, гдѣ находились казаки.

Прекрасное впечатлѣніе, вынесенное Комуловичемъ изъ перваго свиданія съ княземъ Острожскимъ, было непродолжительно; онъ подмѣтилъ вскорѣ, что старикъ легко переходитъ изъ одной крайности въ другую. «Этотъ человекъ,—писалъ онъ,—не есть избранникъ Божій».

Сношенія съ Острожскимъ на этомъ окончились. Переговоры Комуловича съ Замоѣскимъ также не привели ни къ какому результату. Его осторожность ни къ чему не послужила; хотя онъ дѣлалъ видъ, что пріѣхалъ только посоветоваться съ канцлеромъ и заявилъ ему, что папа не хочетъ создавать никому затрудненій, что мысль о лигѣ возникла сама собою, но канцлеръ упорно ограничивался одними уклончивыми отвѣтами. Отсутствие короля было для него въ этомъ случаѣ удобнымъ предлогомъ, но подъ рукою онъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу пріѣзда Комуловича и отзывался о немъ, какъ о турецкомъ шпионѣ.

Озлобленный противъ Замоѣскаго, Комуловичъ рѣшилъ искать другаго союзника и увлечь Польшу въ войну помимо ея воли.

Случай къ тому представился неожиданно. Татары, подданные турецкаго султана, совершили кровавый набѣгъ на Подолію и Венгрію. Жители этихъ мѣстностей оказали имъ весьма слабое сопротивленіе, и кардиналъ Андрей Баторій, описывая эти бѣдствія своему коллегѣ кардиналу Санъ-Джорджіо, вспоминалъ съ грустью о Стефанѣ Баторіи и горевалъ о томъ, что его нѣтъ на свѣтѣ, чтобы защитить Польшу. «Надобно строго наказать татаръ,—писалъ онъ,—и отрѣзать имъ путь къ отступленію». Комуловичъ ухватился за эту мысль и рѣшилъ осуществить ее при помощи Николая Яжловицкаго (Jazłowiecki), старосты Снятинскаго, который сочувствовалъ его планамъ и внушалъ ему самыя горячія симпатіи.

Яжловицкій пользовался въ Польшѣ славою храбраго и опытнаго воина, былъ человекъ весьма вліятельный и заклятый врагъ Замоѣскаго. На сеймѣ 1587 г., гдѣ особенно рѣзко проявилось соперничество партій, Замоѣскій одержалъ верхъ надъ партіей Зборовскихъ, къ которой принадлежалъ Яжловицкій, и королемъ польскимъ былъ избранъ тогда его кандидатъ, шведскій королевскій принцъ. Люди рѣдко прощаютъ подобнаго рода побѣды.

Комуловичъ, во время своихъ поѣздокъ, имѣлъ случай познакомиться и бесѣдовать съ Яжловицкимъ. Подкупленный его прямою и откровенностью, его воинственными наклонностями, его желаніемъ сразиться съ турками, онъ рѣшилъ воспользоваться имъ для великихъ цѣлей христіанскаго мира и успѣшилъ заключить съ Яжловицкимъ настоящій договоръ.

Какъ припомнимъ, папа назначилъ двѣнадцать тысячъ флориновъ, казакамъ на военныя издержки, если они пойдутъ противъ турокъ; начальникомъ этой экспедиціи могъ быть Яжловицкій, слѣдовательно, не было ничего легче, какъ организовать за деньги вооруженныя банды.

Въ архивахъ князя Боргезе, въ Ватиканѣ, хранится латинскій текстъ договора, заключеннаго Комуловичемъ и Яжловицкимъ, — двумя заклятыми врагами турокъ. Вотъ переводъ этого любопытнаго документа.

«Данъ 30-го августа 1594 г. по Р. Х. въ Сарафіи (Sagafia). Мы, Николай Яжловицкій, староста Снятинскій, узнавъ отъ достопочтеннаго отца Александра Комуловича, аббата Ноискаго, что святѣйшій отецъ Климентъ VIII, папа римскій и намѣстникъ Христа, хочетъ ограничить набѣги татаръ, которые наносятъ страшный вредъ христіанскимъ арміямъ, вознамѣрились исполнить благочестивое желаніе его святѣйшества и поэтому предлагаемъ свои услуги и съ помощію Божіей обѣщаемъ въ слѣдующіе три мѣсяца либо разорить земли татаръ, либо атаковать и преслѣдовать ихъ войска по возвращеніи ихъ изъ Венгрии, возлагая упованіе на Бога и на благословеніе нашего святѣйшаго отца. — А если его святѣйшество пожелаетъ продолжать войну и дать необходимыя на это оредства, то мы готовы на все и постараемся помѣшать татарамъ атаковать снова христіанское войско или придти на помощь туркамъ. Въ свидѣтельство чего подписуемся съ приложеніемъ собственной нашей печати и т. д.»

Читая этотъ документъ можно подумать, что онъ написанъ самодержцемъ, располагавшимъ по своему усмотрѣнію войною и миромъ.

По заключеніи этого договора, Комуловичъ сдѣлалъ немедленно первый взносъ въ десять тысячъ флориновъ. Яжловицкій, съ своей стороны, сдержалъ слово; позабывъ свою злобу, онъ представилъ планъ похода Замоискому, который, какъ канцлеръ, не далъ ему ни совѣта, ни разрѣшенія начинать походъ, но, какъ польскій дворянинъ, пожелалъ предпріятію всякаго успѣха и даже обѣщалъ, что въ немъ приметъ участіе одинъ изъ его племянниковъ. Племянникъ Замоискаго въ походѣ не участвовалъ, но письмо, данное къ нему канцлеромъ, сослужило Яжловицкому службу. Вооружившись этимъ документомъ, староста созвалъ своихъ сотоварищей по оружію, навербовалъ наемныхъ солдатъ и вошелъ въ сношеніе съ малороссійскимъ гетманомъ Наливайкою и полковникомъ Лободою, которые привели ему до шести тысячъ казаковъ съ береговъ Днѣпра. Какъ только маленькое войско было сформировано, Яжловицкій поспѣшилъ выполнить свой смѣлый планъ: идти форсированнымъ маршемъ, напасть врасплохъ на Крымъ, воспользо-ваться отсутствіемъ татаръ, ушедшихъ къ Карпатамъ и разорить до-гла это разбойничье гнѣздо.

Предпріятіе окончилось весьма печально. Въ окрестностях Бѣлгорода Лобода и Наливайко измѣнили свой планъ и направились съ главными силами своего отряда вмѣсто Крыма въ Валахію. Эту перемѣну, нанесшую роковой ударъ Яжловицкому, приписываютъ письму, полученному Наливайкою отъ Рудольфа. Вмѣсто того, чтобы напасть на татаръ, Яжловицкому пришлось отступить, такъ какъ съ жалкими остатками войска продолжать походъ было невозможно. Староста вернулся домой въ полномъ отчаяніи; расходы на снаряженіе войска поглотили все его состояніе; обремененный долгами и удрученный горемъ, онъ сошелъ скорѣе преждевременно въ могилу.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этой трагической развязки Комуловичъ возобновилъ въ Краковѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1594 г., свои дипломатическіе переговоры съ поляками. Замойскій втайнѣ относился къ нему по-прежнему враждебно, но Комуловичъ не падалъ духомъ и выработалъ вмѣстѣ съ нунціемъ Маласпина проектъ лиги, который онъ намѣревался представить на утвержденіе сейма.

Оба представителя папы были того мнѣнія, что Польша, одна, не могла вести войны ни съ турками, ни съ татарами; доказательствомъ того служила безнаказанность набѣговъ крымскаго хана; а для того, чтобы Польша примкнула къ лигѣ, о которой мечталъ Сикстъ V, ей необходимо было дать денегъ хотя бы только для того, чтобы увлечь ее въ общее движеніе. Когда не было денегъ, не было и польскаго войска; «пусть папа раскошелится, пусть онъ дастъ для начала хоть сто тысячъ флориновъ, а въ будущемъ обѣщаетъ больше, тогда сеймъ вотинуетъ, быть можетъ, лигу противъ Турціи», таковъ былъ въ двухъ словахъ отвѣтъ поляковъ.

Другую мѣрою, лестною для національнаго самолюбія, могло быть назначеніе въ Польшу легатомъ кардинала, который былъ бы уполномоченъ говорить отъ имени папы въ рѣшительномъ тонѣ, какъ объ этомъ неоднократно писалъ въ Римъ Комуловичъ.

Открытіе сейма въ Краковѣ было назначено на 28-е января (6-го февраля) 1595 г. Въ пригласительныхъ письмахъ, разосланныхъ сенаторамъ, говорилось о войнѣ съ Турціей въ такихъ выраженіяхъ, которыя вызвали одобреніе со стороны нунція; король выказывалъ желаніе начать войну; но Замойскій и нѣкоторые другіе магнаты предпочитали сохранить оборонительное положеніе, и такъ какъ папа не подкупили голоса, то предсказанія благоразумныхъ людей сбылись: сеймъ высказался за поддержаніе мира съ Турціей. Комуловичъ не могъ повліять на робкихъ и боязливыхъ депутатовъ, а слѣдовательно, и на рѣшеніе сейма, такъ какъ неотложная надобность заставляла его ускорить свой отъѣздъ на сѣверъ.

## X.

Мнимое завѣщаніе Іоанна Грознаго.—Австрійскіе эрцгерцоги, какъ претенденты на русскій престолъ.—Положеніе дѣлъ въ Швеціи.—Прибытіе Комуловича въ Москву.—Отношенія Россіи къ Турціи.—Характеристика Θεодора Іоанновича.—Переговоры Комуловича.—Прибытіе въ Москву австрійскаго посла.—Возвращеніе Комуловича въ Польшу.—Отправленіе папою Климентомъ VIII посольства въ Польшу.—Кончина Θεодора Іоанновича и вступленіе на престолъ Бориса Годунова.—Польское посольство въ Москвѣ.—Заключеніе перемирія на 20 лѣтъ.—Отношенія между Россією, Польшою и папскимъ престоломъ.

Конечной цѣлью поѣздки Комуловича была Москва. Но прежде, нежели отправиться туда, онъ долженъ былъ согласовать свои дальнѣйшія дѣйствія съ видами австрійскаго императора, который преслѣдовалъ по существу одинакія цѣли съ папою, хотя велъ въ то же время съ московскими боярами тайные переговоры относительно престолонаслѣдія.

Мы уже упоминали о томъ, что въ 1586 г. два австрійскихъ эрцгерцога мечтали о коронѣ Мономаха. Два года спустя, въ 1588 г., въ Прагѣ появился нѣкто Лука Паули, сынъ нѣмецкаго плѣнника, который сообщилъ императору Рудольфу II, что бояре, съ Борисомъ Годуновымъ во главѣ, недовольные правленіемъ Θεодора, желали видѣть на престолѣ эрцгерцога Максимилиана, который имѣлъ на него право въ силу необнародованнаго завѣщанія Іоанна Грознаго.

Рудольфъ II, повѣривъ Паули, сообщалъ о томъ австрійскимъ и испанскимъ габсбургскимъ принцамъ и послалъ въ Москву своего уполномоченнаго Николая Варкоча, поручивъ ему розыскать таинственное завѣщаніе.

Разумѣется, Варкочъ ничего подобнаго не нашелъ, но донесъ императору, по возвращеніи изъ Москвы, что въ Россіи относятся къ нѣмцамъ очень сочувственно. Изъ словъ Бориса Годунова, сказанныхъ ему въ одну изъ послѣднихъ аудіенцій, можно было даже понять, по его увѣренію, что какъ только Максимилианъ вступитъ на польскій престолъ, онъ получитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и московскую корону. Самъ Θεодоръ Іоанновичъ, по словамъ Варкоча, не желалъ инаго наслѣдника, кромѣ эрцгерцога.

Когда Максимилианъ, послѣ пораженія, нанесеннаго ему Замойскимъ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ видовъ на Польшу, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ оставилъ и надежду на московскій престолъ, но вскорѣ новыя набѣги татаръ на Венгрію и надобность въ деньгахъ возбудили въ немъ желаніе отыскать завѣщаніе Іоанна Грознаго.

Въ 1593 г. Варкочъ вторично отправился на поиски за этимъ за-

\*

вѣщаніемъ, которые также не привели ни къ чему; зато онъ привезъ извѣстіе, что московскіе бояре выразили желаніе, чтобы въ Москву былъ присланъ какой-нибудь юный 14—18 лѣтній эрцгерцогъ, котораго они возведутъ на престолъ, если царь Ѳеодоръ скончается, не оставивъ мужскаго потомства. Что касалось лиги противъ турокъ, то въ Москвѣ обѣщали дать на походъ денегъ съ тѣмъ, чтобы въ апрѣлѣ 1594 г. въ Кремль съѣхались для совѣщаній по этому поводу уполномоченные Австріи, Испаніи и папы.

Желаніе московскихъ бояръ вполне соотвѣтствовало видамъ Ватикана и давало Комуловичу, посланному для переговоровъ въ Москву, надежду на успѣхъ. Неожиданныя смуты, возникшія въ это время въ Швеціи, заставили его ускорить свой отъѣздъ изъ Праги.

По смерти шведскаго короля Іоанна III, ему наследовалъ его сынъ Сигизмундъ, избранный, послѣ кончины Стефана Баторія, королемъ польскимъ. Тогда дядя его, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, сдѣлалъ попытку захватить корону, и такъ какъ Сигизмундъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ наследственныхъ правъ на Швецію, то это повело къ многолѣтней борьбѣ, которая окончилась въ 1604 г. побѣдою Карла.

Въ 1594 г. борьба была въ самомъ разгарѣ. Въ это время разнесся слухъ, что московскій царь хотѣлъ заключить миръ со Швеціей. Это повергло польскаго нунція въ большое затрудненіе: помѣшать заключенію мира значило погубить лигу, а содѣйствовать ему значило повредить Сигизмунду, такъ какъ силы Карла Зюдерманландскаго были бы удвоены, если бы ему не угрожала опасность со стороны Москвы.

Нунцій придумалъ слѣдующій выходъ изъ затруднительнаго положенія: онъ рѣшилъ содѣйствовать всѣми силами заключенію мира между царемъ и Сигизмундомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добиться того, чтобы въ мирномъ договорѣ не было упомянуто имени герцога Карла; такимъ образомъ, этотъ договоръ былъ бы безмолвнымъ признаніемъ законныхъ правъ Сигизмунда, а, въ случаѣ его сверженія съ престола, онъ могъ бы считаться недѣйствительнымъ. Устроить это было поручено Комуловичу, который и поспѣшилъ отправиться въ Москву, чтобы не упустить благоприятнаго къ этому момента.

Онъ везъ царю изумрудный крестъ, украшенный греческой надписью, и четки изъ горнаго хрустала. Въ инструкціяхъ, полученныхъ Комуловичемъ изъ Рима, ему повелѣвалось прежде всего заботиться о лигѣ и о церковной уніи, а затѣмъ поддержать требованія австрійскаго императора, который просилъ царя удержать татаръ, опустошавшихъ своими набѣгами Венгрію, и помочь ему деньгами. За это Рудольфъ II обѣщалъ, съ своей стороны, признать его царскій титулъ и не мѣшать ему завоевать Константинополь.

Кромѣ того, Комуловичу велѣно было дать царю совѣтъ порвать связь съ восточнымъ патріархомъ, поданнымъ султана, покупавшимъ свою митру у мусульманъ. Это соотвѣтствовало тайнымъ помысламъ Бориса Годунова, который хотѣлъ, чтобы у православной церкви былъ свой собственный самостоятельный глава, патріархъ, который могъ бы благословить его впоследствии на царство.

Подробности переговоровъ, происходившихъ въ Москвѣ, неизвѣстны, но зная, какими принципами руководствовался въ своей политикѣ тогдашній правитель Московскаго государства, можно догадываться о томъ, въ какомъ духѣ они велись.

Послѣ царствованія Іоанна IV, Россія нуждалась въ покоѣ и мирѣ; надобно было дѣйствовать искусно, чтобы удержать одѣланные имъ завоеванія, не подавая повода къ войнѣ. Годуновъ, правившій именемъ Θεодора Іоанновича, не только не думалъ отказываться отъ Казани и Астрахани, но укрѣплялъ линію Дона и Терека и подготавливалъ исподоволь присоединеніе Грузіи, что могло повести со временемъ къ войнѣ съ Турціей.

Между тѣмъ въ 1584 г. въ Константинополь былъ отправленъ посолъ, объявить султану о вступленіи на престолъ Θεодора Іоанновича, напомнить ему о добрыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Іоанномъ III и Баязетомъ, Василіемъ и Сулейманомъ, Іоанномъ IV и Селимомъ, возобновить торговые договоры и обратить вниманіе султана на вѣротерпимость царей, доказательствомъ коей служили мечети, сооружаемыя въ самомъ центрѣ страны, въ Касимовѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1592 г., царь Θεодоръ и Годуновъ выразили султану свое удовольствіе по поводу того, что имъ удалось отклонить воинственные предложенія императора австрійскаго, папы, Испаніи, Польши и Персіи, которые поклялись уничтожить полумѣсяцъ; турки отвѣчали въ томъ же тонѣ, посылали въ Москву своихъ чаушей, но, не довѣряя словамъ, требовали болѣе вѣскихъ доказательствъ дружбы со стороны Московскаго государства.

Съ татарами Годуновъ поладилъ очень скоро: «готовится страшная война, писалъ онъ имъ; соединенныя силы западныхъ державъ пойдутъ на Константинополь, мнѣ предлагаютъ въ добычу Крымъ, но я заранѣе отказываюсь отъ него и предпочитаю быть съ вами въ добрыхъ отношеніяхъ». Благодаря этой хитрости, ему удалось заключить въ 1593 г. съ татарами миръ.

Такова была официальная политика Годунова, а въ тайнѣ онъ посылалъ Рудольфу деньги и драгоцѣнные мѣха и поощрялъ его къ войнѣ противъ турокъ.

Съ недавними соперницами Россіи, со Швеціей и Польшей, Годуновъ старался поддерживать мирныя отношенія. Шведы, которые

страдали въ то время отъ внутреннихъ междоусобій, раздѣляли эти миролюбивыя стремленія. Обѣ державы не спѣшили обнажить мечъ, хотя ихъ войска стояли наготовѣ и могли каждую минуту вступить въ бой; но это была лишь демонстрація, имѣвшая цѣлью ускорить переговоры и добиться болѣе выгодныхъ условій мира, который и былъ, наконецъ, заключенъ 9-го (18-го) мая 1595 г. на почвѣ взаимныхъ уступокъ. Особой статьей этого договора была обезпечена русскимъ свобода сношеній съ западными державами черезъ Швецію, при чемъ эта привилегія распространялась и на купцовъ, врачей и ремесленниковъ.

Успокоенный относительно шведской границы, Годуновъ не нарушалъ также перемирія, заключеннаго въ 1591 г. съ Польшей, хотя въ тайнѣ онъ возбуждалъ противъ нея Австрію.

Въ то время, какъ онъ велъ въ главныхъ чертахъ, такимъ образомъ, внѣшнюю политику Россіи, въ его головѣ созрѣвали замыслы на будущее, воплоти оправдываемые неспособностью и недолговѣчностью слабого и болѣзненнаго Феодора Іоанновича, у котораго не было прямого наслѣдника.

Полная несостоятельность Феодора, какъ правителя, засвидѣтельствована современниками. Одинъ изъ нихъ, Флетчеръ, такъ описываетъ препровожденіе времени царя. Уже въ четыре часа къ нему являлся духовникъ съ крестомъ и образами, чтобы благословить его помолиться вмѣстѣ съ нимъ и призвать на него благословеніе святыхъ, память которыхъ чтилась въ тотъ день. Затѣмъ царь посылалъ освѣдомиться о здоровьѣ царицы, которая помѣщалась въ отдѣльныхъ покояхъ, потомъ они отправлялись вмѣстѣ къ заутрени. Въ девять часовъ утра они шли въ другую церковь къ обѣднѣ; богослуженіе не мѣшало бесѣдѣ и дѣла смѣшивались съ молитвою. Вскорѣ послѣ обѣдни подавался обѣдъ, послѣ котораго полагался отдыхъ или, лучше сказать, трехчасовой глубокій сонъ. Остальное время дня, за исключеніемъ вечера, посвящалось невиннымъ развлеченіямъ; карлики и шуты увеселяли царя и царицу пѣснями и танцами; вышивальщицы и золотыхъ дѣлъ мастера показывали имъ свои произведенія; для разнообразія устраивался время отъ времени бой медвѣдей. День оканчивался ужиномъ и молитвами, которыя читались снова духовникомъ.

Неудивительно, что при такомъ образѣ жизни Феодоръ не могъ исполнять обязанностей своего царскаго сана. Къ тому же здоровье его мало-по-малу слабѣло. Единственная его дочь скончалась въ колыбели, а его братъ Димитрій погибъ таинственнымъ образомъ въ Угличѣ въ 1591 г. Династія Рюриковичей угасала. На ступеняхъ престола стоялъ на стражѣ Годуновъ, котораго самые недаленовидные люди подзвѣдали въ желаніи овладѣть короною.

Какой результатъ могли имѣть при этихъ условіяхъ переговоры съ



папскимъ посломъ? Лично ему былъ оказанъ въ Москвѣ самый превосходный пріемъ; купцамъ, которые, какъ водится, сопровождали Комуловича, были предоставлены всевозможныя льготы; не были забыты и обычные соболя, которые ему было поручено отвезти папѣ, но эти любезности ни къ чему не обязывали. Неизвѣстно, обсуждался ли съ нимъ вопросъ о вѣрѣ и о единеніи съ Римомъ, но въ этомъ можно усомниться, такъ какъ подобный вопросъ вызвалъ бы, конечно, сильное противодѣйствіе со стороны русскихъ; къ тому же возбуждать его было неудобно въ такой моментъ когда Годунову былъ нуженъ патріархъ, который провозгласилъ бы его царемъ.

Что касается политики, то переговоры ограничились простымъ обмѣномъ мыслей: Годуновъ выразилъ обычное желаніе, чтобы въ Москву съѣхались послы западныхъ державъ для обсужденія вопроса о лигѣ; относительно Швеціи, онъ высказалъ Комуловичу свои намѣренія, но это не помѣшало ему заключить съ нею миръ въ томъ смыслѣ, какъ онъ хотѣлъ.

Николай Варкочъ, посланный въ Москву императоромъ Рудольфомъ вслѣдъ за Комуловичемъ, могъ похвастать большимъ успѣхомъ; онъ добился для своего монарха денежной субсидіи въ 150 тысячъ флориновъ, которые были выданы, впрочемъ, не деньгами, а драгоценными мѣхами; эти мѣха были выставлены напоказъ во дворцѣ въ Прагѣ и проданы ганзейскими купцами.

Такъ какъ донесеніе Варкоча съ отчетомъ о его поѣздѣ утрачено, то нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы утверждать, что именно говорилось въ Москвѣ между нимъ и боярами по животрепещущему вопросу о престолонаслѣдіи и посылки въ Кремль эрцгерцога, о чемъ ему разрѣшено было начать переговоры. Комуловичъ, выѣхавшій изъ Москвы 13-го (22-го) мая въ Вильно, не подозрѣвалъ, вѣроятно, этихъ тайнъ.

По пріѣздѣ въ Вильно, ему представилось новое, трудное и обширное поприще дѣятельности. Нунцій возложилъ на него обязанность обѣхатъ обширную Литовскую епархію, которая оставалась пять лѣтъ безъ пастыря.

Населеніе этой мѣстности было грубо и невѣжественно, дѣти некрещены, приходы не имѣли священниковъ или священники не знали мѣстнаго нарѣчія.

Комуловичъ энергично принялся за дѣло и прежде всего счелъ нужнымъ позаботиться объ образованіи духовенства, на что, по его просьбѣ, было ассигновано десять тысячъ флориновъ. Значительная сумма была также ассигнована на возобновленіе собора, пришедшаго въ ветхость, и на увеличеніе благолѣпія богослуженія. Вообще Комуловичъ оставилъ о себѣ въ Вильнѣ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ дѣя-

тельномъ, энергичномъ и безкорыстномъ. Къ сожалѣнію, донесенія, которыя посылались имъ въ Римъ, также утрачены, а въ нихъ, безъ сомнѣнія, заключалось не мало любопытныхъ свѣдѣній.

Не смотря на свою плодотворную дѣятельность въ Литвѣ, Комуловичъ пробылъ тамъ недолго; ему пришлось, по повелѣнію папы, въ скоромъ времени отправиться опять въ Москву.

Не смотря на неудачу всѣхъ предыдущихъ переговоровъ, Климентъ VIII не оставлялъ мысли объ организаціи похода противъ Турціи, и съ этой цѣлью имъ былъ посланъ въ іюнь мѣсяцѣ 1595 г. въ Польшу кардиналъ Кастани, который проявилъ большую дѣятельность въ Краковѣ и Варшавѣ и дважды посылалъ своего секретаря Ванопци къ всемогущему польскому канцлеру. Италіанскій дипломатъ былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ въ Польшѣ.

Замосць, основанное канцлеромъ недавно, приняло уже видъ изящнаго укрѣпленнаго города, въ немъ появилась великолѣпная церковь, академія, школы, библіотека, наполненная рѣдкими книгами и рукописями, замокъ съ обширными конюшнями; городъ былъ обнесенъ рвомъ и валами. Самъ канцлеръ произвелъ на него весьма благопріятное впечатлѣніе: высокаго роста, стройный, онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, свободно говорилъ по-латыни и отзывался о папѣ и королѣ съ большимъ почтеніемъ. Ванопци широко воспользовался польскимъ гостепріимствомъ; пиры продолжались не менѣе четырехъ часовъ; подъ звуки музыки подавались изысканныя блюда и дорогія вина; сервировка стола оверкала золотомъ и серебромъ.

Аудіенціи, данныя Ванопци Замойскимъ, не уступали продолжительностью пирамъ, но не имѣли желаемого результата.

— Польша, говорилъ Замойскій, не можетъ одна помѣриться силами съ Турціей, а для того, чтобы организовать лигу, пришлось бы возвратиться къ планамъ Сикста V.

Новый же проектъ папы былъ основанъ на союзѣ Польши и Австріи, на которую канцлеръ не возлагалъ никакихъ надеждъ.

Не успѣвъ ничего добиться въ Польшѣ, папа рѣшилъ сдѣлать еще одну попытку въ Москвѣ и какъ только Комуловичъ окончилъ объѣздъ своей Литовской епархіи, на него была возложена новая миссія къ царю Теодору Іоанновичу.

18-го (27-го) мая 1596 г. нунцій Маласпина препроводилъ ему въ Вильну паспортъ, тысячу флориновъ на путевыя издержки и письмо короля Сигизмунда III къ Теодору Іоанновичу.

Ему велѣно было ходатайствовать въ Москвѣ о томъ, чтобы были прекращены набѣги татаръ, выяснить вопросъ о намѣреніи царя принять участіе въ лигѣ противъ Турціи; и въ случаѣ его не желанія примкнуть къ ней, могутъ ли Польша и Швеція, начавъ войну съ

Турціей, быть увѣрены, въ томъ, что имъ не угрожаетъ опасность со стороны Москвы; если царь выразить желаніе участвовать въ лигѣ, то Комуловичу вѣдѣно было сказать ему, что съѣздъ пословъ, по дальности разстоянія, не можетъ происходить въ Кремлѣ; онъ долженъ былъ напомнить ему обѣщанія относительно Швеціи и такъ какъ мирный договоръ съ нею еще не былъ ратификованъ, то склонить царя нарушить договоръ, въ случаѣ, ежели шведы возстанутъ противъ Сигизмунда III, и, наконецъ, коснуться вопроса объ уніи, принятой на Брестскомъ соборѣ.

Комуловичъ такъ же, какъ и въ первую поѣздку, долженъ былъ дѣйствовать во всемъ согласно съ видами Австріи и даже ѣхать вмѣстѣ съ посломъ Рудольфа, Авраамомъ Доною. Къ счастью для Комуловича, они не поѣхали вмѣстѣ, и онъ избѣгнулъ такимъ образомъ непріятностей, которыя постигли австрійскаго посланника въ Литвѣ; а съ нимъ случилось слѣдующее приключеніе.

Въ Польшѣ разнесся слухъ, будто Дона везетъ Θεодору знаки королевскаго достоинства; сношенія австрійскаго императора съ Москвою придавали этимъ слухамъ нѣкоторую долю вѣроятія. Такъ какъ въ Польшѣ издавна вѣрили въ мнимое желаніе московскихъ царей возложить на свою главу корону западной державы, то Сигизмундъ III повѣрилъ и этому слуху и отдалъ строгое приказаніе задержать посланнаго, который и былъ арестованъ въ Юрьевѣ, не смотря на предъявленные имъ охранныя грамоты; ему пришлось употребить не мало энергіи, чтобы добиться разрѣшенія продолжать путь.

Въ исходѣ августа 1597 г. снова распространился тревожный слухъ: литовскій канцлеръ Сапѣга утверждалъ, что Дона уже поднесъ Θεодору корону, что новый король изгналъ изъ Москвы польскихъ купцовъ, произвелъ смотръ войскамъ и послалъ на границу значительныя силы.

Эти свѣдѣнія были ложны, но они такъ взволновали умы, что папскому легату, кардиналу Кастани, и варшавскому нунцію съ трудомъ удалось успокоить поляковъ. Ихъ положеніе было тѣмъ болѣе затруднительно, что въ то время, какъ всѣ волновались, король упорно молчалъ; нунцій думалъ, что Дона обманулъ его, и жаловался, что онъ не посвященъ въ эти тайныя происки. Наконецъ, король далъ аудіенцію Сапѣгѣ и нунцію и заявилъ имъ, что онъ твердо рѣшилъ не допускать коронованія Θεодора, но что онъ будетъ дѣйствовать осторожно.

Въ Польшѣ успокоились окончательно только по возвращеніи Доны изъ Москвы, когда оказалось, что всѣ эти слухи были невѣрны.

Впрочемъ, и Комуловичъ испыталъ въ пути не менѣе тревоженій, нежели австрійскій посланникъ. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ виленскимъ каноникомъ Будыпато, и съ ними случилось недоразумѣніе въ Оршѣ, куда они прибыли въ исходѣ марта 1597 г. Комуловичъ ѣхалъ изъ Литвы, а

на вопросъ, откуда онъ ѣдетъ, говорилъ, что онъ ѣдетъ по порученію папы; русскіе не допускали мысли, чтобы посланный папою могъ ѣхать изъ Вильны; не довѣряя его словамъ, они отнеслись къ нему крайне нелюбезно, даже грубо и, не смотря на полученныя изъ Москвы приказанія, едва не уморили несчастнаго дипломата въ Оршѣ голодомъ, на что онъ жаловался самому царю въ письмѣ изъ Смоленска.

«Болѣзнь задержала меня въ Вильно,—писалъ онъ,—но я нахожусь въ постоянной перепискѣ съ папою; я везу посланіе отъ Климента VIII съ «полнымъ титуломъ», какого Поссевинъ не могъ добиться отъ Григорія XIII. Если бы поляки это подозрѣвали, то они не пропустили бы меня».

Маленькая хитрость, къ которой прибѣгнулъ Комуловичъ, упомянувъ о титулѣ, не имѣла ожидаемаго успѣха; ему былъ оказанъ въ Кремлѣ самый холодный пріемъ. Его не только держали, по обыкновенію, въ совершенномъ одиночествѣ, но русскіе были съ нимъ даже сдержаннѣе, нежели въ первый его пріѣздъ. Дона утверждалъ даже, что такъ какъ Комуловичъ ѣхалъ изъ Вильны и не могъ предъявить никакихъ официальныхъ документовъ, то его сочли въ Москвѣ просто-на-просто шпиономъ.

Сжалившись надъ нимъ, Дона замолвилъ за него слово, и тогда только положеніе несчастнаго аббата сдѣлалось болѣе сносно. Поляки приписывали враждебное отношеніе къ Комуловичу со стороны русскихъ Брестской уніи, въ коей его считали однимъ изъ самыхъ усердныхъ дѣятелей.

Помимо этихъ маловажныхъ подробностей, о пребываніи Комуловича въ Москвѣ въ 1597 г., не сохранилось никакихъ свѣдѣній; имѣются только два письма Θεодора къ Клименту VIII, на основаніи которыхъ можно судить о результатѣ его миссіи.

Царь высказываетъ въ этихъ письмахъ непоколебимое желаніе, чтобы послы западныхъ державъ съѣхались на совѣщаніе въ Москву; дальность разстоянія, по его словамъ, ничего не значила; свои права на эту уступку царь доказывалъ тѣмъ, что онъ отвлекъ татаръ отъ Венгріи, и что онъ постарался двинуть персовъ противъ турокъ.

Денежная субсидія, данная имъ Рудольфу, подорвала дружественныя отношенія царя къ султану, писалъ Θεодоръ Іоанновичъ; тѣмъ не менѣе, онъ обѣщалъ быть щедрымъ и впредь, лишь бы императоръ согласился на съѣздъ посланниковъ. Относительно Швеціи царь выказывалъ по-прежнему воинственные замыслы: «Она не соблюдаетъ условій договора,—писалъ Θεодоръ;—намъ не возвращены наши города и крѣпости; война между нами неизбежна, кровь будетъ пролита, и за нее будутъ отвѣтственными клятвопреступники».

Въ этомъ же родѣ были даны отвѣты Аврааму Донѣ, при чемъ царь

горько жаловался на Рудольфа II, говоря, что онъ болѣе склоненъ получать отъ него деньги и мѣха, нежели организовать съѣздъ пословъ въ Кремль. Въ общемъ, если не считать денегъ, данныхъ императору по ходатайству Варкоча, то все это были только одни громкія слова и обѣщанія.

Также малоуспѣшны были хлопоты кардинала Кастани въ Польшѣ; удрученный этимъ, онъ писалъ 27-го марта (5-го апрѣля) 1597 г. въ Римъ, что онъ выѣзжаетъ вскорѣ обратно въ Италію.

Въ концѣ того же года Комуловичъ возвратился въ Варшаву, гдѣ онъ пробылъ до сейма 1598 г. Вторичная поѣздка въ Москву разсѣяла послѣднія заблужденія славянскаго дипломата, такъ недавно еще мечтавшаго о союзѣ двухъ славянскихъ державъ.

Неудача переговоровъ, возложенныхъ на Авраама Дону, не заставила императора австрійскаго отказаться отъ своихъ плановъ. Дона не имѣлъ полномочій для организаціи лиги противъ турокъ, потому ему не удалось выхлопотать денежной субсидіи; русскіе не хотѣли дать денегъ до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны не подпишутъ договоръ, и не сдавались ни на какія убѣжденія.

Поэтому Рудольфъ II рѣшилъ еще разъ отправить въ Кремль посла, давъ ему болѣе обширныя полномочія. Выборъ палъ снова на Дону.

Этотъ разъ его инструкціи были измѣнены: въ Австріи отказались отъ мысли посадить на престолъ Мономаха эрцгерцога; тамъ поняли, наконецъ, что московская корона предназначалась для другихъ, и Австрія помирилась съ этимъ. «По всѣмъ дѣйствіямъ и поступкамъ Бориса Годунова», говорилось въ инструкціяхъ, въ составленіи которыхъ, вѣроятно, принималъ участіе самъ Дона, можно понять, что этотъ бояринъ надѣется достигнуть престола самъ или посадить на него своего сына и въ виду этого желаетъ заключить союзъ съ Австріей. Донѣ было разрѣшено сказать ему, по секрету, что если престолъ перейдетъ къ нему или къ его сыну, то онъ можетъ рассчитывать на дружбу Габсбурговъ.

Но обычная медлительность Австріи была причиною, что этотъ дальновидный шагъ не былъ сдѣланъ своевременно. Курьеръ, посланный съ письмомъ къ Годунову, былъ задержанъ по пути поляками; второму курьеру, посланному вслѣдъ за нимъ, удалось переѣхать границу, и онъ сообщилъ изъ Пскова важную новость о кончинѣ Θεодора Іоанновича и о вступленіи на престолъ Бориса Годунова.

Такимъ образомъ инструкціи, данныя Донѣ, оказались несвоевременны; въ виду совершившагося въ Москвѣ событія, приходилось дѣйствовать иначе.

Достигнувъ власти, Борисъ Годуновъ выказалъ себя во многихъ

отношеніяхъ человѣкомъ болѣе передовымъ, нежели его современники, монархи другихъ славянскихъ державъ.

Онъ смотрѣлъ съ завистью на Западъ и на его цивилизацію. Не имѣя возможности соорудить школы, такъ какъ противъ этого было духовенство, опасавшееся свѣта просвѣщенія, онъ рѣшилъ выполнить планъ, подсказанный Іоанну Грозному Поссевиномъ, и который былъ въ послѣдствіи принятъ Петромъ Великимъ, а именно: онъ рѣшилъ послать за границу молодыхъ людей для обученія наукамъ. Нѣсколько человѣкъ было послано имъ въ Любекъ, въ Англію, Францію и Австрію; но эта первая попытка окончилась полной неудачей; ни одинъ изъ этихъ молодыхъ людей не возвратился на родину. Кромѣ того, онъ вызвалъ изъ-за границы рабочихъ, ремесленниковъ, купцовъ, военныхъ врачей и послѣднимъ оказывалъ особое вниманіе и почести. Англійскіе и нѣмецкіе купцы пользовались при немъ такими привилегіями, какихъ не имѣли русскіе торговцы, а военныхъ наѣхало изъ-за границы такъ много, что изъ нихъ были составлены цѣлыя роты.

Въ глазахъ такого горячаго поклонника всего иностраннаго дипломатическія сношенія должны были имѣть особенно важное значеніе. И дѣйствительно, Борисъ Годуновъ дорожилъ ими, тѣмъ болѣе, что честолюбіе заставляло его искать для своихъ дѣтей брачныхъ союзовъ среди представителей западныхъ королевскихъ фамилій. Но зато сношенія съ Римомъ не имѣли цѣны въ его глазахъ, онъ не видѣлъ отъ нихъ никакой матеріальной пользы, а въ религіозные споры предпочиталъ не вмѣшиваться. Польскіе іезуиты очень скоро имѣли случай убѣдиться въ этомъ.

Получивъ отъ Бориса Годунова извѣщеніе о вступленіи на престолъ, король польскій, согласно обычаю, отправилъ въ Кремль, во второй половинѣ 1600 г., посольство, чтобы поздравить его отъ имени короля. На это посольство были возложены и нѣкоторыя болѣе важныя порученія. Во главѣ его находился литовскій канцлеръ, Левъ Сапѣга. Его имя само по себѣ было цѣлой политической программой. Онъ зналъ Москву, куда онъ ѣздилъ при вступленіи на престолъ Θεодора Іоанновича, и имѣлъ совершенно ясныя и опредѣленные взгляды на всѣ вопросы, которые ему предстояло обсуждать. По рожденію кальвинистъ, онъ принялъ въ 1586 г. католическую вѣру и сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ея послѣдователей; поэтому онъ горячо привѣтствовалъ Брестскую унію и былъ бы радъ, если бы она распространилась на всю Россію. По желанію Сапѣги, вмѣстѣ съ нимъ было послано въ Москву два іезуита, изъ коихъ одинъ былъ прекрасный проповѣдникъ.

За мѣсяцъ до отъѣзда въ Москву эти іезуиты отправились въ имѣніе Сапѣги, въ Бѣлоруссію, гдѣ они готовились къ своей мис-

сіонерской дѣятельности среди русскихъ. Канцлеръ и его семейство, служа примѣромъ благочестія, присутствовали каждый разъ при богослуженіи и слушали проповѣди. День рождества Пресвятой Богородицы былъ отпразднованъ въ Могилевѣ съ особенной торжественностью, послѣ чего они отправились въ путь и 7-го (16-го) октября прибыли въ Москву, гдѣ ихъ ожидало большое разочарованіе.

Не смотря на всѣ старанія іезуитовъ и на поддержку со стороны Сапѣги, они не могли не только приступить къ своей миссіонерской дѣятельности и къ обсужденію вопросовъ, касавшихся религіи, но даже вступить въ какое-либо общеніе съ русскими. Они были обречены на полное одиночество. Борисъ Годуновъ отнесся къ нимъ подозрительно; такъ что имъ пришлось отказаться отъ всякой внѣшней дѣятельности и ограничиться исполненіемъ своихъ духовныхъ обязанностей среди членовъ посольства, какъ писалъ объ этомъ о. Мартинъ генералу Аквививѣ изъ Полоцка 30-го марта (8-го апрѣля) 1601 г., присовокупляя съ грустью, что все сказанное Поссевиномъ въ его «Moscovia» совершенно вѣрно, что русскіе питаютъ къ католикамъ непримиримую ненависть, что они глубоко предубѣждены противъ папы и упорно держатся своихъ взглядовъ, не поддаваясь никакимъ убѣжденіямъ.

Всѣ попытки къ сближенію съ русскими, сдѣланныя самимъ Сапѣгою, окончились также неудачно. Онъ привезъ въ Москву проектъ договора, состоявшій изъ двадцати трехъ или четырехъ пунктовъ, который напоминалъ, во многихъ отношеніяхъ, обширный планъ Баторія, вложившійся къ сліянію поляковъ съ русскими. Сапѣгою былъ поднятъ въ Москвѣ вопросъ не только о свободѣ торговли, выдачѣ преступниковъ, покупкѣ и продажѣ имѣній, объ облегченіи браковъ между русскими и поляками, о сооруженіи церквей и территоріальныхъ уступкахъ, но въ то же время обсуждался вопросъ о новомъ порядкѣ престолонаслѣдія, который долженъ былъ привести неизбежно къ польскому владычеству. Во всемъ этомъ ясно проглядывала задняя мысль Сигизмунда; онъ хотѣлъ слить Московское государство съ Литвою и подготовить путь къ новой Люблинской уніи. Но съ Борисомъ Годуновымъ подобные замыслы не могли имѣть удачи; достигнувъ власти, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы упрочить на вновь пріобрѣтенномъ престолѣ свою династію.

Въ Кремлѣ польское посольство было принято холодно. За послами былъ учрежденъ бдительный надзоръ, ихъ изводили безконечными проволочками; они долго не могли получить аудіенціи. Борисъ отговаривался болѣзнію. Сапѣга очень скоро понялъ уловку Годунова, онъ угрожалъ Польшѣ союзомъ съ Швеціей, а Швеціи союзомъ съ Польшей, съ цѣлью добиться съ той и съ другой стороны наиболѣе выгодныхъ условій при заключеніи мира. Поляки скоро убѣдились въ томъ, что

программа, намѣченная ими, была слишкомъ обширна и что не стоило затрогивать многіе вопросы; поэтому они требовали слѣдующіе три пункта: свобода торговли, включая въ это пріобрѣтеніе недвижимой собственности; сооруженіе латинскихъ церквей въ особыхъ случаяхъ; наконецъ, уступка Польшѣ нѣкоторыхъ земель.

Но и эти, значительно ограниченные требованія показались боярамъ чрезмѣрными. Они отвѣчали на нихъ уклончиво, тѣмъ болѣе, что Сапѣга упорно отказывался дать Годунову царскій титулъ. Видя, что поляки хотѣли расширить сношенія съ Москвою, Борисъ Годуновъ поставилъ себѣ задачею воспрепятствовать этому, и чѣмъ больше поляки старались добиться этого, тѣмъ менѣе онъ выказывалъ готовности поддерживать ихъ.

Что касалось сооруженія латинскихъ церквей, то Годуновъ отвѣчалъ Сапѣгѣ отказомъ, точно такъ же, какъ Іоаннъ IV—Поссевиному. Онъ боялся, по его словамъ, чтобы это нововведеніе не вызвало ереси среди народа. Это нравилось его приближеннымъ. Рассказываютъ даже, будто однажды, когда онъ громко защищалъ православіе, одинъ бояринъ, вставъ, сказалъ, что это говорить не земной монархъ, а что его устами говорить небесный ангелъ. Мысль о добровольной уступкѣ нѣкоторыхъ земель была отвергнута съ негодованіемъ. Бояре предпочли бы обезпечить себя отъ возможности войны въ близкомъ будущемъ, выяснивъ вопросъ о Ливоніи, принадлежавшей Польшѣ, которою хотѣли овладѣть шведы, и которую были бы не прочь пріобрѣсти русскіе.

Польскіе дипломаты имѣли случай убѣдиться въ томъ, что въ московскомъ правительствѣ произошла большая перемена. Царь Борисъ уже не походилъ на прежняго стоворчиваго и услужливаго боярина Годунова. Онъ даже былъ уже не тотъ человекъ, какъ въ первые дни своего царствованія. Онъ былъ всецѣло поглощенъ заботою объ упроченіи своей династіи и, желая обезпечить престолъ своему сыну, относился безпопадню ко всему и ко всѣмъ; всѣ тѣ, кто возбуждали въ немъ малѣйшее подозрѣніе, безжалостно приносились въ жертву, его жестокость изумляла даже людей, жившихъ въ царствованіе Іоанна Грознаго. Впрочемъ, Борисъ остался вѣренъ старинной дружбѣ, связывавшей его съ Сапѣгою; онъ отнесся къ нему гораздо снисходительнѣе, нежели онъ отнесся бы ко всякому другому, и не хотѣлъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, которыя бояре совѣтовали ему употребить, чтобы побѣдить упорство канцлера.

7-го (16-го) марта 1601 г. Левъ Сапѣга, сообщая изъ Можайска польскому нунцію Рангони свои московскія впечатлѣнія, писалъ, что онъ уѣхалъ изъ Москвы глубоко разочарованный, и вынесъ изъ своего пребыванія въ Кремлѣ самыя тягостныя личныя воспоминанія. Вниманіе, оказанное ему Годуновымъ, было отрицательнаго свойства. Съ нимъ не обходились сурово, но онъ жаловался на то, что его держали въ тѣсномъ



заключенія, и писалъ, что единственнымъ его утѣшеніемъ въ Москвѣ была мысль о Богѣ. «Я принялъ на себя эту миссію,—писалъ онъ,—единственно съ цѣлью сблизить московитовъ съ Польшею и Литвою и заключить прочный миръ для того, чтобы распространить здѣсь истины вѣры и человеколюбія, но меня никто не хотѣлъ слушать. Всѣ наши старанія рушились вслѣдствіе упорства и невѣжества русскихъ, и я не имѣю никакой надежды, что этотъ народъ вступитъ когда-нибудь въ лоно истинной церкви, хотя для Бога нѣтъ ничего невозможнаго».

Въ русскихъ источникахъ не говорится о плохомъ обхожденіи, которому подвергались послы, но упоминается о томъ, что между ними и боярами происходили горячіе и оживленные споры, доходившіе до брани. Не смотря на это, все же было заключено на двадцать лѣтъ перемиріе, утвердившее *statu quo*.

Для ратификаціи договора отправились въ Вильно въ январѣ мѣсяцѣ 1602 г. бояринъ Михайлѣ Салтыковъ и дьякъ Аеанасій Власевъ. Вопросъ о титулахъ вызвалъ здѣсь вновь нескончаемыя пререканія: Годуновъ настаивалъ на царскомъ титулѣ, а Сигизмундъ III на титулѣ короля польскаго и шведскаго. Относительно этого обѣ стороны ни до чего такъ и не могли договориться; каждый остался при своемъ.

Русскіе послы во многихъ отношеніяхъ вызвали удивленіе нунція Рангони. Ихъ дорогая и великолѣпная одежда не соотвѣтствовала ихъ грубымъ манерамъ. Когда гордые польскіе шляхтичи, страстно любившіе бурные сеймы и шумные выборы, говорили имъ о прелести свободы, то они пожимали плечами, плевали на полъ въ знакъ презрѣнія и отвѣчали: «какая тамъ свобода! какая тамъ свобода!»

Между тѣмъ политическая атмосфера Польши была до того проникнута мыслью о необходимости союза съ Москвою, планы Баторія были такъ заманчивы, что самъ Замоискій, этотъ старый испытанный въ бояхъ воинъ, увлекался мечтою о великой славянской монархіи; онъ не думалъ уже о войнѣ съ Москвою, но мечталъ о брачномъ союзѣ и, какъ утверждаетъ нунцій Рангони, проводилъ мысль о бракѣ овдовѣвшего въ то время Сигизмунда съ дочерью Бориса Годунова. Если бы этотъ планъ осуществился, то потомокъ Вазы и дѣвушка татарскаго происхожденія, соединясь брачными узами, рѣшили бы вѣковую задачу, надъ которой столь многіе дипломаты трудились безплодно.

Несговорчивый въ дѣлахъ политики и въ дѣлахъ религіи, Годуновъ умѣлъ быть любезенъ и даже предупредителенъ, когда не затрогивали его насущныхъ интересовъ. Два папскихъ посла, прибывшіе въ Москву вслѣдъ за Сапѣгомъ, проѣздомъ въ Персію были приняты любезнѣе его: съ ними обошлись несравненно лучше, чѣмъ съ польскими іезуитами.

Поводомъ къ посылкѣ этихъ пословъ въ Персію послужило слѣдующее обстоятельство:

Было время, когда папы неоднократно, но безуспѣшно предлагали персидскимъ шахамъ заключить союзъ для борьбы противъ турокъ; теперь же персидскій шахъ, по своей собственной инициативѣ, предложилъ европейскимъ державамъ соединиться и идти противъ общаго врага.

Въ 1599 г. имъ было отправлено съ этой цѣлью посольство въ Польшу, Германію, Англію, Испанію, Венецію и Римъ. Климентъ VIII счелъ долгомъ не уклоняться отъ переговоровъ и послалъ въ Персію для совѣщаній съ шахомъ Аббасомъ своихъ представителей: свѣтскаго донъ Діега Энрикесъ Миранду и духовнаго Франческо Дакоста. Самый удобный путь на Востокъ былъ черезъ Москву. Какъ припомнимъ, Поссевинъ выхлопоталъ у Іоанна IV для миссіонеровъ право свободного проѣзда въ Персію, тѣмъ ни одинъ изъ нихъ до тѣхъ поръ не воспользовался. Пробывъ въ Москву 15-го (25-го) августа 1601 г. съ письмомъ отъ императора Рудольфа, Миранда и Дакоста были представлены Борису австрійскимъ посланникомъ, какъ миссіонеры, ѣхавшіе въ Персію для проповѣди Евангелія.

Португальцы провели въ Москвѣ около десяти дней и не хвалились Годуновымъ и его сыномъ. На аудіенціи они пришли въ восторгъ отъ величественной осанки монарха и отъ его внушительной наружности.

Годуновъ далъ имъ вторую аудіенцію, посылалъ къ нимъ ежедневно своихъ приближенныхъ осведомляться объ ихъ здоровьи и принималъ личное участіе въ устройствѣ ихъ путешествія до Астрахани, дабы исполнить этимъ, какъ онъ говорилъ, желаніе папы и императора, своего брата. Португальцы были очарованы его любезнымъ и милостивымъ пріемомъ.

«По истинѣ, — писалъ Дакоста изъ Москвы нунцію Рангони 28-го августа (6-го сентября) 1601 года, — царь не могъ сдѣлать большаго, и никто не выказалъ намъ столько благоволенія и почести, какъ этотъ монархъ и его сынъ. Нашъ святѣйшій отецъ долженъ благодарить его за то, что онъ принялъ насъ, по его просьбѣ, такъ милостиво и съ такой откровенной любезностью».

Миранда шелъ еще дальше и видѣлъ въ любезности царя несомнѣнное доказательство его расположенія къ папѣ.

Это заключеніе было сдѣлано, конечно, слишкомъ поспѣшно: въ царствованіе Θεодора Іоанновича, бояринъ Годуновъ не выказывалъ особеннаго желанія сблизиться съ Римомъ; достигнувъ власти, царь Борисъ также уклонялся отъ сношеній съ папою: религія мало интересовала его. Внѣшніе знаки любезности и даже услуги, оказанныя папскимъ посламъ, доказывали только хитрость опричника, достигшаго царскаго престола.

Изъ сдѣланнаго обзора отношеній, существовавшихъ между пап-

скимъ престоломъ и Москвою въ XVI вѣкѣ, вытекаетъ, что политикою папскаго престола руководилъ принципъ единства церкви; ея идеаломъ могъ быть только союзъ Востока съ Западомъ, а главною цѣлью, которую преслѣдовала папская дипломатія послѣ завоеванія Константинополя султаномъ Магомедомъ II въ 1453 году, была война съ турками. Преемники папы Урбана II, который поднялъ Европу противъ ислама и послалъ въ Святую землю закованныхъ въ латы рыцарей, видѣли, что Турція угрожала христіанскому міру, захватывала у него земли, преслѣдовала его вѣру, и они призывали монарховъ и европейскіе народы къ защитѣ креста противъ полумѣсяца; поэтому, всякій разъ когда обстоятельства сближали Кремль съ Ватиканомъ, былъ ли то бракъ Зои съ Іоанномъ III или перемиріе, заключенное Іоанномъ IV съ Стефаномъ Баторіемъ, переговоры о текущихъ событіяхъ никогда не заслоняли неизмѣнной заботы папъ о религіозномъ единеніи Московскаго государства съ Римомъ, и о союзѣ съ нимъ противъ турокъ.

И такъ какъ въ этомъ болѣею частью была замѣшана Польша, то, понятно, что папы старались упрочить миръ между нею и Москвою, чтобы противопоставить Турціи тѣсно сплоченное и, по возможности, однородное войско. Хотя они болѣе сочувствовали полякамъ, но ихъ не пугало и главенство въ союзѣ Россіи, ни ея поступательное движеніе къ Константинополю, лишь бы была восстановлена духовная связь Москвы съ Римомъ.

Въ Кремлѣ вѣковыя традиціи, пустившія въ странѣ глубокіе корни, замѣняли принципъ. Русская церковь, подчиненная съ самаго начала византійскому патріарху, носила восточный отпечатокъ. Глава государства, хотя онъ не считался фактически главою церкви, виѣшивался самовластно въ сферу дѣятельности духовенства, рѣшалъ авторитетно вопросы, превосходившіе его компетентность, и распоряжался, по своему благоусмотрѣнію, духовной іерархіей. Вести переговоры съ папою, признать его главенство, значило бы унизить свою свѣтскую власть и даже унижить себя въ глазахъ невѣжественной толпы. Надъ этими опасеніями могли бы восторжествовать только высшія богословскія соображенія, но московскіе цари были имъ чужды. Они, виѣстъ съ огромнымъ большинствомъ своего народа, вѣрили слѣпо въ то, во чтò вѣрили ихъ отцы, и смотрѣли на католиковъ, какъ на еретиковъ, даже какъ на язычниковъ; далѣе этого ихъ кругозоръ не шелъ.

Мысль о походѣ противъ турокъ также не могла увлечь бывшихъ данниковъ монголовъ. Ихъ не прельщали кровавые лавры, они не помышляли объ отомщеніи за предковъ Софіи Палеологъ или объ освобожденіи братушковъ отъ турецкаго ига. Воинственный призывъ, раздававшійся на Западѣ, вызывалъ со стороны Москвы только обманчивыя обѣщанія и платоническое одобреніе. Въ то время московскіе цари были все-

цѣло поглощены одною заботою: собрать разрозненные клочки русскихъ земель, образовать обширную монархію на развалинахъ удѣльных княжествъ, возвратить потомкамъ Владиміра Святаго блескъ и величіе пер-  
выхъ дней и создать такимъ образомъ ту могучую Россію, которая обни-  
маетъ своими исполинскими руками Европу и Азію, и будущее величіе  
которой они, быть можетъ, не предугадывали.

Такимъ образомъ, когда папы вступали въ переговоры съ москов-  
скими царями, при этомъ сталкивались два совершенно различныхъ  
міра, у которыхъ не было ничего общаго въ идеяхъ, стремленіяхъ и  
средствахъ. Каждый изъ нихъ жилъ своей особой жизнью, лелѣялъ свой  
идеалъ, былъ окруженъ иной атмосферой. Пропасть, отдѣлявшая Вати-  
канъ отъ Кремля, была тѣмъ болѣе глубока, чѣмъ менѣе папы и цари  
знали другъ-друга. Въ совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, къ ко-  
торымъ присоединялись закоренѣлые предрасудки, заключалась глав-  
нымъ образомъ тайна тѣхъ проволочекъ, недоразумѣній и препонъ,  
коиими отмѣчены сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ XVI в.,  
хотя въ Римѣ не теряли изъ вида нарождавшейся на Сѣверѣ обшир-  
ной имперіи и старались поддержать съ нею постоянныя сношенія  
съ цѣлью такъ или иначе подчинить ее своей духовной власти.

**В. Тимошукъ.**





## Изъ дневника П. Г. Дивова.<sup>1)</sup>

1807 годъ.

Января 25-го. Маркизь Н. (Месмонъ?) показаль мнѣ письмо, въ которомъ министръ Будбергъ сообщаетъ ему, что государь поручилъ графу Потоцкому редактированіе «Сѣверной газеты», въ виду того, что Будбергу некогда заняться ею.

Января 26-го. На другой день графъ Потоцкій самъ пріѣзжалъ ко мнѣ переговорить объ этомъ и просилъ моего содѣйствія.

Я отвѣтилъ ему, что беру на себя всѣ матеріальныя хлопоты, но, впрочемъ, не отказываюсь и доставлять ему матеріалы, какіе будутъ у меня въ рукахъ.

Января 29-го. Я ѣздилъ объясняться съ министромъ, который сказалъ мнѣ, что графъ Потоцкій самъ предложилъ свои услуги, но что по отношенію меня все остается по-прежнему. Я спросилъ его, нужно ли сохранять тѣ статьи, которыя не будутъ пропущены цензурою. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, если только въ нихъ не сообщаются факты. Я передалъ его превосходительству предложеніе совѣтника Леванды принять на себя редактированіе «Сѣверной газеты» на русскомъ языкѣ. Министръ обѣщалъ испросить на это соизволеніе его величества.

Сегодня разнесся слухъ, что его величество отправляется къ арміи. Многіе очень осуждаютъ это, а я говорилъ открыто, что по моему мнѣнію будетъ очень хорошо, если его величество поселится въ Вильно, ибо это ускоритъ военныя дѣйствія, въ которыхъ ему не слѣдуетъ однако принимать непосредственнаго участія.

Января 30-го. Говорятъ по секрету о пораженіи, понесенномъ генераломъ Эссенемъ.

---

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“, январь 1903 г.

Февраля 3-го. Получено извѣстіе о пораженіи французской арміи подъ Прейсшъ-Эйлау. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе въ обществѣ. Но кто могъ бы повѣрить, что графиня Ливенъ, воспитательница великихъ князей, сдѣлала все возможное, чтобы умалить значеніе этой побѣды, попросивъ Бенкендорфа, только-что пріѣхавшаго изъ арміи, говорить объ этомъ дѣлѣ, какъ о самой пустяшной побѣдѣ.

Причиною озлобленія лифляндской партіи противъ генерала Беннигсена было увольненіе графа Буксгевдена. Очень жаль, что человѣкъ, спасающій Россію отъ величайшаго бѣдствія, такъ плохо вознаграждается тѣмъ, коимъ слѣдовало бы однимъ изъ первыхъ перевозоситъ его до небесъ.

Февраля 8-го. Говорятъ, что его императорское величество, желая разстроить интригу лифляндцевъ противъ храбраго генерала Беннигсена, приказалъ послать полковника Бенкендорфа, пріѣхавшаго съ этой цѣлью изъ арміи, съ наградами, назначенными за сраженіе при Прейсшъ-Эйлау. Я былъ несказанно обрадованъ этимъ.

Февраля 16-го. Я получилъ приказаніе выпустить въ свѣтъ «Сѣверную газету».

Февраля 21-го. Я былъ у министра Будберга, чтобы сказать ему, что въ архивахъ не находится документовъ относительно Каролинскихъ острововъ, и, пользуясь случаемъ, просилъ его сказать мнѣ свое мнѣніе о Меркелѣ. Онъ рветъ и мечетъ противъ этого писателя и отказался поддержать его просьбу о назначеніи его редакторомъ одного періодическаго изданія, выходящаго въ Ригѣ. Видя его озлобленіе, я хотѣлъ дать понять ему, что мнѣ извѣстна причина его непріязни. Поэтому я сказалъ: «Говорятъ, будто онъ написалъ сочиненіе, направленное противъ лифляндскаго дворянства». Онъ прервалъ меня съ жаромъ, и сказалъ:

— Это сочиненіе меня не касается; дворянство можетъ само постоять за себя, но это писатель безправотвенный, онъ смѣется надъ религіей; я даже намѣренъ преслѣдовать его, если онъ не откажется отъ своихъ принциповъ; только въ такомъ случаѣ я сдѣлаю что-нибудь для него.

Я обѣщалъ передать это Меркелю.

Отъ Будберга я поѣхалъ къ князю Чарторыйскому, которому сказалъ о затрудненіи съ Меркелемъ. Онъ пожелалъ мнѣ успѣха въ возвращеніи этой заблудшей овцы на путь истинный, затѣмъ мы говорили о разныхъ текущихъ событіяхъ, и я сказалъ ему, что графъ Морковъ пишетъ мнѣ, что онъ поздравилъ императора съ тѣмъ, что у него есть хорошая шпага въ лицѣ Беннигсена и хорошее перо въ лицѣ редактора «Замѣчаній на посланіе Бонапарта Сенату». Князь спро-

силь меня, гдѣ графъ, не уѣхалъ ли онъ въ Летичевъ. Я отвѣчалъ: нѣтъ, онъ въ Москвѣ. Мнѣ показалось, что эта близость его къ столицѣ не нравится князю Чарторыйскому.

Марта 3-го. Въ тотъ же день статсъ-секретарь Юдинъ передалъ мнѣ отъ имени его величества, что я напрасно покровительствую Меркелю, что онъ объяснялся по этому поводу съ государемъ и показалъ ему одно мѣсто въ сочиненіяхъ Меркеля, въ которомъ онъ осмѣиваетъ религію. Признаюсь, я не ожидалъ отъ Будберга такой низости и хотя онъ преслѣдуетъ Меркеля яко бы изъ-за его нападокъ на религію, но въ сущности онъ мститъ ему за книгу, написанную противъ лифляндцевъ.

Марта 9-го. Я былъ у генерала Сухтелена, съ которымъ мы бесѣдовали о текущихъ событіяхъ. Озлобленный противъ Будберга, генералъ отозвался о немъ не особенно лестно, въ особенности о служащихъ въ его канцеляріи, какъ напр. о Жерве и Шредерѣ, утверждая, что они подкуплены Франціей. Онъ показалъ мнѣ записку, перехваченную будто бы въ Тешенѣ послѣ Аустерлицкаго сраженія, въ которой всѣ наши министры, занимавшіе свои посты въ 1803 г., изображены не въ особенно лестныхъ краскахъ. Эту записку приписываютъ Лесепсу; затѣмъ мы говорили о нашихъ укрѣпленіяхъ, и я совѣтовалъ ему приступить къ сооруженію согласно утвержденному плану укрѣпленій въ Пинскѣ, въ Брестѣ и Ковно.

Въ тотъ же день я имѣлъ довольно продолжительную бесѣду съ секретаремъ капитула россійскихъ орденовъ Чижевымъ по поводу коммисіи законовъ, которая составлена исключительно изъ лицъ, совершенно не знающихъ русскаго языка. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ уже обратилъ на это вниманіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами, коихъ не назначили въ эту коммисію, и сообщилъ по секрету, что по пріѣздѣ изъ Японіи Резанова они, т. е. Чижевъ, Безакъ, Познякъ, Богдановъ, Стражевъ, люди все порядочные, не подкупные, заботятся о благѣ страны, рѣшили взяться за это дѣло энергично. Я сказалъ Чижеву, что я присоединюсь къ нимъ и надѣюсь, что дѣло удастся уладить въ желаемомъ смыслѣ.

Марта 11-го. Появился указъ, коимъ объявлено о распущеніи милиціи и о преобразованіи ея въ дѣйствующую армію въ составѣ 200 тысячъ человѣкъ.

Марта 16-го, суббота. Императоръ уѣхалъ въ армію. Да направить Господь его путь и да внушитъ онъ ему все, что можетъ послужить къ благу его народа и къ славѣ его подданныхъ.

Мая 25-го. Отслуженъ молебенъ по случаю взятія Анапы; публики было весьма мало.

Іюня 8-го. Отслуженъ молебенъ и стрѣляли изъ пушекъ по слу-

чаю побѣды, одержанной подъ Гейльсбергомъ, но радость была омрачена печальнымъ извѣстіемъ, что наше правое крыло опрокинуто при Фридландѣ и что Бонапартъ овладѣлъ Кёнигсбергомъ. Эта ужасная вѣсть опечалила дворъ до того, что назначенный обѣдъ былъ отмененъ.

Іюля 5-го. Императоръ пріѣхалъ въ ночь съ 4-го на 5-е. На слѣдующій день былъ отслуженъ молебенъ, но публика не выказала особенной радости. Это сближеніе съ Наполеономъ, послѣдовавшее послѣ того, какъ его такъ жестоко поносили, и то обстоятельство, что императоръ принялъ орденъ Почетнаго Легіона и далъ Наполеону Андреевскую ленту, огорчило стариковъ военныхъ такъ, что молебствіе прошло довольно холодно.

Августа 9-го. Его величество далъ аудіенцію тайному совѣтнику Чацкому, арестованному кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Кутузовымъ, по подозрѣнію въ возмущеніи умовъ въ Волынской губерніи въ пользу французовъ. До назначенія аудіенціи Чацкому былъ данъ высочайшій рескриптъ, коимъ онъ признанъ невиннымъ; по словамъ Чацкаго, его величество извинился передъ нимъ на этой аудіенціи за происшедшее недоразумѣніе, приписавъ его тогдашнимъ обстоятельствамъ и сказавъ, что онъ позаботится о наказаніи губернатора Панкратьева, который донесъ на него. Очень хорошо, что императоръ не поддался внушеніямъ князя Чарторыйскаго, который ходатайствовалъ черезъ Новосильцева о примѣрномъ наказаніи губернатора для удовлетворенія Чацкаго, который хотѣлъ отомстить Панкратьеву.

Августа 15-го. Въ ночь съ 14-го на 15-е число скончался скоропостижно графъ Васильевъ, министръ финансовъ; я былъ этимъ глубоко опечаленъ, въ интересахъ государства, и употребилъ всевозможное стараніе, чтобы на его мѣсто былъ назначенъ Голубцовъ, дабы въ министерство не проникли любители новизны.

Августа 22-го. Объявлено объ увольненіи въ отпускъ Будберга для возстановленія его здоровья и о назначеніи временно управляющимъ дѣлами графа Салтыкова; но это объявленіе, сдѣланное не въ должномъ порядкѣ, носитъ печать времени и тѣхъ людей, коимъ поручено, къ сожалѣнію, управление дѣлами.

Августа 31-го. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ графъ Николай Румянцевъ, коему я послалъ поздравительное письмо. Онъ ничего не отвѣтилъ мнѣ.

Сентября 3-го. Графъ Румянцевъ поручилъ мнѣ написать статью о датскихъ дѣлахъ для помѣщенія ея въ «Петербургской газетѣ». Зная вкусъ графа, я изобразилъ англичанъ самыми черными красками. Онъ сказалъ мнѣ, что я понялъ его, но такъ какъ его ве-



личество полагаетъ, что слѣдуетъ быть сдержаннымъ, то я долженъ исключить слишкомъ рѣзкія мѣста, что я и сдѣлалъ.

Сентября 5-го. Поговариваютъ о разныхъ перемѣнахъ въ администраціи и въ особенности о сосредоточеніи власти въ лицѣ князя Лопухина, это совершенно не въ духѣ тѣхъ лицъ, кои создали министерства.

Сентября 13-го. Говорятъ о столкновеніи, происшедшемъ между главнымъ казначеемъ Голубцовымъ и довѣреннымъ лицомъ императора Поповымъ <sup>1)</sup>, вслѣдствіе того, что Поповъ вздумалъ вмѣшиваться въ дѣла финансовъ. Императоръ приказалъ Попову составить отчетъ за 1806 г., вмѣстѣ съ Голубцовымъ; послѣдній отказался отъ этого, сказавъ, что онъ и одинъ справится съ этимъ. На другой день, послѣ этого столкновенія, государь помирилъ обоихъ сановниковъ, но Голубцовъ все же одержалъ верхъ.

Сентября 15-го. Говорятъ, будто бывший генераль-прокуроръ Беклешовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать объ уничтоженіи министерствъ; что онъ представилъ проектъ, въ которомъ онъ совѣтуетъ императору сосредоточить все управленіе внутренними дѣлами въ рукахъ одного лица, а именно князя Лопухина. Говорятъ, будто императоръ отклонилъ этотъ проектъ и поручилъ графу Кочубею написать на него опроверженіе. Однимъ словомъ, говорятъ, что императоръ доволенъ учрежденіемъ министерствъ.

Сентября 30-го. Его величество уѣхалъ въ Витебскъ въ сопровожденіи Сперанскаго и Жерве. Этотъ странный выборъ секретарей такъ же неправиленъ, какъ и все остальное. Рассказываютъ, что наканунѣ государь сдѣлалъ строгій выговоръ Новосильцову, по поводу одной статьи, помѣщенной въ «Петербургской газетѣ», въ которой оправдывается дуэль, происшедшая между двумя гвардейскими офицерами. Новосильцову сдѣлалось дурно, и придворные предсказываютъ его паденіе.

Октября 5-го. Я ѣздилъ къ главному казначею Голубцову и бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ и объ интригахъ, которыя ведутся противъ него, не назвавъ однако никого. Онъ сказалъ мнѣ по этому поводу, что ему извѣстно, что Гурьевъ старается занять его мѣсто и что его столкновение съ Поповымъ, личнымъ секретаремъ императора, было не болѣе какъ продѣлкою съ его стороны. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что государь высказалъ въ разговорѣ съ нимъ желаніе увеличить налоги для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ; и что онъ представилъ его величеству все неудобство обременять страну налогами, въ особенности послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ ею для мили-

<sup>1)</sup> Василиемъ Степановичемъ.

ція; его величество промолчалъ, но на другой разъ снова высказалъ въ разговорѣ мысль о необходимости увеличить налоги; тогда главный казначей сказалъ ему, что онъ исполнить приказаніе его величества, и съ этой цѣлью былъ учрежденъ комитетъ, въ составъ котораго вошли: Гурьевъ министръ удѣловъ, гр. Румянцевъ министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Завадовскій министръ народнаго просвѣщенія и главный казначей. Дай Богъ, чтобы этотъ новый налогъ не вызвалъ ропота.

Октября 10-го. Его величество вернулся изъ своей поѣздки въ Витебскъ весьма довольный порядкомъ, найденнымъ въ войскахъ.

Октября 17-го. Я представилъ гр. Румянцеву записку, по поводу сообщеннаго въ газетахъ извѣстія о возстановленіи во Франціи масонскихъ ложъ, высказавъ въ ней, что этотъ предметъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія правительства, что не слѣдуетъ никогда разрѣшать логи въ Россіи, ибо Франція могла бы воспользоваться этимъ, чтобы внести раздоръ въ Россію.

Октября 25-го. Статскій совѣтникъ Жерве пріѣзжалъ ко мнѣ во второмъ часу по порученію гр. Николая Румянцева сказать, что его императорское величество поручаетъ мнѣ напечатать тайно декларацію противъ Англіи. Я въ восторгѣ отъ этого, но сожалѣю, что это не было сдѣлано въ 1801 г., по смерти императора Павла.

Ноября 9-го. Мнѣ было приказано явиться ко двору, чтобы получить приказанія министра внутреннихъ дѣлъ. Его превосходительство объявилъ мнѣ, въ присутствіи прочихъ министровъ, что его величество повелѣлъ мнѣ составить церемоніаль похоронъ грузинской царицы Даріи, скончавшейся сегодня, и которая будетъ похоронена на счетъ казны.

Ноября 15-го. Совершенно погребеніе царицы. Въ домъ покойной грузинской царицы собрались къ 10<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часамъ ихъ величества, обѣ императрицы, императоръ, духовенство, придворные и великія княгини. Послѣ краткой литіи тѣло было поставлено на траурную колесницу. Отъ Владимірской до Александро-Невскаго монастыря стояли шпалерами войска, коими командовалъ великій князь. Когда выносили тѣло, ихъ величества были вынуждены обождать и поэтому вернулись въ переднюю, гдѣ они простояли довольно долго; никто изъ присутствовавшихъ не подумалъ предложить имъ кресла. Войдя въ переднюю, я поспѣшилъ сдѣлать это. Императрица Елисавета сказала вдовствующей императрицѣ: садемте; она отвѣчала, что не хочетъ садиться; въ это время доложили, что кареты поданы.

Ноября 23-го. Въ городѣ поговариваютъ о томъ, что наши войска будутъ посланы въ Индію, и что съ этой же цѣлью будетъ разрѣшенъ пропускъ нѣсколькимъ тысячамъ французскаго войска.

## 1808 годъ.

Января 14-го. Я узналъ сегодня о назначеніи гр. Аракчеева военнымъ министромъ и очень этому былъ радъ, считая его способнымъ занимать этотъ постъ.

Января 20-го. Гр. Румянцевъ приглашалъ меня къ себѣ, чтобы сказать мнѣ, что его величество, восхищаясь слогомъ Сперанскаго, поручилъ ему перевести англійскую декларацию и замѣтки изъ «Moniteur»-а. Я былъ очень радъ этому, но пожалѣлъ о томъ, что эту декларацию не хотятъ напечатать по-русски.

Февраля 3-го. У меня былъ Вейдемейеръ и сообщилъ по секрету, что приказано написать декларацию о вступленіи нашихъ войскъ въ Финляндію. Мнѣ показалось, что это порученіе было для него очень затруднительно, и я предложилъ ему выдать изъ архива печатный экземпляръ деклараціи, одѣланной главнокомандующимъ гр. Пушкинымъ въ 1788 г.

Февраля 11-го. Графъ Румянцевъ пригласилъ меня, чтобы поручить мнѣ напечатать декларацию противъ Швеціи, которую онъ мнѣ прочелъ. Я нашелъ, что она хорошо написана, безъ лишнихъ словъ.

Февраля 12-го. Гр. Румянцевъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а генераль Будбергъ уволенъ въ отставку, но въ ущербъ для дѣла императоръ предоставилъ ему (Румянцеву) также завѣдывать министерствомъ торговли (коммерціи).

Февраля 20-го. Получено извѣстіе о взятіи Гельсингфорса, при чемъ шведы потеряли около 100 человекъ, русскіе столько же.

Марта 3-го. Во вторникъ по обыкновенію обѣдалъ у меня генераль Пфуль. Перекинувшись со мною нѣсколькими незначительными фразами, онъ сказалъ, что предположено преобразовать армию по плану, представленному имъ императору. Я сказалъ ему, что мнѣ это извѣстно, и я слышалъ, что гр. Аракчеевъ серьезно занятъ этимъ, и что самъ императоръ составляетъ планъ реорганизации армии, который Аракчеевъ выдаетъ за свой трудъ. Я совѣтовалъ ему не говорить объ этомъ. Къ тому же, сказалъ я, можно быть увѣреннымъ, что дѣло удастся, коль скоро тѣ лица, отъ коихъ оно зависитъ, убѣждены, что полезное нововведеніе есть ихъ собственное изобрѣтеніе.

Марта 13-го. Я послалъ министру иностранныхъ дѣлъ послѣднія записки о шведской войнѣ, а именно объ атакѣ Свеаборга генераломъ Грейгомъ и принцемъ Нассаускимъ. По поводу первыхъ графъ сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ обо мнѣ императору, и что его величество отвѣчалъ ему, что ему некогда читать ихъ, но что ихъ слѣдуетъ сообщить гр.

Аракчееву. Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ меня (если правда, что это было сказано).

Марта 16-го. Генералъ Спренгпортенъ возвратился изъ Финляндіи, ничего не успѣвъ сдѣлать съ гр. Буксгевденомъ, къ которому онъ былъ назначенъ въ совѣтники.

Я послалъ гр. Румянцеву планъ Карлскроны и секретную записку о безнравственности представленій кукольнаго театра, на которомъ изображается искушеніе св. Антонія.

Марта 19-го. Гр. Румянцевъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы прочитать новую декларацію противъ Швеціи, и велѣлъ мнѣ напечатать ее. Я поблагодарилъ за подарокъ, сдѣланный Россіи, къ которой онъ хотѣлъ присоединить Финляндію. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ надѣется, что все пойдетъ хорошо.

Получено извѣстіе о взятіи Вазы.

Марта 21-го. Оберъ-полицеймейстеромъ назначенъ генералъ Валашовъ на мѣсто Эртеля.

Апрѣля 19-го. Французамъ-эмигрантамъ дано знать черезъ полицію, чтобы они не носили ордена св. Людовика. Это распоряженіе вызвало осужденіе со стороны людей наиболѣе умѣренныхъ.

Апрѣля 24-го. Получено извѣстіе о сдачѣ Свеаборга со всѣмъ флотомъ, состоявшимъ изъ 100 шлюпокъ и 7 фрегатовъ. Это извѣстіе доставило всѣмъ большое удовольствіе.

Апрѣля 27-го. Императоръ повелѣлъ отслужить молебствіе въ Исаакиевскомъ соборѣ и петербургскому гарнизону отдать честь статуѣ Петра Великаго.

Въ этотъ день ожидали большихъ наградъ, но только одинъ Мухановъ произведенъ въ оберъ-шталмейстеры.

Апрѣля 30-го. Скончалась дочь императора, великая княжна Елисавета; она не перенесла прорѣзыванія зубовъ. Мнѣ было приказано составить церемоніаль погребенія, но на другой день гр. Румянцевъ объявилъ мнѣ волю императора, чтобы не было никакого церемоніала.

Мая 6-го. Графъ пригласилъ меня и маркиза Месмона и сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ относительно нѣсколькихъ статей «Сѣверной Газеты» и велѣлъ намъ приносить по вторникамъ черновики статей для просмотра.

Іюня 21-го. Я бывалъ по обыкновенію каждыя двѣ недѣли у гр. Румянцева и представлялъ ему для просмотра статьи для «Сѣверной Газеты». Г. Месмонъ счелъ себя въ правѣ исказить смыслъ официальныхъ сообщеній; видя, что графъ какъ будто одобряетъ его дѣйствія, онъ передѣлалъ цѣлую реляцію графа Буксгевдена, уже просмотрѣнную и одобренную его величествомъ, и до такой степени исказилъ всѣ сообщаемые въ ней факты, что напр. въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что гр.

Денисовъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство 1.500 человекъ, онъ написалъ 15.000. Я написалъ графу, что такъ дѣло не можетъ вестись, что я прошу его приказать чиновникамъ его канцеляріи посылать маркизу Месмону всѣ документы, по которымъ онъ могъ бы держать корректуру, и предписать ему не дѣлать самовольныхъ поправокъ.

Іюля 16-го. У молодой императрицы былъ первый вечерній пріемъ, на который было приглашено 25 кавалеровъ; всѣ очень хвалили ея любезное обхожденіе, но говорили, что это новое явленіе при дворѣ (такъ какъ у императрицы въ теченіе семи лѣтъ не было пріемовъ) вызоветъ неудовольствіе вдовствующей императрицы.

Іюля 18-го. Въ городѣ говорятъ о предстоящей войнѣ, и будто на большомъ совѣтѣ, происходившемъ 17-го числа этого мѣсяца, графъ Строгановъ энергично говорилъ противъ Франціи, и большинство членовъ присоединилось къ его мнѣнію; одинъ только гр. Румянцевъ и морской министръ Чичаговъ были другаго мнѣнія. Въ тотъ же день вечеромъ, въ Эрмитажѣ, царская фамилія, вопреки обыкновенію, не оказала никакой любезности французскому посланнику; императоръ не сказалъ ему ни слова; однимъ словомъ, сильно поговариваютъ о новомъ разрывѣ съ Франціей. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Румянцевъ неожиданно уѣхалъ вечеромъ въ Парижъ. На время его отсутствія портфель министра порученъ его товарищу гр. Салтыкову; а всѣ дѣла, касающіяся торговли, повелѣно вносить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Униженіе, испытываемое нами по поводу этой посылки, довершить всѣ тѣ униженія, какія мы уже испытали.

Сентября 1-го. Наканунѣ отъѣзда императора для свиданія съ Наполеономъ, я былъ у гр. Салтыкова, на котораго возложено управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ на время отсутствія гр. Румянцева. Я прочиталъ ему статьи, написанныя для «Сѣверной Газеты»; мнѣ показалось, что онъ очень боится возбудить неудовольствіе французовъ, и я предложилъ ему, для его успокоенія, составлять нашу газету исключительно изъ статей, заимствованныхъ изъ французскихъ газетъ, на что онъ согласился. Затѣмъ мы говорили о текущихъ событіяхъ, и я сообщилъ ему о броженіи умовъ, обнаружившемся въ Могилевской губерніи, гдѣ главари этого движенія, желая замаскировать свои замыслы, стараются придать дѣлу такой видъ, какъ будто это крестьяне возстаютъ противъ дворянъ. Я попросилъ его сообщить объ этомъ князю Курякину и уѣхалъ опечаленный сознаніемъ, что у него (гр. Салтыкова) нѣтъ той смѣлости характера, какая требуется отъ человека, который руководить дѣлами при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Сентября 8-го. Я былъ у графини Ильинской, съ которой мы бесѣдовали о ея семейныхъ дѣлахъ. Затѣмъ она сказала мнѣ, что она

не одобряетъ поѣздку государя, и что великій князь, который былъ у нея наканунѣ своего отъѣзда, сказалъ ей откровенно, что онъ этимъ весьма огорченъ. По этому поводу она совѣтовала великому князю, чтобы онъ остерегался козней Бонапарта, который ихъ надуетъ точно такъ же, какъ онъ надулъ короля испанскаго и прочихъ монарховъ. Его высочество отвѣтилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе относительно двоедущія Наполеона и что онъ надѣется, что его братъ будетъ съ нимъ остороженъ.

Сентября 8-го. Я совѣтовалъ гр. Салтыкову помѣстить въ газетахъ статью по поводу отъѣзда государя, но онъ на это не рѣшился.

Сентября 11-го. Былъ въ казначействѣ за жалованіемъ Родофинкина и своимъ собственнымъ и уѣхалъ отсюда глубоко огорченный тѣмъ, что чиновники этого важнаго учрежденія не сдержаны въ своихъ рѣчахъ относительно нашего затруднительнаго финансоваго положенія и необходимости прибѣгнуть къ нѣкоторымъ денежнымъ операціямъ. Я понималъ, что мы находимся на краю пропасти вслѣдствіе злоупотребленія ассигнаціями.

Сентября 13-го. Генералъ Кноррингъ сообщилъ мнѣ о томъ, что императоръ, по внушенію нѣкоторыхъ лицъ, хотѣлъ перейти въ Финляндію отъ оборонительнаго къ наступательному образу дѣйствій и что только благодаря ему этотъ планъ былъ оставленъ. Онъ прочелъ мнѣ замѣтку о нашихъ силахъ, написанную императоромъ собственноручно, въ которой говорилось, что мы располагаемъ 37 т. человекъ войска. Затѣмъ онъ общалъ мнѣ дать прочесть свою записку по этому предмету, какъ только гр. Ливенъ возвратитъ ее.

Сентября 14-го. На обѣдѣ у статсъ-секретаря Драхенфельса, на который я былъ приглашенъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми служащими въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь Броневскій сказалъ мнѣ, говоря о министрѣ иностранныхъ дѣлъ графѣ Румянцевѣ, что «этотъ человекъ способенъ на измѣну, судя по тому, какъ онъ поступаетъ недобросовѣстно, скрывая отъ императора всѣ дѣла, которыя вызываютъ его неодобреніе; что онъ сообщилъ французскому посланнику шифрованные депеши; что онъ всячески заботится объ интересахъ Наполеона въ ущербъ Россіи и, наконецъ, что онъ достоинъ эшафота»<sup>1)</sup>.

Октября 14-го. Вчера вечеромъ великій князь возвратился изъ Эрфурта, а сегодня ожидали императора, но онъ не пріѣхалъ.

По пріѣздѣ великаго князя, разнесся слухъ, что императоръ будетъ объявленъ королемъ польскимъ и будетъ короноваться въ Варшавѣ.

<sup>1)</sup> Характеристика эта вполне невѣрная; интересна какъ выраженіе тогдашняго настроенія общества и ненависти его къ Наполеону. Ред.

Октября 16-го. Получено извѣстіе, что графъ Румянцевъ послѣдовалъ за Наполеономъ въ Парижъ, и что графъ Толстой, отказавшійся отъ ордена Почетнаго Легіона, не вернется болѣе къ своему посту.

Октября 17-го. Былъ первый сѣздъ ко двору послѣ возвращенія императора. Во дворецъ сѣхалось весьма мало лицъ.

Октября 22-го. Получено извѣстіе о кончинѣ ген.-лейт. князя Долгорукова, убитаго на рекогносцировкѣ. Государь этимъ чрезвычайно огорченъ и приказалъ отиѣнить спектакль, назначенный въ тотъ день при дворѣ. Это былъ весьма опособный молодой генералъ, подававшій большія надежды.

Ноября 6-го. Генералъ Кноррингъ назначенъ главнокомандующимъ арміи въ Финляндіи на мѣсто графа Буксгевдена.

Ноября 8-го. Я былъ у графа Салтыкова, который сказалъ мнѣ, что графъ Румянцевъ не вернется и что онъ вызываетъ Борея и Полякова въ Парижъ. Я замѣтилъ на это, что графъ не спѣшитъ вернуться изъ-за турецкихъ дѣлъ, опасаясь дѣйствій англо-турецкаго флота, направленныхъ противъ Крыма; онъ, вѣроятно, очень доволенъ тѣмъ, что его тутъ не будетъ въ первый трудный моментъ.

Ноября 18-го. Императорская гвардія и всѣ военные, находящіеся въ столицѣ, дали праздникъ въ честь императора въ домѣ Кушелева. Была разыграна маленькая пьеса, устроена прекрасная иллюминація и балъ, который продолжался до 3 часовъ.

Говорятъ о назначеніи генерала Спренгпортена финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Я замѣтилъ, что это было очень не по сердцу генералу Кноррингу, который временно исполнялъ должность графа Буксгевдена, и который благодаря своимъ связямъ съ графиней Ливень и со всей лифляндской кликой старался погубить Спренгпортена въ умѣ императора, изображая его человекомъ опаснымъ на томъ посту, который ему хотятъ поручить.

Ноября 19-го. Князь Барятинскій, назначенный посланникомъ въ Мюнхенъ, съ которымъ я видѣлся ежедневно въ архивѣ, гдѣ онъ усердно занимается чтеніемъ документовъ, сказалъ мнѣ, что «всѣ министры готовы подать въ отставку, такъ какъ всѣми ими овладѣло чувство глубокаго разочарованія». Я отвѣчалъ ему, что это вполнѣ понятно, потому что ими овладѣла несчастная страсть къ нововведеніямъ и къ ниспроверженію существовавшего въ администраціи порядка. Такъ какъ они встрѣчаютъ препятствія къ осуществленію своихъ желаній со стороны императора, который относится къ этимъ новшествамъ недо-вѣрчиво, то это ихъ и разочаровало. Надобно пожалѣть лишь о томъ, что эти господа не стараются содѣйствовать общему благу, а каждый стремится дѣйствовать по-своему, и это еще болѣе увеличиваетъ существующую между ними рознь.

Ноября 29-го. Графъ Салтыковъ сказалъ мнѣ по секрету, что надобно узнать, можетъ ли австрійскій посланникъ идти во время церемоніала впереди германскихъ принцевъ и что этотъ вопросъ слѣдуетъ рѣшить какъ можно скорѣе, во избѣженіе какого-нибудь недоразумѣнія во время бракосочетанія великой княгини Екатерины Павловны.

Финляндская депутація имѣла счастье обѣдать во дворцѣ съ царскою фамиліей.

Декабря 1-го. Ожидаютъ пріѣзда короля и королевы прусскихъ.

Декабря 7-го. Я передалъ графу Ал. Салтыкову замѣтку относительно появившейся въ Москвѣ публикаціи, въ которой какой-то французскій дворянинъ предлагаетъ русскимъ помѣщикамъ отдавать ему на воспитаніе своихъ дѣтей.

Декабря 26-го. День вѣзда въ Петербургъ короля и королевы прусскихъ. 46 батальоновъ солдатъ было разставлено шпалерами отъ Зимняго дворца до Калинкина моста по Вознесенскому и по набережной Фонтанки. Короля привѣтствовали залпами изъ орудій, поставленныхъ при вѣздѣ въ городъ. Король ѣхалъ верхомъ, имѣя по лѣвую руку императора; за ними всѣ русскіе генералы и его свита. Затѣмъ слѣдовала придворная карета, запряженная восьмеркою лошадей, въ которой сидѣла королева и двѣ дамы ея свиты. Передъ ея каретою ѣхалъ экипажъ съ дежурными адъютантами, а позади ея слѣдовали три пустыя кареты. По пріѣздѣ во дворецъ королеву встрѣтили внизу у лѣстницы придворные кавалеры и дамы; обѣ императрицы встрѣтили ее на верху. Въ тотъ же день вечеромъ былъ съѣздъ въ Эрмитажъ и обѣдъ у вдовствующей императрицы.

Декабря 27-го. Обѣдъ у королевы, вечеромъ спектакль въ Эрмитажѣ.

Декабря 28-го. До обѣда королю и королевѣ представлялись всѣ военные, гражданскіе и придворные чины. Обѣдъ былъ сервированъ въ Эрмитажѣ; вечеромъ былъ концертъ и ужинъ въ покояхъ королевы.

Декабря 30-го. Мнѣ было приказано явиться ко двору и поручено написать брачный контрактъ великой княгини, чѣмъ я былъ занятъ до 2-го января,





Современное стихотвореніе на кончину императрицы Маріи Ѳеодоровны <sup>1)</sup>.

Внезапно ясный день заходитъ,  
И мракъ объемлетъ цѣлый свѣтъ!  
Се вѣсть ужасна переходитъ  
Изъ устъ въ уста: Маріи нѣтъ!  
Маріи нѣтъ, и вопль раздался:  
Царица-мать на небесахъ!  
Но образъ Ангельскій остался  
Запечатлѣнъ во всѣхъ сердцахъ.

Тамъ, слышу я, соединяютъ  
Всѣ сироты печальный гласъ:  
О горе намъ! Они вѣщаютъ—  
Не стало Матери у насъ!  
Здѣсь вижу нища и убога:  
Они въ слезахъ идутъ во храмъ  
И просятъ всеблагого Бога  
Дать утѣшеніе ихъ сердцахъ.

Ахъ! въ первый разъ еще Маріи  
Не внятенъ вопль несчастныхъ сталъ.  
Увы! не чувствуетъ Россія  
Она глубокую печаль.

Какъ Ангелъ кроткій, благотворный,  
Она вкушаетъ сладкій сонъ,  
Оставя навсегда міръ дольний  
И украшенный Ею тронъ.

Но кто жъ Царица, кто замѣнитъ  
Потерю тяжкую для насъ?

---

<sup>1)</sup> Стихотвореніе это написано воспитанницею Московскаго училища ордена Св. Екатерины Варварою Ивановною Чагѣвою, скончавшеюся въ 1830-хъ годахъ въ своемъ родномъ мѣстѣ „Савино“ Костромской губерніи.

Кто нашу грусть, печаль умѣритъ?  
Увы! отрадной лучъ погасъ.

Въ тебѣ, въ тебѣ мы зрѣли Матерь,  
Всѣ наши блага на земли;  
Подъ сѣнію Твоей Создатель  
Далъ намъ вкусить счастливы дни!

Давно ль Ты насъ подѣ кровъ призвала,  
Благотворитель намъ была,  
И разумъ намъ образовала,  
И жизнь намъ новую дала?

Давно ль въ священномъ вертоградѣ  
Сама Ты посѣщала насъ?  
Давно ль за всѣ труды наградой  
Намъ былъ Твой вѣръ, привѣтный гласъ?

И что жъ теперь! не узримъ болѣ—  
Свою Царицу, нѣжну Мать!  
И въ безутѣшной нашей долѣ  
Къ кому теперь, къ кому зывать?

Мы будемъ жить лишь воспоминаемъ  
Твоихъ безчисленныхъ щедротъ,  
Минувшихъ дней очарованьемъ...  
Вотъ что осталось для сиротъ.

И имя славное Маріи,  
Перехода изъ устъ въ уста,  
Священно будетъ для Россіи,  
Доколѣ бьются въ насъ сердца.



сочиненіяхъ по исторіи Сибири у Миллера, Словцова и Андріевича также отрывочны и неполны. Эта крайняя скудость объясняется не только отсутствіемъ необходимыхъ подготовительныхъ работъ, но даже полнымъ неимѣніемъ сборниковъ историческихъ матеріаловъ, которые бы освѣщали тюменскую жизнь XVII вѣка.

Разсматриваемый нами сборникъ матеріаловъ приходитъ на помощь этому печальному положенію.

Всѣ документы сборника взяты изъ архива министерства юстиціи; тутъ помѣщены: Дозорная книга 1626 г.; она принадлежитъ къ числу «переписныхъ» и имѣетъ главнымъ предметомъ не описаніе земель, а перечень населенія по дворамъ, лавокъ и пр.; къ «дозорнымъ» эту книгу приближаютъ тѣ ея части, гдѣ описываются городскія укрѣпленія и подгороднія угодья. Въ ней мы находимъ подробное описаніе главныхъ частей старинной Тюмени: «города», «острога», ямской слободы за Тюменкой, Преображенскаго монастыря, перечисленіе церквей и казенныхъ зданій. Дозорная книга 1700 г. даетъ подробное описаніе всего тюменскаго населенія въ этомъ году, съ перечисленіемъ, сколько пашни, скота, покосовъ, хлѣбнаго и денежнаго жалованья было у различныхъ слоевъ служилаго населенія Тюмени. Сравненіе обѣихъ дозорныхъ книгъ уясняетъ до нѣкоторой степени ростъ этого города за три послѣднія четверти XVII стол.

Списокъ тюменскій городовъ 1696 г. представляетъ собою прекрасное дополненіе къ дозорной книгѣ 1700 г.: въ немъ содержится не только подробное описаніе тюменскихъ укрѣпленій въ 1696 г., но исторія ихъ постройки и ремонта съ начала XVII в., и даются точныя свѣдѣнія о главныхъ тюменскихъ пожарахъ въ этомъ столѣтіи. Этотъ «списокъ» очень важенъ для вѣдѣній исторіи города.

Строельная книга тюменскаго яма 1630 г. — древнѣйшій документъ этого рода и подробно изображаетъ условія службы «ямскихъ охотниковъ», «прибранныхъ» въ ямскую гоньбу за безобразную пашню и денежное жалованье.

Разгонная книга 1633—1634 годовъ представляетъ собою иллюстрацію «гонимой» повинности тюменскихъ ямщиковъ и даетъ понятіе о характерѣ движенія черезъ Тюмень и о степени его развитія.

Послужной списокъ тюменскихъ служивыхъ людей 1680 г. принадлежитъ къ послужнымъ спискамъ общаго типа:

онъ даетъ понятіе о всей службѣ и о служебныхъ отличіяхъ тюменскихъ служивыхъ людей.

Для исторіи экономической жизни значительную важность представляютъ таможенные книги, изъ которыхъ читатель познакомится почти со всеми видами пошлинъ, которыя ложились тяжелымъ бременемъ на населеніе и сильно замедляли быстроту торговаго обращенія.

Расходные денежные документы 1684 г., давая понятіе о казенныхъ неокладныхъ расходахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ для потомковъ разныя бытовыя подробности. Такое же значеніе имѣютъ и хлѣбныя и соляныя книги 1670—1679 гг., изъ которыхъ видно, кому, за что и при какихъ обстоятельствахъ выдавались хлѣбъ, соль, какъ неокладной, не предусмотрѣнный расходъ. На конецъ, пивныя и винныя книги 1700 г. даютъ понятіе объ условіяхъ, которыми сопровождался приготовленіе и торговля этими напитками, о количествѣ выпитаго и степени отвѣтственности за недомжки и разныя упушенія.

Подлинный текстъ документовъ переданъ съ современной намъ пунктуаціей и орфографіей; старинное правописаніе оставлено лишь въ тѣхъ собственныхъ именахъ, относительно которыхъ не могло быть никакого недоразумѣнія; въ фамиліяхъ оставлено старинное начертаніе. Нѣкоторые примѣры орфографіи подлинниковъ и полного отсутствія пунктуаціи \*) документовъ показываютъ, насколько затруднительно было бы не только чтеніе, но и воспроизведеніе буквального въ орфографическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ текста.

Въ концѣ книги помѣщены: статья прив.-доц. П. М. Головачева «Составъ населенія и экономической бытъ Тюмени въ XVII в.», планъ Тюмени и два вида Влаговѣщенскаго собора.

Въ виду симпатичной цѣли изданія (весь сборъ предназначенъ на просвѣтительныя и благотворительныя дѣла), и интереса впервые напечатанныхъ документовъ, — ему нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ѣ.

\*) Приводимъ примѣръ: «А всего въ мѣсяцѣ августѣ съ русскихъ товаровъ и съ лошадей и съ рыбы и съ двора и съ бани и съ всякой мелочи десятой и со служивыхъ людей по рублевой пошлины и съ вѣсчаго товара вѣсчія пудовой пошлины и съ судна посаженнаго и явчія головщины и со скота померетнаго и роговаго собрано 577 р. 17 алтынъ съ деньгою» (стр. 123).



ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ


# РУССКАЯ СТАРИНА

## 1903 г.

### ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К<sup>о</sup>), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книж. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

 Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.


Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

 Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.



# РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ  
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIV-й.

І Ю Н Ъ.

1903 годъ.

## СОДЕРЖАНИЕ:

- |   |  |
|---|--|
| I. Денабристы на Кавказѣ.<br>Е. Вейденбаума... 481—502  | XII. Цензура въ царствованіе<br>императора Николая I-го. 643—671   |
| II. Великій князь Александръ<br>Павловичъ и А. А. Аран-<br>чеевъ. (Ихъ переписка).<br>Сообщилъ Н. Д. .... 503—525                           | XIII. Княгиня Д. Х. Ливенъ и<br>ея переписка съ разными<br>лицами. .... 673—696  |
| III. Записки Н. Г. Залтсова.<br>Сообщ. Н. Н. Длусская. 527—542  | XIV. Графъ Рейзетъ въ Россіи<br>въ 1852—1854 гг. (Из-<br>влечение изъ его воспо-<br>минаній). .... 697—713   |
| IV. Изъ воспоминаній быв-<br>шаго гвардейскаго офи-<br>цера. Князя А. П. Вад-<br>больскаго. .... 543—551                                    | XV. Записная книжка „Русской<br>Старины“: Подарокъ мо-<br>сквичей кн. Волконскому<br>по случаю вступленія<br>на престолъ императора<br>Петра III. 30-го января<br>1762 г. (стр. 526).—Вы-<br>сочайшій выговоръ за не-<br>брежность. 31-го января<br>1828 г. Сообщилъ Г. К.<br>Рѣпинскій (552).—<br>Перемѣна политики съ<br>Франціею въ 1801 году<br>(602).— Учрежденіе си-<br>бирскаго комитета. 28-го<br>іюля 1821 г. (624).—<br>Мистическое письмо Е. Го-<br>ловина—А. Х. Бенкендор-<br>фу. 18-го іюня 1891 г.<br>(672).—Письмо А. Н. Оле-<br>нина къ М. М. Сперан-<br>скому 30 октября 1821 г.<br>Сообщ. П. М. Майковъ.<br>(714—716). |
| V. М. Р. Шидловскій (по поводѣ<br>оперы «Псковитянка»).<br>П. Д. Стремоухова. 553—554   | XVI. Библиографич. листокъ.<br>(на оберткѣ).   |
| VI. Изъ воспоминаній Г. И.<br>Мѣшкова. .... 555—572   |  |
| VII. Священникъ Н. А. Мурза-<br>кевичъ, обвиняемый въ<br>измѣнѣ въ 1812 г. (Оконч.).<br>И. И. Орловскаго. .... 573—582                      |  |
| VIII. Письма императрицы Ма-<br>ріи Феодоровны къ вели-<br>кимъ князьямъ Николаю<br>и Михаилу Павловичамъ.<br>Сообщ. В. В. Щегловъ. 583—601 |  |
| IX. П. А. Каратыгинъ и его<br>ученики по сценѣ: Марты-<br>новъ и Максимовъ. В. И.<br>Шенрока. .... 603—623                                  |  |
| X. Встрѣча съ А. В. Сухова-<br>Кобылинымъ. К. Ход-<br>нева. .... 625—628  |  |
| XI. Павелъ Лукьяновичъ Яко-<br>влевъ. И. Кубасова. 629—642  |  |

ПРИЛОЖЕНИЕ: Портретъ Священника Никифора Мурзакевича.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,  
Большая Подъячская, № 39.  
1903.



VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1903 года

Digitized by Google



## Библиографическій листокъ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ. Томъ 4-й. Составленъ кн. П. В. Чегодаевымъ, кн. Татарскимъ (гл. I—III) и Н. А. Кислинскимъ (гл. IV и V), подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломина. Изданіе Комитета Министровъ. С.-Петербургъ. 1902 г.

Четвертый томъ разсматриваемой нами книги состоитъ изъ пяти главъ.

Въ первой говорится о главныхъ административныхъ мѣрахъ по упорядоченію желѣзнодорожнаго хозяйства за 1895—1902 гг. Къ числу такихъ мѣръ относится признаніе необходимости существованія, на-ряду съ казеннымъ, — частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства. По этому поводу высказывалось не мало различныхъ мнѣній; но, въ концѣ-концовъ, восторжествовало мнѣніе С. Ю. Витте, что частное желѣзнодорожное хозяйство, при его современной постановкѣ и надлежащемъ правительственномъ надзорѣ, не только не можетъ служить поводомъ къ тѣмъ особымъ опасеніямъ, которыя высказаны государственнымъ контролеромъ, а, напротивъ того, существованіе этого хозяйства представляетъ немаловажныя выгоды съ государственной точки зрѣнія. Высказываясь въ пользу смѣшаннаго желѣзнодорожнаго строительства, С. Ю. Витте считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ строить распоряженіемъ казны или выкупать тѣ линіи, которыя или не могутъ привлечь достаточно частныхъ капиталовъ, или же имѣютъ для правительства особо важное значеніе; напротивъ, частной инициативѣ должно быть предоставлено сооруженіе и эксплуатация во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно разсчитывать на успѣшное ея примѣненіе. Въ журналѣ Комитета, удостоившемся Высочайшаго утвержденія 5-го мая 1897 г., противъ объясненій статсъ-секретаря Витте послѣдовала Высочайшая отмѣтка: «Вполнѣ раздѣляя этотъ взглядъ».

Другою весьма важною мѣрою было установленіе контрольнаго надзора за постройкою желѣзныхъ дорогъ на счетъ гарантированныхъ правительствомъ капиталовъ. Установленіе такого надзора было признано необходимымъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ 1883 г., при возведеніи въ Врестѣ центральной станціи для надобностей военнаго вѣдомства и при сооруженіи втораго пути на Варшавско-Тереспольской желѣзной дорогѣ. Затѣмъ, въ 1886 г. контрольный надзоръ былъ учрежденъ за сооруженіемъ пограничныхъ вѣтвей Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги. Постепенное и систематическое расширеніе контрольнаго надзора въ области частнаго желѣзнодорожнаго строительства продолжалось до 1891 г.; съ 1892 г. дальнѣйшее расширеніе контрольной дѣятельности прекратилось.

Къ особымъ мѣрамъ по установленію пра-

вительственнаго надзора за внутреннимъ хозяйствомъ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ—относится: 1) утвержденіе директоровъ правленія общества Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ путей сообщенія, 2) включеніе въ составъ правленія Перваго общества подъѣздныхъ желѣзныхъ путей въ Россіи директоровъ отъ правительства и 3) установленіе правительственнаго наблюденія за дѣлами общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги.

Во второй главѣ обозрѣвается желѣзнодорожное строителство за періодъ времени съ 1895 по 1902 гг. включительно, а въ слѣдующей говорится о выкупѣ въ казну желѣзнодорожныхъ предпріятій за тотъ же періодъ времени.

Четвертая глава заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ главнѣйшихъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ съ цѣлью водворенія въ Россіи изготовленія рельсовъ, подвижнаго состава и прочихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Естественнымъ послѣдствіемъ развитія желѣзнодорожнаго строительства обыкновенно является увеличеніе спроса на чугуны, — какъ первообразный въ металлургическомъ производствѣ продуктъ, изъ котораго, путемъ его дальнѣйшей переработки, получаютъ желѣзо и сталь, — главнѣйшіе матеріалы, употребляемые въ дѣло при сооруженіи рельсовыхъ путей и снабженіи ихъ подвижнымъ составомъ. Въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ, а также въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки постройка желѣзныхъ дорогъ шла, поэтому, параллельно съ постепенною прогрессирующимъ оживленіемъ желѣзодобывательной промышленности. Императоръ Николай I, которому наши желѣзныя дороги обязаны своимъ возникновеніемъ, съ дальновидностью истинно государственнаго человѣка предугадывалъ, какое значеніе для развитія отечественной желѣзопромышленности можетъ имѣть созданіе рельсовой сѣти, и лично прилагалъ старанія къ тому, чтобы положить начало такому развитію. Уже при сооруженіи первой изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—Царскосельской—съ Высочайшаго соизволенія была сдѣлана попытка привлечь Уральскіе заводы къ поставкѣ желѣза на строящуюся линію. Попытка эта, однако, не имѣла успѣха.

Желѣзная дорога отъ Петербурга до Москвы (Николаевская), по мысли Государя, была предложена къ постройкѣ изъ матеріаловъ исключительно русскаго издѣлія; но русскіе заводчики, въ теченіе трехъ лѣтъ, могли поставить лишь 49.272 п. рельсовъ (вмѣсто предполагаемыхъ первоначально 3.000.000 пудовъ).

Въ виду сильной потребности въ желѣзнодорожныхъ принадлежностяхъ и несостоятельности нашихъ заводовъ удовлетворить эту потребность, правительству не оставалось ничего иного, какъ разрѣшить всѣмъ образовавшимся желѣзнодорожнымъ компаніямъ выписывать изъ-

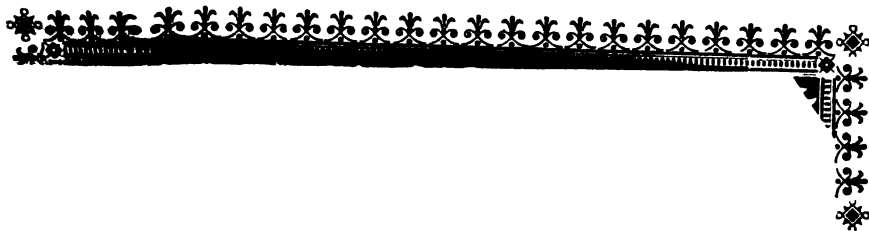






СВЯЩЕННИКЪ  
НИКИФОРЪ МУРЗАКЕВИЧЪ.





ЖѢ

»,»,

ДУ

ХЪ

Ъ.

Ѣ-

СЪ

Р.

ѣ»

А-

І-

Ѣ-

У-

И

Ъ

Ъ

Ѣ

О

»,

І.

»

Іа





## Декабристы на Кавказѣ<sup>1)</sup>.

**В**ъ русской исторической литературѣ накопилось теперь уже достаточно свѣдѣній о сибирской жизни «декабристовъ», лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ по дѣлу 14-го декабря 1825 года. Извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ служили разновременно рядовыми въ кавказскихъ войскахъ. Но о пребываніи ихъ на Кавказѣ извѣстно весьма мало. Нѣсколько отрывочныхъ указаній на ихъ кавказскую службу сохранилось въ запискахъ Пущина, Гангеблова, Розена, Лорера, Бѣльева и др. Статья А. Е. Розена, «Декабристы на Кавказѣ» («Русская Старина» 1884 г., февраль) не даетъ ничего, кромѣ неполнаго ихъ списка.

Предлагаемый очеркъ пополняетъ этотъ пробѣлъ матеріалами, заимствованными нами изъ официальныхъ документовъ. Должно признаться, что онъ далеко не исчерпываетъ о декабристахъ всѣхъ свѣдѣній, таящихся въ кавказскихъ архивахъ. Но при хаотическомъ состояніи этихъ хранилищъ очень важныхъ документовъ, при неимѣніи одного центрального кавказскаго архива,—полная разработка всѣхъ свѣдѣній о службѣ декабристовъ на Кавказѣ можетъ быть лишь дѣломъ будущаго.

Заглавіе нашего очерка не совсѣмъ точно: въ немъ идетъ рѣчь не объ однихъ только «декабристахъ» въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и о тѣхъ лицахъ, которыя, за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, были осуждены приговорами отдѣльныхъ военно-судныхъ комиссій. Затѣмъ въ нашъ очеркъ включены свѣдѣнія о «прикосновенныхъ» къ этимъ обществамъ и о войсковыхъ частяхъ, отправленныхъ на Кавказъ за участіе въ происшествіи 14-го декабря 1825 года.

## I.

## Государственные преступники.

Осужденные приговоромъ верховнаго уголовного суда были раздѣлены, по степени вины и наказанія, на одиннадцать разрядовъ, не считая пяти человѣкъ, выдѣленныхъ судомъ въ особую категорію.

Виновные VIII разряда были приговорены къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе. Къ этому разряду причисленъ, въ числѣ другихъ, флота лейтенантъ Борисъ Андреевичъ Бодиско.

IX разрядъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь. Сюда вошла: подпоручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, отставной штабс-ротмистръ Ахтырскаго гусарскаго полка Николай Оржицкій и подпоручикъ л.-гв. Измайловскаго полка Нилъ Павловичъ Кожевниковъ.

X разрядъ составилъ одинъ л.-гв. Конно-пѣхотнаго эскадрона капитанъ Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, присужденный къ лишенію чиновъ, дворянства и къ написанію въ солдаты до выслуги.

Наконецъ, послѣдній XI разрядъ составили осужденные къ лишенію только чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою. Въ этотъ разрядъ включены: мичманъ 24-го флотскаго экипажа Петръ Александровичъ Бестужевъ, прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады Алексѣй Васильевичъ Веденяпинъ, лейтенанты гвардейскаго экипажа: Ѳедоръ Гавріиловичъ Вишневскій, Епафродитъ Степановичъ Мусинъ-Пушкинъ и Николай Павловичъ Акуловъ; подпоручики л.-гв. Измайловскаго полка: Александръ Александровичъ Фокъ и Михаилъ Демьяновичъ Лаппа; поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка Николай Романовичъ Цебриковъ.

Императоръ Николай I указомъ, даннымъ верховному уголовному суду 10-го іюля 1826 года, измѣнилъ приговоръ по четыремъ послѣднимъ разрядамъ слѣдующимъ образомъ:

Борисъ Бодиско (VIII разряда), вмѣсто ссылки на поселеніе, написанъ въ матросы.

Преступники IX разряда, по лишенію чиновъ и дворянства, написаны въ солдаты въ дальніе гарнизоны.

Виновныхъ по XI разряду повелѣно распредѣлить на службу рядовыми въ дальнѣйшіе гарнизоны; но Николая Цебрикова, по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ рядовые безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства.

Такимъ образомъ, тринадцать человѣкъ были назначены на службу рядовыми въ отдаленные кавказскіе, сибирскіе и оренбургскіе гарни-

зоны. Отправление ихъ изъ Петербурга, съ фельдъегерями и жандармами, началось 21-го іюля и окончилось 4-го августа 1826 года. На Кавказъ назначены двое: Оржицкій и Бодиско, получившій разрѣшеніе служить въ пѣхотѣ. Первый опредѣленъ въ Кизлярскій гарнизонный баталіонъ, второй—во Владикавказскій гарнизонный полкъ.

Всѣмъ разжалованнымъ, за исключеніемъ Цебрикова, было дано право выслуги. Но назначеніе ихъ въ гарнизоны значительно ограничивало возможность воспользоваться этою милостію, такъ какъ пребываніе въ гарнизонныхъ частяхъ, несшихъ исключительно внутреннюю службу, не давало почти никакихъ способовъ къ служебному отличію. Поэтому всѣ декабристы, обреченные тянуть солдатскую лямку въ отдаленныхъ гарнизонахъ, просили о переводѣ ихъ въ полевые полки на Кавказѣ, гдѣ постоянно гремѣли боевые выстрѣлы въ той или другой части края.

Милость эта была дарована имъ 22-го августа 1826 г., въ день коронаванія императора Николая Павловича. Именнымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ начальнику главнаго штаба, государь повелѣлъ: опредѣленныхъ въ гарнизоны сибирскаго, оренбургскаго и кавказскаго корпусовъ рядовыхъ съ лишеніемъ дворянства назначить въ полевые полки кавказскаго корпуса впредь до отличной выслуги; написанныхъ въ гарнизоны безъ лишенія дворянства — опредѣлить въ тѣ же полки, дабы могли загладить вину свою <sup>1)</sup>.

Находившіеся въ оренбургскихъ гарнизонахъ Петръ Бестужевъ, Алексѣй Веденяпинъ, Вишневскій и Нилъ Кожевниковъ прибыли въ Грузію въ концѣ декабря 1826 г. Въ январѣ слѣдующаго года пріѣхали изъ сибирскихъ гарнизоновъ Акуловъ, Петръ Коновницынъ, Лаппа, Михаилъ Пущинъ, Фокъ и Цебриковъ. Послѣднимъ, въ апрѣлѣ 1827 г., прибылъ Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ, оставшійся по случаю болѣзни въ Звѣриноголовскомъ баталіонномъ лазаретѣ.

Генералъ Ермоловъ назначилъ десять человекъ въ пѣхотные и егерскіе полки 21-ой пѣхотной дивизіи. По просьбѣ дежурнаго генерала главнаго штаба Потапова рядовой Оржицкій былъ опредѣленъ, съ высочайшаго разрѣшенія, въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Ходатаемъ за Михаила Пущина и Петра Коновницына явился генералъ - адъютантъ Паскевичъ, присланный въ концѣ августа 1826 г. въ Тифлисъ для командованія дѣйствующимъ корпусомъ въ персидской войнѣ: готовясь къ походу и нуждаясь въ людяхъ, знающихъ піонерную и квартирмейстерскую части, онъ выпросилъ у Ермолова назначеніе Пущина и Коновницына на службу въ 8-ой піонерный баталіонъ.

Къ этой же категоріи надо причислить еще портупей-юнкера Ивана

<sup>1)</sup> Отношеніе военнаго министра графа Татіщева къ генералу Ермолову отъ 13-го сентября 1826 г., № 187.

Цвѣловскаго и старшаго адъютанта по квартирмейстерской части Евдокима Емельяновича Лачинова, принадлежавшихъ къ тайнымъ политическимъ обществамъ въ районѣ расположенія второй арміи въ южной Россіи. По приговору военно-судныхъ комиссій они были разжалованы въ рядовые и опредѣлены въ полевые кавказскіе полки: первый въ 1826 г., второй въ 1827 г.

Персидская война (1826 — 28 гг.) дала разжалованнымъ желанный случай «загладить свою вину». Всѣ они стремились къ отличію, конечно, въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыя поставленъ рядовой солдатъ. Полковые командиры вполнѣ благожелательно отмѣчали въ своихъ донесеніяхъ ихъ заслуги, но сами не могли ничѣмъ наградить отличившихся. Корпусный командиръ не имѣлъ права на производство ихъ собственною властью въ унтеръ-офицеры, тогда какъ въ обыкновенномъ порядкѣ службы право это принадлежитъ даже полковому командиру. Всѣ награды представленія о разжалованныхъ препровождались на высочайшее воззрѣніе.

Важную, но негласную роль въ эту войну игралъ М. И. Пущинъ. Паскевичъ, выпросившій ему назначеніе въ піонерный баталіонъ, вполнѣ воспользовался его познаніями. По свидѣтельству А. С. Гангелова, Пущинъ состоятъ при штабѣ дѣйствующихъ войскъ. Въ солдатской шинели, онъ распоряжался въ отрядѣ, какъ у себя дома. Онъ руководилъ мелкими и крупными работами, начиная отъ вязанія фашинъ и туровъ, отъ работы киркой и лопатой, до устройства переправъ и мостовъ, возведенія укрѣпленій и т. д. <sup>1)</sup>.

Занятія Пущина и его товарищей при штабѣ не понравились въ Петербургѣ. Графъ Дибичъ далъ это почувствовать Паскевичу письмомъ отъ 15-го октября 1827 года, въ которомъ сказано: «касательно обращенія особеннаго вниманія за поведеніемъ унтеръ-офицеровъ Дорохова <sup>1)</sup>, Коновницына и Пущина, по высочайшему повелѣнію, честь имѣю сообщить вамъ, что его величество хотя увѣренъ, что вообще за всѣми разжалованными изъ офицеровъ по происшествію 14-го декабря 1825 г. приняты самыя строгія мѣры на счетъ отправленія ими настоящей своей службы и наблюденія за ихъ поступками; но какъ можетъ быть, что по большому ихъ числу при вѣрренныхъ вамъ войскахъ и по обширности другихъ важнѣйшихъ занятій вашихъ вы не могли сами

<sup>1)</sup> А. С. Гангеловъ, Воспоминаніе декабриста. Москва, 1886, стр. 199, 200, 203, 207. Отзывъ Гангелова подтверждается и другими свидѣтелями дѣятельности Пущина. Самъ Паскевичъ нерѣдко упоминалъ о немъ въ своихъ реляціяхъ.

<sup>2)</sup> Руфинъ Ивановичъ Дороховъ, извѣстный въ свое время дуэлистъ и бунтъ, надѣлъ солдатскую шинель не за 14-ое декабря, а за „буйство въ петербургскомъ театрѣ, поединковъ и ношеніе партикулярной одежды“.

входить во всё подробности, къ снмъ разжалованнымъ касающіяся, почему его величество желалъ бы знать: какъ она располагаются по квартирамъ и въ лагеряхъ, т. е. вмѣстѣ ли съ прочими нижними чинами, или совершенно отдѣльно отъ оныхъ? О чемъ я покорнѣйше прошу меня увѣдомить для доклада его величеству. При семъ честь имѣю присовокупить, что въ такомъ случаѣ, если означенные разжалованные располагаются по квартирамъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ нижнихъ чиновъ, сія мѣра полезна съ той стороны, что они тѣмъ лишены способоу сообщать прочимъ нижнимъ чинамъ какія-либо вредныя внушенія; но его величество находитъ то неудобство, что они, не имѣя ни съ кѣмъ никакого сообщенія и живя только одни, могутъ съ болѣею удобностью утверждать себя въ вредныхъ мнѣніяхъ и иногда покушаться на какія-либо злыя намѣренія. Въ отвращеніе чего, его величество полагаетъ удобнѣйшимъ располагать ихъ по квартирамъ и въ лагеряхъ вмѣстѣ съ прочими нижними чинами, но съ препорученіемъ ихъ въ надзоръ надежнымъ старослуживымъ унтеръ-офицерамъ, которые должны имѣть строгое и неусыпное наблюденіе за тѣмъ, чтобы они не могли распространять между товарищами какихъ-либо вредныхъ толковъ».

Паскевичъ отвѣчалъ на эти намеки письмомъ отъ 30-го ноября 1827 года. «За всѣми вообще офицерами и разжалованными за проступки»,—писалъ онъ Дибичу,—«со времени прибытія ихъ въ корпусъ, наблюдаемъ былъ строжайшій присмотръ; послѣдніе, а въ числѣ ихъ Дороховъ, Коновницынъ и Пушинъ, причислены, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, въ полки и роты, гдѣ содержались совершенно наравнѣ съ прочими нижними чинами и подъ особеннымъ надзоромъ полковыхъ и ротныхъ командировъ, на коихъ я въ семъ случаѣ могъ надѣяться. Оные же всегда относились съ похвалою на счетъ поведенія, какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ, и ни малѣйшій проступокъ съ ихъ стороны во время сей кампаніи не былъ доведенъ до свѣдѣнія моего. Во время блокады крѣпостей Сардаръ-абада и Эривани было мною дозволено всѣмъ офицерамъ и разжалованнымъ, желающимъ изгладить усердною службою прежнее свое поведеніе, находиться при открытіи траншей. Между ними Дороховъ, Коновницынъ и Пушинъ исполняли свой долгъ съ похвальною ревностью, поощряя прочихъ нижнихъ чиновъ своимъ примѣромъ. При коронованіи рва подъ Эриванью они также находились на работахъ, производимыхъ подъ начальствомъ г.-м. Трузсона; а когда непріятель открывалъ на насъ сильный огонь, Дороховъ неоднократно убѣдительно просилъ генерала удалиться, представляя, что ему не слѣдуетъ подвергаться такимъ опасностямъ, и что здѣсь было ихъ мѣсто. Разжалованный за дуэль, Дороховъ былъ въ семъ случаѣ раненъ пулею въ грудь, одежда Коновницына прострѣлена тремя пулями. Во уваже-

ніе чего я дозволилъ первому отлучиться въ Тифлисъ для излѣченія раны, поручивъ его особенному надзору ген.-ад. Сипягина. Продолжая имѣть за всѣми высланными за проступки въ командуемый мною корпусъ строжайшій присмотръ, но соображаясь въ выше писанномъ съ истинною правдою, я долгомъ почелъ обо всемъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства».

За персидскую войну Пущинъ, Петръ Коновницынъ и Оржицкій были произведены въ офицеры; Петръ Бестужевъ, Вишневскій и Цебриковъ получили чинъ унтеръ-офицера и знакъ отличія военнаго ордена; въ унтеръ-офицеры произведены также Нилъ Кожевниковъ, Лаппа и Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ.

Въ турецкую войну 1828—29 гг. число декабристовъ на Кавказѣ увеличилось. Къ этому времени нѣкоторые изъ осужденныхъ въ каторжныя и крѣпостныя работы отбыли свои сроки и вышли на поселеніе. Имъ было разрѣшено поступить на службу рядовыми въ кавказскіе полки. Дозволеніемъ этимъ воспользовались Александръ Карловичъ Берстель, Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій), Владиміръ Сергѣевичъ Толстой, Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ и Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ.

Въ кампанію 1828 года, ознаменованную взятіемъ турецкихъ крѣпостей Карса, Ахалкалакъ и Ахалциха, всѣ разжалованные служили такъ же честно, какъ и въ персидскую войну: Акуловъ, Веденяпинъ и Фокъ, за штурмъ Карса, были произведены въ унтеръ-офицеры; Фокъ, трижды раненый въ дѣлахъ подъ Ахалцихомъ, получилъ еще и знакъ отличія военнаго ордена; неутомимый и дѣятельный Пущинъ, прострѣленный въ грудь при штурмѣ Ахалциха, произведенъ въ подпоручики.

Награды эти были по истинѣ ничтожны въ сравненіи съ подвигами, описанными въ реляціяхъ отдѣльныхъ начальниковъ. Но Паскевичъ хотѣлъ выждать окончанія войны для испрошенія большихъ милостей декабристамъ. «Вообще разжалованныхъ»,—писалъ онъ Дибичу <sup>1)</sup>,—«во всѣхъ сраженіяхъ употреблялъ я въ первыхъ рядахъ или въ стрѣлкахъ, и всегда тамъ, гдѣ представлялось наиболѣе опасности. Изъ нихъ одинъ убитъ и 7 ранено. Всѣ они вели себя отлично храбро, въ назначаемыя имъ мѣста шли совершенно съ доброю волею и съ желаніемъ заслужить вину свою кровью. Сверхъ того, о тѣхъ, кои рекомендуются въ прилагаемомъ спискѣ, запрашивалъ я особо полковыхъ командировъ на счетъ ихъ нравственности, и они отзывались, что совершенно ручаются за ихъ поведеніе. Хотя таковыя заслуги разжалованныхъ по дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ и одобряемое поведеніе обращаютъ на нихъ вниманіе начальства, но я полагаю, что производство ихъ въ офицеры можно отложить до окончанія настоящей войны, развѣ въ продолженіе оной окажутъ примѣры отваги и храбрости».

<sup>1)</sup> Отъ 15-го іюля 1828 г., № 250.



Весною 1829 года военныя дѣйствія возобновились. Послѣ разгрома турецкой арміи въ Соганлутскихъ горахъ, Паскевичъ занялъ столицу Анатолиі Эрзерумъ. Война близилась къ концу. Въ Адрианополѣ велись переговоры о мирѣ. Разжалованные декабристы видѣли уже близкое осуществленіе своихъ надеждъ на производство въ офицеры. Въ это время случилось происшествіе, ничтожное само по себѣ, но имѣвшее для нихъ самыя тяжкія послѣдствія.

Командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка Николай Николаевичъ Раевскій, начальствовавшій во время кампаніи сводною кавалерійскою бригадою, отпросился въ отпускъ въ Тифлисъ. Сдавъ команду, онъ выѣхалъ въ послѣднихъ числахъ августа изъ Эрзерума въ сопровожденіи своего адъютанта Исупова, маіора Семичева и 40 нижнихъ чиновъ драгунскаго и своднаго уланскаго полковъ.

Въ пограничное укрѣпленіе Гумры, нынѣшній гор. Алекسانдрополь, Раевскій пріѣхалъ 4-го сентября и остановился на три дня для выдержанія карантиннаго срока. Невольное сидѣніе это разнообразилось веселою бесѣдою за обѣдами и невинною игрою въ вистъ. Какъ человѣкъ общительный, Раевскій приглашалъ къ своему столу мѣстнаго коменданта маіора Аносова и карантиннаго врача Грошопфа или, въ русской передѣлкѣ, Грошева. Въ числѣ случайныхъ гостей и партнеровъ генерала былъ также адъютантъ начальника главнаго штаба графа Чернышева гвардіи штабсъ-ротмистръ Бутурлинъ. Онъ пріѣзжалъ въ Эрзерумъ за дешевыми отличіями, но прибылъ слишкомъ поздно, когда кампанія была уже почти окончена. Паскевичъ, изъ угожденія вліятельному Чернышеву, далъ Бутурлину какой-то отрядъ казаковъ, наградивъ его владимірскимъ крестомъ и поручилъ доставить въ Петербургъ знамена, отбитыя у турокъ въ Гуріи. Съ этими трофеями Бутурлинъ и прибылъ 6-го сентября въ Гумринскій карантинъ, когда тамъ находился генералъ Раевскій. На другой день всѣ отправились въ дальнѣйшій путь послѣ веселаго обѣда. Изъ Тифлиса Раевскій выѣхалъ въ Карагачъ, штабъ-квартиру своего полка, а Бутурлинъ поскакалъ въ Петербургъ.

Черезъ шесть недѣль разразилась неожиданная гроза. Начальникъ главнаго штаба, по высочайшему повелѣнію, потребовалъ отъ Паскевича объясненій по поводу поѣздки Раевского. «Дошло до высочайшаго свѣдѣнія»,—писалъ графъ Чернышевъ <sup>1)</sup>,—«что г.-м. Раевскій, возвращаясь изъ главнаго отряда въ Тифлисъ, имѣлъ съ собою большую свиту, въ коей находились принадлежавшіе къ злоумышленнымъ обществамъ: Чернышевъ, Ворцель и Карвицкій, равно Пашковъ и другіе. Въ Гумрахъ г. Раевскій давалъ обѣдъ въ палаткѣ, на которомъ присутствовали всѣ вышепоименованныя лица. Государь императоръ, предполагая, что

<sup>1)</sup> Отъ 29-го сентября 1829 г., № 603.

ваше сіятельство изволите еще находиться въ Азіатской Турціи, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ писать къ тифлисскому военному губернатору, дабы онъ произвелъ по сему предмету точнѣйшее и достовѣрнѣйшее изслѣдованіе, и дозналъ: 1) по какой причинѣ г.-м. Раевскій, оставивъ дѣйствующій отрядъ, отправился въ Тифлисъ и имѣлъ при себѣ большую свиту, въ коей находились и вышепоименованные лица; и 2) почему лица сіи, вопреки строжайшимъ запрещеніямъ, не находятся при своихъ полкахъ и командахъ, и что именно причиною непростительнаго послабленія, что г.-м. Раевскій допускаетъ ихъ къ столь короткому съ собою обращенію, что позволяетъ имъ быть даже при своемъ столѣ. Если же вы, милостивый государь, возвратились уже къ сему времени въ предѣлы наши, то его величеству угодно, дабы секретное изслѣдованіе сіе произведено было подъ личнымъ вашимъ наблюденіемъ и о послѣдствіяхъ сего изслѣдованія донесено его величеству въ собственныя руки».

По распоряженію Паскевича начались обширные розыски и допросы, въ результатѣ которыхъ оказалось, что въ конвоѣ Раевского находились, изъ числа разжалованныхъ, рядовые Захаръ Чернышевъ, Ворцель, Карвицкій и Квартано. Первый принадлежалъ къ декабристамъ, объ остальныхъ надо сказать нѣсколько словъ.

Графъ Николай Станиславовичъ Ворцель, полковникъ польскихъ войскъ, богатый помѣщикъ Кіевской и Подольской губерній, магистръ Геттингенскаго университета, за принадлежность къ польскимъ тайнымъ обществамъ, былъ лишенъ чиновъ и графскаго достоинства и написанъ въ рядовые до выслуги. Приказомъ 7-го іюня 1829 года опредѣленъ въ Бѣлгородскій уланскій полкъ.

Графъ Станиславъ Станиславовичъ Карвицкій, старикъ 60 лѣтъ, тоже изъ богатыхъ помѣщиковъ Юго-Западнаго края, разжалованный въ одинъ день съ Ворцелемъ и за такую же вину, служилъ въ Борисоглѣбскомъ уланскомъ полку.

Въ судьбѣ Николая Николаевича Квартано ни русскія, ни польскія тайныя общества не играли никакой роли. Будучи офицеромъ пѣхотнаго принца Вильгельма Прусскаго полка, онъ отпросился за границу навѣстить своего отца, занимавшаго должность русскаго консула въ одномъ изъ городовъ Испаніи. Въ то время шла борьба партіи генерала Мина противъ абсолютизма короля Фердинанда VII. Пылкій Квартано, забывъ о своемъ званіи русскаго офицера и объ окончаніи срока отпуска, примкнулъ къ освободительному движенію и храбро сражался подъ предводительствомъ Мина. Когда возстаніе было подавлено, Квартано бѣжалъ въ Бразилію, потомъ долго скитался по Европѣ. Тоска по родинѣ и стѣсненныя обстоятельства заставили его прибѣгнуть къ покровительству великаго князя Михаила Павловича, находившагося

въ Вѣнѣ. Тотъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Петербургъ съ повинною. Квартано такъ и сдѣлалъ. Его посадили въ крѣпость и затѣмъ разрѣшили вступить вновь въ военную службу, но только нижнимъ чиномъ. Такимъ путемъ попалъ онъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Это былъ всегда веселый, добродушный и беззаботный чело-вѣкъ, неистощимый рассказчикъ, остроумный и пріятный собесѣдникъ.

Раевскій, любившій веселую и непринужденную бесѣду, простой и привѣтливый въ обхожденіи, не уклонялся ни въ службы отъ общества разжалованныхъ офицеровъ, какъ людей одинаковаго съ нимъ образованія и воспитанія. Естественно, что совместная поѣздка и скучное сидѣніе въ карантинѣ сами по себѣ давали много поводовъ къ тѣсному общенію. Во время остановокъ разжалованные собирались въ палаткѣ молодого генерала и обѣдали вмѣстѣ съ нимъ. Такъ водилось на Кавказѣ и такое отношеніе къ разжалованнымъ ни въ службы казалось столь естественнымъ, что никому не приходило въ голову видѣть въ этомъ опасное колебаніе дисциплины или политическую неблагонадежность <sup>1)</sup>. Паскевичъ не могъ не знать объ этомъ, но смотрѣлъ сквозь пальцы на послабленія, дѣлаемыя разжалованнымъ офицерамъ. Онъ самъ, когда было нужно, вступалъ съ ними въ непосредственныя сношенія. Такъ, онъ держалъ при своемъ штабѣ рядоваго Пущина и давалъ ему служебныя порученія, вовсе не входившія въ кругъ его солдатскихъ обязанностей.

Но Паскевичъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ начальниковъ, которые берутъ на себя отвѣтственность за подчиненныхъ. Донесеніе его на высочайшее имя по дѣлу Раевского есть цѣлый обвинительный актъ, въ которомъ бросается тѣнь подозрѣнія и на декабристовъ, и на рядъ лицъ, не имѣвшихъ къ нимъ никакого отношенія, но непріятныхъ лично Паскевичу по той или другой причинѣ. Желаніе выгородить себя и сложить всю отвѣтственность на другихъ заставило Паскевича отречься отъ того, что самъ онъ годомъ раньше сообщалъ о поведеніи и образѣ мыслей разжалованныхъ офицеровъ.

«Поступокъ г.-м. Раевского,—писалъ онъ государю<sup>2)</sup>,—сдѣлался мнѣ извѣстенъ прежде полученія высочайшаго повелѣнія вашего император-

<sup>1)</sup> Объ одномъ изъ такихъ случаевъ было извѣстно и государю Николаю Павловичу. Во время пребыванія Дибича въ Тифлисѣ, весной 1827 г., до свѣдѣнія его дошло, что Оржицкій, Пущинъ и Коновницынъ приглашались на офицерскіе обѣды. Оржицкаго онъ отправилъ въ штабъ полка, а командиру 8-го піонернаго баталіона замѣтилъ, что польза отъ службы Пущина и Коновницына нисколько не должна выводить ихъ изъ состоянія, въ которое они поставлены единственно высочайшею милостью. Дибичъ донесъ объ этомъ государю, и происшествіе не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

<sup>2)</sup> В. Потто, Исторія Нижегородскаго драгунскаго полка, III, 147.

скаго величества, и я не оставилъ его безъ вниманія, но только предоставилъ окончательное рѣшеніе онаго до возвращенія моего въ Тифлисъ, чтобы самому болѣе во всемъ удостовѣриться. Поступокъ этотъ, хотя злоумышленности и не обнаруживаетъ, но тѣмъ не менѣе есть признакъ, что духъ сообщества существуетъ, который по слабости своей не дѣйствуетъ, но съ помощью связей между собою живетъ. Сіе съ самаго начала командованія моего здѣсь не было упущено отъ наблюденій моихъ, и я тогда же просилъ графа Дибича снабдить меня хоть нѣсколько другаго рода генералами, которые съ добрыми правилами соединяли бы и способности; но, не получивъ ихъ, я долженъ былъ дѣйствовать тѣми, какіе были, и по ихъ военнымъ дѣйствіямъ и способностямъ отдавать имъ справедливость. По множеству здѣсь людей сего рода, главное къ наблюденію есть то, чтобы они не имѣли прибѣжища въ лицахъ высшаго званія и, такъ сказать, пункта соединенія. Въ семъ отношеніи удаленіе отсюда г.-м. Сакена есть полезно; удаленіе г.-м. Раевского также, весьма полезно удалить и г.-м. Муравьева».

Письмо это, какъ справедливо замѣтилъ В. А. Потто, навсегда останется документомъ, чрезвычайно важнымъ для личной характеристики Паскевича. Дѣйствительно, если обвиненіе Раевского въ сочувствіи замысламъ декабристовъ еще имѣло внѣшній видъ правдоподобія, то указаніе на Сакена, Муравьева и даже Дибича можетъ быть объяснено только желаніемъ Паскевича изъ личныхъ видовъ повредить имъ въ мнѣніи государя. Для этого пустилъ онъ въ ходъ обвиненіе ихъ въ явномъ и злонамѣренномъ покровительствѣ лицамъ, участвовавшимъ въ заговорѣ 14-го декабря <sup>1)</sup>).

Императоръ Николай Павловичъ, при всемъ расположеніи и довѣріи къ своему «отцу-командиру», не внялъ, однако, его коварнымъ инсинуаціямъ. Онъ взглянулъ на дѣло исключительно съ точки зрѣнія нарушенія воинской дисциплины. Раевскому былъ объявленъ отъ высочайшаго имени строжайшій выговоръ и домашній арестъ при часовомъ на 8 дней <sup>2)</sup>. Вслѣдъ за тѣмъ государь приказалъ перевести его въ 5-ю уланскую дивизію.

<sup>1)</sup> Баронъ Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, впослѣдствіи графъ и членъ Государственнаго Совѣта, исполнялъ во время турецкой войны обязанность начальника штаба дѣйствующаго корпуса. Такую же должность занималъ въ персидскую кампанію Николай Николаевичъ Муравьевъ, бывшій впослѣдствіи главнокомандующимъ и намѣстникомъ на Кавказѣ. Испытавъ на себѣ мелочность, придирчивость и мстительность Паскевича, оба при первой возможности оставили кавказскую службу и перешли въ Польшу подъ начальство Дибича.

<sup>2)</sup> Рапортъ графа Чернышева графу Паскевичу отъ 10-го декабря 1829 г. № 739.

Арестъ генерала и, при томъ, георгіевскаго кавалера вызвалъ много толковъ въ кавказскихъ войскахъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что Раевскій сдѣлался жертвою доноса, и всѣ указывали на Бутурлина, гостепріимно принятаго генераломъ въ Гумринскомъ карантинѣ <sup>1)</sup>. По общему мнѣнію, ударъ былъ направленъ собственно не противъ Раевского, а противъ декабриста Захара Чернышева, находившагося въ свитѣ генерала.

Для объясненія интриги необходимо припомнить, что начальникъ главнаго штаба А. И. Чернышевъ съ давнихъ поръ навязывался въ ближайшее родство съ оберъ-шенкомъ графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, владѣльцемъ маіората въ 20.000 душъ крестьянъ. Наслѣдникомъ этого богатства былъ единственный сынъ графа Григорія графъ Захаръ Григорьевичъ. Когда молодой человѣкъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу декабристовъ, членъ слѣдственной коммисіи А. И. Чернышевъ, какъ рассказываютъ <sup>2)</sup>, счелъ полезнымъ для себя заявить лишній разъ о своемъ съ нимъ родствѣ. При допросѣ онъ обратился къ нему съ словами: «Comment, cousin, vous êtes coupable aussi?» Графъ Захаръ рѣзко возразилъ: «coupable peut-être, mais cousin jamais!».

Приговоръ верховнаго уголовного суда, присудившій Захара Чернышева къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и каторжнымъ работамъ, сдѣлалъ открытымъ вопросъ о будущемъ наслѣдникъ маіоратныхъ имѣній. Претендентомъ выступилъ А. И. Чернышевъ. Извѣстны слова Ермолова по этому поводу. «Что же тутъ удивительнаго? одежда жертвы всегда и вездѣ поступала въ собственность палача».

Между тѣмъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Сибири, Захаръ Чернышевъ получилъ разрѣшеніе поступить на службу рядовымъ въ одинъ изъ кавказскихъ полковъ. Турецкая война могла дать ему способъ къ отличію и восстановленію своихъ правъ, утраченныхъ по судебному приговору. Возможность этого, какъ утверждаютъ, не соответствовала видамъ А. И. Чернышева. На его счастье подвернулась какъ разъ исторія съ генераломъ Раевскимъ. Получивъ донесеніе Бутурлина о гумринскомъ обѣдѣ, онъ быстро сообразилъ планъ дѣйствія для устраненія опаснаго конкуррента на маіоратное наслѣдство. Поступокъ Раевского былъ представленъ государю, какъ событіе первостепенной важности. Паскевичъ поддержалъ это представленіе своимъ завѣреніемъ, что мя-

<sup>1)</sup> Объ этомъ говорятъ единогласно служившіе тогда въ кавказскихъ войскахъ участники турецкой кампаніи А. С. Гангеловъ („Воспоминаніе“, стр. 187), М. В. Юзефовичъ («Воспоминанія о Пушкинѣ» въ «Русск. Архивѣ» 1880 г.) и В. Андреевъ («Кавказскій Сборникъ», I, 89, 90, 92).

<sup>2)</sup> М. В. Юзефовичъ, Воспоминанія о Пушкинѣ, 486, 487.

тежный духъ еще не угасъ въ разжалованныхъ декабристахъ, но таится въ нихъ подѣ давленіемъ обстоятельствъ.

Результатъ этихъ коварныхъ внушеній не замедлилъ сказаться. Производство въ офицеры, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшееся декабристами, было отменено <sup>1)</sup>).

Такимъ образомъ, возможность возстановленія гражданскихъ правъ Захара Чернышева была, если не совсѣмъ устранена, то въ значительной степени ослаблена.

Графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ скончался въ 1830 г., и А. И. Чернышевъ предъявилъ свои права на открывшееся наслѣдство, но они были отвергнуты Государственнымъ Совѣтомъ. Маіоратъ вмѣстѣ съ фамиліей графа Чернышева перешелъ къ И. Г. Кругликову, женатому на старшей дочери покойнаго, графинѣ С. Г. Чернышевой.

Кромѣ отказа въ наградахъ, разжалованныхъ декабристовъ постигла еще и другая, не менѣ тяжкая, невзгода. Послѣ окончанія войны, часть ихъ собралась къ зимѣ 1829—30 гг. въ Тифлисѣ. Здѣсь имѣли они возможность видѣться другъ съ другомъ и бывать въ обществѣ людей образованныхъ. Послѣ исторіи Раевского они лишились этого утѣшенія: всѣхъ разжалованныхъ было приказано распредѣлить по полкамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы ни въ одномъ не числилось болѣе двухъ человекъ. А. А. Бестужевъ, жившій въ Тифлисѣ съ братьями Петромъ и Павломъ, попалъ въ линейный № 10 баталіонъ въ Дербентѣ. Захаръ Чернышевъ былъ переведенъ изъ Нижегородскаго драгунскаго въ 41-й егерскій полкъ, строившій Закатальскую крѣпость.

М. И. Пущинъ, разочаровавшись въ обѣщаніяхъ Паскевича, покинулъ службу на Кавказѣ. Справедливость требуетъ сказать, что не всегда Паскевичъ былъ виноватъ въ неисполненіи своихъ обѣщаній. Въ январѣ 1829 г. онъ ходатайствовалъ о награжденіи Пущина за штурмъ Ахалциха орденомъ св. Георгія 4-й степени, при чемъ рекомендовалъ его въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: «въ продолженіе всей осады Ахалциха подпоручикъ Пущинъ употребляемъ былъ для разбивки и устроенія батарей въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ всегда служилъ основною точкою, на которую направлялись колонны, и при сихъ случаяхъ оставался неподвижнымъ подѣ жесточайшимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ; въ самыхъ работахъ примѣромъ ободрялъ людей и всегда содѣйствовалъ успѣхамъ оныхъ. На приступѣ 15-го августа, при заложеніи ложемента и батарей въ самомъ пылу сраженія, исполняя ревностно свою обязанность, раненъ жестоко пулею въ грудь на вылетъ. Незмѣнное усердіе, безпримѣрное мужество и спокойствіе духа под-

---

<sup>1)</sup> Графъ Чернышевъ графу Паскевичу отъ 17-го апрѣля 1830 г., № 2771.

поручика Пушина содѣлываютъ его достойнымъ всемілостивѣйшаго возврѣнія».

Высочайшаго соизволенія на эту награду не послѣдовало. Въмѣсто ордена храбрыхъ Пушкину былъ данъ чинъ поручика. Тридцать лѣтъ спустя, именно 17-го декабря 1858 года, когда Пушкинъ находился уже въ отставкѣ, императоръ Александръ II, освѣдомясь объ его подвигахъ подъ Ахалцихомъ, пожаловалъ ему заслуженный кровью георгіевскій крестъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ прибыли на Кавказъ съ поселенія въ Сибири Александръ Осиповичъ Корниловичъ, Сергій Ивановичъ Кривцовъ, С. Палицинъ и содержавшійся въ Бобруйской крѣпости Дивовъ. Всѣ трое вступили на службу рядовыми. Въ 1837 году наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, путешествовавшій по западной Сибири, исходатайствовалъ у императора облегченіе участи ссыльно-поселенцевъ изъ декабристовъ. Имъ было разрѣшено покинуть Сибирь подъ условіемъ солдатской службы въ кавказскихъ войскахъ. Дозволеніемъ этимъ воспользовались Александръ Ивановичъ Вегелинъ, Николай Александровичъ Загорѣцкій, Константинъ Евстафьевичъ Игельстромъ, Владиміръ Николаевичъ Лахаревъ, Николай Ивановичъ Лореръ, Михаилъ Александровичъ Назимовъ, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, Александръ Ивановичъ Одоевскій, Андрей Евгеньевичъ Розенъ и Алексій Ивановичъ Черкасовъ. Два года спустя пріѣхали изъ Сибири на Кавказъ братья Александръ и Петръ Петровичи Бѣляевы, опредѣленные въ Кабардинскій пѣхотный полкъ. Наконецъ, послѣднимъ, уже въ концѣ царствованія Николая I, былъ переведенъ на Кавказъ Александръ Николаевичъ Сутгофъ.

Служба и судьба этихъ декабристовъ достаточно извѣстны по ихъ личнымъ воспоминаніямъ и по запискамъ ихъ сослуживцевъ.

А. Е. Розенъ подвелъ итоги пребыванію декабристовъ на Кавказѣ. По его счету, двадцать изъ нихъ были произведены въ офицеры, трое (Берстель въ 1836 г., Бестужевъ-Марлинскій въ 1837 г. и Лихаревъ въ 1840 г.) убиты въ сраженіяхъ, пятеро умерло отъ болѣзней.

Къ числу павшихъ въ сраженіи надо присоединить еще Дивова, скончавшагося въ 1840 г. отъ раны, полученной имъ въ экспедиціи на р. Фартангъ въ Малой Чечнѣ. Въ списокъ умершихъ на Кавказѣ отъ болѣзней пропущенъ Розеномъ А. Н. Сутгофъ, скончавшійся въ Боржомѣ 14-го августа 1872 года. Прибывъ послѣднимъ на Кавказъ, онъ и покинулъ его послѣднимъ.

## II.

## Прикосновенные.

Кромѣ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ и военно-судными комиссіями, по дѣлу декабристовъ было привлечено къ ответственности много лицъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ тайнымъ обществамъ. Оффициально назывались они «лицами, кои прикосновенны были къ дѣлу о злоумышленныхъ обществахъ, но, не бывъ преданы верховному уголовному суду, понесли исправительныя наказанія».

Виновость этихъ лицъ, очевидно, не поддавалась точному опредѣленію: въ спискахъ, противъ имени каждаго, сказано только, что «былъ прикосновененъ къ злоумышленнымъ сообществамъ». Нѣкоторые изъ подвергшихся наказанію даже не знали о своей прикосновенности и объясняли постигшую ихъ кару совсѣмъ другими причинами.

Извѣстно, что самъ Ермоловъ, всего менѣе склонный къ либерализму, считался главою какого-то кавказскаго тайнаго общества<sup>1)</sup>. Вслѣдствіе этого всѣ дѣйствія его подавали поводъ къ сомнѣнію. Въ февралѣ 1821 г. старшій адъютантъ штаба первой арміи, полковникъ Александръ Андреевичъ Авенаріусъ, по представленію Ермолова, получилъ на Кавказѣ въ командованіе 41-й егерскій полкъ. Послѣ обнаруженія тайныхъ обществъ въ южной Россіи, явилось подозрѣніе въ принадлежности къ нимъ Авенаріуса. Отсюда возникло предположеніе, что Ермоловъ просилъ о переводѣ его на Кавказъ, какъ единомышленника. Вслѣдствіе этого отъ Ермолова было потребовано объясненіе о причинахъ, побудившихъ его дать полкъ Авенаріусу. Онъ отвѣчалъ очень энергическимъ рапортомъ на имя военнаго министра. «Не сомнѣваюсь,—писалъ онъ<sup>2)</sup>,—что изъ уличенныхъ въ заговорѣ никто не покажетъ, что было какое тайное общество въ корпусѣ, надъ коимъ начальство высочайше мнѣ ввѣрено, и потому полковникъ Авенаріусъ не здѣсь могъ принадлежать къ какому-либо изъ таковыхъ. Въ кавказскій корпусъ просилъ я о переводѣ его по наилучшей рекомендаціи, и съ того времени, какъ онъ здѣсь, нахожу его офицеромъ усерднымъ, исполнительнымъ, безмолвнымъ и командиромъ полка изъ наилучшихъ. Ручаюсь смѣло, что не въ его свойствахъ быть членомъ какого-либо

---

<sup>1)</sup> Слухъ объ этомъ, пущенный въ ходъ извѣстнымъ А. И. Якубовичемъ, служившимъ на Кавказѣ, былъ принятъ за чистую монету членами тайныхъ обществъ въ Россіи. См. объ этомъ въ „Запискахъ декабриста С. Г. Волконскаго“, стр. 415, 416.

<sup>2)</sup> Отъ 4-го марта 1826 г., № 7.



вреднаго общества, едва-ли такого, коихъ члены публиковались печатными списками. Не поручусь я за подозрительнаго».

Тѣмъ не менѣе, надъ Авенаріусомъ, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ секретный надзоръ. Такому же наблюденію подвергся и командиръ 7-го карабинернаго полка полковникъ Н. Н. Муравьевъ <sup>1)</sup>, который, «хотя поведеніемъ своимъ и усердіемъ къ службѣ не подавалъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ участвованіи въ открытыхъ уже правительствомъ тайныхъ обществахъ, но потому единственно, что многіе изъ однофамильцевъ его оказались къ нимъ принадлежащими» <sup>2)</sup>.

Вскорѣ Ермолову пришлось вновь явиться въ роли подозрѣваемаго. Нѣкто капитанъ Колачевскій, въ письмѣ къ братьямъ своимъ, сообщалъ имъ, что влюбленъ въ дѣву горъ. Письмо, отправленное по почтѣ, попало въ руки Дибича. Дѣва горъ показала ему подозрительною. Копія письма была препровождена къ Ермолову съ требованіемъ свѣдѣній о благонадежности Колачевскаго. Ермоловъ отвѣчалъ <sup>3)</sup>: «Дѣва горъ, о коей говоритъ Колачевскій, есть, какъ мнѣ извѣстно, пригожая дѣвушка, въ которую онъ влюбленъ и старается получить ее въ супружество. По множеству соперниковъ совершенно на то не надѣется. Преодоленіе затрудненій почитаетъ важнымъ успѣхомъ, и какъ надобно думать, прежде точнаго въ томъ удостовѣренія, не рѣшается братьямъ объявить о томъ. Капитанъ Колачевскій, находящійся при военно-окружномъ начальникѣ г.-м. князѣ Мадатовѣ, хорошій офицеръ и всегда былъ такого поведенія и нравственности, которыя не навлекли ни малѣйшаго подозрѣнія. Выраженія въ письмѣ его насчетъ смѣны моей, конечно, неумѣстны, хотя, между родными братьями употребляемая, не могутъ быть принимаемы въ уваженіе, особенно еще въ письмѣ, по почтѣ пересланномъ. Никакихъ вредныхъ замысловъ и предпріятій Колачевскій имѣть не можетъ, ибо таковыя не были бы здѣсь допущены, и я позволю себѣ думать, что довольно ясны тому доказательства, ибо доселѣ ничего подобнаго здѣсь не произошло. Прошу покорнѣйше васъ доложить государю императору, что я весьма хорошо разумѣю обязанности мои удалять развратъ отъ моихъ подчиненныхъ, и всегда столько умѣлъ внушать уваженія къ власти, что не имѣлъ случая наказывать за несоблюденіе онаго. Меня можно обмануть, но, при малѣйшемъ сомнѣніи, не подъ моими глазами могутъ предприняты быть вредныя какія-либо начинанія».

Поэтическое названіе дѣва горъ, взятое изъ пушкинскаго «Кав-

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи намѣстникъ и главнокомандующій на Кавказѣ.

<sup>2)</sup> Предписаніе Ермолова г.-л. Вельяминову отъ 4-го марта 1826 г., № 8.

<sup>3)</sup> Въ письмѣ къ Дибичу отъ 30-го мая 1826 г., № 26.

казскаго плѣнника», повлекло за собою отдачу влюбленнаго капитана подъ секретный надзоръ.

Во время пребыванія Дибича, весною 1827 г., въ Тифлисѣ, Ермоловъ имѣлъ съ нимъ объясненіе о своемъ образѣ мыслей. При этомъ онъ вновь указывалъ на то, что никто изъ окружающихъ его не былъ замѣшанъ въ заговорѣ. Кюхельбекера онъ выслалъ изъ Грузіи, отрекомендовавъ его князю Волконскому какъ вольнодумца, а Якубовичъ самъ оставилъ службу въ Кавказскомъ корпусѣ<sup>1)</sup>.

Сообщая государю о своей бесѣдѣ съ Ермоловымъ, Дибичъ прибавилъ, что не сомнѣвается въ его искренности и откровенности. Но императоръ Николай Павловичъ былъ инаго мнѣнія и навсегда сохранилъ чувство недовѣрія къ знаменитому проконсулу Кавказа.

Большая часть «прикосновенныхъ» была сослана на Кавказъ. Гвардейцы поплатились переводомъ въ армейскіе и даже въ гарнизонные полки, безъ повышенія въ чинахъ. Нѣкоторые смѣщены на низшія должности.

За прикосновенность переведены на Кавказъ въ 1826 году:

Депрерадовичъ, корнетъ Кавалергардскаго полка, въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Шереметевъ, Николай Васильевичъ, поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, въ 43-й егерскій полкъ.

Волковъ, Владиміръ Ѳеодоровичъ, шт.-капитанъ л.-гв. Московскаго полка, въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Броке, Алексѣй Александровичъ, поручикъ того же полка, въ Миягрельскій пѣхотный полкъ.

Добринскій, поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка, въ 43-й егерскій полкъ. Въ дополненіе къ высочайшему приказу о переводѣ, Дибичъ увѣдомилъ<sup>2)</sup> Ермолова, что государю императору угодно, чтобы Добринскому былъ доставленъ случай заслужить свой проступокъ, а Волкова и Броке, какъ служившихъ въ гвардейскомъ полку, наиболѣе участвовавшимъ въ возмущеніи, имѣть подъ особеннымъ строжайшимъ наблюденіемъ.

Арцыбашевъ, корнетъ Кавалергардскаго полка, въ Таманскій гарнизонный полкъ.

Рынкевичъ, корнетъ л.-гв. Коннаго полка, въ Бакинскій гарнизонный полкъ.

Малютинъ, подпоручикъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ Севастопольскій пѣхотный полкъ.

<sup>1)</sup> Князь Щербатовъ, Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, II, 216.

<sup>2)</sup> Отъ 5-го іюня 1826 г., № 979.

Семичевъ, ротмистръ Ахтырскаго гусарскаго полка, въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Гангебловъ, Александръ Семеновичъ, поручикъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ Владикавказскій гарнизонный полкъ.

Гудима, подпоручикъ того же полка, въ Дербентскій гарнизонный полкъ.

Вадковскій, подпоручикъ 17-го егерскаго полка, въ Моздокскій гарнизонный баталіонъ.

Миклашевскій, Александръ Михайловичъ, подполковникъ 22-го егерскаго полка, въ 42-й егерскій полкъ.

Корсаковъ, Михаилъ Матвѣевичъ, поручикъ л.-гв. Гренадерскаго полка, въ Куринскій пѣхотный полкъ.

Въ 1827 году:

Гвоздевъ, Александръ Николаевичъ, подполковникъ квартирмейстерской части при штабѣ 1-й арміи. За необъявленіе извѣстныхъ ему обстоятельствъ о существованіи злоумышленнаго тайнаго общества выдержанъ четыре мѣсяца въ Бобруйской крѣпости и переведенъ въ 42-й егерскій полкъ.

Леманъ, Павелъ Михайловичъ, полковникъ Томскаго пѣхотнаго полка, въ Мингрельскій пѣхотный полкъ.

Бурцовъ, Иванъ Григорьевичъ, полковникъ и командиръ Колыванскаго пѣхотнаго полка, выдержанъ 6 мѣсяцевъ въ Бобруйской крѣпости и переведенъ въ Тифлисскій пѣхотный полкъ подъ команду младшаго.

Титовъ, поручикъ л.-гв. Кирасирскаго полка, въ Омскій гарнизонный баталіонъ и оттуда во Владикавказскій гарнизонный полкъ.

Коновницынъ, графъ, прапорщикъ, прикомандированный къ гвардейской конной артиллеріи,—въ конно-артиллерійскую № 13 роту. Это—младшій братъ Петра Петровича Коновницына, разжалованнаго въ рядовые. Ихъ родная сестра, графиня Елизавета Петровна, была замужемъ за декабристомъ Михаиломъ Михайловичемъ Нарышкинымъ.

Сухоруковъ, Василій Дмитріевичъ, сотникъ л.-гв. Казачьяго полка, высланъ подъ надзоръ въ Донское войско и затѣмъ назначенъ въ Грузію въ Донской казачій полковника Карпова полкъ.

Искрицкій, Демьянъ Александровичъ, подпоручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба, въ Орскій гарнизонный баталіонъ и оттуда въ 42-й егерскій полкъ.

Бестужевъ, Павелъ Александровичъ, артиллеріи прапорщикъ, въ Сухумскій артиллерійскій гарнизонъ.

Васильчиковъ, прапорщикъ Тверскаго драгунскаго полка, корнетомъ въ Серпуховскій уланскій полкъ.

Въ 1828 году:

Кожевниковъ, Андрей, подпоручикъ л.-гв. Гренадерскаго полка, въ Иркутскій гарнизонный баталіонъ и оттуда въ 42-й егерскій полкъ.

Жуковъ, шт.-ротмистръ гусарскаго принца Оранскаго полка, въ Архангелогородскій гарнизонный полкъ и оттуда въ Куринскій пѣхотный полкъ.

Въ 1829 году: Мусинъ-Пушкинъ, графъ, капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ Петровскій и оттуда въ Тифлиссскій пѣхотный полкъ.

Въ 1832 году: Норовъ, Василій Сергѣевичъ, капитанъ л.-гв. Егерскаго полка, долго содержался въ Бобруйской крѣпости и затѣмъ отправленъ на Кавказъ. Братъ министра народнаго просвѣщенія Авраама Сергѣевича Норова.

Всѣ прикосновенные состояли подъ строгимъ секретнымъ надзоромъ. Ближайшіе начальники были обязаны ежемѣсячно доносить объ ихъ службѣ и поведеніи начальнику главнаго штаба для доклада государю императору <sup>1)</sup>. Перемѣщеніе, увольненіе въ отпускъ и вообще всякія служебныя измѣненія допускались не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія <sup>2)</sup>. Когда въ 42-мъ егерскомъ полку подполковнику Миклашевскому слѣдовало по старшинству получить баталіонъ, ему было въ этомъ отказано и даже не дозволено временно командовать баталіономъ.

Зачисленные въ гарнизоны получили вскорѣ разрѣшеніе принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ, Рынкевичъ былъ прикомандированъ на время персидской кампаніи къ Ширванскому пѣхотному полку съ тѣмъ, что если будетъ отличать себя по службѣ, то можетъ быть представленъ къ переводу въ этотъ полкъ. Гангебловъ, съ высочайшаго соизволенія, прикомандированъ къ Кабардинскому полку и т. д.

Всѣ прикосновенные вели себя такъ безукоризненно, что 20-го ноября 1828 г. было повелѣно прекратить ежемѣсячныя о нихъ донесенія, но продолжать тайный и бдительный надзоръ <sup>3)</sup>.

Многіе между ними получили хорошее общее и специальное образованіе. Кавказская армія того времени очень нуждалась въ такихъ офицерахъ. Паскевичъ широко воспользовался ихъ познаніями и талантами. Бурдовъ и Искрицкій служили въ строю и въ то же время несли обязанности офицеровъ генеральнаго штаба. Искрицкій составилъ во-

<sup>1)</sup> Военный министръ графъ Татищевъ Ермолову отъ 20-го и 28-го сентября 1826 г., №№ 7108 и 7195.

<sup>2)</sup> Дежурный генералъ главнаго штаба Потаповъ Ермолову отъ 16-го декабря 1826 г., № 14553.

<sup>3)</sup> Чернышевъ Паскевичу отъ 20-го ноября 1828 г., № 635.

енно-топографическое описаніе Ахалдихскаго и Эрзерумскаго пашалыковъ, сдѣлалъ съемку Боржомскаго ущелья, окрестностей Зивина, Милидюза и Эрзерума. Сотникъ Сухоруковъ, состоя при штабѣ, былъ правою рукою главнокомандующаго въ дѣловой перепискѣ. Паскевичъ, не отличавшійся краснорѣчіемъ ни на словахъ, ни на бумагѣ, охотно пользовался его перомъ, подъ которымъ неясныя мысли дѣлались вразумительными и облекались въ красивую форму. Это тотъ самый Сухоруковъ, о которомъ такъ сочувственно говоритъ Пушкинъ въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ».

Упомянувъ о Пушкинѣ, необходимо замѣтить, что Семичеву обязана Россія спасеніемъ своего поэта отъ большой опасности. Во время перестрѣлки казаковъ съ турецкими наѣздниками, 14-го іюня 1829 г., Пушкинъ устремился противъ непріятельскихъ всадниковъ съ пикомъ, взятою имъ у убитаго казака. Семичевъ бросился за нимъ и едва вывелъ изъ передовой цѣпи.

Не смотря на ограниченія въ служебныхъ правахъ, истинныя заслуги «прикосновенныхъ» пробили себѣ путь къ отличіямъ. Въ турецкую кампанію Бурцовъ уже командовалъ Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ, получилъ георгіевскій крестъ за Карсъ и чинъ генералъ-маіора за Ахалдихъ. Къ общему сожалѣнію всѣхъ кавказскихъ войскъ, турецкая пуля положила конецъ его блистательной карьерѣ 19-го іюля 1828 г. А. М. Миклашевскій тоже получилъ въ командованіе 42-й егерскій полкъ, съ которымъ блистательно дѣйствовалъ подъ Карсомъ 23-го іюня 1828 г. Онъ палъ отъ лезгинской пули при штурмѣ Чумкескента въ Сѣверномъ Дагестанѣ 1-го декабря 1831 г. П. М. Леманъ, командуя 41-мъ егерскимъ полкомъ, заслужилъ георгіевскій крестъ за пораженіе турокъ при Каинлы и Милидюзѣ 19-го и 20-го іюня 1829 года.

Поѣздка на Кавказъ Бутурлина, имѣвшая такія неблагопріятныя послѣдствія для декабристовъ, отразилась такимъ же образомъ и на судьбѣ одного изъ прикосновенныхъ, именно В. Д. Сухорукова. А. И. Чернышевъ имѣлъ противъ него какое-то неудовольствіе еще съ того времени, когда разрабатывалось положеніе объ управленіи Донскимъ войскомъ. На Кавказѣ Сухоруковъ получилъ за храбрость владимірскій крестъ и золотое оружіе. Эти отличія не спасли его, однако, отъ преслѣдованій всесильнаго начальника главнаго штаба. Вскорѣ послѣ проѣзда Бутурлина, у Сухорукова, по распоряженію изъ Петербурга, былъ произведенъ обыскъ, при чемъ въ бумагахъ его оказались записки о военныхъ дѣйствіяхъ кавказскихъ войскъ въ турецкую кампанію. Находкѣ этой было придано такое важное значеніе, что Чернышевъ, по высочайшему повелѣнію, запросилъ Паскевича: на какомъ основаніи состоятъ при немъ Сухоруковъ и почему находятся у него записки о войнѣ съ Турціей?

\*

Паскевичъ поступилъ и въ этомъ случаѣ такъ же, какъ въ дѣлѣ Раевского. Онъ поспѣшилъ сложить часть отвѣтственности на другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бросить тѣнь подозрѣнія на тѣхъ именно лицъ, услугами коихъ наиболѣе пользовался во время войны. Вотъ его отвѣтъ <sup>1)</sup> Чернышеву: «Въ числѣ бумагъ, печатанныхъ у сотника Сухорукова, находится историческое описаніе войны 1828 и 1829 гг., составленное имъ по моему приказанію. Употребленіе Сухорукова къ такому порученію, когда онъ, какъ извѣстно, замѣшанъ въ происшествіи 14-го декабря и находится подъ секретнымъ надзоромъ, не должно удивлять васъ, ибо въ одинаковомъ съ нимъ разрядѣ находились многіе, служившіе при мнѣ, какъ-то: г.-м. Бурцовъ, полковникъ Леманъ, поручикъ Пущинъ, Искрицкій и полковникъ Вольховскій былъ въ замѣчаніи <sup>2)</sup>. Не имѣя другихъ, которые бы съ пользою употреблены быть могли, я, по малому числу людей въ семъ корпусѣ способныхъ, принужденъ былъ давать порученія мои сего рода чиновникамъ. Такимъ образомъ и Сухоруковъ употребляемъ былъ сначала г.-м. барономъ Остенъ-Сакеномъ по канцеляріи начальника штаба, а потомъ, годъ тому назадъ, я поручилъ ему составленіе историческихъ записокъ кампаніи 1828 и 1829 гг.».

Объясненіе это, не заключающее въ себѣ ни одного слова въ защиту Сухорукова, рѣшило его судьбу. Чернышевъ перевелъ его въ одинъ изъ донскихъ полковъ, стоявшихъ въ Финляндіи, гдѣ онъ и скончался въ сороковыхъ годахъ въ томъ же чинѣ сотника.

### III.

#### Сводный гвардейскій полкъ.

Въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г. участвовали нижніе чины нѣкоторыхъ гвардейскихъ полковъ, увлеченные ложными увѣреніями своихъ офицеровъ. Наиболѣе виновные изъ нихъ были выключены изъ гвардіи и отправлены въ Выборгскую и Кексгольмскую крѣпости; остальные получили всемилостивѣйшее прощеніе. Во второй арміи, въ южной

<sup>1)</sup> Отъ 16-го января 1830 г. К. н. Щербатовъ, Біографія Паскевича, III, 328—330.

<sup>2)</sup> Въ черновикѣ Паскевичъ приписалъ собственною рукою: онъ оправдалъ довѣріе по службѣ, но многіе изъ нихъ не оставили прежнихъ мыслей. Но потомъ онъ вычеркнулъ эти коварныя слова.

Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій, корпусный оберъ-квартирмейстеръ, блистательно выполнившій свои хлопотливыя и сложныя обязанности въ турецкую кампанію, не значился въ офиціальномъ спискѣ прикосновенныхъ. Паскевичъ считъ, однако, необходимымъ напомнить Чернышеву, что Вольховскій былъ въ замѣчаніи по дѣлу декабристовъ.

Россіи, ответственности подверглись нижніе чины Черниговскаго пѣхотнаго полка.

Въ февралѣ 1826 г. изъ мятежныхъ ротъ л.-гв. Московскаго и Гренадерскаго полковъ, получившихъ прощеніе, былъ сформированъ сводный гвардейскій полкъ въ составѣ двухъ баталіоновъ. По высочайшему повелѣнію онъ отправленъ на Кавказъ для участія въ горской войнѣ, чтобы «имѣть случай изгладить и самое пятно минутнаго своего заблужденія и запечатлѣть вѣрность свою къ законной власти при первомъ военномъ дѣйствіи» <sup>1)</sup>. Такое же назначеніе получили нижніе чины, исключенные изъ гвардіи и изъ Черниговскаго полка, но они подлежали распредѣленію по тѣмъ кавказскимъ полкамъ, «коимъ преимущественно предъ прочими предстояло усмирять горцевъ силою оружія» <sup>2)</sup>.

Сводный гвардейскій полкъ выступилъ изъ Петербурга 27-го февраля 1826 г. въ списочномъ составѣ 38 офицеровъ и 1.282 нижнихъ чиновъ, подъ командой л.-гв. Преображенскаго полка полковника Шипова. Маршрутъ былъ назначенъ ему до Рыбинска сухимъ путемъ, оттуда Волгою въ Астрахань и далѣе моремъ до Сладкоеричной или какой-либо другой пристани на сѣверо-западномъ берегу Каспійскаго моря.

Въ Рыбинскѣ, въ ожиданіи изготовленія судовъ, полкъ простоялъ съ 8-го апрѣля до 20-го мая. Въ Астрахань прибылъ онъ 3-го іюля, но здѣсь произошла новая остановка за неимѣніемъ казенныхъ мореходныхъ судовъ. Астраханское русское купечество наняло на свой счетъ вольныя суда за 13.105 руб. асс. Отъ сел. Харбалай, расположеннаго противъ Житнаго бугра, полкъ отплылъ 10-го іюля и черезъ шесть дней, 16-го іюля, высадился на кавказскій берегъ въ Шандруковской пристани.

Въ ожиданіи прибытія полка, генералъ Ермоловъ дѣлалъ приготовленія для его размѣщенія. Онъ предполагалъ поставить гвардейцевъ для отдыха въ Кабардѣ, а зимою расквартировать по казачьимъ станицамъ на Кубани.

Вторженіе персіянъ въ Закавказье измѣнило неожиданно эти планы. Во время дневки въ станицѣ Калиновской на Терекѣ, 26-го іюля, полковникъ Шиповъ получилъ отъ Ермолова предписаніе слѣдовать поспѣшно въ Грузію. Отъ станицы Екатериноградской полкъ повернулъ на югъ, на Военно-Грузинскую дорогу, которая въ половинѣ августа привела его въ Тифлисъ.

Черезъ мѣсяцъ гвардейцы совершили военную прогулку подъ предводительствомъ Ермолова. Побывавъ въ татарскихъ дистанціяхъ, области джарскихъ лезгинъ и въ Нухинскомъ ханствѣ, они возвратились

<sup>1)</sup> Приказъ по гвардейскому корпусу 17-го февраля 1826 г., № 22.

<sup>2)</sup> Дибичъ—Ермолову отъ 7-го марта 1826 г., № 2333.

въ Тифлисъ въ декабрѣ 1826 года. Здѣсь видѣлъ ихъ начальникъ главнаго штаба Дибичъ. Онъ остался доволенъ полкомъ, нашелъ, что «люди сохранили совершенно гвардейскую выправку, хотя при деплоядахъ отстали отъ петербургской гвардіи».

Въ іюнѣ 1827 г. сводный полкъ, въ составѣ главныхъ силъ, выступилъ противъ персіянъ. Онъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Эриванью, первымъ вошелъ въ этотъ городъ послѣ его сдачи, затѣмъ былъ въ Тавризѣ и парадировалъ 8-го ноября 1827 г. передъ принцемъ Аббас-мирзою въ Дейкарганѣ, гдѣ велись предварительные переговоры объ условіяхъ мира.

Послѣ окончанія персидской войны гвардейцы получили разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ. Полкъ покинулъ Тифлисъ 7-го іюля 1828 года. Официальныя «Тифлисскія Вѣдомости» (отъ 11-го іюля 1828 г., № 2) напутствовали его слѣдующими словами: «походъ, совершенный въ Персію полкомъ російской императорской гвардіи, который, прибывъ изъ столицы сѣвера, вступалъ вмѣстѣ съ побѣдоносными войсками кавказскаго корпуса въ столицу Азербиджана, содержалъ почетный караулъ у наслѣдника иранскаго престола и доставилъ въ Грузію персидское золото—есть событіе, достойное исторіи. Нынѣ полкъ сей провожаетъ куруры <sup>1)</sup> и трофеи, пріобрѣтенные російскимъ оружіемъ во время послѣдней войны, между коими находятся: тронъ Аббаса-мирзы, назначенный къ помѣщенію въ Московскую оружейную палату, 7 пушекъ, вылитыхъ персидскими мастерами въ Тавризскомъ литейномъ дворѣ, во время управленія русскими Азербиджанскою областью, и двѣ картины, взятые въ Уджанскомъ замкѣ, изображающія побѣды Аббаса-миранъ. Но драгоценнѣе всѣхъ сокровищъ для ученаго міра есть Ардебильская бібліотека, пріобрѣтенная при взятіи ген.-адъютантомъ графомъ Сухтеленъ города Ардебилъ».

Въ числѣ офицеровъ своднаго полка находился Аркадій Ивановичъ Майборода, бывшій капитанъ Вятскаго пѣхотнаго полка, приславшій императору Александру I въ Таганрогъ доносъ о существованіи тайнаго общества во второй арміи. Послѣ воцаренія Николая I онъ былъ переведенъ, за отличіе по службѣ, тѣмъ же чиномъ въ л.-гв. гренадерскій полкъ. Впослѣдствіи Майборода перешелъ вновь въ армію, отправился опять на Кавказъ и командовалъ (1842 — 1844 г.) Апшеронскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Жизнь свою кончилъ онъ самоубійствомъ.

Е. Вейденбаумъ.

---

<sup>1)</sup> По турманчайскому мирному договору, Персія обязалась уплатить Россіи десять куруровъ золотомъ (20 милліоновъ руб. сер.) въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ. Изъ нихъ около 7 куруровъ были внесены при самомъ подписаніи договора.





## Великій князь Александръ Павловичъ

и

А. А. АРАКЧЕЕВЪ <sup>1)</sup>.

(Ихъ переписка).

1.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

23-го сентября 1796 г. С.-Петербургъ.

Алексѣй Андреевичъ! Маіоръ Купреяновъ пишетъ мнѣ, что мое позволеніе нужно, касательно отставки капитана Зарембы, подпоручика Палицына и подпоручика Горяинова; но я не вижу, какъ оно можетъ быть надобно послѣ соизволенія его императорскаго величества. Впрочемъ, если оно потребно, то безъ сомнѣнія я позволяю.

Пользуясь симъ случаемъ, прошу васъ, Алексѣй Андреевичъ, если оное возможно, произвести изъ младшихъ унтеръ-офицеровъ въ унтеръ-офицеры: Алексѣя Иванова, Луку Левонтьева и Ивана Жукова, которые всѣ три поведенія исправнаго, чѣмъ весьма меня одолжите.

Я не знаю такъ же, смѣю ли я напомнить его императорскому величеству о унтеръ-офицерѣ Крестьянѣ Бекманѣ, котораго онъ изволилъ говорить, что можно будетъ произвести въ офицеры за его доброе и исправное поведеніе. Оно бы весьма теперь кстати было, потому, что будетъ недостатокъ въ одномъ офицерѣ; а я вѣрно думаю, что онъ не хуже будетъ по крайней мѣрѣ Воронкова. Я бы весьма радъ былъ знать на сіе ваше мнѣніе.

Пребываю впрочемъ вамъ на вѣкъ доброжелательнымъ, Александръ.

---

<sup>1)</sup> Въ то время баронъ Аракчеевъ.

## 2.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

1-го октября 1796 г. С.-Петербургъ.

Алексѣй Андреевичъ! имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше, я сожалѣю весьма, что майоръ и офицеръ мой подвергаются наказаніямъ, особливо въ столь легкихъ вещахъ. Надѣюсь, что впредь будутъ рачительнѣе. Чувствительно васъ благодарю, Алексѣй Андреевичъ! за стараніе, которое вы приложили къ моей просьбѣ; мнѣ отмѣнно сіе лестно. Пребываю на вѣкъ вамъ доброжелательный Александръ.

## 3.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву <sup>1)</sup>.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! сожалѣю душевно о твоей болѣзни и благодарю тебя искренно за письмо. Если у меня будетъ минута времени, то конечно зайду къ тебѣ.

## 4.

В. к. Александръ Павловичъ—гр. Аракчееву.

При семъ посылаю записку о выборѣ его императорскаго величества въ бригадъ-майоры. Соханскій, я думаю, и во снѣ не грезилъ того.

## 5.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! сдѣлай мнѣ одолженіе побудь тутъ, когда будутъ спускать мой караулъ, чтобы они чего-нибудь не напутали; а я ѣду въ полкъ. Извини, что я тебя безжокою. Государь приказалъ, чтобы полкъ былъ передъ дворцомъ въ 11-ть часовъ.

## 6.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Я тебѣ пріятную вѣсть скажу. Мнѣ не прежде выступать, какъ 5-го февраля или 7-го. У меня все готово къ 30-му генваря. Гренадерскія

---

<sup>1)</sup> Нижеслѣдующія четыре письма не имѣютъ датъ, но всѣ относятся къ 1796 году.

роты идутъ всякая при своемъ баталіонѣ. И такъ ты остаешься здѣсь до отъѣзда въ Павловское и всѣ плацъ-адъютанты такъ же. Я вѣ себя отъ радости: только не говори объ этомъ.

## 7.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

2-го марта 1797 г.

Батюшка ваше императорское высочество, простите меня, если я смѣю обезпокоить васъ симъ моимъ письмомъ. Я въ немъ больше ничего не имѣю, какъ только хочу слышать и знать о вашемъ дражайшемъ здоровьѣ, ибо приверженность моя и усердіе къ вашему императорскому высочеству останется до конца моей жизни.

Доношу вамъ, что я сего числа погребеніе графа Чернышева кончилъ, но только очень поздно окончилось, въ 2 ч. по полудни, стрѣляли очень дурно, а прочее было изрядно, но только грудь моя опять шалить и такъ я принужденъ отдыхать въ постели, что меня можетъ и задержать. Осмѣливаюсь, батюшка ваше высочество, напомнить о Генделіусѣ и пребываю на вѣки вашего императорскаго высочества наиусерднѣйшій вѣрно подданный Алексѣй Аракчеевъ.

## 8.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

4-го марта 1797 г. Павловское.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ!

Получилъ вчера письмо твое, за которое чувствительно благодарю. Только жаль мнѣ видѣть, что ты недоволенъ своею грудью. Желая искренно, чтобы она поправилась, и прошу тебя, побереги себя ради Бога. Когда тебѣ совсѣмъ свободно будетъ, то приѣзжай сюда, мнѣ право скучно безъ тебя.

У насъ разводныя ученія всякій день, и надобно справедливость отдать, что для столь короткаго времени отмиѣнно хороши. Сравненія никакого нѣтъ ни съ лейбъ-гренадерами, ни съ кексгольмскими. Они все дѣлаютъ; только видно, что люди замучены. Въ одномъ Павловскомъ госпиталѣ 80 человекъ больныхъ. Ружьемъ дурно дѣлаютъ; маршируютъ прекрасно. Федорову дана шпага, Ватковскому лента 1-го класса.

Вотъ всѣ наши вѣсти.

Сегодня мы были въ Царскомъ Селѣ и нашли караулы въ великой

неисправности. Офицеръ арестованъ и выключенъ изъ службы. Онъ изъ старыхъ нашихъ: Ландсбергъ. Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ! я жду тебя съ крайнимъ нетерпѣніемъ и пребываю на весь вѣкъ

Твой искренній и усердный Александръ.

## 9.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

7-го марта 1797 г.

Батюшка ваше императорское высочество, отъѣзжая отсюда сейчасъ, желаю и прошу Бога, чтобъ даровалъ вамъ здоровья и чтобы скорѣе я васъ могъ увидѣть. Вотъ одно мое желаніе, котораго я больше и на свѣтѣ не имѣю. Если я буду столь счастливъ, что на дорогѣ гдѣ-нибудь получу хотя одно слово, писанное вами, то я отъ радости и удовольствія, конечно, уже буду здоровъ во всю дорогу. Впрочемъ остаюсь на вѣки наивѣрнѣйшій вамъ вѣрноподанный Аракчеевъ.

## 10.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

10-го марта 1797 г. Новгородъ.

Батюшка ваше императорское высочество, если я вамъ наскучилъ, то простите великодушно тому, который васъ обожаетъ. Въ Новгородъ пріѣхали, кажется, хорошо и весело. Васъ посланъ встрѣчать губернаторъ Митусовъ, человѣкъ очень добрый, честный, котораго конечно ваше высочество будетъ жаловать своею милостію. Донеся объ ономъ и желая добраго здоровья, остаюсь на вѣки усердный вѣрноподанный Аракчеевъ.

## 11.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

12-го марта 1797 г. Волоцкѣ.

Батюшка ваше императорское высочество, милостивое ваше письмо я получилъ въ Вышнемъ Волочкѣ, оно меня столь много обрадовало, что я какъ бы онаго ни старался объяснить, но не въ состояніи. Теперь увѣдомлю васъ о нашемъ вояжѣ. Роты ваши гренадерскія очень хороши и въ Валдаѣ, и государь императоръ былъ доволенъ. Но здѣсь, въ Выш-

немъ Волочкѣ, прогнѣвался на капитана, а причина та, что дурно сдѣлали одинъ темпъ ружьемъ, а второе, что изволить говорить, для чего въ оной ротѣ много больныхъ, а послѣ я вамъ донесу лично все. Теперь послали меня въ Тверь въ ночь, и я ѣду туда, а тутъ оставилъ нарочно Аристова, дабы онъ посмотрѣлъ до конца отъѣзда. Прошу Всевышняго Бога, чтобы вы были здоровы и чтобы скорѣе я могъ васъ увидѣть, ибо я почитаю вашего высочества болѣе всего на свѣтѣ и остаюсь вашъ вѣрно-подданный и усердный Аракчеевъ.

Вы здѣсь увидите, ваше императорское высочество, дворянскаго предводителя г. Храповицкаго, человека рѣдкихъ достоинствъ, который, если будетъ удостоенъ разговора вашего высочества, то конечно оправдаетъ мою смѣлость.

## 12.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

10-го апрѣля 1797 г. Москва.

Принося мою вѣрноподданную благодарность вашему императорскому высочеству за воспоминаніе обо мнѣ. Оно есть мнѣ первѣйшее утѣшеніе. Но о болѣзни моей доношу вашему императорскому высочеству, что она меня продержитъ долго и тѣмъ она мнѣ несноснѣе, что я лишаясь видѣть вашего императорскаго высочества, но счастливъ и тѣмъ, что могу называться усерднымъ вѣрноподданнымъ Алексѣй Аракчеевъ. Батюшка, у васъ много слѣдственныхъ дѣлъ; рѣшите и окончите судьбу отражающихъ.

## 13.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

11-го апрѣля 1797 г. Москва.

Ваше императорское высочество, милость ваша ко мнѣ есть одно мое величайшее лѣкарство, и я, чтобы видѣть и быть у вашего высочества, то бѣжалъ бы сію минуту, но какъ я теперь не имѣю никакого дѣла, то и рѣшился полѣниться, чтобы избавиться своего кашля, который мнѣ очень досаждаеть.

Простите мнѣ милостиво, что я вчера съ напомнилъ вашему высочеству о дѣлахъ и былъ причиною вчерашняго вашего труда, послѣ сдѣланныхъ уже дневныхъ трудовъ, но милостивая вашего высочества душа, конечно, проститъ меня.

Я счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ, ибо смѣю называться усерднымъ вѣрноподданнымъ и преданнымъ Алексѣемъ Аракчеевымъ.

14.

А. Аракчеевъ—в. н. Александру Павловичу.

11-го апрѣля 1797 г. Москва.

Ваше императорское высочество. Вамъ извѣстно, какъ я преданъ вашему высочеству, то и осмѣливаюсь полученное письмо отъ г. генералъ-адъютанта приложить къ вашему высочеству. Я съ удовольствіемъ оный вызовъ принимаю, ибо ваше высочество изволите быть и оное уже для меня велико, хотя я совсѣмъ бездѣльный человекъ буду.

Письмо, батюшка, Растопчина прикажите возвратить обратно ко мнѣ, а я пребуду на вѣки усерднѣйшій вамъ вѣрноподданный Алексѣй Аракчеевъ.

15.

А. Аракчеевъ—в. н. Александру Павловичу.

22-го мая 1797 г. Ковно.

Батюшка, ваше императорское высочество, сколь много пріятно мнѣ было получить письмо черезъ князя Николая Васильевича и слышать отъ него, какъ вы обо мнѣ изволили отзываться; оное одному Богу будетъ извѣстно, и я увѣренъ, что Онъ ниспослеть оное къ вамъ и ваша милость ко мнѣ да будетъ милостью вѣчно.

Теперь увѣдомляю васъ, что оставленные вашимъ высочествомъ дѣла по дивизіи у меня въ Вильнѣ и Ковнѣ мною всѣ обработаны, т. е. у всякаго дѣла написано на особливой бумажкѣ, что писать и теперь отправилъ въ Петербургъ къ Апрѣлеву, почему, по пріѣздѣ, батюшка, вашемъ и можете отъ него оныя спросить.

Нынѣ же полученные дѣла я, батюшка, въ скорости отдѣлаю и доставлю уже къ вашему высочеству прямо. Ахъ! какъ бы мнѣ пріятно было, чтобъ я чаще полузалъ отъ васъ таковыя дѣла, тогда бы я былъ спокоенъ и видѣлъ бы, что бѣдный Алексѣй не забыть и въ Литвѣ.

Я все боюсь, батюшка, чтобъ Апрѣлевъ могъ вамъ угодить, ибо онъ еще молодъ, то и нужно его почаще понукать... Ахъ! если бы я могъ летать всякій день въ Павловское и дѣлать то, что угодно моему батюшкѣ Александру Павловичу.

Увѣдомляю васъ, что я еще въ Ковнѣ, и послѣ васъ съ ума было

сошелъ, полкъ ничего не знаетъ, маршируетъ очень дурно и ружьемъ дѣлаетъ также, словомъ сказать, все очень дурно. И такъ я цѣлый день учился съ утра до вечера, взявъ по 60 человѣкъ изъ роты и состава баталіонъ и теперь похоже на что-нибудь, но только скажу вамъ откровенно, что шефъ Г. добрый человѣкъ, но только не военный. А завтра я уже ѣду въ Вильну; не знаю, найду ли что, когда приѣду обратно въ Ковно.

Если я столько буду счастливъ, что угодно будетъ писать вашему высочеству, то адресовать въ Вильну, ибо оттуда уже будетъ онѣя ко мнѣ доставлять съ нарочными.

Цѣлую ручку у вашего высочества, остаюсь вѣрный подданный вашъ Аракчеевъ.

## 16.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву <sup>1)</sup>.

Другъ мой Алексій Андреевичъ! Я къ тебѣ не письмо пишу, а цѣлую грамоту, и надѣюсь, что ты простишь по дружбѣ, что я тебя безпокою въ недоумѣніи моемъ и снабдишь меня совѣтомъ. Я получилъ бездну дѣлъ, изъ которыхъ тѣ, на которыя я не знаю какія дѣлать рѣшенія, къ тебѣ посылаю, почитаю лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору. № 1-й. Отъ Мордвинова, который прописываетъ, что по неимѣнію аудитора, нельзя послать другаго офицера для приѣма жалованья. — Я думаю за лучшее предписать ему, чтобы онъ выбралъ изъ унтеръ-офицеровъ способнаго къ сей должности, представилъ бы объ немъ ко мнѣ, а покаместъ отправилъ бы его для приѣма. № 2-й. О разныхъ командированныхъ у него людяхъ, о которыхъ я совсѣмъ не знаю, какое дать рѣшеніе и испрашиваю твоего совѣта. — № 3-й. Глупые формулярные списки и наконецъ ихъ ротное, еще глупѣе, росписаніе, которое, я думаю, можно ему назадъ отослать съ приложеніемъ нашей формы. № 4-й. О старшинствѣ одного маіора предъ другимъ, отъ него же, о которомъ, я думаю, надлежитъ и государю доложить: буду ждать твоего совѣта. № 5-й. О маіорѣ отъ воротъ, о которомъ я не помню въ уставѣ ничего, а помнится положенъ капитанъ. Я думаю, и о семъ же надобно доложить государю. № 6-й. О образцѣ мундира его полку. Я удивляюсь, какъ ему не выданъ образецъ вмѣстѣ съ прочими отъ князя Долгорукова Кекзгольмскаго полковника. Я не знаю такъ же, можно ли мнѣ безъ до-

<sup>1)</sup> Письмо это напечатано Н. К. Шильдеромъ въ приложеніи (стр. 284) къ 1-му тому его труда „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“. Здѣсь оно помещается для полноты собранія писемъ.

кладу отпустить его офицеровъ для обмундированія въ Петербургъ; и что поэтому рѣшить, прошу тебя, снабди меня совѣтомъ. № 7-й и 8-й. Отъ Колюбакина изъ Шлиссельбурга, о неимѣніи совсѣмъ своего полка: о чѣмъ также не знаю, какъ рѣшить и спрашиваю твоего мнѣнія. № 9-й. Отъ Кубанова. № 10-й списокъ по старшинству, въ которомъ онъ показываетъ штабсъ-капитановъ выше капитановъ, и они у него выбраны въ самомъ дѣлѣ изъ старшихъ повидимому капитановъ, въ чѣмъ, я думаю, надобно ему растолковать надлежащій порядокъ. № 11-й. Глупое ротное росписаніе, въ которомъ онъ показываетъ много не явившихся офицеровъ. № 12-й. Дневной рапортъ по формѣ. № 13-й. Вѣдомость о унтеръ-штабѣ отъ Ламберта, въ которой онъ показываетъ одного подпоручика при мнѣ. Я совсѣмъ не помню, кого онъ разумѣетъ. № 14-й. Его же ротное росписаніе, въ которомъ показано въ подполковничей ротѣ пустое мѣсто подпоручика повидимому того же, котораго онъ числитъ при мнѣ. № 15-й. Отъ Бѣлозерскаго полка о причисленіи поповичей въ полкъ безъ позволенія моего, котораго, кажется, онъ могъ и ожидать; какъ ты думаешь? № 16-й. Изъ Нарвы отъ Тизенгаузена ротное глупое росписаніе. № 17-й. Списокъ по старшинству офицерамъ по формѣ. № 18-й. Его же рапортъ. № 19-й. Отъ военной коллегіи о лѣкарѣ Набокова полка, спрашиваю твоего совѣта. № 20-й. Отъ Буксгевдена о обозѣ его полку. Что ты объ ономъ думаешь? № 21-й. Отъ Салтыкова объ полотнѣ фламскомъ. № 22-й. Указъ объ спискахъ. Я думаю, что сіе излишнее и посылать, потому, что я подаю мѣсячный рапортъ, и такъ я могу и списки вмѣстѣ подавать, какъ ты думаешь? По счастью, мы рано пріѣхали на ночлегъ, и я все успѣлъ кончить. Прочія бумаги я самъ разрѣшилъ, которыхъ конечно было вдвое столько же, если не болѣе. Прости мнѣ, другъ мой, что я тебя безпокою, но я молодъ и мнѣ нужны весьма еще совѣты: и такъ я надѣюсь, что ты ими меня не оставишь. Прощай, другъ мой! Не забудь меня и будь здоровъ. Александръ.

17.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

27-го мая 1797 г. Вильна.

Батюшка ваше императорское высочество! Прилагая у сего всѣ присланныя отъ васъ бумаги, на которыя я написалъ и отвѣтъ, куда слѣдовало, только когда изволите подписать, то прикажите заномерить и оставить копія. Всѣ вашего высочества назначенія справедливы, какъ изволите усмотрѣть изъ отвѣтовъ. Государю не нужно докладывать о маіорѣ отъ воротъ, ибо оно въ уставѣ есть на 146 страницѣ и она



вить должность чину не перемѣняетъ. О образцовомъ мундирѣ я сдѣлалъ, чтобъ дать знать Солтыкову; офицеровъ изъ Кронштадта отпускать безъ позволенія государя не можно. О томъ, что Колюбакинъ не имѣетъ еще своего полка, вашему высочеству надобно сказать императору. Ламбертъ показываетъ подпоручика адъютантомъ при себѣ, ибо вить онъ былъ инспекторомъ пѣхоты С.-Петербургской дивизіи. Объ офицерскихъ спискахъ я думаю вотъ что: оное сдѣлали господа генералъ-адъютанты; и что они съ ними будутъ дѣлать? Со всей Россіи столько будетъ оныхъ списковъ и успѣютъ ли онѣ всякій мѣсяцъ ихъ прочитатъ. Однако уже лучше ваше высочество прикажите отъ себя всякой мѣсяцъ при рапортѣ готовить и отдавать.

Теперь дозвольте донести вашему высочеству о себѣ, что я, пробывъ въ Ковнѣ шесть дней, сдѣлалъ хорошее начало въ полку и нынѣ, пріѣхавъ обратно въ Вильну, учусь уже баталіонами, а перваго числа поѣду въ Брестъ-Литовскій. Я нынѣ болѣе ничего не желаю, какъ только слышать о вашемъ высочествѣ, благополучно ли изволили доѣхать, и если я буду счастливъ полученіемъ онаго извѣстія, то я принесу Богу благодарность.

Не видя вашего высочества лично каждый день, желалъ бы хотя смотрѣть на портретъ вашего высочества, который бы я почиталъ дороже всего на свѣтѣ. Впрочемъ, прося о продолженіи высочайшей вашего высочества милости, пребуду на вѣки усерднымъ и первымъ вѣрноподаннымъ Аракчеевъ.

Я послалъ къ императору письмо, не изволите ли узнать, какъ оно будетъ принято.

## 18.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

1-го іюня (1797), городъ Гатчина.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! съ вчерашняго числа я получилъ три твоихъ письма, что меня весьма порадовало: первое отъ 22-го мая изъ Ковно; 2-е отъ 27-го мая изъ Вильны и 3-е того же числа, вмѣстѣ съ дѣлами, за обработываніе которыхъ тебя, любезный другъ, чувствительно благодарю. И скажу тебѣ, что мнѣ отъменно утѣшно видѣть, что ты меня не забываешь; во мнѣ же тебѣ нечего сумнѣваться. Я не перемѣничивъ.

Я приказалъ снять со всевозможною точностью рисунки со всѣхъ пазовокъ и тебѣ пришло, какъ скоро готовы будутъ.

При семъ препровождаю къ тебѣ бумаги Мелисина, которыя госу-

дарь мнѣ приказалъ къ тебѣ отослать, чтобы ты по мнѣнію своему отвѣты учинилъ. Я радъ очень видѣть, что я не одинъ прибѣгаю къ твоему мнѣнію.

У насъ новаго, что Архаровъ въ немилости и запрещено ему къ государю прямо адресоваться, а приказано все черезъ меня итти: что мнѣ навалило много работы, но благодаря Бога по-немногу справляюсь, что уже будетъ очень мудрено, то спрошусь твоего совѣта, любезный другъ,

Жаль мнѣ очень, что Екатеринославскій полкъ тебѣ много хлопотъ надѣлалъ. За твое же стараніе благодарю и прошу тебя, что если тебѣ какая нужда будетъ, то пиши всегда ко мнѣ, я съ радостію буду ее исправлять. Прощай, другъ мой! будь здоровъ. Шиколадъ вскорѣ къ тебѣ приплету, а если успѣю, то и сегодня, Александръ.

## 19.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

9-го іюня 1797 г. Пружаны.

Батюшка ваше императорское высочество!.. Сколь я много обрадовался письму вашего высочества, оное одному Богу извѣстно и благодарю Его Всевышняго, что Онъ даровалъ случай присылкою оныхъ артиллерійскихъ бумагъ, и если Его есть святая воля ниспосылать ко мнѣ свои милости, то я другихъ никакихъ не желаю, какъ только чаще слышать о дражайшемъ здоровьѣ вашего высочества.

Бумаги я, батюшка, рассмотрѣлъ; онѣ справедливы и прилагаю объ нихъ два отвѣта, первый содержитъ только краткій отвѣтъ, а второй содержитъ и положеніе покупки оныхъ недостающихъ лошадей, но я боялся одно оное послать, ибо чтобы не сказали, что я хочу учить и умничаю, то и полагаюсь на милость и волю вашего высочества, который нужно, то и изволите подать.

О себѣ всеподданнѣйше доношу, что я нынѣ въ Пружанахъ и дня черезъ три поѣду въ Брестъ-Литовскій въ Апшеронскій полкъ. Егерскіе полки гг. подполковниковъ кн. Багратіона и Чубаровасами въ себѣ довольно хороши и скоро поняли, хотя ничего не знали, но нужно мнѣ, батюшка, егерскаго волторниста, о которомъ я въ другомъ письмѣ пишу нарочно, иногда нужно будетъ вамъ государю показать.

Я всегда, батюшка, увѣренъ въ себѣ былъ, что г. Архарова Богъ когда-нибудь да накажетъ. А что касается до трудовъ вашего высочества, то я, прося Бога, чтобъ Онъ только подкрѣпилъ ваше здоровье, радуюсь, что отъ такого человѣка, каковъ г. Архаровъ, дѣла идутъ черезъ руки

вашего высочества, ибо конечно уже не будетъ никого несчастныхъ и государь нашъ императоръ ни въ чемъ не прогнѣвается и не принужденъ будетъ къ принужденному наказанію.

Прилагаю у сего письмо къ государю императору, которое конечно уже ваше высочество по своей милости изволите подать, избравъ хорошій (случай?) и видя всякую минуточку вашего высочества ко мнѣ милости, осмѣлился просить васъ приказать дать мнѣ знать, каково изволить принять мои бумаги г. н. и который мой отвѣтъ изволите подать.

Школадъ, батюшка, ваше высочество, получилъ и не имѣю силъ за всѣ ваши милости всеподданнѣйше благодарить, но несчастливъ тѣмъ, что вы не изволили отписать о своемъ дражайшемъ здоровьѣ.

Впрочемъ препоручая себя въ милости вашего высочества и цѣлуя ручки ваши, остаюсь на вѣки, называя себя смѣло и не зазорно предъ своею совѣстью вѣрнѣйшимъ вашимъ подданнымъ. Генералъ-квартирмейстеръ и кавалеръ баронъ Аракчеевъ.

## 20.

В. н. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

6-го іюля 1797 г. Петергофъ.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! нѣсколько разъ собирался тебя поблагодарить за послѣднее письмо твое, но всегда какая-нибудь помѣха отвлекала меня отъ сего для меня пріятнаго упражненія. Наконецъ рѣшился ночь на оное употребить и теперь, во второмъ часу ночи, къ тебѣ пишу. Завтра, другъ мой, ѣдемъ на море.

Желаю искренно, чтобы противный вѣтеръ принудилъ насъ скорѣе назадъ возвратиться.

Отвѣтъ твой и письмо на артиллерійскія бумаги очень полюбились государю и по онымъ посланы повелѣнія къ Мелесино. Я ему отдалъ долгій отвѣтъ, и короткаго не показывалъ. Ты мнѣ крайне не достаешь, другъ мой, и я жду съ большимъ нетерпѣніемъ той минуты, когда мы увидимся. Прощай, другъ мой! при семъ посылаю Егерскаго волторниста котораго ты просилъ. Александръ.

## 21.

А. Аракчеевъ — в. н. Александру Павловичу.

17-го іюля 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество. Въ должность коменданта вчерашняго числа я вступилъ.—Дай Боже, чтобъ я скорѣе могъ ра-

портъ къ вамъ носить по-прежнему. Квартыры моего баталіона я осмо-  
трѣлъ, которые сдѣланы очень дурно; во-первыхъ, духота страш-  
ная и во-вторыхъ, комнаты всѣ по одной сажени величиною, то я и  
дѣлаю нынѣ планъ, какъ оное поправить, и представляю къ вашему импе-  
раторскому высочеству.

Испрашиваю вашей высочайшей милости: мой баталіонъ ходитъ въ  
полковой караулъ въ полкъ, но какъ мнѣ нужно въ моихъ квартирахъ  
имѣть свой караулъ, ибо уже и случилось, что ночью украли нѣсколько  
рубашекъ у солдатъ, то и позволить мнѣ оный учредить, а въ полкъ  
уже не ходить.

Изъ моего баталіона наряжаются офицеры по полку дежурными, но,  
какъ извѣстно вашему высочеству, разстояніе отъ моего баталіона до  
полка, то и сдѣлать высочайшую милость ко всѣмъ моимъ офицерамъ  
имѣть дежурство особо при своемъ баталіонѣ.

Цѣлую высочайшія ваши ручки, остаюсь вѣрноподданный баронъ  
Аракчеевъ.

22.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

19-го іюля 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество! Осмѣлился принести къ  
вашему императорскому высочеству первую мою просьбу, касающуюся  
уже именно до меня. Послѣ сломанныхъ домовъ, на которомъ теперь  
строятся экзерциргаузъ въ Милліонной, остались отъ оныхъ домовъ  
по Мойкѣ назади экзерциргауза флигели, а именно отъ Брюсова дому,  
отъ стараго почтамта и отъ купленного въ казну Захарова дома; но какъ  
я квартиру имѣя во дворцѣ не имѣю конюшни, сараевъ и для житель-  
ства своихъ людей мѣста, то сдѣлайте высочайшую милость, батюшка,  
ваше императорское высочество, доложите государю императору, чтобъ  
оные флигели мнѣ пожалованы были; они хотя теперь и переломаны,  
но я, употребя на поправку ихъ тысячъ шесть, буду имѣть у себя уже  
маленькій собственный домъ.

Ваша милосердая душа, конечно, мнѣ исходатайствуетъ отъ госу-  
даря императора оную милость, ибо кромѣ вашего императорскаго вы-  
сочества я никого не имѣю.

Генераль-квартирмистръ и кавалеръ баронъ Аракчеевъ.

23.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

6-го августа 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество! Благодарю Бога и ваше высочество за высочайшее ваше письмо, которое всегда мнѣ дѣлаетъ величайшее утѣшеніе въ моихъ обстоятельствахъ. Я не смѣлъ писать, думая, дабы не прогнѣвить и не наскучить вашему высочеству, знаю, сколь много нынѣ заняты и безъ моихъ пустяковъ. Простите, мнѣ ваше императорское высочество, что я два раза въ небытность графа по дурацкой своей охотѣ училъ разводы вмѣстѣ и въ оное время случился вашего высочества полкъ. Я болѣе объ немъ ничего не могу сказать, какъ только, что онъ очень хорошъ.

Здоровье ваше меня беспокоитъ болѣе всего, и я желалъ бы, чтобы Богъ представилъ вашему высочеству мою усердность въ полномъ ея видѣ, тогда бы я былъ увѣренъ въ вашихъ ко мнѣ милостяхъ,

Пріѣздъ мой въ Павловскъ зависить отъ приказанія вашего высочества. Что я получилъ вчера съ нарочнымъ фельдъегеремъ, то прилагаю копію и остаюсь на вѣки вѣрнымъ вашимъ вѣрноподаннымъ, баронъ Аракчеевъ.

24.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Сего 11-го августа 1797 г. Новгородъ

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Не хочу никакъ пропустить случай тебя поблагодарить за два письма, которыя я съ чувствительнымъ удовольствіемъ получилъ, и тебя увѣрить въ искренней моей привязанности и дружбѣ. Я слава Богу здоровъ и желаю, чтобы и ты таковъ же былъ. Прощай, другъ мой! не забывай старыхъ друзей. Но смотри ради Бога за Семеновскими.

25.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

11-го августа 1797 г. С.-Петербургъ.

Батюшка ваше императорское высочество! Видно мое такое счастье, что мнѣ опредѣлено во всю жизнь мучиться; но не знаю, будетъ ли мо-

\*

ихъ силъ, чтобъ что-нибудь съ онимъ полкомъ сдѣлать, а я думаю, что онъ сдѣлаетъ, что я скоро умру. Войдите въ мое положеніе: какъ мнѣ можно будетъ взыскивать, ибо у меня три генераль-маіора въ командѣ и я такой же, то можетъ ли тутъ быть хорошая субординація. То и отъ меня ваше императорское высочество изволите получить скоро просьбу объ увольненіи. Со всѣми сими скуками я очень радъ о вашемъ приѣмѣ и благодарилъ за оное Бога. А въ отставку уже, батюшка, я за васъ пойду, ибо вамъ нельзя потому, что Семеновскій полкъ очень хорошъ и какъ вчера съучился вашъ баталіонъ, то я никогда и ничего лучше не видывалъ, а что сегодня будетъ, то объ этомъ завтра узнаете, а я вчера съ Александромъ Михайловичемъ вашимъ обѣдалъ вмѣстѣ у меня. Ну ужъ баталіонъ вашъ на славу прекрасенъ. Я, батюшка, замучился съ артиллеріею, ибо очень дурно и худо идетъ. Болѣе ничего не имѣю, какъ только цѣлуя ваши обѣ ручки остаюсь на всю жизнь вѣрнѣйшій вашъ вѣрнопопданный баронъ Аракчеевъ.

26.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Августа 12-го 1797 г.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Генераль-маіоръ Талызинъ просилъ меня его рекомендовать тебѣ: что я и дѣлаю съ отмынною охотою, потому что онъ человѣкъ отмынно хорошій и офицеръ рѣдкой справедливости.—Я прошу тебя, прійми его хорошенько и снабжай его нужными совѣтами, которые, я увѣренъ, онъ потщится исполнить съ обычною его ревностію, и чѣмъ ты отмынно меня удовлетворишь.

Пребываю на вѣкъ твой искренній Александръ.

27.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

12-го августа 1797 г.

Батюшка ваше императорское высочество! Гдѣ ваше слово, тутъ я жертвую жизнью. Генераль-маіора Талызина я принялъ хорошо и буду стараться его любить и учить, а что не хорошо, то поправлять, ибо я думаю ваше высочество изволитъ мнѣ оное позволить. Хочется, батюшка, очень знать о маневрѣ нашемъ въ разсужденіи васъ и цѣлуя руку вашу, остаюсь вѣрный вашъ вѣрнопопданный баронъ Аракчеевъ.

28.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву <sup>1)</sup>.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! что тебѣ сдѣлалось? отпиши мнѣ подробнѣе о своемъ здоровьѣ. Мнѣ весьма грустно безъ тебя и еслибы не праздники, я бы къ тебѣ поѣхалъ. Дѣла всѣ вчера ввечеру кончилъ — въ Москвѣ.

29.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я пересказать тебѣ не могу, какъ я радъ, что ты съ нами будешь. Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладить нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женою, которому мнѣ, признаюсь, жаль покинуть.—Одно у меня безпокойство, это твое здоровье. Побереги себя ради меня.

30.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! При семъ сообщаю рѣшенныя три дѣла, мѣсячный рапортъ и списокъ офицерамъ отъ Ватковскаго, рапортъ отъ генерала - отъ - инфантеріи Каховскаго объ генеральскомъ адъютантѣ, желающемъ служить въ Бѣлозерскомъ полку; отъ Свистунова изъ военной коллегіи сообщенія, касательно до ружей Павловскаго гренадерскаго полка и требованіе отъ Вязмитенова сторожа въ академію. Отъ Архарова три рапорта о полученіи моихъ орденовъ и печатныя копіи изъ военной коллегіи двухъ указовъ.

Впрочемъ, другъ мой, у насъ все благополучно. Сегодня только у насъ не веселы. Получили извѣстіе, что свадьба съ шведскимъ королемъ совсѣмъ разорвалась. Я по счастію не выйду сегодня; насморкъ все меня мучить. Каковъ-то ты въ своемъ здравіи и скоро ли будешь къ намъ? Я въ отѣнномъ нетерпѣніи тебя видѣть. Твой искренній Александръ.

---

<sup>1)</sup> Нижеслѣдующія письма, безъ датъ, относятся къ 1797 году.

31.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Какъ я радъ, что ты пріѣхалъ. Съ отъѣздомъ нетерпѣніемъ жду ту минуту, въ которую съ тобой увижусь.

32.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! письмо твое получилъ, за которое чувствительно и благодарю. Касательно до полковаго караула, я напишу повелѣніе Голицыну о учрежденіи караула. Онѣй сдѣлай по твоему разсмотрѣнію. Прощай, другъ мой! будь здоровъ. Александръ.

33.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Государь мнѣ приказалъ дать знать Карпову, что онъ давнѣе замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ офицеровъ темляки золотые съ чернымъ; то, чтобы они носили настоящіе темляки, если они имѣютъ офицерскіе чины, а ежели не имѣетъ кто офицерскаго чина, чтобы не носилъ темляка. Пожалуйста пошли объ этомъ ему дать знать.

34.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я такъ давно къ тебѣ писемъ не писалъ, то не хочу пропустить сей случай, что за болѣзнію задержанъ дома.

У насъ чудеса дѣлаются. Тревога за тревогой, вчерашняя имѣла дурныя послѣдствія: два офицера преображенскіе были разжалованы въ солдаты, но послѣ, слава Богу, опять прощены.

Государь мнѣ также приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты изобрѣлъ, что удобнѣе будетъ присоединить: гвардейскій баталіонъ артиллерійской къ большому ученію всей артиллеріи, или особо Канабиху заставить сдѣлать въ Гатчинѣ для одного онаго баталіона.



Теперь, другъ мой, у меня есть моя просьба до тебя. Пожалуй пиши ко мнѣ, каковы бываютъ мои разводы и ученья и въ чемъ ошибки и неисправности состоятъ? Я слышалъ, что Голицынъ не умѣлъ сдѣлать каре. Я объ ономъ уже писалъ Карсакову, чтобы впредь сего не случилось. Отпиши мнѣ о семъ приключеніи и пожалуй впредь муштруй ихъ хорошенько въ ученыхъ: чѣмъ ты крайне обяжешь того, который на весь вѣкъ свой останется твоимъ истиннымъ другомъ и который желаетъ нетерпѣливо, чтобы ты пріѣхалъ въ Павловскъ. Александръ.

## 35.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Чувствительно тебя благодарю за письмо, а особливо за твою довѣренность, которая для меня весьма лестна; я надѣюсь, что ты увѣренъ въ полной моей къ тебѣ. Я божусь, что это наговорилъ каналья Ватковскій, которому я подобнаго не видывалъ.

Одно мнѣ непріятно было въ письмѣ твоемъ; это то, что ты боишься наскутить мнѣ своими письмами. Ты, я думаю, довольно долженъ быть увѣренъ, сколько они мнѣ пріятны. Итакъ я всегда тебѣ буду благодаренъ, когда въ свободный часъ ты мнѣ что-нибудь напишешь.

Еще я могу тебѣ попреку сдѣлать въ томъ, что ты не отвѣчалъ на мой вопросъ, касательно до ошибки въ строеніи каре. Я признаюсь тебѣ, что похвала, которую ты дѣлаешь о моемъ полку, походить немного на критику. Итакъ, по дружбѣ, прошу тебя, объясни мнѣ подробнѣе о недостаткахъ и неисправностяхъ.

Завтра у насъ маневръ. Богъ знаетъ какъ пойдетъ? Я сомнѣваюсь, чтобы хорошо было. Я хромой. Въ проклятой фальшивой тревогѣ помялъ опять ту ногу, которая была уже помята въ Москвѣ, и только что могу на лошади сидѣть; а ходить способу нѣтъ; и такъ я съ постели на лошадь, а съ лошади на постель. Ты говоришь, другъ мой, что отъ меня зависить пріѣздъ твой въ Павловское. Если такъ, пріѣзжай не отмынно какъ скорѣе. Пребываю на вѣкъ тебѣ вѣрнымъ другомъ Александръ.

## 36.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Пожалуй, сдѣлай мнѣ одолженіе и отошли содержавшагося семеновскаго гренадера Стрелябина въ полковой онаго караулъ, чтобы тамъ его содержать и объ немъ не рапор-

товать, потому что онъ оставленъ только для одной справки, а другаго мушкетера Луку Леонтіева прикажи не прежде надъ нимъ экзекуцію дѣлать, какъ въ субботу, а содержать его подъ именемъ рядоваго генераль-маіора Колюбакина полку, въ который я его опредѣлилъ. Пробываю на вѣкъ твой искренній другъ Александръ.

## 37.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Съ крайнимъ сокрушеніемъ долженъ тебѣ сказать, что государь приказалъ тебѣ принять полкъ отъ Голицына, котораго отпустилъ въ отставку. Я говорю съ сожалѣніемъ потому, что ты этого боишься. Впрочемъ, для полка это отиѣнно хорошо, и я предвижу, что онъ перещеголяетъ всѣ наши. Теперь я долженъ твое желаніе исполнить и сказать тебѣ, что меня очень хорошо сегодня приняли и ничего о прошедшемъ не упоминали. Еще вчерась мнѣ милостивые отзвывы были, чрезъ мою жену, такъ, какъ напрімѣръ: чтобы я не сердился на него и тому подобныя. Впрочемъ, сіе не переиѣняетъ моего желанія итти въ отставку, но по несчастію мудрено, чтобы оно сбылось.

Отпиши мнѣ, каково училъ мой баталіонъ, да, пожалуй, не шутя, а скажи сущую правду, безъ обиняковъ; это одна благодарность, которую я требую за пару штановъ, которую я подарилъ на твой баталіонъ.

Прощай, другъ мой! будь здоровъ и не забудь меня. Твой вѣрный другъ Александръ.

## 38.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аракчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я нѣсколько разъ собирался тебѣ писать, но всегда отвлеченъ былъ какой-нибудь помѣхой. Наконецъ, сегодня нашелъ случай.

Вчерашняго числа государь мнѣ отдалъ присланный отъ тебя счетъ о обмундированіи полка и приказалъ, чтобы я съ тобою списался, чтобы шить мундиры своими солдатами, что и убавить счетъ.

Я нашелъ, впрочемъ, цѣны отиѣнно дешевы, о чемъ и донесъ государю. Въ осторожность тебя предъувѣдомляю, что однѣ пуговицы до-

роги и что мнѣ за 14 коп. портяще дѣлають. Ты отъ меня спроси у Путилова, онъ тебѣ скажетъ, кто мнѣ ихъ дѣлаетъ.

Я приказалъ Апрѣлеву вчерась тебѣ отписать, чтобы ты погодилъ дѣлать басонъ на нашивки и кисточки, потому что государь заказалъ другаго фасона для образца. На музыкантовъ, однако же, можно дѣлать.

Для уплаты за пуговицы уговорись съ купцомъ, чтобы онъ взялъ старыя, которыя гораздо больше.

У насъ, впрочемъ, довольно смирно идетъ. Я жду съ нетерпѣніемъ возвращенія въ городъ; тамъ чаще, другъ мой, будемъ виѣсть.

Прощай, будь здоровъ, твой вѣрный другъ Александръ.

## 39.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аранчееву.

Алексѣй Андреевичъ! Государю угодно, по моему докладу, чтобы вы-ранжированныя лошади Кавалергардскаго полка были приняты въ Преображенскій полкъ и употреблены, которыя годятся въ вьючныя, а другія въ подъемныя: о чемъ уже отъ меня и писано къ Дотишану.

Вчерашняго числа ушелъ человѣкъ изъ его величества роты. Чертковъ ко мнѣ приходилъ и спрашивалъ: что ему дѣлать? Такъ какъ сегодня ученя, то я боялся, если онъ доложить, чтобы государь не разсердился и тѣмъ бы испортилось ученье. Я ему говорилъ, чтобы онъ не докладывалъ; а тебя объ ономъ нарочно увѣдомляю для того, чтобы ты, если хочешь, можешь показать его въ дневномъ большомъ рапортѣ не ночующихъ изъ тѣхъ людей, которые остались въ Петербургѣ въ околодкѣ больными, или совсѣмъ объ немъ ничего не сказывать.

Прощай, другъ мой! будь здоровъ. Твой вѣрный другъ Александръ.

## 40.

В. к. Александръ Павловичъ — А. Аранчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Искренне сожалѣю, что ты нездоровъ, а особливо, что кровью харкалъ. Ради Бога побереги себя, если не для себя, то по крайней мѣрѣ для меня. Мнѣ отъменно пріятно видѣть твои расположенія ко мнѣ. Я думаю, что ты не сумиѣваешься въ моемъ и знаешь, сколь я тебя люблю чистосердечно. Александръ.

41.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аранчееву.

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Государь приказалъ, чтобы по-прежнему ходило во внутренній караулъ два конной-гвардіи офицера, съ тѣмъ различіемъ, чтобы одинъ съ половиною людей, становился на старомъ мѣстѣ, а другой съ другой половиной, на мѣстѣ кавалергардовъ, и посты бы между ними раздѣлять, включая и кавалергардскій постъ.

Гренадерамъ стать на прежнемъ мѣстѣ возлѣ большой церкви, гдѣ зимою стояли; унтеръ-офицерскій постъ предъ этой комнатою: что все и учредить завтра къ пріѣзду.

Встрѣчи никакой не надобно, гусаровъ поставить по-прежнему же возлѣ параднаго крыльца.

Фронтъ конной гвардіи, которая будетъ стоять въ кавалергардской, надобно поставить спиною къ новой стѣнѣ, между двухъ дверей, лицомъ къ той дирекціи, на которой они прежде стояли. Фронтъ же тѣхъ, которые возлѣ императрицы поставить, гдѣ самъ лучше изобрѣтешь.

Прощай, другъ мой! Будь здоровъ. Я съ нетерпѣніемъ жду тебя увидѣть и радуюсь отъиѣнно, что по-старому часто виѣстѣ будемъ. Твой вѣрный другъ Александръ.

42.

А. Аракчеевъ—в. к. Александру Павловичу.

22-го марта 1798 г. Грузино.

Батюшка ваше императорское высочество! Простите меня, всемилостивѣйшій государь, что я осмѣлился беспокоить ваше императорское высочество, которое произошло отъ унынія моей души, а отъ онаго и повезли меня отчаянно больного въ Вышній-Волочекъ.

Всемиловѣйше пожалованную мнѣ государемъ императоромъ отставку получилъ и приношу рабскую мою благодарность; но беспокоюсь, дабы я предъ лицомъ государя императора не былъ неблагодарнымъ. Тѣмъ болѣе меня беспокоитъ, что отставка моя послѣдовала на другой день моего выѣзда изъ С.-Петербурга, которому отъѣзду причина вашему императорскому высочеству извѣстна. Я хотѣлъ дать спокойствіе всѣмъ тѣмъ людямъ, которымъ непріятно было еще мое пребываніе

въ Петербургѣ. Откланяться же государю императору не осмѣлился, бывъ уже въ отпуску.

Объяснивъ все оное вашему императорскому высочеству, предаю себя въ единое покровительство вашего императорскаго высочества, увѣренъ будучи, что если нужно и мое оправданіе справедливо(е), то конечно ваше императорское высочество предъ государемъ императоромъ защитите меня. Всевышній Богъ да накажетъ меня нынѣ въ моей болѣзни, если я не былъ всегда усерденъ къ службѣ его императорскаго величества.

При всѣхъ моихъ нынѣшнихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, единое еще есть утѣшеніе, что смѣю, повергаясь къ вашему императорскому высочеству, называться вѣрноподданнымъ. Баронъ Аракчеевъ.

43.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аранчееву.

7-го мая 1798 г. Валдай.

Любезный другъ, Алексѣй Андреевичъ! Подѣзжая къ Вышнему-Волочку, душевно бы желалъ тебя увидѣть и сказать тебѣ изустно, что я такой же тебѣ вѣрный другъ, какъ и прежде. Признаюсь однако же, что я виноватъ предъ тобою и что давно къ тебѣ не писалъ; но ей-Богу отъ того произошло, что я не имѣлъ минуты для себя времени, и я надѣюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобы могъ усомниться на минуту обо мнѣ. Если же ты сіе сдѣлалъ, то по чести согрѣшилъ и крайне меня обидѣлъ, но я надѣюсь, что сего не было. Прощай, другъ мой! не забудь меня и пиши ко мнѣ: чѣмъ ты меня крайне одолжишь. Такъ же поболѣе смотри за своимъ здоровьемъ, которое, я надѣюсь, поправится, по крайней мѣрѣ, желаю онаго отъ всего сердца и остаюсь на вѣкъ твой вѣрный другъ Александръ.

44.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аранчееву.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Богъ мнѣ даровалъ дочь и очень счастливо.

45.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

29-го іюля 1798 г. Петергофъ.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я имѣю порученіе отъ государя тебѣ написать, что онъ имѣетъ нужду до тебя, и чтобы ты пріѣхалъ къ нему. Я отъменно радуюсь сему случаю, который мнѣ причинить веселіе тебя видѣть, чего уже я давно желаю. Исполнивъ волю государя, не остается мнѣ другаго, какъ пожелать тебѣ отъ искренняго сердца здоровья и хорошаго пути. Прощай, другъ мой! твой вѣрный другъ Александръ.

46.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

31-го августа 1799 г. Гатчино.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Искренно тебя благодарю за письмо твое и за поздравленіе, и если, что одно могло меня беспокоить, то конечно сомнѣніе, которое ты имѣешь обо мнѣ и котораго я никогда не заслуживалъ моею привязанностію къ тебѣ. Жаль мнѣ, что давно тебя не видалъ; но, зная причины, нахожу весьма нужно имъ повиноваться. Прощай, другъ мой! Пребываю на всегда тебѣ искренній Александръ.

47.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

15-го октября 1799 г. Гатчино.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Я не хотѣлъ прежде тебѣ отвѣчать, нежели исполню желаніе твое. Вчера я говорилъ Васильеву объ лѣкарѣ, и онъ согласился его опредѣлить по-прежнему въ Ораніенбаумъ; а такъ какъ у меня тамъ уже есть одинъ, такъ онъ и будетъ оставаться въ твоёмъ распоряженіи, и ты можешь его вести куда хочешь.

Я надѣюсь, другъ мой, что мнѣ нужды нѣтъ тебѣ при семъ несчастномъ случаѣ возобновлять увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ; ты

имѣлъ довольно опытовъ объ ней, и я увѣренъ, что ты и не сомнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не переменится.

Я справлялся вездѣ о помянутомъ твоимъ должномъ донесеніи, но никто объ немъ ничего не знаетъ, и никакой бумаги такого рода ни отъ кого совсѣмъ въ государеву канцелярію и не входило; а государь, призвавши Ливена, продиктовалъ ему самъ тѣ слова, которыя стоятъ въ приказѣ. Если что-нибудь было, то съ побочной стороны. Но я вижу по всему дѣлу, что государь воображалъ, что покража въ Арсеналѣ была сдѣлана по иностраннымъ наученіямъ. И такъ какъ уже воры сысканы, какъ уже, я думаю, тебѣ и извѣстно, то онъ ужасно удивился, что обманулся въ своихъ догадкахъ. Онъ за мною тотчасъ прислалъ и заставилъ пересказать, какъ покража сдѣлалась; послѣ чего сказалъ мнѣ: «я былъ все увѣренъ, что это по иностраннымъ проискамъ». Я ему на это отвѣчалъ, что иностраннымъ мало пользы будетъ въ пяти старыхъ штандартахъ. Тѣмъ и кончилось. Про тебя же ни слова мнѣ не говорилъ и видно, что ему сильныя внушенія на тебя сдѣланы, потому что я два раза просилъ за Апрѣлева, который и дѣла совсѣмъ съ тѣмъ не имѣлъ, но онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ согласиться, ни почему иному, кажется, какъ по тому, что Апрѣлевъ отъ тебя шелъ. Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ! не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается. Александръ.

48.

В. к. Александръ Павловичъ—А. Аракчееву.

12-го декабря 1799 г.

Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! Чувствительно благодарю тебя за твое письмо и за поздравленіе меня съ рожденіемъ. Твоя дружба всегда для меня будетъ весьма пріятна, и повѣрь, что моя не перестанетъ на вѣкъ. Я самъ боленъ. Когда же тебѣ лучше будетъ, то пріѣзжай ко мнѣ; мнѣ крайняя нужда съ тобою видѣться и переговорить о довольно значущихъ вещахъ, касающихся до тебя.

Сообщ. Н. Д.



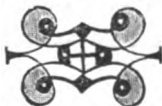
**Подарокъ москвичей князю Волконскому по случаю привезеннаго имъ извѣстія о вступленіи на престолъ императора Петра III.**

---

*Указъ генераль-поручику и камергеру графу Ивану Воронцову.*

30-го января 1762 г.

Съ высочайшимъ удовольствіемъ усмотрѣли мы, изъ всеподданнѣйшихъ отъ васъ рапортовъ, что сходно съ волею нашею исполнили вы во всѣхъ частяхъ возложенное на васъ дѣло объявленія въ столичномъ нашемъ городѣ Москвѣ о благополучномъ нашемъ восшествіи на прародительской Всероссійскія имперіи престолъ, обнадеживая васъ, что мы всегда оклонны будемъ продолжать къ вамъ по мѣрѣ достоинствъ и усердія вашего всевысочайшее наше благоволеніе. Всемиловѣйше повелѣваемъ мы еще и соизволяемъ, чтобы вы подаренныя вамъ отъ московскаго духовенства и купечества, въ знакъ ихъ истинной радости, деньги 5.000 руб. для себя приняли и оными пользовались.







## Записки Н. Г. Залѣсова.

VII <sup>1)</sup>.

Экзамены.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Поступленіе въ академію.—Стефанъ и Сухозанеть.—Составъ курса.—Профессора.—Выпускъ и пребываніе въ образованныхъ войскахъ.—Отъѣздъ въ дѣйствующую армію.

**В**ъ веснѣ я перешелъ жить на квартиру къ Аничкову <sup>2)</sup>, чтобы выѣсть съ нимъ готовиться въ академію, и мы поселились на небольшомъ чердакѣ, который онъ занималъ въ домѣ тестя своего брата—бывшаго корпуснаго эконома Артемьева. Я просилъ было освободить меня отъ службы, но объ этомъ и слышать не хотѣли до тѣхъ поръ, пока директоръ Неплюевского корпуса полковникъ Шиловъ не выхлопоталъ о прикомандированіи меня въ корпусъ въ качествѣ дежурнаго офицера. Обручевъ, встрѣчая насъ съ Аничковымъ въ обществѣ, очень былъ недоволенъ, что мы не во фронтѣ и велѣлъ экзаменовать насъ со всею строгостью. Наконецъ, наступило время экзаменовъ. Предсѣдателемъ былъ оберъ-квартирмейстеръ Бларамбергъ, въ послѣдствіи директоръ военно-топографическаго депо, а членами капитаны Шульцъ и Гернь (въ послѣдствіи генераль-маіоры въ отставкѣ) и штабсъ-капитаны Ромишевскій (былъ потомъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи) и Макшеевъ (въ послѣдствіи профес-

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

<sup>2)</sup> Въ послѣдствіи генераль-маіору и профессору Академіи генеральнаго штаба.

соръ академіи). Экзаменовали насъ строго; Аничковъ былъ смѣлѣе меня, служба его была хороша, онъ былъ со всѣми экзаменаторами знакомъ; я же былъ приготовленъ хуже, забить службою и начальствомъ, а потому и болѣе робокъ. Въ результатѣ вышло, что оба мы экзаменъ выдержали, но Аничковъ гораздо лучше меня. Какъ бы то ни было, дорогая мечта моя отчасти исполнилась: я вырвался изъ ненавистной службы въ линейныхъ баталіонахъ и уѣзжалъ въ Петербургъ, а тамъ что Богъ дастъ; во всякомъ случаѣ, если бы не попалъ въ академію, я рѣшилъ не возвращаться въ Оренбургъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ я получилъ отправленіе. За мной пріѣхали братъ и мать, чтобы довести до Белебея, тамъ я простился съ ними и отцомъ и, напутствуемый слезами и благословеніями, въ легкой повозкѣ помчался въ Петербургъ, полный страха и надеждъ. Желая заблаговременно до экзаменовъ быть въ Петербургѣ, я ѣхалъ день и ночь, отчего моя повозка совсѣмъ разсыпалась, и я, продолжая путь на перекладной, нигдѣ не останавливаясь, на 13 день послѣ выѣзда изъ Белебея, въѣзжалъ въ 11 часовъ ночи въ какой-то громадный городъ, освѣщенный (какъ мнѣ тогда казалось) фантастическимъ огнемъ фонарей и магазиновъ. Подорожную мою отобрали на заставѣ, другаго вида со мной не было, а въ Петербургѣ тогда только лишь послѣдовало приказаніе безъ вида никого въ номера не принимать.

Будь я опытенъ, я бы могъ сперва занять номеръ, а потомъ потолковать о видѣ, но я вездѣ на первый спросъ швейцара, гдѣ мой видъ, отвѣчалъ, что его нѣтъ, и меня никуда не пускали. Такъ странствовалъ я до 3-хъ часовъ ночи; ямщикъ отказался возить и сталъ выкладывать вещи мои на Невскомъ тротуарѣ. Слезы отчаянія на безпріютность мою въ такомъ городѣ стали уже прошибать меня, когда я увидѣлъ на крыльцѣ большаго зданія дремавшаго дворника и, растолкавъ его, спросилъ, не отдаются ли въ этомъ домѣ номера. Велика была моя радость, когда въ отвѣтъ услышалъ: «есть, батюшка, есть, пожалуйста», и ни слова о паспортѣ. Мигомъ я занялъ номеръ, рассчитался съ извозчикомъ, рухнулъ въ постель и проснулся только къ 6-ти часамъ вечера. Тутъ только я узналъ, что занимаю номеръ въ Пассаждѣ.

Являсь въ канцелярію Академіи узнать о началѣ экзаменовъ и переговоривъ со встрѣтившимися тамъ офицерами, я къ ужасу увидѣлъ, что въ Оренбургѣ я многое училъ, чего не слѣдовало, и наоборотъ вовсе не читалъ тѣхъ руководствъ, которыя были излюблены профессорами академіи. Немедленно я бросился въ книжный магазинъ Крашенинникова и К°, забралъ тамъ нужныя книги и тотчасъ же перебрался изъ дорогаго Пассажа въ какую-то мансарду на Пантелеимоновской улицѣ.

День и ночь я читалъ, на сколько доставало моихъ глазъ; наконецъ,

наступили экзамены, и къ 9-ти часамъ утра я пѣшкомъ добрался до академіи. Офицеровъ, желающихъ поступить въ академію, оказалось— 30 и по большей части гвардейцы; изъ гарнизона же, какъ тогда называли линейные баталіоны, явилось только два (я и Клугинъ). Надобно было видѣть, какъ насъ осматривали не только гвардія, но и армія, сколько презрѣнія было въ этомъ взглядѣ, который въ то же время какъ бы говорилъ: «вы-то, несчастные, куда гѣзете?»

Предубѣжденіе экзаменаторовъ противу гарнизоннаго мундира, понятная робость моя, а главное неудачная подготовка къ экзамену по оренбургскимъ книгамъ были причиною, что первые экзамены у меня прошли весьма неудовлетворительно, и я написалъ уже къ отцу о своей неудачѣ.

Хожденіе каждый день пѣшкомъ отъ Пантелеймона къ Николаевскому мосту и обратно весьма меня утомляло, а отъ безсонныхъ ночей страшно разболѣлись глаза; къ счастію, къ половинѣ экзаменовъ подѣхалъ изъ Оренбурга Аничковъ и сталъ по ночамъ читать мнѣ вслухъ руководства. Экзамены кончились, и я съ трепетомъ ожидалъ рѣшенія своей участи; наконецъ, намъ прислали пріемный списокъ, и благодареніе Богу и вниманію ко мнѣ добраго вице-директора генерала Стефана я, хотя и послѣднимъ, но былъ принятъ; всего же насъ поступило изъ 30 человекъ только 20. Я успѣшилъ обрадовать этою вѣстью напуганныхъ моихъ родныхъ, и съ радости мы отправились съ Аничковымъ въ Малуя Морскую въ бывший тамъ трактирчикъ «Парижъ», гдѣ издержали на обѣдъ послѣдніе оставшіеся у насъ въ карманѣ два рубля.

Съ поступленіемъ въ академію намъ пришлось встать къ ней поближе, и мы наняли двѣ комнаты въ подвальномъ этажѣ дома Розеншильдъ-Паулина на углу Средней Подъяческой улицы, у Харламова моста за 12 рублей въ мѣсяцъ. Столъ же брали изъ кухмистерской самый мерзостный за 6 рублей въ мѣсяцъ на брата; согрѣвали комнаты по большей части самоваромъ и только благодаря чаю не умирали съ голода.

Началось ежедневное хожденіе въ академію; я во весь годъ не пропустилъ ни одной лекціи и, имѣя подъ рукою необходимыя руководства, поправилъ свою репутацію на столько, что былъ переведенъ въ практическое отдѣленіе среднимъ изъ числа экзаменовавшихся офицеровъ. Въ теоретическомъ отдѣленіи тогда читали лекціи: извѣстный П. С. Лебедевъ, А. П. Карцовъ, гроза академіи старикъ генералъ Болотовъ, Шульгинъ и другіе. Штабъ-офицерами нашими были Дитрихсъ и добрѣйшій К. Θ. Багговутъ (потомъ гатчинскій комендантъ). Питаясь воздухомъ, мы однако же не забывали развлеченій и каждую копѣйку несли въ театръ, особенно въ Италіанскую оперу, занимая конечно за

50 коп. мѣста въ райкѣ. Тогда пѣли Гризи, Маріо, Тамберликъ, Тамбурины, Персіани, Віардо и Демерикъ,—было кого послушать; въ Александринку же насъ привлекалъ Каратыгинъ-трагикъ, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, Григорьевъ и красавицы-сестры Самойловы.

Главными начальниками въ академіи были тогда: вице-директоръ генералъ-маіоръ Стефанъ и директоръ, безногій, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ. Венгерецъ родомъ, бывшій офицеръ австрійскаго генеральнаго штаба, проспавшій вмѣстѣ съ эрцъ-герцогомъ Іоанномъ Ваграмское сраженіе, Стефанъ былъ образованный, добрыйшій и благороднѣйшій человекъ. За свою доброту онъ даже былъ обойденъ нѣсколькими чинами; дѣло въ томъ, что товарищъ, съ которымъ онъ ѣхалъ однажды въ командировку, побилъ дорогой станціоннаго смотрителя и, будучи женихомъ, уговорилъ Стефана принять этотъ грѣхъ на себя, увѣривъ, что все дѣло кончится только арестомъ, но послѣдствія оказались гораздо серьезнѣе.

Пугаломъ академіи былъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ. Деспотъ до мозга костей, онъ былъ назначенъ директоромъ академіи Императоромъ Николаемъ съ цѣлью школить хорошенько будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба и не позволять имъ сильно умничать и либеральничать. Вѣчно больной, раздражительный, страшный картежникъ, Сухозанетъ былъ помѣшанъ на мелочахъ и приходилъ въ академію только для распеканій. Мы по очереди являлись къ нему каждый день по вечерамъ съ рапортомъ и часа два всегда дежурили у него въ приемной, пока онъ не выпится. Принималъ же онъ рапортъ чаще всего при выходѣ своемъ, чтобы сѣсть въ карету и ѣхать играть въ карты. Въ такихъ случаяхъ за нимъ всегда несли небольшую шкатулку съ деньгами. Разъ помню, я былъ дежурнымъ въ скверный осенній день и, порядочно продрогши, пріѣхалъ къ Сухозанету съ рапортомъ. Въ приемной горѣлъ въ каминѣ огонь, кругомъ мертвая тишина; я усѣлся на диванъ и, согрѣтый огонькомъ, крѣпко, крѣпко заснулъ, какъ въ просонкахъ слышу громкій голосъ: «что съ тобой, ты боленъ?» Открываю глаза; передо мною Сухозанетъ въ мундирѣ. Съ просонковъ я не могу встать, не могу найтись, что отвѣчать, но новый вопросъ: «ты боленъ?» спасаетъ меня, и я самымъ слабымъ голосомъ говорю: «точно такъ, мнѣ дурно». «Мундиръ разстегнуть, шарфъ, за докторомъ поскорѣ!»—кричитъ Сухозанетъ прислугѣ и самъ уѣзжаетъ, а я, напившись холодной воды—тоже давай Богъ ноги. Счастье, что Сухозанетъ не могъ и въ мысляхъ допустить такой дерзости со стороны офицера: спать на дежурствѣ, и потому самъ надоумилъ меня, какъ ему отвѣчать; иначе, конечно, меня сейчасъ же исключили бы изъ академіи съ самой дурной аттестаціей.

Когда на другой день я откровенно рассказалъ объ этомъ про-

яшествіи нашему доброму Багговуту, такъ онъ присѣлъ даже отъ ужаса и нѣсколько минутъ не могъ сказать ни слова.

Требованіе чинопочитанія и дисциплины у такихъ людей, какъ Сухозанетъ, доходило тогда почти до безумія. Разъ онъ пригласилъ къ себѣ окончившаго уже курсъ въ академіи конно-артиллерійскаго прапорщика на обѣдъ и на другой день, призвавши его дежурнаго штабъ-офицера, обругалъ послѣдняго елико возможно, сказавъ ему при этомъ:

— Когда блаженной памяти графъ Аракчеевъ удостоилъ меня пригласить къ себѣ на обѣдъ, то я, бывши прапорщикомъ гвардейской артиллеріи, весь обѣдъ просмотрѣлъ ему въ глаза, а вчера я, генераль-аншефъ (такъ любилъ называть себя Сухозанетъ), позвалъ къ себѣ обѣдать армейскаго прапорщика, и что же, братецъ, онъ сдѣлалъ?.. Онъ весь обѣдъ ѣлъ! Нѣтъ, такъ служить нельзя, у тебя, братецъ, въ отдѣленіи нѣтъ никакой дисциплины...

Лѣто мы провели на Бронной горѣ на съемкѣ, а на зиму наняли новую квартиру у того же Харламова моста, въ домѣ Фохтса въ нижнемъ этажѣ. Въ практическомъ отдѣленіи мои занятія шли еще успѣшнѣе, и начальство академіи стало ко мнѣ очень благоволить. Въ практическомъ отдѣленіи читали у насъ лекціи полковникъ М. И. Богдановичъ и Д. А. Милютинъ (нынѣ графъ и фельдмаршалъ); послѣдній читалъ чрезвычайно увлекательно.

Слѣдующее лѣто мы опять провели на съемкѣ въ прелестномъ имѣніи Потемкина—Гостилицахъ, гдѣ Аничковъ познакомился съ будущей своей женой, дочерью управляющаго Потемкина—Крымовой.

Выпускной экзаменъ я сдалъ прекрасно, но, къ сожалѣнію, у меня не достало одного балла, чтобы получить чинъ за отличіе. Тогда баллы въ академіи ставились по особой системѣ, и полные баллы составляли цифру 470. Сильно горевалъ я по этому случаю, сочувствовали мнѣ и всѣ добрые мои товарищи, но пособить было нельзя. Наступилъ публичный экзаменъ. Съѣхался генералитетъ, пріѣхалъ военный министръ князь Чернышевъ, и начался экзаменъ. Меня вызвали изъ военной исторіи и стратегіи, и я отвѣчалъ такъ хорошо, что Чернышевъ не далъ мнѣ и кончить. На другой день утромъ неожиданно явился въ нашей бѣдной квартирѣ Багговутъ въ мундирѣ и, обнявъ меня, объявилъ, что Чернышевъ добавилъ мнѣ одинъ баллъ, и я получаю чинъ за отличіе.

По окончаніи курса насъ немедленно откомандировали въ образцовыя войска, и мы сначала попали въ Павловскъ въ кавалерійскій полкъ. Окончившихъ курсъ офицеровъ оказалось всего 16 человекъ.

Въ минуту, когда я пишу свои записки, насъ остается на службѣ, спустя 23 года по выходѣ изъ академіи, ровно половина, то есть 8 человекъ.

Окончивъ экзаменъ, я покатилъ съ Аничковымъ въ Гостилицы, вы-

\*

сватать ему невѣсту и затѣмъ съ Клугинымъ и Полторацкимъ поселился на одной квартирѣ въ Павловскѣ. Кавалерійскимъ полкомъ тогда командовалъ полковникъ Курдюмовъ; онъ, какъ и всѣ тогдашніе образцовые командиры, свѣлъ по фронту собаку, но дальше этого, конечно, не шелъ. Мы ходили каждый день на ученье, дежурили и къ веснѣ переебрались въ Царское Село, въ образцовую пѣшую батарею, которой командовалъ полковникъ Салтыковъ. Съ этою батареею перешли мы въ Красносельскій лагерь, тамъ насъ перевели въ конную батарею подъ начальство полковника Милюкова. Этимъ лѣтомъ мы были въ качествѣ офицеровъ генеральнаго штаба два раза на маневрахъ—на одномъ подъ командою Н. Н. Муравьева, а на другомъ подъ командою Ридигера. Мнѣ особенно осталось памятнымъ невозмутимое спокойствіе, съ которымъ Муравьевъ распоряжался на маневрахъ и встрѣчалъ императора Николая.

Въ августѣ насъ перевели въ образцовый пѣхотный полкъ къ знаменитому генералу Полешкѣ, который началъ намъ немедленно выправлять кости, дѣлать груди, тянуть ноги и проч. Строгости пошли болѣшія, но мы терпѣли въ ожиданіи скорой перемѣны къ лучшему.

Еще въ началѣ 1853 года мы знали уже о недоразумѣніяхъ, возникшихъ у насъ съ Турціею, посылкѣ князя Меншикова и Непокойчицкаго въ Константинополь и вступленіи князя Горчакова въ княжества. Такъ тянулось время, когда въ половинѣ сентября Полешко получилъ приказаніе отобрать трехъ особенно знающихъ фронтъ офицеровъ и выслать немедленно въ Петербургъ. Выборъ палъ на Клугина, меня и Глиноецкаго. На другой день мы были уже у генераль-квартирмейстера Берга, а черезъ недѣлю тащились съ Клугинымъ въ Бухарестъ, въ распоряженіе князя Горчакова.

Бѣдный отецъ мой ждалъ меня нетерпѣливо въ отпускъ; самъ я день и ночь рисовалъ себѣ картину свиданія съ моими стариками, и вотъ вмѣсто родины пришлось увидать Витебскъ, Житомиръ, Яссы и Бухарестъ.

Въ отвратительнѣйшій осенній день 23-го сентября мы выѣхали на перекладной изъ Питера и по невылазной грязи тянулись до Яссъ. Здѣсь въ первый разъ увидали солнышко и въ началѣ октября прибыли въ Бухарестъ. Намъ отвели квартиру у какой-то старой боярыни Путкуляско, которая ежедневно являлась къ намъ браниться по-валахски за то, что мы ложимся позже 9 часовъ и много изводимъ дровъ на камины. Мы, въ свою очередь, бранили ее въ глаза на русскомъ языкѣ, котораго она также не понимала ни слова, и изъ этой перебранки выходили всегда забавныя сцены, и мы отъ души хохотали. По прибытіи, меня сейчасъ взяли въ управленіе генераль-квартирмейстера, а Клугина командировали въ 12-ю дивизію къ Липранди. Вслѣдъ за нами пріѣхали въ Бухарестъ еще Лавровъ и Мейендорфъ.

---

## VIII.

Краткая характеристика главныхъ начальниковъ арміи. — Зима съ 1853 на 1854 годъ въ Бухарестѣ.

Главномандующимъ войсками на Дунаѣ состоялъ князь Горчаковъ. Высокаго роста, худой старикъ, Горчаковъ былъ высоко чѣстный человѣкъ и недюжинный генералъ, но отнюдь не главнокомандующій.

Начальникъ штаба у Горчакова, какъ бы для контраста, по росту былъ колибри, генералъ-адъютантъ Коцебу. Весьма дѣятельный и способный канцелярскій чиновникъ, Коцебу былъ въ то же время человѣкъ безсердечный, эгоистъ съ головы до пятокъ и, забравъ вскорѣ Горчакова въ свои руки, дѣлалъ, что хотѣлъ въ арміи.

Генералъ-квартирмейстеромъ былъ генералъ Бутурлинъ, бывшій конно-гвардейскій офицеръ, а потомъ адъютантъ Паскевича. Онъ имѣлъ весьма малое понятіе о своемъ дѣлѣ, но писалъ не дурно; Бутурлинъ былъ остроумный, веселый собесѣдникъ и дома ходилъ всегда одѣтый à l'enfant.

Дежурный генералъ Ушаковъ, креатура Паскевича, авторъ описанія его подвиговъ въ Азіатской Турціи, былъ весьма обыкновенный труженникъ.

Генералъ-интендантъ Затлеръ, бывшій адъютантъ штаба артиллеріи Паскевича, интендантъ его въ Венгерскую кампанію, всѣмъ обязанный фельдмаршалу, представлялъ единственно даровитую личность среди главнаго штаба арміи, ибо выжившаго изъ ума отъ старости начальника артиллеріи Сержпутовскаго и не имѣвшаго способностей начальника инженеровъ Бухмейера считать, конечно, нечего.

Бытописателемъ арміи, составителемъ всѣхъ реляцій былъ тоже креатура Паскевича еще съ Венгерской кампаніи подполковникъ Меньковъ.

Онъ состоялъ какъ бы согладатеємъ при князѣ и постоянно доносилъ о всемъ Паскевичу, прямо отъ себя.

Среди такихъ лицъ, близкихъ Паскевичу, долженъ былъ распоряжаться князь Горчаковъ, зная, что каждый его шагъ извѣстенъ въ Варшавѣ и что, не смотря ни на что, онъ все-таки подчиненъ и будетъ еще болѣе подчиненъ тому же Паскевичу. Мудрено тутъ было дѣйствовать и самому рѣшительному человѣку, а Горчакову тѣмъ болѣе, когда у него вся самостоятельность давно уже была убита фельдмаршаломъ.

Для полноты картины главной квартиры сюда надо еще добавить графа Орлова-Денисова, походнаго атамана арміи, человѣка не лишеннаго смекалки, но большаго кутялу. У него каждый вечеръ производились попойки, тамъ наливался постоянно его закадычный другъ Меньковъ, предсѣдательствуя и ораторствуя въ этихъ собраніяхъ. Впослѣд-

ствія Меньковъ издалъ въ Лейпцигѣ особую книгу «Нѣмцы и Дунай», гдѣ упоминаетъ объ этихъ собраніяхъ и бранить на чемъ свѣтъ Коцебу.

Я не буду описывать первыхъ шаговъ своей службы у Бутурлина, гдѣ, состоя помощникомъ Менькова по составленію журнала военныхъ дѣйствій, я въ то же время былъ помощникомъ адъютанта строевого отдѣленія и вѣдалъ всю дислокацію армій.

Вскорѣ по пріѣздѣ я такъ хорошо изучилъ дислокацію армій и маршрутную карту княжествъ, что помнилъ ихъ наизусть и постоянно диктовалъ маршруты безъ карты забѣгавшимъ къ намъ ежедневно интендантскимъ чиновникамъ. Вѣроятно, это качество и моя скромность послужили къ тому, что Бутурлинъ сталъ меня вездѣ возить съ собой, хотя при его скупости я положительно едва не умиралъ съ голоду, разѣзжая съ нимъ въ его допотопной каретѣ. Такъ, въ январѣ мѣсяцѣ я побывалъ съ нимъ въ Бойлештахъ и подъ Калафатомъ, гдѣ первый разъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ Модовитой; затѣмъ весной 1854 г. я перешелъ подъ Силистрію, гдѣ участвовалъ въ траншейной войнѣ и въ отбитіи вылазки турокъ подъ руководствомъ нашего добраго полковника Герсевича (впослѣдствіи генералъ-квартирмейстеръ кн. Меншикова въ Крыму), за что и получилъ орденъ Анны 3-й степени съ мечами. Съ Бутурлинымъ я отступилъ отъ Силистріи и въ его же колымагѣ возвратился въ Россію на зимовья квартиры въ Кишиневъ. Здѣсь однако же судьба сжалилась надо мною. Бутурлинъ уѣхалъ съ Горчаковымъ въ Крымъ, а я остался въ штабѣ Лидерса.

Наша кампанія за Дунаемъ не повела ни къ чему рѣшительному, а тутъ еще появился Паскевичъ и напустилъ такихъ страховъ Австріей, что ничего не оставалось дѣлать, какъ убираться восвояси. Никакихъ выдающихся распоряженій Паскевича мы не видали, и даже самая контузія его подъ Силистріею, воспѣтая Меньковымъ, была не болѣе, какъ предлогомъ для его удаленія изъ армій, ибо вовсе не была серьезна.

Въ продолженіе цѣлой зимы съ 1853 на 1854 годъ главная квартира князя Горчакова всего только два раза выѣзжала изъ Бухареста: въ Калафатъ и Браиловъ; остальное же время мы постоянно проводили въ пресловутой столицѣ Валахіи. Трудно найти другой городъ, расположенный на мѣстности болѣе безжизненной, чѣмъ Бухарестъ. Ни горки, ни порядочной рѣчки, ни чистаго воздуха: грязь, вонь, нечистота во всѣхъ возможныхъ видахъ—вотъ, что поражало всякаго пріѣзжавшаго тогда въ Бухарестъ. На огромный городъ (слишкомъ 100 т. жителей), на столицу княжества, въ Бухарестѣ не было ни одной чистой и прямой улицы, не исключая и главной изъ нихъ Подъ-Могошой, на которой жилъ господарь Стирбей. Надобно было имѣть особенную способность примѣняться



къ мѣстности и жить въ городѣ по худой мѣрѣ года два, чтобы хоть сколько-нибудь познакомиться съ этимъ лабиринтомъ вонючихъ закопченныхъ улицъ и переулковъ. Отсутствие всякой гармоніи въ размѣщеніи зданій, площадей и церквей невольно поражало съ перваго взгляда. Единственнымъ общественнымъ гуляньемъ, куда обыкновенно, начиная съ 12 и до 3-хъ часовъ зимой и по вечерамъ лѣтомъ съѣзжалась валахская аристократія, было Киселевское шоссе, обыкновенное, какія у насъ въ Россіи тянутся на тысячу верстъ—обсаженное по бокамъ деревьями на разстояніи 2-хъ верстъ. Да и это мѣсто, гдѣ совершались румынскіе *parties de plaisir*, устроено весьма недавно на деньги, собранныя съ цѣлой Валахіи въ память управлявшаго въ 1829 году княжествомъ П. Д. Киселева (впослѣдствіи графа), даровавшаго валахамъ конституцію и пользующагося у нихъ огромною любовью и популярностью.

Кромѣ шоссе въ самомъ городѣ было два мѣста, куда иногда собиралась лѣтомъ публика: это Чюшменджи и Вармбергъ—два весьма небольшихъ садика; въ послѣдній особенно привлекалъ публику скрипачъ и дирижеръ оркестра Вистъ. Вообще жизнь въ Бухарестѣ не могла похвалиться своимъ разнообразіемъ. Главнѣйшее развлеченіе составляла конечно италіанская опера: представленія ея шли по три раза въ недѣлю въ новомъ довольно миленькомъ театрѣ. Въ труппѣ были довольно сносный баритонъ, басъ и одна примадонна-англичанка, пожилая женщина, но съ довольно еще свѣжимъ голосомъ. Удовольствіе слушать оперу стоило не дорого: всего три цванцигера. Былъ тогда въ Бухарестѣ и маленькій балетъ, царицей котораго слыла Эмилиа Петровицъ. Замѣчательность этого балета состояла въ томъ, что всѣ танцы его представительницъ ничѣмъ не отличались отъ канкана, на что впрочемъ валашки отнюдь не жаловались.

Странную смѣсь исполеть русскихъ и валахскихъ, бородокъ и фраковъ представляла всегда италіанская опера. Въ буфетѣ слышалась бездна нарѣчій. Впослѣдствіи великимъ постомъ открылся и французскій театръ, но весьма грязный по своему помѣщенію и постоянному запаху чеснокомъ. Главнѣйшимъ же мѣстомъ для развлеченій русскихъ и валаховъ служили маскарады: изъ нихъ даваемые въ Италіанскомъ театрѣ отличались нѣкоторой официальною и считались за лучшіе; тутъ всегда собиралась изысканная публика, платя за входъ 3 цванцигера, но обыкновенно мужчины оставались въ театрѣ не болѣе какъ до 2-го часа, а потомъ отправлялись въ «*Hôtel de prince*» въ маскарады, даваемые ея содержателемъ. Тамъ публика вела себя совершенно безцеремонно, домино самыя фантастическія, самыя прозрачныя являлись во всѣхъ видахъ; шампанское лилось рѣкой между офицерами, и каждая кадрили, каждая полька здѣсь была не что иное,

какъ самый отчаянный канканъ, кончавшійся тѣмъ, чѣмъ кончаются всѣ канканы. Изъ всѣхъ женщинъ, съ которыми преимущественно любила вести знакомство наша молодежь, особенное вниманіе тогда обращала одна дѣвушка Марица, очень недурная собой, обладавшая какою-то чарующею силою. Офицеры безумѣли отъ ея ласкъ. Сколькихъ я зналъ молодыхъ и образованныхъ людей, которые едва не сходили по ней съ ума. Но не только юное поколѣніе теряло голову, даже старики и люди женатые не избѣгли ея вліянія. Генераль-штабъ-докторъ арміи ходилъ отъ нея какъ помѣшанный. Родомъ венгерка, по несчастію семейному отвергнутая отцомъ, Марица, по увѣренію знавшихъ ее, принадлежала къ хорошему дому и носила по документамъ фамилію Comtesse d'Ail.

Что касается до другихъ общественныхъ удовольствій, то надобно сказать по правдѣ, что большіе вечера съ танцами были у валаховъ какъ-то не въ большомъ ходу—или, можетъ быть, общее безденежье бояръ было тому причиною. Въ продолженіе зимы было только два официальныхъ бала: одинъ данъ княземъ Горчаковымъ, а другой полномочнымъ комиссаромъ Россіи Будбергомъ для встрѣчи Нового года. Первый изъ этихъ баловъ отличался удивительною роскошью, и о немъ говорили почти цѣлый мѣсяцъ. Балъ былъ данъ въ домѣ военно-административнаго совѣта. Самый домъ и всѣ прилежащія къ нему строенія были великолѣпно иллюминированы, на лицевой сторонѣ его горѣлъ во весь вечеръ огромный брилліантовый вензель государя. Самый подъѣздъ былъ залитъ огнемъ; съ первой его ступени и до второго этажа вились самыя тонкіе роскошные ковры, окаймленные самыми рѣдкими экзотическими растеніями, наполнявшими и самыя комнаты, тысячи люстръ, три оркестра музыки добавляли все это. Но самымъ лучшимъ украшеніемъ бала были конечно женщины. Все, что Валахія могла собрать и создать самаго лучшаго и роскошнаго—все было на этомъ балѣ. Богатство костюмовъ доходило до сумасшествія. Золото и брилліанты блистали почти на каждой. Блонды, самый прозрачный газъ и тюль господствовали въ нарядахъ. Лифы у платьевъ были самыя ужасныя, ибо они только поддерживали, но не скрывали формъ женщинъ. Балъ съ великолѣпнымъ ужиномъ обошелся въ 3.000 червонцевъ; всѣхъ особъ было до 400.

Не говоря о новыхъ интригахъ, завязавшихся съ нынѣшнимъ бытіемъ русскихъ въ княжества, много было на этомъ балѣ людей, знакомыхъ еще по 1848 году. Вообще надо замѣтить, что прекрасныя валашскія дамы не отличаются слишкомъ строгой нравственностью; вотъ почему здѣсь счастливый бракъ въ томъ смыслѣ, какъ вообще принято это, составляетъ анахронизмъ. Очень часто можно было встрѣтить въ Бухарестѣ, что жена, пользуясь всѣми средствами содержанія

отъ мужа, живетъ однако же въ особой половинѣ дома, принимаетъ, кого хочетъ, не обращая никакого вниманія на мужа.

---

IX.

Выходъ изъ княжествъ.—Стоянка въ Кишиневѣ и Одессѣ.

Перейдя Дунай, мы побрели къ границамъ Трансильваніи, спустились затѣмъ къ Журжѣ и отсюда 15-го іюля отправились восвояси, сжигая повременамъ свои корабли, т. е. запасы провіанта и фуража, заготовленнаго съ избыткомъ по распоряженію фельдмаршала.

Простоявъ по дорогѣ двѣ съ половиною недѣли въ Фокшанахъ и уничтоживъ здѣсь значительное количество одобештскаго вина, главная квартира 4-го сентября послѣ великихъ трудовъ и боевыхъ подвиговъ благополучно перешла изъ Яссы въ Скуляны къ родному очагу и расположилась затѣмъ въ Кишиневѣ.

Съ приходомъ въ Кишиневъ собственно Дунайская кампанія окончилась, ибо все вниманіе далѣе обратилось на Крымъ. Туда, какъ въ бездонную бочку, начали двигаться отъ насъ подкрѣпленія, туда полѣзли и всѣ наши авантюристы.

Наступилъ февраль 1855 года, грозная драма подъ Севастополемъ разыгрывалась все сильнѣе, а мы преспокойно проживали въ Кишиневѣ, куда наѣхала масса офицерскихъ женъ, и усердно посѣщали театръ и танцевальныя вечера. Въ двадцатыхъ числахъ февраля жида первые принесли намъ вѣсть о кончинѣ императора Николая, а чрезъ нѣсколько дней пришло и официальное объ этомъ сообщеніе. Вскорѣ князь Горчаковъ былъ переведенъ въ Крымъ, а я съ бранными остатками Южной арміи и вопреки просьбѣ князя Меншикова—прислать меня въ Крымъ—былъ оставленъ подъ командою Лидерса.

Недолго Лидерсъ просидѣлъ въ Кишиневѣ, любовныя дѣла влекли его въ Одессу. Тотчасъ явились на сцену разныя стратегическія причины, требовавшія этого перехода, и весною мы дѣйствительно переехали въ столицу Новороссійскаго края. Тяжела была моя служба, ибо, какъ говорится, изъ огня я попалъ въ полымя. Отъ Бутурлина я перешелъ подъ команду генераль-квартирмейстера Глѣбова, въ полномъ смыслѣ слова мужика, съ которымъ чуть не ежедневно пошли у меня столкновенія. Но время шло, союзники громили Севастополь, а мы въ Одессѣ устраивали смотры и парады для развлеченія Лидерса. Въ сентябрѣ мы потянулись въ Николаевъ на смотръ новаго государя, гдѣ я выслушалъ кучу любезностей отъ генераль-квартирмейстера барона

Ливена, а затѣмъ поселились опять въ Одессѣ. Къ веснѣ Лидерсъ съ своими домочадцами отъѣхалъ въ Крымъ, а къ намъ явился Сухозанетъ съ княземъ Васильчиковымъ и Козляниновымъ. Время службы съ этими послѣдними было для меня самое отрадное во всю кампанію, ибо въ тогдашнее время рѣдко приходилось встрѣчать людей столь вѣжливыхъ, благородныхъ и такъ горячо относившихся къ своимъ подчиненнымъ, какъ князь Васильчиковъ и Козляниновъ. Подъ конецъ кампаніи появился снова у насъ Коцебу, въ качествѣ командира 5-го корпуса. Онъ усиленно сталъ звать меня съ собой въ Варшаву, общая чинъ капитана, но я положительно отъ этого отказался, за чтѣмъ и нажилъ въ немъ себѣ большаго врага. Весною 1856 года судьба еще разъ бросила меня подъ команду Лидерса, Непокойчицкаго и въ руки милаго Глѣбова, въ качествѣ начальниковъ 2-й арміи, но къ счастью не надолго; я послалъ уже письмо къ барону Ливену съ настоятельною просьбою о переводѣ изъ Одессы.

## X.

Переводъ изъ Одессы въ Оренбургъ. — Жизнь въ Белебѣ. — Братья Тевкелевы. — Глумилинъ. — Пріѣздъ въ Оренбургъ. — Перовскій и его управленіе. — Женильба.

Въ маѣ мѣсяцѣ состоялся приказъ о переводѣ моемъ въ Оренбургъ, и я немедленно сталъ готовиться къ отъѣзду. Добрый Россицкій (нашъ интендантъ) подарилъ мнѣ на дорогу старенькій тарантасъ, и я совершенно очастливый отправился откланиваться начальству. Глѣбовъ принялъ меня на этотъ разъ ласково и, официальнымъ предписаніемъ разблагодаривъ меня за службу, выхлопоталъ мнѣ у главнокомандующаго 150 руб. на путевыя издержки. Пріемъ Непокойчицкаго, жившаго въ то время на дачѣ Картаци, былъ особенно любезенъ. Поблагодаривъ меня за службу, онъ сказалъ:

— Я всегда сочту за особое удовольствіе служить съ вами и если вы когда-либо вздумаете перейти къ намъ, пишите ко мнѣ; я всегда буду радъ вамъ.

Пообѣдавъ послѣдній разъ въ кругу добрыхъ товарищей въ «Европейской гостиницѣ», я на другой день распростился съ моими сожителями Глиноецкимъ и Лаврентьевымъ <sup>1)</sup> и, провожаемый плачущимъ моимъ старшимъ писаремъ Назаровымъ, выѣхалъ 23-го мая 1856 года

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи редакторъ „Военнаго Сборника“ и „Русскаго Инвалида“.

часа въ три послѣ обѣда черезъ Херсонскую заставу по дорогѣ въ Оренбургъ.

Я не помню въ жизни споей болѣе отраднаго чувства, какъ то, съ которымъ послѣ шестилѣтней разлуки и тяжелыхъ трудовъ кампаніи возвращался къ роднымъ. Я чувствовалъ себя на свободѣ, и это сознаніе полного простора еще болѣе скрашивало мое положеніе, и безъ того представлявшееся въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Полной грудью я вдыхалъ свѣжій полевой воздухъ, и сердце было полно любовью ко всемъ и ко всему, а чудная майская природа еще болѣе поддерживала такое настроеніе. Вздвигши весь свой вѣкъ на перекладной, я теперь съ особеннымъ наслажденіемъ покачивался въ казанскомъ тарантасѣ и незамѣтно доѣхалъ до Николаева. Здѣсь встрѣтивъ двухъ братьевъ Ризенкамповъ, ѣхавшихъ въ отпускъ въ Петербургъ, я подвезъ ихъ до Кременячуга, откуда, повернувъ на сѣверо-востокъ, направился уже одинъ въ свою дорогу Башкирію.

Мнѣ предстояло сдѣлать до 3.500 верстъ по всевозможнымъ дорогамъ и, не смотря на это, я рѣшилъ ѣхать день и ночь. Быстро прокатилъ я до Бѣлгорода, гдѣ на станціи любовался гогартовскими картинами, но отсюда, при поворотѣ на малый почтовый трактъ къ Пензѣ, пошла задержка въ лошадахъ, на каждой станціи валялись въ повалку по нѣсколько человекъ офицеровъ, застрявшихъ тутъ за весьма малымъ исключеніемъ или вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, а чаще по случаю безпробуднаго кутежа.

Переваливъ въ Симбирскѣ черезъ Волгу, я уже началъ чувствовать себя какъ дома и черезъ три дня былъ въ Бугульмѣ, такъ много напомнившей мнѣ о лѣтахъ моей юности. Отсюда оставалось только 100 верстъ до Белебея, гдѣ жили мои старики, и я конечно немедленно пустился въ путь. Проѣхавъ еще засвѣтло мимо мѣста моей родины, заросшаго уже въ то время бурьяномъ, я часовъ въ 5 утра, когда благовѣстили къ заутренѣ, вѣхалъ въ Белебей. Что было у меня на сердцѣ, трудно передать. Съ жаднымъ вниманіемъ всматривался я въ каждый уголокъ родной земли, въ каждого прохожаго, а ихъ было много на улицахъ—день былъ базарный. Наконецъ, я дома, стучу въ дверь, выходитъ отецъ, и мы замерли, обнявши другъ друга; вслѣдъ затѣмъ я бросился прямо въ спальню матушки; она испугалась отъ неожиданности и безмолвная отъ радости крѣпко прижала къ себѣ, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь вновь не отнялъ меня у нея. Только послѣ долгихъ рыданій старушка едва-едва могла заговорить со мною.

Чистый, горный воздухъ Белебея, беззаботность послѣ тяжелыхъ трудовъ, ласка родныхъ—все это такъ благотѣльно подѣйствовало на меня, что черезъ мѣсяцъ я сталъ замѣтно поправляться и даже полнѣть къ великой радости моей старушки. Большую часть времени я по-

святилъ на прогулки съ братомъ по прекраснымъ окрестностямъ Белебея и разѣздамъ по роднымъ; въ промежуткахъ мы слушали новости отъ мѣстнаго почтмейстера, кажется по фамиліи Ветошникава — бывшаго фельдъ-егеря, который вполне былъ гоголевскимъ почтмейстеромъ, ибо, кромѣ газетъ, зачастую прочитывалъ и письма, въ чемъ искренно намъ сознавался. Братъ служилъ тогда по выборамъ дворянства, а потому ему приходилось иногда заѣзжать и къ мѣстнымъ тузамъ-помѣщикамъ, изъ коихъ однако же въ Белебеевскомъ уѣздѣ жили въ своихъ деревняхъ только Тевкелевы и Глумилины.

Тевкелевыхъ было, кажется, три брата; они были татары и владѣли большими имѣніями въ 3-хъ губерніяхъ. Старшаго Александра Петровича я зналъ давно; лихой когда-то гусаръ и кутила Павлоградскаго полка. Теперь онъ былъ въ отставкѣ, съѣздилъ въ Мекку и, сдѣлавшись хаджи, облекся въ костюмъ муллы; впоследствии онъ занялъ мѣсто уфимскаго муфтія. Второй братъ былъ когда-то командиромъ лейб-гвардіи Крымскаго эскадрона, вышелъ въ отставку полковникомъ и женился на дочери Букей-хана, сестрѣ Чингизовъ. Третій братъ служилъ въ лейбъ-казакахъ. У Тевкелевыхъ была сестра, замѣчательная въ свое время красавица, она влюбилась въ гувернера-француза Коко, бѣжала съ нимъ, но, бывъ поймана до вѣнчанія, заявила, что желаетъ принять православіе и поэтому была помѣщена въ Уфимскій женскій монастырь; въ концѣ концовъ однако же она рѣшилась остаться магометанкой и впоследствии возвращена братьямъ; послѣдующая судьба ея мнѣ не извѣстна.

Михаилъ Михайловичъ Глумилины былъ сынъ Михаила Васильевича Глумилина, друга моего отца, съ которымъ онъ началъ вѣстѣ службу въ Уфимскомъ губернскомъ правленіи и жилъ на одной квартирѣ; впоследствии Михаилъ Васильевичъ женился на Софьѣ Тимофеевнѣ Аксаковой (о нихъ упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ своей семейной хроникѣ), сдѣлался богатъ, но, не смотря на это, сохранилъ до конца жизни доброе расположеніе къ бѣдному моему отцу. Михаилъ Михайловичъ Глумилины былъ женатъ на Леонтьевой, сестру которой Донаурову я зналъ очень хорошо, а двѣ младшихъ сестры Глумилина были замужемъ: одна за профессоромъ Бутлеровымъ, а другая за извѣстнымъ спиритомъ Юмомъ. Въ Белебѣ я познакомился также съ пріѣзжавшимъ туда уфимскимъ губернаторомъ Потуловымъ, съ которымъ впоследствии служилъ въ Вильнѣ, и съ двумя братьями Левашовыми, о старшемъ братѣ которыхъ Николаѣ я уже говорилъ прежде.

Въ началѣ сентября я съѣздилъ съ отцомъ на ярмарку въ Бугульму, чтобы повидаться съ родными и посмотреть на городокъ, гдѣ каждый уголъ былъ близокъ моему сердцу, а 21-го сентября выѣхалъ къ мѣсту службы въ Оренбургъ. Въ бытность въ Белебѣ старику отцу ужасно

хотѣлось меня женить на помѣщицѣ, и онъ указывалъ мнѣ на многихъ дѣвушекъ, но мнѣ такъ хорошо жилось на волѣ, что я рѣшительно отказался отъ брака, не подозрѣвая, что черезъ четыре мѣсяца женюсь самъ по своей охотѣ.

23-го сентября часа въ 4 послѣ обѣда я, послѣ 6-ти-лѣтней отлучки, подѣхалъ къ мѣсту моего воспитанія, Оренбургу, и съ понятнымъ замѣраніемъ сердца всматривался въ каждую улицу, въ каждый домъ, какъ въ старыхъ добрыхъ знакомыхъ. Къ моему изумленію, городъ нисколько не измѣнился, только по манію волшебнаго жезла или лучше сказать по прихоти Перовскаго возникъ около Караванъ-Сарая обширный паркъ, созданный на песчаной равнинѣ трудами башкирѣ.

Я остановился у дяди своего, ветерана польской и турецкой кампаній, майора Балагурова, служившаго тогда смотрителемъ госпиталя, и, отдохнувъ немного, поѣхалъ съ теткою въ крѣпость, чтобы повидаться съ родными. Подѣвзжая къ воротамъ, мы встрѣтили запряженную парой въ дышло огромную долгушу или по-оренбургски «карандашъ», на которой сидѣло нѣсколько дамъ и адъютантовъ—это каталось семейство начальника штаба корпуса генерала Бутурлина. Посмотрѣвъ съ интересомъ на курьезный экипажъ, я поѣхалъ далѣе, не подозрѣвая, что въ числѣ другихъ на этой долгушѣ сидѣла тогда и будущая моя жена. Живю я устроился въ Оренбургѣ и нанялъ квартиру рядомъ съ институтомъ.

Оберъ-квартирмейстеромъ былъ тогда мой товарищъ по курпусу, полковникъ Дандевиль, принявшій меня какъ стараго коллегу по-родственному; отъ него я поѣхалъ къ Бутурлину. Олицетвореніе доброты и полной русской патріархальности, генералъ принялъ меня чуть не въ одной рубашкѣ, не зная, куда дѣваться отъ жара при своей страшной полнотѣ; я сразу почувствовалъ себя какъ дома и тотчасъ же познакомился съ его супругой, урожденной донской казачкой Власовой.

Прошло нѣсколько дней—былъ посланъ особый докладъ къ Перовскому, въ которомъ испрашивалось, когда ему будетъ угодно принять меня, и въ назначенный день и часъ я предсталъ предъ корпуснымъ командиромъ. То, что я увидѣлъ, было уже одною тѣнью когда-то бывшаго красавца. Перовскій сидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, одѣтый въ фантастическій, имъ же придуманный башкирскій сюртукъ, дышалъ тяжело и едва говорилъ. Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ о Крымской кампаніи, онъ мановеніемъ руки отпустилъ меня такъ же сурово и сухо, какъ и принялъ. Перовскій помѣщался тогда въ бель-этажѣ губернаторскаго дома, а внизу жила родственница его, графиня Толстая, съ перезрѣлой дочерью, братъ которой, извѣстный Илюшка Толстой, былъ начальникомъ штаба Оренбургскаго казачьяго войска <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи начальникъ пограничной стражи и сенаторъ.

Правителемъ канцеляріи при Перовскомъ былъ тогда Кудрявцевъ (впослѣдствіи директоръ департамента министерства финансовъ), но всѣми дѣлами по гражданской части орудовали уфимскій губернаторъ, позже сошедшій съ ума Яковъ Ханыковъ, и предсѣдатель пограничной комиссіи, бывшій профессоръ Петербургскаго университета (впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати) В. В. Григорьевъ. Послѣдній писалъ почти всѣ важныя бумаги Перовскому, который на старости лѣтъ до такой степени сдѣлался педантомъ въ служебной перепискѣ, что ни одной бумаги не оставлялъ безъ собственноручной поправки. Всѣми военными дѣлами заправлялъ дежурный штабъ-офицеръ майоръ Рейтернъ (братъ министра финансовъ) и, признаться сказать, дѣлалъ по этой части все, что хотѣлъ. Комендантомъ былъ тогда генералъ Ладыженскій—старый офицеръ генеральнаго штаба, первый проникшій съ нашею духовною миссіею въ Китай и снявшій единственный въ свое время планъ Пекина.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Оренбургъ, я сталъ какъ свой среди радужной и доброй семьи Бутурлиныхъ, гдѣ мы всегда бывали съ товарищемъ по генеральному штабу—Лаштевымъ. Черезъ два мѣсяца я сдѣлалъ предложеніе старшей дочери Бутурлина, а въ январѣ 1857 года была наша свадьба. Женившись, мы поселились въ 2-хъ небольшихъ комнаткахъ во дворѣ казеннаго дома, занимаемаго моимъ тестемъ, что было очень кстати, такъ какъ мы начали семейную нашу жизнь съ 16 рублями въ карманѣ. Каждое утро я работалъ въ штабѣ, гдѣ былъ старшимъ адъютантомъ, а вечера большею частью проводилъ въ бесѣдѣ съ тестемъ, человекомъ любознательнымъ и неистощимымъ рассказчикомъ. Болѣзнь жены заставила меня наступившею весною ѣхать на Сергіевскія минеральныя воды, что было легко устроить, такъ какъ я въ то же время получилъ приказаніе заняться составленіемъ военно-статистическаго описанія Самарской губерніи.

Сообщ. Н. Н. Длуская.

(Продолженіе слѣдуетъ).







## Изъ воспоминаній бывшаго гвардейскаго офицера.

Кончина императора Николая и востшествіе на престолъ Александра II.—  
Празднованіе столѣтія л.-гв. Гренадерскаго полка.—Крестьянская реформа.

**В**ъ 1855 году я имѣлъ честь состоять полковымъ адъютантомъ л.-гв. Гренадерскаго резервнаго полка <sup>1)</sup>. Въ этомъ году скончался императоръ Николай Павловичъ, и вступилъ на престолъ бывшій главнокомандующій гвардейскими и гренадерскимъ корпусами наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Многія обстоятельства этихъ достопамятныхъ событій сохранились свѣжо въ моей памяти, и я желаю подѣлиться своими воспоминаніями какъ со всѣми интересующимися этимъ достопамятнымъ временемъ, такъ въ особенности съ близкими всегда моему сердцу, полковыми товарищами давно прошедшаго и настоящаго времени. Тогда праздновалось столѣтіе, а скоро, въ 1906 году, предстоить торжество 150-лѣтія нашего славнаго полка.

Въ четвергъ, 17-го февраля 1855 года, вся полковая семья наша собралась вечеромъ у полковаго казначея К... Часу въ 11-мъ подали мнѣ полученный въ канцеляріи экстренный конвертъ изъ штаба главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскимъ корпусами съ надписью: секретно, въ собственныя руки полковаго командира.

<sup>1)</sup> Съ выступленіемъ въ 1854 году гвардіи въ походъ къ западнымъ предѣламъ Имперіи въ 3-хъ баталіонномъ составѣ, въ Петербургѣ остались четвертые резервные баталіоны, которые, съ прибытіемъ безсрочно-отпускныхъ и новобранцевъ, были развернуты въ особые полки сперва двухбаталіоннаго, а къ зимѣ того же года трехбаталіоннаго состава, съ наименованіемъ ихъ резервными полками, съ назначеніемъ особыхъ командировъ полковъ, а также начальниковъ дивизій и командира гвардейскаго резервнаго корпуса, съ отдѣльными штабами, какъ дивизіонными, такъ и корпуснымъ.

Я представилъ конвертъ бывшему здѣсь же полковнику Б. П. Преженцову, который, прочтя въ сторонѣ бумагу и подзвавъ меня, объявилъ, что штабъ требуетъ немедленной присылки полковаго адъютанта. Мы оба были въ полнѣйшемъ недоумѣніи, что могло вызвать такое экстраординарное требованіе въ ночное время; Б. П. Преженцовъ сказалъ мнѣ, что онъ спать не будетъ до моего возвращенія, какъ бы поздно оно ни послѣдовало; послѣ чего я незамѣтно вышелъ и отправился. Каково же было мое удивленіе, когда, по прибытіи въ штабъ, куда почти одновременно со мною прибыли адъютанты всѣхъ расположенныхъ въ Петербургѣ гвардейскихъ полковъ, начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ Витовтовъ объявилъ намъ, что императоръ опасно занемогъ, при чемъ пригласилъ насъ идти съ нимъ въ Зимній дворецъ для полученія предварительныхъ распоряженій и передачи ихъ въ полки. Придя во дворецъ, генералъ Витовтовъ оставилъ насъ въ одной изъ залъ, а самъ направился дальше къ внутреннимъ покоямъ.

Теперь, по прошествіи полувѣка, я хорошо помню о томъ поразительномъ впечатлѣніи, какое произвело на насъ это роковое извѣстіе. Какъ! государь, котораго мы всѣ видѣли полнымъ силъ и здоровья, за два дня, во вторникъ 15-го числа, въ Михайловскомъ манежѣ на отправленіи маршевыхъ баталіоновъ для укомплектованія дѣйствующихъ полковъ, вдругъ опасно занемогъ, и не какою-нибудь опасною болѣзнью, а простымъ гриппомъ. Тогда подъ этимъ наименованіемъ считался осложненный насморкъ съ кашлемъ, и никому въ голову не приходило, что при гриппѣ можетъ послѣдовать такой печальный исходъ.

Полные недоумѣнія, мы блуждали, въ угнетенномъ настроеніи духа, по тускло освѣщенной залѣ дворца, едва переговариваясь нѣсколькими словами. Черезъ четверть часа возвратился Витовтовъ и передалъ намъ нѣкоторые распоряженія для сообщенія въ полки съ приказаніемъ немедленно возвратиться. Былъ уже второй часъ ночи, когда мы разѣхались и передали печальную новость. Полковой командиръ нашъ до того былъ ею пораженъ, что едва могъ придти въ себя. Къ 3 часамъ мы были опять во дворцѣ; второе приказаніе уже ожидало насъ; передавъ его въ полки, мы возвратились опять во дворецъ около 5 часовъ утра. Все, что сообщалось, было совершенно секретно, и можно только сказать, что приказанія имѣли характеръ весьма тревожный; чувствовалось, что катастрофа приближается. Дворецъ все еще былъ мрачный, и никто не пріѣзжалъ; изрѣдка только проходили мимо насъ смущенныя особы царской фамиліи; но къ 6 часамъ начали собираться понемногу высокопоставленныя лица наши и дипломатическаго корпуса. Насъ, адъютантовъ, все еще не отпускали, и въ 8-мъ часу послѣдовало приказаніе служить молебны о здравіи императора въ полковыхъ манежахъ, а адъютантамъ опять возвратиться во дворецъ.

Около 10 часовъ утра 18-го февраля мы застали уже тамъ большое число лицъ, ежеминутно увеличивающееся. Наконецъ, въ началѣ втораго часа по полудни распространилась по дворцу роковая вѣсть о кончинѣ императора. Что тогда произошло, трудно описать: всѣ потеряли головы; движеніе, суета страшная, многіе плакали, бросались даже въ кабинетъ покойнаго императора, и хотя никто этому не препятствовалъ, но тамъ царствовало полное благоговѣніе передъ спокойнымъ лицомъ почившаго, отъ котораго только-что отлетѣла рыцарская душа его.

Мы тотчасъ получили приказаніе, чтобы командиры полковъ прибыли во дворецъ для принесенія присяги новому императору. Когда я выѣзжалъ изъ дворца, то вся площадь была наполнена народомъ, и со стороны бывшей разводной площадки <sup>1)</sup>, между дворцомъ и адмиралтействомъ, раздавались шумные возгласы. Шумѣлъ народъ. Послѣ же слышалъ, что требовали доктора Мандта, лѣчившаго покойнаго императора. Спускаясь съ дворцовой лѣстницы и едва пробираясь черезъ толпу вновь прибывающихъ, я встрѣтилъ одного знакомаго камеръ-юнкера, который спросилъ меня о состояніи здоровья государя, и когда я отвѣтилъ, что его величество уже скончался, то не только знакомый мой, но и другіе, слышавшіе мой отвѣтъ, остановились, какъ громомъ пораженные; такъ всѣ были озадачены отъ полной неожиданности событія.

Передавъ послѣднее приказаніе, мы остались въ полкахъ, а часа черезъ два съ половиной, присягнувшій полковой командиръ возвратился изъ дворца и привелъ къ присягѣ полкъ.

Новое царствованіе началось!

Черезъ день, 20-го февраля, гвардейскимъ офицерамъ было приказано прибыть въ Зимній дворецъ къ часу дня; всѣ собраны были по полкамъ въ одномъ залѣ. Государь съ малолѣтнимъ наслѣдникомъ, покойнымъ Николаемъ Александровичемъ, вошелъ въ залъ и сказалъ, что прощается съ нами, какъ главнокомандующій, и встрѣчаетъ насъ, какъ императоръ. Долго онъ говорилъ и, наконецъ, прочиталъ выдержку изъ завіщанія императора Николая I-го, въ которомъ покойный въ особенно теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ за службу свою славную, вѣрную гвардію. Тутъ голосъ государя дрогнулъ, и на глазахъ его показались слезы. Его благородная, изящная наружность, необыкновенно трогательное выраженіе лица и звучный, мягкій, симпатичный голосъ до того наэлектризовали офицеровъ, что они пали на колѣни, замахали суданскими, бывшими на прежнихъ каскахъ, и съ неумолкаемыми криками «ура!» бросились къ нему, а маленькаго наслѣдника подхватили на руки, такъ какъ около государя образовалась страшная тѣснота; возвратиться

<sup>1)</sup> Нынѣ садъ передъ Зимнимъ дворцомъ.

къ той двери, изъ которой вышелъ къ намъ, онъ уже не могъ; огромная толпа офицеровъ оттѣснила его, и онъ едва могъ пробраться уже въ противоположную дверь зала. Минута была незабываемо-торжественная, въ которую выразилась вполнѣ та безпредѣльная любовь, какую умѣлъ внушить къ себѣ бывший нашъ главный начальникъ, принимавшій тяжкое бремя царствованія въ ужасный моментъ, переживаемый Россією, тѣсною всей Европой.

Не буду останавливаться на подробностяхъ довольно продолжительныхъ печальныхъ церемоній и самаго погребенія усопшаго императора; все это достаточно извѣстно. Замѣчу только, что особенно трогательно было видѣть на панихидахъ во дворцѣ и въ Петропавловскомъ соборѣ прощаніе вдовствующей императрицы съ нѣжно-любимымъ ею супругомъ и удрученное состояніе новаго императора.

Къ зимѣ 1855 года 2-я гвардейская резервная дивизія была передвинута въ Москву, гдѣ и оставалась до расформированія ея въ 1856-мъ году по окончаніи войны и коронаціонныхъ торжествъ.

30-го марта 1856 г. исполнялось столѣтіе со дня основанія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и за нѣсколько дней до этого числа императоръ Александръ II пожаловалъ въ Москву для присутствованія при юбилейномъ празднованіи полка. вмѣстѣ съ его величествомъ прибылъ новый командиръ гвардейскаго резервнаго корпуса, генералъ-адъютантъ князь А. И. Барятинскій, будущій намѣстникъ Кавказа. Государь былъ особенно милостивъ и въ очень хорошемъ расположеніи духа, вѣроятно потому, что состоялось перемиріе подъ Севастополемъ.

Наконецъ наступилъ знаменательный для лейбъ-гренадеръ юбилейный день. Парадъ былъ назначенъ въ большомъ московскомъ манежѣ, куда къ 10<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часамъ утра прибылъ полкъ со старыми боевыми знаменами, а вновь даруемыя стояли у церкви манежа. Я долженъ былъ явиться къ 12 часамъ во дворецъ и поздравить его величество—шефа нашего—съ исполнившимся столѣтіемъ полка. Представляющихся было очень много и между прочими отдѣльной группой стояли губернскій и уѣздные предводители московскаго дворянства. Въ приѣмномъ залѣ былъ также кн. Барятинскій, который и поставилъ меня первымъ у двери, изъ которой его величество долженъ былъ выйти къ представляющимся. Вскорѣ государь вышелъ въ нашемъ мундирѣ и, на произнесенное мною поздравленіе съ днемъ совершившагося столѣтняго юбилея полка, изволилъ милостиво отвѣтить:

— Я тоже поздравляю и благодарю за службу,—при чемъ удостоилъ меня объятіемъ и поцѣлуемъ.

Государь началъ приѣмъ представляющихся, и когда онъ подходилъ къ предводителямъ дворянства, то кн. Барятинскій приказалъ мнѣ ѣхать къ полку и объявить, что его величество сейчасъ прибудетъ въ

манежъ. Только-что я передалъ это приказаніе и, надѣвъ бывший въ то время принадлежностію фронтовой формы нагрудный знакъ, сталъ на свое мѣсто у музыки, какъ вскорѣ взошелъ государь и, обойдя фронтъ, приказалъ приступить къ церемоніи освященія новыхъ знаменъ, которую совершалъ претопресвитеръ Бажановъ. Отъ него, по окончаніи богослуженія, знамена принялъ колѣнопреклоненный командиръ полка и черезъ меня передалъ ихъ знаменщикамъ, съ которыми я обнесъ ихъ передъ фронтомъ полка при громогласномъ «ура!». Затѣмъ слѣдовало прохожденіе полка церемоніальнымъ маршемъ, и его величество, выразивъ полковому командиру полнѣйшую благодарность за парадъ, изволилъ отбыть изъ манежа. Въ тотъ же день былъ большой обѣдъ во дворцѣ, при чемъ за царскимъ столомъ сидѣли, кромѣ министра императорскаго двора и корпуснаго нашего командира, исключительно офицеры полка: по правую сторону императора прежде служившіе, а по лѣвую—бывшіе въ то время въ составѣ полка по старшинству. Министръ двора и князь Барятинскій сидѣли противъ государя, а рядомъ съ послѣднимъ было назначено мѣсто полковому адъютанту; всѣ остальные, къ обѣду приглашенные, не принадлежащіе къ полку, какого бы ни были высокаго ранга, помѣщались за другими столами. Во время обѣда играла музыка нашего полка и играла очень хорошо. Когда государь узналъ, что музыканты учились всего одинъ годъ, то особенно благодарилъ ихъ. За обѣдомъ государь нѣсколько разъ изволилъ обращаться ко мнѣ съ вопросами по исторіи полка, которую я, конечно, предварительно хорошо прочиталъ и потому въ отвѣтахъ не затруднялся. Послѣ обѣда всѣ перешли въ сосѣдній залъ, гдѣ былъ поданъ кофе; государь обращался къ намъ съ милостивымъ разговоромъ и изволилъ сказать, чтобы мы имѣли въ виду предстоящій застой въ производствѣ, такъ какъ изъ двухъ полковъ составитъ одинъ, излишніе нижніе чины будутъ уволены въ безсрочный отпускъ, а офицеры всѣ поступать въ одинъ полкъ. Тогда я сказалъ, что мы служили въ войскахъ, когда въ томъ надобность была, а теперь, по окончаніи войны, вѣроятно многіе тоже попросятся въ безсрочный отпускъ. На это государь отвѣтилъ:

— Вижу, куда ты собираешься,—и, отведя меня немного въ сторону, изволилъ спросить:—слышалъ ты, что я говорилъ сегодня московскимъ предводителямъ дворянства?

Я отвѣтилъ, что долженъ былъ уѣхать къ полку, и потому мнѣ не удалось самому слышать, но что рѣчь его величества предводителямъ была настолько знаменательна, что я еще до обѣда узналъ о ней и преклоняюсь передъ мудрымъ начинаніемъ великаго монарха. Государь улыбнулся и сказалъ:

— Очень радъ за тѣхъ, кто сознаетъ необходимость предположенной мною реформы; поѣзжай и благословяся работай.

✱

И такъ великое въ исторіи Россіи дѣло освобожденія крестьянъ впервые было провозглашено императоромъ въ мундирѣ л.-гв. Гренадерскаго полка. Глубоко соболѣзную теперь, что мнѣ не пришлось дослужить до права носить этотъ мундиръ.

Въ этотъ же день въ л.-гв. Гренадерскомъ полку появилось поэтическое привѣтствіе слѣдующаго содержания:

Свершился нынѣ вѣкъ твой достойной жизни,  
Давно прославленный лейбъ-Гренадерскій полкъ!  
Служилъ геройски ты возлюбленной отчизнѣ,  
И дѣлъ твоихъ восторгъ досель въ ней не умолеъ.

\* \* \*

Едва родившійся во дни Елизаветы,  
Ты съ юныхъ лѣтъ уже былъ битвы властелинъ.  
И, помня данные отечеству обѣты,  
Съ врагами родины дрался, какъ исполинъ!

\* \* \*

И, славы полнъ, ты, взысканный Екатериной,  
Стремительно леталъ во слѣдъ ея орловъ,  
И не забылъ Кагулъ твой мечъ неотразимый,  
И помнить Измаилъ грозу твоихъ штыковъ!

\* \* \*

Но грянулъ страшный громъ двѣнадцатаго года,  
И ты, закаленный въ губительныхъ бояхъ,  
За русскій тронъ и славу русскаго народа  
Дрался—и умиралъ на отческихъ поляхъ!

\* \* \*

И русскій царь, нашъ Александръ Благословенный,  
Отъ стѣнъ родной Москвы тебя въ Парижъ водилъ,  
И,—съ нами русскій Богъ,—врагъ всюду побѣжденный  
Предъ нимъ вѣнчанную главу свою склонилъ!

\* \* \*

Свѣжа въ твоихъ сердцахъ могила Николая,  
Великій путь тебѣ онъ къ славѣ указалъ,—  
И маніемъ его, Балканы низвергая,  
Ты лавры вѣчные подъ Варною стяжалъ!

\* \* \*

Твой вѣкъ обилень былъ великими дѣлами,  
И войска русскаго ты славу сохранилъ,  
Взлелѣянный шестью державными царями,  
Для нихъ ни жизни ты, ни крови не щадилъ!

\* \* \*

Широкая лежитъ въ грядущемъ вамъ дорога  
И свѣтитъ въ дали роскошная заря!  
И то заря—надежда твердая на Бога  
И благодать нашего безцѣннаго царя!

\* \* \*

Воспрянь же прежній духъ въ твоей груди широкой!  
Сравниться съ предками усердіемъ горя,  
И жизни не щади для смерти ты высокой,  
За вѣру, родину и русскаго царя!

Этотъ геройскій духъ воспрянулъ въ послѣднюю турецкую войну, при взятіи Горняго Дубняка, когда лейбъ-гренадеры, осыпаемые градомъ смертоносныхъ снарядовъ, съ распущенными знаменами шли, какъ на ученьи, неудержимо бросились на крѣпостные валы и, вспоможествуемые измайловцами и еще нѣкоторыми полками, овладѣли этимъ стратегическимъ пунктомъ.

Скоро послѣдовало отбытіе его величества изъ Москвы, а я, въ восторгѣ отъ милостивыхъ словъ, сказанныхъ мнѣ государемъ послѣ царскаго обѣда, испросилъ себѣ трехмѣсячный отпускъ. Отправясь въ свое имѣніе Костромской губерніи, я началъ присматриваться къ предстоящей дворянству дѣятельности, разсчитывая, послѣ коронаціонныхъ празднествъ и по расформированіи резервнаго полка, ѣхать въ безсрочный отпускъ и посвятить себя сельскому хозяйству и подготовленію къ предстоящей крестьянской реформѣ.

Возвратился я изъ отпуска въ Москву въ началѣ августа. 14-го числа къ вечеру ихъ величества прибыли для священнаго коронованія, остановясь предварительно въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ въ тотъ же день послѣдовала церемонія прибитія знаменъ для гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, вновь сформированныхъ изъ гвардейскихъ резервныхъ полковъ, а также для бывшихъ на западной границѣ трехъ баталіоновъ л.-гв. Гренадерскаго полка; 16-го числа происходило освященіе и раздача этихъ знаменъ. 17-го въ 3 ч. по полудни состоялся торжественный вѣздъ въ Москву ихъ императорскихъ величествъ; 20-го былъ парадъ на Ходынскомъ полѣ огромной массы гвардіи въ двойномъ противъ обыкновеннаго комплектѣ. Блистательный обрядъ священнаго коронованія совершился 26-го августа. Погода была великолѣпная, безоблачное небо и ни малѣйшаго вѣтра.

Два солнца возшло въ этотъ день надъ Москвою; одно обыкновенное свѣтило, весь міръ оживотворяющее, другое — наше русское свѣтило, даровавшее намъ своими благотворными преобразованиями новую свѣтлую жизнь, — нашъ незабвенный царь-освободитель Александръ II. Не поддается описанію тотъ торжественный моментъ, когда императоръ въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державой, сопровождаемый своею блестящею свитою и иностранными чрезвычайными послами, поднялся на Красное крыльцо Кремлевскаго дворца и съ верхней площадки троекратно поклонился присутствовавшимъ съ присутствующими ему сердечнымъ привѣтомъ и достоинствомъ высокоблагороднаго вѣнценосца. За тѣмъ слѣдовали обѣды и балы въ Грановитой па-

латѣ, въ Александровскомъ залѣ дворца, у нѣсколькихъ иностранныхъ пословъ, въ дворянскомъ собраніи и торжественный спектакль, состоявшійся 30-го августа. Въ этотъ день нашъ полкъ занималъ караулы въ Москвѣ, а потому — и караулъ въ Большомъ театрѣ. На спектакль невозможно было попасть оберъ-офицеру, такъ какъ, при громадной массѣ лицъ высокопоставленныхъ, иностранныхъ посольствъ и придворныхъ, многіе полковники не получили билетовъ даже въ верхнихъ мѣстахъ; а потому я, съ разрѣшенія полковаго командира, самъ себя нарядилъ въ театральныя караулы. Въ то время караульный офицеръ долженъ былъ во все время спектакля находиться, въ караульной формѣ съ каской на головѣ, въ серединѣ театральнаго зала, при среднемъ проходѣ въ партерѣ, а потому я хорошо видѣлъ все торжество этого вечера. Царская фамилія помѣщалась въ средней ложѣ; по обѣ стороны ложи бель-этажа были предоставлены иностраннымъ посламъ, которые соперничали другъ передъ другомъ своими блестящими мундирами и туалетами ихъ дамъ, буквально залитыми бриллиантами; въ особенности этой роскошью отличались ложи англійскаго и австрійскаго посольствъ. Французскій посолъ гр. Морни былъ еще холостымъ, и потому въ его ложѣ дамы отсутствовали. Представленіе состояло изъ оперы «Любовный напитокъ», съ Бозіо и Лаблашъ, и балета «Маркизантка», съ Ф. Чирито и Перо.

Коронованный императоръ отбылъ въ Петербургъ, и приступлено было къ переформированію гвардейскихъ полковъ по мирному положенію въ трехбаталіонный составъ, при чемъ увольнялись домой всѣ старослужащіе нижніе чины, около трехъ тысячъ человѣкъ. На каждого слѣдовало приготовить отпускные документы и всѣ дѣла резервныхъ полковъ передать въ дѣйствующіе полки; все это было возложено на канцелярію и адъютантовъ резервныхъ полковъ. Работы было много, трудились мы безъ отдыха и, не смотря на то, я только черезъ полтора мѣсяца могъ воспользоваться разрѣшеннымъ мнѣ безерочнымъ отпускомъ и отправиться въ деревню къ новой дѣятельности.

Два года прошли въ ожиданіи великаго переворота въ жизни Россіи. Между помѣщиками понемногу распространялись слухи о предположенной эмансипаціи крестьянъ, но достовѣрнаго ничего не знали; нѣкоторымъ молодымъ дворянамъ, пріѣхавшимъ изъ столицъ, была извѣстна непреклонная воля государя къ уничтоженію крѣпостнаго права, но они не были уполномочены объявлять объ этомъ и потому ограничивались только общими разсужденіями по этому вопросу, проводя мысль о необходимости скорѣе приступить къ благому начинанію, и съ нетерпѣніемъ ожидали разрѣшенія на это верховной власти. Такіе новые взгляды не нравились большинству помѣщиковъ съ устарѣлыми понятіями; они очень горячо и въ несдержанныхъ выраженіяхъ



порицали взгляды молодежи, которая, нужно отдать ей справедливость, въ большинствѣ случаевъ старалась не раздражаться этими порицаніями, а спокойно и убѣдительно доказывать правоту своихъ стремленій на пользу меньшей братіи. Затѣмъ, послѣ долгихъ ожиданій, появился извѣстный рескриптъ государя генераль-губернатору Сѣверо-Западнаго края, генераль-адъютанту Назимову, и высочайшее разрѣшеніе приступить къ обсужденію въ собраніяхъ дворянъ назрѣвшаго вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ. Тогда пошли уже въ средѣ дворянъ открытые споры и даже распри съ постепеннымъ, впрочемъ, усиленіемъ партіи, сочувствующей предстоящей реформѣ.

Наконецъ наступило 19-е февраля 1861 года! Манифестъ монарха былъ объявленъ у насъ въ Кинешемскомъ уѣздѣ, какъ и повсемѣстно въ имперіи, на 1-й недѣлѣ великаго поста. Церкви были переполнены; всѣ съ благоговѣніемъ слушали чтеніе царскаго воззванія и при произнесеніи словъ: «Осени себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ», присутствовавшіе, какъ крестьяне, такъ и дворяне, перекрестясь, пади на колѣна, и слышались по всей церкви умиленные рыданія.

Совершилось! Моментъ былъ потрясающій; Россія обновлялась! Народъ спокойно разошелся по домамъ, и великое дѣло началось. Только люди, все это видѣвшіе, которые жили самостоятельной жизнью до Александра II и послѣ него, могутъ достаточно оцѣнить его мощную, благотворную дѣятельность на пользу Россіи.

Князь А. П. Вадбольскій.



**Высочайшій выговоръ за небрежность.**

*Циркуляръ управляющаго министерствомъ юстиціи прокурорамъ.*

31-го января 1828 г.

Государь императоръ изволилъ получить всеподданнѣйшій рапортъ московскаго губернскаго прокурора, объ арестантахъ, въ Москвѣ содержащихся болѣе года, вложенный въ первоначальный листъ черноваго такового же рапорта.

Его величество повелѣтъ соизволилъ, за сію неосмотрительность московскаго губернскаго прокурора, сдѣлать ему выговоръ въ примѣръ другимъ.

Во исполненіе таковой монаршей воли, г. статсъ-секретаремъ Муравьевымъ мнѣ сообщенной, учинивъ московскому губернскому прокурору высочайше повелѣнный выговоръ, я даю объ ономъ знать всѣмъ губернскимъ прокурорамъ, для надлежащей съ ихъ стороны осмотрительности при исправленіи обязанностей службы.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.





## М. Р. Шидловскій

(по поводу оперы „Псковитянка“).



Въ началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ свиты е. в. генераль-маіоръ М. Р. Шидловскій.

Пользуясь безусловнымъ уваженіемъ близко знавшихъ его людей, М. Р. Шидловскій, въ официальныхъ и общественныхъ сферахъ не особенно располагалъ къ себѣ своей прямолинейностью и иногда чрезмѣрною горячностью; дѣйствія его часто подвергались рѣзкой критикѣ, при чемъ не скупились награждать его не совсѣмъ лестными для него эпитетами, по поводу его вышнихъ формъ, нѣсколько напоминавшихъ военную дисциплину временъ Николая I-го.

М. Р. Шидловскій былъ фанатикомъ долга; никакія побочныя обстоятельства и соображенія не могли заставить его отклониться отъ того, что онъ считалъ прямымъ и точнымъ указаніемъ служебныхъ обязанностей, и въ этомъ отношеніи онъ представлялъ собою характерный, по тому времени, типъ.

Разъ я былъ свидѣтелемъ такого случая. Въ засѣданіи совѣта <sup>1)</sup>, цензоромъ драматическихъ сочиненій докладывалось о поступившемъ въ цензуру либретто къ новой оперѣ Римскаго-Корсакова «Псковитянка». Въ виду нѣкоторыхъ ея сценъ (вѣче, народный бунтъ), цензоръ не находилъ удобнымъ допустить постановку этой оперы въ настоящемъ ея видѣ. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось и большинство членовъ совѣта, полагавшаго предоставить цензору предложить автору сдѣлать въ либретто нѣкоторыя исключенія и измѣненія и затѣмъ вновь внести его

---

<sup>1)</sup> Я былъ тогда членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати.

на обсужденіе совѣта <sup>1)</sup>. Но одинъ изъ членовъ, гофмейстеръ Ѳ. М. Толстой (извѣстный меломанъ и критикъ) горячо вступился за оперу и сталъ доказывать крайнюю, съ художественной точки зрѣнія, нежелательность какихъ-либо измѣненій или исключеній, при чемъ сослался на великаго князя Константина Николаевича, съ которымъ, какъ онъ говорилъ, онъ видѣлся наканунѣ и который живо интересовался этой оперой и желалъ сколь можно скорѣе видѣть ее на сценѣ, при чемъ добавилъ, что и императрица, какъ ему лично извѣстно, принимаетъ въ ней живѣйшее участіе. Тутъ Шидловскій, рѣзкимъ движеніемъ повернувшись къ Толстому, отчеканилъ ему такой отвѣтъ: «Ваше превосходительство! мы здѣсь сидимъ во имя закона и обязаны въ рѣшеніяхъ нашихъ руководиться лишь соображеніями, внушаемыми исполненіемъ служебнаго долга, независимо отъ какихъ бы то ни было личныхъ вкусовъ и желаній,—откуда и отъ кого бы они ни исходили; и я счелъ бы себя въ отвѣтъ передъ государемъ, еслибъ когда-нибудь допустилъ малѣйшее отклоненіе отъ этого принципа, а ваше превосходительство я покорнѣйше просилъ бы не вносить въ наши дѣла обстоятельствъ, не подлежащихъ и не могущихъ подлежать нашему обсужденію».

Ѳ. М. Толстой сконфузился и болѣе не возражалъ.

Исторія эта въ тотъ же день стала извѣстна въ Англійскомъ клубѣ, и злые языки не преминули разнести ее со всевозможными комментаріями.

Вскорѣ послѣ этого Толстой оставилъ службу въ главномъ управленіи по дѣламъ печати; Шидловскій же назначенъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Что касается судьбы «Псковитянки», то окончательное разрѣшеніе на ея постановку состоялось уже при преемникѣ Шидловскаго, М. Н. Лонгиновѣ (кажется. въ 1872 г.), по исключеніи или измѣненіи авторомъ оперы нѣкоторыхъ ея сценъ.

П. Д. Стремоуховъ.




---

<sup>1)</sup> Вслѣдствіе сего докладъ цензора въ этотъ разъ не былъ включенъ въ журналъ засѣданія совѣта.



## Изъ воспоминаній Г. И. Мѣшкова.

Пенза въ началѣ прошлаго столѣтія. Губернаторы кн. Г. С. Голицынъ и М. М. Сперанскій. — Посѣщеніе Пензы великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. — Губернаторъ Ѳ. П. Лубяновскій. — Епископы Иннокентій (Смирновъ) и Амвросій (Орнатскій). — Вступленіе войскъ въ Пензу. — Императоръ Александръ I въ Пензѣ въ 1824 году. — Канцелярскіе чиновники, ихъ жалованье и обычай. — Провинціальныя бани и увеселенія.

Въ наступленіемъ 1815 года, когда мнѣ пошелъ шестой годъ, матери моей вздумалось самой заняться свойственнымъ этому моему возрасту образованіемъ, т. е. она начала учить меня чтенію и письму. Оба эти занятія пришлись мнѣ, такъ сказать, по сердцу; я съ восхищеніемъ думалъ о томъ времени, въ которое и я, какъ всѣ, буду читать книги. Старанія матери моей были успѣшны; когда, чрезъ полтора года, дальнѣйшее образованіе мое было передано нанятому учителю, я уже порядочно читалъ, и въ этомъ отношеніи хлопотъ учителю было не много. Не смотря на протекшіе съ тѣхъ поръ 53 года, я какъ будто сейчасъ смотрю на своего учителя: это былъ семинаристъ высокаго роста съ смуглымъ, серьезнымъ лицомъ, въ долгополомъ синемъ сюртукѣ фабричнаго сукна съ побѣлѣвшими швами. Тогда щеголей было меньше теперешняго. Звали его Иванъ Васильевичъ Іерихонскій. Видя мою охоту къ ученію, онъ и самъ занимался со мною охотно и въ тѣ четыре или пять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ былъ моимъ учителемъ, я все больше и больше получалъ пристрастіе къ чтенію. Достойный педагогъ, занимаясь со мною по три часа ежедневно, преподавалъ мнѣ катехизисъ Теофана Прокоповича, грамматику и арифметику Меморскаго; а въ послѣдній годъ своихъ со мною занятій началъ проходить со мною всеобщую исторію Шрекка и географію Пятунина. За всѣ эти труды онъ

получалъ такую плату, которая теперь покажется ничтожною и даже смѣшною, но тогда казалась изрядною: по пяти рублѣ ассигнаціями въ мѣсяцъ. Платить за меня больше и дать мнѣ высшее образованіе отецъ мой не имѣлъ возможности; а сверхъ того ему казалось, что для той карьеры, которая мнѣ предназначалась, т. е. для гражданской службы, другихъ познаній не нужно было. Я учился охотно, а чтеніе сдѣлалось господствовавшею во мнѣ страстію, и я посвящалъ ему все мое время. Свойственныхъ тогдашнему моему возрасту игрушекъ у меня никогда не бывало; я обыкновенно просилъ отца и мать, чтобы, вмѣсто игрушекъ, покупали мнѣ книги съ картинками, или эстампы, разумѣется суздальской гравировки, которые въ то время во множествѣ продавались ходившими по домамъ разнозчиками. Эти мои просьбы всегда удовлетворялись. Кромѣ того, жившая напротивъ нашего дома княжна Олимпиада Алексѣевна Чегодаева, бывшая съ нашимъ семействомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, въ день моего рожденія и именинъ, дарила мнѣ каждый годъ по нѣсколько эстамповъ. Няня моя, очень меня любившая и только недавно умершая на 80-мъ году, также меня баловала въ этомъ отношеніи и часто дарила мнѣ по одному, или по два эстампа. Изъ нихъ у меня и теперь сохраняется коллекція портретовъ тѣхъ генераловъ, которые участвовали въ войнѣ 1812—1815 годовъ. Эта страсть къ книгамъ и эстампамъ такъ во мнѣ и осталась.

Съ сосѣдями своими родители мои были въ лучшихъ отношеніяхъ. Изъ нихъ я назову Бахметевыхъ, Василя Михайловича Сабурова и Алексѣя Николаевича Загоскина; у втораго были внуки, а у послѣдняго сыновья и дочери, возрастъ которыхъ подходилъ къ моему. Но самою большою радостью было для меня, ежели мать моя брала меня съ собою, отправляясь къ Кохамъ. Но что же это были за Кохи? Личности эти, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ описанія, и я скажу о нихъ нѣсколько словъ. Оѣдоръ Андреевичъ Кохъ, полковникъ еще Екатерининской службы, былъ въ то время, когда Пензенскую губернію съ 1780 по 1796 годъ управлялъ генералъ-поручикъ Ступининъ, нѣкоторое время комендантомъ въ Пензѣ; онъ всегда былъ готовъ на рассказы о добромъ быломъ времени. Бывало, взмостясь къ нему на колѣни, рассказы эти слушалъ я съ большимъ удовольствіемъ и вниманіемъ, особо занимали меня семилѣтняя война и походы противъ турокъ. Оригиналенъ былъ его костюмъ: въ царствованіе Александра I, онъ все продолжалъ носить ту же форму Екатерининскаго времени, съ которою былъ уволенъ въ отставку. Въ свѣтлозеленомъ долгополомъ мундирномъ сюртукѣ, подбитомъ краснымъ стамедомъ, въ короткихъ казимировыхъ бѣлыхъ штанахъ, въ башмакахъ, съ незавязанными чулками, въ колпакѣ и съ длинною тростью, похожею на нынѣшнія священническія, съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ на длинной лентѣ,

этотъ почтенный 83-хъ лѣтній ветеранъ гуляетъ, бывало, по Покровской улицѣ. Костюмъ его не измѣнялся и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заходилъ къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ; по крайней мѣрѣ, онъ много разъ бывалъ въ нашемъ домѣ одѣтымъ такимъ образомъ. Сестра его, дѣвица Христина Андреевна, была не многимъ моложе. По нѣмецкому обычаю, она сама завѣдывала своею кухнею и сама же стряпала разные сладкіе пирожки и другія печенья. Они-то меня и тянули въ этотъ гостепріимный, патриархальный домъ, ежели не считать еще другаго, прибавочнаго удовольствія. У нихъ были двѣ маленькія, ученныя собачки; бывало, одну изъ этихъ собачекъ нарядаютъ въ старинный, нарочно сшитый миниатюрный мундиръ, съ шляпою и деревянною шпагою; другую въ роброндъ и фижмы. Въ этомъ нарядѣ, обѣ собачки, ходя на заднихъ лапкахъ, выдѣлывали уморительныя штуки, и я каждый разъ уходилъ отъ Коховъ съ большимъ сожалѣніемъ, потому что оба старика меня любили, баловали и кормили всякими сластями.

Къ воспоминаніямъ этой эпохи я долженъ отнести, во-первыхъ, то время, когда посланы были въ Пензу офицеры французскихъ войскъ, взятые въ плѣнъ во время отечественной войны, и потомъ, обратное слѣдованіе чрезъ Пензу на свои мѣста башкирскихъ войскъ. Въ обоихъ случаяхъ, домъ нашъ не остался безъ постояльцевъ, потому что квартирная повинность отводилась тогда въ Пензѣ натурою. Плѣнныхъ я едва помню; остался только въ памяти моей одинъ капитанъ, очень израненный. Я помню, что онъ носилъ на головѣ серебряную бляху, потому что былъ жестоко раненъ въ черепъ. Башкирскія войска я помню яснѣе, такъ какъ они проходили позже. У насъ квартировали пять или шесть нижнихъ чиновъ; но напротивъ нашего дома, у княжны Чегодаевой, квартировалъ ихъ полковникъ, котораго звали Мязить Матвѣевичъ. Не смотря на краткость пребыванія въ Пензѣ, онъ былъ у насъ нѣсколько разъ и когда собрался въ дальнѣйшій путь, то подарилъ мнѣ лукъ и колчанъ со стрѣлами, которые и теперь у меня цѣлы. Между тѣмъ, квартированіе башкиръ въ нашемъ домѣ не обошлось безъ послѣдствій: чрезъ нѣсколько дней по выходѣ изъ Пензы, одинъ изъ этихъ башкиръ бѣжалъ съ дороги и, возвратясь сюда, явился на свою бывшую квартиру и объявилъ отцу моему, что ушелъ съ намѣреніемъ креститься. Не смотря на этотъ поводъ, побѣгъ все-таки остался побѣгомъ, и отецъ мой, хотя съ сожалѣніемъ, но долженъ былъ предать бѣглеца въ полицію. Чѣмъ кончилось это дѣло, я уже не знаю.

Въ Пензѣ въ это время былъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и камергеръ князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ. Молодой, красавецъ собою, знатной фамиліи, богатый и образованный, онъ жилъ, какъ настоящій вельможа. Позднѣе я слышалъ, что, живя въ провинціи при существовавшей тогда на все дешевизнѣ, онъ, все-таки,

проживалъ здѣсь до 100 тысячъ рублей ежегодно; сумма огромная для того времени. И этому очень можно было повѣрить; балы, маскарады, благородные спектакли въ домѣ его смѣнялись одни другими, зимою или лѣтомъ, это было все равно. Князь Голицынъ и жена его были въ давнишнихъ дружескихъ связяхъ съ моею крестною матерью, генеральшею Ступишиною; и это было поводомъ къ тому, что они, бывая часто въ домѣ г. Ступишиной, близко познакомились съ моими отцомъ и матерью и почтили ихъ своимъ добрымъ расположеніемъ и вниманіемъ. На всѣ, бывавшіе въ домѣ князей Голицыныхъ праздники и удовольствія родители мои были постоянно приглашаемы, и князь всегда присылалъ за ними экипажъ, такъ какъ у нихъ своего не было. Иногда отецъ и мать мои бывали у князей Голицыныхъ и запросто; при чемъ, по желанію княгини, мать моя брала съ собою и меня. Я зналъ наизусть нѣсколько строфъ тогда только-что вышедшей въ свѣтъ баллады Жуковского: «Людмила». Бывало, князь, посадивъ меня къ себѣ на колѣни, говорилъ: «ну, тезка, читай Людмилу!» И я читалъ; а за то мнѣ всегда готова была награда въ видѣ конфетъ.

Въ мартѣ 1815 года семейство наше увеличилось еще слѣдующимъ образомъ: У матери моей была младшая сестра, дѣвица Вѣра Федоровна Ложкина. Она воспитывалась въ Москвѣ, въ пансіонѣ и, окончивъ свое образованіе, до 17 лѣтъ своего возраста жила въ Тамбовской губерніи, въ домѣ тамошней помѣщицы, Анны Ивановны Языковой. Мать моя просила отца выписать молодую дѣвушку сюда, чтобы жить вмѣстѣ. Я, какъ ребенокъ, ничего объ этомъ не зналъ; но въ одинъ день (это было въ воскресенье), когда отецъ куда-то отправился, а мать, бывшая на послѣднихъ дняхъ беременности, была у обѣдни, вдругъ во дворъ нашъ явился дорожный экипажъ, и вышедшая изъ него молодая, очень красивая, блондура дѣвушка, вошедши въ комнаты, расцѣловала меня и брата моего и объявила, что она наша тетка. Вскорѣ отошла обѣдня, и мать моя возвратилась; но радость свиданія съ сестрою, послѣ долгой разлуки, едва не обошла ей дорого. Тетка моя, желая сдѣлать матери сюрпризъ, спряталась за дверь; когда мать моя вошла въ комнату, тетка вдругъ бросилась ей на шею, и взволнованная испуганная этимъ мать упала безъ чувствъ. Дня черезъ три послѣ этого, 21-го марта, родилась сестра Агния Ивановна, восприемниками которой были тѣ же г.г. Ступишина и Бахметевъ и я, съ дѣвицею Мареею Ефимовною Чемесовою. Мнѣ было 5, а кумѣ моей 24 года отъ роду.

Родители мои, соображаясь съ своими средствами, жили скромно; поэтому, такое событіе, какъ крестинный обѣдъ, представлялось мнѣ событіемъ необыкновеннымъ. Пріѣхали всѣ кумовья: г. Ступишина, въ возкѣ, въ шесть лошадей пугомъ, какъ она ѣзжала всегда, пользуясь



правомъ генеральства и съ своимъ костылемъ (она была хрома); г. Бахметевъ въ своемъ сѣромъ фракѣ. Пришла и сосѣдка наша, княжна Чегодаева, въ неизмѣнной своей зеленой, атласной, съ высокою тульею, шляпкѣ, съ зеленымъ же перомъ. Такія шляпки носила одна только она; еще я видѣлъ только на старыхъ эстампахъ прошлаго столѣтїя. Учтивостямъ генеральши къ княжнѣ и обратно не было конца; онѣ величали другъ друга сїятельствомъ и превосходительствомъ.

Уединенный, всегда спокойный образъ нашей семейной жизни нарушался иногда, впрочемъ очень рѣдко, тѣми случаями, когда генеральша Ступишина вздумаетъ, бывало, прїѣхать къ намъ вечеромъ, чтобы, въ партїи съ моимъ отцомъ и еще съ кѣмъ-либо изъ лицъ, ей близкихъ, поиграть въ бостонъ, до котораго она была большая охотница. Подобное посѣщеніе, разумѣется, объявлялось заранѣе, и когда наставалъ торжественный день, Боже мой! что за суматоха поднималась въ нашемъ скромномъ убѣжищѣ! Зеркала, висѣвшіе на стѣнахъ эстампы: «Вертеръ и Шарлотта» за стеклами вымывались начисто, старые фамиліные портреты въ гостиной, ломберные столы и незатѣйливая, обитая бѣлымъ съ голубыми полосами канифасомъ мебель освобождались отъ покрывавшей ихъ пыли и на два стола въ гостиной, въ ярко вычищенныхъ подсвѣчникахъ, церемоніально устанавливались четыре сальные свѣчи. Лампы были тогда рѣдкостью; о стеаринѣ не имѣли еще понятїя, а что касается до воска, то я, чрезъ нѣсколько даже лѣтъ, бывалъ на такихъ танцевальныхъ вечерахъ, гдѣ все освѣщеніе состояло тоже изъ однихъ салнныхъ свѣчей!

Или, иногда, человѣкъ 10—12 изъ короткихъ знакомыхъ, все мужчины, собирались поиграть въ карточки. Бывали случаи, что засиживались до двухъ, или трехъ часовъ за полночь; но въ какую же игру играли эти господа? Въ свои козыри и на мѣдныя деньги! Я помню, что одинъ разъ, когда мать моя и тетка были въ деревнѣ у г. Ступишиной, отецъ мой, не бывши никогда сторонникомъ поздняго сидѣнья и утомившись, оставилъ своихъ посѣтителей за карточными столами и, раздѣвшись, легъ спать. Кончивши игру, гости хватились хозяина; но онъ, уже въ колпакѣ, съ постели отвѣчалъ имъ: «я давно уже легъ, господа! Вы меня просто замучили!» Такова была простота нравовъ того времени, что эта выходка моего отца, которую теперь сочли бы обидою, была привѣтствована только однимъ громкимъ, дружескимъ смѣхомъ; гости разѣхались и разошлись безъ малѣйшаго неудовольствїя.

Весною и лѣтомъ мы пользовались еще другимъ удовольствїемъ. Домъ отца моего стоялъ на Нижней Покровской улицѣ; стоило, повернувши изъ воротъ налѣво, перейти одинъ переулокъ, чтобы потомъ, по мосту чрезъ рѣку Пензу, перебраться въ поле. Это мы всѣ, и старшіе и младшіе, называли: «идти на поляну». Компанїя, которая отправля-

лась на эту прогулку, ежедневно, ежели погода была хороша, обыкновенно состояла человекъ изъ двадцати, а иногда и больше. Тутъ кромѣ собственнаго нашего семейства бывали двое моихъ дядей съ ихъ женами и сыномъ старшаго дяди, семейство Лазаревыхъ, Федоровыхъ, Бетюцкихъ и Рихтеръ. На полянѣ рѣзвостямъ не было конца: тутъ были и хороводы, и горѣлки. Бывало, возвратясь вечеромъ домой, ложишься спать съ мыслию: «какъ бы завтра повеселиться по-нынѣшнему!»

Наступаетъ бывало, праздникъ Свѣтлаго Воскресенія. Въ пятницу на страстной недѣлѣ домъ нашъ принималъ уже праздничный видъ; въ субботу утромъ, обыкновенно подъ личнымъ надзоромъ моей матери, начинался процессъ окраски яицъ сандаломъ или шелкомъ. Но вотъ наступаетъ 10 часовъ вечера, и въ церквахъ начинается благовѣстъ «къ стоянью». Въ это время тѣ семейства, о которыхъ я упомянулъ выше, какъ объ участникахъ въ прогулкахъ, всѣ собирались къ намъ, съ тѣмъ, чтобы, не ложась спать, всѣмъ вмѣстѣ отправиться къ заутренѣ въ одну и ту же церковь. Меня, разумѣется, въ тѣсноту не брали, но все, что я описалъ выше, тѣмъ не менѣе мнѣ памятно.

Утромъ 20-го октября 1816 г., по увольненіи князя Голицына отъ должности пензенскаго губернатора, пріѣхалъ въ Пензу преемникъ его, тайный совѣтникъ М. М. Сперанскій.

Между тѣмъ, пріѣздъ новаго губернатора, прежнее высокое его положеніе и, можно сказать, слава его имени занимали умы всѣхъ: всѣ и вездѣ о немъ разговаривали. Въ нашемъ домѣ также много о немъ говорили, потому что младшій изъ моихъ дядей, Сергій Ивановичъ, служилъ въ это время въ губернскомъ правленіи секретаремъ и, стало быть, ежедневно былъ свидѣтелемъ энергическихъ, благоразумныхъ и безпристрастныхъ распоряженій Сперанскаго. Этотъ сановникъ, узнавши дядю моего короче, почтилъ его полнымъ своимъ довѣріемъ и вкорѣ исходатайствовалъ ему орденъ св. Владиміра 4-й степени,—отличіе, въ то время рѣдкое, особенно ежели принять еще въ соображеніе молодость моего дяди, который имѣлъ тогда только 29 или 30 лѣтъ.

Безпрестанные разговоры и рассказы о Сперанскомъ возбудили во мнѣ желаніе его видѣть, и я не успокоился до тѣхъ поръ, пока отецъ мой не удовлетворилъ моей просьбы взять меня къ обѣднѣ въ соборъ, гдѣ, по праздникамъ, Сперанскій бывалъ обыкновенно. Благородная, величавая и выразительная его наружность и теперь у меня какъ будто предъ глазами: я живо помню его высокій ростъ, почти лишенную волосъ голову, его взглядъ, обыкновенно въ полъ-глаза, его низкіе всѣмъ поклонъ, его синій, или иногда сѣрый фракъ съ двумя звѣздами на лѣвой сторонѣ и большой крестъ на шеѣ. Позднѣе Сперанскій былъ нѣсколько разъ и у насъ въ домѣ.

Въ сентябрѣ Пенза удостоилась посѣщенія великаго князя Михаила Павловича, въ сопровожденіи генераль-лейтенанта Паскевича, вполнѣдствіи знаменитаго фельдмаршала, князя Варшавскаго, графа Эриванскаго. Его высочество, бывъ встрѣченъ съ большою торжественностью, подѣхалъ прямо къ собору, гдѣ служба въ то время была только въ нижнемъ этажѣ, потому что отдѣлка верхняго только-что была начата, а старый соборъ, существовавшій съ 1700 года, за ветхостью, въ 1815 году, былъ разобранъ. Вечеромъ великій князь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ балъ, данный въ честь его собравшимся сюда дворянствомъ. Я видѣлъ и великаго князя и будущаго фельдмаршала; отецъ мой, отправляясь въ соборъ, взялъ и меня съ собою.

Протекли два года, и семейство наше увидѣло посреди себя новаго члена: 31-го мая 1819 г., наканунѣ Троицына дня, между вечернею и всенощною, родился братъ мой Владиміръ Ивановичъ, пятый ребенокъ моей матери. Здоровье ея было удовлетворительно; но на другой день вечеромъ, она была очень испугана пожаромъ, происшедшимъ въ осѣдной съ нашею, Верхней Покровской улицѣ. Въ Троицынъ день въ то время обыкновенно бывало народное гулянье въ такъ называемой «Очкинскоѣ рощѣ», перейдя рѣку Пензу, за городомъ. День былъ превосходный; отецъ мой, желая доставить удовольствіе мнѣ и брату Александру, отправился съ нами туда же; но каковъ же былъ нашъ ужасъ, когда, едва дошедши до мѣста, мы услышали набатъ и, оглянувшись, увидѣли, что пожаръ недалеко отъ нашего дома! Бѣгомъ возвратились мы домой, но, слава Богу, все кончилось благополучно: пожаръ скоро потушили, а испугъ моей матери прошелъ, къ счастью, безъ всякихъ для нея послѣдствій.

Въ началѣ того же мѣсяца губернаторъ Сперанскій, получивъ назначеніе генераль-губернаторомъ въ Сибирь, уѣхалъ изъ Пензы. Передъ отъѣздомъ, онъ приглашалъ отца моего на службу туда же, предлагая должность совѣтника; но отецъ, имѣя въ то время на рукахъ много частныхъ дѣлъ, прибылъ отъ которыхъ далеко превышала тогдашнее жалованье совѣтника и, бывши обремененъ большими семействомъ, что очень затруднило бы переездъ, благодарилъ генераль-губернатора, отклонивъ его предложеніе. Тогда Сперанскій пригласилъ служить въ Сибирь вышеупомянутаго моего дядю Сергія Ивановича; а онъ, не имѣя другаго семейства кромѣ жены, охотно согласился и въ началѣ слѣдующаго года, вслѣдствіе полученной имъ отъ Сперанскаго офиціально бумаги, отправился, на первый случай, одинъ, въ Томскъ, гдѣ тотчасъ же получилъ мѣсто совѣтника съ производствомъ въ чинъ коллежскаго асессора. Лѣтомъ отправилась къ нему и жена его, Александра Алексѣевна; тамъ оставались они до осени 1827 года. Довѣріе и благорасположеніе генераль-губернатора къ дядѣ

моему во все время, пока этотъ послѣдній состоялъ подѣ его начальствомъ, нисколько не измѣнились; доказательствомъ этому могутъ служить многія его письма къ моему дядѣ, которыя, по кончинѣ его въ 1859 году, я взялъ къ себѣ и доселѣ сохраняю.

Сперанскій уѣхалъ изъ Пензы 7-го мая, дождавшись прибытія назначеннаго ему преемникомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Оедора Петровича Лубяновскаго, съ которымъ издавна былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Проводы уважаемаго начальника были торжественны. Дворянство и чиновники устроили для него прощальный завтракъ, въ домѣ купца Калашникова, на берегу Суры, гдѣ былъ готовъ паромъ для переправы, потому что, по раннему времени года, рѣка только-что вошла въ берега и устройство моста было еще невозможно. Отецъ мой, отправясь на берегъ, взялъ съ собою и меня; такимъ образомъ я, 9-ти лѣтній мальчикъ, былъ свидѣтелемъ отъѣзда и проводовъ знаменитаго государственнаго сановника.

Около этого же времени престарѣлый нашъ епископъ Аѳанасій былъ уволенъ, по желанію его, на покой; преемникомъ ему назначенъ былъ извѣстный своею ученостію и краснорѣчіемъ Иннокентій (Смирновъ). Принявъ поставленіе въ этотъ санъ, преосвященный Иннокентій пріѣхалъ въ Пензу, какъ мнѣ помнится, или въ концѣ мая, или въ началѣ іюня; но, къ сожалѣнію, жителямъ Пензы не долго пришлось увлекаться и наслаждаться краснорѣчіемъ новаго архипастыря и удивляться его святой жизни; пріѣхавши сюда уже сильно больнымъ, онъ скончался 10-го октября того же года 35-ти лѣтъ отъ роду. Я нѣсколько разъ видѣлъ его въ служеніи и одинъ разъ на экзаменѣ въ семинаріи; наружность его у меня въ свѣжей памяти. Тѣло его погребено въ склепѣ подѣ соборомъ; надѣ нимъ иждивеніемъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской поставленъ незатѣйливый памятникъ. Не смотря на протекшее съ тѣхъ поръ полустолѣтіе, уваженіе пензенскихъ жителей къ памяти почившаго такъ велико, что ни одинъ почти день не проходитъ и теперь безъ того, чтобы кто-либо изъ нихъ не просилъ отслужить надѣ гробницею панихиды. Во многихъ домахъ, какъ и у меня, есть его портреты. На мѣсто его пріѣхалъ въ началѣ слѣдующаго года также извѣстный своими духовно-историческими сочиненіями преосвященный Амвросій (Орнатскій). Это былъ человѣкъ страннаго, строптиваго и неуживчиваго характера, не пользовавшійся потому пріязнію жителей, въ совершенный контрастъ искренней любви и глубокому уваженію, которыми пользовался его предшественникъ...

Въ отсутствіе моей матери, въ октябрѣ, или въ ноябрѣ, теперь уже не помню хорошенько, въ Пензенскую губернію прибыла для квартированія 5-я дивизія 2-го пѣхотнаго корпуса, подѣ командою генераль-

лейтенанта Ивана Федоровича Эмме. Собственно въ Пензѣ расположился дивизионный штабъ и часть Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка, командиромъ котораго былъ полковникъ Александръ Андреевичъ Габбе, еще молодой человѣкъ. Но начальнику дивизіи было лѣтъ 70, или около того; генеральскій чинъ онъ получилъ, какъ въ послѣдствіи времени самъ мнѣ говорилъ, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины Второй. Не смотря на свои лѣта, онъ былъ невѣроятно бодръ и пользовался крѣпкимъ здоровьемъ. Покрытый звѣздами и крестами, съ крашеными волосами, онъ на балахъ нерѣдко открывалъ танцы вальсомъ; а о кадрилихъ и экосезахъ я говорить уже нечего. Онъ оставилъ службу въ 1825 году; на мѣсто его поступилъ генералъ-маіоръ, а послѣдствіи генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Юшковъ, а въ 1826 г., дивизія выступила изъ Пензенской губерніи.

Вступленіе въ губернію войскъ произвело здѣсь общее волненіе. До того, кромѣ внутренней стражи и проходившихъ воинскихъ командъ, войскъ никакихъ и никогда здѣсь не бывало на постоянномъ квартирваніи. Жители (говоря вообще) любовались воинами и въ особенности гренадерами, которыхъ было въ каждомъ полку, кромѣ егерскихъ, по одному баталіону. И дѣйствительно, тутъ было чѣмъ любоваться. Молодцы собою, всѣ большаго роста, съ усами, въ киверахъ съ кутасами и вишкеттами, съ высокими, почти аршинными султанами, эти воины, изъ которыхъ одни сражались при Смоленскѣ и Бородинѣ, другіе видѣли Парижъ, при парадахъ и разводахъ казались «ходячимъ лѣсомъ». Высшій классъ общества интересовался офицерами, изъ которыхъ многіе были людьми богатыми и хорошо образованными, даже служившими прежде въ гвардіи, но переведенными въ армію вслѣдствіе извѣстныхъ безпорядковъ въ Семеновскомъ полку. Молодежь изъ служившихъ въ присутственныхъ мѣстахъ чиновниковъ, любясь на офицерскіе мундиры, шарфы съ кистями и брюки съ красными лампасами, сходила съ ума отъ желанія вступить въ военную службу; многіе и вступили, въ томъ числѣ двоюродный братъ мой Николай Алексѣевичъ, который, состоя въ гражданской службѣ и имѣя уже первый классный чинъ, поступилъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ юнкеромъ.

Наступившій затѣмъ 1824 годъ былъ ознаменованъ важнымъ для здѣшняго края событіемъ. Со времени основанія Пензы въ 1666 году, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, городъ этотъ не былъ еще удостоенъ посѣщенія особъ коронованныхъ. Но въ этомъ году государю императору Александру Павловичу угодно было назначить Пензу сборнымъ пунктомъ для личныхъ смотровъ и маневровъ войскъ всего 2-го пѣхотнаго корпуса. Понятно, что и въ военномъ, и въ гражданскомъ вѣдомствѣ поднялась страшная суматоха; приготовленіямъ и распоряженіямъ не было конца. Дворянство предположило выстроить на

\*

Соборной площади, противъ корпусовъ присутственныхъ мѣстъ, огромную деревянную, крытую желѣзомъ галерею, намѣреваясь дать въ честь державнаго гостя балъ. Къ исполненію было приступлено тотчасъ же, и мѣсяца чрезъ два зданіе было готово. Въ немъ могло помѣщаться до 1.500 человекъ. Огромныя колонны украшали фасадъ. Между тѣмъ начали собираться понемногу войска; они состояли изъ 4-й, 5-й и 6-й пѣхотныхъ дивизій, въ каждой изъ которыхъ было по шести полковъ; изъ гусарской дивизіи, гдѣ были четыре полка: Изюмскій, Павлоградскій, Иркутскій и Елисаветградскій, и одной дивизіи артиллерійской. Командирами пѣхотныхъ дивизій были генераль-адъютанты Сипягинъ и Потемкинъ и генераль-лейтенантъ Эмме; гусарскою дивизіею командовалъ генераль-маіоръ Леонтьевъ; артиллерія была подъ командою генераль-лейтенанта Игнатьева. Корпуснымъ командиромъ былъ генераль-отъ-инфантеріи князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, георгиевскій кавалеръ второй степени, родной племянникъ Суворова. Когда войска собрались, пріѣхалъ главнокомандовавшій 1-й арміею, графъ Сакенъ, съ начальникомъ главнаго штаба этой арміи, генераль-лейтенантомъ барономъ Толемъ (впослѣдствіи генераль-отъ-инфантеріи и графъ) и начальникомъ артиллеріи, генераломъ-отъ-артиллеріи, княземъ Яшвилемъ. Еще до прибытія государя, начались предварительныя смотры и, такъ сказать, репетиціи маневровъ, хотя эти послѣдніе, какъ оказалось впослѣдствіи, ни къ чему не повели:—государю угодно было произвести маневры по собственному предначертанію и безъ предварительной для нихъ программы.

Велико и невиданно было для здѣшняго края количество собравшихся сюда войскъ, но въ самомъ городѣ оставались только корпусный и дивизіонные штабы; войска же были расположены вокругъ города лагеремъ, или помѣщались въ окрестныхъ селеніяхъ. Маневры, ученія, смотры и артиллерійская стрѣльба производились каждый день, чему какъ нельзя больше благопріятствовала превосходная погода, какъ будто само Небо сочувствовало радости пензяковъ видѣть здѣсь обожаемаго монарха. Отецъ мой, а иногда и мать съ теткою, не пропускали случая быть зрителями этихъ воинскихъ упражненій, я съ братомъ Александромъ также были постоянными ихъ спутниками. Въ первый разъ мирные пензенскіе жители услышали, во время артиллерійскихъ занятій, свистъ пушечныхъ ядеръ; общественный садъ, о которомъ я упомянулъ выше, былъ полонъ всякій почти день зрителями примѣрной защиты и взятія штурмомъ нашего города.

За нѣсколько дней до прибытія государя императора, жители города были зрителями церемоніи, также до тѣхъ поръ ими невиданной. Начальникъ гусарской дивизіи, генераль-маіоръ Леонтьевъ, умеръ послѣ кратковременной болѣзни; парадныя сопровождаемыя военными поче-

стями похороны его не могли не привлечь большинства жителей города. Тѣло покойнаго предположили было отпѣвать въ соборѣ; но преосвященный Амвросій, о характерѣ котораго я упомянулъ выше, никакъ на то не согласился. По его понятіямъ, нельзя было внести покойника въ храмъ, готовившійся встрѣтить императора. Наступилъ день похоронъ, но пренія все еще продолжались; кончилось тѣмъ, что обѣдня, за которою происходилъ обрядъ погребенія, началась въ первомъ часу по полудни, и все-таки не въ соборѣ, а въ мужскомъ Спасопреображенскомъ монастырѣ. Торжественность обряда, при звукѣ военной музыки, при громѣ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, произвела на жителей большое впечатлѣніе.

Но время высочайшаго въ Пензу прибытія все приближалось. Государь долженъ былъ прибыть съ тамбовскаго тракта; согласно полученному распоряженію, слѣдовало, при самомъ въѣздѣ въ городъ, приготовить помѣщеніе, въ которомъ его величество могъ бы, остановясь на короткое время, смѣнить дорожное платье. Для этого, около самой тамбовской заставы былъ избранъ домъ г. Отто, теперь уже не существующій, въ которомъ и были сдѣланы необходимыя улучшенія. У г. Отто доселѣ сохраняется кресло, служившее государю императору въ это время.

Губернаторъ Ѳ. П. Лубяновскій принималъ, съ энергическою дѣятельностію, всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы, для слѣдованія его величества чрезъ губернію и для высочайшаго пребыванія въ Пензѣ все было въ лучшемъ, по возможности, порядкѣ. Предъ домомъ архіерейскимъ нужно было что-то исправить; съ просьбою о томъ губернаторъ отправилъ къ преосвященному Амвросію полицеймейстера коллежскаго совѣтника Путяту. Это былъ человѣкъ уважаемый, но безобразный собою. Когда онъ передалъ преосвященному просьбу губернатора, присовокупивъ, что нечистота предъ домомъ не можетъ быть теперь допущена, преосвященный спросилъ его: «а куда же губернаторъ дѣнетъ твое-то безобразіе?»

Но вотъ наступилъ наконецъ ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ день прибытія государя императора. Это было 30-го августа, день тезоименитства его величества. Время, въ которое государь императоръ изволить прибыть въ этотъ день, опредѣлено не было; поэтому народъ началъ собираться къ тамбовской заставѣ съ ранняго утра, а нѣкоторые, больше запасливые и терпѣливые, пришли туда еще съ вечера, т. е. 29-го числа. Погода была превосходная; не смотря на предпоследнее число августа, было тепло и ясно, какъ въ маѣ.

На соборной колокольнѣ пробило 8 часовъ по полудни. Площадь и обширное, ведущее съ южной стороны въ соборъ крыльцо были полны народомъ. Все и всѣ ожидали, смотря и слушая съ нетерпѣніемъ. Вла-

сти гражданскія, въ полномъ парадѣ и преосвященный, въ полномъ облаченіи, съ первенствующимъ духовенствомъ, ожидали высочайшаго прибытія на послѣднихъ ступеняхъ крыльца. Графъ Сакенъ, хотя былъ Андреевскимъ кавалеромъ, имѣлъ на себѣ ленту Александровскаго ордена, потому что 30-го августа былъ кавалерскій его праздникъ. Предъ квартирою государя въ губернаторскомъ домѣ былъ почетный караулъ.

Вскорѣ, какъ перекалъ грома, слышались крики: «ура!» Это было изъясненіе вѣрноподданныческихъ чувствъ народа, который буквально, можно сказать, наполнялъ все пространство, отдѣлявшее домъ г. Отто отъ собора, хотя тутъ разстоянія никакъ не меньше версты.

У собора встрѣтили его величество епархіальный преосвященный съ духовенствомъ и губернаторъ съ губернскимъ предводителемъ и всѣми чиновниками. Выслушавъ привѣтственную рѣчь преосвященнаго и приложась въ соборѣ къ св. иконамъ, государь изволилъ отправиться на квартиру; вышелъ изъ коляски къ караулу, на флангъ котораго находились графъ Сакенъ, князь Горчаковъ, князь Яшвилъ, всѣ генералы и штабъ-офицеры. У подѣзда губернаторъ отрапортовалъ словесно о благосостояніи губерніи и поднесъ его величеству письменный о томъ рапортъ.

Вслѣдъ за тѣмъ въ тотъ же вечеръ, имѣла аудіенціи графъ Сакенъ, нѣкоторые изъ генераловъ, и представлялись всѣ генералы, всѣ полковые командиры и командиры артиллерійскихъ бригадъ. Губернатору государь изволилъ отозваться въ самыхъ лестныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ.

На другой день, 31-го августа, въ 6 часовъ утра, государь, отслушавъ литургію въ приходской церкви Св. Петра и Павла, присутствовалъ на смотрѣ войскъ. По объѣздѣ ихъ, его величество объявилъ высочайшее благоволеніе и потомъ самъ лично удостоилъ командовать. Войска проходили церемониальнымъ маршемъ. По возвращеніи на квартиру, представлялись государю епархіальный архіерей съ духовенствомъ и игуменъ Троицкаго женскаго монастыря. Затѣмъ губернаторъ представлялъ его величеству гражданскихъ чиновниковъ и губернскаго предводителя, который самъ уже представлялъ пензенское дворянство; наконецъ, губернаторъ представлялъ иногородныхъ дворянъ, Пензенское городское общество и депутатовъ отъ другихъ городовъ, съ хлѣбомъ и солью.

1-го сентября, также въ 6 часовъ утра, государь изволилъ отправиться на маневры. Съ одной стороны войска, превосходно одѣтыя, а съ другой, сонмы зрителей и множество экипажей составляли картину прелестную. Маневры продолжались 6 часовъ. Нижнимъ чинамъ за оба дня пожаловано по два рубля, по два фунта говядины и по двѣ чарки вина на человѣка.



Къ обѣденному столу его величества въ этотъ день приглашены были всѣ генералы, всѣ командиры полковъ и артиллерійскихъ бригадъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Нессельроде, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Матусевичъ, статскій совѣтникъ Северянь, губернаторъ Лубяновскій, губернский предводитель дворянства, генераль-маіоръ Кишенскій, отставной генераль-маіоръ Ланской и дѣйствительный статскій совѣтникъ Анненковъ.

2-го сентября, равнымъ образомъ въ 6 часовъ утра, государь изволилъ присутствовать у развода Невскаго пѣхотнаго полка; послѣ смотрѣлъ маневренную ѣзду полковъ 2-й гусарскій дивизіи и, наконецъ, пѣльную стрѣльбу пѣхоты и артиллеріи. Всѣ эти части удостоились высочайшаго одобренія; нижніе чины получили по рублю на человѣка, а пѣхотнымъ стрѣлкамъ назначено особенное денежное награжденіе.

Съ мѣста, гдѣ происходила цѣльная стрѣльба, государь изволилъ отправиться въ заведенія приказа общественнаго призрѣнія и въ тюремный замокъ. У дверей тюремной церкви приложился къ поднесенному священникомъ кресту, а въ больницѣ замка изволилъ съ особою подробностію разспрашивать двухъ, недавно наказанныхъ за преступленія и объ одной изъ нихъ женщинѣ далъ губернатору особое повелѣніе. Въ больницѣ приказа самъ отвѣдывалъ приготовленную для больныхъ пищу и вездѣ въ полной мѣрѣ одобрилъ чистоту и устройство.

Въ то же утро, государь, въ сопровожденіи губернатора, осматривалъ городъ, пожарный инструментъ, гимназію и временный госпиталь 2-го пѣхотнаго корпуса, одно отдѣленіе котораго помѣщалось въ Дворянскомъ домѣ.

Вечеромъ 2-го сентября, его величество удостоилъ высочайшаго присутствія балъ, данный дворянствомъ въ той галлерей, о которой я упомянулъ выше. Губернаторъ, губернский и уѣздные предводители имѣли счастье встрѣтить его величество у подъѣзда. Въ аванзалѣ государь императоръ былъ встрѣченъ супругами губернатора и губернскаго предводителя и, удостоивъ подать руку первой изъ нихъ, изволилъ войти въ залу и тѣмъ открыть балъ. Слѣдующею дамою его величества была супруга губернскаго предводителя; прочія дамы, съ которыми государь удостоилъ пройти польскій, всѣ были назначены заранее. Но тутъ встрѣтился особенный случай. Въ числѣ гостей была Софья Александровна Кушкина, урожденная Ребиндеръ, только недавно вышедшая замужъ за Андрея Андреевича Кушкина, который служилъ адъютантомъ при начальникѣ гусарской дивизіи. Красота этой молодой дамы была истинно изумительна. Государь, остановивши на ней свой взглядъ, изволилъ о ней спросить и, получивъ отвѣтъ, кто она такая, соблаго-

волилъ пройти польскій и съ нею <sup>1)</sup>). Пробывши на балѣ болѣе полутора часа, его величество отправился на квартиру, изъявивъ губернскому предводителю и дворянству въ милостивѣйшихъ выраженіяхъ признательность за угощеніе и назвавъ пензенскій балъ вторымъ послѣ московскаго.

3-го сентября, также въ 6 часовъ утра, государь во второй разъ присутствовалъ на маневрахъ. Никакой предварительной диспозиціи объявлено не было, и никто изъ генераловъ не былъ предупрежденъ о распоряженіяхъ, какія его величеству угодно было сдѣлать. Государь самъ изволилъ командовать, и движенія войскъ, до самой минуты начатія ихъ никому неизвѣстныя, совершались съ быстротою и точностію. Нижнимъ чинамъ пожаловано опять по рублю, по фунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка.

Послѣ маневровъ, продолжавшихся болѣе шести часовъ, государь изволилъ быть на обѣдѣ, данномъ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ въ устроенной для того на горѣ, въ виду города, палаткѣ. По окончаніи обѣда его величество отправился въ артиллерійскій лагерь, гдѣ, послѣ осмотра внутренняго устройства артиллеріи, всѣмъ былъ совершенно доволенъ.

Высочайшее пребываніе въ Пензѣ и въ Пензенской губерніи ознаменовано было многими щедротами: во множествѣ были розданы драгоценные подарки и денежные пособія. Городу Пензѣ, для укрѣпленія берега рѣки, пожаловано 20.000 р. ассигнаціями.

Наканунѣ отъѣзда его величества поздно вечеромъ имѣли счастье получить: князь Горчаковъ осыпанную брилліантами табакерку съ портретомъ; баронъ Толь—Александровскій орденъ; губернаторъ Лубяновскій—Владимірскій орденъ 2-й степени.

4-го сентября въ 7 часовъ утра, государь изволилъ отправиться изъ Пензы по симбирскому тракту; въ городѣ Городищахъ изволилъ покупать и въ 5 часовъ по полудни былъ уже за границую Пензенской губерніи.

Съ отбытіемъ изъ Пензы его императорскаго величества, все пришло въ прежнюю колею, объ этомъ событіи осталось одно только воспоминаніе, и теперь мало уже осталось ему современниковъ.

Въ числѣ лицъ, составлявшихъ въ то время свиту государя, былъ и вышнѣйшій генералъ-фельдмаршалъ графъ Бергъ, въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба; князь Горчаковъ, впослѣдствіи намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, былъ оберъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи, въ чинѣ полковника.

Но я забылъ сказать, что въ день прибытія его величества въ Пензу, въ устроенной для бала галлерей былъ данъ дворянствомъ

---

<sup>1)</sup> Теперь во второмъ мужу Золотарева.

большой обѣдъ, на который были приглашены весь генералитетъ и штабъ-офицеры. Во время тостовъ за здравіе государя императора и всей августѣйшей фамилии, подвезенная артиллерія гремѣла безъ умолку. Постройка галлерей и всѣ издержки на этотъ обѣдъ и балъ обошлись въ 70.000 рублей. Купечество также устроило балъ; для этого, бывшая въ городскомъ саду галлерей была нарочно перестроена съ перенесеніемъ на другое мѣсто. Государь удостоилъ принять и этотъ балъ; но когда всѣ собрались, пріѣхавшій генералъ-адъютантъ объявилъ, что вслѣдствіе полученія какихъ-то важныхъ бумагъ, требовавшихъ немедленнаго занятія, его величество быть не можетъ.

Между тѣмъ губернаторъ нашъ, О. П. Лубяновскій, видя меня въ обществѣ и, видно судя по моему росту, что я старѣе тѣхъ лѣтъ, какія имѣлъ дѣйствительно, какъ-то при свиданіи съ отцомъ моимъ спросилъ его, почему онъ не опредѣляетъ меня на службу? Отецъ воспользовался этимъ случаемъ и просилъ губернатора опредѣлить, вмѣстѣ со мною, и брата моего; но какъ ему было только 13 лѣтъ, то просилъ, чтобы онъ былъ только зачисленъ, а между тѣмъ было бы ему позволено продолжать ученіе; на что губернаторъ и изъявилъ согласіе. Это было въ послѣднихъ числахъ мая 1825 г.; отецъ написалъ намъ просьбы, я обѣ переписалъ, братъ подписалъ (еще по линейкамъ) одну изъ нихъ, и мы всѣ трое отправились (помнится, это было 30-го числа) сперва въ церковь отслужить молебенъ, а оттуда къ губернатору. Просьбы наши были приняты, и 3-го іюня мы оба опредѣлены въ штатъ губернскаго правленія копіистами. Братъ остался дома, а я на другой же день отправился на службу.

По распоряженію секретаря, Герасима Макаровича Лысова, я поступилъ въ сенатскую экспедицію, гдѣ столоначальникомъ былъ Петръ Леонтьевичъ Андреевъ, за мѣсяцъ предъ тѣмъ получившій первый классный чинъ. Наступили послѣднія числа мѣсяца, когда обыкновенно дѣлалась раскладка жалованья, и мнѣ, къ моему собственному и товарищей моихъ удивленію, за этотъ же мѣсяцъ положено жалованье десять рублей ассигнаціями, тогда какъ назначеніе жалованья новому канцелярскому служителю обыкновенно дѣлалось чрезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ службы и въ количествѣ болѣе ограниченномъ. Теперь окладъ этотъ, составляющій менѣе трехъ рублей серебромъ, показался бы ничтожнымъ и смѣшнымъ; но въ то время, когда и столоначальники правленія получали только по 33 р. въ мѣсяцъ, а высшій окладъ канцелярскихъ служителей, и то уже давнишнихъ, составлялъ 20 р. въ мѣсяцъ,—такое ко мнѣ, молодому мальчику, вниманіе произвело въ товарищахъ моихъ волненіе и зависть. Но для меня это было все равно; я, признаюсь, не помнилъ себя отъ восхищенія, имѣя въ

своемъ распоряженіи такую сумму, приобрѣтеніемъ которой былъ обязанъ собственно самому себѣ и своимъ трудамъ.

Во мнѣ было уже столько понятія, что я хорошо сознавалъ необходимость доказать мое усердіе ближайшимъ начальникамъ и держать себя на виду начальниковъ старшихъ. Я началъ съ того, что трудился, сколько былъ въ силахъ, бывая у должности неупустительно каждый день и по утру и послѣ обѣда, между тѣмъ, какъ товарищи мои иногда позволяли себѣ не приходить, кто утромъ, кто вечеромъ. Оказывая полное уваженіе старшему начальству, т. е. членамъ и секретарю, я никакъ не позволялъ себѣ пропустить какой-либо торжественный день, чтобы не побывать у всѣхъ съ поздравленіемъ, что дѣлали и другіе, старше меня. Теперь это почти вывелось и также покажется смѣшнымъ; но тогда, 75 лѣтъ назадъ, были другія понятія. Младшіе вовсе не считали за стыдъ оказывать уваженіе старшимъ, какъ считаютъ нынѣ, а я былъ въ очевидномъ выигрышѣ: усердіе мое къ службѣ хвалили и цѣнили, а старшіе начальники, вида мое къ нимъ уваженіе, и сами всегда были ко мнѣ ласковы и привѣтливы. Отца и мать моихъ это очень радовало, и первому часто приходилось слышать похвальные о мнѣ отзывы.

Едва прошли двѣ недѣли послѣ перевода моего въ губернскую канцелярію, какъ Пенза была взволнована и приведена въ глубокую горестъ сперва частнымъ, а потомъ официальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ государя императора Александра Павловича. Напрасно старался бы я описать непритворную, сердечную печаль воѣхъ и каждого, она была тѣмъ глубже, что только съ небольшимъ годъ назадъ мы видѣли его посреди насъ веселымъ, полнымъ благости и въ цвѣтущемъ здоровьѣ. Роковое извѣстіе получено было съ курьеромъ, въ понедѣльникъ 7-го декабря, утромъ, и тотчасъ же раздался съ соборной колокольни благовѣстъ большаго колокола, призывавшій къ слушанію панихиды по усопшемъ вѣнценосцѣ и къ принесенію присяги императору Константину Павловичу. Храмъ мгновенно наполнился рыдавшимъ народомъ; горе было общее. Началось богослуженіе; совѣтникъ губернскаго правленія, Степанъ Михайловичъ Поповъ, которому поручено было читать указъ Правительствующаго Сената, возвѣщавшій невозвратимую потерю, отъ слезъ, едва былъ въ состояніи окончить чтеніе. Затѣмъ, началась присяга и подписаніе присяжныхъ листовъ. Все это продолжалось очень долго; потомъ всѣ разошлись, полные невыразимой печали.

Но неисповѣдныя судьбы Всевышняго готовили для Россіи новую, никѣмъ неожиданную переменъ: чрезъ немногіе дни, еще въ декабрѣ же, новый курьеръ привезъ высочайшій манифестъ о вступленіи на престолъ государя императора Николая Павловича, а съ почтою получены подробныя извѣстія о прискорбныхъ событіяхъ 14-го декабря.

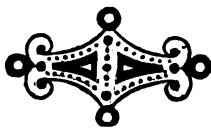
Годъ прошелъ незамѣтно; съ окончаніемъ годоваго траура по императорѣ Александрѣ Павловичѣ, общественныя удовольствія начались по-прежнему и, въ день тезоименитства императора Николая Павловича, 6-го декабря, я былъ на большомъ балѣ, данномъ губернаторомъ Лубяновскимъ. Это было первое мое появленіе въ свѣтъ и съ того времени, одинъ разъ навсегда, я получилъ отъ губернатора приглашеніе на всѣ будущіе балы и танцевальныя вечера въ его домѣ.

Балы тогдашніе не были похожи на нынѣшніе. Не было той роскоши въ нарядахъ, въ которой теперь свѣтскія дамы стараются, такъ сказать, перегнать одна другую; туалеты ихъ были не такъ затѣйливы; не было и существующаго теперь обыкновенія взаимно критиковать эти наряды. Собирались веселиться—и веселились. На балы приглашались къ 7-ми часамъ, тогда какъ теперь собираются въ 11. Конечно, и тогда къ 7-ми часамъ не собирались; но тѣ, которые прѣзжали въ 8, заставляли балъ уже начавшимся. Балы открывались обыкновенно польскимъ; затѣмъ слѣдовалъ неизбѣжный экосезъ. Потомъ начинались кадрили съ шеномъ; вальсъ, матрадуръ, попури, вальсъ-козакъ, галопъ. Танцевали иногда мазурку, но никогда не больше, какъ въ четыре пары, ежели только находились лица, умѣвшія танцевать этотъ живописный танецъ. Тогда, около танцовавшихъ собирались всѣ присутствовавшіе, оставивъ карты, потому что и дѣйствительно было что посмотреть. Это былъ настоящій балетъ; плохо танцовавшіе не рѣшались въ немъ участвовать. Но я обыкновенно былъ въ числѣ танцовавшихъ; по большей части дамами моими были или младшая дочь губернатора, или его племянница. Все оканчивалось веселымъ котильономъ и потомъ переходили къ ужину. За ужиномъ подавалось тогда и горячее, какъ за обѣдомъ: супъ и проч. Ужинали за однимъ столомъ; обыкновенія ужинать за отдѣльными столиками еще не было. Послѣ ужина танцевали иногда грессфатеръ: тутъ рѣзвостямъ и бѣготѣ конца не было. Подъ предводительствомъ первой пары, танцовавшіе весело мчались чрезъ всѣ открытыя комнаты, не ограничивая себя одною бальной залой. Было не мыслимо, чтобы кто-либо изъ присутствовавшихъ молодыхъ мужчинъ позволилъ себѣ не танцевать; не пригласить къ танцамъ оставшуюся безъ кавалера даму считалось невѣжливостію. Но не одна только молодежь участвовала тогда въ танцахъ; отъ участія въ нихъ не отказывались и пожилые, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ на гг. Жедринскаго, Бровцына, Путяту, Полякова и другихъ, хозяйева всегда разсчитывали. Между тѣмъ, каждому изъ этихъ господъ было за 50 лѣтъ; всѣ они были украшены орденами. Вообще—всякій, кто захочетъ принять на себя трудъ сравненія двухъ эпохъ, тогдашней и нынѣшней, когда молодые люди щеголяютъ отказами отъ танцевъ и невниманіемъ къ дамамъ, предпочитая имъ карты или

биллиардъ,—согласится, что въ первую изъ этихъ эпохъ жили несравненно веселѣе, нежели живутъ теперь. Мнѣ возражаютъ иногда теперь, говоря, что я сужу пристрастно и что въ старое, доброе время мнѣ было веселѣе потому только, что я былъ тогда молодъ. Съ этимъ я никакъ не соглашусь; веселѣе было просто потому, что было веселѣе, и потому, что тогда, безъ всякаго сомнѣнія, умѣли веселиться лучше нынѣшняго.

Бывало,—не говоря уже объ удовольствіяхъ большаго свѣта, молодежь обоого пола соберется въ какомъ-нибудь изъ знакомыхъ домовъ, на святки, въ маскарадныхъ костюмахъ. Чего тутъ не было? И маскарадъ, и танцы, и фанты, и гаданья. И опять здѣсь веселилась не одна только молодежь; люди серьезныхъ лѣтъ не считали себя стариками и не представляли изъ себя философовъ; они весело раздѣляли эти удовольствія, и даже сами ихъ заводили; молодымъ людямъ это нравилось и придавало имъ еще больше веселости. Спрашиваю: есть ли теперь что-либо подобное? О святочныхъ вечерахъ, маскарадахъ, гаданьяхъ, нѣтъ и помина; молодые люди, съ серьезными фізіономіями, представляютъ изъ себя мыслителей, рѣшающихъ судьбы настоящей минуты и, что еще смѣшнѣе, думаютъ, что они таковы въ дѣйствительности. Прошло незабвенное, золотое, веселое время; прошло и больше не возвратится.

Но я заговорился, увлекшись воспоминаніями; старики обыкновенно любятъ говорить о тѣхъ дняхъ, которые, много лѣтъ назадъ, канули въ Лету, и не я одинъ бываю виноватъ въ этомъ отношеніи.





## Священникъ Н. А. Мурзакевичъ,

обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 году.

У<sup>1)</sup>.



оказанія подсудимыхъ и прикосновенныхъ къ нимъ лицъ были представлены епископу Ириней, который, 15-го января 1813 года, препроводилъ ихъ съ своимъ мнѣніемъ на разсмотрѣніе архіепископа Теофилакта.

Ириней полагалъ: 1) священнику Мурзакевичу запретить священнослуженіе и удалить отъ церкви; 2) протопопу Звѣреву и священнику Соколову запретить только священнослуженіе и поступки ихъ вмѣстѣ съ поступками Великанова и Мельникова представить на разсмотрѣніе гражданского вѣдомства.

Мнѣніе еп. Ириней поражаетъ своею непослѣдовательностью и несправедливостью. Онъ вовсе не «принялъ въ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла», а только нѣкоторыя, и имъ даетъ совершенно ложное освѣщеніе; онъ не принялъ въ соображеніе ничего, что такъ или иначе клонится къ оправданію подсудимыхъ, и, наоборотъ, имѣлъ въ виду лишь тѣ обстоятельства, которыя можно было направить къ ихъ обвиненію.

Разсмотрѣвъ дѣло, архіепископъ Теофилактъ писалъ Ириней<sup>2)</sup>:

«Преосвященнѣйшій владыко, любезный братъ о Христѣ! Согласенъ я съ мнѣніемъ вашего преосвященства (о томъ, что означенное дѣло подлежитъ разсмотрѣнію гражданского правительства); но поелику на-

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

<sup>2)</sup> 16-го января 1813 г. Дѣло дух. конс., л. 59-й.

рушеніе должности судится обыкновеннымъ порядкомъ, въ уголовной палатѣ, а для разбирательства тѣхъ, кои употреблялись французскимъ правительствомъ въ разныя порученія, учреждена въ Москвѣ, по высочайшему повелѣнію, особая коммиссія, куда и главноуправляющему Смоленской губерніей, господину сенатору, калужскому гражданскому губернатору П. Н. Каверину, высочайше повелѣно отсылать всѣхъ такихъ, какого бы званія они ни были, то рекомендую вашему преосвященству учинить слѣдующее:

1) Губернскаго секретаря Н. Великанова нынѣ же препроводить къ его превосходительству Павлу Никитичу Каверину по-надлежащему, а поступокъ бывшего смоленскаго полицеймейстера Мельникова представить разсмотрѣнію и поступленію по законамъ здѣшнему губернскому правленію.

2) О свящ. Мурзакевичѣ съ протопопомъ Звѣревымъ и св. Соколовымъ, о коихъ, какъ остающихся безъ наказанія, блазнится и духовенство, и публика, по отобраніи у нихъ грамотъ и, если есть, указовъ, съ запрещеніемъ священнодѣйствія и благословенія рукою и по взятіи подписки, чтобы до рѣшенія дѣла никуда они изъ города не отлучались, представить на главное благоусмотрѣніе Свят. Прав. Синода, помѣстивъ, между прочимъ, въ своемъ представленіи и сіе обстоятельство, что протопопъ Звѣревъ, хотя въ послужномъ спискѣ одобряется за прежніе годы, но не малое падаетъ на него подозрѣніе по причинѣ связи его съ учителемъ смол. губернской гимназій Ефремовымъ, который женатъ на его дочери и былъ генеральнымъ секретаремъ во французскомъ муниципалитетѣ, здѣсь существовавшемъ, за чтѣ онъ и содержится теперь подъ стражей».

На другой день, 17-го января, подсудимымъ было официально запрещено священнослуженіе, благословеніе рукою и отлучка изъ города, и взяты въ томъ подписки. Ставленническія грамоты Мурзакевича и Соколова, по ихъ заявленію, были похищены вмѣстѣ съ прочими документами во время нашествія французовъ, а у Звѣрева вмѣстѣ съ указомъ о награжденіи скуфьею — сгорѣли при пожарѣ дома тогда же. О Великановѣ же полицеймейстеръ Цитреусъ еще до полученія распоряженія Θεофилакта сообщилъ, что онъ 16-го января по утру взять полиціей прямо изъ присутствія консисторіи и отосланъ къ подполковнику Устьянцеву для содержанія съ подобными ему подъ карауломъ; дѣло же о немъ съ приложеніемъ двухъ французскихъ подлинныхъ «пидулокъ» <sup>1)</sup> отослано къ главноуправляющему Смол. губ. П. Н. Каверину, который

<sup>1)</sup> О квартирѣ въ его домѣ и о бытіи ему членомъ муниципалитета.



чрезъ губернатора, барона К. И. Аша, препроводилъ его въ Москву, въ комиссію для разбора дѣлъ объ измѣнѣ.

Дѣло же о встрѣчѣ Наполеона съ резолюціею Ириней и отзывомъ Теофилакта было отправлено 23-го января 1813 г. на разсмотрѣніе Святейшаго Синода.

Въ началѣ іюня 1813 г. послѣдовалъ указъ Св. Синода, отъ 18-го мая, которымъ всѣ распоряженія Теофилакта по дѣлу Мурзакевича и его сослуживцевъ были утверждены. Епископу же Ириней предписывалось уѣдѣнить Синодъ о рѣшеніи по этому дѣлу гражданского начальства.

Между тѣмъ дѣло было передано въ смоленскую уголовную палату. Теофилактъ 7-го сентября уѣхалъ въ Могилевъ, а Ириней былъ перемѣщенъ въ Кіевъ съ званіемъ епископа чигиринскаго и викарія кievской митрополіи.

5-го сентября 1813 г. прибылъ вновь назначенный въ Смоленскъ епископъ Іоасафъ (Срѣтенскій), бывший викарій новгородскій. «По виду суровый, по душѣ благій»,—замѣчаетъ о немъ о. Никифоръ. Правильно о смоленской епархіи до 1821-го года и оставилъ по себѣ память «юриста, практикою усвоившаго знаніе законовъ»<sup>1)</sup>.

При немъ дѣло Мурзакевича приняло благопріятный оборотъ.

Прежде всего, смоленская уголовная палата рѣшеніемъ своимъ отъ 24-го марта 1814 г. оправдала подсудимыхъ священниковъ.

Священникъ Никифоръ Мурзакевичъ, сказано въ постановленіи палаты, кромѣ подносу имъ Наполеону просвиры, также въ другомъ ни чѣмъ не доказанъ, и по сдѣланному, по предписанію палаты, смоленскимъ полицейскимъ правленіемъ изслѣдованію, оказалось: онъ, Мурзакевичъ, во время нашествія въ здѣшній городъ Смоленскъ непріятеля, находился при раненыхъ російскихъ офицерахъ и солдатахъ съ повѣшенною на шеѣ его иконою Божіей Матери, и въ то же самое время, при разломаніи непріятелемъ архіерейскаго дома и ризницы, оную избавилъ отъ грабежа и оставилъ все въ цѣлости. А при выгнаніи непріятеля изъ Смоленска, когда вознамѣрились и Одигитріевскую церковь также разграбить и снять колокола, не допустилъ и до онаго, за чтѣ былъ битъ, дравъ за волосы и бороду.

Въ подносѣ же выпеченной просвиры, почестъ можно, послѣдовало не по чѣму иному, какъ изъ одной робости, и тогда, когда онъ несъ для больного мѣщанина, по зову коего шелъ исповѣдывать и причащать его; за чтѣ и слѣдовало

<sup>1)</sup> Истор.-стат. оп. см. еп., 143.

бы сдѣлать съ нимъ по подсудности, по правиламъ церковнымъ, какое-либо положеніе здѣшней духовной консисторіи, но, вмѣняя ему вышеписанное и запрещеніе священнослуженія и удаленіе отъ церкви съ начала производства о семъ дѣла, — также оставить свободнымъ <sup>1)</sup>).

До рѣшенія уголовной палаты всѣ подсудимые оставались безъ мѣстъ и безъ содержанія. На представленіе епископа Іоасафа послѣдоваль 8-го іюля 1814 года указъ Синода, чтобы бывшимъ подсудимымъ было разрѣшено священнослуженіе, и они были немедленно опредѣлены по церквамъ по усмотрѣнію Іоасафа. Архіерей потребоваль отъ консисторіи справку объ имѣющихся на лицо въ Смоленскѣ свободныхъ священническихъ мѣстахъ.

Пока консисторія наводила справки о праздныхъ мѣстахъ, епископъ Іоасафъ получилъ отъ члена Св. Синода, Амвросія, митрополита новгородскаго, письмо, гдѣ онъ, по порученію Св. Синода, объявляль Іоасафу, чтобы онъ бывшихъ подъ судомъ протопопа и священниковъ опредѣлиль къ тѣмъ же церквамъ, гдѣ они и прежде были, а прикомандированнымъ во время ихъ «бытія подъ судомъ» священникамъ далъ бы мѣста по своему усмотрѣнію.

Въ силу этого еп. Іоасафъ указомъ 26-го іюля приказаль: опредѣлить священника Мурзакевича къ Одигитріевской церкви.

## VI.

Такъ кончилось печальное дѣло объ измѣнѣ, въ которомъ больше всѣхъ досталось Мурзакевичу. Страданія, вынесенныя имъ за это время, оставили на душѣ его тяжелый слѣдъ. Хотя страсть къ книжнымъ занятіямъ и не угасла въ немъ, и, окончивъ «Евангельскую исторію», онъ въ 1815 г. принялся за составленіе «Жизни апостоловъ Петра и Павла», но прежней бодрости и ясности душевной онъ уже навсегда лишился.

Съ виѣшней стороны положеніе его, если не улучшилось, то и не измѣнилось: онъ сохраниль уваженіе къ себѣ лучшихъ представителей общества. Новый архіерей Іоасафъ относился къ нему благосклонно.

Въ 1816 г. 17-го мая прибыль въ Смоленскъ великій князь Николай Павловичъ. 18-го мая въ праздникъ Вознесенія, онъ слушалъ литургію въ соборѣ, потомъ посѣтилъ Воротную церковь, гдѣ передъ его пріѣздомъ возложили на чудотворный образъ Богоматери новую серебряную трехпудовую ризу. Послѣ обѣда онъ посѣтилъ школу кан-

<sup>1)</sup> Дѣло См. конс. № 50, л. 104—105.

тонистовъ на Казанской улицѣ и осматривалъ королевскій бастионъ, гдѣ генералъ Паскевичъ рассказывалъ ему ходъ сраженія 5-го августа. Сюда же былъ вызванъ Паскевичемъ, на всякій случай, и о. Никифоръ, какъ историкъ г. Смоленска. И дѣйствительно, когда Николай Павловичъ спросилъ: «кто и когда эту крѣпость устроилъ», генералъ Кутузовъ указалъ на о. Никифора, говоря: «вотъ смоленскій исторіографъ; онъ это знаетъ».

Великій князь, подойдя къ Мурзакевичу, просилъ его надѣть шляпу и, самъ надѣвъ свою, спросилъ: «когда эта крѣпость устроена, кѣмъ и по какому случаю?» О. Никифоръ рассказалъ все подробно. Кто-то изъ генераловъ спросилъ о постройкѣ собора, и на это былъ данъ обстоятельный отвѣтъ.

Генералъ Паскевичъ сказалъ великому князю:

— Этотъ батюшка былъ здѣсь на батареѣ и со крестомъ и св. водою ободрялъ солдатъ, приобщалъ раненыхъ и хоронилъ убитыхъ.

— Какъ могли вы тутъ подѣ картечами уцѣлѣть?—спросилъ великій князь.

— Онъ леталъ мимо моей шляпы, но меня не касались,—отвѣчалъ Мурзакевичъ. Для меня опаснѣе было 5-го августа быть въ шанцахъ, когда французы овладѣли офицерскою и солдатскою слободами и бросились въ шанцы въ штыки. Здѣсь я видѣлъ, какъ наши стрѣлки выгоняли французовъ изъ солдатской слободы, а граждане со стѣны бросали на нихъ камнемъ. Да и самого Наполеона я видѣлъ, на бѣломъ конѣ съ ватагою польскихъ улановъ разѣзжавшаго за Чортовымъ рвомъ.

— Этотъ батюшка,—замѣтилъ Кутузовъ,—«Смоленской исторіи» напечаталъ первую книгу, а теперь собираетъ записки и надѣется скоро вторую книгу издать.

— Скоро выдать не могу,—отвѣтилъ его высочеству Мурзакевичъ,—ибо въ книгахъ терплю нужду для усовершенствованія перваго изданія о древностяхъ города; книги, какія при первомъ изданіи были, подарилъ въ кадетскій корпусъ, а другія разграблены.

Великій князь снялъ шляпу и сказалъ:

— Благодарю васъ покорно за ваше объясненіе. А вы, отецъ мой, благословите и помолитесь объ искренно любящемъ васъ <sup>1)</sup>.

Вѣроятно, въ это время о. Никифоръ познакомился съ генералъ-майоромъ Ал. Александр. Писаревымъ. Онъ былъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа и въ это время занимался собираніемъ матеріаловъ по исторіи 1812 года, которые и издалъ въ 1817 г. подѣ заглавіемъ «Военныя письма» (2 тома, Москва). 17-го іюля 1816 года Мурзакевичъ

<sup>1)</sup> Изъ письма о. Никифора къ арх. Виктору.

по его приглашенію былъ у него въ домѣ въ с. Шиловичахъ (недалеко отъ Смоленска), рассказывалъ ему о 1812 годѣ и такъ понравился ему, что между ними возникла задушевная переписка, главнымъ образомъ, по поводу историческихъ вопросовъ. Въ своихъ письмахъ Писаревъ называетъ о. Никифора: «почтенный мой іерархъ (?) и сообщаетъ о своихъ хлопотахъ по устройству судьбы его сочиненій («Жизнь Иисуса», «Исторія откровенія») передъ княземъ Голицынымъ и т. п. Въ «Военныхъ письмахъ» Писаревъ подробно упоминаетъ о подвигахъ Мурзакевича въ 1812 г. и о его литературныхъ трудахъ.

Въ этомъ случаѣ онъ пользовался не только рассказами Мурзакевича, но и официальнымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ послѣднему генераломъ Паскевичемъ. Вотъ это свидѣтельство:

«Дано сіе Одигитріевской церкви въ г. Смоленскѣ священнику Никифору Мурзакевичу въ томъ, что дѣйствительно онъ, Мурзакевичъ, 1812-го года былъ при мнѣ во время сраженія подъ Смоленскомъ, 4-го августа на батарее въ королевскомъ проломѣ, окропляя св. водою и имѣя крестъ въ рукахъ, укрѣплялъ мужество солдатъ моихъ, сражавшихся храбро съ непріателемъ, присутствуя самъ между стрѣлками; исповѣдывалъ раненыхъ и приобщалъ Св. Тайнамъ; не щадя собственной жизни, былъ до конца сраженія подъ пулями и картечами съ малолѣтнимъ своимъ сыномъ. Я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшую обязанность за столь похвальный поступокъ довести нынѣ до свѣдѣнія начальства, ибо на представленіе мое тогда къ бывшему командиромъ г. генералу-отъ-кавалеріи Раевскому о награжденіи его онъ ничего до сего времени не получилъ. Въ чемъ за подписаніемъ и съ приложеніемъ герба моей печати свидѣтельству. Ноября 3-го числа 1816 года».

Это свидѣтельство Паскевичъ, будучи въ Смоленскѣ въ слѣдующемъ 1817 году, взялъ у Мурзакевича для представленія преосв. Іоасафу при письмѣ своемъ слѣдующаго содержанія:

«23-го іюля 1817 г. Преосвященный владыко! Командуя 26-ю пѣхотною дивизіею въ сраженіи 1812-го года 4-го августа въ Смоленскѣ и удерживая непріятеля, со стороны королевскаго пролома, отъ сильной непріятельской канонады и ружейнаго огня, я имѣлъ много раненыхъ и умирающихъ на мѣстѣ солдатъ, требовавшихъ тогда, по закону нашему, для исповѣданія и причащенія Св. Тайнъ священника. По требованію моему явился тогда со крестомъ въ рукахъ Одигитріевской церкви священникъ Никифоръ Мурзакевичъ. Исповѣдуя и приобщая Тайнами умирающихъ, примѣромъ своимъ ободрялъ стрѣлковъ и неустрасимо во все время былъ въ сраженіи съ 12 лѣтнимъ своимъ сыномъ, носившимъ за нимъ святую воду. Я въ то время представлялъ начальству о вознагражденіи его за столь примѣрный и похвальный поступокъ, но, прибывъ съ дивизіею моею въ Смоленскъ, нашелъ, что помянутый священникъ до

сего времени не вознагражденъ. Представляя о семъ вашему преосвященству вмѣстѣ со свидѣтельствомъ, мною даннымъ ему, Мурзакевичу, осмѣливаюсь утруждать ваше преосвященство моею всепокорнѣйшею просьбою о представленіи вашему высшему начальству его, Мурзакевича, за ревность къ отечеству и примѣрный поступокъ въ столь критическое время, бывшее въ 1812 году, къ награжденію, каковыхъ удостоились полковые священники, по высочайшему повелѣнію, въ подобныхъ случаяхъ. Вашего преосвященства, моего милостиваго архипастыря, покорнѣйшій слуга, Иванъ Паскевичъ».

Послѣ этого преосвященный Іоасафъ сталъ еще благосклоннѣе относиться къ о. Никифору.

Въ слѣдующемъ году, по представленію Іоасафа, о. Никифоръ былъ награжденъ изъ Синода скуфьею (это была тогда высшая награда духовенства).

Паскевичъ, вообще, относился къ о. Никифору весьма сочувственно, не разъ бывалъ у него въ домѣ, общая позаботиться объ его дѣтяхъ.

О. Никифоръ по-прежнему не оставлялъ своихъ историческихъ занятій. Такъ, въ 1817 году онъ началъ собирать бумаги о 1812-мъ годѣ. Правитель канцеляріи губернатора барона Аша, Андрей Ивановичъ Ивановскій, женатый на дочери Аша, самъ любитель отечественной исторіи, предоставилъ Мурзакевичу возможность выписывать документы на дому. По совѣту Мурзакевича Ивановскій внушилъ губернатору мысль о напечатаніи и обнародованіи воззванія ко всѣмъ сословіямъ губерніи съ приглашеніемъ разыскивать рукописи и памятники старины, описывать ихъ, особенно же записывать воспоминанія о 1812-мъ годѣ, и все это прислать губернатору.

Къ сожалѣнію, ни «благородное дворянство», ни «почтенное духовенство», ни «другихъ сословій особы» не отзывались на этотъ призывъ. Тѣмъ не менѣе Мурзакевичъ занялся описаніемъ 1812-года на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ, и въ 1820 году чрезъ старшаго своего сына Илью представилъ начало этого «Описанія» графу Н. П. Румянцеву. «Безъ помощи и пособія едва-ли я его въ окончаніе приведу», писалъ ему при этомъ о. Никифоръ. И дѣйствительно, «Описаніе 1812-го года» не было окончено, и даже въ списокъ сочиненій Мурзакевича, приводимомъ въ автобіографіи его сына Николая, не упоминается.

Въ августѣ 1818 г. Мурзакевичъ получилъ первое письмо отъ графа Н. П. Румянцева, въ которомъ онъ благодарилъ о. Никифора за высланную имъ по его просьбѣ «Исторію Смоленска» и за сообщеніе свѣдѣній о найденныхъ въ городской стѣнѣ учителемъ гимназіи Еленевымъ бумагахъ Петра Великаго и его генераловъ. Съ этого времени начинается между о. Никифоромъ и Румянцевымъ дѣятельная переписка.

\*

По порученію Румянцева Мурзакевичъ добываетъ свѣдѣнія объ авторѣ «Скиеской Исторіи», вяземскомъ священникѣ Лызловѣ <sup>1)</sup>, пересылаетъ ему рукопись «Исторіи Смоленска» іеромонаха Шупинскаго (1780 г.) и свои архивныя выписки, также «Описаніе жизни мученика Меркурія» и сдѣланный имъ рисунокъ его плема и туфлей, покупаетъ на базарѣ за 25 р. «Хронографъ»; копается въ архивахъ, ищетъ старинныхъ рукописей по монастырямъ и церковнымъ колокольнямъ, ѣздитъ за ними по уѣздамъ въ Дорогобужъ и Вязьму, въ Вяземскомъ магистратѣ отыскиваетъ 2 рукописи: «Вяземскія писцовыя книги» 7102 (1594) и 7124 (1616) г. (Волконскаго и Шпилова); гдѣ-то находитъ рукопись временъ Алексѣя Михайловича съ перечисленіемъ помѣстій Смоленскаго собора и списками съ грамотъ Алексѣя Михайловича къ разнымъ смоленскимъ воеводамъ и архіепископу Сильвестру; затѣмъ,—описаніе крѣпостей города Вязьмы съ ихъ артиллерією и т. д. Наконецъ, ѣдетъ въ Рославль описывать таможенный «Воеводскій архивъ», причисленный къ уѣздному суду.

О. Никифоръ просилъ у графа разрѣшенія посвятить ему овой трудъ «Жизнь апостоловъ Петра и Павла». Румянцевъ отказался, выразивъ, что онъ съ удовольствіемъ принялъ бы посвященіе ему какого-нибудь труда по Смоленской исторіи. Точно также Румянцевъ отказался пожертвовать что-либо для семинарской библіотеки и на бѣдныхъ бурсаковъ, такъ какъ онъ «избралъ уже себѣ кругъ издержекъ, которыя гораздо превышаютъ его средства».

За то большимъ благодѣяніемъ было для о. Никифора ходатайство Румянцева предъ А. Ив. Тургеневымъ, директоромъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, объ опредѣленіи на службу при канцеляріи его старшаго сына.

Желая быть независимымъ въ судьбѣ своихъ дѣтей отъ духовныхъ собратій, онъ воѣхъ почти своихъ сыновей направилъ по свѣтской службѣ. Въ 1825 г. преосв. Іосифъ <sup>2)</sup> даже изъявилъ ему неудовольствіе на то, что онъ чрезъ университетъ выводитъ своихъ дѣтей изъ духовнаго сословія. Въ 1828 г. епископъ Іосифъ, не получивъ отъ соборянъ на свои вопросы свѣдѣній о Чудотворной иконѣ Одигитріи, обра-

<sup>1)</sup> Эта исторія, написанная въ 1692 г., найдена была въ подлинникѣ Мурзакевичемъ въ консисторскомъ архивѣ, куда попала изъ библіотеки ректора Константина Соколовскаго. Напечатана была дважды Новиковымъ въ Москвѣ въ 1776 г. и въ Петербургѣ въ 1787 г. Розысканія и разспросы Мурзакевича, по просьбѣ Румянцева, привели его къ убѣжденію, что Лызловъ былъ священникъ, а не стольникъ, какъ напечатано въ изданіи Новикова.

<sup>2)</sup> Епископъ Іосифъ Величковскій переведенъ былъ изъ Архангельска на мѣсто Іоасафа, назначеннаго бѣлорусскимъ архіепископомъ. Правилъ Смол. епархією съ 3-го іюля 1821 г. по 17-е февр. 1834 г. „Пастырь кроткій, но болѣзненный“, говоритъ о немъ о. Никифоръ о своемъ дневникѣ.

тился къ о. Никифору. Въ теченіе трехъ лѣтъ о. Никифоръ пересмотрѣлъ и собралъ все, что было написано объ этой иконѣ у византійскихъ и русскихъ историковъ, и въ 1831 г. представилъ преосвященному рукопись подъ заглавіемъ: «Краткое историческое изслѣдованіе о чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы, называемой Смоленской» <sup>1)</sup>.

Труды о. Никифора въ 1829 г. читалъ пріѣхавшій на ревизію семинаріи инспекторъ Петербургской академіи, архимандритъ Иннокентій, докторъ богословія (впослѣдствіи извѣстный «Иннокентій Херсонскій») и одобрилъ ихъ, посовѣтовавъ только избѣгать славянизмовъ, т. е. совершенно обратное тому, что совѣтовали о. Никифору Трескинъ и другіе его критики. Ученый ревизоръ просилъ о. Никифора даже переписать для него копии съ «Четвероевангелія», «Жизни апостоловъ» и «Изслѣдованія о Смоленской иконѣ».

Это «изслѣдованіе» было послѣднею лептою Мурзакевича, принесенною имъ церкви и родному городу. Уже въ 1832 г. онъ записываетъ въ дневникъ: «Напало на меня бездѣйствіе отъ старости или дѣятельности; усталость и тупозрѣніе».

Меньше, чѣмъ черезъ два года, предчувствіе его оправдалось: проболевъ немного, онъ 8-го марта 1834 г. года тихо скончался на 65 году жизни. Наканунѣ смерти онъ переслалъ въ правленіе семинаріи 50 р. для больныхъ сиротъ-семинаристовъ и 100 томовъ книгъ въ училище дѣтей канцелярскихъ служителей (устроенное въ 1830 г. въ д. Хлѣбникова у Свирской ц.).

Отпѣвали и провожали тѣло его 11-го марта ректоръ семинаріи Леонидъ и инспекторъ Германъ съ нѣсколькими городскими священниками. Гробъ опустили въ могилу на Окопскомъ кладбищѣ (на мѣстѣ «окоповъ» Шеина) возлѣ стѣны алтаря.

Умеръ о. Никифоръ одинокимъ, такъ какъ четыре сына его находились въ разныхъ мѣстахъ на службѣ: Илья—въ Петербургѣ, въ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, Константинъ въ Тобольскѣ—врачемъ, Иванъ—въ Ригѣ полковымъ священникомъ, и Николай въ Одессѣ—преподавателемъ исторіи въ Ришельевскомъ лицѣ. Послѣдній одинъ только пріѣхалъ въ Смоленскъ въ маѣ мѣсяцѣ и принялъ наслѣдство, заключавшееся въ пяти рукописяхъ: 1) Исторія Божественнаго откровенія (хранится въ городскомъ музеѣ), 2) Псалтирь на русскомъ языкѣ (находится у старьевщика на базарѣ), 3) Житіе ап. Петра и Павла (въ епархіальной библіотекѣ), 4) Изслѣдованіе о чудотворной

---

<sup>1)</sup> Не издана. 2 экземпляра этого изслѣдованія хранятся въ епарх. библіотекѣ, въ собр. рукописей П. А. Васильева.

иконѣ Одигитріи (тамъ же) и 5) Списокъ изобрѣтателямъ (находится неизвѣстно гдѣ).

Денегъ послѣ покойнаго осталось 5.000 рублей ассигнац., скопленныхъ трудомъ и лишеніями въ теченіе долгой трудовой жизни и заключавшихся въ десяти билетахъ. Въ предсмертномъ письмѣ своемъ сыну о. Никифоръ писалъ: «Николай, ежели я умру, не выдавшись съ тобою, скажи прочимъ, что, я съ 1826-го года <sup>1)</sup> переставши вамъ помогать, самъ нужду терпѣлъ, а для васъ положилъ, сколько могъ, въ Смоленское общественное призрѣніе. По смерти, когда соберетесь, возьмите».

Деньги были раздѣлены поровну между сестрою и четырьмя братьями. Изъ книгъ часть взялъ Николай Никифоровичъ съ собою въ Одессу для проектированной его другомъ М. М. Кирьяковымъ Новороссійской библіотеки, а остальные, до 1.000 томовъ, передалъ родному городу для основанія городской публичной библіотеки <sup>2)</sup>.

«Одно обстоятельство меня порадовало—говорить Николай Никифоровичъ въ своей автобіографіи,—это рассказъ о томъ, какъ полгорода провожало покойнаго отца моего на Окопское кладбище, и какъ, по отшествіи его въ міръ лучшій, воздали должное уваженіе его дѣламъ и характеру прямому».

И. И. Орловскій.




---

<sup>1)</sup> Когда всѣ дѣти были уже выведены на дорогу и послѣдній изъ нихъ, Николай, учился на второмъ курсѣ Московскаго университета.

<sup>2)</sup> Городская библіотека, учрежденная въ 1856 г. при губерн. Ахвердовѣ подъ именемъ „Библіотеки статистич. комитета“, вся была раскрадена безъ остатка. Теперь книги съ ея штемпелемъ и наклеенными на крышкѣ переплета „правилами“ продаются у старьевщиковъ на базарѣ. Тамъ же можно видѣть и Роленя, Шрекка и др. книги изъ библ. Мурзакевича. Остатки комитетской библіотеки въ 80 годахъ были переданы въ управу, помѣщавшуюся на мѣстѣ нынѣшняго общественнаго собранія; часть ихъ сохранилась до учрежденія въ 1889 г. городской библіотеки, куда и поступила.





**Письма императрицы Маріи Феодоровны**  
**къ великимъ князьямъ**  
**Николаю и Михаилу Павловичамъ<sup>1)</sup>.**

Num. 27.

Ce Mercredi, 16 Juin 1815.

Mes bons amis, je ne puis vous écrire longuement ce soir, je souffre toute l'après-dîné d'un mal de tête hémorrhoidal des plus forts, j'ai peine à ouvrir les yeux. Je l'attribue au mauvais temps que nous avons depuis deux jours: aujourd'hui la pluie n'a pas discontinué. Bonsoir, mes enfants, le reste, s'il plaît à Dieu, à demain; je vous embrasse de tout mon coeur.

Ce Jeudi, 17 Juin.

Mon mal de tête m'a duré toute la nuit et toute la journée; je ne me suis soulagée que depuis les 4 heures, et de moment en moment cela va de mieux en mieux. Ce n'est que présentement que je peux prendre la plume en main pour jaser avec vous, mes bons amis. Le bruit court que c'est aujourd'hui que nous passons le Rhin; cette pensée peut-être a augmenté mon mal de tête, car celle de savoir le sang couler me donne une agitation inexprimable. Que Dieu veuille sur l'empereur, sur vous deux et sur tous les nôtres. J'ai à reprendre ma narration d'avant-hier après le dîner. Nous étions entre nous à l'exception de notre bon comte Miloradovitch; nous avons donc promené en ligne et avons fait le chemin de Sla-

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“, апрѣль 1903 г.

venka qui nous a bien fait penser à vous, mes amis, et à l'heureux temps où vous leviez le plan de cette situation. La pluie nous a surprises, mais la société n'en a pas été dérangée, quoique nous ayons eu aussi des éclairs. Nous avons passé la soirée sur le balcon de mon petit cabinet rond, et les gazettes nous étant arrivées, nous avons lu la description du champ de Mars. Voilà donc cette misérable nation qui proclame de nouveau le monstre dont il y a un an elle brisait les statues et pendait l'effigie. En vérité la réflexion s'arrête et l'indignation la plus profonde remplit l'âme; mais malheureusement cette scène d'exaltation donne une impulsion aux esprits pour lui, qui rendra le combat encore plus sanglant. Mes nouvelles sur la journée d'hier sont, chers enfants, que M-r de Sipâguin est venu me dire adieu, il n'a pas voulu s'arrêter, ainsi j'ai pris congé de lui dans la matinée. Vous sentez que nous avons beaucoup parlé de vous. Sa manière de penser, de voir me paraît des plus estimables, et certainement c'est une société qui je vous recommande; il me paraît vous aimer beaucoup et s'intéresser de coeur et d'âme à vous. Nous avons jasé une bonne demi-heure, il m'a promis d'être toujours bien vrai, bien sincère vis-à-vis de vous; il m'a fait vos éloges, et m'a dit entre autre qu'il avait été bien charmé de voir à plusieurs occasions que vous n'étiez pas prêts à croire au mal que vous entendiez dire des individus, mais qu'au contraire que vous les défendiez. A dîner j'ai vu le colonel Taube qui est venu de Krasno Sello pour me dire adieu. Après le dîner je l'ai fait entrer chez moi, il m'a remis l'incluse pour vous, cher Michel, et nous avons pris congé après qu'il m'ait encore bien parlé de l'attachement qu'il vous porte. Le bon vieux Zagriaski nous est arrivé de la ville après que sa femme l'avait retenu ces 4 semaines; il m'a demandé de vos nouvelles et se porte bien. Le mauvais temps nous avait conférés en chambre, et nous avons joué. Le général de Klinger est aussi des nôtres; pour aujourd'hui j'ai vu le général Tatistchef nouvellement arrivé. Votre bon Miloradovitch nous a quittés ce soir, il reviendra Dimanche et veut passer votre fête, cher Nikoche, chez moi: voilà une aimable attention. Le lendemain il part pour joindre les colonnes. Le comte et la comtesse Kotschoubel ont été des nôtres. Le temps s'est remis au beau, mais ma mauvaise tête m'a peiné deux jours très peu; mais grâce à Dieu, je me sens beaucoup mieux ce soir. Je n'ai pas de grandes nouveautés à vous dire d'ici, à l'exception de celle que notre aimable comtesse Orlof a passé la journée d'hier chez nous et est partie pour Moscou après souper; le comte Miloradovitch était très triste et abattu, et l'est encore aujourd'hui. Toutes nos pensées sont tournées sur le Rhin, et nous voudrions deviner ce qui s'y passe. On dit ici que Eugène Beauharnais s'est enfui et ne retourne en France! Cela est-il vrai? Bon-

soir, chers enfants, je me sens fatiguée et termine ces lignes en vous embrassant bien tendrement.

Ce Vendredi, 18 Juin.

Je me sens bien aujourd'hui, mes bons amis, mon mal de tête étant passé, elle ne m'est que faible encore, mais elle me paraît très forte en la comparant à son état d'hier. Je me suis promenée à pied avec Annette, elle avait déjà fait une petite tournée, mais elle a voulu faire cette seconde avec moi. Nous avons philosophé, mais en tâchant cependant de rendre notre philosophie douce, bonne, indulgente et non pas âpre et rude. Je reviens à vos lettres, chers enfants, et ne puis assez vous répéter, cher Nikoche, combien vos jugements sur Alexandrine me charment. Ils sont ceux d'un être qui cherche le bonheur véritable dans son union, qui ne veut pas la baser sur la passion, mais sur un examen réfléchi des qualités de celle à qui il veut donner la main: c'est baser votre félicité et celle d'Alexandrine que de penser et d'agir ainsi. Tout ce que vous me dites de cette intéressante et aimable jeune personne m'assure qu'elle sera bien reçue, bien vue et bien aimée chez nous; j'en augure de même une grande dose de bonheur pour moi, et par celui dont elle vous fera jouir, et par le sentiment que j'espère qu'elle me portera; quant à moi je suis très disposée à l'aimer tendrement et vous assure, cher Nikoche, que je lui porte déjà le plus vif et tendre intérêt. Il me paraît que la dame qui est près d'elle ne vous plaît guère; je voudrais que le père eût la confiance de la confier à mes soins, il ne s'en repentirait pas, et ce serait d'un bien essentiel pour la jeune personne. L'empereur vous a-t-il parlé d'elle?—D'où vient, mes bons amis, que vous ne me dites mot du bon général Konovnitzin, ni de l'honnête Sakrefski? Sipäguin m'a dit hier qu'il lui a écrit et lui a parlé de vous avec ses anciens sentiments. Faites leur mes compliments à tous deux. Informez vous chez Sakrefski, s'il est vrai qu'on publie, ou qu'on publiera, une gazette militaire au quartier général (les gazettes l'annoncent); en ce cas priez le de me l'envoyer. Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf, mes compliments à vos messieurs. Le général Achverdof, qui vient dîner chez moi quand il veut, est venu hier, il a été très réjoui de vos bonnes nouvelles et de tant de tendresse accordée à notre bon général. J'ai vu Block hier qui m'apporta ces deux petites feuilles pour vous. Joseph se porte bien et apprend bien. Vos petits finnois sont toujours les mêmes, ils ne grandissent pas, mais se portent bien; ils sont très occupés autour de nos fortifications. Je les ai fait ranger en ordre de bataille et marcher, ils me paraissent n'avoir pas démérité. Vous ai-je dit déjà que le comte Golovkin est des nôtres? Sa santé est constamment mauvaise et le force même de rester des jours entiers

chez lui; c'est bien, bien dommage. Sa femme est toujours la même et paraît étouffer, avec cela elle a un bras d'une épaisseur considérable. Voilà en vérité toutes et toutes mes nouvelles; toutes pauvres qu'elles sont, je vous les dis. Hier soir j'ai reçu une lettre du prince Paul (Nikoche, il me paraît vous voir), qui m'annonce avoir reçu son congé, qu'il a grandement et grandement mérité; il avait quitté son corps et la Russie sans permission, même l'empereur y avait encore beaucoup d'indulgence et même de la bonté. Je suis charmée de ne plus le voir à notre table, car il faisait honte à notre famille! Adieu, chers enfants, mes chers amis, que Dieu vous guide et vous maintienne dans vos principes. Veillez sur vos liaisons, relisez mes instructions et rappelez vous de mes conseils, alors la bénédiction divine reposera sur vous comme la mienné. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous aime inexprimablement.

Marie.

Tâchez de vous informer où se trouve le corps d'Eugène; on m'a dit qu'il avait eu ordre de marcher.

Miloradovitch nous a parlé hier d'un infortuné qui l'est devenu par une perte qu'il a faite d'un argent qu'il devait porter, le même jour qu'il avait perdu son enfant; il l'a perdu de sa poche; ce bon Miloradovitch fait une collecte pour lui; j'ai cru vous faire plaisir de vous y faire contribuer et j'ai ordonné à Block de donner de chacun de vos sommes quatre cent roubles: n'est-ce pas que vous m'en remercierez, mes amis!

---

Среда, 16-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Добрые друзья мои, не могу много писать вамъ сегодня вечеромъ; я страдаю сегодня съ самаго обѣда сильнѣйшею головою болью геморроидальнаго свойства и едва могу открыть глаза. Я приписываю это дурной погодѣ, которая началась со вчерашняго дня; сегодня весь день не переставая шель дождь. Прощайте, дѣти мои, напишу еще, если Богу будетъ угодно, завтра. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Четвергъ, 17-го іюня.

Головная боль продолжалась у меня всю ночь и весь день; мнѣ стало легче только съ 4-хъ часовъ, и теперь съ каждою минутою становится все лучше и лучше. Только теперь я могла взяться за перо, чтобы поболтать съ вами, добрые друзья мои. Говорять, будто мы переходимъ сегодня Рейнъ; быть можетъ, мысль объ этомъ усилила мою головную боль, такъ какъ я страшно волнуюсь, когда думаю, что кровь будетъ

пролита. Да хранить Господь императора, васъ обоихъ и всѣхъ нашихъ. Буду продолжать разсказъ о томъ, что мы дѣлали третьяго дня послѣ обѣда. Кромѣ нашего добраго гр. Милорадовича, у меня были только свои; мы катались въ линейкахъ по дорогѣ въ Славянку, которая очень напомнила намъ васъ, друзья мои, и то счастливое время, когда вы снимали планъ этой мѣстности; насъ засталъ дождь, но это не разстроило нашей компаніи, хотя и сверкала молнія. Вечеръ мы провели на балконѣ въ моемъ маленькомъ кругломъ кабинетѣ; въ это время были получены газеты, и мы прочитали описаніе парада на Марсовомъ полѣ; итакъ, эта жалкая нація снова восторженно принимаетъ то чудовище, статуи котораго она разбивала и портреты котораго она вѣшала годъ тому назадъ.

По истинѣ, всякія разсужденія смолкаютъ, и душою овладѣваетъ величайшее негодованіе; къ несчастью, эта восторженная оцена склоняетъ снова умы въ сторону этого чудовища, вслѣдствіе чего сраженіе будетъ еще кровопролитнѣе. Относительно новостей вчерашняго дня могу вамъ сказать, дорогія дѣти мои, что Сипягинъ пріѣзжалъ проститься со мною, но не хотѣлъ оставаться, поэтому я простилась съ нимъ по утру. Вы чувствуете, что мы много говорили о васъ. Я нахожу его образъ мыслей, его взглядъ на вещи въ высшей степени заслуживающими уваженія и, разумѣется, совѣтую вамъ пользоваться его обществомъ; мнѣ кажется, что онъ очень любитъ васъ и искренно интересуется вами; мы поболтали добрыхъ полчаса; онъ обѣщалъ мнѣ быть всегда вполнѣ правдивымъ и искреннимъ по отношенію къ вамъ; хвалилъ васъ и сказалъ между прочимъ, что ему было очень пріятно видѣть при разныхъ случаяхъ, что вы не расположены вѣрить всему дурному, что вамъ приходится слышать о разныхъ лицахъ, но что, напротивъ, вы защищаете ихъ. За обѣдомъ я видѣла полковника Таубе, который пріѣзжалъ изъ Краснаго Села проститься со мною; послѣ обѣда я пригласила его къ себѣ, онъ передалъ мнѣ прилагаемое при семъ письмо для васъ, дорогой Михайлъ, и мы простились, послѣ того какъ онъ еще разъ говорилъ о своей преданности къ вамъ. Изъ города пріѣзжалъ добрый старикъ Загряжскій, котораго жена задерживала въ теченіе 4-хъ недѣль; онъ спрашивалъ о васъ; онъ здоровъ. По случаю дурной погоды мы не могли выйти изъ комнатъ и занимались игрою. Съ нами провелъ время также генералъ Клиггеръ; я видѣла сегодня Татищева, который только-что пріѣхалъ. Добрый Милорадовичъ покинулъ насъ сегодня вечеромъ; онъ вернется въ воскресенье и хочетъ провести у меня день вашего рожденія, дорогой Никошъ; это очень любезно съ его стороны. На слѣдующій день онъ уѣзжаетъ къ своей части. У насъ были также графъ и графиня Кочубей. Погода исправилась, но моя несчастная голова не давала мнѣ покоя два дня; сегодня вечеромъ,

благодаря Бога, я чувствую себя гораздо лучше. Я могу сообщить вамъ весьма мало новаго; скажу только, что наша милая графиня Орлова провела вчера день съ нами и послѣ ужина уѣхала въ Москву; гр. Милорадовичъ былъ очень грустенъ и убитъ и не повеселѣлъ до сихъ поръ. Всѣ наши мысли обращены къ Рейну, и намъ хотѣлось бы угадать, чтò тамъ происходитъ. Здѣсь говорятъ, будто Евгений Богарне бѣжалъ и не вернется во Францію. Правда ли это? Прощайте, дорогія дѣти, я чувствую себя утомленной и заканчиваю эти строки, нѣжно цѣлуя васъ.

Пятница, 18-го іюня.

Сегодня я чувствую себя хорошо, добрые друзья мои, такъ какъ головная боль у меня прошла; я чувствую еще только нѣкоторую слабость въ головѣ, но, по сравненію съ вчерашнимъ, она значительно окрѣпла. Я гуляла пѣшкомъ съ Аннетой; она раньше одѣлала маленькую прогулку, но захотѣла еще пройтись со мною; мы философствовали, но старались, чтобы наша философія была спокойная, добрая, снисходительная, а не грубая и рѣзкая. Возвращаясь къ вашимъ письмамъ, дорогія дѣти мои, и не могу достаточно повторить вамъ, дорогой Никошъ, какъ я восхищена вашими разсужденіями объ Александринѣ. Это мысли человѣка, который ищетъ въ бракѣ истинное счастье, который не основываетъ его на страсти, а на зрѣломъ обсужденіи качествъ той, съ которой онъ хочетъ идти рука объ руку; думая и поступая такимъ образомъ, вы упрочите счастье свое собственное и Александрины. Все то, что вы пишете мнѣ объ этой интересной и милой дѣвушкѣ, даетъ мнѣ увѣренность, что она встрѣтитъ у васъ радушный пріемъ, ласку и любовь; это предвѣщаетъ мнѣ также, что, видя счастье, которое она вамъ доставитъ, и тѣ чувства, какія, я надѣюсь, она будетъ питать ко мнѣ, я буду также очень счастлива; что касается меня, то я готова нѣжно любить ее и увѣряю васъ, дорогой Никошъ, что я уже питаю къ ней живѣйшее и искренное расположеніе. Мнѣ сдается, что дама, состоящая при ней, вамъ вовсе не нравится; я хотѣла бы, чтобы ея отецъ довѣрилъ ее моему попеченію, ему не придется въ этомъ раскаяться, и это принесло бы весьма существенную пользу для этой молодой особы. Говорилъ ли съ вами о ней императоръ?

Какимъ образомъ, добрые друзья мои, вы не пишете мнѣ ничего о добромъ ген. Коновницынѣ и о честномъ Закревскомъ? Сипягинъ говорилъ мнѣ вчера, что онъ писалъ ему и отозвался о васъ съ прежнимъ чувствомъ. Передайте имъ обоимъ мой привѣтъ. Справьтесь у Закревскаго, правда ли, что при главной квартирѣ издается или будетъ издаваться (какъ пишутъ въ газетахъ) военная газета; въ такомъ случаѣ попросите его высылать ее мнѣ. Искренній привѣтъ папашѣ Ламсдорфу

и поклонъ вашимъ кавалерамъ. Ген. Ахвердовъ, который приѣзжаетъ обѣдать ко мнѣ, когда ему вздумается, былъ у меня вчера; онъ былъ очень радъ слышать о васъ добрыя вѣсти и о столь нѣжномъ отношеніи къ нашему доброму генералу. Я видѣла вчера Блока, который принесъ мнѣ эти два листочка для васъ. Іосифъ здоровъ и хорошо учится. Ваши маленькіе финляндцы все въ томъ же положеніи, они не растутъ, но здоровы; они дѣятельно возятся возлѣ нашихъ укрѣпленій. Я велѣла поставить ихъ въ боевой порядокъ и заставить маршировать; кажется, они не провинились. Писала ли я вамъ, что графъ Головкинъ у насъ? Онъ все недомогаетъ и даже вынужденъ иногда не выходить цѣлыми днями изъ своей комнаты; это очень, очень жаль; его жена все та же, она какъ будто задыхается; при томъ у нея очень толстыя руки. Вотъ и всѣ наши новости; какъ онѣ ни скудны, но я сообщаю ихъ вамъ. Вчера вечеромъ я получила письмо отъ принца Павла (мнѣ казалось, Никошъ, что я васъ вижу), въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ, что онъ уволенъ отъ службы, что онъ вполне, вполне заслужилъ; онъ покинулъ свой отрядъ и Россію безъ разрѣшенія; императоръ отнесся къ нему даже слишкомъ милостиво и снисходительно. Я очень рада не видѣть его болѣе за нашимъ столомъ; это былъ позоръ для нашей семьи! Прощайте, дорогіе дѣти, дорогіе друзья мои, да наставитъ васъ Господь и да утвердитъ Онъ васъ въ вашихъ правилахъ; слѣдите за тѣмъ, въ какомъ обществѣ вы будете вращаться, за вашими связями; перечитывайте мои наставленія и не забывайте моихъ совѣтовъ; тогда Божіе и мое благословеніе будутъ надъ вами. Цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца и неизяснимо люблю васъ. Марія.

Постарайтесь узнать, гдѣ находится корпусъ Евгенія; мнѣ сказали, что онъ получилъ приказаніе выступить.

Милорадовичъ рассказывалъ намъ вчера объ одномъ несчастномъ, потерявшемъ деньги, которыхъ онъ долженъ былъ онести въ тотъ день, когда у него умеръ ребенокъ; онъ выронилъ ихъ изъ кармана; добрый Милорадовичъ дѣлаетъ въ пользу его сборъ; я думала, что вамъ будетъ пріятно принять въ немъ участіе, и приказала Блоку дать отъ каждого изъ васъ по четыреста рублей; не правда ли, вы поблагодарите меня за это, друзья мои?

Num. 28.

Ce 18 Juin 1815.

Je viens de terminer, mes bons amis, une grande lettre de 4 pages pour le courrier d'aujourd'hui, et vous trace du plus vite ces lignes par la poste, me flattant toujours que vous aussi vous vous servirez de cette voie stable et uniforme qui, si elle ne favorise pas la confiance, du moins

porte la consolation dans le coeur par l'assurance de la bonne santé de ceux que nous chérissons, et c'est déjà un bonheur véritable. Je ne sais rien encore de notre journée; je crois cependant que je ferai dîner au Pavillon des roses, qui est bien joli et bien en fleur. Le petit temple, qui doit mettre à l'abri le monument d'Alexandrine, est terminé et est devenu charmant comme tout ce qui s'exécute d'après les dessins de Rossi. La sole de verdure qui a pris la place de la tente turque est de même bien belle et embellit bien plus la place que ne le faisait la tente. Qu'il me tarde de vous voir, mes enfants, et juger de ces nouveautés et nous trouver ensemble. Il me paraît que je n'aurais alors plus rien à désirer au monde. Adieu, mes bons amis, portez vous bien, conservez vous toujours religieux, innocents, purs, restez ce que vous êtes par le caractère et les principes et vous me rendrez constamment la plus heureuse des mères. Je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes me bénédictions.

Marie.

Je me donne quelques moments de satisfaction, mes bons enfants, en vous traçant encore ce peu de mots avant de me coucher. Notre journée s'est passée bien solitairement et tristement. L'averse n'a pas cessé de la journée et nous en sommes à 4 degrés de chaud; tout nage autour de nous.

---

18-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Я только-что окончила, добрые друзья мои, большое письмо въ четыре страницы, которое отправила съ сегодняшнимъ курьеромъ, а теперь пишу вамъ наскоро эти нѣсколько строкъ по почтѣ и льшу себя надеждою, что и вы изберете этотъ надежный и простой путь, ибо, хотя онъ не благопріятствуетъ откровенности, но по крайней мѣрѣ приносить сердцу отраду, давая намъ увѣренность, что тѣ, коихъ мы нѣжно любимъ, здоровы; это уже есть истинное счастье. Я не знаю еще, какъ мы проведемъ день, но думаю, что я прикажу подать обѣдъ въ Розовомъ павильонѣ, который очень красивъ и весь въ цвѣту; маленькій храмъ, который будетъ защищать памятникъ Александрины, оконченъ; онъ прелестенъ, какъ и все исполненное по рисункамъ Росси. Лужайка, разбитая на мѣстѣ турецкой палатки, также очень красива и несравненно болѣе украшаетъ мѣсто, нежели палатка. Какъ мнѣ хотѣлось бы поскорѣ увидѣть васъ, дѣти мои, осмотрѣть вмѣстѣ съ вами эти новыя сооруженія и быть вмѣстѣ съ вами. Кажется, мнѣ не останется тогда ничего желать. Прощайте, добрые друзья мои, будьте здоровы, будьте всегда религіозны, невинны, чисты, оставайтесь такими, какъ вы есть,



по характеру и нравственнымъ правиламъ, и я всегда буду счастливѣйшею изъ матерей. Цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Доставляю себѣ еще нѣсколько минутъ удовольствія, добрыя дѣти мои, написавъ вамъ еще нѣсколько словъ до отхода ко сну. Мы провели сегодняшній день очень одиноко и скучно. Весь день шелъ проливной дождь и у насъ всего 4 градуса тепла; вокругъ насъ все тонетъ въ водѣ.

Num. 29.

Ce 19 Juin 1815. Samedi.

Je vous ai écrit deux fois dans la journée d'hier, mes bons amis, aussi je n'ai pas commencé à vous écrire encore le soir et me suis réservé ce plaisir pour aujourd'hui. Ce matin à mon réveil j'ai eu la grande satisfaction de recevoir vos aimables lettres de Francfort: elles ont été une vraie surprise pour moi, car d'après la célérité de votre voyage que vous avez fait très c é l è r e m e n t, je supposais que vous ne vous étiez pas arrêtés du tout à Francfort. Je vous remercie, mes bons amis, de penser à moi, et vous assure que c'est contribuer de beaucoup au bonheur de mes jours; car je n'éprouve plus de jouissance, ni de satisfaction, qu'au moment des nouvelles de mes enfants. Vous avez été bien réjoui en trouvant le bon général Konovnitzin à Francfort. Comment le trouvez-vous par sa santé? D'où vient, mes enfants, que M-r de Wincengerode, Tchernichef et Wolkonski s'arrêtent à Francfort? Je partage bien l'opinion de ces messieurs et crains comme eux que la lutte sera des plus fortes. Les gazettes disent Napoléon rendu à l'armée aux environs de Laon, pour pouvoir se transporter de là où il sera attaqué. En attendant il fait publier que ses négociations avec l'Autriche vont bon train. Son esprit de perfidie, de calomnie est constamment le même, cependant il me paraît que le parti jacobin est bien fort, et que sous ce rapport il joue grand jeu, car il pourra le renverser avant qu'il ne s'en doute, car peu à peu on voit remonter en scène les gens les plus tarés sous le rapport du jacobinisme. Je vous remercie, cher Nicoche, de l'envoi de la brochure qui me paraît très intéressante. Vous êtes bien aimable d'avoir encore pensé à moi sous ce rapport. Répondez moi, mes enfants, sur les trois paquets d'estampes des vues que vous m'avez envoyés par le courrier du 2 de Heidelberg. Soyez sans inquiétude, cher Nicoche, sur mon opinion sur la figure d'Alexandrine, je me la présente sous les traits les plus agréables; je trouve même la figure du petit médaillon rappeler beaucoup la mère, ainsi elle ne peut que plaire; croyez, cher Nicoche, que mon coeur est bien disposé à l'aimer, elle n'a qu'à vouloir l'être, et elle le sera autant que vous!—c'est tout dire.

Vous ne me dites rien, mes chers amis, de Marie; il paraît donc que vous vous êtes manqués, ce qui lui fera beaucoup de peine. Avez-vous vu du moins à Weimar ses enfants et le prince héréditaire; comment trouviez-vous les petits? J'ai fait prier M-r de Markéwitch à venir dîner demain chez moi et lui ferai vos commissions pour les fusils pour les petits princes, fils du roi et fils de la princesse Guillaume. Après avoir répondu à tous les points de votre lettre, je vous parlerai de notre journée d'hier. Nous avons dîné au Pavillon des roses, par un très beau temps; après que nous nous étions levés de table, Golovkine nous dit qu'il était arrivé une scène tragique pendant le dîner: un loup a eu l'audace de se jeter sur une vache du troupeau, qui paissait tout près de la décoration de Gonzague et lui a arraché un morceau de sa queue; le petit garçon qui paissait le troupeau a accouru la défendre, mais la pauvre bête était toute ensanglantée. Chreiton, qui était chez nous, est allé l'inspecter et nous a rassuré sur ses morsures, mais il a exigé de la séparer, craignant que ce ne fût un loup enragé, mais cependant il paraît que cela ne l'est parce qu'il s'est enfui lorsque le garçon a crié après lui. Cette histoire a fait événement, et toute triste qu'elle est, nous a donné par ses incidents quelques moments de gaieté vu l'amabilité de Golovkine. Le soir nous nous sommes promenés à pied et avons soupé à la maison, ayant dû me ménager encore, mais grâce à Dieu je me suis sentie très bien le soir. Pour aujourd'hui j'ai la peine de voir mon cheval malade, on a dû le saigner, ainsi j'ai fait ma promenade à pied. A dîner nous avons eu le comte Arakchéef, il a été des nôtres toute la journée. Le temps du très beau s'est mis au froid, cependant nous avons été en ligne, mais la pluie nous a chassés, vers le soir il est survenu, quoiqu'il n'y avait que 9 degrés de chaud, un violent orage, qui nous a engagés après souper de rester encore ensemble, Annette, la comtesse, la Nélidof, et sachant que Nélédinski l'attendait pour profiter de sa voiture, nous l'avons fait entrer et nous avons jaté jusqu'à ce que l'orage soit fini; cela nous a mené très tard. Ainsi bonsoir, mes bons amis. Toute à vous de coeur et d'âme. Le reste à demain.

Ce 20 Juin. Dimanche.

Quel temps, mes enfants, on ne s'en fait pas d'idée: il serait affreux au mois de Novembre, ainsi jugez combien il nous le paraît en Juin. Depuis que je suis en Russie je n'ai pas vu de saison pareille, il fait sombre, gris comme au fond de l'automne, une pluie battante toute la journée, un vent glacial, et au moment que je vous écris ce soir seulement 6 degrés de chaud. Mon petit jardin nage, et on dit les chemins gâtés. Quelques personnes prétendent avoir vu des flocons de neige, je ne les ai pas vus, mais cela ne m'étonnerait pas. J'ai eu cependant à mon

grand étonnement assez de monde: le prince Lopukin, les deux princes Lobanof, M-r de Narischkin, Dmitri, Messieurs de Sablukof, Schakofskoi, le nouveau directeur Arsénief, Miloradovitch, Markévitch, et Tschoglokoef et Dépréradovitch pour prendre congé; le comte Arakchéef était des nôtres depuis hier. Je me suis acquittée de vos commissions pour M-r Markévitch, qui m'a dit que dans quelques semaines la chose serait faite. Pour la soirée tout le monde nous a quittés, il ne nous est resté que notre comte Miloradovitch, Jacques Lobanof et M-r de Narischkin qui tous repartent ce soir; le comte Miloradovitch va dire ses adieux à la ville et nous reviendra Mardi. Nous n'avons aucune nouvelle, mes bons amis, et il paraît que l'ignorance est partout la même, car on n'écrit rien même de Berlin, d'où les premières nouvelles nous arrivent toujours. J'ai oublié de nommer M-r de Kosodavlew au nombre des derniers; il n'a pas l'air d'avoir été si malade; il m'a dit qu'on ne lui marquait rien de nulle part. Les gazettes annoncent en tous caractères qu'il y a un mariage arrêté entre le duc de Berry et une archiduchesse d'Autriche: mon attente s'est donc parfaitement remplie, car j'étais persuadée qu'il se ferait, et que toutes les difficultés, qu'on a portées dans le temps à l'exécution du projet dont il a été question, étaient en grande partie causées par les manigances viennoises. Au reste que bien leur fasse. Comment peut on vouloir donner son enfant à ce jeune homme après tout ce qui vient de se passer en France, car si le bonheur et les circonstances l'y ramènent, il s'y trouvera constamment marchant sur un volcan qui peut à chaque moment l'engloutir, lui et toute sa famille. Annette pense parfaitement comme moi et n'a plus le moindre désir de cet établissement. Mais n'entendez-vous pas parler de l'autre? Pensez à moi que des relations de famille prévaudront aussi dans cette affaire, et que ce parti manquera tout de même à Annette. J'avoue que cette pensée m'atteint profondément et m'est un grand sujet de peine et d'inquiétude; mais la main de Dieu est toute puissante, et s'en rapporter à Sa volonté suprême est notre devoir. Vos 5 finnois sont venus en habit de fête me faire visite aujourd'hui. J'ai vu de même Joseph qui est arrivé hier de l'école avec les enfants de Villamof. Il m'a chargée de ses compliments et a voulu vous écrire. Il grandit et se porte bien. En repensant à votre lettre de Francfort je m'aperçois ne vous avoir pas répondu, cher Nikoche, sur l'article où vous me contez votre conversation avec A(lexandrine), dans laquelle elle vous a demandé pourquoi votre voyage d'Angleterre n'a pas eu lieu. Cette question me prouve, qu'il se peut, qu'elle soit inquiétée que ce projet ne puisse se reprendre, et cette inquiétude est en votre faveur, cher Nicoche, et prouve de l'intérêt pour vous. Cette explication ne vous fera pas peine. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien, veillez à votre conservation physique

et morale et ne m'oubliez pas. Je vous embrasse de toute, toute mon âme.

Ce Lundi, 21 Juin.

Mes chers amis, vous apprendrez en peu que Pawlovsk s'est mis à nager, la pluie battante continue, il fait un ouragan affreux, un froid glacial, tout est sous eau, et à une heure après-midi nous n'avions que 5 degrés de chaud. Il y a de quoi en prendre le spleen, et je vous assure que je n'en suis pas éloignée, car rien ne porte à la sérénité; mais je me travaille pour que du moins ma disposition triste ne paraisse à mon extérieur et ne me rende désagréable à la société. Je ne puis rien vous dire de nouveau ce matin, chers enfants. J'ai vu notre bonne Annette en tout, elle se porte bien, et la comtesse et moi nous étions à lui chanter ses éloges, à moraliser, philosopher. Dieu veuille la rendre heureuse et protège son union avec le pr(ince) d'O(range). Dites-m'en tout ce que vous en apprendrez; j'en écris encore aujourd'hui à l'empereur. Veuille l'Être Suprême lui accorder la jouissance de travailler à son bonheur. Pour vous mettre au courant de tous mes faits et gestes je vous dirai que je fais placer dans cette antichambre longue, qui précède mes appartements au bel-étage et conduit aux grands appartements le beau dessin après Mengs que vous avez vu à la communauté. J'ai à coeur que vous restiez au courant de tout ce qui se fait chez moi. Adieu, mes bons amis. Je suis un peu inquiète pour «Такъ такъ» qui est assez indisposé en ville, et quoiqu'il ait eu la candeur de m'envoyer la relation de son indisposition, je vous avoue cependant, mes enfants, que je ne me sens pas à mon aise de vous la faire, et prendrai des phrases pour vous mettre au fait, de même que Rühl de ce qu'il souffre: à la suite des douleurs de coliques il a eu la même souffrance que le métropolitain, après quoi on a trouvé des dépôts calcaires (phosphore acide). Le médecin suppose que c'est une matière goutteuse qui dépérit. Il s'est trouvé soulagé et est sorti en voiture, mais le temps ayant changé, il a pris froid et a de la fièvre. Voilà l'extrait de 7 pages. Mais pendant trois ou 4 jours ses souffrances à la façon métropolitaine ont été grandes. Il a appelé Zéliniski, mais n'a pas eu besoin cependant de son secours. Si Rühl peut conclure quelque chose de ce que je vous dis, priez le qu'il dise son opinion. Kurakin m'a chargée de remettre le papier à Harry; lorsqu'il me le rendra je l'enverrai à Rühl. Mes amitiés au cher papa Lamsdorf, bien des choses au bon général Konovnitzin, et mes compliments à vos messieurs et aux braves militaires qui pensent à moi. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous recommande à Dieu dans tous les moments de la journée. Portez vous bien, conduisez vous bien, appliquez vous et rappelez vous des conseils de la plus tendre mère.

Je vous embrasse mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

19-го іюня 1815 г., суббота.

(Переводъ). Я писала вамъ дважды вчера, добрые друзья мои, поэтому я не стала писать вамъ еще разъ вчера вечеромъ и оставила это удовольствіе на сегодня. Проснувшись сегодня утромъ, я имѣла удовольствіе получить ваши милыя письма изъ Франкфурта; они были для меня настоящимъ сюрпризомъ, такъ какъ, судя по б ы с т р о т ѣ вашего путешествія, которое вы совершали съ большой скоростью, я полагала, что вы вовсе не останавливались во Франкфуртѣ. Благодарю васъ, добрые друзья мои, за то, что вы думаете обо мнѣ; увѣряю васъ, что вы этимъ очень услаждаете мнѣ жизнь; ибо я испытываю радость и удовольствіе лишь въ тѣ минуты, когда я получаю извѣстія о моихъ дѣтяхъ. Вамъ было очень пріятно встрѣтить во Франкфуртѣ добраго ген. Коновницина. Какъ вы находите его здоровье? Какимъ образомъ случилось, дѣти мои, что гг. Винцингероде, Чернышевъ и Волконскій остаются во Франкфуртѣ? Я вполне раздѣляю мнѣніе этихъ господъ и опасаясь, такъ же точно, какъ и они, что война будетъ жестокая. Судя по газетамъ, Наполеонъ находится въ арміи въ окрестностяхъ Лаона, чтобы двинуться туда, гдѣ его атакуютъ. Между тѣмъ онъ приказалъ обнародовать, что его переговоры съ Австріей идутъ успѣшно. Присущій ему духъ коварства и клеветы остается неизмѣннымъ, но мнѣ кажется, что яacobинская партія очень сильна, и что въ этомъ отношеніи онъ ведетъ опасную игру, такъ какъ эта партія можетъ низвергнуть его въ то время, какъ онъ не будетъ и подозрѣвать этого, такъ какъ мало-по-малу на сценѣ появляются люди наиболѣе извѣстные, какъ завзятые яacobинцы. Благодарю васъ, дорогой Николъ, за присланную брошюру, которая показалась мнѣ весьма интересной; какъ мило съ вашей стороны, что вы и объ этомъ подумали для меня. Отвѣйте мнѣ, дѣти мои, относительно трехъ пакетовъ съ эстампами видовъ, присланныхъ вами съ курьеромъ, отправившимся 2-го числа изъ Гейдельберга. Будьте покойны, дорогой Николъ, относительно моего мнѣнія о наружности Александрины; я представляю себѣ черты ея лица самыми пріятными; я нахожу даже, что ея лицо, въ маленькомъ медальонѣ, очень напоминаетъ мать, слѣдовательно, она не можетъ не понравиться; вѣрьте, дорогой Николъ, что я всѣмъ сердцемъ готова полюбить ее, ей стоитъ только захотѣть этого, и я буду любить ее такъ же сильно, какъ васъ! Этимъ все сказано.

Вы ничего не пишете мнѣ, дорогіе друзья мои, о Маріи; я заключаю изъ этого, что вы раздѣхались съ нею, чѣмъ она будетъ очень огорчена. Видѣли ли вы, по крайней мѣрѣ, въ Веймарѣ ея дѣтей и наслѣднаго принца? Какъ вы нашли малютокъ? Я велѣла просить завтра къ обѣду г. Маркевича и передамъ ему ваше порученіе относительно ружей для маленькихъ принцевъ, сына короля и сына супруги принца Вильгельма.

\*

Отвѣтивъ на всѣ пункты вашего письма, расскажу вамъ, какъ мы провели вчерашній день. Мы обѣдали въ Розовомъ павильонѣ, погода была прекрасная; когда мы встали изъ-за стола, Головкинъ сказалъ намъ, что во время обѣда произошелъ трагическій случай; волкъ имѣлъ смѣлость кинуться на корову, пасшуюся въ стадѣ около декораціи Гонзаго, и оторвалъ у нея кусокъ хвоста; маленькій мальчикъ, пасшій стадо, побѣждалъ ей на помощь; несчастное животное было все окровавлено. Крейтонъ, который былъ у насъ, пошелъ взглянуть на нее и успокоилъ насъ относительно полученныхъ ею укусовъ, но приказалъ отдѣлить ее отъ стада, опасаясь, не былъ ли волкъ бѣшеный; впрочемъ, кажется, этого не могло быть, такъ какъ онъ убѣждалъ, когда мальчикъ закричалъ на него. Этотъ случай былъ для насъ настоящимъ событіемъ, хотя довольно грустнымъ, но нѣкоторыя подробности его доставили намъ нѣсколько минутъ веселости, благодаря любезности Головкина.

Вечеромъ мы сдѣлали прогулку пѣшкомъ и ужинали дома, такъ какъ мнѣ надобно еще беречься, но благодаря Бога я чувствовала себя вечеромъ очень хорошо. Сегодня я была огорчена болѣзнью моей лошади; ей пришлось пустить кровь, поэтому я гуляла пѣшкомъ; къ обѣду пріѣхалъ Аракчеевъ и провелъ съ нами весь день; съ утра погода была прекрасная, но затѣмъ стало гораздо холоднѣе; несмотря на это, мы катались въ линейкахъ, но дождь загналъ насъ домой; вечеромъ была сильная гроза, хотя было всего 9 градусовъ тепла, вслѣдствіе этого мы и послѣ ужина сидѣли всѣ вмѣстѣ: Аннета, графиня и Нелидова; зная, что Нелединскій ожидалъ ее, желая воспользоваться ея каретою, мы попросили его войти и болтали до тѣхъ поръ, пока гроза не кончилась, и такимъ образомъ засидѣлись очень поздно. Итакъ прощайте, добрые друзья мои. Ваша всей душою и всѣмъ сердцемъ. Остальное до завтра.

Воскресенье, 20-го іюня.

Что за погода, дѣти мои, даже трудно себѣ представить; она была бы ужасна даже въ ноябрѣ, поэтому можете судить, какою она должна намъ показаться въ іюнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Россіи, я не видѣла подобнаго лѣта; темно, сѣро, какъ въ глубокую осень, цѣлый день идетъ проливной дождь, дуетъ ледяной вѣтеръ, и сегодня вечеромъ въ ту минуту, какъ я пишу вамъ, всего 6 градусовъ тепла; мой маленький садикъ весь подъ водою; говорятъ, что дороги попорчены; нѣкоторые утверждаютъ, будто они видѣли хлопья снѣга, а ихъ я не видѣла, но это меня не удивляетъ. При всемъ томъ, къ великому моему удивленію, у меня было довольно много гостей: кн. Лопухинъ, оба кн. Лобановы, Дмитрій Нарышкинъ, Саблуковъ, Шаховской, новый директоръ Арсеньевъ, Милорадовичъ, Маркевичъ, Чеглоковъ и Депрерадовичъ, которые

прїѣзжали проститься; гр. Аракчеевъ у насъ со вчерашняго дня. Я исполнила ваше порученіе относительно г. Маркевича; онъ сказалъ мнѣ, что дѣло будетъ сдѣлано чрезъ нѣсколько недѣль. Къ вечеру всѣ разъѣхались; у насъ остались только нашъ графъ Милорадовичъ, Яковъ Лобановъ и Нарышкинъ; всѣ они уѣзжаютъ сегодня вечеромъ; гр. Милорадовичъ ѣдетъ дѣлать прощальные визиты въ городѣ и вернется во вторникъ. Мы не получаемъ никакихъ извѣстій, добрые друзья мои; повидимому, всѣ находятся въ такой же неизвѣстности, ибо даже изъ Берлина, откуда всегда получаются первыя вѣсти, ничего не пишутъ. Я забыла назвать еще г. Козодавлева; на мой взглядъ онъ былъ не такъ боленъ; онъ сказалъ мнѣ, что ему ниоткуда ничего не пишутъ. Въ газетахъ говорятъ открыто о предстоящемъ бракѣ герцога Беррійскаго съ эрцгерцогиней Австрійской; слѣдовательно, мое ожиданіе оправдалось, ибо я была увѣрена, что этотъ бракъ состоится и что всѣ препятствія, которыя ставились нѣкогда къ осуществленію извѣстнаго проекта, были вызваны главнымъ образомъ коварствомъ Вѣнскаго двора. Впрочемъ, Богъ съ ними! Можно ли желать отдать свою дочь этому молодому человѣку послѣ всего, что произошло во Франціи, ибо если счастье и обстоятельства приведутъ его снова въ эту страну, то онъ будетъ тамъ ходить вѣчно на вулкани, который можетъ каждую минуту поглотить его и все его семейство. Аннета вполне раздѣляетъ мои мысли и нисколько не желаетъ болѣе этого брака. Но не слыхали ли вы чего-нибудь о другомъ (молодомъ человѣкѣ)? Полагаете ли вы, такъ же какъ я, что въ этомъ дѣлѣ возьмутъ верхъ родственныя соображенія, и что эта партія все-таки будетъ не для Аннеты? Признаюсь вамъ, эта мысль сильно волнуетъ меня и причиняетъ мнѣ много горя и тревоги; но Господь всемогущъ, и нашъ долгъ—подчиняться Его всевышней волѣ. Сегодня были у меня ваши 5 финляндцевъ въ праздничныхъ платьяхъ. Я видѣла также Іосифа, который прїѣхалъ вчера изъ школы съ дѣтьми Вилламова; онъ просилъ меня передать вамъ поклонъ и хотѣлъ писать вамъ; онъ ростетъ и здоровъ. Думая о вашемъ письмѣ, полученномъ изъ Франкфурта, я припоминаю, что я не отвѣтила, дорогой Никошъ, на тотъ пунктъ, въ которомъ вы передаете мнѣ вашъ разговоръ съ Александриною, когда она спросила васъ, почему не состоялось ваше путешествіе въ Англію. Этотъ вопросъ доказываетъ мнѣ, что ее беспокоитъ, быть можетъ, мысль, что этотъ планъ можетъ снова возникнуть; эта тревога говоритъ въ вашу пользу, дорогой Никошъ, и свидѣтельствуетъ о ея расположеніи къ вамъ. Это объясненіе, конечно, не огорчитъ васъ. Прощайте, добрые друзья мои, спите спокойно, заботьтесь о вашемъ благополучіи физическомъ и нравственномъ и не забывайте меня. Цѣлую васъ отъ всей души.

Понедѣльникъ, 21-го іюня.

Дорогіе друзья мои, вы услышите скоро, что Павловскъ поплылъ, проливной дождь льетъ безъ перерыва, свирѣпствуетъ страшная буря, вѣтеръ дуетъ леденящій, все залито водою и въ часъ дня у насъ было всего 5 градусовъ тепла; есть отъ чего сдѣлаться сплину; увѣряю васъ, что онъ скоро нападетъ на меня, такъ какъ ничто не располагаетъ къ спокойствію; но я употребляю всѣ усилія, чтобы мое грустное настроеніе не отражалось по крайней мѣрѣ на моемъ лицѣ и не дѣлало меня непріятной для окружающаго общества. Не могу сообщить вамъ сегодня утромъ ничего новаго, дорогія дѣти мои. Я видѣла только нашу добрую Аннету, она здорова, и мы вмѣстѣ съ графиней воспѣвали ей похвалы, морализировали, философствовали. Пошли ей Господь счастья и да благословитъ Онъ ея бракъ съ принцемъ Оранскимъ. Напишите мнѣ все, что вы услышите объ этомъ; я еще пишу сегодня по этому поводу императору. Да даруетъ ему Всевышній возможность способствовать ея счастью. Чтобы вы могли знать все, что я дѣлаю, скажу вамъ, что я приказала помѣстить копію съ прекрасной картины Менгса, которую вы видѣли въ Смольномъ, въ длинной передней комнатѣ, которая находится передъ моими комнатами въ бель-этажѣ и ведетъ въ большіе апартаменты; мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы знали все, что дѣлается у меня. Прощайте, добрые друзья мои. Я нѣсколько беспокоюсь за «Такъ такъ», который довольно сильно боленъ въ городѣ; хотя онъ былъ настолько наивенъ, что прислалъ мнѣ описаніе своей болѣзни, но признаюсь, дѣти мои, мнѣ не особенно удобно передать вамъ это описаніе, и я попробую объяснить вамъ и Рюлю намеками, чѣмъ именно онъ страдаетъ: послѣ сильныхъ болей въ желудкѣ у него сдѣлалась та же болѣзнь, что у митрополита, послѣ чего у него оказались известковыя отложенія (фосфорная кислота). Врачъ предполагаетъ, что это образованіе подагрическаго свойства, которое разсасывается; ему стало лучше, и онъ выѣзжаетъ въ каретѣ, но такъ какъ погода измѣнилась, то онъ простудился, и у него сдѣлалась лихорадка. Вотъ вкратцѣ то, что изложено имъ на семи страницахъ. Онъ страдалъ въ теченіе 3 или 4 дней такими сильными болями, какъ митрополитъ; онъ пригласилъ Зелинскаго, но ему не пришлось прибѣгнуть къ его помощи. Если Рюль можетъ вывести какое-нибудь заключеніе изъ того, что я пишу вамъ, то попросите его высказать свое мнѣніе. Куракинъ просилъ меня передать эту бумагу Гарри; когда онъ возвратитъ ее мнѣ, то я пошлю ее Рюлю. Мой привѣтъ дорогому папашѣ Ламсдорфу, поклонъ доброму ген. Коновницину и вашимъ кавалерамъ и молодцамъ военнымъ, которые вспоминаютъ обо мнѣ. Цѣлую васъ отъ всего сердца и всякую минуту молю



Господа, чтобы Онъ хранилъ васъ. Будьте здоровы, ведите себя хорошо, будьте прилежны и не забывайте совѣтовъ самой любящей изъ матерей.

Цѣлую васъ тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Num. 30.

Ce soir du 21 Juin, Lundi, 1815.

Je me donne quelques moments de satisfaction, mes bons enfans, en vous traçant encore ce peu de mots avant de me coucher. Notre journée s'est passée bien solitairement et tristement. L'averse n'a pas cessé de la journée et nous en sommes à 4 degrés de chaud; tout nage autour de nous, et les fleurs de mon petit jardin ont la plus triste apparence. J'ai eu la satisfaction de voir M-r de Krusenstern arrivé depuis peu d'Angleterre; sa conversation si instructive est une véritable jouissance, et j'en ai éprouvé beaucoup en l'entendant parler sur l'Angleterre et sur l'état de prospérité dans lequel il l'a trouvée, qu'il me dit avoir singulièrement augmenté depuis son dernier voyage. M-r de Krusenstern soigne l'expédition que le comte Romanzof va faire faire autour du monde. Le vaisseau partira, à ce qu'il suppose, dans 15 jours ou trois semaines; c'est M-r Kotzebue qui en est le chef, M-r de Krusenstern l'estime beaucoup et fait grand cas de son mérite. Le vaisseau porte le nom de Rurik. Tous les instruments nécessaires à l'expédition ont été achetés par Krusenstern en Angleterre. C'est un beau voyage à faire qui me tenterait si j'étais homme. A propos de voyage, j'espère que vos chevaux sont arrivés, et j'espère de même que mes petits chirurgiens les ont précédés, car on leur a donné le conseil d'aller en avant à Francfort; marquez moi, mes amis, s'ils sont heureusement advenus et si Wylie les a pris sous sa protection. J'ai fait ces jours la lecture d'une brochure qui m'a beaucoup intéressée et que je vous recommande, mes enfans; elle a pour titre: «.....» <sup>1)</sup> et si vous réussissez à vous la procurer, faites en l'acquisition pour moi et envoyez la moi. Elle est à conserver et à lire; j'avoue que je suis d'accord avec ses principes sur bien et bien des points. Bonsoir, mes enfans, dormez bien; que Dieu vous bénisse comme je le fais.

Ce Mardi, 22 Juin.

La même intempérie d'hier existe encore aujourd'hui, et la pluie n'a pas cessé d'un instant, aussi suis-je menacée de bien des dommages dans mon jardin, l'eau est si haute que quoique toutes les digues soient ouvertes, l'eau passe en torrent à côté du grand pont, là où se trouve

<sup>1)</sup> Въ подлинникѣ заглавіе осталось не вписаннымъ.

le pont de bois; l'île du monument d'Hélène est presque submergée; enfin que faire? Cette année est désagréable sous tous les rapports. Pas de courrier, mes enfants, raison de plus pour vous et pour moi à ne pas négliger la voie réglée de la poste. Disons dans nos lettres de belles choses aux maîtres de poste, appelons en à leur qualité de père ou de fils, et ils s'intéresseront à notre correspondance et la soigneront, ce qui leur vaudra la bénédiction divine. J'attends aujourd'hui le comte de Tolstoi et notre bon comte Miloradovitch: leur société me fera grand plaisir. Zagriaski m'a dit qu'il passerait la journée aux pieds de sa femme; je la passerai à m'occuper, à travailler, à penser à vous; je me dirai quelquefois que vous aussi penserez à moi, mes bons amis, et que naturellement nous élevons nos âmes à Dieu pour Lui demander notre prochaine réunion. Ainsi soit-il! Adieu, chers et bons enfants. Mes amis, je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes mes bénédictions. Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf; mille choses au bon (général) Konovnitzin, mes compliments à vos messieurs et à nos braves militaires qui pensent à moi. Прощайте, съ нами Богъ.

Marie.

---

Понедѣльникъ, вечеромъ, 21-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Доставляю себѣ нѣсколько минутъ удовольствія, добрыя дѣти мои, набросавъ вамъ еще нѣсколько словъ прежде, нежели лечь спать; мы провели сегодняшний день очень одиноко и скучно. Весь день лилъ проливной дождь, и у насъ всего 4 градуса тепла; вокругъ насъ все подъ водою, и цвѣты въ моемъ маленькомъ садикѣ имѣютъ самый печальный видъ. Я имѣла удовольствіе видѣть г. Крузенштерна, недавно пріѣхавшаго изъ Англіи; его поучительный разговоръ доставляетъ истинное наслажденіе, и я дѣйствительно наслаждалась, слушая его рассказы объ Англіи и объ ея цвѣтущемъ состояніи, которое, по его словамъ, значительно увеличилось со времени его послѣдняго путешествія. Г. Крузенштернъ занятъ устройствомъ кругосвѣтной экспедиціи, которую собирается предпринять графъ Румянцовъ. Корабль уйдетъ въ море, какъ онъ полагаетъ, недѣли черезъ двѣ или три; имъ командуетъ Коцебу, о которомъ Крузенштернъ отзывался съ большимъ уваженіемъ. Корабль называется «Рюрикъ». Всѣ инструменты, необходимыя для экспедиціи, приобретены Крузенштерномъ въ Англіи. Это чудесное путешествіе, которое очень соблазнило бы меня, если бы я была мужчиною. Кстати, о путешествіи; надѣюсь, что ваши лошади прибыли; надѣюсь также, что мои маленькіе хирурги прибыли раньше ихъ, такъ какъ имъ совѣтовали ѣхать впередъ во Франкфуртъ; напишите мнѣ, друзья мои,

благополучно ли они прїѣхали и взяли ли ихъ Вилье подъ свое покровительство. Я читала на-дняхъ брошюру, которая очень заинтересовала меня и которую я совѣтую вамъ прочесть, дѣти мои; она озаглавлена: «.....»<sup>1)</sup>, и если вамъ удастся достать ее, прїобрѣтите ее для меня и пришлите мнѣ. Ее слѣдуетъ сохранить и перечитывать; признаюсь, я въ весьма многихъ отношеніяхъ согласна съ высказываемыми въ ней взглядами. Прощайте, дѣти мои, спите спокойно, да благословить васъ Господь такъ же, какъ я благословляю васъ.

Вторникъ, 22-го іюня.

И сегодня все еще продолжается такая же ненастная погода, какъ вчера; дождь не прекращался ни на минуту, поэтому моему саду грозятъ большія поврежденія; вода такъ высока, что хотя всѣ плотины открыты, но вода несется потокомъ возлѣ большаго моста, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится деревянный мостъ; островъ съ памятникомъ Елены почти весь подъ водою; но что же дѣлать? Этотъ годъ непріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Курьеровъ нѣтъ и нѣтъ, дѣти мои; тѣмъ болѣе мы должны пользоваться съ вами правильнымъ сообщеніемъ по почтѣ; будемъ хвалить въ нашихъ письмахъ почтмейстеровъ, будемъ взывать къ ихъ отеческимъ и сыновнимъ чувствамъ, они заинтересуются нашей перепискою и позаботятся о ней, за что благословеніе Божіе будетъ надъ ними. Я ожидаю сегодня гр. Толстого и нашего добраго гр. Милорадовича; ихъ общество доставитъ мнѣ большое удовольствіе. Загряжскій сказалъ мнѣ, что онъ проведетъ сегодняшній день у ногъ своей жены, а я буду заниматься, работать, думать о васъ, говоря себѣ время отъ времени, что и вы иногда вспоминаете обо мнѣ, добрые друзья мои, и что, само собою разумѣется, мы возносимъ къ Господу мольбы о томъ, чтобы Онъ скорѣе соединилъ насъ. Да будетъ такъ! Прощайте, добрыя и дорогія дѣти. Цѣлую васъ тысячу и тысячу разъ, друзья мои, и посылаю вамъ свое благословеніе. Мой нѣжный привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ доброму ген. Коновницыну, вашимъ кавалерамъ и тѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, которые помнятъ обо мнѣ. Прощайте, съ нами Богъ.

Марія.

Сообщ. В. В. Щегловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



<sup>1)</sup> Пропускъ въ подлинникѣ.

## Перемѣна политики съ Франціею

---

*Указъ с.-петербургскому военному губернатору генералу-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову.*

27-го августа 1801 г.

На представленіе ваше о прибывшемъ сюда французѣ изъ провинціи Альзаса, учителѣ словесныхъ наукъ Антуанѣ Иллингѣ, въ разрѣшеніе считаю нужнымъ дать всѣмъ знать, что по перемѣнившимся обстоятельствамъ сношеній Россіи съ Франціею, какъ его, такъ и другихъ соотчичей его должно принимать и содержать на томъ же точно основаніи, какъ и всѣхъ другихъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ свидѣтельствами о не подозрительномъ и добромъ поведеніи, не подвергая ихъ особеннымъ обрядамъ, для сей націи на время только установленнымъ и теперь уже невмѣстнымъ.





## П. А. Каратыгинъ и его ученики по сценѣ:

**Мартыновъ и Максимовъ.**

### I.

Однимъ изъ младшихъ учениковъ князя А. А. Шаховскаго, пользовавшихся въ послѣдствіи громкой извѣстностью и занявшихъ почетное мѣсто на сценѣ Александринскаго театра, былъ извѣстный острякъ и водевилистъ П. А. Каратыгинъ, братъ знаменитаго трагика. Это была также замѣчательно даровитая личность и при томъ изумлявшая необыкновеннымъ разнообразіемъ талантовъ. Уступая своему брату въ силѣ генія и преклоняясь передъ его заслугами и славой, Петръ Андреевичъ имѣлъ, въ свою очередь, собственные немалые преимущества, въпрочемъ менѣе блестящіе и не столько обезпечивающіе прочную память въ потомствѣ. Это былъ по преимуществу человѣкъ бойкаго ума и остраго соображенія, обаятельный въ кругу сослуживцевъ и знакомыхъ, человѣкъ съ извѣстнымъ авторитетомъ и большимъ тактомъ, виртуозъ въ области тонкихъ и изящныхъ шутокъ и летучихъ мѣткихъ характеристикъ, по складу своего ума нашедшій въпрочемъ призваніе въ игристыхъ водевиляхъ и эфемерныхъ эпиграммахъ. О младшемъ Каратыгинѣ не даромъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ артистъ Нильскій, что «это былъ кладъ всевозможныхъ дарованій», такъ какъ «помимо актерства, онъ успѣшно занимался литературой и художествомъ» и что «еслибы была возможность собрать все стихотворенія, касавшіяся сцены, то составила бы чудесная хроника русскаго театра за полвѣка его лучшей эры» <sup>1)</sup>. Но, къ сожалѣнію, остроумный артистъ разбрасывалъ безъ оглядки блестящіе своего яркаго юмора, случайнымъ отраже-

<sup>1)</sup> „Историческій Вѣстникъ“, 1894, VI, 651.

ніемъ котораго являются теперь кое-какіе ходячіе анекдоты. Гораздо больше значенія имѣла его преподавательская дѣятельность въ театральномъ училищѣ, которой Александринская сцена обязана многимъ хорошимъ. На этомъ поприщѣ Каратыгинъ виѣстѣ съ Сосницкимъ являются продолжателями Шаховскаго и Дмитревскаго.

Съ гораздо бѣльшимъ правомъ можно считать Шаховскаго театральнымъ крестнымъ отцомъ младшаго Каратыгина, нежели его брата, знаменитаго трагика. Извѣстно, что послѣдній, прежде всего замѣченный и оцѣненный Шаховскимъ, скоро подчинился, однако, иному вліянію и тѣмъ навсегда навлекъ на себя гнѣвъ своего прежняго патрона, который «былъ разгнѣванъ этой дерзостью и никогда не могъ простить ему такого оскорбленія» <sup>1)</sup>. Какимъ образомъ избѣгнуть такой участи П. А. Каратыгинъ и почему онъ остался не только подъ ферулой, но и на попеченіи того же князя Шаховскаго, онъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ въ своихъ извѣстныхъ запискахъ и только ограничивается слѣдующимъ брошеннымъ вскользь замѣчаніемъ: «хотя братъ мой и сдѣлался ренегатомъ, выйдя изъ его студіи, но я, какъ воспитанникъ, принадлежалъ къ числу его учениковъ, онъ меня очень любилъ и ласкалъ; одно лѣто я даже провелъ у него на дачѣ» и проч. Полагаемъ, что кромѣ чисто виѣшней причины, заключавшейся въ томъ, что младшій Каратыгинъ обучался въ подвѣдомственномъ Шаховскому театральномъ училищѣ, здѣсь иногда имѣли значеніе также для Шаховскаго давнія отношенія его къ семьѣ Каратыгиныхъ и добровольно данное имъ обѣщаніе принять подъ свое покровительство способныхъ юношей, а для юнаго будущаго артиста — отъѣздъ изъ Петербурга какъ Катенина, такъ и Грибоѣдова, оспаривавшихъ прежде у Шаховскаго вліяніе на артистическое образованіе старшаго Каратыгина. При томъ, судя по всѣмъ даннымъ, уже въ эти ранніе годы Каратыгинъ младшій обнаруживалъ гораздо меньше блестящихъ сценическихъ задатковъ, чѣмъ его братъ, и это снова могло служить причиной, такъ сказать, большей ординарности его карьеры. Хотя онъ сдѣлался замѣтенъ отчасти уже на школьной сценѣ, какъ раньше на домашней сценѣ своего отца, но особенно не выдѣлялся изъ своихъ братьевъ и знакомыхъ. Но вотъ ему была поручена на публичномъ театрѣ, въ бенефисъ талантливаго комика Боброва, небольшая роль въ одной изъ пьесъ Коцебу. Само собою разумѣется, что это обстоятельство показалось ему тогда, а, пожалуй, и дѣйствительно было, настоящимъ событіемъ въ жизни. «Я былъ 13 лѣтній мальчишка», — говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — мальчишку игралъ и былъ въ полномъ восторгѣ». Раза два во время исполненія имъ этой первой его роли, слышались рукоплесканія, за-

<sup>1)</sup> „Русская Старина“, 1873, т. VI, стр. 151.

ронившія въ дѣтской головѣ смѣлыя надежды и побудившія начальство поручать ему отъ времени до времени роли мальчиковъ. Но никакого серьезнаго значенія эти успѣхи имѣть пока не могли; и юношу продолжали настойчиво обучать балетной премудрости и даже пѣнію, несмотря на отсутствіе голоса: ему даже «угрожала мрачная перспектива фигурантской службы». Проложить себѣ дорогу къ настоящему дебюту помогло ему наконецъ новое покровительство Шаховскаго, пожелавшаго доставить ему возможность выступить передъ большой публикой вмѣстѣ съ одной изъ своихъ лучшихъ ученицъ Дюровой; но такъ какъ молодой Каратыгинъ былъ въ данномъ случаѣ все-таки на второмъ планѣ, да и роль была дана ему незначительная, то, несмотря на громкіе успѣхи брата и на старанія вліятельнаго князя, онъ чуть не остался въ тѣни. Тѣмъ не менѣе, можетъ быть не безъ помощи театральныхъ связей отца и брата, ему удалось скоро занять амплуа драматическихъ любовниковъ. Такимъ образомъ первые шаги его на избранномъ поприщѣ оказались въ сущности довольно заурядными. Но съ тѣхъ поръ (т. е. 1823 г.) Каратыгинъ второй началъ успѣшно трудиться на Александринской сценѣ рядомъ съ своимъ братомъ, безъ всякихъ правъ на сравненіе съ нимъ, но въ то же время, какъ актеръ несомнѣнно способный и умный, искренно любившій дѣло, съ вполнѣ самостоятельнымъ и почтеннымъ значеніемъ, а отнюдь не какъ ловкая посредственность, эксплуатирующая въ свою пользу отраженіе яркихъ лучей родственной славы.

Вопросъ о томъ, случайное ли стеченіе обстоятельствъ или самый характеръ призванія ограничилъ сценическую карьеру младшаго Каратыгина преимущественно водевилями, не допускаетъ никакихъ колебаній: очевидно, талантъ его имѣлъ достаточный просторъ для развитія и даже проявлялъ себя довольно разнообразно, но родную сферу напелъ онъ себѣ именно только въ водевилѣ. Только тогда артистъ и почувствовалъ себя на настоящей дорогѣ, когда, по его собственнымъ словамъ, «судьба вытолкнула его на амплуа, болѣе подходящее къ его веселому характеру и способностямъ». Правда, послѣднее слово сопровождается у него въ запискахъ оговоркой: «можетъ быть», но всякое сомнѣніе отпадаетъ въ виду предшествующаго его же собственного признанія: «въ общественномъ быту счастливымъ любовникамъ, конечно, многіе могутъ позавидовать, но счастливые любовники въ комедіяхъ и драмахъ—самыя несчастныя созданія; они каждый вечеръ повторяютъ свои стереотипныя объясненія въ любви, тянутъ непрерывную канитель и надоедаютъ зрителямъ до тошноты своими приторными сладостями». Эти слова позволяютъ предполагать и въ болѣе раннюю пору преобладаніе въ П. А. Каратыгинѣ трезвой разсудочной рефлексіи надъ необходимой для подобныхъ ролей стихіей безотчетнаго увлеченія.

Съ другой стороны, вся литературная дѣятельность Каратыгина младшаго, безъ сомнѣнія нисколько не стѣсняемая вѣтшими условіями и не направляемая какой-либо случайностью, обращена была всегда исключительно на живые, остроумные водевили, пьесы и рассказы въ легкомъ сатирическомъ вкусѣ. Намъ неизвѣстны, правда, его ранніе литературные опыты, начинающіеся еще съ 1821 г., небольшія пьески, написанныя для домашней сцены театральнаго училища и заслужившія въ свое время одобреніе Грибоѣдова, но уже первое поставленное на настоящую сцену его произведеніе. «Знакомые незнакомцы», носить на себѣ всѣ отличительныя черты его авторскихъ пріемовъ и наклонностей: это былъ водевиль съ прозрачными намеками на современныхъ лица и интересы дня. Онъ былъ озаглавленъ, «Знакомые незнакомцы», и, кажется, уже въ самомъ этомъ заглавіи заключалось легкое указаніе на скрытый смыслъ пьесы, ясно истолкованный затѣмъ особенно игрой артиста Рязанцева, явившагося на сценѣ двойникомъ Булгарина. Въ водевилѣ изображалась между прочимъ вражда послѣдняго съ Полевымъ, и это придавало сюжету извѣстную пикантность. До представленія и во время его авторъ находился въ крайне напряженномъ состояніи и переживалъ такимъ образомъ въ своемъ литературномъ дебютѣ тѣ же чувства и волненія, которыя были такъ знакомы ему по давнимъ театральнымъ дебютамъ. Теперь снова наступила роковая минута, и все, что къ ней относилось, навсегда и глубоко запало въ душу литератора-артиста. Послѣ нея его будущность опредѣлилась совершенно, и съ тѣхъ поръ не оставалось уже никакого сомнѣнія, гдѣ и въ чемъ искать успѣха и чему отдать свою дѣятельность.

Лучшей заслугой Каратыгина 2-го слѣдуетъ безспорно считать образованіе подъ его руководствомъ (въ качествѣ учителя театральной школы) таланта знаменитаго Александра Евстафьевича Мартынова, въ продолженіе почти тридцати лѣтъ служившаго блестящимъ украшеніемъ Александринской сцены.

## II.

Мартыновъ былъ человѣкъ въ высшей степени замѣчательный и какъ актеръ, и какъ личность. Это была натура совершенно русская, и, вѣроятно, потому-то на сценѣ онъ всегда превосходно воспроизводилъ именно національные типы и былъ нѣсколько неестественъ и блѣденъ въ роляхъ иностранцевъ. Люди, близкіе къ покойному артисту, передаютъ множество любопытныхъ разсказовъ, характеризующихъ его не-



обыкновенную даровитость, соединенную съ безграничнымъ добродушіемъ и чрезвычайно привлекательной простотой и непринужденностью обращенія. Мартыновъ относился ко всѣмъ дружески и сердечно, и держалъ себя всегда на распашку. Естественность была его стихіей,—обстоятельство, безъ сомнѣнія, не оставшееся безъ вліянія на судьбу и на направленіе его артистическаго дарованія. Понятно, что человѣкъ, съ раннихъ лѣтъ всосавшій въ плоть и кровь простоту, не могъ и на сценѣ явиться натянутымъ и холоднымъ декламаторомъ. Извѣстно, что Каратыгинъ 1-ый выступилъ на сцену въ переходное время отъ напыщеннаго ложноклассицизма къ новѣйшему реализму. Оттого талантливый артистъ никогда не могъ совершенно освободиться отъ эффектной торжественности, доставившей ему славу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послужившей главной причиной того прискорбнаго обстоятельства, что подъ конецъ своей дѣятельности онъ казался лишь блестящимъ представителемъ старой школы искусства. Каратыгинъ былъ въ своей сферѣ, когда ему приходилось изображать героевъ; тутъ онъ, какъ превосходный пластикъ, производилъ сильное впечатлѣніе и срывалъ громкія рукоплесканія; но чуть только приходилось ему выступать въ такъ называемыхъ роляхъ фразныхъ и играть обыкновенныхъ людей, чуть надо было дѣйствовать на душу, а не плѣнять только взоры граціозной картинностью позы, онъ уже чувствовалъ неловкость и прибѣгалъ по привычкѣ, но совершенно некстати, къ декламации—въ роли Чацкаго и къ порывистымъ жестамъ и размахиванію руками въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

Достоинство игры Мартынова заключалось, напротивъ, какъ разъ въ противоположномъ. Онъ являлся передъ зрителями безъ всякихъ претензій, самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ и передавалъ чувства изображаемаго лица, былъ ли это купецъ, помѣщикъ, чиновникъ, или крестьянинъ и съ такимъ искусствомъ, что, казалось, нисколько не заботился объ игрѣ, но все давалось ему само собой, какъ будто ему ровно ничего не стоило являться передъ публикой въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ и именно каждый разъ тѣмъ лицомъ, которое онъ долженъ былъ изображать. Конечно, это было совершенно ошибочное впечатлѣніе, и на самомъ дѣлѣ Мартыновъ много и упорно работалъ надъ своимъ талантомъ, но нельзя отрицать, что артистъ былъ всегда въ своей сферѣ во всѣхъ національныхъ роляхъ и что ему въ самомъ дѣлѣ была присуща извѣстная доля той безпечности генія, которую такъ художественно обрисовалъ Пушкинъ въ своемъ Моцартѣ. Если чтó вредило Мартынову, то развѣ только нѣкоторая наклонность къ тривиальности, воспитанная въ немъ пестрой труппой Александринскаго театра и поддерживаемая страстью къ апплодисментамъ. Но такъ было только вначалѣ.

Родился Мартыновъ 12-го іюля 1816 года. Онъ былъ сынъ бѣднаго дворянина, служившаго въ качествѣ управляющаго имѣніемъ у знатной и богатой г-жи Сухозанетъ. Эта-то барыня и присовѣтовала, можетъ быть замѣтивъ въ мальчикѣ какіе-нибудь задатки его будущаго призванія, отдать его въ театральную школу. Раньше же Мартыновъ обучался въ какомъ-то пансіонѣ, но вскорѣ былъ взятъ оттуда. Хотя такимъ образомъ какъ будто сама судьба указала мальчику ожидавшую его дорогу, но ему было суждено пройти къ избранной цѣли черезъ множество препятствій. Прежде всего какой-то служившій при театрѣ чиновникъ Гемнигъ сталъ почему-то противиться поступленію Мартынова въ театральное училище; по неизвѣстнымъ для насъ соображеніямъ онъ не только отклонялъ это поступленіе, но совѣтовалъ отдать мальчика именно въ Петропавловскую школу. И вотъ въ то самое время, когда уже предстояло такъ или иначе разрѣшить данный вопросъ, слѣпой случай указалъ даровитому ребенку его настоящую дорогу.

Произошло это такимъ образомъ, по словамъ самого Мартынова, переданнымъ въ «Сѣверной Пчелѣ» въ годъ его смерти однимъ изъ пріятелей, г. А. С. <sup>1)</sup>.

«Мой отецъ—разсказываетъ Мартыновъ,—былъ управляющимъ у г-жи Е. А. Сухозанетъ. Она очень цѣнила его труды и любила меня, какъ забавнаго мальчика. Однажды у г-жи Сухозанетъ обѣдали гости, между которыми былъ и князь С. С. Гагаринъ, одинъ изъ четырехъ членовъ комитета, завѣдывавшаго въ 1827 г. театрами. За столомъ она разсказала гостямъ о маленькомъ своемъ фаворитѣ, и князь присовѣтовалъ отдать меня въ театральное училище. Въ то время тамъ, однако, вакансіи не оказалось. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ иду я по Дворцовой набережной и ѣмъ пряникъ. Вдругъ какой-то господинъ идетъ на встрѣчу: «что ты ѣшь, мальчикъ?».

— Пряникъ-съ...

-- Брось, душа моя, желудокъ испортишь.

Я взялъ и бросилъ дорогое лакомство въ воду. Господину тому поступокъ мой понравился.

— Какъ тебя звать?

— Сапа-съ.

— А фамилія твоя?

— Мартыновъ-съ.

— Не сынъ ли управителя Е. А. Сухозанетъ?

— Точно такъ-съ.

---

<sup>1)</sup> «Сѣверная Пчела», 1860, № 205.

«Господинъ этотъ, оказавшійся княземъ Гагаринымъ, велѣлъ мнѣ къ нему явиться и черезъ три дня я былъ опредѣленъ въ училище».

Князь Гагаринъ, бывшій прежде директоромъ театра и сохранившій тамъ связи и вліяніе, дѣйствительно скорѣе добился опредѣленія маленькаго Мартынова казеннокоштнымъ воспитанникомъ, но послѣдняго все еще ожидали новыя испытанія. Въ былые годы въ театральныхъ школахъ не существовало позднѣйшей специализаціи, и въ частности для драматическихъ артистовъ предварительной школой служилъ обыкновенно водевиль, на которомъ юные артисты первоначально развивали и упражняли свой талантъ.

Все это повторилось и въ юности Мартынова. Только-что взглянулъ на него знаменитый балетмейстеръ Дидло, какъ онъ былъ уже очарованъ его сложеніемъ, общавшимъ искуснаго танцора; только успѣлъ онъ по своему обычаю всесторонне осмотрѣть мальчика и опутать ему грудь и ноги, какъ тотчасъ же намѣтилъ въ немъ жертву своей фанатической страсти къ балету и объявилъ, что «изъ этого тощаго вѣтрогона, при тщательной дрессировкѣ, выйдетъ второй Дидло». Это былъ уже не первый случай, когда страстно преданный своему дѣлу балетмейстеръ, какъ коршунъ на добычу, набрасывался на хорошо сложеннаго и одареннаго способностями ребенка. Во всякомъ случаѣ всѣ подобные факты ясно доказываютъ замѣчательную проникательность и энергію Дидло; невольно рождается вопросъ: почему же не находился никто больше въ штатѣ цѣлой театральной школы, кто бы предупредилъ хоть разъ Дидло въ данномъ отношеніи? Намъ кажется, что въ исторіи русскаго театра имя этого талантливаго балетмейстера должно навсегда сохранить свое значеніе отчасти и потому, что, какъ бы то ни было, многія яркія дарованія были открыты и указаны именно имъ, а уже потомъ по его указанію замѣчали ихъ другіе и тогда спѣшили обыкновенно перебить у него учениковъ. Большею частью смотрять на Дидло, только какъ на искуснаго балетмейстера по призванію и въ то же время какъ на суроваго, беспощадно-жестокаго муштровщика. Это, конечно, и справедливо и давно засвидѣтельствовано не только его учениками, но и всѣми вообще, кто только зналъ его. Но Дидло умѣлъ также превосходно опредѣлять и направлять способности, что чрезвычайно важно, хотя, какъ фанатикъ и человѣкъ крайне односторонній, могъ пользоваться этимъ своимъ даромъ только въ примѣненіи къ своей узкой и бесплодной специальности. Онъ самъ погруженъ былъ всей душой въ батманы и пируеты и готовъ былъ навязать ихъ каждому способному ребенку; онъ жилъ только балетомъ и для балета—и въ этомъ уже, конечно, заключалась непростительная его односторонность. Часто, вспоминая участіе Дидло въ признаніи какого-нибудь замѣчательнаго дарованія, приписывали ему и немалую заслугу, заклю-

чавшуюся въ образцовой выправкѣ артиста и въ сообщеніи ему ловкости и хорошихъ манеръ, столь необходимыхъ для каждаго сценическаго дѣятеля. Но такъ же часто высказывалось противоположное убѣжденіе, будто бы Дидло не только не принесъ своими мастерскими уроками никакой существенной пользы такому-то артисту, но былъ даже вреденъ для него своей безтолковой и безпощадной муштровкой. Нужно, однако, согласиться, что изящество, свобода и непринужденность движеній, если даже все это есть въ природѣ артиста, даются, все же, не сразу и не сами собой, а нуждаются въ извѣстномъ упражненіи и что наконецъ самое умѣнье и искусство Дидло признать и оцѣнить даровитость воспитанника значительно облегчало послѣднему дальнѣйшіе успѣхи, выдвигая его на видный планъ и дѣлая предметомъ общаго вниманія. Нужно помнить, что даже и послѣ этой оцѣнки его любимцамъ часто приходилось еще долго съ трудомъ пробираться по сумрачнымъ дебрямъ закулиснаго лабиринта. Это соображеніе считаемъ нужнымъ высказать въ виду слишкомъ распространенныхъ и нѣсколько несправедливыхъ, по нашему мнѣнію, обвиненій Дидло въ томъ, что будто бы онъ умѣлъ только немилосердно ломать ноги своимъ ученикамъ<sup>1)</sup>.

На Мартынова Дидло, несомнѣнно, обращалъ большое вниманіе; онъ поставилъ его въ первую пару и предназначалъ его къ званію перваго танцовщика. Споры нѣтъ, что большинство изъ наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ Дидло, а въ томъ числѣ и Мартыновъ, не могли удовлетвориться стать любезными сердцу своего учителя сильфами, зефирами и амурами и легко разставались съ ними при первой возможности, а потомъ охотно подсмѣивались надъ смѣшнымъ фанатизмомъ своего бывшаго тирана; но именно пройденный у него искусь, во-время окончившійся и замѣненный болѣе осмысленнымъ служеніемъ музамъ, едва-ли проходилъ совсѣмъ безъ пользы. Въ драматическомъ классѣ обращалъ вниманіе на Мартынова П. А. Каратыгинъ, и Геденовъ сталъ настойчиво совѣтовать Мартынову посвящать себя драматическому искусству. Но тутъ, какъ говоритъ Мартыновъ, «судьбѣ было угодно отодвинуть меня отъ моего призванія. Любя живопись еще въ домѣ Е. А. Сухозанетъ, я поступилъ въ ученіе къ декоратору Канопи. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Канопи умеръ, и я оставилъ живопись»<sup>2)</sup>. Впрочемъ подобныя отклоненія отъ призванія повторяются не разъ въ біографіяхъ нашихъ замѣчательныхъ артистовъ, и они невольно наводятъ на мысль о томъ, какъ трудно бываетъ иногда вѣрно опредѣлить его въ раннемъ возрастѣ.

<sup>1)</sup> «Музыкальный Свѣтъ», 1876, и «Очеркъ исторіи русской сцены», Бураковского. Спб. 1877 г.

<sup>2)</sup> «Сѣверная Пчела», 1860, № 205.

Любопытно то, что артистъ Брянскій, обучавшій Мартынова раньше Каратыгина 2-го, представляя послѣднему своихъ учениковъ, такъ отзывался о немъ: «Вотъ этотъ мальчуганъ учится у Конопи живописи и просится перейти въ драматическій классъ; я заставилъ его выучить одну роль, прослушалъ его, но, кажется, лучше ему оставаться краскотеромъ: выговоръ у него дурной, голосъ слабый и, кажется, изъ него толку не будетъ» <sup>1)</sup>. Кто же виноватъ, что даровитаго юношу лучше умѣлъ разгадать балетмейстеръ Дидло, нежели драматическій актеръ Брянскій. Наконецъ, пора колебаній проходить, артистъ открываетъ свое настоящее поприще. Этимъ, однако, не кончаются безчисленные препятствія на пути къ успѣхамъ и славѣ. Сначала юношѣ приходится долго сидѣть на незначительныхъ роляхъ, терпѣть нужду, выносить тяжелыя нравственныя испытанія. Еще въ школьныхъ спектакляхъ, благодаря покровительству Геденова, Мартыновъ сталъ выдвигаться и особенно съ большимъ успѣхомъ игралъ въ пьесѣ своего учителя Каратыгина «Знакомые незнакомцы». Потомъ, въ 1832 г., будучи воспитанникомъ, онъ дебютировалъ въ незначительномъ и пустомъ водевилѣ «Филатка и Мирошка», послѣ чего удостоился выпуска изъ школы съ низкимъ окладомъ жалованья. Уже въ послѣднее время пребыванія въ школѣ онъ съ жаромъ проходилъ комическія роли подъ руководствомъ новаго учителя, П. А. Каратыгина, который умѣлъ лучше Брянскаго понять и оцѣнить способности своего воспитанника. Но далеко было еще время настоящей сценической дѣятельности, а между тѣмъ Мартыновъ жестоко страдалъ отъ нужды и неимѣнья хорошихъ ролей. Если онъ съ честью выдержалъ и завоевалъ себѣ наконецъ достойное его таланта положеніе въ труппѣ, если его не загубила нужда, то причиною этого были врожденная доброта и благодущіе, несомнѣнно сильно облегчавшія прохожденіе тернистаго пути. Но сколько пришлось ему перенести прежде, чѣмъ сдѣлаться любимцемъ публики, показываетъ его собственный разсказъ о томъ, какъ, живя вмѣстѣ съ товарищемъ по школѣ, они чистили другъ другу сапоги и платье, какъ часто недоставало имъ денегъ даже на покупку сальной свѣчи, такъ что приходилось изучать роли при поэтическомъ свѣтѣ луны. Однажды, благодаря усиленной экономіи, Мартынову удалось купить новую пару платья; но когда онъ, возвратившись съ прогулки по Невскому проспекту, заснулъ крѣпкимъ сномъ, то, проснувшись, долженъ былъ убѣдиться, что платье его похищено, и ему пришлось снова щеголять въ изношенномъ сюртукѣ. А между тѣмъ въ юношѣ кипѣли силы, и онъ сознавалъ свое призваніе, будучи въ то же время обреченъ на безсрочное долгое терпѣніе. Положеніе сдѣлалось еще труднѣе, когда молодой

<sup>1)</sup> Вольфъ «Хроника С.-Петербургскихъ театровъ», т. I, стр. 32.

артистъ женился и семья его быстро росла, и все-таки, несмотря на явную благосклонность къ нему публики, ему предстояло еще отчаянно и упорно бороться съ нуждой.

Въ этотъ первый періодъ своей артистической дѣятельности Мартыновъ переигралъ множество водеvilныхъ ролей, затѣмъ ему приходилось при тогдашнемъ репертуарѣ участвовать большей частью въ мелодрамахъ. Относительно водевилей возможно предположеніе, что они могли быть даже полезны для молодого артиста, какъ школа—по крайней мѣрѣ такое мнѣніе о водевилѣ существуетъ у нѣкоторыхъ опытныхъ артистовъ: сыграть водевилъ далеко не легко, и способностямъ артиста здѣсь всегда найдется извѣстное приложеніе—при томъ, конечно, условіи, чтобы водевилъ не былъ какой-нибудь ничтожной пошлостью. Но мелодрамы, по своей неестественности, могутъ только вредить или по меньшей мѣрѣ задерживаютъ развитіе таланта. Какъ бы то ни было, черезъ все это надо было пройти, чтобы найти наконецъ свое мѣсто на сценѣ. Последнее было не легко для Мартынова еще и потому, что онъ всегда былъ совершенно чуждъ низкопоклонства, а между тѣмъ оно было почти необходимо въ театральнѣйшей сферѣ, при чемъ угождать надо было не только театральному начальству, но даже и Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину, имѣвшему тогда большое вліяніе въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, а въ томъ числѣ даже и въ театрѣ, благодаря издаваемой имъ «Сѣверной Пчелѣ» и весьма не равнодушному къ самой подлой лести и подслуживанью. Дѣло въ томъ, что вліятельнымъ и почти единственнымъ органомъ, гдѣ печатались театральные отчеты и рецензіи, была тогда почти исключительно «Сѣверная Пчела», чрезвычайно любившая, чтобы артисты являлись къ ней на поклонъ въ редакцію, а такъ какъ «Пчела» никогда не имѣла удовольствія видѣть у себя въ редакціи Мартынова, то и предпочитала хранить о немъ гробовое молчаніе, какъ бы хороша ни была игра молодого артиста. Само собой разумѣется, что долго продолжаться такъ не могло, и Мартыновъ при своемъ выдающемся талантѣ, хоть и поздно, былъ вознагражденъ за это намѣренное замалчиванье его заслугъ восторженными похвалами другихъ органовъ печати и постоянными аплодисментами публики, которые наконецъ заставили иныхъ опасаться, чтобы эти триумфы не отозвались вредно на игрѣ артиста. Въ своей статьѣ «И мои воспоминавія о театрѣ» Р. М. Зотовъ писалъ въ 1840 г.: «Мартыновъ сдѣлался нынѣ однимъ изъ любимѣйшихъ сюжетовъ. У него много комизма, и если онъ усовершенствуется, то будетъ очень хорошимъ артистомъ. Къ сожалѣнію, онъ впадаетъ часто въ неестественность и тривіальность.

«И это все происходитъ отъ неумѣренныхъ похвалъ журналистовъ и отъ страсти къ аплодисментамъ, которые погубили

столько талантовъ! Да спасти его судьба отъ этого несчастія! Истинный комизмъ всегда соединенъ съ естественностью, чистымъ вкусомъ и благородствомъ: какъ бы низка ни была играемая роль,—но истинное искусство можетъ ее облагородить и украсить на сценѣ,—а малѣйшая тривіальность уронить ее еще больше. Г. Мартыновъ имѣетъ много, очень много опоспособностей и неподдѣльнаго дарованія. Недостаетъ ему друзей съ чистымъ вкусомъ и безпристрастною опытностью» <sup>1)</sup>. Пусть такъ; но это еще болѣе показываетъ трудность достиженія истиннаго успѣха и славы на сценическомъ поприщѣ, и тѣмъ болѣе чести артисту, преодолевшему всѣ препятствія. Впрочемъ, намъ кажется сомнительнымъ это безпокойство Зотова и его жалобы на лишнія похвалы печати молодому Мартынову. Можетъ быть, Зотову пріятнѣе были такіе отзывы о Мартыновѣ, какъ О. В. Булгарина, который находилъ, что «Мартыновъ отлично хорошій буффо, т. е. комикъ, разыгрывающій не характерныя, но смѣшныя роли, карикатуры» <sup>2)</sup>. И только! Больше ничего не сумѣлъ разсмотрѣть въ даровитомъ комикѣ Ѳаддей Венедиктовичъ, имѣвшій замѣчательный даръ не понимать ничего истинно-замѣчательнаго и превозносить бездарность. А между тѣмъ въ то же почти время Бѣлинскій уже сравнивалъ Мартынова съ Живокини и даже предсказывалъ первому болѣе блистательную будущность. «Что касается до Живокини—здѣсь (въ Петербургѣ) Мартыновъ, и какъ онъ еще молодъ, и можно надѣяться, что будетъ совершенствоваться, то едва-ли не Москва должна завидовать Петербургу» <sup>3)</sup>. «Вотъ, господа, талантъ! Если онъ будетъ изучать и учиться, то не только водевилъ, но и комедія долго еще не осиротѣютъ на Александринскомъ театрѣ» <sup>4)</sup>.

Въ большинствѣ же отчетовъ обыденныхъ и мало извѣстныхъ театральныхъ обозрѣвателей мы еще находимъ очень скудныя свѣдѣнія о Мартыновѣ; его обыкновенно хвалятъ, но еще далеко не подозреваютъ его будущаго значенія. Мы узнаемъ только, что «Мартыновъ наградила сторицею за скуку», которую успѣла нагнать пьеса и другіе исполнители <sup>5)</sup>, что въ сценѣ, въ которой онъ является въ женскомъ платьѣ, публика не умолкала отъ хохота <sup>6)</sup>, что въ маленькой роли учителя чистописанія, дающаго уроки барышнѣ тайкомъ отъ ея жениха, онъ явился передъ публикой типичнымъ лицомъ съ тщательно приглаженной

<sup>1)</sup> „Репертуаръ“, 1840, II, „И мои воспоминанія“ Р. М. Зотова, стр. 49.

<sup>2)</sup> „Репертуаръ русской сцены“, 1840, I, „Панорамическій взглядъ“, стр. 24.

<sup>3)</sup> Сочиненія Бѣлинскаго, т. III, стр. 181.

<sup>4)</sup> Тамъ же, стр. 189.

<sup>5)</sup> „Репертуаръ русской сцены“, 1839, II, „Отчетъ объ Александринскомъ театрѣ“, стр. 13.

<sup>6)</sup> Тамъ же, „Хроника Александринскаго театра“, стр. 3.

головкой, обращая самое строгое вниманіе также и на всю внѣшность, начиная съ костюма и до послѣдняго жеста, съ характеристическими манерами, костюмомъ и интонаціей. Во всякомъ случаѣ уже съ самаго начала Мартыновъ сталъ заявлять себя между прочимъ искусствомъ гримироваться, въ которомъ впоследствии онъ имѣлъ единственнаго соперника въ лицѣ В. В. Самойлова. Мартыновъ часто умѣлъ забавлять публику въ самыхъ пустыхъ и безцвѣтныхъ роляхъ <sup>1)</sup>. Подобно Самойлову, и ему особенно трудно было выдвинуться при Дюрѣ, хотя и на его сторонѣ, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ», были также «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», издаваемые Краевскимъ. Тамъ часто попадаются уже въ концѣ 30-хъ годовъ благопріятные отзывы объ его игрѣ, напримѣръ, что въ водевилѣ Григорьева II «Свѣтъ въ новомъ родѣ или поѣздка въ Парголово» Мартыновъ игралъ стараго подъячаго, вѣчнаго титулярнаго совѣтника, задумавшаго жениться на дочери откупщика;—костюмъ, движенія, голосъ, взглядъ—все это было совершенствомъ благородной карикатуры, которая въ самомъ серьезномъ жителѣ возбудитъ не только улыбку, но полный, громкій, неудержимый смѣхъ <sup>2)</sup>. «А въ то же самое время критикъ «Сѣверной Пчелы» В. В. В., т. е. Владиміръ Строевъ, писалъ: «Можетъ ли «Недоросль» идти хорошо, когда Митрофана играетъ Мартыновъ? Этотъ молодой артистъ по недостатку врожденнаго комизма (?) всегда прибѣгаетъ къ фарсамъ». Театральная администрація, въ свою очередь, тоже почему-то долго не благоволила къ Мартынову и давала артисту Куликову, извѣстному будущему режиссеру, явное предпочтеніе какъ передъ нимъ, такъ и передъ В. В. Самойловымъ. До чего доходило униженіе великаго артиста, можно судить уже потому, что его заставляли иногда въ дивертисментахъ просто плясать трепака. Мартынову, какъ артисту, приходилось также раздѣлять негодованіе слѣпыхъ приверженцевъ рутинѣ съ такими гениальными драматическими писателями, какъ Гоголь. Однажды «Репертуаръ и Пантеонъ», желая тѣмъ паче унижить неудачную передѣлку для сцены «Мертвыхъ Душъ», утверждалъ, что неуспѣхъ пьесы былъ полнѣйшій и что даже Мартыновъ разсказомъ о капитанѣ Колѣйкинѣ не только не сорвалъ улыбки съ устъ публики, но чуть не усыпилъ ее.

Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже встрѣчались враждебные отзывы о Мартыновѣ, и все чаще отмѣчались крупныя достоинства его игры. Число поклонниковъ его возросло чуть не съ каждымъ днемъ, и если еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ однажды къ нему неожиданно явился благо-

<sup>1)</sup> «Репертуаръ и Пантеонъ», 1843, III, X, стр. 7.

<sup>2)</sup> Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду».



дарить за высокія художественныя наслажденія незнакомецъ, оказавшійся барономъ Брамбеусомъ, съ тѣхъ поръ какъ ему удалось выступить то въ «Школѣ Жѣнщинъ», то въ «Скупомъ» Мольера, то въ пьесахъ Гоголя,—между знатоками разногласіе уже постепенно смолкаетъ. Мартыновъ заставляетъ положительно изумляться быстрому росту своего таланта. Однажды въ пьесѣ «Дѣдушка Назаръ Андреевичъ» онъ въ высшей степени художественно изобразилъ безпредѣльное добродушіе дѣдушки. «Этого дѣдушку превосходно сыгралъ г. Мартыновъ» — замѣчаетъ «Репертуаръ»: «сколько искусства, сколько таланта! Едва вѣришь, чтобы этого дѣдушку игралъ такой молодой человѣкъ, какъ г. Мартыновъ. Высокій талантъ» <sup>1)</sup>. И все-таки матеріальное положеніе артиста почти не улучшалось и въ сущности продолжало оставаться самымъ незавиднымъ: изъ его автобіографіи видно, что въ то же самое время, когда, по выраженію г. Вольфа, онъ выносилъ на своихъ плечахъ весь репертуаръ, онъ продолжалъ получать низкій окладъ въ 609 руб. ассигнаціями и бѣдствовалъ съ семьей самымъ отчаяннымъ образомъ, являясь иногда на спектакли голодный и холодный. Такъ поощрялись тогда геніальные артисты!..

Въ 1840 годахъ Мартынову приходилось часто играть въ пустѣйшихъ и нелѣпѣйшихъ водевиляхъ вродѣ «Здравствуйте, братцы, или прощайте», «Тигровая кожа», «Рецептъ для исправленія мужей». Но, какъ мы говорили, на его долю стали выпадать уже и такія роли, какъ роль Гарпагона, въ которой Мартыновъ игралъ этого типичнаго скупца превосходно и вполне самостоятельно, не поддаваясь вліянію даже Щепкина. Въ «Игрокахъ» Гоголя онъ былъ такъ хорошъ въ роли Замухрышкина, что Бѣлинскій замѣтилъ по поводу его игры: «мы только тутъ, вполне разгадали, какимъ огромнымъ талантомъ обладаетъ этотъ молодой артистъ, потому что только художественно-созданныя и исполненные глубокаго смысла роли могутъ быть пробнымъ камнемъ таланта» <sup>2)</sup>. Бѣлинскій находилъ, что если бы Мартыновъ развилъ въ себѣ патетическій элементъ до той же высокой степени, до какой онъ развилъ въ себѣ комическій, то «на петербургской сценѣ былъ бы свой Щепкинъ» <sup>3)</sup>. Любопытно, что даже толпа стала наконецъ высказывать о Мартыновѣ сужденія чрезвычайно мѣткія и не лишенныя извѣстной остроты и проницательности. Такъ, когда въ концѣ 1846 года поставлена была на сцену пьеса Яфимовича «Кошечей», въ которой Мартынову принадлежала роль скупца Дряжкина, представлявшаго собою очевидно подражаніе

<sup>1)</sup> „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1842, XIII, „Александринскій театръ“, стр. 22.

<sup>2)</sup> Соч. Бѣлинскаго, т. IX, стр. 227.

<sup>3)</sup> Соч. Бѣлинскаго, т. XII, стр. 46.

изображенію Плюшкина съ прибавленіемъ кое-какихъ мелодраматическихъ эффектовъ, то въ публикѣ раздавались голоса, что «губить родныхъ и закалывать не Мартыновское, а Каратыгинское дѣло» <sup>1)</sup>. Въ пьесѣ Кони «Дѣловой человѣкъ» Мартыновъ сумѣлъ вполне проникнуть въ характеръ и тѣсно сродиться съ формами и манерами солиднаго чиновника съ крестомъ на шеѣ, съ просѣдью въ волосахъ и прекрасною молодою женщиной въ законномъ бракѣ <sup>2)</sup>. Въ «Мнимомъ больномъ» онъ создалъ типъ шарлатана-доктора, и наконецъ онъ имѣлъ большой успѣхъ въ извѣстномъ водевилѣ Ленскаго «Левъ Гурычъ Синичкинъ». Сверхъ того во многихъ другихъ комическихъ роляхъ онъ обнаруживалъ столь сильный талантъ, что заставлялъ публику хохотать до слезъ. Онъ игралъ мастерски однажды даже въ женской роли, именно въ пьесѣ Яфимовича «Нашествіе иноплемennыхъ», гдѣ изображалъ горничную; впрочемъ, въ данномъ случаѣ онъ былъ только невыразимо смѣшенъ, но иллюзіи не получалось. Но всего блистательнѣе онъ проявилъ свой талантъ въ водевилѣ «Приключеніе въ Полюстровѣ». Надо замѣтить, что стѣсненный нуждою, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ необыкновенно щедрый и гостепріимный, ничего не жалѣвшій не только для родныхъ и близкихъ людей, но и для знакомыхъ вообще, Мартыновъ очень часто попадалъ въ крайне затруднительное положеніе, но, привыкнувъ всегда вполне полагаться на свой трудъ и талантъ, рѣшительно не признавалъ никакихъ расчетовъ и бюджетовъ и точно также не всегда умѣлъ распорядиться своимъ временемъ. Все это приводило къ тому, что онъ долженъ былъ предпринимать въ свободное время поѣздки въ провинцію, исполнять множество разнообразныхъ ролей и вообще вести беспорядочную и безпokoйную жизнь и т. п. Въ послѣднемъ отношеніи онъ впалъ въ ошибку, сходную съ ошибкой артистки Асенковой. Даже сослуживцы его просто не могли постигнуть, когда онъ успѣвалъ не только изучать, но хотя обдумывать роли. Къ тому же Мартынова чрезвычайно избаловалъ его необыкновенный талантъ: онъ часто даже на послѣднихъ репетиціяхъ читалъ роли по тетрадкѣ и при томъ какъ школьникъ, безъ всякаго выраженія, но когда онъ выходилъ на сцену, то своей игрой приводилъ публику въ восторгъ, а своихъ сотоварищей-артистовъ—въ величайшее изумленіе: до того поразительна была разница между его зауряднымъ чтеніемъ роли на послѣдней репетиціи и художественнымъ исполненіемъ ея передъ публикой. Отсюда въ немъ развилась наконецъ такая самоувѣренность, что, попавъ въ дружескую компанію, онъ совершенно непростительнымъ образомъ забывалъ иногда о завтрашнемъ спектаклѣ. И вотъ случилось однажды, что на послѣд-

<sup>1)</sup> Вольфъ, „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ“, т. I, стр. 119.

<sup>2)</sup> Соч. Бѣлинскаго, т. XII, стр. 40.

ней репетиціи онъ поразилъ всѣхъ совершеннымъ отсутствіемъ подготовки къ представленію. Насталъ день спектакля. Воѣ артисты боялись за своего любимаго товарища, который, какъ положительно воѣ они знали навѣрное, не успѣлъ усвоить себѣ рѣшительно ни одного слова изъ роли. Мартыновъ вышелъ изъ затрудненія слѣдующимъ образомъ: онъ вышелъ на сцену съ трубкой и, по обыкновенію прислушиваясь къ словамъ суфлера, безостановочно курилъ и медленно, отрывочно произносилъ слова, и такимъ образомъ благополучно провелъ свою роль. Но особенно замѣчательно было то, что Мартыновъ не просто извернулся въ критическомъ положеніи, но создалъ превосходный и оригинальный типъ, воплотивъ вѣрный дѣйствительности. «Въ этомъ лицѣ»—говорить «Репертуаръ»—«была не карикатура, не пошлая насмѣшка надъ чиновникомъ: нѣтъ, это фізіологія цѣлаго класса людей, составляющаго значительную часть нашего общества, фізіологія рѣзкая, поразительная своей истиной, заключающая въ себѣ полную исторію быта, понятій, помысловъ цѣлой касты. Глядя на этого чиновника, вы въ одинъ мигъ угадываете степень его образованности, его наклонности и желанія; вы видите его прошедшее и будущее; узнаете, каковъ онъ долженъ быть съ начальникомъ и каковъ съ подчиненными—вся душа его передъ вами на изнанку <sup>1)</sup>»).

Въ 40-хъ годахъ репертуаръ Мартынова былъ уже гораздо серьезнѣе и разнообразнѣе: въ «Ревизорѣ» онъ игралъ Бобчинскаго и Хлестакова (впрочемъ, послѣднюю роль не особенно удачно), Подколесина въ «Женитьбѣ», Ихарева въ «Игрокахъ», Бортоло въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», Загорѣцкаго въ «Горе отъ ума», могильщика въ «Гамлетѣ» и Гарпагона, Журдена, Сганареля и Жеронта въ Мольеровскихъ роляхъ. Въ пьесѣ «А. и Ф.» роль Мордашева была рѣшительно триумфомъ Мартынова, особенно выразительно произносившаго любимыя слова де-опота семьи, съ которыми онъ постоянно обращается къ домашнимъ: «Я такъ хочу, ни слова, ни полслова, ни четверть слова!»

Главные достоинства Мартынова, какъ комика, заключались въ томъ, что, кромѣ совершеннаго перерожденія въ каждой новой роли, онъ былъ одаренъ воѣми стихіями высоко-комического выраженія и обладалъ замѣчательнымъ артистическимъ тактомъ, позволявшимъ ему вѣрно угадывать существенную комическую черту изображаемаго характера. Мартыновъ умѣлъ создавать роль по нѣсколькимъ намекамъ на нее въ пьесѣ, вслѣдствіе чего ему удавалось вдохнуть жизнь въ самые безцвѣтные характеры; въ пьесѣ Аксея «Квартетъ» онъ долженъ былъ въ роли глухаго любителя музыки сказать всего нѣсколько словъ, но онъ умѣлъ изъ этого скуднаго матеріала произвести чудное, художественное созданіе, нарисовать самыми яркими красками тонъ меломана.

<sup>1)</sup> «Репертуаръ и Пантеонъ», 1848, 2, „Театральная Лѣтопись“, стр. 40.

Кто не знаетъ Мартынова, кого онъ не морилъ со смѣху? Мартыновъ въ отношеніи къ игрѣ настоящій Протей. У него, что роль, то другой человѣкъ. Не однимъ парикомъ и фраккомъ, не одной искусно подмалеванной маской, опредѣляетъ онъ индивидуальность дѣйствующаго лица, онъ создаетъ характеръ тамъ, гдѣ его нѣтъ въ пьесѣ. Почти каждой роли своей Мартыновъ придаетъ общую, типическую фізіономію, столь же глубоко обдуманную, столь же гармонически согласованную во всѣхъ своихъ подробностяхъ, какъ и мастерски выдержанную, — съ первой сцены до послѣдней. Возьмемъ, для примѣра, хоть Наумыча въ «Женѣ кавалериста». Извольте видѣть, тутъ и лицо, и руки, и ноги, и туловище, и голосъ—все глупо, все смѣшно до крайности и все подгуляло. Особенно интересенъ для нашихъ землевладѣльцевъ Мартыновъ въ роли Точки въ «Полубовномъ размежеваніи». «Это онъ! это онъ!» могли бы мы запѣть хоромъ на мотивъ въ «Дочери второго полка» и поклониться Мартынову, какъ первообразу несчетнаго множества знакомыхъ въ этомъ родѣ <sup>1)</sup>).

Наконецъ, что всего главнѣе, въ игрѣ этого артиста всегда было такъ много души, что онъ увлекалъ и волновалъ зрителей разнообразными чувствами—и все это доставалось ему легко, почти шутя. Только одного недоставало Мартынову—это обаятельной, задумчивой веселости, которая дѣлала такими привлекательными даже фарсы Живокини, и не всегда, какъ мы говорили, давались ему также роли иностранцевъ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ былъ небольшой промежутокъ времени, когда слава Мартынова готова была нѣсколько померкнуть, когда въ печати высказывалось недовольство имъ и въ ущербъ ему высоко ставились другіе артисты, особенно Самойловъ. Время это было очень непродолжительно, и неблагоприятныя впечатлѣнія вскорѣ не только совершенно изгладились, но и смѣнились самыми блестящими триумфами, какіе только суждены были ему за все время его сценической карьеры. До сихъ поръ Мартынова считали исключительно талантливымъ или даже, пожалуй, геніальнымъ комикомъ, какъ вдругъ онъ выступилъ съ огромнымъ успѣхомъ въ народной драмѣ Потѣхина «Чужое добро въ прокъ не идетъ». Здѣсь снова передъ изумленной публикой во всемъ блескѣ развернулся колоossalный талантъ артиста, и съ этихъ поръ до самой смерти его слава продолжала возрастать непрерывно. Въ роли Михаила онъ былъ превосходенъ. Послѣ этого онъ превосходно исполнялъ роль Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго», хотя все-таки въ ней онъ и не могъ сравниться съ московскимъ артистомъ П. М. Садовскимъ. Въ 1859 г. Мартыновъ выступилъ въ пользовавшихся тогда большимъ успѣхомъ пьесахъ Чернышева: «Не въ деньгахъ счастье»;

<sup>1)</sup> «Пантеонъ», 1852, 4, Театральная Лѣтопись, стр. 40.

«Отецъ семейства» и «Женихъ изъ долговаго отдѣленія». Въ первой изъ этихъ пьесъ Мартыновъ съ большимъ успѣхомъ исполнялъ роль плута купца Боярышника, который бросилъ на произволъ судьбы свою возлюбленную съ дочерью Машенькой, женился изъ-за приданого на нелюбимой женщинѣ. Вообще — говорили — «Мартыновъ, какъ и Щепкинъ, играютъ только въ хорошихъ роляхъ, тогда какъ Самойловъ и Шумскій соглашались иногда исполнять и посредственные роли, для того собственно, чтобы заставить всѣхъ говорить, что хорошій артистъ можетъ все сдѣлать даже изъ плохой роли» <sup>1)</sup>). Публика вдругъ оцѣнила великаго артиста, и часто въ антрактахъ слышались восторженные толки о его гениальности, какъ будто это было какое-нибудь неожиданное открытіе. Литераторы окружили Мартынова большимъ почетомъ, приходили къ нему въ уборную, обнимали, привѣтствовали; въ честь его давали обѣды, произносили стихи. Популярность Мартынова до того росла въ послѣдніе годы его жизни, что имя его стало извѣстно въ Европѣ, и иностранные артисты, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, живо интересовались его игрой. Одинъ изъ нихъ, вѣкто Алланъ, — признавалъ даже, что во всю свою жизнь ему не случалось встрѣчать такой сильной талантъ ни на одной изъ европейскихъ сценъ. Другой артистъ, иностранецъ Лабрашъ, однажды смѣялся отъ души, глядя на Мартынова въ «Знакомыхъ незнакомцахъ», и когда его съ удивленіемъ спросили, развѣ онъ понимаетъ по-русски, онъ, говорятъ, отвѣтилъ: «Я не понимаю по-русски ни слова, но я понимаю. Мартынова». Въ «Грозѣ» Мартыновъ игралъ роль Тихона Кабанова и вложилъ въ нее столько души и особенно столько драматизма въ заключительной сценѣ, гдѣ у Тихона прорываются среди глубокаго отчаяннаго вопля жестокія слова укора матери, что трудно было удержаться отъ слезъ. Вообще на границѣ шестидесятыхъ годовъ этотъ артистъ привлекалъ публику больше всего въ драматическихъ роляхъ. И вотъ именно въ то время, когда онъ находился въ апогеѣ славы, когда его дарованіе сверкало яркимъ пламенемъ, — какъ оказалось, вскорѣ, — дни артиста были уже сочтены, такъ что послѣдніе триумфы его сдѣлали еще болѣе нервическимъ и трогательнымъ прощаніе публики съ такимъ гигантскимъ талантомъ...

Какая жестокая насмѣшка судьбы! Именно въ два-три послѣднихъ года жизни Мартыновъ былъ наконецъ въ высшей степени удовлетворенъ нравственно: человекъ застѣнчивый и скромный, онъ не любилъ шумныхъ овацій и смущался, когда его чествовали публично, но чувство благодарности оцѣнившей его публики и сознаніе полного своего сценическаго торжества нерѣдко переполняли его душу самымъ чистымъ

<sup>1)</sup> «Русск. сцена», 1864, № 6.

и свѣтлымъ счастьемъ, какое только достается когда-нибудь человѣку. Теперь общество боготворило Мартынова, и товарищи всегда искренно желали ему успѣховъ на сценѣ и въ жизни и такъ единодушно любили его, какъ едва-ли могли любить кого-нибудь другаго. И въ самомъ дѣлѣ, личность его была въ полномъ смыслѣ слова обаятельная: всегда веселый и радушный, въ высшей степени доброжелательный ко всѣмъ и каждому, Мартыновъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, въ обществѣ которыхъ забывается горе и чувствуется на душѣ легко. Мартыновъ умѣлъ любить своихъ друзей беззаветно, ничего не жалѣя для нихъ и будучи всегда готовъ для каждаго изъ нихъ пожертвовать послѣднимъ. Всѣ воспоминанія о немъ рѣшительно сходятся въ признаніи за этой дивной душой замѣчательной сердечной теплоты. Подобные люди встрѣчаются въ жизни не часто и оставляютъ по себѣ обыкновенно самое свѣтлое воспоминаніе. Мартыновъ, не будучи эгоистомъ, не могъ подозрѣвать и въ другихъ людяхъ мелочныхъ расчетовъ, продажности, вообще никакихъ низкихъ побужденій. Зато безгранично добрый и въ другихъ случаяхъ, онъ способенъ былъ иногда дать чувствительный урокъ какому-нибудь безстыжему нахалу. Такъ въ своей интересной книгѣ «Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы» г. Максимовъ рассказываетъ любопытный случай, какъ Мартыновъ проучилъ одного зазнавашагося сановника, когда-то въ бѣдности и нищетѣ пользовавшагося его помощью. За имениннымъ столомъ Мартыновъ не спускалъ глазъ съ своего прежняго пріятеля и, наконецъ, на вопросъ послѣдняго о причинѣ этого, сказалъ, что онъ такъ пристально всматривается въ него потому, что сомнѣвается, та ли это личность, которую онъ когда-то знавалъ.

— Неужели я такъ перемѣнился?—съ небрежной улыбкой спросилъ сановникъ.

— Да, невѣроятно, перемѣнились! — отвѣчалъ Мартыновъ: прежде я васъ жалѣлъ, а теперь боюсь.

Послѣ этихъ словъ онъ началъ въ присутствіи всѣхъ гостей напоминать своему жалкому собесѣднику прошлое и привелъ его въ такое замѣшательство, что тотъ уже на всю жизнь сдѣлался заклятымъ врагомъ Мартынова <sup>1)</sup>. Умѣлъ также Мартыновъ отпарировать дерзкую выходку, съ достоинствомъ пристыдить охотниковъ до колкостей. Но въ своемъ домѣ, въ обществѣ пріятелей и знакомыхъ, это былъ по истинѣ золотой человѣкъ: такого радушія, такого гостепріимства нельзя себѣ представить. Домъ его былъ всегда открытъ для гостей, и этотъ образъ жизни обходился ему настолько дорого, что, по словамъ г. Максимова, ежемѣсячный счетъ, подаваемый булочникомъ, никогда не былъ меньше ста

<sup>1)</sup> «Свѣтъ и тѣни Петербургской драматической труппы», 45—46.

рублей. И находились люди, которые за спиной по этому поводу смѣялись надъ Мартыновымъ и увѣряли съ цинизмомъ, что потому ходять къ нему ужинать, что «въ Мартыновскомъ трактирѣ угощеніе обходится несравненно дешевле всѣхъ прочихъ».

По благородству характера и необыкновенной общительности, къ Мартынову больше всѣхъ подходилъ Иванъ Ивановичъ Сосницкій. Этотъ артистъ, подобно Мартынову, въ высшей степени деликатно обходился съ такъ называемыми маленькими актерами, никогда не давалъ чувствовать своего превосходства и старался всегда поставить себя съ ними на такую ногу, чтобы самый робкій былъ свободенъ и веселъ въ его обществѣ. Сосницкому и Мартынову было бы непріятно видѣть со стороны какого-нибудь мелкаго сослуживца низкое подобострастіе, и они больше всего заботились о томъ, чтобы ихъ товарищи не унижали достоинства артиста и нисколько не думали о собственномъ превознесеніи надъ низшими.

Легко, однако, понять, что житейская проза, жестоко мстящая обыкновенно за пренебреженіе къ себѣ, не пощадила и Мартынова: онъ могъ жить широко, постоянно содержа у себя цѣлое населеніе, покрывая всѣ издержки своимъ огромнымъ заработкомъ, который доставлялъ ему талантъ; но силы его истощались, и жизненная энергія должна была рано погаснуть. Въ сферѣ артистической, разумѣется между крупными артистами, всего чаще встрѣчаются такіе люди, слишкомъ увѣренные въ себѣ, желающіе сильно жить и не разсчитывающіе своихъ силъ. Въ опьяняющемъ водоворотѣ постоянного напряженія душевныхъ силъ и захватывающаго и потрясающаго душу успѣха легко вырабатываются характеры людей, подобныхъ Мартынову или Дюру. Зато и жизненный расчетъ нерѣдко наступаетъ для нихъ слишкомъ рано. Для Мартынова при его широкой, страстной натурѣ оказался гибельнымъ его послѣдній колоссальный успѣхъ. «Слава о гигантскомъ талантѣ Мартынова» — говоритъ г. Бураковскій — «съ быстротой электрической искры распространилась въ обѣихъ столицахъ». Артиста буквально носили на рукахъ, давали въ честь его обѣды, — подносили ему альбомы. Весь этотъ наплывъ сильныхъ впечатлѣній, безъ сомнѣнія, подтачивалъ и безъ того ослабленный неумѣренной жизнью организмъ. На одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Мартынова литераторами, онъ былъ застигнутъ врасплохъ произносимыми въ честь его рѣчами и вызвалъ даже серьезное неудовольствіе: ему ставили въ упрекъ, что онъ долженъ былъ ожидать привѣтствій и хотя бы приготовиться заранѣе къ отвѣту на нихъ. Но Мартыновъ, не принадлежавшій къ числу мастеровъ застольнаго краснорѣчія, дотога глубоко почувствовалъ и неловкость своего положенія, и признательность къ чествующимъ, что, вернувшись домой, спѣшно передалъ своей женѣ альбомъ съ рѣчами и стихами, бро-

сился на диванъ и громко зарыдалъ. Между тѣмъ, какъ это обыкновенно бываетъ, чествованія сопровождались обильными возліаніями Бахусу и чрезмѣрнымъ подъемомъ всей нервной системы, такъ что результатомъ всего этого не замедлила явиться тяжкая болѣзнь, подточившая силы Мартынова и вскорѣ уложившая его въ могилу. Онъ началъ сильно болѣть еще съ 1857 г., когда лѣтомъ жилъ въ Павловскѣ. Послѣ того какъ опасность миновала, друзья уговорили его поѣхать лѣчиться за границу, въ Италію и въ Эмсъ. Лучшіе заграничные медицинскіе авторитеты высказались въ томъ смыслѣ, что, несмотря на разстроенное состояніе легкихъ, здоровье больного можетъ быть восстановлено при нормальномъ образѣ жизни. Къ сожалѣнію, на послѣднее Мартыновъ былъ совершенно неспособенъ и, вернувшись въ Петербургъ, тотчасъ же по-прежнему бросился съ головой въ омутъ артистическихъ наслажденій и бурнаго упоенія жизнью. Онъ предпринялъ потомъ вторичную поѣздку за границу и наконецъ отправился на югъ Россіи; но здѣсь вмѣсто отдыха былъ принужденъ своимъ хроническимъ безденежьемъ работать сверхъ силъ; игралъ въ Воронежѣ, потомъ направился въ Харьковъ и наконецъ въ Одессу. Изъ Одессы онъ переехалъ въ Крымъ, чтобы пить въ Ялтѣ кумысъ. Знаменитый драматургъ, А. Н. Островскій, съ трогательнымъ участіемъ ухаживалъ за больнымъ, какъ нянька, приглашалъ докторовъ, наблюдалъ за исполненіемъ ихъ предписаній, но недоставшихъ легкихъ возвратить страдальцу было уже невозможно. 16-го августа 1860 года Александръ Евстафьевичъ скончался на рукахъ А. Н. Островскаго.

Такъ трагически и прежде времени кончилась жизнь великаго актера и благороднаго человѣка. Въ Одессѣ память усопшаго почтили достойнымъ образомъ: большое сочувствіе къ нему высказалъ собственно университетскій міръ. Три версты тѣло его несли артисты, перемежаясь со студентами. Но все это было ничто передъ тѣмъ печальнымъ торжествомъ, которое происходило потомъ въ Петербургѣ, когда туда былъ привезенъ гробъ покойнаго. Весь Невскій проспектъ былъ запруженъ отъ Знаменія до Адмиралтейства; много головъ высовывались изъ оконъ, всѣ балконы были набиты народомъ. Погода была чудная; всѣ дома были залиты солнечнымъ свѣтомъ. Когда гробъ хотѣли поставить на дроги, въ толпѣ раздались крики: «На рукахъ! Мы понесемъ его на рукахъ!» Но гробъ былъ такъ тяжелъ, что пришлось поставить его на дроги; тогда распрягли лошадей, и публика повезла гробъ на себѣ до самаго Смоленскаго кладбища. Кисти балдахина попеременно держали студенты Петербургскаго университета. Общее настроеніе и самое зрѣлище было по истинѣ умиротворительно. Когда гробъ провозили мимо Александринскаго театра, толпа настоятельно потребовала, чтобы на мѣстѣ служенія покойнаго артиста была совершена литія. Священникъ сму-



тился, боясь навлечь на себя суровую отвѣтственность, но вмѣстѣ съ тѣмъ, растрогавшись и подчинившись общему настроенію, не въ силахъ былъ отказать столь единодушно выраженному желанію предстоящихъ. Внезапно кто-то изъ толпы припомнилъ, что при театральномъ училищѣ есть церковь и что такимъ образомъ тяжелая отвѣтственность съ священника слагается... Къ сожалѣнію, отъ этой умилительной картины приходится перенестись мыслью къ чествованію памяти артиста черезъ годъ послѣ его кончины, когда на могилу къ нему стеклось всего нѣсколько человѣкъ близкихъ его родственниковъ... А теперь... многіе ли помнятъ Мартынова?!

**В. Шенрокъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



### Учрежденіе сибирскаго комитета.

*На подлинномъ написано: «Быть по сему».*

28-го іюля 1821. Царское Село.

Его императорское величество для разсмотрѣнія отчета, представленнаго сибирскимъ генераль-губернаторомъ по обозрѣнію сибирскихъ губерній, высочайше повелѣть соизволилъ составить особенный комитетъ. Къ присутствію въ ономъ назначаются дѣйствительные статскіе совѣтники: гр. Кочубей и гр. Гурьевъ, генераль-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ князь Голицынъ, сибирскій генераль-губернаторъ тайный совѣтникъ Сперанскій и государственный контролеръ тайный совѣтникъ баронъ Кампентаузенъ.

Положенія сего комитета имѣютъ быть представляемы на усмотрѣніе его императорскаго величества посредствомъ журналовъ. Для производства дѣлъ быть въ ономъ дѣйствительному статскому совѣтнику Цейлеру и состоящему при сибирскомъ генераль-губернаторѣ, корпуса инженеровъ путей сообщенія майору Батенкову.





## Встрѣча съ А. В. Сухово-Кобылинымъ.

**В**ъ срединѣ декабря 1888 года я выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, на рождественскія каникулы, съ почтовымъ поѣздомъ, въ спальномъ вагонѣ втораго класса. Четыре мѣста нашего отдѣленія были заняты съ первымъ звонкомъ; мои спутники быстро размѣстились и, прежде чѣмъ поѣздъ отошелъ, сидѣвшій у окна, наискось отъ меня, старикъ заснулъ. Моимъ сосѣдомъ былъ подполковникъ гренадерскаго полка, въ очкахъ, съ больными глазами, а напротивъ меня помѣстился плотный господинъ въ бобровомъ воротникѣ и боярской мѣховой шапкѣ, лѣтъ пятидесяти, съ просѣдью на широкомъ пріятномъ лицѣ.

Когда поѣздъ тронулся, старикъ проснулся. Наружность его носила печать изящества, предшествовавшего нашему поколѣнію. Черные волосы были зачесаны височками, красивые усы и изящно расчесанная небольшая борода, очень темнаго цвѣта, не могли скрыть старческую, нѣсколько вольтеровскую, складку рта; носъ съ горбинкой и яркіе, легко загоравшіеся въ разговорѣ, каріе глаза привлекали сразу вниманіе къ его красивому, благородному лицу.

Разговоръ начался тотчасъ же и охотно. Первой темой была болѣзнь глазъ подполковника, ѣхавшаго въ Петербургъ къ докторамъ. Оказалось, что и старикъ ѣдетъ въ Петербургъ по какимъ-то своимъ, особеннымъ дѣламъ, на удачу которыхъ онъ не надѣялся.

Это замѣчаніе возбуждало любопытство мое и господина въ боярской шапкѣ. Мы стали допытываться, какое дѣло такъ заботитъ нашего спутника, но онъ сначала отклонялъ наши вопросы и только потомъ, вечеромъ, въ разгарѣ бесѣды, мы услышали интересное признаніе.

Чтобы поддержать упавшій разговоръ, старый господинъ самъ за-

далъ нѣсколько вопросовъ и, узнавъ, что я изучаю сельское хозяйство, заговорилъ объ этомъ предметѣ съ живымъ интересомъ. Онъ и самъ, за свою долгую жизнь, много поработалъ въ деревнѣ, былъ однимъ изъ пионеровъ разведенія лѣса посадкой; въ своемъ имѣніи, въ Тульской губерніи, онъ имѣетъ уже пятьсотъ десятинъ посаженнаго лѣса, и труды его награждены большою удачей—лѣсъ растетъ прекрасно. Затѣмъ онъ сталъ спрашивать меня, какъ поставлено преподаваніе сельскаго хозяйства въ Петровской Академіи; но я не могъ достаточно обстоятельно ему отвѣтить, такъ какъ въ теченіе перваго семестра перваго курса, только-что прослушаннаго, не успѣлъ ознакомиться съ работой старшихъ курсовъ. Не удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, онъ пожелалъ узнать, какіе предметы я слушалъ, кто профессора, какъ читаютъ. На эти вопросы я охотно, съ радостью первокурсника, отвѣчалъ разсказомъ о профессорахъ и научныхъ предметахъ и, полный увлеченія лекціями зоологіи профессора К. Э. Линдемана, изящнаго оратора, обладающаго исключительнымъ даромъ краснорѣчія, особенно горячо передалъ своимъ собесѣдникамъ содержаніе послѣдней лекціи, закончившей семестръ и общую часть курса, въ которой была изложена теорія Дарвина. Услышавъ это имя, старикъ еще разъ заставилъ меня повторить о преемственномъ развитіи зоологическихъ формъ и видовъ и, очевидно отвѣчая своимъ мыслямъ, заговорилъ о томъ, что за его жизнь ему пришлось пережить столько всевозможныхъ запрещеній, налагавшихся на философскую и научную мысль,—и въ Россіи и за границей, гдѣ онъ живалъ подолгу,—что ему очень пріятно узнать, что теперь будущимъ дѣятелямъ въ области сельскаго хозяйства, вся жизнь которыхъ должна протечь въ общеніи съ природой, на первомъ же курсѣ дается прочное философское обоснованіе для правильнаго пониманія явленій природы.

Реплику подалъ сосѣдъ. Въ молодости онъ, занимаясь философіей, перевелъ трактатъ Спинозы; напечатать не позволили, а вотъ теперь, недавно, трактатъ этотъ вышелъ въ переводѣ Модестова.

Старикъ заинтересовался:

— Вы изволили заниматься философіей? Не изволили ли вы быть профессоромъ?

— Да, я имъ былъ нѣкоторое время, — неохотно отвѣтилъ нашъ спутникъ.

Съ живымъ огонькомъ въ глазахъ, старикъ сказалъ:

— Я тоже уже пятьдесятъ одинъ годъ занимаюсь философіей.

— Съ какого же возраста вы изучаете философію?—спросилъ я.

— Съ двадцати лѣтъ, — мнѣ теперь семьдесятъ одинъ, — отвѣтилъ онъ.

Такое признаніе, совершенно необычайное, возможное развѣ въ

качествѣ исключительно рѣдкой дорожной случайности, подогрѣло флегматичнаго профессора, и между нимъ и красивымъ старымъ философомъ завязалась интересная, живая и продолжительная бесѣда, окончившаяся послѣ полуночи, когда профессору и мнѣ пришлось лечь на верхнія мѣста. Для меня эта бесѣда была лекціей, въ формѣ діалога двухъ знатоковъ, по исторіи философской мысли въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіяхъ. Профессоръ также разошелся и охотно поддерживалъ горячую рѣчь старца. Наиболѣе выуклое впечатлѣніе у меня осталось отъ сдѣланнаго собесѣдниками сопоставленія ученій Гегеля и Дарвина, пришедшихъ, хотя и разными путями, къ идеѣ эволюціи.

Среди разговора профессоръ спросилъ: «Не литераторъ ли вы?» На это старикъ скромно отвѣтилъ: «Да, я немного писалъ».—Но при этомъ заявилъ, что въ теченіе пятидесяти одного года онъ обрабатывалъ философскую систему, которую окончилъ излагать письменно и везетъ теперь съ собою, желая печатать.

— «Конечно»,—прибавилъ онъ,—«я говорю въ своемъ сочиненіи и о религіи и о культѣ и не поступлюсь ни единымъ словомъ изъ написаннаго. Всякое исключеніе, какъ вы и сами понимаете, нарушитъ цѣльность труда, да и возможно предположить, что за пятьдесятъ лѣтъ мышленія»,—замѣтилъ онъ съ добродушнымъ юморомъ,—«я не собираюсь публиковать легкомысленныя вещи.—Однако, если все сочиненіе цѣликомъ нельзя будетъ напечатать, я его вовсе не обнародую»,—закончилъ онъ съ энергіей.

Кромѣ наружности и самая рѣчь стараго господина была необычна: слова принимали такую интонацію, которая соответствовала ихъ смыслу,—то кипучую, то болѣе покойную; а нѣкоторыя выраженія, красивыя въ его устахъ, звучали бы странно въ рѣчи другаго человека. Мнѣ припоминается, напримѣръ, что вмѣсто «слѣдовательно» онъ произносилъ «слѣдственно».

Утромъ, подъѣзжая къ Петербургу, я заговорилъ съ нимъ о сельскомъ хозяйствѣ за-границею. Онъ мнѣ разсказалъ, что у него и его жены есть помѣстье во Франціи, что крестьяне-сосѣди ихъ любятъ и не только по общему въ то время подъему интереса французскаго народа къ русскимъ, но и потому, что они съ женой давно живутъ въ этомъ имѣніи, знаютъ лично всѣхъ крестьянъ своей деревни и устроили имъ дѣтскія ясли. На вопросъ мой, правдиво ли описаніе французскаго крестьянина, сдѣланное Zola въ «La terre», онъ отвѣтилъ мнѣ, что да, вполнѣ правдиво, и что многія фигуры этого романа можно признать типичными, какъ, напримѣръ, Jesuscrist: такой точно типъ онъ знаетъ и въ своей деревнѣ.—О томъ, есть ли общія черты въ натурѣ русскаго

\*

мужика и французскаго земледѣльца, онъ положительно свидѣтельствуеъ, что французъ культуриѣе.

«Чувство чести больше развито во французскомъ крестьянинѣ. Разъ я замѣтилъ, что мои лозы повреждены свиньями; я пошелъ по слѣдамъ свиней и увидѣлъ, что слѣды приводятъ къ свинарнѣ одного крестьянина. Я ему говорю: «Ваши свиньи испортили мои лозы», а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Non, monsieur, ce ne sont pas les miens». Я удовольствовался пока такимъ отвѣтомъ, но въ другой разъ опять слѣды привели къ той же свинарнѣ; тогда я уже строго сказалъ тому же человѣку: «Какъ же вы утверждаете, что это не ваши свиньи ходятъ въ мой садъ, когда уже второй разъ я въ этомъ убѣждаюсь». На это крестьянинъ горячо возразилъ: «Monsieur! Quand je dis que ce ne sont pas les miens, c'est ainsi».—И, дѣйствительно, какъ потомъ оказалось, свиньи принадлежали другому.

Уже передъ самымъ Петербургомъ я расхрабрился и спросилъ интереснаго спутника:

— Вы вчера сказали, что вы, хоть и немного, но литераторствовали: какія ваши произведенія?

— Вотъ «Свадьба Кречинскаго», напимѣрь,—отвѣтилъ онъ просто.

— Вы Сухово-Кобылинъ!—воскликнулъ я съ великимъ изумленіемъ. И, наскоро, я сталъ его спрашивать, доволенъ ли онъ исполненіемъ какъ названной имъ комедіи, такъ и «Дѣла», которое я видѣлъ за годъ передъ тѣмъ въ Александринкѣ. Онъ очень похвалилъ Сазонова, Давыдова, Варламова, Арди.

Прощаясь, онъ спросилъ наши фамиліи. Я назвалъ себя, а профессоръ, къ немалой моей досадѣ, не пожелалъ сказать свою фамилію.

Быть можетъ, и ему теперь, послѣ извѣстія о кончинѣ А. В. Сухово-Кобылина, припомнится наша встрѣча съ этимъ интереснымъ человекомъ, и онъ также поблагодаритъ тотъ счастливый случай, который далъ намъ возможность увидеть Александра Васильевича, слышать его умную, образную, живую и кипучую рѣчь.

Воспоминаніе о встрѣчѣ съ А. В. Сухово-Кобылинымъ настолько мнѣ дорого, что я считалъ долгомъ сохранить его въ печати.

**Константинъ Ходневъ.**





## Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ.<sup>1)</sup>

(Очеркъ жизни и дѣятельности).

**З**анимаясь А. Е. Измайловымъ, мы заинтересовались личностью Павла Лукьяновича Яковлева, племянника упомянутого баснописца, сотрудника его по изданію журнала «Благонамѣренный» и альманаховъ, писателя, въ свое время пользовавшагося нѣкоторой извѣстностью. Правда, какъ литературная величина, П. Л. Яковлевъ врядъ ли возбудитъ въ настоящее время значительное къ себѣ вниманіе, но мы сочли не лишнимъ посвятить обзорѣнью его жизни и дѣятельности особый очеркъ.

Мы глубоко убѣждены въ настоятельной необходимости, въ настоящее время, детальнаго изученія не только крупныхъ, но и менѣе значительныхъ, мелкихъ, даже посредственныхъ авторовъ и дѣятелей минувшихъ эпохъ нашей литературы. Безъ сомнѣнія, всякій, кому приходила мысль о болѣе серьезномъ знакомствѣ съ такой хотя бы, на первый взглядъ, и болѣе изученной эпохой нашей науки и просвѣщенія, какъ напр. время Александра I-го, убѣждался воочію, какъ много еще неразгаданнаго, непонятнаго оставила намъ эта эпоха, какъ много необ-

---

<sup>1)</sup> Источниками и пособіями для составленія предлагаемаго очерка послужили (кромѣ матеріаловъ печатныхъ) архивныя данныя, извлеченныя нами изъ слѣдующихъ с.-петербургскихъ архивовъ: Сенатскаго (департаментъ герольдіи), Государственнаго и Главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ (азиатскаго департамента) и архива Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, хранящагося въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета. Кромѣ того, мы пользовались нѣкоторыми рукописями П. Л. Яковлева, а также неизданными письмами А. Е. Измайлова, любезно доставленными намъ Л. А. Максимовой и Н. П. Эйхе-Янсенъ. Ив. К.

слѣдовавшаго, прямо-таки непочатаго матеріала приходится разбирать для надлежащаго выясненія какого-либо явленія, иной разъ даже довольно крупнаго. Для читателя средняго, коего вниманіе приковывается къ себѣ блескъ наиболѣе выдающихся свѣтилъ на нашемъ литературномъ горизонтѣ, въ большинствѣ случаевъ не интересна та плеяда мелкихъ писателей, которая окружаетъ, напр., солнце нашей литературы — великаго Пушкина. Оно понятно: слава маленькихъ тружениковъ пера, эти «...маленькія славы всѣ гаснутъ при его лучахъ», и немудрено, если среднему читателю вся наша литература, хотя бы даже пушкинскаго періода, представляется какимъ-то неяснымъ, туманнымъ прошлымъ, тьму котораго разсѣкаютъ (но не разгоняютъ) лишь нѣсколько яркихъ лучей... — Все это, конечно, происходитъ исключительно отъ малаго, если не ничтожнаго, знакомства съ генезисомъ нашихъ историко-литературныхъ явленій, а послѣднее отъ сравнительно малой разработки завѣщаннаго намъ отъ предковъ матеріала. А это обстоятельство и создаетъ ту тьму, тотъ туманъ, который заволакиваетъ наше даже и недалекое прошлое отъ взоровъ порой и умудреннаго опытомъ изслѣдователя. Большинство успокаивается на пріятномъ любованіи звѣздъ яркихъ, даже какъ бы съ гордостью повторяя затверженный стихъ:

«Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды».

Но любопытный взоръ серьезнаго наблюдателя не довольствуется созерцаніемъ лишь ярко блещущихъ и всѣмъ видимыхъ звѣздъ, ибо знаетъ онъ, что все величіе и прелесть далекаго небосклона можно постигнуть лишь тогда, когда нашему глазу доступно наблюденіе за причудливой игрой большинства (если не всѣхъ) и малыхъ и великихъ свѣтилъ, которыя рѣютъ и мелькаютъ передъ нами, сверкая тысячью разнородныхъ цвѣтовъ. Возможность же такового наблюденія можетъ доставить только наука и ея приемы, которые, само собою разумѣется, могутъ развиваться и совершенствоваться лишь при болѣе серьезномъ интересѣ самой наукой со стороны общества и при болѣе достаточномъ количествѣ желанныхъ работниковъ на ея поприщѣ...

---

Имя Павла Лукьяновича Яковлева знакомо немногимъ любителямъ литературы и вообще принадлежитъ къ числу именъ забытыхъ. Сравнительно большей извѣстностью въ русской публикѣ пользуется братъ его, Михаилъ Лукьяновичъ. Близкій человѣкъ такимъ поэтамъ, какъ Дельвигъ и Пушкинъ, отличный пѣвецъ-любитель и композиторъ, М. Л. положилъ на музыку не мало произведеній только-что названныхъ поэтовъ. И донинѣ можно услышать въ музыкѣ М. Л. Яковлева напр.



слѣдующія стихотворенія Дельвига: элегія «Когда, душа, просилась ты», пѣсни «Пѣла, пѣла пташечка», «Роза ль, ты, розочка, роза душистая», затѣмъ Пушкина: «Я васъ любилъ», «Буря мглою небо кроетъ», «Слеза» и мн. др. Въ молодые годы онъ также писалъ и стихами и прозой<sup>1)</sup>, но литературные опыты его ниже композиторскихъ. — Оба брата Яковлевы были дѣти Лукьяна Яковлевича Яковлева, чиновника, не разъ мѣнявшаго мѣста своего служенія и наконецъ остановившагося на службѣ въ московскомъ архивѣ иностр. дѣлъ<sup>2)</sup>. Въ Москвѣ онъ прожилъ большую часть своей жизни, успѣлъ скопить незначительное состояніе и умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника. Павелъ Лукьяновичъ былъ на 3 года старше своего брата. Онъ родился въ 1789 году, въ Москвѣ, тамъ же получилъ первоначальное образованіе (М. Л. учился въ Царскосельскомъ лицѣѣ и былъ товарищемъ Дельвига и Пушкина). Скудные матеріалы для его біографіи, которыми мы располагаемъ, не позволяютъ разсказать съ удовлетворительной полнотой о молодыхъ годахъ его жизни, и мы принуждены довольствоваться главнымъ образомъ свѣдѣніями, даваемыми формуляромъ. Извѣстно, что П. Л. изучилъ основательно франц. и нѣмец. языки, такъ что могъ поступить на службу въ Московскій архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сначала актуаріусомъ, а затѣмъ (въ 1808 г.) и переводчикомъ. Служа въ коллегіи, онъ въ то же время состоялъ слушателемъ лекцій въ Московскомъ университетѣ, откуда въ 1812 г. и получилъ аттестатъ. Ко времени пребыванія его въ университетѣ относится и начало его литературной дѣятельности, открывшейся переводами. Такъ, въ 1811 году онъ перевелъ книгу Ф. Шелля: «Картина народовъ, населяющихъ Европу, и религій, исповѣдуемыхъ ими»<sup>3)</sup> и комедію барона Бильдербека «Отчаяніе любви» (съ франц.). Надо замѣтить, что въ П. Л. рано пробудилась любовь къ театру, которая не ослабѣвала въ немъ до конца дней. Изъ неизданныхъ писемъ дяди его — баснописца Измайлова, мы узнаемъ, что Яковлевъ «недурно игрывалъ на театрѣ, будучи еще студентомъ», талантъ его былъ комическій; изъ посвященія же, предпосланнаго упомянутой комедіи, видно, что П. Л. былъ знакомъ съ извѣстнымъ въ свое время всей Москвѣ хлѣбосоломъ Н. А. Дурасовымъ (ему же и посвя-

<sup>1)</sup> Онъ печатался въ „Невскомъ Зрителѣ“, „Благонамѣренномъ“ и нѣк. др. изд.

<sup>2)</sup> О немъ, какъ о хорошемъ знакомомъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, упоминаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Ф. Ф. Вигель. (См. его „Воспоминанія“, ч. I. М. 1892 г., стр. 159). См. о немъ также въ письмахъ Булгакова («Русск. Арх.» 1902 г., кн. I).

<sup>3)</sup> Переводъ посвященъ Н. Н. Бантышу-Каменскому, начальнику архива, въ которомъ служилъ П. Л. Яковлевъ. (См. рец. въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ 1812 г., ч. I, стр. 102).

щенъ переводъ этой комедіи). Дурасовъ, ведя роскошный образъ жизни, имѣлъ собственный театръ.

Отечественная война прервала на нѣкоторое время и службу и обычныя занятія Павла Лукьяновича. Неизвѣстно, принималъ ли онъ участіе въ этой войнѣ, но замѣчательные по своей точности, живости и подробностямъ рассказы его <sup>1)</sup> о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ нашествія иноземцевъ на Москву, пребыванія ихъ въ Первопрестольной и партизанскихъ схваткахъ даютъ основаніе предполагать, что П. Л. близко стоялъ къ военнымъ операціямъ 1812 года и едва-ли не испыталъ на себѣ тяжести непріятельскаго вторженія.—По возвращеніи въ Москву, онъ въ 1813 г. числился уже уволеннымъ изъ коллегіи и опредѣленнымъ въ Московское Горное Правленіе; но и тутъ онъ прослужилъ недолго: въ слѣдующемъ году мы видимъ его комиссіонеромъ въ Московскомъ Коммиссаріатномъ Депо. Въ 1818 году П. Л. оставилъ Москву, переѣхалъ на жительство въ Петербургъ и опредѣлился въ Государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Литературныя занятія, которыхъ Яковлевъ не покидалъ въ Москвѣ и послѣ непріятельскаго погрома (въ 1814 г. онъ издалъ между прочимъ и оригинальное сочиненіе: «Жизнь принцессы Анны»)<sup>2)</sup>, увлекли его здѣсь еще болѣе, чему способствовали и нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства. Дѣло въ томъ, что вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ сѣверную столицу онъ быстро познакомился и близко сошелся съ такими поэтами, какъ Дельвигъ (вѣроятно, не безъ посредства брата, съ которымъ Дельвигъ жилъ на одной квартирѣ <sup>3)</sup>), Боратынскій, Пушкинъ и др. Пушкинъ любилъ это веселое общество и, говорятъ, посѣщалъ его ежедневно вплоть до отъѣзда своего (въ 1818 г.) въ Михайловское. Да и по возвращеніи въ Петербургъ поэтъ, какъ извѣстно, не порывалъ дружескихъ связей съ только-что названными молодыми людьми; между прочимъ, сохранилось извѣстіе, что Дельвигъ и П. Л. Яковлевъ провожали поэта-изгнанника до Царскаго Села, когда тотъ собирался въ Кишиневъ<sup>4)</sup>. Въ литературныхъ знакомствахъ и связяхъ, безъ сомнѣнія, много помогалъ своему племяннику А. Е. Измайловъ, въ то время извѣстный баснописецъ, издатель журнала «Благонамѣренный». Яковлевъ, поселясь у своего

<sup>1)</sup> Въ романѣ „Удивительный человекъ“ (изд. отдѣльно) и въ „Разсказахъ Лужницкаго Старца“ („Благонамѣренный“ 1820 и 1821 г.г.).

<sup>2)</sup> Это небольшая брошюра, составленная по печатнымъ матеріаламъ и не представляющая ничего особеннаго ни въ литературномъ, ни въ историческомъ отношеніи. Она посвящена кн. Д. И. Лобанову-Ростовскому.

<sup>3)</sup> См. статью В. П. Гаевского о Дельвигѣ въ „Современникѣ“ 1853 г. № 5, отд. III, стр. 4—5.

<sup>4)</sup> Тамъ же, стр. 7.

дяди, сталъ близкимъ сотрудникомъ и помощникомъ его въ дѣлѣ изданія журнала, въ которомъ онъ помѣстилъ за время существованія этого органа свыше полусотни статей и немного стихотвореній. Яковлевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего дяди: участвуя въ его журналѣ и въ Вольномъ обществѣ любителей слов., наукъ и художеств<sup>1)</sup>, гдѣ Измайловъ былъ долгое время предсѣдателемъ, онъ въ большинствѣ случаевъ придерживался литературныхъ вкусовъ и приемовъ Измайлова и зачастую подражалъ ему въ своихъ произведеніяхъ, такъ что его называли не иначе, какъ «птенцомъ школы россійскаго Теньера № 1-й» т.-е. А. Е. Измайлова. Впрочемъ, къ подробностямъ литературной дѣятельности Яковлева мы еще вернемся, а пока передадимъ слѣдующіе факты изъ его біографіи. Въ 1820 году Яковлевъ былъ назначенъ секретаремъ «Секретной россійской миссіи въ Бухарію», въ іюлѣ того года отправившейся къ мѣсту назначенія. Въ виду отсутствія въ нашей печати свѣдѣній объ этой любопытной миссіи, сообщаемъ нѣсколько данныхъ о ней, извлеченныхъ нами изъ «Дѣла объ экспедиціи въ Бухарію», хранящагося въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Причины снаряженія ея и цѣль ясно изложены въ «Инструкціи дѣйствительному статскому совѣтнику Негри»<sup>2)</sup>, высочайше утвержденной 8-го іюля 1820 г. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ этой инструкціи: «Бухарія издавна состоитъ съ Россіей въ дружественныхъ и торговыхъ сношеніяхъ и неоднократно присылала къ Высочайшему Двору своихъ посланцевъ. Мы не имѣемъ, однако, ясныхъ и положительныхъ о сей землѣ свѣдѣній. Разные важнѣйшіе предметы отвлекали вниманіе правительства и не допускали заняться оною въ особенности и послать для сего предмета дипломатическаго чиновника. Бывшій здѣсь въ 1816 году бухарскій посланникъ<sup>3)</sup> настоятельно просилъ взаимнаго отправленія къ нимъ россійской миссіи. Тотъ же посланникъ, въ семъ году сюда пріѣзжавшій, возобновилъ прежнее свое домогательство, и

<sup>1)</sup> Въ члены этого общества онъ былъ избранъ 15-го іюня 1820 г. и, какъ видно изъ протоколовъ, посѣщалъ его довольно часто, читалъ въ немъ свои произведенія и не порывалъ съ нимъ сношеній и во время отъѣзда изъ Петербурга. Кромѣ того П. Л. Яковлевъ часто посѣщалъ дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой. (См. „Вѣстн. Евр.“ 1867 г., ч. III, стр. 265—266).

<sup>2)</sup> Александръ Ѳеодоровичъ Негри (род. въ 1784 г., ум. въ 1854 г.), впоследствии писатель-археологъ и вице-президентъ Одесскаго общества исторіи и древностей. (См. о немъ въ «Запискахъ Одесскаго общества Ист. и Древн.» т. IV, отд. 2 и 3, стр. 415—417).

<sup>3)</sup> Диванъ-Беги-Азимжанъ-Муминжановъ, который былъ посланъ ханомъ въ Россію и въ 1820 г., между прочимъ, для ходатайства объ отмѣнѣ тарифа и о присылкѣ въ Бухару русскаго консула.

ему дано удовлетворительное обѣщаніе. Для сего, нынѣ не токмо по поводу онаго, но и по уваженію къ тѣмъ пользамъ, кои предстоятъ для Россіи отъ ближайшихъ и тѣснѣйшихъ сношеній съ Бухаріей, благоудно было государю императору повелѣть отправить ваше превосходительство въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ къ бухарскому владѣльцу Миръ-Гейдеръ-Хану». Запасшись высочайшей грамотой и подарками, миссія въ іюнѣ же мѣсяцѣ выѣхала, во главѣ съ А. О. Негри, и въ октябрѣ достигла Оренбурга. Тамъ, для охраны миссіи отъ всякихъ случайностей на предстоящемъ ей долгомъ и не безопасномъ пути по пустыннымъ степямъ, былъ снаряженъ конвой изъ 550 человекъ (200 чел. пѣхоты, 200 казаковъ, артиллерія, прислуга и отрядъ изъ башкирцевъ). Въ октябрѣ мѣсяцѣ миссія выступила подъ охраной конвоя изъ Оренбурга. Вмѣстѣ съ ней отправилось и нѣсколько человекъ опытныхъ топографовъ и натуралистовъ, такъ какъ экспедиціи поручено было, во время своего путешествія по неизслѣдованнымъ мѣстностямъ, «обозрѣть всѣ тѣ мѣста, равно на всемъ пути съ возможною подробностью описывать горы, озера, болота, рѣки и ручьи, лѣса, кустарники и качество почвы земли, относительно къ заведенію хлѣбопашества», также рекомендовалось производить по пути этнографическія, астрономическія, метеорологическія и иныя научныя изслѣдованія и наблюденія (помимо наблюденій «особыхъ»).

Въ Бухару миссія прибыла лишь 20-го декабря, совершивъ, такимъ образомъ, все путешествіе отъ Оренбурга въ 70 дней. Заимствуемъ изъ писемъ Яковлева нѣкоторыя подробности о томъ, какъ «наши путешественники проводили свой день въ безлюдной пустынѣ: «... Мы встаемъ съ зарею... Раздался барабанный бой,—раздались крики верблюдовъ: ихъ выючать. Вообразите 500 верблюдовъ среди поля; кибитки уже сломаны; сундуки, тюки, всѣ вещи въ беспорядкѣ разбросаны по землѣ. Киргизы, въ ужасныхъ малахяхъ, ворочаютъ тяжести. Мы всѣ на коняхъ. Наконецъ, верблюды навьючены, и мы ѣдемъ; впереди казаки, потомъ пѣхота, артиллерія, верблюды, телѣги... все тянется по необозримой степи. Въ 1-мъ часу привалъ. Отдыхаемъ, ѣдимъ, пьемъ; потомъ не останавливаемся уже до мѣста, гдѣ назначенъ ночлегъ. Киргизы-вожаки обыкновенно ѣдутъ впереди, степь такъ имъ знакома, какъ вамъ—Невскій проспектъ. Подъѣзжая къ мѣсту ночлега, всѣ разсыпаются по полю, и всякій выбираетъ мѣсто для своей кибитки. Суeta, беспорядокъ; крики людей, верблюдовъ, ржаніе коней, бляеніе барановъ. Черезъ полчаса всѣ кибитки поставлены, и всѣ принимаются за утоленіе голода и жажды» <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> „Благонамѣренный“, 1824 г., XXV, стр. 23.

«Нынѣшній день мы отдыхаемъ» — писалъ П. Л. Яковлевъ отъ 16-го ноября 1820 г. — «Полюбуйтесь нашимъ лагеремъ! Какая пестрая, живая картина, какое разнообразіе и дѣятельность! Тамъ двадцать солдатскихъ кибитокъ и передъ ними ружья, поставленныя пирамидами, съ навѣшанными на нихъ сумами, тесаками, киверами. Солдаты, одѣтые по-домашнему, бѣгаютъ кругомъ огней, хохочутъ, варятъ кашу, смѣшались другъ друга. Тамъ башкирцы бреютъ другъ другу головы тупыми ножами: бреющійся страдалецъ корчится, бреющій хладнокровно исполняетъ свое дѣло. Другая группа башкирцевъ кушаетъ издохшую вчера лошадь и хвалятъ ея сладкое мясо. Тамъ — киргизы: иной дудитъ въ чибызу (дудку), другой подшиваетъ подметки захромавшему верблюду. Наши натуралисты, сидя передъ своими кибитками, набиваютъ чучела воронъ и мышей. Казаки, подъ шатрами язь пикъ своихъ, безопасно наклонясь къ пылающему соксоулю (кустарнику), поютъ про своихъ богатырей. Около кибитокъ разбросаны тюки, сундуки, мѣшки. Вдали чернѣются казачьи пикеты и стада лошадей и верблюдовъ. Вечеромъ картина перемѣняется. Лишь пробьютъ зорю, все затихло; — кой-гдѣ мелькаетъ огонекъ... и унылое «слушай!» разносится по лагерю отъ часового къ часовому. Нынѣшнюю ночь къ голосамъ ихъ присоединилось еще вытье нѣсколькихъ десятковъ волковъ. Уныло и страшно, какъ... при представленіи мелодрамы» <sup>1)</sup>. Наконецъ, миссія прибыла въ Бухару, и вотъ какъ, спустя двѣ недѣли, Яковлевъ описываетъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, этотъ городъ, его достопримѣчательности и обитателей. Описаніе это настолько любопытно, что мы позволимъ себѣ выписать его цѣликомъ со страницъ «Благонамѣреннаго» (ч. XXV, стран. 27—30).

«Хотите ли знать, чтѣ это за городъ?» — спрашиваетъ Яковлевъ. «Хотите ли узнать хана и здѣшнія удовольствія? Городъ окруженъ стѣною глиняною. Улицы такъ широки, что вьючный верблюдъ проходитъ. Дворецъ походитъ на голландскую печь со столбиками и балконами; на башняхъ дворца развѣваются солома и сѣно, это — гнѣздо святой птицы—аиста. Домовъ не видать, а по обѣимъ сторонамъ улицъ стѣны съ дверцами; войдете въ дверцу, и вы на дворѣ, а кругомъ этого двора — комнаты... Женщинъ нѣтъ, а называются женщинами какія-то движущіяся кулы, съ головы до ногъ закутанныя въ халаты. Ханъ умѣетъ читать; въ доказательство чего прочелъ при насъ грамоту громко и вразумительно. Къ нему ходятъ всѣ запросто: въ халатахъ. Онъ не привязанъ къ женщинамъ, — доказательство: у него слишкомъ 1000 женъ.

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 25—26.

Визирь такъ дѣятеленъ, что самъ ѣздитъ собирать пошлины и, исполняя свято всѣ обязанности мусульманина и перваго министра, торгуетъ съ Россіей, Персіей и Индіей. Промотавшіеся или разорившіеся купцы служатъ здѣсь маклерами. Нельзя ничего купить безъ маклера: онъ торгуется, хлопочетъ и рѣшаетъ покупку; за то вдвое дешевле можно купить безъ маклера. Бухарцы торгуютъ индійскими шальями, индійской кисеей, индійскими парчами, персидскими коврами, шелковыми матеріями работъ евреевъ, китайскимъ фарфоромъ и чаемъ, русскою мѣдью, желѣзомъ, чугуномъ, сукномъ. Землю и сады обрабатываютъ у нихъ плѣнники, сами же бухарцы сидятъ въ лавочкахъ, продаютъ и молятся Мухамеду. Слишкомъ уже столѣтіе заведена здѣсь артиллерія: есть 50 орудій, и слишкомъ уже столѣтіе... не стрѣляли изъ нихъ. Узнавъ, что у русскихъ есть пѣхота, бухарцы въ одинъ день сформировали свою пѣхоту. Отобрали всѣ ружья у жителей всего государства, набрали людей и выучили ихъ въ нѣсколько минутъ. Ружей нашлось 200, слѣдственно нельзя было выставить болѣе 200 воиновъ, а по краткости времени выучили ихъ только двумъ словамъ: «стой!» и «садись!» («пали!» не въ употребленіи). Эта пѣхота набирается въ однихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, и служить въ ней тѣмъ пріятно, что воинъ можетъ держать свое ружье какъ ему угодно и въ любомъ нарядѣ. Совершенная простота и свобода! Театровъ, гуляній здѣсь не бываетъ; за то каждый день вѣшаютъ по нѣсколько человѣкъ. Тутъ все придумано, чтобы доставить пріятное зрѣлище и прогулку для бухарской публики; а кругомъ висѣлицъ продаютъ все, что только можно пожелать въ столичномъ городѣ: баранину, дыни, виноградъ, изюмъ и пр. Русскій человѣкъ здѣсь болѣе въ модѣ, чѣмъ у насъ французы: едва увидятъ его, и всѣ бѣгутъ за нимъ и всѣ кричатъ: «Урусъ! урусъ!», и не могутъ довольно наглядѣться; не могутъ надивиться всякой пуговицѣ. Не смотря, однако, на всѣ ласки бухарцевъ, мы отправимся отсюда въ началѣ весны».

Дѣйствительно, въ началѣ мая миссія оставила Бухару, 2-го іюня вернулась въ Оренбургъ и вскорѣ прибыла въ Петербургъ. Результаты этой миссии въ общихъ чертахъ были такъ охарактеризованы Негри въ всеподданнѣйшемъ докладѣ: «... теперь мы имѣемъ положительные свѣдѣнія о Бухаріи, которая, хотя и издавна производитъ важный торгъ съ Россіей, но не была довольно извѣстна; ... освобождены изъ рабства нѣсколько россіянъ и, наконецъ, отклонено удовлетворительнымъ образомъ настояніе бухарскаго правительства объ отмѣнѣ тарифа нашего, на Азіатской границѣ существующаго». Не входя въ изложеніе научныхъ результатовъ экспедиціи и прочихъ подробностей, позволимъ себѣ рекомендовать интересующемуся читателю обстоятельную книжку объ этомъ путешествіи, составленную однимъ изъ участниковъ миссии барономъ Г. Мейен-

дорфомъ, «Voyage d'Orenbourg à Bouchara, fait en 1820» (Paris 1826) <sup>1)</sup>; мы же займемся дальнѣйшимъ изложеніемъ біографіи нашего писателя. По возвращеніи въ Петербургъ, Яковлевъ, какъ и всѣ члены миссіи, былъ щедро награжденъ: помимо денежной награды, онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Вскорѣ затѣмъ онъ оставилъ службу при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и началъ службу по министерству юстиціи. Въ концѣ 1822 года онъ былъ назначенъ совѣтникомъ въ Нижегородскую уголовную палату, но, прослуживъ тамъ годъ, вернулся въ Петербургъ и опредѣлился въ департаментъ министерства юстиціи; здѣсь прослужилъ онъ около года и уволился. Въ концѣ 1824 года мы видимъ его уже въ Москвѣ старшимъ ревизоромъ межевой канцеляріи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ ревизоромъ Вятской межевой конторы, каковое назначеніе удержало его въ Вяткѣ почти на три года. Скуку «хлыновскаго житія» въ захолустномъ и бѣдномъ Хлыновскѣ, служившемъ, между прочимъ, мѣстомъ ссылки, Яковлевъ разгонялъ занятіями литературой, художествами и обширной перепиской, изъ которой, къ сожалѣнію, до насъ почти ничего не дошло. Литературнымъ памятникомъ его пребыванія въ Вяткѣ остался его «Хлыновскій наблюдатель» — рукописная еженедѣльная газета, сплошь писанная ею редакторомъ и составителемъ П. Л. Яковлевымъ. Очевидно, это была форма переписки нашего писателя съ своимъ дядей-баснописцемъ, съ семьей котораго онъ не порывалъ теплыхъ родственныхъ и дружескихъ отношеній до самой смерти. Очень жаль, что не сохранилось ни одного № «Сѣвернаго Мотылька», повидимому, также газеты, высылавшейся ею составителемъ — А. Е. Измайловымъ въ обмѣнъ на газету племянника. Столбцы «Хлыновскаго наблюдателя» писались подъ обычными газетными рубриками; такъ, «Х. Н.» начинался отдѣломъ «Внутреннія извѣстія» (иногда выходившими подъ рубрикой «Внутренности»), — въ нихъ давались сообщенія о новостяхъ вятской жизни, затѣмъ слѣдовалъ отдѣлъ «Изящная словесность» (многія статьи этого отдѣла появлялись потомъ въ печати)<sup>2)</sup>; затѣмъ «Нравы», гдѣ давалось порой довольно хлесткое изображеніе прозябанія жителей далекой провинціи; наконецъ, шли «Шутки», «Анекдоты», «Мысли и замѣчанія» или «Любопытствія», «Смѣсь» и т. п.; были отдѣлы и случайнаго характера. Ниже

<sup>1)</sup> Если не ошибаемся, это — единственная книжка, въ которой излагаются труды нашей миссіи въ Бухару. Она представляетъ обширный изящно изданный томъ (въ 500 стр.), снабженный иллюстраціями, отличной картой и богатыми подробностями о научныхъ результатахъ экспедиціи.

<sup>2)</sup> Въ журналѣ «Благонамѣренный» и затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ въ «Запискахъ Москвича» (М 1828—1830, три книжки).

мы помѣщаемъ нѣсколько выдержекъ изъ этой газеты, пока же отмѣтимъ, что «Х. Н.», съ одной стороны, свидѣтельствуетъ о довольно тонкой наблюдательности веселаго, остроумнаго и склоннаго къ сатиры редактора его, съ другой — даетъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о нашемъ писателѣ. Такъ; мы узнаемъ, что Яковлевъ былъ хорошо принимаемъ въ вятскомъ обществѣ, считался виднымъ представителемъ хлыновской аристократіи, старался о развитіи въ своихъ новыхъ согражданахъ эстетическихъ вкусовъ и образовательныхъ наклонностей путемъ чтенія, музыки и художества, но попытки его расшевелить хлыновцевъ привели, кажется, къ ничтожнымъ результатамъ. Въ февралѣ 1827 г. Яковлевъ оставилъ Вятку и возвратился въ Москву, гдѣ поступилъ въ архивъ межевой канцеляріи. Часы досуга П. Л. по-прежнему посвящалъ литературнымъ занятіямъ; между прочимъ онъ усердно выправлялъ и подготовлялъ къ отдѣльному изданію большую часть своихъ статей, печатавшихся до сего времени въ разныхъ журналахъ, преимущественно въ «Благонамѣренномъ». Въ отдѣльномъ изданіи статьи Яковлева вышли подъ общимъ названіемъ «Записки москвича» въ трехъ небольшихъ томикахъ.—Въ Москвѣ въ это время какъ разъ былъ Пушкинъ, и П. Л. не преминулъ, конечно, повидаться съ своимъ старымъ знакомымъ, и вотъ какъ онъ описываетъ великаго поэта въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Измайлову: «А. Пушкинъ живетъ здѣсь (въ Москвѣ) съ однимъ изъ лицейскихъ товарищей. Судя по всему, что я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на рогахъ. Его знаетъ весь городъ, всѣ имъ интересуются, отличнѣйшая молодежь собирается къ нему, какъ древле къ великому Арууту собирались всѣ имѣвшіе немного здраваго смысла въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ, Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ. Это покажется удивительнымъ для Карабанова, графа (Д. И.) Хвостова и—съ позволенія сказать—Б. (М.) Оедорова. Пушкинъ очень перемѣнился и наружностью: страшныя черныя бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженіе. Впрочемъ, онъ все тотъ же,—такъ же живъ, скоръ и по-прежнему въ одну минуту переходитъ отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію. Онъ ревностно участвуетъ въ изданіи «Московского Вѣстника», собирается печатать «Годунова» и «Цыганъ»; кажется, восемь главъ «Онѣгина» уже готовы» <sup>1)</sup>).

Въ архивѣ Яковлевъ прослужилъ недолго. Въ іюлѣ того же года онъ получилъ новое назначеніе—состоять ревизоромъ Саратовской межевой

---

<sup>1)</sup> Письмо это (отъ 21-го марта 1827 г.) впервые напечатано нами въ статьѣ «Вицегубернаторство Измайлова въ Твери и Архангельскѣ» (См. «Сборникъ въ память Л. Н. Майкова» Спб. 1902).



конторы. Передъ отъѣздомъ на мѣсто новаго служенія П. Л. женился, и тотчасъ же изъ-подъ вѣнца молодые выѣхали изъ Первопрестольной въ столицу Поволжья. Вотъ какія свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ неизданномъ письмѣ А. Е. Измайлова къ женѣ отъ 2-го сентября 1828 года: «Вчера получилъ повѣстку о посылкѣ изъ Вологды» <sup>1)</sup>—писалъ Измайловъ.—Не постигаю, отъ кого бы это. Принесли тючекъ; развязываю, книги отъ П. Л. Яковлева и тутъ же письмо его изъ Саратова. Читаю и отъ смѣха роняю изъ рукъ письмо... Вѣдь женился напѣ бѣсъ-племянникъ, да какимъ же страннымъ образомъ! въ самый день своего отъѣзда. Обвѣнчался на Прасковѣ Ивановѣ Давыдовой, зашелъ къ отцу, напился кофею, сѣлъ съ молодою женой въ коляску и поѣхалъ въ Саратовъ. «Напишите тетускѣ Екатеринѣ Ивановнѣ» <sup>2)</sup> — цитируетъ Измайловъ изъ письма племянника — «о моей курьезной женитьбѣ и скажите, что я все тотъ же послушный племянникъ и отъ всего сердца цѣлую ея ручки». А вотъ какъ описываетъ онъ свою молодую жену: «зовутъ ее Прасковья Ивановна, отъ роду имѣетъ 26 лѣтъ, чернобровая смуглянка и славная бабенка, между прочимъ. Она очень васъ любитъ, дядюшка! вотъ-те Христосъ! Приданого за ней взялъ я нѣсколько милліоновъ добродѣтелей и нѣсколько сотъ тысячъ прелестей». «Я видѣлъ ее»—заканчиваетъ письмо свое Измайловъ—«въ домѣ отца Павла Лукьяновича; рекомендуя мнѣ сестеръ своихъ, рекомендовалъ онъ мнѣ и ее какъ жену свою,—отецъ посмѣялся и я тоже, а теперь въ самомъ дѣлѣ стала его женой». Въ Саратовъ молодые прибыли въ августѣ 1828 года, и вотъ какими виршами былъ встрѣченъ новый ревизоръ межевой конторы однимъ изъ чиновниковъ—«натуральнымъ поэтотъ Иваномъ Петровымъ Крупскимъ, у коего природа засушила умъ, но наводнила воображеніе»:

„Ахъ, къ намъ пріѣхалъ отецъ  
Отраду всѣмъ лишь дать.  
Въ сердцахъ его мы чтимъ  
Искренней душой, колѣна преклонимъ.  
Сердца невинныхъ оживляетъ,  
А злобу предъ собой въ мигъ покоряетъ.  
Давно мы ждали отца сего,  
И Богъ намъ далъ въ скорости его.  
Почто ты милость къ намъ являешь  
И благодѣтелю своей насъ оживляешь

<sup>1)</sup> Измайловъ въ это время былъ вице-губернаторомъ въ Архангельскѣ.

<sup>2)</sup> Женѣ Измайлова.

И вѣчно страждущимъ

Райскія двери отвергаешь?...<sup>1)</sup>

Масса дѣла по службѣ, какая выпала на долю Яковлева въ Саратовѣ, не отстраняла его однако отъ занятій литературой и художествами: въ свободные часы онъ продолжалъ заниматься подготовленіемъ своихъ сочиненій къ изданію, исправлялъ статьи, раньше напечатанныя, и писалъ новыя; кромѣ того, онъ продолжалъ переписываться съ Измайловымъ, опять въ формѣ еженедѣльной иллюстрированной газеты: «Саратовскій колонистъ», программа которой была та же, что и у «Хлыновскаго Наблюдателя», съ той лишь разницей, что теперь въ газетѣ Яковлева появился новый отдѣлъ — «о театрѣ», отдѣлъ довольно обширный. Объясняется это тѣмъ, что въ Саратовѣ—городѣ многолюдномъ и въ то время и болѣе просвѣщенномъ, чѣмъ Вятка, былъ театръ, хотя и плохой; Яковлевъ же, какъ большой театралъ, не могъ не интересоваться театромъ, да къ тому же, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Саратовъ, принявъ на себя, по просьбѣ тамошняго губернатора, заботы объ устройствѣ въ губернаторскомъ домѣ любительскихъ спектаклей. Этотъ импровизованный театръ (въ отличіе отъ существовавшего уже) носилъ громкое названіе «Саратовскаго Благороднаго театра»; исполнителями въ немъ были представители мѣстной аристократіи. П. Л. подвизался на подмосткахъ его въ комическихъ роляхъ, былъ въ то же время его «директоромъ» и режиссеромъ. Впрочемъ, пребываніе нашего писателя въ столицѣ Поволжья было непродолжительно: не прослуживъ въ ней и двухъ лѣтъ, онъ уволился «для опредѣленія къ другимъ дѣламъ» и возвратился въ Петербургъ. На досугъ онъ дописалъ и издалъ свой романъ «Удивительный человѣкъ», первыя главы котораго онъ напечаталъ еще въ 1820 г. въ «Невскомъ Зрителѣ». Романъ этотъ нѣкоторыми журналами и газетами былъ принятъ сочувственно, но большинство высказалось весьма недельно для нашего автора. «Сѣверный Меркурій», напр., счелъ достаточнымъ ограничиться такимъ замѣчаніемъ: «Г. Яковлевъ имѣлъ терпѣніе написать этотъ романъ „Удивительный человѣкъ“<sup>2)</sup>. Неуспѣхъ ли этого романа, наиболѣе крупнаго и тщательно отдѣланнаго произведенія Яковлева, повліялъ на нашего писа-

<sup>1)</sup> Подъ этимъ „стихотвореніемъ“, болѣе напоминающимъ эпитафію безвѣстныхъ мастеровъ, П. Л. набросалъ портретъ автора, dessiné d'après nature и сопровождалъ его слѣдующимъ восклицаніемъ: „Боже мой! какъ распространяется у насъ просвѣщеніе“.

<sup>2)</sup> „Сѣверный Меркурій“ 1831 г., № 72, стр. 292; изъ другихъ отзывовъ см. въ „Телескопѣ“ 1831 г. № 11, стр. 377—380, въ „Моск. Телеграфѣ“ 1831 г. № 7, стр. 397; въ „Литерат. Газетѣ“ 1831 г. № 34, стр. 278—280.

теля, или смерть его почтеннаго дяди (А. Е. Измайлова) <sup>1)</sup> — перваго совѣтника, друга и учителя его въ дѣлахъ литературныхъ, но только Яковлевъ прекратилъ свою писательскую дѣятельность: намъ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно никакихъ его произведеній послѣ 1831 года. Яковлевъ не на много пережиалъ своего дядю: въ 1833 г. онъ вновь поступилъ на службу третьимъ членомъ межевой канцеляріи, на каковомъ посту и умеръ 10-го іюля 1835 года. Нѣкоторыя газеты сочли своимъ долгомъ посвятить на своихъ столбцахъ памяти Яковлева теплыя строки о его литературной дѣятельности и нравственныхъ качествахъ. «Его оригинальный романъ» — говорится въ «Сѣверной Пчелѣ» — повѣсти, рассказы, записки и нѣкогда дѣятельное участіе во многихъ журналахъ и альманахахъ содѣлываютъ утрату сію для русской литературы чувствительной. Въ покойномъ П. Л. Яковлевѣ соединялись многія отличныя качества: живой наблюдательный умъ, отличное благородное сердце и рѣдкое прямодушіе. Онъ былъ дѣятельный и полезный гражданинъ, хорошій писатель; примѣрный супругъ и отецъ, отличный родственникъ и — что всего важнѣе — добрый человекъ <sup>2)</sup>. Похороненъ П. Л. въ Москвѣ на Покровскомъ кладбищѣ.

Итакъ, П. Л. Яковлевъ скончался на 46-мъ году, проведя около 30 лѣтъ съ частыми перерывами на государственной службѣ. Шестъ разъ онъ оставлялъ службу и столько же разъ къ ней возвращался; служить подолгу въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ, за однимъ и тѣмъ же столомъ и въ одномъ и томъ же городѣ, было ему не по сердцу. Не имѣя возможности указать положительныхъ причинъ такой «неусидчивости», за отсутствіемъ въ нашихъ рукахъ надлежащихъ свѣдѣній, отмѣчаемъ лишь фактъ, которымъ можно объяснить нѣкоторыя стороны въ дѣятельности Яковлева. Безспорно, П. Л. былъ способный человекъ: преуспѣвая по службѣ, не смотря на частыя перемѣны ея, онъ не отставалъ и въ литературѣ и искусствахъ. Но должно сознаться, что, не дойдя и по долговременной службѣ до степеней высокихъ и отвѣтственныхъ, онъ не создалъ (да и не могъ создать) и въ двухъ только-что указанныхъ областяхъ чего-либо важнаго. Вся его дѣятельность носить на себѣ, во-первыхъ, характеръ чего-то отрывочнаго, во-вторыхъ, — чего-то любительскаго: въ области художества онъ ограничился барикатурами, въ музыкѣ — сочиненіемъ двухъ-трехъ романсовъ, въ литературѣ — нѣсколькими десятками небольшихъ прозаическихъ произведеній и лишь подъ конецъ своей литературной дѣятельности онъ выпустилъ довольно обширный романъ «Удивительный человекъ»,

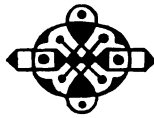
<sup>1)</sup> Измайловъ скончался 16 января 1831 года.

<sup>2)</sup> „Сѣверн. Пчела“ 1835 г., № 166.

надъ которымъ не мало потрудился. Обходя молчаніемъ попытки Яковлева въ области художествъ и музыки, которыя едва-ли когда-либо видѣли свѣтъ <sup>1)</sup>, займемся разсмотрѣніемъ его литературнаго наслѣдія <sup>2)</sup>.

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



<sup>1)</sup> Онѣ извѣстны намъ въ рукописяхъ.

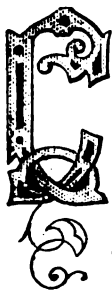
<sup>2)</sup> Вотъ списокъ переводовъ и сочиненій П. Л. Яковлева въ хронологическомъ порядкѣ: „Картина народовъ, населяющихъ Европу, и религій, исповѣдуемыхъ ими“, соч. Ф. Шелля, пер. съ нѣм. П. Яковлевъ. (М. 1811); „Отчаяніе любви“, соч. бар. Бильдербека; пер. съ фр. П. Яковлевъ. (М. 1811); „Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи“. (М. 1814); „Журналистъ“, комедія въ 1 дѣйствіи (М. 1819); „Записки москвича“ кн. 1 (М. 1828), кн. II (М. 1829), кн. III (М. 1830); „Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту“ (М. 1828); „Удивительный человѣкъ“, романъ (М. 1831). Большая часть статей появлялась предварительно въ журналахъ: „Невскій Зритель“ (1820); „Сынъ Отечества“ (1822), „Вѣстникъ Европы“ (1821); „Благонамѣренный“ (1819—1825 г.), „Литературная Газета“ (1831); значительная часть статей Яковлева вошла въ „Записки Москвича“, остальные можно найти въ поименованныхъ журналахъ. Кромѣ того, въ сотрудничествѣ съ А. Е. Измайловымъ Яковлевъ издалъ 2 книжки альманаховъ: „Календарь Музъ“ (Спб. 1826 и 1827 гг.). Общія обзоры литературной дѣятельности Яковлева см. въ статьѣ А. Д. Галахова объ А. Е. Измайловѣ („Современникъ“ 1850 г. № 23), въ его же „Исторіи русск. словесности“ (Спб. 1875, т. II, стр. 124—125) и въ нашей книгѣ. „А. Е. Измайловъ“ (Спб. 1901).



## Цензура въ царствованіе императора Николая I.

### IX <sup>1)</sup>.

Личныя отношенія Уварова къ печати.—„Горе отъ ума“ Грибоѣдова.—„Мертвыя души“ Гоголя.—Романъ Н. Полеваго „Судьба Аббадонны“.—Протестъ А. С. Пушкина.—Указаніе, какъ писать статьи по поводу его кончины.—Записки Храповицкаго.—„Повѣствованіе о Россіи“ Арцыбашева.—Драма Великопольскаго „Янетерскій“.—Новыя извѣстія о Флорентинскомъ соборѣ.—Объ изданіи сочиненій: Посомкова „О скудости и богатствѣ“ и записокъ Порошина.—Трагедія Лажечникова „Опричникъ“.—Опять „Мертвыя души“ Гоголя.—Статьи о славянахъ, живущихъ въ Турціи и Австріи.—Вопросъ объ изданіи полнаго собранія сочиненій Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.—Иностранныя романы.



Въ самыхъ первыхъ дней вступленія своего въ должность министра, Уваровъ не проявилъ особыхъ симпатій къ русской печати. Слѣдуя въ томъ, болѣе или менѣе, направленію, данному и часто подтверждаемому выше, Уваровъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и въ теченіе всей своей административной дѣятельности. Понятно, что большинство его подчиненныхъ старалось руководствоваться тѣмъ же направленіемъ. Ревность цензоровъ простиралась иногда такъ далеко, что самъ Уваровъ вынужденъ былъ отмѣнять слишкомъ крутыя и привязчивыя ихъ требованія, иногда же и государь, не соглашаясь со мнѣніемъ своего министра, позволялъ то, что послѣднему казалось невозможнымъ допускать въ печать. Вотъ нѣсколько примѣровъ того и другаго.

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ май 1903 г.

Съ начала тридцатыхъ годовъ шли толки о напечатаніи знаменитой комедіи Грибоѣдова: «Горе отъ ума», давно ходившей по всей Россіи въ рукописи. Въ 1831-мъ году, наследники Грибоѣдова представили ее въ Петербургскій цензурный комитетъ, и цензоръ Сенковскій отозвался, что, по его мнѣнію, комедія эта писана съ благонамѣренною цѣлью и можетъ быть напечатана вполнѣ, безъ всякихъ перемѣнъ и исключеній, кромѣ стиха: «Кто что ни говори, они (львы и орлы) хоть и животныя, а все-таки цари», но и этотъ стихъ исправленъ имъ, согласно съ желаніемъ покойнаго автора, такъ: «кто что ни говори, а все они цари»; къ этому Сенковскій прибавлялъ, что многія существенныя уваженія требуютъ допущенія комедіи къ печати, безъ всякихъ перемѣнъ и измѣненій: по словамъ «Сѣверной пчелы», въ Россіи находится слишкомъ 40.000 списковъ этого творенія. Если бы въ «Горѣ отъ ума» и заключались мѣста сомнительныя (чего нѣтъ), то двѣ или три тысячи печатныхъ, съ пропусками, экземпляровъ не принесутъ никакой пользы обществу, въ сравненіи съ такимъ необыкновеннымъ множествомъ списковъ, ежедневно умножающихся и покупаемыхъ за дешевую цѣну. Напротивъ, пропуски были бы очень вредны, какъ излишняя мѣра предосторожности, такъ какъ подобное официальное преслѣдованіе любимого публикою сочиненія сообщить только новую важность рукописнымъ экземплярамъ. Легко можетъ случиться, что люди неблагонамѣренные, шалуны, станутъ прибавлять въ спискахъ предосудительныя стихи и намеки, и «Горе отъ ума» возымѣетъ участь всѣхъ почти рукописныхъ сочиненій древняго міра, кои дошли до насъ искаженныя подложными мѣстами. Одно средство отвратить это важное неудобство: допустить напечатаніе «Горе отъ ума» безъ измѣненій, и это тѣмъ необходимѣе, что въ публикѣ распространилось мнѣніе, будто комедія не печатается потому, что цензура хочетъ исключить изъ нея все остроумное и интересное. Полное изданіе было бы даже средствомъ къ примиренію цензуры съ общимъ мнѣніемъ, чѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. Если же при представленіи на театрѣ дѣлаются нѣкоторыя пропуски, то это не можетъ служить правиломъ для цензуры: ни одна почти пьеса не представляется такъ, какъ она напечатана. Бывали даже примѣры, что высшее начальство воспрещаетъ представлять пьесу на театрѣ (наприм. «Макбетъ», въ переводѣ Ротчева), разрѣшая въ то же время печатать ее безъ измѣненій. Такъ и самъ авторъ «Горе отъ ума» означилъ нѣкоторыя тирады, которыя считалъ неумѣстными на сценѣ, хотя желалъ бы, чтобы онѣ были вполнѣ напечатаны въ будущемъ изданіи его творенія. Въ заключеніе, Сенковскій говорилъ, что, душевно убѣжденный въ безвредности пьесы, онъ и самъ одобрилъ бы ее къ напечатанію, еслибъ могъ разстаться съ мыслию, что лично былъ друженъ съ покойнымъ сочинителемъ, и что,

питая безпредѣльное удивленіе къ великому его таланту, можетъ въ этомъ случаѣ увлекаться пристрастіемъ къ превосходному памятнику его генія.

Главное управленіе цензуры (состоявшее въ то время еще подъ предѣдательствомъ князя Ливена) приняло во вниманіе благоразумные доводы Сенковского и предписало цензурному комитету разсмотрѣть комедію Грибоѣдова, не обращая вниманія на то, какъ она дается въ театрѣ, а руководствуясь единственно общими цензурными правилами. Не смотря на такое рѣшеніе, дѣло о печатаніи «Горя отъ ума» остановилось на одномъ пунктѣ: комедія была разсмотрѣна цензоромъ Семеновымъ и потомъ передана управляющему III-мъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, фонъ Фоку, но отъ него болѣе не возвращалась. Въ мартѣ 1833 года Московскій цензурный комитетъ представилъ главному управленію цензуры, что цензоръ Цѣѣтаевъ не рѣшается пропустить въ печать «Горе отъ ума», потому что тутъ представлена благородная дѣвушка, проводшая съ холостымъ мужчиною цѣлую ночь въ своей спальнѣ и выходящая изъ нея съ нимъ вмѣстѣ безъ всякаго стыда, а далѣе она же, послѣ полуночи, присылаетъ свою горничную къ тому мужчинѣ звать его къ себѣ на ночь и сама выходитъ его встрѣчать.—Главное управленіе нашло, что, на основаніи цензурнаго устава, комедія «Горе отъ ума» не можетъ быть дозволена къ напечатанію, но такъ какъ она представляется на театрахъ обѣихъ столицъ, то и представило государю императору, черезъ Уварова, всеподданнѣйшій докладъ, испрашивая высочайшаго повелѣнія по этому предмету. 16-го апрѣля 1833 года послѣдовала высочайшая резолюція: «Печатать слово отъ слова, какъ играется—можно; для чего взять манускриптъ изъ здѣшняго театра».

Въ февралѣ 1835 года, цензоръ Снегиревъ, конечно, въ особенности твердо помня крайнюю непріязнь Уварова къ Полевому и ссылаясь на предписаніе обращать строжайшее вниманіе на сочиненія этого автора, затруднялся пропустить его романъ «Судьба Аббадонны», опасаясь, не покажутся ли слишкомъ рѣзкими картины самоубійства актрисы, и въ изображеніи министра Кальконера не унижается ли достоинство государственнаго сановника тѣмъ, что онъ легкое оскорбленіе ставитъ наряду съ государственнымъ преступленіемъ, употребляя свою власть на удовлетвореніе страстей. Уваровъ (помимо главнаго управленія цензуры) велѣлъ написать Московскому цензурному комитету, что въ романѣ Полевого не найдено ничего подлежащаго запрещенію.

28-го августа 1835 года, Пушкинъ подалъ въ главное управленіе цензуры слѣдующую собственноручную записку: «Честь мнѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій. Въ 1826 году государь императоръ изво-

лилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо отъ его величества изъ III отдѣленія собственной его канцеляріи при подписи одного изъ чиновниковъ: Съ дозволенія правительства. Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы», повѣсть (1827); 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина», романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833); «Полтава» (1829); 2-я и 3-я часть мелкихъ стихотвореній; 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828); «Графъ Нулинъ» (1828); «Исторія Пугачевского бунта», и проч.

«Нынѣ, по случаю втораго исправленнаго изданія «Анжели», перевода изъ Шекспира (неисправно и со своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ надписью чиновника собственной его величества канцеляріи. Между тѣмъ никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ государемъ императоромъ. Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ собственную канцелярію его величества и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволить онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?» Подписалъ: «Титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ».

Въ отвѣтъ на это, по резолюціи главнаго управленія цензуры, Уваровъ увѣдомилъ Пушкина 26-го сентября (черезъ канцелярію главнаго управленія цензуры), что рукописи, издаваемые съ особаго высочайшаго разрѣшенія, печатаются независимо отъ цензуры министерства народнаго просвѣщенія, но всѣ прочія изданія, назначаемыя въ печать, должны, на основаніи цензурнаго устава, быть представляемы въ цензурный комитетъ, которымъ разсматриваются и одобряются на общихъ цензурныхъ правилахъ.

1-го февраля 1837 года, Уваровъ писалъ московскому попечителю графу С. Г. Строганову: «По случаю кончины А. С. Пушкина безъ всякаго сомнѣнія будутъ помѣщаемы въ московскихъ повременныхъ изданіяхъ статьи о немъ. Желательно, чтобъ при этомъ случаѣ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, соблюдаема была надлежащая умѣренность и тонъ приличія. Я прошу ваше сіятельство обратить съ вашей стороны вниманіе на это и приказать цензорамъ не позволять печатаніе ни одной



изъ означенныхъ выше статей безъ вашего предварительнаго одобренія».

18-го марта 1838 г., Уваровъ представилъ государю императору всеподданѣйшій докладъ, гдѣ изложилъ, что въ Петербургскій цензурный комитетъ представлена рукопись: «Записки Храповицкаго о Екатеринѣ II», гдѣ съ благоговѣйною вѣрностью переданы подробности жизни императрицы, и потому, какъ неоцѣненный матеріалъ для отечественной исторіи, онѣ заслуживаютъ быть сохраненными для будущихъ историковъ вѣка Екатерины II. Несмотря на то, цензура не считаетъ себя въ правѣ, сама собою, допустить напечатаніе записокъ Храповицкаго, ибо въ нихъ содержатся многія извѣстія, которыя относятся къ событіямъ, близкимъ къ нашему времени, и касаются до частной жизни императрицы. Съ своей стороны, Уваровъ полагалъ, что этотъ важный историческій памятникъ достоинъ быть изданъ въполнѣ, по исключеніи только мѣстъ, которыя болѣе всего затруднительны въ цензурномъ отношеніи. Близость событій, описываемыхъ Храповицкимъ, и важность самаго содержанія его записокъ, налагають, однако, на министра народнаго просвѣщенія долгъ представить объ этомъ предварительно на Высочайшее рѣшеніе. Ежели государю императору угодно будетъ признать удобнымъ изданіе нынѣ въ свѣтъ записокъ Храповицкаго, то онъ, Уваровъ, приметъ надлежащія мѣры, чтобы рукопись эта была разсмотрѣна на основаніи цензурныхъ правилъ и съ особымъ вниманіемъ. На этомъ докладѣ послѣдовала 19-го марта высочайшая резолюція: «Переговорить». Послѣ того, 7-го іюня, Уваровъ вошелъ съ новымъ всеподданѣйшимъ докладомъ, гдѣ говорилъ, что онъ вторично внимательно разсматривалъ эту рукопись, отъ начала до конца, и хотя въ сообщаемыхъ въ ней свѣдѣніяхъ и подробностяхъ о жизни императрицы Екатерины не нашелъ ничего, что подлежало бы строгости цензурныхъ правилъ, однако не могъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что записки эти вообще относятся къ послѣднему времени царствованія императрицы и обнаруживаютъ нѣкоторое ослабленіе въ правительственной власти и какую-то несоотвѣтственность въ отношеніяхъ и дѣйствіяхъ лицъ, приближенныхъ ко двору, и колебанія въ началахъ государственныхъ. По этимъ уваженіямъ, онъ, Уваровъ, полагаетъ, что изданіе записокъ Храповицкаго по-прежнему въ отрывкахъ и съ большими исключеніями, не сохранить драгоцѣннаго матеріала для исторіи; напечатаніе же ихъ въполнѣ будетъ, кажется, въ политическомъ отношеніи преждевременно. Государь императоръ 7-го іюня одобрилъ это мнѣніе, и записки не были напечатаны.

13-го ноября 1840 года, московскій попечитель, графъ Строгановъ, представилъ Уварову, что московская цензура затрудняется пропустить III-й томъ «Повѣствованія о Россіи», Арцыбашева, гдѣ кончина царе-

вича Дмитрія Іоанновича представлена не согласно съ преданіями, принятыми православною церковью. Уваровъ передалъ вопросъ этотъ на разсмотрѣніе археологической комиссіи, и членъ ея, академикъ Устряловъ, подалъ, 7-го января 1841 года, слѣдующее мнѣніе: «По порученію комиссіи, разсмотрѣвъ корректурный листъ III-го т. исторіи Арцыбашева, я нахожу, что авторъ въ основаніе своего разсказа принялъ одно только слѣдственное дѣло, напечатанное во II-мъ томѣ Румянцевскаго «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», оставивъ безъ вниманія всѣ другія современныя свидѣтельства, представляющія смерть царевича въ иномъ видѣ. Хотя слѣдственное дѣло есть актъ весьма важный, по крайней мѣрѣ въ высшей степени любопытный, тѣмъ не менѣе нельзя полагаться на него исключительно и безусловно, какъ поступилъ авторъ: ибо тотъ же самый Шуйскій, который производилъ слѣдствіе и доносилъ царю Феодору Іоанновичу, что Дмитрій самъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни, черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, вступивъ на престолъ, объявилъ все-народно манифестомъ, что царевичъ зарѣзанъ въ Угличѣ по волѣ Бориса Годунова. Такимъ образомъ, естественно рождается вопросъ, которое же изъ двухъ показаній его было истинное? Отвѣчать на сей вопросъ не такъ трудно, какъ многіе полагаютъ: Шуйскій производилъ слѣдствіе въ то время, когда все трепетало предъ грознымъ временщикомъ, да и нелегко было обнаружить участіе его въ злодѣйскомъ умерщвленіи царевича юридическимъ образомъ за смертью клеветовъ его, растерзанныхъ народомъ на мѣстѣ злодѣянія. Совсѣмъ иныя были обстоятельства, когда Шуйскій торжественно провозгласилъ Годунова убійцей Дмитрія: тутъ онъ не имѣлъ повода скрывать истину и тѣмъ болѣе долженъ былъ открывать ее, что вся Россія давно убѣждена была въ преступномъ дѣлѣ Бориса Годунова, который восшествіемъ на престолъ подтвердилъ положительнымъ образомъ свое участіе въ смерти царевича. Это убѣжденіе общее, рѣшительное, выраженное во всѣхъ актахъ, во всѣхъ лѣтописяхъ, своихъ и чужеземныхъ, какъ глаголютъ народъ, служить самымъ громкимъ обвиненіемъ Годунову, по крайней мѣрѣ наводитъ на него сильное подозрѣніе. Авторъ оставилъ безъ вниманія всѣ сіи обстоятельства, даже не упомянулъ о манифестѣ Шуйскаго и, основавшись на одномъ слѣдственномъ дѣлѣ, составленномъ очевидно въ угожденіе Борису Годунову, изложилъ столь важное событіе одностороннимъ образомъ, несогласно съ правилами исторической критики. Конечно, каждый воленъ смотрѣть на происшествія съ той или другой стороны, но какъ въ семъ случаѣ одностороннее возрѣніе можетъ подать поводъ къ разнымъ неблагопріятнымъ толкамъ (что уже и случалось при напечатаніи означенной статьи въ «Вѣстникѣ Европы»), то я и полагаю исправить повѣствованіе г. Арцыбашева о смерти царевича Дмитрія

такимъ образомъ: по принятому авторомъ плану, надобно составить сводъ изъ современныхъ сказаній, объяснивъ положительно, что если нѣкоторыя обстоятельства, повѣствуемыя лѣтописцами, могутъ быть подвержены сомнѣнію, то несомнительно главное изъ нихъ убіеніе Дмитрія клеветами Годунова. Послѣ того, можно помѣстить перечень слѣдственнаго дѣла въ настоящемъ видѣ его, исключивъ, однако, всѣ примѣчанія автора, которыя клонятся къ оправданію Бориса Годунова, и, присовокупивъ въ заключеніе то, что неоднократно говорилъ самъ Шуйскій по вступленіи на престолъ о смерти царевича, между прочимъ въ окружной грамотѣ 2-го іюня 1606 года». Согласно съ этимъ мнѣніемъ, Уваровъ 31-го января 1841 года предписалъ Московскому цензурному комитету измѣнить указанное мѣсто въ сочиненіи Арцыбашева.

23-го февраля 1841 года, попечитель Петербургскаго округа, князь Дондуковъ-Корсаковъ довелъ до свѣдѣнія министра, что года за два назадъ имъ не допущена въ печать драма его стараго сослуживца, Великопольскаго, подъ названіемъ: «Незаконнорожденный». Теперь же надняхъ напечатана трагедія того же автора: «Янетерскій», которая оказывается ничѣмъ инымъ, какъ прежнею же, только нѣсколько измѣненною пьесою. Почему онъ, попечитель, приказалъ задержать изданіе, и, имѣя въ виду общую благонамѣренность автора, согласился на перепечатаніе, на его счетъ, нѣкоторыхъ листовъ. Пьеса, о которой шла въ настоящемъ случаѣ рѣчь, принадлежала къ разряду созданій новой романтической школы и главную роль играли: прелюбодѣянія, убійства и другія преступленія, очень обычныя въ произведеніяхъ этой школы. Цензоръ Ольдекопъ, отъ котораго попечитель требовалъ объясненія на счетъ пропуска, отозвался въ свое оправданіе, что, будучи въ теченіе 12-ти лѣтъ театральнымъ цензоромъ, онъ мало-по-малу привыкъ къ неистовымъ произведеніямъ новѣйшихъ романтиковъ, тѣмъ болѣе, что пьесы самыя гнусныя, безъ всякой нравственной цѣли, какъ напримѣръ «Антоній» Александра Дюма, были даже, хотя и противъ его мнѣнія, одобрены и представлены на здѣшней сценѣ. Въ настоящемъ же случаѣ, ему, сверхъ того, можетъ служить извиненіемъ сильная ревматическая боль въ головѣ, которою онъ страдалъ въ то время, когда пропустилъ въ печать пьесу Великопольскаго. Уваровъ немедленно отвѣчалъ князю Дондукову-Корсакову, что, рассмотрѣвъ съ особеннымъ вниманіемъ донесеніе его, равно объясненіе цензора и самое драматическое сочиненіе, подъ названіемъ «Янетерскій», онъ убѣдился, что ничего предосудительнѣе въ печати не могло быть допущено слабостью и оплошностью цензора, и что предлагаемыя измѣненія нимало не измѣняютъ рядъ безнравственныхъ картинъ, коими наполнена вообще вся трагедія. Поэтому онъ предписываетъ уволить Ольдекопа отъ должности цензора, и если не по собственному его прошенію, то лишь вслѣдствіе ходатай

ства попечителя. Сверхъ того, онъ велѣлъ истребить всѣ имѣющіеся на лицо экземпляры трагедіи и вытребовать, чрезъ автора, тѣ, которые имъ были розданы его знакомымъ.

Въ № 86 «Сѣверной пчелы» за 1841 годъ, Булгаринъ говорилъ, что вовсе не новы свѣдѣнія, сообщенныя профессоромъ Шевыревымъ въ статьѣ январской книги «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», подъ заглавіемъ: «Новыя извѣстія о флорентійскомъ соборѣ, извлеченныя изъ ватиканской рукописи», и что они находятся въ имѣющейся у него, Булгарина, печатной книгѣ. Прочитавъ это, Уваровъ написалъ, 10-го мая 1841 года, петербургскому попечителю, что это обстоятельство довольно важно въ историческомъ и правительственномъ отношеніи, и потому онъ поручаетъ вытребовать отъ Булгарина ту книгу, для представленія ему, министру. Булгаринъ представилъ требуемую книгу (безъ заглавнаго листа) объяснивъ, при этомъ, что она принадлежитъ библіоману Кастерину, и столь рѣдка, что за нее заплачено 200 рублей, почему и проситъ возвратить ее назадъ. Полныя же экземпляры той же книги есть: 1) въ Радзивилловскомъ архивѣ въ Вильнѣ, 2) у Чацкого въ Порѣцкой библіотекѣ, перешедшей въ Пулавы къ Чарторыйскимъ, 3) у частныхъ лицъ, и между прочимъ у Залѣскаго въ Вильнѣ. Книга была по приказанію министра, препровождена къ Востокову, который отозвался 19-го мая, что свѣдѣнія, сообщенныя Шевыревымъ, совершенно согласны съ книгой Острожской печати, доставленной отъ Булгарина, и что, по всему видно, ватиканская рукопись есть неисправный списокъ, либо съ печатной книги острожской, изданной въ концѣ XVI вѣка, либо съ другаго какого списка. Книгу возвратили Булгарину, а Шевыревъ напечаталъ свои объясненія, по этому дѣлу, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія».

24-го ноября 1841 года, Уваровъ представилъ государю императору всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ просилъ дозволенія на напечатаніе сочиненія крестьянина Посошкова: «О скудости и богатствѣ». До тѣхъ поръ были извѣстны только два его краткія разсужденія: одно (поданное митрополиту Стефану Яворскому) о состояніи духовенства и отношеніе его къ народу, гдѣ сочинитель умоляетъ знаменитаго іерарха употребить зависящія отъ него средства къ вразумленію мірянъ, утопающихъ въ невѣжествѣ, объ истинахъ христіанской религіи и приложеніи ея къ жизни; сочиненіе это напечатано въ 1814 году; другое разсужденіе (представленное боярину Головину) о ратномъ дѣлѣ, съ указаніемъ разныхъ улучшеній по этой части: напечатано въ 1793 году. Сочиненіе же «О скудости и богатствѣ» заключаетъ въ себѣ полный трактатъ о состояніи Россіи и о тѣхъ мѣрахъ, кои должно принять для того, чтобъ привести отечество въ лучшее состояніе и искоренить злоупотребленія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, трактатъ,

представленный Петру I въ 1724 году. «Онъ изобилуетъ свѣтлыми выводами здраваго ума, не помраченнаго теоріями и глубоко знакомаго съ бытомъ Россіи», говорилъ въ своемъ докладѣ Уваровъ и, въ заключеніе прибавлялъ: «замѣчательно, что суждено намъ было сдѣлать это любопытное, можно сказать даже важное, открытіе въ благополучное царствованіе вашего императорскаго величества, когда всѣ начала народной жизни приняли сугубое существованіе, и духъ Петра Великаго какъ будто опять воцарился въ Россіи». На этомъ докладѣ государь императоръ, 24-го ноября, написалъ: «Согласенъ».

На другой же день директоръ канцеляріи, Комовскій, сообщилъ Погодину, открывшему рукопись Посошкова и желавшему ее издать, о результатѣ доклада и написалъ, что министръ проситъ его увѣдомить: гдѣ Погодинъ предполагаетъ печатать рукопись. «При этомъ, говорилъ онъ, министръ поручилъ сообщить вамъ его мнѣніе, что въ предисловіи не должно положительно приписывать это произведеніе крестьянину Посошкову, и хотя нельзя съ такою утвердительною, какъ сказалъ одинъ изъ петербургскихъ журналистовъ, назвать какого-либо другаго настоящимъ сочинителемъ рукописи, однако, авторство крестьянина Посошкова также подлежитъ сомнѣнію. Главное то, что подобное сочиненіе могло быть написано и представлено императору Петру Великому; кѣмъ? вопросъ второстепенный; конечно, очень разительно, если авторъ такого произведенія простой крестьянинъ, но при существованіи нѣсколькихъ списковъ этого творенія и при другихъ обстоятельствахъ, авторство его требуетъ очевиднѣйшихъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, какія доселѣ можно представить въ подкрѣпленіе этого мнѣнія».

Въ отвѣтъ на это, Погодинъ, 9-го декабря, написалъ самому Уварову: «Въ землю кланяюсь вашему высокопревосходительству за позволеніе, высочайше исходатайствованное вами, напечатать Посошкова. Это новое доказательство вашей просвѣщенной любви къ отечественной исторіи, новое право на общую признательность, новый подвигъ, совершенный во славу святой Руси. Извѣстіе г. Комовскаго довершило мое выздоровленіе. Да сохранить васъ Богъ въ долготу дней. Выписку, бывшую у васъ, намѣренъ я напечатать въ своемъ журналѣ <sup>1)</sup>, а все сочиненіе особо. О доказательствахъ въ пользу Посошкова я молчалъ, ожидая противныхъ отъ моихъ антагонистовъ, но теперь представляю ихъ немедленно на усмотрѣніе ваше. Впрочемъ, главное дѣло въ сочиненіи, а не въ сочинителѣ, какъ вы изволили замѣтить.

17-го апрѣля 1842 года, Уваровъ ходатайствовалъ всеподданнѣйшимъ докладомъ у государя императора объ изданіи «Записокъ Порошина», сохранившихся въ его потомствѣ и заключающихъ въ себѣ опи-

<sup>1)</sup> Дѣйствительно и напечатана въ 1842 году, въ „Москвитининѣ“.

саніе событій русскаго двора съ 1764 по 1765 годъ. «Въ сихъ запискахъ, говорилъ Уваровъ, являются въ полномъ свѣтѣ, съ одной стороны, всѣ прекрасныя качества ума и сердца малолѣтняго великаго князя Павла Петровича (при которомъ состоялъ тогда безотлучно Порошинъ), и превосходный планъ его воспитанія; съ другой, чувства привязанности и любви Порошина къ питомцу, при особѣ коего онъ состоялъ. Семейство Порошина желаетъ нынѣ издать въ свѣтъ этотъ драгоцѣнный историческій памятникъ. По уваженію вышепоказаннаго содержанія рукописи и общаго впечатлѣнія, производимаго ею на читателя, она не представляетъ, по моему мнѣнію, затрудненія къ напечатанію, по исключеніи развѣ весьма немногихъ, совершенно незначительныхъ мѣстъ». При этомъ, Уваровъ, по желанію потомковъ Порошина, поднесъ государю императору автографъ великаго князя Павла Петровича, писанный имъ на 10 лѣтнемъ возрастѣ и сохранившійся въ семействѣ Порошиныхъ. На этомъ докладѣ 18-го апрѣля послѣдовала высочайшая резолюція: «Записки эти мнѣ давно извѣстны, и я имѣю съ нихъ копіи; нѣтъ препятствія отпечатать; а за присланный листъ благодарить».

Въ маѣ 1842 г. Петербургскій цензурный комитетъ затруднялся пропустить, въ «Библіотекѣ для чтенія» трагедію Лажечникова «Опричникъ», какъ изображающую царя Ивана IV Грознаго въ краскахъ довольно неблагоприятныхъ. Академикъ Бередниковъ, которому Уваровъ передавалъ трагедію на предварительное разсмотрѣніе, отозвался, что тутъ представленъ Іоаннъ Грозный, согласно съ Карамзинымъ, въ самомъ ужасномъ и презрительномъ видѣ. Все это можетъ быть умѣстно въ исторіи, и неумѣстно въ драматическомъ представленіи, которое производитъ несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе и на зрителей, и на читателей. Въ трагедіи Лажечникова негодованіе возбуждается противъ законнаго царя русскаго, котораго санъ, въ качествѣ помазанника Божія, всѣ привыкли почитать священнымъ; здѣсь самымъ разительнымъ образомъ выказывается злоупотребленіе монархической власти; здѣсь въ уста царя влагаются рѣчи, способныя ослабить уваженіе, питаемое всѣми къ высокой особѣ русскихъ вѣщеносцевъ; однимъ словомъ, все, что здѣсь заключается, подрываетъ безотчетное чувство благоговѣнія къ монархамъ, которымъ русскіе исполняются съ самаго дѣтства. Съ другой стороны, нельзя не принять въ уваженіе, что царствованіе Іоанна Грознаго описано Карамзинымъ односторонне, по источникамъ, враждебнымъ памяти этого государя; что это любопытное и во многихъ отношеніяхъ загадочное царствованіе ожидаетъ еще историка безпристрастнаго. Открытые послѣ Карамзина историческіе документы «и тѣ, которые еще вновь откроются», не оправдаютъ, конечно, жестокости Іоанновой, но безъ всякаго сомнѣнія болѣе объяснятъ причины ея, избавятъ его отъ многихъ нареканій, не подтвержденныхъ историческою кри-

тикой, и смягчать слишкомъ рѣзкій приговоръ «Исторія государства Россійскаго». При такомъ положеніи дѣла, академикъ Беренниковъ полагалъ, что трагедія «Опричникъ» не можетъ быть дозволена къ напечатанію. Согласно съ этимъ мнѣніемъ, Уваровъ 25-го іюля 1842 г. увѣдомилъ петербургскаго попечителя, что находитъ неудобнымъ выводить царя Іоанна въ самомъ ужасномъ и презрительномъ видѣ въ событіи вымышленномъ, и налагать на него произвольно вину, которою исторія не обременяетъ этого царя, а потому онъ и признаетъ, что трагедія «Опричникъ» не можетъ быть дозволена къ напечатанію.

16-го іюня 1842 года, московскій попечитель, графъ Строгановъ, писалъ Уварову: «На-дняхъ, прочитывая новую поэму Гоголя «Похожденіе Чичикова или мертвыя души», я останавливался на многихъ мѣстахъ, которыя, несмотря на свою занимательность и юморъ, не могли, какъ я думаю, быть дозволены къ напечатанію безъ особеннаго высшаго разрѣшенія, и съ какою-либо особенною цѣлью. Цензурныя постановленія вообще не опредѣленны. Были случаи, что цензура, при одобреніи нѣкоторыхъ сочиненій къ напечатанію или при неодобреніи, руководствовалась доселѣ особенными указаніями правительства и изъ нихъ составляла для себя частныя правила. Теперь, новое произведеніе Гоголя обратило на себя всеобщее вниманіе, и, конечно, будетъ подвергнуто разнымъ толкованіямъ и критикѣ. Въ семъ случаѣ, цензура будетъ поставлена въ затрудненіе, потому что не имѣетъ указанія, при какихъ обстоятельствахъ дозволено напечатаніе означенной поэмы».

Вслѣдствіе того, графъ Строгановъ просилъ наставленія: чѣмъ руководствоваться, въ случаѣ представленія рецензій и критикъ на поэму Гоголя. Уваровъ отвѣчалъ, что книга «Мертвыя души» разсмотрѣна и одобрена цензурою на общихъ основаніяхъ, и при разсмотрѣніи критикъ на это сочиненіе, надо руководствоваться общими цензурными постановленіями.

28-го іюня 1842 года тотъ же графъ Строгановъ, секретно, писалъ Уварову: «Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и въ особенности «Москвитянинъ», приняли за особенную тему выставить живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи славянъ, какъ терпящихъ особое угнетеніе, и предвѣщать скорое отдѣленіе ихъ отъ иноплемениаго ига. Хотя цензурный комитетъ удерживаетъ представленныя ему статьи въ извѣстныхъ границахъ и вымарываетъ слишкомъ рѣзкія мѣста, но все-таки довольно остается и въ самомъ исправленіи статей, чтобы онѣ обратили на себя вниманія читателей. А какъ, при дѣйствіи въ государствѣ цензуры, на правительство падаетъ отвѣтственность и за частное политическое направленіе журналистики, я считаю обязанностью, для дальнѣйшаго руководства своего, спросить ваше высокопревосходительство, согласно ли будетъ съ настоящими видами прави-

тельства нашего: возбуждать участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, представлять имъ Россію, какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности своей, и ясно рукоплескать порывамъ ихъ къ эмансипаціи. Я чувствую, что слабость самихъ писателей, принявшихъ это направленіе, дѣлаетъ и пропаганду не опасною; но здѣсь меня не занимаетъ угрожающая Австріи и Турціи опасность, а просто вопросъ приличія и своевременности при существующихъ пріязненныхъ отношеніяхъ Россіи къ со-сѣднимъ державамъ».

На это Уваровъ, секретно же, отвѣчалъ 16-го іюля графу Строганову: «Доселѣ вышеозначенныя статьи не подвергались никакимъ со стороны правительства замѣчаніямъ касательно предполагаемаго въ нихъ значенія» <sup>1)</sup>.

Вообще всякія нарушенія дружественныхъ отношеній между союзными съ Россіей державами, посредствомъ книгопечатанія, предупреждаются уже постановленіями § 9 цензурнаго устава, и потому, если бы въ какихъ-либо изданіяхъ вообще могло быть нарушено должное приличіе въ этомъ отношеніи, то отвѣтственность, на основаніи цензурныхъ учрежденій, падаетъ на то лицо, съ разрѣшенія коего подобное изданіе поступило въ печать. Что касается до существованія «пропаганды», возбуждающей участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, угрожающей опасностью Австріи и Турціи, и рукоплещущей порывамъ сихъ племенъ къ эмансипаціи, я долженъ сообщить вамъ, что предполагаемое существованіе подобной «пропаганды» выходитъ далеко изъ черты обыкновенныхъ литературныхъ или цензурныхъ погрѣшностей и даже предѣловъ моего вѣдомства, и требуетъ особыхъ наблюденій. Почему предлагаю вамъ войти въ конфиденціальное сношеніе о семъ съ г. московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, которому я съ своей стороны не оставляю передать содержаніе вашего отношенія».

Въ началѣ 1843 года, петербургскій цензурный комитетъ не находилъ затрудненія пропустить въ печать «Полное Собраніе сочиненій Гоголя» въ 4 томахъ (вопреки мнѣнію цензора Никитенки, который находилъ не мало мѣстъ сомнительныхъ въ «Шинели», «Женитьба», «Утрѣ дѣловаго человѣка», «Театральномъ развѣдѣ»), но затруднился въ томъ отношеніи, что не далѣе, какъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ, въ декабрѣ 1842 года, по высочайшему повелѣнію были посажены подъ

<sup>1)</sup> Далѣе было первоначально написано, но потомъ зачеркнуто: „и при извѣстной благонамѣренности обоихъ издателей „Москвитянина“, профессоръ Погодина и Шевырева, можно надѣяться, что и впредь они не подадутъ повода къ какимъ-либо нареканіямъ въ этомъ смыслѣ“.



арестъ цензоры Никитенко и Крыловъ, пропустившіе въ № 8 «Сына Отечества» повѣсть «Гувернантка», содержавшую юмористическіе пассажи. Уваровъ далъ 10-го января словесное разрѣшеніе петербургскому попечителю пропустить полное собраніе сочиненій Гоголя.

6-го мая 1847 года, Уваровъ секретно писалъ попечителю Петербургскаго округа: «Разсматривая появляющіяся въ поврежденных издаваніяхъ сочиненія объ отечественной исторіи, я замѣчаю, что въ нихъ нерѣдко вкрадываются разсужденія о вопросахъ государственныхъ и политическихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ особенною осторожностью, и только въ предѣлахъ самой строгой умѣренности. Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необдуманнхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда, если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть». Поэтому Уваровъ поручалъ попечителю пригласить цензоровъ къ усугубленію вниманія на журнальныя и другія статьи въ показанномъ отношеніи.

28-го іюля 1847 года, Уваровъ, по просьбѣ Жуковскаго, испрашивалъ дозволенія на новое цензурованіе, въ полномъ собраніи сочиненій этого автора, лишь того, что будетъ напечатано вновь, а всѣ прежнія сочиненія не подвергать опять цензурному разсмотрѣнію; при этомъ министръ указывалъ на примѣръ Пушкина, послѣ смерти котораго, въ 1837 году, высочайше повелѣно было: «Сочиненія, уже напечатанныя, пропустить, не подвергая ихъ новому разбору; сочиненія же, еще не напечатанныя, подвергать разбору цензуры по установленному порядку». На это 29-го іюля послѣдовала высочайшая резолюція: «Согласенъ».

5-го іюня 1847 г., Уваровъ писалъ петербургскому попечителю (черновая бумага вся писана рукою самого министра): «министерство народнаго просвѣщенія неоднократно предостерегало С.-Петербургскій цензурный комитетъ отъ слишкомъ быстрого распространенія иностранныхъ романовъ, большею частью писанныхъ въ дурномъ духѣ и съ весьма дурными началами, коихъ слѣды остаются ощутительны, не взирая на сокращенія и измѣненія, производимыя цензорами. Страсть къ этому роду чтенія простирается до того, что въ иныхъ журналахъ, здѣсь издаваемыхъ, цѣлыя книжки почти состояются изъ двухъ или трехъ въ цѣлости переводныхъ романовъ или повѣстей. Находя, что независимо отъ нравственной цѣли, указываемой министерствомъ, самыя программы этихъ журналовъ несходны съ подобнымъ наполненіемъ ихъ переводными романами, я покорно прошу васъ предложить Петербургскому цензурному комитету принять отнынѣ къ точнѣйшему исполненію слѣдующія правила: 1) обращать впредь ближайшее и строжайшее

вниманіе на представляемые въ комитетъ переводы съ иностранныхъ языковъ, особенно современныхъ французскихъ писателей, коихъ имена, болѣе или менѣе, извѣстны публикѣ, обязавъ цензоровъ, чтобы, по окончательномъ разсмотрѣніи сихъ переводовъ, каждый изъ нихъ предварительно доводилъ до свѣдѣнія вашего; вамъ же оставаться будетъ: или разрѣшить изданіе подобнаго перевода, или представить на мое усмотрѣніе. 2) Въ издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ журналахъ наблюдать, чтобы цѣлыя книжки оныхъ, вопреки программѣ, не были составлены изъ однихъ почти переводныхъ въ цѣлости романовъ или повѣстей. 3) Наконецъ, поставить на видъ цензорамъ, что съ нѣкоторыхъ поръ оригинальныя изданія, въ родѣ повѣстей и романовъ, наполнены выходками противъ чиновниковъ, представляя этотъ классъ въ самыхъ гнусныхъ и смѣшныхъ видахъ. Считая, что такое преслѣдованіе класса людей, болѣе или менѣе полезныхъ и достойныхъ уваженія и къ коему могутъ быть причислены и высшіе сановники въ Имперіи, имѣетъ цѣлью убивать въ низшихъ разрядахъ службы духъ благородный и обращать на нихъ или презрѣніе или негодованіе, я прошу васъ предложить комитету и цензорамъ, порознь, неослабно наблюдать, чтобы подобныя изображенія не выходили изъ предѣловъ благопристойности и вкуса, и были вообще допускаемы тогда только, когда цензура убѣдится въ чистотѣ намѣренія сочинителя и его безпристрастія. Хотя по сему предмету трудно начертать положительно правило, однако же я увѣренъ, что цензоры, постигнувши смыслъ этого воззрѣнія, будутъ съ онымъ, во всѣхъ случаяхъ, осмотнительно соображаться». На другой же день Уваровъ послалъ копію съ этого предписанія графу Бенкендорфу и прибавилъ въ письмѣ своемъ: «весьма желательно, смѣю думать, чтобы и театральная, не состоящая въ моемъ вѣдѣніи, цензура обратила вниманіе на смыслъ послѣдняго моего замѣчанія о чиновникахъ».

9-го января 1848 года Уваровъ поручилъ петербургскому попечителю обратить особенное вниманіе цензоровъ на переводъ романа «*Mémoires d'un médecin*», печатаемый въ «Библіотекѣ для чтенія», также не позволять переводъ книги «*Histoire des Givondins*» Ламартина.

Въ тотъ же самый день, графъ Орловъ писалъ министру народнаго просвѣщенія, что государь императоръ повелѣлъ: «воспретить дальнѣйшее печатаніе русскаго перевода, въ «Библіотекѣ для чтенія», романа Дюма «*Mémoires d'un médecin*», и принять на будущее время вообще за правило, дабы главное управленіе цензуры, разрѣшая пропускъ иностранныхъ романовъ въ Россіи, тогда же опредѣляло, могутъ ли оныя быть переводимы на русскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы изъ романовъ, кои не будутъ разрѣшены къ переводу исполнѣ, не было до-

зволюемо печатать и отрывковъ въ рускомъ переводѣ». Вслѣдъ за тѣмъ, редакторъ «Библиотеки для чтенія», Сенковский, писалъ петербургскому попечителю, что до конца романа осталось всего 4—5 печатныхъ листовъ и, чтобъ не дать публикѣ повода къ толкамъ, по его мнѣнію, надлежало бы заключить книгу чѣмъ-нибудь, хоть для вида. Окончаніе можно было бы сократить еще болѣе, чѣмъ остальной текстъ, только бы соблюсти благовидную наружность. Но министр не согласился на это, такъ какъ романъ былъ запрещенъ по волѣ государя императора. Скоро послѣ того, 21-го марта 1848 года, Уваровъ изъяснилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что послѣ вышеупомянутаго высочайшаго повелѣнія, онъ, въ числѣ прочихъ распоряженій, запретилъ печатать въ русскихъ журналахъ и газетахъ переводы романовъ изъ иностранныхъ фельетоновъ, пока эти романы не будутъ изданы въ цѣлости и пропущены для перевода. Но въ «*Revue étrangère*» и въ «*Messenger de S.-Petersbourg*» помѣщаются повѣсти и романы, заимствуемые изъ французскихъ періодическихъ изданій, и эти журналы могутъ послужить источникомъ для переводовъ на русскій языкъ французскихъ фельетонныхъ романовъ. Оба они, пользуясь даннымъ имъ и составляющимъ основу ихъ существованія правомъ перепечатывать французскіе повѣсти и романы, доселѣ употребляли его съ осторожностью и не навлекали на себя никакого нареканія. Потому главное управленіе цензуры полагало бы ихъ этого права не лишать; но русскимъ журналамъ и газетамъ переводить изъ нихъ повѣсти и романы, отдѣльно еще не одобренные, запретить. На этомъ докладѣ послѣдовала высочайшая резолюція 22-го марта: «Согласенъ, но и въ этихъ двухъ журналахъ полагаю лучше позволять печатать только тѣ романы и повѣсти, которые уже въ цѣломъ извѣстны».

Приводя въ исполненіе эту высочайшую волю, Уваровъ, 6-го апрѣля 1848 года, предписалъ цензорамъ представлять себѣ заглавіе каждого романа, назначеннаго къ пропуску въ рускомъ переводѣ, и ожидать его разрѣшенія. 11-го же августа онъ еще предписалъ, чтобы издатели переводимыхъ на русскій языкъ французскихъ романовъ представляли ему заблаговременно заглавія выбранныхъ ими романовъ, такъ чтобы къ переводу и набору приступать уже по полученіи министерскаго разрѣшенія <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Эти распоряженія уничтожены лишь въ декабрѣ 1849 г., во время министерства князя Ширинскаго-Шихматова.

## X.

Цензура еврейскихъ книгъ.—Мѣры противъ вреднаго направленія еврейской литературы.—Продажа запрещенныхъ книгъ.

Послѣ предложеннаго здѣсь обзора цензурной дѣятельности графа Уварова и главнаго управленія цензуры за періодъ времени съ 1833 по февраль 1848 года, умістно будетъ сказать теперь нѣсколько словъ и о цензурѣ еврейскихъ книгъ, находившихся, какъ извѣстно, въ исключительномъ положеніи. Нѣсколько примѣровъ, выбранныхъ изъ числа самыхъ крупныхъ, дадутъ полное понятіе объ этомъ дѣлѣ и отношеніяхъ къ нему какъ высшаго цензурнаго вѣдомства, такъ и вообще правительства.

19-го января 1834 года министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Блудовъ, секретно писалъ Уварову, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, между евреями возникла въ новѣйшія времена секта хасидовъ, которая искажаетъ еврейскій законъ и издаетъ самыя вредныя для общества книги, заключающія ложныя и противныя богопознанію и нравственности правила. Увлекаясь этимъ обманомъ, еврейскій народъ предается совершенной праздности, пронырствамъ, распутству и всѣмъ порокамъ. Хасидскія правила столь распространены между евреями западныхъ губерній, что теперь почти нѣтъ ни одной еврейской книги старинной печати и изданій, гдѣ они не были бы включены особыми прибавленіями, или вложеніемъ въ переплетъ; хасидскія книги читаются съ невѣроятною жадностью, а всѣ мѣры правительства для пресѣченія этого зла оказываются недостаточными. Три еврея: Савицкій, Мекело и Беренштейнъ предложили министру внутреннихъ дѣлъ принять слѣдующія мѣры для уничтоженія именно этого зла: строжайше пересмотрѣть, посредствомъ особыхъ комиссаровъ, всѣ книги, находящіяся въ употребленіи у евреевъ, и доселѣ въ Польшѣ и Россіи напечатанныя, отдѣлить всѣ нехасидскія; а остальные безусловно истребить, наложивъ строжайшее взысканіе на тѣхъ, кто будетъ укрывать подобныя книги, или сохранить ихъ, хотя бы даже по недосмотру ревизоровъ; закрыть всѣ еврейскія типографіи въ Польшѣ и возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ; дозволить существованіе не болѣе трехъ типографій (напримѣръ въ Житомирѣ, Брестъ-Литовскѣ и Шкловѣ), съ привилегією на 15 лѣтъ предпринимателямъ, при этихъ типографіяхъ опредѣлить особыхъ цензоровъ отъ правительства. Не приступая еще ни къ какимъ распоряженіямъ по этому ходатайству, Блудовъ просилъ министра народнаго просвѣщенія сообщить ему свое мнѣніе по этому предмету. Уваровъ секретно же отвѣчалъ 30-го января 1834 года, что еще въ 1831 году, состоящій при Виленскомъ цензурномъ комитетѣ, для

разсматриванія еврейскихъ книгъ, еврей Тугендгольдъ представлялъ, что у русскихъ евреевъ находятся въ обращеніи книги секты хасидовъ, которыя цензурою не были дозволены къ напечатанію, и это представленіе было по принадлежности сообщено главнымъ управленіемъ цензуры графу Бенкендорфу и министру внутреннихъ дѣлъ для изыятія тѣхъ книгъ изъ употребленія. Необходимо принять мѣры къ пресѣченію обращенія между евреями противозаконно печатаемыхъ книгъ. Но предлагаемыя нынѣ средства къ тому нельзя не признать столь насильственными, что приведеніе ихъ въ дѣйствіе чрезвычайно затруднительно и даже невозможно, особливо со стороны цензуры, ибо въ дѣйствіяхъ своихъ она не можетъ преступать предѣловъ, опредѣленныхъ для нея цензурнымъ уставомъ».

Почти годъ спустя, Блудовъ написалъ Уварову, 29-го ноября 1834 г., что изъ вытребованныхъ отъ начальника Западнаго края донесеній оказывается, что секта хасидовъ не имѣетъ, въ началахъ вѣры своей, большой разницы съ прочими раввинскими евреями. Вообще вѣра евреевъ, основанная на нелѣпомъ талмудическомъ ученіи, признается болѣе или менѣе вредною обществу, и слѣдовательно должно принимать всевозможное стараніе о просвѣщеніи вообще всѣхъ евреевъ; раздѣлять же ихъ на секты и преслѣдовать одну изъ нихъ по видамъ другой, было бы, можетъ статьса, и вредно, ибо это заставило бы думать оставленныхъ въ покоѣ, что правительство одобряетъ ихъ ученіе. Поэтому, Блудовъ считалъ достаточнымъ (согласно съ мнѣніемъ Уварова), ограничиться общими постановленіями, но просилъ подтвердить цензурѣ о строжайшемъ разсмотрѣніи печатаемыхъ здѣсь и привозимыхъ изъ-за границы еврейскихъ книгъ. Уваровъ исполнилъ это требованіе.

21-го іюня 1837 года князь А. Н. Голицынъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что государь императоръ, по его докладу, высочайше повелѣлъ опредѣлить, на вакантное мѣсто, цензоромъ еврейскихъ книгъ кандидата медицины, Липса, перешедшаго изъ еврейства въ православіе, и сообразить, на основаніи объясненій и доводовъ Липса, не лучше ли учредить цензуру еврейскихъ книгъ въ Петербургѣ. Прежде чѣмъ обращаться къ князю Голицыну, Липсъ сообщалъ свои обширныя разсужденія и доводы извѣстному протоіерею Павскому, который написалъ ему, 12-го мая 1837 года, слѣдующее, можно сказать о ф ф и ц і а л ь н о е письмо, бывшее потомъ въ виду и у князя Голицына, и у государя императора:

«Четыре тетради ваши, которыя вы довѣрили мнѣ перечитать, чтобъ слышать мое о нихъ мнѣніе, я пересмотрѣлъ, и съ удовольствіемъ вижу изъ нихъ, что вы съ великою ревностью и съ большимъ умѣньемъ раскрываете зло, таящееся въ еврейскихъ обществахъ благословеннаго отечества нашего. Хотя я часто имѣлъ случай говорить съ евреями и

\*

всегда былъ увѣренъ, что причиною ихъ невѣжества, безсовѣстности и подлости есть незаконное раввинское и талмудическое ученіе, но, прочитавъ ваши выписки и разсужденія, еще яснѣе узналъ, что такъ называемые учителя евреевъ суть люди безнравственнѣйшіе и губятъ бѣдный народъ свой безъ всякаго милосердія. Чего добраго ожидать отъ такихъ учителей, которые не только сами обманываютъ, но составили систему обмана и постоянно дѣйствуютъ по своей системѣ во вредъ своего народа, въ обиду сосѣдей, вопреки тому государству, которое ихъ кормитъ и покровительствуетъ? Особенно ужасны и возмутительны правила новѣйшихъ ихъ законодателей, и тѣмъ они вреднѣе, что вездѣ предложены съ доказательствами, и доказательства заимствованы изъ Св. Писанія, по ихъ мыслямъ перетолкованнаго. Конечно, такія доказательства несильны и неубѣдительны для людей, имѣющихъ здравый смыслъ, но въ томъ-то и состоитъ искусство раввиновъ, что они, во-первыхъ, отнимутъ у людей здравый смыслъ и совѣсть, а потомъ и предлагаютъ свои бредни, какъ величайшія тайны и преполозѣннѣйшія истины. Чтобы лишить учениковъ своихъ здраваго смысла и совѣсти, раввины запрещаютъ имъ учиться наукамъ и читать книги, кромѣ изданныхъ ими. А что же пишется въ ихъ книгахъ? «Весь міръ существуетъ для евреевъ. Все богатство міра принадлежитъ евреямъ. Христіане пользуются благами міра незаконно. И потому еврей долженъ всякими мѣрами переводить богатство изъ рукъ христіанскихъ въ свои руки, какъ законную свою собственность. Однимъ только евреямъ Богъ далъ душу разумную, а христіане не имѣютъ души. И потому не грѣшно убивать христіанина, какъ бездушнаго. Если иногда и говорится въ законахъ еврейскихъ, что надобно молиться за царей, то здѣсь не разумѣются цари христіанскіе, а раввины» и проч. Горестно слышать, что такія правила, внушаемыя незаконными раввинами, печатаются въ русскіихъ типографіяхъ, и при томъ довольно часто и въ большомъ количествѣ, какъ видно изъ многихъ изданій. Конечно, намъ не перечесть всѣхъ евреевъ, чтобъ они мыслили согласно съ здравымъ умомъ, и поступали по совѣсти, но на все есть мѣра. Пусть они печатаютъ свои книги, нужныя для ихъ богослуженія и руководства въ жизни, но въ этихъ книгахъ не должно допускать выраженій, оскорбительныхъ для христіанской церкви и для правительства. А изъ вашихъ выписокъ видно, что въ еврейскихъ книгахъ, и при томъ недавно печатанныхъ, множество выраженій, оскорбительныхъ для христіанъ и для того правительства, подъ покровительствомъ котораго живутъ и благоденствуютъ евреи. Не ужасно ли читать тѣ мѣста, гдѣ о Спасителѣ нашемъ говорится съ презрѣніемъ, таинства христіанскія называются мерзостью, государь императоръ—непріятелемъ? Намѣреніе ваше передать ваши выписки въ руки правительства похвально, потому что всякій сынъ

отечества долженъ оберегать честь и выгоды своего отечества. Какъ вы сами воспитались среди евреевъ и съ малолѣтства видѣли и слышали всѣ незаконные поступки и правила слѣпыхъ вождей еврейскаго народа, то вы гораздо подробнѣе и вѣрнѣе можете это обнаружить, какъ и дѣйствительно видно изъ большого числа вашихъ выписокъ изъ разныхъ книгъ, вами перечитанныхъ. Да дастъ вамъ Богъ успѣхъ въ вашемъ намѣреніи. Перечитывая ваши выписки, я вижу, что вы раввиновъ, дающихъ привилегіи на напечатаніе, называете самозванцами. Неужели у евреевъ, кромѣ раввиновъ, признанныхъ правительствомъ, есть еще раввины, имѣющіе власть давать такія важныя привилегіи? Если это правда, то эти тайные раввины должны быть крайне дерзки, осмѣливаясь выставять свое имя на первомъ листѣ печатной книги и между тѣмъ не имѣя никакого права со стороны правительства. И какъ же такой раввинъ называетъ себя, между прочимъ, предсѣдателемъ еврейскаго суда?»

По разсмотрѣніи бумагъ Липса, главное управленіе цензуры 26-го ноября 1837 года представило, черезъ своего предсѣдателя, Уварова, всеподданнѣйшій докладъ государю императору, гдѣ было сказано: «заключенія свои о недостаточности еврейской цензуры въ Кіевѣ и Вильнѣ (т. е. въ тѣхъ краяхъ, гдѣ обитаютъ евреи) Липсъ основываетъ на двухъ положеніяхъ: 1) что виленской цензурой сдѣланы многія и значительныя упущенія, 2) что цѣль цензуры еврейскихъ книгъ состоитъ въ очищеніи и исправленіи не только тѣхъ книгъ, кои предназначаются вновь къ изданію въ свѣтъ, но и всѣхъ уже напечатанныхъ сочиненій еврейскихъ. На сей конецъ Липсъ предлагаетъ разныя мѣры, которыя, по его мнѣнію, приведутъ къ желаемой цѣли. Не имѣя возможности повѣрить показанія Липса и убѣдиться въ справедливости его обвиненій противъ виленской цензуры, главное управленіе цензуры не могло, однако же, не обратить вниманія на этотъ предметъ. А потому и признало нужнымъ, вытребовавъ объясненія отъ еврейскихъ цензоровъ въ Вильнѣ, употребить по возможности надлежащія средства къ приведенію этого обстоятельства въ должную ясность. Что же касается до самыхъ предположеній Липса, то, по своей сложности и обширности, они обнимаютъ собою такіе предметы, которые вовсе не принадлежатъ къ кругу дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія. Такъ, напримѣръ, отбираніе и истребленіе всѣхъ существующихъ нынѣ вредныхъ еврейскихъ книгъ относится къ вѣдомству высшей полиціи. Правила для учрежденія еврейской типографіи и надзора за нею относятся къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, и т. д. Даже для опредѣленія пользы отъ перенесенія цензуры и книгопечатанія еврейскихъ книгъ въ Петербургъ, которое отниметъ у цензурнаго вѣдомства возможность пріобрѣтать на мѣстѣ свѣдѣнія объ

обращающихся между евреями книгахъ и оставить евреевъ безъ надзора въ семъ отношеніи, даже для несомнѣннаго заключенія объ этой пользѣ необходимы соображенія съ цѣлымъ гражданскимъ бытомъ евреевъ и со всѣми узаконеніями, какія существуютъ для нихъ. Все это убѣдило главное управленіе цензуры, что ежели бы и было приступлено къ приведенію въ дѣйствіе мѣръ, предлагаемыхъ Липсомъ, или другихъ подобныхъ, въ такомъ же объемѣ, то дѣло сіе могло бы быть исполнено только тѣмъ вѣдомствомъ, которому принадлежитъ гражданское и духовное управленіе евреями, и что мѣры цензурныя для евреевъ должны необходимо сосредоточиваться въ томъ же управленіи».

На этомъ докладѣ 28-го ноября послѣдовала высочайшая резолюція: «обсудить въ комитетѣ министровъ при графѣ Бенкендорфѣ».

Комитетъ министровъ, разсматривая это дѣло, призналъ нужнымъ предварительно обратиться къ разсмотрѣнію мѣръ, принятыхъ къ прекращенію между евреями обращенія вредныхъ и запрещенныхъ книгъ. Положеніемъ комитета, высочайше утвержденнымъ 27-го октября 1836 года, постановлено: 1) объявить евреямъ, что всѣ имѣющіяся у нихъ книги, напечатанныя безъ цензуры или привезенныя изъ-за границы безъ дозволенія, они могутъ представлять мѣстнымъ начальствамъ въ теченіе года, не опасаясь за то наказанія, но по прошествіи этого срока, съ тѣми, у кого такія книги окажутся, поступлено будетъ по всей строгости законовъ; 2) пересмотръ этихъ книгъ поручить надежнымъ раввинамъ съ тѣмъ, чтобы они, подъ личною отвѣтственностію, одобренные цензурою означали надписью, а неодобренные представляли мѣстному начальству на дальнѣйшее распоряженіе; 3) еслибы по истеченіи означеннаго срока открыты были у кого-либо изъ евреевъ запрещенныя книги, то вѣнчать градскимъ и земскимъ полиціямъ въ обязанность, задержать оныя, доносить о томъ немедленно высшему мѣстному начальству, для преданія виновныхъ суду; 4) для облегченія надзора за еврейскими типографіями, всѣ существовавшія въ городахъ и мѣстечкахъ уничтожить, оставя только двѣ: одну въ Кіевѣ, а другую въ Вильнѣ, гдѣ пересмотръ еврейскихъ книгъ поручить особымъ цензорамъ; 5) подтвердить таможеннымъ и губернскимъ начальствамъ, чтобы привозимыя изъ-за границы еврейскія книги непременно были подвергаемы цензурѣ.

Эти мѣры имѣли успѣшное дѣйствіе, и у евреевъ открыто такое множество запрещенныхъ книгъ, что пересылка ихъ въ Петербургъ была бы сопряжена съ большими затрудненіями, а потому положеніемъ комитета министровъ 11-го сентября 1837 года мѣстнымъ начальствамъ разрѣшено предавать сожженію на мѣстѣ подлежащія уничтоженію книги. Что касается предположеній Липса, то комитетъ не усматривалъ никакихъ уважительныхъ причинъ, по коимъ можно было согласиться съ мнѣніемъ его, что принятая доселѣ мѣры къ уничтоженію означенныхъ книгъ



для достиженія сей цѣли недостаточны, ибо, не упоминая о томъ, что мѣры сіи имѣли уже успѣхъ, всѣ распоряженія по этому предмету сдѣланы столь недавно, что нельзя еще съ опредѣлительностью судить о недостаточности ихъ, тѣмъ болѣе, что для представленія обращающихся между евреями недозволенныхъ книгъ данъ имъ годовой срокъ, который недавно кончился. При томъ, сосредоточеніе цензуры еврейскихъ книгъ и учрежденіе единственной еврейской типографіи въ С.-Петербургѣ представляетъ многія неудобства, какъ потому, что это, отнявъ возможность у мѣстнаго начальства приобрѣтать свѣдѣнія объ обращающихся между евреями книгахъ, оставило бы евреевъ въ семъ отношеніи безъ всякаго надзора, такъ и потому, что черезъ это открытъ бы былъ пріѣздъ въ С.-Петербургъ многимъ евреямъ, которые нынѣ въ столицу эту не допускаются и кои бы воспользовались этимъ случаемъ даже для постоянного въ ней пребыванія. Что же касается до указаній Липса на нѣкоторыя мѣста въ дозволенныхъ къ напечатанію книгахъ, содержащія вредныя мысли, то обстоятельство это еще прежде обратило на себя вниманіе правительства, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія производятся о семъ изслѣдованія, равно и по указаніямъ Липса истребованы, отъ кого слѣдуетъ, объясненія. Вообще предметъ этотъ принадлежитъ къ разряду неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ упущеній или злоупотребленій приставленныхъ отъ правительства чиновниковъ, и долженъ подвергнутъ ихъ законному взысканію. Изслѣдованіе это можетъ также показать необходимость нѣкоторыхъ новыхъ мѣръ къ усиленію надзора за цензурою еврейскихъ книгъ или еврейскими типографіями; но во всякомъ случаѣ нельзя ожидать какой-либо особой пользы отъ перенесенія ихъ съ одного мѣста въ другое. По всѣмъ этимъ уваженіямъ, комитетъ, признавая неудобнымъ приведеніе въ исполненіе предположеній Липса и полагая оставить ихъ безъ дѣйствія, считалъ между тѣмъ не излишнимъ поручить мѣстнымъ начальствамъ, чтобы они за дѣйствіями типографій въ Вильнѣ и Киевѣ имѣли ближайшій и бдительный надзоръ. Это положеніе комитета высочайше утверждено 18-го января 1838 года. Изъ доставленныхъ, впослѣдствіи, объясненій виленаго цензора Тугенгольда оказалось, что всѣ мѣста, приведенныя Липсомъ въ выпискѣ изъ Талмуда и молитвенныхъ еврейскихъ книгъ, какъ вредныя, въ сущности совершенно безвредны, и представившій ихъ съ худой стороны правительству далъ имъ злонамѣренное значеніе по своему произволу, то сокращая мысли, то принимая что-либо, сказанное за нѣсколько вѣковъ о язычникахъ, къ настоящему времени и къ нынѣшнимъ христіанскимъ народамъ. — Липсъ же отставленъ отъ цензорской должности за крайнюю недобросовѣстность свою, лихоимства и вымогательства у евреевъ.

14-го марта 1839 года министръ внутреннихъ дѣлъ секретно

сообщилъ Уварову, что раввиномъ города Ровны, Волынской губерніи, Беренсономъ, представлено собраніе нѣсколькихъ печатныхъ листовъ изъ разныхъ еврейскихъ сочиненій, признанныхъ имъ вредными, а также книги подъ заглавіемъ: «Шивхе-Рабби-Хаймъ-Виталь», и просилъ увѣдомить, какія были послѣдствія производившейся уже прежде объ этихъ книгахъ переписки. Уваровъ секретно же отвѣчалъ на это 7-го апрѣля 1839 года, что еще въ началѣ 1828 года министръ народнаго просвѣщенія препровождалъ къ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ книгу «Шивхе-Гесъ-Хаймъ», содержащую хулу на христіанство и напечатанную въ 1826 году въ Острогѣ безъ одобренія; потомъ въ мартѣ того же 1828 года туда же препровождена вѣдомость о 50-ти еврейскихъ сочиненіяхъ, подлежащихъ запрещенію; 14-го марта послѣдовало высочайшее повелѣніе объ изыятіи вредныхъ еврейскихъ книгъ изъ обращенія. Что же касается другихъ еврейскихъ книгъ, указываемыхъ нынѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то изъ нихъ дѣйствительно слѣдуетъ исключить указанные мѣста.

Въ началѣ января 1839 года верхне-днѣпровскій раввинъ Мовша Каценъ-Элленбогенъ подалъ кіевскому военному, подольскому и волыньскому генераль-губернатору, генераль-адъютанту Бибикову, письменный доносъ противъ секты хасидовъ, сильно распространенной, по его словамъ, въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, а также въ Бессарабіи и многихъ мѣстахъ Екатеринославской, Херсонской и Полтавской губерній. Въ книгахъ же ихъ есть очень много мѣстъ, содержащихъ въ себѣ очень вредное ученіе. Въ доказательство чего раввинъ представилъ переводъ многихъ мѣстъ изъ книги «Дывре Эмесь». Тутъ встрѣчались слѣдующія фразы: «когда Господь Богъ хочетъ наказать народъ, тогда праведники еврейскіе (т. е. цадикъ) обращаютъ это наказаніе на ненавистниковъ еврейскихъ»... «Должно давать цадикѣ деньги, потому что онъ поможетъ во всѣхъ скорбяхъ и обратитъ злое на ненавистниковъ, а на евреевъ привлечетъ благословеніе»... «Посредствомъ превращенія наказанія на ненавистниковъ прибываетъ евреямъ пропитаніе и способъ къ наблюденію закона еврейскаго»... «Возвышеніе вселенной состоитъ со стороны достоинства евреевъ, дѣлающихъ добрыя дѣла, а идолопоклонники своими добрыми дѣлами могутъ разорить вселенную, вселенная сія есть вселенныхъ не бывшихъ, т. е. святость, каковая прибавляется еврейскими добрыми дѣлами»... «Цадикъ есть кивотъ завѣта, потому что въ немъ хранится законъ, и когда цадикъ возвышается своею святостью часъ отъ часу, то никто изъ враговъ его не можетъ чинить ему зла, ибо онъ ихъ побѣдитъ. Если же сіи враги изъ евреевъ, то онъ токмо не допуститъ своею святостью, чтобы они ему препятствовали. Цадикъ же подобенъ птицѣ, сидящей на птенцахъ, или на яйцахъ, ибо онъ есть мать своихъ подчиненныхъ, онъ не долженъ въ своей молитвѣ,

или внушеніи народа къ покаянію, упоминать о грѣхахъ, дабы отъ сего не возъярился Господь Богъ, но токмо дѣйствовать чудесами, подобно чудесамъ, бывшимъ во время Эсфири»... «Наказаніе бываетъ на ненавистниковъ еврейскихъ для того, чтобы евреи уразумѣли, что они Господа Бога прогнѣвали, а вмѣсто евреевъ онъ наказываетъ прочихъ»... «Позволяется избавляться отъ смерти волшебствомъ, равно избавиться отъ повелѣній царскихъ»... и т. д. Викарный кievскій, Иннокентій, рассмотрѣвъ этотъ доносъ и выписки, отозвался, что это ученіе хасидовъ явно дышетъ духомъ еврейскаго сепаратизма и ненависти къ христіанамъ, и направлено къ возвышенію, въ глазахъ народа, секты цадиковъ, кои имѣютъ весьма вредное вліяніе на нравственность. Представляя обо всемъ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Бибииковъ прибавилъ съ своей стороны, что, судя по направленію книги «Дывре-Эмесь», весьма желательно, чтобы цензоры еврейскихъ книгъ поступали съ большею разборчивостью въ пропускѣ ихъ, потому что съ нѣкоторыхъ поръ подобныя книги начали выходить въ немаломъ количествѣ. Дѣло это было передано на предварительное обсужденіе министра народнаго просвѣщенія, который, потребовавъ объясненія отъ виленскаго цензора Александра Элленбогена, пропустившаго ту книгу въ печать (и между прочимъ высказавшаго, что въ «Дывре-Эмесь» нѣтъ ничего предосудительнаго, а такое доноситель видѣлъ въ ней потому только, что глядѣлъ глазомъ ненависти противъ секты хасидовъ, будучи самъ послѣдователемъ раввинской секты),—секретно сообщилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 23-го августа 1839 года, что по сличеніи выписокъ раввина Каценъ-Элленбогена съ точнѣйшимъ переводомъ виленскаго цензора Тугендгольда и объясненіями Элленбогена, хотя и нельзя указаннымъ мѣстамъ книги давать тѣхъ строгихъ толкованій, которыя раввинъ старается вывести, однако за всѣмъ тѣмъ онъ, министръ, признаетъ, что не слѣдовало бы пропускать книгу «Дывре-Эмесь», какъ сочиненіе, заключающее много мыслей темныхъ, принадлежащихъ еврейской кабалистикѣ и внушенныхъ религіознымъ фанатизмомъ секты хасидской. Почему онъ и предписалъ на будущее время запретить ее, и цензору Элленбогену сдѣлать строгое замѣчаніе, подтвердивъ быть впредь болѣе внимательнымъ, подѣ опасеніемъ лишиться своего мѣста.

Въ началѣ 1842 года возникло дѣло о еврейской книгѣ «Х о ш е н ъ М и ш н а т ъ», заключающей въ себѣ вредныя правила, и которую, по этой причинѣ, предположено было перепечатать на счетъ правительства, съ выпускомъ вредныхъ мѣстъ, а имѣющіеся у евреевъ экземпляры оной отобрать. Виленскій комитетъ, обращаясь, при этомъ случаѣ, вообще къ вопросу о вредныхъ еврейскихъ книгахъ, полагалъ учредить особую комиссію для пересмотра всѣхъ еврейскихъ книгъ, съ тѣмъ,

чтобы: 1) отобрать отъ всѣхъ евреевъ, подъ присягою, показанія объ имѣющихся у нихъ книгахъ, 2) созвать раввиновъ въ Вильно, для пересмотра еврейской литературы и исключенія изъ книгъ вредныхъ мѣстъ, 3) по окончаніи этого труда, обязать раввиновъ исключить вредныя мѣста изъ всѣхъ книгъ, находящихся у евреевъ ихъ приходоѣ, о которыхъ будутъ собраны предварительныя свѣдѣнія. Уваровъ не согласился съ этимъ предположеніемъ и находилъ, что оно не можетъ принести ожидаемой пользы, во-первыхъ, потому, что всѣ древнія еврейскія книги содержатъ въ себѣ такія же вредныя мѣста, какія замѣчены въ «Хошенъ-Мишнатъ», но пересмотръ всей еврейской литературы невозможенъ, ибо эта литература заключаетъ въ себѣ огромное, почти неисчислимое количество разнаго рода сочиненій; во-вторыхъ, надежда на то, что евреи покажутъ свои книги и, послѣ пересмотра оныхъ, дозволятъ вырѣзать изъ нихъ страницы, вовсе не основательно, потому что исполнители этой мѣры, раввины, скорѣе станутъ мѣшать, чѣмъ способствовать этому дѣлу; въ третьихъ, нельзя не ожидать всеобщаго ропота евреевъ на мѣру, которая не можетъ вознаградить это, сопряженное съ нею, неудобство, успѣшнымъ результатомъ. Потому Уваровъ, сообщая обо всемъ этомъ министру государственныхъ имуществъ (въ вѣдомствѣ котораго возникло настоящее дѣло), написалъ, что по его мнѣнію слѣдуетъ, не предпринимая никакихъ особенныхъ мѣръ противъ старыхъ еврейскихъ книгъ, довольствоваться обыкновеннымъ цензурованіемъ, какъ привозимыхъ изъ-за границы, такъ и вновь издаваемыхъ въ предѣлахъ государства, въ ожиданіи, что съ учрежденіемъ школъ въ видахъ правительства, и съ постепеннымъ просвѣщеніемъ евреевъ, старинныя ихъ книги и содержащіяся въ нихъ заблужденія потеряютъ свой вѣсъ, какъ нынѣ въ Германіи. Во всякомъ случаѣ, предметъ этотъ въ общихъ видахъ, какъ и въ настоящемъ отдѣльномъ вопросѣ, надо предоставить обсужденію комиссіи для образованія евреевъ, которая будетъ учреждена, на основаніи высочайше утвержденнаго 22-го іюня настоящаго (1842) года доклада. Дѣло собственно о книгѣ «Хошенъ-Мишнатъ» было порѣшено тѣмъ, что совѣтъ управленія царства Польскаго постановилъ: 1) перепечатать на казенный счетъ эту книгу, съ пропускомъ всѣхъ, противныхъ законамъ и общественному порядку, мѣстъ; 2) новое это изданіе разослать по всѣмъ кагаламъ, а прежнее изданіе отобрать и истребить; 3) со времени этой разсылки, запретить какъ евреямъ, такъ и всѣмъ жителямъ царства Польскаго, имѣть или выписывать эту книгу въ другомъ изданіи, подъ страхомъ наказанія.

Комиссія же, учрежденная для образованія евреевъ въ Россіи, разсматривая то же дѣло о книгѣ «Хошенъ-Мишнатъ» и вообще о мѣрахъ противъ вреда, могущаго произойти отъ подобныхъ

же мѣста въ другихъ еврейскихъ книгахъ, 2-го августа 1843 г. постановила слѣдующее: мѣста, замѣченныя въ книгѣ «Х о ш е н ъ-М и ш н а т ъ» и другія, имъ подобныя, встрѣчаются также въ другихъ еврейскихъ книгахъ, древнихъ источникахъ еврейскихъ религіозныхъ сочиненій. Они не могутъ быть прямо примѣнены къ настоящему состоянію еврейскаго народа между христіанами; однако же, взятыя отдѣльно, способны возбуждать сомнѣнія, или подавать поводъ къ предосудительному толкованію. Въ избѣжаніе такихъ послѣдствій, всѣми благомыслящими раввинами или законоучителями принято за правило предостерегать всякій разъ слушателей, что подобныя мѣста не относятся до настоящаго времени и до христіанскихъ народовъ,—или проходить ихъ молчаніемъ. Такія объясненія даже напечатаны почти во всѣхъ еврейскихъ книгахъ, впослѣдствіи же эти мѣста были вовсе исключены. Когда высочайшимъ указомъ 1836 года повелѣно было представлять начальству всѣ еврейскія книги, привезенныя изъ-за границы безъ одобренія цензуры, то многіе поспѣшили исполнить свою обязанность, и во многихъ экземплярахъ раввинами были уничтожены предосудительныя мѣста. Изъ этого видно, съ одной стороны, что противъ вреднаго вліянія упомянутыхъ мѣстъ приняты возможныя нравственныя мѣры, а съ другой, что большинство евреевъ не считаетъ оныя ни важными, ни нужными въ книгахъ закона. Затѣмъ коммиссія находила, что распоряженіе, сдѣланное въ царствѣ Польскомъ относительно книги «Х о ш е н ъ-М и ш н а т ъ», достигло бы вполне своей цѣли, если бъ тѣ же самыя мѣста, которыя въ ней уничтожены, не находились и въ нѣкоторыхъ другихъ необходимыхъ религіозныхъ еврейскихъ книгахъ. Но перепечатать одну книгу и оставить предосудительныя мѣста въ другихъ значить потерять плоды трудовъ и значительныхъ издержекъ. Мѣры, предложенныя виленскимъ цензурнымъ вѣдомствомъ, вовсе несбыточны. Пересмотръ еврейской литературы доставилъ бы, конечно, цензурѣ занятіе на полвѣка и болѣе, но не повелъ бы ни къ какому результату, ибо дѣло подобнаго рода принадлежитъ рѣшенію консисторіи и требуетъ разнообразныхъ свѣдѣній. Прочія мѣры, какъ-то: созваніе раввиновъ, для произнесенія приговоровъ противъ книгъ священныхъ, требованіе подъ присягою представленія всѣхъ книгъ и т. д., едва-ли заслуживаютъ вниманія правительства, всегда уважающаго въ народахъ, ему подвластныхъ, убѣжденіе совѣсти и религіи. Коммиссія обязанностью считаетъ обратить вниманіе начальства и на то, что изданія еврейскихъ религіозныхъ книгъ возобновлялись такъ часто за границею и въ Имперіи, что число разошедшихся между евреями экземпляровъ можно назвать несмѣтнымъ, и что отобраніе оныхъ или замѣненіе другими, по приверженности евреевъ къ древнимъ изданіямъ, встрѣтило бы весьма большія затрудненія. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что многія изданія

еврейскихъ книгъ напечатаны съ разрѣшенія Виленскаго университета, съ сохраненіемъ мѣстъ, предлагаемыхъ нынѣ къ исключенію, слѣдовательно, облечены въ законную форму, защищающую оныя отъ пересмотра, тогда какъ тѣ же книги другихъ изданій подлежатъ стѣснительнымъ мѣрамъ. Изъ всего этого коммиссія заключала, что относительно еврейскихъ религіозныхъ книгъ, находящихся нынѣ въ обращеніи, полезнѣе было бы ограничиться высочайше предписанными въ 1836 году мѣрами, не усугубляя ихъ новыми розысканіями, которыя крайне чувствительны для религіознаго убѣжденія евреевъ и не могутъ быть вполнѣ удовлетворительными. Напротивъ того, въ разсужденіи вновь печатаемыхъ или привозимыхъ изъ-за границы книгъ, слѣдуетъ усилить мѣры строгости. Коммиссія полагала бы для этого удобнымъ: 1) составить указаніе болѣе употребительныхъ книгъ, гдѣ могутъ встрѣчаться предосудительныя мѣста; 2) при перепечатаніи книгъ въ Имперіи строго наблюдать, чтобы эти мѣста были исключаемы, а если найдутся новыя, то доносить немедленно высшему начальству; 3) еврейскія религіозныя сочиненія печатать не иначе, какъ подъ ближайшимъ надзоромъ учебнаго начальства, для чего желательно, чтобы еврейскія типографіи состояли исключительно только въ мѣстахъ, гдѣ учреждены будутъ еврейскія семинаріи; 4) относительно книгъ, получаемыхъ изъ-за границы, поступать согласно существующему порядку, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы на каждой книгѣ приложено было цензурное клеймо; 5) умножить число еврейскихъ цензурныхъ комитетовъ или по крайней мѣрѣ цензоровъ. По мнѣнію коммиссіи, такими мѣрами можно будетъ надежнѣе достигнуть цѣли правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить евреевъ, явно доказывая каждому, что дѣло идетъ не объ уничтоженіи еврейскихъ религіозныхъ книгъ, а только объ устраненіи мѣстъ, которыхъ никто изъ нихъ не одобряетъ и которыя нынѣ дѣйствительно неумѣстны.

Относительно продажи запрещенныхъ иностранныхъ книгъ можно привести здѣсь нѣсколько интересныхъ данныхъ.

Подтвердивъ, по резолюціи главнаго управленія цензуры, комитету иностранной цензуры, о строжайшемъ наблюденіи за выходомъ и продажей книгъ, Уваровъ въ то же время писалъ 16-го сентября 1833 года московскому генералъ-губернатору: «До моего свѣдѣнія дошло, что московскіе книгопродавцы, безъ всякаго зазрѣнія, продаютъ не только въ цѣлости такія книги, изъ которыхъ должны быть исключаемы запрещенныя страницы и мѣста, но и сочиненія, вполнѣ подвергнутыя запрещенію. Источникомъ такого нарушенія постановленій можетъ быть непростительное злоупотребленіе довѣренности правительства, которое, для пользы книжной торговли, желая устранить лишнія затрудненія, позволило § 154-мъ цензурнаго устава книгопродавцамъ вскры-

вать у себя получаемыя ими укладки съ книгами. Вредъ, который неблагонамѣренность можетъ произвести посредствомъ сего довѣрія, оказываемаго книгопродавцамъ, побуждаетъ меня обратиться къ вамъ, покорнѣйше прося приказать строго подтвердить московскимъ книгопродавцамъ не имѣть у себя въ лавкахъ и не продавать ни подъ какимъ видомъ запрещенныхъ книгъ. Дальнѣйшее существованіе такихъ безпорядковъ поставитъ меня въ необходимость подвергнуть ихъ всей строгости законнаго взысканія и просить государя императора о замѣнѣ снисходительной мѣры, употребляемой во зло книгопродавцами, другою, болѣе надежною, но и болѣе стѣснительною для оборотовъ всей книжной торговли». Въ отвѣтъ на это, князь Голицынъ отозвался, что сдѣлалъ должное подтвержденіе, но въ то же время онъ проситъ указывать, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на провинившуюся личность, прибавляя: «ибо, говоря о всѣхъ вообще, должно согласиться, что московскіе книгопродавцы берутъ примѣръ съ петербургскихъ, гдѣ продажа подобныхъ книгъ довольно производится». Что же касается петербургскаго генералъ-губернатора, графа Эссена, то на подобное же отношеніе Уварова онъ отвѣчалъ только, что сдѣлалъ требуемое распоряженіе.

Въ 1834 году нѣкоторые изъ числа московскихъ книгопродавцевъ просили сообщать имъ списки запрещенныхъ цензурою иностранныхъ книгъ для того, чтобъ не оказываться противъ воли своей виновными. Но главное управленіе цензуры, 30-го апрѣля, положило, что цензурою обыкновенно объявляется о запрещенныхъ книгахъ тѣмъ книгопродавцамъ, которые постоянно торгуютъ иностранными книгами, и потому въ сообщеніи имъ особыхъ списковъ не настоятъ надобности; настоящая же просьба поступила отъ мелкихъ торговцевъ, которые продаютъ случайно покупаемыя ими книги. Гласность же, которая была бы дана внутреннимъ дѣйствіямъ цензуры чрезъ печатаніе (по мнѣнію московскаго оберъ-полицеймейстера), сопряжена съ большими неудобствами, потому что послужила бы къ обращенію общаго вниманія именно на книги, подвергнутыя запрещенію. Дѣйствія правительства подвергались бы гласности единственно для могущаго встрѣтиться случая, что мелкіе торговцы, покупая отъ разныхъ лицъ и съ аукціона книги, купятъ въ числѣ ихъ и нѣкоторые запрещенныя сочиненія. Въ этомъ случаѣ, главное управленіе признаетъ достаточною мѣрою, если этимъ торговцамъ поставлено будетъ въ обязанность предъявлять мѣстному полицейскому начальству реестры книгъ, находящихся у нихъ или ими покупаемыхъ.

Это же самое мнѣніе свое о невозможности и вредѣ печатанія списковъ о запрещенныхъ книгахъ главное управленіе высказало снова, въ январѣ 1839 года, и министру внутреннихъ дѣлъ, когда послѣдній,

имѣя въ виду огромныя затрудненія, встрѣчаемыя начальниками губерній въ наблюденіи за обращеніемъ запрещенныхъ иностранныхъ книгъ, предлагалъ печатать имъ списки, для разсылки въ гражданскія и земскія полиціи.

Въ маѣ 1843 года министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, имѣя въ виду сильно распространившуюся торговлю запрещенными книгами, предлагалъ запретить вовсе букинистамъ разносить книги для продажи, дозволивъ заниматься книжною торговлею, лишь въ городахъ, однимъ настоящимъ книгопродавцамъ, и то подъ наблюденіемъ и по билетамъ мѣстнаго учебнаго вѣдомства. На это Уваровъ 28-го мая возразилъ, что «въ настоящемъ положеніи книжной торговли въ Россіи, торгъ въ лавкахъ существуетъ только въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ. Всѣ губерніи замосковскія, внутри Имперіи, снабжаются книгами почти исключительно изъ Москвы такъ называемыми ходебщиками. Воспретить этимъ букинистамъ разноску книгъ значило бы пресѣчь для жителей внутреннихъ губерній возможность къ чтенію и знакомству съ ходомъ и произведеніями отечественной словесности, и лишить немалочисленный классъ промышленниковъ источника ихъ существованія. Сочиненія, такимъ образомъ разносимыя, суть почти исключительно книги на русскомъ языкѣ. А какъ въ Россіи всѣ сочиненія печатались и печатаются не иначе, какъ съ дозволенія цензуры, то и нѣтъ никакого повода опасаться вреда отъ продажи русскихъ книгъ букинистами. Въ этомъ отношеніи опасенія могутъ касаться только книгъ иностранныхъ. Промыслъ букинистовъ обыкновенно состоитъ въ перепродажѣ книгъ старыхъ, купленныхъ при продажѣ частныхъ библіотекъ, слѣдовательно, книгъ, которыя и безъ того прежде уже обращались въ государствѣ. Сами букинисты не получаютъ новыхъ книгъ изъ-за границы. Вредъ же можетъ быть только отъ распространенія новыхъ непозволительнаго содержанія книгъ». Поэтому Уваровъ полагалъ «что мѣры предосторожности должны имѣть въ виду пресѣченіе, въ самомъ источникѣ, распространенія подобнаго рода изданій. Они въ государство проникаютъ либо посредствомъ присылки для книгопродавцевъ, торгующихъ въ лавкахъ, либо посредствомъ контрабанды. Эти соображенія убѣждаютъ, что мѣры къ предупрежденію продажи вредныхъ и непозволенныхъ цензурою книгъ должны заключаться въ бдительномъ надзорѣ за привозомъ книгъ для настоящихъ книгопродавцевъ и за контрабандою книжною на таможенныхъ линіяхъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ сначала согласился съ этимъ мнѣніемъ, но въ апрѣлѣ 1845 года, по представленію виленскаго военнаго губернатора Мирковича, ссылавшагося на близость иностранной границы и сильно распространенную контрабанду, предлагалъ дозволить продажу иностранныхъ книгъ (въ томъ числѣ и польскихъ) по го-

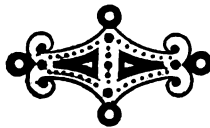


родамъ Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерній только въ постоянныхъ книжныхъ лавкахъ; развозъ же этихъ книгъ дозволить на однѣ ярмарки въ губернскихъ городахъ и не иначе, какъ по каталогамъ, которые продавцы представляли бы предварительно въ Виленскій цензурный комитетъ, а тотъ отсылалъ бы уже такіе каталоги къ подлежащимъ начальникамъ губерній. На это Уваровъ 15-го іюля отвѣчалъ, что Виленскій комитетъ будетъ тогда поставленъ въ значительное затрудненіе обязанностью разсылать каталоги къ губернаторамъ, такъ какъ ему трудно всякій разъ знать, куда именно торговецъ отправить свои книги, и при томъ онъ можетъ измѣнять свое первоначальное намѣреніе, чѣмъ будетъ вводить комитетъ въ ошибочныя сношенія.

Сверхъ того, въ концѣ 40-хъ годовъ возобновлялась нѣсколько разъ секретная переписка между министрами: внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о необходимости новыхъ и усиленныхъ мѣръ для прекращенія торговли запрещенными иностранными книгами, все болѣе и болѣе усиливавшейся. Принимаемыя для этого мѣры имѣли характеръ, безъ сомнѣнія, уже не цензурный, и относятся къ дѣятельности полицейскаго управленія. Но здѣсь нельзя не упомянуть, что въ мартѣ 1845 года вице-канцлеръ графъ Нессельроде секретно писалъ Уварову, что австрійское правительство предписало бродскому оберъ-полицей-коммиссару, исправлявшему должность и цензора, «строжайше наблюдать за привозимыми въ Броды книгами, которыя печатаются нынѣ въ Лейпцигѣ и Брюсселѣ единственно для Австріи и Россіи», и Уваровъ, согласно этому указанію, секретно предписалъ цензурному вѣдомству по части иностранныхъ книгъ имѣть особое за тѣми книгами наблюденіе.

Вообще объ увеличеніи въ Россіи чтенія иностранныхъ книгъ въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годахъ всего лучше судить можно по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1832 году ввезено въ Россію около 200.000 томовъ, въ 1837 году—около 400.000, въ 1839 году—около 600.000 (то же самое количество въ 1840, 1842 и 1843 годахъ), въ 1844 году—703.313 томовъ; всего же, съ 1832 по 1845 годъ—5.973.313 томовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Мистическое письмо Е. Головина <sup>1)</sup>—А. Х. Бенкендорфу.

18-го іюня 1831 г. Меджержицъ.

«Находясь теперь вблизи военныхъ дѣйствій, ибо команду авангардомъ 6-го корпуса передъ Седлецомъ, простиительно, если я позволяю себѣ заниматься и такими соображеніями, кои выходятъ уже изъ черты собственнаго моего назначенія. — Такимъ образомъ написавъ краткое предположеніе на счетъ ближайшихъ по моему мнѣнію мѣръ <sup>2)</sup> къ прекращенію бѣдствій, произведенныхъ возникшими повсемѣстно въ Польшѣ мятежами, я приѣмлю смѣлость приложить оное при семъ, въ томъ убѣжденіи, что мнѣніе свое сказать можетъ всякій, какъ бы оно принято ни было. — Кто не согласится, что внезапно наступили времена тяжкія и что сіе непостижимое волненіе народовъ есть нѣчто необыкновенное. Оно объясняется одною только книгою, изъ которой познается натура человѣческая: книга сія есть св. писаніе, если не совсѣмъ отвергаемое, по крайней мѣрѣ мало уваженное классомъ людей, называющихъ себя просвѣщенными. Нужно ли указывать на пагубные плоды сего просвѣщенія.

«Простите, что я осмѣливаюсь занимать васъ моимъ мараніемъ бумаги, но вы позволили мнѣ писать къ вамъ, и я позволеніемъ оимъ пользуюсь».



<sup>1)</sup> Извѣстнаго послѣдователя секты Татариновой.

<sup>2)</sup> О необходимости быстрого движенія за Вислу.



## КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЪ

### и ея переписка съ разными лицами.

#### IV <sup>1)</sup>.

Политическая переписка кн. Ливенъ во время войны 1829 г. Россіи съ Турціею.—Кончина короля Георга IV и вступленіе на престолъ Вильгельма IV.—Его характеристика.—Положеніе Веллингтона.—Интриги противъ княгини Ливенъ.



русско-турецкая война подала поводъ къ многочисленнымъ нападкамъ на Россію со стороны англійскаго общества и печати, и это не могло не отразиться на отношеніяхъ двухъ кабинетовъ. Между ними то и дѣло возникали недоразумѣнія.

Присутствіе императора Николая въ арміи придадо кампаніи 1828 г. такое значеніе, что англійская публика считала ея результаты незначительными сравнительно съ тѣми, которыхъ она ожидала; то, что могло бы считаться успѣхомъ для генерала, было въ ея глазахъ неудачей для императора.

Императоръ Николай, въ свою очередь, былъ весьма недоволенъ направленіемъ англійскихъ газетъ, и Ливену было приказано обратить вниманіе великобританскаго правительства на выраженія, въ какихъ говорилось объ его союзникѣ.

Англійскій король, всегда доброжелательный къ Россіи, также былъ возмущенъ нападками на Россію.

«Въ разговорѣ со мною,—писала Ливенъ <sup>2)</sup>»,—король жаловался на

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ 1903 г., май.

<sup>2)</sup> Письмо Ливенъ къ брату 3-го (15-го) января 1829 г.

ужасную ложь, распространяемую газетами по поводу нашихъ мнимыхъ бѣдствій <sup>1)</sup> и сказалъ, что эти статьи до того раздражаютъ его и такъ противны ему, что онъ болѣе не читаетъ ихъ. Я замѣтила на это, что, зная источникъ, откуда идутъ эти свѣдѣнія, я этому не удивляюсь. Тогда онъ сталъ говорить объ ихъ источникѣ (Меттернихѣ) и отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, вполнѣ того заслуживающемъ и не уважающемъ ни закона, ни своего собственнаго слова. Нѣтъ той низости, на которую король не считалъ бы его способнымъ. Я отвѣчала на это, что остается пожалѣть о томъ, что такой человѣкъ даетъ направленіе англійскому кабинету.

«Тогда онъ воскликнулъ: «Ядопускаю ослѣпленіе и симпатію къ нему, но не допускаю, чтобы онъ могъ заставить насъ дѣлать такъ, какъ онъ хочетъ. Если бы мы слѣдовали его совѣтамъ, то могли бы возжечь войну во всѣхъ концахъ Европы, а я даю вамъ слово, что этого не будетъ, и что мы не принимаемъ и не будемъ принимать никакого участія въ его планахъ. Будьте увѣрены въ этомъ. Веллингтонъ слишкомъ остороженъ для этого, вы можете вполнѣ положиться на то, что я говорю».

«Увлеченіе, съ какимъ это было сказано, заставляетъ вѣрить въ искренность короля. Онъ по-прежнему расположенъ къ императору и къ Россіи и, быть можетъ, особенно старается выказать это расположеніе потому, что министры настроены къ намъ столь враждебно».

Недовѣріе и враждебность къ Россіи были отличительной чертою внѣшней политики Веллингтона; никакія увѣренія со стороны петербургскаго кабинета, относительно того, что Россія не стремится къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ для себя, а добивается только независимости Греціи, не могли установить болѣе искреннихъ и дружественныхъ отношеній между державами.

Единственною цѣлью Веллингтона было отдѣлаться отъ гарантіи принятой Англіей въ дѣлѣ Греціи вмѣстѣ съ Франціей и Россіей, и нарушить по возможности общность интересовъ, связывавшихъ двѣ послѣднія державы. Консерваторъ въ душѣ, онъ держался въ политикѣ взглядовъ Меттерниха. Мысль объ образованіи Греческаго королевства, возникшаго вслѣдствіе революціоннаго движенія и признаніи его полной автономіи, конечно, была въ высшей степени непріятна для такихъ защитниковъ абсолютизма, каковы были Меттернихъ и Веллингтонъ; къ тому же австрійскій канцлеръ считалъ для своей державы опаснымъ преждевременное распаденіе Турецкой имперіи и поэтому старался заручиться содѣйствіемъ Веллингтона. Послѣдній отозвалъ изъ Константинополя Стратфорда Каннинга, согласился на назначеніе на его постъ неспособнаго брата лорда Абердина и безуспѣшно старался убѣдить

<sup>1)</sup> Послѣ снятія осады Варны.

французское правительство согласиться на новыя условія, которыя Порта предлагала прибавить къ Лондонскому договору. Если бы эти условія были приняты, то Греція была бы простой данницею Турціи, что вполне соотвѣтствовало видамъ англійскаго министерства, которое желало прежде всего, чтобы Турція сохранила видъ европейской державы.

Когда всѣ попытки повліять на Францію въ желаемомъ смыслѣ не удались, то Веллингтонъ, желая имѣть во главѣ французскаго правительства человѣка, который раздѣлялъ бы его политическіе принципы, добился увольненія тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, Мартиньяка, который поддерживалъ дружественныя сношенія съ Россіей и ея представителемъ въ Парижѣ, Поццо-ди-Борго, и назначенія на его мѣсто князя Полиньяка, бывшаго въ 1828 г. посланникомъ въ Англию.

Герцогъ надѣялся, что Полиньякъ будетъ содѣйствовать ему въ проведеніи его плановъ и перетянетъ Карла X на сторону Австріи и Англии, но это Полиньяку не удалось, такъ какъ общественное мнѣніе Франціи было всецѣло на сторонѣ Греціи.

Письма Ливена подтверждаютъ еще разъ справедливость высказаннаго неоднократно предположенія, что Веллингтонъ былъ причастенъ назначенію Полиньяка министромъ, и бросаютъ отчасти новый свѣтъ на иностранную политику торійскаго кабинета.

«Князь Полиньякъ отозванъ несвоевременно въ Парижъ, — писала Ливенъ брату 10-го (22-го) января 1829 г. — Онъ уѣхалъ туда третьяго дня. Французское министерство иностранныхъ дѣлъ страдаетъ, повидимому, эпидемическою апоплексіей. Портфель предложенъ Полиньяку; послѣдній уѣхалъ отсюда съ твердымъ намѣреніемъ не принимать его, если только ему не позволятъ кореннымъ образомъ реорганизовать администрацію, т. е. составить кабинетъ изъ крайнихъ. Если ему не позволятъ сдѣлать это, то онъ вернется сюда обратно. Я не допускаю, чтобы во Франціи дѣла приняли оборотъ, согласный его желаніямъ, и если бы это случилось, то навѣрно не надолго. Франція совсѣмъ не въ такомъ настроеніи теперь, чтобы ею управляли крайніе (консерваторы)».

Недолго спустя она выражала надежду, что «можетъ быть, Франція еще удастся спастись отъ несчастья быть подъ управленіемъ Полиньяка», и характеризовала его такъ: «это самый ревностный іезуитъ, какихъ я знаю; это отъявленный врагъ всякаго свободнаго и просвѣщеннаго образа мыслей, истинное олицетвореніе средневѣковыхъ идей».

Надежды Ливенъ не оправдались; она узнала вскорѣ съ грустью о смѣнѣ министерства, происшедшей во Франціи, и о томъ, что Полиньякъ сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

«Франція имѣетъ теперь ультраконсервативное правительство», —

\*

писала она 30-го іюля (11-го августа).—Я уже говорила, что это будетъ несчастье для Европы, а теперь прибавлю, что это должно быть несчастье и для Франціи, и вы скоро убѣдитесь въ этомъ. Революціонныя волненія не замедлятъ явиться слѣдствіемъ такого назначенія».

Дѣйствительно, назначеніе Полиньяка вызвало сильное неудовольствіе во Франціи, гдѣ онъ, какъ приверженецъ самаго крайняго абсолютизма, былъ очень непопуляренъ.

«Мнѣ очень интересно было бы услышать, что скажетъ лордъ Абердинъ по поводу событій, недавно происшедшихъ во Франціи», писала Ливенъ, по поводу возбужденія, вызваннаго во Франціи назначеніемъ Полиньяка <sup>1)</sup>, который сдѣлался вскорѣ министромъ-президентомъ и составилъ кабинетъ изъ своихъ единомышленниковъ. «То, что случилось, превзошло ихъ ожиданія, то-есть, другими словами, герцогъ Веллингтонъ, можетъ быть, пожалѣетъ о той роли, какую онъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ не желалъ столь полной перемены и слишкомъ предусмотрителенъ для того, чтобы и желать ее, тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ на назначеніи (Полиньяка) и добился этого. Это фактъ, хорошо извѣстный во Франціи и молчаливо признаваемый даже здѣсь. Последнее авторитетное слово отсюда было сказано въ прошлый понедѣльникъ, 22-го іюля (3-го августа), согласно рѣшенію кабинета, состоявшемуся наканунѣ. Лорду Стюарту <sup>2)</sup> предписано было затѣмъ стараться изъ всѣхъ силъ, чтобы убѣдить короля въ необходимости немедленнаго назначенія Полиньяка главою кабинета. 27-го іюля (8-го августа) онъ и былъ назначенъ. Вся эта поспѣшность и послѣдовавшія представленія были вызваны извѣстіями, полученными изъ Петербурга и Вѣны. Лордъ Гейтсбюри донесъ, что мы рѣшили перейти Балканы и тогда уже заставить султана согласиться на миръ. Меттернихъ писалъ то же самое, прибавляя, что у турокъ нѣтъ болѣе арміи для дальнѣйшаго сопротивленія. Онъ жаловался на бездѣятельность великобританскаго правительства и заявлялъ, что на будущее время онъ самъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, согласно съ обстоятельствами.

Но планы герцога Веллингтона не осуществились; энергично веденная кампанія 1829 г. совершенно измѣнила положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Начавъ кампанію въ маѣ мѣсяцѣ, Дибичъ быстро овладѣлъ Силистріею, осаду которой пришлось снять предыдущей осенью. Турецкая армія, посланная на помощь гарнизону Силистріи, была разбита на голову при Кулевчѣ, и Дибичъ, оставивъ часть войска для прикрытія Шумлы и обойдя эту крѣпость, совершилъ съ арміею

<sup>1)</sup> Письмо къ Грею, 1-го (13-го) августа 1829 г.

<sup>2)</sup> Съ января 1828 г. по ноябрь 1830 г. англійскій посолъ въ Парижѣ Впослѣдствіи (съ 1841—1844 г.) посланникъ въ С.-Петербургу.

успѣшный переходъ черезъ Балканы и послѣ долгаго и труднаго похода достигъ сердца Румелии «съ тѣнью арміи, но съ славой непобѣдимаго вождя». Англія и Австрія были совершенно не подготовлены къ созданію этимъ положенію вещей.

«Наши побѣды удивили Европу и поразили нашихъ враговъ, изъ коихъ самымъ враждебнымъ и недоброжелательнымъ къ намъ можно считать англійскій кабинетъ,—писала Ливенъ въ августѣ 1829 г. <sup>1)</sup>.—Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самый могущественный по тѣмъ средствамъ, коими онъ располагаетъ, но за то и самый слабый по своей неспособности. Въ настоящее время императоръ предписываетъ законы Европѣ; его воля—законъ. Ни одна держава не можетъ идти противъ него — всѣ ждутъ его рѣшенія; я увѣрена въ томъ, что онъ будетъ умѣренъ въ своихъ требованіяхъ и что онъ будетъ также великодушенъ.

«Нынѣшнее положеніе — единственное въ своемъ родѣ. Оно можетъ упрочить силу и вліяніе Россіи на нѣсколько сотъ лѣтъ.

«Герцогъ Веллингтонъ не думалъ, что Россія можетъ одержать побѣду. Сраженіе подъ Кулевчей привело его въ дурное настроеніе, но не вызвало еще въ немъ опасеній. Онъ слѣдилъ пристально за Шумлой и далѣе ея ничего не видѣлъ. Не далѣе какъ три недѣли передъ тѣмъ, онъ говорилъ во всеуслышаніе, что Россіи никакъ не удастся проникнуть въ Румелию до взятія этой позиціи, что черезъ Балканы могутъ перейти только легко вооруженныя войска и что артиллерию невозможно перевезти черезъ горы. Всѣ преклонялись передъ его авторитетомъ, а въ одно прекрасное утро всѣ были поражены вѣстью, что мы перешли Балканы и овладѣли Бургасомъ и Айдосомъ.

«Но передъ этимъ великимъ событіемъ и послѣ битвы подъ Кулевчей онъ счелъ необходимымъ имѣть во Франціи человѣка, имъ самимъ избраннаго. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало имѣть тамъ Полиньяка. Онъ этого и добился и съ такой свитой, что Франція громко запротестовала.

«Никакая коалиція противъ Россіи теперь невозможна, потому всѣ стали превозносить великодушіе императора, ибо только на это великодушіе и осталась надежда. Англія очень унижена.

«Когда Дибичъ подошелъ съ арміей къ Адрианополю, дезорганизованное турецкое войско было не въ состояніи оказать ему сопротивленіе, и султанъ, устрешенный энергическимъ образомъ дѣйствій Дибича, просилъ мира».

«Англійскій курьеръ, прибывшій вчера изъ Берлина, привезъ намъ слѣдующее извѣстіе,—писала Ливенъ 9-го (21-го) сентября 1829 г. <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Письмо къ брату 15-го (27-го) августа 1829 г.

<sup>2)</sup> Письмо лорду Грейю.

Взятіе Адрианополя и дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ къ Константинополю вызвало въ турецкой столицѣ такую панику,—которая усилилась вслѣдствіе угрозы янычаръ поджечь сераль и городъ и избить всѣхъ иностранцевъ—что султанъ, напуганный нашимъ приближеніемъ, послалъ, наконецъ, 12-го (24-го) августа своего уполномоченнаго въ главную квартиру нашего главнокомандующаго, съ приказаніемъ согласиться безусловно на всѣ требованія, какія будутъ имъ предъявлены, и предотвратить, такимъ образомъ, разореніе столицы и гибель Турецкой имперіи. Иностранцы посланники, съ которыми султанъ совѣтовался прежде, нежели сдѣлать этотъ шагъ, изъявили на это свое полное согласіе и, кромѣ того, совѣтовали турецкимъ уполномоченнымъ заявить немедленно и безъ всякихъ околичностей, что султанъ отдаетъ себя безусловно на волю императора и надѣется только на его великодушіе. Тогда Дибичъ, которому было извѣстно отчаянное положеніе Константинополя и который былъ доволенъ полной покорностью, изъясненной султаномъ, приказалъ 17-го (29-го) августа пріостановить непріязненные дѣйствія. Вотъ все, что извѣстно въ Англіи объ этихъ важныхъ событіяхъ; поэтому я не позволяю себѣ пока никакихъ комментаріевъ».

Всеобщая надежда, что при покорности, изъясненной султаномъ, миръ будетъ заключенъ черезъ два-три дня, не оправдалась; нѣсколько дней спустя, Ливенъ негодовала по поводу того, что переговоры затянулись и что она не могла сообщить Грею «даже о заключеніи перемирія»; она находила, что Дибичу слѣдовало воспользоваться своимъ положеніемъ и страхомъ, который онъ внушилъ туркамъ, и писала съ досадою, что «хорошіе генералы не всегда бываютъ хорошими дипломатами».

«Лордъ Абердинъ, съ которымъ я видѣлась вчера, очень не въ духѣ,—писала она <sup>1)</sup>. —Говорятъ, что его начальникъ также очень мраченъ.

«Не причиною ли этому наша побѣда и то, что имъ ничего неизвѣстно объ условіяхъ, предъявленныхъ нами для заключенія мира.

«Мой мужъ получилъ отъ графа Нессельроде копію съ писемъ, посланныхъ посланниками Дибичу 5-го (17-го) августа, и его отвѣтъ. Посланники описывали ему отчаянное положеніе Турецкой имперіи и просили пощадить ее и начать переговоры о мирѣ. Дибичъ отвѣчалъ въ весьма вѣжливыхъ выраженіяхъ, что онъ будетъ вести переговоры только съ турецкими уполномоченными, такъ какъ императоръ заявилъ, что онъ не допуститъ посторонняго вмѣшательства въ его споръ съ турецкимъ султаномъ.

«Сообщаю это изъ вѣрнаго источника.

<sup>1)</sup> 14-го (26-го) сентября 1829 г.



«При извѣстїи о прїостановкѣ военныхъ дѣйствїй здѣсь (въ Лондонѣ) всѣ ликовали <sup>1)</sup>. Я горю нетерпѣніемъ знать, чѣмъ все это разрѣшится. Мы можемъ сдѣлать все, что хотимъ. Общественное мнѣніе идетъ по стопамъ кабинета, который выказалъ слабохарактерность и трусость, а теперь бросилъ турокъ въ затруднительномъ положенїи. Насъ ненавидятъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ боятся. Герцогъ Веллингтонъ должно быть внѣ себя отъ бѣшенства.

«Россїю никогда такъ не боялись и не уважали.

«Общественное мнѣніе относительно насъ раздѣлилось; одни восхваляютъ условїя мира, другіе осуждаютъ ихъ. Одни находятъ, что мы слишкомъ великодушны, и высказываютъ сожалѣніе по поводу того, что Порты такъ долго не можетъ умереть, ибо никто не думаетъ, что она можетъ еще сохранить жизненность. Наша война обнаружила всему міру и самимъ туркамъ, что среди нихъ не существуетъ болѣе чувства національности и фанатизма. Уже это одно показываетъ, что ихъ пѣсня спѣта!»

Неудовольствїе, вызванное въ англїйскомъ кабинетѣ условїями Адрианопольскаго мира, въ особенности 5-й статьей этого мирнаго договора, которой Турція обязалась признать лондонскій договоръ, заключенный 24-го іюня (6-го іюля) и протоколъ, подписанный 10-го (22-го) марта, обнаружило всю недобросовѣстность въ этомъ дѣлѣ торїйскаго кабинета.

«Извѣстїе о заключенїи мира еще болѣе усилило неудовольствїе вашего правительства,— писала Ливенъ своему другу, Грею, 1-го (13-го) октября 1829 г. Греческій вопросъ составляетъ и по нынѣ «больное мѣсто» вашихъ министровъ.

«Мы покончили съ нимъ, и это приводитъ ихъ въ отчаяніе. Но какую надобно недобросовѣстность, чтобы относиться къ дѣлу такимъ образомъ. Ваши министры подписали протоколъ 10-го (22-го) марта, ваши же министры настаивали на посылкѣ въ Константинополь посланниковъ, чтобы добиться отъ Порты принятїя этого протокола. Между тѣмъ ихъ тайная надежда и желанїя сводились къ тому, чтобы Порты отвѣчала на него отказомъ <sup>2)</sup>; и они такъ хорошо сѣумѣли дать понять это султану, что онъ отвѣчалъ дѣйствительно въ этомъ смыслѣ. Мы же, подписавшіе протоколъ съ намѣренїемъ добиться его выполненїя, воспользовались случаемъ, чтобы при заключенїи мира Диванъ изъявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе принять протоколъ, а когда онъ согласился на это, то ваши министры сочли себя оскорбленными.

<sup>1)</sup> Письмо Ливенъ къ брату.

<sup>2)</sup> «Они бы дорого дали,—говорилъ Пальмерстонъ о министрахъ торїйскаго кабинета,—чтобы отказаться отъ этого договора, который они ненавидятъ».

«Мы думали оказать союзнымъ державамъ услугу, покончивъ разъ навсегда съ докучливымъ греческимъ вопросомъ въ томъ смыслѣ, какъ это было условлено кабинетами.

«Не тутъ-то было; Англія старается теперь всячески доказать, что мы поступили неправильно, и всѣ ея доводы могутъ быть сведены къ тому, что, подписывая протоколъ 10-го (22-го) марта, англійское правительство имѣло твердое намѣреніе не выполнять его.

«Справедливость того, что я писала о вашемъ правительствѣ относительно греческихъ дѣлъ, подтверждается теперь самими министрами,—пишетъ Ливенъ Грею, нѣсколько дней спустя. Лордъ Абердинъ откровенно сознался моему мужу (и онъ подтвердилъ это мнѣ вчера), что, подписывая протоколъ 10-го (22-го) марта, онъ не думалъ, что этотъ протоколъ когда-либо будетъ выполненъ. Предоставляю вамъ оцѣнить это признаніе.

«Все сводится къ тому, что мы и французы были намѣрены выполнить принятое на себя обязательство, а англичане хотѣли уклониться отъ этого. Но глупо съ ихъ стороны сознаваться въ этомъ».

Любопытнѣй разговоръ, который Ливенъ имѣла по этому поводу съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

«Лордъ Абердинъ просилъ вчера позволеніе быть у меня,—сообщила она Грею 4-го (16-го) октября. Наше свиданіе было продолжительно и очень забавно,—не нахожу иного, болѣе подходящаго выраженія. Онъ говорилъ на ту тему, что «мы (англичане) обмануты Россіей; насъ оскорбили, надъ нами подшутили, насъ унизили».

«Я повторила съ изумленіемъ употребленныя имъ выраженія и при-совокупила:

— Это невѣрно, милордъ, вы сами знаете, что это не такъ, ибо, если бы это была правда, то вы отомстили бы намъ. Великая держава не сносить оскорбленій молча.

— Мы снесли это терпѣливо, изъ желанія, чтобы миръ былъ заключенъ,—отвѣчалъ онъ.

— Снесли терпѣливо! вы не можете снести терпѣливо позоръ.

— Да, даже позоръ!

— Полноте, полноте, милордъ,—сказала я,—я болѣе англичанка, нежели вы, ибо я стыжусь того, что вы мнѣ говорите.

«Онъ видимо былъ удивленъ моими словами; тогда я спросила его, что онъ подразумѣваетъ подъ словомъ оскорбленіе, и доказала ему, что его жалобы на этотъ счетъ ставятъ его въ ложное положеніе, ибо если кто-либо былъ обиженъ, то жаловаться приходится скорѣе намъ, такъ какъ его правительство относилось къ намъ всегда съ обидной подозрительностью. Я просила его указать мнѣ хотя одинъ примѣръ,

когда бы мы отнеслись къ Англіи безъ должнаго уваженія, или когда бы мы поступали въ ущербъ ея интересамъ.

«Онъ не могъ отвѣтить мнѣ на это ни слова, по той простой причинѣ, что онъ не можетъ ничего сказать противъ насъ.

«И это разговоръ министра иностранныхъ дѣлъ съ женщиной.

«Въ концѣ концовъ онъ сталъ увѣрять меня, что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Россіей, что онъ увѣренъ въ томъ, что союзъ такихъ двухъ великихъ державъ есть лучшая гарантія для сохраненія мира и что это составляетъ главную и единственную цѣль ихъ политики. Я напомнила ему, что тысячу разъ говорила ему, что нашъ дворъ руководствовался всегда этимъ правиломъ, что Россія дѣйствовала всегда въ этомъ духѣ, прекрасно, что онъ сталъ наконецъ на истинную точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ».

«Я знаю отлично, что вы также точно ненавидите этотъ договоръ,— писала Грею княгиня,—и, однако, я убѣждена, что вы выполнили бы его добросовѣстно и съ благородствомъ».

Можно удивляться не столько нерѣшительности и колебаніямъ лорда Абердина, но главнымъ образомъ той наивности, съ какою онъ часто подавалъ Ливень предлогъ посмѣяться надъ собою.

«Вы можете цѣнить въ немъ,—писала Ливень Грею,—между прочимъ, то, что Меттернихъ называетъ англійскимъ простодушіемъ (inposence), во всей его неприкосновенности. Лэди Джерси заставляетъ его вѣрить всему, что она хочетъ, а воображеніе у нея богатое».

«Вы вѣроятно околдовали лорда Абердина, чтобы заставить его говорить такимъ образомъ,—писалъ Грей по поводу вышеприведеннаго разговора.

«Онъ, должно быть, самый необычайный человѣкъ въ мірѣ и такъ противорѣчитъ моему представленію о немъ, что я не могу придти въ себя отъ изумленія. Я думаю, въ политикѣ трудно найти человѣка, который бы высказывалъ намѣреніе, питая въ тайнѣ рѣшимость никогда не приводить его въ исполненіе. Но въ исторіи дипломатіи новость, а тѣмъ болѣе для шотландца <sup>1)</sup> встрѣтить такое признаніе, какое по вашимъ словамъ вамъ сдѣлалъ Абердинъ, и съ какой цѣлью, чтобы подвергнуть себя опасности? Вы могли понять цѣли нашего правительства только въ томъ видѣ, какъ онѣ изложены въ протоколѣ.

«Вы не могли прочесть въ ихъ сердцахъ тайное намѣреніе поступать противно имъ. Если бы вы выразили подозрѣніе въ подобномъ намѣреніи (на что вы имѣли бы, быть можетъ, поводъ), что бы они сказали? Что касается жалобы по поводу того, что вы рассчитывали на испол-

---

<sup>1)</sup> „Шотландцы извѣстны своимъ притворствомъ“. (Прим. кн. Ливень).

неніе условій, на которыя союзники согласились по отношенію къ Греціи, то я не могу себѣ представить что-либо болѣе неосновательное. Разумѣется, было вполне естественно, чтобы вы поступили именно такъ; скажу болѣе, васъ скорѣе можно было бы упрекнуть, если бы вы не сдѣлали этого.

«И въ концѣ концовъ, возможно ли, чтобы человекъ его взглядовъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что условія, которыя вы согласились предложить, совмѣстно съ нимъ были положены въ основу соглашенія, подробности котораго было рѣшено обсудить при его участіи?»

Адрианопольскій миръ, подписанный 2-го (14-го) сентября, заставилъ Турцію принять такія условія, которыя вполне измѣнили политическое положеніе европейскихъ державъ; а предшествовавшіе ему и послѣдовавшіе за нимъ переговоры подрывали преобладающее вліяніе Австріи въ дѣлахъ восточной Европы и въ совѣтѣ великихъ державъ. Нерѣшительность Веллингтона и неспособность Абердина заставили англійское министерство отказаться отъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ заявленій, и ему пришлось согласиться на то, чтобы Греческое королевство было организовано на такихъ основахъ, которыя должны были связать его съ Россіей узами благодарности и поставить въ зависимость отъ нея.

Веллингтонъ никакъ не могъ помириться съ мыслию, что Адрианопольскимъ миромъ была осуждена политика Меттерниха въ восточной Европѣ и утверждено вліяніе Россіи; что попытка ввести Турцію въ европейскую политику потерпѣла фiasco и что лучшимъ средствомъ для Англіи пріобрѣсти голосъ въ европейскомъ концертѣ было дѣйствовать совмѣстно съ Франціей и Россіей.

Затруднительное положеніе Англіи въ это время рисуется вполне въ словахъ Веллингтона, когда онъ говорилъ, что «греческое дѣло было самымъ злополучнымъ дѣломъ, въ какое когда-либо была вовлечена Европа».

Оппозиція адрианопольскому договору была вызвана не столько статьями этого договора, какъ тѣмъ фактомъ, что онъ былъ заключенъ одной Россіей, безъ участія прочихъ державъ, подписавшихъ вмѣстѣ съ нею лондонскій договоръ 1821 г. Начавъ войну противъ желанія своихъ союзниковъ, Россія заключила миръ, не спросивъ ихъ совѣта.

Личуя по этому поводу, княгиня Ливенъ вымещала свою злобу и свое торжество надъ великобританскимъ кабинетомъ въ лицѣ лорда Абердина.

«Я не могу себѣ представить,—писала она,—ничего очаровательнѣе рѣчей, которыя держитъ лордъ Абердинъ, принимая трагическое выраженіе.

— Ну, что же! вы одержали полную побѣду, говоритъ онъ, ваша слава безспорна; Россія владычествуетъ нынѣ надъ міромъ; вы, съ вашими скромными рѣчами, являетесь нынѣ всемогущими, а мы похожи на людей, вами обманутыхъ, униженныхъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, милордъ! но васъ не обманывали, вы сами поддались обману. Ваше собственное самообольщеніе, или то самообольщеніе, которое внушилъ вамъ вашъ патронъ, князь Меттернихъ—вотъ вашъ истинный врагъ».

Какъ видимъ, княгиня была неумолима по отношенію къ тѣмъ, кто не раздѣлялъ ея взглядовъ, не содѣйствовалъ ей въ достиженіи ея видовъ и не признавалъ превосходства Россіи и безупречности дѣйствій и намѣреній петербургскаго кабинета.

Среди государственныхъ людей, съ которыми она не воевала по поводу греческаго вопроса, былъ только одинъ, графъ Грей, къ которому, въ силу ихъ дружескаго расположенія, она относилась снисходительно, когда онъ осуждалъ нѣкоторые пункты нашего мирнаго договора съ Турціей, да и то, когда онъ достигъ власти и его политика, въ этомъ отношеніи, не многимъ разнилась отъ политики его предшественника, Ливенъ, жалуясь и упрекая его за это, заявила однажды, что она болѣе не будетъ видѣться съ нимъ, если онъ будетъ противиться выполненію договора, обезпечившаго независимость Греціи.

«Вотъ признаніе (не скажу угроза), которое я дѣлаю вполне искренно и твердо. Прощайте, милордъ. Вотъ первый разъ, что я не прибавляю къ моему письму никакого дружескаго увѣренія».

А ранѣе этого, въ октябрѣ 1829 г., тотчасъ по прекращеніи военныхъ дѣйствій, обсуждая съ Греемъ мирныя условія, предложенныя Дибичемъ, и высказывая ему надежду на то, что эти условія будутъ измѣнены, такъ какъ императоръ не одобрялъ продолжительной оккупациі княжествъ, Ливенъ писалъ своему другу:

«Не сердитесь же на Россію и на меня, ибо вы прекрасно знаете, что я не могу не быть русской».

Это не была пустая фраза въ устахъ княгини. Проживъ въ Англіи 17 лѣтъ, она дѣйствительно осталась русскою, и, какъ свидѣтельствуетъ ея переписка, принимала интересы Россіи близко къ сердцу, но она сдѣлалась англичанкой по привычкамъ и вкусамъ. Рѣдкія побѣдки, которыя она совершала въ Россію, не только не измѣняли ее въ этомъ отношеніи, но, напротивъ, укрѣпляли ее въ любви къ Англіи. Хотя при нашемъ дворѣ ей оказывался всегда благосклонный пріемъ, но она съ радостью возвращалась въ Лондонъ, въ ту среду, съ которой она вполне сжилась, гдѣ она чувствовала себя болѣе дома, чѣмъ въ Россіи; и она высоко цѣнила то исключительное, почти един-

ственное положеніе, которое она занимала въ Великобританскомъ обществѣ.

Поэтому, весьма естественно, она интересовалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тѣмъ, что дѣлалось и говорилось въ Англіи, и такъ какъ она охотно дѣлилась этимъ съ братомъ и со своимъ другомъ, лордомъ Греемъ, то въ ея письмахъ отразилась, какъ въ зеркалѣ, вся жизнь этого общества, со всѣми его происшествіями, интригами, скандалами, которые были такъ часты, вслѣдствіе испорченности нравовъ, имѣвшихъ своимъ источникомъ дворъ.

Въ іюні мѣсяцѣ 1830 г. скончался король Георгъ IV, которому слѣдовалъ его братъ, герцогъ Кларенскій, подъ именемъ Вильгельма IV.

Княгиня Ливень даетъ любопытный портретъ этого монарха и вмѣстѣ съ тѣмъ набрасываетъ картину первыхъ дней этого царствованія, которая свидѣтельствуетъ о ея тонкой наблюдательности, остромъ умѣ и искусствѣ изобразить то, что она видѣла.

«Заранѣ прошу васъ простить мнѣ несвязность этого письма, — писала брату Ливень, — но я буду болтать по мѣрѣ того, какъ мысли будутъ приходить мнѣ въ голову. Во-первыхъ, о королѣ — какой странный король! *bon enfant*<sup>1)</sup>, но недалекій! Я боюсь, чтобы онъ не потерялъ голову, до того онъ радъ царствовать. Онъ мѣняетъ все, за исключеніемъ того, что ему слѣдовало бы перемѣнить, т. е. своихъ министровъ. Онъ мѣняетъ мундиры арміи, флота, увольняетъ поваровъ, лакеевъ-французовъ; хочетъ, чтобы у него служили только одни англичане. Увольненіе поваровъ было первымъ актомъ его царствованія; это было сдѣлано въ самый день смерти покойнаго короля. Онъ приказалъ всѣмъ обрѣзать усы; онъ бѣгаетъ по улицамъ, болтаетъ съ прохожими, отправляется на гауптвахту, показываетъ дежурному офицеру свои пальцы, перепачканные въ чернилахъ, рассказываетъ, сколько писемъ онъ подписалъ, сколько ему предстоитъ дать аудіенцій, говоритъ о своей супругѣ королевѣ; производитъ ежедневно смотръ одному батальону и хочетъ такимъ образомъ смотрѣть всѣ батальоны.

«На другой день послѣ похоронъ, онъ переѣхалъ въ Виндзорскій дворецъ, гдѣ его ожидали министры и высшія должностныя лица. Онъ пріѣхалъ туда на козлахъ маленькой кареты, въ которой сидѣла королева и двѣ незаконныя дочери короля. Третьяго дня онъ былъ съ визитомъ у лорда и лэди Голландъ и, къ великому смущенію министровъ, напросился на слѣдующей недѣлѣ къ нимъ на обѣдъ. Онъ напросился также на обѣдъ къ принцу Леопольду и выразилъ желаніе, чтобы къ нему былъ приглашенъ также лордъ Грей. Это вызоветъ снова всеобщую тревогу. Король выказываетъ герцогу Веллингтону величайшее

<sup>1)</sup> Добрый малый.

благоволеніе и довѣріе, и въ то же время отвѣчаетъ на вопросъ герцогини Кумберлендской о томъ, имѣлъ ли герцогъ у него аудіенцію въ то утро:

— Нѣтъ, слава Богу, миледи, я очень радъ, что не видалъ его; я былъ бы никогда не видѣть его.

«Это его собственныя слова. Онъ удивительно дѣятеленъ, очень любить церемоніалъ и приемы, часто бываетъ въ обществѣ, тратитъ много времени по пустякамъ и хочетъ преобразовать все сразу. Словомъ, у него вѣчная лихорадка. Толпа обожаетъ его; онъ показывается всюду и обходится со всѣми просто—этого довольно джонъ-булю. Разница между тѣмъ, какъ онъ держитъ себя, и поведеніемъ покойнаго короля говорить въ его пользу. Словомъ, Англія совершенно переродилась, и Веллингтонъ сказалъ очень удачно:

— Это не новое царствованіе, «это новая династія».

Ливенъ давала себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, какія долженъ былъ встрѣтить Веллингтонъ съ переменой царствованія. Положеніе Веллингтона было въ то время шатко. Общественное мнѣніе было очень возбуждено противъ него; и хотя не всѣ понимали сдѣланныя имъ ошибки, но большинство публики было противъ него.

«Виги и торіи одинаково ненавидятъ его,—писала Ливенъ.

«По виду онъ полновластный хозяинъ, какъ и въ предыдущее царствованіе, но никто не думаетъ, что онъ можетъ имъ остаться, если онъ не измѣнитъ состава министерства».

Такъ думалъ, вѣроятно, и самъ Веллингтонъ, такъ какъ въ это именно время, осенью 1829 г., онъ старался подкрѣпить свой кабинетъ и предлагалъ вступить въ него разнымъ лицамъ: лорду Грею, Мельбурну, Пальмерстону; всѣ они отвѣчали ему отказомъ или оставили свое согласіе такими условіями, на которыя онъ не могъ согласиться.

«Я нашла, что у него плохой видъ и что онъ сталъ задумчивъ и озабоченъ,—писала Ливенъ.

«Трудно допустить, чтобы такой проникательный народъ, какъ англичане, согласился долго быть управляемъ столь посредственными людьми».

Кн. Ливенъ, относившаяся столь враждебно къ Веллингтону и его кабинету, чего она и не скрывала, подвергалась неоднократно осужденію за то, что она не держала себя безпристрастно въ отношеніи его, какъ повелѣвала ей ея роль жены представителя иностранной державы, но даже употребила все свое вліяніе, чтобы повредить ему.

Ея образъ дѣйствій въ этомъ отношеніи подвергался многократно осужденію англичанъ и вызывалъ горячія нападки. Сэръ Спенсеръ Вальполь, основываясь на данныхъ, сообщаемыхъ въ «Перепискѣ Веллингтона», утверждаетъ, что Ливенъ примала большое участіе въ интри-

гахъ, которыя велъ въ 1829 г. герцогъ Кумберлендскій съ цѣлью низвергнуть Веллингтона, и присовокупляетъ, что ея поведеніе вызвало охлажденіе между русскимъ и великобританскимъ правительствомъ. Гревиль, отнюдь не принадлежавшій къ числу людей, расположенныхъ къ Веллингтону, утверждаетъ то же. Онъ говоритъ, что Ливенъ, изъ ненависти къ Веллингтону, о которой можно составить себѣ достаточное представленіе по выше приведеннымъ письмамъ и которую она не скрывала, присоединилась къ герцогу Кумберлендскому съ цѣлью свергнуть Веллингтона, и что она была посредницей между герцогомъ и партіей Гусокиссона, которые были такими же противниками герцога въ католическомъ вопросѣ, какъ и крайніе торіи.

Кромѣ того, лордъ Абердинъ, въ письмѣ къ герцогу Веллингтону (9-го (21-го) іюля 1829 г.) писалъ:

«Полиньякъ (французскій посланникъ въ Лондонѣ) очень много распространялся о дѣйствіяхъ герцога Кумберлендскаго и вліяніи, которое они имѣли. Онъ полагаетъ, что г-жа Ливенъ принимаетъ большое участіе въ его планахъ и что вліяніе ея на самого короля очень велико. Онъ (Полиньякъ) передавалъ мнѣ одинъ отзывъ о ней короля, который онъ слышалъ на-дняхъ, «что она сильнѣе всѣхъ въ политикѣ въ этой странѣ» (мнѣ передавала это г-жа д'Ескаръ, но мнѣ удалось разубѣдить ее относительно г-жи Ливенъ и ея вліянія) <sup>1)</sup>.

Два дня спустя, Абердинъ писалъ еще:

«Судя по всему, что я слышу, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что герцогъ Кумберлендскій дѣйствовалъ по ея (Ливенъ) совѣту, и что пріѣздъ герцогини также совершился по ея совѣту» <sup>2)</sup>.

Таково было мнѣніе въ придворныхъ сферахъ Лондона.

Впрочемъ, лордъ Абердинъ счелъ нужнымъ измѣнить свой взглядъ недѣлю спустя послѣ того, какъ онъ выразилъ его столь рѣшительно.

16-го (28-го) іюня онъ писалъ снова Веллингтону:

«Что касается до домашнихъ дѣлъ, то я склоненъ думать, что мы приписываемъ княгинѣ болѣе вліянія, нежели она имѣетъ. Несомнѣнно, что она была бы готова сдѣлать намъ всевозможное зло, но, зная это, мы готовы заподозрѣть ея участіе въ каждой интригѣ. Г-жа Ливенъ такъ усердно отрицаетъ всякое участіе съ ея стороны въ планахъ герцога Кумберлендскаго и такъ энергично утверждаетъ, что его намѣренія были ей совершенно неизвѣстны, она такъ серьезно и естественно описывала мнѣ, какъ онъ ей надоѣдаетъ, заставляя ее выслушивать его вѣчныя жалобы и враждебные отзывы (о Веллингтонѣ), что я готовъ повѣрить, что она не замѣшана въ его интригахъ, хотя она,

<sup>1)</sup> Wellington Correspondence, VI, 35.

<sup>2)</sup> Тамъ же, VI, 40.



вѣроятно, была бы не прочь воспользоваться ихъ успѣшнымъ результатомъ».

Сама Ливенъ отрицаетъ всякое участіе въ этихъ интригахъ.

«Ваши предположенія относительно интригъ, происходящихъ между партіями, и о томъ, что онѣ могутъ къ чему-либо повести—пишетъ она между прочимъ Грею 16-го (28-го) ноября 1829 г.,—кажутся мнѣ весьма невѣроятными... Вы можете быть вполне увѣрены, что я не приму въ нихъ участія. Знать все и не мѣшаться ни во что—таково мое правило. Послѣ этого вступленія скажу вамъ по совѣсти, что я ничего не знаю, и, полагаю, что никакихъ интригъ не затѣвается. Скажу болѣе, я далека отъ того, чтобы желать этого».

Между тѣмъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату она признается ему откровенно, что «была бы не прочь свернуть шею Веллингтону». Конечно, отъ этого желанія до активнаго участія еще далеко, но трудно допустить, чтобы всѣ обвиненія противъ Ливенъ не имѣли основанія. Сопоставивъ вышеприведенныя ея слова съ тѣмъ, что она писала Грею, и зная, какъ она была неумолима въ своей ненависти и злобѣ къ герцогу, можно скорѣе предположить, что въ письмахъ къ брату, которые посылались въ Россію съ надежной окказіей, Ливенъ высказывалась откровеннѣе, тѣмъ болѣе что, она знала, что эти письма будутъ прочитаны графомъ Нессельроде, и что русское правительство могло желать паденія Веллингтона и могло разсчитывать, что политика англійскаго кабинета будетъ менѣе враждебна Россіи, если у власти окажутся виги.

Не смотря на все свое довѣріе къ Грею, Ливенъ, быть можетъ, опасалась высказывать ему свои интимныя желанія, такъ какъ въ Англіи ея письма легко могли попасть въ чужія руки и скомпрометтировать ее, тѣмъ болѣе, что въ исходѣ 1829 г. положеніе самого князя Ливенъ было очень непрочное, и въ дипломатическихъ кругахъ полагали даже, что онъ оставитъ свой постъ. Король былъ не доволенъ сношеніями Ливенъ съ членомъ оппозиціи—Греемъ и отзывался неодобрительно о перепискѣ, которую она вела съ нимъ <sup>1)</sup>. Веллингтонъ со своей стороны былъ бы не прочь избавиться отъ враждовавшей съ нимъ постоянно посланницы, и въ то время, когда, по окончаніи русско-турецкой войны, въ Лондонѣ происходили совѣщанія по поводу избранія греческаго короля и каждая держава предлагала своего кандидата,—лордъ Абердинъ

<sup>1)</sup> Когда Ливенъ сообщила объ этомъ Грею, то лордъ, высоко цѣнившій дружескія свои отношенія къ ней и дорожившій ея письмами, былъ готовъ принести жертву и прекратить переписку, чтобы избавить своего друга отъ непріятности, но она успѣшила отвѣтить ему съ достоинствомъ:

„Вы плохо меня знаете, милордъ, если вы считаете меня способной принять это предложеніе. Потерять единственнаго друга, котораго я имѣю, чтобы сдѣлать пріятное врагу—плохая сдѣлка. Это было бы низко и глупо“.

воспользовался случаемъ, чтобы возстановить короля противъ Ливена.

Когда король приказалъ ему предложить и поддержать новаго кандидата на греческій престолъ въ лицѣ брата герцогини Кумберлендской, герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, то этотъ министръ, бывшій по своимъ собственнымъ соображеніямъ противъ этого кандидата, сказалъ королю, что его желаніе не можетъ быть исполнено, такъ какъ князь Ливенъ противъ этого, прибавивъ, что русскій посланникъ горячій защитникъ правъ австрійскаго кандидата, принца Геессенъ-Гомбургскаго.

Это было такъ непріятно королю, что, какъ передавала сама княгиня, онъ сказалъ Абердину, что «было бы очень желательно, чтобы они (Ливены) были отозваны».

## V.

Положеніе Франціи въ 1830 году. — Паденіе Веллингтона и порученіе лорду Грею составить кабинетъ. — Значеніе для Россіи перемѣны англійскаго министерства. — Письма Д. Х. Ливенъ по этому вопросу. — Бесѣда ея съ лордомъ Греемъ о направленіи его политики.

Богатый событіями 1830 годъ далъ обильную пищу умственной дѣятельности Д. Х. Ливенъ. Июльская революція, возстанія въ Бельгіи и Польшѣ, конституціонная борьба въ Испаніи и Португаліи, перемѣна министерства въ Англіи, гдѣ власть перешла къ вигамъ въ лицѣ лорда Грея, парламентская реформа, совершившаяся въ этой странѣ, и другія многочисленныя событія, взволновавшія въ это время Европу, служили темой ея писемъ къ брату и лорду Грею, въ которыхъ она даетъ оцѣнку всѣхъ этихъ событій съ такимъ хладнокровіемъ и здравымъ сужденіемъ, какими не всегда обладаютъ государственные люди.

Касаясь дѣлъ Франціи, она заговорила о нихъ въ тотъ моментъ, когда они приняли угрожающій характеръ, и предугадала ихъ развязку.

Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1830 г. она писала:

«Здѣсь (въ Лондонѣ) болѣе заняты въ настоящее время тѣмъ, что происходитъ во Франціи, нежели въ Англіи. Всѣ здравомыслящіе люди выражаютъ желаніе, чтобы король (Карлъ X) пожертвовалъ Полиньякомъ, къ которому онъ видимо питаетъ какое-то особенное пристрастіе, ибо благоволеніе, коимъ онъ пользуется, не можетъ быть оправдано его личными качествами. Это человѣкъ, не обладающій ни умомъ, ни та-

лантами; онъ хитеръ, упрямъ и отличается узостью взглядовъ. Пусть король держитъ его при себѣ, какъ друга, но онъ не долженъ быть первымъ министромъ просвѣщенной націи, которая не можетъ болѣе допустить, чтобы лица, ею правящія, были обязаны своимъ положеніемъ фаворитизму. Словомъ, получается впечатлѣніе, какъ будто король рискуетъ въ настоящее время монархіей ради Полиньяка. А онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по совѣту Веллингтона.

«Положеніе послѣдняго въ парламентѣ нѣсколько окрѣпло съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ соблюдать экономію, показавъ этимъ, что онъ сообразуется во всемъ съ желаніемъ большинства народа; удивительно, что тотъ самый человекъ, который подчиняется здѣсь общественному мнѣнію, совѣтуетъ французскому правительству идти противъ него.

«Впрочемъ, его образъ дѣйствій извѣстенъ; его способъ управленія заключается въ повиновеніи, т. е. оппозиція диктуетъ правительству то, что оно должно дѣлать».

Когда во Франціи вспыхнула революція, то Ливень, не зная еще, что думалъ о ней императоръ Николай I, говорила о революціи въ такомъ тонѣ, какого нельзя было ожидать отъ вѣроподданной русскаго монарха и его горячей поклонницы.

Признавъ большимъ несчастіемъ для Европы, что такой «ограниченный человекъ, какъ Полиньякъ, могъ вовлечь ее въ лабиринтъ замѣшательства и опасности», она прибавляетъ:

«Спокойна ли теперь Франція? <sup>1)</sup>, спокойны ли ея сосѣди? Новый король очень слабъ и уступчивъ, его національная гвардія сильно проникнута республиканскимъ духомъ. Испанія имѣетъ очень дурное правительство, Италія угнетена, и примѣръ Франціи тѣмъ болѣе опасенъ, что эта революція была ведена, надобно сознаться, съ большою умѣренностью и была вызвана всецѣло недобросовѣстностью правительства. Если, съ одной стороны, это предостереженіе полезно для королей, то оно можетъ быть дурнымъ примѣромъ для народовъ. Во всякомъ случаѣ, это вещь непріятная, которую передѣлать нельзя; необходимо только сдѣлать все возможное, чтобы она была какъ можно менѣе опасной. Я полагаю, что самымъ благоразумнымъ было бы поддержать это правительство.

«Здѣсь немного поморщились въ первый моментъ, но пришлось примириться съ неизбежностью. Герцогъ Веллингтонъ, который бываетъ очень тактиченъ, когда дѣло идетъ о его собственной безопасности, понялъ очень скоро, что надобно было признать новое французское правительство или оставить свой постъ, и рѣшилъ, въ удобный моментъ сдѣлать первое. Онъ даетъ одной рукой пріютъ династіи, покончившей

<sup>1)</sup> Письмо къ А. Х. Бенкендорфу 14-го (26-го) августа 1830 г.

свое существованіе, а другой—признаетъ новую династію. Въ Англіи всѣ одобряютъ его, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ крайнихъ торіевъ, съ герцогомъ Кумберлендскимъ во главѣ, которому хотѣлось бы, чтобы Франціи была объявлена война для поддержанія правъ герцога Бордоскаго. Это романтизмъ и рыцарство, вполне умѣстные въ устахъ Шатобріана, но которые не могутъ быть примѣнимы къ нынѣшнему состоянію Европы. Міръ сдѣлался слишкомъ практиченъ, чтобы можно было дѣйствовать въ этомъ духѣ.

«Третьяго дня я видѣла герцога Веллингтона и долго бесѣдовала съ нимъ съ глаза на глазъ. Онъ говорилъ только о Франціи и ни о чемъ другомъ, сожалѣлъ о случившемся, высказывалъ опасенія относительно будущаго и твердо рѣшилъ, что не слѣдуетъ дѣйствовать вызывающе, т. е. что Франціи не слѣдуетъ давать ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію или тревогѣ. Онъ очень осуждалъ предложеніе Меттерниха созвать конференцію въ Берлинѣ и сказалъ:

— Это было бы повтореніемъ пильницкой деклараціи <sup>1)</sup>, которая была источникомъ всѣхъ бѣдствій, такъ долго тяготѣвшихъ надъ Европой. Представителямъ кабинетовъ великихъ державъ слѣдуетъ только обсудить совмѣстно, съ полной откровенностью и довѣріемъ, всѣ обстоятельства, которыя могутъ выяснять положеніе дѣлъ. Надобно тревожиться (это его собственныя слова), надобно неусыпно слѣдить за Франціей, но не слѣдуетъ раздражать ее, давъ ей возможность думать, что существуетъ какое-то судилище, гдѣ ее судятъ.

«О Полиньякѣ онъ говорилъ съ такимъ равнодушіемъ, которое очень возмутило меня; онъ сказалъ, смѣясь и сдѣлавъ выразительный жестъ:

— Онъ сложитъ голову на плахѣ.

«Вотъ каковъ этотъ человекъ».

Въ Англіи весьма многіе слѣдили съ тревогою и участіемъ за событіями происходившими въ Парижѣ.

«Англійская свобода,—писала «Edinburgh Review»,—одержала побѣду на полѣ битвы въ Парижѣ».

Наиболѣе умѣренные радовались тому, что былъ спасенъ монархическій принципъ и что «не случилось ничего худшаго», подразумѣвая подъ этимъ худшимъ республику. Лордъ Грей, какъ искренній либераль, не могъ не осудить того, что онъ называлъ «гнуснымъ стараніемъ Карла X уничтожить однимъ ударомъ свободу Франціи и угрожать ей во всей Европѣ».

---

<sup>1)</sup> Въ 1791 г. Австрія и Пруссія заключили въ Пильницѣ конвенцію, въ силу которой онѣ обязались поддержать права французскаго королевскаго дома.

«Достославная революція <sup>1)</sup> вызвала съ его стороны чисто юношескій восторгъ.

«Онъ не надѣялся дожить до такого счастливаго событія.

«Онъ требовалъ, чтобы правительство герцога Орлеанскаго было немедленно признано».

Въ этомъ случаѣ Грей расходился съ Ливенъ, которая, увидавъ, что ея пророчество относительно Полиньяка сбылось, была объята страхомъ.

«Вчера,—писала она 8-го (20-го) сентября,—пріѣхалъ изъ Парижа П.; по его словамъ, городъ находится въ ужасномъ состояніи, всюду беспорядокъ, распушенность, нищета, а далѣе, весьма возможно, будетъ еще хуже. Многіе изъ членовъ англійской оппозиціи отправились туда, я очень рада этому, ибо они хоть немного отрезвятся; они до сихъ поръ еще полны иллюзій. Я хотѣла бы, чтобы либералы всѣхъ странъ поѣхали взглянуть на плоды такой революціи, какую пережила Франція, ихъ рвеніе отъ этого поубавилось бы».

Ливенъ мерещилась во Франціи воинственная республика, всеобщая война, повсюду революція и хуже всего—англо-французскій союзъ противъ Россіи, если либералы достигнуть власти въ Англіи, и она болѣе, чѣмъ когда-либо, волновалась. Генералъ Baudrand, чрезвычайный посолъ Людовика-Филиппа, прибывшій въ Лондонъ, просилъ свиданія съ нею и старался при ея посредствѣ смягчить Россію <sup>2)</sup>.

Лордъ Грей, со своей стороны, старался разъяснить Ливенъ положеніе дѣлъ. Какъ выдающійся государственный человѣкъ, дальновидный и безпристрастный, онъ былъ выше мелочной злобы и ненависти. Когда былъ поднятъ вопросъ о посылкѣ стотысячной прусской арміи на Рейнъ, «ради предосторожности», то онъ умолялъ не раздражать французскаго народа.

«Мы не имѣемъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи», писалъ онъ.

Всѣ его старанія успокоить Ливенъ были напрасны. Бельгійская революція окончательно вывела ее изъ себя. Тщетно старался лордъ Грей объяснить ей, что манія революцій была бы не опасна <sup>3)</sup>, если бы правительства дѣйствовали умно и умѣренно.

«Король голландскій—другъ Россіи,—отвѣчала ему Ливенъ <sup>4)</sup>,—онъ находился подъ защитой трактатовъ, и это можетъ повести къ войнѣ. Царь любитъ принца Оранскаго, какъ брата. Что мнѣ за дѣло до этихъ

<sup>1)</sup> Письмо кн. Ливенъ 22-го іюля (3-го августа) 1830 г.

<sup>2)</sup> Какъ извѣстно, іюльскія событія произвели на императора Николая I огромное впечатлѣніе, и, узнавъ о нихъ, онъ былъ въ страшномъ негодованіи.

<sup>3)</sup> Письмо къ Ливенъ 22-го августа (3-го сентября) 1830 г.

<sup>4)</sup> Письмо 25-го августа (6-го сентября) 1830 г.

негодяевъ-бельгійцевъ и до этихъ прирейнскихъ провинцій, которыя вмѣсто того, чтобы обожать своего короля, который относится къ нимъ, какъ отецъ, обращаютъ свои взоры къ Франціи. И эти венгерцы, помышляющіе о томъ, чтобы отложиться! И эти италіанцы, которые волнуются! Даже въ самой Вѣнѣ проявляется нѣчто въ родѣ общественнаго мнѣнія, развѣ все это можетъ быть терпимо! А всему виною Франція».

Напрасно лордъ Грей утверждалъ, что противъ образа дѣйствій французскаго правительства нельзя ничего сказать; «это все лицемеріе!» отвѣчала Ливень.

«Талейранъ способенъ на все. Франція не хочетъ, чтобы дѣла Бельгіи уладились, она хочетъ лавировать, затянуть ихъ до тѣхъ поръ, пока она не станетъ ея добычей, и все добродушіе Талейрана не имѣетъ иной цѣли, какъ отдать Бельгію въ руки Франціи. Это будетъ его политическимъ завѣщаніемъ; онъ возвратитъ ей то, что она потеряла по его винѣ».

Между тѣмъ Талейранъ былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ, куда онъ пріѣхалъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ (1830 г.). Англійскій король былъ недоволенъ этимъ назначеніемъ. Ливень отзывается о новомъ посланникѣ не иначе, какъ съ презрѣніемъ; она подозрѣвала, что ему было поручено завязать между французскимъ и англійскимъ правительствами соглашеніе по разнымъ вопросамъ, волновавшимъ Европу, и это возбудило ея подозрительность и еще болѣе усилило ея недоброжелательные отзывы, о которыхъ Талейранъ вѣроятно никогда не узналъ, иначе онъ не расточалъ бы ихъ автору тѣ похвалы, какія онъ высказалъ Ливень въ своихъ мемуарахъ.

24-го сентября (6-го октября) Ливень писала Грею, что «герцогъ Веллингтонъ положительно очарованъ Талейраномъ... Онъ утверждаетъ, что это очень честный человѣкъ, и что все то, что говорили когда-либо противъ него,—чистѣйшая клевета. Честность Талейрана напоминаетъ мнѣ умъ Полиньяка», прибавляетъ она. «Портреты не удаются герцогу Веллингтону».

2-го (14-го) октября она выражается еще рѣзче: «Я обѣдала третьяго дня у короля. Нельзя быть любезнѣе и предупредительнѣе, нежели онъ былъ со мною. Онъ высказалъ мнѣ самыя лестныя вещи относительно союза Англіи и Россіи, и передалъ свой разговоръ съ Талейраномъ, который очень удивилъ его. Во время аудіенціи посланникъ сказалъ ему длинную рѣчь, на тему о неудачахъ, преслѣдующихъ его, Талейрана. Говорить о самомъ себѣ вмѣсто того, чтобы говорить о державѣ, которой является представителемъ—по истинѣ новость для дипломата».

«Король спросилъ меня, что я думаю о немъ (Талейранѣ). Я отвѣ-

чала ему, что я полагаю, что человекъ, занимавшійся семьдесятъ пять лѣтъ интригами, не можетъ отказаться отъ нихъ на семьдесятъ шестомъ году жизни».

Ливенъ тревожила и преслѣдовала мысль о томъ, какъ революціонное движеніе отразится на Россіи.

«Все, что дѣлается на континентѣ, весьма прискорбно,—пишетъ она брату 24-го сентября (6-го октября) 1830 г.,—что всего хуже, не представляетъ никакихъ гарантій, относительно будущаго; нельзя сказать, чтобы народами овладѣло легкомысліе, ими овладѣла страсть размышлять.

«Правительства не выказали ни предусмотрительности, ни энергіи. Примѣръ, поданный ими, чреватъ опасностью, которой возможно избѣжать только при величайшей осмотрительности и бдительности. Мы имѣемъ къ счастью много причинъ, обеспечивающихъ намъ безопасность. Во-первыхъ, наша отдаленность, затѣмъ сравнительное невѣжество низшаго класса, врожденная намъ религіозность и преданность престолу, а самое главное, мы имѣемъ монарха просвѣщеннаго, справедливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго и дѣятельнаго душою и тѣломъ, умѣющаго заставить бояться и въ то же время любить себя. Поэтому я не боюсь за насъ, но мы составляемъ часть Европы и связаны тракатами—не будемъ ли мы поэтому вовлечены въ движеніе, нарушающее покой Европы?»

«Въ настоящее время одинъ невѣрный шагъ можетъ повести къ безчисленнымъ бѣдствиямъ. Правительства не смѣютъ нынѣ дѣлать ошибки; интеллигентная публика критикуетъ ихъ и пользуется ими. Съ тѣхъ поръ какъ народамъ открыли путь къ образованію, задача правительства сдѣлалась тысячу разъ труднѣе».

Событія, происшедшія во Франціи, обнаружили ошибки герцога Веллингтона и усилили непопулярность кабинета торіевъ. Непопулярность эта достигла въ исходѣ 1830 г. высшей степени. Изъ парламентскихъ выборовъ, состоявшихся въ августѣ, герцогъ вышелъ съ потерей 50 голосовъ. Брумъ и лордъ Грей готовились руководить оппозиціей: первый въ палатѣ общинъ, второй—въ палатѣ лордовъ. Герцогъ Веллингтонъ не располагалъ достаточными силами, которыя онъ могъ бы противопоставить складывавшейся противъ него оппозиціи. Къ тому же онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые, подобно Каннингу, умѣли постигать духъ своего вѣка, сообразоваться съ потребностями своего времени. Подъ вліяніемъ военной славы и частаго обращенія съ подчиненными герцогъ привыкъ холодно относиться къ людямъ и не придавалъ особеннаго значенія народнымъ нуждамъ.

21-го октября (2-го ноября) былъ открытъ парламентъ. Тронная

рѣчь, произнесенная королемъ, указывала на тревожное положеніе дѣлъ какъ на континентѣ Европы (въ Бельгіи), такъ и въ самой Англіи. Вечеромъ того же дня Грей въ своей блестящей рѣчи обращалъ вниманіе лордовъ на «приближающійся ураганъ», къ которому слѣдовало бы приготовиться. Избирательная реформа, по мнѣнію Грея, являлась якоремъ спасенія, необходимостью, — Веллингтонъ и думать о ней не хотѣлъ, видя въ ней революцію. Рѣшительное заявленіе его, что онъ былъ противъ какихъ бы то ни было реформъ, ускорило паденіе его кабинета. 3-го (15-го) ноября, при обсужденіи въ палатѣ общинъ королевскаго бюджета, министерство потерпѣло неудачу. Ночью того же дня Ливень получила отъ Грея слѣдующую стереотипную записку: «Княгиня Ливень. Дѣленіе (голосовъ) въ палатѣ общинъ.

За министровъ . . . . . 204

Противъ . . . . . 233

---

Большинство оппозиціи . . . . . 29

Всегда наиболѣе вамъ преданный Г.»

На слѣдующій же день король пригласилъ Грея къ себѣ во дворецъ и далъ ему порученіе составить новый кабинетъ.

Радость княгини не знала предѣловъ; теперь и ея положеніе упрочилось. Ей нечего было болѣе опасаться, что «пройдетъ еще немного времени, и ей, быть можетъ, придется навсегда оставить Англію», какъ того желали торіи.

Никто лучше не понималъ значеніе Грея и не служилъ такъ его интересамъ, какъ его «преданный другъ», княгиня Ливень.

«Я не могу себѣ представить васъ иначе, какъ главою кабинета или оппозиціи, — писала она своему другу незадолго до паденія кабинета Веллингтона. Вы не можете себѣ представить, какія надежды возлагаютъ на васъ всѣ; васъ считаютъ единственнымъ человѣкомъ, способнымъ объединить партіи; а я вижу въ васъ единственнаго человѣка, способнаго управлять Англіей.

«Мнѣ пріятно видѣть, какъ обѣ стороны васъ боятся, какъ онѣ васъ желаютъ; какъ всѣ заняты вами; словомъ, какъ всѣ думаютъ единодушно, что та сторона, на которой вы будете, одержитъ верхъ. По истинѣ вы держите въ своихъ рукахъ судьбы Англіи».

Когда, наконецъ, Грей сталъ во главѣ кабинета, радость Ливень была неописуема, но ее озабочивала программа новаго министерства, и она задавалась вопросомъ, насколько эта перемѣна будетъ благопріятна для политики Россіи.

«Изъ того, что вамъ извѣстно о моихъ связяхъ въ этой странѣ, — писала она брату 8-го (20-го) ноября 1830 г., сообщая имена лицъ, со-



ставившихъ кабинетъ Грея,—вы видите, что новые министры изъ числа самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ. Не преувеличивая своего вліянія, которое можетъ очень измѣниться со вступленіемъ этихъ лицъ во власть, я полагаю, что я могу еще быть полезна. Будьте увѣрены и передайте графу Нессельроде, что я буду держать себя очень осторожно, такъ чтобы, въ случаѣ отставки этого министерства и возвращенія къ власти герцога Веллингтона, мнѣ не пришлось бы очутиться въ затруднительномъ положеніи».

«Мой образъ дѣйствій намѣченъ,—писала она два дня спустя;—я врагъ только однихъ радикаловъ такъ же, какъ и новое правительство. Я ожидаю, чтобы новые министры высказались, чтобы рѣшить, буду ли я въ оппозиціи съ нимъ или нѣтъ.

«Я видѣла вчера лорда Грея»,—пишетъ Ливень и передаетъ происшедшій между ними любопытный разговоръ. На вопросъ Ливень относительно тѣхъ взглядовъ, коими онъ руководился при выборѣ своихъ сотрудниковъ, онъ отвѣчалъ:

— Я руководствовался при составленіи министерства слѣдующими двумя главными соображеніями: во-первыхъ, я хотѣлъ показать, что въ теперешнее демократическое и якобинское время есть возможность найти людей способныхъ и среди высшей аристократіи, но это не значить, что я желаю закрыть доступъ (въ кабинетъ) людямъ истинно достойнымъ, если бы я встрѣтилъ таковыхъ, среди членовъ палаты общинъ; но, при одинаковыхъ достоинствахъ, я отдамъ предпочтеніе аристократу, ибо этотъ классъ служить гарантіей безопасности государства и престола. Во-вторыхъ, я не хочу, подобно моему предшественнику, блистать на счетъ моихъ коллегъ. Наоборотъ, мой кабинетъ составленъ изъ людей, выказавшихъ выдающіяся парламентскія способности. При выборѣ каждаго изъ нихъ я принималъ въ соображеніе его личныя способности къ занимаемому имъ посту, и я предоставляю каждому полную свободу дѣйствій въ его части. Такимъ образомъ совѣщанія кабинета будутъ настоящими совѣщаніями, и деспотизмъ будетъ уничтоженъ».

Въ припискѣ къ этому письму, написанной симпатическими чернилами, княгиня говоритъ:

«Я потребовала настоятельно, чтобы лордъ Грей высказался относительно бельгійскаго вопроса. Онъ сказалъ мнѣ:

— Вы должны понять, что я заинтересованъ въ сохраненіи мира гораздо болѣе, нежели мой предшественникъ. Имѣйте ко мнѣ настолько довѣрія, чтобы повѣрить, что я найду къ этому средство.

— Средство это уже найдено, милордъ,—сказала я,—вамъ стоитъ только продолжать начатое. Здѣсь засѣдаетъ конференція, свидѣтель-

ствующая о единодушїи пяти великихъ державъ, въ этомъ вопросѣ—поддержите ее, и миръ будетъ обезпеченъ.

— Но по крайней мѣрѣ дайте мнѣ время узнать, что сдѣлано, тогда я буду въ состоянїи вамъ отвѣтить.

— Не теряйте времени, милордъ,—возразила я,—будьте увѣрены, что перемѣна, происшедшая въ Англіи, поразить Европу. Вамъ необходимо высказаться передъ нею и какъ можно скорѣй. Императоръ знаетъ и уважаетъ васъ. Мнѣ было бы прїятно думать, что эти чувства въ немъ упрочатся.

— Повѣрьте мнѣ, — отвѣтилъ онъ, — вы будете довольны. Обѣщаю вамъ, что въ теченіе этой недѣли лордъ Пальмерстонъ (министръ иностранныхъ дѣлъ) дастъ уполномоченнымъ такіа объясненія, которыя вполнѣ удовлетворятъ васъ. Если все, что было сдѣлано до сихъ поръ, клонилось къ упроченію мира, то будьте увѣрены въ томъ, что я буду дѣйствовать въ томъ же духѣ.

Какъ видно изъ этого разговора, Ливенъ не только никогда не теряла изъ вида интересовъ своего правительства, но пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы дѣйствовать сообразно съ его видамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).





## Графъ Рейзетъ въ Россіи въ 1852—1854 гг.<sup>1)</sup>

(Извлеченіе изъ его воспоминаній).

### I.

Прибытіе гр. Рейзета въ Петербургъ. — Впечатлѣніе, произведенное на него русскою столицею. — Первые знакомства. — Высочайшій смотръ въ Красномъ Селѣ. — Характеристика императора Николая I. — Французскій актеръ Верне. — Петербургское общество. — Верченіе столовъ. — Политическое положеніе Франціи и принца Наполеона въ 1851 г. — Мнѣніе о Наполеонѣ въ Россіи и популярность его во Франціи. — Бесѣда Киселева съ Рейзетомъ. — Положеніе французскаго посольства въ Петербургѣ.

**Въ** 1852 г. французскимъ посланникомъ въ Петербургъ былъ маркизъ де-Кастельбажакъ. Его ближайшимъ помощникомъ, первымъ секретаремъ посольства, былъ назначенъ въ это время графъ Рейзетъ, который прибылъ къ мѣсту своего назначенія въ іюль мѣсяцъ (1852 г.), совершивъ переездъ изъ Штетина моремъ на прусскомъ пакеботѣ «Адлеръ», на которомъ ѣхали послѣдній принцъ Саксонскій и принцъ Августъ Виртембергскій, приглашенные императоромъ Николаемъ I присутствовать на маневрахъ. На томъ же пароходѣ находились австрійскій посланникъ, генералъ Менсдорфъ и прусскій посланникъ въ Петербургъ, генералъ Роховъ.

«Во все время нашего переезда, записалъ графъ въ своемъ дневникѣ, море было совершенно спокойно. Только блѣдный цвѣтъ воды и

---

<sup>1)</sup> Comte de Reiset. Mes souvenirs. La guerre de Crimée et la cour de Napoléon III. T. II. Paris. 1902.

отражавшагося въ ней неба указывали на то, что мы направлялись къ сѣверу. Когда мы подъѣзжали къ Петербургу и увидѣли на горизонтѣ очертанія города, то онъ произвелъ на насъ большое впечатлѣніе. Купола церквей и колокольни, почти всѣ позолоченные, сверкали на солнцѣ; казалось, что передъ нами былъ восточный городъ, какіе описываютъ въ арабскихъ сказкахъ, но эта иллюзія разсѣивалась по мѣрѣ нашего приближенія.

«Оставивъ вѣхо Кронштадтъ и его грозные бастіоны, преграждающіе входъ въ Неву, мы вошли въ рѣку и остановились у набережной, гдѣ меня встрѣтилъ, по порученію посланника, Камилль Дольфусъ, чиновникъ, состоявшій при французскомъ посольствѣ. Мой новый начальникъ (маркизъ де-Кастельбажакъ) былъ человѣкъ утонченной вѣжливости; онъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при русскомъ дворѣ съ 13-го (25-го) февраля 1850 г.

«Я долженъ былъ, не теряя времени, ознакомиться съ русской жизнью и съ текущими дѣлами, ибо 2-го (14-го) августа генералъ Кастельбажакъ, получивъ отпускъ, уѣзжалъ во Францію, возложивъ на меня, какъ на перваго секретаря посольства, всѣ дѣла.

«Петербургъ произвелъ на меня впечатлѣніе новаго города, построеннаго на европейскій ладъ. Вдоль его длинныхъ, широкихъ и прямыхъ улицъ, именуемыхъ проспектами, тянутся дома, изъ коихъ весьма много деревянныхъ; есть также нѣсколько дворцовъ французской или итальянской архитектуры, но они не представляютъ ничего оригинальнаго или поражающаго.

«Эти дома представляютъ большую противоположность съ населеніемъ, которое движется по улицамъ Петербурга. Если бы не одежда простонародья, то можно было бы вообразить, что находишься въ Берлинѣ (?)».

Графъ былъ пораженъ невиданнымъ для него зрѣлищемъ и съ удивленіемъ отмѣтилъ, что въ Петербургѣ «коровы выходятъ лѣтомъ изъ домовъ, слышавъ рожокъ пастуха, и цѣлыми стадами отправляются за городъ на пастбище, откуда онѣ возвращаются въ тотъ же день вечеромъ, что придаетъ этому большому столичному городу почти деревенскій видъ».

Его поразила также дороговизна жизни въ Петербургѣ.

Онъ поселился въ домѣ французскаго посольства, который былъ предоставленъ посланникомъ на время его отсутствія въ полное распоряженіе графа.

«Живя въ этомъ вполне меблированномъ домѣ, я получалъ, говорить онъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ, 5.000 франковъ въ мѣсяцъ; но, при страшной дороговизнѣ жизни въ Петербургѣ, этой суммы едва

хватало. Полотерь спросилъ съ меня 4 рубля (16 франковъ), чтобы натереть двѣ комнаты, что потребовало всего полтора часа времени. Ванна стоитъ здѣсь 7 франковъ, за часъ ѣзды въ экипажѣ въ городѣ платятъ 9 франковъ; водовозъ получаетъ 100 франковъ въ мѣсяцъ.

«Однажды, гуляя въ Павловскомъ паркѣ, я закусилъ кускомъ булки съ масломъ, съ кускомъ ветчины, за что торговка спросила съ меня рубль. Все дорого. Одинъ апельсинъ стоитъ 50 копѣекъ.

«Передъ отъѣздомъ генералъ Кастельбажакъ повезъ меня въ Петергофъ, гдѣ ему была назначена императоромъ прощальная аудіенція. Такъ какъ я долженъ былъ представиться государю только въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по возвращеніи его въ Петербургъ, то я гулялъ, въ ожиданіи генерала въ паркѣ. Намъ принялъ генералъ Роховъ, прусскій посланникъ, пользующійся особымъ благоволеніемъ императрицы, и князь Кочубей, изъ свиты императора. Послѣдній предоставилъ въ наше распоряженіе экипажи для осмотра парка. На террасѣ, у дворца, находится множество позолоченныхъ статуй и фонтановъ. Дворецъ представляетъ изъ себя невысокое зданіе, въ тяжеловѣсномъ неизящномъ стилѣ, и выкрашенъ въ желтую и бѣлую краску».

Время года было неблагопріятное для знакомства съ высшимъ петербургскимъ обществомъ, которое жило лѣтомъ на дачахъ.

«Первымъ человѣкомъ, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ и близко сошелся, былъ англійскій посланникъ, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ и его семейство. Однимъ изъ предразсудковъ императора Николая было, что онъ не считалъ возможнымъ сближеніе Франціи съ Англіей.

«Мои личныя отношенія къ сэру Гамильтону Сеймuru, въ которыхъ политика не играла впрочемъ никакой роли, становились съ каждымъ днемъ все ближе и тѣснѣе. Его супруга и двѣ очаровательныя дочери оказали мнѣ самый любезный пріемъ. Сэръ Гамильтонъ, человѣкъ умный, благородный и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный дипломатъ, остроумный и пріятный собесѣдникъ, зналъ основательно прошлое и настоящее Россіи.

«Онъ охотно согласился познакомить меня съ петербургскимъ обществомъ и, чтобы дать мнѣ болѣе ясное понятіе о современной политикѣ русскаго царя, познакомилъ меня въ рядѣ интимныхъ бесѣдъ съ поступательнымъ движеніемъ Россіи, начиная съ Петра Великаго. Онъ объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ, завладѣвъ Крымомъ, Бессарабіей и устьями Дуная, Россія проложила себѣ путь къ Константинополю (?) и, учредивъ протекторатъ надъ придунайскими княжествами и Сербіей, и пріобрѣтѣ влияніе надъ славянскимъ населеніемъ Турецкой имперіи, все болѣе и болѣе тѣснила Турцію.

«По счастливой для меня случайности, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ былъ много лѣтъ очень близокъ къ семьѣ перваго президента <sup>1)</sup>. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ нимъ.

— Во время возстанія въ Романіи, я былъ англійскимъ посланникомъ во Флоренціи,—сказалъ Сеймуръ. Однажды вечеромъ, ко мнѣ явилась дама, желавшая меня видѣть; это оказалось королева Гортензія <sup>2)</sup>. Она спѣшила къ своимъ сыновьямъ, которые находились въ то время въ папскихъ владѣніяхъ. Не имѣя паспорта, она рѣшилась попросить его у англійскаго посланника, на сочувствіе котораго разсчитывала. Я сказалъ ей тотчасъ, что она можетъ располагать мною и можетъ ѣхать далѣе подъ однимъ изъ моихъ именъ, напр. подъ фамиліей Гамильтонъ, если она находитъ это удобнымъ.

— Какимъ путемъ мнѣ ѣхать,—спросила королева,—чтобы не попасть въ руки австрійцевъ?

— Я могу сказать это вашему величеству,—возразилъ я,—только поговоривъ съ моимъ коллегой, австрійскимъ посланникомъ, къ которому я отправлюсь тотчасъ.

«Черезъ часъ, сэръ Гамильтонъ вернулся и далъ короленѣ вмѣстѣ съ паспортомъ всѣ необходимыя разъясненія, благодаря чему она имѣла возможность повидаться со своими сыновьями.

«Съ тѣхъ поръ, продолжалъ сэръ Гамильтонъ Сеймуръ, во всѣхъ письмахъ, которыя писала королева, она называла меня путя своимъ кузеномъ, намекая этимъ на фамилію Гамильтонъ, подъ которой она совершила свое путешествіе. Желая доказать мнѣ, что воспоминаніе объ этомъ вечерѣ не изгладилось изъ ея памяти, она завѣщала мнѣ великолѣпный старинный камей, осыпанный жемчугомъ, подаренный ей императоромъ, который получилъ его въ свою очередь отъ папы.

«Если я поѣду въ Парижъ, то этотъ камей послужитъ мнѣ рекомендательнымъ письмомъ къ принцу (Людовику Наполеону), который, я увѣренъ, отнесется благосклонно къ другу своей матери».

«Наша бесѣда перешла затѣмъ вполне естественно къ вопросу о послѣдствіяхъ, которыя могла имѣть поѣздка президента на югъ Франціи. По этому поводу сэръ Гамильтонъ сказалъ мнѣ, что если принцъ, вступивъ на престолъ, будетъ соблюдать договоры 1815 г. и не будетъ стремиться къ войнѣ, какъ онъ заявилъ объ этомъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ Бордо, то онъ полагаетъ, что вопросъ о его признаніи не представитъ затрудненій.

---

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи императора Наполеона III.

<sup>2)</sup> Мать Наполеона III.

«Изъ этихъ словъ видно, что мы имѣли въ лицѣ англійскаго посланника человѣка, который, по своимъ личнымъ симпатіямъ, могъ, въ случаѣ надобности, быть полезенъ французскому правительству.

Нѣсколько дней спустя послѣ моего приѣзда, я посѣтилъ вечеромъ г-жу Апраксину, рожденную Голицыну, старушку, статсъ-даму великой княгини Елены Павловны, которая пользуется при русскомъ дворѣ большимъ вліяніемъ. Она была фрейлиной при императрицѣ Екатеринѣ.

«Войдя въ большую столовую, я увидѣлъ собравшихся къ ней дамъ, которыя сидѣли вокругъ стола и пили чай, молоко, кушали пирожное и фрукты. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ, не подозревая, что тутъ же находилась и великая княгиня Елена Павловна; затѣмъ я прошелъ въ зало, гдѣ г-жа Апраксина сидѣла на диванѣ рядомъ съ принцемъ Августомъ Виртембергскимъ, братомъ великой княгини. Г-жа Апраксина была очень удивлена, увидавъ, что принцъ подалъ мнѣ руку и радушно поздоровался со мною, какъ со старымъ знакомымъ. Онъ попросилъ хозяйку дома представить меня великой княгинѣ, что она немедленно исполнила. Ея высочество отнеслась ко мнѣ весьма любезно; сказала мнѣ, что принцъ Августъ отзывался обо мнѣ весьма дружественно, и задала мнѣ вопросъ о моихъ отношеніяхъ къ виртембергской королевской семьѣ. Я понялъ, что ей было извѣстно изъ рассказовъ брата о моихъ брачныхъ предположеніяхъ, которыя были впоследствии оставлены.

— Вы жили въ Штутгартѣ, — сказала она, — и были знакомы съ королевской семьей.

«Я отвѣчалъ, не входя въ дальнѣйшія подробности, что я никогда не былъ въ Штутгартѣ, но что, въ бытность въ Италіи, участвовалъ въ спектаклѣ во французскомъ посольствѣ въ Римѣ, на которомъ присутствовалъ виртембергскій королевскій принцъ, которому я былъ представленъ, и что впоследствии, на водахъ въ Эксѣ, въ Савойѣ, я познакомился у баронессы де-Бурже съ одной изъ дочерей графа Александра Виртембергскаго.

«Заговоривъ о путешествіи принца - президента, она спросила меня, дѣйствительно ли въ провинціи оказывали ему такія восторженные встрѣчи, какъ говорилось въ газетахъ. Я отвѣчалъ, что всѣ частныя свѣдѣнія, полученныя мною, вполне согласуются съ тѣмъ, что сообщалось въ газетахъ, и что въ этомъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ принцъ путешествуетъ среди народа, которому наскучили революціи и который далъ ему власть, въ надеждѣ покончить съ ними. Великая княгиня выслушала меня внимательно и все время, пока я находился подлѣ нея, говорила со мною о президентѣ.

«Такимъ образомъ мы долго бесѣдовали о всѣхъ обстоятельствахъ

этого путешествія и говорили о рѣчи, съ которой принцъ обратился къ епископу Марсельскому. Великая княгиня сказала мнѣ, что она находитъ эту рѣчь весьма замѣчательной и прочувствованной.

«Когда я сказалъ ей, что президентъ человѣкъ выдающагося ума, но, прежде всего, добродѣтельный человѣкъ, который, искренно любя Францію, желаетъ ея славы и благоденствія, то она замѣтила:

— Если это такъ, то надобно желать, чтобы принцъ шелъ и впредь тѣмъ путемъ, который намѣченъ ему Провидѣніемъ.

«Великая княгиня была женщина выдающагося ума, но относилась не особенно сочувственно къ Франціи. Если кто-либо изъ женщинъ могъ имѣть вліяніе при русскомъ дворѣ, то несомнѣнно, она принадлежала къ числу этихъ лицъ; благодаря своимъ выдающимся качествамъ и своему образованію, она имѣла большое вліяніе на императора.

«12-го (24-го) августа я видѣлъ впервые императора Николая I на большомъ смотру въ Красномъ Селѣ.

«На парадѣ присутствовали императрицы, и всѣ великіе князья и великія княгини, за исключеніемъ герцога Лейхтенбергскаго, который былъ опасно боленъ. Среди великихъ князей находился старшій сынъ наследника цесаревича. Этотъ прелестный ребенокъ былъ одѣтъ гусаромъ, съ маленькимъ краснымъ ментикомъ на плечахъ. Его младшій братъ, одѣтый также въ военной формѣ, находился въ палаткѣ императрицы.

«Я помѣстился внизу у самой царской палатки, которая была раскинута на маленькомъ пригоркѣ и окружена толпой лицъ, желавшихъ полюбоваться зрѣлищемъ.

«Подвигаясь понемногу впередъ, я очутился, наконецъ, совсѣмъ близко къ лошади императора, возлѣ котораго находились его два младшихъ сына. Николай I стоялъ напротивъ императрицы, шагахъ приблизительно въ двадцати отъ нея, достаточно близко, чтобы перекинуться съ нею нѣсколькими словами, на которыя она отвѣчала ему кивкомъ головы.

— Посмотри, — сказалъ государь, обращаясь къ ней, — какъ солнце сверкаетъ на латахъ кавалергардовъ, которые приближаются къ намъ, чтобы пройти церемоніальнымъ маршемъ.

«Императоръ Николай былъ въ прусской лентѣ, въ честь присутствовавшего на смотру прусскаго королевскаго принца (впослѣдствіи императоръ Фридрихъ III); это былъ очень бѣлокурый, блѣдный молодой человѣкъ съ кроткимъ выраженіемъ лица. Его сопровождали генералъ Врангель, прусскій посланникъ Роховъ и Менсдорфъ.

«Я замѣтилъ во время смотра, что прусскій и австрійскій посланники находились все время подлѣ императора, который относился къ



нимъ, по обыкновенію, весьма благосклонно, такъ же точно, какъ и къ нѣмецкимъ офицерамъ, пріѣхавшимъ на маневры.

«Особенное отличіе было оказано генералу Гессе, начальнику штаба австрійской арміи, который былъ правою рукою генерала Радецкого. Я познакомился съ нимъ въ Миланѣ во время войны въ Ломбардіи; императоръ пожаловалъ ему алмазные знаки Александра Невского и подозвалъ его къ себѣ въ то время, когда передъ нимъ проходилъ полкъ, шефомъ котораго былъ австрійскій императоръ.

«Видя на красносельскихъ маневрахъ толпу иностранныхъ офицеровъ и въ томъ числѣ нѣсколько англичанъ, я сожалѣлъ о томъ, что тутъ не было представителя французской арміи. Если бы французскій военный министръ счелъ нужнымъ прислать нѣсколькихъ офицеровъ, то имъ былъ бы оказанъ наилучшій приемъ.

«До тѣхъ поръ только одни нѣмцы были предметомъ лестнаго вниманія со стороны императора, но я полагаю, что если бы въ Россіи чаще появлялись французскіе офицеры, то они сьумѣли бы вызвать къ себѣ симпатію и разсѣять существовавшее противъ нихъ предубѣжденіе.

«Разказы о разныхъ таинственныхъ и чудесныхъ происшествіяхъ и разные анекдоты имѣють большой успѣхъ въ Петербургѣ.

«Всевозможные разказы изъ жизни императора Николая составляютъ также излюбленную тему разговора.

«Вотъ одинъ изъ подобныхъ разказовъ, который я передаю здѣсь, такъ какъ онъ прекрасно рисуетъ характеръ императора, хотя случай, о которомъ будетъ рѣчь, произошелъ за нѣсколько лѣтъ до моего пріѣзда въ Петербургъ. Славившійся въ Парижѣ въ царствованіе короля Людовика-Филиппа актеръ театра «Варіете», Верне, даровитый и остроумный комикъ, пріѣхалъ въ Петербургъ. Встрѣтивъ его однажды во время прогулки, императоръ остановилъ его и, поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, спросилъ, какая пьеса идетъ въ тотъ день во французскомъ театрѣ.

— «*Ma femme et mon parapluie*» <sup>1)</sup>—отвѣчалъ Верне.

— А, прекрасно, я бы хотѣлъ, чтобы императрица видѣла эту хорошенькую пьесу; такъ до вечера, г. Верне.

Государь сѣлъ въ дрожки и поѣхалъ далѣе.

Верне, очень довольный этой встрѣчей, спѣшилъ домой, чтобы повторить свою роль, какъ вдругъ къ нему подошли два полицейскихъ и повели его въ участокъ, гдѣ, по правиламъ, онъ долженъ былъ отсидѣть сутки за то, что остановилъ императора и заговорилъ съ нимъ, не имѣя на это разрѣшенія.

<sup>1)</sup> „Моя жена и мой зонтикъ“.

Бѣдный Верне не зналъ, что думать; напрасно старался онъ объяснить, что онъ актеръ французскаго театра, что безъ него не можетъ состояться спектакль и, наконецъ, что императоръ самъ остановилъ его на Невскомъ; его не слушали и посадили подъ арестъ.

Въ восемь часовъ вечера, когда императоръ пріѣхалъ съ императрицею въ театръ, рассчитывая видѣть Верне, Гедеоновъ, директоръ театровъ, доложилъ ихъ величествамъ, что Верне въ театрѣ нѣтъ.

— Я посылалъ за нимъ, но неизвѣстно, куда онъ дѣлся; мы всѣ очень встревожены по этому поводу,

— Что вы говорите!—воскликнулъ императоръ,—я самъ встрѣтилъ его подъ вечеръ на Невскомъ, онъ былъ веселъ, какъ всегда, и видимо здоровъ; дайте сейчасъ же знать Дуббельту, пусть немедленно розыщутъ Верне.

Поспѣшно были наведены справки, и вскорѣ императору доложили о случившемся.

Освобожденный Верне сыгралъ свой водевиль при громкихъ аплодисментахъ всего театра, такъ какъ публика узнала о случившейся съ нимъ непріятности и сдѣлала ему овацію.

По окончаніи представленія, императоръ и императрица пожелали видѣть Верне; они хотѣли отъ него самого слышать о его приключеніи.

Императоръ извинился; передъ нимъ и сказалъ:

— Любезный Верне, какъ я могу загладить случившееся съ вами сегодня непріятное приключеніе?

— Ваше величество такъ милостивы ко мнѣ, что я уже вполне вознагражденъ. Я такъ тронутъ вниманіемъ вашего величества, что забылъ о случившемся и ни о чемъ не прошу ваше величество.

Императоръ настаивалъ; тогда Верне сказалъ:

— Ваше величество непремѣнно настаиваете, чтобы я просилъ у васъ какой-нибудь милости?

— Да, разумѣется,—прервалъ государь.

— Такъ я буду всенижайше просить одного: будьте такъ милостивы, не говорите со мною больше, когда вы встрѣтите меня на улицѣ.

Императоръ, императрица и вся царская фамилія отъ души посмѣялись надъ этой шуткой.

— Какой вы шутникъ,—сказалъ императоръ;—ну, такъ приходите ко мнѣ завтра въ Зимній дворецъ, къ 12 часамъ, тамъ вамъ не надобно бояться полицейскихъ.

Разумѣется, Верне явился къ назначенному часу. Императоръ долго бесѣдовалъ съ нимъ о новыхъ пьесахъ, которыя давались въ то время въ Парижѣ, а затѣмъ далъ ему великолѣпную табакерку со своимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами.

Это было въ 1840 году.

Послѣ отъѣзда изъ Петербурга генерала Кастельбажака, французское посольство состояло изъ графа Алоиза Рейневала, Камиля Дольфуса и автора настоящихъ записокъ.

«Рейневаль и Дольфусъ были добрые, умные, прекрасные товарищи,—говорить онъ. Каждый вечеръ, послѣ обѣда, мы отправлялись всѣ вмѣстѣ на острова, единственное пріятное мѣсто прогулки въ окрестностяхъ Петербурга.

«Однажды, на большомъ вечерѣ у англійскаго посланника, на которомъ присутствовалъ будущій вице-король Индіи, лордъ Напиръ, который былъ въ то время первымъ секретаремъ англійскаго посольства, сэръ Гамильтонъ Сеймуръ разсказалъ, что онъ получилъ въ то утро письмо отъ извѣстнаго ученаго Гумбольдта, который писалъ ему, что опыты съ вертящимися столами, о которыхъ начинали говорить, были произведены въ присутствіи короля прусскаго и удалены, къ великому испугу королевы, которой едва не сдѣлалось дурно. Гумбольдтъ совѣтовалъ Гамильтону Сеймуру продолжать то же въ семейномъ кругу. Изъ числа присутствующихъ одни вѣрили въ возможность этого явленія, другіе видѣли въ этомъ только легковѣріе или шарлатанство.

Было рѣшено произвести опытъ. Тотчасъ сняли коверъ, мужчины и дамы сѣли вокругъ стола, соприкасаясь руками и держа ихъ надъ столомъ. Леди Сеймуръ стояла между мною и Лемлеемъ, чиновникомъ, состоявшимъ при англійскомъ посольствѣ, Гертруда, дочь Сеймура,—между нимъ и отцомъ, ея сестра между отцомъ и мною. Никто изъ насъ не былъ способенъ къ обману. Мы смотрѣли другъ на друга съ улыбкою и ожидали, что будетъ дальше, готовые посмѣяться другъ надъ другомъ.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, намъ показалось, что столъ подъ нашими пальцами зашевелился; черезъ часъ столъ какъ бы ожилъ.

— Онъ шевелится!—воскликали одни.

— Это обманъ чувствъ,—говорили другіе.

Вдругъ столъ, какъ бы желая разсѣять всѣ наши сомнѣнія, выскользнулъ изъ подъ нашихъ рукъ, понесся по комнатѣ и завертѣлся. Мы были такъ поражены этимъ, что вскочили со своихъ мѣстъ и поспѣдовали за нимъ.

Лордъ Напиръ и г-жа Кнорингъ, присутствовавшіе при опытѣ, были удивлены не менѣе насъ.

Обѣ дочери Гамильтона ототупили въ испугѣ, одной изъ нихъ едва не сдѣлалось дурно. Вообще дамы были такъ напуганы, что намъ пришлось обратить все это въ шутку, чтобы успокоить ихъ.

Эта веселая, пріятная жизнь совершенно не соотвѣтствовала приближавшимся важнымъ событіямъ.

Еще два года передъ тѣмъ, въ 1850 г., былъ поднятъ восточный вопросъ.

Въ 1851 г., одинъ изъ будущихъ министровъ Наполеона III, Ту-венель, въ то время французскій посланникъ въ Мюнхенѣ, предостерегалъ по этому поводу французское министерство иностранныхъ дѣлъ.

— Я знаю Востокъ,—говорилъ онъ,—и утверждаю, что Россія не уступитъ. Это для нея вопросъ жизни или смерти; въ Парижѣ не должны забывать этого, если не хотятъ доводить дѣло до крайности.

Нѣсколько времени спустя онъ писалъ: «несмотря на увѣренія нѣкоторыхъ лицъ, даже въ Римѣ нѣтъ болѣе рѣчи о крестовыхъ походахъ; кромѣ латинскихъ монаховъ, проживающихъ въ Іерусалимѣ, никто не думаетъ о Святыхъ мѣстахъ, поэтому было бы гораздо благоразумнѣе не затѣвать объ нихъ спора».

Несмотря на эти благоразумные совѣты, французская и русская дипломатія вели въ Константинополѣ энергичную войну, которая обострялась съ каждымъ днемъ.

Положеніе дѣлъ во Франціи еще болѣе увеличивало затрудненія. Путешествіе президента по Франціи; восторгъ, съ которымъ его встрѣчали; рѣчь, сказанная имъ въ Бордо, во время которой онъ сказалъ знаменитыя слова «имперія это міръ» — все это предвѣщало перемѣну, которая въ Петербургѣ никого не удивила. Императору Николаю не понравилась сказанная принцемъ фраза: «когда Франція довольна, то Европа спокойна».

— Развѣ Франція считаетъ себя осью, на которой вертится міръ? — замѣтилъ на это государь.

Между тѣмъ, князь Шварценбергъ, говоря о Франціи, выразился приблизительно въ томъ же смыслѣ, но нѣсколько болѣе юмористично, сказавъ, что «когда у Франціи насморкъ, то Европа чихаетъ».

Эти и тому подобныя рѣчи волновали всѣхъ. Только Нессельроде относился спокойно къ событіямъ, происходившимъ во Франціи.

— Если принять во вниманіе всѣ обстоятельства, предвѣщающія войну въ Европѣ, то она весьма вѣроятна, — говорилъ онъ, — но, какъ человѣкъ практичный и опытный въ дѣлахъ, я не вѣрю въ возможность войны и думаю, что все обойдется спокойно.

Императоръ приказалъ Киселеву и нѣкоторымъ другимъ посланникамъ прибыть въ Петербургъ къ 4-му (16-му) октября 1852 г., когда государь и Нессельроде должны были возвратиться въ столицу; это связывали съ ожидавшейся въ декабрѣ мѣсяцъ перемѣной правительства во Франціи. Императоръ не хотѣлъ, чтобы его уполномоченный Киселевъ

находился въ это время въ Парижѣ, дабы онъ какимъ-нибудь поступкомъ или словомъ не предвѣщавшій будущее положеніе Россіи относительно новой имперіи, желая сохранить въ этомъ случаѣ полную свободу дѣйствій.

Что касается прочихъ посланниковъ, Мейендорфа и Северина<sup>1)</sup>, то императоръ вызвалъ ихъ, чтобы лучше знать настроеніе германскихъ дворовъ и разъяснить имъ образъ дѣйствій, котораго имъ надлежало держаться.

Благодаря счастливой случайности, какъ сказано выше, совершивъ часть путешествія въ Россію съ Сидовымъ, прусскимъ посланникомъ въ Баденѣ, я сошелся на пароходѣ съ наслѣднымъ принцемъ саксонскимъ Альбертомъ, съ принцемъ виртембергскимъ Августомъ, братомъ великой княгини Елены Павловны, и съ Роховомъ и Менсдорфомъ, изъ коихъ первый былъ уже много лѣтъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и былъ другомъ императрицы, съ которой онъ видѣлся нѣсколько разъ въ недѣлю; австрійскій же посланникъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся генераловъ австрійской арміи.

Во время путешествія люди сближаются и бесѣдуютъ откровеннѣе, нежели въ гостини; такимъ образомъ, я имѣлъ случай узнать мысли и предположенія, коими были заняты эти дипломаты.

Сѣверныя державы относились къ Франціи не особенно сочувственно. Къ ней питали скорѣе нѣкоторую боязнь и недовѣріе. Эти чувства проявлялись въ особенности въ ошибочной оцѣнкѣ ея политическаго положенія: президенту не отдавали должнаго за всѣ услуги, оказанныя имъ Европѣ до и послѣ переворота 2-го декабря.

Всѣ говорили приблизительно одно и то же:

— Мы преклоняемся предъ его твердостью и его храбростью; онъ спасъ Францію; но посмотримъ, какъ онъ будетъ держать себя по отношенію Европы!

Было грустно слышать, какъ несправедливо отзывались о принцѣ Наполеонѣ. Его заслуги по большей части никѣмъ не признавались. Никто не рѣшался выказать себя открыто врагомъ Франціи, но всѣ старались умалить значеніе главы государства, искажая его дѣйствія.

Въ Германіи говорили какъ бы умышленно только о русскомъ императорѣ, въ Россіи говорили только о Германіи; что касалось Франціи, то ея какъ будто не существовало. Ее признавали способной только защитить себя отъ вліянія социалистическихъ и революціонныхъ идей.

Но высокопоставленные лица были сдержаннѣе дипломатовъ и старались не выражать открыто своего несочувствія къ Франціи. У нихъ

<sup>1)</sup> Изъ Вѣны и Мюнхена.

было слишкомъ много такта и осторожности, чтобы высказать свои сокровенныя мысли. Они старались, напротивъ, скрыть ихъ изысканной вѣжливостью обхожденія и самыми лестными отзывами о принцѣ-президентѣ. Но по всему, о чемъ они умалчивали, легко можно было догадаться, что у нихъ было въ душѣ, и эта сдержанность служила доказательствомъ ихъ недружелюбія.

Говоря о принцѣ-президентѣ, императоръ Николай I-й отзывался о немъ всегда самымъ дружественнымъ образомъ, но вслѣдъ за любезными словами говорилаcь обыкновенно фраза, которая выдавала, помимо воли, его тревогу.

— Надобно,—говорилъ онъ,—чтобы принцъ не испортилъ своего положенія, чтобы онъ управлялъ страной и впредь благоразумно.

Истинный смыслъ этихъ словъ былъ тотъ, что президенту не слѣдовало, по его мнѣнію, и думать о перемѣнѣ образа правленія.

Эта мысль высказывалась яснѣе и откровеннѣе, можно сказать менѣе осторожно, другими лицами, которыя хотя и занимали видное положеніе, но не должны были соблюдать подобной осторожности. Я имѣлъ полное основаніе думать, что все то, что они высказывали по отношенію къ Франціи, дѣйствительно согласовалось въполнѣ съ намѣреніями императора, потому, что въ Петербургѣ, въ особенности въ высшихъ сферахъ, всѣ слишкомъ осторожны, чтобы высказать мысль, или чувства, не удостоверившись въ томъ, что она согласна съ мыслями и чувствами государя.

Съ самаго приѣзда своего въ Петербургъ, я старался разсѣять предубѣжденіе русскихъ противъ Франціи и въ особенности старался убѣдить дипломатовъ въ томъ, что принцъ-президентъ слишкомъ твердо и ясно понималъ свои права и свою силу, чтобы считать нужнымъ добиваться одобренія своихъ дѣйствій иностранными державами и, что ежели, повинувая желанію народа, онъ измѣнитъ форму правленія, то ему нечего будетъ опасаться.

Я еще не видалъ императора, который собирался на большія маневры въ Чугуевъ, но такъ какъ ему передавали все, что говорилось при дворѣ, то я былъ увѣренъ, что ему было извѣстно, въ какомъ смыслѣ я говорилъ съ великой княгиней Маріей Николаевной, которая очень интересовалась судьбою Франціи.

Хотя большинство русскихъ относилось къ намъ недоброжелательно, но нѣкоторые лица сочувствовали принцу-президенту и одобряли его дѣйствія, клонившіяся къ упроченію своей власти.

Вообще, въ высшемъ обществѣ къ намъ (французамъ) относились съ какою-то напускною вѣжливостью.

— Проживя въ Петербургѣ девять лѣтъ, чувствуешь себя здѣсь

столь же чужимъ, какъ въ первый день прїѣзда, — говорили мои сотоварищи.

Я старался держать себя какъ можно осторожнѣе, но при всякомъ удобномъ случаѣ подготавливалъ умы къ событію, которое становилось день-отъ-дня болѣе вѣроятнымъ, и въ особенности старался разъяснять, какія выгоды оно могло принести не только Франціи, но и всей Европѣ.

Я не разъ имѣлъ случай наблюдать, что чѣмъ болѣе почестей оказывали принцу во Франціи, тѣмъ благосклоннѣе относилось къ нему общественное мнѣніе въ Россіи. Я даже удивлялся тому, съ какой быстротой совершалось это превращеніе. Мнѣ вскорѣ уже не приходилось выслушивать за спиною тѣ оскорбительныя отзывы, которые задѣвали меня въ первые дни по прїѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Тонъ, какимъ говорили о Франціи, измѣнился и сталъ серьезнѣе; мнѣ случалось даже слышать, какъ иные спорили о томъ, какое имя приметъ принцъ вступивъ на престолъ.

На этотъ случай императоромъ Николаемъ уже были сдѣланы соотвѣтственныя распоряженія.

Повѣренному въ дѣлахъ Россіи въ Парижѣ, замѣнявшему генерала Киселева на время его отсутствія, въ случаѣ полученія имъ официальнаго сообщенія о возстановленіи имперіи, было приказано отвѣчать, что онъ долженъ снестись по этому поводу съ графомъ Нессельроде.

Когда я спросилъ однажды Сенявина <sup>1)</sup>, какъ долго пробудетъ Киселевъ, то онъ отвѣтилъ мнѣ довольно рѣзко:

— Почему я знаю!

Этотъ отвѣтъ и выраженіе, съ какимъ были сказаны эти слова, были весьма не успокоительны.

Когда я жаловался ему, по поводу дня ангела президента, на нелюбезность, съ какою отнесся къ этому дню московскій губернаторъ, то онъ отвѣчалъ, что передать объ этомъ императору, когда онъ вернется, но при этомъ повторилъ то, что я слышалъ отъ него уже неоднократно:

«Что 3-го (15-го) августа не было днемъ ангела принца, ибо, судя по газетамъ, онъ праздновалъ день св. Людовика въ Сентъ-Клу 13-го (25-го) числа».

— Впрочемъ, — присовокупилъ онъ, — это еще выяснится, до будущаго года еще далеко.

Я не настаивалъ, а сказалъ только, что мы будемъ праздновать тезоименитство главы государства, когда и какъ намъ вздумается, какъ

---

<sup>1)</sup> Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ.

это дѣлають прочія миссіи относительно тезоименитствъ своихъ монарховъ.

Я считалъ необходимымъ подчеркнуть нашу самостоятельность.

Не смотря на благосклонность, съ какою императоръ Николай I-й относился къ генералу Кастельбажаку, положеніе представителей Франціи въ Петербургѣ было не изъ легкихъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ нѣсколькимъ французамъ, прибывшимъ въ Кронштадтъ безъ паспортовъ, не только не было дозволено высадиться на берегъ, но ихъ выпроводили оттуда самымъ грубымъ образомъ.

Когда я встрѣтился впервые съ канцлеромъ, графомъ Нессельроде, то онъ обошелся со мною весьма любезно.

— Я очень люблю молодыхъ дипломатовъ,—сказалъ онъ.

Я постарался доказать ему, при первомъ удобномъ случаѣ, что, не смотря на свою молодость, я могъ быть твердъ.

Одинъ французъ, служившій у банкира Штиглица, былъ посаженъ въ тюрьму въ Кронштадтѣ. Узнавъ, что единственной его виною было то, что онъ ухаживалъ за одной изъ женскихъ прислугъ барона и что онъ былъ арестованъ только изъ угодливости полиціи къ Штиглицу, я отправился немедленно къ генералу Дуббельту съ просьбою выпустить его на свободу.

Генералъ Дуббельтъ встрѣтилъ меня преувеличенно любезно; я сказалъ ему, что прежде чѣмъ пожать протянутую имъ руку, я хочу знать, какъ онъ намѣренъ поступить по отношенію къ одному изъ моихъ соотечественниковъ, который неправильно арестованъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я заявилъ ему, что французское посольство не допустить, чтобы съ французскимъ подданнымъ обходились, какъ съ мужикомъ, и что я требую, чтобы онъ былъ освобожденъ въ тотъ же день.

Генералъ Дуббельтъ сталъ извиняться и обѣщалъ немедленно сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе, что и было имъ исполнено.

Всякій разъ, когда я встрѣчался съ графомъ Нессельроде, онъ говорилъ со мною самымъ естественнымъ и непринужденнымъ образомъ о Франціи, но упоминалъ о событіяхъ вскользь, тщательно избѣгая всякаго разговора, который могъ коснуться вопроса о возстановленіи имперіи. Однако, когда было получено извѣстіе о рѣчи, произнесенной принцемъ въ Бордо, онъ отозвался о ней одобрительно, отмѣтивъ, что она подавала надежду на миръ. Затѣмъ, впадая въ болѣе откровенный тонъ, онъ сталъ рассказывать съ увлеченіемъ о времени, которое онъ провелъ въ Парижѣ, состоя при русскомъ посольствѣ, когда онъ зналъ королеву Гортензію и принца Людовика-Наполеона въ дѣтствѣ.

Во Франціи событія быстро шли впередъ. 26-го сентября (8-го октября) генералъ Кастельбажакъ писалъ мнѣ съ юга Франціи:



«Я хочу вамъ сказать, что я видѣлъ своими собственными глазами и слышалъ своими собственными ушами то, чего я никогда не видалъ и не слыхалъ до сихъ поръ въ нашихъ южныхъ городахъ, ни въ одну изъ политическихъ эпохъ; нѣтъ возможности представить себѣ неистовый восторгъ народа во время проѣзда принца-президента.

«Въ Тулузѣ, послѣ военнаго смотра, произошелъ, какъ здѣсь говорятъ, «гражданскій смотръ»; со всѣхъ городовъ департамента сбѣжалось все населеніе, каждая община со своимъ значкомъ, изъ коихъ на большинство находятся еще гербы прежнихъ владѣльцевъ, что, согласитесь сами, очень оригинально въ настоящее время. Эта огромная, стотысячная толпа прошла передъ принцемъ, крича неистово: «да здравствуетъ императоръ!» Эти слова были начертаны у всѣхъ на шляпахъ. На улицахъ города, украшенныхъ флагами и усыпанныхъ цвѣтами, раздавались тѣ же крики, былъ замѣтенъ такой же энтузіазмъ. Среди этой взволнованной толпы принцъ былъ все также спокоенъ, даже меланхоличенъ; онъ не отталкивалъ толпу, но старался успокоить ее.

«Я всегда думалъ и теперь вполне увѣренъ въ томъ, что во Франціи существуетъ только два политическихъ теченія: монархическіе принципы въ пользу принца Людовика-Наполеона и социалистическіе, варварскіе, дѣйствующіе подъ знаменемъ Ледрю Роллена К°. Первое изъ этихъ теченій, проложившее себѣ глубокое русло, увлекаетъ въ настоящую минуту все и всѣхъ къ имперіи: если имъ не воспользуются, то опасные элементы общества отдѣлятся и направятся къ демагогическому потоку; тогда не будетъ достаточно могучей плотины, которая бы могла сдержать его.

«Вотъ, дорогой графъ, что должны хладнокровно обсудить, въ интересахъ монархическаго будущаго, консерваторы и всѣ европейскіе монархи. Да просвѣтитъ ихъ Господь и да избавитъ Онъ насъ отъ новыхъ революцій!»

19-го (31-го) октября у меня обѣдалъ Киселевъ, который былъ со мною въ высшей степени любезенъ.

—Я видѣлъ императора только третьяго дня въ Царскомъ Селѣ,—сказалъ онъ,—и нашелъ, что онъ такъ сочувственно относится къ президенту, что мнѣ не пришлось даже высказать ему тѣ похвалы, какія я предполагалъ. Онъ отозвался о его высочествѣ въ столь лестныхъ выраженіяхъ, что мнѣ оставалось только слушать его. Вамъ извѣстно, что на слова императора можно положиться, онъ всегда чистосердеченъ и держитъ свое слово. Императоръ настроенъ такъ доброжелательно, что надобно полагать, что все уладится. Но слѣдуетъ избѣгать того, что могло бы оскорбить его. Успѣхъ дѣла будетъ зависѣть отъ того, какъ оно будетъ представлено и какъ оно будетъ возвыщено. Державы, какъ вамъ из-

вѣстно, связаны договорами и принципами, которые были ими провозглашены. Надобно постараться не дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя были сдѣланы при вступленіи на престолъ короля Людовика-Филиппа и которыя чрезвычайно взволновали русское правительство. Надобно найти средство примирить всѣ требованія, а не говорить: «дѣло сдѣлано; съ этимъ надобно помириться».

Когда я спросилъ его, что онъ подразумѣваетъ подъ словами «средство примирить всѣ требованія», то онъ отвѣчалъ, что въ Парижѣ навѣрно счумѣютъ найти самыя подходящія выраженія, чтобы не напугать Европу, извѣщая ее о столь важномъ событіи.

Этотъ разговоръ, который велся съ большими недомолвками, кончился, по моему мнѣнію, лишь къ тому, чтобы дать мнѣ понять, что Россія признаетъ совершившійся фактъ, лишь бы новый императоръ, вступивъ на престолъ, заявилъ опредѣленно, что онъ признаетъ всѣ статьи договора 1815 г., коими были опредѣлены настоящія границы европейскихъ государствъ.

Высказавъ Киселеву, какъ мнѣ было радостно слышать о столь благоприятномъ настроеніи императора, я сказалъ, что такъ какъ оба наши государства преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, т. е. благо народа, порядка и устойчивость договоровъ, то намъ нетрудно будетъ придти къ соглашенію и дѣйствовать во всемъ совмѣстно.

Киселевъ закончилъ нашъ разговоръ, сказавъ:

—Мнѣ было бы очень пріятно повторить все сказанное мною г. Друэнъ-де-Люису, такъ какъ я люблю Францію, гдѣ я такъ долго жилъ, поэтому я такъ желаю избѣжать всего, что могло бы нарушить добрыя отношенія между обѣими державами.

Одинъ изъ моихъ друзей, состоявшій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, писалъ мнѣ изъ Парижа 3-го (15-го) октября 1852 г.:

«Дѣлая министру докладъ о своемъ путешествіи въ Петербургъ, Фрезальсъ сказалъ, что онъ не можетъ пройти молчаніемъ, до какой степени онъ былъ удивленъ вашимъ положеніемъ въ Россіи.

«Д. Андре встрѣтилъ вчера Куракина, который, не смотря на отпускъ, взятый Киселевымъ, отзывается въ весьма благоприятномъ смыслѣ объ имперіи».

Фрезальсъ, о которомъ идетъ рѣчь, писалъ мнѣ въ тотъ же день:

«Пріѣхавъ въ министерство, я постарался прежде всего повидать г. Друэнъ-де-Люиса. Въ нашихъ бесѣдахъ съ его превосходительствомъ рѣчь часто заходила о васъ. Нѣтъ надобности говорить, что я распространялся по поводу того, какъ прекрасно ваше положеніе въ Петербургѣ.

«Президентъ возвращается въ Парижъ завтра, и ему готовятъ великолѣпный пріемъ. Поговариваютъ о созывѣ чрезвычайнаго засѣданія сената для провозглашенія имперіи.

«Вообще, это событіе не заставитъ себя долго ожидать, и я не удивлюсь, если вы узнаете о немъ съ однимъ изъ слѣдующихъ курьеровъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).



**Письмо А. Н. Оленина къ М. М. Сперанскому, по поводу проекта гражданскаго уложенія.**

---

Учрежденная при императорѣ Александрѣ I коммиссія составленія законовъ внесла въ 1814 году на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проекты всѣхъ трехъ частей гражданскаго уложенія, составленные еще подъ руководствомъ Сперанскаго. Разсмотрѣніе этихъ проектовъ совѣтомъ въ 1814—1815 годахъ вызвало много возраженій со стороны адмираловъ Шишкова, Мордвинова, князя Лопухина и въ особенности Трошинскаго, тогда министра юстиціи, который находилъ весь проектъ гражданскаго уложенія испорченнымъ переводомъ кодекса Наполеона.

Государственный Совѣтъ возвратилъ всѣ проекты уложенія обратно въ коммиссію составленія законовъ, находя невозможнымъ ихъ разсматривать безъ помощи свода законовъ. Позднѣе Сперанскій, по возвращеніи своемъ изъ Сибири, призванный въ 1821 году къ разсмотрѣнію трудовъ коммиссіи составленія законовъ, обратился къ А. Оленину, — въ то время статсъ-секретарю департамента законовъ, — съ просьбою прислать ему изъ архива Государственнаго Совѣта бумаги и журналы по пересмотру гражданскаго уложенія въ 1814—1815 годахъ. Препровождая ихъ, Оленинъ писалъ Сперанскому 30-го октября 1821 года:

«Сія любопытная часть дѣяній верховнаго совѣщательнаго сословія, установленнаго для исправленія законовъ и разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ мѣръ, нынѣ, по новому ходу дѣлъ, нѣсколько отступившаго отъ сей полезной цѣли, можетъ доказать, существомъ содержащихся въ оной (т. е. книгѣ журналовъ Совѣта) преній о проектѣ гражданскаго уложенія, сколь далеко могутъ увлекаться отъ настоящаго предмета даже и весьма умные люди, когда они руководствуются однимъ только долговременнымъ навыкомъ. Сіи, впрочемъ, опытные мужи, утраченные, частію и не безъ причины, превратностію и дерзновеніемъ мыслей и замысловъ нынѣшняго времени, опасаются встрѣтить даже и въ самыхъ искреннихъ желаніяхъ лучшаго устройства въ управленіи,

какія-нибудь тайныя намѣренія, клонящіяся по ихъ мнѣнію къ ниспроверженію стараго порядка. Сей страхъ дѣйствуетъ въ нихъ такъ сильно, что они въ существующемъ порядкѣ никакихъ недостатковъ не видятъ, хотя онъ уже давно отъ времени и отъ разныхъ обстоятельствъ пришелъ въ совершенный упадокъ и запутанность. Слѣдовательно, оный и требуетъ, а особливо нынѣ, только общаго исправленія, а не общаго измѣненія, какъ многіе таковымъ почитаютъ всякое отмѣненіе или пополненіе закона, часто необходимое по времени и обстоятельствамъ.

«Въ семъ-то видѣ испроверженія коренныхъ нашихъ законовъ и измѣненія оныхъ совершенно новымъ былъ принятъ нѣкоторыми изъ гг. членовъ Совѣта проектъ гражданскаго уложенія. Малый форматъ книги, въ коей сей проектъ заключается, показался имъ весьма сомнительнымъ. Люди, привыкшіе съ самыхъ юныхъ лѣтъ видѣть, что даже и не полное собраніе существующихъ у насъ гражданскихъ законовъ составляетъ не маловажное число бумажныхъ, рукописныхъ кипъ или десятковъ и болѣе печатныхъ томовъ въ листъ и въ четвертку, крайне были удивлены и даже, такъ сказать, испуганы, когда объявлено было, что вся масса законовъ заключается въ одной книжкѣ, напечатанной для удобства формата въ восьмушку и довольно крупнымъ шрифтомъ на 248 страницахъ. Въ самомъ дѣлѣ, по долговременной привычкѣ видѣть огромныя кипы существующихъ законовъ трудно имъ было вдругъ постигнуть и убѣдиться въ томъ, что, отбросивъ изъ оныхъ все то, что въ нихъ составляетъ обыкновенную форму предисловія, объясненія, повѣствованія и общепринятаго Сенатомъ заключенія при изданіи оныхъ, также встрѣчающіяся иногда въ нихъ повторенія, что за отдѣленіемъ всѣхъ таковыхъ излишествъ при составленіи полнаго и систематическаго уложенія, самое существо закона содержится обыкновенно въ нѣсколькихъ строкахъ, и потому какъ гражданское уложеніе, такъ и всѣ другія коренныя узаконенія во всей ихъ полнотѣ могутъ быть весьма удобно помѣщены въ маломъ числѣ небольшихъ печатныхъ книгъ. Вотъ, что было весьма трудно и почти невозможно доказать безъ цѣлаго собранія или свода существующихъ узаконеній, расположенныхъ по порядку статей проекта гражданскаго уложенія. Вотъ почему большая часть членовъ согласилась требовать таковой сводъ для совокупнаго разсмотрѣнія со статьями проекта гражданскаго уложенія и для повѣрки оныхъ.

«Вотъ, что при изданіи сего проекта въ видѣ настоящаго уложенія казалось необходимо нужнымъ для удостовѣренія въ томъ, что въ немъ нѣтъ ничего вновь выдуманнаго и ничего другаго не исключено изъ существующихъ законовъ, кромѣ того, что по времени и обстоятельствамъ сдѣлалось уже неудобноисполнимымъ или составляло одни повторенія, либо заключало обстоятельства, до самаго существа законовъ не

касающіяся и, наконецъ, для убѣжденія въ томъ, что существо законовъ въ новомъ уложеніи вполнѣ выписано и хотя въ самомъ краткомъ, однако же въ весьма ясномъ видѣ расположено по порядку предметовъ, для правильного руководства въ производствѣ дѣлъ и для возможной извѣстности законовъ, какъ самимъ тяжущимся или подсудимымъ, такъ и судьямъ, къ уменьшенію ябедъ, поборовъ и взятокъ.

«Вотъ, милостивый государь, что я долгомъ почелъ донести вашему превосходительству, при доставленіи требованныхъ вами бумагъ. Я поставилъ это себѣ въ обязанность, какъ бывшій производитель при началѣ пересмотра гражданскаго уложенія въ 1814 и 1815 годахъ и какъ нынѣшній статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ.

«Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Оленинъ».

Сообщ. П. М. Майковъ.



**РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1903 г.**  
**ТОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.**  
**АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.**

---

**Записки и Воспоминанія.**

**СТРАН.**

- I. Записки Н. Г. Залѣсова. Сообщ. Н. Длуская. . . . . 41—64, 267—289, 527—542  
II. Изъ прошлаго. Затишье. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. П. Д. Паренсова. . . . . 65—75, 291—302  
III. Записки Э. И. Стогова . . . 117—141, 307—330  
IV. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева . . . . . 189—207  
V. Воспоминанія бывшаго гвардейскаго офицера. Кн. А. П. Вадбольскаго . . . . 543—551  
VI. Изъ воспоминаній Г. И. Мѣшкова. . . . 555—572  
VII. Графъ Рейзетъ въ Россіи въ 1852—1854 гг. (извлеченіе изъ его воспоминаній) . . . 697—713
- 

**Портреты.**

- I. Портретъ Н. Г. Залѣсова.  
(При 4-ой книгѣ).  
II. Портретъ В. Н. Троицкаго.  
(При 5-ой книгѣ).  
III. Портретъ Священника Никифора Мурзакевича.  
(При 6-ой книгѣ).
-

**Исследования.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Раз-  
сказы, матеріалы и замѣтки.**

	СТРАН.
I. Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ. Н. Дубровина . . . . .	5—27
II. Неизданное стихотвореніе В. А. Жуковскаго це- саревичу Александру Николаевичу. Сообщ. И. А. Бычковъ . . . . .	28
III. Сперанскій въ 1808—1811 г. (Изъ бумагъ ака- демика А. Θ. Быčkova). Сообщ. И. А. Бычковъ . . . . .	29—40
IV. Посланіе бывшимъ кадетами, въ 171-ю годов- щину основанія 1-го кадетскаго корпуса. 17-го февр. 1903 г. А. С—ва . . . . .	76
V. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ ве- ликимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павлови- чамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ . . . . .	77—97, 583—601
VI. Письмо Н. М. Карамзина къ Н. Я. Плюсковой. 25-го мая 1820 г. Сообщ. И. А. Бычковъ . . . . .	98
VII. Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 г. И. И. Орловскаго . . . . .	99—116 331—349, 573—582
VIII. Запрещеніе устраивать императору встрѣчи. 1-го сентября 1801 г. . . . .	142
IX. Къ біографіи Н. М. Языкова. В. Шенрока . . . . .	143—153
X. Увѣковѣченіе памяти кн. Репнина. 12-го іюля 1801 года . . . . .	154
XI. Марина Мнишекъ и шахъ Аббасъ II. Георгія Синюхаева . . . . .	155—161
XII. Объ оставленіи цензора С. Н. Глинки въ маіор- скомъ чинѣ. 6-го іюля 1828 г. Сообщ. Г. К. Рѣ- пинскій . . . . .	162
XIII. Цензура въ царствованіе императора Николая I. . . . . .	163—182 379—396, 643—671
XIV. Четыре письма Владиміра Ѳедосеевича Раевского къ сестрѣ его В. Ѳ. Поповой. Сообщ. Влад. Раевскій . . . . .	183—188
XV. Дурная постройка Одесскаго чумнаго карантин- наго квартала и ея послѣдствія. 4-го іюля 1828 г. . . . .	208
XVI. Россія и папскій престолъ. 1580—1601 г.г. Извле- ченіе изъ сочиненія П. Пирлинга. В. В. Тимо- шукъ . . . . .	209—240, 443—466
XVII. Виталій Николаевичъ Троцкій. (Біографич. очеркъ). В. Т. Судейкина . . . . .	241—259
XVIII. Замѣчаніе Сенату. Высочайшій указъ министру юстиціи 29-го іюля 1821 г. . . . .	260
XIX. Пять писемъ И. А. Аксакова къ К. Ѳ. Головину. XX. П. А. Валуевъ о Петрѣ Великомъ. Письмо П. А. Валуева къ А. Г. Тройницкому. 10-го марта 1864 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій . . . . .	261—266 290



	СТРАН.
XXI. Письмо П. Пирлинга о Маринѣ . . . . .	303—305
XXII. Изъ старинныхъ обычаевъ въ гор. Саратовѣ. Сооб- щилъ А. Н. Минхъ. . . . .	306
XXIII. Маршрутъ для путешествія М. М. Сперанскаго. Письмо графа М. С. Воронцова М. М. Сперан- скому. 28-го мая 1823 г.. . . . .	350
XXIV. Посылка Тадеуша Вылежинскаго въ Петербургъ въ 1830—1831 г.г. Г. А. Воробьева . . . . .	351—361
XXV. Послѣдствія посѣщенія столицы для двухъ евре- евъ. Сообщ. Алексѣй Мердеръ . . . . .	362
XXVI. Празднованіе столѣтія Петербурга. Сообщ. В. Срезневскій . . . . .	363—378
XXVII. Письма В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ. . . . .	397—415
XXVIII. Плоцкая Русская публичная библіотека . . . .	416
XXIX. Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ раз- ными лицами . . . . .	417—442, 673—696
XXX. Изъ дневника П. Г. Дивова . . . . .	467—478
XXXI. Современное стихотвореніе на кончину импера- трицы Маріи Ѳеодоровны . . . . .	479—480
XXXII. Декабристы на Кавказѣ. Е. Вейденбаума . . . .	481—502
XXXIII. Великій князь Александръ Павловичъ и А. А. Аракчеевъ (ихъ переписка). Сообщ. Н. Д. . . . .	503—525
XXXIV. Подарокъ москвичей князю Волконскому по слу- чаю привезеннаго имъ извѣстія о вступленіи на престолъ императора Петра III. Указъ ген.-по- ручнику и камергеру графу Ивану Воронцову. 30-го января 1762 г. . . . .	526
XXXV. Высочайшій выговоръ за небрежность. Циркуляръ управляющаго министерствомъ юстиціи прокуро- рамъ. 31-го января 1828 г. Сообщ. Г. К. Рѣ- пинскій. . . . .	552
XXXVI. М. Р. Шидловскій (по поводу оперы «Псковы- тянка»). П. Д. Стремоухова . . . . .	553—554
XXXVII. Перемѣна политики съ Франціею. Указъ с.-пе- тербургскому военному губернатору ген.-отъ- инфант. Голенищеву-Кутузову. 27-го августа 1801 г. . . . .	602
XXXVIII. П. А. Каратыгинъ и его ученики по сценѣ: Мар- тиновъ и Максимовъ. В. И. Шенрока . . . . .	603—623
— XXXIX. Учрежденіе Сибирскаго комитета. 28-го іюля 1821 г. . . . .	624
XL. Встрѣча съ А. В. Сухово-Кобылинымъ. Конст. Ходнева . . . . .	625—628
XLI. Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ. И. Кубасова. . . .	629—642
XLII. Мистическое письмо Е. Головина А. Х. Бен- кендорфу. 18-го іюня 1831 г. . . . .	672

XLIII. Письмо А. Н. Оленина къ М. М. Сперанскому по поводу проекта гражданского уложенія. Сообщ. П. М. Майковъ . . . . .	714—716
XLI. Систематическое оглавленіе 114-го тома . . . . .	717—720

### Библиографическій листокъ.

1. Великій князь Николай Михайловичъ Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817) Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1903 г. — Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ апрѣльской книги).
2. Главное Инженерное управленіе. Ч. I. Царствованіе императора Александра I. Вып. I. Инженерное управленіе и его средства. Историческій очеркъ (въ т. VII „Столѣтіе военнаго министерства“, 1802 — 1902 г.). Спб. 1902 г.—Л. В. Евдокимова (на оберткѣ майской книги).
3. Тюмень въ XVII столѣтіи. Собраніе матеріаловъ для исторіи города съ „введеніемъ“ и заключительной статью прив.-доц. И. М. Головачева: „Экономическій бытъ Тюмени въ XVII в.“; съ приложеніемъ плана старинной Тюмени и 2 видовъ Благовѣщенскаго собора начала XVII в. Изд. А. И. Чукмадиной. Москва. 1903 г.—Н. И. Кашкадамова (тамъ же).
4. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ. Томъ 4-й. Составленъ кн. П. В. Чегодаевымъ, кн. Татарскимъ (гл. I—III) и Н. А. Кислинскимъ (гл. IV и V), подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Изданіе Комитета Министровъ. С.-Петербургъ. 1902 г.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ іюньской книги).
5. „Старина русской земли“. Первая книга для чтенія по отечественной исторіи. I. Древняя Русь. Составили В. Соколовъ и В. Хитровъ. Москва 1903 г. Цѣна 85 к.—Его же (тамъ же).

за границы необходимые для устройства линий паровозы, тендеры, вагоны, рельсы, скрепления, тугоуты и желѣзо для постройки мостовъ и вообще всѣ металлическія принадлежности, нужныя для оборудованія каждой данной линіи. Для того, чтобы облегчить компаніямъ обезпеченіе рельсами и подвижнымъ составомъ, правительство рѣшилось допустить къ привозу всѣ желѣзнодорожныя принадлежности безпошлинно, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что въ настоящемъ случаѣ всѣ другіе интересы должны были уступить мѣсто одному—главнѣйшему: созданію рельсовой сѣти.

Съ восшествіемъ на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича дѣло нашего желѣзнодорожнаго строительства, получившее новый толчекъ еще въ 1891 г., вслѣдствіе принятаго правительствомъ рѣшенія строить Сибирскую дорогу и образованія нѣсколькихъ крупныхъ частныхъ компаній для сооруженія рельсовыхъ путей въ Европейской Россіи,—достигло кульминаціоннаго пункта своего развитія. За все время существованія русскихъ желѣзныхъ дорогъ не наблюдалось столь быстрого и послѣдовательнаго роста нашей рельсовой сѣти, какъ за пятилѣтіе 1895—1899 гг.: въ теченіе этого періода времени разрѣшено и обезпечено постройкою 14.836 верстъ желѣзныхъ дорогъ, не считая Великаго Сибирскаго пути, протяженіемъ свыше 7.000 верстъ.

Официальныя статистическія свѣдѣнія за десятилѣтіе 1890—1899 гг. показываютъ, что максимальная цифра привоза къ намъ изъ-за границы стальныхъ рельсовъ падаетъ на 1895 г. и составляетъ 1.157.000 пудовъ; между тѣмъ отечественныя сталелитейныя заводы въ томъ же году выработано 18.448.122 пуда такихъ же рельсовъ. Въ послѣдніе два года этого десятилѣтія производительность нашихъ сталелитейныхъ заводовъ возросла до 32.000.000 п., ввозъ же стальныхъ рельсовъ сократился: въ 1898 г. до 731.000, а въ 1899 г.—до 507.000 пудовъ, т. е. равнялся всего 2,3—1,7% выдѣланнаго внутри страны количества рельсовъ.

Дѣятельность русскихъ паровозостроительныхъ заводовъ можно также считать успѣшною: изъ 5.196 локомотивовъ, поставленныхъ на русскія желѣзныя дороги въ теченіе девятидесятихъ годовъ истекшаго столѣтія, только 826 штукъ, или около 16%, были заказаны за границей, а остальные сооружены на нашихъ заводахъ.

Изготовленіе вагоновъ и платформъ, которое уже значительно ранѣе получило у насъ весьма замѣтное развитіе, продолжало держаться на должномъ уровнѣ и при усилившемся требованіи на подвижной составъ: это подтверждается цифровыми данными о привозѣ къ намъ вагоновъ изъ-за границы за то же десятилѣтіе 1890—1899 гг.

Въ пятой и, заключительной главѣ, подробно выясняется вліяніе желѣзныхъ дорогъ на состояніе главнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства въ Россіи.

Въ приложеніяхъ, въ концѣ книги, помѣщены: 1) Личный составъ Соединеннаго Присутствія Комитета Министровъ и Департамента Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта съ 1891 по 1902 г., 2) Списокъ желѣзныхъ дорогъ, разрѣшенныхъ къ постройкѣ въ 1895—1902 гг., 3) Карты желѣзнодорожныхъ сообщеній къ концу 1902 г.: а) Европейской Россіи и б) Азиатской Россіи и 4) Указатели: а) личныхъ именъ и б) желѣзнодорожныхъ линій, упоминаемыхъ въ I—IV томахъ очерка.  
Н. К-ш-ъ.

«Старина русской земли». Первая книга для чтенія по отечественной исторіи. I. Древняя Русь. Составили В. Соколовъ и В. Хитровъ. Москва 1903 г. Цѣна 85 к.

Нельзя не приветствовать появленіе книги подъ выше названнымъ заглавіемъ: она въ достаточной мѣрѣ восполняетъ пробѣлы, наблюдаемый въ нашей учебной исторической литературѣ.

Это не простой сборникъ отдѣльныхъ разсказовъ, которые могутъ знакомить читателя только съ нѣкоторыми моментами нашей исторіи; въ книгѣ этой дана цѣльная картина прошлаго нашего отечества (до половины XV вѣка) съ соблюденіемъ хронологической послѣдовательности между событіями и съ выясненіемъ внутренней связи между ними.

Чтобы сдѣлать матеріалъ сборника наиболѣе нагляднымъ, доступнымъ и интереснымъ, составители въ своемъ изложеніи строго держатся первоисточниковъ, сохраняя по возможности ихъ духъ и простоту языка. Дѣйствительно, что можетъ быть живописнѣе и убѣдительнѣе, какъ не передача событія словами современника-очевидца или древняго лѣтописца?

Для болѣе живаго воспроизведенія минувшаго, въ сборникѣ помѣщены поэтическія созданія народнаго творчества: легенды, сказанія, пѣсни, пословицы.

Всякій согласится, что историческое повѣствованіе, оживленное подобнымъ матеріаломъ, еще болѣе сблизитъ и породнитъ читателя съ его прошлымъ, дастъ ему живо почувствовать и полюбить родную старину, вѣстѣ съ тѣмъ будетъ пробуждать въ немъ чувство національнаго самосознанія, уваженія и любви къ своему отечеству и предкамъ, для него потрудившимся.

Если принять во вниманіе совпаденіе основній, принятыхъ при составленіи сборника, съ требованіями, объявленными министерствомъ народнаго просвѣщенія, то можно быть увѣренными, что книга гг. Соколова и Хитрова, при весьма доступной цѣнѣ, послужитъ хорошимъ пособіемъ при преподаваніи русской исторіи въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Отсутствіе иллюстрацій нисколько не умаляетъ достоинствъ разсматриваемой нами книгѣ: лучше не давать никакихъ рисунковъ, чѣмъ заполнять страницы текста плохими, всѣмъ надѣвшимися иллюстраціями, какія зачастую встрѣчаются во многихъ изданіяхъ послѣдняго времени.  
Н. Кашкадомовъ.



ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

# РУССКАЯ СТАРИНА

## 1903 г.

### ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К<sup>о</sup>), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

**Гг. Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

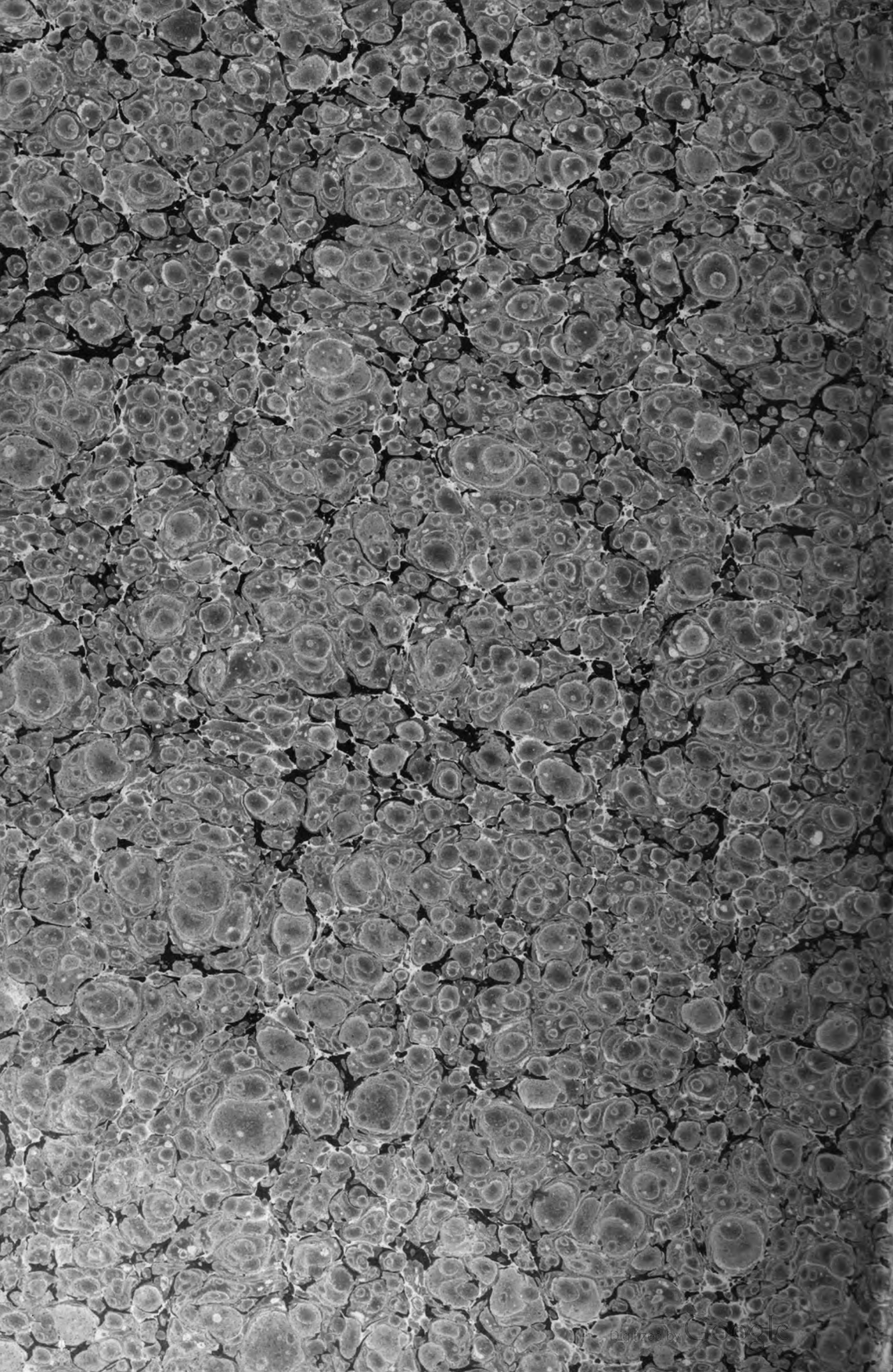
Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.











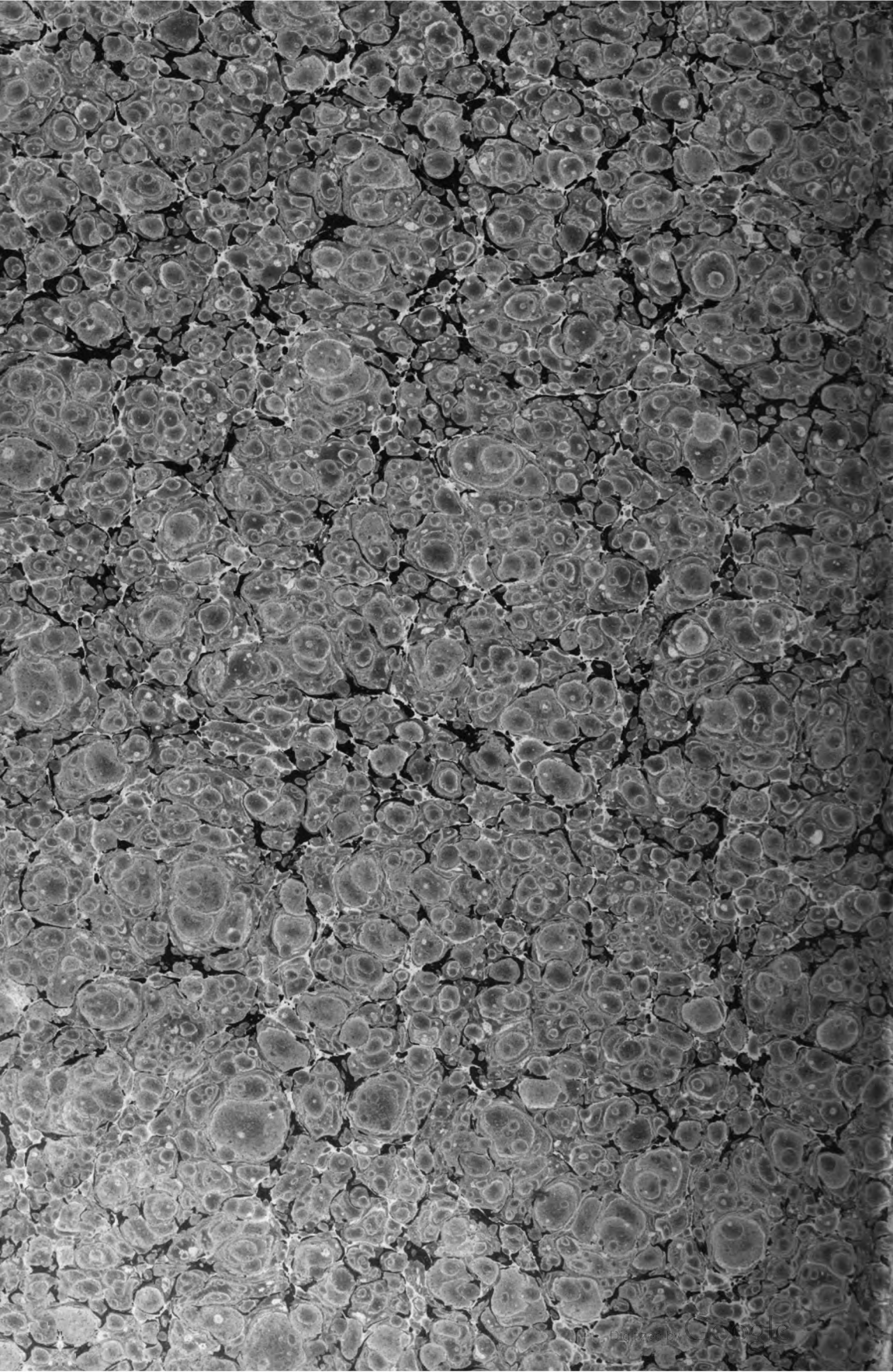




3 0000 108 521 026

**DO NOT REMOVE  
SLIP FROM POCKET**

DEMCO





3 0000 108 521 026

**DO NOT REMOVE  
SLIP FROM POCKET**

DEMCO



